

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

Диалог культур в условиях глобализации

XII Международные Лихачевские научные чтения
17–18 мая 2012 года

Том 1. Доклады

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцатые по счету и двенадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

Санкт-Петербург
2012

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений,
член-корреспондент Российской академии наук,
академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 7 от 28.03.12

Д44 **Диалог культур** в условиях глобализации : XII Международные Лихачевские научные чтения,
17–18 мая 2012 г. Т. 1 : Доклады. — СПб. : СПбГУП, 2012. — 504 с.

ISBN 978-5-7621-0672-6

В сборнике опубликованы 189 докладов участников XII Международных Лихачевских научных чтений, запланированных на 17–18 мая 2012 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди авторов — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, 33 члена Российской академии наук и Российской академии образования: А. А. Акаев, Ю. В. Арутюнян, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, В. В. Наумкин, В. Ф. Петренко, В. С. Степин, Ж. Т. Тошенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, Н. П. Шмелев и другие; около 25 руководителей академических институтов и научно-исследовательских центров, представители около 60 высших учебных заведений, руководители 5 научных и общественно-политических периодических изданий, известные политики, государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев и М. И. Клеандров, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, заместители министров РФ А. Е. Бусыгин, Г. М. Гатиллов и А. Л. Сафонов, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, президент Адвокатской палаты Москвы Г. М. Резник, почетный гражданин Санкт-Петербурга М. М. Бобров, писатель А. А. Лиханов.

Среди иностранных гостей Чтений — представители 15 стран: Его Королевское Высочество Майкл, принц Кентский (Великобритания), экс-вице-президент Республики Болгария А. Марин, член Парламента Индии М. М. Джоши, директор секретариата «Альянса цивилизаций» ООН М. Шойер; представители 5 иностранных академий наук: Европейской академии наук и искусств Ф. Унгер, Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко, Национальной академии наук Казахстана А. Н. Нысанбаев, Болгарской академии наук В. Проданов, Академии общественных наук КНР Г. Син; немецкий политолог А. Рар, французский славист Р. Герра и другие известные персоны.

Доклады участников XII Лихачевских чтений посвящены актуальным проблемам современности. Роль Чтений высоко оценил В. В. Путин: «Встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению народов».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Участникам и гостям
XI Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием Лихачевских чтений, собравших в Санкт-Петербурге авторитетных ученых, деятелей культуры и экспертов более чем из 20 стран мира.

Вам предстоит обсудить ключевые гуманитарные проблемы современности, важнейшей из которых является развитие диалога культур. Особенностью нынешних Чтений станет открытие уникальной выставки трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева, которая будет интересна не только участникам форума, но и самой широкой публике. Уверен, что ваши встречи и впредь будут способствовать популяризации гуманистических ценностей и идей. А выдвинутые в ходе Чтений инициативы станут серьезным вкладом в совершенствование межнациональных и межконфессиональных отношений.

Желаю вам успехов и плодотворной работы.

Президент Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В. В. ПУТИНА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Участникам и гостям
XI Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН

**ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО
И. БОКОВОЙ
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Тема XI Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур в условиях глобализации» имеет особое значение для ЮНЕСКО.

Организация была создана в 1945 году с целью содействия укреплению мира посредством сотрудничества в сфере образования, науки, культуры, коммуникации и информации. Войны начинаются в сознании мужчин и женщин, защищать мир необходимо в сознании мужчин и женщин. Незнание обычаев других и предвзятое отношение к «приносящему пользу культурному многообразию» служат причинами недоверия, напряженности и конфликта. С 1945 года мир изменился, но эти задачи остаются по-прежнему актуальными.

Глобализация открыла беспрецедентные возможности понимания, контактов и обменов. В то же время возникают новые вопросы о том, как управлять углубляющимся многообразием наших обществ. Активизация контактов сопровождается повышением озабоченности отдельных представителей и целых сообществ, которые сталкиваются с новыми трудностями. В условиях вынужденной жесткой экономии средств крайне важно, чтобы общественная политика сумела создать новые основы для понимания и уважения. Глобализация охватывает весь мир, но она должна начинаться с поиска новых путей углубления понимания между народами и их совместного существования.

Охрана культурного наследия — от памятников, природных объектов и произведений искусства до нематериального культурного наследия, ремесел и культурного самовыражения — находится в центре работы ЮНЕСКО. Организация разработала новаторские международные правовые инструменты, в том числе Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года, Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года, Конвенцию о сохранении нематериального культурного наследия 2003 года и Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года. На практическом уровне ЮНЕСКО руководит инновационными проектами, направленными на улучшение взаимопонимания, которое служит основой уважения и диалога. Проекты «Шелковый путь», «Путь невольников» и книги серии «Всеобщая история» являются выдающимися примерами этой работы. В 2010 году ЮНЕСКО руководила проектом «Международный год во имя сближения культур», что создало предпосылки для осуществления более тысячи программ по всему миру, в которых принимают участие молодежь и главы государств.

Во всех сферах своей работы ЮНЕСКО тесно сотрудничает с государствами — членами ЮНЕСКО и с партнерами в гражданском обществе и в научном сообществе. В связи с этим я хотела бы отдать дань уважения профессору Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, основателю этого цикла научных чтений. Я также выражаю благодарность организаторам Лихачевских чтений и Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов за внимание и предпринимаемые усилия по привлечению международного ученого сообщества к исследованию насущных современных проблем.

Я желаю вам успехов в дискуссиях и с нетерпением жду их результатов.

Ирина БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатиллов, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2011 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации Д. А. Медведев и В. В. Путин, в 2008, 2010 и 2011 годах — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	4
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	5
ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО И. БОКОВОЙ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	6
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	7

Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. Р. АБРАМОВ , <i>заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор</i> РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОБРАЗЕЦ И РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА	18
А. А. АКАЕВ , <i>Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор</i> ЕВРАЗИЙСКОЕ ЕДИНЕНИЕ — ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	21
Ю. В. АРУТЮНЯН , <i>член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор</i> О МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ СРЕДЕ.....	28
Ф. А. АСАДУЛЛИН , <i>заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук</i> МОСКВА КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕГАПОЛИС (Роль и место мусульманских народов в историческом развитии столичного социума)	30
М. М. БОБРОВ , <i>почетный заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, почетный гражданин Санкт-Петербурга, заслуженный тренер РФ, заслуженный работник физической культуры РФ, почетный доктор СПбГУП</i> ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	32
О. Т. БОГОМОЛОВ , <i>академик РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН</i> В ДИАЛОГЕ НУЖНЫ НАДЕЖНЫЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ СРАВНЕНИЙ.....	34
Х. БОННЕНБЕРГ , <i>доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики (Германия)</i> ЕВРОПЕ БЫТЬ	39
А. Е. БУСЫГИН , <i>заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса</i> РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	44
В. И. ВАСИЛЬЕВ , <i>директор Научного и издательского центра «Наука» РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, доктор филологических наук, профессор</i> КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ (На примере российско-белорусского взаимодействия)	46
Ю. С. ВАСИЛЬЕВ , <i>президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Национальный исследовательский университет), академик РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ; В. В. ГЛУХОВ</i> , <i>проректор по организационной и экономической деятельности Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Национальный исследовательский университет), доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i> ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ЗАЛОГ СОТРУДНИЧЕСТВА И ДИАЛОГА НАЦИЙ	50
Е. Й. ВЯТР , <i>ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, доктор социологии</i> К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ И КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ	53
Г. А. ГАДЖИЕВ , <i>судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП</i> REALPOLITIK, ЭСКОБАРСТВО, КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ.....	55
Г. М. ГАТИЛОВ , <i>заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	58
Р. ГЕРРА , <i>заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья, доктор филологических наук</i> РУССКИЙ ВКЛАД В ИСКУССТВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ КНИГИ. 1920–1970-е ГОДЫ	61
Д. ГИЛЛЕСПИ , <i>профессор русского языка и литературы Университета г. Бат (Великобритания)</i> ТВОРЧЕСТВО А. МАКИНА: ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУР	65

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ , заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС), академик РАН, доктор экономических наук, профессор ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	68
А. А. ГРОМЫКО , главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	72
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП НАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ	74
М. М. ДЖОШИ , член Парламента Республики Индия, доктор ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	76
А. В. ДМИТРИЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор МИГРАЦИЯ: КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ВЫЗОВА	79
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор РЫНОК, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ	81
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ ПОЧЕМУ РОССИЯ ПРОИГРЫВАЕТ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	87
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ВИРТУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРА: РИСКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	92
П. О. ИЛЬИНСКИЙ , ученый-биолог, поэт, прозаик (США) БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И ВНУТРИЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ: ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ	94
И. Т. КАСАВИН , заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ ДИСКУРСИВНЫХ КУЛЬТУР	98
М. И. КЛЕАНДРОВ , судья Конституционного Суда РФ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ СУДЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ	101
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор ЭКОНОМИКА. КУЛЬТУРА. СПРАВЕДЛИВОСТЬ	106
А. Б. КУДЕЛИН , директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В XIX ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»	109
С. В. ЛАВРОВ , министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА	118
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор МИРОВОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ	121
А. А. ЛИХАНОВ , писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, почетный доктор СПбГУП ГЛОБАЛИЗМ КАК ФАКТОР РАСКОЛА	124
МАЙКЛ, принц КЕНТСКИЙ , Его Королевское Высочество (Великобритания) ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	126
В. Л. МАКАРОВ , директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ КУЛЬТУР ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ ПРОБЛЕМУ	129
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011) МИР НЕ ЧЕРНО-БЕЛЫЙ, ОН РАЗНОЦВЕТНЫЙ: ВАЖНОСТЬ МНОГООБРАЗИЯ	131
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ «КОНФЛИКТ АНТРОПОЛОГИЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	133
В. Л. МАТРОСОВ , ректор Московского педагогического государственного университета, академик РАН, академик РАО, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ РОССИЙСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	136

В. В. МИРОНОВ , декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ	139
М. Ф. МОНТЕС , старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария) ФИНАНСОВЫЕ КРАХИ, СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	147
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА	156
А. Н. НЫСАНБАЕВ , академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан СТАНОВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	161
А. ПЕРЕС БРАВО , Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в Российской Федерации МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ	165
В. Ф. ПЕТРЕНКО , заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор ОТ ИДЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ ВСЕЕДИНСТВА	167
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор КАК ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	170
А. РАР , директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP), журналист, политолог (Германия) РОССИЯ — ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД	177
Г. М. РЕЗНИК , президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ОБЕСПЕЧИТЬ ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА	180
Н. М. РИМАШЕВСКАЯ , заведующая лабораторией гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	183
А. Л. САФОНОВ , заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор СПбГУП, действительный государственный советник РФ 1-го класса МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНФЛИКТЫ И ПОИСК КОМПРОМИССОВ	188
Г. СИН , заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НУЖНО БОЛЬШЕ ДИАЛОГОВ И КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ РАЗНЫМИ КУЛЬТУРАМИ	194
А. В. СМЕРНОВ , заместитель директора Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД К КУЛЬТУРЕ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ УНИВЕРСАЛИЗМА	196
В. С. СТЕПИН , руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП НАУКА И РЕЛИГИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ДИАЛОГ?	201
С. Г. ТЕР-МИНАСОВА , президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор РОЛЬ КЛАССИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	203
В. А. ТИШКОВ , директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ	207
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор «РУССКИЙ МИР» И УКРАИНА	213
Ж. Т. ТОШЕНКО , декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КАК ЖИТЬ ВМЕСТЕ, ЖИВЯ ВРОЗЬ	216
Ф. УНГЕР , президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор РОЛЬ АКАДЕМИЙ В РАЗВИТИИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ В БУДУЩЕМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ	222
Н. И. ФАТИЕВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ — ЯЗЫК И ЛОГИКА	224
Т. Я. ХАБРИЕВА , директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	225

С. ЧАНГ , заместитель директора Института общественного развития Высшей партийной школы ЦК КПК (КНР), доктор философии, профессор КУЛЬТУРНЫЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	228
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ФОНЕ КРИЗИСА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	229
В. Е. ЧУРОВ , председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП МЕЖДУНАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ	231
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины; В. П. ГОРБАТЕНКО , заместитель директора Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор политических наук, профессор СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР УКРАИНЫ И РОССИИ	233
Н. П. ШМЕЛЕВ , директор Института Европы РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор ЧТО НУЖНО СЕГОДНЯ РОССИИ ОТ ЗАПАДА	237
Э. ШНАЙДЕР , профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ	241
М. ШОЙЕР , директор секретариата «Альянса цивилизаций» ООН (США), доктор права ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	243
Ю. М. ШОР , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДИАЛОГ С РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА СТРАНЫ	245
Э. ЭНДЕРЛЯЙН , заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ: СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)	246
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор КУЛЬТУРА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ	248

Секция 1. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. Н. АСТАФЬЕВА , директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ВРЕМЯ АНТИМАНИФЕСТА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА ИЛИ КОНКУРЕНЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ?	253
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СЦЕНАРИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВАРИАНТЫ И ИНВАРИАНТЫ	255
О. А. БОРИСЕНКО , специалист Управления международных отношений Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА КАК ВИДА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА	257
К. И. ИСАЕВ , президент Социологической ассоциации Кыргызстана, доктор философских наук, профессор; К. С. КОКОМБАЕВ , докторант Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА	258
И. Ф. КЕФЕЛИ , заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ВОЗДЕЙСТВИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА Л. Н. ГУМИЛЕВА НА СОВРЕМЕННУЮ ГЕОПОЛИТИКУ (К столетию великого ученого)	261
А. В. КОСТИНА , заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА	263

А. МАРИН , вице-президент Республики Болгария (2002 — январь 2012 г.) ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОЛГАРСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ.....	264
А. А. МОИСЕЕВ , декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор НАДГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	267
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	272
Б. А. ТИТОВ , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук; Т. В. ЕФИМОВА , заместитель декана факультета конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	275
С. ТОШКОВА , профессор Университета национального и мирового хозяйства (Болгария), доктор экономических наук К НОВОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ ЧЕРЕЗ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ	276
Е. Н. ШАПИНСКАЯ , главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор ЭТНИЧЕСКИЙ ДРУГОЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	280

Секция 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

В. П. БОЛЬШАКОВ , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-СЛОЕВОГО МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ЕДИНСТВО НАЦИИ	282
Ю. Б. БОРЕВ , главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор СМЫСЛЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	284
О. С. БОРИСОВ , профессор кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, доктор философских наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МОДУСЕ ПОНИМАНИЯ	287
В. А. ВАСИЛЬЧЕНКО , доцент кафедры истории и философии науки Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ.....	288
Л. Н. ВШИВЦЕВА , доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА.....	289
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук ДОМИНАНТЫ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МНОГООБРАЗИИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	291
В. В. ГОРШКОВА , декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	292
В. Ю. ДУНАЕВ , главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДИСКУРС И ПРАКСИС.....	294
В. И. ЕРЕМЕНКО , заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, доцент ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР НАРОДОВ РОССИИ	296
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР: ЭТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	297
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН.....	298
С. В. ИЛЬИНА , доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского торгово-экономического института, кандидат исторических наук ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	301
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент МЕСТО И РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	302
Н. А. КАСАВИНА , старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук, доцент МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРЫ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ	304

Г. К. КАСУМОВА , доцент кафедры философии Бакинского государственного университета (Азербайджан), кандидат философских наук МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	305
Д. Н. КАТЫШЕВА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ ИСКУССТВО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ВЗРАЩИВАНИЕ КОНТРАКУЛЬТУР?	307
В. И. КАШИРИН , профессор кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук НООСФЕРНЫЙ ПАТРИОТИЗМ — НА СМЕНУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	309
В. А. КОЛЕСНИКОВ , директор Иркутского регионального колледжа педагогического образования, доктор философских наук, профессор, заслуженный учитель РФ ОТ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ — К КОНСТРУКТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	310
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук НАЦИОНАЛЬНОЕ И СВЕРХНАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСКУССТВЕ: ИЗ ЕВРАЗИЙСКИХ ИДЕЙ	312
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ПРОСТРАНСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	313
Л. К. КРУГЛОВА , заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор ИДЕЯ Н. С. ТРУБЕЦКОГО ОБ «ОБЩЕЕВРАЗИЙСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ	315
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЭПОХУ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	317
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор ЭТНОПОЛИТИКА И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	319
В. Н. ЛИПСКИЙ , заведующий кафедрой философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ В. СОЛОВЬЕВ О ТЕРПЕЛИВОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ	321
И. В. МАЛЫГИНА , директор Института культурологии и музеологии Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМОМ	322
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	324
А. Л. МАРШАК , главный научный сотрудник Сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (Опыт социологического осмысления)	326
В. М. МЕЖУЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор ДИАЛОГ КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	330
Л. А. МЕНЬШИКОВ , заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА	336
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОПЫТЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	337
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ; А. В. БОНДАРЕВ , доцент кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат культурологии АКТУАЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЕВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	340
Н. М. МЫШЬЯКОВА , заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ	343
С. С. НЕРЕТИНА , главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ	344
О. В. НЕЧИПОРЕНКО , ведущий сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор социологических наук КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ	348
И. В. ПАЛАГУТА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ «МОЗАИКИ»: К РЕКОНСТРУКЦИИ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ЭТНОГЕНЕЗА И ПОЛИТОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ	350

Г. А. ПРАЗДНИКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОМОСФЕРА: ПРАВСТВЕННО-СМЫСЛОВОЕ ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОГО МИРА	351
М. М. РОГОЖА , профессор кафедры истории и культурологии Национального авиационного университета (Украина), доктор философских наук СОЦИАЛЬНАЯ МОРАЛЬ КАК ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	354
Т. Б. СИДНЕВА , проректор Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ НАЦИОНАЛЬНО-ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО И ГРАНИЦЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ИСКУССТВЕ	355
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОИСКИ ПАРАДИГМ	356
А. Я. ФЛИЕР , профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ ГРАНИЦЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	358
М. Н. ФОМИНА , проректор по инновационному образованию Забайкальского государственного университета, доктор философских наук, профессор ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГИЧНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	362
Н. А. ХРЕНОВ , заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ В ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ИСТОРИИ КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЕГО АКТУАЛЬНЫХ ФОРМАХ	363
А. Н. ЧУМАКОВ , заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, первый вице-президент Российского философского общества РЕАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА	366
А. Ю. ШАДЖЕ , профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (г. Майкоп), доктор философских наук, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОССИИ	368

Секция 3. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, УПРАВЛЕНИЕ

В. А. АВКСЕНТЬЕВ , директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ	370
Б. В. АКСЮМОВ , доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕВЕРНОГО КAVKAZA	372
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	373
Д. Р. ВАЛИЗАДЕ , начальник Управления социального партнерства Аппарата Ленинградской федерации профсоюзов, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	375
Л. А. ВАСИЛЬЕВА , начальник отдела трудовых отношений и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области, кандидат экономических наук РОЛЬ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	376
В. С. ВОЛКОВ , профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ НАРОДОВ РОССИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	377
Н. В. ГОЛИК , профессор кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ЭТНОКОНФЛИКТ: «ЖАЛО ЧУЖОГО»	380
В. Г. ГРАФСКИЙ , заведующий Сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор ПРАВО, ТРУД, СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ВЗАИМОЗАВИСИМЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, ТРЕБУЮЩИЕ ПОСТОЯННОЙ ФИКСАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ	381

Н. А. ЗАХАРОВ , профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор социологических наук РЕГУЛЯТОРНАЯ ТЕОРИЯ МОТИВАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	383
Р. Р. КАРИМОВ , генеральный директор ООО «ГрадИнвест» (г. Уфа, Башкортостан) РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ (На примере Республики Башкортостан)	384
М. И. КОЗЬЯКОВА , профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Шепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук МИГРАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: В ОЖИДАНИИ ДИАЛОГА	385
В. Э. МАНАПОВА , доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат философских наук ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ.....	387
Д. Г. ПОПОВ , старший преподаватель кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	389
М. Е. ПОПОВ , доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	391
Л. С. РЖАНИЦЫНА , главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТАХ И ПЛАНАХ (К статье В. В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России», раздел «Сбережение России»).....	392
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений, кандидат экономических наук, доцент. ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С МОДЕРНИЗАЦИЕЙ, МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ВЕСЬМА ВЫСОКИМИ	395

Секция 4. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

М. Н. БАРЫШНИКОВ , заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор БИЗНЕС В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ	398
Д. В. БАШМАКОВ , доцент кафедры управления организацией Московского государственного областного университета, кандидат экономических наук ЭВОЛЮЦИЯ ОБМЕНА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	401
Г. Г. БЕРНАЦКИЙ , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	402
Н. В. ВИТРУК , заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	404
Ф. Б. ВЛАСОВ , профессор Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (г. Орел), доктор экономических наук ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В РОССИИ.....	408
Я. И. ГИЛИНСКИЙ , заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор КРИМИНАЛЬНОЕ ЛИЦО СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКИ	410
Э. П. ГРИГОНИС , профессор кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского института гуманитарного образования, доктор юридических наук ПРАВО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО В РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМАХ ЦЕННОСТЕЙ.....	412
А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ — ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	414
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	415
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ УЩЕРБНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА	417
С. А. ИСАЕВА , первый заместитель генерального директора ООО «Конкорд», кандидат экономических наук РОЛЬ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПОИСКАХ МОДЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗВИТИЯ	420

Н. М. КИПНИС , доцент кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДВОКАТУРЕ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	421
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И «МИРОВЫЕ СТАНДАРТЫ» В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	423
Г. И. МУРОМЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.....	426
М. В. НЕМЫТИНА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор КОРПОРАТИВНО-ЧАСТНОЕ И КОРПОРАТИВНО-ПУБЛИЧНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	428
Р. А. РОМАШОВ , начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФЕНОМЕНЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	430
Э. А. САДЫКОВА , заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	432
А. В. СТРЕМОУХОВ , заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.....	434
И. З. ФАРХУТДИНОВ , ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук; А. А. ДАНЕЛЬЯН , руководитель Центра инновационных проектов Евразийского научно-исследовательского института проблем права, кандидат юридических наук ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ — ОСНОВА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	437
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (На примере Европейского Союза)	439
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	442
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ.....	444
И. А. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА	446
Ю. Б. ШУБНИКОВ , профессор кафедры гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук ПРАВО ЕС КАК ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР	447

Секция 5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

С. Н. АРТАНОВСКИЙ , почетный профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук И. С. ТУРГЕНЕВ, ГИ де МОПАСАН, Ч. СУИНБЕРН: СОДРУЖЕСТВО УМОВ	450
А. А. АСОЯН , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук К ВОПРОСУ О ФИЛИАЦИИ АНТИЧНЫХ АРХЕТИПОВ И ФОРМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКЕ	451
А. В. ВАШЕНКО , заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО: ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	452
М. К. ГИДИНИ , профессор русской литературы Университета Пармы (Италия) ОБРАЗ РОССИИ У ЖАКА МАРИТЕНА. ВОСТОК И ЗАПАД В ПОИСКАХ НОВОЙ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ	455
В. А. ДОМАНСКИЙ , заведующий кафедрой филологического образования и межпредметной интеграции Ленинградского областного института развития образования, доктор педагогических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕХНОЛОГИЯ	457
Е. В. ИВАНОВА , ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ИДЕАЛА	458
А. В. КАЛАШНИКОВ , доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук ЕВАНГЕЛИЕ В ПЕРЕВОДЕ Л. Н. ТОЛСТОГО — ОПЫТ ПЕРЕДАЧИ С КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ	460

О. Б. КАФАНОВА , <i>заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор филологических наук, профессор</i>	
ЖОРЖСАНДИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	461
Н. Р. СКАЛОН , <i>профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук</i>	
ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «СТАРОГО» ПОНЯТИЯ	463

Секция 6. ЖУРНАЛИСТИКА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В. Г. АЛЕКСАНДРОВА , <i>главный научный сотрудник лаборатории инновационной педагогики НИИ столичного образования, доктор педагогических наук</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ «ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ»	466
О. В. КАШИРИНА , <i>доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук</i>	
МЕТАОБРАЗОВАНИЕ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП И МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	468
Л. В. ЛЫТКИНА , <i>профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук</i>	
ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ	469
Н. Н. МИХАЙЛОВ , <i>главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации», доктор философских наук</i>	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	471
В. В. СОГРИН , <i>руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ И США: СОВРЕМЕННЫЙ ДИАЛОГ	472
Л. Н. СОЛОВЬЕВА , <i>доцент кафедры прикладной математики и информатики Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) «МАИ», кандидат философских наук</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ОБЩЕСТВЕ ВСЕОБЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ	474

СЕКЦИЯ 7. ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

И. Г. АНДРЕЕВА , <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор биологических наук</i>	
РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	476
С. М. АШКИНАЗИ , <i>профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук;</i>	
А. Г. ФАЛАЛЕЕВ , <i>профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук</i>	
ВОСТОЧНЫЕ ВОЕВЫЕ ИСКУССТВА И СПОРТИВНЫЕ ЕДИНОБОРСТВА — УЧАСТНИКИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	478
В. К. БАЛЬСЕВИЧ , <i>член-корреспондент Российской академии образования, доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник физической культуры РФ</i>	
РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СПОРТИВНОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	479
Е. В. БРЫЗГАЛИНА , <i>заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент</i>	
КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ	481
М. Н. ВЕТЧИНОВА , <i>профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук</i>	
РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	483
Е. В. ГЕРЦМАН , <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения</i>	
ОДИН ОПЫТ АНТИЧНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	485
Ю. Д. ГРАНИН , <i>ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, доктор философских наук, профессор</i>	
РОССИИ НУЖНА ПОЛИТИКА «ОФИЦИАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА»	487
О. А. ЖУКОВА , <i>профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук</i>	
ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	488
Б. Д. ПАРЫГИН , <i>почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	490
В. С. СОБКИН , <i>директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ МОСКВЫ И РИГИ: К ВОПРОСУ О КРОССКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ	491
Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА , <i>доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук</i>	
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ: АСПЕКТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	498

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

17 мая 2012 г.

Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Д. А. ГРАНИН	соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП
Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	вице-президент РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

С. Р. Абрамов¹

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОБРАЗЕЦ И РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

1. *Введение.* Эпоха падения Римской империи была не только смутным временем столкновения народов, крушения привычных укладов и переоценки ценностей, как свидетельствовали многочисленные современные и последующие писатели. В области теоретической мысли раннего христианства наблюдаем плодотворный синтез идей, восходящих к прежде автономным культурным традициям. Ведь вся идеология христианства, а именно его наука, искусство и культура, осознавала и утверждала свой вселенский («кафолический») характер, а значит, приветствовала взаимодействие и взаимное обогащение различных культурных традиций. Этот своеобразный «диалог культур» (если использовать современную метафору) и породил раннехристианский культурный синтез, воплотившийся в феномене христианской цивилизации.

Почва для этого синтеза была подготовлена самим существованием многонациональной и поликультурной Римской империи, но возможным он стал лишь с появлением христианской духовности, отринувшей предрассудки, замкнутость и ограниченность предшествующих традиций. Когда Павел утверждал, что отныне «нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11)², он

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиции», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Русский синодальный перевод]. (Названия книг Библии при цитировании даны в общепринятых сокращениях.)

тем самым отвергал частные приоритеты и греческой, и еврейской культурных традиций, их категориальный аппарат³.

Раннехристианский культурный синтез носил универсальный, всеобъемлющий характер, он охватил все слои общества и всю духовную сферу. Проявился он не только в господствующей идеологии и учении церкви, но и в различных еретических доктринах⁴. Чрезвычайно плодотворно этот культурный синтез сказался и на герменевтике — науке, возросшей на почве богословия, философии, филологии.

2. *Новый Завет — концептуальный источник христианской герменевтической традиции.* Раннехристианская герменевтика творчески усвоила достижения греческой и иудейской традиций, отвергнув их культурно-историческую и методологическую ограниченность: новозаветная герменевтика «не была грече-

³ Известно, что как у греков (то есть в античном сознании вообще), так и у евреев существовала бинарная оппозиция, делившая мир на «своих», положительно отмеченных, и «чужих», отмеченных отрицательно, — на эллинов и варваров у первых и на верных (иудеев) и неверных (язычников) у вторых. Обе эти парадигмы отвергаются ап. Павлом ради христианской (понимаемой как универсальная и всечеловеческая), в которой снимаются и все прочие оппозиции: расовые, национальные, имущественные, сословные и т. п. Когда «апостол говорил, что призван возвещать свою веру “не в мудрости слова” (οὐκ ἐν σοφίᾳ λόγου) (1 Кор. 1: 17), он в четырех словах отказывался сразу и от философии, и от риторики как единой системы античного “витийства”» (Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 240).

⁴ К примеру, манихейство недвусмысленно представляло собой синтез античных идей и ориентальных религий, в частности зороастризма. Как ортодоксальное учение эпохи раннего христианства, так и многочисленные ереси детально исследованы. Малоизученным в науке, однако, остается вопрос об удельном весе различных духовных традиций в этой области.

скою, но она не хотела быть и еврейскою; ее содержание было универсально»¹. Она эсхатологически устремлена к пониманию конечного смысла бытия, стремясь сделать само бытие осмысленным. Если в раннехристианских писаниях («Дидахе», «Послание Варнавы» и т. п.), толкующих Ветхий Завет в духе пророчеств о Мессии и ищущих в нем указаний на Христа, герменевтика носит вполне прикладной характер, то уже у ранних христианских апологетов Иустина Мученика (ок. 130–200) и особенно Тертуллиана (ок. 160–225) отчетливо сформулированы принципы новой герменевтической традиции. Будучи прекрасно образованными людьми, сформировавшимися в эллинистической культуре, эти авторы знали трактат Аристотеля «*Peri hermēneias*» («Об истолковании») и в своих трудах пользовались его положениями. В то же время, занимаясь преимущественно библейской проблематикой, христианские апологеты пользовались и еврейским наследием, в частности техникой сравнительно-сопоставительного анализа библейских текстов, *аналогией* и *апликацией*².

Своеобразие христианской герменевтики определялось новаторской *теорией Логоса*, а также изощренной *типологией* и *аллегорией*, играющими в новозаветной герменевтике конституирующую роль. Уже в самом тексте Нового Завета заложено основание новой герменевтики. Две фигуры его гениальных авторов, апостолов Иоанна и Павла, стоят у истоков этой герменевтической революции. Обе фигуры символизируют разрыв как с античной, так и с иудейской системами ценностей, а значит, и с их научными парадигмами.

Апостол и евангелист Иоанн сознательно оформил свой радикальный разрыв с ветхозаветной иудейской традицией смелым использованием «языческого» философского термина «*λόγος*», которому он придал совершенно иное значение, отличное от Гераклитова понимания Логоса, и от Филонова³, и от гностического. В тексте Нового Завета слово «*λόγος*» употребляется не один раз в обычном, нетерминологическом смысле. И лишь у Иоанна оно обретает особое значение и употребляется в совершенно ином контексте, отличным от античного философского дискурса, — это контекст ближневосточной словесности, в котором *λόγος* Иоанна включил и всю полноту семантики иудейской

«Мемры»⁴. Иоанн сознательно оформляет свой разрыв с ветхозаветной традицией, используя нарочито «языческий» термин, пусть и в ином значении. Он, безусловно, отдавал себе отчет в том, что сам термин «*λόγος*» «заряжен» коннотациями, тем не менее решился на использование его для обозначения второго лица Троицы, Богочеловека Иисуса Христа. Так, на мгновение, казалось, соединились две герменевтические традиции — античная и иудейская, но на этот раз не для механического синтеза, подобного Филонову, а для медленной аннигиляции, породившей качественно новое явление.

3. *Концепция Логоса в Евангелии от Иоанна*. Терминологически Логос Евангелия от Иоанна — вовсе не «языческий» термин с расширенным содержанием и отнюдь не только лишь греческий эквивалент ветхозаветного еврейского термина: это знак новой герменевтической (и шире — духовной) традиции, решительно отделившей себя как от античной, так и от ветхозаветной или гностической традиции. В этом термине заключена вся суть нового теоретического мышления, квинтэссенция всей новозаветной мысли: идея боговоплощения и вочеловечения Христа и утверждение доктрины Богочеловечества. Чтобы оценить всю глубину и неожиданность семантического сдвига, вызванного Евангелием от Иоанна в теории Логоса, следует представить себе эволюцию этого термина в античной герменевтической традиции.

В греческом языке начала христианской эры слово «*λόγος*» имеет следующие значения: 1) дело, действие; 2) разум, разумное основание; 3) смысл, понятие, идея; 4) учение (философское); 5) договор, условие; 6) весть, известие; 7) книга, рассказ (писанный); 8) слово, реченье, изречение (устное). Сама семантическая структура этого слова позволяет евангелисту Иоанну утвердить ряд фундаментальных герменевтических положений: слово Божие видится ему не как отвлеченная идея (что свойственно греческой философии), а как живое, действующее основание всего сущего, всего бытия, первопричина космоса и человека, как смысл существования мира (природного, индивидуально-личностного и общественно-исторического), конкретное воплощение истины и символ ее, наконец, как символ самого Нового Завета (то есть договора) между Богом и человеком, осуществленного через соединение двух видов природы во Христе-Богочеловеке, как кериigma⁵ (блага

¹ Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С. 403.

² Термин «аналогия» восходит к логике, где означает сходство связей и отношений; «вариантом аналогии может быть *апликация*, наложение, чрезвычайно характерное для развертывания событийной цепи, играющей особенную роль в криминалистике, когда одно событие накладывается на другое, а участниками вдруг оказываются одни и те же лица. В словесности апликация может быть свойственна, например, большим отрывкам текста, то есть проявляться композиционно, передаваться параллельным изложением событий или изложением события разными лицами, автором и персонажами», — отмечает Н. О. Гучинская (*Гучинская Н. О. Универсалии филологической герменевтики // Понимание и рефлексия : материалы III Тверской герменевтической конф. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 18*). Евангелия в целом дают прекрасный пример апликации, да и весь Новый Завет представляет собой апликацию Ветхого Завета.

³ Подробно о понимании Логоса Филоном см.: Абрамов С. Р. Казус Филона Александрийского: опыт встречи иудейской и эллинистической духовных традиций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Международ. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 302–305.

⁴ В иудейской традиции для обозначения божественного и животворящего слова использовался специальный технический термин «*пемта*», передаваемый в «Септуагинте» словом «*λόγος*».

⁵ Кериigma (*греч. kerigma* — «заявление, объявление, весть, проповедь») — проповедь христианской вести о спасительной миссии Иисуса Христа. В Новом Завете кериigma может относиться к самому событию проповеди и к ее содержанию. В противоположность дидахе — учению, которое излагает откровение христианства концептуально и логически в доктринах, суждениях и богословских мнениях, значение кериigma определяется общественной проповедью и непосредственным воздействием спасительного события на человека. «В научной литературе о Новом Завете термином “кериigma” — вслед за новозаветным употреблением — обозначается устная проповедь об Иисусе как Мессии и Спасителе, предшествовавшая созданию первых письменных текстов, вошедших со временем в канон Нового Завета. Содержанием кериigma первохристианских общин было то Евангелие, которое Павел “напоминает” коринфянам, — весть о смерти и воскресении Иисуса как о спасительном событии (ср.: 1 Кор. 15:

спасительная весть), раскрывающаяся в тексте Евангелия от Иоанна. И так, здесь задана отправной точкой всех дальнейших герменевтических построений целая парадигма смысловых отношений, которая и разворачивается как в самом евангельском повествовании, так и в истории его толкования. Мы тотчас же обнаруживаем отсутствие ряда важнейших значений в семантической структуре лексем, передающих понятие логоса в современных европейских языках. Так, и в английском “word”, и в немецком “Wort”, и в русском «слово» утрачена основная для герменевтики Иоанна идея о *промыслительном*, то есть активном, деятельностном, творческом характере Логоса; не имплицировано значение слова-логоса как духовной первоосновы универсума. В то же время в семантике английского слова, в отличие от русского эквивалента, сохраняется идея вести (известия) и соглашения, договора (Завета).

Ключевое значение слова «λόγος» подчеркнуто у Иоанна его троекратным употреблением в сильной позиции начального предложения текста Евангелия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Более того, сам первый стих первой главы построен как анафорический контрапункт первому стиху первой главы ветхозаветной книги Бытия (то есть как параллель начальным словам всего древнееврейского библейского канона): «В начале сотворил Бог небо и землю...»¹ Таким образом, выстраивается многозначительная параллель: начало Ветхого Завета, то есть, по существу, всей иудейской Библии, совпадает с началом Нового Завета, христианского сакрального канона. Когда Иоанн писал свой текст, библейский христианский канон еще не сложился, других, так называемых синоптических евангелий (от Матфея, Марка и Луки) еще не существовало, среди разрозненных христианских общин той поры имели хождение многочисленные писания (аутентичность которых изначально подвергалась сомнению), и потому Евангелие от Иоанна выступало в функции самодостаточного и целостного текста христианской керигмы.

4. *Ранние памятники христианской герменевтики.* Существенно, что ранние христианские герменевты перешли к более глубокому уровню толкования Ветхого Завета, по-видимому, вследствие того, что им приходилось выстраивать новую традицию в постоянной борьбе с язычеством, иудаизмом и христианскими ересями. Многими достижениями герменевтика обязана и особенностям христианского духа, противостоящего античному не только в сфере мысли, но и в сфере чувств. Толкования Иустина Мученика заметно отличаются от грубоватых аллегорий Варнавы: у последнего декларация веры не предшествует филологическому анализу, а скорее сами вероисповедные принципы выводятся из толкования текста. Тертуллиану и Иринею Лионскому, высокообразованным ученым, приходилось спорить не только с традиционной иудейской герменевтикой, но и с христианскими ересями,

3–5)» (Лёзов С. В. Введение // Канонические Евангелия. М., 1992. С. 8).

¹ Инициальная позиция сакрального текста была столь значима, что сами книги традиционно назывались по их первым словам: так, книга Бытия называется у евреев «Берешит» — собственно «В начале».

в частности с учением Маркиона, основателя доктрины, которая полностью отвергала Ветхий Завет². Иринею Лионский выступил с резкой критикой гностического дуализма и в защиту единства обоих заветов. Он утверждал, что Мессия (Христос) был предсказан в Ветхом Завете, что обетование Бога о спасении Авраама касается всех людей, то есть вслед за апостолом Павлом толковал Ветхий Завет с позиций универсализма, всечеловечества (всеединства), всеобщности христианства. Тертуллиан перенес спор с Маркионом из сферы идейной в область чисто филологическую: он подверг справедливой критике буквалистский подход Маркиона и противопоставил ему подход спиритуалистический; так, например, он обосновывал метафорический характер некоторых перикоп Священного Писания: он утверждал, что, хотя Библия пользуется языком человеческим во всей его чувственной полноте, это отнюдь не означает антропоморфизм Бога³: у Него нет «десницы», «пят», и Он неподвластен страстям и впечатлениям, а значит, следовал вывод, язык Библии не следует понимать буквально.

Раннехристианская ортодоксальная герменевтика исходит из пресуппозиции, что видимый мир в целом и любая его малейшая часть суть творения того же Бога, который даровал заповеди Ветхого и Нового Заветов: законы природы и законы морали имеют, таким образом, единый источник, и почему бы природе не посягать собою мораль? (Ср.: 1 Кор. 1: 19–32.) Предшественником христианских мыслителей в такой постановке вопроса был Филон Александрийский, говоривший о гармонии «космоса» и «номоса».

Имеются также основания полагать, что авторы раннего ядра Нового Завета либо непосредственно были знакомы с кумранской литературой, либо их связывала близкая традиция. Как нам известно, новозаветные авторы пользовались тем же методом герменевтики, что и авторы кумранских произведений. Но наряду с замечательными совпадениями следует отметить и не менее разительные различия. Так, во-первых, новозаветная литература вполне оригинальна и самостоятельна по отношению к кумранской: создавая свои специфические литературные формы — послания, евангелия, она не заимствовала и не использовала формы и жанры кумранской литературы. Не найдем мы в Новом Завете и ничего сходного с формой кумранских толкований — так называемых «пешарим». Во-вторых, новозаветная герменевтика критически позиционирована по отношению к иудейской вообще и кумранской в частности. Как отмечает исследователь кумранских свитков, «в новозаветных текстах можно даже обнаружить следы антикумранской полемики по вопросу об эзотеризме и миссионерской

² Маркион, в частности, полагал, что творец видимого мира — жестокий тиран; такой бог не мог быть богом Иисуса Христа. Следовательно, по Маркиону, Иисус был сыном иного бога, творца невидимого мира, и сам принадлежал миру невидимому и лишь принял облик человека (но не был рожден, так как это предполагало бы связанность с миром видимых вещей, то есть с миром злого бога), а затем умер, чтобы спасти человечество от зависимости от злого божества.

³ Уже в ранней церкви понимали трансцендентность Бога как отрицание антропо- и зооморфизма (столь типичных для языческого представления о божестве).

деятельности»; «ряд мест Нового Завета, где утверждается христианская мораль всеобщей любви, производит впечатление специальной полемики с кумранскими положениями»; «различия между кумранской и раннехристианской общинами наблюдаются также и в ритуально-обрядовой сфере»¹.

5. *Заключительные замечания.* Итак, значение новой герменевтической традиции было столь велико, что она сыграла конституирующую роль в истории станов-

ления новозаветного канона и формировании христианского учения. Появившись в результате творческого синтеза нескольких культурных традиций (в первую очередь античной и древнееврейской), раннехристианская герменевтика отстаивала новые теоретические принципы научной интерпретации и основания христианского богословия как в борьбе с внешними по отношению к нему идеями, так и в рефлексии над собственными антиномиями.

А. А. Акаев²

ЕВРАЗИЙСКОЕ ЕДИНЕНИЕ — ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Мировая, равно как и евразийская, история свидетельствует о том, что единение сил извечно являлось наиболее эффективной формой ответа народов на исторические вызовы. Примеров тому — «несть числа». Нависшая над человечеством в середине XX века угроза фашизма породила создание антифашистского союза государств, разнородных по своему политическому устройству, но сумевших во имя общего дела сомкнуть ряды. Преодоление послевоенных трудностей, стремление европейцев выступать на равных с американцами в конкуренции на мировых рынках и в международных делах привели к созданию Европейского союза. Пройденный европейцами непростой путь к интеграции может быть примером для Евразии, все еще находящейся экономически и политически в переходном состоянии, в поисках оптимального пути дальнейшего развития. Воодушевляющим для евразийских народов стало недавнее выступление наиболее авторитетного на постсоветском пространстве государственного и политического деятеля — премьер-министра Российской Федерации В. В. Путина на страницах «Известий» со статьей «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое закладывается сегодня»³. Вопреки насаждаемым в мировом общественном мнении взглядам, находящим, к сожалению, апологетов и среди евразийской политической элиты, российский лидер убедительно показал, что нынешняя межгосударственная разрозненность на евразийском пространстве является преходящей. Крах СССР не стал концом евразийской истории, восходящей к древним векам и имеющей в своем активе славные страницы сплочения народов в борьбе с иноземными нашествиями, в созидатель-

ных дерзаниях, в отстаивании присущих им культурных ценностей и национальных традиций.

Отдав, как первый президент Кыргызстана, 14 лет становлению государственной независимости своей страны, я хорошо видел, как тяжело сказывается на жизни людей в Евразии проведение межгосударственных разделительных линий между народами, издревле скрепленных прочными хозяйственными и братскими духовными связями. Прошедшее после распада СССР 20-летие, преподав народам, входившим ранее в его состав, тяжкие уроки, заставило вспомнить о недавнем прошлом. Во всех уголках единой страны, во всех ее социальных стратах сопричастность к достижениям великой советской державы вызывала гордость. Москва всегда была притягательным символом. Образование в лучших университетах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Киева и других советских культурных центров стало для молодежи из союзных республик осуществимой мечтой. Дружба народов была реальностью, во всю силу проявившей себя в годы Великой Отечественной войны. Ностальгия по ушедшим временам живет в сознании многих миллионов людей, разбросанных ныне судьбой по разным национальным квартирам. Речь не идет о восстановлении, реинкарнации Советского Союза в его былом формате. Мировая политическая практика знает иные, не менее эффективные формы народного единения, тяга к которому в глубинах евразийского общества нарастает. Эта тенденция и отражена в идеях В. В. Путина.

Метаморфозы истории

На исходе XX века на огромном пространстве от Лиссабона до Владивостока разворачивались судьбоносные для континента, поразительно контрастирующие по характеру геополитические процессы. Если на Западе бурно нарастало движение к интеграции, происходило межгосударственное стягивание, то на Востоке рассыпалась по частям великая страна — Советский Союз, ставший по воле истории восприимчиком той державы, которая многими веками, трудом и кровью наших предков создавалась на евразийской земле. Если обратиться к истории Европы, то на первый взгляд может показаться, что путь к единению европейских народов раз и навсегда был перекрыт кровавыми побоищами предыдущих эпох. В этом регионе, пожалуй, нет народов, которые на тех или иных исторических эта-

¹ Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983. С. 219–222.

² Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). С 2005 года — главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 160 научных работ и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина.

³ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое закладывается сегодня // Известия. 2011. 4 окт.

пах не воевали друг с другом. Межгосударственные распри в Европе носили чуть ли не перманентный характер, внося в отношения между народами неприязнь и вражду. Достаточно вспомнить основные вехи: войны времен Карла Великого, Столетнюю войну, Тридцатилетнюю войну, наполеоновские войны. В истекшем веке с европейской земли исходили две мировые войны, шрамы от которых в истории человечества не зажили до сих пор. Здесь же родилась человеконенавистническая идеология фашизма, борьба с которым унесла десятки миллионов человеческих жизней. Свойственный многим европейским государствам в прошлом культ силы, милитаризм, ставка на «огонь и меч» проявились в их территориальной экспансии в Африке, Азии и Америке. Приход туда в XVII–XIX веках европейцев нередко сопровождался геноцидом коренных народов. По существу 2/3 земного шара оказались колониями нескольких европейских держав, к которым позднее присоединились США. Произошел силовой раздел мира на зоны господства и влияния. Пройдя через тяжкие испытания, преодолев тоталитарный груз прошлого, Европа в конце XX — начале XXI века радикально изменилась, став регионом мира и благополучия. Войны и колонии ушли в прошлое, хотя милитаристский менталитет, проявляющийся в деятельности НАТО, все еще сохраняется и воспринимается как глобальная угроза. Экскурс в прошлое всегда является рискованным делом, как говорится в русской поговорке: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Однако я вкладываю в него позитивный смысл. В том, что произошло в Европе и вылилось в создание Европейского союза, вижу проявление глубинных закономерностей, имманентно присущих человеческим сообществам повсеместно в мире.

Именно в таком ключе следует рассматривать современный этап евразийской истории. Общеизвестно, что распад СССР, став глобальной геополитической катастрофой, прошелся тяжелым катком по судьбам народов, входивших в состав Союза. Попытки объяснить этот катаклизм сугубо внутренними изъянами, присущими советскому строю, грешат поверхностностью. Заведомо уводятся в тень внешние факторы, подтачивавшие в течение многих десятилетий социалистическую общественную систему. Советская власть изначально считалась на Западе враждебной силой. Прямая военная угроза нависала над молодым советским государством и с Запада, и с Востока. Дипломатическое признание СССР со стороны Вашингтона, например, последовало лишь в 1932 году, через 15 лет после Октябрьской революции. Не будь разрушительных внешних воздействий на Советский Союз на критическом для него этапе в 1980–1990-х годах, эта великая держава, в чем я уверен, выстояла бы. Что из себя представляют такие внешние воздействия, я ощутил на собственном президентском опыте в 2005 году, когда в Кыргызстане произошла «тюльпановая революция». Республика до сих пор не вышла из состояния хаоса и нестабильности.

Мое углубление в евразийскую историю убедило меня в том, что российская государственность складывалась на здоровой органичной основе, во многом на

использовании тяги соседних народов к дружбе с мощным государством, способным прийти на помощь в трудные времена. Сошлюсь прежде всего на пример из кыргызской истории. Испытывая угрозу порабощения со стороны агрессивных соседей, наши мудрые правители во главе с Атаке-бием в 1785 году направили к российской императрице Екатерине Великой дипломатическую миссию с просьбой принять кыргызов в русское подданство. Этот призыв был услышан и отбил охоту покушаться на наши земли у тех, кто об этом мечтал. Спустя 140 лет, в ходе большевистского территориального размежевания Средней Азии, те события, похоже, не были забыты. Кара-Кыргызская автономия на первых порах вошла в состав РСФСР, что спасло наш народ от растворения в общетуркестанском котле. Позднее на этой основе возникла Кыргызская ССР.

В 1783 году, на пару лет раньше, чем это сделали кыргызы, к матушке России обратился грузинский царь Ираклий II с просьбой о переходе Грузии, столкнувшейся с угрозой иноземного порабощения, под российское покровительство. Георгиевский трактат спас Грузию, обеспечил ее национальное выживание. Не откликнись тогда Россия на эту просьбу, в каком «царстве-государстве» пребывал бы ныне грузинский народ? Легендарной славой в советские времена пользовалась ленкоранская земля в Азербайджане. Она и ныне считается национальной жемчужиной. В 1795 году хан Мир-Мустафа в связи с нависающей внешней угрозой обратился к России с просьбой о помощи. По Туркманчайскому договору 1828 года это ханство было принято под российскую защиту. Протекторат России обеспечил также национальное выживание армянского народа перед лицом угрозы со стороны Турции. В XVII веке в критическое состояние попала Украина. Притязания со стороны западного соседа грозили выживанию украинской нации. Легендарный гетман Богдан Хмельницкий, движимый заботой о своем народе, принял решение, которое на века обеспечило безопасность украинской земли. 8 января 1654 года на Переяславской раде было провозглашено воссоединение Украины и России. Добровольно в поисках пути для национального выживания ушли под защиту России казахи, испытывавшие в течение многих веков агрессивные, сопровождавшиеся массовой резней, поплзновения со стороны джунгар.

При отсутствии в Евразии в былые века столь мощного сдерживающего фактора, как Россия, вряд ли многие из нынешних постсоветских государств получили бы право на существование. Скорее всего, люди на этом пространстве говорили бы на других языках, пели другие гимны, поднимали иные флаги. Приход России, например, в Центральную Азию в XIX веке был, по сути, предопределен характером повсеместно происходивших тогда на международной арене процессов, связанных с участием великих держав в территориальном разделе мира. Не приди Россия, появилась бы, скорее всего, Великобритания, если бы ей тогда удалось уйти от поражения в Афганистане. Или же в регионе одержали бы верх самые темные феодальные силы, которые были в состоянии ввергнуть Центральную Азию в гражданскую и межнациональную кровавую смуту.

Выступая во внешнем плане в роли колонизатора, Россия в то же время спасла регион от саморазрушения. Уместно в связи с этим напомнить о том, что однажды сказал великий писатель и мыслитель Чингиз Айтматов: «Порой наши национальные ура-патриоты берутся разглагольствовать о том, что Москва нас поработила. Я им всегда отвечаю: спасибо скажите, что так случилось, иначе мы были бы не лучше Афганистана».

Если вспоминать о прошлых веках, то, конечно, нельзя не видеть, что русские цари не были гуманистами и не чуждались, как это было по тем временам и в Европе, применения силы в территориальных делах. Ряд земель вошел в состав России после военных походов Ивана Грозного. Россия в свое время пыталась взять силой и черноморские проливы, расплатившись за это многими тысячами жизней своих солдат. И все же вхождение народов в состав России в большинстве случаев не строилось на принуждении, а основывалось на поисках ими защиты от чужеземных нашествий. Миролюбивые принципы относятся и к территории, раскинувшейся от Урала до Владивостока. Преимущественную роль там играла подвижническая деятельность русских «первопроходцев» — промышленников, купцов и «служилых людей», стремившихся освоить земли Сибири и Дальнего Востока, вовлечь в цивилизационный поток народы, населявшие тот огромный край. Излагая свое видение исторического процесса, связанного с местом и ролью великой российской державы в XX веке, хотел бы подчеркнуть, что в советское время — вплоть до 1980-х годов — во внутреннем плане это было устойчивое государство, оставившее, несмотря на издержки сталинского режима, позитивное наследство. На трудном повороте истории в огромной и сложной системе произошла флюктуация. В нормально функционирующей системе такие флюктуации быстро локализуются за счет эндогенных факторов стабилизации. К сожалению, система вскоре оказалась втянутой в перестроечную шумиху и попала в положение, близкое к хаосу. События того периода хорошо известны и нет необходимости вдаваться в детали.

Пора определиться с выбором!

Период после распада СССР принято называть переходным. Имеется в виду переход от советского авторитаризма к более прогрессивной системе ценностей, олицетворением которой привычно считается западный мир. С этим связывались надежды народов на развитие демократии, быстрый прогресс в социально-экономической области. Постсоветское 20-летие не принесло, однако, ожидаемых перемен. Крах советской системы некоторые политологи до сих пор связывают с пустыми полками магазинов и бесконечными очередями. Ныне полки супермаркетов заполнены до отказа, в то время как бедность заметной части населения, неудовлетворенность людей жизнью сохранились. Появились новые причины, которые революционизируют массы. Осенью 2011 года в Соединенных Штатах Америки возникло и перекинулось вовне, особенно в развитые страны, движение «Захвати Уолл-стрит!» Речь идет о массовом протесте против социальной несправедливости, усиливающегося социаль-

ного расслоения общества. Изобилие товаров, похоже, не является и не может стать адекватным ответом на современные вызовы.

Задумываясь о нынешних заботах постсоветского «человека» (применю термин А. Зиновьева), легко увидеть, что распад единого пространства, веками связывавшего близкие друг другу народы, все больше воспринимается как крупная утрата. С этим в умах людей сопрягаются многие нынешние трудности и неурядицы. Сложившееся положение противоречит и человеческому естеству. Homo sapiens, человеку разумному, изначально было присуще стремление создавать общности (семья, род, племя, этнос), которые обеспечивали его выживание перед вызовами природы и окружающего мира. На этой основе возникли нации и государства, которые в современных условиях в ответ на вызовы глобализации переходят на рельсы интеграции, объединения сил. В сфере науки гигантскую роль сыграли открытия И. Ньютона, А. Эйнштейна, ряда великих математиков, трудившихся в одиночку. Нынешний пример тому — петербургский математик Г. Перельман. Однако современный научно-технический прогресс обеспечивается происходящим под эгидой государства объединением сил ученых в крупных научно-исследовательских учреждениях и академиях наук. Писатели, композиторы, артисты, интеллектуалы объединяются в союзы, гильдии, ассоциации для придания дополнительных стимулов в их творчестве. Политически активные граждане создают партии. Трудящиеся идут в профсоюзы. Этот естественный тренд в жизни человеческого общества получил, пожалуй, наивысший взлет в создании Организации Объединенных Наций.

Нет оснований считать, что постсоветский мир после краха Союза не предпринимал активных попыток для полноценной интеграции. Свидетельством тому стало создание Содружества Независимых Государств, по сути синхронизированное во времени с рождением Союза. Изначально проявившиеся в деятельности СНГ трудности породили идеологию разносторонней и разноуровневой интеграции, нашедшую воплощение в создании ЕврАзЭС, Таможенного союза, Союзного государства России и Беларуси, а в военно-политической области — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Мотором интеграционного процесса стала Россия, ее цементирующие усилия позволили отвлечь от постсоветского пространства опасность необратимого разрушения. Что же мешает, казалось бы, естественному развитию событий на постсоветском пространстве? Не вижу здесь непреодолимых объективных препятствий. На первый план выходят субъективные факторы, связанные преимущественно с узконационалистическими мотивами в действиях некоторых постсоветских лидеров, с их ожиданиями того, что «еще немного, еще чуть-чуть» — и бедственное положение их стран сменится прекрасными картинами благополучия и изобилия в духе русской сказки о «скатерти-самобранке». Чудес, однако, в современном мире не бывает.

Надежды лидеров некоторых постсоветских стран на приобщение к Европе, на равноправное вхождение в европейские экономические структуры, а также

в НАТО оказались миражом. Еще до наступления нынешнего мирового экономического кризиса было очевидно, что путь в Евросоюз для них практически перекрыт. ЕС по территориальному охвату и членскому составу достиг предела. Кризис выявил в его деятельности серьезные трудности: “Drang nach Osten”, особенно в сторону Украины, оказался бы для Евросоюза губительным. Этот кусок ему, как говорится, не по зубам. Добавлю и другое. Если в теоретическом приближении членство ряда постсоветских государств в ЕС возможно, то такой выбор по множеству причин абсолютно исключен для государств Центральной Азии. Кроме прекраснотушной программы «Восточное партнерство» ЕС предложить им ничего не может. Не ждет ли их в этом смысле роль «международных изгоев»? Для постсоветских государств нет иной альтернативы, чем объединять свои усилия и обулаиваться на том геополитическом пространстве, которое за века сложилось на территории Евразии. Это не дань исторической инерции. Только единение открывает простор для их динамического развития.

Осуществима ли идея евразийского единения?

Поиски оптимальных форм региональной интеграции на постсоветском пространстве идут уже 20 лет в разных формах и в различных проявлениях. На данном этапе с учетом накопленного опыта ставится цель продвижения к более высокой цели, обозначенной В. В. Путиным. Евразийский союз по своим параметрам может стать наиболее оптимальной формой единения постсоветского мира. В этой идее органично слились как опыт европейской интеграции, итогом которой явилось создание Европейского союза, так и региональная специфика Евразии, народы которой в течение веков жили миролюбиво и как добрые соседи входили в состав единого государства. Не могу в данной связи не вспомнить декабрьские события 1991 года, которые до сих пор отдаются болью в моем сознании. После подписания Беловежских соглашений лидерами трех славянских республик распад СССР стал неоспоримым фактом. Будущее было в тумане. Не существовало никаких теоретических наработок, тем более практических планов на случай подобного ЧП. Сапармурат Ниязов — будущий Туркменбаши — в те дни, помнится, говорил мне о том, что обойдемся без России, создадим собственный союз в Центральной Азии, дескать, ресурсов у нас для этого более чем достаточно. Мои возражения как президента Кыргызстана были восприняты им с недоумением. Несмотря на невероятную стремительность происходивших в те дни событий, на невозможность предугадать их последствия, здравый смысл все же возобладал, пагубный поворот был предотвращен. Скрепляющим звеном для бывших союзных республик стало Содружество Независимых Государств. В глазах народов это было спасением от надвинувшейся беды. Каждый из подписантов соглашения о создании СНГ вкладывал в него, однако, собственное понимание, что внесло разногласия и позднее негативно сказалось на деятельности Содружества.

Не могу не оценить мудрость государственного руководства России в решении интеграционных проблем на постсоветском пространстве. Москва не давила, никого не гнула через колено. Даже в трудные для себя годы по-братски откликалась на просьбы партнеров о помощи. Двадцатилетие стало для постсоветских стран настоящим университетом. Представилась возможность, наряду с тщательным изучением интеграционных процессов в Европе, Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Северной Америке (НАФТА), глубоко проанализировать собственный опыт, по-новому понять и оценить роль России. Вряд ли есть необходимость повторять аргументацию В. В. Путина, изложенную в его «известинской» статье. Она дополнилась выступлением президента Казахстана Н. Назарбаева «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего» в той же газете¹, а также статьей президента Беларуси А. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции»². Нельзя здесь не вспомнить, что предложение о создании Евразийского союза государств Н. Назарбаев высказал еще в марте 1994 года в своем выступлении в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Идея не ушла в небытие, а проходила процесс вызревания, прежде чем предстала ныне в качестве реальной платформы создания Евразийского союза. История не раз показывала, что великие идеи всегда несут в себе мощный практический заряд. 18 ноября 2011 года в ходе московского саммита президенты России, Казахстана и Беларуси подписали в Кремле учредительные документы по созданию Евразийского экономического союза. Его деятельность будет опираться на Единое экономическое пространство. Организационная сторона обеспечивается Евразийской экономической комиссией. Подписанные президентами документы сразу же направлены на ратификацию в парламенты.

Переводя происходящие в настоящее время процессы на привычный для меня язык физики, усматриваю в создании Евразийского экономического союза начавшийся в области евразийского единения динамичный процесс кристаллизации. Первая локальная ячейка кристаллизации связала Россию, Казахстан и Беларусь. Ее возникновение и последующая деятельность окажут мощное притягательное воздействие на другие части евразийской региональной системы. Живительное влияние нового интеграционного объединения будет ощущаться не только на постсоветском пространстве, но и в окружающем его мире. Глубоко уверен, что, прирастая новыми членами и расширяя сферу своей деятельности, Евразийский экономический союз обретет новые качественные грани и в перспективе сможет выйти политически и экономически на уровень Евросоюза по своему масштабу и международному влиянию. На месте нынешнего слабо организованного в экономическом и политическом плане огромного евразийского пространства в обозримом будущем, в рамках десятилетия, возникнет геополитическая целостность, которая послужит связующим звеном между Европой и Азией и в целом между Западом и Вос-

¹ Назарбаев Н. От идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 окт.

² Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт.

током. Все это означает, что постсоветское 20-летие не потеряно, не прошло даром. Ядро евразийских стран при центральной роли России готовило в это время интеграционный прорыв. Он свершается ныне на наших глазах.

Вполне естественно, что вокруг идеи В. Путина о создании Евразийского союза, поддержанной другими «локомотивами» постсоветской интеграции — Казахстаном и Беларусью, стала разгораться острая дискуссия, в ходе которой «летят искры». Борьба мнений, как хорошо известно из научной практики, является движущей силой в развитии науки. То же самое отношение к политике и государственной практике. Было бы лучше, если бы критиками предлагались альтернативы, вносились новые идеи, позволяющие улучшить или скорректировать первоначальный замысел. К сожалению, так бывает не всегда. В числе наиболее жестких критиков идей евразийского единения оказался весьма уважаемый в российских научных и общественных кругах Владислав Иноземцев. В его статьях под хлесткими названиями «Холостой выстрел» и «Минусы интеграционных плюсов»¹, похоже, преследуется цель «не оставить камня на камне» от идеи евразийской интеграции. Вызывает, например, неприятие тезис о маргинальности предлагаемого российским лидером интеграционного проекта. «Новый проект постсоветской интеграции, — считает В. Иноземцев, — основан на ощущении слабости и маргинализованности каждого ее участника». В сложении потенциалов возможных членов Евразийского союза ученый не видит перспектив достижения качественных перемен. Не скрою, что мне как экс-президенту одной из постсоветских республик больно за мою страну, которую вместе с другими по существу отбрасывают на обочину. В Советском Союзе, как бы его ни чернили, всегда подчеркивалась равноправность входящих в него республик и даже пели: «За столом никто у нас не лишний». Сложение национальных потенциалов далеко выходит за рамки простых арифметических правил сложения-вычитания, привнося мультипликационный синергетический эффект. Мощь Советского Союза как великой державы в ее лучшие годы во многом зиждилась на использовании национального многоцветья. В Кыргызстане, находящемся вдали от морей и океанов, располагалось, например, производство лучших в мире сверхскоростных торпед для Военно-морского флота. На нашем знаменитом озере Иссык-Куль они и испытывались. Не говорю уже о роли республики в развитии машиностроения и создании ядерного комплекса, тем более в сельскохозяйственном производстве и т. д.

Единственным выходом для стран СНГ В. Иноземцев видит «путь в Европу», пробрасывая при этом мысль «самый прямой путь в Европу — путь одиночный». В уме невольно возникает безрадостная картина: евразийские президенты гуськом друг за другом, как бедные просители, направляются с челобитными в Европу к брюссельским боярам. Удачливые низко кланяются и благодарят за милость. Неудачливые, «не вышедшие лицом», возвращаются домой с по-

винной головой. Турция уже не одно десятилетие стучится в дверь Евросоюза. Безрезультатно! За плечами у евразийских народов века совместной жизни на единой земле, общая история. Почему они должны искать спасения и милости на другой земле, где их никто не ждет? Позиция же В. Иноземцева — это путь к евразийской стагнации. В ряде материалов по евразийской интеграции мое внимание привлекла статья Г. Бовта «Мы наш, мы свой Союз построим...»² Автор считает, что «нельзя создавать сколь-либо прочный интеграционный союз, базируясь совсем уж только на голом расчете — на тарифах, ценах, скидках, преференциях. Прочный союз не может существовать без общих ценностей. Люди, в конечном итоге, — не калькуляторы для подсчета прибылей и убытков. Поэтому, строя Евразийский союз, нам необходимо попытаться осознать, а что, собственно, будет ценностной основой нового объединения стран бывшего СССР».

На одном из мероприятий в Кремле президент России Д. Медведев также говорил о том, что единство связано не только с экономическими возможностями: «Единство обеспечивает и единое культурное пространство». Мой взгляд состоит в том, что нет и не может быть выше ценности в человеческом обществе, чем дружба народов. Евразийское единение вдохнет новую жизнь в ту многонациональную общность, которая складывалась в Евразии веками. Подлинная проверка ее прочности состоялась в годы Великой Отечественной войны. Многовековые скрепы между народами Евразии выдержат проверку и нынешним трудным временем. Исходя из опыта своей президентской деятельности, на основе изучения многовековой евразийской истории считаю идеи В. В. Путина о евразийском единении назревшими и реально осуществимыми. Моя позиция на эту тему отражена в «известинской» статье «Евразийское единение — ответ на народные чаяния»³. Реализация данной идеи стала бы историческим событием глобальной значимости. Евразийские народы ожидают, что руководители России, Казахстана и Беларуси, стоящие у истоков идеи Евразийского союза, проявят политическую волю в ее осуществлении, не позволят, чтобы брожение в определенных интеллектуальных кругах сбивало с выбранного курса.

«Плюсы и минусы» евразийского единения

В современном мире государственным деятелям и политикам при выдвигании крупных задач неизбежно приходится учитывать плюсы и минусы их реализации. Однако на переломных этапах арифметический подход призван уступить место высшей математике, в которой превалируют интегральные уравнения. Несомненно, соединенные вместе путем интегрирования евразийские страны стали бы намного сильнее, чем это наблюдается ныне. Разрозненность евразийского (постсоветского) пространства контрастирует на фоне непрекращающихся объединительных процессов в дру-

² Бовт Г. Мы наш, мы свой Союз построим // Комсомольская правда. 2011. 1 дек.

³ Акаев А. А. Евразийское единение — ответ на народные чаяния // Известия. 2011. 10 окт. См. также: *Он же*. Без крепкой дружбы народов не было бы Победы // Геополитика и безопасность. 2010. № 2 (10).

¹ Иноземцев В. Холостой выстрел // Профиль. 2011. 10 окт; *Он же*. Минусы интеграционных плюсов // Известия. 2011. 2 нояб.

гих частях мира. Возникло даже такое межгосударственное объединение, как БРИКС, стянувшее крупные государства, находящиеся на разных континентах и даже не всегда имеющие общие границы. Сложившаяся ситуация, похоже, выгодна каким-то внешним силам, иначе бы «палки в колеса» евразийской интеграции не ставились. Будучи выходцем из Центральной Азии, я, наверное, лучше, чем другие, понимаю важность укрепления связей между Востоком и Западом, образно выражаясь, возрождения в новое время и в новых условиях Великого шелкового пути. Убежден, что создание Евразийского союза высоко оценили бы в Китае, который на наших глазах начинает выходить на равновеликие с США позиции с перспективой вскоре вырваться вперед. Евразийский союз, возникший на месте постсоветского геополитического провала, способен стать для Китая ключевым партнером стратегической значимости.

Нельзя не обратить внимания и на другую сторону дела, в частности связанную с безопасностью. Восток и Запад континента находятся с этой точки зрения в неравном положении. На Западе система и структура безопасности, сложившиеся еще в период холодной войны, не только сохранились, но и существенно приумножили свой потенциал. Границы НАТО непосредственно приблизились к России. Призывы к борьбе с международным терроризмом, оправдывая принятые в сентябре 2001 года решения о создании Антитеррористической коалиции с активным привлечением военных возможностей Североатлантического альянса, фактически используются для прикрытия его глобальной экспансии. Над Востоком нависает мрачная тень НАТО. В «постсоветской» части континента на сегодня нет консолидированной структуры военно-политической безопасности, а также общерегиональной эффективной системы экономической интеграции, способных, подобно Евросоюзу и НАТО, защищать интересы своих членов на коллективной основе. ОДКБ по своему военно-политическому потенциалу и членскому составу не в полной мере отвечает потребностям региона. Еще далек от завершения процесс строительства Шанхайской организации сотрудничества. Щит ШОС будет в последующем служить для региона мощной защитой, но эта организация нацелена на более широкие задачи глобального характера. На постсоветско-евразийском пространстве назрела задача формирования собственных региональных инструментов обеспечения военно-политической и экономической безопасности, создания системы всестороннего сотрудничества, отвечающей его современным потребностям. Если мы не создадим в Евразии региональную систему сотрудничества, равнозначную по основным параметрам европейской, то постсоветский мир, оставаясь разобщенным, будет обречен на отставание. «Российский локомотив» вряд ли в одиночку вытянет его из трясины.

Продолжая тему «плюсов-минусов», добавлю еще одно соображение. В современном глобализирующемся мире наибольшего успеха достигают крупные системы, выходящие по своему охвату за национальные рамки и приобретающие транснациональный характер (банки, авиация, космос, автомобилестроение, электро-

ника и т. д.), сообщества ученых, которые сложились в так называемых «силиконовых долинах». Из теории систем известно, что наибольшую устойчивость и жизнеспособность имеют социальные системы, отличающиеся многообразием входящих в них элементов. Движение к Евразийскому союзу — это путь к наиболее оптимальной форме соединения многообразных национальных, природных, экономических, социальных, интеллектуальных и иных ресурсов наших стран в единую систему. Иного пути к прогрессу в современном мире нет. Полемика о «плюсах и минусах» позволяет внести ясность в расстановку сил. Похоже, что «минусы» остаются уделом скептиков и нытиков, большинство из которых отсеются по пути. Успеха достигают только оптимисты.

Наносит ли интеграция ущерб суверенитету?

Концепция государственного суверенитета, как известно, исторически восходит к 1648 году, когда была завершена Тридцатилетняя война и подписан Вестфальский мир. С тех пор суверенитет стал притягательным символом для народов, борющихся за независимость. Новые страны, возникшие при распаде Союза, вполне естественно считают суверенитет наивысшей ценностью, основой укрепления государственности, равноправного вхождения в мировое сообщество. В связи с этим болезненно воспринимается выпрыснутая в свое время Г. Киссинджером в геополитический обиход идея о том, что «доктрина национального суверенитета устарела». Она, похоже, служит для США циничным оправданием «гуманитарных интервенций», то есть иностранного военного вторжения на территории суверенных государств под прикрытием лозунгов о защите демократии и прав человека. При искаженно-суженном толковании суверенитета вхождение государств в состав интеграционных союзов может ложно трактоваться как путь к размыванию их суверенных прав.

Однако суверенитет — не «шагреновая кожа». Было бы ошибкой воспринимать участие государств в интеграционных процессах, а также членство в международных организациях как ущерб их суверенным правам и тем более как утрату соответствующими странами полностью или частично своего суверенитета. Напротив, своим членством в политических и экономических союзах эти страны существенно приумножают ту часть суверенитета, которая передается в коллективное ведение соответствующих межгосударственных объединений. Реальное приумножение соразмерно мощи таких объединений. Защита в рамках Евросоюза экономических интересов, а в НАТО — безопасности и территориальной целостности членов альянса обеспечивается всей совокупной мощностью этих объединений, коллективными действиями их членов. Это означает на деле многократное усиление собственных национальных возможностей стран-участниц. При отсутствии «эффекта мультипликации» существование интеграционных объединений во многом теряло бы смысл. Перед воротами Евросоюза и НАТО не стояли бы многие годы в очереди жаждущие проникнуть внутрь.

Вряд ли случайно, что рождение мифа о возможности утраты новыми независимыми странами части на-

ционального суверенитета в случае вхождения в постсоветские межгосударственные объединения произошло после распада СССР, послужив для Запада превентивным средством против укрепления СНГ и развития на его основе интеграционных процессов в Евразии. Этот миф следовало бы всемерно развенчивать, показывая на примере стран — членов Евросоюза и НАТО существенное возрастание национальных потенциалов, подпадающих под совместное ведение. Не будь Евросоюза, Греция, а вслед за ней и Италия, например, наверняка попали бы во время нынешнего кризиса в состояние дефолта и надолго опустились бы экономически на дно. Вместе с ними, похоже, утонули бы еще пять-шесть стран ЕС, при этом называют даже Францию. В то время как в Греции разгораются бунтарские настроения против ограничительных действий Евросоюза в отношении ее бюджетной политики, Евросоюз для спасения Афин от беды привел в действие все свои рычаги (списание половины госдолга, выделение крупных займов и т. д.). Характерно, что главным толкачом в этой области выступает Германия, выделяющая на цели спасения Афин значительные средства из своих национальных ресурсов. В эйфории от получения государственной независимости некоторые постсоветские страны включили в свои конституции положения относительно нейтралитета, невхождения в союзы, особенно в те, где создаются наднациональные органы. Это не мешает, однако, Украине, с одной стороны, добиваться вхождения в Евросоюз с его ярко выраженной наднациональностью, с другой — уклоняться от участия в постсоветских интеграционных проектах. В первом случае — при сомнительных, во втором — при очевидных выгодах. В статье украинского ученого С. Толстова «Перспективы Евразийского интеграционного проекта» в «Независимой газете» подчеркивается: «С экономической точки зрения участие Украины в Таможенном союзе и ЕЭП представляется выгодным и целесообразным. Имеющиеся препятствия носят политический и международно-правовой характер»¹. Так за чем же дело стало? Не пора ли снять эти препятствия? Хотел бы еще раз подчеркнуть, что для преодоления преград на пути евразийского единения, прокладывания дороги к Евразийскому союзу необходима политическая воля, способная придать законодательству соответствующих стран характер, открывающий им свободу в интеграционных поисках. Не надо делать из суверенитета жупел. Наоборот, это инструмент для обеспечения национальных интересов, которые в современных условиях неотделимы от тенденций к единению на основе интеграции.

Естественно-исторические закономерности евразийского единения неодолимы!

В споре о «плюсах и минусах» евразийского единения, как мне кажется, необходим более широкий подход, обращение к объективным естественно-историческим закономерностям. Судьба навечно определила нашим народам собственный ареал обитания на древней земле Евразии. Многие поколения наших

предшественников обживали и лелеяли эту землю, оставили ее нам в наследство. Другой у нас нет и не будет. Не обходилось без трений и конфликтов. Но все же дружба и нормы добрососедства, которыми руководствовались наши предки, всегда превалировали. Уверен, что глубинные факторы, связанные с географическим положением нашей общей земной обители, ее историей, менталитетом людей, особенностями их культуры, национальными традициями и обычаями, вековыми межнациональными связями и дружбой, совместно пролитой кровью в борьбе с чужеземными нашествиями, и в современных условиях одержат верх. Истекшее 20-летие нас многому научило.

Во весь рост снова проявилось величие России, осознающей свою историческую миссию. Москва спасла постсоветский евразийский мир от расползания и деградации. Предложенные В. В. Путиным ориентиры открывают для этого мира дверь в будущее. Нынешняя евразийская разногласица во многом вызвана стремлением некоторых постсоветских государств присоединиться — пусть и на положении пасынков — к Европе. Европейской альтернативе чуть ли не отдается предпочтение перед евразийской. Европа действительно явила собой убедительный пример развития интеграционных процессов. Страны и народы на европейском континенте, веками враждовавшие друг с другом, положившие сотни миллионов человеческих жизней в кровавых междоусобицах, развязавшие две мировые войны в XX веке, благодаря политической воле дальновидных государственных деятелей смогли, преодолев многовековую рознь, достичь единения в рамках Евросоюза, опирающегося в военно-политической области на потенциал НАТО.

Однако нынешний виток мирового финансово-экономического кризиса ярко высветил, что в основном из-за торопливости в формировании своего состава Евросоюз растерял запас прочности. 1 декабря 2011 года президент Франции Н. Саркози выступил с совместным с Германией предложением о безотлагательной разработке нового базового европейского договора. Речь, таким образом, идет о коренном пересмотре Маастрихтских соглашений 1992 года, определявших в течение 20 лет деятельность Евросоюза. Совершенно очевидно, что произойдет ужесточение требований к членству в ЕС. Возникает даже вопрос, удержатся ли в составе Евросоюза его некоторые нынешние члены. В то же время пессимистические суждения о судьбе Евросоюза, сомнения относительно его перспектив на выживание считаю неоправданными. Ясно лишь то, что на вхождение в него стран постсоветского мира фактически наложено табу. На Западе Россию и ее ближних соседей извечно считают цивилизационными чужаками. У евразийских стран есть возможность сделать собственный выбор. Соединение нашего уникального географического положения с редкостными природными, интеллектуальными, научно-техническими, индустриальными и духовными богатствами способно привести к созданию в рамках Евразийского союза мощного потенциала, равнозначного по своим масштабам Евросоюзу, с блестящими перспективами на процветание. Именно это и откроет для евразийских стран путь

¹ Толстов С. Перспективы Евразийского интеграционного проекта // Независимая газета. 2011. 31 окт.

к развитию сотрудничества с Европой с позиций равенства и взаимной выгоды. Лучше раньше, чем позже.

Дело, которое мы можем сделать сегодня, не надо оставлять потомкам. У них найдутся свои заботы. Как я писал ранее, нашему поколению еще предстоит решать множество вопросов, касающихся «интересов Евразии», в том числе вопросов евразийской безопасности¹. В своих размышлениях об исторической судьбе евразийских народов я постоянно вспоминаю выражение известного историка-советолога Н. Верта о возникновении на пространстве, которое охватывалось Советским

Союзом, прочного «социума общей судьбы». Развал СССР не разрушил этот социум. Духовные связи, тяга евразийских народов к единению не знают межгосударственных границ. Не могу в данной связи не сослаться также на завет великого сына России, выдающегося ученого и мыслителя Льва Гумилева, который призывал наши народы «объединиться, чтобы не исчезнуть». Полностью поддерживаю высказанные В. В. Путиным идеи о создании Евразийского союза. Они отвечают сокровенным чаяниям евразийских народов. Российский лидер прав — это веление времени.

Ю. В. Арутюнян²

О МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ СРЕДЕ

В России, далеко не такой многонациональной стране, как СССР, проблемы межэтнического взаимопонимания заметно обострились. Кажущийся парадокс объясним. Он связан не столько с ослаблением достаточно авторитарной системы прошлого (такое можно встретить), сколько с совершенно иными обстоятельствами.

Курс на этническую сепаратизацию, иногда проявляемый в нашем обществе со стороны отдельных этногрупп, диктуется стремлением некоторых элитарных групп *разного масштаба* расширить сферы своего влияния в обществе. При этом ими используется этническая парадигма как великодержавного, так и локально-местнического толка. Такие порой скрытые инициативы, нередкие среди односторонне этнически ориентированной части населения, находят свое «понимание» в тех или иных группах, что никак не соответствует *реальным* общественным интересам. В этих условиях особую значимость в нашем обществе приобретает осознание характера межэтнических социально-культурных процессов с конечной целью понимания объективной необходимости интеграции, призванной снять в перспективе элементы этнонациональной напряженности в любых ситуациях.

Интеграция — никак не синоним идентификации. Лингвистически это вполне очевидно. Но при интерпретации этносоциальных процессов это осмысливается далеко не достаточно.

Интеграция — общность, может быть частичная, поэтапная, но в конечном счете при благоприятной динамике всегда реальная. Идентичность означает сход-

ство, выравнивание, что отнюдь не исключает, а порой предполагает и провоцирует соперничество и противостояние между «выравненными» и в ожиданиях, и в претензиях.

Разумеется, и идентификация, и интеграция варьируют в разных социально-этнических средах. График интеграционных процессов и явлений имеет определенную «дистанционную шкалу», где позиции устанавливаются в зависимости от времени, пространства, а главное, самого «задействованного» этносоциально-го организма.

Для конкретной реализации и осмысления современных этносоциальных явлений в российской среде мы воспользуемся достаточно выразительным их проявлением в относительно благоприятном столичном ландшафте. Чтобы уйти при этом от порой излишней теоретической полемики, будем опираться на факты — этностатистические материалы, отражающие изучаемые процессы и явления если не во всех перипетиях, то в их существенных взаимосвязях и динамике. Эти данные говорят, с одной стороны, о довольно быстрой включенности основных иноэтнических (точнее, нерусских) групп в изучаемую столичную среду, с другой — о перипетиях и относительной устойчивости этнических черт в изучаемых группах, формы которых быстро трансформируются, что фиксируется, в конечном счете, этническим самосознанием.

Во всех группах, включая и русское население, этническое самосознание активно выражено. Причем у русских, в отличие от других национальностей, оно достаточно постоянно, независимо от времени включенности в «свою» российскую среду. В иноэтнических группах, причем без всякого исключения, самосознание заметно трансформируется со временем, по мере адаптации к новым условиям, — традиционное этническое самосознание в конечном счете заметно уступает место «гражданству», приоритет которого последовательно возрастает (см. табл. 1).

¹ Акаев А. А. Глобализация и евразийская безопасность // Геополитика и безопасность. 2009. № 2–3 (6–7).

² Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор книг «Этносоциология», «Постсоветские нации», «Трансформация постсоветских наций», «Москвичи глазами этносоциолога», «Москвичи. Этносоциологическое исследование», «Об армянской диаспоре в России» и др. Член редколлегии журнала «Социологические исследования». Иностраный член Национальной академии наук Республики Армения.

Таблица 1

Приоритет гражданского (и/или этнического) самосознания русских и людей других национальностей (москвичей)¹
(в % к каждой фиксированной национальности)

Национальность	Доля респондентов с приоритетом самосознания российской общности «россияне»	Доля респондентов с приоритетом самосознания «своей» национальности — «этносферы»	В том числе проживающие в столице		
			до 19 лет	20 лет и более	уроженцы
Русские	40	44	46		41
Украинцы	65	23	41	17	6
Татары	75	27	36		16
Армяне	44	32	40	31	26
Грузины	54	21	31	17	10
Азербайджанцы	32	27	34	25	16

Источник: Арутюнян Ю. В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 41, 85, 119, 150, 180, 217.

Выраженность и порой доминанта «гражданства» у нерусских, что зафиксировано в таблице, диктуется разными соображениями. Может сказываться и особая заинтересованность «гостевых», нерусских групп во включении в российскую среду, от чего избавлено русское население, естественно «у себя» укорененное. Интегративная метаморфоза самосознания этносов сопровождается множественными переменами в их социально-этнической жизни, активным приобщением к российской культуре, во многих случаях даже осознанием русского языка как «родного», интенсивностью межнациональных контактов, включая этнически сме-

шанные браки и многие другие проявления, формируемые в полиэтнической общности. Перемены все заметнее проявлялись с годами, по мере укоренения этногрупп, особенно среди уроженцев (см. табл. 1).

Исследование дает возможность оценить интенсивность существенных перемен в социально-культурном облике фиксированных этнических групп, что во многом связано с длительностью их пребывания в российской среде. Чтобы конкретнее судить об этнической трансформации этих групп, приведем лишь некоторые данные, отражающие изменения в их культуре и межэтнических контактах (см. табл. 2).

Таблица 2

Симптомы этнической трансформации нерусских москвичей (в %)

Характеристики	Украинцы	Татары	Армяне	Грузины	Азербайджанцы
Родным считают русский язык					
Все опрошенные, в т. ч. проживающие в Москве	76	24	53	44	25
до 19 лет	72	30	34	30	14
20 и более лет			48	39	24
уроженцы	100	37	83	73	57
Имеют среди ближайших друзей русских					
Все опрошенные, в т. ч. проживающие в Москве	69	58	53	48	40
до 19 лет	57	58	30	39	34
20 и более лет	70	59	55	49	40
уроженцы			67	60	55
Имеют преимущественно русских супругов					
Все опрошенные, в т. ч. проживающие в Москве	55	27	50	59	30
до 19 лет	58	22	24	34	14
20 и более лет			62	69	45
уроженцы	64	40	75	78	57
Считают Россию родиной					
Все опрошенные, в т. ч. проживающие в Москве					
до 19 лет	30	59	22	14	9
20 и более лет		64	39	27	10
уроженцы	59	73	63	57	30

¹ Источник: Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 86, 91, 93, 100, 120, 125, 127, 134, 184, 187, 190, 194, 219, 221, 224, 225.

¹ Был задан вопрос: «Кем вы себя больше чувствуете?» Предусматривались ответы: «человек мира», «европеец», «россиянин», «русский», «украинец», «татарин» и т. д. Опрошено примерно по 500 человек из каждой этногруппы. Подробнее о программе и методике исследования см.: Арутюнян Ю. В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 3–11.

Как видно по приведенным материалам (табл. 2), изменения по зафиксированным этногруппам москвичей, при всех различиях между ними, связанных с историческими, культурными и религиозными обстоятельствами, весьма однопорядковые. Все этнокультурные перемены в исследуемой среде идут сходным направлением — по существу межэтнической интеграции. Однако при всей безусловности этих результатов их все же нельзя абсолютизировать. Суть в том, что вопреки довольно распространенным представлениям приведенные материалы никоим образом не говорят об ассимиляции этногрупп, включенных в интегративные процессы, а такое понимание нередко можно встретить. Ведь даже у тех, кто весьма активно задействован в интегративных процессах, остаются нетронутыми и «корневая система», связанная с родственными отношениями, и довольно устойчивая этнонациональная идентификация, и даже в значительной мере самосознание¹. Об этом приходит-

ся говорить, так как некоторые теоретики и наблюдатели воспринимают понятия «русские» и «россияне» как синонимы². Между тем в общественном сознании они не только по-разному воспринимаются, но и ассоциируются в одном случае как этническое, а в другом — как преимущественно гражданское сообщество.

Разумеется, приведенные нами материалы не могут претендовать на отражение межэтнической интеграции во всем многообразии этих процессов в российском обществе. Ситуации в этом смысле существенно различаются по регионам, особенно этническим. Сделанные наблюдения отражают скорее всего специфику, характерную для интернационально продвинутых групп столичного региона — достаточно интегративной среды в нашем обществе. Но это представляет свой интерес для осмысления и оценки процессов межэтнической интеграции, их специфики и перспектив в развитых российских средах.

Ф. А. Асадуллин³

МОСКВА КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕГАПОЛИС (Роль и место мусульманских народов в историческом развитии столичного социума)

Существует расхожее мнение, что большие города являются своеобразными аккумуляторами истории, в которых благодаря живому творчеству людей, через диалог разных культур и религиозных традиций, из века в век создается то, что называется цивилизацией. Сказанное имеет прямое отношение к Москве, история которой способна отразить глубину и особенности российской цивилизации. В последние годы научный интерес к прошлому столицы Российского государства приобрел принципиально иные, чем раньше, масштабы и историко-культурное измерение. Это можно объяснить как открытием и привлечением историками все новых и новых архивных источников, так и расширением благодаря этому границ исследования указанной проблемы, что связано, в том числе, с изучением жизни мусульманских народов, оказавших наряду с другими значительное влияние на формирование исторического облика Москвы. Современная Москва представляет собой многослойное социальное образование, которое несет отпечаток разных эпох и одновре-

менно является источником формирования проверенных временем духовных ценностей, где сосредоточено огромное историко-культурное наследие и хранится историческая память евразийских народов, издавна населявших столицу и живущих поныне в ней.

Обращение к мусульманскому прошлому Москвы подчеркивает одну из главных ее особенностей как исторического многонационального города, способного отразить глубину и многообразие российской цивилизации, специфику ее становления и дальнейших эволюционных процессов. Древняя Москва имплицитно включала различные культуры евроазиатских народов огромной страны, а также ее как западных, так и восточных соседей — греков, поляков, итальянцев, голландцев, немцев, англичан, армян, финно-угров. Политический состав горожан определил и разнообразие конфессий, что, в свою очередь, отразилось на духовной жизни общества, особом облике города, включающем ряд социокультурных пластов и их специфическое функционирование на каждом этапе его исторического развития. Москва всегда была (и остается) не только ареной важнейших исторических событий, но и центром притяжения десятков народов, принадлежащих к арабо-мусульманскому ареалу. «Историческая прописка» евроазиатских народов, этнически и духовно связанных с исламом, которых русская летописная традиция по разным источникам именовала «бесермены», «печенеги», «агаряне», «измаильтяне», «басурмане», «турченя» и тому подобными названиями, началась, как показывают данные археологических раскопок, еще до образования Московского государства и тех населенных пунктов, которые со временем вошли в границы Москвы.

Знакомство Древней Руси с исламской цивилизацией и начало ее укоренения, в том числе на москов-

¹ Подробнее об этом см.: Арутюнян Ю. В. Об армянской диаспоре в России. Этносоциологическое исследование. Ереван, 2011. С. 73–75.

² См.: Занин В. Незаконная экономика России. М., 2011. С. 21, 245.

³ Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Сопредседатель информационно-аналитического центра Совета муфтиев России. Шейх. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

ской земле, уходит корнями в раннее Средневековье. Оно было вызвано, с одной стороны, развитием международных торговых связей с арабо-мусульманским миром, ядром которого в VIII веке был Багдадский халифат, а с другой — знаменитым путем «из варяг в греки», который проходил через территорию древнерусского государства и связывал Скандинавию с Византией. Задолго до появления на географической карте средневековой Руси населенного пункта под названием Москва на огромном по масштабам евразийском пространстве в VII–VIII веках сложились отпочковавшиеся от Арабского халифата локальные исламские цивилизационные очаги с центрами в Дербенте (Южный Дагестан) и позднее в Булгарах, столице Волжско-Камской Булгарии. Исконно духовно-религиозные традиции и культурно-бытовой уклад народов, живших в пределах этих новообразованных центров мусульманской ойкумены, были тесно связаны с исламом, что во многом предопределило характер их жизнедеятельности, отношений с соседними племенами и народами и, безусловно, не могло пройти бесследно в процессе формирования историко-культурного облика будущего Российского государства и его столицы. Современные исследователи справедливо указывают, что в целом вклад мусульманских народов в самобытное историческое развитие России не только вполне сопоставим с достижениями русского православного народа, но на начальном этапе мусульманский цивилизационный очаг развивался более динамично, и тюркско-мусульманская культура была донорской по отношению к русско-православной¹.

Феодальная Москва, представлявшая в начале XII века небольшое поселение-крепость на Боровицком холме в устье реки Неглинной, была населена, судя по археологическим исследованиям известного советского историка М. М. Герасимова (1907–1970), разнообразными по этническому составу и антропологическому облику евроазиатскими и северными племенами. «В XII в. этот край, — отмечает В. О. Ключевский, — был более инородческим, чем русским краем»². К такой точке зрения близки и современные историки. Опираясь на значительный круг исследованных источников, А. А. Формозов, придерживающийся теории миграционизма, считает, что в Подмоскovie жили племена «самого разного происхождения, между ними шло смешение и искать здесь чистый расовый тип совершенно безнадежно»³. Наряду с финно-уграми, балтами, восточными славянами (вятичами и кривичами) и другими народами население древней Москвы, входившей в состав Владимиро-Суздальского княжества, составляли прямо либо косвенно знакомые с миром ислама тюркоговорящие половцы (кипчаки) и волжские булгары.

Использование локальной московской микроистории способно, на наш взгляд, повлиять на обобщения более «высокого» макроисторического характера⁴,

¹ Религия в самосознании народа / под ред. М. П. Мчедлова. М., 2008. С. 130–131.

² Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 41.

³ Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмоскovie. М., 2007. С. 68.

⁴ Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.

а также существенно дополнить либо прояснить отдельные эпизоды формирования российской государственности, что в целом подтверждает известное замечание выдающегося русского историка Н. М. Карамзина: «Кто был в Москве, знает Россию». Актуальность этого тезиса подчеркивается тем фактом, что сегодня в Москве, в которой проживает около 10 % населения страны, как в фокусе отражается многообразная действительность Российского государства с очень интенсивным характером социополитических и культурных изменений. На полиэтничность как неизменную константу российской истории, в эпицентре событий которой практически всегда была Москва, обращают внимание не только отечественные ученые от В. Н. Татищева до М. П. Мчедлова, но и все наиболее крупные и известные на сегодняшний день зарубежные исследователи⁵. Исторический материал, связанный с Москвой, дает возможность по-иному взглянуть и на роль мусульманских народов, являвшихся на этапе становления Древней Руси «духовно ведущими народами» Российского государства. «... Не всякому народу удастся выносить самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру, — писал выдающийся русский философ Иван Ильин. — Народы, которым это удалось, суть духовно ведущие народы; народы, которым это не удалось, становятся духовно ведомыми народами»⁶. Это сложное и многоуровневое взаимодействие разных этноконфессиональных и этнокультурных общностей, где в соотношении «ведомых» и «ведущих» народов в разные эпохи преобладали две доминирующие духовные традиции, имеющие истоком ислам и восточное христианство, во многом составляет ядро российской цивилизации.

Восточно-азиатский характер столицы, бросавшийся в глаза многим отечественным и иноземным исследователям московской старины, сегодня благодаря современным открытиям в исторической науке получил значительное подкрепление, создав условия для новых научных обобщений, и прежде всего для понимания уникальности многонациональной российской цивилизации. «В сущности, Азия предчувствуется уже в Москве, — писал в 1926 году известный русский религиозный мыслитель-публицист Г. П. Федотов. — Европейец, посетивший ее впервые, и русский, возвращающийся в нее из скитаний по Западу, остро пронзены азиатской душой Москвы»⁷. Это важное наблюдение очень тонкого исследователя российской истории можно легко проиллюстрировать известными примерами московской действительности прошлого и сегодняшнего дня столицы, например, московской топонимикой, пронесшей через века и сохранившей для нас практически все исконные тюркско-мусульманские наименования ее улиц — Китай-город, Балчуг, Ордынка, Остоженка или Арбат, а также несущими отпечаток Востока образцами культовой и городской архитектуры.

⁵ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. М., 1997; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя. М., 2007.

⁶ Ильин И. А. Сочинения : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 236–237.

⁷ Федотов Г. П. Три столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209–217.

В столице нового тысячелетия из проживающих в ней 160 национальностей более 30 являются мусульманскими, то есть этнически, культурно или духовно ассоциируют себя с исламом: от градообразующего татарского народа, корни происхождения которого восходят к моменту возникновения столицы, и до динамично развивающихся общин азербайджанцев, народов Северного Кавказа, центральноазиатских государств — таджиков, киргизов, узбеков и казахов, а также турок, арабов, персов, афганцев и боснийцев. Современная Москва, как и любой европейский мегаполис, представляет достаточно пестрое в этнокультурном плане образование с очень заметной составляющей азиатских народов, насчитывающих от 1,5 до 2 млн человек. Оглядевшись вокруг, легко заметить, что мусульманский Восток, как это было так же очевидно в период динамичного развития Золотой Орды (XIV–XV вв.), стал неотъемлемой частью столичной действительности и нашего каждодневного

бытия. Но в отличие от других европейских столиц, где феномен ислама в его социорелигиозном и культурном проявлениях масштабно возник только во второй половине XX века, Москва как столица многонационального государства сама изначально была многонациональной и поликонфессиональной, во всяком случае тюрко-славянской и христиано-мусульманской.

Привлечение малоизученных и новых материалов о жизни мусульманских этносов столицы способно создать более объективную, адекватную картину бытования в ней народов, историческими и духовно-культурными традициями связанных с исламом и исламской цивилизацией в целом. Многослойность и многофакторность московской истории — возможно, ключ к пониманию сложной и противоречивой природы российской цивилизации в целом, исламская составляющая которой бесспорно имеет сегодня научное и культурное значение.

М. М. Бобров¹

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Выступая в нашем Университете в мае 1993 года с активной лекцией, Дмитрий Сергеевич Лихачев охарактеризовал Петербург как русско-европейский город — «и чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский». Эти слова точно характеризуют самого Лихачева, глубоко убежденного, что мировая культура — это прежде всего связи и отношения, взаимодействие и открытость.

Научную славу, почетные звания крупнейших университетов мира принесли Дмитрию Сергеевичу его занятия древнерусской литературой, выдающимся исследователем которой он был, полагая целью своей жизни возрождение интереса к ней. Возвращение народу памяти о семи веках своей культуры крупнейший филолог Олег Викторович Творогов назвал «патриотическим подвигом» Лихачева. Но ведь не в меньшей степени это вклад самого Дмитрия Сергеевича в мировую культуру! Нет в мире университета, где бы не изучались ныне произведения древнерусской литературы, — и это благодаря нашему замечательному соотечественнику.

Принадлежность русской культуры к общемировой через ее причастность к общеевропейской культу-

ре для Д. С. Лихачева вовсе не декларативное утверждение. Ученый убедительно доказал, что бытующее и ныне представление о Руси как лапотной и сплошь неграмотной не имеет оснований. Русский народ, один из самых древних в Европе, жил сложной жизнью, создал замечательный мир искусства, а русской архитектуры, по словам Дмитрия Сергеевича, хватило бы на десять наций. В наших библиотеках и архивах хранятся тысячи рукописных книг, свидетельствующих о высоком уровне типографского и оформительского искусства. Самобытность русской культуры создавалась, конечно, с участием множества народов, входивших в соприкосновение с Русью, однако, заимствуя многое, она оставалась самой собой — мощной и самостоятельной.

Русская культура мыслится Д. С. Лихачевым как часть европейской культуры — она имеет личный и универсальный характер и основана на свободе творческого самовыражения. Даже соборность, которую обычно считают характерной чертой православного мира, Дмитрий Сергеевич понимал как черту универсально-европейскую. Петровские реформы ученый толкует не как движение из Азии в Европу, но как переход от Средневековья к Новому времени. Допетровская Русь имела великую культуру Феофана Грека, Андрея Рублева, Сергия Радонежского — и это была европейская культура!

В работе тридцатилетней давности Дмитрий Сергеевич ставит вопросы: «Что мы сделали не только для себя, но и для всего мира и мировой культуры, для человечества и человечности? Что мы взяли у других и что мы им сами дали?» Он знает ответы, будучи доказательно убежден в «самости» русской культуры, служившей миру тысячу лет и продолжающей служить. Эта культура существовала для Д. С. Лихачева как органическая часть его самого — он ее не просто знал, но любил и лично переживал.

¹ Почетный заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, почетный доктор СПбГУП, почетный гражданин Санкт-Петербурга. С 1994 по 2005 год возглавлял кафедру физического воспитания в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Автор свыше 180 научных работ и 6 монографий, в т. ч. книг «Великие и одержимые. Воспоминания о друзьях», «Записки блокадного альпиниста», «Хранитель ангела» и др. Подготовил более 50 спортсменов высшей квалификации, в том числе победителей и призеров Олимпийских игр и мировых чемпионатов. Заслуженный тренер Российской Федерации, заслуженный работник физической культуры РФ. Мастер спорта, арбитр международной категории. Действительный член Русского географического общества. Имеет сертификаты покорителя Северного полюса (1999), Эльбруса (2001), Килиманджаро (2002), пика Косцюшко (2003). Член Общественного совета при губернаторе Санкт-Петербурга, староста Гильдии почетных граждан Санкт-Петербурга, председатель Совета ветеранов войны горнострелковых отрядов России.

Однако «мир Лихачева» не сводится к этим «семи векам» и даже не ограничивается русской культурой. Время и пространство его духовной жизни и предмет научных интересов много шире. Заинтересованно и очень лично он рассуждает о площадях мировых столиц, о Сицилии, Греции, а разговор о Киеве завершает фразой: «Одно сознание того, что в мире существует Андреевский спуск, наполняет меня, ленинградца, радостью».

Знакомство с библиографией работ Дмитрия Сергеевича — чтение одновременно увлекательное и назидательное. Он писал о Пушкине, Достоевском, Гоголе, Лескове, Толстом, Блоке, Ахматовой, Цветаевой, Пастернаке. А еще — об Асееве, Шаламове, Шкляревском, Сосноре, Кушнере... Совершенно живое, острое переживание современной литературы, потребность высказаться о ней и способность найти необходимые (свои!) слова о художественных явлениях, весьма далеких от основного предмета научного изучения. А еще музыка, театр, кино, живопись, архитектура — и в масштабе общих исторических и искусствоведческих суждений, и в анализе конкретных художественных фактов и явлений: архитектурный облик Ленинграда, Московский Кремль, Георгий Свиридов, Григорий Козинцев, Михаил Шемякин... Сады и парки... Методология искусствоведения, эстетика, лексикология, текстология, языкознание... Это, так сказать, взгляд «с высоты птичьего полета», а сколько конкретных идей, теоретических сюжетов найдут в этом материале специалисты!

Человек с огромной эрудицией, неисчерпаемым интересом к разнообразным явлениям культуры, он обладал еще и замечательной способностью многообразный мир человеческого бытия видеть *целостно*. Дмитрий Сергеевич часто повторял: «Культура объединяет», и ему было дано видеть механизмы этого единения, понимать и чувствовать энергию культурно-исторического процесса. Прошлое не было для Лихачева вчерашним днем, но мыслилось как время, продолжающееся в современности, а сегодняшний день был неотделим от общего исторического процесса, требовал ответственного поведения.

Мне было интересно прочитать его книги, даже взглянуть в академические труды — оказывается, они написаны таким же простым, ясным языком, каким он обращался к детям и молодежи, а адресованность к массовой аудитории была столь же серьезной и ответственной, как и содержание научных трудов. Более того, в наших частных беседах затрагивались те же проблемы, о которых он писал свои публицистические статьи и которые были предметом его обращений в правительство и администрацию города. Этот тишайший человек был до крайности возмущен беспорядочным строительством в Комарово безумных новорусских особняков с их показной роскошью и безвкусицей. Его беспокоило строительство в городе «домов-выскочек» (так он называл их, разговаривая со мной), превышавших по высоте Зимний дворец, чем нарушалась «небесная линия» петербургских горизонталей, прочерченных реками, каналами и контурами домов. О преобладании в облике Петербурга горизонтальных линий, определяемых водными пространствами Невы,

других рек и каналов города, эффектно «прерываемых» шпилями Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Михайловского замка, он замечательно написал в своих книгах.

В Дмитрии Сергеевиче органично сочетались выдающийся ученый, замечательный педагог, талантливый писатель, публицист и захватывающе интересный собеседник. Это единство очаровывало и покоряло. Его безупречная честность, верность убеждениям, интеллигентность, совесть, доброта и принципиальность, конечно, характеристики его индивидуального облика, но также и духовное событие нашей жизни. Не только тексты трудов и выступлений Лихачева, но прежде всего он сам, его нравственный авторитет и безукоризненная человеческая чистота стали фактом отечественной и мировой культуры. Собственная жизнь — непрекращаемый аргумент, подтверждающий его теоретические позиции. Культура, по словам Дмитрия Сергеевича, — «это нравственность прежде всего». Его не смущает императивность тона, когда он говорит об *обязанности* человека «знать, среди какой красоты и нравственных ценностей он живет», о *долге* человека быть интеллигентным, о патриотизме как *теме жизни и творчества*. Гуманизм, честь, добро, достоинство, гражданственность, любовь, нравственная чистота — ключевые слова Лихачева, ибо за ними стоят человеческие ценности, объединяющие частную и научную жизнь, отечественную и мировую культуру.

В последние десятилетия Дмитрий Сергеевич стал едва ли не самым популярным лицом в прессе, на радио, телевидении. Кое-кого это даже раздражало. На самом же деле его активное участие в жизни, причем участие именно как ученого, исследователя, было всегда. Оказавшись в 1928 году в лагере на Соловках, он изучает язык, менталитет уголовного мира, организует «Криминологический кабинет»; здесь «на нарах» написаны его статьи о картежных играх уголовников и о воровской речи. Зимой блокадного 1942 года вместе с археологом М. А. Тихоновой он пишет работу «Оборона древнерусских городов», а к 1944 году относится его исследование «Национально-героические идеи в архитектуре Ленинграда».

Жить и работать по-другому Дмитрий Сергеевич не мог. Вполне понятно, что в годы реформенного преобразования страны, сопровождающегося весьма противоречивыми и во многом опасными тенденциями, его культурно-творческая деятельность стала особенно активной. Он возглавил правление Советского фонда культуры (с 1991 г. — Российский фонд культуры), его избирают народным депутатом Верховного Совета СССР, он учреждает «Конгресс петербургской интеллигенции». Д. С. Лихачев говорит и пишет об исторической ответственности поколений; о культурной памяти, без которой нет человеческого человека; о роли традиций в разных сферах жизни; о значении интеллигенции и интеллигентности, которую, по его убеждению, надо воспитывать с 5–6-летнего возраста. Своей главной задачей в качестве почетного гражданина Санкт-Петербурга Дмитрий Сергеевич считал сбережение и развитие культуры города. Этот ценностный выбор не был только его индивидуальным предпочтением —

он был уверен, что культурой сохраняется жизнь нации и государства, культура дает смысл человеческому бытию, и это свое убеждение настойчиво стремился сделать достоянием всех.

В 1993 году Дмитрий Сергеевич был избран почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Согласившись стать почетным доктором, он оказал честь Университету, но в этом его решении не было и тени снисходительности или покровительства. Ему здесь было интересно и уютно. В благодарственных словах при вручении диплома и мантии прозвучали формулы, выразившие его искреннюю причастность нашему коллективу: «я — ваш», «мы», «наш Университет»... Здесь он чувствовал себя *своим*. По-видимому, кульминационным моментом совместной деятельности нашего вуза и выдающегося ученого стала разработка «Декларации прав культуры». Хотя этот документ пока не получил правового статуса, его значение трудно переоценить. Декларация одобрена российской научной и творческой интеллигенцией, апробирована на различных общественных форумах. Культура мыслится как «главный смысл и главная ценность» существования как отдельных народов и государств, так и мира в целом.

Было бы несправедливо полагать наши многолетние отношения с Дмитрием Сергеевичем только как «благодарственно-почтительные» (хотя и в таком их толковании нет ничего обидного для Университета). Нельзя отрицать, что понимание деятельности ученого как *выдающегося культуролога*, да, по-видимому, и какой-то дрейф его интересов в эту область науки — заслуга Университета. Пространственный комментарий к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» (*Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2006), монография А. С. Запесоцкого «Культурология Дмитрия Лихачева» (СПб., 2007) и его многочисленные статьи на эту тему в научных и литературно-публицистических журналах — только начало исследовательской работы в этом направлении, работы, которая уже сегодня вышла далеко за пределы Университета.

Ставшие традиционными Международные Лихачевские научные чтения, объединяющие представителей разных стран и культур, людей разных возрастов и профессий — живое воплощение научно-теоретических и нравственных идей Дмитрия Сергеевича.

О. Т. Богомолов¹

В ДИАЛОГЕ НУЖНЫ НАДЕЖНЫЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ СРАВНЕНИЙ²

Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основания так думать.

Президент Франции Николя Саркози

То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты...

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц

Диалог цивилизаций, развитию и обогащению которого многие годы способствуют Лихачевские чтения, предполагает обмен опытом общественного развития различных стран, информацией о достижениях в экономике, государственном устройстве, культуре. Международные сравнения результатов социально-экономического развития становятся все более востребованными. Они приобретают особую актуальность в свете взаимодействия и соревнования культур и ци-

визаций. Те, кто в таком соревновании добивается лучших результатов, пользуются большим международным авторитетом и влиянием. Моральный и интеллектуальный авторитет ведущих наций становится в наши дни важнейшим фактором мира и прогресса на нашей планете.

Меня, как экономиста, особо заботит достоверность информации, которой мы пользуемся в международных сравнениях. Мы знаем по горькому опыту авиации, чем грозит воздушным судам отказ или неисправность приборов навигации. Но не менее серьезные и более масштабные последствия могут вызвать неверные экономические индикаторы, потому что ими руководствуются правительства, принимая ответственные решения. Они формируют общественное мнение. Ошибки в экономической политике, проистекающие из неверных, а то и сознательно сфальсифицированных статистических индикаторов, обходятся, как известно, особенно дорого. Более того, они дезориентируют население и подрывают его доверие к власти, вредят взаимопониманию народов. Расхождение статистических отчетов с реальностью повседневной жизни становится тогда источником конфликтов и недоразумений.

¹ Академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР). Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

² Автор благодарит доктора экономических наук Василия Михайловича Симчере за помощь в сборе информации и консультации по вопросам статистики.

И неслучайно президент Франции призвал двух лауреатов Нобелевской премии — Джозефа Стиглицца и Амартия Сена — вместе с французскими статистиками разобраться в адекватности применяемых статистических индикаторов. Специалисты пришли к выводу, что многие показатели нельзя считать репрезентативными, и высказались за расширение и совершенствование набора индикаторов экономического развития. В первую очередь это относится к чаще всего используемому в официальных заявлениях и СМИ показателю объема и динамики валового внутреннего продукта (ВВП). С помощью этого наиболее обобщающего индикатора принято судить как о спаде, так и о подъеме в экономическом развитии стран. Глобальный кризис и усилия по его преодолению придали достоверности статистического измерения экономических процессов особую актуальность.

Прежде всего важно учитывать особенности показателя ВВП. Он измеряет *вновь созданную за год стоимость* товаров и услуг плюс сумму приходящихся в год амортизационных начислений. Поэтому в нем не учтена стоимость так называемого «промежуточного продукта», то есть того, что было произведено ранее и вошло в цену товаров и услуг, созданных в предыдущие годы. Между тем многие понимают ВВП как денежную оценку всех товаров и услуг, произведенных в отчетный период. К примеру, строительство моста занимает несколько лет. Ежегодные затраты на его сооружение (труд, материалы, оплата транспортных и других услуг) отражаются в ВВП соответствующего года. Поэтому после открытия моста в ВВП войдет не вся его стоимость, а лишь соответствующая годовая часть. Если в магазинах продан хлеб из прошлогодней муки, то в ВВП отразятся только затраты по его выпечке, а не вся стоимость хлеба. Словом, данный показатель обладает некой условностью, являясь своего рода виртуальной величиной. Он не измеряет стоимостный объем всей произведенной в стране товарной продукции и услуг, а поэтому не всегда дает адекватное представление о состоянии экономики. Как и в барометре стрелка порой показывает «ясно», а на дворе — дождь.

В качестве показателя масштабов и динамики экономического развития ВВП имеет существенные недостатки, о которых не следует забывать. Начнем с того, что в российском ВВП 60 % занимают услуги, к которым относятся не только транспорт, связь, банковская деятельность, оптовая и розничная торговля, но и образование, наука, здравоохранение, весь государственный аппарат, вооруженные силы и др. Не все услуги, учитываемые ВВП, входят в понятие «*реальный сектор экономики*». Оно все чаще упоминается в экономической литературе, хотя еще не выработано согласованного определения его содержания и количественного измерения.

Главный смысл этого термина состоит в том, чтобы выделить производство *вещественных благ и тех услуг, без которых страна и люди не могут обойтись и которые увеличивают реальное богатство страны, ее безопасность и благосостояние народа*. Некоторые услуги, отражаемые в ВВП, связаны не с приращени-

ем, а скорее с вычетом из необходимых обществу материальных благ. Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары и услуги. То же можно сказать об искусственных посредниках между производителем и конечным покупателем продукции, поднимающих цены, а стало быть, и объем ВВП. В него вносит вклад и миллионная армия частных охранников — продукт больного, криминализованного российского общества, в котором правовая и правоохранительная системы не выполняют надлежащим образом свои функции, а общественная мораль находится в глубоком упадке. В этих условиях рост управленческой бюрократии и правоохранительных служб, тюрем и исправительных учреждений, учитываемый статистикой как приращение ВВП, будет с точки зрения реального сектора экономики растратой создаваемых им благ.

Спекулятивные операции на биржах и в банковском секторе также создают ВВП. Но народ страны от этого не становится богаче, а экономика — сильнее. Словом, между ростом ВВП и показателями обновления основных фондов, улучшения занятости, демографическими показателями рождаемости и смертности, здоровья населения, пенсионного обеспечения, повышения жизненного уровня основной массы населения, снижения инфляции, подъема культуры, науки, образования, сокращения преступности и коррупции могут быть существенные расхождения. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления экономики. Если между динамикой и объемом ВВП и *реального сектора экономики* существуют расхождения, то возникает необходимость не ограничиваться в оценке итогов хозяйственной деятельности единственным показателем ВВП, а дополнять его другими важными индикаторами. Президент Словении Данило Тюрк считает, что в фокусе понимания и измерения экономического развития должно находиться «не столько производство, сколько процветание в широком смысле слова <...> Соответствующие инструменты необходимо разработать, чтобы измерять прогресс, процветание и развитие»¹. И в частности, нам нужен надежный показатель состояния реального сектора экономики. Ясного понимания его необходимости, к сожалению, еще нет. Видимо, поэтому Росстат не исчисляет его объем и динамику. В этом отношении и наука остается в долгу перед практикой. Но и власти не торопятся поставить перед ней такую задачу. Официальные данные, особенно касающиеся инфляции, доходов населения, безработицы, масштабов бедности, утечки капиталов и умов, демографии, физического и психического здоровья населения, коррупции и преступности, во многих случаях оказываются ненадежными, неадекватными реальности и потому затрудняют принятие действенных решений по улучшению положения дел.

Ограниченная репрезентативность российского ВВП объясняется и другими его изъянами. Так, для определения темпов его роста за несколько лет сравнения должны производиться в неизменных ценах,

¹ The Time of Changes. URL: <http://www.up-rs/eng>

то есть с поправкой на инфляционный рост цен. Официальной статистикой используется для этого дефлятор (поправка на рост текущих цен по сравнению с базисными). Однако его величина вызывает вопросы. Так, в 2010 году Росстат применял для приведения объема ВВП в текущих ценах к сопоставимым ценам 2009 года дефлятор в 10,3 %, тогда как цены производителей в промышленности выросли за год на 16,7 %, производителей в сельском хозяйстве — на 23,6 %, в сфере услуг — на 33,1 %. Без владения секретами магии такое сведение секторальных индексов к обобщающему дефлятору по всему народному хозяйству едва ли возможно. Но 2010 год не исключение, а привычная практика.

В 2011 году для предварительных официальных оценок динамики ВВП использовался дефлятор 15,4 %. ВВП за 2010 год в текущих ценах был оценен в 44,5 трлн руб., а за 2011 год — в 54,4 трлн руб. В неизменных ценах его прирост за год составил, как официально сообщалось, 4,3 %. Но при использовании дефлятора в 15,4 % (54,4 трлн руб. делим на 115,4 %) получаем ВВП 2011 года равным 47,1 трлн руб., что означает годовой прирост ВВП на 5,84 % ($47,1 : 44,5 = 105,84$ %). Однако по своей скромности мы объявили прирост в 4,3 %. Загвоздка в том, что такому приросту отвечает использование дефлятора не в 15,4 %, а в 25,3 %. И, видимо, эта цифра ближе к истинной величине инфляции. Возникает явная нестыковка показателей, поскольку дефлятор, представляющий поправку на рост цен на все произведенные товары и услуги, взаимосвязан с изменением потребительских цен. Рост последних, по официальным данным, составил в России в 2011 году 8,4 %. Такой отрыв (в три раза) этого показателя от дефлятора может быть лишь продуктом чистой магии. Видимо, имеет место сознательное занижение как общей, так и потребительской инфляции, а стало быть, и завышение темпов увеличения ВВП. В странах Запада разрыв между показателем потребительской инфляции и дефлятором ВВП обычно незначителен. Так, в 2011 году в США дефлятор ВВП составлял 2,1 %, а рост потребительских цен — 3,0 %, то есть на 43 % выше. В развитых странах, за исключением США, Евросоюза, Японии, оба индикатора в 2011 году совпали — 3,5 %¹.

Очевидно, что приводимые официальной российской статистикой соответствующие индексы исчисляются с большими погрешностями. Многое зависит от того, какой набор товаров и услуг и какой удельный вес в этом наборе отдельных видов благ принимаются за основу исчисления. Любой волонтаризм и произвол в этом деле способны исказить величину дефлятора и потребительской инфляции в желаемую сторону. Заниженный дефлятор и индекс потребительских цен завышает темп прироста ВВП. Учитывая социальное и политическое значение показателей динамики ВВП, их определение должно быть делом прозрачным, требующим участия крупнейших ученых и независимых экспертов.

В статистику ВВП приходится вносить поправки, связанные также с тем, что не все виды деятельности,

создающие реальные блага и, стало быть, увеличивающие ВВП, поддаются регистрации и учету. Ускользает от учета теневая экономика, достигающая в России, по разного рода оценкам, от 20 до 40 % ВВП. Сюда входит и зарплата, выплачиваемая не по бухгалтерской ведомости, а в конвертах. По некоторым оценкам, доля «серой» зарплаты может достигать 40 % всей оплаты труда. Трудно, а порой и просто невозможно оценить продукцию, полученную от приусадебных и домашних хозяйств, дачных садов и огородов, частных, неорганизованных строителей, ремесленников, ремонтников, торговцев (в том числе челноков) и других работников разных профессий, имеющих дополнительный и даже основной заработок, который не регистрируется налоговыми и иными службами. Объем этой небольшой добавленной стоимости официальная статистика приплюсовывает к ВВП в размере около 20 %. Но это весьма произвольная оценка, не опирающаяся на серьезные научные разработки, социологические опросы и выборочные проверки. Не исключено, что она занижает долю теневого продукта, в том числе подпольного производства, а следовательно, и величину ВВП.

Отдельную проблему представляет двойной счет налога на сумму добавленной стоимости (НДС), что искусственно увеличивает размер ВВП. НДС включается производителем в цену реализуемых товаров и услуг и декларируется наряду с зарплатой и прибылью как созданная добавленная стоимость. Но затем при сделке продажи товара или услуги вновь удерживается НДС с цены сделки, что рождает двойной учет этого налога в ВВП, завышая его на 2–3 процентных пункта. Правильно ли это? К завышению приводит и распространенная криминальная практика фиктивных экспортных сделок, по которым уплачивается НДС, а затем, несмотря на отсутствие фактической поставки, по требованию поставщика НДС ему возвращается. Не отличается достоверностью и учет амортизационных отчислений в составе ВВП. В интересах ускоренной самоокупаемости основных фондов они завышаются и в виде дополнительного налога перекладываются на плечи потребителей.

В то же время немалая часть созданного ВВП утрачивается из-за значительных потерь произведенной продукции и услуг, обусловленных бесхозяйственностью, бедствиями, контрабандным экспортом, вывозом капитала, отсталой технологией и т. д. По расчетам доктора экономических наук В. М. Симчеры, объем народно-хозяйственных потерь в 2010 году мог составлять около половины ВВП, или в пересчете по паритету покупательной способности около 1250 млрд долл. Это не столь уж спорная оценка, если учесть, что на создание 1000 долл. ВВП Россия затрачивает энергоресурсов в 8–10 раз больше, чем передовые страны Запада. Подобная картина наблюдается и в использовании металла, древесины и т. д. Легальный и нелегальный вывоз капитала из России в 2011 году составил не менее 80 млрд долл., а за 20 лет рыночного реформирования бегство капитала из России, по разным оценкам, достигло 1–2 трлн долл. Приходится удивляться, как страна выдержала такое кровопускание.

¹ World Economic Outlook. 2011. September. P. 186.

Однако чтобы взять такого рода потери под государственный контроль и пресечь, необходимо начинать с налаживания продуманной системы статистики вывоза капитала по всем возможным каналам, включающей экспертные оценки ускользающего от официального учета бегства капитала. Только тогда страна будет в состоянии оценить реальный вычет из создаваемого ВВП. Сегодня мы сталкиваемся с различающимися между собой (иногда в разы) оценками утечки капитала и умов, отсутствием надежной статистики связанного с этим экономического ущерба. Естественно, что российскую влиятельную компрадорскую буржуазию, сомкнувшуюся с властью, это устраивает. Так легче уходить от налогов, сохранять и укрывать награбленное не только на своих счетах в зарубежных банках, но и вложения в футбольные клубы, яхты, дворцы, замки, виллы, отели и рестораны, городские дома и квартиры в Лондоне, Нью-Йорке и других привлекательных местах. Но России и ее населению, на которых ложатся тяготы кризиса и рыночных реформ, такая практика безразлична. Советский слоган «Социализм — это учет» нами забыт, хотя в цивилизованном рыночном хозяйстве строгий бухгалтерский и статистический учет, а также независимый и добросовестный аудит остаются ключевыми требованиями и важнейшим устойчивым функционированием экономики.

Особого разговора заслуживают показатели инфляции как на российском потребительском рынке, так и на рынке оптовой торговли и недвижимости, а также ценных бумаг, кредитных и других заимствований. Естественно, что точность этих индикаторов отражается и на репрезентативности ВВП. Потребительская инфляция — крайне чувствительный для населения процесс. Публикуемые показатели роста потребительских цен сильно расходятся с реальностью, что воспринимается населением как сознательное искажение истинного социально-экономического положения в стране. Можно понять заинтересованность правительства в более благоприятных итогах, как и желание иметь «управляемую» статистическую службу. Ради этого ее подчинили Минэкономразвитию. Но для успешной управленческой деятельности на всех уровнях нужна объективная статистика, независимая от указаний сверху. Она также необходима населению, которое хочет знать правду, чтобы доверять своим руководителям. Пока такая независимость в российских условиях труднодостижима. Об этом свидетельствует опыт работы формально независимой Счетной палаты РФ, доклад которой по итогам приватизации так и не был — ввиду его остроты — обсужден на заседании Государственной Думы. Вскрытые грубые нарушения были оставлены без последствий.

Потери населения от инфляции, которая представляет собой скрытый налог на потребление, если и компенсируются государством, то частично. К тому же независимые научные исследования, исходящие из удорожания корзины товаров и услуг, потребляемых в среднем бедными и низкодходными слоями населения, свидетельствуют о ежегодной инфляции за последние 5–7 лет в 20–25 %. Тогда как официальный индекс потребительской инфляции, исчисляемый и для бедных,

и для богатых, вместе взятых, по принципу средней температуры в больнице, определялся в последние годы на уровне 7–10 %. Словом, население вправе потребовать достоверных данных, основанных на прозрачной научной методологии и подтвержденных независимыми общественными экспертами.

Нет нужды доказывать социальную значимость таких индикаторов, как прожиточный минимум, средний доход и средняя заработная плата, минимальная часовая зарплата, порог бедности, децильные коэффициенты имущественного расслоения, оценок знаний, способностей, квалификации, опыта, наконец производительности, размеров вознаграждения и качества продукции, в качестве главных характеристик и движущих сил современного прогресса. Но именно в этой области наблюдается самое значительное отставание государственной статистики и статистической науки.

Согласно экономической теории зарплата и социальные трансферты из государственных бюджетов должны обеспечивать нормальное воспроизводство «рабочей силы» — людей трудоспособного возраста. Разумеется, с учетом квалификации, сложности, интенсивности труда, влияния его на здоровье. Это предполагает удовлетворение не только самых насущных потребностей в питании, одежде, жилье, но и возможность пользоваться благами культуры, иметь необходимое медицинское обслуживание и нормальный отдых. Кроме того, воспроизводство рабочей силы, а тем более ее совершенствование требуют покрытия затрат на получение информации и новых знаний, социальную интеграцию, содержание семьи, обучение и воспитание детей. Разумеется, воспроизводственные издержки рабочей силы будут различаться в отдельных странах с учетом уровня их экономического развития, вековых традиций и обычаев, климатических условий и т. д. Но в любом случае если расходы, связанные с воспроизводством рабочей силы, не покрываются (хотя бы на минимально допустимом уровне) заработной платой и доходами, то трудовому и интеллектуальному потенциалу страны грозит деградация.

К сожалению, устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров. Такой важный критерий, как минимальная часовая заработная плата, вообще не применяется. Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), рассчитывающий восстановительный минимальный потребительский бюджет, считает, что в третьем квартале 2011 года он был в 2,6 раза выше прожиточного минимума и составлял 16,5 тыс. руб.¹, а потребительский бюджет среднего достатка — в 6,7 раза выше. Думается, что эти цифры в результате более обстоятельных статистических исследований могут быть серьезно скорректированы.

У нас имеет место огромная недооценка труда основной массы тружеников, не говоря уже о порой совершенно искаженных соотношениях в оплате сложного, квалифицированного труда и труда невысокой сложности и квалификации. К примеру, производи-

¹ Уровень жизни населения регионов России : журнал ВЦУЖ. 2011. Окт. С. 51.

тельность труда, измеряемая величиной ВВП на один отработанный час, в России уступает Италии примерно в 4 раза, а часовая зарплата — почти в 10 раз. Показательно, что в структуре российского ВВП на зарплату приходится около 33 %, на прибыль и доходы на капитал — 31 %, а на налоги — 36 %, тогда как в развитых странах Запада доля зарплаты в ВВП достигает 60 %. Из-за отсутствия надежной методологии статистических сравнений приведенные цифры могут оказаться еще менее благоприятными для оценки того, как оплачивается труд в России.

Если средняя величина заработной платы в разных рыночных системах различается в зависимости от уровня их развития, то пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника, офицера или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходятся с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда. Кроме того, это затрагивает присущее людям чувство социальной справедливости.

Между тем Всемирный банк в своем докладе «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям... Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»¹. Это подтверждает российская действительность. В результате кризиса производство и потребление в России сократились значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, но зато число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Forbes», выросло на 70 %. По их числу мы уступаем только США и Китаю.

Особенно тревожным по своим социально-политическим и экономическим последствиям для российского общества является увеличивающийся разрыв в доходах между бедными и богатыми. И опять-таки официальная статистика пытается скрасить реальное положение дел, приводя явно заниженные показатели социального расслоения населения и масштабы бедности. Согласно ее данным, средний доход бедной 10-процентной части населения в 15 раз меньше среднего дохода 10 % богатых. Но исследования, проведенные в рамках Российской академии наук, показывают,

¹ Доклад Всемирного банка о мировом развитии—2006 «Социальная справедливость и развитие». С. 2.

что этот разрыв составляет не менее 30 раз, а в Москве — даже 50, тогда как в ЕС — 7–10 раз, в США — около 15. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и непринятие необходимых мер по его снижению имеют негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ, проделанный специалистами, показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 годах могли бы возрасти на 30–50 %, а при годовом росте реальных доходов *основной массы населения* (подчеркиваем: не всего населения, а именно основной его массы) на 10 % удалось бы преодолеть процесс депопуляции.

Заниженные пенсионные выплаты и социальные пособия, которые едва покрывают коммунальные платежи и расходы на лекарства бедного населения, воспринимаются им как проявление вызывающей социальной несправедливости, как незаслуженная недооценка их вклада за прожитую жизнь в приращение национального богатства. Такая перспектива выхода на пенсию едва ли способна вдохновить нынешнее активное население России на добросовестный, инициативный и напряженный труд.

Для исправления положения нужны отказ от плоской шкалы налогообложения и переход к прогрессивной шкале, а также другие различные меры поддержки малоимущих. В США они позволяют снизить неравенство между крайними 10-процентными группами населения до 15 раз, а без этих мер оно составляло бы 68 раз. Если бы американское государство отменило, как сделали мы, прогрессивное налогообложение доходов граждан, страну постиг бы коллапс.

Очевидная истина заключается в том, что у нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества. Это следует сказать и об экономической статистике в целом. Государственный корабль в бурных водах внутреннего и глобального кризисов лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс. Их срочно нужно приводить в порядок. В дореволюционном прошлом, да и в советский период экономическая статистика имела хорошую репутацию и была представлена крупнейшими учеными. Среди них можно назвать академиков С. Г. Струмилина (1877–1974), В. С. Немчинова (1894–1964), члена-корреспондента АН СССР В. Н. Старовского. Славные традиции общегосударственной и местной российской статистики необходимо возродить. Преобразовать и модернизировать Россию в условиях отсутствия достоверных статистических показателей или их искажения и подтасовывания не удастся. Ее обновление связано с честной реалистичной оценкой ситуации, правдивой и доступной народу информацией о положении дел в экономике и социальной сфере. А это влечет за собой необходимую государственную поддержку развития статистической науки и тесную связь реформируемой статистической службы с наукой.

Хайнрих Бонненберг¹**ЕВРОПЕ БЫТЬ**

Я очень рад, что у меня есть возможность представить вам Европу будущего такой, какой она видится мне.

Что такое Европа?

Говоря о Европе, я имею в виду не географическую Европу с границей на Урале. Под Европой понимается скорее культурное и экономическое пространство, включающее всю «большую» Россию. Европа как культурное и экономическое пространство простирается от Гибралтара и Исландии на Западе Европейского континента до русской Чукотки на Востоке, то есть от Атлантического до Тихого океана. Некоторые политики и журналисты усматривают различия между Европой, с одной стороны, и Россией — с другой. Эти господа либо не имеют достаточного образования в области культуры и географии, либо желают вогнать клин в отношения между европейцами. Фактом является то, что Россия — это часть Европы, а Европа — больше чем Европейский Союз.

Европейский Союз нуждается в России, а Россия — в Евросоюзе. А вместе они испытывают необходимость в сообществе обустроенной Европе, как бы она ни выглядела. Эта Европа должна обрести свою идентичность и свои мифы, а также собрать силы, чтобы выстоять в глобальном мире будущего.

Центральной задачей должно стать преодоление предубеждений, существующих между гражданами и государствами Европы. Для этого необходим диалог между образованными людьми, не боящимися правды, которая может предстать в процессе открытого рассматривания исторического прошлого.

Конкуренты

Конкурентами Европы являются Китай, Индия и Америка.

Согласно подсчетам ООН, в 2025 году на Земле будет проживать около 8 млрд человек, а в 2050 году — 9,2 млрд. Изобретение самолетов, контейнеров и микрочипов сделало наш мир меньше; люди, грузы и информация в любое время могут очень быстро (а иногда моментально) попасть в любую точку мира.

Существование постоянно совершенствующихся информационных технологий побуждает граждан требовать прозрачности работы тех, кто отвечает за принятие решений, а также административных структур. Средствам массовой информации понадобится

новый кодекс поведения, который будет учитывать чрезвычайно разнообразные информационные технологии.

В будущем появятся большие проекты, связанные с такими проблемами, как сохранение многообразия природы, использование космоса, развитие генной инженерии, межконтинентальное энергообеспечение, использование Мирового океана, модернизация Африки.

Потребность в современной технике велика. Кто будет ее производить? Возрастет конкуренция в сфере производства станков, оборудования и исходных продуктов для изготовления промышленных товаров и товаров повседневного спроса.

Несколько слов о конкурентах Европы, ведь речь в конечном счете идет о нашем будущем.

Говоря о Китае, следует учитывать исконные свойства китайцев, которые являются определяющими в любое время и при любых обстоятельствах:

- 1) стремление анализировать чужой опыт и перенимать в нем самое лучшее;
- 2) способность адаптировать найденное с максимальной выгодой;
- 3) мужество, готовность рисковать;
- 4) невероятное усердие.

Китайская Народная Республика имеет несравнимый ни с какой другой страной в мире потенциал рабочей силы. Стране нужна работа, прежде всего создающая дополнительную стоимость, для обеспечения мира внутри КНР. Сельское хозяйство не в состоянии удовлетворить эти потребности. Китай загнан в угол. Выход — производство промышленных товаров и товаров народного потребления.

Республика Индия тоже нуждается в работе, это страна, не имеющая ресурсов и серьезного рынка. По этой причине индийцы создали для иностранных предпринимателей и предприятий работающие по всему миру уникальные колл-центры и построили мощную высокотехнологичную промышленность, ориентированную на создание программного обеспечения, например для логистики и планирования. Имея большие запасы знаний о Европе и Америке, Индия, подобно Китаю, движется по пути, в конце которого она может стать важным плацдармом для производства высокотехнологичной промышленности.

Несколько слов о политике США. Можно сказать, что президент Обама положил конец односторонней политике США и стремлению быть шерифом во всем мире. Теперь США и другие государства Америки в условиях равноправия будут вместе развивать единый рынок в рамках американской зоны свободной торговли — от Аляски до Огненной Земли.

Европейское СНГ и Европейский Союз

Для того чтобы в будущем выстоять в конкурентной борьбе против Китая, Индии и Америки, Европа должна и содержательно, и организационно сконцентрировать свои силы и сделать это более энергично,

¹ Доктор технических наук. Изучал физику и экономику в университетах Аахена и Берлина. Является экспертом по вопросам безопасной эксплуатации ядерных электростанций. В 33 года основал собственную компанию, которая занимается разработкой объектов для защиты окружающей среды, в том числе — объектов для сжигания мусора. Хайнрих Бонненберг — немецкий общественный деятель, член Немецкого общества внешней политики, попечительского совета Немецко-Российского форума, эксперт по вопросам безопасной эксплуатации ядерных электростанций. После 1990 г. занимал руководящие позиции в государственных предприятиях ФРГ и отвечал за проведение приватизации предприятий бывшей ГДР; был руководителем компании «Энергиверке Норд», которая «встречает» газопровод «Северный поток» из России на территории Германии.

по сравнению с тем, как это происходит сейчас, — это касается как Восточной Европы, так и Западной. Мягкая «подстилка» национального тщеславия и самодовольства должна уступить место твердому ложу, которое не будет располагать к отдыху и расслаблению, а заставит работать.

Европа будущего — от Атлантики до Тихого океана — насчитывает 46 стран. При этом я не включил сюда европейскую часть Турции и Казахстана, однако учитывал Кипр, который (хотя и не включен в географическую Европу) входит в Европейский Союз.

Четыре страны Восточной Европы — Россия, Украина, Беларусь и Молдавия — объединены с другими бывшими советскими республиками в Содружество Независимых Государств (СНГ). В дальнейшем я буду называть европейскую часть СНГ, включающую Россию, Украину, Беларусь и Молдавию, «европейским СНГ», прекрасно осознавая, что такового объединения в договорно-правовом смысле не существует, однако он представлен в культурном контексте.

В Европейский Союз объединены 27 стран Западной и Центральной Европы. В этой большой Европе проживают примерно 740 млн человек.

Интересно также посмотреть на территориальные пропорции. Россия с площадью 17 млн км² — самая большая страна в мире, почти в два раза больше Китая. Даже если мы будем рассматривать площадь России только в рамках географической Европы, то есть до Урала, то и в этом случае Россия будет стоять на первом месте большой Европы (не только по количеству населения, но и по площади).

Европейское СНГ с четырьмя восточноевропейскими странами, как и Европейский Союз с 27 странами Западной и Центральной Европы, должно быть готово к конкурентной борьбе с Китаем, Индией и Америкой. Обе группы стран должны выступить единым фронтом — как Европа. Для европейского СНГ это означает, что оно обретает единое культурно-экономическое пространство, учитывающее интересы своих граждан. А для существующего культурно-экономического пространства Европейского Союза это означает, что в нем будут учитывать мнение граждан.

Европейское СНГ пока еще не организовало себя как единое культурно-экономическое пространство и не выступило единым фронтом. Также странам европейского СНГ пока не удалось совместно выступить в рамках Европейского Союза. Странам мешают объединиться и внешние факторы.

Однако Европейский Союз действует несогласованно с европейским СНГ. Его так называемое «восточное партнерство» предполагает обращение к европейским (Беларуси, Украине, Молдавии) и азиатским государствам Южного Кавказа (Грузии, Армении и Азербайджану) без вовлечения России в будущее соглашение об ассоциированном членстве. По отношению к России это не вполне корректно, тем более что Евросоюз этим шести государствам, включая Грузию, обещает членство в ЕС, пока, правда, лишь в устной форме. Россия чувствует себя изолированной и обманутой.

Руководящие структуры Европейского Союза и их способы принятия решений не соответствуют пред-

ставлениям о демократии. В действительности Европейский Союз управляется наднациональным органом — Европейским советом, в который входят главы правительств стран-участниц. В органах, представители которых не избираются, а делегируются, обычно имеет место борьба за должности.

При этом страны Европейского Союза достигли больших успехов в равноправном отношении к фактологии — и в этом сила ЕС, а его слабость заключается в недостаточном эмоциональном вовлечении граждан.

Примирение и способность к борьбе ускорили создание Европейского Союза. Эти качества будут иметь первостепенное значение и для построения нашей Европы — от Атлантики до Тихого океана: примирение между Восточной и Западной Европой и способность к борьбе с экономическими конкурентами, означающей борьбу за создание дополнительной стоимости.

Что касается гражданина Европейского Союза, то его на самом деле пока не существует. В настоящее время Европейский Союз отличает консенсус между странами — членами Европейского Союза, а не между гражданами. Пока не существует общности Европейского Союза. Однако она нужна в ЕС, так же как и в нашей большой Европе. В этом случае нужды граждан в регионах будут учитываться в большей степени. Идентификация Европейского Союза и в конечном счете большой Европы стала бы осязаемой для граждан.

На пути к Европе

Членство в Европейском Союзе требует от стран отказа от суверенных прав.

Российская Федерация с ее масштабами, богатствами и чувством собственного достоинства вряд ли готова уступить суверенные права, тем более уступить их недемократическому образованию, на которое отдельные страны — члены ЕС имеют все меньше влияния.

Если Европе будущего суждено состояться, то необходимо найти для этого такую форму, которая удовлетворяла бы в равной степени требования и условия Европейского Союза, европейского СНГ и в конечном счете — Российской Федерации. Важно чтобы на пути к Европе НАТО осталось в стороне, не участвуя в этом процессе.

Во времена моей молодости Европа выглядела по-другому. В то время существовал так называемый «железный занавес» между идеологией равенства и планирования на Востоке и идеологией свободы и конкуренции на Западе.

В более ранней истории уже существовало разграничение между Восточной и Западной Европой. Оно произошло в середине XIII века и было инициировано православной церковью. Изначально это был ответ православной церкви на агрессивную политику миссионерства со стороны римско-католической церкви на Северо-Востоке Европы. Это разделение длилось 450 лет. Оно привело к тому, что в обеих частях Европы наметились разные тенденции развития.

Примерно 300 лет назад Петр I преодолел «железный занавес» Средневековья вопреки желанию Русской православной церкви. Он основал Санкт-Петербург

и создал там академию наук по западноевропейскому образцу.

Петр Великий, преодолевший изоляцию России, является «отцом» большой Европы — от Атлантики до Тихого океана. Он состоял в тесном контакте с немецким философом и естествоиспытателем Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Лейбниц предложил России множество проектов, связанных с добычей полезных ископаемых, улучшением транспортной инфраструктуры, созданием фабрик, осушением болот, формированием новой судебной системы.

Требования

Европейцам необходимо думать об идентичности Европы, чтобы выдержать борьбу с конкурентами. Обязательным условием при этом является коллективное самовосприятие Европы. Элита Европы призвана сформировать идентичность и ценности Европы.

Необходимо критическое осмысление национального и регионального эгоцентризма. На сегодняшний день мир в Европе достигнут, а военные и идеологические угрозы — дело прошлого. Активно ведется торговля, имеется возможность беспрепятственно путешествовать, совершаются взаимовыгодные инвестиции. Стало реально общение, выходящее за пределы государства.

Элита Европы должна попытаться вернуть отчасти утраченную культуру ведения дискуссий, главным образом на тему общих интересов и перспектив, с целью преодоления имеющихся или потенциальных ошибочных оценок и предрассудков. Положительный пример в сложных ситуациях должна давать молодежь. Элита должна позаботиться о том, чтобы в дискуссиях о будущем Европы учитывались интересы и потребности ее граждан.

Идентичность Европы

Идентичность предполагает принадлежность индивидуума или социальной группы к определенному коллективу. Совместно пережитое, в частности совместно пережитые страдания, стимулируют это чувство. Основа идентичности — осознание собственного отличия от других индивидуумов или групп, касающегося представлений о культурных ценностях, языке, обычаях и традициях и других аспектов.

Коллективная идентичность формируется на основе совместных переживаний в прошлом, настоящем и будущем. Это означает, что европейцы должны анализировать свою историю, принимать во внимание происходящее и осуществлять совместные будущие проекты. Таким образом они смогут открыть для себя идентичность Европы.

Я назову важные, на мой взгляд, идентичности Европы.

Средиземноморский регион

Важной составляющей коллективной памяти Европы является побережье Средиземного моря — «колыбель Европы».

На восточном побережье Средиземного моря около 2500 лет назад возникла древнегреческая цивилизация — «сердце» Европы. Античное греческое государство-город — полис — подарило Европе демократию, верховенство закона и равенство всех перед законом.

Частью греческой мифологии является миф о Европе.

На западном побережье Средиземного моря примерно 2500 лет тому назад возникла Римская империя. Она подарила Европе римское право и знания о проведении эффективной политики и управлении крупным государством.

Торговля и миграция связывали греческую и римскую цивилизации. Греческая культура оказала плодотворное влияние на римскую цивилизацию.

На Востоке древней Европы говорили на греческом языке, на Западе — на латинском. На Востоке уважали греческую интеллектуальность, а на Западе — римский государственный прагматизм.

Христианство также зародилось на побережье Средиземного моря и вскоре распространилось в западной Римской империи и в восточной Византии.

Европейская цивилизация, зародившаяся на побережье Средиземного моря, представляет собой синтез греческого, римского и христианского духа. Греческий дух подарил этому синтезу идею свободы, справедливости и красоты, римский — идею государства и права, а христианство — веру и любовь.

Средиземноморский регион — важная составляющая идентичности Европы.

Обращение в христианство

Постепенно Римская империя утрачивала свое значение. На Западе германский предводитель Хлодвиг I приблизительно в 500 году принимает христианство в «латинской» форме. На Востоке Владимир I Рюрикович приблизительно в 1000 году принимает христианство в «греческой» форме.

В процессе обращения в христианство использовались ритуалы обеих церквей — культурное наследие германцев, кельтов и славян. Монотеизм в обоих случаях является свидетельством легитимации центральной власти наряду с адаптацией государством методов церковного управления.

Обращение в христианство — важная составляющая идентичности Европы.

Разделение церквей

В 1054 году произошло разделение церкви на римско-католическую и православную, главным образом вследствие политики, проводимой этими церквями, а также из-за догматических и литургических различий.

Разделение церквей — важная составляющая идентичности Европы.

«Земля Русская»

В XIII веке начинается татарско-монгольское нашествие на Европу. Киевская Русь распадается на малые княжества. Это разделение «земли Русской» глубоко укоренилось в коллективной памяти большинства людей в России, Беларуси и Украине. «Родина-мать» на-

зывают русские «землю Русскую». Великим русским князьям и позднее царям удается объединить княжество Киевской Руси. Им потребовалось около 450 лет. Важную роль в этом сыграли великий князь Иван III, царь Алексей Михайлович и императрица Екатерина II. В 1918 году великая империя перестала существовать, но через некоторое время возродилась в виде Советского Союза, который распался в 1991 году. Современная западная граница России проходит там, где она находилась при царе Алексее Михайловиче, отце Петра Великого, примерно 350 лет назад.

Особые отношения между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Украиной в большой мере объясняются желанием вновь объединиться.

Западной Европе следует уважительно относиться к драме разделения «земли Русской» на братские государства — Россию, Беларусь и Украину — и стремиться к достижению подлинной дружбы, способной преодолеть эту ситуацию.

«Земля Русская» — важная составляющая идентичности Европы.

Колонизация

В середине прошлого тысячелетия Европа стала слишком мала для европейцев в пространственном и духовном отношении. Отправились в путь первые завоеватели. Западные европейцы захватили заморские территории, а Россия — значительные территории Азии. Европейцы, сопровождаемые миссионерами, колонизировали мир. В то время зародились огромные колониальные империи, которые распались в XX столетии — ни одна из них не смогла сформировать прочную идентичность.

Колонизация — важная составляющая идентичности Европы.

Просвещение

Главными центрами духовного просвещения, основными требованиями которого являются свобода вместо самодержавия и равноправие вместо сословной иерархии, были Англия, Франция, Голландия и позднее Германия. Научные знания приходят на смену старым предрассудкам, терпимость — на смену догматизму. В России идеи Просвещения воплощает в жизнь Петр Великий. Он создает в Санкт-Петербурге Академию наук.

Просвещение оказало на Европу влияние, сравнимое с влиянием христианства. Некоторые современники придают ему еще большую значимость.

Просвещение — важная составляющая идентичности Европы.

Страдания

В течение последних ста лет военные и идеологические конфликты оказали значительное влияние на Европу. Они стали причиной человеческих страданий: в ходе двух кровопролитных мировых войн Европа потеряла миллионы людей.

Первая мировая война унесла жизни почти 17 млн человек, привела к изменению государственного устройства России и Германии и изменению границ

в Восточной Европе, в первую очередь за счет разделения «земли Русской». Жертвами Второй мировой войны стали 55 млн убитых, раненых и пропавших без вести в Европе и Восточной Азии, из них 39 млн — в Европе.

Одно из самых страшных преступлений Второй мировой войны — геноцид, совершенный немцами и унесший жизни 6 млн человек, главным образом евреев из стран Центральной и Восточной Европы.

Эта страшная мировая война породила войну идеологий: с одной стороны, «равенство и планирование», с другой — «свобода и конкуренция» (вольная интерпретация идеалов Французской революции). НАТО и страны — участницы Варшавского договора противостоят друг другу, бряцая ядерным оружием. Необходимо исторически переосмыслить эти события, для того чтобы освободить Европу от боли воспоминаний и укрепить доверие между странами.

Страдания XX столетия — важный эмоциональный компонент коллективной памяти Европы.

Страдания XX века — важная составляющая идентичности Европы.

Преодоление разделения

После падения Берлинской стены 9 ноября 1989 года происходит объединение двух государств, образованных после Второй мировой войны, — Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики. Немцы благодарны за это истории.

Другие регионы, которые Германии пришлось уступить после окончания Второй мировой войны, переходят по большей части в ведение многострадальной Польши (отделены аннексированные в 1939 г. территории), на протяжении двухсот лет переживавшей тяжелые испытания. Эти регионы сегодня являются частью Европейского Союза, а для немцев — частью европейской родины, нашей общей родины.

Преодоление разделения — важная составляющая идентичности Европы.

Социальная рыночная экономика

Важным результатом войны идеологий является утверждение социальной рыночной экономики, в условиях которой государство вырабатывает определенные действия, особенно в области экономики. Важный принцип таких рамочных условий — солидарность по отношению к социально незащищенным слоям населения: здоровые помогают больным, богатые — бедным, молодые — старым.

Социальная рыночная экономика — важная составляющая идентичности Европы.

Мифы Европы

Европа нуждается в мифах. Они оказывают эмоциональное воздействие, пробуждают чувство солидарности, сплоченности. Мифы посвящены личностям, представляющим общие интересы и отождествляемым с выдающимися событиями и определенными духовными течениями. Кроме того, существуют мифы, напоминающие о важных событиях. Национальные мифы

при этом скорее препятствуют, чем содействуют пробуждению чувства солидарности.

Назову некоторые, на мой взгляд, важные мифы Европы.

Мифы Европы, посвященные личностям

Фауст олицетворяет состояние душевного раздора между силой веры и прочностью научных познаний (до заключения соглашения с дьяволом).

Дон Жуан является воплощением мужественности (до заключения союза с дьяволом).

Петр Великий поражает своей активностью. Он персонализирует соединение Западной Европы и России. Является основателем Санкт-Петербурга, первого настоящего центра Европы.

Петр Великий — отец Европы, о которой идет речь в моей статье, той Европы, которая до момента падения Берлинской стены находилась под «завалами». Значение Петра Великого для Европы до сих пор по достоинству не оценено.

Наполеон удивляет своим взлетом — от революционера до французского императора. Он охраняет завоевания Великой французской революции 1789 года и формирует современную административную, правовую и культурную основы французского общества. Он устанавливает новый порядок в Европе и становится начинателем эмансипации меньшинств, в первую очередь еврейского меньшинства.

Карл Маркс. В 1999 году канал «ВВС» провел опрос на тему «Важнейшие мыслители тысячелетия». Подавляющее большинство респондентов отдало предпочтение Карлу Марксу. Карл Маркс опирается на идеи европейских философов и мобилизует социально-реформаторские и социально-революционные силы. Советский Союз «экспортирует» марксизм по миру.

Питер Устинов поражает огромным талантом, проявившимся в кино, театре, литературе и искусстве.

Он называет предрассудки самым большим злом человечества. Генеалогическое древо его семьи включает русских, французских, швейцарских, еврейских и итальянских предков. Питер Устинов олицетворяет собой глобализацию, которая заключена в культуре Европы.

Мифы, связанные с событиями в Европе

Лейпцигское сражение — одна из крупнейших битв в мировой истории. В ней приняли участие все крупные державы Европы.

Водружение советского флага на здании Рейхстага в Берлине. Это событие, произошедшее в мае 1945 года, символизирует победу над страшнейшим врагом человечества — фашизмом. Никогда прежде в Европе не нарушались законы мирного сосуществования людей в таком масштабе, как это было при Гитлере.

Падение Берлинской стены. Европа вновь стала единым целым.

Проекты

Конкуренты — Китай, Индия и Северная Америка — не будут ждать. Глобальное соревнование активно продолжается. Европа должна быть готова ко всему. Важным требованием при этом является искоренение имеющихся предрассудков и недоверия в самой Европе.

В связи с вышесказанным можно предложить следующие проекты:

1) проведение конференции «Европа», посвященной потребностям Европы и ее перспективам. Место проведения конференции — за пределами Европейского Союза, Российской Федерации и государств — членов НАТО, к примеру в Швейцарии, где демократия образцово реализуется на практике;

2) наполнение ценностей научным содержанием с целью определения канона ценностей общества, государства и экономики в будущей Европе, приближенных к ценностям Европейского Союза и Российской Федерации;

3) проведение заседаний круглого стола на тему идентичности и мифов Европы в европейских городах — Санкт-Петербурге и Берлине;

4) реализация инновационных технологий (в том числе в результате признания теории больших циклов экономической конъюнктуры русского экономиста Николая Дмитриевича Кондратьева), разработанных центрами науки Европейского Союза и братских стран — Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины;

5) проект превращения Европы в центр образования, научных исследований и развития с учетом использования интеллектуального потенциала Европы;

6) обмен школьниками, учащимися профтехучилищ, студентами, молодыми специалистами с целью изучения европейских языков, а также повышения квалификации; организация сетевой работы среди учащихся и студентов;

7) включение учебной дисциплины «Европа» в программу всех школ Европы.

Выводы

Необходимо преодолеть взаимные предубеждения, в первую очередь недоверие по отношению к Европе. Это важная предпосылка для того, чтобы Европа смогла выдержать глобальную конкуренцию. Эти вызовы должно осознать молодое поколение. Ему не следует бояться потеснить старшее поколение, стесняясь своего отношения к Европе ради своего будущего.

А. Е. Бусыгин¹

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Основу российской культуры составляет великая русская культура. Она оказала влияние на развитие культуры многих народов и вызывает большой интерес в мире. Прежде всего это русская литература, музыка, живопись, то есть русское искусство. Русская культура обладает ярко выраженными национальными чертами. Как шло становление и развитие феномена русской культуры? Продолжается ли ее развитие сегодня? Как оно происходит?

В последнее время часто говорят о необходимости уделять особое внимание русской культуре. Высказываются опасения относительно ее сохранения. В условиях современной глобализации подобные вопросы волнуют и представителей других национальных культур. Действительно, если исходить из того, что культура, по определению Ю. М. Лотмана, — это «негенетическая» память коллектива², сохранение культуры возможно только при условии непрерывности нравственной, интеллектуальной, духовной жизни этноса как целого. В современных условиях границы русского мира расширяются, но одновременно многократно усиливается воздействие на русскую культуру со стороны культур других народов, все более интернационализирующейся городской культуры. Возникает опасность размывания этноса, утраты многих черт национальной культуры, перемещение ее важных составляющих из повседневной жизни в музей и на подмостки сцены. Сегодня мы наблюдаем исчезновение национального костюма, исторического фольклора... Поэтому русская культура нуждается в особом отношении.

В прошлом русская культура развивалась, испытывая на себе влияние культур других народов. На протяжении веков она впитывала элементы других культур. В итоге длительного диалога многих национальных культур, с одной стороны, и русской культуры — с другой, к началу XIX века сложилась национальная русская культура.

Почему речь идет о начале XIX века? Здесь мы приведем авторитетное мнение Ю. М. Лотмана: «Это время, когда оформлялись черты новой русской культуры, культуры Нового времени, к которому — нравится нам это или нет — принадлежим и мы»³. Язык А. С. Пушкина — это современный русский язык. М. И. Глинка положил начало русской опере. Сложился образ жизни русского дворянства, которое породило плеяду великих деятелей русской культуры XIX — начала XX века.

¹ Заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ I-го класса. Автор монографий и статей по проблемам экономической теории, экономическим проблемам федерализма, серии статей по вопросам государственной службы, государственной политики в сфере культуры, книги «О роли культуры в развитии современного российского общества» и др. Награжден орденом Почета, почетной грамотой Президента РФ.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2011. С. 8.

³ Там же. С. 14.

Основы русской культуры сложились в результате взаимодействия славянских племен с другими народами. Известный историк К. Бестужев-Рюмин еще в позапрошлом веке писал в своей работе «Русская история»: «Великоруссы, как все великие исторические народы: римляне, англичане, французы — являются народом смешанным. Славянская цивилизация севера и северо-востока, начавшаяся еще во времена исторические (очевидно опечатка, по смыслу должно быть «доисторические». — А. Б.), успела мало-помалу отождествить с собою разрозненные финские племена»⁴. Эти племена, «растворяясь» среди славян, неизбежно приносили в их быт элементы собственного быта, элементы материальной культуры.

Подобное взаимовлияние культур имеет место достаточно часто. В Среднем Поволжье оно наблюдалось на протяжении XVI–XIX веков по мере колонизации русскими региона, где издревле проживали предки современных татар, башкир, мари, мордвы, удмуртов. Эти народы воспринимали элементы культуры русских (прежде всего материальной), а русские в свою очередь заимствовали элементы культуры у этих народов. Более того, русские переселялись в Поволжье с Севера и Юга, из центральных областей России. В различных регионах русские характеризовались разным говором, различными элементами материальной (расположение построек крестьянского двора, устройство избы, одежда и др.) и духовной культуры (свадебные обряды, традиции и пр.). Еще в середине XX века этнографы по сохранившимся различиям могли реконструировать историю заселения этого края, четко определить, выходцами из каких регионов России являются жители той или иной деревни в Среднем Поволжье. К сегодняшнему дню эти различия практически стерлись.

Продолжим цитировать сочинение К. Бестужева-Рюмина: «Ни летописи, ни предания не знают ни общего истребления финских племен на тех местах, где знал их первоначальный летописец, ни общего переселения их оттуда, а между тем современный этнограф не находит их на этих местах; стало быть, они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерождение это началось, как мы заметили, в эпоху доисторическую уже и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говорит в пользу сравнительно мирных нравов наших предков»⁵. Таким образом, предки великороссов абсорбировали финские племена, но при этом воспринимали элементы их культуры, которые постепенно становились для них своими. Следует лишь добавить, что в более поздние времена нрав наших предков перестал быть столь мирным. Очевидно, сказалось влияние монголо-татарского ига.

⁴ Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 64.

В. О. Ключевский писал об этом труде К. Н. Бестужева-Рюмина: «Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно надобится как путеводитель при обзоре осматриваемого города» (Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 370).

⁵ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 64.

Одна из характерных черт русского народа — способность воспринимать и делать собственными элементы культур других народов. Еще в юности я заметил, насколько органично создатели отечественных фильмов экранизировали заграничную жизнь любой эпохи — от Средневековья до эпохи Новейшего времени. В то же время смешно было наблюдать попытки иностранных кинематографистов отобразить на экране российскую действительность.

Вот что писал в своем фундаментальном труде «Очерки по истории русской культуры» известный историк и политический деятель П. Н. Милюков: «Такие наблюдатели и судьи, как Белинский и Достоевский, признали в конце концов самой коренной чертой русского национального характера способность усваивать всевозможные черты любого национального типа. Другими словами, наиболее выдающейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья. За границей нередко можно натолкнуться на косвенное подтверждение этого вывода. В наших соотечественниках часто узнают русских только потому, что не могут заметить в них никаких резких национальных особенностей, которые бы отличали француза, англичанина, немца и вообще представителя какой-либо культурной нации Европы. Если угодно, в этом наблюдении заключается не только отрицательная, но и некоторая положительная характеристика»¹.

Но времена изменились. Современные русские люди за рубежом узнаваемы и в большинстве случаев идентифицируются безошибочно. П. Н. Милюков прав в том, что способность усваивать черты иных национальных типов — это свойство скорее положительное, чем отрицательное. Эта способность подпитывает национальную культуру, обогащает ее, придает ей новый блеск, открывает новые грани.

Здесь следует вспомнить дискуссию о том, почему именно Москва стала столицей Российского государства. Общеизвестна точка зрения, согласно которой Москва обладает удобным географическим месторасположением, пересекающимися торговыми путями. Митрополит Иоанн в своем произведении «Русская симфония: Очерки русской историософии» утверждает, что «именно превращение Москвы в центр русского православия определило ее судьбу, до того ничем не отличавшуюся от судьбы других русских городов»².

Также приведем спорную, но не менее интересную концепцию исторического процесса Л. Н. Гумилева: «Причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев — всех, кто хотел иметь и уверенность в завтрашнем дне, и общественное положение, сообразное своим заслугам. Всех этих пришельцев Москва сумела использовать, применяясь к их наклонностям, и объединить единой православной верой <...> Совершившийся на московской земле этнический синтез в фазе

пассионарного подъема оказался решающим фактором. Пассионарный потенциал Москвы “возобладал” над богатствами Новгорода, удаляю Твери и династическими претензиями Суздаля»³. Следует согласиться с тем, что это один из важных факторов, повлиявших на возвышение Москвы.

За время многовекового становления русская культура испытала на себе несколько глобальных, всеохватывающих воздействий со стороны иных культур. Эти воздействия можно назвать цивилизационными. За точку отсчета возьмем начало становления российской государственности, 1150-летнюю годовщину которой мы отмечаем в 2012 году. Дата достаточно условная, но является общепризнанной. В будущем году мы отметим 1025 лет со дня Крещения Руси. Таким образом, принятие христианства следует за началом становления государственности. Этот процесс, растянувшийся на многие годы, заложил фундамент современной русской культуры и включал восприятие византийской и греческой культур, становление русской православной культуры. Причем прославление христианства, наставление в вере, разъяснение ее основ стали важными задачами русского церковного искусства, что проявлялось сильнее, чем в других странах византийского мира⁴.

Второе глобальное воздействие на русскую культуру оказал тюркский мир посредством монголо-татар. В этом воздействии несравненно больше негатива, чем позитива. Да, монголо-татары привнесли на Русь основания государственной культуры — точную принудительную систему податей, налогов и пошлин, перепись населения, которая была заимствована ими у китайцев, первые уроки дипломатии. Как известно, европейцы всегда воспринимали московскую дипломатию как восточную, а не западную. Но каждый из этих плюсов содержит минус: не будь Золотой Орды — отношения русских с восточными народами были бы более непосредственными, а дипломатия — более европейской.

В этот период в русский язык вошло много тюркоязычных слов. Но такой вклад в русскую культуру вряд ли можно считать ценным. Иго вызвало к жизни обычай запирает дочерей и жен дома, оберегать их от монголов, которые воспринимали русских как свою собственность. Хитрость, изворотливость, недоверчивость, опасливость, жестокость — черты характера, которые порождались условиями жизни под игом. Но они не сумели кардинально изменить русский национальный характер. Наоборот, в условиях татаро-монгольского ига и в стремлении освободиться от него крепло желание русских к единению. Л. Н. Гумилев пишет по этому поводу: «Этническое значение происшедшего в 1380 году на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И потому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. II. С. 14–15.

² Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2010. С. 102.

³ Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 2004. С. 137.

⁴ Святая Русь : каталог выставки (Третьяковская галерея. Русский музей). 2011. С. 46.

общность — Московская Русь — стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения»¹.

Третий глобальный процесс воздействия иной культуры на русскую — это европеизация России, развернувшаяся в эпоху Петра Великого и продолжавшаяся последующие десятилетия. Причем если Петр Великий с утилитарной целью заимствовал вещи и технологии их изготовления, то Екатерина Великая импортировала идеи. Именно в ее царствование в защиту допетровского образа жизни выступил Михаил Щербатов. По его мнению, в результате заимствования идей нравы в России испортились, искренняя привязанность к вере стала исчезать, уступая место лести, «роскошь и сластолюбие положили основания новой власти».

Однако европеизация создала современную русскую культуру и помогла покончить с русским Средневековьем. Культурные горизонты расширились, появились новые смыслы и символы. Русская культура восприняла иностранное влияние, сделала элементы чуждой прежде культуры своими, усилила светскую культурную составляющую. Можно не перечислять всего, что появилось в русской культуре в результате европеизации. Подчеркнем лишь, что именно этот процесс «осовременил» культуру России, вывел ее на мировую арену. Процесс европеизации продолжился и позже — с XVIII столетия он имел непрерывный характер, то усиливаясь, то ослабевая. Однако это до сих пор не подрывало фундаментальных основ русской культуры.

Сближение России с Кавказом также происходило в период европеизации. Поэтому культура кавказских народов оказала влияние на русскую культуру не на «низшем» уровне воздействия на материальную культуру народа (одежда, пища, утварь и тому подобное, хотя это имело место, например, в среде казачества), а на «высшем» — речь идет о литературе, публицисти-

ке, живописи. Кавказская тема стала заметным явлением в культурной жизни России. Можно ли представить русскую литературу без «Кавказского пленника» А. С. Пушкина и «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого, русскую музыку без «Демона» А. Рубинштейна, а живопись — без «Демона поверженного» М. Врубеля?

Вернемся к пониманию культуры как «негенетической» памяти коллектива. Если есть коллектив, обладающий такой памятью, инокультурное влияние никогда не сокрушит национальной культуры. Вспомним пушкинскую Татьяну Ларину, которая «по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалась с трудом / На языке своем родном». И в то же время — «Татьяна, русская душою...»

Приведем цитату из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (Т. II. Ч. IV), сцены, когда Наташа Ростова танцует в доме дядюшки после охоты: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух; откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские...»

Если есть «русский воздух» (в контексте цитируемых классических произведений русской литературы это русская культурная среда), то нашему обществу не грозит крах культуры вследствие инородного влияния. Но нельзя уповать только на внутренние силы русской культуры. Сегодня она нуждается в поддержке. Современный диалог культур — это не только разговор приятных друг другу собеседников. Реальностью является и конкурентная борьба культур за лидерство. Поэтому культурная политика России должна быть нацелена на создание такой культурной среды, которая позволит сохранить величие русской культуры в соцветье культур современной цивилизации.

В. И. Васильев²

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ (На примере российско-белорусского взаимодействия)

В условиях формирования информационного общества, развития современных коммуникационных

¹ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 146.

² Директор Научного и издательского центра «Наука» РАН, советник Президента РАН по издательской деятельности, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, доктор филологических наук, профессор. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. более 50 монографий, книг и учебных изданий, в т. ч.: «История книжной культуры. Теоретико-методологические аспекты», «Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность», «Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии» (в 2 т.), «Российская академия наук. История и современность», «История и культура России: книга и книжная культура в военные годы. 1941–1945» и др. Председатель Научного совета РАН по комплексной проблеме «История Российской академии наук», главный редактор ежегодника РАН «Памятники культуры. Новые открытия», журнала «Научная книга» и др. Лауреат премии РАН и Международной премии им. Д. С. Лихачева Международной ассоциации академий наук.

технологий, взаимодействия культур особое значение приобретает необходимость выработки новых подходов к развитию науки о книге и книжной культуре, поскольку в настоящее время изучение, сохранение и использование книжного наследия представляются крайне важными. Ведь книжная культура, когда наука о книге исполняет роль связующего звена, позволяет не только сохранить духовные традиции прошлого, но и обеспечить их адаптацию в современных условиях развития информационных технологий.

С развитием книжного дела, вхождением книги в быт людей менялись оценки ее роли в развитии культуры, диалоге культур: от «единственного строителя духовной жизни русичей» (цивилизационная стадия развития культуры, связанная, в частности, с возникновением письменности) до «главного строительного

го материала» культурно-исторического пространства конкретной эпохи. Образное определение книги как «вместилища вечных идей», «духовного руководителя», данное академиком А. М. Панченко¹, подтверждает духовную функцию книги, состоящую, в частности, в создании литературы, которая, в свою очередь, является «духовным средоточием проблем культуры»². А с каким теплом говорит о типографском искусстве незабвенный Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Я очень люблю типографию, потому что в типографии вырос, запах даже типографской краски, печатных машин, запах свинцовый что ли, я не знаю, какой-то особый совершенно запах, для меня кажется родным. Я это очень люблю, как запах только что выпущенной книги или газет»³. А о роли книги: «История книги, если ее рассматривать широко, контекстно, а не только как историю книжного оформления, чрезвычайно важная часть истории культуры человечества» (1975 г.)⁴.

Не менее важно отметить созидательную функцию книги на различных этапах культурно-исторического процесса и ее влияние на преобразование культуры, на развитие диалога культур. Важно и наличие обратной связи: книга отображает достижения и проблемы культуры, являясь инструментом ее совершенствования; с другой стороны, достижения культуры превращают книгу во «вместилище вечных идей» и позволяют ей стать произведением искусства, формирующим новые культурные ценности.

В российской историографии (работах по истории, источниковедению, культурологии, истории книги, книговедению, истории науки и техники в сфере книжного дела) складывается представление о книге и книжной культуре как особом феномене — продукте общекультурных процессов и важнейшем факторе развития общества, цивилизации.

Можно с полным основанием утверждать, что книга как явление и памятник культуры — это и «потребитель» достижений науки, культуры и образования, но книга при этом — и барометр культуры общества, его духовности, состояния национальной языковой культуры, источник знаний и прогресса, а исследования по теории и истории книжной культуры являются одним из перспективных направлений комплексных междисциплинарных исследований.

В истории формирования понятия «книжная культура», по нашему мнению, можно выделить несколько периодов⁵.

Первый период (XIX — первая треть XX в.). Все определения «умещались» в рамках «типографское (типографическое) искусство» — «искусство книгопечатания» (Ф. Булгаков, 1889; И. Леман, 1901–1903; К. Пёшель, 1904; В. Дрессен, 1904; В. Анисимов,

¹ Панченко А. М. Русская литература в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984.

² Кантор В. К. Введение // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. Т. 5: Художественная литература. Русский язык. С. 6.

³ Лихачев Д. С. [Видеоинтервью] // 270 лет Академической типографии «Наука». СПб.: Студия АВН, 1998.

⁴ Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 10.

⁵ Васильев В. И. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России: Теория. История. Современность. М., 2005. С. 32–43.

1920; П. Реннер, 1925; М. Щелкунов, 1926; С. Морисон, 1929 и др.).

Второй период (первая треть — третья четверть XX в.). Формирование понятия «Искусство книги» («книжное искусство», «искусство оформления книги») в 20–70-х годах XX века связано с именами А. А. Сидорова (1921, 1922, 1972), В. В. Пахомова (1961), Э. Смирновой (1961), В. А. Фаворского (1961, 1986), Д. Шмаринова (1962), В. Н. Ляхова (1968, 1971, 1978, 1979), В. Лазурского (1968), Е. Л. Немировского (1968) и др.

С 1960 года по этой теме издавался альманах, а с 1967-го — продолжающееся издание «Искусство книги». В его редакционной коллегии в первые годы выпуска были Д. А. Шмаринов, Т. Г. Вебер, А. А. Каменский, Е. И. Коган, К. С. Кравченко, С. Б. Телингатер, а в последнем, десятом, выпуске (1987) — Д. А. Шмаринов, Д. С. Бисти, Т. Г. Вебер, Г. Л. Демосфенова, А. Каменский.

Третий период. Несколько позднее (60-е гг. XX в. — начало XXI в.) ученые и специалисты встречаются с терминами «издательская культура», «культура книги» («культура издания книги», «культура производства книги»), «книжная культура» («народная книжная культура», «славянская книжная культура», «эпиграфика и книжная культура», «региональная книжная культура», «старообрядческая книжная культура» и др.).

В то же время мы должны учитывать, что в последние годы в условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий и одновременно активного их проникновения в книжное дело немало споров ведется о соотношении книги и документа, об электронной книге, о ее месте в современном книговедении, о книге в Интернете, о будущем книги и чтения в целом в условиях, когда с завидной периодичностью очередной оракул провозглашает близкий закат Homo legens.

Все это «породило» массу публикаций о скорой кончине печатной книги. Напомним, что еще в начале 1960-х гг. тогда еще почти безвестный канадский социолог и литературовед Херберт Маршалл Маклюэн (McLuhan) опубликовал книгу с метафорическим названием «Галактика Гутенберга»⁶, сопроводив его подзаголовком «Сотворение человека печатной культуры». Книга, быстро ставшая бестселлером, разнесла метафору по всему свету, и с тех пор выражение «Галактика Гутенберга» так или иначе ассоциируется с именем автора и, главное, с его утверждением о неизбежности «заката» эры печатной книги и наступления электронной эры, которая приведет к созданию новой цивилизации в форме «Глобальной деревни». Надо сказать, что начало распада «Галактики Гутенберга» М. Маклюэн отнес к первым годам XX века, а формирование предпосылок к этому — к еще более ранним временам. Так ли это?

Великий ученый и гражданин, посвятивший свою жизнь не только науке, но в определенной мере Книге, в том числе как памятнику культуры, Дмитрий Сергеевич Лихачев оставил нам свое видение этой проблемы: «Я помню в детстве, когда появилось кино — это

⁶ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Киев, 2001.

перед Первой мировой войной — уже все думали, что теперь театру пришел конец: будет только кино, а театра не будет. И кино осталось, и театр остался, все нашло свое место. Так и тут: и телевидение будет, и книги останутся, так что развивать культуру книги для нас очень важно»¹.

Формированию единого информационного потенциала на пространстве СНГ постоянно уделяет особое внимание Президент Международной ассоциации академий наук (МАН), Президент Национальной академии наук (НАН) Украины, академик НАН Украины Борис Евгеньевич Патон. Открывая II Сессию Научного совета по книгоизданию при МАН, созданного Советом МАН по его инициативе, и Российско-Украинский форум в его рамках «Книжная культура. Особенности становления и развития» (Киев, 11 июня 2008 г.), в своем вступительном слове, обращенном к участникам Сессии и научного форума, Б. Е. Патон подчеркнул: «В настоящее время именно информационная политика является одним из ключевых факторов прогресса общества и развития экономики. Сотрудничество между Академиями наук наших стран в области научного книгоиздания, создание на основе современных интернет-технологий интегрированного электронного каталога научных и научно-популярных книжных и периодических изданий обеспечивает благоприятные условия для активизации диалога между отдельными учеными и научными школами. Дальнейшее развитие международного обмена научно-технической литературой, восстановление каналов книгообмена, координация совместных издательских проектов и исследовательских программ в сфере книжной культуры несравненно послужит усилению научно-технического потенциала, повышению уровня образованности общества, популяризации науки и росту престижа ученого»².

В то же время интеграционные процессы, происходящие в настоящее время в странах, входящих в Содружество Независимых Государств, в немалой степени на основе развития диалога культур и информационно-коммуникационных технологий, обуславливают необходимость формирования единого социогуманитарного пространства. Это предполагает осуществление научного сотрудничества в различных сферах гуманитарного знания, в том числе и в области книжной культуры — междисциплинарного научного направления, возникшего на стыке истории, культурологии, книговедения, социологии и получившего достаточно широкое распространение в научном сообществе на постсоветском пространстве³.

В связи с этим одной из первоочередных задач, на наш взгляд, является организация совместных исследований книжной культуры славянских народов, имеющих общие исторические и культурные традиции

¹ Васильев В. И. Дмитрий Сергеевич Лихачев и Книга. М., 2006. С. 26.

² Васильев В. И. Б. Е. Патон и формирование единого информационного пространства в СНГ // Наука в России. 2012. № 1. С. 15.

³ Васильев В. И., Ермолаева М. А. Сотрудничество исследователей России и Беларуси в области изучения книжной культуры: основные тенденции и перспективы // Историко-культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге : материалы Междунар. науч. конф., Киев, 4–6 октября 2011 г. Киев : Академперіодика, 2011. С. 45–49.

и длительное время развивающихся во взаимодействии друг с другом.

Следует отметить, что научное сотрудничество в области изучения истории книги и истории книжной культуры актуально для исследователей России и Беларуси. Так, например, вопросы истории белорусского книгопечатания, оказавшего определенное влияние на развитие книжного дела России, длительное время находятся в поле зрения не только белорусских, но и российских исследователей. Сложившиеся традиции научных взаимосвязей продолжает исследовательский проект «Книжная культура России и Беларуси. Комплексные исследования в контексте историко-культурного взаимодействия», который реализуется в Научном центре исследований истории книжной культуры Российской академии наук и в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси с 2010 года при финансовой поддержке РГНФ и БФФИ.

Анализ специальной периодики, а также материалов региональных, национальных и международных научных форумов свидетельствует о том, что проблемы книжной культуры как доминанты диалога культур находятся в поле зрения специалистов исследовательских и информационных учреждений, научных библиотек, преподавателей высших учебных заведений⁴.

В рамках проекта изучение книжной культуры осуществляется в теоретико-методологическом, историческом и прикладном аспектах. В ходе теоретических исследований предпринимаются попытки дать сущностное определение данного понятия, уточнить его состав и структуру, выявить и проанализировать базовые составляющие и структурные элементы. Работы прикладного характера в основном посвящены изучению взаимосвязей книжной культуры с отраслями книжного дела: книгоизданием, книгораспространением, библиотечным делом, библиографией. В исторических исследованиях авторы рассматривают особенности формирования основ книжной культуры на отдельных территориях и в разных государствах, ее влияние на развитие взаимодействия культур, национально-государственных образований, а также на ход исторического процесса в целом.

Сложность и многоаспектность данного феномена обуславливает необходимость разработки различных подходов к его изучению, предопределяет формирование различных авторских концепций и подходов к определению понятия «книжная культура»⁵.

Следует отметить, что для исследователей двух стран актуально научное сотрудничество в области изучения истории книги. Формирование белорусской

⁴ Васильев В. И., Ермолаева М. А. Книжная культура России и Беларуси в контексте историко-культурного взаимодействия // Книга: исслед. и материалы. М., 2002. Сб. 93. Ч. 1–2. С. 5–10.

⁵ См. об этом: Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методологические аспекты. 1-е изд. М., 2004; 2-е изд. М., 2005; 3-е изд. София, 2006. (на болгар. яз.); Он же. Книжная культура как система и составная часть культурно-исторического процесса: исследовательские тенденции и новые оценки // Книга — источник культуры: проблемы и методы исследования : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25–27 ноября 2008 г. М., 2008. С. 381–399; Он же. Расширение географии и развитие исследований по проблемам книжной культуры // Наука о книге. Традиции и инновации : материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения, Москва, 28–30 апреля 2009 г. М., 2009. Ч. 1. С. 451–454.

книжности в XVI — первой половине XVII века, особенностями ее становления оказали определенное влияние на развитие российской культуры (и естественно, наоборот). Поэтому вопросы истории белорусского книгопечатания находятся в поле зрения не только белорусских, но и российских ученых.

Так, в трудах доктора исторических наук, профессора Е. Л. Немировского, посвященных жизни и деятельности белорусского просветителя и первопечатника Франциска Скорины¹, на основе изучения широкого круга источников, официальных материалов, архивных документов, на фоне широкого историко-культурного контекста, характерного для данного периода, выявлены предпосылки возникновения белорусского книгопечатания, предпринят литературный и книговедческий анализ трудов типографа, воссоздана его биография. Примечательно, что Е. Л. Немировским были выявлены и учтены максимально полно все труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные Ф. Скорине.

Несомненный интерес для исследователей белорусской книжности представляет монография доктора филологических наук Н. В. Николаева «История белорусской книги» («Гісторыя беларускай кнігі»), первый том которой — «Книжная культура Великого Княжества Литовского» («Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага») вышел в свет в 2009 году в Минске, в издательстве «Белорусская энциклопедия»².

Следует отметить, что изучение теории, истории и современных проблем книжной культуры и в России, и в Беларуси осуществляется как на уровне отдельных исследований, так и в рамках коллективных проектов.

В Белорусском государственном университете культуры и искусств реализуется научно-исследовательский проект «Книжная культура Беларуси: историко-теоретический аспект», целью которого является разработка теоретических и исторических проблем книжной культуры с использованием библиологической и культурологической методологий, а также установление ее взаимосвязи с другими дисциплинами³.

В Центральной научной библиотеке им. Я. Коласа НАН Беларуси изучаются исторические аспекты книж-

ной культуры Беларуси в контексте становления национальной культуры, науки и просвещения⁴.

Другими важными направлениями исследований, осуществляемых в Библиотеке, являются реконструкция и изучение частных книжных собраний, сыгравших значительную роль в распространении просвещения, в частности библиотеки Несвижской ординации Радзивиллов⁵.

Значительное место в научной деятельности Библиотеки им. Я. Коласа занимает изучение читателей и формирования их культуры чтения⁶.

В Научном центре исследований истории книжной культуры РАН осуществляется разработка теоретических, исторических и современных проблем книжной культуры. В ходе исследований выработано ее определение, реконструирована теоретическая модель, установлены базовые составляющие и структурные элементы, выявлено влияние книжной культуры на социальные и культурные процессы, происходящие в обществе⁷. Осуществляемый в Центре коллективный проект по формированию библиографической базы данных «История отечественной книжной культуры» (в перспективе — с выходом на создание энциклопедии «Деятели книжной культуры России, Белоруссии и Украины) предполагает комплексное изучение этого феномена в процессе его исторического развития⁸.

В проводимых исследованиях книжная культура рассматривается как важнейший социокультурный феномен, играющий ключевую роль в сохранении исторической памяти народа, нации, государства, как связующее звено, которое обеспечивает адаптацию интеллектуальных традиций прошлого в системе информационно-коммуникационных технологий, как важнейшая составляющая социокультурного потенциала общества, способствующая развитию диалога культур и их взаимодействия.

На наш взгляд, повышению эффективности данных исследований содействовала бы активизация координации исследовательских программ в сфере книжной культуры, предполагающая более широкое осуществление совместных научных разработок с участием ученых и специализированных организаций стран Содружества.

⁴ Березкина Н. Ю. Вклад представителей Беларуси в развитие восточно-славянского книгопечатания // Книга — источник культуры: проблемы и методы исследования. М., 2008. С. 54–60; Она же. Из славного Полоцка родом: из истории славянской книжной культуры // Славянское книгопечатание и культура книг. М.; Минск, 2009. С. 19–23.

⁵ Стефанович А. В. Исследование частных книжных коллекций: их роль и значение для национальной культуры // Наука о книге: традиции и инновации. М., 2009. Ч. 2. С. 424–427.

⁶ Август Л. А. Сотрудничество ЦНБ НАН Беларуси с российскими учеными и культурными центрами в области книжной культуры // Славянское книгопечатание и культура книги. М.; Минск, 2009. С. 7–11.

⁷ Подробнее см.: Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методологические аспекты. М., 2004; Она же. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность. М., 2005. Она же. Книжная культура как система (генезис понятия, проблемы терминологии). М., 2006 и др.

⁸ Подробнее см.: Васильев В. И., Бакун Д. Н., Ермолаева М. А. Новый проект Научного центра исследований истории книжной культуры РАН при НПО «Издательство “Наука” РАН» — библиографическая база данных «История отечественной книжной культуры» // Книга: исслед. и материалы. М., 2009. Сб. 91. Ч. 1–2. С. 63–79.

¹ См., напр.: Немировский Е. Л. Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск, 1990; Она же. По следам Франциска Скорины. Минск, 1990; и др.

² Николаев Н. В. Гісторыя беларускай кнігі. Мінск, 2009. Т. 1: Книжная культура Вялікага Княства Літоўскага. 424 с.

³ Довнар Л. И., Самойлюк Т. А. Книжная культура Беларуси: концептуальные основы и пути реализации научного проекта Белорусского государственного университета культуры и искусств // Книга — источник культуры: проблемы и методы исследования. М., 2008. С. 123–131.

Ю. С. Васильев¹,
В. В. Глухов²

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ЗАЛОГ СОТРУДНИЧЕСТВА И ДИАЛОГА НАЦИЙ

Сегодня практически каждый человек, включенный в Болонский образовательный процесс, вовлечен в глобальную культуру и не только имеет возможность, но и обязан определенный срок жить в других культурных пространствах. Поэтому диалог культур с каждым годом приобретает все большее значение в глобальном мире, репрезентируя интересы, притязания, тенденции, сохраняя и воспроизводя социокультурное разнообразие. Если принять культурный диалог за одну из базовых «заповедей» личности, то при правильном образовательном и воспитательном подходах можно значительно снизить вероятность возникновения национальных или этнических конфликтов.

Особую роль могла бы взять на себя высшая школа. Такие примеры уже существуют. Наиболее успешно в этом направлении работают такие испанские университеты, как Автономный университет Мадрида (Universidad de Autónoma de Madrid) и Университет Деусто (Universidad de Deusto) (Страна Басков). В этих университетах такие предметы, как «Диалог культур» и «Конфликтология», читаются на всех факультетах. Испания традиционно является многонациональной страной, но сегодня в ней, кроме всего прочего, проживает огромное количество эмигрантов, в том числе из Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Китая, бывших республик СССР. Чтобы интегрировать эту массу молодежи в государственные инфраструктуры, в Испании были созданы уникальные образовательные программы. Перед университетами поставлена задача — не только «образовывать» молодых людей, но и воспитывать в духе толерантности и интернационализма.

Если обратиться к отечественной истории, то следует сказать, что становление русской науки, включая создание Академии наук и Московского университета, происходило в первую очередь благодаря интернационализации образования и (как бы сейчас сказали) международной академической мобильности, сыгравшей исключительную роль в развитии русской культуры XVIII века и ее интеграции в европейское культурное

пространство. Хорошо известно, что один из основателей Московского университета Михаил Васильевич Ломоносов получил образование в одном из германских университетов, а основоположником знаменитой русской математической школы является швейцарский математик Леонард Эйлер, приехавший в Россию вслед за своим знаменитым земляком Даниилом Бернулли и проработавший в Российской академии наук более 20 лет. Здесь уместно вспомнить и о знаменитом испанском инженерере Августине де Бетанкуре, которого с полной уверенностью можно считать основоположником высшего технического образования в России. Именно он впервые в истории технического образования нашей страны ввел новые образовательные стандарты: четыре семестра высшей математики и три семестра общей физики. Все вышеназванные ученые стали в какой-то степени основоположниками глобальной культуры.

Сегодня глобальная культура как сочетание единого и общего, национального и общечеловеческого, гетерогенного и гомогенного характеризуется при помощи такого понятия, как «глокализация»³. В теории глобальной культуры формирование транснационального культурного пространства рассматривается как процесс, имеющий длительную историю (применительно к западноевропейской культуре, основные контуры которой определились в эпоху Возрождения). Динамика этого процесса определяется на протяжении последних пяти веков логикой этапной универсализации формата культуры в сочетании с формированием разнообразных модусов ее локального и местного созерцания.

Образование всегда являлось неотъемлемой частью культуры и основано на ее трансляции в поколениях. В современном мире образование — один из важнейших социальных показателей развития страны. Индекс, характеризующий развитость страны в соответствии с показателями ООН (наряду с валовым внутренним продуктом и средней продолжительностью жизни), фиксирует долю грамотных людей в стране и продолжительность обучения. В сфере образования закладываются основы стратегии развития не только отдельной страны, но и человечества в целом.

В контексте глобальной культуры образование получает новые функции. Во-первых, в условиях господства глобального рынка образование становится экономическим фактором. Во-вторых, достаточно сильная тенденция миграции людей и культур приводит к разрушению культурных образцов, традиционных ценностей. Образование в этом случае выступает фактором социальной сплоченности, способствующим преодолению кризисной ситуации в обществе. Предметная область *философии образования* определяется следующим образом: есть образование само по себе (как

¹ Президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Национальный исследовательский университет), академик РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ. Автор более 360 научных трудов, в т. ч.: «Методика технико-экономических расчетов параметров каналов гидроэлектростанций», «Основы и методы расчетов оптимальных параметров водопроводящих сооружений ГЭС», «Использование водоемов и рек в целях рекреации», «Экология использования возобновляющихся энергоисточников» (в соавт.), «Использование водной энергии» (в соавт.), «Стратегия инноваций» (в соавт.), «Крупнейшие гидроэлектростанции мира» (в соавт.) и др. Награжден орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

² Проректор по организационной и экономической деятельности Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Национальный исследовательский университет), доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных трудов и 20 монографий, в т. ч.: «Экономика знаний» (в соавт.), «Менеджмент», «Экономика и организация управления вузом» (в соавт.), «Экономическое управление в вузе» (в соавт.) и др.

³ Robertson R. Globalization: Social and Global Culture. L., 1992. P. 130.

реальный процесс) и образование по идее (как смысл реального процесса)¹.

Образование выступает в качестве одного из важнейших механизмов развития индивида и общества в целом, механизмом, направленным на формирование и развитие физического, интеллектуального и духовного потенциала индивида и общества.

Во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века (подходы и практические меры) подчеркивается, что для повышения качества высшего образования необходимо, чтобы высшее образование имело международное измерение: обмен знаниями, создание интерактивных сетей, мобильность преподавателей и учащихся, международные научно-исследовательские проекты наряду с учетом национальных культурных ценностей и условий.

Период обучения в вузе принципиально отличается от прочих периодов в жизни человека. В это время наиболее интенсивно наращивается интеллектуальный потенциал молодежи, формируются общественные и личностные связи, вырабатываются личные ценности, цели и приоритеты. Высшее образование характеризуется несколькими ключевыми факторами, которые определяют будущее дружественное взаимодействие культур, наций и государств:

- соединение в системе получаемых знаний достижений разных культур и наций;
- становление системы личных международных связей в период обучения;
- повышенная международная мобильность молодежи в период обучения;
- постепенное становление единой содержательной базы высшего образования в развитых странах;
- готовность молодежи к восприятию огромного объема знаний;
- стремление к восприятию и сопоставлению культур.

Работа в международном проекте развивает у всех участников ключевые компетенции, среди которых: умение работать в мультикультурной среде; способность принимать решения при реализации совместных исследований; способность к социальному взаимодействию, умение сотрудничать и разрешать конфликты; толерантность, уважение чужого мнения; социальная мобильность; способность к творческой адаптации и многие другие.

Выделим некоторые черты современного высшего образования России, которые содействуют реализации принципа диалога культур:

1) имеется значительный накопленный в предыдущие годы научный, учебный, методический потенциал, опирающийся как на национальные, так и на международные достижения;

2) начиная с 2000 года осуществляется опережающее, по сравнению с общеэкономическими показателями, финансирование затрат на образование, реализованы крупные национальные проекты развития образования;

3) открытость международной жизни страны повлекла за собой вхождение высшей школы России в мировое образовательное пространство. Существенно увеличилась доля студентов, проходящих частичное обучение в зарубежных вузах;

4) все больше российских вузов привлекают зарубежных ученых к учебному процессу.

В контексте обсуждаемой темы следует остановиться на характеристике Болонского процесса, комплекс действий которого направлен именно на развитие возможностей освоения разных культур. Часто при упоминании о Болонском процессе речь идет об одном-двух моментах, в то время как это достаточно широкая система, ориентированная на международную мобильность трудовых ресурсов в период обучения и после него. Европа все в большей степени осознает себя как единое целое. Процессы европейской интеграции продолжают развиваться в направлении создания единого пространства: географического — без промежуточных границ и таможен с единой визовой зоной; политического — с единой конституцией; экономического — с едиными критериями и нормативами. Соответственно в Европе создается единое пространство: экономическое, финансовое, политическое, социальное, культурное.

В 1984 году Европейская комиссия выступила с инициативой создания системы инструментов с целью повышения мобильности человеческого капитала на европейском рынке труда. Была создана сеть национальных информационных центров по академическому признанию и мобильности, организованных во всех странах — членах Евросоюза, а также в государствах Центральной и Восточной Европы, на Кипре и Мальте. Она информирует граждан и университеты компетентными сведениями о требованиях к академическому признанию дипломов и отдельных курсов обучения.

В 1988 году была создана европейская система перезачета кредитов, обеспечивающая сопоставимость объема изученного материала, возможность академического признания квалификаций и компетенций. Сопоставимость учебных планов позволяет студентам выбирать программы в любом вузе, соответствующие получаемой ими квалификации, которые при условии их успешного завершения засчитываются как пройденный материал в своем университете. Университеты готовят ежегодно обновляемые информационные пакеты с полным описанием курсов, их содержания, требований к подготовке, системы оценки, методики обучения, структуры кафедр, ведущих подготовку. Информационный пакет содержит документы на родном и одном из иностранных языков и распространяется во всех партнерских университетах.

Приложение к диплому готовится университетами по модели, разработанной совместной рабочей группой Европейской комиссии, Совета Европы и ЮНЕСКО. Шаблон существует на 11 языках и дает полное описание предмета, уровня, контекста, содержания полученной подготовки. Приложение состоит из восьми разделов: информации о владельце диплома, полученной квалификации, уровне квалификации, содержании программы и результатах, функциональном назначении

¹ Рыбаков Н. С. Философия образования // Глобалистика : энцикл. / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М., 2003. С. 1100.

квалификации, национальной системе образования, дополнительной информации.

После подписания Болонской декларации появились новые инструменты и инициативы: создание совместных (двойных) дипломов, настройка образовательных структур, формирование культуры качества, тенденции развития европейских образовательных структур.

Приоритетные направления работы:

— определение общих и специальных компетенций выпускников первого и второго циклов обучения;

— гармонизация учебных планов с точки зрения структуры, программ и собственно методов обучения;

— определение специальных компетенций выпускников обоих уровней по семи направлениям подготовки: бизнес-администрирование и менеджмент, образовательные науки, геология, история, математика, физика и химия;

— разработка методологии анализа общих элементов и специальных областей подготовки.

Проект помогает выработать общеевропейский консенсус по поводу того, что выпускники должны уметь делать по завершении обучения. Всего было выделено 85 умений и компетенций, которые подразделялись на три категории: инструментальные, межличностные и системные. Отметим наиболее важные умения и компетенции (с позиции интересующей нас методологии сотрудничества).

Инструментальные категории включают когнитивные способности, способность понимать и использовать идеи; методологические способности, способность понимать и управлять окружающей средой, организовывать время, выстраивать стратегии обучения, принимать решения и разрешать проблемы; технологические умения, умения, связанные с использованием техники, компьютерные навыки и способности информационного управления; лингвистические умения, коммуникативные компетенции. Конкретизированный набор включает:

- 1) способности к анализу и синтезу;
- 2) способность к организации и планированию;
- 3) базовые общие знания;
- 4) базовые знания по профессии;
- 5) коммуникативные навыки в родном языке;
- 6) элементарные компьютерные навыки;
- 7) навыки управления информацией (способность извлекать и анализировать информацию из различных источников);

8) способность решать проблемы;

9) способность принимать решения.

Межличностные способности связаны с умением выражать чувства и отношения, критическим осмыслением и стремлением к самокритике, социальными навыками, умением работать в группах, принимать социальные и этические обязательства. Набор межличностных навыков включает способности:

- 1) к критике и самокритике;
- 2) работать в команде;
- 3) работать в междисциплинарной команде;

4) взаимодействовать с экспертами в других предметных областях;

5) воспринимать разнообразие и межкультурные различия;

6) работать в международном контексте;

7) ориентированные на приверженность этическим ценностям.

Системные компетенции предполагают сочетание понимания, отношения и знания, что позволяет ответить на вопрос, каким образом части целого соотносятся друг с другом, оценивать место каждого компонента в системе, способность планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы. Системные компетенции требуют освоения инструментальных и базовых компетенций как основы. Они включают способности:

1) применять знания на практике;

2) исследовательские;

3) к обучению;

4) к адаптации к новым ситуациям;

5) к генерации новых идей (творчеству);

6) к лидерству;

7) понимать культуру и обычаи других стран;

8) работать автономно;

9) к разработке проектов и их управлению;

10) к инициативе и предпринимательству;

11) уметь отвечать за качество;

12) реализующие волю к успеху.

Многие российские научные школы достигли значительных успехов в приобретении обучаемыми первой группы специальных навыков, компетенций и умений. Здесь у нас имеется национальный положительный опыт.

Обратим внимание на вторую группу компетенций, которая ориентирована на развитие межнационального сотрудничества, при этом она детализирована. Пятый и шестой пункты ориентированы на международный аспект сотрудничества. Среди компетенций не встречается термин «конкуренция», треть позиций связана с сотрудничеством и командной деятельностью.

Болонская система по содержанию — это набор механизмов, модель единого пространства высшего образования как совокупности региональных (Европа, Юго-Восточная Азия и др.) и национальных систем высшего образования, а в целевой ориентации — содействие диалогу культур. Будущая методология высшего образования исключает конфликты государств, так как они противоречат заложенным в образованном человечестве компетенциям.

Глобализация культуры ставит перед системой образования ряд проблем. Во-первых, глобальная коммерциализация культуры вынуждает высшие учебные заведения приспособиться к потребностям бизнеса и заимствовать рыночные практики в своей работе. Во-вторых, новые социальные и информационные технологии требуют изменения методов обучения. Лишь ориентируясь на поиск гуманистического решения подобных проблем, система высшего образования будет способствовать построению мира культурного разнообразия.

Ежи Й. Вятр¹

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ И КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Исторически идея нации эволюционировала в двух основных направлениях: культурологическом и политологическом. В культурологической традиции (которая восходит к работам Иоганна Гердера в XVIII в.) нация рассматривается как культурная целостность, сформированная в условиях одной общей истории и основанная на общих характерных чертах культуры, таких как паттерны культуры, язык и национальный характер. В польской социологии культурологическая традиция в изучении наций ярко представлена трудами Флориа-на Знанецкого (1882–1958) и его последователей. Политическим следствием культурологического понимания нации выступает тенденция к эксклюзивистской политике по отношению к этническим меньшинствам и иммигрантам. По отношению к первым — меньшинствам — проводилась политика ассимиляции, зачастую не без давления со стороны государства. Последние — иммигранты — подвергались процессу селекции, направленного на то, чтобы остались лишь те, у которых есть шанс ассимилироваться в преобладающем большинстве.

Альтернативную — политологическую — концепцию нации отстаивал философ Эрнест Ренан (1823–1892) во Франции и социолог Макс Вебер (1864–1920) в Германии. Для них обоих национальная идентичность полностью определялась идентификацией с государством. Нация как «повседневный плебисцит» (Ренан) существует, поскольку все члены такого сообщества хотят установить самоуправляемую политическую общность, а национальное сознание лучше всего проявляется в лояльности по отношению к национальному государству, существующему реально или желаемому (Вебер).

Политологическая концепция нации стала фундаментальной идеей демократии. Во Франции после революции 1789 года была принята конституционно закрепленная идея, согласно которой все граждане республики являлись членами французской нации. Аналогичная концепция составила основу американской нации, особенно после Гражданской войны 1861–1865 годов (отмена рабства и распространение гражданских прав на афроамериканцев), а также после принятия законодательства о правах человека 1964 года (отмена всех легальных ограничений в гражданстве, основанных на расовом признаке). По большому счету, демократия несовместима ни с какой концепцией, проводящей различия между гражданами на основе их культурной идентичности. Все граждане национального государства являются членами национального сообщества, если они считают государство, гражданами которого являются, своим отечеством.

¹ Ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве; почетный профессор Варшавского университета, член Польского сейма (1991–2001), министр образования Польши (1996–1997), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Член Союза демократических левых сил. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

Само понятие «отечество» имеет два совершенно противоположных значения, выраженных в немецком языке двумя терминами: *Heimat* (родина) и *Vaterland* (отечество). Первый термин относится к стране, где человек родился, к его «частному отечеству» (по терминологии польского социолога Станислава Оссовского, 1897–1963). Сам по себе этот термин не несет политических импликаций. Политически релевантным является второе понятие «отечества» («идеологическое отечество», в терминологии Оссовского). В этом значении «отечество» идентифицируется с государством, уже существующим или тем, которое нация стремится обрести.

В современных многонациональных государствах политологическая концепция нации является краеугольной для демократии. В Преамбуле к Конституции Польской Республики 1997 года мы читаем: «Польская нация — все граждане Республики». Исходя из моего опыта работы в качестве члена Конституционной комиссии, я вспоминаю, с каким трудом мы отстаивали эту идею, как много несогласных было среди тех, кто идентифицировал польскую нацию скорее с польским этносом, а не с понятием гражданства.

Сегодняшняя Россия — важный пример современного и демократического понятия нации, которая — в соответствии с политикой, проводимой в Российской Федерации, — состоит из всех граждан Федерации, вне зависимости от их этнических (языковых, культурных) различий. Принятие политологической концепции национальной идентичности чрезвычайно важно для государственной политики, основанной на истинном равенстве всех граждан и на их идентификации с государственностью. Патриотизм в рамках данной политологической традиции выражается в отношении гражданина к государству.

Такая концепция нации требует обсуждения двух вопросов. Первый: национальный статус тех национальных меньшинств, которые не ощущают своей идентичности с государством, в котором живут. Второй: вопрос о мультикультурализме как государственной политике.

В современном мире есть государства, в которых живут национальные группы, в силу исторических причин не ощущающие идентичности с государством. Существуют две наиболее распространенные причины такого положения вещей.

Первая причина заключается в том, что в связи с переходом территорий от одного государства к другому и смещением границ некоторые национальные группы оказались внутри иного государства, а не того, с которым они себя отождествляют. Это особенно очевидно на примере Восточно-Центральной Европы, где государственные границы изменились во время и после двух мировых войн XX века. И поскольку такие изменения вводились без консультаций с местными жителями, то существенное число людей из этих меньшинств

так и остались чужими для государства, гражданами которого стали. Нелепо было бы считать их членами преобладающей нации, если они сами себя таковыми не ощущают. Максимум, который реалистически достижим в этой ситуации, — гарантия конституционных прав таким меньшинствам со стороны государства и лояльное отношение к государству со стороны меньшинств. В конце концов, более тесные отношения между демократическими государствами, а также интеграция некоторых из них в более широкие единства (такие как Евросоюз) обязательно упростят решение этой проблемы.

Вторая причина появления национально отчужденных меньшинств кроется в самом процессе пробуждения отдельных национальных групп, которые ранее не ощущали столь сильно своей идентичности. Баски и каталонцы в Испании или жители Квебека в Канаде — наглядные тому примеры. Диктаторский режим Франко, используя государственную политику репрессий, подавлял национальные устремления басков и каталонцев. В демократической Испании баски и каталонцы получили широкую автономию — благодаря этой реформе в Каталонии проблемы разрешились мирным путем, а в стране басков резко сократилась поддержка террористической деятельности. Демократическая Канада гарантирует своим франкоговорящим гражданам свободу выхода из состава федерации, если таковой будет воля большинства. Общий вывод очевиден. Демократическое государство должно быть готово к тому, чтобы даровать автономию и право на последовательное отделение всем тем национальным общинам, которые не хотят оставаться в составе общего государства. Однако ключевым аспектом здесь остается то, что решение об отделении не может быть навязано радикально настроенным (иногда прибегающим к террору) меньшинством; такое решение должно отражать свободную волю народа.

Мультикультурализм — это относительно новая и противоречивая концепция. Он отражает демократическую установку на равное отношение ко всем гражданам (и к другим лицам с постоянным видом на жительство), а также уважение к их культурным традициям и особенностям поведения. Массовая иммиграция из арабских стран и Турции после Второй мировой войны привела к формированию крупных иммигрантских сообществ (по несколько миллионов каждое) в ряде высокоразвитых европейских государств. Изначально предполагалось, что эти иммигранты или ассимилируются, или впоследствии покинут страну. На деле не произошло ни того, ни другого. В настоящее время третье поколение иммигрантов проживает в Западной Европе. Этому поколению свойственна культурная обособленность, в большой степени основанная на исламской религиозной и культурной традиции.

Демократия требует равного отношения ко всем гражданам, а также уважения со стороны государства к различным традициям, откуда эти традиции не на-

рушают законов страны. В последнее время, однако, в некоторых демократических странах наметилась и окрепла тенденция к отказу от мультикультурализма. Рост национализма во Франции и Нидерландах — двух странах с очень сильными либеральными традициями — тревожный сигнал. Что касается Соединенных Штатов, то мощная иммиграция из Латинской Америки (частично нелегальная) привела к тому, что целый ряд выдающихся интеллектуалов отвергли саму идею мультикультурализма, например, Самуэль П. Хантингтон (1927–2008). Его концепция «нового мирового порядка» основывается на обособленности культур, когда каждая культура защищает свою особость.

Является ли такой взгляд на будущее реалистичным? Консервация культурно замкнутых сообществ потребовала бы проведения одного из двух видов политики, при этом ни тот, ни другой не является реалистичным, и оба несовместимы с принципами демократии. Первый вариант такой политики — это закрытие страны для будущей иммиграции, а также «высылка домой» тех, кто в ней уже поселился. Второй вариант предполагал бы насильственную ассимиляцию иммигрантов. Ни один из этих вариантов несовместим с правилами демократии и не является реалистичным. Нападки на мультикультурализм будут, скорее всего, продолжаться, поскольку они стали ценным аргументом для правых националистов, но они не увенчаются успехом.

Единственная альтернатива — это открытый диалог культур, основанный на взаимном уважении и доброй воле. Национальное государство может требовать лояльности от своих граждан, но не может принуждать их отречься от своей культурной идентичности.

Наиболее трудноразрешимые проблемы появляются там, где какие-либо элементы культурной традиции приводят к поведению, несовместимому с принципами правового государства. В этом отношении наибольшее беспокойство вызывает семейное право. Исламская традиция дает отцам право решать вопрос о замужестве своих дочерей и выдавать их замуж в очень юном возрасте; в обоих случаях здесь нарушаются требования закона демократических европейских государств. Так называемые «убийства в защиту чести» не просто допускаются, а поощряются в рамках исламской традиции фундаментализма; однако в демократическом государстве они должны рассматриваться как преступление. Мультикультурализм не является и не может рассматриваться в качестве оправдания незаконных действий. Принятие культурного разнообразия и уважение к культурным особенностям меньшинств имеют свои пределы. И законы государства устанавливают эти пределы. Признание этих принципов — лучшая альтернатива этноцентризму и «столкновению цивилизаций» внутри границ современного государства. Это нелегкое решение, однако я не вижу иного выхода, который был бы одновременно и реалистичным, и демократическим.

Г. А. Гаджиев¹

REALPOLITIK, ЭСКОБАРСТВО, КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

1. Получившее в последнее время популярность явление *realpolitik* обычно связывают с именем действительно эффективного политика — прусского канцлера Отто фон Бисмарка, который, опираясь на военную силу, объединил Германию «железом и кровью». Нередко в работах политологов этим термином обозначают такой тип политики, которая ориентируется на достижение политических целей, невзирая на нормы нравственности, когда политика осуществляется путем балансирования на грани возможного и недопустимого в правовой и этической сфере.

Realpolitik — это автономизация политического концептуального пространства, превращение его в замкнутый мир. Такой подход к политике может быть условно определен как интерналистский, обозначающий размежевание пространства реальной политики и этического пространства. Политика при таком подходе является чем-то внешним по отношению к этике и праву.

Второй возможный подход к политике — это политика, проводимая при строгой ориентации на конституционные принципы. И такой подход может быть назван экстерналистским, поскольку в пространстве политики при этом должны учитываться правовые и этические императивы.

Согласно *realpolitik* в мире трудно выжить, и выживают лишь те, кто не останавливается ни перед чем: военная и экономическая мощь должны быть достигнуты любой ценой. В этом смысле *realpolitik* — это наука выживания в нашем опасном мире². Россия стоит перед выбором — либо использовать архаичные формы *realpolitik*, когда жить приходится по правилам циничного реализма, который может обеспечить сиюминутный успех, либо обратиться к реализму морально более состоятельному, который не способен принести политические плоды в рамках одного электорального цикла, но приносит плоды в отдаленной исторической перспективе. Филипп Буббайер описывает два вида реализма в политике. Первый — за более авторитарную форму управления во имя стабильности. Он возрождает евразийские концепции мифа о необычной самобытности России, для которой якобы подходят только авторитарные традиции. При избрании этого варианта реализма в политике делается выбор в пользу иерархичной, вертикально ориентированной модели поли-

тики, которая приносила плоды и во времена Петра I, и во времена Иосифа Сталина. Вряд ли стоит напоминать, какова цена издержек этой политики. В России всегда были мыслители, которые в той или иной степени осваивали эту духовно-идеологическую параболу. Один из них — Михаил Бакунин. Верно подметил суть его взглядов Т. Н. Грановский: «Для него нет субъектов, а все объекты»³. Анархизм Бакунина критиковали Маркс и Энгельс, считая, что идеалом его было сектантское объединение «привилегированных представителей революционной идеи», а точнее «тайное общество», построенное «иерархически», с порядками не только авторитарными, но и в полном смысле диктаторскими. Маркс и Энгельс проводят очень красноречивую аналогию с иезуитизмом: «единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. *Perinde ac cadaver* — будь подобен трупу, дисциплинарный принцип, сформулированный Игнатием Лойолой, основателем и идеологом иезуитизма. Перед нами настоящий иезуитский орден»⁴.

Иезуитизм — это тип моральной ориентации (точнее — аморальной) в политике, который роднит его с анархизмом Бакунина и современной *realpolitik*. Маркс и Энгельс считали, что Бакунин с его сектантской революционной идеей — это пародийное воспроизведение таких важнейших установок иезуитизма, как инквизиторство, идея папской непогрешимости и *эскобарство* — то есть правило «цель оправдывает средство».

Второй вид реализма в политике практически никогда в России не использовался. Он, однако, опирается на весьма влиятельную философскую (этическую) традицию, которая также может лечь в основу политики. Это воззрения Льва Толстого с его обостренным чувством правды, с его кредо «не могу молчать», перекликающимся в веках с формулой Мартина Лютера «на том стою и не могу иначе». В XX веке эта линия в интеллектуальной традиции российского общества была продолжена Солженицыным и Сахаровым. И, возможно, этот вектор лучше послужит России в долгосрочной перспективе. Ведь политика должна ориентироваться не только на краткосрочные электоральные циклы по формуле «после нас хоть потоп», а на перспективы более отдаленные. Цель при этом должна быть одна — и это очевидно нравственная цель — укрепление доверия между обществом и государством. Это главный критерий оценки политики. В противном случае утрата доверия публичной власти — это ситуация, которая описывается в философии экзистенциализма (как культуры претерпевания и нравственного освоения тупиковых жизненных ситуаций)⁵. В социологии Э. Дюркгейма это состояние общества рассматривается как аномия, когда нравственный релятивизм сменяется цинизмом, бездуховностью, а затем и апатией.

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² Буббайер Ф. Процесс над *Realpolitik* // Россия на рубеже веков: 1991–2011 : сб. М., 2011.

³ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 28.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 8.

В таком обществе модернизация невозможна по определению. Возможно, что такая этически ориентированная политика не реалистична, а скорее романтична, поскольку не учитывает политическую культуру русского народа.

Тогда, как показал Ф. Буббайер, есть еще одна модель реализма, о которой писал Семен Франк. Его идеи представляют собой весьма странную и необычную, но в каких-то случаях, возможно, единственно возможную смесь либерально-консервативных начал. В одной из своих последних книг С. Франк писал о необходимости противопоставить господствующему в сталинском Советском Союзе большевистскому утопизму «христианский реализм», под которым он понимал политическую философию, которая соединяла бы в себе разумную постепенность при осуществлении социальных преобразований.

И тогда важнейшим философским вопросом становится проблема темпов, скорости постепенности преобразований, то есть вопрос о том, как быстро консервативные начала в политике должны заменяться, модернизироваться.

2. *Realpolitik* была возможна и приносила плоды в XIX веке, когда в мире еще не сложилось общее конституционно-правовое интеллектуальное пространство.

В основе этого онтологического понятия, с нашей точки зрения, также лежит особый мир базовых конституционно-правовых понятий. Понятия конституционного права широко используются и в других отраслях права. Допустим, понятие «жилище» используется в уголовном процессе, в семейном, жилищном праве. Но только в конституционном праве оно имеет предельно широкий и в силу этого автономный от юридически-синонимичных понятий других отраслей права смысл. К числу самых важных конституционно-правовых понятий относятся «народ», «воля народа», «государственная власть», «разделение власти», «демократия», «республиканизм», «свобода», «справедливость» и т. д.

Основу структуры конституционно-правового концептуального пространства образуют основные конституционно-правовые ценности. Мы убеждены, что предлагаемое нами понятие «конституционно-правовое концептуальное пространство» может послужить основой для развития нового направления в исследованиях — юридической онтологии. Высокая методологическая ценность предлагаемого понятия обусловлена тем, что с его помощью в научный оборот вводится несвойственное юриспруденции *пространственно-временное мышление*, которое может дать новые и неожиданные результаты.

Реальность — это прошлое, настоящее и будущее бытия. Конституционно-правовая реальность также должна рассматриваться как триединство «прошлое–настоящее–будущее». При этом пространство конституционно-правовой реальности не может быть ограничено рамками одного государства. По сути это спецификация идеи Г. Еллинека о том, что правоведение унижает себя, если поместит себя в государственные рамки и будет наукой только национального права.

Конституционные ценности, и прежде всего конституционные принципы и объективная система основных прав и свобод, как основное содержание конституционно-правового концептуального пространства, общего для всего цивилизованного человечества, являются достоянием всех людей. Именно такой смысл заложен в слова преамбулы Конституции Российской Федерации о том, что российский народ сознает себя частью мирового сообщества.

Вместе с тем объективно существующей реальностью является и то, что *представление* о конституционных принципах и основных правах отражает особенности исторического, культурного развития. Именно имея в виду эти особенности исторической судьбы нации, можно утверждать, что Конституция каждого государства кодифицирует не только важнейшие юридические нормы, но и сложившиеся социокультурные традиции и в этом смысле — отношения с прошлым.

Представления о конституционных принципах достаточно эластичны, однако нельзя сравнивать их с флюгером, который меняет свое положение в зависимости от направления ветра. Устойчивость в представлениях о конституционных принципах должна обеспечиваться, в частности, путем выявления объективной природы каждого из них. Конституционное право не обладает такой длительной историей, как право гражданское, содержащее значительное количество правовых принципов, которые отражают объективные закономерности развития имущественных отношений и с которыми должен считаться законодатель любой страны. Однако и конституционное право с помощью норм-принципов демонстрирует объективные закономерности функционирования общества.

Изменение представлений о конституционных принципах — результат конституционной политики, осуществляемой всеми высшими органами государства.

Согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ основные направления внутренней политики государства, частью которой является конституционная политика, определяет Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Основное пространство конституционной политики принадлежит, бесспорно, Федеральному собранию — законодательному органу Российской Федерации.

Один из самых важных аспектов политики правового государства — это ориентация публичной власти на поиск доверия своих граждан. Это идея конституционного права о том, что в правовом государстве власть должна осуществляться так, чтобы соблюдался конституционный принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям публичной власти.

Заслужить доверие можно, только если отказаться от цинизма и жить по Правде. Жить по Правде — это значит, в том числе, жить в соответствии с конституционными принципами, общими для человечества. Жить по Правде можно только в условиях сильного правового государства. Государство, которое радикально меняет свои представления о содержании конституционных принципов и, что гораздо опаснее, старается приспособить их к текущей политической ситуации,

не может считаться сильным. Сильным является государство, которое стабильно функционирует в соответствии с запретами, велениями, требованиями, составляющими содержание демократических конституционных принципов. Один из них — демократия, другой — республиканизм, предполагающий систематическое «проевентивание» властных коридоров с помощью голосования.

Конституционный Суд РФ в 2001 году рассматривал дело о сроках полномочий губернаторов. В 1990-е годы, когда были приняты российская Конституция и законодательные акты субъектов Российской Федерации, во всех основных законах, уставах была прописана демократическая норма, что губернаторы могут исполнять свои обязанности не более двух сроков подряд. Затем, по мере развития политической ситуации, эти нормы стали исчезать из уставов и Конституции, их просто исключали для того, чтобы губернаторы могли осуществлять свои полномочия больше восьми лет.

В Конституционный Суд РФ в 2001 году поступило обращение, и судьи начали анализировать проблему, искать пути выхода. В обращении обжаловалась норма Федерального закона РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» 1999 года. В Конституции РФ ничего не сказано о сроках полномочий губернаторов, но прописана норма о сроке полномочий президента, которая носит персональный характер: она распространяется только на Президента Российской Федерации.

В главе Конституции РФ указаны общие принципы демократизма, республиканизма, и это не пустой звук. Все положения в Конституции — это взаимосвязанные системы, а не отдельные нормы и положения. Каждое положение Основного закона находится в невидимой логико-правовой связи с другими положениями. Соответственно и положение о сроке полномочий Президента Российской Федерации находится в связи с идеей демократизма, республиканизма.

Конституционным Судом было высказано предположение: не содержится ли в недрах статьи, персонально адресованной Президенту РФ, некий общий принцип для всего конституционного права в Российской Федерации, в соответствии с которым власть должна систематически обновляться (это опыт не только нашей страны, но и всего человечества). Когда у власти длительное время находятся одни и те же люди, занимающиеся осуществлением своих полномочий, начинают проявляться такие явления, которые в советское время назывались волюнтаризмом, застоём и пр.

Отвечая на поставленный вопрос, судьи Конституционного Суда сказали: «Это общий принцип российского конституционного права, и он является обязательным для губернаторов». Соответственно было принято решение, что губернатор не может находиться у власти больше двух сроков подряд. Следует учитывать, что в действующем федеральном законе ничего не говорилось о сроках полномочий губернаторов. Позднее были внесены изменения, в связи с чем видоизме-

нился порядок наделения губернаторов полномочиями, но при этом нигде не была прописана норма, сколько раз он может исполнять свои обязанности. Следовательно, в ситуации, когда в федеральных законах не указываются нормы, применяются решения Конституционного Суда, которые опираются на содержащийся в Конституции принцип демократизма.

3. Идею сильного правового государства можно выразить с помощью геометрической фигуры равнобедренного треугольника. У него должны быть три равные грани: одна из них — это власть, другая — деньги, третья — право. Государство будет стабильным, если грани равны. Если же основание треугольника — право — очень узкое, а две другие грани очень высокие, государство утрачивает стабильность и устойчивость. В таком государстве начинает править бал Лицемерие. Появляется очевидное несоответствие между фактической и юридической Конституцией. Такое несоответствие всегда является симптомом болезни — конституционного кризиса. Именно такой кризис был в России в 1993 году. Есть симптомы наступления конституционного кризиса и сейчас. Из такого кризиса обычно выходят через катарсис. Напомню, что этот термин, введенный в обиход Аристотелем¹ в «Поэтике», означает часть учения о трагедии, обозначающую возвышенное удовлетворение и просветление, которое испытывает зритель, пережив вместе с героем трагедии страдание и освободившись от него. Сходным по смыслу понятием является метанойя (из статьи С. Булгакова 1911 г.), то есть самоосуждение, раскаяние, самопроверка.

Несоответствие между фактической и юридической Конституцией как кризисное явление в конституционно-правовом концептуальном пространстве — одно из проявлений аномии, понятия, которым великий социолог Эмиль Дюркгейм обозначил состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов в развитии общества, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились².

В 1993 году российский народ путем рецензии либеральных конституционно-правовых принципов обрел новую Конституцию. И естественно, что отсутствовал необходимый опыт существования гражданского общества и государства в соответствии с этими принципами.

Общество (во всяком случае отдельные регионы) могло избрать губернатора с криминальным прошлым (и даже настоящим). И тогда, не всегда продуманно, порой импульсивно, рефлексивно, публичная власть отказывалась от идеи выборов губернаторов, забывая при этом, что конституционные принципы не могут рассматриваться как изолированные, автономные правовые единицы. Традиция рассматривать конституционные принципы как взаимосвязанную единую систему, а не как дискретные, отдельные правовые единицы — это американская традиция. К сожалению, она

¹ Катарсис (*греч.* katharsis) — очищение.

² Концепция аномии разработана американским социологом Р. Мертном (См.: Мертон Р. Социальные структуры и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3, 4).

пока не укоренилась в российском конституционно-правовом концептуальном пространстве, что и является одной из причин возникновения конституционных кризисов власти.

Все это можно пояснить на следующем примере. Если губернаторы не избираются, а фактически назначаются, то тогда перестают срабатывать и другие конституционные принципы. Так, выбранный народом губернатор в большей степени зависит от свободы прессы, больше будет обращать внимания на критические оценки, в том числе и от оппозиции, нежели назначенный. Следовательно, конституционный принцип свободы выборов находится в корреляции и с конституционным принципом свободы информации, и с конституционным принципом политического многообразия.

Без опыта освоения содержания конституционных принципов, без обучения посредством проб и ошибок тому, как надо жить «по Конституции», невозможно совмещение фактической и юридической Конституции.

Нельзя в практической конституционной политике одновременно декларативно ратовать за либеральные конституционные принципы и проводить в жизнь старые практики управления публичными делами.

Такой подход на деле оборачивается застоєм, отсутствием движения вперед. А с нравственной точки зрения — это лицемерие.

В конституционно-правовом концептуальном пространстве всегда противоборствуют силы: сила Власти, сила Права и сила Денег. И только там, где сила Права (Правды) способна обуздать силу Силы и силу Денег, начинается процветание.

Г. М. Гатилов¹

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вызовы начала века и масштабные задачи в области международных отношений в условиях глобализации придают взаимодействию культур возрастающую значимость. В этом мы видим актуальность и востребованность нынешних Международных Лихачевских научных чтений. Общепланетарные процессы приобретают культурно-цивилизационное измерение. Они не только сопровождаются взаимопроникновением и взаимообогащением культур, но и ставят под угрозу самобытность стран и народов. Невольно задаешься вопросом: неужели американский историк и политолог Самюэль Хантингтон в своем труде «Столкновение цивилизаций» был прав? Оправдаются ли его тревожные предсказания?

Опасность межцивилизационного раскола действительно существует. На Ближнем Востоке обострились суннитско-шиитские отношения, в уязвимом положении оказались христиане. Но есть и жизнеспособная альтернатива — это стремление к гармонизации отношений, к установке на диалог, на снижение конфликтности. Особое значение приобретают коллективные усилия по налаживанию межкультурного диалога. Остро встают и вопросы активного задействования принципов морали и культуры в сфере внешней политики. В этом смысле роль гражданского общества, таких форумов, как Международные Лихачевские научные чтения, ежегодно собирающих политическую, научную и экспертную элиту России и зарубежья, неуклонно возрастает.

На наших глазах происходит глубинная трансформация геополитического ландшафта. В полосу масштабных перемен вступил регион Ближнего Востока и Северной Африки. Продолжаются кризисные явления в мировой экономике. Накопление тревожных фак-

торов сопровождается обострением социальных, международных противоречий, всплесками экстремизма. Все громче заявляют о себе трансграничные вызовы и угрозы безопасности, которые требуют солидарного ответа. В качестве насущной задачи практической политики обозначается и необходимость недопущения конфликтов межцивилизационного характера, столкновений на межэтнической, межкультурной и межрелигиозной основе.

На этом фоне актуализируется задача консолидации усилий международного сообщества на платформе верховенства международного права, строгого следования принципам Устава ООН, настроя на реализацию позитивной объединительной повестки дня.

Организация Объединенных Наций остается опорной конструкцией международных отношений и равноправного многостороннего сотрудничества в интересах всех государств. ООН обладает уникальной легитимностью, необходимыми полномочиями для адекватного реагирования на все многообразие современных рисков и угроз. Именно ООН должна обеспечивать политическое, правовое, моральное лидерство в борьбе с глобальными вызовами, устанавливать справедливые принципы и стандарты взаимодействия, контролировать их выполнение, оказывать необходимую помощь и поддержку нуждающимся в этом государствам. Стремительные перемены в мире диктуют необходимость укрепления роли ООН и ее адаптации к современным реалиям, разумеется, при сохранении межгосударственной природы и неизменности ее устава.

Консолидированные усилия международного сообщества требуются для удержания под контролем ситуации в мировой экономике и финансах. В качестве естественной реакции на разбалансированность системы глобального управления идет формирование ее новой архитектуры при коллективном лидерстве ведущих государств и одновременном усилении регионального уровня управления. Последовательно укрепляются по-

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций, в т. ч. «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе» и др. Награжден орденом Дружбы.

зиции стран с динамично развивающимися экономика-ми. «Группа двадцати», БРИКС, АТЭС и другие многочисленные форматы — важные элементы такой архитектуры.

Происходящие глобальные сдвиги способствуют формированию более гибких, внеблоковых механизмов многостороннего взаимодействия, многовекторной сетевой дипломатии, основанных на равноправии и взаимном учете интересов участников, объединенных общими целями. Они ведут к смене парадигмы международных отношений: от конфронтационно-конфликтной к созидательной. Тем самым открывается новое «окно возможностей» в развитии мировой политики — на основе очищенного от интеллектуальной инерции прошлого, в духе деидеологизированных, творческих подходов к солидарному противодействию общим для всех вызовам. Сама жизнь диктует нам объединительную повестку дня, и регулирующим началом здесь служит объективное совпадение национальных интересов.

Логика совместных консолидированных действий должна возобладать, в частности в вопросах безопасности и избавления мира от излишних вооружений. Россия открыта для диалога о дальнейших шагах в области ядерного разоружения. Путь к этой цели лежит прежде всего через практическую реализацию Договора об СНВ. Важно убедиться в его эффективности и жизнеспособности, посмотреть, как осуществляются закрепленные в нем основополагающие принципы. При этом мы исходим из того, что дальнейшее движение по пути сокращения ядерных вооружений возможно только на многосторонней основе.

Прогресс на этом направлении неотделим от задачи обеспечить скоординированное продвижение вперед по всем аспектам укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, включая выработку общеприемлемых подходов к созданию систем противоракетной обороны, предотвращение размещения оружия в космосе, ликвидацию количественных и качественных дисбалансов в области обычных вооружений, учет воздействия стратегических вооружений в неядерном оснащении.

Развертывание элементов односторонней стратегической противоракетной обороны в различных регионах мира меняет общую конфигурацию международной безопасности. Заявления о том, что наращивание возможностей глобальной ПРО не подорвет основы стратегической стабильности, не заменят твердых и ясных гарантий того, что ее потенциал действительно будет адекватен декларируемым целям и не нарушит глобальных и региональных стратегических балансов. Это справедливо применительно как к Европе, так и к Азиатско-Тихоокеанскому региону, где фактор ПРО также начинает оказывать влияние на стратегическую обстановку.

В этом вопросе мы исходим из принципа неделимости безопасности, который лег в основу российской инициативы о заключении Договора о европейской безопасности. Практическая реализация этой инициативы позволила бы окончательно подвести черту под периодом «после холодной войны», сориентировать потенциал расположенных в Европе государств на решение

общих задач в сферах безопасности и развития, а также надежно решить такие проблемы, как ПРО и контроль над вооружениями.

Мы придаем большое значение укреплению режима нераспространения и универсализации его основного инструмента — Договора о нераспространении ядерного оружия. Поддерживаем шаги, направленные на укрепление системы гарантий МАГАТЭ, вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Целям упрочнения режима нераспространения способствовало бы скорейшее урегулирование ядерных проблем Ирана и Корейского полуострова. Мы не видим альтернативы их политико-дипломатическому решению и предпринимаем конкретные шаги по созданию условий для возобновления переговоров.

Среди вопросов, которым мы уделяем приоритетное внимание, — иранская ядерная программа, вокруг которой сохраняется международная напряженность. Мы выступаем за то, чтобы Иран самым тесным образом и в полной мере сотрудничал с экспертами МАГАТЭ для восстановления доверия международного сообщества к мирному характеру своей ядерной программы, и убеждены, что только через диалог и переговоры при обеспечении надежности режима нераспространения ядерного оружия и уважения прав и обязанностей членов ДНЯО можно решить вопросы иранской ядерной программы. Попытки же усилить санкционное давление, перевести ситуацию из переговорного русла к прямой конфронтации с угрозами применения военной силы — для нас неприемлемы.

Практика показывает, что методы давления, введения односторонних санкций не могут быть панацеей при поиске разрешения различных конфликтных ситуаций. Мы ратуем за прекращение этой практики действий в обход СБ ООН — будь то односторонние санкции против Кубы, Ирана, КНДР, Сирии или любого другого государства. Не изоляция, а вовлечение в сотрудничество — вот метод, которым надо руководствоваться при урегулировании конфликтов XXI века.

Я уже говорил о роли в мировой экономике и финансах регионального уровня управления. В развитие этого тезиса хотел бы подчеркнуть, что в полицентричном мире эффективная международная архитектура может быть создана только в том случае, если она будет опираться на региональные составляющие. Другими словами, укрепление регионального уровня глобального управления, рост влияния региональных организаций — неотъемлемая примета современного этапа развития международных отношений. Свой вклад в эти процессы вносят и интеграционные объединения и организации, действующие на пространстве СНГ. В финансово-экономической сфере это Евразийское экономическое сообщество с Антикризисным фондом в 10 млрд долл. Создан Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, формируется Единое экономическое пространство, поставлена цель образования Евразийского союза.

Организация Договора о коллективной безопасности является ключевым инструментом обеспечения безопасности и стабильности в зоне ее ответственно-

сти. Подписание в марте 2011 года Совместной декларации о сотрудничестве между Секретариатами ООН и ОДКБ стало важным шагом на пути укрепления взаимодействия двух организаций, в первую очередь в области миротворчества.

Мы выступаем за взаимодействие между региональными организациями в интересах укрепления глобальной стабильности с опорой на незыблемость целей и принципов Устава ООН. Общими для всех задачами должны быть равная и неделимая безопасность, предсказуемость, транспарентность, взаимное уважение, учет интересов друг друга.

Стабилизации международной обстановки способствовало бы урегулирование региональных конфликтов. Особое внимание привлечено сейчас к ситуации в арабском мире. Происходящие на его обширном геополитическом пространстве события и складывающиеся новые реалии затрагивают сферу обеспечения безопасности и стабильности не только отдельных государств, но и всего региона в целом.

Россия с уважением относится к волеизъявлению народов арабских государств, к их стремлению к лучшей жизни. Однако какими бы острыми ни были внутривосточные проблемы, их можно и нужно решать мирным путем, через национальный диалог, охватывающий все политические силы и слои населения и нацеленный на достижение общественного согласия в поиске путей выхода из кризиса. Только так можно уйти от насилия и проводить назревшие реформы в правовом поле в условиях общегражданского консенсуса. Расшатывание же ситуации извне может сыграть на руку откровенно деструктивным элементам, имеющим цели, противоположные чаяниям подавляющего большинства граждан арабских стран. Поощрение оппозиции к несговорчивому поведению — опасный путь, ведущий к нарастанию хаоса в международных делах. Неприемлемы ни в правовом, ни в гуманитарном плане и попытки выйти за рамки мандатов, выданных Советом Безопасности ООН.

Мы хотим видеть страны региона, с которыми нас традиционно связывают добрые, дружественные отношения, процветающими, современными демократическими государствами, где обеспечивались бы интересы всех граждан независимо от их вероисповедания, этнической, клановой или племенной принадлежности. Готовы к дальнейшему расширению нашего партнерства на основе принципов взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды, при безусловном уважении традиций, истории и культуры этих стран.

Оздоровлению ситуации на Ближнем Востоке могло бы существенно способствовать продвижение процесса ближневосточного урегулирования, основные параметры которого давно определены и зафиксированы в резолюциях Совета Безопасности ООН, мадридских принципах, арабской мирной инициативе. Единственная разумная основа урегулирования — сосуществование бок о бок, в мире и безопасности израильского и палестинского государств.

Призываем все заинтересованные стороны работать над обеспечением «перезапуска» палестино-израильского диалога на международно признанной

правовой основе. Главную роль здесь должен сыграть сложившийся механизм сопровождения мирного процесса — ближневосточный «квартет» международных посредников.

Россия будет и впредь как в двустороннем формате, так и в рамках «квартета» всемерно содействовать возобновлению переговоров. В нынешней ситуации справедливое всеобъемлющее и прочное урегулирование арабо-израильского конфликта могло бы стать лучшим залогом региональной стабильности и предотвращения нового развития событий по негативному сценарию. Его конечной целью должно стать создание независимого, жизнеспособного, территориально целостного суверенного палестинского государства, живущего в мире с Израилем. Россия оказывает существенную поддержку международным усилиям по стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане, в частности бесперебойно осуществляется воздушный и железнодорожный транзит через российскую территорию грузов для нужд контингентов международных сил в этой стране.

Все большую опасность представляют афганские наркотики, производство и экспорт которых продолжают расти. Применительно к Центральной Азии и России можно говорить о «героиновой агрессии». Регион уже давно стал основным транзитным коридором для доставки афганских наркотиков в СНГ, прежде всего в Россию, и далее в Европу. Доходы от афганского наркотрафика являются главным источником финансирования экстремистского подполья в регионе, способствуют росту там организованной преступности.

В сфере нашего внимания находится также комплекс проблем африканского континента, в частности сложная гуманитарная ситуация сложилась на Африканском Роге. Мы положительно оцениваем и многосторонние усилия международного сообщества по борьбе с морским пиратством у берегов Сомали. Это хороший пример консолидированного подхода государств к противодействию глобальным вызовам, в данном случае исходящим из Африки.

Военные моряки из России, несущие службу в районе Африканского Рога, наряду с представителями других государств способствуют обеспечению в круглосуточном режиме безопасности судоходства в этой части Мирового океана. Мы выступаем за создание в регионе международного антипиратского судебного механизма в соответствии с принятой по инициативе России резолюцией СБ ООН.

К факторам, генерирующим нестабильность как внутри государств, так и на международной арене, все более отчетливо добавляются сложности межнационального, межкультурного, межцивилизационного характера. Это подтверждают, в частности, ставшие хроническими проблемы «мультикультурализма» в некоторых странах Европы. Трагические события в Норвегии, беспорядки в Англии, протестные выступления молодежи в других странах, призывы к притеснению христианских меньшинств на Ближнем Востоке и севере Африки, — все это является следствием девальвации фундаментальных, основанных на нормах нравственности ценностей, ослабления сдерживающих

морально-нравственных устоев, что в конечном счете ведет к разрушению демократии и деградации общества, к агрессии и хаосу. Очевидно, что не может быть свободы без ответственности, а демократии без самоограничения.

В ситуации, когда стремительное развитие информационных технологий способствует разрушению жестких межнациональных перегородок, когда межгосударственные границы становятся прозрачными, а миграционные потоки резко возрастают, совершенно новое значение приобретает проблема сохранения этноконфессиональной идентичности, особенно на фоне снижения влияния светских идеологий, которые господствовали в XX веке. Культурное многообразие — существенная часть реалий современного мира. Важно, чтобы оно служило фактором развития, а не источником дискриминации и разобщения.

Усложнение и ускоренная трансформация современных международных отношений выводят в число глобальных приоритетов задачу активизации и повышения эффективности диалога культур, религий и цивилизаций с прицелом на выработку общих ценностных подходов к проблемам современного мира. Этому призваны содействовать такие механизмы, как ЮНЕСКО, Альянс цивилизаций, а также многочисленные организации, институты и структуры, представляющие мировое гражданское общество.

Несколько слов об Альянсе цивилизаций. В декабре 2011 года в столице Катара Дохе состоялся четвертый форум этой межцивилизационной структуры, посвя-

щенный анализу вопросов поддержания развития через диалог культур. В его работе приняли участие и представители многочисленных российских НПО. Причем впервые многие из них выступали уже не в роли статистов-слушателей, а полноправных организаторов самостоятельных мероприятий в рамках форума. Дохийский форум подтвердил востребованность Альянса как крупнейшего глобального движения, призванного консолидировать усилия государств и гражданского общества по налаживанию гармоничных межкультурных отношений.

Повышению эффективности диалога культур и цивилизаций способствуют и многочисленные инициативы российского гражданского общества, в частности такие, как ежегодные сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», проходящие на греческом острове Родос, а также Международные Лихачевские научные чтения.

За последние годы Чтения по праву стали знаковым событием в области межкультурного и межцивилизационного диалога. Событием, не только отражающим глобальные усилия собственно по стимулированию диалога культур, но и откликающимся на фундаментальные проблемы текущей мировой политической и общественной жизни. В МИД России хорошо знают эту авторитетную международную площадку, ждут очередных Чтений и, уверяю Вас, намерены оказывать всестороннее содействие их успешному проведению.

Желаю всем нам плодотворных дискуссий, дальнейших успехов и всего самого доброго!

Ренэ Герра¹

РУССКИЙ ВКЛАД В ИСКУССТВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ КНИГИ. 1920–1970-е ГОДЫ

Русская послереволюционная эмиграция — уникальное по своим масштабам и культурному значению явление. Феномен культуры русского зарубежья, сложившийся в период между двумя мировыми войнами, не имеет аналогов в истории, и тема эта в последние десятилетия стала предметом особо пристального внимания и изучения ученых — сначала в России, а вслед за ней и в других странах.

Революция оторвала от России наиболее крупных художников. Они все оказались по другую сторону рубежа, не порвав связи с русской традицией, но считали долгом своей чести порвать с современной, «новой» русской жизнью — жизнью *советской*.

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук Парижского университета. Собиранье, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья. Автор свыше 250 научных и публицистических работ по культуре (литературе и искусству) эмиграции, в т. ч. семи книг, изданных в России: «Жаль русский народ», «Русские художники-эмигранты во Франции (1920–1970)», «Они унесли с собой Россию...», «Младшее поколение писателей русского зарубежья», «Б. К. Зайцев — последний классик русской литературы», «Семь дней в марте. Беседы об эмиграции с А. Ваксбергом», «Когда мы в Россию вернемся...» Почетный член Российской академии художеств, лауреат Царскосельской художественной премии и Литературной премии им. Антона Дельвига. Награжден орденом Дружбы.

Столица Франции всегда притягивала русских мастеров культуры, но в начале XX века поездки в Париж русских пассионариев особенно участились. Они стремились в Париж с юности, любили его как Мекку искусств уже заочно и, оказавшись на берегах Сены, видели в нем осуществившуюся мечту. Многие приезжали во французскую столицу и до революции, органично вписываясь в артистическое панно довоенного Парижа. Здесь жили подолгу и коротко: В. Серов, К. Коровин, М. Волошин, Е. Кругликова, С. Ястребцов (Фера), Л. Сюрваж, Е. Эттинген, Н. Тархов, А. Шервашидзе, Н. Рерих, Ю. Анненков, А. Экстер, И. Пуни, М. Шагал, В. Баранов-Россине, О. Цадкин, А. Архипенко, М. Васильева, С. Шаршун, Л. Бакст, К. Сомов, А. Бенуа, О. Браз, Б. Григорьев, Д. Стеллецкий, С. Соломко, Р. Тыртов (Эрте), А. Зиновьев, О. Сахарова. Многие из них посещали мастерские Ф. Валлотона и М. Дени, Ж.-П. Лоранса и Л. О. Меерсона, учились в самых разных академиях — А. Матисса, Ф. Кормона и Р. Жюльена, Гранд Шомьер, Ла Палетт и Марии Васильевой, выставлялись в салонах — Независимых, Осеннем и Тюильри, Марсова поля.

С 1924 года Париж де-факто стал столицей русского зарубежья и литературно-художественной эмигра-

ции. Здесь обосновалось подавляющее большинство русских художников самых разных школ и направлений: мирискусники, неоклассицисты, символисты, импрессионисты, экспрессионисты, кубисты, дадаисты, абстракционисты...

Художникам обживаться здесь было намного проще, чем русским писателям и поэтам-эмигрантам, лишенным родного языка. Изобразительное искусство, как и музыка, наднационально и в переводе не нуждается, предпочитая находиться вне идеологических барьеров. Мастерам изобразительного искусства из России было проще завязывать деловые и творческие связи (правда, не без усилий с их стороны), легче было пройти сложный процесс адаптации к новой жизни. Но, несмотря на объективные трудности, на чужбине они сумели благодаря своим таланту и мастерству не только включиться в художественную жизнь Запада, но и дать старт новым направлениям в живописи. Потеряв родину, они истово завоевывали себе новое место под солнцем, используя на этом пути все достижения европейской культуры. Не теряя своей самобытности, сохраняя во многом уникальный, русский образ мышления, язык, высокую духовность, они добились успеха в стране, признанной всем миром в качестве образца верности культурным традициям, и стали звездами на артистическом небосклоне Парижа. Но Европа и даже по-матерински приютившая их Франция не могли, разумеется, заменить художникам-эмигрантам потерянную родину, и все же европейские реалии и западный образ жизни оказались для русской творческой интеллигенции весьма ценным и поучительным культурным багажом.

Если диалог культур между русскими писателями и французским литературным миром трудно назвать успешно сложившимся, то в отношении художников, мгновенно уловивших французский дух, все складывалось иначе. Им повезло достаточно быстро стать частью французской художественной жизни в непростой период истории Европы между двумя крупными войнами. С самого начала мосты между удачно переброшены, может быть, отчасти потому, что, как уже говорилось, многие из них бывали в Париже и до 1917 года. И здесь сразу возникает целый ряд вопросов: как складывались взаимоотношения и взаимопонимание художников — русских эмигрантов с их коллегами по цеху, насколько болезненно для них проходила апроприация европейских художественных ценностей, как случилось, что им удалось внести заметный русский вклад во французскую культуру? И на все эти вопросы есть четкий ответ: искусство первой волны эмиграции не было изолировано, оно само оказывало мощное воздействие на смежные ему области, а также было открыто и благодарно встречному влиянию, обогатившему его самобытность. Художественный Париж невозможно представить без русских художников, которые именно здесь добились блистательных побед и достижений, и, в частности, в области книжного оформления и иллюстрации.

Начнем с того, что в Париже оказались почти все художники знаменитого «Мира искусства» первого поколения — А. Бенуа, Л. Бакст, Н. Рерих, К. Сомов, К. Коровин, И. Билибин, М. Добужинский, Д. Стел-

лецкий, С. Судейкин, А. Шервашидзе, Н. Калмаков, С. Чехонин, Н. Гончарова. К ним присоединилась и более молодая, вторая волна их единомышленников — Б. Григорьев, А. Яковлев, В. Шухаев, З. Серебрякова, С. Сорин, Ю. Анненков, Д. Бушен... Благодаря славе довоенных дягилевских «Русских сезонов», а также своим профессиональным качествам — мастерству, опыту, тонкости вкуса, изобретательности, пониманию стиля эпохи и уникальным навыкам в сфере театрального искусства, таким как, например, создание эскизов оригинальнейших декораций и костюмов, — русские художники быстро заняли достойное место в театральном и музыкальном Париже. При этом наряду с мирискусниками для сцены начали активно работать П. Челищев, Н. Миллиоти, М. Васильева, Р. Эрте (Тыртов), Л. Зак, Е. Берман, Ф. Гозиасон, Б. Билинский, А. Бродович, Н. Исаев, А. Алексеев, Г. Шильян, А. Зиновьев, С. Лисим, М. Андреев, Г. Пожедаев, А. Серебряков, Г. Вахевич... Большинство из них были не только театральными художниками, но и замечательными оформителями книги: книжной графикой успешно занимались в Париже 150 русских художников. Ими были оформлены и проиллюстрированы более тысячи книг — как французских, так и русских. С ними сразу стали сотрудничать самые известные французские издательства: «Плеяда» (La Pléiade), «Галлимар НФЖ» (Gallimard NRF), «Артэм Файар» (Arthème Fayard), «Трианон» (Trianon), «Сан Парэй» (Au Sans Pareil), «Фламарион» (Flammarion), «Фернан Натан» (Fernand Nathan), «А. Ферру-Ф. Ферру» (A. Ferroud-F. Ferroud), «Й. Ференци и сын» (J. Ferenczi & Fils), «А. и Ж. Морнэ» (Chez A. & G. Mornay), «Пьяцца» (Edition d'art H. Piazza), «Сток» (Stock), «Декле де Бруэр» (Desclée de Brouwer) и др.

Любопытно, что с 1920-х годов среди библиофильских французских изданий большую популярность приобрели произведения русских писателей, и не только классиков — таких вершин, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов, но и более современных мастеров поэзии и прозы — Горького, Куприна, Бунина, Пастернака. Интерес во Франции к России, русской литературе и русскому искусству никогда еще не был так велик, никогда не захватывал столь широкие круги западного общества, как в тот период. Двадцатые годы XX века — настоящее «золотое» десятилетие для русских художников-эмигрантов во французском книгоиздании. И этим во многом они обязаны Якову Шифрину — основателю знаменитого издательства «Плеяда». Издание книг библиофильского толка сразу стало одним из главных направлений его издательской деятельности. Родившийся в 1882 году в Российской империи, Шифрин прекрасно знал и любил творчество поселившихся в Париже русских художников и, как только представилась такая возможность, тут же привлек их к сотрудничеству. При этом сам он, выступая в качестве переводчика классических произведений русской литературы, заинтересовал работой в своем издательстве и известного французского писателя Андре Жида, и видного музыкального и литературного критика Бориса де Шлэцера.

Именно в «Плеяде» в 1923 году на французском языке выходит «Пиковая дама» А. С. Пушкина тира-

жом 345 нумерованных экземпляров, а в 1925-м тиражом 445 нумерованных экземпляров — «Борис Годунов» с иллюстрациями Василия Шухаева. Эти книги стали в ту пору настоящими шедеврами, откровением и триумфом. Работал с Шифриным и Александр Бенуа, оформивший в 1926 году «Страдания молодого Вертера» Андре Моруа (365 нум. экз.). Не меньшей сенсацией стали и «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя с иллюстрациями в технике углубленной гравюры на металле (276 нум. экз., 1927), и «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского с сотней литографий знаменитого русского графика Александра Алексеева (118 нум. экз., 1929). А в 1931 году совсем небольшим тиражом в 110 экз. выходит перевод «Тараса Бульбы» Н. Гоголя с цветными офортами жены А. Алексеева Александры Гриневской.

Французские библиофильские журналы неоднократно отмечали издания Я. Шифрина в качестве прекрасных образцов художественного книгоиздания, указывая на их ценность как на примеры отменной типографской культуры. Не менее благосклонно французская критика отмечала и высокое качество иллюстраций, сопровождавших издания Шифрина, хваля их за оригинальность и присущую им новизну художественных приемов. Так, шухаевская «Пиковая дама» оказалась интересна не только благодаря сделанным к ней иллюстрациям, но и удачно стилизованным под Александровскую эпоху страницам, что тут же было отмечено знатоками. А выполненные в технике пошур иллюстрации Шухаева к «Борису Годунову», выдержанные в манере иконописных примитивов, произвели должное впечатление на просвещенную публику прекрасным в своей декоративности рисунком и тщательно подобранными художником нежными красками.

Но, помимо выпуска в свет этих изысканных, малотиражных, чисто библиофильских изданий, главной своей задачей Шифрин считал познакомить французского читателя с некоторыми еще не переведенными на французский язык произведениями русских писателей, сопроводив их роскошным и притом общедоступным оформлением. Так, в серии «Классические русские авторы» им было издано в ограниченном количестве нумерованных экземпляров — сначала тиражом 2750, а потом — 1600, — восемь томов произведений Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Пушкина, Лескова. Чуть позже к ним добавились еще три тома: Гоголь, Пушкин и Достоевский, напечатанные в два тона эльзевиром на веленовой бумаге, с заставками и концовками. В той же серии с 1924 по 1926 год Шухаев (заодно и автор издательской марки) сделал орнаменты для книг Тургенева «Первая любовь», Достоевского «Вечный муж», Лескова «Очарованный странник», Гоголя «Петербургские повести», Чехова «Скучные истории», Лермонтова «Герой нашего времени». Ту же работу для книг «Повести» Пушкина (1928) и «Фантастические сказки» («Кроткая» и «Сон смешного человека») Достоевского (1929) выполнил Алексей Бродович, а для книги «Портрет. Записки сумасшедшего» Достоевского (1929) — Александр Алексеев.

Художники из России, работая в жанре книжной иллюстрации, видели свою миссию в приобщении

читающих французов к важнейшим пластам русской культуры, и только русские рисовальщики, взращенные на могучей русской литературной традиции, могли так тонко передать дух русской классики, которую стали переводить во Франции во многом благодаря русской эмиграции.

Марк Шагал с 1923 по 1927 год по заказу маршала А. Воллара выполнил офорты к «Мертвым душам» Н. Гоголя, которые были изданы Э. Териадом только в 1948 году. Эти иллюстрации, за которые Шагал получил Гран-при XXIV биеннале искусств в Венеции, принесли ему славу одного из крупнейших художников книги.

И. Лебедев, С. Соломко, В. Ле Кампион, Ю. Черкесов, С. Фотинский, С. Иванов, А. Арнштам, А. Гриневская, А. Белова, И. Кольская, С. Левицкая, А. Старицкая, А. Федер, Л. Зак, К. Терешкович, Л. Сюрваж, А. Ланской, Н. де Сталь, С. Шаршун оформляли книги и французских классиков: Ж. Расина, Ш. Бодлера, А. де Виньи, А. Рембо, А. де Мюссе, Т. Готье, Вольтера, Стендаля, А. Франса, Э. Ренана, М. Прево, Ш. Пеги, Ги де Мопассана, а также крупных современных писателей: А. де Ренье, А. Моруа, П. Валери, П. Луиса, Ж. Дюамеля, П. Бенуа, Э. Ростана, Коллет, Ф. Карко, Ж. Кокто, М. Метерлинка, М. Эме, Ж. Жироду, П. Элюара, Р. Шара, М. Бютора, Ж. Кесселя, Л. Арагона, Р. Истрати, А. Мальро... Так, с 1927 по 1941 год для многотиражных изданий издательства «Артэм Файар» в массовой серии «Книга завтрашнего дня» (*Le livre de demain*) И. Лебедев и В. Ле Кампион щедро проиллюстрировали своими замечательными гравюрами на дереве более 27 книг.

Уже для другой серии — «Современная иллюстрированная книга» (*Le livre moderne illustré*), — выпущенной издательством «Ференши и сын», Ю. Черкесов выполнил иллюстрации для 11 книг. Тот факт, что русских художников часто привлекали для оформления французских книг, можно считать полным и окончательным признанием их таланта. Нас и сегодня поражают их виртуозное мастерство, владение линией, цветом, их плодovitость и старательность. Кстати, узнаваемая издательская виньетка уже упомянутой серии «Книга завтрашнего дня» создана рукой И. Лебедева. Эта виньетка — черные листья плюща на темно-желтом фоне издательской обложки — широко используется во французском искусстве вплоть до настоящего времени. В 1932 году Лебедев получил Гран-при на 7-м конкурсе «Лучший ремесленник Франции» (*Meilleur artisan de France*), а Ю. Черкесов — золотую медаль на Всемирной выставке в Париже за иллюстрации (ксилографии) к «Гамлету».

Русские художники книги И. Билибин, А. Шервашидзе, Б. Зворыкин, Ф. Рожанковский, Н. Парэн (Челпанова), Е. Гертик, Н. Альтман, А. Экстер, Е. Ивановская, А. Серебряков, А. Дюшен (Волконская), Ю. Черкесов, О. Ковалевская, С. Вишневецкий, Н. Менгден во многом определили развитие детской книги во Франции и, бесспорно, сыграли значительную роль в этом процессе. Им, как никому другому, удалось проникнуть в духовный мир ребенка, визуализировать и воспроизвести на бумаге уникальное детское мышление.

С 1930 года благодаря проекту Шифрина в издательстве «Галлимар» стали выходить детские книги, проиллюстрированные Н. Парэн. Первая из них — «Моя кошка» А. Бёклера, стала заметным примером эстетики конструктивизма в детской книге; вторая — «Баба-Яга» (в переложении Н. Тэффи, 1932), вышла одновременно на французском и русском языках, а в 1935-м была издана и на английском в Нью-Йорке. Третья книга, проиллюстрированная Парэн, — «Каштанка» Чехова (1934), четвертая — «Правдивые истории. Рассказы из "Четырех книг для чтения"» Л. Толстого (1936). С 1937 по 1958 год (в 1958-м художница умерла) Парэн оформляет более десятка томов «Сказок кота Мурлыки» Марселя Эме, которые до нее в издательстве «Галлимар» с 1934 года оформлял Н. Альтман.

Самый значительный вклад во французскую художественную иллюстрацию русские художники внесли своей работой над одной из наиболее популярных во Франции серий детских книг «Альбомы папаши Бобра» ("Albums du Père Castor" и "Petits Père Castor") издательства «Фламарион». В 1931 году оно приступает к выпуску этой знаменитой серии, для которой по приглашению известного издателя и педагога Поля Фоше Н. Парэн оформила, используя приемы русского авангарда, 5 книжек-самоделок, в которые вошли «Мои маски», «Я вырезаю» и еще 11 альбомов. Для той же серии 3 альбома выполнил И. Билибин: «Золотая рыбка» (1933), «Ковер-самолет» (1935), «Русалочка» (1937); для нее же в разное время работали: Ф. Рожанковский — 27: «Даниэл Бун. Истинные приключения американского охотника среди индейцев» (1931), «В кругу семьи» (1934), «Фру заяц» (1935), «Плуф дикая утка» (1935), «Азбука» (1936), «Бурю бурый медведь» (1936), «Мартан рыбак» (1938), «Куку» (1939), «Мишка» (1941) и др.; Е. Гертик — 11: «Альбом Фея» (1933), «Животные, которых я люблю» (1934) и др.; Ю. Черкесов — 3: «Песни для игр» (1933), «Все меняется» (1934) и др.; А. Шем (Шеметов) — 2: «Три медведя» и «Каждому свой дом» (1933); А. Экстер — 4: Заметим здесь, что «Мой сад» (1936) работы Экстер уже не совсем книжка, а набор листов с картинками для вырезания, и три раскладные книги-панорамы, составленные из 8 или 10 квадратных листов: «Панорама реки» (1937), «Панорама горы» (1937) и «Панорама берега» (1938). Многие из этих работ в последующие годы неоднократно переиздавались миллионными тиражами.

Вот что пишет Ариадна Эфрон в своей статье «О детской книге»: «Во Франции первую попытку издания широкой серии хороших книжек для детей младшего возраста сделало издательство "Фламарион". Оно выпустило серию "Albums du Père Castor", включающую в себя, помимо разнообразных богато иллюстрированных книг для чтения, также и набор всевозможных игр, вырезываний, наклеиваний для дошкольников. Это была первая попытка расширить книгу, сделать ее еще более доступной, превратив ее в своего рода "книжку-игрушку"¹.

Весьма показательно, что книги, иллюстрированные И. Билибиным, Ф. Рожанковским, А. Экстер, Н. Парэн, А. Серебряковым, почти одновременно из-

давались в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Они стали классикой не только французской, но и мировой детской литературы, попали в «золотой фонд» французского и мирового книгоиздания.

В 1941 году за работу в области детской книги в издательствах «Галлимар» и «Фламарион» Н. Парэн была удостоена премии Столетия Французской академии искусств, а в 1944-м — Академии изящных искусств, а творчество Ф. Рожанковского было отмечено в 1956 году высшей наградой для американских иллюстраторов детских книг — медалью Рендольфа Калдекотта. Всего художник проиллюстрировал во Франции и в Америке более 130 книг для детей.

Было у русских мастеров и еще одно направление для творчества на благодатной ниве книгоиздания — книги фривольного и эротического содержания. Прославились в эротической иллюстрации многие художники: Ю. Анненков (Аббат Шуази «История графини де Барр», 1945; «История мадам де Санси», 1946), Б. Григорьев («Буи Буи», 1924), С. Черевков (Пьер Луи «Афродита», 1928), Ф. Рожанковский (Пьер Луи «Учебник вежливости для девочек, используемый в частном пансионе», 1926; «Эротический театр на улице Санте», 1932; Р. Радиге «Свободные стихи», 1935; Теофиль Готье «Письмо президентше», 1935; «Весенняя идиллия», 1936; «Экзаме́н Флорь», без даты; Пьер Луис «Эротические стихи», 1937; П.-Ж. Беранже «Галантные песни», 1937; Спадди «Бесстыдство», 1948), С. Иванов (Ж. Барбе д'Ореви́ли «Дьяволицы», 1925; Б. Марко «Звездные арабески», 1926; Кребийон-сын «Случай у камина», 1936), И. Греков ("Tiresias", 1954; "Erotoraegnia", без даты), Е. Клементьев (Андреа де Нерсиа «Импровизированный докторат», 1956), Ж. Минаш («Кама Сутра», 1960; Д. Дидро «Нескромные драгоценности», 1964), Д. Соложев (Теофиль де Вьё «Сатирический Парнас», 1963).

В начале 1930-х годов появились книги, выполненные вручную; как правило, они создавались по заказу библиофилов или на правах подарка тиражом от 1 до 50 экземпляров. Среди них выделяются своим колористическим решением и оригинальными орнаментами книги А. Экстер. Автор каллиграфии к ним — ее ученик Гвидо Колуччи, стилизовавший книжный текст под средневековый документ. С его каллиграфией выходят также книги А. Рембо «Поэмы», 1936; «Катрены» Омара Хайяма, 1936; Гораций «Ода к Вакуху», 1937; Эсхил «Семеро против Фив», 1937; А. Франс «Таинство крови», 1941; Ф. Вийон «Лэ, или Малое завещание», 1942; Гораций «Оды», 1942; Сафо «Стихи», 1942; Ронсар «Поэзия», 1946.

С каллиграфией того же Колуччи и иллюстрация-ми И. Лебедева появляются: А. Байон «Цветочный горшок»; Ги де Мопассан «Вережка»; П. Клодель «Крестный ход». С иллюстрациями Л. Зака выходит «Федра» Жана Расина, 1941; с работами Н. Исаева — «Лорет, или Красная печать» Альфреда де Виньи; «Бубурош и разные сказки» Жоржа Куртелина. Д. Соложев оформляет Шарля Бодлера — «Сплин и идеал», 1959 и «Цветы зла», 1961; Верлена — «Мудрость», 1966. Ф. Рожанковский создает оригинальные иллюстрации для нескольких авторских книг в одном-единственном

¹ Наш союз. Париж, 1936. № 7–8. С. 19–21.

экземпляре. В том же жанре авторской книги Анна Старицкая оформила несколько десятков книг ведущих французских поэтов (Ронсара, Бютора, Гильвика, Сейфора). Художница переписывала вручную, буква за буквой, поэтический текст, добиваясь особой организации книжного пространства. Она создала несколько коллекционных книг ручной работы с гравюрами, среди которых «Интимный дневник Мишеля Сейфора» (1971) и др. Поэт Мишель Бютор посвятил ей поэму «Песня для Дон Жуана».

Отдельно в этом ряду стоят рукописные иллюстрированные книги писателя и художника Алексея Ремизова — оригинального, непревзойденного мастера графики и каллиграфии. Со второй половины 1920-х годов его графика трансформируется и стилистически сближается с графикой сюрреалистов. Жанр иллюстрированных альбомов с коллажами напрямую типологически связан с традицией сюрреалистического «романа-коллажа». Вот большая часть этих альбомов с текстом на французском языке: «Менгир» (По карнизам), 1932; «Под автомобилем» (По карнизам), 1933; «Артамошка и Епифашка» (Посолонь), 1933; «Интерпенетрация» (По карнизам), 1933; «Мужик-медведь» (Посолонь), 1933; «Кучерище» (Посолонь), 1933; «Издали» (Голова львова), 1934; «Esprit: c'est bien lui» (По карнизам), 1935; «Solomonie» (1935); «Несторыч» (По карнизам), 1935; «И конец» (По карнизам), подаренный Жану Полану (1935); «На воздушном океане» (Учитель музыки), 1935; «Легенда о Китоврасе» (1937) — подарена писателю Рене Шару.

Еще один важный момент. Все эти рукописные книги — французские, и дело не в том, что текст в них французский, а в том, что они естественно и легко вошли во французскую традицию графического книжного искусства, ведь в 1930-е годы она проявила себя больше, чем когда-либо и где-либо, именно во Франции, где была отмечена такими шедеврами и именами, как Андре Лот, Жан Люрса, Дерен, Матисс...

Нельзя забывать, что русские художники Н. Гончарова, И. Билибин, Д. Стеллецкий, Ю. Анненков,

М. Добужинский, Б. Зворыкин, Н. Миллиоти, Ф. Рожанковский, Б. Гроссер, А. Серебряков, Р. Добужинский, А. Старицкая считали своим долгом делать, часто по-дружески, обложки, иллюстрации и для русской эмигрантской книги.

В советское время в СССР более полувека бытовало расхожее мнение, будто художник, бежавший на Запад, оторвавшись от корней своих, обречен на прозябание, деградацию, неизбежный упадок и, одним словом, на творческое бесплодие. На самом деле, оказываясь в эмиграции, художник получал как бы двойную прописку в русской и французской культуре, а заодно и в мировом художественном пространстве.

В лице русских мастеров книжной иллюстрации мы имеем удивительный и редкий сплав двух культур — русской и французской. Как мы уже показали, художники были востребованы французскими издателями и часто оказывались в центре внимания художественной критики. Во всех французских работах о книжной графике имена русских художников занимают ведущее место, их работы и до сих пор специалисты и знатоки причисляют к первому ряду достижений в этой области. Трудно переоценить их вклад в искусство французского книгоиздания.

Только каталог-резоне и выставка книг, оформленных и проиллюстрированных русскими художниками-эмигрантами, смогут по-настоящему заявить об их роли и месте в искусстве книги на Западе, дабы наконец эта тема громко и внятно прозвучала не только на всю Россию, но и на весь мир.

Русские художники во Франции доказали, что книжная иллюстрация как самостоятельный вид искусства не является чем-то второстепенным, прикладным и может стать вровень с подлинно признанными другими образцами многообразного изобразительного творчества. В связи с этим здесь уместно вспомнить и процитировать слова Николая Рериха: «Среди искусств, украшающих и тем самым улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги».

Дэвид Гиллеспи¹

ТВОРЧЕСТВО А. МАКИНА: ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУР

Книга Андрея Макина «Французское завещание» («Le Testament français») начинается с эпизода, когда юный рассказчик Алеша и его сестра зачарованно слушают, как их французская бабушка Шарлотта повествует им о славных событиях истории Франции, со-

¹ Профессор русского языка и литературы Университета Бат (Великобритания). Читает курс «Современное российское кино» и «Европейское кино». Его исследовательские интересы включают русскую литературу послевоенного периода и русскую культуру в постсоветское время. Автор более 30 научных публикаций, посвященных русской литературе XX века, советскому и российскому кинематографу, в т. ч.: «Российский роман XX века: вступление», «Русское кино», «Италия как “другой”»: «Ностальгия» Андрея Тарковского», «Русская проза в канун постмодернизма», «Насилие и авторитарность в прозе Сорокина», «Violence and Masculinity in Modern Russia», «Early Soviet Cinema: Innovation, Ideology and Propaganda» и др.

хранившихся в ее памяти с детства, о блеске французской культуры, представленной Марселем Прустом, о чувственности ее языка, о великолепии Парижа. Затем она показывает внукам меню банкета, данного в честь визита царя Николая II и его супруги Александры во Францию в 1896 году: «15 перемен блюд, главным среди которых были жареные куропатки и овсянки с гарниром из трюфелей»². Рассказчик Алеша переносится в иной мир, несравнимо более изящный и величественный, чем унылая жизнь в провинциальном городишке Саранзе (возможно, это название образовано контаминацией названий двух реально существующих городов — Саратова и Пензы).

² Makine A. Le Testament français. L., 1997. P. 27.

Так дети знакомятся с далекой страной и культурой, резко контрастирующей с окружающей их рутинной провинциальной жизни. Лучшим выражением этого провинциализма, присущего скучной коммунальной советской действительности, является борщ, который стряпают матери семейств в романе «Признания павшего знаменосца» (“Confession d’un porte-drapeau déchû”). Конечно, для Макина сопоставление и противопоставление Франции и России в своих вымышленных мирах есть некое литературное пограничное состояние сознания, ясное понимание того, что две страны и культуры могут быть разделены и разрознены, и, тем не менее, соединены бесчисленными узами и связями. Цель данной работы — исследовать многочисленные различия между Востоком и Западом, между Россией и Францией в произведениях Макина и, таким образом, определить роль и статус России и русской литературы в культуре современной Франции.

Андрей Макин является автором десятка романов и пьесы, хотя некоторые из его произведений недостаточно объемны, чтобы вполне называться романами. Несмотря на то, что он родился в Красноярске в 1957 году и вырос в советской России, в 1987-м он стал гражданином Франции, и язык его произведений — французский. Он чрезвычайно популярен и признан во Франции и во всем мире, обладатель многих премий, его романы переведены на десятки языков мира, однако он остается совершенно неизвестным в России, и единственное его произведение, переведенное на русский язык, — это роман «Французское завещание», написанный в 1995 году (опубликованный, по иронии судьбы, в журнале «Иностранная литература» в декабре 1996 г.). Он уклончиво отвечает в интервью на вопросы о своем советском прошлом, поэтому очень мало известно о его жизни в Советском Союзе. Однако есть сведения, что он изучал французскую литературу в Московском университете в середине 1980-х годов, а во время стажировки во Франции в 1987-м решил остаться в этой стране¹. Как рассказывает он сам, затем последовали годы нужды, когда он был фактически бездомным, прежде чем к нему пришел литературный успех. Неизменным лейтмотивом произведений Макина является попытка ухода от действительности; точно так же, как его персонажи ищут избавления от советской действительности, сам автор пытается избежать ограничений, налагаемых его родным языком, и поэтому пишет он исключительно на французском. Таким образом, используя терминологию формалистов, Макин создает индивидуальный стиль, который отграничивает означаемое (содержание) от средств его выражения (формы).

Произведения Макина многим обязаны традиции классической русской литературы с ее пристальным

¹ Когда корреспондент газеты «Русская мысль» в 1998 году спросил Макина о его биографии, тот как обычно был уклончив: «Да ну его, этого Макина! Кому он интересен? Вот когда он умрет, биографы сядут и спокойно сочинят его жизнеописание. Я думаю, это опасно, когда человек, еще не умерший, принимает позу классика и начинает: “Я родился в таком-то году, я сделал то-то и то-то”. Давайте подождем спокойно. Через, скажем, 50 лет, когда он умрет (я намерял себе долгий срок!), пусть кто-нибудь другой сделает это» (У каждого свое дыхание... : интервью с Андреем Макиным // Русская мысль. 1998. 9–15 апр. С. 13).

интересом к столкновению лжи и правды, уродства и красоты, варварства и культуры, представленному, например, в произведениях Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова. В то время как персонажи произведения XIX века безнадежно погрязли в омерзительной социальной действительности, в произведениях Макина они мечтают уйти от нее и действительно уходят. Дополнительную глубину их духовному миру придает ожидание чего-то лучшего, прекрасного и яркого, олицетворяемого Францией и французской культурой. Многочисленные дихотомии между Россией и Францией символизируют прошлое и настоящее, уродство и красоту, тиранию и свободу. Из всех писателей русского происхождения, работающих за рубежом в постсоветский период, у Макина наиболее явно прослеживаются конфликты, порожденные напряжением «трансграничного текста»².

На своей новой родине Макин считается «двужычным» или «трансязычным» писателем, его лингвистический и творческий талант был признан в 1995 году, когда он получил, впервые в истории, одновременно и Гонкуровскую премию, и премию «Медици», и это событие изменило его литературную судьбу³. В отличие от произведений прочих языковых мигрантов, таких как Джозеф Конрад, Эльза Триоле, Милан Кундера и, конечно, Владимир Набоков, в произведениях Макина нет ничего о его новой родине; они скорее сосредоточены на русской жизни и истории, особенно Второй мировой войны, на ужасах сталинизма и их трагических последствиях для русской души в современном мире. По поводу своего места среди столпов русской литературы Макин сухо иронизирует, что он счастлив быть среди великих, поскольку однажды в одном французском магазине увидел стенд, где в алфавитном порядке были выставлены работы литераторов Восточной Европы: «Мои произведения были засунуты между книгами Лермонтова и Набокова, и это чуть было не вызвало у меня головокружение от мании величия»⁴.

В произведениях Макина затрагиваются проблемы исторических условий России и ее места в мире. В половине его работ явно присутствует французский контекст, а язык и культура Франции служат символами элегантности и противопоставляются жестокости России. Поскольку его произведения насыщены огромным множеством контрастов, почти каждая деталь имеет

² В 2000 году Рей Тарас отметил, что «отличительные черты многих персонажей Макина, и прежде всего Шарлотты (во «Французском завещании»). — Д. Г.) переносятся на пограничную территорию между культурами России и Франции. (...) В этом отношении Макина можно считать писателем “пограничного текста”, который одновременно подчеркивает важность границы между Востоком и Западом и размывает ее» (Taras R. A la recherche du pays perdu: Россия Андрея Макина // East European Quarterly. 2000. № 34. P. 75). Это одна из первых работ по изучению творчества Макина в английском переводе, и в этом качестве она заслуживает внимания, однако содержит фактические ошибки и сомнительные утверждения.

³ По утверждению Натали Анри, присуждение Гонкуровской премии «изменило» жизнь Макина: ‘il émergeait d’une obscurité aussi profonde que sa gloire fut vive, auréole d’un récit déjà légendaire où figuraient la solitude d’exilé russe [et] la pauvreté de la chambre de bonne’ (Heinrich N. L’Épreuve de la grandeur. Prix littéraires et reconnaissance. P., 1999. P. 137).

⁴ Makine A. Op. cit. P. 250.

символическое значение добра или зла, красоты или уродства, благородства или дикости. То, что Макин пишет на французском, более соответствует классическому литературному стилю XIX века и имеет декадентскую направленность, по сравнению с современным литературным стилем, что было замечено русским переводчиком «Французского завещания» Леонидом Цивьяном и многочисленными французскими критиками и франкоязычными лингвистами. Макин не признает современного французского с его многочисленными культурными заимствованиями и молодежным сленгом, он подверг эти явления испепеляющей критике в «Земле и небе Жака Дорма» (“La terre et le ciel de Jacques Dorme”)¹. Таким образом, это сознательное использование языка прошлого есть еще одно явное заявление о культурных предпочтениях автора, его отказ от настоящего.

Так как Макин пишет прежде всего для французского читателя (и для последующего перевода французского текста на другие языки), он явственно отходит от русской литературной традиции непосредственной связи с родиной, особенно отчетливо выраженной в XX веке в связи с депортацией целого поколения писателей за границу, что лучше всего видно на примере Александра Солженицына. Хотя его произведения были запрещены в Советском Союзе, он всегда верил, что соотечественники будут читать его, и никогда не сомневался, что его правдивое слово когда-нибудь произведет огромное впечатление на Россию².

Изображение войны, безжалостной и кровавой, в произведениях Макина не ново для советской литературы, такую же страшную и отвратительную картину можно найти в работах военных прозаиков 1960–1970-х годов, таких как Василь Быков, Булат Окуджава, Григорий Бакланов, Виктор Астафьев и многих других. Все эти авторы описывали собственный военный опыт, и поэтому их произведения несут печать подлинности. Макин, воспитанный в советской школе тех лет, не может не знать этих произведений, потому на его описание войны, без сомнения, оказали сильное влияние все эти писатели, лично испытавшие ее на себе. Жестокости коллективизации, беспощадная бдительность и зверства спецслужб, описанные в его нескольких романах, также едва ли не знакомы писателям и читате-

¹ Леонид Цивьян так отзывается о французском языке Макина: «Макин пишет на хорошем литературном языке конца XIX — начала XX века. Именно благодаря этому он возвращает нас в утраченный рай — утраченный рай языка» (Цивьян Л. В поисках утраченного рая // Звезда. 1996. № 4. С. 229). По поводу языка «Французского завещания» Лариса Залесова-Докторова отмечает: «Французский язык Андрея Макина — утонченный и приглаженный, без разговорных оборотов, с ноткой меланхолии, присущей великим произведениям литературы. Хочется задержаться на каждой фразе. Это не тот роман, где торопиться перевернуть страницы. В этом романе язык — король» (Залесова-Докторова Л. Между Францией и Россией // Звезда. 1996. № 4. С. 211).

² Описывая свое длительное пребывание в ГУЛАГе после смерти Сталина, Солженицын полагал, что его слово правды будет иметь последствия: «Для них, для сегодняшних эзков, моя книга была — не в книгу, и правда — не в правду, если не будет продолжения, если не будет дальше сказано еще и о них. Чтоб сказано было — и чтоб изменилось! Если слово не о деле и не вышло дела, — так и на что оно? ночной лай собак на деревне?» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт литературного исследования : в 3 т. Т. 3. Ч. 5–7).

лям произведений русской литературы XX века (особенно по работам Солженицына). Но в то время как советские писатели воспевали коллективный героизм в работе на нужды фронта и жертвы, принесенные во имя будущего, Макин делает больший упор на страдания людей, их напрасные увечья и смерти, их страшные раны, просто не замечаемые властями.

Один из наиболее горьких образов войны у Макина — так называемые «самовары», озлобленные безногие ветераны войны, устраивающие поножовщину в пьяном угаре, нападающие друг на друга на своих самодельных инвалидных тележках, пока их бесцеремонно не зашвыривают в милицейские машины. Во «Французском завещании» этот образ не только означает ужасную цену, заплаченную выжившими в войне, но также очень убедительно раскрывает различие режима к людям, спасшим его³. Любой иностранец, посетивший Советский Союз в 1970–1980-х годах, может удостовериться тот факт, что для инвалидов и людей с ампутированными конечностями не было создано никаких специальных сооружений, а об инвалидных колясках никто и не слышал. «Самовары» и их поножовщина, может быть, и являются скорее вымыслом, чем реальностью, но позорное обращение советской власти с инвалидами войны отнюдь не открытие для русского читателя. Такое явное пренебрежение властей было подвергнуто критике писателем Юрием Нагибиным в повести 1983 года «Терпение». Макин, быть может, усугубляет горькую правду, но проза его основана на подлинных обстоятельствах.

Россия Макина — в основном варварская, отвратительная, морально прогнившая страна, и его персонажи стремятся покинуть ее, как только осознают эту скрытую порочность. Печальная правда советской жизни, лишенная своей внешней шелухи, — тема, к которой любят обращаться столь разные русские писатели «третьей волны» эмиграции, от Василия Аксенова до Сергея Довлатова, эта же тема была затронута, хоть и отчасти, в «официальной» прозе таких авторов, как Юрий Трифонов, где ложь и правда относительны. О произведениях Юрия Трифонова можно еще многое сказать.

Россия Макина — не Россия, представленная двумя великими городами Москвой и Санкт-Петербургом, в его произведениях описываются скорее промерзшие просторы Сибири, где жизнь трудна, а смерть легка, но где можно обнаружить и человеческое достоинство, и внутреннюю доброту, и гармонию коллективного сосуществования. Семья сибирячки Анны в пове-

³ Хелен Даффи рассматривает тему увечий и издевательства над человеческим телом в произведениях Макина в контексте его горестных размышлений о крушении политического организма: «В то время как физические увечья, без сомнения, неотделимы от социально-исторического пейзажа романов Макина, почти навязчивый интерес автора к ампутациям, ранам и шрамам можно расценить как метафоризацию авторского чувства утраты, возникающего из распада и заката империи, будь то царской или советской» (Даффи Х. Раненое тело ветерана перед зеркалом: Диалектика целостности и распада в прозе Андрея Макина // Journal of War and Culture Studies. 2008. № 1, 2. С. 176). Я бы уточнил эту мысль, сославшись на то, что Макин полностью отвергает советский империализм, хотя в романе «Преступление Ольги Арбелиной» присутствует nostalgia по ушедшему образу жизни, если не по империи.

сти «Любовь человеческая» (“L’amour humaine”) выписана почти невозможно идеальной, не меркантильной, вежливой, расово терпимой, словно ее и не коснулись пороки и предрассудки XX века. Здесь снова явственно прослеживается традиция русской литературы, так как и славянофилы XIX века, и «деревенские писатели» XX века превозносили добродетели сельских жителей России и особенно Сибири (Валентин Распутин и Виктор Астафьев, например).

И в самом деле, произведения Макина — духовные наследники русской классики именно потому, что в них автор воспекает российскую глубинку. В повести 2004 года «Женщина, которая ждала» (“La femme qui attendait”) действие происходит в основном в деревушке на севере России, и повесть эта во многом схожа с «деревенской прозой» 1960-х годов. Образ главной героини Веры — «женщины, которая ждала» — очевидно, стоит в одном ряду с образами благородных, нравственно безупречных женских характеров русской классики.

Героиня с символическим именем Вера, женщина средних лет, живет одна, поскольку вот уже 30 лет ждет, когда ее любимый вернется с войны. Хотя автор с первых строк заставляет читателя думать, что тот погиб, позже мы узнаем, что он жив и с относительным комфортом проживает с семьей в соседнем городе. Нам неизвестно, знает ли об этом Вера, но то, что она пожертвовала своей юностью ради мужчины, которого любит, есть лучшее доказательство ее внутренней силы и чувства долга.

Мир в произведениях Макина — это прежде всего мир, утверждающий литературу единственной подлинной реальностью, поскольку русские литературные тропы, персонажи и даже отдельные слова определяют созданный им мир и царят в нем. Картина России в его книгах основана не на исторических источниках, а на произведениях литературы, и картина эта подвергнута «остранению» благодаря использованию иного языка. Наиболее характерный пример этому можно найти в повести «Жизнь незнакомца» (“La vie d’un

homme inconnu”), в которой сознательно на передний план выдвинута связь с чеховским рассказом «Шуточка» (1886) как способ понять отношения между живущим в Париже русским писателем средних лет по имени Шутов, соотносимым автором с собой, и его юной французской возлюбленной Леа. Повесть сопоставляет прошлое и настоящее в печальной схватке с торгашескими ценностями новой капиталистической России. Повесть эта ясно показывает отращивание Макина к новым реалиям как России, так и современной Франции, утверждая погружение в литературу как лучший способ бегства от действительности.

В заключение хочу заметить, что «русскость» Макина проявляется в его неосознанных отсылках к русской классической литературе, в его анализе советских и постсоветских зол, в его стремлении показать скрытую под лакированной поверхностью порочность общества, в его женских образах. Он вполне сознательно использует жанры и темы советской литературы периода застоя, в котором он вырос — военную прозу, «деревенскую прозу» и работы Юрия Трифонова, — чтобы диалектически раскрыть свою любовную ненависть в отношении Франции и России. Кроме того, в его идеализировании внутренней женской чистоты по сравнению с мужской изменностью явно прослеживается традиция классической русской литературы, и в своей последней книге он тяготеет к Чехову, показывая действие человеческой памяти и утверждая преходящий характер человеческого существования. И, наконец, без сомнения, влияние Достоевского на прозу Макина всегда очевидно, ибо лишь красота может спасти мир. Кроме того, хоть автор и пишет на французском и для французского читателя, он остро осознает важную роль писателя в русском обществе. Он, как и несопоставимые с ним современные русские писатели, такие как Владимир Сорокин и Евгений Попов, утверждает важность и жизненную необходимость письменного слова и писателя как последнего хранителя ценностей и постоянства в быстро меняющемся мире.

С. Ю. Глазьев¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях структурных изменений в мировой экономической системе создание Таможенного сою-

¹ Заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике», «Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России», «Конкурентные преимущества национальной культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации», «Я просто выполняю свой долг», «Выбор будущего», «Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг.» (в соавт.), «Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране», «Почему мы самые богатые, а живем так бедно?», «Стратегия экономического роста на пороге XXI века и экономическая безопасность России» (в соавт.), «Длинные волны НТП и социально-экономическое развитие», «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса»,

за и переход к повестке углубления интеграции в рамках Единого экономического пространства — своевременный и экономически мотивированный шаг, позволяющий преодолеть тенденции искусственной (в силу сложившихся после распада СССР политических реалий) дезинтеграции и создать условия для совместного экономического развития на новой технологической основе без барьеров и чиновничьих препон. По сути, заработавший без изъятий Таможенный союз с гармонизированной системой регулирования внешнеэкономической деятельности стал мощным объединением государств, претендующих не только на повышение социально-экономических стандартов жизни своих «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо».

граждан, но и на бесспорное региональное лидерство. Преодоление тенденций экономической разобщенности и уверенный выход на траекторию экономической интеграции сулит ощутимые выгоды как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Экономики объединившихся в Таможенный союз государств Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) органично дополняют друг друга и фактически объединены множеством единых воспроизводственных контуров. Только в стоимости готовой белорусской продукции около половины приходится на комплектующие и материалы из России. Такими же многочисленными кооперационными нитями соединены экономики России и Казахстана.

Распад СССР повлек за собой разрушение выстроенных десятилетиями кооперационных связей между предприятиями. Являя собой части единой кооперационной цепи, порознь они оказались неспособными локализовать у себя весь производственный цикл — от разработки до серийного выпуска готовых изделий. Резкое свертывание взаимных поставок материалов и комплектующих, прекращение обмена квалифицированными кадрами обескровило многие промышленные предприятия и лишило их возможностей сохранить накопленный потенциал, не говоря уже о развитии. По различным оценкам, из двукратного в среднем по постсоветскому пространству падения производства от четверти до половины приходится на разрыв кооперационных связей вследствие распада единой страны. При этом наиболее болезненным этот фактор был для машиностроения и других высокотехнологических отраслей экономики, в которых в общем научно-производственном цикле изготовления продукции были задействованы тысячи предприятий и организаций. Сегодня, когда Россия и другие государства ЕврАзЭС стремятся перейти на инновационный путь развития, вырваться из зависимого положения доноров сырьевых ресурсов, вернуться в мир развитых стран с высокотехнологическими производствами и диверсифицированной экономикой, восстановление единого экономического пространства и устранение пограничных барьеров на пути развития кооперации и специализации производства стало объективной необходимостью.

Расхожим аргументом критиков формирования Таможенного союза и ЕЭП в рамках ЕврАзЭС является, как некоторым кажется, скорость интеграционных процессов. Часто приходится слышать ссылки на опыт ЕС, который к настоящему времени является единственным успешным примером формирования регионального экономического союза. Этот процесс занял у европейцев почти полвека, при этом от момента создания Таможенного союза до построения ЕЭП прошло более полутора десятилетий. На этом основании делается вывод об излишней поспешности формирования Таможенного союза и ЕЭП в рамках ЕврАзЭС. В действительности между ЕС и ЕврАзЭС есть принципиальные объективные исторические и экономические различия, которые не позволяют использовать опыт Евросоюза в качестве шаблона для интеграции постсоветского экономического пространства. Самое суще-

ственное и очевидное из них заключается в том, что, в отличие от ЕС, экономика ЕврАзЭС формировалась как единый народнохозяйственный комплекс в рамках одного государства. Если европейские государства веками конкурировали и воевали друг с другом, то экономики государств ЕврАзЭС в течение последних двух столетий дополняли и поддерживали друг друга, а в советский период развивались как единое целое.

В отношении ЕврАзЭС правильнее говорить не о формировании, а о восстановлении ЕЭП, хотя и на совершенно новых принципах рыночной экономики. Соответственно и скорость этого процесса может быть намного выше, так как преодолеваемые препятствия носят не столько объективный, сколько субъективный характер. Главными из них являются интересы части национальной бюрократии лишшающихся суверенной самостоятельности ведомств и монополий, стремящихся к ограничению конкуренции. Поэтому достаточно было политической воли глав государств, чтобы процесс интеграции был сдвинут с мертвой точки и запущен с резким ускорением.

Создание Таможенного союза Белоруссии, России и Казахстана означает существенное снижение издержек, расширение масштабов производства и повышение конкурентоспособности объединяющихся в единую таможенную территорию национальных экономик.

По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, суммарный интеграционный эффект, измеряемый дополнительным производством валового внутреннего продукта, в 10-летней перспективе составит примерно 400 млрд долларов. То есть государства — участники Таможенного союза за счет интеграционного фактора получают в этом временном отрезке дополнительно около 15 % прироста ВВП¹. Эти расчеты делались до глобального экономического кризиса. По отношению к нынешнему уровню ВВП его прирост в результате интеграционных процессов будет еще больше.

При этом другие оценки, которые делают наши коллеги, скажем, в экономических институтах в Киеве, Минске, дают примерно сходные результаты. Речь идет о возможностях повышения в среднесрочной перспективе темпов экономического роста в 1,5–2 раза за счет восстановления кооперационных связей и общего экономического пространства.

Кроме всего прочего, результаты вариантных расчетов макроэкономической межотраслевой модели показали, что страновая ориентация внешнеторговой политики России оказывает существенное влияние на динамику российской экономики. Усиление направленности экономической политики России на всемерное развитие экономической интеграции со странами СНГ является важным дополнительным фактором экономического роста и создает значительные дополнительные возможности для преодоления сложившейся топливно-сырьевой направленности российской экономики. Ускорение развития обрабатывающих отраслей промышленности России, продукция которых, как

¹ Глазьев С., Клоцков Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран-участниц // Российский экономический журнал. 2008. № 7/8. С. 24–34.

правило, неконкурентоспособна на западных рынках, возможно лишь при условиях форсированного создания общего внутреннего рынка на постсоветском пространстве.

Прогнозировавшаяся еще до глобального финансового кризиса высокая эффективность создания ТС и ЕЭП была подтверждена на практике первыми тремя годами функционирования Единой таможенной территории.

Суммарный объем *внешней* торговли государств — членов Таможенного союза с третьими странами в первом полугодии 2011 года составил 430,8 млрд долларов США, в том числе экспорт товаров — 280,8 млрд долларов, импорт — 150 млрд долларов. Объемы внешней торговли государств — членов Таможенного союза в 2011 году значительно превысили аналогичные показатели 2009 года и, что особенно важно, докризисного 2008-го.

По сравнению с аналогичным периодом 2010 года товарооборот увеличился на 34,9 %, экспорт — на 30,9 %, импорт — на 43,1 %.

При этом прирост стоимостного объема внешней торговли в большей степени обусловлен наращиванием стоимостного объема экспорта товаров. Величина положительного сальдо внешней торговли по Таможенному союзу в целом превысила показатель первого полугодия 2010 года на 20,8 млрд долларов, по сравнению со вторым полугодием 2010 года она увеличилась на 50,8 млрд долларов и составила за шесть месяцев 2011 года 130,8 млрд долларов.

Объем *взаимной* торговли в рамках Таможенного союза, исчисленный как арифметическая сумма объемов взаимной торговли государств — членов Таможенного союза (соответствует подходам Статкомитета СНГ), в первом полугодии 2011 года составил 58,1 млрд долларов США и увеличился по сравнению с первым полугодием 2010 года на 40,7 %, по сравнению со вторым полугодием 2010 года — на 15,7 %. Объем взаимной торговли между государствами — членами Таможенного союза, исчисленный как сумма объемов экспорта каждой из стран (соответствует подходам Евростата и исключает двойной счет одних и тех же потоков товаров), за шесть месяцев 2011 года достиг 29,1 млрд долларов, что на 39,9 % выше уровня первого полугодия 2010 года и на 20,7 % превышает показатель за второе полугодие 2010 года. При этом буквально взрывной рост взаимной торговли наблюдается в приграничных территориях.

Таким образом, во многом успешное завершение создания ТС в установленные сроки способствовало смягчению последствий кризисного сокращения международной торговли в период глобального кризиса и существенно улучшило условия посткризисного восстановления экономики.

После нескольких неудачных попыток создания многосторонних интеграционных объединений в 1990-х годах эти три государства образовали ядро интеграционного процесса, сформировав первый в постсоветской истории наднациональный орган — Комиссию Таможенного союза (КТС), которому были делегированы полномочия по принятию согласованных решений в области торговой политики и таможенному регулиро-

ванию. При этом исполнение этих решений осуществлялось на всей единой таможенной территории автоматически без необходимости принятия национальных законодательных актов.

Сконцентрировав полномочия по регулированию внешней торговли в КТС и сняв таможенный контроль на своих межгосударственных границах, государства — члены ТС быстро двинулись по пути интеграции, унифицируя все виды пограничного контроля движения товаров. Вслед за таможенным на межгосударственных границах был упразднен санитарный, ветеринарный, фитосанитарный и транспортный контроль, введены единые нормы технического регулирования. Сразу же после завершения формирования единой таможенной территории эти государства приступили к созданию Единого экономического пространства, введя с 1 января 2012 года базовый пакет соглашений, устанавливающий нормы регулирования общего рынка не только товаров, но и услуг, труда и капитала. Одновременно было объявлено о формировании Евразийского экономического союза.

Создание ТС тремя ведущими государствами СНГ дало мощный импульс активизации интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. О желании присоединиться к ТС заявило руководство Киргизии. В октябре 2011 года было, наконец, подписано многостороннее соглашение о создании зоны свободной торговли в СНГ. В дополнение к нему государства — члены ТС установили отношения свободной торговли с Сербией и Черногорией. Перед историческим выбором встала Украина, намерения руководства которой перейти к отношениям свободной торговли с ЕС вошли в конфликт с объективной ориентацией ее экономики на интеграцию с ТС.

Под знаком происшедших положительных изменений в государствах — членах Таможенного союза несколько усилились интеграционные тенденции и в других странах — членах СНГ, где объемы взаимной торговли в общем объеме их внешнеторгового оборота, несмотря на кризисные явления 2008–2009 годов, в целом поддерживались на высоком уровне, а их доля лишь в отдельных странах понизилась незначительно.

Согласно уже принятым и внедренным на всей единой таможенной территории решениям, были устранены таможенные и технические барьеры во взаимной торговле, а также иные ограничительные меры экономического характера, включая экспортные пошлины, защитные и эквивалентные им меры. Тем самым был сформирован *общий рынок товаров*.

Формирование *общего рынка услуг* предусматривает предоставление национального режима предприятиям — резидентам Сторон в оказании услуг, унификацию требований к ним, взаимное признание лицензий в лицензируемых видах деятельности, устранение организационных монополий и гармонизацию национального законодательства.

На первом этапе эту работу предполагается выполнить для услуг в области оптовой и розничной торговли, транспортных и экспедиторских услуг, финансовых, страховых и банковских услуг, информационных услуг (связь и телекоммуникации). На следующем этапе —

для образовательных, инжиниринговых, юридических, строительных, жилищно-коммунальных, медицинских и услуг геологоразведки. По отношению ко всем остальным видам услуг, за исключением услуг в сфере обеспечения национальной безопасности и государственных услуг, эта работа будет закончена позже.

Необходимым условием эффективного функционирования общего рынка товаров и услуг является гармонизация норм, правил и механизмов проведения *анти-монопольной* политики, включая вопросы регулирования естественных монополий, обеспечение свободного движения прав *интеллектуальной собственности*.

Формирование *общего рынка труда* предусматривает свободное передвижение рабочей силы в зоне ЕЭП, урегулирование правового статуса граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства — участника ЕЭП, обеспечение свободного доступа к получению образования, признание дипломов высшего и среднего образования, единого образного применения правил и требований к трудовым ресурсам и режиму доступа на рынок труда.

Формирование *общего рынка капитала* наряду с обеспечением взаимного доступа на рынок финансовых, банковских и страховых услуг предусматривает гармонизацию норм валютного регулирования, создание условий для перехода на расчеты в национальных валютах, создание единой платёжно-расчётной системы и формирование общего валютного рынка. Реализация перечисленных выше направлений формирования ЕЭП позволит создать общий рынок товаров, услуг, труда и капитала. Для завершения формирования ЕЭП потребуется обеспечение гармонизации, вплоть до унификации, *норм регулирования экономики*, а также формирование институтов проведения *единой экономической политики*.

Для достижения поставленных целей предполагается сформировать процедуры стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического развития государств, предусматривающие выбор и реализацию общих приоритетов, разработку и реализацию межгосударственных целевых программ. При этом процедуры разработки этих программ и контроля за их выполнением должны быть максимально упрощены. Планируемый переход к согласованной макроэкономической политике предусматривает установление общих ориентиров по основным макроэкономическим показателям, включая уровень инфляции, ставку финансирования, дефицит бюджета.

Осуществление вышеуказанных планов предъявляет повышенные требования к институциональному обеспечению интеграционных процессов. Пришедшая на смену Комиссии Таможенного союза, успешно и в срок реализовавшей все намеченные национальными правительствами планы, Евразийская экономическая комиссия должна получить полномочия по инициированию и принятию решений без обязательного согласования с национальными правительствами. Из этого следует целесообразность передачи на наднациональный уровень и ответственности за исполнение этих функций, что предполагает формирование институтов Евразийского экономического союза (ЕЭС) по регулированию следующих ключевых сфер деятельности:

- таможенно-тарифного и нетарифного регулирования;
- таможенного администрирования;
- технического регулирования, санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер;
- зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин;
- установления торговых режимов в отношении с третьими странами;
- статистики внешней и взаимной торговли;
- конкурентной политики;
- промышленных и сельскохозяйственных субсидий;
- энергетической политики;
- естественных монополий;
- государственных и (или) муниципальных закупок;
- взаимной торговли услугами и инвестиций;
- транспорта и перевозок;
- трудовой миграции;
- финансовых рынков (банковская сфера, страхование, валютный рынок, рынок ценных бумаг).

Несмотря на наличие прочного ядра интеграции, состоящего из трех входящих в объединение государств — Беларуси, России и Казахстана, ТС и ЕЭП остаются открытыми для присоединения других государств, прежде всего членов ЕврАзЭС. Последние (Киргизия и Таджикистан) имеют для этого необходимые правовые основания, зафиксированные в основополагающих договорах ЕврАзЭС и ТС. Нынешнее руководство Киргизии официально обратилось в Высший орган ТС с заявлением о присоединении. Объективно в участии в ТС и ЕЭП жизненно заинтересована Украина, экономика которой связана с ними тысячами кооперационных связей и наиболее важными рынками.

Так, согласно результатам имеющихся макроэкономических исследований, участие Украины в Таможенном союзе и ЕЭП даст полторакратное увеличение макроэкономического эффекта его создания и качественное расширение возможностей развития высокотехнологических отраслей промышленности, создававшихся в рамках единого народнохозяйственного комплекса РСФСР и УССР. Украине это участие даст около трети прироста ВВП в 10-летней перспективе, обеспечит выживание и развитие критически зависимых от российского рынка машиностроительного, агропромышленного и химико-металлургического комплексов, составляющих основу украинской экономики.

Экономика Украины остается в кризисном состоянии, чреватом социальным взрывом. Нынешнее состояние платёжного баланса и государственного бюджета обрекает украинское население на дальнейшее падение уровня жизни, а правительство — на наращивание государственного долга. При этом внутренние возможности экономического роста крайне ограничены, а имеющийся инвестиционный потенциал явно недостаточен для модернизации и повышения конкурентоспособности экономики. Это вынуждает украинское руководство активно искать внешние источники для поддержания и развития экономики. В отличие от ЕС, Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана может

их предоставить немедленно, открыв доступ на свои рынки, а также обеспечив необходимые для балансировки бюджета займы. Присоединение Украины к Таможенному союзу обеспечит ей улучшение условий торговли на 7–8 млрд долларов в год, а также создаст возможности запуска крупномасштабных совместных проектов в авиационной, ракетно-космической, атомной промышленности, химико-металлургическом и агропромышленном комплексах, что даст мощный импульс для экономического роста. Доступ к российским энергетическому и сырьевому рынкам позволит привести ценовые пропорции к нормальному для украинской экономики уровню. И наоборот, сохранение экспортных пошлин и контрактных цен на газ на нынешнем уровне, а также существующих торговых барьеров обрекает основные отрасли украинской экономики на банкротство, значительную часть населения — на безработицу и нищету, а политическое руководство — на неизбежную утрату власти.

Украина, оставшаяся в стороне от интеграционных процессов, оказалась наиболее пострадавшей европейской страной, одним из мировых лидеров по глубине падения объемов ВВП и промышленного производства. До сих пор, в отличие от государств — членов ТС, она так и не вышла на достигнутый в советское время уровень этих показателей. И наоборот, имеющая более уязвимую структуру экономики Белоруссия, активно и полномасштабно участвуя во всех интеграционных процессах, к настоящему времени превзошла этот уровень почти вдвое.

Последние исследования экономической эффективности интеграционных процессов на постсоветском пространстве, сделанные на основе посткризисных статистических данных, подтверждают указанные выводы. Из этого следует объективная целесообразность углубления и расширения ядра единого евразийского экономического пространства, создаваемого на базе Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России.

А. А. Громыко¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ²

Мультикультурализм в международных отношениях проявляется все более ощутимо. Происходит это в обстановке, когда идеи мультикультурализма заявили о себе как в жизни отдельных стран, так и в отношениях между ними. Возникает взаимодействие разных цивилизаций, подтверждается принцип разнообразия мира. Дают о себе знать культурные различия цивилизационного порядка.

Эти процессы осуществляются в обстановке растущей неопределенности и напряженности, возникает опасность новых конфликтов разной степени интенсивности. Мир XXI века становится более сложным, по сравнению с XX веком, когда в bipolarной среде господствовала идеологическая борьба. Ее требования ограничивались разделением на два мира — капиталистический и социалистический. Сегодня конфликтность в международных отношениях отражает стремление политических элит внедрить свои этнические и культурные ценности в жизнь других стран. В результате в мире растет конфликтный потенциал, процессы глобализации сталкиваются с идентичностью.

¹ Главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор. Автор более 30 книг: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Королевской академии наук Марокко, Малагасийской академии наук, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

² Слово «мультикультурализм» — не единственный вариант определения процесса этнического и культурного взаимодействия в рамках одного государства и международных отношений в целом. Возможны и такие определения: «многокультурье», «сосуществование культур», «многообразие культур» и др.

О самобытности культур известно много. Каждая культура — это грань одной большой человеческой цивилизации, во многом неповторимая. Это находит отражение в литературе и искусстве. Культура и мораль одной цивилизации могут отличаться от морали и культуры другой цивилизации. Между ними, однако, происходит взаимодействие, они влияют друг на друга, в результате появляются общечеловеческие ценности.

В международных отношениях мультикультурализм проявляет себя в соответствии с обстоятельствами. В середине XX века, когда война потрясла основы европейской цивилизации, как реакция на преступление фашизма произошло становление общечеловеческой цивилизации, утвердился ее ценности. Это выразилось в создании Организации Объединенных Наций — продукта коллективного человеческого разума.

В Уставе ООН, особенно в разделе, посвященном ее целям и принципам, в юридической форме были закреплены общечеловеческие ценности. Они утвердились в международной жизни на десятилетия, что уже доказано временем, и столетия. Эти цели и принципы не разрушили ни холодная война, ни череда силовых конфликтов. Они устояли, и с их помощью была предотвращена третья мировая война. Необходима защита общечеловеческих принципов, так как риск ослабления влияния ООН на международные отношения слишком велик и главное — ничем не оправдан.

Сегодня наступило тревожное время. У многих людей, в том числе у ученых, будущее человечества вызывает беспокойство. Это реальность сегодняшнего дня. Основы мирового правопорядка, установившегося после окончания Второй мировой войны, постепенно ослабевают. Забывается исторический опыт человечества, в том числе отрицательный, особенно последствия милитаристских действий.

Организация жизни людей в нашем общем доме — на Земле — свидетельствует о том, что *историческое сознание, основанное на общечеловеческих ценностях, необходимо сохранять и укреплять*. Подобные позитивные действия создают основу *парадигмы согласия и толерантности* людей друг к другу. Мультикультурализм в международных отношениях — реальная позитивная сила, которая говорит на языке разума, а не с помощью бомб и ракет.

Примеры Индии, Франции, Великобритании, Германии, США и других стран свидетельствуют о том, что не существует легкого способа налаживания сотрудничества между представителями разных этнических групп и культур. Наглядный пример — Ближний Восток. Наиболее успешный пример совместимости разных этнических групп и культур представлен в России. Царская Россия — образец сосуществования разных цивилизаций и культур. Эта политика успешно проводилась и в Советском Союзе. Российская Федерация сегодня переживает непростой период развития мультикультурализма в рамках многонационального государства и становления новой социально-экономической общности.

Во всех странах мультикультурализм существует в рамках правового поля, базируется на конституции и законах государства. Если они не действуют, в обществе царит социальный и политический хаос, который порождает новые войны и революции.

В международных отношениях правовое поле обеспечивается классическим международным правом, цивилизованным поведением в условиях толерантности.

В международных отношениях легитимизация поведения разных цивилизаций и групп государств, так же как и поведения отдельного государства, имеет более сложный характер, чем утверждение мультикультурализма в отдельном государстве.

История создания ООН и развитие ее институтов красноречиво свидетельствуют о том, что *уровень толерантности в ООН выше, чем в любом государстве. Здесь принятие ответственных решений невозможно путем механического учета мнения большинства*. Устав ООН принуждает государства к поиску компромиссов, а не к использованию силовых методов, вплоть до санкций и войн. Это нормальные цивилизованные отношения, которые необходимо сохранять.

Среди острых проблем, которые предстоит решить мировому сообществу, можно выделить следующие:

- глобальная нищета и бедность;
- голод и дефицит продовольствия;
- дефицит питьевой воды;
- эпидемии;
- распространение оружия массового уничтожения;
- наркотрафик;
- сохранение пригодной для человека окружающей среды;
- готовность к климатическим переменам;
- космическая опасность.

Эти проблемы нельзя решить с помощью военной силы — бомбардировок, оккупации, использования военной техники. Как неоднократно отмечал в своих

выступлениях Постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин, международное сообщество извлекло уроки из драматических событий последних десятилетий и осознало, что попытки разрешить проблемы с помощью силы, нарушая хартии ООН, заводят в тупик. Альтернативы решению политических, экономических и прочих проблем совместными усилиями на основе международного права просто не существует.

В день своего 25-летия, 24 октября 1970 года, Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию, в которой были подтверждены основные принципы. Их соблюдение является обязательным для утверждения демократического и справедливого мирового правопорядка. В его основе лежат семь принципов, без соблюдения которых международное право и многие его положения перестают быть правилами и становятся ненужной формальностью, а именно:

- неприменение силы;
- мирное разрешение международных споров;
- невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства;
- обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН;
- равноправие и самоопределение народов;
- суверенное равенство государств;
- добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом ООН.

Сегодня возникают немало политиков и даже свежиспеченных дипломатов, которые что-то где-то слышали об основных принципах ООН, но считают их устаревшими и неприменимыми. Для них исторический опыт и наследие победителей во Второй мировой войне как бы не существуют. Их манит «новая» реальность, где правит бал философия «паханов»: «Кто силен, тот и прав» и «Кто не с нами, тот против нас».

Без активного участия российских ученых в разработке российской внешнеполитической стратегии и тактики, ориентированных на демократический правопорядок, российская внешняя политика не будет эффективной. Внешняя политика России, когда ею руководили лишены мудрости люди, имела страшные последствия (можно вспомнить, например, потерю Крыма).

Ученые, конечно, не претенденты. Они не претендуют на то, что их советы являются истиной в последней инстанции. Но их голос должен быть услышан. Ученые владеют специальными знаниями, способны мыслить системно и, как правило, приходят к более объективным выводам, чем политики. Проведение внешней политики — прерогатива людей, находящихся у власти. Последние нередко демонстрируют спешку в принятии решений, не задумываясь о последствиях.

Если в международных отношениях не принимают во внимание мораль и право, культурное наследие человечества, то сильные государства, особенно сверхдержавы, полагают, что им разрешено все. В этом случае международные отношения превращаются в джунгли, где главенствуют политические авантюристы и финансовые спекулянты. В условиях ослабления международного права — института политической культуры —

наступит диктат одних стран над другими. В мировой политике в этом случае будет господствовать принцип «кто сильный, тот и прав». Это будет означать конец ООН, невозможность установления демократического

мирового правопорядка. В мире наступит хаос, утвердится политика, когда каждый сам за себя. И кто может сказать, что такой вариант развития событий невероятен?

А. А. Гусейнов¹

НАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Данные тезисы представляют собой предварительные, лишённые строгости размышления, цель которых — рассмотреть вопрос о возможности интерпретации национальной проблематики и ее теоретических обобщений в этико-нормативном аспекте.

1. В литературе среди множества взглядов на нацию выделяются два подхода к ее пониманию, которые условно можно назвать реалистским и номиналистским, имея в виду употребление этих понятий в рамках старого философского спора о природе общих понятий. Согласно первому из них (реалистскому) нация представляет собой историческую общность людей, которой предшествуют род, племя, народ и которая характеризуется совокупностью признаков: единством территории, языка, экономики, культуры, психологического склада, самосознания. Эти признаки находят обобщенное выражение в стремлении нации к государственно-политической самостоятельности. Самоопределение, суверенность — своего рода телос нации. Современные государства суть национальные государства: их основой, общественным базисом являются не сословные различия, а исторически сложившееся национальное единство. Постсословные государства являются демократическими, но они демократические именно в качестве национальных, они обретают свою легитимность не в божественной санкции, а в общей воле. Второй подход — номиналистский — сводит нацию к союзу граждан, рассматривает государство не как выражение и кульминацию национально-культурного развития, а как определяющую и даже учреждающую основу нации. Понятие нации отождествляется с политическим сообществом и отрывается от этнокультурной основы, которая при первом подходе имеет решающее значение. Оно оказывается номинальным обозначением одной из многих групп, куда входят люди, в частности той из них, куда они входят в качестве граждан.

Эти подходы и заключенные в них понятия нации чаще всего фигурируют под названиями культурной нации и гражданской нации. Они акцентируют внимание на разных сторонах и стадиях жизни нации и в принципе могли бы дополнять друг друга. Но в качестве за-

конченных концепций они альтернативны. Концепции культурной нации и гражданской нации различаются между собой по целому ряду критериев: первая рассматривает нацию как категорию философии истории, вторая — как категорию политической социологии; первая считает, что нации создают государства и допускают возможность многонациональных государств, вторая считает, что государства создают нации и потому само понятие многонационального государства является противоречием определения; первая нацеливает на культурную гомогенность государства, вторая признает и санкционирует культурное многообразие. Есть еще один признак, которому, на мой взгляд, в научной литературе уделяется недостаточное внимание, но который очень важен для понимания сути национальной проблематики и мог бы стать важным аргументом в спорах вокруг нее, но в особенности важен для осмысления ее необычайной злободневности в наши дни. Он касается того, какую роль играет национальная принадлежность в нравственном самосознании личности или, говоря по-другому, как национальная идентичность человека соотносится с другими формами его идентичности.

2. Разные концепции наций предполагают и формируют разный характер отношения личности к ней, они заключают в себе, если можно так выразиться, разные антропологии.

Теория культурной нации исходит из того, что национальная принадлежность является бытийной характеристикой человека. Подобно тому как индивид не может выпрыгнуть из физических параметров, указывающих на время и место его существования в мире, так он в своем общественном бытии не может не входить в состав какой-то нации. Индивида вне нации не существует. В этом смысле нация не является предметом выбора. Конечно, национальная принадлежность — не природная, а общественная характеристика человека, она опосредуется опытом сознательной жизнедеятельности индивидов. Более того, она включает в себя необходимость принятия индивидами своей национальной идентичности и выработки отношения к ней, которое, разумеется, может протекать и протекает у разных индивидов с разной степенью осознанности и акцентированности. Однако каким бы внутренне свободным, критическим и даже отстраненным ни было отношение индивидов к факту своей национальной принадлежности, оно всегда является вторичным и никак не может изменить самого этого факта. Даже тогда, например, когда кто-то находит национальную форму бытия ограниченной, хочет преодолеть ее и стать космополитом, он не может сделать этого, начиная с того, что он должен мыслить и говорить об этом на определенном на-

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журналов «Философский журнал», «Общественные науки» (на английском языке), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

циональном языке. И, услышав о ком-то, что он космополит, логично и естественно поинтересоваться, космополитом какого национального разлива он является. Надо думать, русский космополит будет отличаться от космополита китайского или арабского. Космополитизм вполне может быть выражением национального начала; во всеединстве Владимира Соловьева больше русскости, чем в претендующей на то же самое этнической ограниченности какого-нибудь квасного русского неоязычника наших дней. Если дать волю воображению и предположить, что все объявившие, считающие себя космополитами индивиды из разных уголков мира собрались вместе на каком-нибудь острове для того, чтобы культивировать новую внациональную форму общезития, то и в этом случае они не смогли бы осуществить свой замысел и сами со временем стали бы особой нацией космополитов. Словом, следуя логике концепции культурной нации, индивиды свою национальную принадлежность не выбирают, они ее приобретают до того, как научаются выбирать.

Из теории гражданской нации вытекает противоположный вывод — она отождествляет национальную принадлежность человека с его гражданством и относит ее тем самым к таким характеристикам человека, которые могут быть изменены актом сознательного выбора. Конечно, гражданство человека тоже предзадается фактом рождения в определенном государстве (или этнической принадлежностью в случаях государств, где она потенциально означает право на гражданство), но, во-первых, ее можно поменять и, во-вторых, может поменяться само государство, как это совсем недавно произошло, например, с Советским государством. По крайней мере в принципиальном плане индивид в том, что касается его национально-государственного статуса, сохраняет свободу выбора. Он как бы сам причисляет себя к определенной нации, является в плане национальной принадлежности тем, кем себя считает.

3. Вопрос, конечно, не в том, что и как называть, закрепить ли термин «нация» за этно-культурной составляющей человека или за его принадлежностью к определенному политическому сообществу. Традиция употребления термина «нация» действительно является различной в разных языках и странах, что само, в свою очередь, может рассматриваться как следствие и доказательство реальных национальных различий. Признавая исключительную важность усилий по уточнению и прояснению термина «нация», следует признать, что они не могут сводиться к тому, чтобы развеять разные значения и закрепить за ним какое-то одно. Речь должна идти о содержательном анализе, призванном определить действительное место этого понятия в системе жизни человека и общества. С этой точки зрения важно рассмотреть, каково место национальной составляющей в идеологии и в системе ценностей индивида, его идентичностей. Оставим в стороне вопрос о национализме как идеологии, заметив лишь, что в общественном сознании советского периода, когда нация понималась как историко-культурная общность людей, национализм рассматривался преимущественно в негативном аспекте, а в настоящее время в рамках интерпретации нации как согражданства ему придается во

многом позитивный смысл, совпадающий с гражданской лояльностью и патриотизмом. Рассмотрим проблему национальной идентичности в рамках индивидуально-ответственного существования человека.

4. При рассмотрении места и роли нации в жизненном мире индивида, даже более конкретно: в его самосознании существенными представляются по крайней мере следующие три момента. Во-первых, индивид всегда имеет определенную и ясную позицию по вопросу о своей национальной принадлежности. Во всяком случае иметь такую позицию входит в норму его общественного существования. В отличие от вопроса: «Кто мы?», ответ на который может оставаться неопределенным и неоднозначным, как это, например, происходит сегодня при обозначении общероссийской идентичности, вопрос: «Кто я?» такой размытости не допускает. На него нельзя не иметь определенного ответа. Во-вторых, самосознание личности непременно включает в себя сознание этнокультурной идентичности, в том числе в тех случаях, когда последнюю в силу традиции словоупотребления не принято обозначать как национальную. В-третьих, национальная идентичность не просто осознается личностью, а входит в ее «я-сознание». Она в рамках личностного самосознания является более интимной и ранимой структурой, чем такие формы идентичности, как социальная, профессиональная, территориальная и др. Особое место и роль национальной идентичности определяются тем, что она, как правило, прямо замкнута на чувство нравственного достоинства. В отличие от гражданства, которое удостоверяется внешним образом и всегда предполагает ряд фиксированных прав и обязанностей, национальная идентичность представляет собой ментальный и душевный строй индивида, она входит в его неотчуждаемое личностное ядро.

5. Общественное бытие индивидов имеет национальную форму: индивиды формируются в качестве личностей в определенной национальной среде и, что особенно важно, национальная мотивация входит в смысловую основу их жизнедеятельности. Человек национален не только в своем этосе, привычных формах мышления и поведения, но и в своих убеждениях. Это является следствием и индикатором того, что нация представляет собой также качественно новую стадию духовного развития общества, ее в известном смысле можно считать пострелигиозной формой духовной жизни. Европейский опыт Нового времени, с теми или иными особенностями подтверждаемый опытом вхождения в современность других культурных регионов, говорит о том, что национальные различия людей сильнее их религиозного единства и что именно национальные границы оказываются современными границами их духовного сплочения и общественной солидарности. Национальная мотивация поведения часто соединяется с религиозной мотивацией; значительно усиливаясь благодаря такому союзу, она сама приобретает в определенной мере культовый, вероублажающий характер. Представление о национальных святынях вошло в язык и культуру, как и представление о религиозных святынях.

6. Особая роль национальной идентичности в жизни индивидов, ее глубокая личностная укорененность, трепетный, нравственно охраняемый статус в системе ценностей накладывают определенные обязательства и ограничения на общественный дискурс по национальной тематике.

Общее правило должно состоять в том, чтобы о нациях говорить как если бы речь шла о живых людях, имея в виду, что речь идет прежде всего о сфере ценностей, о предмете, прямо затрагивающем достоинство конкретных индивидов. На первом плане здесь должны быть соображения не истины, а такта, учтивости, уважения. В данном отношении часто более важно, не что говорится, а кто говорит, в какой связи. И, самое важное, насколько сама речь приемлема, может быть принята, одобрена теми, на кого она направлена. Когда на сегодняшнем фоне постоянных конфликтов на так называемой национальной почве вспоминают о советском опыте сравнительно гармоничного общения людей разных национальностей, обычно ссылаются на то, что тогда вообще не интересовались национальным происхождением человека, не было принято, даже считалось неудобным спрашивать об этом. Это действительно было так и совсем не потому, что недооценивался национальный аспект жизни. Люди не акцентировали на этом внимание по причине, очень похожей на ту, в силу которой они не выносят на публичное обсуждение глубоко личные, интимные проблемы и стороны своей жизни. В данном случае действует логика, в силу которой святое является сокровенным и имя Бога не следует произносить всуе. Сдержанность — очень важное требование в том, что касается публичного разговора о национальных проблемах, в особенности применительно к конкретным нациям, людям, ситуациям. Это — тот предмет, о котором надо больше молчать, чем говорить.

Недопустимо увязывать конкретные действия конкретных людей с их национальной идентичностью. Это неверно по существу и разрушительно для человеческого общения. Считать, что какое-то действие индиви-

дом совершено в силу (по причине) его национальной принадлежности, — значит снимать с него персональную вину, если речь идет о чем-то плохом, или отнимать личную заслугу, если речь идет о чем-то хорошем. Это означает, кроме того, незаслуженно хвалить и незаслуженно порицать всех других представителей той же национальности.

Национальная идентичность действительно представляет собой глубоко укорененную, интимную структуру личности, но именно это как раз означает, что ее нельзя отрывать от индивида, что последний вовсе не является экземпляром национальной серии людей, сам ответствен за свои действия в сугубо личном качестве. Когда какой-то конкретный дагестанец совершает преступление, то он совершает это не потому, что он дагестанец, точно так же, как тогда, когда какой-то человеческий индивид совершает преступление, то он совершает это не потому, что он человек.

В публичном разговоре на национальную тему очень важны аксиологические акценты, правильные векторы порицаний и восхвалений. Ориентиром здесь может быть нравственная модель межличностных отношений, суть которой состоит в том, что судить надо себя, а не других. Это модель исходит из убеждения, что все люди равны в моральном достоинстве, хотя, разумеется, они различаются между собой (и порой очень сильно) по моральным качествам. То же самое можно сказать о равенстве людей в их национальном достоинстве. Нации различны, но равноценны, ни одна не лучше и не хуже другой, и каждая имеет свои достоинства и недостатки, своих героев и преступников. Из признания этого следует, что отношение людей к собственной нации может и, как правило, должно быть критическим, а отношение к другим нациям, напротив, — акцентированно позитивным. Норма, критерий здоровья нации выдержан в той же личностной логике: судить себя, а не других. Излишне говорить, что на деле мы, как правило, наблюдаем нечто противоположное.

М. М. Джоши¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

У процесса глобализации есть экономические причины и, соответственно, социальные, политические и культурные последствия. Глобализационные процессы стремятся взять экономику под контроль и создать всеобщую систему управления рынком, однако народы и общества стараются сохранить свою культурную самобытность. Хантингтон утверждал, что в мире насчитывается восемь или девять основных зон культурных различий, существующих давно, чья история полна насилия и даже жестокости. Он также утверждал,

¹ Член парламента Республики Индия, доктор. Министр по развитию человеческих ресурсов, науки и технологий, освоению океана Правительства Республики Индия (1998–1999). Автор публикаций по политическим и социальным проблемам, в т. ч.: “Women should be embodiments of knowledge, prosperity and power”, “Cosmic Unity and Connectivity”, “My letter to the Prime Minister”, “Bhartiya Heritage in Engineering and Technology”, “Congress and corruption”, “GDP: A Statistical Jugglery” и др.

что «разрывы» в культурном пространстве провоцируют будущие конфликты.

Возникает вопрос: может ли процесс глобализации разрешить противоречия и привести к установлению глобальной культуры? Утверждение, что различные культуры постоянно существуют в состоянии конфликта между собой, является ключевым в вопросе о взаимоотношениях наций и обществ, но оно, несомненно, обуславливает жестокий миропорядок, основанный на эксплуатации. Мировой порядок, сформированный на принципе столкновения культур, не только не допускает разрешения конфликтов, но и усиливает их. Следовательно, он неприемлем. Для поддержания порядка и гармонии в мире надо создать новую парадигму, в основе которой должен лежать серьезный и содержательный диалог культур.

Конфликт между экономической интеграцией и культурным сепаратизмом необходимо разрешить в процессе взаимодействия между глобализацией и культурами. Также необходимо выяснить, можно ли управлять процессом глобализации в современном мире и возможно ли существование глобальной культуры в подлинном смысле.

Не вызывает сомнения тот факт, что некоторые социально-экономические конфликты в современном мире резко обострились после того, как процесс глобализации взял курс на униполярность. Конфликты в области различных систем ценностей и мировосприятия, особенно между механистическим и целостным восприятием мира, вызвали серьезные споры, касающиеся отношения культуры к процессу глобализации. Следствием событий, произошедших в последние десять лет, стали вопросы об эффективности рыночного фундаментализма. Недостаток такой модели рынка сегодня во всем мире хорошо понимают. Последствия культуры тотального потребления, вызванного к жизни несдерживаемыми рыночными силами, проиллюстрированы недавними экономическими проблемами в США. В результате путь развития капитализма, пропагандируемый Западом и особенно Всемирным банком и Международным валютным фондом, не был признан наиболее эффективной экономической моделью для развивающихся стран, несмотря на заявления, что он имеет преимущества перед всеми прочими современными экономическими системами.

Также стало очевидно, что существуют и другие способы управления экономикой, подходящие для каждой конкретной страны. Альтернативные формы эффективного рыночного управления показали прекрасные результаты в таких странах, как Швеция, особенно в сфере нивелирования неравенства. Утверждение, что нерегулируемые рынки являются наиболее эффективными, было опровергнуто, а заявление, что рынки могут выжить без государственного вмешательства, оказалось несостоятельным.

Сторонники рыночного фундаментализма заявляют, что глобализация приведет к развитию одной глобальной культуры. Они также распространяют идеи о существовании «главенствующих» и «подчиненных» культур, где финансовое благополучие и достаток являются прерогативой главенствующей культуры. Это неравенство также основывается на определенных религиозных догматах. Другими словами, эта концепция пропагандирует монокультурализм, основанный на западной системе ценностей.

Признав существование различных культурных зон, мы должны определить, как в современных обстоятельствах можно организовать диалог между разными культурами, с одной стороны, и между глобализацией и культурами — с другой.

Что означает понятие «культура»? Под культурой мы понимаем образ жизни всего общества, его ценности, опыт, то, как оно выстраивает отношения не только с представителями этого общества, но и с окружающим миром. Таким образом, культура включает особые понятия общества об истине (сатям), добре (шивам) и красоте (сундарам). Более того, это врожденные ка-

чества, которые постоянно привносятся в социально-экономические институты.

Таким образом, культура во многом определяет цели, ценности и отношение к окружающему миру. Очевидно, что это имеет свое отражение в языке, обычаях, законах, искусстве и литературе, общественных институтах. Таким образом вырабатываются совершенно различные способы поведения и жизни. С этой точки зрения культуры играют решающую роль в формировании ментальности, поведения и развитии прогресса (интеллектуального, материального, морального и духовного) в любом обществе. Следовательно, конфликт культур порожден различиями в восприятии мира, которые определяют отношения между людьми и обществами. Если мы хотим жить в устойчивом мире, различные культуры должны научиться сосуществовать.

Несколько слов о процессе глобализации. В последнем десятилетии XX века глобализация приветствовалась и была принята многими странами. Было решительно заявлено, что этот новый экономический мировой порядок принесет всем процветание и приведет к формированию глобального самосознания. К сожалению, спустя двадцать лет процветания нет, а конфликты в мире происходят.

Кроме того, процесс глобализации усилил экономическое неравенство. Возросшее в последние два десятилетия число людей, живущих за чертой бедности, красноречивее всяких слов говорит о провале рыночной экономики в области сокращения экономического неравенства. Уровень бедности в развивающихся странах вырос, а в Африке почти удвоился: со 164 млн человек в 1981 году до 316 млн сегодня. Около 40 % населения живет в бедности, а примерно 1 млрд находится за чертой бедности, то есть на 3 % больше, чем в 1981 году.

Дж. Стиглиц утверждает, что процесс глобализации подверг развивающиеся страны большим рискам, а рынков, гарантирующих защиту от этих рисков, не существует. Несомненно, благосостояние также увеличивается, но это касается ограниченного числа людей. Лишь малое количество людей имеет слишком много, а очень многие — слишком мало, порой недостаточно для того, чтобы просто выжить. Процесс глобализации сформировал мир, разделенный между культурой богатых и культурой бедных (не путать с культурой аскетизма). Если в результате глобализации снижается уровень жизни, наносится ущерб системе ценностей, насильственно насаждаются чужеродные культурные системы, то неизбежно возникает серьезная оппозиция глобализации. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

Современное обострение конфликтов во всем мире в основе имеет не только экономические причины, оно также определяется характерными культурными различиями. В этой ситуации следует обеспечить дифференцированный диалог, с одной стороны, между различными культурами, с другой стороны, между культурами и процессом глобализации, если мы хотим разрешить конфликты и спасти мир от возрастающей угрозы распространения насилия.

Хантингтон, поделив мир на восемь–девять зон, опирался на идею существования разных цивилизаций с их культурными отличиями, сохраняющимися в течение веков. Один из определяющих элементов культур — религиозные традиции, которые даже в эпоху модернизации продолжают оказывать влияние на восприятие мира. Культуры ислама, христианства (западного и православного), буддизма, индуизма, конфуцианства, японская, африканская и латиноамериканская культуры были в целом определены как культуры, формирующие различные зоны, по границам которых проходят культурные линии разлома.

Культурный плюрализм есть реальность сегодняшней жизни. Противоположен ли он универсализму? Если универсализм предусматривает единообразие, то противоречия между ними будут существовать всегда. Но если универсализм отказывается от единообразия, противоречие можно разрешить путем диалога. Проблема заключается в том, что глобализация ведет не к объединенному миру, а к единообразному. Экономический прогресс возможен и без насаждения единственной культуры, образованной в ходе рыночной динамики глобализации.

Известный ученый Ричард Шведер, занимающийся культурной антропологией, утверждал, что на протяжении всей истории человечества сильнейший, имеющий более развитые технологии, считал свой образ жизни самым правильным, богоугодным, верным путем к спасению или, по крайней мере, к преуспеванию в этом мире. В XVI веке португальские миссионеры в Китае полагали, что изобретение часов, которым они очень гордились, являлось доказательством превосходства католицизма над прочими мировыми религиями. В связи с этим Ричард Шведер заявил: «Насколько я знаю, их механическое устройство для отсчета времени рассматривалось как аргумент в пользу абсолютной монархии. Ослепленные нашими современными изобретениями и игрушками (например, CNN, IBM, фирменные джинсы, противозачаточные средства, кредитные карты) и привыкшие к нашему образу жизни, мы (на Западе) склонны к тем же иллюзиям, полны того же самообмана».

Профессор Шведер, поддерживая идеи Джозефа Раза, далее утверждает, что многие из нас живут в многонациональных государствах, в состав которых входят группы и сообщества, исповедующие различные религиозные верования, включая и такие группы, вера которых несовместима. Это сосуществование будет продолжаться, если учитывать реальность глобальной миграции и тот факт, что различные общественные устройства и религиозные воззрения — благо. Этот факт следует признать ради сохранения прогресса — личностного и общечеловеческого.

Конечно, жизнь в таком мире не лишена опасностей, особенно для иммигрантских сообществ или меньшинств, живущих в поликультурных государствах, или для представителей цивилизаций или культур, состоящих в геополитическом конфликте. В таком мире люди надеются, что имеет значение не только сама культура, но и особая плюралистическая концепция культуры, поскольку правильное восприятие куль-

туры может принести пользу в области нивелирования рисков, ассоциирующихся с «различиями» и поликультурной жизнью.

Отсюда логически вытекают вопросы: что такое правильное восприятие культуры? Существует ли универсальная культура, и если да, то как она соотносится с культурами различных зон? Продолжится ли постоянный конфликт между различными культурными зонами и глобальной культурой или существует способ гармонизировать их отношения? Очевидно, что нам необходимо пересмотреть наше мировоззрение.

На западное мировосприятие оказала существенное влияние декартова система. Известное изречение Рене Декарта “*Cogito ergo sum*” («Я мыслю, следовательно, я существую») является основой западного восприятия реальности. Декартов постулат установил превосходство разума над материей и привел к выводу, что разум и материя суть две противоположности. Именно декартово разделение на разум и материю привело к редукционизму в науке, то есть к утверждению, что все аспекты сложного явления можно понять, разложив их на составляющие элементы. Согласно Гейзенбергу, этот метод разложения глубоко проник в человеческое сознание за три века существования постулата Декарта. Потребуется длительное время, чтобы заменить его иным отношением к реальности.

Широко распространенные и повсеместно опознаваемые различия между людьми (расовая принадлежность, национальная культура, семья, профессия и пр.), которые сейчас мешают человечеству совместно работать ради общего блага и выживания, своим существованием обязаны ключевому фактору того типа мышления, который полагает, что все вещи существуют раздельно, независимо и разрозненно, что их можно разложить на более мелкие составляющие, и потому каждая составляющая (например, культурная зона) рассматривается независимо как существующая сама по себе.

Согласно Дэвиду Бому, вследствие реализации фрагментарного подхода общество в целом пошло по такому пути развития, когда оно разделяется на отдельные нации и разные религиозные, политические, экономические, расовые группы. Природное окружение человека рассматривается как совокупность отдельных существующих частей, использовать которые следует разным группам.

Бом утверждает, что всеобщий подход к восприятию окружающего мира важен для упорядочения мышления человека. Следовательно, его отношения с другими личностями, обществом и окружающим миром определяются этим подходом. Если человек считает, что окружающий мир состоит из независимых элементов, его разум будет оперировать теми же понятиями, но если человек может воспринимать все элементы связно и гармонично как единый неделимый окружающий мир, существующий без границ (поскольку каждая граница есть разлом или барьер), то и образ мыслей будет таким же. Отсюда проистекает упорядоченный подход к целому. Такое понимание ведет к гармонизации отношений между универсальной культурой и разными культурными зонами.

На ранних этапах развития цивилизации подход человека к окружающему миру был скорее целостным, а не фрагментарным. На Востоке (особенно в Индии) такие взгляды существуют до сих пор: философия и религия утверждают целостность и полагают бессмысленным разложение мира на отдельные элементы. Почему же мы не можем отказаться от фрагментарного западного подхода? Необходимо принять восточные понятия, которые не только включают целостное восприятие мира, отвергающее разделение, но и предлагают основу для диалога, который уничтожит фрагментацию как в образе мыслей, так и в практическом применении.

Индия представляет собою уникальный пример мирного сосуществования всех религий. Почти все

крупные религии и огромное множество сект существуют бок о бок в этой стране на протяжении веков. Все они принимают участие в жизни страны. Возможно, это происходит благодаря целостному подходу индийской философии и соответствующему мирозерцанию, полагающему единство человечества. Мультикультурализм — закон природы, так же как и универсальный дух, и между ними нет сущностных противоречий. Божество, или универсальный дух, есть первооснова единения, тогда как ничем не ограниченный рынок обуславливает разъединение. Рынки должны учиться у различных культур, существующих с начала зарождения цивилизации и продолжающих существовать до сих пор. Именно посредством различных культур космическое сознание проявляет себя.

А. В. Дмитриев¹

МИГРАЦИЯ: КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ВЫЗОВА

Современный миграционный процесс меняет культурные матрицы мира. Странам Европы и части стран СНГ (России, Украине, Белоруссии) с их стареющим населением ныне противостоит огромный по численности развивающийся мир, грозящий разрушить системе сложившихся отношений.

По-видимому, придет время, когда народы, населяющие развивающиеся страны, кардинально изменят этнический состав Европы, в том числе России, где смертность населения превышает рождаемость и молодежь стремится уехать из страны.

Не вызывает сомнений, что рост масштабов эмиграции и иммиграции будет сопровождаться усилением ее воздействия на все сферы жизни, в том числе культурную. По разным причинам этот процесс, как показывает опыт многих стран, будет мотивировать рост движений преимущественно националистической окраски.

Обусловлено это боязнью не только коренной реструктуризации экономических и социальных отношений в обществе, но и мобилизацией внутри самого принимающего общества во имя достижения равноправия и признания самобытности своей культуры.

Конфликты, связанные с иммиграцией, обычно касаются взаимодействия двух основных участников — постоянных жителей, с одной стороны, и иммигрантов — с другой. Зачастую они дополняются вмешательством властей, то есть появляется третья сторона конфликта. В случае если иммигранты идентифицируют себя с этносом, в конфликт могут вмешаться и диаспоры — четвертая сторона. Если акцентировать внимание не на психологии участников (а этот аспект, разумеется, важен), а на характере действий сторон, то обнаруживается основной признак конфликта: восприятие его участниками поведения друг друга как направленного

на ущемление своих материальных и культурных устремлений.

Движение населения в Россию и из нее имеет определенные преимущества и риски. В экономической сфере иммиграция частично удовлетворяет спрос на рабочую силу, которая готова трудиться за низкую заработную плату и в трудных условиях. Иммигранты в РФ заполняют так называемый низкий сектор рынка (услуги в коммунальной области, строительство, розничная торговля и т. д.). В более высоких секторах — экономике, науке и образовании — они не могут заполнить пустоты, связанные с естественным убытием специалистов и растущей эмиграцией.

Кроме того, в гуманитарной области миграция расширяет возможности знакомства с иными культурами, создает предпосылки для их взаимопроникновения. Кроме того, предоставление убежища лицам, преследуемым на своей территории проживания, отменяет общечеловеческим ценностям — проявлению милосердия.

Несколько слов о цивилизованном контексте. При всех положительных или негативных характеристиках иммиграции нельзя исключить, что она будет оказывать определенное воздействие на прогнозируемый многими цивилизационный раскол. Альтернатив у России немного, и, несмотря на «маятниковость» своего культурного развития (между Европой и Азией), ей придется наконец сделать выбор между евразийством и западной цивилизацией.

Здесь есть свои особенности. Предположим, Россия пойдет по первому пути (евразийство). В этом случае линия раздела между европейской и восточной цивилизациями станет на первый взгляд менее заметной. Что касается иммиграции с Юга и Востока, то она будет продолжаться беспрепятственно (и за 10 лет составит примерно 7 млн человек). В случае экономического, социального или политического и, вероятнее всего, общесистемного кризиса линия напряжения будет проходить не по периферии России, а в самых важных ее «нервных» узлах.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия». Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

Избрав второй альтернативный вариант (западная цивилизация), Россия, быстро модернизируясь, станет европейской страной. На этом этапе существует опасность усугубления культурного разлома по линии границ Кавказа и прилегающих к нему регионов, а также среднеазиатских республик.

На макроуровне Россия будет стремиться сохранить свое влияние, укрепляя одновременно границы, совершенствуя миграционный контроль. На микроуровне ситуация может периодически обостряться. Население, проживающее около границ «межцивилизационного разлома», будет вести борьбу за территории и влияние путем демографической экспансии: заселение (сначала единичное, а затем массовое) с последующим изменением этнодемографического баланса в свою пользу и вполне вероятным вытеснением местного населения. История многих государств свидетельствует о давности и стандартности таких приемов. В современной Европе албанцы, используя подобный способ, стали доминировать в Косово (Сербия). На очереди Македония. На Северном Кавказе русские покидают некоторые территории Ставропольского и Краснодарского краев, ряд северокавказских республик почти полностью лишился русского населения.

Как бы то ни было, пока проблема культурного разлома проходит по периферийным районам страны, частично затрагивая и столичный мегаполис. Каждая из сторон (кавказцы, азиаты с одной стороны, местное население — с другой) обладает рядом культурных аргументов в свою пользу, которые вряд ли будут ослаблены в ближайшее время. Отсутствие взаимопонимания, сегрегация, подозрительность по-прежнему составляют конфликтный фон взаимодействия. Культурное разнообразие воспринимается сторонами как угроза устоявшимся стандартам их жизни.

Самое сложное сегодня — применение адекватных и деликатных методов мотивации интереса подвижного, противоречивого массового сознания к выработке позитивных культурных практик и демонтажу бытующих деструктивных, негативных стереотипов. К сожалению, именно такой деятельности сегодня не хватает. Немало влиятельных групп используют возможности СМИ для формирования всевозможных иллюзий и социальных стрессов. Создаются разноформатные галереи черно-белых смыслов — от сверхпозитивных, пастельных картин, в которых мигранты спасают страну

от депопуляции, до мрачных ассоциаций и образа исполнинской тени иноэтничной миграции, нависшей над страной и создающей проблемы для граждан России.

СМИ достигает этого эффекта с помощью множества методов, в том числе изменением смыслового контекста информации о тех или иных событиях, связанных с мигрантами, многократным повторением избирательно подобранных фактов. Другими словами, миграционная проблематика создает дополнительные возможности управления сознанием и поведением населения страны, риски использования ее в качестве средства эскалации социальной напряженности и этнической мобилизации. Подобные факты, к примеру, у многих москвичей вызывают не самые теплые чувства к мигрантам, формируют интолерантные установки и укрепляют в массовом сознании представления о том, что неконтролируемый приток иностранцев давно превратил Россию в центр интернационального криминалитета.

Стремясь в общеевропейский дом и ратуя за безвизовый режим с этим цивилизованным центром, нельзя не отдавать себе отчета в том, что это невозможно без ограничения потока мигрантов, желающих использовать территорию России в качестве транзитного пункта. Европейское сообщество в связи с этим выдвигает ряд условий, которые могут обезопасить его от нелегального проникновения мигрантов. Одно из них — обустройство южных и восточных границ с целью ограничения азиатской иммиграции. Другое условие — заключение между Россией и прилегающими к ней восточноевропейскими странами соглашения о реадмиссии, то есть о принудительной и законной высылке незаконных мигрантов.

Таким образом, России предстоит определиться с основой иммиграционной политики и сделать выбор в пользу той модели, которая бы позволяла эффективно регулировать приток иммигрантов, минимизировать возможности разветвления конфликтов с принимающим обществом и содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу страны, консолидации российского населения. В этом смысле европейское направление, на наш взгляд, более перспективно. Разумеется, в политических и отчасти экономических целях колебания между евроазиатским и европейским трендами вполне объяснимы. В культурном же аспекте альтернативный выбор в пользу страны не нуждается в дополнительной аргументации.

Петр Дуткевич¹

РЫНОК, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Кому нужна демократия?

Кажется очевидным, что демократию в Европе любят все: главы государств, политики, общественные организации, деловые круги и, безусловно, народ. Кто сегодня будет утверждать, что демократия — это плохо? Те, кто называют свою систему «демократической», считаются «цивилизованными» и «похожими на нас», в отличие от «нецивилизованной» части (фактически составляющей большинство) мира. Демократия стала мерилем, которым измеряется все происходящее в политике. Это своего рода западная либеральная религия. Но, как это часто случается с религией, по замечанию Джонатана Нитцана, чем сильнее вера, тем меньше вопросов. Именно поэтому я начал с вопроса о том, кому нужна демократия. Далее поговорим о том, каким образом демократия начала превращаться в своего рода «товар» и как влияет этот процесс на соотношение сил в политической системе Восточной Европы (которые представлены ключевыми векторами развития: рынок—общество—межгосударственные отношения). В заключение рассмотрим, как заставить «демократию» работать как в социальной, так и в рыночной сфере.

В своем докладе я не ставлю цель уточнить содержание определения демократии, это уже сделано; достаточно сказать, что демократия в том виде, в каком она существует сегодня, имеет множество граней и понятие демократии намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд². Многое зависит от смысла, который мы вкладываем в это слово³. Одно из возможных определений ставит во главу угла системные гарантии сво-

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор. Автор книг: "New Europe. The Impact of the First Decade, Volume 1: Trends and Prospects", "Theory and Practice of the Civil Society in Russia", "Basics of Local Governance", "NATO Looks East", "Ukraine: Social and Economic Transformation", "The Worst is Over?", "Democracy Without Liberalism", "Unemployment Insurance in Canada", многочисленных глав в книгах и статей в профессиональных журналах. Член совета Всероссийского фонда защиты прав человека, член дискуссионного клуба «Валдай».

² Из огромного количества работ, посвященных определению данного термина, наиболее полезными можно считать следующие: *Archibugi D.* The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, 2008; *Becker P., Heideking J., Henretta J. A.* Republicanism and Liberalism in America and the German States, 1750–1850. Cambridge, 2002; *Birch A. H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. L., 1993; *Dahl R. A.* Democracy and its Critics. Yale, 1991; *Idem.* On Democracy. Yale, 2000; *Diamond L., Marc P.* The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, 1996; *Halperin M. H., Siegle J. T., Weinstein M. M.* The Democracy Advantage: How Democracies Promote Prosperity and Peace. L., 2005; *Held D.* Models of Democracy. Stanford, 2006; *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. Yale, 1999; *Putnam R.* Making Democracy Work. Princeton, 2001; *Sen A. K.* Democracy as a Universal Value // *Journal of Democracy*. 1999. № 10 (3). P. 3–17; *Whitehead L.* Emerging Market Democracies: East Asia and Latin America. Baltimore, 2002.

³ Иммануил Валлерстайн предлагает рассматривать демократию с точки зрения «среднего» гражданина, а не представителей элиты (см.: *Wallerstein I.* The Decline of American Power. N. Y.; L., 2003. P. 150).

боды от посягательств политической власти, творящей произвол. При таком подходе мы движемся в привычном направлении исследования гарантий прав граждан с либерально-индивидуалистических позиций. С другой точки зрения демократия рассматривается как специфическая форма правления (управления гражданами). Однако согласно третьей трактовке демократия анализируется исключительно с точки зрения экономического развития. И действительно, в контексте классической либеральной традиции демократия неотделима от рыночной капиталистической системы⁴. Но даже среди этих разных точек зрения существует основополагающее понятие, что демократия как проект, идея или факт — вещь хорошая, и, несмотря на ее несовершенство, альтернативы ей нет.

Начнем с того, как разные стороны понимают потребность в «демократии» и как этим понятием манипулируют, когда приходится на практике определить интересы и потребности отдельной личности и всего коллектива. Главные субъекты этого процесса — «люди» и правящие группы региона. Рассмотрим, чего они ждут от демократии.

1. Первая группа: народ (граждане Восточной и Центральной Европы)

Я полностью признаю ценность прав личности, в частности, когда их ущемляют и отказывают в их предоставлении. Но в рамках дебатов о том, как понимать и чем измерять демократию, существует еще один серьезный и недооцениваемый аспект, о котором напоминает Иммануил Валлерстайн в своей книге «Закат американского могущества». Возможно, для большинства населения в Восточной Европе, а также во многих переходных обществах качество управления и политического процесса измеряется иначе⁵. У большинства людей, вовлеченных в процесс социально-экономических перемен, политические приоритеты и ценности сосредоточены, прежде всего, на: а) перспективах своего материального благополучия и благополучия своих детей (и опасениях последствий увеличивающегося материального неравенства); б) коррупции и, наконец, в) возможности быть равноправными гражданами внутри государства (путем устранения источников дискриминации, основанных на возрасте, недееспособности, половой, этнической принадлежности и т. д.). Самым распространенным требованием демократизации «среднего человека» является в значительной мере требование более справедливого распределения доступа к здравоохранению, образованию, источникам дохода, экономической и личной безопасности. Нет ничего

⁴ В данном подходе я обращаюсь к наиболее интересным в последние годы идеям, высказанным в работах: *Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // *The American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. № 3 (Sept.). P. 567–576; *Ha-Joon Ch.* Bad Samaritans. L., 2008; *Wolin Sh. S.* Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. Princeton, 2008.

⁵ Гражданские свободы последовательно рассматриваются как социально значимые, желательные и важные. Например, последние 15 лет более 55 % россиян поддерживают «демократию».

странного в том, что люди беспокоятся о себе и своих семьях, что они хотят прожить жизнь в добром здравии, дать образование детям, чтобы расширить их возможности в жизни, и переживают за стабильность своих доходов. На всех этих фронтах мы видим разнородную картину в странах Восточной Европы, в России — массовое отступление в 1991–2001 годах; слабое и неравномерное улучшение с 2001 по 2011 год. Неравное участие в «переходной ренте» представляется главной причиной растущей пропасти между демократически избираемой элитой и общественностью. В этом же глубинные причины роста новой разновидности радикального популизма¹.

Таким образом, граждане активно поддерживают демократию, но выгоды от нее воспринимают скорее через призму общественной безопасности, системной стабильности и справедливости, а не обеспечения фундаментальных свобод. Демократия рассматривается

¹ Результаты социологического исследования “The Life in Transition Survey II”, проведенного в 2010 году Европейским банком реконструкции и развития совместно с Мировым банком, свидетельствуют, что здоровье и образование находятся на первом и втором местах в смысле необходимости получения дополнительного финансирования со стороны государства. Двое из трех опрошенных в 39 тыс. домохозяйств из 34 европейских «переходных» стран ответили, что их правительства должны тратить больше денег на эти две самые важные области — здравоохранение и образование. Например, примерно 40 % албанцев считают образование приоритетным направлением, требующим дополнительного финансирования. 33 % респондентов назвали здравоохранение самой важной статьей расхода. Во всех остальных трансформирующихся и западных странах, участвовавших в исследовании, первоочередная роль была отведена здравоохранению. Две трети эстонцев, принявших участие в опросе, сказали, что их правительство должно выделять больше денежных средств на системы образования и здравоохранения. Примерно пятая часть считает, что дополнительные средства должны быть выделены на борьбу с бедностью, а около 80 % опрошенных ответили, что необходимо больше тратить на преодоление пропасти между богатыми и бедными. В Польше половина опрошенных желала бы, чтобы правительство выделяло больше дополнительных средств на здравоохранение. Около 25 % предпочли бы, чтобы их правительства сосредоточили свои усилия на образовании, а 12 % хотели бы больше средств на выплату пенсий. В Словакии примерно половина респондентов высказались в пользу дополнительных расходов на медицинскую помощь, а около 25 % предпочли бы, чтобы их правительство выделяло больше средств на образование. Одна треть словенцев желают, чтобы выделялось больше государственных расходов на здравоохранение, а одна пятая — на образование. Около 15 % словенцев назвали приоритетными направлениями улучшение пенсионного обеспечения и поддержку бедных. Почти опрошенных русских высказались в пользу увеличения финансирования государственной системы здравоохранения. Среди областей приоритетного финансирования были образование, жилье, пенсии, а также поддержка бедных. Согласно последним данным исследования, проведенного Eurobarometer в 2009 года, 44 % европейцев считают, что самым ценным для человека является уважение к его жизни; за ним следует мир (42 %) и права человека (40 %). Согласно результатам этого исследования, другие личные ценности значительно отстают: демократия (24 %), личная свобода (24 %), верховенство закона (20 %) и др. Уважение к человеческой жизни вытеснило такой показатель, как права человека, который в аналогичном опросе 2008 г. был указан как самый важный. В августе 2010 года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос общественного мнения о том, чего страшатся русские и что вызывает их тревогу. Большинство, около 41 % респондентов, беспокоятся по поводу уровня жизни, 28 % обеспокоены состоянием здравоохранения, 26 % беспокоят проблемы молодежи, и только 11 % выразили озабоченность по поводу демократии и прав человека. Эмпирическое подтверждение приведенным данным можно найти в обширном исследовании ЕБРР: The Life in Transition Survey I и на сайте <http://www.ebrd.com/pages/research/publications/special/transitionII.shtml>

как инструмент достижения социального достоинства личности, которое обеспечивается приемлемыми условиями жизни и безопасности. Поскольку большинство стран Восточной и Центральной Европы этих целей не достигают, там наблюдаются рост цинизма и отстранение от политики (а значит, и от проекта демократизации как такового)².

2. Вторая группа: правящие круги³

Демократизация в Восточной и Центральной Европе практически означала освобождение — «либера-

² В социологическом опросе “Life in Transition Survey II” по вопросу о предпочтениях в политической и экономической системе говорится следующее: в послекризисный период наблюдается снижение положительного отношения к демократии во всех европейских странах с переходной экономикой, за исключением Болгарии. Согласно опросу общественного мнения в странах ЕС, проведенному Eurobarometer 72 в октябре и ноябре 2009 года, менее одной трети европейцев испытывают доверие к своим национальным политическим институтам: 29 % доверяют своим правительствам, 30 % из них доверяют своему парламенту, а 65 и 63 % придерживаются противоположного мнения. Примечательно, что уровень доверия упал со времени предыдущего опроса, проведенного весной 2009 года. В Латвии и Литве менее 10 % опрошенных доверяют политическим институтам своих стран. Процент чуть выше (20 %) в Ирландии, Венгрии, Польше, Румынии и Великобритании. Во Франции 73 % населения не доверяют своему правительству и 64 % не доверяют парламенту. Подавляющее большинство (79 %) европейцев не испытывает доверия к своим политическим партиям, что оказывается на три пункта ниже по сравнению с предыдущим исследованием весной того же года. Эти опросы показывают, что растет число людей, неудовлетворенных тем, как работает демократия в их странах. В социологическом исследовании, проведенном осенью 2007 года, был задан вопрос о том, как народ воспринимает демократию в своих странах и в Евросоюзе. По сравнению с предыдущим опросом количество недовольных национальными демократиями возросло. Наиболее недовольны народы Литвы (79 %), Румынии (79 %), Болгарии (77 %), Латвии (76 %) и Венгрии (76 %). Население скандинавских стран гораздо лучшего мнения о своей национальной демократической системе.

В Дании 91 % населения доволен своими национальными политическими институтами, так же как 81 % шведов, 69 % финнов, 76 % австрийцев и 68 % немцев. “Economist Intelligence Unit” по индексу демократии 2010 года сообщает, что в период между 2008 и 2010 годами оценка демократии снизилась в 19 странах Восточной Европы. Доверие к национальным правительствам среди стран Восточной Европы упало с 38 % в 2006 году до 43 % в 2009-м. Общественное доверие к национальным политическим партиям является особенно низким в 12 странах Восточной Европы (в 10 странах — новых членах Евросоюза, в Хорватии и Македонии), где менее 10 % населения доверяют своим партиям. Лишь одна пятая опрошенных ответили, что они доверяют своему правительству и парламенту. В апреле 2011 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об интересе россиян к политике, источниках информации, которые они предпочитают, и о том, говорят ли они о политике с друзьями. По данным этого исследования россияне становятся все более деполитизированными. За последние шесть лет количество людей, интересующихся политикой, сократилось с 48 до 39 %. В январе 2010 года в рамках общественного опроса в России респондентам был задан вопрос: что, по их мнению, является более важным, демократия или порядок? Большинство — 72 % — считают, что порядок важнее. На вопрос «Что такое порядок?» большинство ответило, что это «политическая и экономическая стабильность государства». Вторым по популярности ответом был «конец борьбе за власть, распад страны», третьим — «социальная защита населения с низкими доходами». В июне 2011 года ВЦИОМ задал вопрос: «Почему, по вашему мнению, люди устали от политики?», и 62 % российских граждан ответили, что они устали от отсутствия реальных действий, а 41 % ответил, что устали от того, что политики обманывают простых людей. Подробную информацию можно найти на сайте: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/729820/cat/42>

³ Определение дано властью предрержащей (власть здесь понимается как установление высокого уровня социального и экономического послушания); в регионах такая власть принимает форму практически безраздельной социально-политической и экономической власти (три в одном).

лизацию» — узкого круга деловой/политической элиты от почти любого юридического или общественного контроля. Преимущество демократии оказались доступны лишь небольшой группе. Главная проблема внедрения/закрепления демократии в середине и конце 1990-х годов в Восточной и Центральной Европе и России заключалась в том, что лишь немногие смогли в полной мере насладиться плодами нарождающегося демократического общества, создателями которого были такие лидеры, как Лех Валенса, Вацлав Гавел и Борис Ельцин.

«Похищение демократии» осуществлялось довольно просто. Наиболее влиятельные люди того времени покупали доступ к политическому процессу, к распределению/приватизации собственности, средствам массовой информации, выборам на всех уровнях, а также к политикам и людям, принимавшим ответственные решения (иными словами, они купили непредставительную долю всех гражданских свобод). Таким образом, избранное меньшинство смогло поставить закон себе на службу, защитить себя и свою собственность и тем самым стать фактическими собственниками государства, а значит, и узким кругом бенефициаров демократии. С политической точки зрения это означало освобождение элиты, состоящей главным образом из видных политиков и бизнесменов, от государства, от исполнительной власти, которую оно олицетворяет, и от остального населения. Россия представляет собой интересный случай, поскольку даже по не слишком взыскательным стандартам Центральной и Восточной Европы конца 1990-х годов «демократизация для немногих» достигла непропорционально большого уровня. Стали скандально возможными покупка выборов или влияние на их итоги. После смены политического руководства в 2000 году (начало восьмилетнего президентства Владимира Путина) позиция Кремля заключалась в разработке гибридной «суверенной демократии»¹. Если расшифровать это понятие, а не судить его, то оно многое может сказать о страхах и целях элиты, как мировой, так и национальной. «Суверенность» при этом подходе означает способность режима (экономическая независимость, военная сила и способность противостоять глобальному давлению и «иностранным влияниям») быть независимым и неподотчетным на международной арене, но также и «независимым» от *собственного населения*.

«Демократия» в данном случае означает открытость для перемен, создание возможностей для правящих кругов управлять посредством реформистских стратегий, получать поддержку со стороны общества (поскольку большинство россиян поддерживает идею демократии), но не слишком большое доверие самому обществу. Создается иллюзия политического плюрализма, но исключается малейшая вероятность превращения политики в заложницу господствующего капитала и одновременно политической воли своих граждан. Таким образом, выборы являются «свободными и демократическими», в то время как их результаты практически находятся под контролем и полностью предсказуемы.

¹ Коммерсант. 2006. 29 июня. URL: http://www.kommersant.com/p686274/r_1.html

Эти режимы весьма прагматично рассматривают глубоко идеологический термин «демократия», трактуя его как слияние — по меткому наблюдению Ричарда Саквы — веры правящей элиты одновременно в экономический либерализм и политический консервативный авторитаризм².

В своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» Джон Мейнард Кейнс отмечал, что в конечном счете людьми правят идеи и вряд ли что-то иное. Но встает важный вопрос: чьи идеи? и кто выигрывает от этих идей? Понятие «демократия» едва ли оспаривается в Центральной и Восточной Европе, но: а) значение демократии и практические последствия ее реализации вызывают раскол в обществе и экономике; вместо того чтобы быть общественно-идейным объединяющим началом, демократия стала ареной внутреннего соперничества по трем направлениям: доступ к либерально-установленным правам, доступ большинства граждан к переосмысленным социально-экономическим коллективным правам и сохранение властных отношений путем узаконения доступа к власти, собственности и политике стремящейся к ним элиты; б) «настоящая демократия» в странах Центральной и Восточной Европы до сего времени служила меньшинству, которое ей манипулирует; в) подобная демократия узаконила закрепление социально-экономической власти правящей группы с целью создания нераздельной общественной власти и *капитализации демократии*.

С точки зрения политической экономии, а также в соответствии с основной мыслью данной книги (*демократия и модернизация*) мы наблюдаем в Восточной и Центральной Европе процесс переформулировки понятия «демократия» политико-экономической и бюрократической элитой для консолидации в ее руках единой общественной власти. Таким образом, «демократия» обслуживает государство (и его элиту) и становится незаменимым инструментом для его развития, коль скоро она служит «его целям». Итак, мы естественно подходим ко второму вопросу: демократия с какой целью?

Превращение демократии в товар и капитал

Начну с краткого обзора основных точек зрения на анализ связи между демократией и рынком. Затем рассмотрю основное теоретическое положение данной части доклада, которое заключается в следующем: «демократия превращается в капитал посредством превращения в товар». И, наконец, коснусь вопроса о связи демократии с властью.

В своей книге «Недобрые самаритяне» Чхан Ха Джун подводит итог дискуссии о связи демократии со свободным рынком, помещая ее в своеобразный треугольник. Он придуман теми, кто полагает, что демократия «необходима для экономического развития, поскольку защищает граждан от произвольной экспроприации собственности правителями»³; теми, кто считает, что если рынок «пострадает от избытка демократии, последнюю можно принести в жертву во имя защиты свободного рынка»⁴ (в качестве примера мож-

² Sakwa R. Putin: Russia's Choice. L., 2007. P. 97.

³ Ha-Joon Ch. Op. cit. P. 171.

⁴ Ibid.

но привести сторонников Чили при Пиночете); и «конструктивистским лагерем», представители которого утверждают, что демократия — естественный побочный продукт рынка, потому что она «производит образованный средний класс, естественно стремящийся к демократии». Несмотря на существенные расхождения в точках зрения, Чхан утверждает, что либералы едины в том, что демократия и экономическое развитие укрепляют друг друга по принципу восходящей спирали взаимной поддержки: демократия поддерживает «свободные рынки и способствует их развитию; со своей стороны, свободные рынки способствуют экономическому развитию, которое еще более упрочивает демократию»¹.

По мнению Чхана, в этом кроется главное заблуждение — «что бы ни говорили неолибералы, между демократией и рынком происходит столкновение на фундаментальном уровне. Демократия опирается на принцип «один человек — один голос». Рынок же действует по принципу «один доллар — один голос». Я достаточно широко пользуюсь аргументацией Чхана, поскольку он бросает вызов сразу двум школам мысли: неолиберальной идее с ее операционной парадигмой и тем (остальным), кто критикует ее. На мой взгляд, «демократия не связана естественным образом» с рынком и не имеет какой-то специфической «внутренней ценности» (как полагает лауреат Нобелевской премии Амартия Сен), которая должна быть одним из критериев оценки и/или развития². По моему мнению, новая мутация «демократии» в Центральной и Восточной Европе точно отражает ее исторический архетип, возвращаясь к своим корням после многовекового развития в других местах. По сути, современная демократия в Центральной и Восточной Европе стала одомашненным (но по-прежнему полезным, если не незаменимым) *элементом рынка* с вытекающими отсюда глубокими социальными, политическими и экономическими последствиями (они будут рассмотрены далее).

Однако прежде чем мы придем к этому заключению, нам необходимо обратиться к работе Карла Полаanyi «Великая трансформация». Основополагающий тезис этой работы заключается в следующем: «Для функционирования индустриального общества необходимо, чтобы все факторы производства продавались»³. Иными словами, чтобы рыночная система функционировала, все, что может быть превращено в товар, должно быть превращено в товар с учетом его стоимости, устанавливаемой рынком посредством сделок. Все продается и все покупается — свободный рынок полностью преобразил общество: теперь уже не экономика является «неотъемлемой частью» прочих общественных связей, а общественные связи становятся неотъемлемой частью экономической системы⁴. Глобализация (или, скорее, интернационализация до мирового размаха) увеличила масштабы и глубину этого процесса; по своей сути глобализация — это превращение общественных отношений в товар в масштабах всего мира.

¹ Ha-Joon Ch. Op. cit. P. 171.

² Sen A. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10, № 3.

³ Polanyi K. The Great Transformation. Boston, 2001. P. 43.

⁴ Ibid. P. 60.

Демократия и демократические институты действуют в этих рамках (или, если хотите, в рамках рыночной экономики). В таком случае возникает вопрос: учитывая, что все отношения в обществе в какой-то степени превращены в товар, может ли сама демократия быть товаром? Здесь можно выделить два подвопроса: каким «товаром» может стать демократия, и можно ли демократию «рассматривать как товар» в реальных рыночных условиях? Первый ответ, с моей точки зрения, вытекает из присущей рынку тенденции превращать в товар все, включая нормы здравоохранения, права человека, систему социального обеспечения, окружающую среду, а также саму демократию. В реальных рыночных условиях 1990-х годов демократия в Центральной и Восточной Европе и в России стала товаром подобно всему прочему («нечто», что можно купить и продать на «демократичном рынке»). Повторю: покупая доступ к политическому процессу, собственности, средствам массовой информации, покупая выборы или влияя на них на любом уровне, приобретая политиков и людей, от которых зависит принятие важных решений, влияя на суды и полицию (другими словами, покупая гражданские свободы), избранная горстка людей *де-факто* способна превратить государство в свою *собственность* и наслаждаться плодами демократии. Иными словами, все аспекты либеральной демократии были разбиты на лоты и проданы, вследствие чего вся демократическая система, какой мы ее знаем, была превращена в товар, и сейчас происходит товарищизация демократии.

Я назвал этот процесс *превращением демократии в товар*⁵. В связи с этим можно было бы возразить, даже если это не единственный случай в истории, что купля и продажа демократии (ее институтов и прав) является отклонением, вызванным или высоким уровнем коррупции политических и социальных слоев, или деформацией того или иного режима (главным образом авторитарного). По моему мнению, хотя в подобных аргументах есть доля правды, в них недооцениваются тесные связи, которые существуют между «свободным рынком» и «демократией». Ниже я попытаюсь доказать, что демократия сначала органично встраивается в рыночную систему, затем превращается в товар и становится младшим братом-близнецом свободного рынка (а значит, делается незаменимой для современного государства и, в более широком смысле, для развития/модернизации). Чтобы это сделать, я проанализирую *демократию как товар* в более широком (рыночном) контексте: капитал—рынок—общественные отношения.

В недавно изданной книге Шимсона Бихлера и Джонатана Нитцана «Капитал как власть» авторы

⁵ Безусловно, эти явления не являются специфическими для отдельно взятого региона: покупка выборов (см. недавно принятое Верховным судом США крайне важное решение по делу «Граждане США против Федеральной избирательной комиссии (558US 08-205)», в котором говорится, что корпоративное финансирование независимого политического вещания во время выборов не может быть ограничено), влияние на политиков (в 2008 г. лоббирование в США было приравнено к налогооблагаемому бизнесу стоимостью в 4 млрд долл.); отдельные политики превращаются в товар места в Сенате США (скандал по делу Рода Благоевича, экс-губернатор штата Иллинойс приговорен к 14 годам тюремного заключения за коррупцию, торговлю государственными должностями за престижные места в других областях. — *Прим. пер.*) и др.

убедительно говорят об отношениях между капиталом и властью. Я в какой-то степени позаимствую их аргументы в процессе доказательства того, что «демократия — это товар»¹. Начну с достаточно пространной, но полезной цитаты из этой книги: «Власть капиталистического толка рассчитывается с точки зрения цен и капитализации, действуя через все более охватывающую систему ценообразования <...> Капитализация уменьшает конкретную траекторию предполагаемого роста доходов <...> Обратите внимание, что это не “экономическая власть”. Это и не “политическая власть”, которая каким-то образом искажает экономику. Вместо этого мы здесь имеем дело с *организованной властью в целом*. Многочисленные властные институты и процессы — от идеологии через культуру к организованному насилию, религии и закону; национальность, пол, международные конфликты, трудовые отношения, производство и инновации — все это факторы дифференциации и непостоянства доходов. Когда эти доходы с их непостоянством дисконтируются в капитальную стоимость, лежащие в их основе властные институты и процессы *становятся* частью капитала. А поскольку капитал — это товар, который можно покупать и продавать на финансовых и фондовых рынках, его относительная стоимость представляет собой *товаризацию власти*. С этой точки зрения мы уже не можем говорить о соотношении “экономической эффективности” и “политической власти” или разграничивать такие понятия, как “экономическая эксплуатация” и “политическое угнетение”. Вместо этого налицо единый процесс накопления капитала/становления государства — процесс реструктуризации, посредством которого *власть накапливается подобно капиталу*»².

Таким образом, по аналогии, демократия как «фиктивный товар» или «товаризованная нетоварная продукция» суть неотделимая часть капитала, а значит, неотделимая часть рынка и, следовательно, неотделимая часть государства — рыночного механизма. Другими словами, демократия — это не только инструмент легитимизации для властной элиты (то есть ее второстепенная задача); главная ее задача состоит в том, чтобы служить капиталу и государству, обеспечивая капиталу имущественные права, стабильность и легитимность. В этом смысле рынок уже не может развиваться без определенного уровня демократии; долгосрочная модернизация не может быть осуществлена без определенного уровня демократизации системы. Вот почему демократия как идея и демократия как практика стали частью «организованной власти в целом», как отметили Нитцан и Бихлер.

А сейчас проведу *анализ демократии как власти*. Обобщая все вышесказанное, отвечу на вопрос, поставленный в начале данной части: для чего нужна демократия? «Капитализация демократии» делает ее неотъемлемой частью долгосрочного капиталистического развития, поскольку демократия представляет собой чудодейственное средство, особенно для рынков стран Центральной и Восточной Европы (модернизация, рост, развитие и т. д.). Поясню. Бурные годы преобразований

с начала 1990-х до конца десятилетия породили классический набор рынков (финансовый, товарный, рынок труда и информации). Здесь переплетаются два важных момента. Во-первых, в силу довольно неэффективной работы институтов и государства (а значит, и судебно-исполнительной власти) имущественные права (столп рыночного развития) являются слабыми и слабо защищены; они нестабильны, и ими манипулируют в политических целях. Во-вторых, в силу специфики приватизационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы и России (некоторые называют их «грабительской» или «криминальной» приватизацией, когда гигантские государственные активы были за бесценок отданы нескольким избранным личностям, имевшим доступ к национальным/региональным политическим ресурсам и знавшим о намерениях государственных властей раньше других), они не имеют легитимности в глазах широкой общественности; таким образом, налицо не только ненадежная защита собственности, но и неуважение к чужой собственности со стороны подавляющего большинства населения.

Для бюрократической, политической и деловой правящей элиты стабилизация собственности, легитимация собственного существования и предотвращение социальных волнений (или разговоров о пересмотре итогов приватизации 1990-х гг.) изнутри и снаружи — вопрос жизни или смерти. И здесь на помощь приходит демократия, которая была представлена внутренними и международными элитами как единственно возможное решение социально-экономических проблем периода трансформации. Но из этого средства «от всех болезней» были отобраны и претворены в жизнь (порой небрежно) лишь некоторые его аспекты (или «ингредиенты») — например, «свободные выборы», свобода перемещения и защита частной собственности (в частности, признание всех приватизационных механизмов, даже самых неприглядных). Таким образом, демократия служила крайне важным экономическим рычагом, способствующим формированию рынков и обеспечивающим легитимизацию нового класса собственников³.

³ Например, в случае с Россией доминантный тип накопления правящей группой Ельцина (1991–2000) был обусловлен симбиозом олигархов (большой бизнес, размещенный в России), высших эшелонов государственной (центральной и региональной) бюрократии и кремлевской элиты, что привело к сверхукрупнению властных структур. Механизм накопления был сложным и динамично менялся, отражая внутреннюю (политическую) структуру власти и изменение власти господствующего капитала. Основные противоречия (и меняющиеся интересы, которые отражали динамическую реальность на внутреннем и международном рынке) между политической и бюрократической властью и господствующим капиталом определили динамику всей системы. На первом этапе (в период до ваучерной приватизации 1993–1994 гг. и аукционов «акции в залог под кредиты» 1995–1996 гг.) доступ к политической власти меняли на прибыль и гарантии предоставления должностей и разрешений (в сфере торговли в ходу были лицензии на импорт и экспорт, все виды разрешений, приватизация недвижимости, предоставление квот и государственных контрактов). Капиталисты в России начали консолидировать свои позиции еще в 1992–1993 годах с помощью инновационной стратегии межотраслевых слияний и поглощений под названием ФПГ (финансово-промышленные группы). Они увеличивали свои прибыли, просто не уплачивая налоги, и обезопасили свои доходы — в условиях крайне нестабильной рыночной среды, — переводя деньги за границу и лишая внутренние активы их «реальной» стоимости. Эта схема существенно изменилась с появлением новой движущей силы в виде аукционов «акции в залог под креди-

¹ Nitzan J., Bichler Sh. Capital as Power. A study of order and creorder. L., 2009.

² Ibid. P. 9–10.

В качестве одной из гражданских свобод демократия прежде всего обеспечивала гарантии набора прав на частную собственность и юридические гарантии в виде неотъемлемого процессуального права (и таким образом демократия стала столь же важным инструментом экономического преобразования региона, как и экономическая политика).

Ранее я задал вопрос: для чего нужна демократия? Надеюсь, ответ теперь прояснился. Она обеспечивает легитимность прав частной собственности, делает находящихся у власти еще более могущественными и наделяет граждан фундаментальными правами и свободами (пусть и плохо прописанными), чтобы сделать их «частью процесса» (поскольку «гражданин демократического общества» — это не мятежник, а скорее и в первую очередь вечный потребитель). Следовательно, капитализация демократии означает также включение этого «проекта» в процесс развития и модернизации (теми, кто в данный момент держит этот процесс под контролем)¹. Таким образом, когда демократия превращается в товар, она становится частью процесса капитализации (она сама превращается в своего рода капитал) и, по логике, тоже подвержена процессам накопления, впрочем, не в смысле денег или ценных бумаг, а в смысле аккумуляции власти.

ты» — исконно русского изобретения деловой и политической элиты, которая юридически, де-факто передала «семерке доверенных лиц» Кремля (и единственному человеку, который не был банкиром, доверенному лицу Кремля Борису Березовскому) жирный кусок государственного имущества, в том числе ряд подлинных сокровищ российской экономики. На данном этапе логика экспансии капитала заключалась только в одном — «проникнуть и изменить характер самого государства».

Однако олигархи оказались в экзистенциальной дилемме — иметь слабое государство было хорошо для бизнеса (без налогов, коррумпированных чиновников и т. д.), но иметь слишком слабое государство было для бизнеса плохо (их основная проблема заключалась в том, что государство было слишком слабым, чтобы обеспечить безопасность/защиту прибылей господствующего капитала и права собственности). Они разрешили это, казалось бы, глубокое противоречие в истинно гегелевском духе, обратившись к понятию политики. Олигархам «пришлось все взять в свои руки» и заняться политикой. Во время переизбрания Бориса Ельцина (в июле 1996 г.) они оказали ему, гаранту их положения, мощную поддержку в духе лозунга «свистать всех наверх», что способствовало процессу «приватизации государства». Остальное было делом техники. Олигархи купили национальные СМИ, взяли их под жесткий контроль и начали эффективно использовать, навязывая одностороннее объяснение реальности. Они взяли под свой контроль глав регионов. Они укрепили свои позиции в силовых структурах. К моменту финансового кризиса 1998 года операция «приватизация государства» шла полным ходом. Со времен залоговых аукционов «акции в залог под кредиты» и переизбрания Ельцина политика (будучи по-прежнему необходимой) уступила первенство капиталу в процессе накопления. Но российским олигархам все было мало, и уже в середине 1990-х они начали активно искать международную поддержку капитала. Они стремились к возможности иметь транснациональную собственность для того, чтобы, с одной стороны, получить доступ к международному капиталу (чтобы взять больше власти внутри страны), а с другой — обеспечить себе доступ к безопасным инвестициям за рубежом. Продвигая «приватизацию государства», российские олигархи готовились к конкретному шагу: обеспечить себе слияние с международным капиталом и поставить экономику России на коммерческие рельсы. Дважды за последние 15 лет — в 1994 и 1996 годах — можно было купить треть активов России за 3–4 млрд долл.

¹ Сами понятия «развитие» и «модернизация» требуют особого внимания, поскольку они кажутся настолько очевидными, что лишь немногие берут на себя труд ближе познакомиться с их истинным смыслом. Нестандартная и проникающая в суть точка зрения изложена в работе: Cowen M. P., Shenton R. W. *Doctrines of Development*. Routledge, 1996.

Демократия как власть

Взгляд на демократию с позиций политэкономии — пока еще плохо исследованная тема. А жаль, поскольку под этим углом зрения демократия представляется участницей заговора, суть которого в том, что демократию захватывает рынок/государство, а правящие элиты преобразуют ее в товар, служащий преимущественно интересам государства и частного капитала и являющийся частью единой властной сети. Довольно печальная история у столь красивой идеи и очень гуманного идеала! Но у демократии есть и другой, более позитивный аспект, заключающийся в том, что демократия — особенно в эпоху экономического спада и усиливающейся неопределенности — более желанна для правящих элит, поскольку она может амортизировать некоторые социально-экономические потрясения и дать системе бессрочное обоснование для ее увековечивания².

Таким образом, плюс в том, что фундаментальные права граждан гарантируются в более широком смысле, как неотъемлемая часть стабильности системы. Как отмечает Мансур Олсон, экономическое развитие и демократия требуют наличия одних и тех же предпосылок: «Интересно, что условия, необходимые для обеспечения прав личности, гарантирующих максимально возможное экономическое развитие, — это те же самые условия, которые необходимы для обеспечения прочной демократии <...> Та же самая судебная-правовая система, независимая судебная власть и уважение к закону и правам личности, которые нужны для создания прочной демократии, требуются и для гарантии безопасности имущественных и договорных прав. Как вытекает из приведенных выше доводов, единственное общество, в котором созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы имущественные и договорные права соблюдались на протяжении многих поколений, — это демократическое общество <...> С другой стороны, большое преимущество демократий — в недопущении чрезмерного социального профицита, которым могло бы пользоваться политическое руководство. У демократий есть еще одна несомненная добродетель: тот же самый акцент на правах личности, который необходим для создания прочной демократии, также необходим для обеспечения прав собственности и соблюдения договоров. Моральные достоинства демократии сегодня признаются почти повсеместно, но

² Нитзан и Бихлер полагают, что этим процессом руководит процесс накопления: в итоге власть — это уверенность в послушании. Она выражается в том, что правители уверены в покорности подчиненных. Когда эта уверенность твердая, правители начинают активно формировать свое общество. Они рассматривают его траекторию как обычное и естественное явление, а к бунтам, восстаниям — даже революциям — относятся как к простым возмущениям спокойствия. Напротив, когда эта уверенность слабая, правители, как правило, реагируют, а не выступают с инициативами. Социальное развитие теряет свою когерентность, в то время как бунты, восстания и революции вдруг становятся проявлениями системного хаоса. В наше время капитал воплощает в себе основные взаимоотношения между доверием и послушанием. Процесс накопления представляет меняющуюся способность господствующего капитала — а именно ведущих корпораций и ключевых правительственных органов в эпицентре процесса — устанавливать контроль, формировать и преобразовывать общество вопреки оппозиции (Nitzan J., Bichler Sh. *Op. cit.* P. 17).

ее экономические преимущества и блага недооцениваются и не осознаются»¹.

Другими словами, демократия не есть «необходимая фикция»², как утверждает Славой Жижек. Напротив, она вполне реальная *товаризованная нетоварная продукция* на рынке, которая за счет гарантий прав и свобод, а также за счет легитимации системы помогает ей успешно функционировать благодаря определенному уровню уверенности в послушании.

Выводы

Все более явно становясь служанкой экономической и политической правящей элиты, демократия утрачивает первоначальную привлекательность и широкую социальную поддержку, которая раньше не вызывала сомнений. Это сказывается на основных тенденциях в современной рыночной системе (например, происходит деполитизация экономики, в результате чего снижается уровень ее социальной ответственности и она становится менее отзывчивой; государство все меньше участвует в системе социального обеспечения; система становится менее прозрачной и более авторитарной и т. д.).

Социальные последствия также налицо: от «арабской весны» до всплесков насилия на улицах Лондона,

которые проявляются в том, что общество все меньше участвует в процессах управления и чувствует все меньше ответственности. Учащаются вспышки немотивированного общественного гнева, люди проявляют неуважение к закону и нормам, нарушаются права собственности, размывается «либеральное сословие». Позитивные демократические процессы заключаются в том, что демократии идут на колоссальный риск, смещая диктаторов, поднимая вопросы о более справедливом будущем для молодежи, привлекая больше внимания к проблемам защиты окружающей среды, разоблачая инертность элиты и т. д.³

Таким образом, картина вырисовывается тревожная, но не мрачно-унылая. Главный вопрос заключается в том, удастся ли нам заставить демократию «работать», размежевав понятия «демократия» и «рынок» при сохранении свобод и решении социальных проблем? Как это ни удивительно, ответ — положительный: это можно сделать без ущерба для рынка, но «придется изменить существующий порядок вещей во власти и превратить граждан из зрителей в активных участников процесса»⁴.

В данный момент мировые и национальные политические элиты еще не готовы для решения этой задачи.

А. С. Запесоцкий⁵

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПРОИГРЫВАЕТ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Через 20 лет после радикальной смены в России типа социально-экономической формации стало очевидным ее катастрофическое отставание в темпах развития от Запада. Еще больше отставание от других стран БРИКС.

¹ Olson M. Op. cit. P. 572–574.

² Zizek S. The Sublime Object of Ideology. L., 1989. P. 148.

³ Журналистское описание данного процесса можно найти в работе: Hedges Ch. Death of the liberal class. Toronto, 2010.

⁴ Wolin Sh. S. Op. cit. P. 43.

⁵ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик и член Президиума Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Научный руководитель Санкт-Петербургского научно-образовательного культурологического центра РАО и Института культурологии образования РАО. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Член правления Российского детского фонда.

Автор свыше 1700 публикаций. Член редколлегий журналов «Педагогика», «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден почетным знаком Министерства культуры Болгарии «Печать царя Симеона I».

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

Властные структуры страны и обслуживающие их псевдонаучные центры до сих пор руководствуются устаревшим советским пониманием марксизма в части интерпретации экономики как «базиса» социально-экономической формации и культуры как «надстройки», в то время как давно известно, что экономика является подсистемой культуры. Игнорирование этого положения в сочетании с приверженностью к ультралиберальной идеологии приводит к катастрофическим результатам. Наиболее отчетливо это проявляется в провале очередной кампании российских властей по «модернизации» страны.

Известно, что в наиболее общем виде модернизация понимается специалистами как переход от цивилизации традиционного типа к техногенной цивилизации. Качественные различия между этими типами блестяще сформулированы В. С. Степиным [1].

По-видимому, самой большой проблемой российской модернизации является невежество чиновников, ответственных за ее осуществление. К сожалению, модернизация в России нередко понимается госаппаратом как вложение средств в развитие отдельных наукоемких отраслей, применение апробированных в мировом сообществе форм активизации научной жизни (технопарки, кластеры и т. д.), обучение молодежи работе на новом оборудовании. Единственный вид мотивации ученых и инженеров, который при этом предусматривается, — выгода. Об этом, к примеру, достаточно чет-

ко говорят высокопоставленные чиновники на совещаниях по проблемам реализации проекта «Сколково». Подобная позиция содержит игнорирование системы ценностей, потребностей, мотивов деятельности нормального для любого современного общества человека. Не менее существенно и то, что организаторы модернизации нередко весьма смутно представляют себе, откуда вообще берутся люди, способные по своим квалификационным характеристикам ее осуществлять, и какие отношения между этими людьми должны быть установлены.

По сути, позиция чиновников обычно сводится к вульгарно-предпринимательскому подходу: «есть проблема — дадим нужные команды, заплатим деньги за ресурсы, реализуем проект, получим в результате материальную выгоду». Разумеется, подобный подход в принципе является отрицанием знания, накопленного современной наукой в отношении государственного управления социально-экономическим развитием. Между тем судьба российской модернизации и развитие экономики определяются состоянием отечественной науки, культуры и образования. Выделения средств и использования административного ресурса здесь недостаточно.

Хорошо известно, к примеру, что научно-технический прогресс, внедрение инноваций неразрывно связаны не только с привлечением талантливых ученых-изобретателей, созданием условий для их работы, но и с наличием в стране целого слоя населения, вовлеченного в научно-исследовательские и опытно-экспериментальные работы. Взаимосвязь НИОКР со сценариями развития экономики России достаточно обстоятельно показана в докладе А. А. Акаева, В. А. Садовниченко, И. Е. Ануфриева «Математические модели для долгосрочного прогнозирования демографического, экономического и энергоэкологического развития мира и отдельных стран», недавно предложенного вниманию Президиума РАН.

В частности, авторы пишут: «Общая численность ученых и инженерно-технических работников, занятых в сфере НИОКР России, сегодня составляет примерно 445 тыс. чел. против 1,08 млн чел. в 1991 году. Для сравнения в Китае — около 1 млн чел., больше только в США — 1,3 млн чел. Хотя Россия по численности занятых в сфере НИОКР все еще входит в группу высокоразвитых стран, однако по объему финансирования сильно отстает от них, вследствие чего и продолжается технологическая деградация. Действительно, в 2009 г. доля расходов на НИОКР в ВВП России упала до 1 % ВВП, тогда как в США — 2,7 %, Германии — 2,5 %, а в Японии — 3,4 % ВВП. Снижение численности занятых в НИОКР России более чем в два раза за 20 лет серьезно сказалось на конкурентоспособности российской экономики» [2].

Но если для поддержания конкурентоспособности в глобальном мире России нужно от 0,5 до 1 млн высококвалифицированных кадров в инженерно-технической сфере, то встает вопрос: откуда мы их возьмем? Другой, не менее важный вопрос: каким образом Россия сможет обеспечить для этих специалистов приемлемую социально-культурную среду? Речь

идет о врачах, сотрудниках правоохранительных органов, учителях для детей, сантехниках для обслуживания коттеджей и т. д. Времена, когда гениев можно было держать в сталинских «шарашках», канули в прошлое. В связи с этим ни один проект типа «Сколково», даже при его самой успешной реализации, не решает проблем, стоящих перед Россией. Модернизация невозможна без достаточного общеобразовательного, общекультурного уровня всего населения. Не случайно в советской России индустриализация начиналась с подъема просвещения и образования, колоссальных вложений в искусство и общую культуру масс, а прорыву в космос и строительству атомных подводных лодок предшествовала сталинская реформа образования.

Культура задает человеку идеалы, примеры для подражания, символы, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке. Культура является источником эталонов социализации и базовых социальных черт (язык, ценности, картины мира, нормы жизнедеятельности), ориентирует человека на общественно одобряемые качества, модели деятельности. Мера типичного, так же как и поощряемого или отвергаемого, варьируется в разных слоях общества, в разных социальных группах. Но культура задает эталоны и идеалы, побуждает людей стремиться к самосовершенствованию.

Сегодня уместно задуматься: может ли модернизация быть осуществлена в условиях духовно-нравственного кризиса, культурной деградации страны, пребывания необычайно большой части населения в депрессии? Упомянем лишь некоторые из симптомов беды. Количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в далеких от благополучия США, и примерно в 10 раз больше, чем в европейских странах. По количеству самоубийств Россия в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе. По индексу коррупции наша страна неуклонно опускается в мировой «табели о рангах» и находится в последние годы в группе 20 % самых неблагополучных государств планеты в компании с Кенией, Камеруном и Зимбабве. По смертности от отравления алкоголем мы находимся на первом месте в Европе, по ожидаемой при рождении продолжительности жизни — на последнем месте среди развитых государств и европейских стран с развитой и переходной экономикой. По числу абортных на 1 тыс. женщин Россия лидирует в Восточной Европе и СНГ и т. д. [3]. Это все — не просто характеристики качества жизни российских «низов». Это — свойства социально-культурной среды работающего в нашей стране ученого.

Следующая проблема: что за поколение вступает сегодня во взрослую жизнь, по плечу ли ему модернизация? Типичные данные официальной статистики таковы. За последние 15 лет катастрофически упал интерес детей к чтению, доля регулярно читающих сократилась с 50 до 18 %. В стране зарегистрированы десятки тысяч несовершеннолетних, страдающих алкоголизмом; алкогольные напитки употребляют более 80 % молодежи и почти 40 % школьников. Доля курящих подростков за 15 лет утроилась. Среди наркоманов (около 3 млн чел.) более 80 % — дети и молодежь.

Средний возраст впервые пробующих наркотики снизился с 17 до 14 лет.

Около 30 % детей рождаются в незарегистрированных браках. За последние 15 лет число детей-сирот возросло более чем на 75 %. Если в 1995 году на 21 млн школьников приходилось 450 тыс. детей-сирот, то в 2008-м на 13,3 млн школьников приходилось уже более 900 тыс. детей-сирот. Критически высок уровень насилия в отношении несовершеннолетних, в том числе семейного насилия. В 2007 году совершено 70 380 преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних. Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, 50 тыс. убегают из дома, 25 тыс. пропадают. Более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России. Около 40 тыс. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу. Темпы роста детской преступности в 15 раз опережают общее увеличение правонарушений в стране. В российских местах заключения пребывает около 40 тыс. несовершеннолетних преступников, что примерно в 3 раза больше, чем в СССР начала 1930-х годов.

Кризис российской семьи очевиден. Достаточно сказать, что каждый год 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями. Насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье. По количеству разводов на 1 тыс. жителей наша страна занимает первое место в мире среди стран с развитой и переходной экономикой. И из этой среды страна в дальнейшем будет черпать новых Курчатовых, Королевых и Алферовых? Может ли средне-статистическая российская семья содействовать ребенку в развитии природных задатков, творческих способностей, подготовить его к жизни в инновационном обществе — вопрос риторический.

Немногом лучше дело обстоит с образованием. Оно в силу своей консервативности разрушается медленно, но неуклонно. Страна погрузилась в дремучее невежество. Как мы уже говорили на Чтениях, по последним опросам населения, свыше 93 % граждан не могут назвать ни одного современного ученого. Свыше 30 % населения России искренне убеждены в том, что Солнце вращается вокруг Земли.

В стране катастрофически не хватает детских дошкольных учреждений. Падает качество работы средней школы. По нашим замерам реальная обеспеченность знаниями школьной оценки 4,2, выставяемой старшеклассникам в 2005 году, составляла 3,8. В 2011 году — 2,8. За это же время значительно понизилась способность старшеклассников к выполнению простейших научных исследований под руководством учителя, умение самостоятельно работать с информацией. В 2011 году среди школьников со средним баллом 4,2 к самостоятельной работе оказались готовы не более 30 % старшеклассников. Психологическое тестирование старшеклассников показывает неуклонное падение способности работать в коллективе, рост жестокости и индивидуализма.

В вузах постсоветского периода почти повсеместно произошел отказ от проведения воспитательной ра-

боты со студентами, что резко негативно сказалось на качестве образования. Ректоры ведущих вузов страны серьезно озабочены падением мотивации студентов к учебе, желанием соблюдать дисциплину и трудиться, овладевая знаниями. Общественность бьет тревогу в связи с коррупционным разложением вузов. Работодателей все меньше устраивает качество подготовки выпускников и их способность к продуктивной деятельности.

Аналитики констатируют сущностное перерождение высшей школы под влиянием реформ последних лет, цели, задачи, содержание, методы и темпы которых не приняты обществом. Высшее образование теряет свою фундаментальность, ранее основанную на формировании целостного, системного видения картины мира и внимания к фундаментальным, обобщающим теориям. Теперь фундаментальные концепции постепенно выводятся из сферы высшего образования. Кроме того, профессиональная подготовка оказывается не связана с обретением ориентиров в морали. В этой ситуации студенты фактически побуждаются к выработке собственных критериев оценки своей деятельности и деятельности других людей. В итоге вузы выпускают во взрослую жизнь все более морально неукорененных и социально безответственных людей. Надеяться на то, что кадры подобного рода окажутся способны обеспечить модернизацию России, прорыв страны в инновационное будущее, не представляется возможным.

В советское время значительный вклад в развитие общекультурного уровня населения вносили учреждения культуры: кинотеатры, библиотеки, музеи, театры, клубы и др. По нашим исследованиям, в последние годы влияние всей этой системы существенно уменьшилось [4]. Подавляющая часть населения его не испытывает вовсе.

Резко противоречит задачам модернизации страны деятельность основного массива российских СМИ последнего 20-летия, в особенности — ведущих федеральных телеканалов. С конца XX века доступ к культуре все больше означает доступ к информационным потокам, формирование которых сосредоточивается в руках узких групп лиц, занимающихся скрытым регулированием и манипулированием процессами развития и распространения культуры в своих интересах, весьма далеких от понятия общественного блага. Как уже говорилось на Чтениях в 2010 году, современная ситуация характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем, — на этой основе формируется «информационное общество» — государственно-монополистическая организация, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов жизни, смыслов поступков, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства [5].

Как полагают многие аналитики, к концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования эко-

номических и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Инструментами такого регулирования выступают информационные потоки.

По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на сознание людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде случаев это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых. Федеральные телеканалы превратились с 1990-х годов в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и тому подобное — все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, — берет на себе телевидение [6].

Одной из существенных черт изменения образа жизни россиян в постсоветский период стало «последовательное одомашнивание досуга, объединение его структуры» [7]. При этом в свободное время около 60 % россиян предпочитают дома смотреть телевизор [8]. Телевидение абсолютно доминирует в структуре досуга жителей страны как по затрачиваемому на просмотр телепередач времени, так и по числу людей, занимающих ежевечерне места перед экранами телевизоров. Величина среднесуточной аудитории телевидения (выраженная в показателях охвата — количество человек, включивших телевизор) колеблется в интервале 75–80 % населения [9].

Телевидение исполняет роль главного архитектора в строительстве новой национальной культуры, игнорирующей прошлое. Точками роста этой «культуры» выступают не базовые ценности российского общества, коренящиеся в толще веков отечественной истории, а субкультурные образования типа «гламура» — субкультуры новых русских. Образно говоря, новая культура строится телевидением не на фундаменте старой, а в стороне от нее — на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность, отвергнутых человечеством.

Как мы отмечали на Чтениях в 2011 году, самобытный тип культуры, формирующийся в России, не имеет современных аналогов за рубежом. Наиболее близкий аналог — Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х. В этой культуре нет места таким ценностям, как труд, честность, патриотизм, дружба, любовь, профессиональный долг, уважение к истории, почитание старших и т. д. В ней осуществлена замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру. В итоге страна лишилась великой национальной культуры как магистрального пути собственного развития [10, с. 505].

Существуют серьезные основания полагать, что общее падение культуры сопровождается понижением интеллектуального уровня населения страны. Известно, что по мере взросления человека интеллект, буду-

чи исходно природным качеством, оказывается и продуктом общекультурного развития. То есть успешная работа, к примеру, в области высоких технологий в существенной степени связана с тем, какую литературу индивидум читал в детстве, какие фильмы смотрел, имел ли практику регулярных и длительных интеллектуальных усилий.

Деформации воспроизводства и развития культуры в России привели к тому, что «общество потребления» — метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из спектра тенденции развития современного общества, — стало у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Сегодня становится все более очевидным, что в основу российских реформ 1990-х годов положены порочные идеи и принципы, ведущие к потере страной конкурентоспособности в глобализирующемся мире. Тогда реформаторы провозгласили принцип государственной политики: «Сначала — экономика, затем — культура». Было заявлено, что любые заботы о культуре следует отложить до тех пор, пока рост капиталистической экономики не позволит государству вкладывать средства в культурное развитие. Как известно, переход к капиталистическому укладу хозяйствования сопровождался развалом экономической жизни России. Затем катастрофический спад сменился некоторым подъемом. Однако вопрос о достижении Россией ВВП конца 1980-х годов остается до настоящего времени дискуссионным. Согласно официальной статистике, это произошло. Но многие авторитетные эксперты выражают сомнения в методике подсчета, указывая, что в конечную цену продукта включаются спекулятивные добавки стоимости. То есть рост цен выдается за рост ВВП.

Как бы то ни было, и 20 лет спустя после начала реформ культурное развитие населения остается пасынком государственного аппарата. Теперь реформаторы выдвинули концепцию «перевода культуры на самокупаемость», сделав культурное развитие России заложником дефективной экономической системы.

Между тем как провозглашенная в 1990-е годы политика «несвоевременности» культурного развития, так и реализуемая ныне политика перевода этого развития на рыночные рельсы содержат крупнейшие теоретические ошибки. Имя им — экономический детерминизм.

Экономический детерминизм первых постсоветских лет был порожден, по всей видимости, двумя причинами. Во-первых, личными интересами реформаторов, стремившихся обогатиться безнравственными методами (культура содержит нравственные ограничения и запреты). Во-вторых, плохим экономическим образованием власть имущих, превративших в советское время учение Маркса, в частности, положение о том, что «бытие определяет сознание» и «экономика является базисом, культура — надстройкой». На самом деле, как известно, Маркс хорошо понимал, и что сознание во многом определяет бытие, и что культура в ряде случаев оказывает решающее влияние на преобразование экономических отношений в обществе.

Более того, современное понимание культуры полагает экономику всего лишь ее частью, подсистемой, сопряженной с целым множеством не исследованных до последнего времени связей. В связи с этим передовая экономическая мысль России переосмысливает в последние годы идеи великих мыслителей прошлого — о роли неэкономических факторов в экономическом развитии [11–14].

Желание отдать культурное развитие на откуп рынку также имеет под собой основу в виде понятных интересов чиновничества: «Вы там занимайтесь своей культурой, если найдете желающих за нее заплатить, а мы тут будем продолжать осваивать государственные бюджеты». Но и ошибочные теоретические постулаты о якобы существующем всесии «невидимой руки рынка» также сказываются. Между тем интеграция рыночных механизмов в деятельность различных социальных институтов имеет различные пределы. Это — аксиома современного социально-гуманитарного знания. Превышение пределов приводит к перерождению самих институтов. Что и происходит сегодня.

В мировой практике задачи модернизации решались разными странами по-разному, но всегда — в опоре на достижения национальной культуры. В странах Восточной Европы при переходе от социалистической к капиталистической системе хозяйствования вопрос культурной трансформации решался однозначно — путем перехода к культурному укладу Европейского Союза. Нужный Евросоюзу культурный уклад технологически обеспечивался введением правовых и социально-экономических стандартов ЕС, созданием и функционированием по этим стандартам государственного аппарата, социальных институтов общества, институтов общественной жизни (институтов гражданского общества) и т. д. Однако во главу угла при поглощении этих стран европейским сообществом ставилось в первую очередь принятие ими общеевропейских ценностей.

Следует отметить, что декларируемые ЕС «общие ценности» в существенной степени соответствовали национальным культурным традициям присоединяемых стран и были способны обеспечить устойчивый национальный консенсус по отношению к реформам. Иной вопрос, насколько реформы в странах Восточной Европы являлись модернизацией и что они реально дали различным социально-демографическим группам населения. Однако реформы были доведены до конца и по ряду показателей качества жизни эти страны начали приближаться к лидерам Евросоюза.

Для России подобный путь был неприемлем, поскольку означал утрату национального суверенитета и переход контроля за ключевыми позициями в экономике к западным корпорациям. Значительно больший интерес в данной связи представляет опыт Японии, Китая, Южной Кореи. Эти страны не были поглощены Западом и не копировали западный уклад жизни. Каждая из них добилась успехов в модернизации эволюционным путем, опираясь на базовые культурные ценности.

Наиболее показателен в связи с этим опыт Южной Кореи. Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи прогресса в эконо-

мике с развитием демократии, опыт этой страны говорит об ином: прогресс в экономике возможен только в сочетании с устойчивым развитием культуры. Корейские успехи состоялись в условиях военной диктатуры и явились следствием разумной культурной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу. С 1948 по 1960 год культурное развитие в стране ориентировалось на западные образцы. Был достигнут прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии профессиональных объединений интеллигенции. Однако в этот период в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок пришла традиционная национальная культура.

В 1960 году был сделан вывод, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Технологии решения экономических проблем были поставлены в зависимость от корейского исторического наследия, национальной этики. Это означало коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась данная линия методами диктатуры. В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. В то же время государство приняло ряд мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Огромное внимание стало уделяться объектам материальной культуры, развитию культуры в провинции.

Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике. Культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и тому подобное — все это, помноженное на использование технологических достижений Запада и экспортно ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея. Экономические успехи шли рука об руку с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране произошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, подъему творческой интеллигенции [см. подробнее 10, с. 71].

Подобный опыт убеждает, что любая страна сильна прежде всего своим духовным потенциалом, ее развитие зависит в первую очередь от нравственного здоровья нации. Вот почему курс на модернизацию нам в России следует понимать как систему мер, направленных в первую очередь на укрепление науки, культуры, образования, на преодоление кризиса социально-культурной сферы. Только в таком случае Россия может рассчитывать на успехи в глобальной конкуренции.

Литература

1. Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина / А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2010. — С. 41–47.
2. Цит. по рукописи, представленной автору академиком А. Акаевым.

3. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Науч. и публицист. заметки обществоведов / А. В. Юревич; рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов. — М.: ИНЭС, 2010. — С. 152–173.

4. Запесоцкий А. С. Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры — условие формирования социального качества жизни / А. С. Запесоцкий // Права человека и правовое социальное государство в России / кол. авт.: Н. А. Воронина, А. С. Запесоцкий, В. А. Карташкин, А. Г. Лисицын-Светланов [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. Е. А. Лукашева. — М.: Норма, 2011. — Гл. IV. — С. 182–205.

5. Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — 2-е изд., изм. и доп. / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. — М.: Прогресс: Культура, 1992. — С. 283–290.

6. Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. — СПб.: СПбГУП, 2010. Т. 1 : Доклады. — С. 425–426.

7. Дубин Б. В. Читатель в обществе зрителей / Б. В. Дубин // Знамя. — 2004. — № 5. — С. 169.

8. ВЦИОМ: большинство россиян в свободное время смотрят телевизор [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа : <http://telecom.cnews.ru/news/line/index.shtml?2008/05/06/299506>

9. Полуэхтова И. А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И. А. Полуэхтова. — М., 2008 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа : http://dibase.ru/article/22092008_poluekhтоваia

10. Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. — СПб.: СПбГУП, 2011. — Т. 1 : Доклады.

11. Богомолов О. Т. Раздумья о былом и насущном / О. Т. Богомолов. — М.: Ин-т экон. стратегий, 2007.

12. Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда / О. Т. Богомолов // Экономическая наука современной России. — 2005. — № 4. — С. 7–17.

13. Богомолов О. Т. Экономика и социальная среда / О. Т. Богомолов // Вестник Российской академии наук. — 2005. — Т. 75, № 9. — С. 779–787.

14. Власов Ф. Б. Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие / Ф. Б. Власов; науч. ред. М. С. Мотышина. — СПб.: СПбГУП, 2011. — (Новое в гуманитарных науках; Вып. 51).

Ю. П. Зинченко¹

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРА: РИСКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Согласно академику В. С. Степину² сформировавшийся в настоящее время процесс техногенного типа цивилизационного развития порождает ряд специальных проблем не только в диалоге культур разного цивилизационного типа, но и в оценке социальных последствий внедрения конвергентных (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологий, которые обуславливают возникновение угроз и рисков социализации человека и становления его системы ценностей.

Система ценностей, закреплённая в общественном сознании, определяет основные цели всей человеческой деятельности и характер государства. Так, в российском обществе традиционно наблюдается приоритет гуманистических духовных ценностей³. Однако процессы глобализации, основанные на

информационно-коммуникационных технологиях, привели к перестройке и переосмыслению всех направлений жизнедеятельности человека на нашей планете: экологии, экономики, организационной деятельности, коммуникации, культуры и гражданского общества⁴. С. Хантингтон⁵ выдвинул предположение, что международные и любые другие отношения в период глобализации подчиняются не традиционному разделению между богатыми и бедными, а культурной парадигме, то есть либо столкновению цивилизаций, либо их диалогу. Неотъемлемой чертой глобализации, по мнению С. Хантингтона, является порождение конфликтов и напряженности в мире из-за религиозной и исторической принадлежности той или иной цивилизации в экономической, культурной и политической сферах.

В то же время нам хотелось бы заострить внимание еще на одном важном измерении глобализации — информационном, рассмотреть влияние происходящих там процессов на социализацию человека и становление его системы ценностей как основной составляющей ментальности человека и всего общества. Современное информационное пространство в значительной степени влияет на массовое и индивидуальное сознание, систему индивидуальных и коллективных установок, государственные и общественные практики. В нашей стране внедряется система электронного правительства, в системе образования активно используются информационные технологии, опосредующие взаимодействие «ученик–учитель», в интимное пространство личной жизни включаются социальные сети. Таким образом, создается новый вид культуры, виртуальный по глобализации : материалы XI Междунар. Лихачевских науч. чтений. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 67–72.

⁴ Beck Ulrich. What is Globalization? Cambridge, 2000. P. 19–20.

⁵ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. № 3.

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода», «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Клиническая психология как новая университетская специальность» (в соавт.), «Патопсихологические аспекты посттравматического стрессового расстройства» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”» и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, Председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Лауреат Премии Правительства РФ в области образования.

² Степин В. С. Проблема ценностей в контексте диалога культур // Диалог культур в условиях глобализации : материалы XI Междунар. Лихачевских науч. чтений. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 153–156.

³ Запесоцкий А. С. Исторический спор между капитализмом и социализмом как диалог культур // Диалог культур в условиях

форме существования и не привязанный к традиционным культурам по содержанию¹.

Научно-техническое развитие в рамках глобализации позволяет технологически освоить сложные саморазвивающиеся системы, обладающие синкретическими характеристиками, сформировать новые стратегии деятельности человека, расширить возможности познания истины и в то же время погружает человека в рукотворные виртуальные миры с различной системой культурных кодов. Поэтому использование достижений научно-технического прогресса требует этической экспертизы и соотнесения с гуманистическими идеалами и ценностями. Создание виртуального информационного пространства как новой среды обитания человека предполагает глубокую психологическую рефлексию последствий воздействия этой среды на ментальность человека и всего общества. Структура и содержание информационного пространства изменяют соотношение рационального и иллюзорного, вымышленного и реально произошедшего и могут привести к глубоким деформациям индивидуального и коллективного сознания через изменение соотношения эмпирического и теоретического. В результате у человека возникает ощущение утраты подлинности жизни, потери социальной идентичности, искажения ментальности, снижение мотивации к целенаправленной активности и построению долгосрочных жизненных планов.

Особенностью современного процесса социализации человека является его погруженность в информационную коммуникацию, которая осуществляется в пространстве виртуальной реальности.

Одна из важных гуманитарных проблем современного этапа развития человеческого общества, которая требует междисциплинарного осмысления, — это риски социализации человека. В структуру социальной ситуации развития (по Л. С. Выготскому²), отношений «ребенок — общественный взрослый», где взрослый выступает как представитель социальных требований, норм и общественных смыслов деятельности, включаются виртуальные образы, симулякры, а в структуру отношений «ребенок — близкий взрослый и сверстник», реализующую индивидуально-личностную коммуникацию, — до трех часов в день взаимодействия в Интернете. В этом пространстве формируется специальная ментальность: особый язык, стиль коммуникации, социальные роли, установки и др.

Информационное пространство сегодняшнего общества значительно отличается от того, что окружало человека 10–15 лет назад, главным образом тем, что в жизнь людей активно вошла *виртуальная реальность*. В обиход вошли такие еще до недавнего времени бывшие «нереальными» сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение», «виртуальная игрушка», «виртуальная студия» и т. п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. Можно утверждать, что информационные технологии современного общества начинают выступать в своей

виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и осязательна.

Виртуальную реальность можно охарактеризовать как *организованное пространство симулякров — особых объектов, «отчужденных знаков», которые, в отличие от знаков-копий, фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью*.

В противоположность актуальной действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия, феноменом, имманентным самой структуре бытия, воплощающим возможность творческой, генерирующей деятельности. Существует мнение, что человек изначально погружен в виртуальную реальность и переходит из одного виртуального состояния в другое, то есть виртуальная реальность — это та ресурсная среда, которая вскормила и воспитала человека, сформировала его ментальность. Так или иначе люди всегда стремились обустроить окружающий мир, создавая свои миры, по сути являющиеся виртуальными. Их виртуальность обусловлена пресловутыми «идолами» человеческого сознания, из-за которых познание вместо отражения реальности имеет результатом ее симуляцию, то есть создание картины мира, не содержащей ничего общего с изображенным на ней миром и зачастую основанной на пустых, мнимых понятиях.

Из сказанного становится ясно, что такое явление, как виртуальность, не является новым, но осознание роли виртуальной реальности в жизни человека началось с полномасштабного внедрения электронных технологий. Именно информационное общество способствовало утверждению виртуальной реальности в качестве общественно значимого феномена, роль которого позволяет говорить о наступлении «виртуальной цивилизации». Важно отметить, что прежние виртуальные миры существовали в лоне традиционной национальной культуры в форме мифов, легенд, сказок, сценариев мистерий, предрассудков, ритуальных коммуникаций и т. д. Они были основой драматургии произведений, воплощенных в высокохудожественной форме.

Но сегодня симулякры, как элементы виртуального пространства, становятся неотъемлемыми характеристиками, во многом определяющими специфический постмодернистский «образ» информационного общества, которое и создало технологические возможности для реализации ресурсов, до сих пор оставшихся незадействованными в рамках предшествующей социокультурной парадигмы. Кроме того, столь бурное развитие технологий виртуальной реальности обусловлено реальными потребностями в переходе от актуальных к виртуальным способам передачи и освоения информации, особенно в сфере образования. В настоящее время нас окружает океан фактов. Их можно воспринимать как числовые ряды, текст, образы, голос, музыку, но все эти формы актуальны по своей сути, то есть исключают возможность интерактивного взаимодействия. Виртуально построенные объекты воспринимаются человеком в более «живой» форме, чем объекты актуальные, отгороженные ригидными рамками своей данности и завершенности. Это во многом связано с тем, что виртуальная реальность строится по принципу «обратной связи», что позволяет осуществить максимальное вхождение человека в информационное пространство

¹ Смирнов А. И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М., 2005. С. 10–30.

² Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1982. Т. 2 : Проблемы общей психологии; М., 1984. Т. 4 : Детская психология.

и активно использовать его в практике общественных коммуникаций и тем самым влиять на формирование индивидуальной и коллективной ментальности. Однако конкретные проявления этого феномена в социальной жизни, влияние виртуальной реальности на жизнь общества провоцируют риски в социализации молодого человека, погруженного в мир симулякров.

Л. С. Выготский считал, что самосознание подростка, а потом и взрослого человека есть социальное сознание, перенесенное внутрь. Оно формируется в социальной ситуации развития, которую он понимал как своеобразные, специфические для данного возраста, исключительные, единственные и неповторимые отношения между ребенком и окружающей его действительностью, прежде все социальной. Она определяет весь образ жизни ребенка, его социальное бытие и особенности его ментальности, является основой для всех преобразований развития. Характер и содержание переживания определяют, какое влияние на ребенка оказывают особенности среды. Именно характер переживаний ребенком своих отношений со средой является ключом к пониманию его психического развития. Ребенок, погруженный в информационное виртуальное пространство, получает новые измерения ментальности — общение с симулякрами: не красивого человека, а гламурного, символа не любви, а эротики, не дружескую поддержку, а формы агрессии и псевдоценностей, не совет мудрого человека, а демагогические рассуждения псевдопопулярных личностей. Но в подростковом возрасте главный вопрос, который волнует человека: «Зачем я живу? В чем смысл моей жизни?» В рамках виртуальной культуры ответ может звучать примерно так: «Ты должен перейти на следующий уровень». Не исключена возможность, что это один из факторов, провоцирующих всплеск суицидов в подростковом возрасте.

Основными задачами развития человека в период социализации, то есть с 13 до 23 лет, являются: обще-

ние со сверстниками, эмоциональное развитие, формирование формально-логического интеллекта, развитие самосознания, осуществляется идентичность социальных ролей, интериоризация моральных норм и самоопределение в системе ценностей. И когда в социальную ситуацию развития наряду с реальными объектами и субъектами включены симулякры как «копии копий», происходит деформация освоения «новой телесности», связанной с процессом полового созревания, нарушается формирование полоролевой идентичности. Также нарушается развитие абстрактного мышления, так как резко сокращается активный словарный запас подростка, погруженного в интернет-коммуникацию. Психологи в своей психотерапевтической практике часто встречаются со случаями возникновения трудностей у подростков в приобретении навыков межличностного общения с представителями своего и противоположного пола, налаживании автономных отношений в семье, преодолении эмоциональной зависимости. Особенно трудной задачей для подростка, у которого «третьим родителем» стала виртуальная реальность, являются выработка жизненной позиции и системы ценностей, прогнозирование будущего в области карьеры и образования, подготовка к семейной жизни. Жизнь в виртуальной реальности происходит «здесь и сейчас», то есть в настоящем времени, носит характер обратимости во времени, создает иллюзию легко достижимых удовольствий, необязательности отвечать за свои поступки, анонимности и театральности. Жизненная реальность для таких молодых людей является трудной задачей, которую лучше избегать.

Самая большая проблема — вернуть нашу молодежь в реальную жизнь, сохранив огромный потенциал позитивных возможностей для человека, которые таит в себе виртуальная реальность как этап развития информационной глобализации. От решения этой проблемы зависит будущее российской ментальности как основы построения современного социального государства.

П. О. Ильинский¹

БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И ВНУТРИЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ: ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Русская цивилизация есть цивилизация христианская. Таковой она останется, если сумеет найти дорогу к своему возрождению в эпоху глобального культурно-скреживания.

Развитие этой цивилизации всегда проходило под знаком библейских текстов. Размышление над ними, их интерпретация и постоянное переосмысление были знаками внутреннего окультуривания, общения с идейными предшественниками и наследниками, давали возможность духовной связи с иными христианскими и нехристианскими народами. Взлеты и падения библей-

ской истории России есть взлеты и падения российской культурной — и не только культурной — истории.

Наметим основные вехи этого пути. Известно, что у библейских текстов и знаменитой древнерусской летописи «Повесть временных лет» (ПВЛ) существует много точек соприкосновения, а влияние Священного Писания на русского летописца несомненно². Причи-

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей.

² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; *Он же*. У истоков русской общественной мысли // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 1 : Домонгольский период. С. 5–56; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1; Сендерович С. Начало восточнославянской историографии с культурологической точки зрения: «Повесть временных лет» и Священная история евреев // *Jews and Slavs. Jerusalem*, 1994. Vol. 2. P. 21–57; *Он же*. Метод Шахматова, ранее летописание и проблема начала

ны понятны — Библия в целом и библейская история, в частности, были отправной точкой для автора ПВЛ, он одновременно оглядывался на Библию и «присоединял» русскую историю к мировой, делал Древнюю Русь неотъемлемой частью цивилизованного человечества. Процесс этот не завершен и по сей день.

Дело не ограничивается исторической концепцией летописца, прямыми и непрямыми цитатами из Библии, по большей части восходящими к мысли автора о сходстве судеб еврейского и русского народов, отмечаемой и в иных древнерусских текстах, например в «Слове о законе и благодати» (СЗБ). С нашей точки зрения, сами физические события политической истории Древней Руси находят отражение в библейской истории древнего Израиля, истории возникновения государства, царской власти, всех непреходящих достижений и вечных проблем, связанных с этими феноменами.

Упомянем также мотив торжества младшего над старшим, который присутствует в начальной русской историографии, и, добавим, во всей русской — но и не только русской — народной культуре. Напомним лишь, что тема победы младшего над старшим, или, в провиденциальном смысле, — христианства над иудаизмом неуклонно проводится в СЗБ. Библейские параллели очевидны: Иаков и Исав, Иосиф и его братья, Рахиль и Лия, возвышение колена Иудина и проч.

Эта линия свойственна раннехристианским текстам других европейских народов, ее легко заметить в произведениях средневековой словесности и изобразительного искусства — вспомним изображения церкви и синагоги у многих великих готических соборов. Здесь мы видим проявление проблемы отношений христианства и иудаизма, а в узком смысле слова — еврейской и христианских наций, проблемы, не только дошедшей до сегодняшнего дня от многих веков и тысячелетий, но и страшным образом проявившейся в недавней европейской — и русской — истории. Мы еще скажем несколько слов о некоторых причинах этих печальных явлений.

Политическая история древнейшей Руси есть история возникновения государства, рассказа о том, «кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». Эта парадигма повторилась в русской истории несколько раз (в т. ч. — совсем недавно), поэтому рассказ о происхождении власти и ее нынешнего устройства продолжает переосмысливаться. Где есть основание России и в чем легитимность властей предрежащих — вопросы такие же современные, как и в XI веке, вопросы в прямом смысле основные, библейские (и по масштабу и по содержанию).

Историкам, древнеизраильскому и древнерусскому, было очевидно, что миром управляет Божья Воля и что именно Ею созданы новые государства. Вопрос об оценке недавнего прошлого русский монах и израильский священник решали одинаково — в пользу того, что позже назовут *историческим прогрессом*. Здесь коренное отличие строя их мыслей от философов и мифов иных времен, в которых сквозит тоска по «слав-

ному прошлому» или «золотому веку». Но не близки они и мечтам об идеальном земном устройстве, о том, «что там хорошо, где нас нет», и прочим химерам, по-прежнему живущим в интеллектуальном пространстве многих народов, особенно в тех слоях и широтах, что забыли о своем вековом наследии и потому способны слышать только себя, но не ближних своих.

Наоборот — насколько же легко поймут друг друга жители разных стран и миров, знающие о своем прошлом и могущие обозреть связь времен, понимающие, от чего человечество ушло и куда оно может прийти (точнее — в какую пропасть свалиться), если оно забудет о своем культурном генезисе. Идейное единство, которое мы в частности можем увидеть у библейской истории Израиля (Книга Царств) и ПВЛ, основывается на том, что для авторов этих книг история — всегда развитие, а не деградация.

Еврейский историк выдвигает два фактора возникновения царской власти: волю народную и волю Божью, *vox populi* и *vox Dei*. Израильские старейшины говорят пророку Самуилу: «...Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8:4–7). Дополняет это рассказ о передаче власти от пророка первому царю Саулу, а потом Давиду, с Господнего соизволения, что делает обоих *помазанниками Божиими*.

Сходная ситуация изображена русским летописцем с той разницей, что он не мог *освятить* власть князей-язычников. Для легитимизации основателей династии оставалось лишь народное волеизъявление, которое было изложено в общеизвестной форме: «И начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам...», после чего следует знаменитое: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

Какова альтернатива государству? Об этом говорят заключительные главы Книги Судей, повествующие о преступлениях и межплеменных войнах в *домонархическом* Израиле. Показательна заключительная фраза Книги Судей: «В ту пору у Израиля не было царя, и каждый делал что хотел» (Суд. 21:25)¹. Эта фраза является вводным замечанием к рассказу об упомянутых раздорах и финальным вердиктом догосударственному трайбализму. Жизнь без царя оказывалась еще хуже, чем жизнь при царе или, точнее, безвластие порождало беззаконие — полное отсутствие всяческих правил.

Понятно, что рассказ о помазании Саула и призвании варягов может не отражать реальных событий. Но сумеем ли мы признать маловероятными междоусобные раздоры и народное волеизъявление, предшествовавшее установлению царской власти? Диалогическая переключка через века приводит к единственному выводу. Утрата политической стабильности всегда сопровождается распрями, упадком законности и заканчивается восстановлением утраченного единоначалия — и при поддержке значительной части населения. Дурное государство — дурно, но отсутствие государ-

русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 461–499.

¹ Книга Иисуса Навина. Книга Судей / пер. М. Г. Селезнева. М.: Изд-во Рос. библейского о-ва, 2003.

ства — дурнее стократ. Ибо тогда каждый делает *что хочет*, и в такой жизни нет ни предсказуемости, ни малейшей возможности спасения для беззащитных.

У государственного фундамента молодых народов находятся триады царей, основателей нации: Саул–Давид–Соломон и Святослав–Владимир–Ярослав. Нам они кажутся непрерывными (как будто один наследовал другому, что неверно ни в одном случае). Здесь еще один ключ к анализу политического сознания — мы всегда жаждем стройности, хотим упростить сложности истории, политики и самой жизни вместо того, чтобы принять ее многоликость, попытаться хотя бы вместить в себя нелинейность бытия.

Попыткам человека осознать историю — почти три тысячи лет, она начинается с Книги Царств, так же как осознание русской истории начинается с ПВЛ. И сегодняшняя историческая мысль невозможна без диалога с классическими авторами, с представителями иных эпох и миров — но также и нашей собственной цивилизации.

В недавнюю эпоху русской истории невозможность рассмотрения религиозно-философского посыла ПВЛ привела к тому, что на передний план выдвигались летописные сообщения о военных походах и победах — выдуманных ли, реальных — над ближними и дальними народами. В урезанной по такому лекалу версии событий X века, с почти полностью изъятый из него христианизацией Руси, язычник Святослав стал чуть ли не важнее Владимира. Последствия данной *милитаризации* древнерусской истории сказываются до сих пор — кому-то захватнические рейды князя-отца видятся важнее «просвещения книжного», принесенного его сыном.

На протяжении веков Библия продолжает быть основой российского культурного развития, основой диалога, который молодая культура ведет с более старыми, опытными мирами и цивилизациями. Для перевода и чтения библейских текстов изучаются иностранные языки, для тех же целей приглашаются знающие люди из других стран (например, Максим Грек, ныне канонизированный Русской православной церковью). Первым русским травелогом становится «Хождение» игумена Даниила, рассказ о паломничестве русского монаха начала XII века по библейским местам, в Палестину, только что завоеванную крестоносцами.

Дискуссии о направлении государственного развития Московской Руси ведутся на основе библейских текстов, от спора между иосифлянами и нестяжателями XV века до церковной реформы XVII века. Начиная с петровского царствования роль библейских текстов падает — как во внутреннем русском культурном поле, так и в диалоге с внешним миром (по иронии, последний тогда же чрезвычайно интенсифицируется). Наступает светский период русской истории, с одной стороны, ознаменовавшийся высочайшими государственными и культурными достижениями, с другой же, логично приведшей к катастрофе 1917 года.

В течение двух веков российский образованный класс использует для диалога с Европой (или — с западной цивилизацией) совсем иные тексты: от Вольтера до Маркса. Более того, он начинает знакомиться

с самой Библией не на своем родном языке. Несмотря на то, что в 1712 году Петр Великий отдает распоряжение о печатании заново сверенного текста церковнославянской Библии, она выходит в свет десятилетия спустя (1751). Уже тогда ее язык не мог быть воспринят современниками во всей полноте, а в дальнейшем разрыв между текстом и социумом продолжал углубляться. Цивилизационная трещина расширялась с двух сторон. Образованное общество перестает интересоваться библейской традицией. Церковь же оказывается не в состоянии остановить этот процесс. Даже для того, чтобы предложить обществу новый, доступный и научно обоснованный текст Библии, ей требуется более полувека (1816–1876). Этот процесс прерывается дважды: в 1826 году, с закрытием Библейского общества, и в начале 1840-х годов, когда уничтожается большая часть экземпляров перевода книг Ветхого Завета (ВЗ), сделанного Г. П. Павским. Работу над Синодальным переводом (СП) удается завершить только в царствование Александра II¹. В литературе высказывалось мнение, что относительно позднее появление СП сыграло немалую роль в духовном кризисе, охватившем имперскую Россию. Хотя это событие и стимулировало развитие русской философской мысли (а также обращение к допетровской старине), то есть привело к возобновлению как межкультурного, так и внутрикультурного диалога, время было упущено.

В 1917-м и в последующие годы Россию настиг двойной цивилизационный разрыв: со своим прошлым и с внешним миром. Библейские образы и парадигмы исчезли из образовательного минимума (три поколения в лучшем случае узнавали о них из музейных картин). Только в последние десятилетия наметился поворот — Библия возвратилась в российское духовное пространство, и постепенно становится инструментом диалога внутреннего (в том числе между различными народами России), а также общения с дальними и ближними соседями, способом связи с современниками, предками и потомками².

Напоследок вспомним один исторический эпизод, дабы продемонстрировать, что не только прямой разрыв с духовной традицией, но и, казалось бы, допустимая интеллектуальная вольность приводят к равно тяжелым последствиям. Сохранять культуру сложно, а ущерб ей может быть нанесен многими способами. Мы уже сказали, что изъятие священных текстов из культуры есть ее разрушение. Не случайно, только осудив маркионитскую ересь, требовавшую усеечения ветхозаветных текстов, христианство стало религиозно-исторической, связанной с тысячелетней традицией и способной эту традицию развивать. «Какое, по правде сказать, чудо, какое благое чудо, что Церковь сумела в свое время отвергнуть соблазн маркионитства и вопреки всему сохранила в своем обиходе Ветхий Завет!»³

¹ Чистович И. Л. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. Репр. изд. М., 1997.

² Десницкий А. С. Перевод Библии как экзегетический диалог // Писание–предание–современность. Киев, 2007. С. 107–121.

³ Аверинцев С. С. Ветхий Завет как пророчество о Новом: общая проблема глазами переводчика // Аверинцев С. С. Собр. соч. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Киев, 2004. С. 465.

Посейчас вопрос о том, а не *подправить* ли Писание или хотя бы ВЗ, задают люди, принадлежащие к радикальным краям интеллектуального социума, оторванные от истории. Одним не нравится архаичность ветхозаветных норм и они желали бы их *модернизировать*, а вторым не по сердцу происхождение этих норм, их «семитская суть». Не раз и не два выходцы из обоих лагерей оказывались по одну сторону идеологических — и не только идеологических — баррикад. Фашизм не раз питался либерализмом. Например, суждения одного из классиков «либеральной теологии» рубежа XIX–XX веков, А. Гарнака, включали мысль о том, что обладание Ветхим Заветом «не во всех отношениях было благом для церкви; на многих ее страницах говорилось об иной нравственности, не христианской», а иудейские священники и книжники «из религии сделали простое ремесло, — трудно найти что-либо более отвратительное»¹. Книга, содержащая эти слова и немало несправедливых инвектив в адрес древнейших христианских конфессий — католической и православной, была столь популярна в Германии и за ее пределами, что начиная с 1900 года выдержала множество изданий и «была переведена на большее число языков, чем какая-либо другая книга, за исключением Библии, и железнодорожная станция в Лейпциге была забита товарными поездами, доставлявшими книгу Гарнака по всему миру»².

Вряд ли случайно дальнейшее. Почти все столпы либерального немецкого богословия подписали воззвание августа 1914 года с поддержкой военной политики кайзера, а Гарнак, в свою очередь, оказался автором обращения кайзера к народу. Именно это событие, по воспоминаниям крупнейшего богослова XX века К. Барта, сделавшее невозможным для него следовать этике, догматике и тому пониманию Библии, которое проповедовали эти люди — носители высших достижений немецкой идеалистической философии, завершило историю так называемого теологического «либерализма». Или не завершило?

Тогда же не меньшей популярностью пользовалась книга немецкого ассириолога Ф. Делича «Babel und Bibel». Главным тезисом Делича было отсутствие в ВЗ «оригинальности» — с его точки зрения, все важнейшие концепции были «заимствованы» древними иудеями у вавилонян. «Историческая критика» привела Делича к заключению о том, что, с одной стороны, почти все наносные, «не боговдохновенные» части ВЗ должны быть из него удалены. Консервативная верхушка германской элиты не могла согласиться с ревизией текста ВЗ, поэтому Делич быстро утратил официальную поддержку (поначалу кайзер отнесся к нему с симпатией). Желание же Делича устранить из истории ВЗ его создателей вызвало обвинения в антисемитизме. Автор их, понятное дело, отвергал, хотя «вавилонская мораль» представлялась ему превосходящей еврейскую.

Предложения Делича оказались похоронены наукой и теологией, но не обществом в целом, сохранившись как минимум на подсознательном уровне в слиш-

ком многих умах. После Первой мировой войны он еще успел выпустить книгу «Великий обман» или «Великое заблуждение» (*Die grosse Täuschung*, 1920–1921 гг.), в которой уже откровенно утверждал, что евреи «испортили» ВЗ, что иудейская религия не имела никакого отношения к раннему христианству и что Иисус Христос не мог быть евреем. Почти в то же время (1923) царственный покровитель Делича, живший после утраты престола в Голландии, сочинил брошюру, в которой перешел на позиции бывшего протеже. Теперь изгнанный кайзер считал, что кроме некоторой части псалмов и пророческих речений «обновленный» ВЗ не должен содержать ничего еврейского: «Долой еврейство и его Яхве»³.

Воззрения Делича оставили глубокий след в немецком обществе, причем в среде людей образованных и знающих, ведь он был уважаемым ученым своего времени. Вряд ли стоит делать из Делича главного виновника дальнейших событий — он отражал свою историческую эпоху, а она оказалась восприимчива к суждениям ему подобных. Интеллектуальный климат, позволявший мысли о ревизии ВЗ и даже об отказе от него под тем или иным «историческим» предлогом (говорилось, что содержащиеся в нем этические заветы — не христианские), постепенно привел значительную часть общества к утрате *всех* этических ориентиров — и ветхо-, и новозаветных. Культурный диалог был отброшен в пользу культурного ограничения, духовного *усекновения*. Отказ от традиции, сознательный или подсознательный, породил полное *раскультирование*. Исторические плоды духовного развития Германии были несказанно горькими: «В конце пути немецкой теологии и философии появилась фигура Гитлера... Мы осознали, что если Гитлер — это продукт немецкой культуры, значит, что-то не так с нашей культурой. Если Гитлер — итог и результат того, что мы полагали истинной философией и единственной теологией, значит и философия, и теология были ложными»⁴.

Рискнем продолжить эту мысль. Российская катастрофа 1917 года, еще далеко не изжитая — тоже плод российской культуры, тоже показатель ее глубокого кризиса. Российский философский либерализм, в отличие от немецкого, стал антигосударственным — но результаты этого *внебиблейского* заблуждения оказались не лучше. Вольное обращение с прошлым, с традицией, пренебрежительное жонглирование ее осколками или полное забвение не могли не привести к последствиям самого пагубного свойства. В историко-культурных координатах отсутствие духовного обновления равняется духовной деградации народов и даже целых цивилизаций.

Присутствие в повседневной жизни текстов, созданных на протяжении тысячелетий, их обязательное осмысление и переосмысление приводят нас к самым корням цивилизации, к нашему духовному рождению. И лишь заново его переживая, мы можем возрождаться. Это ни в коем случае не означает запрета на новое, спор, переоценку, иную интерпретацию, движение вперед — наоборот, одно без другого попросту невозможно. И общение со многими соседями — а теперь весь

¹ Гарнак А. Сущность христианства // Гарнак А. Раннее христианство. М., 2001. Т. 1. С. 36–37.

² Тиллих П. Теология культуры // Тиллих П. Избранное. М., 1995. С. 354.

³ Trolle Larsen M. The “Babel/Bible” Controversy // Civilizations of the Ancient Near East. P. 95–106.

⁴ Тиллих П. Указ. соч. С. 355.

мир находится по соседству друг с другом — становится легче, когда мы вспоминаем о нашей часто общей духовной основе, когда мы в состоянии оперировать ее категориями.

Если мы не следуем какой-либо библейской норме, это не значит, что можно с пренебрежением относиться к законоведам, философам и историкам прошлого —

ведь без них не было бы нас. Если мы отречемся от них, то нас не станет. Уход от культурной традиции человечества равнозначен потере культурной памяти, он сделает невозможным диалог ни с прошлым, ни с настоящим, ни с родственником, ни с соседом, ни с незнакомцем, он изолирует любую цивилизацию и закроет перед ней будущее.

И. Т. Касавин¹

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ ДИСКУРСИВНЫХ КУЛЬТУР

Культура, в отличие от иных сфер человеческого бытия, есть место мирного сосуществования, взаимодействия и конкуренции образов, ценностей, идей. Этот «третий мир», если использовать термин Карла Поппера, или мир культуры существует в форме музея, библиотеки, театра, интеллектуального сообщества, герои которых постоянно вспоминают, цитируют, окликают друг друга. Предельный случай такого героя — это, по словам Иосифа Бродского, «поэт, то есть человек, легко впадающий в зависимость от порядка чужих слов, чужих размеров»², человек, всегда готовый «поклониться тени»³, или как выразился Исаак Ньютон, «стоящий на плечах гигантов».

И потому диалог, как полагал М. Бахтин, — универсальная форма бытия культурной, гуманитарной мысли, погруженной в текст, это форма ее творческого, динамического бытия. Текст есть, тем самым, не чисто лингвистическое, но значительно более широкое понятие, включающее субъект. «За любыми актами общения прослеживается наличие текста как основной и, видимо, высшей содержательной единицы общения. Важной особенностью текста является то, что любой текст всегда имеет более одного владельца, всегда находится в *совместном* владении двух или большего числа индивидов живущего поколения, что и позволяет тексту переживать своих владельцев, существовать неопределенно долго, постоянно и преемственно изменяясь в актах общения»⁴. Как сказал Х. Л. Борхес, книги подобны образам, которые кажутся живыми, но не ответят нам, если мы их о чем-то спросим. Чтобы исправить этот недостаток, Платон придумал диалог.

Итак, М. Бахтин показывает, что текст по природе диалогичен, и эта диалогичность имеет открытый ха-

актер: смысл текста не ограничен замыканием текста на себе самом (в противоположность установкам семиотики и структурной лингвистики). Более того, диалог не ограничен и парой «автор–читатель», но предполагает предшествующих (и последующих). Как пишет М. Бахтин, «не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие и следующие за ним высказывания. Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено»⁵. Так текст смыкается со своей противоположностью — дискурсом.

История культуры вела человека от мифа к литературе и далее — к философии и науке. И каждая из этих форм культуры включалась в диалог с другими. Философия и наука, философия и литература, философия и религия попеременно становились то поллюсами, то дополняющими друг друга частями. Каждую из этих пар характеризует своя особенность, производная от позиции рефлексии. Пусть ученый, литератор, священник сами скажут, чем им мила философия. Я же скажу за философа. Наука вызывает у философии ажиотаж аналитического, обоснованного, исследовательского мышления. Религия держит философию в напряжении абсолюта. А литература учит философию создавать мифы, архетипы и творить их не путем натужной и эзотерической рефлексии, а играючи, изящно, красиво, увлекательно.

«Хотите быть философом — пишите романы», говорили философы-экзистенциалисты. Во многом популярность и Хайдеггера, и Сартра обязана стилю, языку их произведений, их литературному таланту. Глубокий смысл содержался в присуждении философом Нобелевской премии по литературе. И это не просто форма: быть может, литература сделала для человеческого познания не меньше, чем гуманитарные науки, философия в том числе, и в этом смысле она есть подлинная база философской антропологии. А последняя, в свою очередь, смыкается с онтологией творчества как тайны и призвания человека, соревнующегося с создателем. Отсюда ход к метафизике литературного дискурса, метафизике письменного стола и библиотеки как образов пространства и времени творческого процесса, к аналогиям между письмом и сном, творчеством и сном, к таким понятиям, как мечта, чудо и легенда.

Существует очень много примеров использования литературы в философском дискурсе — как объекта ис-

¹ Заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 300 научных работ, в т. ч. книг: «Теория познания в плену анархии», «Рациональность в познании и практике», «Познание в мире традиций», «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания», «Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии», «Анализ повседневности», «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» и др. Главный редактор журнала Института философии РАН «Эпистемология и философия науки», главный редактор Энциклопедии эпистемологии и философии науки.

² Бродский И. Примечание к комментарию // Бродский И. Соч. Екатеринбург, 2003. С. 776.

³ «Поклониться тени» — так назвал И. Бродский свое эссе, в котором он отдал поэтический долг английскому поэту Уистану Хью Одну (см.: Бродский И. Поклониться тени // Бродский И. Соч. Екатеринбург, 2003).

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 340.

следования; как дескриптивно-феноменологического, нарративного, диалогического, утопического метода; как формы обоснования или иллюстрации идеи. Отдельно скажу об эпистемологии, в которой сегодня «натуралистический тренд», редуцирующий ее к науке, противостоит мифопоэтическому дискурсу в стиле Р. Рорти или П. Фейерабенда. Как только были преодолены известные демаркации науки и метафизики, контекста открытия и контекста обоснования, набор эпистемологических ресурсов резко расширился. Наука, строгое рассуждение вообще ограничены в достижении результатов; именно поэтому использование «нестрогих», литературно-художественных способов выражения, литературно-культурной фактуры восполняет лакуны в реконструкции познавательных ситуаций, в анализе творчества, в выдвигании творческой идеи.

То, как литература — в снятом, скрытом виде — проникла в самую сердцевину философского мышления, иллюстрирует идея «универсалий культуры», казалось бы, рожденная самим рефлексующим разумом. Однако это было рефлексией по поводу литературы и во многом рефлексией с использованием литературных же методов. Х. Л. Борхес представлял себе все интеллектуальное развитие человечества как бесконечные интерпретации и комментарии по поводу одной или нескольких метафор: «Быть может, всемирная история — это история различной интонации при произнесении нескольких метафор»¹. Метафора, достигшая уровня архетипа, стала главным способом трансцендирования за пределы эмпирической реальности и в этом смысле — основным способом философского мышления.

Когда некоторому элементу специфической культуры придается столь общий и абстрактный смысл, что возникает возможность отрыва ее от локальной культуры и истории, то возникает универсалия. М. Элиаде говорит в связи с этим о культурном символизме как «скважине» в трансцендентное, как продукте *процесса исторической универсализации*².

И К. Хюбнер³, и В. С. Степин⁴ обращают внимание на две стороны культурной универсалии — концептуальную и экзистенциальную. Это, если хотите, две версии фундаментальной реальности — объективно-отстраненная, научно-аналитическая, с одной стороны, и человекообразная, эмоционально нагруженная — с другой. Отсюда берут свое начало и два способа выражения как трансцендирования — логический и художественный, проблематизация и мифологизация. Философия проблематизирует действительность и знание о ней, литература строит миф о действительности

¹ Борхес Х. Л. Сочинения : в 3 т. Рига, 1994. Т. 2. С. 15.

² «Образы — это “скважины”, ведущие в надисторический мир. И это не единственное их достоинство: благодаря им различные “истории” получают возможность общаться между собой... Благодаря христианизации божества и святилища всей Европы получили не только общие имена, но в каком-то смысле обрели свои собственные архетипы и, следовательно, универсальные ценности» (Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 244–245).

³ См.: Хюбнер К. Религиозные аспекты экзистенциального анализа у Хайдеггера // Религия, магия, миф: современные философские исследования. М., 1997.

⁴ См.: Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. М., 2001.

и знании, хотя здесь дело только в акцентах. Литература тоже проблематизирует, но *иначе*; философия тоже мифологизирует, но *иначе*.

Вообще и творчество, и его истолкование — это стремление сказать нечто *иначе*, *инаковость мышления и высказывания*. Человек с самого начала своего несовершенного бытия столкнулся с тем, что его представления и слова не дают выхода из складывающейся ситуации. Крушение Вавилонской башни привело его к необходимости все время подгонять свои обозначения к новым обстоятельствам, выражать *иначе* то, что он уже знает, но что в данной ситуации *не подходит*. Отсутствие однозначной связи между объектом, смыслом и словом — источник всякой попытки иносказания. *Иносказания* не просто как намека, эвфемизма, смены интонации, но как *универсального механизма создания текста, взаимодействия текста и контекста в дискурсе*. С изобретением этого механизма уже не стало текста, который бы не явился иносказанием того, что сказано ранее, и о том, о чем сказано по-другому; и нет отныне объекта, о котором может быть сказано только так, а не *иначе*.

В чем вечная проблема несоизмеримости языка и мира? В мире, требующем изменения, или в языке, вынуждаемом к иносказанию? Жизнь не удовлетворяется повторением пройденного, она требует модификаций, отклонений от правил, нарушения стандартов. И здесь же — всякое изменение мира не приводит в точности к поставленным целям, а потому нуждается в оправдании этого несоответствия с помощью языковых приемов. Если нельзя изменить мир в желаемом направлении или вообще его изменить, то можно, по крайней мере, выразиться *иначе*, чем уже было сказано.

Вспомним: «Вы слышали, что сказано древним: “не убивай, кто же убьет, подлежит суду”. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших».

Вот так — «А Я говорю вам...», — упорно повторял Иисус в своем парафраза пророков, обличая не столько дела, сколько сознание и язык, а именно мысли, чувства, способы выражения. Отныне несоответствие мира и языка — вина человеческого бытия, гневливого, вожделеющего, всеу взывающего к Богу. Вина порождает страх. Страх требует отчуждения вины от человека, освобождения от ответственности. Но вина, как трагическое напряжение духа, рождает и духовность, а духовность вновь вспоминает о вине и готова к покаянию. *Духовность, находящаяся в страхе, скрывается от самой себя, она играет; играющая духовность ищет и находит формы своего выражения — в иносказании, сочинительстве, творчестве*.

Ситуации иносказания — это перекрестки культуры, акты созидания культурных объектов, новые интонации в произнесении метафоры, как сказал бы Х. Л. Борхес. Вся литература — это архетипические метафоры и интонации. И среди них три главных — мечта, чудо, легенда, фиксирующие трансцендентальные аспекты бытия. Теперь об этом подробнее.

Мечта — это прогноз без оснований.

Мечтать можно лишь о невозможном. Все возможное следует просто планировать и осуществлять. Если мы пытаемся осуществить мечту как таковую, то получаем утопию. Обломов мечтал о всеобщем благе людей — о вещи, заведомо невозможной, но он был достаточно умен для того, чтобы не стремиться к ее достижению. Мечта выполняет регулятивную функцию; она служит ориентиром для планирования и прогноза, задавая им «сверхзадачу», обеспечивая *пространство творчества и временной горизонт рефлексии*. Реализованная мечта — противоречие в себе, это — чудо.

«Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи — первая примета ее естественности, само собой разумеется — в мире ином»¹, — писала М. Цветаева. И у нее же: «Письмо как некий вид потустороннего общения менее совершенно, нежели сон, но законы те же. Ни то, ни другое — не по заказу: спится и пишется не когда *нам* хочется: письму — быть написанным, сну — быть увиденным»².

Чудо — это закон невозможного.

Чудо являет собой пример не только ограниченности человеческого знания о будущем, но и границы понятия причинности и закономерности вообще. Так, совпадение двух и более независимых друг от друга причинно-следственных цепочек во времени есть постоянно повторяющийся факт, не укладывающийся в понятие закономерности как того, что противостоит случайности. Это есть столкновение разных, несоизмеримых миров.

Чудо эфемерно и мимолетно; как только оно произошло, это уже не чудо, а продукт действия некоторых законов. Поэтому чудо не есть причина некоторых событий, его нельзя использовать, из него нельзя извлечь полезных результатов. Чудо есть пример *абсолютной беспристрастности и безвременья*: в «момент чуда» время останавливается, а пространство сжимается до математической точки. Непосредственное переживание чуда исчезает почти сразу, единственный его свидетель и способ фиксации — память легенды.

Легенда — это память о небывшем.

Чудо представляет собой прасобытие, лежащее в основе всякой легенды. Легенда же — литературная версия чуда, предназначенная для его частичного воспроизводства при необходимости, своего рода «карманная магия», напоминающая людям о сакральности бытия. Одновременно с этим легенда есть рефлексивное развертывание, разработка онтологии, производной от чудесного прасобытия. Однако легенда не является сообщением о случившемся, это просто способ его языкового бытия, несущий в себе элементы чудесного. Именно благодаря ему легенда реализуется в классических и настольных книгах, необъяснимо и упорно читаемых от поколения к поколению. Легенда обеспечивает непрерывность сакрального пространства и времени, она питает мечту и замыкает собой кольцо сакрального бытия. А что же философия, ведущая диалог с литературой? Где ее архетипы?

¹ Цветаева М. Письма к А. Штейгеру // *Опыты*. Нью-Йорк, 1955. № 5. С. 47.

² Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 542, 547.

Вопрос — символ философии.

Неустанная миграция философского ума, его неуспокоенность, неудовлетворенность наличным проявляется в особом методе мышления. Философия может быть понята как теоретическое выражение природы человека вообще, поскольку ему свойственно удивляться, сомневаться, ставить под вопрос все что угодно. Здесь уместно вспомнить принцип герменевтического первенства вопроса (Г.-Г. Гадамер). Вот еще несколько отсылок к авторитетам.

Михаил Бахтин: «Смыслом я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла».

Поль Рикер: «Великий философ — это тот, кто открывает новый способ спрашивать».

Вернер Гейзенберг: ученого в философии «интересуют, прежде всего, постановки вопросов и только во вторую очередь ответы. Постановки вопросов кажутся ему весьма ценными, если они оказываются плодотворными в развитии человеческого мышления. Ответы же в большинстве случаев носят преходящий характер, они теряют в ходе времени свое значение благодаря расширению наших знаний о фактах».

Робин Коллингвуд: «Вы никогда не сможете узнать смысл сказанного человеком с помощью простого изучения устных или письменных высказываний, им сделанных... Чтобы найти этот смысл, мы должны также знать, каков был вопрос (вопрос, возникший в его собственном сознании и, по его предположению, в нашем), на который написанное или сказанное им должно послужить ответом».

Что же есть вопрошание само по себе — спросим, используя сократический метод. Подвергнуть вопросу, поставить вопрос под вопрос — все это процедуры возведения вопроса в степень. Мы делаем это для того, чтобы понять истоки человеческой способности ставить вопросы; не объяснить этот феномен научно, но осознать смысл этой способности в контексте человеческого бытия.

С вопросом человек отправляется в странствие, с вопросом встречаются странники и ищут у него ответа. Вопрос — языковое проявление динамичности бытия, его миграционной природы. «Откуда ты это знаешь?» — тот самый первый вопрос.

Вопрос — проявление недостаточности знания, в основе которого лежит недостаточность бытия. Вопрос — это звук, который издает Ничто, как сказал бы Хайдеггер, если бы его спросили. А может, он так уже и сказал. Нарушение порядка природы, сбой в человеческой деятельности или общении приводят к вопросу о причинах. Почему же именно мне так не повезло? В этом смысле первый вопрос обращен к себе и только потом — к другому. Однако этот первый вопрос — бессловесный, невысказанный, бесформенный, вопрос-протест, раздражающийся еще животным нутряным криком, но уже переходящим в задумчивый стон. Однако то, что может быть спрошено, должно быть спрошено ясно, как сказал бы другой философ (или уже сказал, это не важно).

«Кому выгодно?», «Кто виноват?», «Что делать?», «Быть или не быть?» — вопросы, задающие параметры индивидуальной судьбы и перспективу нации и го-

сударства. Уголовные процессы и революции, личные трагедии и трещины мира, проходящие через сердце поэта, — вот следствия этих вопросов. То обстоятельство, что на один и тот же вопрос можно дать разные и даже взаимоисключающие ответы, являет собой потрясающую поливариантность, характерную именно для человека, для его мобильного бытия и абстрактного мышления. Истина и заблуждение, доказательство и опровержение, гипотеза и факт, проблема и догма — эпистемологические полюсы человеческой проективности, бытия под вопросом.

Вопрос, пробуя на ощупь границы бытия, одновременно задает их. Вопрос как форма требовательной власти, как спрос; ответ как форма непокорной ответственности, как неизбежность. Тяжесть неизбежных вопросов с самого рождения несет на себе человек; это признак силы и слабости человека, мера субъективной

открытости миру и непостижимости этого мира. Младенец в чреве матери, свернувшийся в защищающе-осторожном вопрошании. Сгорбленный старик с клюкой в форме вопроса, словно из загадки сфинкса, разгаданной Эдипом. Что осталось позади? Что ждет впереди? «Мыслитель» Родена сидит сгорбившись, как вопросительный знак. Бытие начинается с вопроса и заканчивается им.

Мы определили литературу как конструирование архетипов мечты, чуда, легенды. Философия получила свою дефиницию как особый способ вопрошания. Он состоит в концептуализации человеческого бытия как трансцендирования путем мысли, слова, поступка. Пусть литература, творя архетипы, пробует на прочность границы бытия. Философия же проблематизирует возможность архетипа как такового. И в этом их единство — вопреки очевидности.

М. И. Клеандров¹

СУДЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Если считать аксиомой положение о том, что правовая культура есть неотъемлемая и важнейшая часть общей культуры человечества (а это так!), то столь же определенно можно сказать: важнейшей частью правовой культуры является судебная культура. В принципе понятие «судебная культура» многослойное, разнопонятийное и в немалой мере субъективное. Но нет сомнений в том, что главным реализатором этого понятия в действии является судья — непосредственный носитель судебной власти в любом государстве.

Структура современной судебной системы Российской Федерации сложна, она состоит из двух подсистем — судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также из конституционно-уставной ветви судебной власти, системы не составляющей; в ней много инстанций; регулирует ее деятельность несколько процессуальных кодифицированных законодательных актов; сложилась и совершенствуется обширная судебная практика и т. д. Но главной движущей силой в ней являются 35 тыс. судей, через которых ежегодно проходит 25 млн судебных дел.

В силу ст. 12 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» все судьи в России обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией.

И вполне естественно, что эти 35 тыс. судей, обладающих единым статусом, осуществляющих весьма сходную профессионально-правосудную деятельность

и составляющих судебский корпус страны, ощущают — остро и издавна — потребность в организации, способной выразить их многочисленные и разноплановые интересы. Не менее естественно, что и за рубежом, в государствах с самыми различными формами государственной власти и устройством судебных систем, перед судьями стоят аналогичные проблемы. И уж само собой разумеющимся представляется, что в современных условиях глобализации национально-государственные вопросы объединения непосредственных носителей судебной власти получили и международно-правовую основу.

Что представляет собой судебское сообщество в нашей стране? Является ли понятие «судейское сообщество» синонимом понятия «судейский корпус»?

Безусловно, весь судейский корпус страны состоит из судей, обладающих, помимо единого правового статуса (это юридический аспект), единой или как минимум весьма сходной профессиональной идеологией, единой правовой культурой и тому подобным (а это уже общекультурный в широком смысле аспект). Судейское же сообщество в РФ, как это определяет ст. 1 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14 марта 2002 года, образуют судьи федеральных судов всех видов и уровней, судьи судов субъектов РФ, составляющих судебную систему РФ. И это судейское сообщество для выражения интересов судей как носителей судебной власти образует органы судейского сообщества, основными из которых на сегодня являются следующие двухуровневые (федеральные и субъектов РФ) органы: Всероссийский съезд судей и конференции судей субъектов РФ; Совет судей РФ, Совет судей Верховного Суда РФ и советы судей субъектов РФ; Высшая квалификационная коллегия судей РФ и квалификационные коллегии судей субъектов РФ (далее — ККС); Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена

¹ Судья Конституционного Суда РФ, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 420 научных работ, в т. ч. монографий: «Ответственность судьи», «Статус судьи: правовой и смежные компоненты», «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее», «Судебные системы государств — участников СНГ». Член редколлегии журналов «Судья», «Предпринимательское право», «Энергетическое право» и др. Лауреат Международной премии им. Гуго Грюция. Награжден орденом Дружбы.

на должность судьи и аналогичные комиссии в субъектах РФ; а также общие собрания судей судов (перечень этот закрытый).

И названным выше законом закреплены основные задачи органов судейского сообщества, в числе которых защита прав и интересов судей, участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности и т. д. Разумеется, сам по себе судейский корпус не нацелен на решение этих задач, неорганизованные в судейское сообщество судьи их решать попросту не в состоянии.

Таким образом, можно сделать вывод: судейское сообщество отличается от судейского корпуса РФ самоорганизованность в целях решения названных задач. В таком качестве судейское сообщество в России появилось не вдруг, а постепенно, и первоначально — в инициативном порядке — в конце 1980-х годов, во всяком случае к этому времени относится появление созданных судейским сообществом — на региональном уровне — его первых органов. Нет сомнений в том, что российские судьи того периода также находились под воздействием будоражащего все слои общества лозунга: «Что не запрещено, то разрешено».

И раньше, и сейчас ни все судейское сообщество России, ни любые его органы нельзя считать ни органами судебной власти, ни звеньями судебной системы, ни структурами, обеспечивающими осуществление правосудия, и т. д.

В то же время как само судейское сообщество нашей страны, так и его звенья и органы являются институтом гражданского общества, и в этом плане у него превосходные перспективы для развития. Конституционной основой в данном случае являются прежде всего ст. 13 (ч. 4), 19 (ч. 2), 30 (ч. 1), 32 (ч. 1 и 5) Конституции РФ, провозгласившие: право каждого на объединение; равенство общественных объединений перед законом; равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от принадлежности к общественным объединениям; право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, а также участвовать в отправлении правосудия и т. д.

Но важно: ни все судейское сообщество, ни его звенья и органы к органам государственной власти, федеральным или субъектов РФ, отнести нельзя, как нельзя отнести их и к органам муниципальной власти. Хотя определенными и весьма серьезными государственно-властными функциями они сегодня законодательно наделены. А в ряде вопросов, прежде всего кадровых, в отношении судей роль органов судейского сообщества исключительна. Например, это отчетливые государственно-властные полномочия одного из важнейших видов органов судейского сообщества России — ККС; ни один государственный судья в стране, за исключением судей конституционно-уставной ветви судебной власти, никем и никак не может быть назначен на должность без официального положительного заключения ККС.

Являются ли они общественными объединениями в классическом понимании этого слова? Также нет, поскольку добровольным членство судей в судейском со-

обществе нашей страны не является: судьи в него не вступают, а автоматически включаются с принесением судейской присяги, да и выйти из него, пока они судьи (в том числе и судьи-отставники), добровольно не могут ни при каких обстоятельствах, а добровольность членства в общественной организации, как известно, краеугольный ее камень. Правда, присущая общественным объединениям выборность их руководящих органов здесь наличествует — все органы судейского сообщества, как и руководящие структуры этих органов, формируются на основе выборности, причем в основном — тайным голосованием. Нет у судейского сообщества, любой его ячейки, и ни у одного органа судейского сообщества ни устава, ни членских взносов, ни какого-либо имущества, не являются они и юридическими лицами, а все это — неотъемлемые свойства общественного объединения граждан.

Как себя позиционирует само судейское сообщество? В Постановлении II Всероссийского съезда судей от 30 июня 1993 года «О ходе судебной реформы в Российской Федерации» было сказано: «Судейское сообщество — не профсоюз, не общественная организация, реализующая свои внутренние потребности. Его роль не сводится только к защите прав и законных интересов судей, утверждению их независимости, ибо сама независимость судей есть лишь средство утверждения независимого, сильного и справедливого суда». А в Постановлении Президиума Совета судей РФ от 12 февраля 1997 года «Об отношении к установлению профессионального праздника судебных работников “Дня правосудия”» отмечалось: «Судебная власть является не профессиональной хозяйственной отраслью либо ведомством, а самостоятельной составляющей государственной власти в Российской Федерации, а судейское сообщество — не профессиональное объединение работников, а корпорация носителей государственной (судебной) власти».

Таким образом, само судейское сообщество в нашей стране считает себя корпорацией носителей судебной власти, но не общественной организацией; членство судей в нем — явочное, без свободного в него входа и из него выхода; в объеме содержательной компетенции основных органов судейского сообщества велика доля государственных функций.

А какова ситуация с судейским сообществом за рубежом? Там существуют самые разнообразные формы органов судейского сообщества. Нередко эксклюзивные функции наших ККС там принадлежат не одному органу судейского сообщества, а двум и более структурам, например в Республике Армения наряду с Советом правосудия действует Дисциплинарная комиссия; в Республике Казахстан наряду с Высшим судебным советом действует Квалификационная коллегия юстиции и дисциплинарно-квалификационные коллегии, а также Комиссия судебной этики, и т. д.

Важным отличием различных по форме зарубежных структур судейского сообщества, осуществляющих примерно те же функции, что, например, ККС в нашей стране, от российских органов судейского сообщества, прежде всего от ККС, является то, что подчас их — целиком — избирают (назначают) парламен-

ты (например, в Румынии все члены Судебного совета, состоящие там из судей и прокуроров, назначаются парламентом страны); либо в их состав входят, далеко не в единичном числе, представители законодательной и исполнительной ветвей государственной власти (например, в Италии, Литве, Польше, Франции и т. д.); или же в их состав входят и ими руководят президент государства или министр юстиции, либо председатель Верховного суда. Так, во Франции председателем Высшего совета магистратуры является президент Французской Республики на том основании, что по Конституции он — гарант независимости судебной власти, заместитель же председателя Совета юстиции там — министр юстиции.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев зарубежные структуры судейского сообщества — в нашем понимании природы их сущности — нельзя считать органами именно судейского сообщества, поскольку в них так или иначе доминируют представители законодательной или исполнительной ветвей государственной власти, а кроме того, подчас представителей судебной власти — судей — в их состав не избирают судьи, а назначают президент страны, парламент либо одна из палат парламента. И даже в случаях численного доминирования в составе такой структуры выбранных судьями судей считать наличие у «рядовых» судей «контрольного пакета голосов» при обсуждении и открытом голосовании по какому-либо вопросу вряд ли можно. Так, например, в силу ст. 187 Конституции Польши в состав Национального совета судебной системы этой страны входят: министр юстиции; первый председатель Верховного Суда; председатель Высшего административного суда; лицо, назначенное президентом страны; четыре члена, избранные Сеймом из числа депутатов; два сенатора, избираемые Сенатом, и 15 судей, избираемых из состава судей общей юрисдикции, военных и административных судов, и считать «рядовых» судей равными при обсуждении несудебных вопросов прежде всего руководителям высших судов страны, безусловно и всегда вряд ли стоит.

Нужно отметить и наличие более существенного различия между российскими и рядом зарубежных органов судейского сообщества — в нашей стране их статус Конституцией не закреплен, но во многих странах за рубежом положение дел в этом вопросе иное. Например, в Республике Болгария Высший судебный совет базируется на ст. 130 Конституции; в Италии Высший совет магистратуры — на ст. 186 Конституции; в Испании Генеральный совет судебной власти — на ч. 2 и 3 ст. 122 Конституции; в Украине Высший совет юстиции — на ст. 131 Конституции и т. д.

Но в плане рассматриваемой здесь проблемы важнейшим различием следует назвать наличие в большинстве зарубежных стран в числе органов судейского сообщества общественных объединений — ассоциаций — судей со свободным в них членством.

Что в данном аспекте провозглашает международно-правовое регулирование вопросов относительно органов судейского сообщества?

Здесь прежде всего следует назвать п. 19 Основных принципов независимости судебных органов, приня-

тых в Милане 26 августа — 6 сентября 1985 года Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, в соответствии с которым судьи обладают свободой организовывать ассоциации судей или другие организации и вступать в них для защиты своих интересов, совершенствования профессиональной подготовки и сохранения своей судебной независимости. Это положение по сути дублируется принципом IV Рекомендации № R (94)12 Комитета министров государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей, принятой Комитетом министров 13 октября 1994 года на 518-м заседании заместителей министров Комитета министров Совета Европы, где сказано: «Судьи должны иметь свободу образовывать ассоциации, которые сами по себе или вместе с каким-либо другим органом призваны защищать их независимость и интересы».

А в отношении ККС, применительно к объему их содержательной компетенции, в Европейской хартии о статусе судей (Страсбург, 8–10 июля 1998 г.) в п. 1.3 указано: «для принятия любого решения по вопросу об отборе, принятии на работу, назначении, прохождении службы или прекращении функций любого судьи статусом предусматривается участие независимой от исполнительной власти инстанции, не менее половины которой составляют судьи, избранные своими коллегами в соответствии с правилами, гарантирующими самое широкое представительство». Важно здесь подчеркнуть, что, как это указано в Пояснительном меморандуме, сама Европейская хартия о статусе судей является не самоцелью, а средством обеспечения гражданам, защита прав которых доверена судам и судьям, необходимых гарантий эффективности такой защиты. Соответственно наши ККС — в первую очередь также средство обеспечения гражданам необходимых гарантий эффективности судебной защиты их прав, осуществляемой российскими судьями.

Одновременно следует отметить, что содержащееся в п. 1.4 этой Хартии положение, согласно которому Статус предоставляет любому судье, считающему, что принадлежащие ему по статусу права или в более широком плане его независимость или независимость правосудия находятся под угрозой или каким-либо образом нарушаются, возможность обратиться в указанную независимую инстанцию, располагающую действенными средствами для исправления положения или внесения предложений по его исправлению, пока в нашей стране — из-за несовершенства соответствующих организационно-правовых механизмов — трудно реализуемо на практике.

На международном уровне, в плане международно-правовой базы организации и деятельности национальных органов судейского сообщества, большую роль играют международные объединения национальных органов судейского сообщества. Здесь прежде всего следует назвать Международную ассоциацию судей (далее — МАС), которая была создана в 1953 году в Зальцбурге (Австрия) в качестве профессиональной неполитической неправительственной организации (в ч. 1 ст. 2 Конституции МАС сказано: «Ассоциация не имеет никакого политического или профсоюзного

характера», а ч. 4 этой же статьи провозглашает: «Все члены Ассоциации должны быть аполитичными»), объединяющей национальные ассоциации судей, членом которой можно стать по решению ее Центрального совета. Главной целью МАС является обеспечение независимости суда как неотъемлемого условия функционирования судебной системы, а также гарантии прав и свобод человека.

Примечательно, что МАС, в состав которой сегодня входит 77 национальных ассоциаций судей и представительских групп судей со всего земного шара, имеет консультативный статус как при ООН, так и при Совете Европы. В МАС с недавнего времени входят органы судейского сообщества Казахстана и Украины. Органы судейского сообщества России в данное международное объединение судей, как и в какое-либо иное, не входят. Почему?

В Республике Казахстан в соответствии с положениями гл. 7 Конституции и ряда законодательных актов созданы и действуют следующие органы судейского сообщества: Высший судебный совет; Квалификационная коллегия юстиции; двухуровневые (республиканская и областные) дисциплинарно-квалификационные коллегии; Союз судей. И членом МАС стала именно последняя структура — Союз судей Республики Казахстан, учрежденный 19 декабря 1996 года первым съездом судей этой страны и действующий на основе Устава Республиканского общественного объединения «Союз судей Республики Казахстан». В силу Устава (зарегистрированного в Минюсте) Союз юристов является некоммерческой организацией в форме общественного объединения с республиканским статусом, созданной гражданами Республики Казахстан, действующей в целях реализации и защиты интересов судейского сообщества. Уставом установлено, что Союз судей осуществляет свою деятельность на принципах добровольности, равноправия его членов, демократии, самоуправления, законности, отчетности и гласности; что членство в Союзе судей является добровольным, а лицо, желающее вступить в Союз, подает заявление о приеме, и принятому члену Союза выдается членская книжка; что этот Союз является юридическим лицом, имеет расчетные счета, свою печать, самостоятельный баланс и т. д.

Но ни каким-либо законодательным актом Республики Казахстан, ни Уставом Союза судей этой страны не предусмотрено возложение на Союз исполнения каких-либо государственных функций. И даже эти два базовых, изначально обстоятельства не открыли сразу, по первому его желанию, Союзу судей Республики Казахстан двери в МАС — в 2004 году он получил экстраординарное (неполноценное, без права голоса) членство в МАС, и лишь в сентябре 2011 года в результате тайного голосования на 54-м ежегодном заседании МАС в Стамбуле Союз судей Республики Казахстан стал ординарным (обычным, то есть полноправным) членом МАС.

На этом же заседании полноправным членом МАС стала и Ассоциация судей Украины, являющаяся Всеукраинской общественной организацией. Характерно, что Ассоциация судей Украины в число органов судей-

ского самоуправления, перечисленных в Законе Украины от 31 мая 2010 года № 6450 «О судоустройстве и статусе судей», не входит; впрочем там не названы также ни Высший совет юстиции, ни Высшая квалификационная комиссия судей Украины, обладающие в этой стране серьезными государственно-властными полномочиями.

У МАС есть и региональные структуры-группы, например Европейская ассоциация судей (Консультативный совет европейских судей — КЕСС — принял важный документ — Заключение для Комитета министров Совета Европы от 19 ноября 2002 г. «О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность»), Ассоциация судей административных судов (АЕАД), устав которой был принят 24 марта 2000 года, и др. 27 декабря 1997 года руководителями судейских сообществ государств Центральной Азии была подписана Декларация об учреждении МАС этих государств, впрочем никакого практического развития эта инициатива не получила.

Почему до сих пор, учитывая ориентирование РФ, ее государственных органов, общественных, культурных, научных, спортивных, образовательных и иных организаций и прочих структур на участие в международных организациях, ни один орган судейского сообщества нашей страны не входит в международные, как общемирового масштаба, так и регионального уровня, объединения (ассоциации) судей? Вряд ли по той причине, что в специальном VI разделе, именуемом «Органы судейского сообщества», весьма важного международно-правового акта — Модельного кодекса о судоустройстве и статусе судей для государств — участников СНГ, принятого на 36-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ (Постановление № 36-12 от 16 мая 2011 г.), ничего о возможности вхождения национальных органов судейского сообщества в международные объединения не сказано.

Здесь важна необходимость терминологического размежевания между судейским сообществом и создаваемыми им для решения тех или иных задач органами. Изначально образованным, автоматически, безо всякого волеизъявления судей, без выборов их и ими и прочего, является само судейское сообщество страны; это и есть несоорганизованный судейский корпус. Но точно таким же изначально образованным, без волеизъявления судей, без выборов их и ими и прочего являются собрания судей судов всех уровней, которые Федеральный закон об органах судейского сообщества в РФ называют в числе иных, как показано выше, также органами судейского сообщества.

Поэтому общие собрания судей судов (любых, но также и не имеющих права и возможности в них участвовать, являются 7,5 тыс. мировых судей, и это отдельная проблема) следует считать не органами судейского сообщества, а его первичными ячейками, а если в масштабах страны все судейское сообщество рассматривать в качестве системы, то они будут являться ее звеньями. А уж созданные с помощью и на

основе той или иной формы самоорганизации — посредством выборов прежде всего, подчас многоступенчатых и в основном тайных — всем судебским сообществом страны либо его ячейками (звеньями) в масштабе конкретного суда структуры, для решения определенных задач, будут являться органами судебного сообщества. Которые, в свою очередь, для решения более узких, предметно-конкретных задач создают другие органы судебного сообщества, и т. д. Например, все российское судебное сообщество из своих рядов периодически, раз в четыре года, избирает делегатов на Всероссийский съезд судей (всего было создано семь таких съездов, и первый прошел 17–18 октября 1991 г., то есть задолго до законодательного закрепления таких созывов); съезд избирает Совет судей РФ; Совет избирает Президиум Совета, комиссии Совета и т. д.

При этом следует отметить, что, во-первых, судебское сообщество (его первичные ячейки) и сегодня периодически, в инициативном порядке создает нетипичные, не закрепленные в ФЗ об органах судебного сообщества органы, в числе которых, в частности, можно назвать действующую с 2008 года в Ростовской области Ассоциацию мировых судей области; действующий в Республике Хакасия Совет ветеранов — судей в отставке (Положение о котором утверждено Постановлением Совета судей Республики Хакасия № 10-П от 27 марта 2009 г.); действующий в Тюменской области, причем исключительно на общественных началах, созданный самим судебским сообществом области Центр повышения квалификации мировых судей, и др. Но все это — заведомо региональные структуры, не общероссийского уровня, которые так же заведомо: а) создаются в инициативном порядке судьями и б) не наделяются практически, даже в самом минимальном объеме, государственными функциями.

Все же общероссийские органы судебного сообщества, созданные всем, в масштабе страны, судебским сообществом либо его региональными звеньями (то есть созданные судебским сообществом, состоящим из судей, вошедших в явочном, недобровольном порядке), наделяны государством значительными государственными, в том числе нормотворческими функциями. В связи с чем в вопросе о правовой природе судебного сообщества и его органов есть еще одна проблемная грань: насколько решения, принимаемые органами судебного сообщества — каждым из них в рамках дискреции, закрепленной законом и самими корпоративными актами судебного сообщества, обязательны: а) для судей; б) для руководителей судов; в) для работников судов, являющихся государственными или муниципальными служащими; г) для граждан и их объединений, в том числе для коммерческих структур; д) для органов власти иных ветвей государственной власти и для органов муниципальной власти? По существу ответов на эти (и смежные) вопросы нет ни в законодательстве, ни в корпоративных актах самого судебного сообщества.

Одним из важнейших сегментов характеристики правовой природы судебного сообщества и его органов в нашей стране, затрагивающих обозначенную здесь проблемную грань, безусловно, является то обстоятельство, что решения всех этих органов, влеку-

щих для граждан, в том числе судей, определенные юридические последствия, могут быть обжалованы в суде. Важно здесь то, что такие решения органов судебного сообщества, а их то или иное лицо может расценить как нарушающие его права и/или свободы либо как создающие препятствия для осуществления прав и/или свобод, не являются судебными актами; значит, здесь речи нет об их пересмотре в апелляционной/кассационной инстанциях.

Как бы то ни было, столь серьезные государственно-властные полномочия и явочное (несвободное) членство препятствует нашим — всем и каждому — органам судебного сообщества именоваться независимыми, основанными на свободном членстве общественными объединениями судей. Что и препятствует им вступлению в МАС и другие подобные образования.

Есть ли у наших судей объективная потребность в наличии общественного объединения судей: а) основанного на свободном членстве в нем судей; б) в общероссийском масштабе; в) без наделения его государственными функциями?

С одной стороны, исключительно для вступления в МАС и/или другие подобные международные структуры — нет. Но, с другой стороны, наличие такой потребности у судей минимум 77 стран (число входящих в МАС членов) не может означать ее отсутствие у судей РФ, скорее наоборот, наши судьи в этом вопросе не отличаются от зарубежных. Что могло бы сделать общественное — добровольное — объединение судей России для своих членов, и чего не могут в силу тех или иных причин делать нынешние органы судебного сообщества? В первом приближении и прежде всего — исполнять роль, ранее принадлежавшую профсоюзам. В идеале профсоюз — защитник интересов работника перед работодателем; в идеале профсоюзная организация суда в сегменте судебного корпуса суда — защитник интересов судей перед руководством (перед председателями суда и его заместителями). В двухуровневые органы судебного сообщества с наличием государственных функций (советы судей, ККС и экзаменационные комиссии) председатели судов соответствующих уровней не могут быть избраны, но участие в отдельных из них заместителей председателей судов соответствующих уровней, а главное — значительная их дискреция в реализации государственных функций почти лишают органы судебного сообщества возможности быть реальными защитниками интересов судей перед руководством судов, где эти судьи работают. Правда, в отдельных случаях и при наличии благоприятных возможностей интересы (и права) судебного корпуса областного суда (здесь нет речи о защите прав отдельных интересов судей в дисциплинарном и тому подобном производстве) защищаются, но уже федеральным органом судебного сообщества, то есть не органом судебного сообщества своего уровня. Областное же отделение Всероссийской ассоциации судей (буде она создана в форме общественной организации со свободным членством исключительно из «рядовых» судей и без наделения ее хоть какими-либо государственными функциями) смогло бы решить задачу защиты и судебного корпуса суда, и «рядовых» судей в отношениях с руко-

водством суда, смогло бы выполнять и ряд иных функций, которые сегодня неисполнимы.

Нужно принять во внимание и объемы нереализованного потенциала судейского корпуса России — будучи коллективом судей, он в их лице обладает эксклюзивными колоссальными знаниями, опытом, информацией и тому подобным об имеющихся у судебной власти недостатках и способах их устранения, проблемах и путях их решения. Кто, как не судьи, знают подлинную ситуацию и с существующей судебной системой, и со сложившейся судебной и шире — правоприменительной практикой, и с процессуально-процедурными лакунами судопроизводства, и с качественным составом судейского корпуса? А ведь правосудная деятельность любого судьи — это с методологической точки зрения есть своего рода научно-исследовательская деятельность. То есть в принципе судейский корпус реально способен создать научно обоснованную концепцию повышения качества и эффективности правосудия, выработав для этого соответствующую систему стандартов, критериев, условий, индикаторов и показателей.

В сферу «защитной» и иной деятельности этой Всероссийской ассоциации судей попали бы и мировые судьи, которые ни в какой коллектив никакого суда не входят, соответственно в общих собраниях судей судов участия не принимают, что, безусловно, сегодня ограничивает — в данном вопросе — их права.

Но и сам по себе выход на международный уровень объединения наших судей — также важная задача. Россия сегодня активно участвует в правосудной деятельности ряда международных судов, ее судьи работают в составе: Международного суда ООН, Европейского суда по правам человека (Страсбург), Экономического суда СНГ (Минск), Суда ЕврАзЭС (Минск). На такой же уровень (то есть как на общемировой уровень — в существующую МАС, так и на региональный международный уровень, в том числе и путем образования качественно новых структур, например Ассоциации объединений судей государств — участников СНГ), должно выйти и активно функционировать и Всероссийское общественное объединение (либо ассоциация) судей.

Г. Б. Клейнер¹

ЭКОНОМИКА. КУЛЬТУРА. СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Современный глобальный мир характеризуется структурной и функциональной нестабильностью. Резко меняется социально-экономическое состояние отдельных стран, а также их положение в структуре мировых связей. Сами эти связи внезапно разрываются или перестраиваются, меняя «дорожную карту» мирового развития.

В поисках стабилизирующих механизмов внимание обычно концентрируется вокруг укрепления экономических и культурных связей. Однако история последних двух десятков лет показывает, что как собственно экономические, так и собственно культурные связи более не служат предпосылками и факторами устойчивости. Долговые кризисы как внутри стран, так и в международных отношениях поставили под сомнение целесообразность финансовых заимствований. Тор-

говля энергоносителями не только не укрепила международный порядок, но и привела к резкому ухудшению взаимоотношений между странами-экспортерами и странами-импортерами газа и нефти. Выражение «газовые войны», так же как и «нефтяной шантаж», гораздо лучше характеризуют отношения экспортеров и импортеров углеводородов, чем «взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергообеспечения».

Не всегда служит стабилизации и культурный обмен. В. М. Полтерович приводит немало примеров неудачного межстранового импорта институтов — важнейшей части страновой культуры [6]. Проблемы институциональной трансплантации нередко вызывают ухудшение отношений между странами, пытающимися осуществить такую трансплантацию. Часто она связана с возрастанием уровня зависимости страны-импортера от страны-экспортера, что в конечном счете приводит к нарушению нормальных контактов.

Представляется, что в этих условиях одним из стабилизирующих международных отношения факторов может стать процесс, который можно назвать «экспортом справедливости». Речь при этом идет не об экспорте протестов против несправедливости, который хорошо известен в истории как экспорт революции (контрреволюции), а именно об экспорте справедливости как общественного блага. В мире накоплен огромный потенциал протеста против осознаваемой людьми несправедливости. Разные страны в разной степени обладают таким потенциалом. Его размер зависит и от институциональной системы данной страны, и от чувствительности населения к несправедливости, осуществляемой в отношении них или других людей. Наряду с этим, условно говоря, негативным потенциалом во многих странах накоплен и опыт обеспечения спра-

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Научный руководитель Института инновационного управления экономикой Государственного университета управления и факультета экономики и управления университета «Дубна».

Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

ведливого решения возникающих на разных уровнях проблем, который способствует гармонизации общества. Экспорт таких прецедентов (в соответствующей культурной оболочке) мог бы стать, в отличие от экспорта энергоносителей и институтов, реальным фактором стабилизации международных и межцивилизационных отношений.

Большинство стран испытывают в настоящее время дефицит справедливости. У людей возникает своеобразная «тоска по справедливости». Естественно, что она выше в бедных странах по сравнению с развитыми, однако и в развитых странах она имеет место. Может быть, именно этим объясняется рост суицидальных проявлений в наиболее благополучных странах мира. При этом процесс глобализации, многократно увеличивающий интенсивность межстрановых потоков в сфере финансов, товаров, информации, культуры, парадоксальным образом приводит не к росту, а к падению уровня справедливости в мире.

Понятие справедливости является весьма сложным, многоаспектным и существенно зависит как от культурного, так и от экономического контекста [8]. В связи с этим для анализа взаимосвязи трех категорий, вынесенных в заголовок статьи, необходимо рассмотреть их в некоторой обобщающей картине мира. Такую картину мира дает *системная парадигма*, выдвинутая Я. Корнаи [3; 9]. В данной статье, подготовленной при финансовой поддержке РФФИ (проект 11-06-00099а), мы в системном ключе анализируем взаимосвязи экономики и культуры, вводим понятие системной справедливости, обобщающее понятия локальной и социальной справедливости, и показываем, что справедливость служит краеугольным камнем в здании гармонизированной социокультурной и социально-экономической структуры общества.

Экономика и культура в структуре системной парадигмы

В 1998 году Я. Корнаи предложил системную парадигму в качестве основы современного научного социального анализа [9]. Системная парадигма рассматривалась Я. Корнаи как дополнение к таким парадигмам, как классическая и неоклассическая экономические парадигмы, а также институциональная и эволюционная парадигмы [3]. Потребность в новой парадигме была вызвана как внутренними проблемами экономической теории и экономической политики, так и существенными изменениями в структуре мировой экономики как хозяйства. Трансформационный кризис конца 1980-х — начала 1990-х годов, кризис фондового рынка и корпоративного управления конца 1990-х — начала 2000-х и уже просматривавшийся наиболее прозорливыми экономистами грядущий глобальный экономический кризис конца первого десятилетия XXI века однозначно выявили значимость системных факторов, выходящих за пределы ортодоксальной экономической теории. Стало ясно, что влияние смежных областей — политики, социологии, технологии, этики, психологии и тому подобных [см.: 4] оказывает существенное влияние на состояние и тенденции экономики. Потребовался парадигмальный сдвиг в основаниях экономиче-

ской теории. С одной стороны, возникла задача эффективного включения собственно экономической науки в систему смежных дисциплин и развития междисциплинарного социального анализа, с другой — распространение методов системного анализа вглубь самой экономической науки необходимо для более полного выявления связей и зависимостей между различными социально-экономическими процессами, чем это имело место в традиционных парадигмах. Такой подход, инициированный в работах Я. Корнаи, получил развитие в рамках обобщенной системной парадигмы, основанной на новой теории экономических систем [1].

При таком подходе основными самостоятельными и влиятельными акторами в социальной сфере являются не физические или юридические лица, а системы — относительно устойчивые в физическом времени и физическом пространстве социально-экономические образования/явления, обладающие внешней целостностью и внутренним многообразием. В состав систем, таким образом, могут входить (полностью или частично) не только физические или юридические лица, но и политические организации и институты, механизмы воспроизводства социальных явлений, культурные образцы и установки, социальные взаимодействия и т. д. В таком понимании системы приобретают многомерность, «выпуклость» и теряют «плоскостность» качества, которыми наделяются акторы в неоклассической и институционально-эволюционной парадигмах.

Системная парадигма открывает путь для междисциплинарных подходов, изучения взаимного влияния экономики, культуры (в узком смысле) и нравственных установок и оценок.

В контексте системной парадигмы как мультидисциплинарной платформы в качестве первичной встает задача определения характера и конфигурации границ экономики как подсистемы в социально-экономическом пространстве, а также задача выделения экономических систем в общей совокупности социально-экономических систем. В рамках неоклассического подхода предмет экономической науки вслед за Л. Роббинсом [10] определяется как процесс распределения ограниченных ресурсов между альтернативными целями, связанными с удовлетворением потребности людей. В системном контексте это определение должно быть модифицировано. Во-первых, в современном обществе существует ряд благ, которые не признаются ограниченными, но распределяются также в соответствии с экономическими законами (информация, знания и др.). Во-вторых, не всегда распределительные отношения могут считаться экономическими. Это имеет место лишь тогда, когда это распределение основано на признании общественной ценности распределяемых благ. В противном случае речь идет о сугубо локальных взаимодействиях, не имеющих экономической окраски. В-третьих, к числу экономических систем могут быть отнесены процессы не только распределения, но и производства, обмена и потребления.

В целом можно сказать, что экономическими являются процессы производства, распределения, потребления и обмена благ, в которых участники осознают общественную ценность этих благ. Под экономикой

в рамках системной парадигмы понимается соответствующим подсистема, осуществляющая экономические процессы.

Теперь мы можем заключить, что граница между экономикой и неэкономикой пролегает в сфере учета/неучета общественной ценности производимых, распределяемых, обмениваемых и потребляемых благ. Если решения, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением благ, принимаются без такого учета (независимо от того, есть общепринятая мера ценности или она отсутствует), то такие решения не относятся к экономическим.

Это означает, что граница между экономикой и неэкономикой чрезвычайно узка, извилиста и подвижна. Между экономикой и смежными областями нет непроницаемой разграничивающей Берлинской стены. Скорее, речь следует вести о *сплетении* или даже органическом сращивании экономики с политикой, психологией, социальной и предметной технологией и т. п. По своей морфологии экономика как деятельность представляет собой не столько *объект* с четко очерченными границами, сколько не имеющую априорных границ *среду*.

Основная функция этой среды состоит, на наш взгляд, в интеграции и гармонизации различных сторон и элементов хозяйства, в объединении природной, социальной и духовной сфер жизни общества. Эта функция реализуется прежде всего благодаря таким мощным интегрирующим экономическим институтам, как институты денег, цен и оценочной деятельности. С помощью этих институтов экономика предоставляет потенциальные возможности *соотносить и сравнивать* различные виды благ. Определенную уравнительную роль играет экономика и по отношению к участникам экономической деятельности. Однако без справедливости в этой сфере экономика не в состоянии справиться с интеграционной функцией.

Культура — в рамках системной парадигмы — также представляет собой подсистему, включающую духовные ценности, представления, ритуалы, установки, знаки и символы в сфере человеческой деятельности, сложившиеся в данном социуме в ходе исторического развития. Культура тоже представляет собой среду, в которой протекает деятельность человека, в том числе и участника экономической деятельности. Культура оказывает влияние на экономику прежде всего в процессе принятия решений, воздействуя и на объем воспринимаемой информации, и на осознание границ выбора, и на результаты принятия решений.

Типовой участник экономической деятельности, рассматриваемый с позиций неоклассической платформы, *homo economicus*, принимает решения, направленные главным образом на максимизацию своей полезности. Остальные факторы и условия рассматриваются им как ограничения выбора.

С позиций системной парадигмы типовой участник экономической деятельности, *homo systemus*, не делит факторы и условия на ограничивающие и критериальные. Системный подход диктует необходимость в разной степени учитывать все внешние и внутренние условия, рассматривая их как компоненты единой *си-*

стемы. Учет культурной составляющей снимает часть неопределенности, но не вносит окончательной ясности в ситуацию принятия экономических решений. Ответ на вопрос о том, в какой степени целесообразно учитывать эти массивы, следует искать, опираясь на понятие о справедливости.

Справедливость, социальная справедливость, системная справедливость

Справедливость в общем случае трактуется как *понятие о должном*, иными словами, как представление о том, что должно последовать из сложившейся на данный момент ситуации. По сути дела, речь идет о связности, или единстве мира, во всяком случае во временном измерении. Это предполагает преемственность и непрерывность развития. У справедливости есть и пространственный аспект: например, если один индивид демонстрирует более высокие способности и трудолюбие, чем другой, то при равных начальных условиях первый должен быть успешнее второго. Здесь справедливость опирается уже на предположение о пространственном единстве социального мира. Соответственно несправедливость — это остро ощущаемая на индивидуальном уровне необоснованность решений.

В моей работе [2] была предложена концепция гармоничности/дисгармоничности социально-экономического пространства в зависимости от изменения характеристик при переходе от одной точки пространства к другой и от одного периода к другому. Согласно этой концепции в гармоничном обществе скорость изменения характеристик социально-экономического пространства при переходе от одной точки к другой должна быть заключена в некоторых границах. Если эта скорость невелика, мы получаем «уровнировку». Если слишком велика — анархию. Подобным образом анализируя изменение социально-экономических характеристик при движении от одного периода к следующему, чтобы избежать дисгармонии, мы должны отказаться и от слишком низких скоростей («застой»), и от слишком высоких («эпоха перемен»). Таким образом, обеспечение верховенства принципов справедливости создает условия для гармонизации общества. Вне области, задаваемой в пространственно-временном континууме условиями гармоничности («экономика справедливости»), мы получим либо экономику застоя, либо экономику неравенства. Именно последний тип экономики и доминирует сейчас в России.

Понятия «справедливость» и «гармония» не совсем тождественны. Справедливость является необходимым условием гармонизации общества. Критерий справедливости в принятии социально-экономических решений должен быть поставлен выше критерия полезности.

В проблемном поле, посвященном понятию справедливости, выделяются два типа справедливости: просто справедливость, имеющая локальную сферу действия и относящаяся к относительно узкой сфере принятия решений в рамках локальной (по времени и пространству) ситуации, и социальная справедливость, сферой возможного действия которой является все социально-экономическое пространство данной стра-

ны. Мы предлагаем ввести промежуточное понятие: системная справедливость, которая относится к принятию решений в данной социально-экономической системе и учитывает информацию, относящуюся к этой системе.

В зависимости от того, к какому типу относится система, мы получаем некоторые дополнительные требования, которые должны удовлетворять «справедливые» решения. Известно, что фундаментальная типология экономических систем основана на выделении четырех базовых типов систем:

1) системы проектного типа, локализованные во времени и пространстве;

2) системы объектного типа, локализованные в пространстве, но не имеющие определенных временных границ;

3) системы процессного типа, локализованные во времени и не имеющие точных пространственных границ;

4) системы средового типа, не имеющие точной локализации ни в пространстве, ни во времени.

Принятие решений в соответствии с принципами системной справедливости, устанавливаемыми в рамках проектных систем, должны учитывать ограниченную длительность и пространственную локализацию проектных систем. Это означает, в частности, что компенсация несправедливых решений не может быть реализована вне пространственно-временных границ системы. Это предъявляет серьезные требования к решениям, последствия которых имеют длительную и широкую сферу воздействия.

Наоборот, для решений, принимаемых в средовых системах, практически всегда есть возможность корректировки решений и компенсации их негативных последствий.

Обеспечение справедливости в объектных системах требует четкого учета по отношению к участникам деятельности объектной системы и дает более широкие возможности в части учета и компенсации негативных последствий во времени. Соответственно для процесс-

ных систем должны быть соблюдены ограничения по времени и менее строго — по пространству [см.: 8; 7].

В современных российских условиях принципы справедливости находятся в полном забвении; принципы социальной справедливости также сведены к минимуму; принципы системной справедливости редко выполняются как для мелкомасштабных систем типа малого предприятия, так и для крупных систем типа ОАО «Газпром». Между тем экономика, культура, справедливость образуют в определенном смысле полную систему, отражая потребность в материальных благах, насыщенной духовной жизни и душевном равновесии. Многоуровневое воровство, коррупция, nepotизм и другие подобные особенности сегодняшней России не только подрывают экономику и культуру, но и зачеркивают справедливость как норму общественной жизни.

Литература

1. Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Вестник РАН. 2011. Сент.
2. Клейнер Г. Б. Стратегия гармонизации экономики России / Г. Б. Клейнер // Экономические стратегии. 2008. № 5–6.
3. Корнай Я. Системная парадигма / Я. Корнай // Вопросы экономики. 2002. № 4.
4. Найт Ф. Этика конкуренции / Ф. Найт; пер. с англ. под ред. Г. Б. Клейнера. М.: Эком, 2008.
5. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / рук. междисциплинарного проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинарного проекта Б. Н. Кузык. М.: Ин-т экон. стратегий, 2010.
6. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
7. Ролз Дж. Справедливость как честность / Дж. Ролз // Логос. 2006. № 1.
8. Сен А. Развитие как свобода / А. Сен. М.: Новое издательство, 2004.
9. Kornai J. The System Paradigm / J. Kornai; William Davidson Institute // Working Papers Ser. 278 / William Davidson Institute at the University of Michigan. 1998.
10. Robbins L. The Subject Matter of Economics / L. Robbins // Robbins L. An Essay of the Nature and Significance of Economic Science. L.: Macmillan, 1935.

А. Б. Куделин¹

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В XIX ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Тема литературных взаимосвязей издавна отмечена повышенным вниманием мировой компаративистики,

¹ Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор около 200 научных исследований, в т. ч. монографий «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина XIII — XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи».

Председатель редакционного совета журнала «Восточная коллекция», редакционных коллекций книжных серий «Литературные памятники» и «Памятники письменности Востока» РАН. Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

то есть специалистов по сравнительному изучению литературы. Отдавая приоритет в своих научных поисках решения поставленных проблем, конкретных вопросов то вектору Восток–Запад, то вектору Запад–Восток, ученые не сразу осознали, что в оппозиции Восток–Запад важны оба вектора. И что только при равном исследовательском интересе к обоим векторам, то есть при интерпретации связей как взаимосвязей и взаимодействия Востока и Запада, можно получить адекватные представления о мировом литературном процессе в ту или иную эпоху. Напомню в связи с этим слова академика Николая Иосифовича Конрада, сказанные более полувека назад, в 1959 году. Отметив тот факт, что литературоведы стран Востока превосходно понимают

значение проникновения в их страны в XVII–XIX веках литератур Запады, он настаивал: «Связи были обоюдными, а в работах западных литературоведов этот факт не учтен в надлежащей мере при анализе процесса развития литературы в указанные века. “Западно-восточный диван” Гёте известен и изучен, но оценен ли в достаточной мере сам факт обращения немецкого поэта к Востоку не только в очень серьезный момент его собственной творческой биографии, но и в крайне важный момент всей истории новой европейской литературы — момент перехода от литературы эпохи Просвещения к литературе капиталистической эпохи?»¹

Отсылка в этом высказывании Конрада к Иоганну Вольфгангу фон Гёте (1749–1832) весьма знаменательна, потому что именно великий немецкий поэт в начале XIX века, как никто прежде, стремился на примере своего творчества показать значимость литературного наследия Востока для Запады. В мае 1815 года он писал одному из своих корреспондентов: «Я давно уже занимался в тиши *восточной литературой* (курсив мой. — А. К.) и, чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое, так, чтобы нравы и способы мыслить проникли друг в друга»². Почему я об этом говорю? Дело в том, что в нашем сознании достаточно часто всплывают слова Редьярда Киплинга, а именно: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Гётевские слова прямо противоречат тому, что говорил Киплинг. И мне думается, что нам ближе все-таки позиция Гёте...

Итак, в 1815 году Гёте говорил о том, что хотел бы многое сочинить в духе Востока. Рецензент «Западно-восточного дивана», первое издание которого вышло в свет в 1819 году, знаменитый Людвиг Козегартен — очень хороший востоковед, уточняет: «“Диван” содержит в первой своей части, по преимуществу относящейся к мусульманскому Востоку, западно-восточные поэтические создания, т. е. отчасти излагающие восточный материал в западных формах, отчасти же западный материал в формах восточной поэзии»³.

Обращение Гёте к Востоку не было неожиданным, поскольку основания для этого были заложены и в практическом, и в теоретическом философском плане задолго до времени жизни поэта. Известный российский исследователь, специалист по немецкой литературе Сергей Васильевич Тураев говорил: «Идеи Гёте падали на подготовленную почву: процесс их формирования начался еще в XVIII веке и в какой-то мере наметился даже раньше, в конце XVII века»⁴. И здесь

¹ Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения (1959) // Конрад Н. И. Запад и Восток : ст. 2-е изд., испр. и доп. М., 1972. С. 301–302.

² Цит. по: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма // Гёте И. В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 713.

³ Козегартен И. Г. Л. Рецензия «Западно-восточного дивана» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 502. (Рецензия опубликована в 1819 г.)

⁴ Тураев С. В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. М., 1989. С. 5.

прежде всего следует напомнить о выдающейся роли Иоганна Гердера (1744–1803), в трудах которого дается философское осмысление непреходящей идейно-эстетической ценности культуры Востока, разрабатываются концептуальные основы понятия «мировая литература», в частности, положение о литературной автономии и равенстве, самостоятельности развития литератур при их взаимодействии друг с другом. Сказанное, впрочем, нисколько не умаляет заслуг современника и последователя идей Гердера — Гёте, приложившего немало стараний для освоения пропаганды наследия Востока в западноевропейской литературной практике и сформулировавшего позднее само понятие «мировая литература»⁵.

В 1827 году, опираясь на опыт работы над «Западно-восточным диваном», Гёте дает толкование условиям, которые, по его мнению, необходимы для возникновения данного понятия. Цитирую Гёте: «То, что я именую всемирной литературой, возникает по преимуществу тогда, когда отличительные признаки одной нации будут выравнены через посредство ознакомления с другими народами и суждения о них»⁶.

В работах многочисленных исследователей определены этапы становления гётевской концепции мировой литературы, ее основные положения и непростая судьба в истории мировой культуры⁷. Понятие «мировая литература» впервые встречается в разговоре Гёте с И. П. Эккерманом, его секретарем, 31 января 1827 года. Есть даже специальный труд И. П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». А четыремья днями ранее Гёте писал в Берлин советнику Штепфусу: «Я убежден, что формируется мировая литература, и что все нации тяготеют к этому и поэтому предпримут дружеские акции». В подборке высказываний Гёте 20 раз встречается понятие «мировая литература»⁸. Однако труд Эккермана был опубликован через четыре года после смерти Гёте, поэтому потребовалось значительное время, чтобы его концепция мировой литературы стала достоянием мирового литературоведения.

Я хотел бы уточнить, что понимается в настоящее время под термином «мировая литература». Например, словацкий специалист Д. Дюришин видит три значения этого термина. Первое — совокупность истории отдельных национальных литератур, второе — избранное всего самого значительного, что создано в недрах национальных литератур, и третье — общность взаимосвязанных или аналогичных для всех литератур творений⁹. Последнее — гётевское понимание.

Известно, что интерес к Востоку, восточной литературе, прежде всего арабской и персидской, появил-

⁵ Подробнее см.: Брагинский И. С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 572–573; Тураев С. В. Указ. соч. С. 51–53.

⁶ Цит. по: Михайлов А. В. Указ. соч. С. 668. Подробнее об этом см.: Тураев С. В. Указ. соч. С. 4.

⁷ Укажем лишь некоторые работы отечественных ученых: Кессель Л. М. Гёте и «Западно-восточный диван». М., 1973; Брагинский И. С. Указ. соч.; Михайлов А. В. Гёте и поэзия Востока // Восток–Запад. М., 1985. Сб. II; Он же. «Западно-восточный диван» Гёте...; Тураев С. В. Указ. соч. В них же можно найти библиографические отсылки к трудам зарубежных ученых.

⁸ Тураев С. В. Указ. соч. С. 4.

⁹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 83.

ся у Гёте задолго до выхода в свет «Дивана» и подогревался общей филоориенталистической атмосферой того времени, то есть атмосферой любви к Востоку. Увлечение Гёте Востоком было столь велико, что распространялось даже на арабскую каллиграфию. В «восточных бумагах Гёте» содержится характерная запись, относящаяся к 1817 году. Цитирую: «Поскольку же искусство письма столь значимо на Востоке, то едва ли кто сочтет странным, что, не особенно занимаясь языками, я весьма прилежал каллиграфии, в шутку и всерьез воспроизводя со всем тщанием восточные манускрипты из числа доступных мне»¹.

Вообще же арабское искусство письма, к которому Гёте относился со всей серьезностью, во многом отразилось в «Западно-восточном диване». Так, еще 23 января 1815 года Гёте писал Фридриху Кристофу Шлоссеру об арабской культуре: «Наверное, ни в одном языке дух, слово и письмо не складываются столь изначально в единое тело»². Данное представление немецкий поэт попытался реализовать во время первого издания «Дивана» в 1819 году.

Впрочем, здесь следует сказать, что к филоориентализму Гёте в значительной мере склоняли авторитетные предшественники. В связи с этим среди многих имен одним из первых необходимо назвать востоковеда Йозефа фон Хаммера (1774–1856). Его 6-томный фундаментальный труд «Сокровищницы Востока» (Вена, 1809–1818), полный перевод «Дивана» Хафиза (1813), «История изящных риторических искусств Персии» (1818) и прочие труды по истории литературы Востока в тот период оказали большое влияние на автора «Западно-восточного дивана»³.

Так, известно, эпиграф Й. Хаммера к «Сокровищницам», заимствованный из Корана, определил очень многое в произведении Гёте, после чего стал его лейтмотивом, ибо оказался совершенно созвучен умонастроению немецкого поэта в тот период. На обложку труда Й. Хаммера прямо вынесена цитата из Корана: “Sag: Gottes ist der Orient, und Gottes ist der Occident; Er leitet, wen er will, den wahren Pfad” (в переводе с немецкого: «Скажи: “Богов — Восток, и Богов — Запад; кого хочет, он ведет правую стезю”»⁴).

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. Из восточных бумаг Гёте. С. 450. Известно, что некоторые восточные рукописи Гёте выписывал из Веймарской библиотеки (Там же. Примечания. С. 851). Стихи (айаты) Корана, переписанные Гёте, и другие его опыты в арабской графике приводятся в различных изданиях «Дивана».

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 649. Позднее данная идея Гёте получила развитие в мировой науке (подробнее см.: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 650; Куделин А. Б. Средневековая арабская графическая культура: от образных фигур к рисуночному письму // Арабская литература: Поэтика. Стилистика. Типология. Взаимосвязи. М., 2003).

³ Статью и заметки Гёте о Хаммере, а также содержательный комментарий А. В. Михайлова см.: Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 321–324; Там же. Из восточных бумаг Гёте. С. 462–464; Там же. Примечания. С. 804–805, 851 и др. А. В. Михайлов, в частности, замечает, что «История изящных риторических искусств Персии» дала «решающий импульс к завершению» «Западно-восточного дивана» (Там же. С. 851).

⁴ Перевод А. В. Михайлова (Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 727); ср. с современным переводом с араб. (Коран: 2: 142): «Скажи: “Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!”» (Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986). Важные замечания в этой связи см.: Брагинский И. С. Указ. соч. С. 581, 584.

Воздействие Й. Хаммера сказалось и на внешнем оформлении сочинения Гёте. Упомянутый выше труд австрийского ученого, помимо немецкого названия “Fundgruben des Orients” («Сокровищницы Востока») на титульном листе, имел на отдельном листе и пышный арабский титул, составленный в духе классической восточной традиции, с использованием рифмованной, ритмизованной прозы:

«Махзан ал-кунўз ал-машрикиййа
ва-ма’дин ар-румўз ал-аджнабиййа»⁵.

(«Хранилище восточных сокровищ и кладезь чужеземных символов».)

Гёте последовал этому примеру и также дал своему сочинению два титула — немецкий “West-oestlicher (по изданию 1819 г., позднее — östlicher) Divan” («Западно-восточный диван») и арабский:

«Ад-Диван аш-шаркий
ли-л-му’аллиф ал-гарбиййа»⁶.

(«Восточный диван // западного сочинителя».)

Итак, у «Западно-восточного дивана» Гёте в издании 1819 года было два титула, причем, с его точки зрения, равноценные, и два начала. Вы знаете, что арабская книга открывается не так, как европейская: письмо по-арабски идет справа налево, а не слева направо, поэтому есть и другой титул, которым книга открывается как бы «с конца».

Итак, у труда Гёте был арабский титул: «Восточный диван западного сочинителя». Не трудно заметить, что ни в первом, ни во втором случае арабский титул не тождествен немецкому. То есть ни у Хаммера, ни у Гёте нет тождества в двух названиях. Причем Хаммер прекрасно знал арабский и персидский, и он сознательно выбирал такой титул, Гёте знал арабский несколько хуже, но он, тем не менее, консультировался с востоковедами. Вы знаете, что когда происходит адаптация иностранных произведений, то названия могут изменяться. От наблюдения, что титулы не совпадают, как от исходной точки, хочется двинуться дальше и задаться вопросом: «Каковы были вообще возможные пределы и качественные характеристики взаимного перевода, точнее говоря, взаимодействия литературных традиций Запада и Востока во времена Гёте?»

Здесь необходимо рассмотреть выдвинутое в свое время Иосифом Самойловичем Брагинским положение, согласно которому «публикация в 1819 году “Западно-восточного дивана” Гёте свидетельствовала о формировании в Новое время интереснейшего в мировой культуре явления западно-восточного литературного синтеза»⁷. В рамках такого понимания и в самом строгом смысле слова «синтез» Гёте, согласно ученому, выступает в «Западно-восточном диване» «уже не сторонним наблюдателем, а творческим продолжа-

⁵ Наша разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Й. Хаммера. Жирным шрифтом выделены рифмовые клаузулы в арабском названии, составляющие один из двух конститутивных элементов (наряду с изометричностью строк текста) поэтики рифмованной, ритмизованной прозы (садж’а).

⁶ И в данном случае разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Гёте. Жирным шрифтом также выделены рифмовые клаузулы.

⁷ Брагинский И. С. Указ. соч. С. 572. Впервые мнение было высказано ранее, до русского издания «Дивана».

телем высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики»¹. С этим мнением во многом солидарен превосходный знаток творчества Гёте и один из издателей русского перевода «Дивана» (совместно с И. С. Брагинским) Александр Викторович Михайлов: «Очень правильно говорить о “синтезе” западного и восточного начал в гётевском “Диване” (И. С. Брагинский), о неповторимом соположении немецкой и персидской поэзии и взаимопроникновении, слиянии их принципов»².

Высказанное И. С. Брагинским положение возвращает нас к необходимости изучения взаимосвязей, взаимодействия литератур Запада и Востока, при равноценном внимании к обоим векторам: Восток–Запад, Запад–Восток.

Посмотрим, насколько положение о западно-восточном литературном синтезе в указанном выше толковании соответствует имеющимся в нашем распоряжении фактам.

Благодаря трудам востоковедов его времени, в сфере внимания Гёте в «Западно-восточном диване» оказались арабские авторы (в алфавитном порядке): Амр ибн Кулсум (VI в.), Антара (вторая половина VI в.), ал-Аша (ум. ок. 629), Джамил (ум. ок. 701), Зухайр ибн Аби Сулма (VI в.), Имруулкайс (VI в.), Лабид (ум. в 661 г.), Лукман³, Маджнун (Кайс ибн ал-Мулаввах) (VII в.), ал-Мутанабби (915–965), Таабата Шарран (VI–VII вв.)⁴, Тарафа (VI в.), ал-Харис ибн Хиллиза (VI в.), Хатим ат-Таи (вторая половина VI в.), а также «семь основных», по характеристике И. Г. Л. Козегартена, фарсиязычных поэтов⁵: Фирдоуси (ок. 940 — ок. 1020), Анвари (ум. ок. 1190 г.), Низами (ок. 1140–1209), Руми (1207–1273), Сади (Саади) (ок. 1213–1219 — 1292), Хафиз (ок. 1317–1326 — ок. 1389–1390), Джами (1414–1492), к которым необходимо добавить также Унсури (ум. в 1039 г.) и Хакани (ок. 1106–1199).

Из данного списка явствует, что от самого раннего из перечисленных авторов создателя «Западно-восточного дивана» отделяли более 1200 лет, а самого позднего — добрых 300 лет. То есть Гёте, создавая подражание восточной поэзии, опирается на лучших представителей арабской и персидской поэзии классического периода. И другие европейские писатели, поэты той эпохи любви к Востоку также обращались к восточным авторам, отстоявшим от них на не менее солидную временную дистанцию. Востоковед В. Фрей-

¹ Брагинский И. С. Указ. соч. С. 574.

² Михайлов А. В. Гёте и поэзия Востока. С. 85. Эта мысль с разными оттенками неоднократно повторяется в данной работе (С. 116, 118 и др.). В содержательной статье в русском издании «Дивана» А. В. Михайлов предпочитает, однако, говорить несколько иначе: «Гётевский “Восток” — это “эксперимент”», «аналитическими приемами достигнутый творческий синтез» (Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 613).

³ Легендарный древний мудрец, который упоминается в Коране. Лукману приписываются изречения, поговорки и басни (подробнее см.: Мудрость Хикара и басни Лукмана / предисл. И. Ю. Крачковского. СПб., 1920. С. 5–13; Пиотровский М. Б. Лукман // Ислам: энцикл. словарь. М., 1991. С. 147–148).

⁴ В начале XIX века в Европе уже было известно, что самое известное его произведение, о котором говорится в «Диване», приписывали и другому автору — поэту и знатоку (*рави*) древней поэзии Халафу ал-Ахмару (ум. ок. 796) (Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 511).

⁵ Там же. С. 514.

таг (1788–1861) перевел на латинский язык знаменитую поэму (касыду) Таабата Шаррана, поэт Ф. Рюккерт (1788–1866) издал в переводе на немецкий макамы («плутовские» новеллы) ал-Харири (1054–1122). А. Ламартин (1790–1869) в своем «Путешествии на Восток» (1835) с восторгом отзывается о средневековом народном романе «Жизнеописание Антара» (доисламского поэта). И позднее И. Тэн (1828–1893) в «Философии искусства» (1865–1869) восхищается этим же героем⁶. И подобные примеры можно было бы продолжать достаточно долго.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в то же время европейцы-прагматики, не причастные к сфере художественного творчества, напротив, испытывали неподдельный интерес к современному им Востоку и его представителям. Интерес этот был настолько велик, что нам не покажутся преувеличением слова француза Клот-бея, личного врача Мухаммеда Али — человека, возглавившего Египет в начале XIX века, после экспедиции Бонапарта: «Никогда сочинение о Египте не могло быть так своевременно, как теперь, когда и нынешнее состояние Египта, и его будущее составляют предмет ежедневных разговоров и обращают на себя внимание целой Европы»⁷.

Итак, можно констатировать, что европейские писатели вплоть до середины XIX века, когда искали вдохновение на Востоке, обращались прежде всего исключительно к литературным шедеврам восточного Средневековья. Широкое распространение ориентальных мотивов в их художественном творчестве было обязательно главным образом формировавшемуся в тот период в европейских странах романтизму. «Деловая» Европа в тот же период испытывала практический интерес к Востоку, стимулировавшийся во многом нуждами колониализма, колониальной экспансии, и поэтому желала быть непосредственным свидетелем и участником наиболее значительных событий Нового и Новейшего времени.

Но вернемся к идее западно-восточного литературного синтеза и зададимся вопросами: «Адекватно ли понимались европейцами в начале XIX века классические литературные произведения Востока? Возможно ли было в ту пору верное изложение европейскими авторами “восточного материала в западных формах”?» Я, естественно, не собираюсь здесь кого-то разоблачать и говорить, что Гёте не понимал Востока, не в этом дело. Всем понятно, что Гёте — это гений мировой литературы, чьи произведения есть вклад в мировую сокровищницу. Речь сейчас о другом: насколько Гёте понимал Восток, думая, что он понимает его? Причем здесь нет ничего обидного для Гёте, и нет желания как-то принизить немецкого автора. Напомним, что Гёте сам думал, что сочиняет «в духе Востока» с намерением «соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее <...> чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга». То есть практически осуществлял «выравнивание отличительных признаков одной нации <...> через посредство ознакомления их с другими

⁶ Подробнее см.: Крымский А. Е. История новой арабской литературы (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 51, 59, 60–61.

⁷ Клот-бей А. Египет в прежнем и нынешнем состоянии : в 2 ч. СПб., 1842. Ч. 1. С. IV.

народами» и тем самым способствовал созданию условий для формирования «мировой литературы»¹.

Конечно же, отношение к Востоку у Гёте во многом обуславливалось уровнем востоковедных штудий его времени². Гёте, хотя и изучал арабский, но, естественно, не мог читать очень сложные произведения средневековой арабской и тем более персидской литературы в оригинале. Поэтому он опирался на труды своих современников-востоковедов. Надо сказать, что и немецкая, и английская востоковедные школы в то время, так же как и русская, были одними из лучших в мире, и у них были замечательные достижения. К примеру, 6-томный труд Хаммера, о котором я говорил, явился как раз достижением западноевропейского востоковедения и открыл европейцам глаза на восточную литературу. Работа Гёте опиралась на востоковедные штудии, соответственно его уровень представлений о Востоке определялся во многом ими³. Это были историко-культурные штудии, собственно филологические, литературоведческие и литературные. Из них Гёте черпал фактический материал для исторической части «Западно-восточного дивана». Там есть как бы исторические экскурсы в культуру, историю, литературу народов Востока — не только арабов, персов, но и китайцев, и древних евреев и прочих, переводы, биографические сведения и т. д.

Как и в случае с историко-культурными исследованиями, автор «Дивана» обязан востоковедам своего времени не только значительными достоинствами, но и определенной исторически обусловленной ограниченностью своего сочинения. О достоинствах произведения хорошо известно. Главный же из признаков ограниченности очевиден: стадийные типологические расхождения и даже несовместимость средневековой литературы Востока и европейской литературы

¹ С. С. Аверинцев дал, как нам представляется, хороший импульс для продолжения поисков в этом направлении. Вслед за немецким поэтом исследователь определил два полюса, в сфере воздействия силовых линий которых находится концептуальная основа гётевского понимания «мировой литературы»: при высшем возможном для его эпохи уровне чуткости к разнообразию цивилизаций немецкий поэт одновременно сохраняет непосредственное ощущение нерелятивизируемого единства человечества (подробнее см.: *Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин // Аверинцев С. С. Собр. соч. Связь времен. Киев, 2005. С. 271, 275 и др. Первая публикация — 1999*).

² Подробнее о востоковедных исследованиях, с которыми был знаком Гёте, см.: *Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 766–767*.

³ Гёте в частных деталях истории и культуры Востока не всегда был на уровне современного ему востоковедения, что вызывало критические отзывы специалистов (см.: *Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 642–645*). Иногда, впрочем, в ряде важных вопросов он оказывался дезориентирован, быть может, именно профессиональными востоковедами. Не отсюда ли, например, ведет свое происхождение известная непоследовательность Гёте в интерпретации роли Мухаммеда. В «Диване» можно найти и достаточно взвешенную позицию по отношению к мусульманскому пророку (*Гёте И. В. Западно-восточный диван. Магомет. С. 163–168*), и плохо сочетаемые с ней слова о Магомете, который «набросил <...> мрачные покровы религии на жизнь арабов и сумел скрыть от них всякую перспективу более чистого развития» (*Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 143–144*). Попутно заметим в связи с этим, что и современные востоковедные штудии не всегда дают безошибочные оценки и сведения: некоторые из них стали источником ряда фактических неточностей, досадных недочетов и противоречий в комментариях к русскому изданию «Дивана» (1989).

начала XIX века, не осознававшиеся провозвестниками европейского романтизма. Действительно, когда Гёте пишет в «духе Востока» и опирается на восточные произведения, отделенные от него дистанцией в 1 тыс. и более лет, то, сами понимаете, здесь может быть неполное понимание этих произведений. Арабские, персидские образцы, к которым апеллировал Гёте, создавались в лоне иного типа художественного сознания, подчинялись иным поэтологическим требованиям⁴, следовали иным философским системам и, как следствие, зачастую имели иную смысловую интерпретацию, чем та, которую им предлагал, опираясь на современные ему востоковедные труды, автор «Дивана». Сказанное, конечно же, никоим образом не принижает значение гётевских шедевров из «Западно-восточного дивана», а только заставляет лишний раз подумать о том, что их «восточность» имеет вполне определенную «европейскость». Это европейские произведения, в отношении которых во многих случаях было бы вернее говорить не о синтезе литературных традиций Востока и Запада, а об ориентальных элементах, играющих по большей части роль восточного флера.

Приведу несколько примеров. В «Западно-восточном диване» у Гёте очень много говорится о любви у арабов и персов. Естественно, он опирается на средневековые произведения и соответственно пытается воспроизвести их «дух» на европейской почве. Средневековые арабские и персидские произведения, на которые он опирается, основываются на так называемом кодексе узритской, возвышенной любви, и есть круг авторов, писавших в рамках этого кодекса в арабской и персидской поэзии. Самый кодекс и даже упоминание арабского племени бану узра не встречается у Гёте, хотя узриты как таковые были известны в его эпоху⁵. У Гёте из перечисленных выше арабских авторов к поэтам-узритам принадлежат Маджнун и Джамил, которые в сочинении немецкого поэта рассматриваются наряду с другими парами восточных влюбленных, являющими собой «образцы безграничной любви»⁶: Рустам — Рудоба, Юсуф — Зулейха, Ферхад — Ширин, Меджнун (Маджнун) — Лейла (Лайла), Джемил (Джамил) — Ботейна (Бусайна), Соломон —

⁴ Трудов на данную тему опубликовано великое множество. Считаю возможным ограничиться отсылкой читателя к неустаревшим и по сей день книгам: *Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974; Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994*.

⁵ Козегартен говорит о них как о племени, заслужившем «среди арабов, преимущественно перед всеми, имени сынов любви» (*Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 506*). Позднее узриты стали широко известны в Европе благодаря относительно позднему стихотворению Гейне «Der Asra» (1846), не выходящему, впрочем, за пределы более ранних европейских представлений. Произведение завершается такими строками:

Und der Sklave sprach: Ich heiße
Mohamet, ich bin aus Yemmen,
Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.
И ответил раб: «Зовусь я
Мохаммед. Моя отчина —
Йемен. Я из рода Азров —
Тех, кто гибнет, если любит».

Перевод В. Левика

⁶ *Гёте И. В. Западно-восточный диван. Из восточных бумаж Гёте. С. 448*.

царица Савская¹. В средневековой арабской традиции Маджнун, Джамил и два других поэта, не упоминаемые Гёте, Кайс ибн Зарих (ок. 626–689) с возлюбленной Лубной и Кусайири (ок. 660–723) с возлюбленной Аззой составляют ядро узритской газели, основой которой является воспевание возвышенной, целомудренной любви.

Теоретическое обоснование узритской любви принадлежит теологу Ибн Дауду ал-Исфахани (ок. 868–910), создавшему в «Книге цветка» «первую поэтическую систему платонической любви». Ибн Фарадж ал-Джаййани (ум. в 976 г.) написал в подражание «Книге цветка» свой труд «Книга садов». Особую известность получило сочинение знаменитого арабского ученого и литератора Ибн Хазма (994–1064) «Ожерелье голубки», содержащее подробное изложение представлений об узритской любви².

Произведения узритской лирики рисуют образ влюбленного, неукоснительно следующего в своем поведении кодексу возвышенной любви. Этот кодекс, согласно Ибн Хазму, гласит: любовь — это обессиливающий, но желанный недуг, любовь — это радость и страдание, любовь — это рабство, любовь — это жизнь. Поэтому влюбленный должен быть рабски покорным своей возлюбленной, беззаветно преданным обету любви даже в том случае, если возлюбленная нарушила его, довольствоваться даже самыми незначительными знаками внимания со стороны возлюбленной, сохранять тайну любви, пренебрегать наветами клеветников и завистников, старающихся опорочить его возлюбленную, проявлять стойкость и долготерпение в естественных бедах, выпадающих на долю в разлуке с любимой³.

У фарсиязычных поэтов узритский кодекс любви сравнительно рано переосмысливается в свете положений суфийской доктрины и приобретает новые по сравнению с узритами обертоны, что существенно усложняет интерпретацию их произведений. Знакомство с «Диваном» показывает, что Гёте, как и его современники востоковеды, в начале XIX века еще не имели достаточно определенных представлений о кодексе узритской любви, суфийской доктрине и их отражении в произведениях арабских и персидских поэтов.

В связи с этим рассмотрим пример из «Дивана» Гёте — стихотворение “Geheimstes” («Самое сокровенное»), включенное в «Эшк-наме» («Книгу любви») (Usch [1819; позднее исправлено: Uschk] Nameh. Buch der Liebe). Оно завершается четверостишием:

Darum war’s der höchste Jammer
Als einst *Medschnun* sterbend wollte
Daß vor Leila seinen Namen

¹ Подробнее см.: *Козегартен И. Г. Л.* Указ. соч. С. 505–507. Написание восточных имен в европейских трудах со времени Гёте сильно изменилось. Имя возлюбленной Маджнуна (Меджнуна) разнится в зависимости от принадлежности к арабской (Лайла/Лейла) или фарсиязычной (Лайли/Лейли) традиции.

² Теория платонической любви у арабов и ее распространение в мире ислама рассматривается в работах западноевропейских исследователей (подробнее см.: *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XII в.). М., 1973. С. 80–83 и др.). Произведение Ибн Хазма переведено на русский: *Ибн Хазм. Ожерелье голубки* / пер. с араб. М. А. Салье; под ред. И. Ю. Крачковского; предисл. Е. Э. Бертельса. М., 1957.

³ *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия. С. 81–82.

Man forthin nicht nennen sollte.
Был предсмертный крик Меджнуна
Криком боли нестерпимой:
«Вы мое забудьте имя
Пред Лейли, моей любимой».

Перевод В. В. Левика⁴.

Я не буду повторять исследователей, которые это гениальное произведение Гёте расшифровали, выяснили, кто и что имеется там в виду, — это особая специальная проблема, которой занимаются биографы⁵. Обращу внимание лишь на одну деталь в приведенном четверостишии, выявляющую, тем не менее, существенные расхождения в понимании восточной любви немецким поэтом и таким образцовым для Гёте фарсиязычным поэтом, как Низами. Гёте знал поэзию Низами, называл его среди лучших фарсиязычных поэтов, но произведения Низами тогда еще не были переведены, и Гёте, конечно, не знал того отрывка, который я вам сейчас прочту. Приведу для сопоставления отрывок из поэмы Низами, в которой Маджнун совершает прямо противоположное тому, что следовало бы делать, согласно логике европейского Маджнуна и «Западно-восточного дивана».

Я даю построчный и поэтому очень точный перевод:

Однажды из тех степей, прибежища напастей,
Он пришел в края, где жила подруга.
Увидел сотворенное каламом верности —
«Лайли Маджнун» написано вместе.
Он вонзил ноготь и поскреб тот листок,
Оставил себя и стер подругу.
Очевидцы спросили: «Что это значит,
Что из двух начертаний [лишь] одно к месту?»
Он сказал: «Пусть лучше исчезнет одна надпись,
Ведь для нас двоих довольно и одной надписи.
Если всмотреться во влюбленного,
Из него проступит возлюбленная».
Спросили: «Почему внутри
Скрыта она, а виден ты?»
Он сказал: «Для меня негоже,
Чтобы потерявший сердце был орехом,
а она — скорлупой,
Лучше, чтобы я был завесой для подруги,
Или был скорлупой ореха»⁶.

Напоминаю, у Гёте было: «вы мое забудьте имя, пред Лейли, моей любимой». А, согласно Низами, он оставил свое имя и стер имя подруги. Если бы Гёте прочитал такую вещь, как бы он поступил?

Маджнун у Низами совершает действия, объяснимые в рамках суфийской интерпретации кодекса узрит-

⁴ *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. С. 36.

⁵ Содержательный комментарий А. В. Михайлова к стихотворению см.: *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. Примечания. С. 737–739.

⁶ *Низами. Лайли и Маджнун* / введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М., 2008. С. 412. «Сотворенное каламом верности» — вероятно, имеется в виду листок со стихами Маджнуна о Лайли или просто с именами, записанными кем-то из «верных влюбленных», последователей Маджнуна на пути любви (прим. пер.). Метафору: скорлупа (внешнее, незначимое) и ядро ореха (внутреннее, содержательное) Низами использует в поэме по меньшей мере еще один раз (Там же. С. 515).

ской любви. Очевидно, что Гёте не был известен этот эпизод из поэмы Низами, и реконструкция немецкого поэта основывается на европейском представлении о восточной любви. Трудно представить, что фарсиязычный Маджнун, стирающий имя возлюбленной, тем самым как бы эгоистически превозносящий себя в ущерб Лейли (так скорее всего интерпретировалось бы его поведение в обыденном европейском сознании), мог бы органично войти в лирический сюжет «Самого сокровенного». Он увел бы в сторону «экзотических» философских построений и далеко от цели, поставленной Гёте.

Я сейчас вам кратко перескажу сюжет «Лейли и Маджнун», чтобы вы поняли, что дальше происходит. С детства Маджнун был влюблен в Лейли (по-арабски — Лайла). Их разлучили, не дали пожениться. Маджнун обезумел от того, что ему не разрешили соединить свою судьбу с Лейли. Он убежал в пустыню и жил среди диких зверей. Он возвращался к мысли о Лейли, только когда к нему кто-то приходил и начинал рассказывать о ней. В конце концов он погибает от любви к Лейли, и Лейли погибает от любви к нему. Это история, которой посвящены многие исследования, в том числе и мои. Итак, первый эпизод, когда он стирает имя Лейли и оставляет свое имя, — первое несовпадение. Перейдем ко второму несовпадению.

Немецкий поэт в своем письме 29 января 1815 года, объясняя ключевой момент «Самого сокровенного», только усугубляет различие между положениями кодекса, которым руководствовался Маджнун Низами, и западноевропейскими представлениями о них.

Цитирую Гёте: «На Востоке, где я сейчас по обыкновению нахожусь, за величайшее счастье почитается, если имя смиренного раба хотя бы упомянут перед лицом госпожи и она это терпит. Сколько бы раз пал на колени тот, кого упомянула бы она сама»¹. Это абсолютно вопреки кодексу узритской любви, согласно которому возлюбленные должны сохранять втайне имена своих избранников. В противном случае они немедленно лишаются возможности встречаться. Так, например, и произошло в истории Маджнуна и Лейли. Из-за сильной страсти влюбленные не могут скрывать своих чувств друг к другу, и их разлучают. Лейли насильно выдают замуж за другого, все заканчивается гибелью влюбленных.

В суфийской интерпретации (это мистическое направление в исламе) в литературе на языке фарси эта история и вовсе приобретает мистический оттенок. В поэме Джамии (которого Гёте относит к числу величайших фарсиязычных поэтов) «Лейли и Маджнун», написанной в 1484 году, привлекает внимание следующий эпизод. Я прочитаю его в изложении прекрасного ученого Евгения Эдуардовича Бертельса: «Однажды Маджнун встречает Лейли на дороге и падает без чувств. Она кладет его голову себе на колени и приводит его в сознание. Прощаясь с ним, она обещает, что на обратном пути поедет той же дорогой. Когда много времени спустя она снова попадает на место их

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 738. Здесь мы, естественно, отвлекаемся от конкретных биографических моментов, также понуждавших Гёте к подобной интерпретации восточных представлений о любви (подробнее см.: Там же).

встречи, оказывается, что Маджнун с тех пор стоит там настолько неподвижно, что птица свила себе гнездо у него на голове. Лейли заговаривает с ним, но он не узнает ее. Когда ей наконец удается растолковать ему, кто она, Маджнун гонит ее от себя, ибо любовь так его поглотила, что внешний облик возлюбленной ему более не нужен»².

Вы представляете, что было бы с Гёте и его интерпретацией этой восточной любви в «Западно-восточном диване», если бы он знал эту вещь? Это сломало бы все представление о той восточной любви, которую он изображает. Причем, я хочу сказать, что здесь мы вовсе не собираемся как-то принизить Гёте или уменьшить его значение. Едва ли имеется необходимость говорить, что суфийская трактовка, будь она известна в начале XIX века, не могла бы устроить Гёте и западного читателя в эпоху становления романтизма. Вместе с тем восточная традиция, к которой апеллирует немецкий поэт, предоставляет в наше распоряжение, в силу своей многомерности, еще одну интерпретацию истории любви Маджнуна и Лейли, и тоже совсем не романтическую. В свое время еще академик И. Ю. Крачковский обнаружил в средневековых арабских источниках примечательное противоречие между узритской историей любви Маджнуна и Лейли и народным о ней представлением.

В труде Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.) говорится, что «у Маджнуна имеется потомство в Неджде». Другие авторы приводят стих, также снижающий высокий пафос арабской легенды о безвременно погибших от несчастной любви Маджнуну и Лейли: «Выросли дети у Лайлы, и выросли дети ее сына, а привязанность к Лайле в моем сердце все такова же»³.

Так или иначе средневековая арабская и иранская традиции очевидным образом расходятся в рассмотренном примере с представлением о них у Гёте и современного ему европейского востоковедения.

Думается, что из сказанного можно сделать и более широкие обобщения. Отдавая должное Гёте и другим энтузиастам изучения, освоения культуры Востока, следует, тем не менее, быть крайне осторожным в оценке результатов их деятельности в плане адекватности передачи ими духа средневекового Востока. При том объеме и качестве знаний о Востоке, которыми располагала Европа в начале XIX века, едва ли было бы правомерно говорить о возможности полноценного синтеза литературных традиций Запада начала XIX века и средневекового Востока в творчестве великого немецкого поэта и его современников. Тем более невозможно говорить о прямом контакте европейской литературы начала XIX века с современной ей литературой Востока, поскольку среди восточных авторов, к которым апеллирует Гёте, нет ни одного, кто отстоял бы от него менее, чем на 300 лет.

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 284.

³ Ибн Кутайба. *Китаб аш-ши'р ва аш-шу'ра'* (Книга поэзии и поэтов). Бейрут, 1969. С. 476; *Ал-'Аскари*. Диван ал-ма'ани (Диван поэтических мотивов) : в 2 т. Каир, 1933. Т. 1. С. 281; *Ал-Валиби*. Диван Маджнун Лайла (Диван Маджнуна Лайлы). Каир, 1939. С. 90; Крачковский И. Ю. Ранняя история повести о Маджнуну и Лейле в арабской литературе // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М. ; Л., 1956. Т. II. С. 615. Цитаты из трудов Ибн Кутайбы и ал-Валиби приводятся в переводе И. Ю. Крачковского.

Последнее рассуждение требует рассмотрения проблемы и в другом аспекте. Зададимся вопросами: «Воспринимались ли классические средневековые произведения арабских и фарсиязычных авторов как вполне адекватно передающие восточный дух и отвечающие на актуальные вопросы времени на самом Востоке в начале XIX века? Возможно ли было в тот период создавать новые произведения, оставаясь в пределах средневековой традиции без ее переосмысления в свете новых требований?»

Обратимся теперь к вектору Восток–Запад в тот же период первой половины XIX века с преимущественным вниманием к тому региону, который представлял особый интерес для Гёте, — Ближнему Востоку.

Повышение интереса Востока к Западу и, в частности, арабских стран к Европе в первой половине XIX века справедливо объясняется в первую очередь политическими и социально-экономическими причинами. Столкновение с динамично развивавшимся Западом, например такое важное событие, как экспедиция Бонапарта в Египет в 1796–1801 годах, имело для Востока важнейшие последствия, ускорив процессы, проходившие или только намечавшиеся в недрах восточного общества, создало новые условия, в которых осуществлялись культурные и литературные контакты двух регионов.

К началу XIX века отставание в темпах развития было очевидно таким дальновидным политическим деятелям мусульманского Востока, как турецкий султан Махмуд II (1826–1839), египетский паша Мухаммед Али (1805–1849), алжирский эмир Абд ал-Кадир (1832–1847) и др. Однако это отставание еще не было, по их представлениям, труднопреодолимым. Еще существовала уверенность в возможности догнать динамически развивавшиеся западные страны с помощью внедрения передовых технологий. Отсюда — стремление перенять прежде всего технический опыт Европы и меньший интерес к ее духовной культуре, внимание к достижениям буржуазной цивилизации и только затем осознание того, что она зиждется на иных идеологических основаниях. Для многих восточных стран характерно желание отделить одно от другого: принять технизм Европы и сохранить в неприкосновенности традиционную идеологическую надстройку. Более того, идеологи Востока противопоставляли собственную традиционную идеологию «порокам» западного образа жизни. В этом им, надо сказать, невольно помогали западные романтики, осуждавшие прагматический рационализм Европы и воспевавшие восточную духовность¹. Данными обстоятельностью в известной мере объясняется непоследовательность и противоречивость «западнических» устремлений восточных идеологов и литераторов.

¹ Если быть точным, то истоки подобных западно-восточных «отношений» надо искать намного раньше. Еще Монтескье (1689–1755) в «Персидских письмах» (1721) выдвинул «фигуру идеализированного мусульманина в роли критика европейских предрассудков». У Вольтера (1694–1778) этот прием повторяется в статье карманного «Философского словаря» (1764) (подробнее см.: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 274). Позднее этот же прием (со смысловой инверсией) используют арабские авторы: иностранный путешественник будет удивляться и недоумевать по поводу тех несообразностей, которые он увидит — естественно, глазами восточных просветителей — в арабских странах.

Так, даже для наиболее развитых восточных литератур первой половины XIX века характерно сохранение в целом средневековой жанровой системы и средневековых принципов творчества². Впрочем, в этот же период в них начинают проявляться более или менее выраженные просветительские тенденции. Одним из основных стимулов восточного просветительства было осознание необходимости противостоять Европе, что нередко было связано с антиколониалистскими настроениями. Однако антифеодальная острота европейского Просвещения у восточных просветителей нередко притуплялась, а сами просветительские идеалы получали своеобразную окраску. В пропаганде этих идеалов непосредственное участие иногда принимали и традиционалисты, а позднее и религиозные реформаторы, осознавшие необходимость перемен в восточном обществе. Поэтому даже у самых последовательных просветителей на Ближнем и Среднем Востоке нельзя, как правило, найти сколько-нибудь заметных антиклерикальных идей: идеи свободы и равенства, пропаганда принципов передового общественного и политического устройства по европейскому образцу уживались с идеями мусульманского реформаторства, так же как восхищение идеями французского Просвещения — с сатирами на галломанию.

В качестве иллюстрации приведем пример самой мощной и динамичной арабской страны первой половины XIX века — Египта. Ключевая фигура в его новой истории — уже упоминавшийся Мухаммед Али. В оценке его деятельности, как правило, преобладает акцент на стремлении к обновлению страны, ее техническому переоснащению. Действительно, за время его правления была налажена внешняя торговля, построены текстильные фабрики, крупные мастерские, организовано печатное дело, сооружены ирригационные каналы и дороги, реорганизована армия, выстроены арсеналы и т. д.

Вместе с тем необходимо сказать, что трактовка Мухаммеда Али как «западника» нуждается в существенном уточнении. Проводя свои радикальные экономические и административные мероприятия, правитель Египта вовсе не собирался превращать его в страну западного типа. Встав на путь реформ раньше Турции, Мухаммед Али отказался поддержать ее правителей в проведении так называемых танзиматских (*танзимат* — преобразование. — А. К.) реформ, эпоха которых началась в Турции в правление Махмуда II (1808–1839) и была продолжена Абдул Меджидом (1839–1861). Мухаммед Али отвергал многие турецкие нововведения, видя в них лишь навязывание мусульманам христианских обычаев и порядков, вредное подражание буржуазным установлениям Европы. Насаждая интерес к европейским техническим достижениям, Мухаммед Али придерживался охранительной тенденции, когда речь заходила о европейской философии, художественной литературе и т. п.³

² Подробнее об этом см.: Тертерян И. А., Рифтин Б. Л. Введение // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 9–10.

³ Противопоставляя Египет Турции, сын Мухаммеда Али Ибрахим выступил против распоряжения турецкого султана Махмуда II о ношении европейского костюма его подчиненными: «Вместо того чтобы начинать с одежды, Порты должна была бы

Четко осознавая отставание Востока от Запада по темпам технического и научного прогресса, Мухаммед Али способствовал расширению контактов с европейцами: многие египтяне направлялись за границу для учебы и совершенствования знаний. Один из них, шейх Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801–1873), был отправлен Мухаммедом Али в 1826 году во Францию во главе одной из учебных групп. Еще во Франции, где ат-Тахтави находился до 1831 года, он начал составление записок «Описание Парижа» (опубликованы в Египте в 1834 г.)¹. Отличительной особенностью «Описания» исследователи единодушно признают стремление способствовать прогрессу Египта и других восточных стран всеми доступными методами, в том числе и посредством пропаганды идей французских просветителей (Вольтера, Руссо, Монтескье)². Это направление своей деятельности ат-Тахтави продолжил и по возвращении в Египет, когда он возглавил в 1837 году «Школу языков», занимавшуюся в числе прочего и переводами европейской исторической литературы.

Анализируя арабские переводы «Истории Карла XII» Вольтера и «Истории Петра Великого» (опубликованы соответственно в 1841 и 1850 гг.), выполненные под эгидой этой «Школы», И. Ю. Крачковский показывает, «как много труда и энергии» требовала пропаганда философских взглядов французского просветителя в первой половине XIX века³. Доминантой отношения к произведениям французских просветителей оставался прагматический интерес как к сиюминутно полезным вещам, наподобие изобретений европейского научно-технического прогресса. Переводчик «Истории Карла XII» в своем предисловии «делает основное ударение на военных сюжетах труда»⁴, зная о том, сколь велик интерес к этому аспекту европейской цивилизации среди египтян. Другой переводчик (из той же «Школы языков») «Истории Карла V» (перевод опубликован в 1842 г.) известного английского историка В. Робертсона (1721–1793) прагматическую ценность труда заявляет в его заглавии (перевод вышел в двух частях под разными названиями): «Подарок умным царям о прогрессе общественного строя в странах Европы» и «Подарок царям времени по истории императора Карла (V)»⁵. По этой же причине ат-Тахтави наряду с переводами книг по военному и горному делу и тому подобным изучает трагедии Расина, подготавливает перевод «Приключений Телемака» Фенелона (1651–1715). Обращаясь к французской духовной культуре XVII–XVIII веков, в которой он не без

постараться просветить умы» (подробнее см.: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте // Новое время. М., 1972. С. 19).

¹ Приводим краткое, принятое в науке наименование этого значительного памятника, с которым читатель может теперь ознакомиться и в полном русском переводе: *Рифаа Рафи ат-Тахтави. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже* / подгот. В. Н. Кирпиченко. М., 2009.

² Левин З. И. Указ. соч. С. 28–29.

³ Подробнее см.: *Крачковский И. Ю.* Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера // Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 3. С. 374; и др.

⁴ *Крачковский И. Ю.* Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. С. 373.

⁵ Там же. С. 372.

основания видел один из истоков прогресса Европы в конце XVIII — начале XIX века, ат-Тахтави остается равнодушен (даже не упоминает в «Описании Парижа») к Ламартину и Гюго (1802–1885), своим современникам, о которых он не мог не слышать, находясь в Париже.

С большой долей вероятности можно предположить, что Гюго, Ламартин и другие европейские романтики первой половины XIX столетия не воспринимались египетским шейхом как объекты просветительски-прагматического интереса, а в художественно-идеологическом аспекте и вовсе были чужды его сознанию. Вместе с тем ат-Тахтави ясно осознавал необходимость возобновления диалога с европейской культурой, прерванного в позднем Средневековье.

В первой половине XIX века художественная практика Запада и Востока характеризуется существенными стадийными типологическими расхождениями, особенно заметными на фоне «явственной тенденции к синхронизации литературного процесса», «распространения мировых идейно-художественных феноменов» в странах Западной Европы, России, Америки в первой половине XIX века⁶. Поэтому диалог двух больших регионов, завязавшийся в начале XIX века, когда европейские писатели искали вдохновения в художественных достижениях восточного Средневековья, в то время как восточные литераторы, находившиеся практически полностью в лоне поздней средневековой традиции, обращались к творчеству европейских просветителей, отличался своеобразием по отношению к взаимосвязям литератур Востока и Запада в Древности и Средневековье⁷. Последние происходили по классической схеме взаимовлияния литератур, которые можно было бы определить словами академика В. М. Жирмунского. Говоря о том, что «вливание не есть случайный, механический толчок извне», он подчеркивает: «Чтобы явление стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте, необходимо существование аналогичных тенденций развития, более или менее оформленных, в данном обществе, в данной литературе»⁸.

В первой половине XIX века «тенденции развития» литератур Востока и Запада нельзя охарактеризовать, как «аналогичные». В тот период в обоих векторах (Запад–Восток, Восток–Запад) вступавшие в контакт литературные явления были отделены друг от друга значительной временной дистанцией. И именно поэтому в данном случае, вероятно, вернее было бы говорить о новом виде взаимоотношений. Я ввожу для их характеристики понятие «асинхронные литературные связи». Новизна их состояла в том, что осуществлялись они не на синхронном срезе соответствующих литератур Востока и Запада, а через посредников, в роли которых выступали анахронические, стадийно-типологические «субституты» самих контактировав-

⁶ Тертерян И. А., Рифтин Б. Л. Указ. соч. С. 11–12.

⁷ Считаю возможным сослаться на не устаревшие и по сей день труды на эту тему: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада.

⁸ *Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 74.

ших литератур. Тем не менее важно подчеркнуть, что движение в первую половину XIX века шло одновременно с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Историческая заслуга Гёте и других просвещенных европейских умов состоит в том, что наследие Востока вновь становится активным компонентом мировой культуры. Благодаря же наиболее дальновидным восточным мыслителям, литературы Ближнего и Среднего Востока начинают приобретать наряду с внутрире-

гиональными и межрегиональные связи, появляются признаки постепенного преодоления их былой обособленности от магистральных направлений мирового литературного процесса, возникают предпосылки для устранения стадийно-типологических различий между ними и западными литературами в будущем. Синхронизация литературного процесса в странах Запада и Востока приобретет зримые очертания в начале XX века.

С. В. Лавров¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Трудно переоценить роль Международных Лихачевских научных чтений, проведение которых в Санкт-Петербурге стало доброй традицией в продвижении диалога культур в условиях современного глобализирующегося мира. Усилия вашего форума по распространению идей Дмитрия Сергеевича Лихачева — великого ученого и гуманиста — среди широких кругов российской и зарубежной общественности заслуживают самой высокой оценки. Обсуждаемые на пленарных заседаниях форума предложения и инициативы имеют практическую ценность, помогают повысить эффективность наших действий по выработке подходов, учитывающих настоятельную необходимость укрепления нравственного основания международных отношений.

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали важной частью международных дискуссий по стержневым проблемам развития человеческой цивилизации. При этом непреходящее значение имеет тот интеллектуальный фундамент, который в свое время заложил Д. С. Лихачев. Многие из его суждений сегодня не только сохраняют актуальность, но и приобретают новое звучание в условиях модернизации международной повестки дня.

Еще на рубеже 1980–1990-х годов Дмитрий Сергеевич — в развитие продвигавшегося им принципа нравственного прогресса человечества — говорил о важности задачи постоянного освоения старых культурных ценностей и продвижения вперед по пути создания новых. «Мы живем, — писал он, — в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставит перед нами усложняющаяся наука и техника».

С позиций сегодняшнего дня об этом же говорит избранный Президент Российской Федерации В. В. Путин в серии статей, опубликованных в январе-феврале нынешнего года. Речь идет и о серьезном системном кризисе, с которым сталкивается наша цивилизация, и о

виртуальных, а не реальных ценностях и активах, отличающих модель, основанную на жизни в долг и проедании будущего, и о морально-правовом вакууме, который образуется в международных отношениях.

Такая «переключка времен» подтверждает мудрость предвидения Д. С. Лихачевым основополагающих тенденций развития культуры.

Не вызывает сомнений, что культура играет важнейшую роль в формировании новых идей, отвечающих духу времени, является одним из драйверов глобального развития, помогает выйти на важные обобщения и выводы в процессе осмысления происходящих сегодня в мире динамичных и глубоких перемен.

Эти трансформации сопровождаются возросшей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях. Темпы международной жизни ускоряются. Мы являемся свидетелями крутого поворота в истории, по сути нового этапа мирового развития, способного привести к радикальным изменениям геополитического ландшафта, появлению его неожиданных конфигураций.

На наших глазах формируется новая, более демократическая полицентричная система международных отношений. Россия заинтересована в том, чтобы новая архитектура была справедливой и устойчивой, опиралась на сотрудничество ведущих государств и интеграционных объединений современного мира и предоставляла возможности для развития широкого международного взаимодействия на основе уважения принципов международного права, равноправия и взаимной выгоды. Разумеется, нашим интересам отвечает закрепление России в качестве одного из ведущих центров силы и влияния современного мира. Именно на это, равно как и на обеспечение благоприятных внешних условий для динамичного развития и комплексной модернизации нашей страны, направлены усилия отечественной дипломатии.

Мир сегодня становится все более взаимозависимым — на первый план выходят общие для всех вызовы и угрозы. Распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты и кризисы, международный терроризм, наркоторговля, организованная преступность, энергетическая безопасность, изменение климата, природные и техногенные катастрофы носят трансграничный характер, затрагивают интересы всех

¹ Министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1972 года работает в системе МИД СССР и России. В 1994–2004 годах — Постоянный представитель РФ при ООН и представитель РФ в Совете Безопасности ООН. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Попытка заглянуть в послевоенное будущее», «Несколько штрихов к международному портрету Москвы», «Россия и Индия. Взаимовыгодное сотрудничество и стратегическое партнерство», «Мир в поисках нового равновесия» и др. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней.

государств. Убеждены, что совместная работа в интересах укрепления глобальной безопасности и стабильности, устойчивого развития, урегулирования конфликтных ситуаций, наращивания продуктивного международного партнерства отвечает общим интересам.

Следует учитывать и то, что контуры находящейся в процессе становления полицентричной структуры современного мира все в большей степени определяют конкуренция различных «цивилизационных блоков». Наиболее наглядно это продемонстрировали произошедшие в прошлом году события в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые оказали серьезное воздействие на мировые процессы.

Внимательно следили и продолжаем пристально наблюдать за происходящими на Арабском Востоке трансформациями. С самого начала мы поддержали стремление народов региона к лучшей жизни, к демократизации политических систем своих государств, к расширению социально-экономических прав. Убеждены, что дружественные нам арабские народы могут и должны определять свою судьбу самостоятельно, с учетом своих цивилизационных традиций, без навязывания извне готовых рецептов и сценариев.

На практике, однако, эти принципы соблюдаются далеко не всегда. Вопиющий пример — действия в отношении Ливии, где мы столкнулись с грубыми нарушениями принципов Устава ООН и резолюций Совета Безопасности. Следование «ливийской модели», иными словами, оказание поддержки одной из сторон в гражданской войне ведет к подрыву региональной и международной стабильности и не отвечает задачам нынешнего этапа мирового развития. Ставка на силу вообще нереалистична — примеры Ирака и Афганистана убедительно свидетельствуют, что силовыми методами добиться решения имеющихся проблем невозможно.

В основе наших подходов к урегулированию любых конфликтов, в том числе и в арабском мире, лежит строгое соблюдение основополагающих принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН. Речь прежде всего идет об уважении суверенитета и территориальной целостности государств, недопустимости вмешательства в их внутренние дела, мирном урегулировании споров. Задача внешних игроков — содействовать политическому решению имеющихся проблем через всеобъемлющий диалог между властями и оппозицией.

Такой подход дает результаты. Например, в Йемене мы выступаем в качестве одного из государств-«свидетелей» и гарантов реализации одобренных Советом Безопасности ООН межйеменских договоренностей, позволивших урегулировать ситуацию. Их ядром стала инициатива, предложенная Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и поддержанная международным сообществом.

В том, что касается сирийского кризиса, Россия делает все возможное для того, чтобы внутренние проблемы этой, как и любой другой страны, решались самими гражданами на путях инклюзивного политического диалога, без подстрекательства извне и тем более военной интервенции. Эту позицию мы твердо отстаиваем на всех международных площадках, включая Со-

вет Безопасности ООН, она зафиксирована в известных пяти принципах, согласованных на моей встрече 10 марта 2012 года в Каире с коллегами из стран ЛАГ. Рассчитываем, что прекращению насилия и урегулированию ситуации будет способствовать миссия спецполитического уполномоченного ООН/ЛАГ К. Аннана.

Россия неизменно была на стороне независимости и свободного развития народов региона. И сейчас мы стараемся помочь им пройти непростой период глубоких перемен с минимальными потерями — ведь наша страна по своему опыту знает цену войн и революций, измеряемую миллионами невинных жертв и поломанных судеб. Да, реформы практически во всех ближневосточных государствах давно назрели, но их желательность осуществлять ненасильственным, эволюционным путем.

Наша цель — поддержание стабильности и безопасности в непосредственной близости от наших границ, поиск долгосрочных решений конфликтных ситуаций, включая затянувшийся арабо-израильский конфликт, недопущение межконфессионального взрыва на Ближнем Востоке, будь то между мусульманами и религиозными меньшинствами или внутри ислама, между суннитами и шиитами. Мы, разумеется, обеспокоены судьбой проживающих в регионе христиан, включая православные общины.

В связи с этим трудно переоценить важность продвижения процесса демократизации международных отношений, расширения и совершенствования всестороннего межкультурного, межрелигиозного, междоцивилизационного диалога.

Диалог культур — это в первую очередь общение наций и этносов, переключки истории и традиций, взаимообогащение языков и образовательных стандартов. Д. С. Лихачев в свое время отмечал: «Национальное своеобразие сближает нации, а не разъединяет их».

Мы отправляемся к другим народам, чтобы увидеть их индивидуальность, «непохожесть» и в этой «непохожести» увидеть вечную красоту». По мере продвижения процессов глобализации это становится все более очевидным. Сегодня нельзя наращивать межкультурные обмены без учета самобытности народов и конфессий, составляющих единство нашей цивилизации. Забвение этого принципа чревато негативными последствиями.

Работу по продвижению междоцивилизационного диалога выстраиваем с опорой на разделяемое большинством наших партнеров на международной арене понимание, что цивилизационное и культурное многообразие современного мира представляет собой не разъединяющий фактор, а ресурс развития. Исходим из того, что уважение к ценностям других культур и цивилизаций позволяет еще более успешно продвигать полноценный и дружественный диалог и сотрудничество со всеми государствами — разумеется, в той мере, в какой к этому готовы наши партнеры, — на основе равноправия и взаимной выгоды. А тем самым предоставляет дополнительные возможности для обеспечения подъема собственной экономики, повышения качества жизни граждан. Поэтому наш курс в международных делах будет и впредь оставаться сбалансированным, активным и созидательным.

Важным инструментом наращивания межкультурного и межцивилизационного диалога является действующий под эгидой ООН «Альянс цивилизаций». В его четвертом форуме, прошедшем в Катаре в декабре прошлого года под девизом «Поддержание развития через межкультурный диалог», приняли активное участие российская делегация и целый ряд — одиннадцать — отечественных неправительственных структур, включая Общественную палату Российской Федерации, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Присутствовали там и представители Русской православной церкви.

Российские НПО впервые выступили в роли организаторов самостоятельных мероприятий в рамках форума: Международный институт П. Сорокина–Н. Кондратьева провел круглый стол на тему «Долгосрочная стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций», а Международный фонд «За выживание и развитие человечества» — презентацию проекта «Поколение 2030», направленного на воспитание детей в духе взаимоуважения культур.

Альянс продолжает привлекать к себе интерес в качестве единственного в своем роде глобального движения, объединяющего усилия по налаживанию гармоничных межкультурных отношений — как по государственной линии, так и с участием гражданского общества. В прошлом году российские делегации приняли активное участие во встречах, проводившихся Альянсом. Среди них — Всемирный форум по межкультурному диалогу (Баку, апрель), международный семинар «Положение христианских общин в исламских государствах» (Флоренция, июнь), организованный совместно с Центром «Север–Юг» Совета Европы Лиссабонский форум по тематике «арабской весны» (ноябрь). По инициативе председателя 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. Насера и при поддержке Альянса в марте нынешнего года в формате Генеральной Ассамблеи организована дискуссия на тему «Продвижение межкультурного взаимопонимания для построения мирных и гармоничных обществ».

Следующий форум Альянса цивилизаций состоится в Вене в начале 2013 года. Период между форумами будет заполнен разного рода молодежными, женскими и культурными фестивалями, встречами, конференциями. Российские представители намерены в них деятельно участвовать.

Будем продолжать работать в Группе друзей Альянса, используя имеющиеся возможности для продвижения российских подходов к формированию современной парадигмы межцивилизационного общения, расширения международных контактов структур российского гражданского общества, содействия им в приобретении опыта работы в широком международном формате. Разумеется, исходим из того, что будет сохранен универсальный статус Альянса, а его деятельность будет осуществляться в русле гуманитарного мандата, без политизации и смещения фокуса внимания на взаимоотношения между отдельными группами стран.

Укрепление и совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества — важная часть работы на межкультурном, межцивилизационном на-

правлении внешней политики России. Здесь важны энергичный, инициативный настрой, стремление к расширению связей с зарубежными партнерами, их активное вовлечение в проводимые мероприятия. Именно в таком ключе ведут свою работу многие российские неправительственные организации.

Высоко ценим деятельность уже упоминавшегося Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», являющегося крупнейшей международной неправительственной организацией подобного рода с ведущим российским участием. В октябре прошлого года на о. Родос состоялась его 9-я сессия, посвященная морально-ценностному измерению цивилизационного развития в период глобального кризиса, в которой приняло участие около 600 человек из 72 стран. Рассматриваем форум как авторитетную площадку для обмена мнениями по актуальным проблемам современности, поиска ответов на стоящие перед человечеством вызовы, выработку общих ценностных ориентиров.

Востребованы усилия Международного института П. Сорокина–Н. Кондратьева, который на регулярной основе проводит различные мероприятия по вопросам партнерства цивилизаций и их взаимосвязи с целями устойчивого развития, а с января нынешнего года начал издавать международный журнал «Партнерство цивилизаций». Можно лишь приветствовать намерение МИСК принять активное участие в работе неправительственного сегмента Всемирного саммита по устойчивому развитию «Рио+20» в июне нынешнего года в Рио-де-Жанейро.

Рассчитываем на более весомый вклад российских неправительственных структур в обеспечение межрелигиозного согласия, осуществление проектов, призванных объединять страны и народы. В частности, заинтересованы в активизации участия представителей основных конфессий нашей страны в работе действующего в рамках ООН Трехстороннего форума по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира, а также в мероприятиях в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений. Считаем важным продолжать продвигать совместными усилиями выдвинутую нами идею образования при Генеральном директоре ЮНЕСКО Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу.

В целом, исходим из того, что роль религиозного фактора в мировой политике, в налаживании межцивилизационного диалога лишь возрастает. Миротворческий потенциал ведущих религий становится все более востребованным для предотвращения трений во взаимоотношениях между цивилизациями, преодоления различных форм экстремизма.

А его проявлений меньше не становится. Даже в относительно благополучной Европе мы все чаще наблюдаем случаи антисемитизма, расизма и ксенофобии, в результате которых гибнут люди. Огромный резонанс, который вызвало убийство 19 марта нынешнего года нескольких учеников еврейской школы и раввина во французской Тулузе, свидетельствует о том, что проблема приобретает общеевропейский характер. Это — серьезный повод задуматься, к чему ведет расшатывание нравственных ценностей, общих для всех религий.

Из этого же ряда — марши бывших эсэсовцев и неонацистов в некоторых странах-членах Евросоюза, требующие принципиальной оценки — в соответствии с решениями Нюрнбергского трибунала, которые не имеют срока давности.

В свое время Д. С. Лихачев подчеркивал: «О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному.

Эта позиция самая верная, самая благородная». Об этом неплохо бы помнить тем, кто не осознает всю опасность угроз, связанных с проявлениями радикализма, национализма, межэтнической и межконфессиональной розни где бы то ни было — в Европе, в Африке или на Ближнем Востоке. Все это — явления одного порядка, которые заслуживают самого резкого осуждения.

В современном мире не должно быть места нетерпимости и ущемлению одного из основных прав человека — права на свободу вероисповедания.

Россия будет и впредь всемерно содействовать продвижению широкого межкультурного и междивизиационного диалога. Такая линия основывается на особенностях исторического пути России, который включает в себя многовековой опыт мирного сосуществования различных культурных традиций и совместного развития большого количества народов в рамках единого полиэтнического государства. Выступая в сентябре 2011 года на Мировом политическом форуме в Ярославле, президент Д. А. Медведев подчеркнул, что Российская Федерация — пример уникального социального, культурного и политического многообразия. Наша страна готова к самому широкому взаимодействию с партнерами в интересах поиска оптимальных ответов на вызовы современности, определения наиболее эффективных путей объединения усилий в интересах создания устойчивой международной архитектуры, отвечающей требованиям XXI века.

В. А. Лекторский¹

МИРОВОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Может показаться, что таким образом обозначенная тема не содержит никакой особой проблемы. Всем хорошо известно, что в мире существует множество разных культур и вместе с тем эти культуры как-то связаны между собой, то есть составляют некое единство. Каждому ясно, что единство культур желательно, так как сегодня человечество столкнулось с такими проблемами, которые касаются всех населяющих Землю людей. Вместе с тем и их разнообразие тоже важно, так как оно лежит в основе всякого развития. Полная культурная гомогенизация была бы угрозой будущему.

Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что за кажущейся ясностью формулы «единство в многообразии» или «многообразие в единстве» лежит ряд проблем, непростых в концептуальном отношении и нелегких в смысле практического решения. Ибо и единство, и составляющие его компоненты могут иметь разный характер и по-разному мыслиться. При этом нужно иметь в виду, что в разные исторические периоды проблемы, связанные с единством че-

ловеческого мира и разнообразием культур, выступали и решались по-разному. Некоторые из них раньше вообще не существовали. Сегодня же они приобрели особую остроту.

Начну с того, что каждая культура так или иначе связана с другими. В прошлом существовали культуры, которые казались совершенно изолированными от всех остальных (сегодня вряд ли можно найти нечто подобное). Но в любом случае каждая культура соотносит себя с другими хотя бы путем противопоставления («мы» и «они»). Известный русский философ М. М. Бахтин в контексте своего диалогического понимания человека, сознания и культуры сформулировал тезис о том, что культура существует «на границе». Этот тезис иногда истолковывается как утверждение о том, что каждая культура всегда и обязательно взаимодействует с другими. Я думаю, что высказывание М. М. Бахтина нужно понимать в несколько другом смысле. Имеется в виду, что каждая культура всегда так или иначе соотносит себя с другими. Конечно, в реальной истории культуры обычно взаимодействовали с другими. Но были и такие времена, когда по крайней мере некоторые из них пытались изолировать себя от такого взаимодействия.

Мировые империи были своеобразными попытками создания культурного и социального единства и преодоления локальной обособленности отдельных культур. Это единство, правда, создавалось искусственным и насильственным образом и строилось путем подавления разных культур во имя одной — господствующей. Ни одна империя, однако, не могла достичь культурной унификации, а в рамках некоторых из них даже имело место плодотворное культурное взаимодействие (например, взаимодействие греческой и римской культур в Римской империи). Однако имперский способ созда-

¹ Заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры» и др.

Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова.

ния культурного единства оказался исторически обреченным, так как был нацелен не на культурное разнообразие, а на культурную гомогенизацию.

Сегодня проблема взаимоотношения единства мира и культурного разнообразия выступает в новом контексте. Это явление глобализации. Оно предполагает распространение рыночной экономики по всему миру, появление и развитие транснациональных корпораций, существование всемирных политических организаций. Новые информационные и коммуникационные технологии (Интернет, телевидение, мобильная телефонная связь и т. д.) играют особо важную роль в этом процессе. Глобализация не только создает новые экономические и политические связи между разными регионами мира, но также порождает своеобразную глобальную культуру, самой явной формой которой является так называемая массовая культура. Совсем недавно казалось, что новая глобальная культура должна вытеснить существующее сегодня культурное разнообразие. Теперь ясно, что этого не произошло и произойти не может. Человек, автономный в своих решениях и ответственный за свои действия, невозможен без индивидуальной самоидентификации. Но последняя не существует без идентификации групповой и культурной. Глобальной идентификации в данном случае недостаточно. Идея космополитизма может казаться привлекательной. Но она не исключает важности культурной идентификации. К тому же вовлеченность в глобальную культуру может быть различной: достаточно сравнить в этом отношении клерка транснациональной корпорации и африканского крестьянина. Несмотря на глобализацию, в качестве оппозиции к ней, а, может быть, и ее результата культурное разнообразие в мире не уменьшается, а возрастает. Появился новый термин «глокализация» (сочетание глобализации и локализации). Становится популярной идея мультикультурализма. Но в связи с этим возникает ряд проблем.

Как могут взаимодействовать друг с другом разные культуры, в основе которых лежат разные способы понимания мира и человека, разные системы ценностей и норм? Взаимоотношения культур могут пониматься и практиковаться по-разному.

Прежде всего это толерантность. Существует по крайней мере два способа ее истолкования.

1. Толерантность как безразличие к существованию разных ценностей, способов понимания мира и культурных практик, так как эти различия считаются не существенными перед лицом главных проблем, с которыми имеет дело цивилизация. В соответствии с этим пониманием толерантности истинные представления о мире и правила общественной жизни могут быть рационально обоснованы и поэтому должны быть приняты в качестве чего-то несомненного для каждого разумного человека. Но люди имеют также некоторые представления, истинность которых не может быть безоговорочно признана. Это прежде всего специфические для той или иной культуры ценности и представления о мире. Они принимаются на внерациональных основаниях и играют важную роль в самоидентификации. Что касается истинных утверждений, рационально обоснованных моральных и юридических норм, то нель-

зя быть толерантными по отношению к тем, кто их не принимает или нарушает. Но даже и в этом случае следует учитывать, что истину нельзя навязать путем физического или пропагандистского воздействия. Человек должен согласиться с истинным высказыванием или рациональной нормой поведения только в результате самостоятельных рассуждений. Поэтому нужно пресекать действия, нарушающие разумные нормы общежития и в то же время терпеть в известных пределах неразумные взгляды. Желательно создать такие условия для тех, кто разделяет неразумные взгляды, при которых они отказались бы от своих взглядов и приняли бы то, что несомненно разумно и обосновано. Согласно этому пониманию толерантности различие культурных ценностей будет постепенно уменьшаться по мере развития цивилизации — это будет результатом взаимодействия различных культур, необходимости решать общие практические проблемы.

2. Но толерантность может быть понята и иначе: как уважение к другой культуре, которую невозможно понять и с которой нельзя взаимодействовать. В соответствии с этим пониманием толерантности специфические ценности и представления о мире той или иной культуры не есть нечто несущественное для человеческой деятельности и развития общества, но определяют пути и способы этой деятельности и этого развития. Нельзя избежать плюрализма культурных ценностей и представлений о мире, так как они коренятся в человеческой природе и связаны с необходимостью самоидентификации. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют в разных мирах.

Итак, одно понимание толерантности исходит из безразличия к другим культурам, другое — из невозможности их понять. Но у этих двух пониманий есть нечто общее. Оба они предполагают сохранение существующих культурных различий и не допускают их изменения и развития.

Популярная ныне идея мультикультурализма часто отождествляется с толерантностью. Поскольку стало ясно, что так понимаемые толерантность и мультикультурализм на практике не работают, более того, могут приводить к неприятным социальным последствиям (о чем сегодня заговорили лидеры Германии и Франции), началась критика того и другого. Но ведь дело в том, что мультикультурализм может быть понят по-разному. Если разные культуры понимаются как замкнутые и не взаимодействующие друг с другом, тогда мультикультурализм совпадает с простой толерантностью и так же, как последняя, обнаруживает свою ущербность. Но если в идее мультикультурализма подчеркивается открытый характер культуры и предполагается межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение, тогда эта идея понимается не как тождественная простой толерантности, а как идея межкультурного диалога. А диалог выводит за рамки простой толерантности.

Особенность диалога в том, что в его результате разные культуры могут развиваться, то есть изменяться в определенных отношениях. Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритическое принятие чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей не обязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

В связи с этим хотелось бы сделать два разъяснения.

Первое. Культуры в целом не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками подобного диалога.

Второе. Диалог, как правило, ведется не относительно систем ценностей, принципиальных представлений о мире или религиозных догматах. Ибо все это конституирует культурную идентичность и лежит в основе идентичности индивидов, принадлежащих к разным культурам. Поэтому если культура не разрушает сама себя (а это иногда случается), ее базовые ценности не обсуждаются в этом процессе. Например, невозможно вести диалог по поводу религиозных взглядов, которые могут быть связаны с культурной самоидентичностью. Если какая-то религия допускает возможность обсуждения своих догматов с внешних ей позиций (атеистических или позиций иной религии), она теряет право на дальнейшее существование.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Есть три возможных результата межкультурного диалога.

А. Синтез разных культур или некоторых черт разных культур.

Б. Развитие (то есть изменение в некоторых отношениях) одного или обоих участников диалога.

В. Отказ одного из участников продолжать диалог, возникновение и развитие враждебности к другой культуре.

Существует важное условие участия в межкультурном диалоге. Это наличие общности между участниками в понимании существующих проблем (хотя разные участники могут видеть разные ракурсы этих проблем), а также определенных экономических и политических условий, дающих возможность всем участникам влиять на процесс и результат диалога. Таким образом,

участники диалога имеют равные права. В противном случае все разговоры о мультикультурализме выглядят как лицемерие: они могут быть способом сохранения статус-кво, которое оказывается весьма неблагоприятно для развития некоторых культур. Плодотворный межкультурный диалог возможен только в рамках универсальных политических и правовых институтов, в частности, Всемирной декларации прав человека, системы международного права и т. д. Это важные конституенты современного мирового единства.

Но в связи с этим возникают определенные проблемы.

Дело в том, что некоторые положения Всемирной декларации противоречат другим, такие противоречия могут быть между индивидуальными и коллективными правами (например, право индивида на свободное передвижение и право культуры на самосохранение и др.). Международное право до сих пор недостаточно разработано и потому в ряде случаев не может регулировать отношения между странами и культурами. К тому же есть проблема интерпретации положений Всемирной декларации и пунктов международного права. В некоторых случаях эта интерпретация осуществляется только в соответствии с интересами отдельных стран. Такие случаи подрывают роль Декларации и международного права в строительстве мирового единства и создают препятствия для межкультурного взаимодействия.

В качестве участников диалога подразумеваются разные культуры. Но эти культуры могут существовать на разных уровнях. Есть национальные культуры, но есть и культуры этнические, региональные, локальные. Некоторые социальные группы могут рассматриваться как носители собственных субкультур. Индивидуальная идентичность строится на основе принадлежности к нескольким коллективным. Каждая из культур заслуживает уважения и может быть участником диалога. Но в связи с этим нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, роль культур разного типа и разных уровней в формировании индивидуальной идентичности различна. К тому же она может меняться в разных конкретных ситуациях. Индивид может одновременно принадлежать к разным культурным идентичностям не только разных уровней, но и одного уровня (быть полиидентичным). Во-вторых (и это особенно важно) смысл диалога не в том, чтобы культивировать и консервировать различия и имеющиеся культурные идентичности, а в том, чтобы создавать условия для их взаимного изменения — в результате чего различия не исчезают, но изменяются (некоторые различия сливаются в единство, вместо некоторых старых различий появляются новые).

В межкультурном диалоге сегодня происходят важные изменения. Речь идет не только о том, что меняются культуры, участвующие в диалоге. Меняется отношение индивида к культуре. Верно, что индивид строит свою индивидуальную идентичность на основании некоторых коллективных. Но сегодня (в отличие от того, что имело место в недавнем прошлом) смена индивидом принадлежности к той или иной культурной идентичности стала гораздо проще. Общество становится все более индивидуализированным. Если раньше

культуры носили в основном национальный и этнический характер, то сегодня они гораздо разнообразнее. Возникают их новые формы.

Еще одно существенное добавление к сказанному.

Было бы неверно считать, что все ныне существующие культуры участвуют или могут участвовать в межкультурном диалоге. На самом деле некоторые из них были отброшены на обочину цивилизационного развития самим процессом глобализации, другие не могут найти своего места в этом процессе. В этих случаях нужно говорить не о межкультурном диалоге, а о развитии враждебности одной культуры к другой (другим). Поэтому факты культурного изоляционизма, фундаментализма и национализма тоже могут быть поняты как побочные продукты глобализации.

Сегодня возникает новая ситуация в межкультурных взаимоотношениях. Она связана с современным этапом мировой глобализации, который часто называют переходом к «обществу знания». Последнее характеризуется особой ролью науки и основанных на ней технологий (информационно-коммуникативных, а также биологических, нано- и когнитивных) в социальной, культурной и личной жизни. Научное знание и технологии универсальны. Их распространение в рамках глобализации не может не вести к всемирной гомогенизации. Нужно, однако, иметь в виду, что универсальные технологии используются для решения локальных задач. Информационные сети, опутавшие Земной шар, предполагают включение в них разных локальных сетевых сообществ. Поэтому из самого факта развития «общества знания» не вытекает необходимость подавления или вытеснения существующих культур с их различиями.

Однако на деле ситуация оказывается еще более сложной. Дело в том, что возникающая глобальная культура не просто надстраивается над существующими культурами, не взаимодействуя с ними. В определенных отношениях она делает вызов имеющимся сегодня культурам, в том числе культуре западной (между прочим, глобализация до недавних пор воспринималась многими как вестернизация). Речь идет о вызове существующим представлениям о человеке, его возможностях и ограничениях, свободе и достоинстве.

В связи с развитием информационных, биологических и нанотехнологий появляется возможность серьезной модификации телесных качеств человека, воздействия на его мозг и психику. С одной стороны, это открывает новые возможности. С другой, не может не влиять на культуру, так как во всех существующих культурах образ человека предполагает те его телесные и психические характеристики, которые сложились исторически.

Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но также и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, для управления человеком, для производства дезинформации в больших масштабах.

Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, в ряде отношений отличаются от тех, которые построены на основе традиционных культур. Сетевое сообщество может мгновенно возникнуть и столь же быстро распаться. Оно не привязано ни к какой территории и не опирается на устойчивую традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Включенность в подобные сообщества и привязанность к одной из существующих культур, опирающихся на исторические традиции и предполагающих пространственную локализацию, могут вступать и нередко вступают в противоречие.

Я не думаю, что глобальная культура может вытеснить традиционные культуры. Речь идет скорее о том, что существующие культуры вынуждены реагировать на вызовы «общества знаний» и адаптироваться к этим вызовам путем самоизменения. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными (так, например, некоторые традиционные способы организации работы в Китае и Японии оказались хорошо коррелирующими с современными формами сетевых предприятий). А это приведет к новому изменению взаимоотношений культур в рамках мирового целого.

А. А. Лиханов¹

ГЛОБАЛИЗМ КАК ФАКТОР РАСКОЛА

А не кажется ли вам, высокочтимые коллеги, что глобализация по сути своей сначала сокращает, снижает

значимость, а потом и вообще отказывается от диалога как ненужной, часто мешающей делу глобализации помехи?

На мой взгляд, дезавуации диалогов разного рода способствует сущность глобализации, а именно — ликвидация многомерности мира в основных его состояниях, приведение к общему знаменателю, к единообразию экономических и финансовых целей, подавление всякого своеобразия, когда речь идет об экономических ресурсах, а особенно финансовых рычагах.

Глобализация уничтожила многополярность. Истратив много сил на ликвидацию СССР, глобализация, регулярно меняющая свое обличье, не позволяет сделать вторым центром мировой цивилизации страны-

¹ Писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, академик Российской академии образования. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт» (трилогия «Семейные обстоятельства»), «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла», «Русские мальчики», «Мужская школа», «Слётки», «Преддетство», «Сострадательное наклонение» и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, а также орденами и медалями Болгарии, Грузии, Украины, Белоруссии и Армении. Лауреат премии Ленинского комсомола, премии Президента РФ в области образования, премии Правительства РФ в области культуры. Почетный доктор СПбГУП.

миллиардники. Как бы мы ни восхищались развитием Китая, он все-таки превратился в развивающийся скоростными темпами, но сопровождающий глобализацию придаток. Убери из него огромные, небывалые по массе заказы из США, Европы, да и России — и Китай сдуется, начнет падение, диктуемое не востребованностью изобилия собственных товаров. Индия же, при всем почтении к ее народу, давно и твердо стала источником обслуживающего, менеджерского ресурса не только для США, но и для всех остальных развитых стран мира.

В силовом смысле, если так можно выразиться, глобализация сформировалась едва ли не раньше, чем экономическое единогосие. Начиная с югославских событий США, пристегивая к себе сателлитов, порой просто смехотворных — к примеру, Эстонию или Украину, демонстрирует новый, неподконтрольный ООН центр силы. Добившись признания самой сильной армией мира — нельзя не увидеть, что не столь оборонные, сколь наступательные технологии стран НАТО (и США в первую очередь) всерьез укрепились, обновились и развились за годы подчинения Ирака, Афганистана и целого букета североафриканских государств, — США реализуют свою никому не подконтрольную практику, не оглядываясь по сторонам.

Для того чтобы совершенствовать военную технику, надо ее использовать. Иными словами, воевать. Техника вооруженных сил стран НАТО — в основном американская, хотя не только — исповедует нанесение максимально эффективных ударов при минимальном риске как для самой техники, так и для управляющих ею военнослужащих. Да, гибель людей случается. Но она становится все менее значительной и покрывается как существенными компенсациями семьям, так и сверхпатриотичным общественным признанием погибшего. Словом, погибнуть в экспедиционных военных действиях — это оправданный и экономически защищенный риск.

Итак, новейшие воспоминания нам дают понять: Россию давно не спрашивают (что невозможно было представить сразу после создания ООН и пока существовал Советский Союз), начать или не начать военные действия против кого угодно.

Фидель Кастро, последний реальный мудрец коммунистических воззрений, уже не первый год предупреждает мир о надвигающейся третьей мировой войне и указывает место, где она вспыхнет: Иран. Глава этого государства президент Ахмадинежад доказывает право своего государства на использование ядерной энергии в экономических целях, но ему не верят. Ситуация, напоминающая иракскую. Тень безнаказанно повешенного президента Ирака, как и тень публично убиенного Каддафи, какими бы они ни были по характеристикам ангажированного ТВ, никого не утешают, не останавливают, не предупреждают. На очереди Иран, хотя афганский очаг совсем не потушен — да и не будет потушен.

Однако Иран как будто устроен по-другому. И центр силы может явно поплатиться за свою геополитическую бесшабашность. Судя по известным текстам Фиделя Кастро, созвездие главных центров силы могут ожидать события, аналогичные 11 сентября.

Не мешало бы помнить также, что многие «силовики» (здесь под этим словом я подразумеваю страны — сателлиты США, входящие в НАТО и имеющие сильные армии), грубо говоря, давно оккупированы инородцами. Да еще и из тех краев, где эти страны хорошенько похозяйничали. Франция и Италия переполнены беженцами из Ливии — естественно, бедными, неквалифицированными, неожиданными. Германия нафарширована турками. По сообщениям СМИ, чуть ли не большая часть граждан, нелегально пересекающих американо-мексиканскую границу, давно уже не мексиканцы, а индусы.

Самые невероятные национальные анклавные укоренились в развитых странах и определяют если не всю, то значительную часть их жизни. Как поведут они себя в условиях третьей мировой войны? Не говоря уже о непредсказуемости действий нового Египта, становящегося центром воинствующего исламизма — и это рядом с Израилем.

У профессионалов-геополитиков найдется еще тысяча аргументов и вопросов к глобализации как новейшей практике мироустройства. Нет большой тайны в том, что для кого-то война выгоднее мира — но при условии, когда в войне сжигается оружие, воспроизводимое вновь и «раскручивающее» экономику, и погибают не твои дети. И еще: если война идет не на твоей территории и сам ты — в полной безопасности. К тому же после войны происходит передел контроля над дорогостоящим сырьем, которое становится дешевле.

Много раз человечество, точнее его правящая элита, в разных государствах и в разные времена подвергала свои народы и мир искушению безнаказанно победить. И ни у кого ни разу это не получилось!

Теперь о диалоге культур. Можно прямо сказать: его не существует. Ну какой диалог у ливийцев с итальянцами и французами, которым США дали возможность разгромить так или иначе, но налаженную систему ливийского государства?

Когда Каддафи был жив, он казался лично мне личностью оголтелой, несообразной, недостойной. Североафриканским сумасшедшим. Его борьба за страну, в которой, как вдруг стало известно в России, были решены едва ли не все социальные проблемы и весь народ в какой-то мере пользовался национальным нефтяным богатством, его прямая война с бандитами, уничтожавшими страну, его убийство, издевательства над ним неизвестных мерзавцев сделали его в моих глазах героем. Он умер за свою державу. Не будучи ни президентом, ни монархом. И то, что чувствую я, ощущают многие в мире.

Равнодушно взиравший на президента Египта и всю его далекую лично от меня деятельность, я с содроганием и сочувствием вижу судилище над лежащим 87-летним старцем, попрание всех его трудов и готовящая казнь.

И при этом «силовики»-натовцы хотят сказать кому-то о своей объективности?

Последние десятилетия всемирной практики ознаменованы попранием не только установленных межгосударственных ценностей. Посмотрите: деньги Ливии уже присвоены другими государствами как день-

ги Каддафи в покрытие «расходов» по военным действиям против него и его бывшей страны. Это — что? Диалог цивилизаций? Или простое воровство? Почему в стороне оказалась ООН? Это организация, призванная быть организатором переговоров на мирном уровне всех со всеми, превратилась в американского подручного. Наше veto, похоже, мало что значит. «У сильного всегда бессильный виноват», — заметил Крылов, а может быть, Лафонтен. Сегодня сильный подавляет слабого, не желая услышать мотивы его протеста.

Обычно я выступаю как защитник детства. Впрочем, вынужденный рассуждать о глобализме как единственном гвозде, на который подвешен весь мир, включая мою милую и ныне бессильную Россию, я думаю прежде всего о детстве. Новые поколения входят в мир всегда с наследством, дарованным предшественниками. Прежде всего — родителями. Какое наследство получают нынешние дети — и не только дети России?

Дети бедных стран — Индии, всей Африки, стран Латинской Америки, всего русского южного подбрюшья, да, честно говоря, и большинство детей России являются в жизнь с желанием хотя бы приспособиться в ней, хотя бы иметь кусок хлеба или тарелку супа.

Число бедных в мире нарастает, хотя нарастает и число сверхбогатых и так называемого среднего класса. Усиление экономического расслоения, размежевания расового, национального, межэтнического свойства никуда не подевалось, несмотря на все усилия по толерантному примирению. Выравнивания не получается, а это значит, что сокращаются предпосылки для взаимной помощи, для отказа богатых хотя бы от части своих богатств в пользу бедных.

Из всего этого вытекает вывод: неравенство противоречит толерантности, как и толерантность противоречит неравенству.

Российский детский фонд давно фиксирует неравное размежевание детского мира в нашей стране. У нас сегодня есть не только дети бедных и дети богатых, но существуют богатые дети и бедные дети. И это диктует их естественно неестественное поведение в школе, во дворе, на улице.

Наш мир — точно лед на зимней реке: расколосся, не срастается в единое поле, а расходится льдинами, они напозают друг на друга, одни углы напозают на другие. Сила противостоит силе, и нет примирения.

Его Королевское Высочество Майкл, принц Кентский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Прежде чем начать разговор на тему международного диалога культур, я хотел бы остановиться на некоторых характерных особенностях глобализации, оказывающих большое влияние на культурную идентичность, на изменения в культуре, а также на экономику культуры и досуга. Далее хотелось бы заострить внимание на том, каким образом культурные связи, индустрия культуры и досуга могут оказывать положительное воздействие на последствия глобальных изменений, которые мы называем «глобализацией».

Энтони Гидденс определил глобализацию как «интенсификацию общемировых общественных отношений, которая связывает удаленные друг от друга местности таким образом, что события в одном месте происходят по образцу событий, случающихся за много миль от этого места, и наоборот» (Giddens, 1990). В этом отношении глобализация — отнюдь не новое явление, так как в течение столетий первопроходцы как

национального, так и международного уровня, а также армии империй и завоеватели оказывали влияние — и хорошее, и плохое — на различные области собственной страны, а также на другие регионы мира. Однако если говорить о том, что изменилось за последние 20 лет, то это масштаб, скорость и интенсивность происходящих изменений, а также способ, с помощью которого технологии скоростных коммуникаций повлияли на данный процесс.

Каким же образом заявила о себе глобализация, если говорить о влиянии довольно отдаленных событий на то, что происходит рядом с нашим домом? Хотелось бы заострить внимание на трех основных и весьма простых параметрах: экономическом, общественном и культурном.

Начнем с самого очевидного. Кризис субстандартного ипотечного кредита на американском рынке несколько лет назад вызвал практически всеобщий коллапс фондовых бирж. Чуть ли не за одну ночь компании и биржи во всем мире потеряли миллиарды фунтов условной стоимости, которые все еще не восстановлены. Но что, возможно, еще более важно, так это установление нового экономического мирового порядка, когда проигравшие стали победителями, а победители (главным образом те, чьи финансовые системы непосредственно и всесторонне зависели от других) превратились в проигравших. А те глубокие пропасти, в которые в 2009–2010 годах провалились некоторые западные экономики, необходимо обходить стороной. И в то же время глобализация в отношении открытых рынков и свободной торговли между странами продемонстрировала способность быть фундаментом для

¹ Член британской королевской семьи, один из потомков российского императора. Ведет обширную благотворительную деятельность. Особое место в его благотворительной работе занимает Россия: в июне 2004 года был основан «Благотворительный фонд Принца Майкла Кентского» для финансирования общественно полезных проектов в областях культуры, сохранения исторического и культурного наследия, здравоохранения, образования. Попечитель Института сертифицированных финансовых менеджеров (Великобритания), Российско-Британской торговой палаты, Лондонской школы бизнеса и финансов. Почетный доктор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Создатель ряда документальных фильмов, в т. ч.: “Nicholas and Alexandra”, “A Royal Family”, “Victoria and Albert” и др.

Рыцарь-командор Королевского Викторианского ордена, рыцарь Большого креста Королевского Викторианского ордена, рыцарь Справедливости ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Великобритания), награжден орденом Дружбы (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

глобального экономического роста. (Как выразился один широко известный, хотя и неоднозначно мыслящий британский художник Грейсон Перри: «Не могу не думать о том, что экономический кризис может оказаться весьма полезным, для того хотя бы, чтобы слегка смыть систему в унитазах».)

Последствия мирового кризиса, усиленные влиянием глобализации, уже заявили о себе и проявились в таких аспектах, как:

- тенденция к смещению акцентов на национальный суверенитет в экономических отношениях;
- низкая ликвидность для корпораций и частных лиц;
- потребность в сильной национальной идентичности;
- ужесточение конкуренции в борьбе за международные рынки и ресурсы;
- понижение степени доверия между конкурирующими группами.

В социальном аспекте воздействие глобализации, как в буквальном, так и в переносном смысле, оказалось революционным. Тот факт, что общества могут взаимодействовать и имеют возможность отслеживать и принимать участие в событиях, происходящих вдали от них, способствовал произошедшим социальным и политическим изменениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это содействовало также тому, что голос демократии был услышан в такие сжатые сроки, которые немислимы были бы еще несколько лет назад. Использование Facebook и Twitter, а также других социальных сетей в сочетании с быстрым внедрением новинок в области мобильной телефонии, — все это вместе дало возможность людям всего мира социально взаимодействовать мгновенно, напрямую и визуально. Здесь, как говорят знатоки социальных сетей, никуда не спрячешься. Сейчас любой путешественник, используя мобильный телефон, может устроить видеоконференцию карманного формата и пообщаться с семьей. Кроме того, наряду с журналистами, он может в режиме реального времени посылать репортажи в новостные каналы. Например, один рядовой гражданин недавно рассказал о том, как узнал о движении «Белая лента»: «Я обнаружил информацию о движении “Белая лента” в Твиттере, однако я бы о ней узнал в любом случае, поскольку у меня много друзей “ВКонтакте” (самая большая социальная сеть в России)».

Влияние этих изменений на культуру столь же велико. Язык все еще остается главным средством общения, однако сегодня недостаточно разговаривать только на своем родном языке. Например, в Западной Европе, а также и во многих других регионах, английский является общепринятым языком межнационального общения, хотя знания одного этого языка уже недостаточно для сегодняшнего поколения. Необходимо знать по крайней мере еще один язык — например, китайский, — чтобы получить рабочее место на международном рынке труда (где работодатели становятся все более разборчивыми и интернационально-ориентированными в своей политике найма рабочей силы). Как недавно заметил Дэвид Грэддол в своей книге о всемирном английском “English Next” (2006):

«Анализ международных поездок указывает на то, что три четверти их происходит между не англоговорящими странами. Это предполагает повышение спроса либо на изучение иностранных языков, либо на расширение использования английского языка в качестве языка межнационального общения».

Доступ к культурному наследию — и к историческому, и к современному — стал моментальным и всеобъемлющим. Мы можем совершить виртуальное путешествие по Британскому музею в Лондоне или по музею Гуггенхайма в Бильбао, даже если находимся в другой части света; можем любоваться в онлайн-режиме национальной коллекцией Британского совета, в которой представлено 8500 произведений британского искусства; можем смотреть в местном кинотеатре трансляцию оперного спектакля из нью-йоркского «Метрополитен-опера». Виртуальная реальность превращается во вторую реальность. Грань между настоящей и виртуальной реальностью становится все тоньше, а различия все быстрее стираются. Культурная информация, культурные артефакты и культурные события стали доступны независимо от времени и места их возникновения. Однако точно так же, как экономическая глобализация испытала осязаемую потребность в большей экономической суверенности, культурная глобализация ощутила необходимость в усилении культурной идентичности.

Итак, учитывая все эти новшества, какая же роль выпадает на долю культурных связей и индустрии культуры и досуга?

В первую очередь, что касается культурных связей. Одним из неизбежных последствий глобализации стало растущее недоверие между различными группами мирового сообщества и, следовательно, возникла потенциальная угроза нестабильности и раскола. Несмотря на то что культурные связи не могут решить все проблемы, связанные с глобализацией, они играют очень важную роль во взаимодействии и взаимопонимании разных культур. В качестве иллюстрации: Британский совет — организация, с 1934 года работающая в сфере культурных связей, — накопил сотни примеров, которые демонстрируют преимущества культурных и образовательных программ и программ по обмену. Однако недавно была предпринята попытка подойти к этому вопросу со строго научной точки зрения: было проведено систематизированное исследование, в котором приняли участие 1500 молодых людей из Китая, Индии, Польши и Саудовской Аравии. Цель исследования: более объективно подтвердить то, что участие этих людей в программах по культурным связям с Германией, Францией, Великобританией и США так или иначе повлияло на степень их доверия к жителям и правительству этих стран. При помощи тщательно разработанной методики исчисления удалось показать, что результаты исследования подтверждают наличие систематической корреляции между участниками программ по культурным связям и возросшим уровнем их доверия к жителям и правительствам иностранных государств. Это стало весомым доказательством целесообразности того, что Джозеф Най назвал «мягкой силой» как наиболее утонченной формой ди-

пломатии (в отличие от «жесткой силы») или тактики принуждения, столь часто ассоциируемой с традиционной внешней политикой). Недавно он отметил в журнале «Foreign Policy» (апрель 2011 г.): «Лидер в эпоху глобальной информации — не король горы, отдающий приказы, устанавливающие распределение обязанностей в соответствии с иерархической лестницей. Это, скорее, человек, который находится в центре круга или сети: он привлекает и убеждает других присоединиться и помочь».

Конечно, понятие доверия само по себе неоднозначно — оно включает элементы уважения, обязательств и постоянства взаимоотношений на протяжении длительного времени; однако вывод, который Британский совет огласил после проведенного исследования, очевиден: культурные связи выстраивают доверие.

Еще более интересно и в какой-то степени предсказуемо то, что посещение чужой страны сильно связано с ростом доверия и что здесь наблюдалась корреляция с числом посещений. Результаты исследования однозначно показали наличие положительной связи между степенью приобретенного доверия по отношению к странам, принимавшим участие в исследовании, и желанием дальнейшего взаимодействия с этими странами: это убедительный довод в поддержку культурных связей. Такое доверие к жителям и правительству, а также последующее взаимодействие с ними является ключом к преодолению препятствий, встающих на пути позитивной глобализации.

Теперь обратимся к экономике культуры и досуга, что особенно близко Санкт-Петербургу. Это один из самых мощных инструментов для преодоления некоторых наиболее вредных последствий глобализации. Почему? Потому что, во-первых, это двигатель социальной интеграции (например, выступления оркестра «Западно-Восточный диван» под управлением Даниэля Баренбойма в Палестине, а также исполнение концерта для виолончели Дворжака Мстиславом Ростроповичем с Государственным симфоническим оркестром СССР в Лондоне в 1968 г.). Музей Гугенхайма был открыт в стране басков не случайно; возрождение Новой Голландии в Санкт-Петербурге — программа, которая тоже принята не просто так. Новая Голландия, которая первоначально, в 1721 году, использовалась в качестве первого российского военного порта (а позже как сушильня для лесоматериалов), теперь преобразуется в многофункциональную зону с художественными галереями, площадками для представлений и развлекательных мероприятий, коммерческими участками, жилыми помещениями и торговыми точками, что демонстрирует силу культуры как двигателя социального и экономического возрождения. Таким образом, история повторяется, поскольку Санкт-Петербург и при Петре Великом уже был глобализованным городом, куда стекались архитектурные таланты и профессионалы со всего мира. Город этот, как сказал в 1739 году Франческо Алгаротти, был «огромным окном, недавно открывшимся на севере, через которое Россия смотрит на Европу».

И вновь мы наблюдаем, как глобализация способствует тому, что лучшие профессионалы на всемирном

рынке (проект «Новая Голландия» был выставлен на международный тендер) имеют возможность внести положительный вклад в этот важный локальный социкультурный и экономический проект.

Во-вторых, экономика культуры и досуга открывает диалог и доступ к культурным ценностям, преодолевая физические границы: фильмы, книги, видео- и аудиозаписи, — все это дает пищу уму и порождает дискуссии. Например, экономика культуры и досуга использует коммерчески недорогой доступ в Интернет со всеми его преимуществами, когда загрузка книг (через Kindle, Tablets), музыки и фильмов легко осуществима, что делает культуру доступной для любого человека, имеющего выход в Интернет, в любом месте и в любое время. При такой свободе выбора и при таких технологиях качество литературы — художественной и специальной — остается таким же, но сама литература делается более доступной всему миру. И с течением времени эта открытость приведет к еще более расширенному межкультурному взаимодействию и, надеюсь, к большей толерантности и уважению к ценностям других культур.

И в-третьих, экономика культуры и досуга — ключ к экономическому развитию и процветанию на местном уровне. Как подсчитано, на долю индустрии культуры и досуга в Великобритании приходится более 8 % от национального дохода (сравните с 10 % у всемирно распространенной сферы финансовых услуг), здесь задействовано 5 % всей рабочей силы. В начале 2000-х годов экономика культуры и досуга в Великобритании росла с поразительной скоростью — 8 % в год, что сделало ее самым крупным креативным сектором в Евросоюзе и, если говорить о ВВП, вероятно, самым большим в мире. В контексте глобализации интересно порассуждать о том, почему Великобритания оказалась особенно удачливой в данной области, при этом не увлекаясь восхвалением творческих достижений страны (хотя очень хочется!). Я сосредоточу внимание на тесной связи между свободой выражения, культурным творчеством и экономическим успехом. Как и Великобритания, другие общества становятся все более образованными и обеспеченными; новые технологии повсеместно делаются доступнее.

Так почему же Великобритания лидирует в этой сфере? Частично это объясняется высоким спросом на новую культурную продукцию; и конечно, распространение английского языка во всем мире дает нашим учреждениям культуры и досуга большое преимущество. Творчество и новаторство рождаются из желания экспериментировать с «новым», а не прирастать к «старому». То есть учреждения культуры и досуга в Великобритании процветают в силу того, что толерантность и открытость новым идеям и культурам порождают новые мысли, а также в надлежащих условиях создают новые товары и процессы. В незнакомом границ виртуальном мире, при наличии соответствующей поддержки и желания, такое может происходить повсеместно. В данном контексте глобализация должна рассматриваться как позитивный процесс.

Почему в мире, где многое доступно на расстоянии, где почти каждый артефакт в любом му-

зее можно виртуально осмотреть, индустрии культуры процветают так, как никогда ранее? Почему, скажем, в 2010 году 5,8 млн человек посетили Британский музей в Лондоне, 5,1 млн — Галерею Тейт и 2,5 млн — Эрмитаж? И почему число посетителей этих культурных учреждений возрастает на 20 %

ежегодно? Подозреваю, что ответ кроется в главной теме нашей дискуссии — в глобализации: ведь чем сильнее глобализация навязывает ощущение экономической, социальной и культурной однородности, тем больше людей желают отличать себя и свои культуры от иных.

В. А. Макаров¹

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ КУЛЬТУР ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ ПРОБЛЕМУ

Проблема разумной степени разнообразия культур все интенсивнее обсуждается на разных уровнях. Всем понятно, что одна, единая для всех культура в мире — это существенное обеднение духовной жизни людей. Когда культур слишком много — это тоже плохо. Не может же быть у каждого собственная культура, отличная от других.

Стало быть, возникает вопрос, вполне естественный для склонных к математическому мышлению людей: каково оптимальное (разумное, рациональное) количество культур, которое предпочтительно иметь в современном мире? Но этот вопрос сразу порождает множество уточняющих вопросов. Какие признаки должны выделять особую культуру? Как быть с иерархией культур, понятием подкультуры? Насколько достоверны имеющиеся в специальной литературе данные по подсчету количества культур? Наконец, что понимать под степенью разнообразия культур и, соответственно, как это разнообразие измерять?

Последний вопрос принципиален, ибо, когда говорят об оптимальности, то всегда подразумевается критерий, измеряющий ее. Скажем, классическая задача Дж. Бьюкенена (нобелевского лауреата по экономике) об оптимальном размере клуба (количестве членов клуба) имеет естественный критерий: совокупная удовлетворенность членов клуба. А каков может быть критерий применительно к количеству культур? Какой критерий ни возьми, моментально последует критика. Пожалуй, решение состоит в замене прямой формулировки критерия неким косвенным критерием типа *устойчивости*.

Вспомним, что в кибернетике разнообразие связывается с устойчивостью. Известный принцип необходимого разнообразия Эшби формулируется как превыше-

ние разнообразия управляющей системы над управляемой для того, чтобы управление было эффективным. Спрашивается, *чем* управляет культура? Разнообразней *чего* она должна быть, чтобы быть эффективной? Наверно, она должна управлять поведением людей в обществе методом так называемого мягкого управления. Поскольку общество чрезвычайно разнообразно во многих отношениях, то культура должна быть еще более разнообразной.

Вспомним другой принцип (теорему Фишера) — устойчивости популяций. Чем более разнообразна среда, в которой существует популяция, тем разнообразнее должна быть сама популяция, чтобы устойчиво существовать в этой среде. Популяция в нашем случае — это человечество, а культура — параметр разнообразия, который является существенным для того, чтобы человечество не просто выживало как биологический вид, а устойчиво развивалось в духовно-нравственном смысле. Духовно-нравственное развитие — столь тонкая и сложная тема, что я решаюсь только назвать ее, не касаясь сути и не претендуя на уточнение смысла.

Обратимся к теме презентации — количественному измерению, в частности, необходимому измерению разнообразия культур. Естественный шаг — связать культуру с другими категориями, которые, быть может, проще измеряются. Это в первую очередь религии, языки и национальности.

Религий в мире меньше, чем культур. Языков, наоборот, больше, и время их жизни вполне соизмеримо со временем жизни культур. Несомненно, что культура и язык тесно взаимосвязаны, влияют друг на друга в своем развитии. Нельзя утверждать, что язык — часть культуры, как нельзя утверждать и обратное. В настоящее время существует около 7 тысяч языков (в одной только Нигерии их 327)².

Ясно, что культур можно насчитать гораздо меньше. Все это говорит о том, что индикаторов, не относящихся к культуре непосредственно, но относящихся косвенно, огромное количество. Эти индикаторы, аккуратно измеренные, вполне могут пригодиться при анализе проблем культуры.

Возьмем, например, проблему взаимоотношения языков, их взаимовлияния, взаимообогащения. Существует богатая статистика количества переводов с одного языка на другой, количества читателей тех или иных произведений с указанием категории читате-

¹ Директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор-организатор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики».

Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегий и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономика современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР и др.

² См.: Ginsburgh V., Weber S. How Many Languages do We Need? Princeton University Press. Princeton and Oxford, 2011.

лей. Эти показатели помогают оценить степень влияния одной культуры на другую. Специалисты по языкам с помощью математиков научились количественно вычислять расстояние между языками. Именно количественно, ибо интуитивно всегда было ясно, что русский и украинский языки близки друг к другу, а русский и китайский далеки. А насколько близки, теперь можно вычислить¹.

Стандартные, относительно простые данные, которые имеются в статистических справочниках в разделах «Население», «Религия», «Культура», пока в научных исследованиях с количественными расчетами используются мало. Здесь можно констатировать значительный диссонанс с экономической литературой, где компьютерное моделирование, количественные методы широко применяются.

ЮНЕСКО постоянно подчеркивает, что поддержание разнообразия культур является его главной миссией. Имеется «Всеобщая декларация о культурном разнообразии ЮНЕСКО»² — официальный документ, которого должны придерживаться все страны мира. Там, кстати, дается емкое определение культуры, которое представляется совершенно правильным: *Культуру следует рассматривать как комплекс особых духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных характеристик общества или социальной группы, которые охватывают не только искусство и литературу, но также образ жизни, уклад совместного проживания, системы ценностей, традиции и верования*³.

Система статистики культуры ЮНЕСКО⁴ ведется в настоящее время на вполне хорошем уровне. Внедряется международная классификация, позволяющая использовать разнообразные национальные статистики и проводить межстрановые сопоставления. Статистика структурирована исходя из культурного цикла: Создание—Производство—Распространение—Демонстрация (восприятие)—Передача—Потребление (участие).

Разделы статистики следующие:

1. Культурное и природное наследие.
2. Представления и празднества.
3. Изобразительное искусство и ремесла.
4. Книги и пресса.
5. Аудиовизуальные и интерактивные средства.
6. Дизайн и творческие услуги.

Дополнительно показатели культуры имеются в других разделах статистики.

Таким образом, данных достаточно, чтобы проводить серьезные научные исследования.

Примером таких исследований служит книга Виктора Гинзбурга и Шломо Вебера⁵, в которой разнообразие языков измеряется количественно, в первую очередь с помощью индекса разнообразия. Стандартный индекс разнообразия языков есть вероятность того, что два случайно выбранных в популяции человека говорят на разных языках. Авторы книги существенно скорректировали этот индекс, учтя такое явление, как

расстояние между языками. Вероятность, что два человека говорят на разных языках, надо умножить на расстояние между их языками. Новое число более правильно измеряет уровень разнообразия языков в обществе (в стране).

Выскажу, быть может, спорное суждение о том, что разнообразие снижает вероятность вооруженных конфликтов, войн. При большом разнообразии уменьшается противостояние, стремление к гегемонии. На первый план выходит диалог.

Известный турецкий проповедник М. Гюлен, имеющий большое влияние в мире, написал десятки книг с пропагандой его главной идеи организации диалога между культурами, между религиями на базе распространения образования среди широких масс. В частности, он создал сеть школ, охватывающую более 50 стран мира, где разнообразие культур, основы разных религий входят в обязательный курс.

Большую популярность получил мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», организованный в 2002 году. Форум оказался удачной площадкой для дискуссий по самым разным вопросам, в первую очередь религии и культуры.

Таким образом, при получении достаточных количественных данных о культурах и их разнообразии в историческом аспекте можно будет провести исследование по *подтверждению* данной гипотезы о взаимосвязи между степенью разнообразия и вооруженными конфликтами. По войнам имеется богатая статистика, так что использовать компьютерные модели экономического толка не представит труда.

Никита Николаевич Моисеев написал несколько книг о судьбах человечества, где подчеркивал важность сохранения разнообразия. Например, в книге «Быть или не быть человечеству»⁶ он пишет: «Цивилизационное разнообразие столь же необходимо для обеспечения стабильности рода человеческого, как и разнообразие генетическое».

Еще один тезис в пользу большого разнообразия культур связан с измерением уровня счастья человечества. В последние годы стало активно развиваться новое направление — экономика счастья (economics of happiness), где на первый план выдвигается так называемый индекс счастья. Этот индекс не является одним из экономических показателей, по которым привыкли мерить развитие страны: ВВП или доход на душу населения, темпы экономического роста и т. п. По индексу счастья лидируют далеко не самые развитые в экономическом отношении страны (подтверждается известный парадокс Истерлина: «не в деньгах счастье»⁷). Создана международная база данных по индексу счастья⁸.

Связь с разнообразием здесь следующая. Человек стремится быть в первых рядах той или иной группы, которая ему чем-то дорога. Тогда он чувствует себя удовлетворенным. Поэтому, например, в США существует более 3 тыс. залов славы. Представим себе, что спортивные состязания включали бы только прыжки в высоту. Человечество, очевидно, не получало бы удо-

¹ См.: Ginsburgh V., Weber S. Op. cit.

² UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. P. : UNESCO, 2001.

³ Там же.

⁴ См.: Система статистики культуры ЮНЕСКО. UNESCO Institute for Statistics. Montreal, Canada, 2010.

⁵ См.: Ginsburgh V., Weber S. Op. cit.

⁶ Моисеев Н. Н. Быть или не быть человечеству? М., 1999.

⁷ Easterlin R. Income and Happiness: Toward a Unified Theory // The Economic Journal. 2001. № 111 (473).

⁸ URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl>

влетворения от занятия спортом. Ясно, что чем больше разнообразия в видах спорта, тем больше счастливых людей, занимающихся боулингом, керлингом, сидением в сауне и пр. То же самое и в культуре. В культуре, понимаемой в самом широком смысле. Кстати сказать, гражданское общество, которое мы не очень успешно пытаемся строить уже много лет, базируется на разнообразии человеческих особей, в частности на разнообразии их культурных предпочтений.

Мне представляется несомненным, что, привлекая статистические данные по культуре, можно достоверно установить связь между уровнем удовлетворения (счастья) человечества и степенью культурного разнообразия.

Связь материального благополучия и удовлетворенности очень многообразна. Например, в начале 2012 года в Италии наблюдался интересный феномен. Правительство ввело дополнительные налоги на корпорации и еще больше — на граждан, что привело к сокращению деловой активности населения и повышению активности в области потребления продуктов культуры. Возросла посещаемость музеев, выставок, библиотек.

В конце хочу заметить, что я не затронул большого пласта измерения явлений культуры через рыночные механизмы. Появилось такое понятие, как культурный капитал, то есть наличие культурного потенциала, измеряемого рынком¹. Это отдельная большая тема.

Хуан Антонио Марк²

МИР НЕ ЧЕРНО-БЕЛЫЙ, ОН РАЗНОЦВЕТНЫЙ: ВАЖНОСТЬ МНОГООБРАЗИЯ

Мировой экономический кризис, начавшийся в середине 2008 года, показал, какой важной и в то же время хрупкой является мировая экономическая структура. Подтвердилось, что наш мир стал гораздо более полицентричным, чем ранее; оказалось, что стабильность многих развитых стран находится в гораздо большей зависимости от новых развивающихся (таких как страны, входящие в группу БРИКС); выяснилось, что внутренние рынки развитых стран уязвимы. Многие региональные объединения стран, например Европейский Союз, пользующиеся заслуженным доверием и созданные в результате кропотливой работы на протяжении долгих лет, прошли через серьезные трудности, пытаясь сохранить свою целостность и плодотворную работоспособность. Африка, Латинская Америка и Азия снова обратили на себя внимание как быстро развивающиеся, многообещающие регионы, открывая новые возможности в меняющемся мире.

Таким образом, кризис в определенной мере способствовал признанию многообразия и необходимости децентрализации власти, что является самой важной идеей XXI века.

Человечеству пришлось испытать несколько крупных неудач, прежде чем оно смогло достичь впечатляющего прогресса. Вполне возможно, что нынешний период — это повторение периода неудач. Еще 10 лет назад господствовала идея отказа от национальной истории и глобального объединения под эгидой новой

либеральной модели, пришедшей с Запада. Однако после серии неудач, таких как вторжение в Ирак, нарастающий разлад в финансовой системе, возникновение трудностей у благополучных западных государств при попытке адаптироваться к новым временам, мы пришли к обратному. Необходимо строить глобальный мир на основе всеобщей терпимости и уважения многообразия. Мир сложен, и для него не может быть простых решений.

Необходимость сохранения наших стандартов диктует нам приверженность открытости в мировых вопросах и в вопросах торговли и взаимоотношений между странами. В таких условиях чрезвычайно важно сохранить атмосферу взаимного понимания и уважения, что в наше время является неотъемлемым условием развития в правильном направлении.

К концу Второй мировой войны появились новые страны. Европа воспринимала их как чужаков, а США пытались создать новый мировой порядок на основе своих интересов и ценностей. Но история пошла по гораздо более сложному пути развития, возникло явление глобализации, объединяющей все существующие государства. Впервые в истории мир действительно стал глобальным, и становится все более очевидным, что управлять им проще с позиции многообразия, нежели пытаясь свести его к одной отдельной модели. Именно растущая многогранность нашего мира, обществ, существующих в нем, новой экономики, основанной на творчестве и технологии, убеждают нас в том, что сотрудничество, а не доминирование является единственно правильным путем в будущее.

Таким образом, основной вопрос, требующий решения, — как управлять многообразием, что нужно делать, чтобы оно было выгодно всем, как сделать его столпом успешной мировой политики?

Немаловажным аспектом в этом вопросе является отношение людей к многообразию. Необходимо прививать разным народам и обществам мысль о том, что многообразие — признак силы, а не слабости, и к нему надо относиться положительно. Если мы

¹ *Throsby D. Economics and Culture. Cambridge University Press, 2001.*

² Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). Занимал пост Советника в посольствах в Риме, Лондоне, Мексике. В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иberoамериканского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

хотим в XXI веке сделать наш сложный мир лучше, то должны постоянно осознавать преимущества многообразия. История изобилует примерами стран и отдельных лидеров, которые действовали в противоположном направлении, пытаясь уничтожить многообразие и создать монолитный мир. Эта разрушительная идея двигала многими империями, начиная от империи Наполеона и заканчивая попыткой создания нацистского государства, основанного на расизме и истреблении народов. Некоторые империи основывались на идее распространения религии, на которой базировалась их культура, другие расширялись за счет уничтожения других культур. Страдания и унижения, пережитые человечеством, наглядно показали, насколько неприемлем такой односторонний подход к жизни.

Основываясь на необходимости признания многообразия основополагающим принципом мировой политики, нельзя не отметить важный вклад, сделанный ООН, — проект «Альянс цивилизаций». Начинаясь как совместная инициатива Испании и Турции, Альянс в настоящее время является основным проектом ООН, охватывающим 130 стран (в составе Группы Друзей) и имеющим обширное региональное представительство. Форум Группы Друзей ежегодно проходит в разных странах мира.

3 августа 2011 года Высокий представитель ООН по «Альянсу цивилизаций» доктор Жоржи Сампайю представил Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну третий план действий Альянса, рассчитанный на 2011–2013 годы. Этот план сосредоточен на работе в следующих областях:

- новые возможности, открывающиеся перед арабскими странами после так называемой арабской весны и предполагающие большую открытость общества;
- необходимость убедить европейцев, что многообразие и целостность совместимы;
- роль религии в поддержании мира, безопасности и развития нового глобального мира;
- утверждение «Альянса цивилизаций» как эффективного инструмента превентивной дипломатии, необходимого для поддержания мирного диалога во всем мире.

Считая данные области приоритетными, нельзя не отметить правильность стратегической позиции Альянса, однако предстоит выполнить огромную работу по внедрению этой позиции в жизнь. Именно представительные форумы Альянса, и тот, что прошел в Дохе в прошлом году, и тот, что будет в этом году в Вене, имеют огромное значение для определения направления реализации идей, связанных с межкультурным диалогом.

По моему мнению, идея многообразия — позитивная идея для любого общества, и работа по ее продви-

жению уже началась. Необходимо продолжать работать в этом направлении, поддерживая действия Альянса.

Важно также приложить усилия для достижения успеха в двух областях. Во-первых, разрабатывая новые образовательные схемы, необходимо обеспечить более тесное взаимодействие между образованием и профессиональной подготовкой. Новое поколение должно быть успешным, и достичь этого можно, только лишь серьезно пересмотрев образовательные схемы. Важнейшей ценностью современной экономики является то, что она основана на творчестве, а не на механических навыках человека. В 1912 году в развитых странах работали крупные фабрики, численность работников на которых достигала 5 тыс. человек. Из них только 25 принимали управленческие решения, а остальные занимались механическим трудом. В 2012 году, всего век спустя, в тех же странах на смену этим фабрикам пришло по 200 предприятий по 25 человек в каждом, практически все работающие там принимают управленческие решения. Мировая экономика постепенно развивается в сторону усиления роли умственных и творческих способностей людей. Всем странам необходимо создать условия для того, чтобы новое поколение было готово к тому, что каждый отдельный человек должен стать движущей силой экономики. Важно, чтобы каждый был высококлассным специалистом в определенной отрасли или сфере деятельности. Разрабатывая новые образовательные программы для новых поколений, необходимо всегда учитывать важность многообразия.

Вторая важная область — политическая, и это понятно. Стоит задача обеспечить успешную работу ООН в наступившем веке. Назрела необходимость реформы Совета Безопасности с целью соединить принятие решений с принципом многообразия в мировой политике. Обновленный Совет Безопасности, состоящий из 20–25 членов, половина из которых работает на постоянной основе, мог бы существенно укрепить авторитет ООН. Не стоит забывать, что ООН является единственной успешно функционирующей мировой политической организацией. Необходимо повысить эффективность работы ООН, в этом залог ее дальнейшего существования.

Подводя итоги, я бы хотел сказать, что план действий намечен, выполнение его приведет к устойчивому развитию в мире. Мы подтверждаем ценность многообразия в нашем мире. Теперь необходимо способствовать тому, чтобы основные мировые политические силы гарантировали необходимую открытость и стабильность, образовательные структуры и программы были изменены и позволили раскрыться потенциалу нового поколения в новой децентрализованной экономике.

А. П. Марков¹

«КОНФЛИКТ АНТРОПОЛОГИЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. «*Осевое время*» современной цивилизации. Современный мир переживает системный кризис, для которого характерно нарастание угрожающих существованию человечества тенденций: необратимые изменения климата; расширение географии и социальной базы насилия (вооруженные конфликты, террористические акты, экстремистские движения и т. д.); увеличивающийся риск глобальных техногенных катастроф; достижения геномной инженерии, угрожающие среде обитания и биологической природе человека; совершенствование информационных технологий, подрывающих ценностно-нормативные функции культуры и основания личностной идентичности; расширение спектра и социальной базы культурных девиаций и зависимых форм активности. «Наряду с вызовами, угрожающими биологической природе человека, явственно обозначился вызов культуре — как нормативно-ценностной системе, упорядочивающей жизнь общества» (Н. Г. Багдасарьян). Агрессивная техногенная цивилизация в условиях глобализации подавляет, подчиняет себе, «буквально поглощает традиционные общества и их культуры».

Все острее звучит проблема сохранения человеческой личности, «человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения». Впервые в истории человечества «возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре» (В. С. Степин).

Все чаще слышны пессимистические выводы: техногенная цивилизация подошла к критическим рубежам, исчерпав возможности экстенсивного развития и породив глобальные кризисы и глобальные проблемы. Все эти судьбоносные для человечества проблемы так или иначе связаны с модификацией духовных оснований бытия, имеют в своем истоке культуросообразную природу². Драматизм ситуации усиливает глобальный финансово-экономический кризис, перспективы раз-

решения которого весьма неопределенны, что придает проектам ближайшего будущего мира предельно размытые контуры.

2. «*Новая антропология*» современной массовой культуры. «Разбалансировка» машины современной цивилизации связана прежде всего с базовыми изменениями в антропологических матрицах европейской культуры³. Сегодня становится очевидным, что ценностно-нормативная составляющая типичного для современного общества потребления спектра антропологий не в полной мере соответствует лежащей в основе европейской культуры антропологической модели. Под мощным воздействием различных форм массовой культуры (с их романтикой аморализма и демонстрацией нравственных табу, снижающих планку духовности и способствующих «дебилизации» общества) активно утверждается антропология «нового язычника», объединяющая в границах человеческой экзистенции случайные или даже принципиально несовместимые элементы, импульсы и энергии (Ж. Т. Тощенко). Опасность расширения социальной базы такой антропологии состоит в том, что она, разрушая духовно-нравственную матрицу культуры, делает неизбежным общецивилизационный крах. Не случайно сегодняшний проект формирования «нового язычника» символически обозначается как «антропологическая эвтанизия» европейской культуры⁴.

³ В частности, глубинные культурологические причины современного финансово-экономического кризиса коренятся в духовном надломе западной цивилизации, которому предшествовал отказ от базовых морально-нравственных основ христианства в эпоху Реформации. Духовный кризис западноевропейской цивилизации XIV–XV веков стал предпосылкой формирования нового антропологического идеала, изменившего судьбу западной цивилизации. Мировоззренческая суть проекта Реформации состояла в ревизии этического идеала Нагорной проповеди Христа и обосновании нового смысла человеческого бытия и человеческой истории. Фундамент капиталистической цивилизации составила новая «концепция избранных», с ее ценностями богатства и успеха в мирской деятельности («блаженны» стали богатые, успешные, активные, трудолюбивые, творящие мир и преобразующие его в своих целях). Этот смыслоориентирующий вектор был дополнен механистической картиной бытия, в которой мир рассматривался как пространство человеческой самореализации, а природа трактовалась как чуждая человеку среда, которую надо совершенствовать и которой надо овладеть. Культурная революция «расчистила» поле для безудержной активности человека — свою избранность человеку теперь надо доказывать все новыми успехами в земных делах. На утверждение новой антропологии в качестве цивилизационной основы ушло более двух веков: XVI век был «потрачен» на мировоззренческую революцию, в XVII веке «созревшая» система ценностей породила промышленную революцию, а уже XVIII век завершается становлением капитализма как цивилизации.

⁴ «Дело в том, что человечество в целом вступило в новую эпоху. Эпоху очень глубокую. Я думаю, в XX веке, к концу XX века произошел такой эволюционный перелом, равного которому в истории человечества не было. <...> Россия обречена. Я эту обреченность не рассматриваю так, как присудили к гибели. Нет. Тут обреченность очень глубокая, и обречена не только Россия. Думаю, что обречены и многие другие народы, включая такие народы, как западноевропейские» (см.: *Зиновьев А. А.* Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба // Научно-философские диалоги. Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1).

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Становление культурологической парадигмы» и др.

² Симптомы такого кризиса европейская гуманитарная мысль фиксировала начиная с конца XIX века. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует название работ: «Сумерки идолов», «По ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше); «Понятие и трагедия культуры», «Конфликт современной культуры» (Г. Зиммель); «Закат Европы» (О. Шпенглер); «Проклятая культура» (Т. Лессинг); «Германия и кризис европейской культуры» (А. Вебер); «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет); «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (Й. Хейзинга); «Кризис европейского человечества и философия» (Э. Гуссерль); «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд); «Великая трансформация» (К. Полань); «Конец Нового времени» (Р. Гвардини) и др.

Антропологический кризис есть прежде всего кризис духовный — порождая внутреннюю дезорганизацию общества, он снижает полноту жизни, лишает энергии и смысла человеческую активность. Опасность и коварство духовного кризиса — в его призрачности, неясности: общественное самосознание не всегда способно осознать и квалифицировать происходящее как кризис, в результате чего защитные силы культуры не активизируются. Неспособность культуры сохранить жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы приводит к дезорганизации системы, которая может принять необратимую форму, ведущую к гибели системы. Надвигающаяся катастрофа становится фактором саморазвития лишь в том случае, если мы видим ее нарастание и приближение, можем представить себе сроки и последствия ее наступления. Важнейшим аспектом антропологического кризиса является глобальный кризис идентичности, который затронул не только Россию, но и человечество в целом — современный человек остро переживает утрату «собственного образа» (П. С. Гуревич). Его базовой причиной является размывание идентификационных ценностно-нормативных программ, лежащих в основе культурной системы и фиксирующих целостность ее антропологического ядра.

Антропологический проект «нового язычника», разрушивший классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры — речь идет о том направлении гуманитарной мысли, которое условно можно обозначить как «негативный антропологизм». Контуры проекта человека как «высокоразвитого животного» содержатся, по мнению М. Шелера, в натуралистических, позитивистских и прагматических течениях философской мысли, в частности в философско-психологической антропологии Гоббса и Макиавелли, в позитивизме Бэкона, Юма, Конта, Спенсера, Милля, в эволюционном учении Дарвина, в работах Шопенгауэра, Ницше, Фрейда, Адлера (а сегодня — в философской парадигме постмодернизма с ее тотально деконструктивным дискурсом). В русле этого направления гуманитарной мысли возник «проект человека», принципиально отличающийся от христианского этического идеала, — был создан образ субъекта, экзистенциальным ядром и смыслом жизни которого стали наслаждение, слава, успех, богатство, власть. Этот проект в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле — человека как *antroposa*, то есть существа, устремленного в сферу духа: в рамках новой антропологии человек обращает свой взор в область нижней половины человеческого тела, инстинктами и «отправлениями» которой он чрезвычайно озабочен.

«Негативная антропология» в системе гуманитарного знания существенно усилилась в эпоху «постнеклассического» этапа развития науки, для которого характерна девальвация традиционной рациональности, усиление субъективных, метафорических методов познания и строительства мира, широкое распространение нетрадиционных форм понимания и духовного освоения действительности (В. С. Степин). В экзистенциальных «черных дырах» постмодернистской философии,

деформациях современного искусства, мутных потоках массовой коммуникации «проваливается» и распадается на атомы образ человека, сформировавшийся в недрах мировых религий и воплотившийся в великих творениях европейской культуры прошлого. Идеи «негативной антропологии» оказались востребованными современным миром: ими пропитано современное искусство, они проникают в глубины личностной экзистенции, в структуры культурного самосознания современного человека, разрушая его духовный иммунитет, лишая его смысла жизни, способности различать добро и зло, расширяя пространство деструктивных практик, отклонений и перверсий. Современная массовая культура (и прежде всего СМИ, «новое искусство», Интернет), утверждая идеал «нового язычника», осуществляет масштабную фальсификацию духовной составляющей христианской культуры, она придает качество культурной легитимности тем аспектам и атрибутам человеческого поведения, которые всегда находились в табуированном пространстве культуры. В результате внесения в антропологическую матрицу современной цивилизации «языческих» энергий и стихий разрушается образ человека, который на протяжении многих веков составлял духовный «каркас» европейской цивилизации, то есть модифицируется «человеческий код» европейской культуры.

3. «Человек потребляющий» как проект массовой культуры. «Машина» массовой культуры, подавляя духовность и провоцируя животные инстинкты, расчищает «поле» человеческой экзистенции, убирая те элементы, которые препятствуют формированию «человека зависимого». Ее агенты (и прежде всего телевидение, Интернет, реклама) «производят» в человеке те качества и энергии, которые способствуют формированию психологии потребительства как фундаментальной экзистенциальной парадигмы (алчность, зависть, эгоизм, индивидуализм, гедонизм, культ элитарности, избранности, вседозволенности, стремление к превосходству), подчиняют жизнь человека бессмысленной погоне за славой, статусами, богатством, удовольствием. В основе потребительства как жизненной стратегии лежит постоянная жажда удовольствий, вечное чувство неудовлетворенности и желание непрерывного потребления, что делает его формой зависимого поведения. Основная характеристика «человека потребляющего» — быстрая смена мотивов и стимулов, немедленное удовлетворение желаний, непрерывное (и не всегда мотивированное) потребление (вещей, людей, событий), которое создает иллюзию контроля человека над миром вещей, а на самом деле становится формой зависимости человека от мира вещей (разновидностью психического заболевания, сопоставимого по силе и деструктивным последствиям с наркоманией, игровой зависимостью).

В результате гипертрофии ключевых ценностей общества потребления, подчинения им смысла существования разрушается духовное ядро личностной экзистенции: повышение любой ценой материального благополучия рождает невиданные масштабы отвратительной алчности, а последняя питает атмосферу постоянного страха потерять (страх на почве алчности — это базовый «человеческий» фактор финансово-

экономического кризиса); рационализация человеческих отношений и нравственных качеств, в том числе добра и сострадания, которые в системе маркетинговых акций пересчитываются на дивиденды от приращенного имиджа или бренда, ведет к системной деградации человеческой духовности; успех как жизненный смысл распирает человеческую гордыню и «кормится» ею¹; стремление постоянно наращивать качество потребления формирует потребительскую зависимость — худшую из возможных зависимостей по формам проявления и последствиям для человеческой души; массовое поклонение «золотому тельцу» разрушает основы нравственности, делает человека готовым принести в жертву материальному благополучию самое дорогое — семейное счастье, любовь, сострадание к ближнему.

Таким образом, в пространстве современной культуры расширяется социальная база носителей «новой антропологии», в аксиологическом ядре которой доминируют ценности гедонизма, индивидуализма, стремление к успеху и материальному процветанию, а нравственность и духовность вытесняются на периферию экзистенциальности². Данный антропологический тип оказывается в оппозиции к идущей с древности гуманистической концепции человека, которая возвышала его верой в добро, созидание и духовные возможности, утверждала эту веру в образах художественной культуры, текстах философско-религиозной мысли, этических и педагогических концепциях. Трансформации антропокультурного типа (в том числе изменения национально-культурного этоса и онтологического ядра европейской ментальности) свидетельствуют о глубинном конфликте антропологий в пространстве современной европейской культуры.

4. *Миссия гуманитарного знания в контексте антропологического хаоса.* В рамках гуманитарного знания начинает осознаваться ответственность сегодняшнего момента, в котором сохраняются возможности целенаправленного воздействия на социоприродные системы с целью предотвращения «гибели мира» в его предельном состоянии, «точке хаоса» (Н. Г. Багдасарьян), удерживания человечества в ситуации технико-биогуманитарного баланса (А. П. Назаретян). Гуманитарии отмечают, что мир не удастся спасти, если оставаться в границах доминирующей интеллектуальной и технологической парадигмы с ее прагматизмом, политическим цинизмом, экономическим детерминизмом и обслуживающей эту парадигму социальной философией, тотальным рассогласованием между рациональным и моральным. Идея преобразования мира и подчинения человеком природы — как доминанта и «генетический код» техногенной цивилизации — поставила на грань уничтожения среду обитания человека, произвела существенную модификацию его собственной

природы. Поэтому сегодня «человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизационного развития» (В. С. Степин), преодолеть противоречие «между душой человечества — культурой — и его телом — цивилизацией», «внешней и внутренней деятельностью человека» (В. П. Зинченко). Разрушение образа «человека классического» (основными сегментами которого была теологическая антропология, а также концепция «человека разумного», сформировавшаяся в недрах греческой культурной традиции и усовершенствованная в культуре Нового времени, по М. Шелеру) меняет не только функции, но и мировоззренческую миссию гуманитарных наук: сегодня она, помимо познания человека и мира, состоит в разработке новой онтологии и смыслов бытия; социально-экономических систем, свободных от экономических кризисов; новых социальных моделей будущего и проектов жизнеустройства, предусматривающих безопасное развитие и сохранение жизни на Земле, поддержание природного, культурного и личностного многообразия и сотрудничества (В. С. Степин).

Эта миссия выполнима в том случае, если в основу миропонимания будет положена целостная методология познания мира, синтезирующая ресурсы рациональности и веры, возвращающая целостность структуре познающей активности человека как духовной практики. Целостность познания — это когда объект науки конструируется и понимается всеми энергиями человеческого духа: разумом, чувствами, волей. «Человек познающий» в акте веры целостен и онтологичен, таков же и характер получаемого знания. Вера не исчерпывается интуицией — в архитектуре познания она позволяет пережить опыт пребывания в истине как откровение, становится условием нравственной ответственности знания; вера обеспечивает смысловую насыщенность познания, придает сознанию ученого вектор духовной устремленности и моральной ответственности (за то, «как наше слово отзовется...»), ориентирует познание на утверждение в мире истины. Именно вера устремляет духовные усилия вывесь, оправдывая тем самым высшее назначение человека (и имя его: в греческой античной культуре человек — это *Antropos*, то есть устремленный вывесь; славянская народная этимология слова «человек» раскрывала его значение как «чело, обращенное к вечности» — А. Кураев). Вера, онтологизируя истину, придает предмету познания качество предельной экзистенции, а само познание делает личностно заинтересованным, страстным. Познание становится формой соучастия в бытии, средством конструирования проекта человека как образа Божьего, методом творения мира культуры как того пространства, в котором происходит испытание антропологических замыслов, реализуются представления человека о том, «что думает о нем Бог в вечности» (Вл. Соловьев).

¹ Неслучайно в христианстве гордость является одним из смертных грехов наряду с сребролюбием, чревоугодием, завистью, злопамятностью, гневом, отчаянием и считается «исчадием помраченного ума».

² Фон Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике, утверждал, что для расцвета либерализма человек должен лишиться двух природных качеств: сострадания и чувства солидарности.

В. А. Матросов¹

РОССИЙСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Педагогическое образование исторически складывалось и оформлялось в рамках классических университетов или по той же модели, по которой строилось университетское образование. История российского педагогического образования свидетельствует о том, как творчески был усвоен первыми высшими педагогическими заведениями опыт классических университетов, причем не только российских, но и зарубежных (европейских). Кроме того, очевидно, что именно в России (а в последующем и в СССР) сложилась по своему уникальная система высшего педагогического образования, реализовывавшая государственные задачи подготовки и переподготовки кадров для образовательных учреждений всех уровней (от дошкольных заведений до высшей школы).

Известно, что история многих современных вузов — это история реорганизации педагогического института в классический университет и, наоборот, классического высшего учебного заведения — в педагогический университет. В последние годы вновь возобладала первая тенденция, количество педагогических вузов было сокращено до пятидесяти. Как бы то ни было, система педагогического образования в условиях ее модернизации и вхождения в мировое образовательное пространство, продолжая осваивать опыт классических университетов, внедряя инновационные подходы и современные технологии обучения, вполне может опираться и на собственный позитивный опыт, достижения научных школ и направлений.

Московский педагогический государственный университет изначально создавался как Высшие женские курсы, учебный процесс на которых строился по университетскому принципу. Не случайно, что в первые послереволюционные годы (МВЖК к тому времени уже были одним и крупнейших высших учебных заведений России) он именовался Вторым Московским государственным университетом. Теперь это крупнейший педагогический вуз страны, сохранивший фундаментальную университетскую подготовку, авторитетные научные школы и направления. МПГУ сегодня обладает одной из самых мощных в стране систем диссертационных советов, занимая по этому показателю третье место после Московского и Санкт-Петербургского университетов.

¹ Ректор Московского педагогического государственного университета, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Операторы преобразования в анализе, математической физике и теории распознавания образов» (в соавт.), «Теоретические основы информатики» (в соавт.), «Дискретная математика» (в соавт.) и др. Член редакционных коллегий журналов «Проблемы информатики», «Наука и школа», «Преподаватель. XXI век», «Высшее образование в России», «Высшее образование сегодня», «Педагогика», «Интеграция образования». Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалью К. Д. Ушинского. Лауреат премии Правительства РФ в области образования, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

Процесс обучения в МПГУ (а раньше — в МГПИ имени В. И. Ленина) всегда ориентировался на практические потребности в специалистах высокого уровня, в том числе и в управленческих кадрах в сфере образования. С учетом многонационального характера государства (тогда СССР, а сейчас Российской Федерации), а также тесные экономические, политические, культурные связи с сопредельными государствами, учебный процесс в университете всегда отличала тенденция к интернационализации, диалогу культур, осуществлявшемуся как в собственно учебной деятельности, так и в сфере науки, культуры.

Концепция диалога культур, получившая распространение в современных научных работах и педагогической практике, складывалась во многом на основе фундаментальных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Его работы по древнерусской литературе, публикации «Экология культуры» (1979), «Заметки о русском» (1981), «Литература — реальность — литература» (1981) обозначили основные направления деятельности и для специалистов, связанных с образованием и педагогикой. Значимость этих работ для отечественного педагогического образования во многом определяется тем, что их автор не только учитывал вековой опыт истории русской культуры и образования, но и предлагал извлечь из этого опыта позитивные уроки. Как никогда актуально звучат строки из работы Д. С. Лихачева о необходимости отдельной научной дисциплины (или направления) — экологии культуры [1].

Особую актуальность проблема диалога культур вызывает в последние годы во многих европейских странах и в России в связи с формированием такого нового явления, как поликультурная среда, в особенности в крупных мегаполисах, что стало следствием массовой миграции, переселения граждан, например, азиатских и африканских государств. Все более широкое хождение в последнее время получил термин «поликультурное образование» (“multicultural education”), рассматривающийся как своеобразное отражение идеалов культурного плюрализма в образовании [4].

В 2010 году был опубликован проект Концепции поликультурного образования в Российской Федерации, в котором особо подчеркнуто, что данный документ создан с учетом «государственных интересов, национальных и этнокультурных особенностей населения, условий межкультурного диалога и задач проектирования межэтнической и межконфессиональной гармонии». Составители документа, в частности, рассматривают русский язык как «активный посредник и действенный катализатор диалога культур».

Именно концепция диалога культур большинством современных исследователей признается как компромиссный вариант, преодолевающий крайности монокультурализма и поликультурализма. Важно отметить, что в ряде исследований примером монокультурализ-

ма с его идеей сближения наций и их единства называются не только США, но и СССР. При этом не всегда учитывается, что в советских гуманитарных исследованиях термин «единство» всегда ставился в один ряд с другим понятием — «национальное своеобразие», что при безусловном распространении русского языка как языка межнационального общения поддерживалось и развитие национальных культур, изучение национальных языков.

Нельзя не согласиться с утверждением Д. С. Лихачева: «Русская наука не проиграла от того, что русские ученые принимали участие в организации национальных научных центров в нашей стране, национальных высших учебных заведений. Она обогатилась и продолжает обогащаться изучением идей, возвращающихся к нам в Россию обогащенными из Еревана, Тарту, Ташкента, Алма-Аты, Тбилиси, Баку, Киева, Минска, Петрозаводска, Вильнюса, Риги... Дело не в полноте перечисления, а в полноте осознания той роли, которую играет национальный обмен научным опытом между народами» [1].

Нужно сказать, что и наука во многих странах ближнего зарубежья (республиках бывшего СССР) тоже обогатилась новыми идеями и опытом русских ученых, российских научных школ. Продолжение или (в ряде случаев) возобновление научных контактов российских университетов и университетов стран ближнего зарубежья является позитивным фактором развития на постсоветском образовательном и научном пространстве. Диалог, который складывался десятилетиями и по известным причинам был либо прерван, либо стал не таким активным и продуктивным, в настоящее время имеет очевидную тенденцию к заметной активизации и консолидации научных коллективов, объединению усилий в решении общих проблем, связанных с образованием и воспитанием, формированием личности в условиях современного информационного общества.

В системе педагогического образования, при непосредственном участии институтов и лабораторий Российской академии образования и крупных педагогических вузов, формировались методические школы и направления, связанные с разработкой учебных программ и пособий, дидактических материалов и методических пособий, учитывающих специфику преподавания в условиях разных национальных культур и в поликультурной среде. В МПГУ (тогда МГПИ имени В. И. Ленина) в течение многих лет действовало, например, узбекское отделение на филологическом факультете. Его выпускники до настоящего времени успешно реализуют себя в сфере образования и культуры республики, занимают руководящие посты, способствуют интернационализации учебного процесса в средних общеобразовательных и высших учебных заведениях Узбекистана.

Какие направления деятельности педагогических вузов, с учетом задач интернационализации процесса обучения и эффективной межкультурной коммуникации, нуждаются сегодня в особой поддержке, развитии и распространении?

Во-первых, необходимо *сохранение и развитие традиций научных и научно-методических школ, свя-*

занных с разработкой теории и методики обучения в условиях поликультурной среды, в том числе в деле поддержки и распространения русского языка как языка межнационального общения.

Для многих студентов и аспирантов, молодых исследователей, приезжающих в российские университеты из самых разных стран, очень важно осознание того, что русский язык — это не только язык великой русской классической литературы, язык А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова. Некоторые из них именно потому и решили изучать русский язык, чтобы читать в подлиннике «Чайку», «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых». Однако собственно литературный (и даже шире — общекультурный) интерес при этом все же не является доминирующим. Большинство иностранных студентов и аспирантов, стажеров нацелено, прежде всего, на работу с оригинальными научными трудами, написанными на русском языке и принадлежащими ученым с мировым именем, основоположникам научных направлений и школ. Среди таких ученых немало и специалистов по педагогике и психологии, частным методикам. Достаточно назвать, например, Л. С. Выготского, П. П. Блонского, Л. В. Занкова, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова, А. А. Леонтьева, И. Т. Огородникова, В. В. Голубкова, М. Т. Баранова и др. [2].

Так, в 1970–1980-е годы в Московском педагогическом государственном университете сформировалась научная школа профессора Т. А. Ладыженской, основавшей кафедру риторики и культуры речи учителя. Предложенное известным специалистом по методике преподавания русского языка направление «педагогическое речеведение» повлияло на методические искания не только российских, но и зарубежных педагогов, а курсы риторики и культуры речи учителя вошли в учебные планы практически всех факультетов педагогических вузов. Это тот ценный опыт, которым можно и нужно делиться с коллегами из зарубежных педагогических вузов.

Такого рода обмен опытом широко практикуется в настоящее время. Так, большой интерес у преподавателей, аспирантов и студентов вызывает, например, семинар по работе с одаренными детьми, который проводится совместно МПГУ и Университетом г. Кёльна (Германия). Его участники не только выступают с докладами, презентациями, работают в составе проблемных групп, но и знакомятся с методическим опытом работы учителей общеобразовательных школ Москвы и Кёльна.

Во-вторых, должна быть продолжена *разработка новых образовательных программ, предполагающих наличие специальных модулей, направленных на создание условий для реализации обучающимися собственных образовательных траекторий и получения необходимых знаний, профессиональных и общекультурных компетенций в условиях академической мобильности*, в том числе на преодоление языкового барьера.

В последнее время много говорится о таком направлении интернационализации учебного процесса, как создание курсов или модулей на английском языке, ставшем языком межнационального общения. Та-

кая работа, безусловно, необходима хотя бы потому, что она позволит:

— включить в учебный процесс студентов из других стран, стремящихся получить образование в российских университетах,

— сделать достоянием международной научной и педагогической общественности разработки российских ученых, в том числе специалистов в области психолого-педагогической подготовки.

Другим, не менее важным направлением научно-методического обеспечения учебного процесса в педагогическом вузе должны стать разработки специальных модулей и курсов по выбору, адресованных преимущественно иностранным студентам. Основная задача таких модулей и курсов — не только адаптация иностранных студентов к условиям работы в российских вузах, но и предоставление возможности устранить отдельные пробелы в образовании (учитывая несовпадения учебных программ общего среднего образования в разных странах), реализовать свои научные интересы. Кроме того, специальной задачей данных модулей и курсов по выбору является совершенствование знаний по русскому языку (литературе, истории, культуре).

В рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» реализуется целый ряд проектов, связанных с поддержкой и продвижением русского языка, литературы и русской культуры в странах ближнего и дальнего зарубежья. Такие проекты содействуют:

— популяризации русского языка, литературы, русской культуры в самых разных государствах,

— укреплению положительного имиджа России, ее авторитета в мировом сообществе,

— предоставлению возможности изучения русского языка, литературы, истории, культуры России,

— укреплению образовательных и культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, с русской диаспорой.

Учитывая имеющийся в российских педагогических вузах опыт подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для обучения русскому языку как иностранному, а также обучения русскому языку в родной (нерусской) школе, целесообразно создание специального координационного научно-методического совета, осуществляющего методическую поддержку указанных проектов.

Современное информационное общество создает благоприятные условия для диалога культур. Появились новые формы общения. Складывается, в сущности, новая культура коммуникации. Важно при этом, чтобы это была именно культура, о сохранении которой писал Д. С. Лихачев. Анализ содержания и формы высказываний участников многочисленных форумов и блогов в Интернете как раз свидетельствует о наличии серьезных проблем в этой сфере. Речь в дан-

ном случае идет и о грубом нарушении (или очевидной трансформации) языковых норм при переходе на иную знаковую форму общения, и о несоблюдении собственно этических норм.

Ученые из российских и зарубежных университетов активно разрабатывают проблему успешности межкультурной коммуникации как важнейшую гуманитарную проблему эпохи глобализации [3]. С одной стороны, воспитание толерантного сознания стало одним из важнейших элементов политики в сфере образования многих стран. С другой стороны, руководители многих крупных европейских государств (например, Германии, Великобритании и Франции) открыто признают безуспешность попыток создания модели мультикультурного общества в современных условиях.

Российские ученые и общественные деятели, напротив, все чаще высказываются о перспективах развития мультикультурализма в наших условиях, ссылаясь, в частности, на положительный опыт организации межкультурных отношений в советском обществе.

Безусловно, общая атмосфера, процесс обучения, воспитывающая среда современной школы могут стать основой для формирования гражданского общества, в котором осознание национальной идентичности и патриотическое чувство сочетаются с уважением к другим народам и готовностью вести диалог, не просто мирно сосуществовать, но и сотрудничать, вести совместный поиск путей преодоления конфликтов, вражды, насилия.

Только применительно к такому обществу можно говорить о перспективах академической мобильности, создании совместных образовательных программ, реализации индивидуальной траектории обучения. Тем ответственнее роль учителя, перед которым ставятся сегодня задачи духовно-нравственного развития личности, формирования гражданина и патриота своего отечества. Возвратимся к работе Д. С. Лихачева, который писал в связи с этим: «Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно... Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели» [1].

Литература

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. / Д. С. Лихачев. — Л., 1987. — Т. 2.
2. Научные школы Московского педагогического государственного университета. — М., 2008. — Вып. 1.
3. Эффективная интеркультурная коммуникация: разрушение стереотипов и прототипов : сб. науч. тр. — М., 2010.
4. Яркова Е. Н. Философия поликультурного образования и ее альтернативы / Е. Н. Яркова. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа : <http://www.topos.ru>

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ

Начиная с последней трети XX века взрывной характер технологических открытий в области коммуникации, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, которые требуют серьезного анализа. Мир переходит от системы локальных культур, доминировавшей вплоть до начала XX века, к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура». Необходимо уточнить само понимание культуры, способы ее функционирования, то влияние, которое оказывают эти изменения на все формы общественного сознания, систему ценностей и даже на поведение человека в этих новых культурных условиях.

Для того чтобы проанализировать указанные процессы, следует дать некое рабочее определение понятия культуры, что само по себе является непростой задачей. Существуют два основных подхода в этом вопросе: *атрибутивный* и *структурный*². Для нас важно, что и в том, и в другом подходе культура реализуется как двоякий тип деятельности по созданию материальных и духовных ценностей, которых не было в природе и которые составляют специфику именно разумной человеческой деятельности. Духовные ценности нельзя потрогать руками, но они вполне реальны и значимы для человека и общества. В каком-то смысле это также музейные экспонаты, которые мы признаем в качестве системы общечеловеческих ценностей, таких как Добро, Истина, Красота, Справедливость. Это некие культурные эталоны, из которых мы исходим в своих поступках и по которым мы даем оценку нашей деятельности. Несмотря на их кажущуюся эфемерность, они реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения. Их отличие от материальных ценностей заключается в том, что они подвержены изменениям, которые, однако, происходят достаточно медленно, выступая для человека некой экзистенциальной константой. В любом случае описанная часть культуры является фактором ее устойчивости, изменения здесь происходят медленно и реализуются как процесс накопления или как процесс сохранения (памяти), если речь идет о духовных ценностях.

В то же время культура приспосабливается к условиям существования и функционирования, вырабатывая некий набор «средств практической адаптации»

¹ Декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике», «Онтология и теория познания», «Философия» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия», член редколлегии журналов: «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Здесь мы опираемся на исследование: *Момджян К. Х.* Философия общества // Философия. Учение о бытии, познании и ценности человеческого существования / В. Г. Кузнецов [и др.]. М., 1999.

к социокультурным обстоятельствам. В этом плане она выступает как совокупность «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей — объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе»³. Это *свойство адаптации культуры к изменяющимся условиям существования является ее цивилизационной характеристикой*. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

С этой позиции мы можем интерпретировать культуру как семиотическую систему. Поэтому для внешнего наблюдателя она выступает как система закодированных знаков, значений и смыслов, которые часто могут быть понятны только представителю данной культуры, присутствуя в его сознании как культурная память. Такой системой закодированных знаков выступает текст — не только как «генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура (и шире — картина жизни) предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов»⁴. Таким образом, познание другой культуры осуществляется как познание единой семиотической системы (своеобразного Текста текстов или Текста «с большой буквы») в результате расшифровки ее кодов, то есть закодированных смыслов. Эти явные или неявные смыслы культуры несут на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. С позиции носителя иной культуры эти коды и смыслы могут показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры они являются естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Внутренняя заданность смыслов культуры для ее носителя выполняет функцию блокирования того, что Н. Луман называет «рискованной информацией», которая по тем или иным причинам нежелательна для данной культуры⁵.

Инструментом кодирования памяти культуры выступает реальный язык, с которым необходимым образом связано раскрытие смыслов. Живой язык обяза-

³ *Момджян К. Х.* Указ. соч. С. 377.

⁴ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

⁵ «Воздействие памяти проявляется во всех операциях общественной системы, а значит — во всех коммуникациях, где она служит для контроля текущей непротиворечивости с оглядкой (im Seitenblick) на известный мир и исключает рискованную информацию как «невероятную» (*Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005. С. 104).

тельно включает историю своего создания и функционирования¹, чем он отличается от языка искусственного. Искусственная языковая система не представляет проблемы для расшифровки, так как является лишь абстрактной моделью коммуникации, которая «подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего...»² Иначе говоря, искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден. Искусственный язык, даже если он претендует выступать в качестве средства общения (например эсперанто), всегда останется лишь еще одной терминологией, то есть «псевдоязыком» по отношению к живому. У искусственного языка есть внешнее преимущество, его легко перевести и понимать в силу большей однозначности смыслов терминов. Однако слова такого языка «кажутся непроницаемыми, непонятными или, по крайней мере, очень сложными для понимания людям, говорящим на настоящем языке, хотя на первый взгляд они написаны на нем же»³. Познание культуры как системы живого языка, напротив, связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Иногда необходимость языкового понимания требует реального погружения в другую культуру.

Современная стадия развития нашей цивилизации приводит к трансформации взаимоотношений между средствами коммуникации и текстом. В эпоху рукописной и печатной культуры доминировал текст как таковой, не только формируя соответствующие культурные, психологические особенности его восприятия, но и задавая понимание культуры, связанное прежде всего с понятийной структурой мышления. Абстрактное мышление было одним из оснований модели классической культуры. Сам процесс коммуникации выступал лишь как средство передачи информации без существенного влияния на ее содержание. Сегодня происходит изменение этого статуса коммуникации, когда она из средства превращается в собственное содержание коммуникативного процесса, трансформируя содержание по законам коммуникации. Коммуникация сама по себе становится стержнем современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Система массмедиа переходит из состояния некоего фона культурных событий в их творца, заставляя культуру функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства как новой функциональной системы современного общества⁴. В результате совершенно уникальное и стремительное техническое развитие «фоновое знание», каковым ранее только и могла быть система коммуника-

ции, опирающаяся прежде всего на систему печатных средств, превращает его в новую реальность в качестве условия активных коммуникативных действий, позволяя индивиду самореализовываться в ней⁵.

В развитии человеческой культуры схожий процесс происходил в период перехода от устной к письменной и особенно к печатной культуре. Культура устного периода замыкалась в рамках узкого коммуникационного пространства (племени или отдельного народа). Возникшая письменная культура фиксировала содержание посредством создания рукописи, которая выступает субстанциальным средством хранения и распространения информации, что само по себе расширяет пространство коммуникации. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры и условием знакомства культур друг с другом, обеспечивая их смысловое взаимообогащение.

Одним из следствий этих процессов стало упорядочивание понятийной системы за счет внесения в нее некоторых искусственных принципов⁶. Фактор упорядоченности, нацеленный на оптимизацию хранения информации, мог иметь целью как передачу данной смысловой информации другим, так и, напротив, задачу ее сокрытия от других⁷. В любом случае смыслы культуры были закодированными, но был и механизм раскрытия этих кодов, даже без прямого погружения в иную культуру — перевод (расшифровка, раскодирование) смыслов, зафиксированных в письменной форме, на другой язык. Письменность упорядочивала информацию по неким правилам, давая возможность ее сохранения. С другой стороны, она была слишком локализована даже географическим пространством и рассматривалась прежде всего как средство фиксации устной речи.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию линейного типа мышления. Удобство книги в качестве носителя информации значительно экономит время поиска информации, что оказывает влияние на характер образования, в основе которого в большей степени лежит принцип выработки умения находить нужный материал. Об этом печалился Сократ, выступая против фиксации мыслей даже в письменной форме, так как, по его мнению, это приводило не к обладанию знанием или мудростью, а к манипулированию знанием других⁸. Действительно, в чем-то Сократ оказался прав,

⁵ «Поскольку массмедиа порождают некую фоновую реальность, способную стать отправной точкой, то от нее можно и оторваться, выделиться на ее фоне своими личными мнениями, прогнозами, предпочтениями и т. д.» (Луман Н. Указ. соч. С. 104).

⁶ Создание и внедрение искусственного в природное является, как мы отмечали в начале статьи, признаком процесса окультуривания.

⁷ Это блестяще описывает Умберто Эко в романе «Имя Розы», показывая, что библиотека является не только местом хранения книг для чтения другими, но и местом сокрытия их от непосвященных. В частности, это касалось очень многих философских трудов Античности, которые «распространялись» весьма дозированно.

⁸ См.: Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова; под ред. Ю. А. Шичалина. М., 1989. С. 64–65. Сократ здесь подмечает действительное обстоятельство развития письменной, а затем печатной, да и вообще всякой культуры, основанной на фиксации речи. В них важную роль начинает играть форма сохранения смысла (от письменной до нынешней, электронной).

¹ «Язык — это код плюс его история» (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13).

² Там же.

³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 338.

⁴ См.: Луман Н. Указ. соч. С. 18.

ибо фиксирование мыслей приводит к их подчинению искусственным правилам языка. Человек начинает мыслить грамматическими формами, трансформируя по законам грамматики окружающее нас бытие¹.

Возникает еще одно противоречие. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает ее замыкание в пределах национального языка. Культура, по выражению Ю. М. Лотмана, кодируется языком, то есть становится семиотически замкнутой. В результате описанных процессов в силу множественности живых языков мы наблюдаем своеобразное «столкновение» этих замкнутых локальных культур, реализующееся в напластовании информации и смыслов. При этом происходит напластование информации «горизонтальной», связанной с расшифровкой кодов современной культуры, и информации «вертикальной», связанной с ее исторической интерпретацией, то есть переводом на современный язык исторически ушедших от нас смыслов. Это неизбежно приводит к опасности «модернизации» смыслов через внесение в них нового содержания, но одновременно вырабатывается идеальный пласт того, что мы обозначаем как историческую память, обеспечивающую коммуникацию поколений. Связывая между собой людей и общество как по горизонтальной (диахронической) составляющей, так и по исторической вертикали, культура обеспечивает память человечества в целом.

В результате человеческая культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных культур. Признак локальности выступает доминирующим для периода классической культуры. Это позволяет выделить некоторые особенности данного типа культуры и проанализировать те трансформации, которые происходят в ней в результате изменения системы коммуникационного пространства в современном мире.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для человека, находящегося внутри нее, она представляла собой почти застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было практически невозможно, так как они выходили за рамки

¹ Фонетический алфавит, законы грамматики оказывают влияние «на формы опыта, мировоззрение и самовыражение» (*Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев, 2004. С. 4*). Можно по «обратной аналогии» проиллюстрировать это на примере того, как нынешняя виртуальная коммуникационная культура влияет на технологии образовательного процесса. Проявляется это в моде на презентации вместо классического чтения лекций. Это не просто реакция на возможность использования технических достижений. Человек начинает прибегать к электронным средствам информации очень рано, фактически на стадии формирования устной речи, грамотности. Такое раннее приобщение способствует закреплению восприятия визуальных образов. И если ранее от них переходили к элементам абстрактного мышления, то сегодня образ (картинка) остается фактически главным средством коммуникации, первичном по отношению к словам и буквам. Человек часто с трудом воспринимает смыслы, выраженные не визуальным способом. В результате не ученик подтягивается к знанию, а преподаватель (как носитель знания) адаптируется под возможности ученика. «Наше время — это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию... Мы первобытные люди новой культуры» (*Маклюэн М. Указ. соч. С. 201–202*).

индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два больших компонента. На это в свое время обратил внимание М. М. Бахтин, анализируя так называемую «смеховую культуру» периода Средневековья и Ренессанса. «Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку. *Высокая культура* вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура «с большой буквы». Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Ценности «верхней» Культуры именно за счет того, что они приняли рафинированную форму, охраняют себя от влияний извне. Эта идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится ко всяким изменениям, но именно она обеспечивает базис общечеловеческой культуры. Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее противоречивые стороны в виде наличия массового и элитарного векторов, находящихся в относительном единстве².

Для локальной культуры характерными являются свойства и смысловые дихотомии³, некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре.

Дихотомия «прикровенность–откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокры-

² Г. С. Кнабе отмечает: «Как характеристика человеческого общества, культура обусловлена фундаментальным свойством этого общества — диалектическим противоречием отдельного, индивидуального, личного — словом, человека, и родового, коллективного, совокупного — словом, общественного целого... Культура как форма общественного сознания отражает это двуединство общества — всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики» (*Кнабе Г. С. Двуединство культуры // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 17*).

³ В целой серии работ их блестяще анализировал Георгий Степанович Кнабе.

ты для человека, что реализовалось в соответствующем культурном стереотипе поведения¹. Конструируется своеобразная периферийная зона бытия — его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято рассуждать, она требует смыслового прикрытия. Это доходило до абсурда, который в гротескной форме описал Н. В. Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в «высокой» культуре².

Дихотомия «свой–чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к «чужому». Соответственно мое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, как ценное для меня. Чужое, напротив, — как отрицание моего, а значит ложное (и даже враждебное)³. Усиление напряжения данной дихотомии в процессе формирования локальной культуры было значительно закреплено возникновением книгопечатания, которое оформило национальный характер культур соответствующей совокупностью текстов и фиксированных смыслов, как бы замкнув их в национальном языке. Именно поэтому, как мы увидим ниже, первый и наиболее мощный удар процесса глобализации наносится именно по национальному языку.

Книгопечатание, как мы отмечали, породило и еще одно свойство локальной культуры — *линейность интерпретации мира*. Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать. Именно в этом качестве он закрепляется как один из основных признаков классической культуры⁴. Проявляется это в том, что человек начинает выстраивать свое мышление линейным образом, в том числе преобразуя нелинейные типы коммуникации, подчиняя их правилам письменного языка, вовсе не вытекающего из естественного характера устной

¹ Запретные книги для чтения в определенном возрасте, запретные темы, запретные помещения, запретные языковые выражения и пр.

² «Дамы города N были то, что называют презентабельны. Никогда не говорили они: “я высморкалась”, “я вспотела”, “я плюнула”, а говорили: “я облегчила себе нос”, “я обошлась посредством платка”. Ни в коем случае нельзя было сказать: “этот стакан или эта тарелка воняет”. И даже нельзя было сказать ничего такого, что подало бы намек на это, а говорили вместо того: “этот стакан нехорошо ведет себя...”» (Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. С. 439).

³ Можно, наверное, в связи с этим сказать, что тезис о единой общечеловеческой культуре весьма относителен.

⁴ Линейность порождалась письменной речью еще до книгопечатания, однако в силу малой распространенности это свойство еще не могло носить массового характера. В древнем и средневековом мире «внутреннее проговаривание само собой считалось неотделимым от горизонтального слежения за словами на странице» (Маклюэн М. Указ. соч. С. 66). «В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т. е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами, прислушиваясь к произносимым словам, т. е. к тому, что называется “голосами страниц”. Это было именно акустическое чтение...» (Там же. С. 134).

речи. Представим себе беседу, которая осуществляется между двумя-тремя собеседниками, течение которой сопровождается массой внешних факторов. Например, в разгар беседы скрипит дверь, и мы реагируем на это восклицаниями, или нам приносят закуску и мы, отвлекшись от беседы (нарушив линейность), обсуждаем ее качество, а также внешность девушки, которая ее принесла. Эти «отвлечения» — неотъемлемая часть беседы. Но как только мы попытаемся все это зафиксировать на бумаге, мы будем вынуждены проинтерпретировать все действие линейным образом по соответствующим правилам. Тогда момент принесения закуски или скрипа двери окажется в скобках, как в пьесах. Обсуждение внешности девушки вообще может оказаться незафиксированным. Мы не вдумываемся порой, что и двери по их отражению в передаваемых словах романов скрипят по-разному, и мяуканье кошек различается. Линейное отношение к миру проникает на все уровни сознания, становясь «основой для организации всех других видов деятельности»⁵. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой, в качестве каковой выступает и весь мир в целом, от законов классической физики до линейной концепции формаций у К. Маркса.

Это становится важнейшим признаком классической культуры, который реализуется в принципе *завершенности*. Культурное творчество здесь направлено на создание завершенных объектов, будь то произведение музыки, архитектуры или философии. Во всех случаях перед нами завершенное произведение, в котором структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл. Письменность закодировала живую культуру (или ее часть), живую коммуникацию, которую можно понять, лишь зная эти коды (алфавит и грамматику). Неграмотный человек оказывается вне культуры, а поэтому и изначальным признаком культурности выступает *грамотность*.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман обозначил как «семиосфера» (по аналогии с биосферой), в которой роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования⁶. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»⁷.

⁵ См.: Маклюэн М. Указ. соч. С. 207.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

Именно неизвестное (область непересекаемого) требовала раскрытия и адаптации культур друг к другу. Желание и необходимость понимания увеличивали область смыслового пересечения, но этому препятствовало «напряжение», возникающее в процессе диалога культур, связанное с тенденцией самосохранения внутренних смыслов культуры. Познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения.

Мощные интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Объективность процесса глобализации, повышение комфортности существования человека часто скрывают негативные следствия, сопряженные с этим. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то обратной стороной — процессы дезинтеграции, в частности, процессы «национальной дезинтеграции»¹, которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека. Глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но при этом не всегда понимается, что она может как носить синтетический характер, основанный на соединении положительных компонентов систем, так и быть реализована как тип интеграции, подавляющий особенности систем. Глобальная интеграция может реализоваться в системном тоталитаризме нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции сознанием (благодаря новейшим средствам коммуникации) как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства².

Изменение средств коммуникации и возникновение глобального коммуникационного пространства трансформирует человеческую культуру. Трансформация здесь означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а изменение самой сущности системы, то есть ее переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Трансформация, происходящая с культурой, аналогична процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа. Во многом этот процесс в жи-

вых организмах трудно контролируем, что порождает непредсказуемые последствия (мутации). При этом условием трансфекции выступает внешнее электрическое поле (электропорация). В ряде случаев оно может заставить клетку саму бороться с наследственными болезнями.

Трансформация культуры — это схожий процесс привнесения в нее «культурной инфекции» в качестве чужеродной составляющей, которая аналогично описанному процессу может запустить механизм ее модификации изнутри. При этом глобальное коммуникационное пространство является средством (информационным пространством) инфицирования культуры. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами»³. Наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования. Впитывание порций однотипных культурных инфекций способно модифицировать всю человеческую культуру⁴.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. Диалоговое пространство, определяемое новейшими возможностями и средствами коммуникации как условие адаптации культур, расширяется безгранично. Значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур. Коммуникация превращается в самостоятельную субстанциональную структуру, а отдельные культуры оказываются внутри этой агрессивной среды. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптивно-адаптирующего диалога культур в инфосферу как особую реальность, в определенном смысле функционирующую независимо от человека, но делающую его и мир зависимым от нее. Столь мощных процессов в изменении форм коммуникации в истории человеческого общества не было. Даже книгопечатание при всей его революционности не создавало кардинально нового качества. Его распространение было относительно медленным, адаптирующимся к культуре эволюционным образом. Нынешняя массмедийная составляющая общества развивается столь мощно и стремительно, что вступает в противоречие с основами классической культуры, что заставляет вновь говорить о кризисе культуры.

¹ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

² Становление глобальной мировой системы культуры, разрушая классическую систему цивилизации как совокупности локальных культур, базируясь на использовании новейших информационных технологий и открывающихся коммуникационных возможностей, может реализовываться как наднациональное управление миром и вернуть нас на новой ступени к некой Глобальной Империи, что будет связано с возможностью тотального контроля над личностью (См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004).

³ См.: Раишкова Д. Медиавирус. М., 2003.

⁴ Когда мы часто для обозначения этих процессов используем термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры. Уже сегодня мы с горечью замечаем, что наши дети гораздо лучше героев русских сказок знают, кто такой Микки-Маус.

Действительно, происходит разрушение выделенных выше культурных дихотомий. В рамках современной культуры *дихотомия «прикровенность–откровенность» исчезает* и то, что раньше считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Принцип открытости в современном общении между людьми, так наглядно демонстрирующийся в знаменитой американской улыбке, реализуется и в более сложных феноменах. «Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми становятся модными и популярными, являясь основой соответствующего вседозволенного поведения. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах за рамки индивидуальной интимности. Поэтому в рамках расширения сферы получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Ранее термин «интимность» семантически закреплял прикрытость отношений между людьми, определяя рамки и условия обсуждения и демонстрации. Сегодня понятие «интимность» сопряжено с фактом публичного раскрытия запретного, причем на широкую аудиторию. Сам объект этой демонстрации в культуре всегда присутствовал, и цивилизация не привнесла ничего особенно нового, например, в систему сексуальных взаимодействий, кроме, может быть, некоторых технических средств. Однако если ранее это было объектом одновременного восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно могут переживать миллионы. Не случайно Ю. М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия¹.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов действительности. Однако это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Один из результатов этого — подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению «псевдокультурного» поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, то есть наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной части культуры. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступ-

ные, то есть наиболее простые компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами. Общение со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей. Разрушаются традиции, которые господствовали веками. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Это положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, часто являются носителями традиционной системы ценностей, в которой они формировались как личности. Подняться над этим личностным образованием очень трудно и для многих мыслителей просто невозможно. Это порождает пессимистические настроения. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но оно лишается той утонченности и глубины, той степени подготовки, которой требовало ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает феномен «поп-культуры» как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только высокой (элитарной) культуре, как низовая народная культура, но культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Это симуляция культуры, подменяющая собой культуру как таковую. Она не имеет своих национальных корней, даже если сопряжена с языком своей культуры. Главным отличием поп-культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшими факторами становятся массовость и оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, продукты которой потребляет все общество. Не случайно сам термин «фабрика», например «фабрика звезд», используется почти в прямом значении, то есть как унифицированное массовое производство звезд, что,

¹ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 8.

по сути, противоположно понятию «звезда» как проявлению уникальности.

Особенностями поп-культуры являются чрезвычайная *агрессивность* и всеядность, проявляющиеся в том, что тиражированию (и моде) может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Поп-культура «вырвалась» из системы культуры, став ее превращенной формой, то есть симуляцией культуры. Условием развития поп-культуры является постоянная раскрутка в медиaprостранстве, охватывающем не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека. Например, «законы раскрутки» в виде проектов от политических до индивидуальных становятся обязательной нормой, часто прикрывающей их содержательную бедность. Поп-культура — это самовыражение современной массовой культуры и типичный продукт глобального информационного пространства. Она принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Ее условием является интегрированная информационная среда, а реализацией — массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиaprостранстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Важным признаком поп-культуры является неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей его массовой среды и самих средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее — это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поэтому и знание языка здесь практически не нужно или сведено к минимуму.

Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает во все уровни общественного сознания. «Поп-музыка перевела религиозные, а именно христианские, формы причащения в архаическую плоскость и превзошла те возможности поглощения, которые предлагаются подле алтарей, рекомендуя публике припасть к психоакустическим телесным полостям и тем самым словно присоединиться к шествию современных “звуковых богов”»². Поп-шоу опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывая ее реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают ее

представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалии-шоу как примером высшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Это может представлять определенную опасность для общества, когда агрессивность по любому поводу может выплеснуться на улицы и носить массовый характер просто из-за реализации сознания (вируса) соучастия, как в карнавале. Представляется, что многие события такого типа последних лет, имея, безусловно, поводы политического характера, в большей степени детерминированы именно изменениями в самой культуре. Несмотря на их опасность и серьезность, они очень напоминают карнавалы шествия Средневековья.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, и современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Блестящим условиям для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают их представить в соответствующей яркой форме. Не случайно наиболее яркие шоу реализуются в политике, ибо она в большей степени, чем какая-нибудь иная деятельность, напрямую зависит от популярности того или иного лидера.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер и люди, родившиеся в ней, уже не знают иной культуры. Альтернативное состояние современной культуры чревато агрессивностью по отношению к иным формам проявления культуры. Устойчивый и длительный характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры фундаментальных основ в виде системы общечеловеческих ценностей и интересов. Таким образом, для описанного состояния культуры характерны все признаки «низовой» культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью (Г. С. Кнабе).

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и науку, формируя ее образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато делая ее удобной для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификации науч-

¹ См.: Рашкофф Д. Указ. соч. С. 15.

² Слотердаик П. Сферы. Микросферология. СПб., 2005. Т. 1: Пузыри. С. 541–542.

ных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформирует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, к возможности финансирования научных исследований, если они таковыми остаются¹. Скандал и сенсация становятся факторами, сопровождающими научную деятельность. Таким образом, мы наблюдаем процесс того, как поп-культура модифицирует образ науки. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает Симон Кардонский, возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезд. «Мнения поп-ученых, иногда обоснованные их научными результатами, но чаще всего не обоснованные, стали весьма ходким рекламным товаром... Оказалось, что вкладывать деньги в персонализированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания»².

Философия — это самосознание культуры, отражающее конкретно-историческую стадию развития общества. Ее содержание не может не зависеть от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Вследствие этого неизбежно возникают популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «обращивание»), и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсона или философии доктора Хауса³. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает.

Постмодерн в культуре породил соответствующие имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и, кстати говоря, к завершеному тексту как выражению классической культуры. Не случайно «главным врагом» постмодернизма становится метафизика с ее принципами рационального объяснения бытия. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии⁴. Понимание языка из средства понятийного анализа объек-

тов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом. Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе помещается в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания, устоявшихся языковых стереотипах и поиске новых смыслов и значений. Фактически язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое навязывает структуру объектам и бытию в целом.

Постмодернизм оказался формой философии, развитии которой удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. В виртуальном пространстве Интернета стала возможной «смерть автора», ибо исчезает всякая ответственность за сообщение и возникает соблазн мистификаций⁵. Реализуется идея гипертекста, позволяющего ассоциативно и бесконечно перескакивать от одного фрагмента к другому, без необходимости осуществлять смысловое связывание получаемой информации⁶. Это обеспечило популярность постмодернизма, так как он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, отразив умонастроение эпохи постмодерна, в которой человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии, он объективно не имеет для этого времени, заполненного поглощением информационных клипов. Постмодернизм опирается на фрагментарность и клиповость массового сознания современного человека, фиксируя сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. При всей его внутренней рафинированной сложности он выражает господство обыденного сознания и ценностей повседневности. Однако, отражая нарастание степени внутренней свободы людей, не желающих опираться на готовые рефлексивные схемы, он не дает ответа о степени ответственности, которая может наступить после переживания пьянящего чувства свободы.

За свободой мышления могут стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре⁷. Конечно, философия выступает как реализа-

¹ В августе 2009 года в Германии был опубликован материал о расследовании более 100 диссертаций, авторам которых «помогали» в их написании, причем в таких науках, как медицина, юриспруденция, экономика и инженерные науки. Цена услуг доходила до 20 тыс. евро за диссертацию. Отмечено, что торговля диссертациями имеет место в Восточной Европе, США, некоторых центрально- или южноамериканских странах. (См.: Verdacht auf verschachtelte Dokortitel. Staatsanwaltschaft ermittelt gegen hundert Professoren. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/studium/0,1518,644397,00.html>; Akademische Titel. CDU-Politiker soll falscher Doktor sein. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/0,1518,637812,00.html>)

² Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07

³ См.: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

⁴ Постмодернизм отразил «поворот к языку», который недоучитывался классической философией. Но если в 1920-е гг. на первый план вышел «предметно-объектный уровень исследования языка», то особенностью постмодернизма в том, что он осуществляет «рефлексию над самими приемами анализа объектов» (Грязнов А. Ф. Постмодерн взбудрил аналитическую философию. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/19-99-08/19-99-80-3.htm>).

⁵ «Несоответствие между, с одной стороны, информационной мощью системы, способной донести ваше высказывание до миллионов персональных компьютеров во всех уголках земного шара, а с другой — никем не контролируемой степенью вашей компетентности, подготовленности, морального и интеллектуального права высказываться по обсуждаемому вопросу, создает у участника интернетовского общения чувство игровой легкости. Возникает соблазн и возможности в любой момент соскользнуть в несерьезность и иронию, столь полно соответствующие атмосфере постмодерна...» (Кнабе Г. Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.htm>).

⁶ «Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения...» (Вишель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. Электронная версия журнала. 1999. № 10. URL: <http://novosti.online.ru/magazine/inostran/n10-99/visel.htm>).

⁷ Не знаю, насколько необходимо обсуждать, например, проблему такого «культурного феномена», как «дерьмо» или «пуканье», представляющего собой «некий звук, который всегда что-то означает в социальных ситуациях», и глубокомысленный вывод автора о том, что «семантика пуканья представляет собой весьма сложную проблему» (Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 181).

ция творческих потенций человеческого сознания, которая осуществляется на самом обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир «с иной стороны». Тем не менее эта «иная сторона» должна находиться в рамках философского рефлексивного смыслового пространства, а не выступать имитацией философского мышления.

Думаю, что нам, конечно, не следует лить «крокодиловы слезы» по поводу очередной гибели культуры. Она «гибнет» приблизительно каждые 100 лет. Надо

искать новые смыслы в понимании культуры, которая не стоит на месте. Задуматься о возможности управления глобальными процессами развития и их возможными следствиями. Необходимо понимать, что культура — это развивающаяся система, а значит, в ней будут происходить изменения и темп этих изменений будет все время увеличиваться. Поэтому наша задача, а может быть, и основная задача философии сегодня — это выполнение функции предупреждения. Предупреждения о тех тенденциях, которые сопровождают развитие научно-технического прогресса и которые несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом.

Мануэль Ф. Монтес¹

ФИНАНСОВЫЕ КРАХИ, СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Распад современной системы финансового сектора в США и Европе вызвал глобальный экономический кризис. США и европейские страны контролируют большую часть ресурсов, обладают разнообразными передовыми видами производства и предоставляют широкие возможности своим гражданам. Финансовый кризис грозит массовой безработицей и сокращением производства в экономике не только отдельных стран, но и всего мира. Негативные последствия кризиса продолжают распространяться. Таким образом, экономический крах в «сердце» капиталистической экономики свидетельствует о том, что в глобализации и самом капитализме коренятся глубинные противоречия.

Нынешняя ситуация — не первый кризис капиталистической глобализации. Период глобализации экономики, который мы сейчас переживаем, — это второе рождение капиталистической мировой экономики. Первый этап был завершен в 1914 году. На графике 1 показаны масштабы потоков капитала в странах «Большой семерки» начиная с 1870 года. На графике видно, что масштабы потоков капитала (как величины экономической деятельности) только в 1990 году начали приближаться к уровню 1870 года. Обстфельд и Тейлор² вследствие отсутствия данных за более длительный период условно представляют схему мобильности капитала (график 2), где масштабы интеграции капитала, достигнутые в 1914 году, были восстановлены в 2000-х годах.

Продолжится ли все усиливающаяся интеграция мирового капитала? Или нынешний кризис обусловит возникновение еще одного периода деглобализации и декапитализации?

¹ Старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «“Азиатский вирус”, или “Голландская болезнь”? Теория и история валютных кризисов в России и других странах» (в соавт.), «Действительно ли глобализация зависит от возрастающего неравенства?», «Возможности устойчивого роста на Филиппинах» (в соавт.) и др.

² *Obstfeld M., Taylor A. M. Globalization and Capital Markets // Working paper / National Bureau of Economic Research. 2002. № 8846.*

1. Преобладание финансов

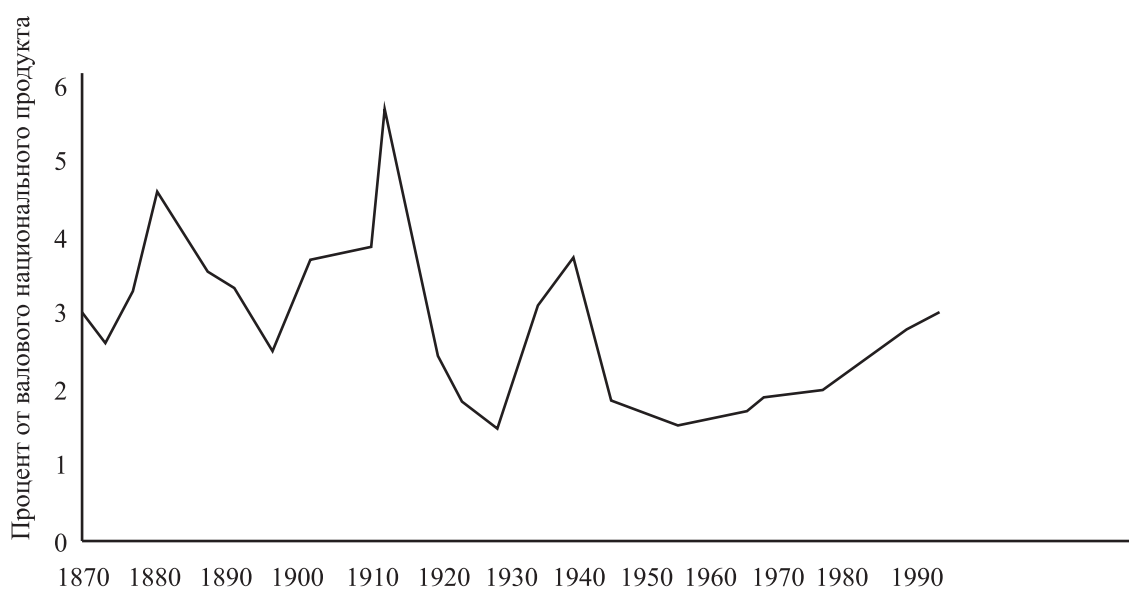
над реальным сектором экономики

В своем основании нынешний мировой кризис является кризисом частного финансового сектора в развитых странах. За последний год в связи с тем, что в прессе постоянно появляется новая информация о долговых проблемах в общественном секторе США и стран Европы, многие обозреватели стали упускать из виду финансовый сектор и подлинную причину кризиса. Непосредственное доказательство того, что финансовый сектор оказался втянутым в орбиту экономического кризиса, — отсутствие подлинного экономического «выздоровления» спустя два года после начала экономического краха. «Выздоровление» в течение года является типичным для циклической рецессии в развитых странах. При нормальном развитии событий возвращение частных инвестиций после того, как оборотные фонды были исчерпаны, дает начало экономическому восстановлению. В нынешней ситуации уровень инвестиций и экономический рост до сих пор не достигли нормального уровня.

Финансовый сектор в США и Европе переживает период восстановления, который по средним нормам требует по крайней мере трех лет (Рейнхарт и Рогофф, 2009). Периодически повторяющиеся широко распространенные финансовые коллапсы характерны для истории капиталистических стран. Великая депрессия 1930-х годов — один из ярких примеров. За последние восемь столетий экономики отдельных стран пережили финансовые кризисы разной глубины. Восстановление базисных активов финансовых компаний с тем, чтобы они могли продолжать выдавать кредиты, необходимо для уменьшения долговой нагрузки и начала «восстановления» в финансовом отношении.

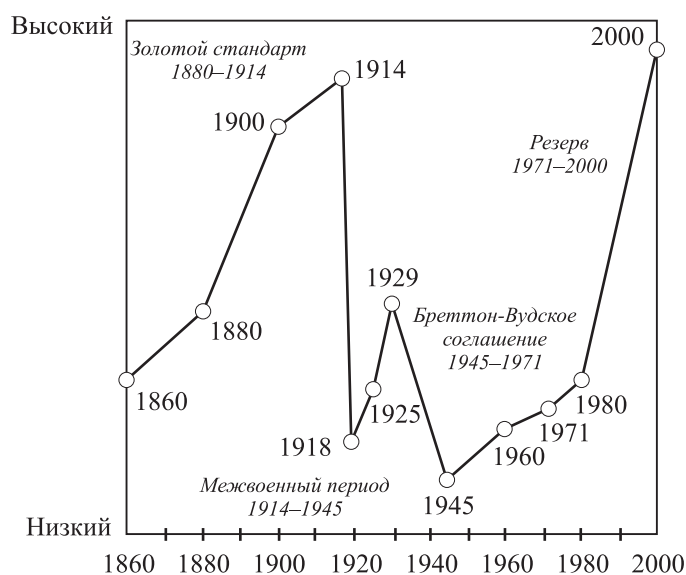
Пока в качестве ответа на нынешний кризис доминирует политика, направленная на защиту финансового сектора. Ошибки в организации этой защиты могут оказаться губительными для общего восстановления экономики. Пример такой неудачной стратегии — Япония после того, как в 1991 году лопнул фи-

График 1. Схема долгосрочного движения капитала в странах «Большой семерки», 1870–1995

Источник: Howell L. USA Today Magazine. 1998. Vol. 27. Iss. 24. Fig. 7.

График 2. Стилизованная схема мобильности капитала

Источник: Obstfeld M., Taylor A. M. Globalization and Capital Markets // NBER Working Paper, 2002. № 8846.

нансовый «пузырь» ее активов. В Японии в качестве меры по спасению банков, которые больше не могли выполнять свои обязательства, государство обратилось к ним с просьбой отсрочить официальное признание своих потерь. Признание потерь по займам означает, что частный сектор понес основной урон в результате своей кредитной деятельности. Задержки в списании

безнадежных долгов привели к длительному периоду сокращения доли заемных средств в Японии. Это объясняет медленный, растянувшийся на десятилетия экономический рост в стране.

В качестве мер по спасению крупных финансовых компаний были задействованы средства налогоплательщиков. Прибыль от рискованных инвестиций этих

финансовых компаний присваивалась частными компаниями и лицами, в то время как потери от этих рисков были, по сути, обобществлены. Эти потери долгие годы компенсировало население, потому что увеличился бюджетный дефицит и значительно повысился уровень государственного долга. Увеличение государственного долга, направленного в основном на поддержание активов в финансовом секторе, нельзя связывать с возросшей экономической активностью и занятостью.

Меры по спасению банков вкупе со спадом экономической деятельности нарушили баланс общественного сектора, который, в свою очередь, вынудил страны ввести меры строгой экономии. Ирония заключается в том, что подобная строгая экономия в условиях слабых частных инвестиций не решает, а может даже и ухудшить и без того вялую экономическую деятельность. До тех пор пока экономическая активность находится в депрессии, пока не восстановлен должный уровень налоговых поступлений, опасность несостоятельности государственного сектора является реальностью.

Частные финансовые компании стали основными игроками на рынке при принятии экономических решений. Еще во времена Великой депрессии 1930-х годов опасность (и несоответствие) такой расстановки приоритетов была выражена фразой: «Хвост виляет собакой», где финансы — «хвост», а производственно-профессиональная деятельность в реальном секторе экономики — «собака». Когда финансовый хвост «крутит» собакой, прибыль от покупки и продажи финансовых активов превышает инвестиции в оборудование и новые предприятия. В отличие от финансовых такие инвестиции ведут к установке нового капитального оборудования по производству необходимых товаров, которое способно дать работу населению. Инвестиции в производство увеличивают производственные мощности страны и создают продуктивные рабочие места.

За десять лет до кризиса рост финансового сектора в развитых странах опережал рост во всех других секторах. За период с 1960 по 2006 год финансовый сектор в США увеличился с 14 до 20 %, в то же время производство снизилось с 27 до 11 %. Валовой внутренний продукт США вырос в 27 раз за тот же период, а общий долг — в 64 раза, долг финансовых компаний — в 409 раз, а задолженность домохозяйств — в 64 раза (Лим 2010).

2. Рост, основанный на неравенстве

Несмотря на доминирующую роль финансовой сферы, было бы ошибкой считать, что причиной нынешнего глобального кризиса являются лишь сбои в мировой финансовой системе. Если бы это было так, единственным выходом стало бы урегулирование финансовой системы. Можно добиться определенного положительного эффекта, если урегулировать разбалансированную за последние 30 лет финансовую систему, но это не решит всех проблем, потому что корень нынешнего кризиса кроется в ином. Основная причина нынешнего кризиса заключается в зависимости мировой экономической системы от растущего экономического и социального неравенства, лежащего в его основе. Коллапс финансового сектора, тесно связанный с общемировым кризи-

сом, был вызван ростом экономического неравенства. Решение проблем только финансовой сферы не сможет положить конец или повернуть вспять тенденции неравенства, а только создаст условия для последующих и, вероятно, более разрушительных кризисов.

В 1980-х годах реакцией со стороны ведущих экономических стран мира в период низких темпов роста и инфляции 1970-х годов стали отмена государственного регулирования, приватизация и сокращение налогов. Идея о снижении роли государства в экономике, что якобы ведет к более быстрому росту и повышению благосостояния каждого человека, явилась политическим обоснованием экономических реформ, которые в конечном счете охватили все страны, в том числе и развивающиеся.

Начиная с 1980-х годов приватизация, отмена государственного регулирования и снижение налогов на богатство и доходы сопровождались изменениями в экономической структуре и мировоззрении как развивающихся, так и развитых стран. Эти реформы эффективно защищали экономические интересы богатых людей, уводили их от регулирования и налогообложения. Проведение реформ оправдывали очевидной необходимостью (или необоснованным представлением о таковой необходимости) сконцентрировать деятельность по стимулированию инвестиций и экономического роста с опорой на частную собственность. Ряд реформ объясняли необходимостью устранить экономическую неэффективность, вызванную вмешательством государства в деятельность частного сектора.

Помимо технических средств регулирования, эти программы имели идеологическую подоплеку. Экономические преобразования в конечном счете означали, что экономический рост оказался в полной зависимости от деятельности элиты, участвующей в распределении доходов. Общественные цели были подчинены тому, чтобы сохранить максимальную свободу для экономической деятельности самых богатых. Существовало широко распространенное мнение, что социальные программы нивелируют стимул к работе. Кроме того, в качестве аргумента высказывалось мнение, что вопросы бедности и неравенства будут автоматически решены за счет увеличения рабочих мест в результате мощного притока частных инвестиций.

Инвестиции государства и предоставление социальных благ, таких как здравоохранение и образование, утратили свой приоритет даже в развивающихся странах. Раньше считалось, что ослабление деятельности государства благоприятно для частных инвестиций. Результатом данного нелиберального проекта реформ стало то, что частный сектор сбросил оковы и принял необходимые для получения прибыли меры независимо от его реального воздействия на экономику. Конечный результат — резкое перераспределение доходов от рабочего класса к руководителям высшего звена, владельцам капитала и рантье.

Защита со стороны профсоюзов как в государственном, так и частном секторе была слабой и не давала возможности работникам использовать демократические меры, чтобы получить справедливую долю доходов от экономического роста. В рамках неолибе-

ральных реформ правительства различных государств сняли с себя всю ответственность за организацию занятости населения и обеспечение каждого человека средствами к существованию. Они также отказались от своих обязательств по предоставлению гарантий, чтобы рост заработной платы не отставал от роста производительности труда. Поскольку доходы и покупательная способность рабочих не росли, возникла обычная в таких случаях ситуация недостаточного экономического спроса — проблема, хорошо известная Марксу.

Неолиберальный проект охватил весь мир. Развивающиеся страны провели неолиберальные реформы, поставив экономический рост в зависимость от экспорта. В 1980-е годы программы структурной перестройки в Латинской Америке, Африке и на Филиппинах оказались несостоятельными в контексте международного долгового кризиса того периода. Эти программы были разработаны международными финансовыми институтами, в частности Всемирным банком и Международным валютным фондом, то есть учреждениями, в которых страны развитой экономики имели решающий голос.

В неолиберальную эпоху развивающиеся страны конкурировали друг с другом за право получения инвестиций и рынки сбыта. Одним из ключевых инструментов было снижение заработной платы и привлечение женщин для работы на непостоянных и низкооплачиваемых должностях. Такая политика снижения заработной платы и доходов как инструмента привлечения иностранных инвестиций основывалась на непроверенной теории, некоей ложной культуре, поддерживаемой интересами властей или верой в то, что международный частный сектор выбирает места для своих инвестиций наилучшим образом. Большинство стран на практике не могли конкурировать в борьбе за получение иностранных инвестиций, так как большая их часть была сосредоточена в немногочисленных странах, где решающее значение имели другие факторы, в частности устойчивый социально-политический курс. В реальности производительность труда не менее важна, чем низкая себестоимость, и вряд ли возможно создать долгосрочные экспортные отрасли за счет простого снижения заработной платы.

Развивающиеся страны отменили государственное регулирование в торговле и сняли ограничения на поток капитала с целью увеличения своего экспорта и получения капитала из-за рубежа. Страны с развитой экономикой «забыли» о собственном историческом опыте 1930-х годов, когда было отменено финансовое регулирование и подорвана система с целью установления конкуренции с другими странами в привлечении капитала из других стран.

Эти экономические реформы заменили прежнюю парадигму, в которой государства несли главную ответственность за экономическое развитие и благосостояние своих граждан, на новую, основанную на глобальной экономической конкуренции между странами, возникшей в результате политики, в которой развивающиеся страны оказались зависимыми от мировой торговли. Кроме того, в 1990-е годы, после распада Со-

ветского Союза, бывшие социалистические республики вошли в мировую экономику. Страны соревновались друг с другом с помощью отмены государственного регулирования, приватизации, а также снижения налогов (что в конечном счете снизило способность государства выполнять многие свои социальные обязательства по защите граждан).

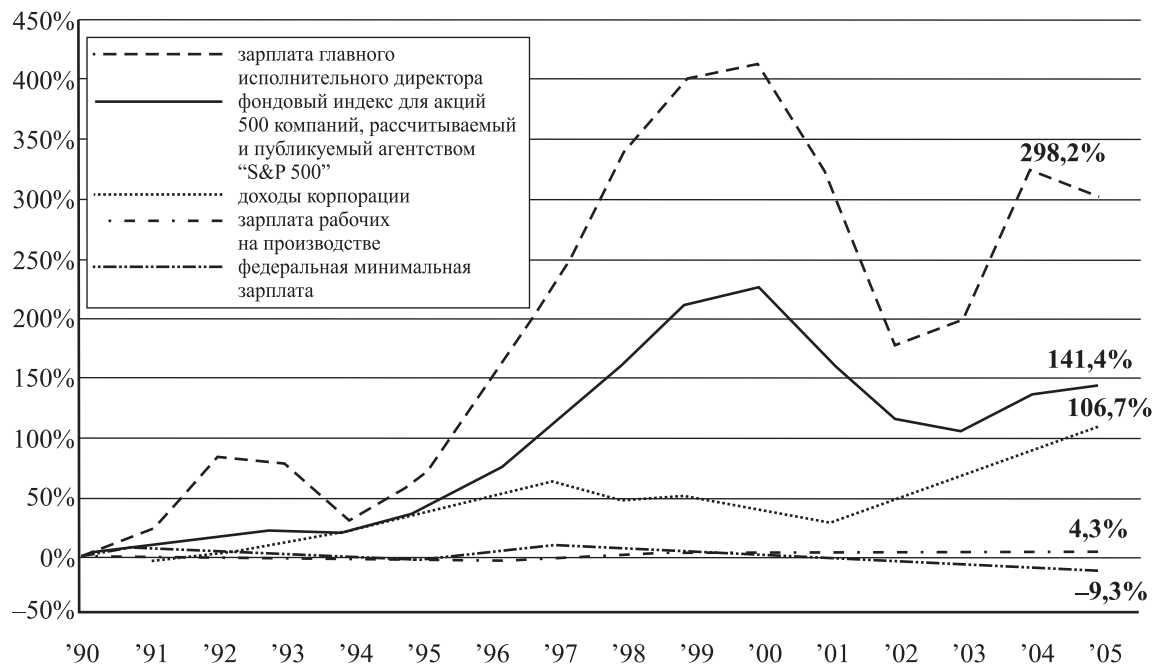
Налоговые поступления в большинстве стран, особенно в развивающихся, стали ассоциироваться с риском потери международной конкурентоспособности. Правительства были вынуждены начать действовать в условиях ограничения средств. В конечном счете были существенно ограничены ресурсы, необходимые для поддержания государственных инвестиций и предоставления социальных благ, таких как образование и здравоохранение. Во многих странах они попали в зависимости от частного сектора. Предоставление услуг, которые ранее были всеобщими и доступными, стало носить ограниченный характер, часто наблюдался отказ от них.

В странах с развитой экономикой конкуренция с импортной продукцией привела к снижению уровня отечественного производства и заработной платы. Тем не менее на фоне общего снижения зарплат благодаря подъему в финансовом секторе выросли доходы финансовых работников, краткосрочные прибыли, в основном от доходов за счет прироста капитала и пр. В Соединенных Штатах рост заработной платы отставал от роста производительности труда и прибылей корпораций (график 3). С 1990 по 2005 год заработная плата рабочих на производстве (с поправкой на инфляцию) увеличилась на 4,3 %, тогда как предусмотренный законом минимум фактически снизился на 9,3 %. И это с учетом того, что зарплаты директоров компаний выросли на 298 %, а корпоративные прибыли — на 141 %. За тот же период прибыли корпораций выросли до беспрецедентного уровня (график 4).

Каковы же были в целом последствия реформ, заключавшихся в снятии ограничений на частные инвестиции, которые были призваны обеспечить заботу о бедных и безработных? Снятие обременений и ограничений обеспечило отсрочку инфляции и стагнации в 1970-е годы, однако частные инвестиции не смогли гарантировать предоставление хороших рабочих мест широким слоям населения. Напротив, как свидетельствует исторический опыт, неолиберальные меры привели к тому, что получение прибыли оказалось зависимым от спекулятивных ставок на цены активов (корпоративных акций, облигаций и задолженностей, размеров контрактов на поставку продовольствия, топлива, металлов и минералов, на землю и имущество и т. д.), которые были отчуждены от производственной деятельности.

Развитие экономики по принципу «хвост виляет собакой» привело к высокой степени экономического неравенства перед Великой депрессией 1930-х годов (график 5). В тот период в руках 1 % населения было сосредоточено более 20 % дохода. На графике 5 показано, что распределение доходов в 2006 году непосредственно перед финансовым крахом и последующим мировым кризисом сопоставимо с тем периодом. В 1928 году концентрация богатства привела к тому,

График 3. Сравнение оплаты труда рабочих с прибылью компании, с поправкой на инфляцию, США 1990–2005

Источник: Executive Excess 2006: the 13th Annual CEO Compensation Survey / Institute for Policy Studies and Unit-ed for a Fair Economy. Washington ; Boston, 2006.

График 4. Прибыль корпорации в пропорции к валовому национальному продукту

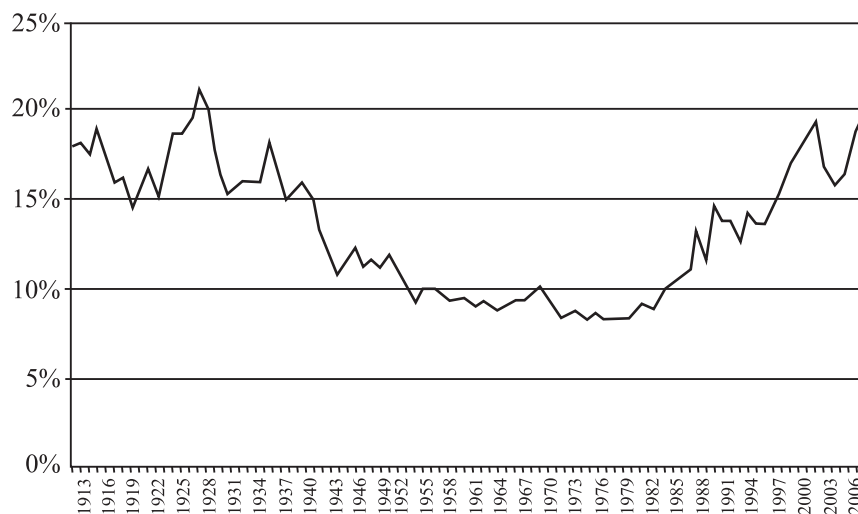

Источник: Business Insider. URL: <http://www.businessinsider.com/what-wall-street-protesters-are-so-angry-about-2011-10?op=1> (дата обращения : 25.02.2012).

График 5. Распределение прибыли США, 1913–2006

**Доля прибыли богатейших семей
(максимальные значения с 1928 г.)**

*Доля общего без вычета налогов потока дохода богатейших семей,
составляющих 1 % от населения*

Источник: Piketty Th., Saez E. Based on IRS data.

что экономика в значительной мере зависела от действий богатых частных лиц. Когда в октябре 1929 года обрушились финансовые рынки и начали стремительно падать цены на активы, реальная экономика рухнула. В 1930-е годы, когда не было возможности перезапустить реальный сектор экономики после массовых банкротств финансовых компаний, от которых он зависел, правительства были вынуждены действовать в экономике более активно.

Доходы тех, кто работал в сфере финансов, опередили доходы работников промышленности. Сокращение налогообложения способствовало реинвестициям в финансовый сектор, а не в новые рабочие места и новые виды экономической деятельности. Но зарплаты рабочих в богатых странах не успевали за ростом производительности труда, поэтому их покупательная способность падала. К моменту наступления финансового коллапса распределение доходов в США было таким же неравномерным, как и перед Великой депрессией 1930-х годов.

Производство переместилось в развивающиеся страны, которые стремились экспортировать товары в развитые страны. Конкуренция между странами в области экспорта в основном привела к снижению роста зарплат и зависимости от иностранных, а не внутренних рынков. Рост последних связан с увеличением зарплаты рабочих. Проблема роста экономик, зависящих от экспорта, заключается в том, что спрос на товар исходит от богатых стран. Поскольку доходы все более сосредоточивались в руках богатых потребителей, возникла опасность того, что товары, произведенные в развивающихся странах, не могут быть экспортированы и проданы богатым странам.

Финансы играли ключевую роль в обеспечении доходов и сохранении роста мировой экономики при отсутствии спроса на товары. В США бурный рост ипотечного кредитования позволил бедным потребителям покупать дома и брать кредиты на фоне растущих цен на недвижимость. Доступность кредитов поддерживала спрос на товары, экспортируемые из стран третьего мира. Но это не могло продолжаться долго: если люди не имеют возможности расплатиться с увеличивающимися долгами и их доходы растут медленно, стабильность финансового сектора разрушается. Его крах был лишь вопросом времени.

В развивающихся странах сокращение объема и прибылей от государственных инвестиций подрывало перспективы мирового роста. Государственный сектор в большинстве развивающихся стран существенно сократил инвестирование, причем наиболее болезненно это сказалось в сельской местности и на сельском хозяйстве. Вследствие сокращения налогов государственные ресурсы уменьшились. Более того, международные организации по развитию экономики убеждали в том, что увеличение объемов торговли (и роста экспорта) позволит странам выручить средства для импорта продуктов и другой сельскохозяйственной продукции.

Уменьшающиеся заработки людей, живущих в сельских районах, привели к оттоку рабочей силы в экспортирующие отрасли. Такая политика позволила предположить, что большее участие корпораций в сельском хозяйстве сократит необходимость государственных инвестиций в этот сектор, повысит эффективность и ускорит технические инновации. Продовольственный кризис 2008 года показал, что участие частных корпораций

в том объеме, в каком ожидалось, не оправдалось, хотя сельскохозяйственные компании укрепились и стали получать огромные прибыли от своих операций. В конечном счете общая политика подорвала национальную продовольственную безопасность и создала основу для нестабильности в этом секторе экономики.

Нестабильность послужила стимулом для нового вступления финансовых компаний на товарные рынки. По финансовым причинам и зачастую из-за невозможности действовать по заключенным контрактам частные компании начали занимать ведущие позиции на продовольственных рынках, действуя по форвардным контрактам. Финансовое участие усилило колебание цен, и оно вышло за рамки, диктуемые спросом и предложением. Огромное колебание цен привело к колоссальным потрясениям (продукты стали практически недоступны во время роста цен на них, уменьшились доходы производителей продуктов и фермерских хозяйств в период падения цен) и политической нестабильности во многих развивающихся странах.

Бедность — это эндемическое явление для развивающихся стран со слабо развитым сельскохозяйственным сектором. Один из способов ускорить развитие сельского хозяйства — разрешить крупным частным компаниям проводить консолидацию земель. Это в свою очередь может привести к тому, что мелкие землепользователи лишатся прав на землю. Исследования показывают, что крупные фермерские хозяйства необязательно работают более эффективно и используют инновационные методы, по сравнению с мелкими. Большое число исследований в этой области свидетельствует о том, что инвестиции и технологическое совершенствование в мелких сельских хозяйствах имеют решающее значение для роста производительности в этой отрасли и обеспечения сельских жителей доходом.

3. Корректировка аналитической модели («культуры») глобализации

Мировое сообщество стоит перед лицом явной опасности — политика неадекватной ответной реакции на нынешний кризис может вызвать мировую депрессию. Как говорилось выше, недостаточное внимание к лежащей в основе кризиса системной дезинтеграции, вызванной все увеличивающимся социальным неравенством, подкрепляет политику, которая только усугубляет опасную тенденцию.

Кризис, разразившийся летом 2007 года, еще раз показал, что рост экономики, основанный на растущем социальном неравенстве и обнищании, нестабилен. Разработка альтернативных стратегий восстановления экономики, которые не будут основываться на неравенстве, а напротив, будут способствовать доступу широких масс к экономическим благам, является вызовом нашего времени. К сожалению, этому препятствует политика, проводимая многими странами. Ответом на кризис стало то, что общественные ресурсы были направлены на спасение финансовых институтов, которым, однако, не пришлось списывать долги клиентов, заемщиков в своей стране или даже целых стран вроде Греции или Ирландии. Политическое влияние финансового сектора делает такие меры не-

осуществимыми. Ведь подобное списание приведет к снижению стоимости активов финансовых институтов и богатых частных лиц и заставит эти учреждения взять на себя часть ответственности за собственные действия. Исторические прецеденты свидетельствуют о том, что единственный способ начать реинвестирование и экономический рост — возложить часть издержек на финансовый сектор. Подлинное выздоровление в конечном счете пойдет на благо всех сторон, включая финансовый сектор. Несмотря на вливание государственных средств, финансовые институты со своей стороны не увеличили инвестиций и не создали новых рабочих мест.

Финансы занимают «командные высоты в экономике» (термин, введенный В. И. Лениным на X Съезде Российской коммунистической партии (большевиков) в марте 1921 г.). То, как органы государственной власти в капиталистических странах управляют «командными высотами» или надзирают за ними, во многом определяет, во-первых, уязвимость экономики этих стран перед нестабильностью и кризисами, во-вторых, политическую жизнеспособность самой системы.

Кейнсианство — экономическая теория, возникшая в ответ на глобальный кризис 1930 года, — предполагает, что для регулирования крайне нестабильной экономики необходим активный и действенный финансовый сектор. Джон Мейнард Кейнс рассматривал применение своего метода экономического анализа не только как реалистичную модель функционирования капиталистической экономики, но и как собственно инструмент защиты капиталистической системы. Эта кейнсианская «культура» нашла свое воплощение в послевоенные годы в институтах как на национальном, так и на мировом уровне. На национальном уровне на правительства была возложена ответственность и предоставлено политическое пространство для обеспечения занятости и поддержания экономического роста. На международном уровне была запрещена политика отдельных стран, подрывающая экономику других стран, в частности так называемая политика «проси у соседа». Например, были введены фиксированные курсы обмена валют, которые можно было изменить только по согласованию с другими странами при участии Международного валютного фонда.

То, что капиталистическая система, зажатая в «тиски» государственного вмешательства и регулирования, переживала период наивысшего роста в 1950–1960-х годах, было истолковано как подтверждение применимости кейнсианской теории к реально существующему капитализму. Государственный контроль над «командными высотами» необходим для сдерживания деятельности частного сектора, направленной на инвестиции в активы реального капитала и увеличение производства и занятости.

Эта «культура» в конце концов потерпела крах в 1980-е годы, ей на смену пришел неолиберальный подход к управлению экономикой. Неудачи государства и связанная с ними постоянная коррупция вызвали к жизни политические движения. Новой сущностью культуры глобализации стало идеализированное и романтическое понимание частного сектора как некор-

рупированного, эффективного и ориентированного на рост.

Неолиберальный подход рассматривает частный сектор как нечто недифференцированное, однородное, неделимое, он выступает за снижение участия государства в экономике. Упрощая и политизируя, неолиберальная экономика отказывается признавать, что существует множество разновидностей частного сектора даже в рамках одной национальной экономики. Корни частного капитала проросли в национальную экономику и культуру и уходят в историческое прошлое. Здесь существуют различные подходы. У них разное происхождение; они различаются по размерам, отраслям и продукции, техническим и управленческим возможностям.

Один из основных типов частного сектора, который мы приведем в качестве примера, — «реальный сектор». В этом секторе производятся товары и работают люди. Неолиберальный подход в конечном счете диктует такую экономическую систему, в которой все частные секторы служат удовлетворению потребностей одного лишь финансового сектора. Восстановление верховенства реального сектора над финансовым потребует обширных экономических реформ, для проведения которых необходим значительный политический капитал. Чтобы осуществить необходимую перестройку, правительства должны вернуть себе полномочия по регулированию финансового сектора, с тем чтобы его ресурсы и деятельность были направлены на инвестирование в реальную экономику, а не на торговлю финансовыми обязательствами. Какой же культурный сдвиг (который предстоит преодолеть) произошел во многих странах, если участие государства в финансовом секторе мыслится как путь к рабству, коррупции и неэффективности? Нынешний финансовый кризис выявил, что частные финансовые компании точно так же склонны к коррупции, неподотчетности и непрозрачности, как и частный сектор в целом, которому приписываются эти характеристики.

Что касается международной экономики, то необходимо пересмотреть роль экспортно-ориентированной стратегии, которая опирается на низкую заработную плату. Ряд стран придерживается этой стратегии из страха, что иностранные инвестиции перейдут к экономически более конкурентоспособным странам мира. Экономическая система, предлагаемая в рамках неолиберального подхода, означает конкуренцию между отдельными странами за частные инвестиции — как внутренние, так и внешние. В некоторых странах это привело к сокращению государственного регулирования, непредоставлению гарантий работникам промышленности и отказу в доступе к земле мелким земледельцам. Такая конкуренция между государствами полностью противоречит неолиберальной модели, предполагающей, что конкуренция в частном секторе является основной гарантией эффективности частных инвестиций, не подверженных коррупции. Для эффективного развития частного сектора частные инвесторы должны конкурировать между собой за право работать в странах с высоким уровнем государственного регулирования и производительности. Конкуренция в частном

секторе (а не между странами) — это один из ключевых путей достижения эффективности даже в странах со стандартной экономической моделью. Приведем известное высказывание экономиста Мильтона Фридмана: «Социальной ответственностью бизнеса является увеличение прибыли». Но получение прибыли идет на благо общества, только если компании действительно конкурируют друг с другом и не используют своего финансового влияния, чтобы уменьшить конкурентное давление со стороны других предприятий или заставить органы государственной власти конкурировать за ресурсы и инвестиции.

Альтернативные стратегии, предусматривающие усиление роли государства в экономике, имеют большое значение для обеспечения прав человека, равных гарантий и средств к существованию населения. Это потребует вновь легитимизировать роль государства в обеспечении равенства. Такие стратегии включают усиление государственного вмешательства с целью оказания поддержки образовательным учреждениям и обеспечения полной экономической занятости. Но они также потребуют государственного регулирования размеров и концентрации доходов и богатства.

В качестве аргумента можно говорить о том, что выбор прав человека в качестве отправной точки при разработке экономической политики расставляет приоритеты в нужном порядке: сначала люди, потом прибыль. Для большинства людей на Земле основные экономические права, такие как право на питание и средства к существованию, должны стать отправной точкой при формировании характера экономической системы. Это означает, что доступ к возможностям, необходимым для обеспечения человеческого достоинства, нельзя отдать на откуп рынку.

Чтобы предоставить всем гражданам возможность вести достойную жизнь, государство должно иметь правовые инструменты регулирования всех рынков активов (а не только защищать деятельность граждан по накоплению богатства), роста экономики, с тем чтобы обеспечить создание рабочих мест и развитие соответствующих навыков и способностей у каждого человека. Роль государства должна кардинально измениться по сравнению с той, которую оно выполняло, следуя концепции, сложившейся в 1980 году.

4. Ключевые элементы устойчивой «культуры» глобализации

Каковы основные элементы альтернативной культуры глобализации?

Ныне существующая доминирующая культура глобализации — неолиберализм — оказалась социально действенной лишь в среде богатых. Проблема заключается в том, что она как минимум не подходит и не согласуется с общепринятыми принципами о ценности человека, а как максимум — обуславливает огромные расходы населения в интересах небольшого меньшинства. И. Валлерстайн¹ прогнозирует конец неолиберализма. Неолиберальная «культура» вытеснила свою предшественницу, которая соотносится с кейнсиан-

¹ Wallerstein I. 2008: The Demise of Neoliberal Globalization. Commentary // Monthly Review. 2008. 2 Febr.

ством. Она объединила недостатки этой системы с политическим успехом частных игроков, недовольных строгим государственным регулированием, ограничивающим их страсть к накоплению богатства.

Следовательно, осмысление элементов другой «культуры» глобализации должно помочь решить проблемы, которые привели к неудачам как неолиберализма, так и кейнсианства. Учитывая ограниченные рамки статьи, мы не можем здесь рассмотреть эти проблемы подробно, поэтому выделим лишь основные неудачи и возможные пути их решения. При неолиберальном подходе нерегулируемый финансовый сектор не сумел заменить государство в роли выразителя интересов буржуазии. Как было сказано выше, движущая сила, приведшая к росту неравенства, оказалась недееспособной с позиции и макроэкономики, и политики. «Сверхзадолженность» ведущих экономических стран, включая США, которые обеспечивают мир валютой для международных расчетов, а также возврат к политическому протекционизму и состояние системы социального обеспечения свидетельствуют о существенных промахах неолиберализма¹. Однако политические изменения, необходимые для урегулирования финансового сектора, создания системы международных расчетов и придания экономике вновь социального содержания, будут глубокими, и в их основе будут лежать конфликты. В развивающихся странах социально-политическое переустройство, необходимое для изменения экономической стратегии, также вызовет политические и социальные конфликты², потому что подобного рода изменения потребуют значительного перераспределения политической власти.

Пока не наступило время для осознания недостатков кейнсианской теории (даже в период ее расцвета). Можно признать, что, по всей вероятности, кейнсианство переоценило свои силы и потерпело неудачу. Однако недостатки, на которые изначально указывали неолибералы, не подтвердились, ибо для функционирующей должным образом капиталистической экономики вопрос о наличии государства — это не возможный вариант, а необходимость. Основные адепты кейнсианской теории ограничиваются макроэкономикой, принимая мнение неолибералов об ограниченном экономическом вмешательстве со стороны государства во имя избежания конфликтов, вызванных государственной политикой. Если надеяться исключительно на частные инвестиции как механизм роста, то они должны поощряться гарантиями личной выгоды либо за счет понижения оплаты труда рабочих, либо за счет налоговой

политики. И то и другое играет ключевую роль в экономической эволюции США.

Поддержание спроса только на уровне макроэкономики оставило без ответа вопрос о соответствии спроса предложению на уровне товаров, секторов экономики, производительных сил и т. д. Промышленная политика США также была направлена на получение быстрой прибыли в частном секторе, правительство не обеспечивало долгосрочных программ инвестиций (а именно они необходимы для того, чтобы предложение соответствовало спросу), что и закрепило зависимость инвестиций от низких зарплат и низких налогов.

То, что кейнсианская макроэкономическая политика игнорировала социальные аспекты государственной политики и аспекты экономического развития, в конечном счете привело к тому, что она оказалась бесполезной для политики частных инвестиций и зависимой от неолиберальных решений в вопросах дерегуляции и снижения налогов. Кейнсианская политика может быть сохранена лишь только в том случае, если обратится к промышленному и социальному развитию, что представляет проблему как для развитых, так и для развивающихся стран. Защита государства всеобщего благоденствия по остаточному принципу вместо активизации социального развития по мере распространения глобализации и усиления давления конкуренции извне привела к тому, что решения в неолиберальном духе стали неизбежны. Опыт Европейского Союза, сегодня находящегося в долговых «ловушках», — пример несостоятельности государств всеобщего благоденствия в условиях проведения политики, поддерживающей верховенство частных финансов в области инвестиций и экономического развития.

Мировому сообществу придется пережить еще десятилетие экономической нестабильности. Несвершенные мировые правила, утверждающие господство финансов и минимальное участие государства, неминуемо вступят в конфликт с возрастающими экономическими интервенциями национальных государств, провоцируемыми социальными запросами. Такая политика интервенций, например, противоречит многосторонним торговым правилам. Таким образом, поиск минимальной общей парадигмы, по образцу которой можно перестроить мировое управление с целью поиска продуктивной «культуры глобализации», является неотложной задачей. Иначе глобализация вновь будет отодвинута на задний план, как это было после 1914 года.

¹ Wallerstein I. Op. cit.

² Pronk J. Addressing the Defaults of Capitalism. Discussion paper. Research and Information System for Developing Countries (RIS). 2009. July. RIS-DP № 155.

В. В. Наумкин¹

ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА

Диалог — не только инструмент выстраивания мирного сосуществования и взаимодействия культур, находящихся в состоянии враждебности друг к другу, но и средство преодоления *мифов* и негативных *эмоций*, порой порождающих конфликтные отношения между ними в большей мере, нежели рациональные причины.

Страх занимает ведущее место среди эмоций, вызывающих недоверие, враждебность, конфликтность и ненависть. Впрочем, прав и живущий в Иерусалиме шеф бюро журнала “Time” Мэтт Рис, который в своей работе «Геополитика эмоций» фокусирует внимание на трех из большого числа эмоций, которые определяют поведение человека, — на страхе, надежде и унижении, поскольку они «теснейшим образом связаны с *доверием*». А оно, в свою очередь, «решающим образом влияет на то, как нации и люди отвечают на встречающие их вызовы и как относятся друг к другу». Страх в равной степени одинаково влияет на поведение как государств, так и этнических групп. Страх перед уничтожением в недавнем прошлом побуждал каждую из двух сверхдержав — СССР и США — добиваться такой степени вооруженности ядерными зарядами и их носителями, чтобы противная сторона не могла безнаказанно нанести ей уничтожающего удара. Родилась доктрина взаимно гарантированного уничтожения. Как ни парадоксально, это было основанием для диалога. Хотя, конечно, не всякие переговоры есть диалог, но здесь это были не просто переговоры, а именно диалог двух противостоящих друг другу ценностных систем, невысказанный без преодоления экзистенциального страха.

Ядерное оружие, по сути, выполняет функцию инструмента преодоления страха. Для Израиля, к примеру, не признаваемое им обладание этим оружием порождено не только рациональными мотивами (способность сдерживать потенциального противника, превосходящего его по человеческому потенциалу и обычным вооружениям), оно глубоко иррационально, как и сам психологический комплекс выживания, вполне понятный с учетом исторического прошлого еврейского народа. Однако страх часто генерирует ненависть, мешающую необходимому налаживанию отношений с соседями и конструктивному диалогу. Идеологизация, накладываемая на страх, усугубляет все те негативные

элементы в ментальности и поведении группы, которые мешают не только взаимопониманию с другими, но и со своим народом.

Вышеупомянутый Мэтт Рис, исследовав менталитет выживших жертв Холокоста в Израиле, пишет о резком дефиците внимания к ним со стороны израильских властей еще в недавнем прошлом, объясняя это как меркантильными, так и идеологическими причинами. Говоря о периоде «раннего сионизма», он приводит высказывание Давида Бен-Гуриона, сделанное им через месяц после «Хрустальной ночи»²: «Если бы я знал, что можно спасти всех еврейских детей Германии путем переселения их в Англию и только половину из них путем переселения в Эрец-Исраэль (“Землю Израиля”), я бы избрал последнее»(!). На фоне извечного страха поспрашивая Израилем элементарных прав палестинцев оккупированных территорий выглядит как вызванная эмоциями месть за пережитое в прошлом унижение.

Иррациональный страх лежит и в основе израильской концепции «экзистенциальной угрозы», с помощью которой сегодня оправдывается возможность нанесения превентивного удара по Ирану. Правда, наиболее реалистические политики не разделяют призывов к войне, иногда напоминая истерию.

Страх в конечном счете побудил северокорейский режим, вряд ли планирующий начать ядерную войну против Юга, но рассчитывающий обеспечить свое выживание, создать атомную бомбу.

Но что же такое страх в данном контексте? Как считает французский ученый Доминик Моиси, «страх — это эмоциональный ответ на реальное или преувеличенное предположение о нависающей угрозе. Страх ведет к защитному рефлексу, который отражает идентичность и хрупкость человека, культуры или цивилизации на данный момент... Страх — сила для выживания в природно опасном мире».

Страх руководит отношением значительной части западных обществ к Китаю. В связи с его бурным развитием и ростом аналитиков волнует вопрос: что будет, если «коллективистские общества» (не стоит забывать и о быстро развивающемся Вьетнаме) будут столь экономически успешными, что превзойдут Запад? Но дело не только в этом. В одной из своих колонок американский журналист Дэвид Брукс писал из Китая: «Подъем Китая — не только экономическое явление. Это и явление культурное. Идеал гармоничного коллективистского [общества] может обернуться столь же притягательным, как американская мечта». И здесь диалог является единственным средством преодоления страха через формирование доверия между государствами, нациями и этническими группами.

Теперь немного теории. Напомню о так называемой теории символического выбора. Не случайно в ее рамках центральным для понимания этничности явля-

¹ Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle» и др. Главный редактор журнала «Восток (ORIENS)». Заведующий кафедрой регионоведения Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе Орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посулялока за достижения в области международной журналистики.

² Первая массовая акция физического насилия нацистов над евреями прошла в Германии с 9 на 10 ноября 1938 года.

ется комплекс «**миф–символ**». По Эделману, миф — это «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение» (в рамках такого понимания то, состоялось ли на самом деле событие, называемое мифом, или было вымышлено, не имеет значения). Символ понимается как «эмоционально заряженная ссылка на миф». Один из авторов, работающих в жанре этой теории, Стюарт Кауфман, пишет, что комплекс «миф–символ» представляет собой «сеть мифов и связанных с ним символов». Иначе говоря, люди совершают политический выбор не столько по расчету, сколько руководствуясь эмоциями и отвечая на предлагаемые им символы.

По Дональду Горовицу, непосредственным побуждением к этническому насилию являются эмоции, как, например, **страх** перед угрозой исчезновения группы. Кроуфорд Янг фокусирует внимание на важной роли стереотипов (мифов) и символов в «поддержании идентичности и продвижении групповой мобилизации». Таким образом, парадигма возникновения этнической конфликтности, которую предлагают Янг и Горовиц, выглядит следующим образом: *страх* перед уничтожением группы (или уничтожением ее идентичности) ведет к возникновению чувства враждебности, а затем и к групповому насилию. По Янгу, атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность, побуждает людей рассматривать события в этнических терминах.

Все сказанное хорошо иллюстрируется проблемой мусульманской диаспоры в Европе. Если для США и Канады иммиграция давно стала частью их жизни, то государства Западной Европы, начав испытывать нужду в рабочих для бурно развивающейся экономики, стали поощрять массовую иммиграцию лишь с середины 1950-х годов. Значительная часть миграционных потоков, текущих на Запад и Север, в первую очередь в Европу, приходится на государства исламского мира, откуда на континент попали люди, исповедующие другую религию, отличающиеся более сильной религиозностью и иные в культурном отношении.

Это предопределило появление серьезных проблем, связанных со страхом, причем именно религиозный фактор, как считают многие европейцы, сыграл в этом ведущую роль. В Дании с приходом к власти правой Датской народной партии (ДНП) были приняты самые жесткие в Европе меры против иммиграции. Министр интеграции Рикке Хвилшой еще в 2005 году, выражая популярные настроения, заявлял: «Проблема состоит в том, что вы не можете интегрировать большое число мусульман в стране, культурная база которой является христианской». А разве не страх прослеживается в суждении известного американского журналиста и автора фундаментальной работы о мусульманских иммигрантах на Западе Кристофера Колдуэлла: «Европейская терпимость к другим культурам была искренней, особенно среди элит, но даже они не предвидели, что подобная терпимость будет означать появление, укоренение и устойчивое распространение иностранной религии на европейской земле»? Таким образом, заключает автор, Европа сама посеяла семена

угрозы — межрелигиозного разлада, как внутреннего, так и международного (!). Действительно, европейские державы имели длительную историю противоборства с исламским миром, обостренного колониализмом. Дух отношения к исламу как к потенциальной угрозе выразил в конце XIX века известный французский писатель Эрнест Ренан: «Ислам был либерален, когда был слабым, и агрессивен, когда был сильным». Именно этот исторический фон сделал столь легким распространение в Европе антиисламских настроений, когда для этого уже в наше время появились и другие причины.

В настоящее время численность мусульманской общины в Европе составляет более 20 млн человек, в том числе более 5 млн — во Франции (преимущественно арабы), примерно 4 млн — в Германии (преимущественно турки), 2 млн — в Великобритании (преимущественно пакистанцы и бенгальцы), причем только в Лондоне постоянно проживает более 1 млн мусульман, или восьмая часть его населения. Прирост населения среди мусульман значительно выше, чем среди немусульман, и, по разным прогнозам, уже в третьей четверти XXI века в Европе будут преобладать мусульмане. Конечно, никто не знает, какими они станут к тому времени и какую эволюцию претерпят отношения между Западом и исламским миром (хотя, по замечанию Самюэля Хантингтона, «многовековое военное противостояние Запада и ислама вряд ли уменьшится»).

В стремлении ограничить иммиграцию и прирост некоренного населения некоторые европейские государства прибегают к крайне жестким мерам. Дания приняла беспрецедентный для Европы закон, запрещающий ее гражданам привозить в страну супругов в возрасте моложе 24 лет, если те не являются гражданами государств Европейского Союза (процедура для более взрослых возрастов предельно осложнена). Это связано с тем, что, согласно статистическим данным, рост миграции в значительной степени происходит за счет того, что живущие в Европе мигранты из стран Азии и Африки предпочитают находить брачных партнеров в странах своего происхождения. При этом на основании статистических данных делается вывод о том, что именно молодые люди являются партнерами по довольно распространенным в иммигрантской среде фиктивным бракам (*arranged marriages*).

В течение многих лет примерно 25 тыс. турецких граждан, 2/3 из которых — женщины, подают заявления в консульства Германии о получении визы в связи с заключением брака с гражданином этой страны. Иначе говоря, с середины 1980-х годов в страну въехало около полумиллиона «импортных» супругов, а турецкое меньшинство в Германии прирастает и за счет таких браков, и за счет рожденных в них детей. В Великобритании 60 % пакистанцев и бангладешцев заключают браки с «импортными» супругами, что было главным фактором 50-процентного роста пакистанской общины в Манчестере, Бирмингеме и Брэдфорде в 1990-е годы. Европейцы видят проблему не в том, что подобные браки бесконтрольно увеличивают число иммигрантов, а в том, что они, во-первых, являются тревожным сигналом коллективного выбора иммигрантов против ассимиляции/интеграции и, во-вторых,

увеличивают процент граждан, не владеющих языком принявшей их страны и совсем не интегрированных в общество, что влечет за собой геттоизацию. Впрочем, такой выбор неудивителен.

По данным Немецкого института молодежи, 53 % живущих в Германии турчанок в возрасте от 16 до 29 лет ни при каких условиях не готовы выйти замуж за немцев. Другая сторона также не расположена к смешанным бракам: по опросам, подавляющая часть немцев не хочет «иметь турецкого родственника». В Дании 90 % жителей турецкого и пакистанского происхождения в первом, втором и третьем поколениях иммигрантов находят супругов в странах своего происхождения. Это, как представляется, следует объяснить не только различиями культур, мешающими им жениться на датчанках, но и их низким статусом в обществе и дискриминацией, которой они подвергаются, что, в свою очередь, препятствует успешной интеграции. Об антиинтеграционных настроениях турок в Германии свидетельствует и тот факт, что лишь 5 % из них хотели бы быть похороненными в Германии, хотя позитивным является желание 68 % опрошенных иметь мусульманские кладбища в Германии. Впрочем, тот факт, что их нет или слишком мало, может являться простым объяснением стремления турок быть похороненными на исторической родине — в соответствии с исламскими обычаями. Гибридационному культурному и биологическому смешению препятствуют мифы и стереотипы, разделяющие мусульман и коренных жителей стран Запада. Они особенно ярко проявляются в интерпретации отношения к женщине.

Мусульмане полагают, что в западном, особенно европейском обществе царят распущенность и вседозволенность, а женщины ведут себя аморально. Они крайне негативно смотрят на добрачные сексуальные контакты, не говоря уже о супружеской измене. Мусульмане убеждены в превосходстве своих моральных устоев, полагая, что для них характерны уважение к женщине и равноправие, но с учетом физиологических различий между полами. Они подчеркивают, что исламское вероучение защищает женщину, и полагают, что западное общество этого не делает. Отметим, что за сексуальную распущенность и забвение семейных ценностей европейскую цивилизацию критикует и Русская православная церковь. Некоторые представители мусульманской диаспоры в Европе считают, что своей крайне откровенной одеждой европейские женщины сами провоцируют мужчин на сексуальную агрессию. Девушка, согласно моральным установкам мусульман, должна вступить в брак девственницей. Некоторые мусульманские родители требуют от гинекологов для своих дочерей перед свадьбой «сертификат невинности». Появились хирурги, специализирующиеся на восстановлении девственности (в Голландии вплоть до мая 2004 г. эта операция даже покрывалась медицинской страховкой). Британский журналист из “Daily Mail” взял интервью у такого хирурга, который по заказу невест формировал мембрану и вживлял в нее капсулу с искусственной кровью.

Европейцы со своей стороны, так же как и мусульмане, убеждены в превосходстве своей концепции от-

ношений между полами. Даже в Великобритании, которая имеет многолетнюю историю в целом бесконфликтного сосуществования различных общин и культур, 60 % опрошенных коренных британцев считают, что мусульмане «неуважительно» относятся к женщине. А опросы, проведенные в Испании, показали удивительное совпадение оценок друг друга, которые дают мусульманские и немусульманские респонденты: 83 % коренных испанцев считают отношение к женщине со стороны другой группы неуважительным и лишь 12 % — уважительным, среди мусульманских респондентов эти цифры соответственно 83 и 13 %. Мусульман обвиняют в избиении жен, которое дозволяется шариатом. На самом деле по этому вопросу в кругах самих мусульман нет согласия. Модернистски настроенные религиозные и общественные деятели вообще выступают за сочетание приверженности нетленным исламским ценностям с отказом от архаичных законодательных установок. Американский профессор религии иранского происхождения Абдулазиз Сачедина считает, что мусульмане «должны понимать шариат как систему ценностей, а не как систему законов». Российский профессор арабского происхождения Тауфик Ибрагим, говоря об интерпретации средневековыми мусульманскими богословами 34-го аята 4-й суры Корана как дозволяющего мусульманам побивать непослушных жен, толкует глагол «*дараб*» в смысле их покидания, а не избиения. Безусловно отжившим и не имеющим никакого отношения к исламскому вероучению является восходящий к доисламской родоплеменной этике обычай «убийств чести», когда отцы и братья девушек или женщин убивают преступников за нарушение кодекса поведения. Обычно «убийства чести» совершают курды и пакистанцы, причем делают это открыто, не таясь, хотя знают об ожидающем их суровом наказании. Кстати, строго карают за такие преступления и в странах Залива, где гастарбайтеры часто считают своих дочерей и сестер, как и самих себя, обеспеченными даже в том случае, если те слишком фривольны одеты.

Особый случай для отношений между мусульманской диаспорой и коренным большинством в Европе представляют собой полигамные браки. Большинство стран Евросоюза не признает распространения права на воссоединение за членами полигамных семей и вообще сам мусульманский институт полигамного брака. Но в Европе существует и другая точка зрения на мусульманскую полигамию, которую следует уважать как часть культуры мусульманского сообщества (хотя в ряде стран самого исламского мира многоженство законодательно запрещено). В Великобритании в феврале 2008 года Департамент труда и пенсий признал права «дополнительных супругов» и даже предоставил им некоторые бонусы. В реальности полигамные браки существуют даже в такой жестко секулярной стране, как Франция, — в основном среди выходцев из стран Западной Африки.

В последнее время европейские страны для регулирования иммиграции используют технологию **выборочной иммиграции** (*immigration choisie*), к примеру, широко открывая двери лишь для докторов и програм-

мистов, в которых они остро нуждаются, поскольку коренные жители не стремятся приобретать необходимую квалификацию. В некоторых европейских городах иммигранты составляют весьма значительную часть этого персонала. Тем не менее уровень жизни подавляющего большинства выходцев из стран исламского мира в государствах Евросоюза значительно уступает уровню жизни коренного населения.

Согласно исследованию Фонда короля Бодуэна по марокканской общине Бельгии, каждый второй выходец из Марокко живет в Европе ниже черты бедности, причем более трети предпочитают идентифицировать себя как мусульмане, а не как марокканцы или бельгийцы; менее 30 % работают за зарплату, 20 % — безработные. Как пишет российский журналист, «им часто отказывают в приеме на работу из-за арабского имени или просто по фейсконтролю. С такими данными не во всяком районе Брюсселя можно снять жилье. Молодежь третьего и четвертого поколений говорит об “узаконенном расизме”. Но предпочитает демократию, ценит бельгийскую социальную систему и уважение прав человека по сравнению с исторической родиной, куда не хочет возвращаться». Али Аллави, иракский экс-министр, исследователь из Принстонского университета, пишет о том, что в 2005 году среди турецких и марокканских иммигрантов в Бельгии (почти все они мусульмане) безработных было почти 40 % (!), среди коренных жителей — 7 %. Зато в европейских тюрьмах мусульман непропорционально много: в Великобритании — 11 % (в то время как мусульмане составляют всего 3 % населения), во Франции — шокирующая цифра! — от 60 до 70 % (всего мусульман около 10 % населения), в Голландии эти цифры соответственно 20 и 5 %.

Проблема конфликтности в отношениях между мусульманской диаспорой и принимающими ее европейскими государствами вряд ли будет преодолена и в условиях потепления, вызванного поддержкой Запада протестных движений в ходе «арабской весны». Конструктивный диалог затруднен теми страхами и недоверием, которые испытывают общины друг к другу.

Впрочем, именно в результате «арабской весны» проблема доверия и диалога остро встала и внутри арабского мира, в части которого пришли к власти исламистские партии в лице умеренных «Братьев-мусульман» и радикально-религиозных салафитов (этим термином принято обозначать широкий спектр течений в исламе, апеллирующих к идее возвращения к ценностям *ас-салаф ас-салих* — «праведных предков»). Здесь развернулись острые дебаты как между исламистами и сторонниками светского правления, так и между различными исламистскими течениями. Напряженная идейная борьба идет сегодня не только, к примеру, между шиизмом и суннизмом, суфизмом и ваххабизмом, но и между конфликтующими между собой течениями внутри современного саудовского государства. Современный политизированный ваххабизм (или неоваххабизм) также именуют «сахвизмом». Этот термин происходит от выражения «*ас-сахва ал-исламиййа*» («исламское пробуждение»), получившего распространение в 1970-е годы в противовес, с одной стороны,

традиционному официальному ваххабитскому религиозному истеблишменту Саудовской Аравии, а с другой — более воинственному, джихадистскому течению в салафизме, которое также именуют неосалафизмом. Пример такого течения — идеи и деятельность Джухаймана ал-‘Утайби и его последователей, которые в 1979 году захватили священную мечеть в Мекке. Однако есть и такие салафиты, которые решительно отвергают саму идею джихада как насильственного действия, основанную на концепции *такфира* (предания анафеме тех мусульман, которые «неправильно» исповедуют ислам и за это подлежат истреблению). Для того чтобы привести пример подобного дискурса, можно процитировать одного из критиков джихадизма, саудовского автора Халида ал-Духайла. Он утверждает, что, во-первых, идея джихада в ваххабизме может быть реализована лишь в границах территории централизованного государства, которое его основатели построили на Аравийском полуострове, во-вторых, с учетом приверженности ханбалитскому мазхабу ваххабиты не могут принять джихад без одобрения *валий ал-амр* (главы религиозной общины), оформленного в виде официального заявления.

Ваххабизм даже в его неполитизированной форме критикуют не только за пределами Аравии, но и внутри ее. В письме в западную газету бывший последователь радикальных ваххабитов Мансур ал-Нукайдан писал: «Начиная с возраста 16 лет я был ваххабитским экстремистом. Со своими единомышленниками мы поджигали лавки, в которых торговали кассетами с западными кинофильмами, и даже спалили благотворительное общество для оказания помощи вдовам в нашей деревне, поскольку были убеждены, что оно имеет целью освобождение женщин». Жестокость таких действий очевидна, но стоящая за ними позиция сфокусирована скорее на культуре, поведенческих нормах, нежели на политике.

Серьезные противоречия между даже сугубо «бытовым», неполитизированным фундаментализмом (будь то саудовский ваххабизм или движение «Талибан») и принятыми в подавляющем большинстве обществ современного мира (в том числе и мусульманских обществ) нормами и ценностями довольно велики. Критики ваххабизма обычно исходят из постулата о непримиримости этого направления в исламе. В связи с этим заметим, что терпимость ислама в целом отмечают не только авторы, принадлежащие к числу последователей этой религии, но и те, кого трудно заподозрить в предвзятости. Так, Лев Поляков, французский писатель, известный фундаментальными трудами о преследовании евреев в различные исторические эпохи, пишет: «...ислам — это прежде всего религия терпимости. Нет ничего более фальшивого, чем рассматривать ее в соответствии с весьма распространенным подходом как уничтожающую любое сопротивление огнем и мечом». Сравнивая мусульманскую и христианскую цивилизации, этот автор идет еще дальше: «...кроткие предписания Иисуса привели к рождению воинственной цивилизации, наиболее непримиримой из всех известных в истории человечества, в то время как воинственное учение Мухаммада породило го-

раздо более открытое и терпимое общество». Добавим, что в обоих случаях (что было бы справедливо и для других мировых религий) речь идет не о самих религиозных доктринах, а о социализации религии, поведении людей, совершающих жестокость якобы во имя торжества религии. В этом плане радикал-джихадисты в чем-то (если не считать глобальные амбиции) весьма схожи со средневековыми инквизиторами. Их идеи и действия находятся в остром противоречии с мировоззрением абсолютного большинства мусульман мира и с классическим наследием ислама, в том числе, как показывает американская исследовательница Делонг-Ба, с идеями ибн Абд-аль-Ваххаба. Все большее число современных мусульманских мыслителей призывает к модернизации религиозных догм.

Конструктивные попытки модернизации изнутри, к которой призывают эти мусульманские деятели, поддерживаются одной частью мусульманской *уммы*, вызывают настороженное отношение у другой и полное неприятие у третьей. Проклятия немалого числа консерваторов посыпались на голову одного из лидеров мусульманской общины Европы, внука основателя движения «Братьев-мусульман», университетского профессора Тарика Рамадана, когда в ходе дебатов с Николя Саркози, в то время министром внутренних дел Франции, он предложил ввести в современном исламе мораторий на применение *хууд* — жестоких телесных наказаний, которым шариат предписывает подвергать мусульманина за определенные, осуждаемые Богом преступления. Иначе говоря, эти наказания следует не отменить, а отказаться от их применения.

Т. Ибрагим, подобно Рамадану, исходящий из понимания несовместимости *хууд* с универсальными человеческими ценностями в их современном значении (и, подобно ему, подвергающийся за это нападкам со стороны консервативной части мусульманского религиозного истеблишмента), также не покушается собственно на шариат, но стремится доказать, что в источниках мусульманского вероучения вообще нет прямого указания на необходимость применения этих шокирующе жестоких наказаний. Оба ученых, равно как и многие их последователи, полагают, что подобная адаптационная модернизация укрепляет позиции ислама, делая его ценности приемлемыми для высокомодернизированного мусульманина, живущего в западном (да и российском) обществе. Как считает французский исламовед Оливье Руа, именно такой призыв Рамадана в большей степени соответствует принципам принятого во Франции лаицизма, чем если бы он выступал вообще за отмену этих религиозных предписаний. Ведь общество и государство ведают земными, а не небесными делами, поэтому и приговаривать за

такие преступления к телесным наказаниям, и тем более приводить приговор в исполнение не следует. «Ад может подождать». Еще один реформатор, шейх Мухаммад аль-Газали, в своем труде жестко критиковал то, что он называет «*аль-фикх аль-бадави*» — бедуинской юриспруденцией. Он считает, что набор жестоких суждений и фетв, дискриминирующих женщин, немусульман и часть мусульман именем ислама и *ас-салаф ас-салих*, на самом деле является искажением ислама.

Но и подверженность модернизации, которую переживает мусульманский мир, ставший одной из важнейших и влиятельных частей мирового сообщества, не означает принятия им всех ценностей и норм, выработанных другими цивилизациями, даже если они санкционированы международным правом. Влияние исламских норм, к примеру, заставило мусульманские государства критически подойти к некоторым элементам такого документа, как Декларация прав человека, статья 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает **свободу менять свою религию** (выделено мною. — В. Н.) или убеждения и свободу, исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Кстати тех, кто работал над текстом этой декларации в ООН, был известный ливанский политический деятель того времени (христианин по вероисповеданию) Шарль Малик. В 1981 году Исламский совет Европы принял свою Всеобщую исламскую декларацию прав человека, разработанную группой видных мусульманских интеллектуалов, в том числе бывшим президентом Алжира Ахмедом бен Беллой. Документ был представлен в ЮНЕСКО, но тогда не получил никакого резонанса. Однако позднее, в августе 1990 года, на саммите Организации «Исламская конференция» была принята получившая широкую известность Каирская декларация, в которой было сформулировано исламское видение прав человека. Естественно, в ней нет неприемлемого для мусульман права менять религию, а говорится: «Запрещается применять любую форму принуждения человека или воспользоваться его бедностью или невежеством для того, чтобы обратить его в другую религию или в неверие» (гл. 10).

Все сказанное означает, что диалог как единственное средство гармоничного, мирного сосуществования и взаимообогащения культур в условиях глобализации невозможен без достижения доверия, а для этого необходимо преодоление негативных эмоций, в первую очередь страха, толкающего людей на безрассудные действия.

А. Н. Нысанбаев¹

СТАНОВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В условиях глобализации и формирования многополярного взаимозависимого мира именно взаимопонимание становится необходимым условием продуктивного диалога культур и цивилизаций, стран и народов, сообща создающих новую структуру мировой эпохи. В связи с этим чрезвычайно важными становятся изучение и актуализация опыта взаимопонимания, накопленного в наследии первого учителя Востока — великого аль-Фараби, который не только обосновал и разработал концептуальные основы процесса взаимопонимания, но и реализовал программу взаимопонимания и философии диалога в своем творчестве, обратившись к культурным традициям Античности, мусульманского Востока и тюркского мира.

Диалог предполагает взаимопонимание и принятие культурного опыта другого человека. Диалог — это и фактор изменения внутреннего мира, расширения пределов познания и свершения открытий.

Следует особенно подчеркнуть, что волею судеб Казахстан оказался на перекрестке мировых цивилизаций — между Европой и Азией, причем скорее не географически, а по демографическим и культурным параметрам. Поэтому по своему статусу республика является евразийской страной, составляющей евразийской цивилизации.

На первый взгляд может показаться, что естественным путем развития современного Казахстана является вхождение в тюркско-исламский мир, с которым нас связывает многовековая общность национальных корней, языков, традиций, обычаев. Однако в отличие от наших восточных соседей вряд ли в Казахстане будет доминировать мусульманская культура.

В древности в степях Казахстана мирно сосуществовали различные религии, среди которых были и христианство, и буддизм, и зороастризм, и манихейство, а традиции тенгрианства по своей значимости для простого народа лишь немного уступали исламу. Следует особо отметить, что в евразийском пространстве веками сосуществовали две крупнейшие мировые религии — ислам и христианство — вероисповедания двух суперэтносов: туранского и славянского. В этот период именно диалог религий и верований стал формой их взаимодействия.

Сегодня в Казахстане для развертывания диалога как способа национальной и гражданской консолидации созданы все необходимые условия, обеспечен устойчивый динамичный экономический рост, происходит развитие институтов демократии и гражданского

общества, реализуется индустриально-инновационная стратегия, укрепляются стабильность, безопасность и независимость молодого государства в контексте глобализационных процессов. Таковы культурно-исторические предпосылки межконфессионального взаимодействия и духовного согласия в Республике Казахстан.

Можно выделить несколько типов диалога. Диалог как сумма монологов, когда собеседники не погружаются в суть того, что говорит каждый, — это внешний, формальный диалог. Возможна другая ситуация — собеседники прислушиваются друг к другу, но остаются при своем мнении. И наконец, еще один, наиболее предпочтительный для достижения согласия вариант: собеседники не только прислушиваются друг к другу, но и изменяются, открывая для себя нечто, что не было известно им до вступления в диалог. Именно новое содержание позволяет достичь глубинного, экзистенциального согласия сторон и их интересов, связанного с духовно-нравственным взаимопониманием.

Вышеназванные типы диалога можно описать с помощью следующих понятий: восприятие чужого как своего, чужого как чуждого и чужого как иного/другого. Первый тип может предполагать либо отрицание инаковости собеседника, либо, напротив, приспособление к его опыту (ассимиляцию). Второй тип — неприятие мнения и системы ценностей собеседника, трактовка в негативной тональности «чуждого». Наконец, третий вариант более всего соответствует желаемому согласию: собеседники, не утрачивая собственной идентичности, признают непохожесть друг друга и придают ей позитивный ценностный смысл. Быть другим — значит иметь особую привлекательность, особые ресурсы согласия.

Мне импонирует понимание философии итальянским философом Н. Аббаньяно, считавшим философию диалогом свободных людей, а путь человека в мире — этическим.

Резкого противопоставления философии Запада и Востока в метафизическом или онтологическом смыслах ныне не существует. Философия — это действительно диалог свободных людей. А диалог, подразумевающий свободу, приближает к философскому взаимопониманию.

Философия взаимопонимания — одно из основных и весьма перспективных направлений в современной казахстанской философии. Ее истоки лежат прежде всего в традиционной казахской мудрости и учении аль-Фараби. Вобрав в свой духовный опыт эти трансцендентные этические образцы, современная казахстанская философия аккумулирует духовный потенциал Востока и Запада, Азии и Европы.

Первый учитель Востока — великий аль-Фараби — заложил основы философии взаимопонимания, следуя принципу толерантности по отношению к другим культурам, религиям и духовным практикам. Он осу-

¹ Академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Советник директора Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы). Автор более 587 научных трудов, в т. ч. 39 монографий: «Философия взаимопонимания», «Казахстан: культурное наследие и социальная трансформация», «Глобализация и проблемы межкультурного диалога» и др. Президент Академии социальных наук Республики Казахстан, член Национального совета при Президенте Республики Казахстан. Заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан. Лауреат Государственной премии КазССР.

шествил конструктивный диалог философии Античности и Средневековья, ислама, христианства и иудаизма и органично вошел в современный дискурс казахстанской философии взаимопонимания. В своем учении аль-Фараби раскрыл неограниченные возможности интегрального коммуникативного диалога между совершенно различными духовными и интеллектуальными мирами. Принцип взаимопонимания как способ освоения смыслового философского пространства античного наследия позволил ему раскрыть диалогическую сущность философии и понять ее как диалог свободных, равноправных духовно-интеллектуальных практик. Через призму философского наследия аль-Фараби проясняется великий смысл философии взаимопонимания — коммуникативный.

Феномен взаимопонимания является онтологическим фундаментом для реализации открытого диалога национальных философий и современных философских дискурсов, раскрывающих уникальность мира способами философской рефлексии.

Меня часто спрашивают о том, что я понимаю под философией взаимопонимания, и порою искренне удивляются, что такая философия вообще возможна. Я считаю, что развитие философии в контексте взаимопонимания — одно из тех направлений, которые соединяют все лучшее, что было выработано европейской и восточной традициями, все то, что входит в сокровищницу мировой философской мысли, где Восток и Запад пересекаются в понимании вечного, непреходящего смысла бытия.

Опыт философствования аль-Фараби уникален тем, что ему удалось раскрыть смысл и ценность концепта взаимопонимания между греческой и исламской философией. Доказать их влияние друг на друга не представляется возможным, впрочем, в этом нет необходимости. Важен факт признания того, что в мире существует единое интеллектуальное пространство взаимопонимания и своими истоками оно восходит к философии. Основываясь на этом опыте, философы в рамках казахской философии сегодня создают полнокровную диалогическую философию взаимопонимания, так необходимую в эпоху расширяющейся глобализации.

В современных условиях формирование единого пространства диалога культур и цивилизаций, в котором обретается желанное и необходимое согласие, становится одной из приоритетных форм социального и культурного обустройства конфликтного, полного противоречий мира. Диалог как форма взаимопонимания, сотрудничества и сосуществования есть реальная альтернатива насилию, доминированию, господству, монополии.

Объективная историческая тенденция к формированию нового многополярного, многополюсного человеческого сообщества встречает упорное сопротивление со стороны сил, которые не желают видеть мир децентрализованным и согласованным, навязывают свои позиции и политическую волю другим странам и народам. Это, по сути, исторически изжившая себя практика поддержания мнимого согласия, псевдосвободы и квазидемократии путем искоренения подлин-

ного внутреннего согласия и демократических свобод. Диалог культур и цивилизаций может стать мощным заслоном на пути реализации политики такого рода, демонстрируя возможности и способы иного структурирования мира и достижения подлинного взаимопонимания и согласия.

Мы пришли к выводу, что согласие стало общепланетарным императивом. Оно должно осуществляться через различия индивидуального и этнического происхождения и благодаря им и поэтому носит не внешний характер, а является следствием внутренних импульсов, глубинного диалога и межкультурной коммуникации. Можно возразить: современному сообществу далеко до согласия, так как пока что в однополярном мире торжествуют сила и доминирование одной супердержавы.

Однако это уже не соответствует действительности. Формируется значительный противовес в лице Европейского Союза, объединяющего 27 государств, а также в лице других интегративных объединений (например, Единого экономического пространства Казахстана, России и Белоруссии). Кроме того, говоря о культуре согласия, мы имеем в виду не столько существующее положение вещей, сколько моделирование будущего, должного. Таково предназначение теории — прочертить вектор в будущее, откуда будет осуществляться детерминация настоящего.

Когда мы говорим о единстве и согласии, то это прежде всего касается межэтнического и межкультурного взаимодействия. Являясь полиэтничным, поликультурным государством, Казахстан рассматривает это обстоятельство как важнейшую ценность, расширяющую спектр возможностей для развития страны. Более 130 этносов и 46 конфессий живут в мире и согласии, не зная раздоров и столкновений. Во многом это заслуга казахского этноса, имеющего толерантное сознание.

Согласие достигается именно через разрешение противоречий и преодоление трудностей, а не путем их замалчивания и регулирования. Перспективы культуры согласия и сосуществования этносов в Казахстане, формирования толерантного сознания прежде всего связаны с взаимодействием казахского и русского этносов, доминирующих в стране. У них есть основательная база для глубинного межкультурного диалога и взаимопонимания — это давние крепкие традиции евразийского братства, духа взаимности и коллективизма, многовековой коммуникации в области экономики, культуры, политики. Казахам и русским объединяют прочные связи на ментальном уровне, то есть на уровне универсалий, определяющих типы и национальные характеры обоих этносов: склонность к коллективизму, отношение к женщине, определенная трактовка властных функций.

Для нас важным является изучение вопроса об участии Казахстана в диалоге культур и цивилизаций, о поиске и нахождении национальной идеи, направленной на консолидацию полиэтничного общества вокруг доминирующего казахского этноса. Диалог религий и культур необходим для мирного решения внутренних и внешних проблем современного Казахстана.

на. С этой целью мы должны изучать международный и отечественный опыт организации и проведения конструктивного диалога культур и цивилизаций. Здесь поучителен казахстанский опыт организации и проведения трех съездов лидеров мировых и традиционных религий в 2003, 2006 и 2009 годах. Сейчас в Казахстане идет интенсивная подготовка к четвертому (в 2012 г.) съезду.

Однако прошедшие столетия, в особенности недавно окончившееся двадцатое, выдвинули беспрекословное требование — необходимо научиться не только понимать, то есть усваивать некий предмет познания, но и стремиться самим людям к взаимному пониманию их мировоззрений и культур. Прежние установки субъект-объектного и интересубъектного характера, идущие соответственно от западной и восточной традиций, ныне сменяются тенденцией к установлению межчеловеческого межкультурного диалога.

В эпоху глобализации диалог становится проблемой — не темой, а именно проблемой, сложной и жизненно реальной, — которая в условиях взаимозависимого и конфликтного мира пронизывает все сферы современной жизни. Сегодня справедливо и с понятной тревогой за будущее говорят о необходимости установления диалога между этносами, нациями, государствами; народом и властью; модернизмом и традициями в развитии общества; философией и наукой; наукой и религией; традиционными и нетрадиционными религиозными верованиями; между конфессиями и внутри конфессий; учителем и учеником, педагогом и воспитанником и т. д. Это лишь некоторые аспекты проблемы диалога и достижения взаимного понимания и согласия. Конечно, они существовали всегда, но в XXI веке, в эпоху глобализации, стали особенно актуальны, поскольку сегодня проблема, возникшая в одной сфере жизни или в одном регионе, неизбежно находит отклик в других сферах или регионах мира, а трудности и противоречия локального масштаба становятся глобальными.

В целом, в обобщенном культурфилософском плане проблема формирования нового миропорядка предстает как необходимость налаживания конструктивного диалога и цивилизованных отношений между Западом и Востоком. Как известно, Запад и Восток — это два противоположных типа мировоззрения, мироотношения, способа бытия в мире, две противоположные типологические формы культуры: деятельностная и созерцательная, интеллектуально-рационалистическая и образно-поэтическая, активно прогрессистская и сдержанно консервативная, прагматическая и экологическая.

Если иметь в виду установление равноправного конструктивного диалога между Востоком и Западом, взвешенный, сбалансированный и гармоничный тип их взаимодействия и взаимообогащения, то можно сказать, что новая интегральная философия взаимопонимания — это философия будущего, нацеленная на решение тех проблем и задач, которые вызывают к нам из прошлого во имя нашего настоящего и будущего, во имя достойного существования человечества в новом тысячелетии.

Не будет преувеличением утверждение, что искомая философия взаимопонимания в качестве одного из своих прообразов — может быть, даже и образцов — уже представлена в традиционной казахской, а в настоящее время и в свободной казахстанской философии. Во всяком случае по своему культурно-историческому характеру казахская и казахстанская философия не является западной и восточной в чистом виде или по преимуществу. Это философия евразийская, которая объединяет достоинства Запада и Востока, Европы и Азии. По своему мировоззренческому и идейному потенциалу и содержанию отечественная философская мысль пропитана пафосом взаимного уважения сочетающихся в ней культур, духом соборности, братской открытости инокультурным влияниям и достижениям. Это не только вызывает гордость за отечественную философскую культуру взаимопонимания, но и возлагает на всякого размышляющего о ней и создающего эту культуру человека ответственное требование сохранять и всемерно актуализировать ее гуманистический потенциал.

В процессе диалога и интеграции Востока и Запада, налаживании диалога культур, народов, мировоззрений активно задействованы все сферы культуры: политика, наука, религия и т. д. Широта постановки проблемы и круга рассматриваемых вопросов определяется также и этим обстоятельством: ведь невозможно говорить о взаимопонимании, если не учтена какая-либо принципиально важная сторона.

Этапы взаимообогащающей интеграции культур схематически можно представить следующим образом. Изначальная общность (единство) человеческого рода сменяется дифференциацией культур, этносов, типов отношения к миру. Затем, особенно в современном мире, осуществляется поиск путей взаимопонимания и согласия различных интересов. Происходит вступление в диалог, в котором совершается реальное познание и понимание другой культуры. В этом процессе происходит взаимный обмен ценностями, необходимыми для жизни и развития взаимодействующих культур, и на этой основе формируется единое по духу человечество, подлинно равноправное человеческое братство.

Для достижения этой благородной цели необходимо, чтобы и сам диалог прошел последовательные стадии, фазы, путь, ведущий к пониманию и согласию. Первой стадией-фазой, или его условием, является взаимное доверие сторон, вступающих в диалог. Через доверие, умелое сочетание интересов и взаимную открытость осуществляется познание друг друга, а как следствие — возникают взаимный интерес и взаимное уважение, поскольку любая культура имеет в своем составе ценности, которые непременно вызывают интерес и уважение. Диалог органично перерастает в тесное и взаимовыгодное сотрудничество на пути достижения общих целей.

Следует подчеркнуть: говоря о пространстве межкультурного диалога, необходимости достижения взаимного понимания, согласия и единства, мы имеем в виду диалог реальный, то есть тот, в котором стороны слышат или по крайней мере стараются услышать

друг друга. Понимание трактуется не только как теоретическое, мыслительное усвоение материала иной культуры, но и как сердечное признание. Для нас согласие — не формализованный и вынужденный договор, предписывающий «терпеть» друг друга, а искреннее принятие общности целей и задач. Важно, что единство мы понимаем отнюдь не как унификацию или растворение одной культуры в другой или как их взаимное поглощение, «аннигиляцию», и не как искусственное сохранение имеющегося культурного многообразия. Единство, если говорить о нем не в формальном, а в содержательно-диалектическом смысле, есть ни что иное, как обогащающая все взаимодействующие стороны со-творческая связь (таково, к примеру, подлинное единство человека и Бога, человека и человека, культуры и иной культуры и т. п.). Иными словами, единство понимается нами как внутренняя гармоничная связность многообразного, многообразие в единстве, а следовательно, как развитие многообразного. Ведь развитие может осуществляться только благодаря творческому взаимообогащению, взаимовлиянию многообразных сторон целого, в противном случае многообразие не будет развиваться, а распадется.

Как показывают печальные события последних лет, изоляционистские установки, требования замкнутой и неподвижной монокультуры ведут к крайним и, по сути, агонизирующим формам некоей оригинальности любыми средствами, (во что бы то ни стало), то есть к радикализму, экстремизму, терроризму, фанатизму в международном масштабе. Но это «культура», лишившая себя живительных истоков истинной человечности, открытости, толерантности, доверия, любовного познания и совместного с другими творчества. Ибо культура в точном смысле слова представляет собой предметно-практическое проявление и воплощение духовности — нравственной сущности человека. Обратная и, увы, нередкая в сегодняшнем мире ситуация — когда культура становится самоцелью, мастерством без души, погоней за внешними формами или стремлением к их консервации, — это культура бездуховная. Последняя оборачивается так называемой антикультурой.

Такое рассмотрение проблемы диалога философии Востока и Запада в условиях глобализации дает основание с уверенностью говорить о том, что, во-первых, своеобразие казахстанской (евразийской по духу) философии позволяет ей сегодня выйти на широкий простор мирового культурно-цивилизационного пространства, на уровень диалога конфессий, культур и цивилизаций. Во-вторых, новые культурно-исторические изменения помогут культуре казахстанского народа раздвинуть границы через знакомство и диалог с дру-

гими культурами и в этом процессе лучше познать саму себя, стать конкурентоспособной, а значит, взойти на новые вершины мирового развития. В-третьих, новая модель глобализации предполагает именно такой творческий открытый межконфессиональный и межкультурный диалог, позволяющий включиться в мировые информационные сети, но в то же время сохранить свою национальную идентичность, свое национальное достоинство, неповторимость и уникальность национального образа мира.

В наступившем XXI веке стало ясно, что общение должно выстраиваться как диалогическая парадигма современного мирового сообщества. Антропологический контекст общения в эпоху глобализации становится наиболее важным, потому что сегодня необходимо созидание не только истории человечества, но и человеческой истории. Это возможно только в диалоге в случае признания другой личности, другой культуры и другого национального образа мира. Коммуникация становится подлинной тогда, когда в общении достигается цель взаимопонимания.

Проблематика толерантности строится вокруг феномена понимания—согласия, достижение которого требует глубокого личного диалога. В философии личность присутствует всегда и проявляется как толерантная, всегда готовая к диалогическому общению. Я считаю, что только личностная философия способна достичь универсального согласия, которое осуществляется через сохранение, поощрение и санкционирование различий. Согласие предполагает бережение и продвижение различий, следовательно, основывается не на подавлении и насилии, а на внутреннем взаимопонимании, притяжении душ, национальных характеров и менталитетов. Согласие в такой трактовке вводится в контекст взаимопонимания. Это позволяет раскрыть опыт постижения истины, распространяющийся за пределы области, контролируемой научной методикой. Взаимопонимание не сводится к рациональным процедурам объяснения, а предполагает эмоции, экспрессию, интуицию, жизненную мудрость. Личностная философия пробуждает к творческому поиску, свободному размышлению. А философия, имеющая личностный смысл и личностный характер, несет в мир событийность личности и событийность и многообразие культур.

Можно с уверенностью говорить о том, что свобода, толерантность, диалог и взаимопонимание — доминирующие ценности современного глобализирующегося мира. Их утверждение — не только в теории, но на практике — залог того, что человечество сохранит жизнь на земном шаре и приумножит духовные потенции добра и милосердия.

Альфредо Перес Браво¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Прежде всего позвольте выразить благодарность ректору Гуманитарного университета профсоюзов Александру Запесоцкому за любезное приглашение принять участие в XII Международных Лихачевских научных чтениях. Это честь — присоединиться к вам и стать участником одного из самых важных академических мероприятий в России, посвященного теме «Диалог культур в условиях глобализации».

Организаторы конференции предложили мне написать доклад на тему «Мультикультурализм как проблема национальной политики и международных отношений». Изучив предмет, я бы сказал, что мультикультурализм сам по себе не является проблемой. Однако очевидно, что в наши дни мультикультурализм становится источником множества разногласий, недоразумений и даже конфликтов, но вместе с тем предлагает и новый образ жизни, способствующий развитию и процветанию тех народов, которые учатся и понимают, каким образом противостоять и управлять мультикультурализмом. Иными словами, перед нами — серьезнейший национальный и международный вызов.

Если мы считаем, что мультикультурализм — это сосуществование двух или более различных культур на территории одной нации, то это значит, что мы имеем дело с совершенно новым феноменом в истории человечества, который, без сомнения, представляет собой наиболее характерную черту национальных особенностей XXI столетия. Тем не менее мультикультурализм — это компонент генезиса современных государств, таких как Мексика, Италия, Греция и др. Формирование имеющейся в настоящее время национальной группы субъектов международной системы, которое в некоторых случаях происходило на протяжении веков, отразило, несомненно, изначальное существование различных групп на территории, которая ныне ограничена их правовыми границами. Сегодня, однако, мы являемся свидетелями новой формы мультикультурализма, когда мужчины и женщины, принадлежащие к различным культурам, пересекают государственные границы, закрепляются на новой территории и обустраивают там свою жизнь. И в том, и в другом случае мы говорим о мультикультурализме, однако для

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в Российской Федерации (с 2007 г. по настоящее время). Был послом Мексики в Малайзии (2001–2007), послом Мексики в Панаме (1998–2001). В 1995–1997 годах был вице-президентом Национальной ассоциации по обучению иностранных студентов в Мексике. В 1990–1994 годах занимал должность Посла по особым поручениям в Африке и был аккредитован в 39 странах континента, одновременно с 1991 по 1994 год был постоянным послом Мексики в Алжире.

Он был председателем в более чем 60 комиссиях по международному сотрудничеству между Мексикой и различными странами, главой мексиканской делегации на Межамериканской конференции по наркотикам (2000), представителем президента Мексики на XIII переговорах на высшем уровне Движения неприсоединения (2003).

Автор книг «Мексика сегодня», «Сделанный в Азии», «Панама: переход», «Международное техническое сотрудничество. Международная динамика и мексиканский опыт», ряда статей по проблемам современных международных отношений.

первого случая характерно то, что процесс культурной ассимиляции уже состоялся.

Важный факт, на который мне хотелось бы обратить внимание, — это то, что ежедневно мы наблюдаем трансформацию наций — и всего мира — во все более отчетливые поликультурные сущности. Если мы в деталях рассмотрим нынешнее состояние социального состава в различных странах, то обнаружим, что большинство из них, если не все, в той или иной степени столкнулись с феноменом мультикультурализма. Глобализация, широкие миграционные потоки (относительная легкость перемещения людей — легального или нелегального — по всему миру), новые технологии (Интернет, транспорт, коммуникации и пр.), транскulturация при помощи средств массовой информации, новоявленные глобальные экономические процессы, употребление продукции из других стран и тому подобное — все это создало гигантское пространство для укрепления мультикультурализма.

Обычно в словарях мультикультурализм определяется следующим образом: «Мультикультурализм представляет собой сохранение различных культур или культурных идентичностей внутри единого сообщества, например, государства или народа». С точки зрения философии «мультикультурализм — это система верований и поведенческих стереотипов, которая признает и уважает наличие в организации или сообществе всех разнообразных групп, одобряет и ценит их социально-культурные различия, поощряет и создает возможности для их постоянного вклада во всеобщий культурный контекст, предоставляющий права всем внутри организации или сообщества» (Калей Росадо, докторская диссертация 1997 г.). Согласно Стэнфордской философской энциклопедии «мультикультурализм — это идея в рамках политической философии о том, как правильно реагировать на культурное и религиозное разнообразие. Одной лишь толерантности в отношении групповых различий оказалось недостаточно для того, чтобы относиться к членам групповых меньшинств как к равноправным гражданам... Несмотря на то, что мультикультурализм используется в качестве обобщающего (“зонтичного”) термина для характеристики моральных и политических притязаний многочисленных групп, находящихся в невыгодном положении, таких как афроамериканцы, женщины, геи и лесбиянки и люди с ограниченными возможностями, теоретики мультикультурализма продолжают сосредоточивать внимание на иммигрантах, представляющих собой этнические или религиозные меньшинства (например, латиноамериканцы в США, мусульмане в Западной Европе), национальных меньшинствах (например, каталонцы, баски, валлийцы, франкофоны-квебекцы) и туземных народах (например, коренные народности Северной Америки, маори в Новой Зеландии)».

Совершенно очевидно, что, оперируя термином «мультикультурализм», мы обращаемся к целому ряду понятий, объединенных этим одним термином; именно поэтому этот столь объемный термин порождает самые

разные реакции у различных людей, у различных правительств и у международной общественности. Для одних сообществ мультикультурализм — это вопрос сосуществования, для других, придерживающихся противоположных взглядов, это гордость национальной идентичности. Это понятие может также использоваться в качестве политического инструмента; в этом году состоялись президентские выборы в некоторых странах, и нельзя не согласиться, что использование термина «мультикультурализм» становится мощным оружием в любом политическом споре, либо защищающем, либо обличающем то, что является далеким (*другим*) для нас как группы или даже как сообщества. Но по большей части мы не видим предложений по решению этих вопросов; некоторые политики не сосредотачиваются на положительных аспектах многообразия, указывая лишь на культурные различия и высказывая свои опасения по поводу этих различий.

Я буду придерживаться того мнения, что мультикультурализм — это наличие двух или более различных культур, сосуществующих в рамках одной нации. Это необратимый феномен, и мы должны понимать его и научиться извлекать все лучшее из этой новой национальной/глобальной реальности. Но как же нам обсудить столь важный предмет за столь ограниченное время? Нам бы следовало подробно — один за другим — проанализировать примеры национальных ситуаций, чтобы добиться наиболее точного анализа и таким образом сделать конкретные выводы. Но чтобы уложиться в выделенное время, я предлагаю краткую классификацию таких ситуаций по социальным характеристикам: первая группа — это сообщества, относящиеся к исторически образованному национальному государству; вторая группа — это нация с социальной восприимчивостью к основным особенностям культурной идентичности отдельных групп, которые сосуществуют на одной и той же правовой территории; наконец, третья группа связана с более короткими сроками, в течение которых иная культура внедрялась в физическое и социальное пространство современной нации, что породило более сложный мультикультурный процесс (это случай современных всемирных миграций и их последствий).

Я принадлежу к очень древней цивилизации, построенной на многих различных культурах, в которой мультикультурный процесс не прекращается в течение тысячелетий. В качестве посла Мексики мне представилась возможность работать в таких странах, где мультикультурализм играет центральную роль в повседневной жизни граждан, среди них Малайзия, Панама, Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки (в качестве главы политического отдела Посольства Мексики я провел в Вашингтоне два года).

Позвольте сначала обратиться к ситуации в Мексике (первая группа), цивилизации, насчитывающей уже более 3 тыс. лет. На протяжении всей своей долгой истории — начиная с ольмеков (культура-прародительница) и вплоть до ацтеков, которые господствовали в Центральной Америке в то время, когда стали прибывать европейцы (испанцы — XV в.); в течение трех веков испанского колониального владычества и вплоть до

движения за независимость (1810); а также в современной Мексике — всегда моя страна была мультикультурным народом. И сегодня из 115 млн человек более 10 млн мексиканцев принадлежат к 52 различным этническим группам (туземным), каждая из которых имеет свой язык и свои традиции, что свидетельствует об объемном и сложном полиэтничном и мультиязыковом составе в Мексике. Основной аспект, характеризующий мультикультурализм в Мексике, — это мозаика из большого числа исконных культур коренного населения. В Мексике мультикультурализм — особенность национальной души.

Что касается второй группы, здесь наиболее наглядным примером является Малайзия — удивительная страна, где три основные культуры — малайская, китайская и индийская — сосуществуют на одной государственной территории, и низкий уровень ассимиляции не препятствует высокому уровню социальных достижений. Это настоящее, сложное и успешное мультикультурное равенство; здесь — на территории, ограниченной этими государственными границами, каждый человек в полной мере принимает социальную ответственность. Малайцы контролируют правительство (и, таким образом, армию), китайцы — 80 % коммерческой деятельности, а индийцы заняты в сфере обслуживания, в основном в юриспруденции и медицине. Если вы живете в Малайзии (мне повезло, я провела 6 лет в Куала-Лумпуре), вы начинаете понимать, что базовые элементы нового мультикультурализма — это уважение и четкое осознание общей судьбы.

Очень интересная ситуация наблюдается в Соединенных Штатах Америки: их в какой-то степени можно отнести к третьей группе. Великая американская нация — это подлинное мультинациональное и, следовательно, мультикультурное сообщество. Это страна мигрантов. Думаю, это лучший пример наиболее позитивной культурной ассимиляции. Вследствие своих невероятных экономических достижений на протяжении XX века США превратились в землю надежды, привлекающую миграцию из-за рубежа. Во многих отношениях «американский колосс» стал лидером мировой экономики благодаря вкладу миллионов иностранцев. Будучи уроженцем Мексики, я должен упомянуть об огромном числе мексиканцев, проживающих в Соединенных Штатах (на протяжении нескольких поколений), а также об их выдающемся труде на благо развития североамериканской экономики. Но в то же время я должен подчеркнуть, что миллионы моих соотечественников, хотя и сохраняют особенности мексиканской культуры (пища, традиции, религия, музыка и т. д.), все же с годами влились в новую «американскую» культуру, преобразуя мультикультурализм в новую социальную культуру. Независимо от столь уникальной социальной ассимиляции быстрое расширение притока новых иммигрантов в США привело к социальной напряженности и создало ряд серьезных проблем для национальной безопасности, что способствует негативным перспективам мультикультурализма.

Наконец, хотелось бы отметить, что формирование какой-либо особенной культуры обусловлено историческим процессом, когда по самым различным причи-

нам (географическое местоположение, экономическое развитие, а также непредсказуемые события, такие как войны, аннексии или националистическая эмансипация) возникают сообщества, которые более, чем другие, открыты для усвоения культурного многообразия. На данном этапе, принимая во внимание повсеместно расширяющийся феномен мультикультурализма, нам бы стоило больше сосредоточиться на его позитивных аспектах. Нам следует развивать новую систему национального образования, где главная роль отводится культурной ассимиляции. Это серьезная и очень непростая задача, поскольку нам следует быть как можно более осторожными, чтобы социально-политическая реакция на демографическую полиэтничность не выходила за рамки взаимного уважения.

Чтобы осознать и ответить на этот великий вызов XXI столетия, мы — частные лица, правительства и международное сообщество — должны с большим вниманием отнестись к этой новой мировой реальности. Нам следует работать над тем, чтобы построить лучшее будущее, освоиться в новой реальности и в новом социальном составе каждого государства. Нам надо научиться быть более национально ориентированными и культурно восприимчивыми. Стараться искать в каждом иностранце или в каждой иной культуре лучшие стороны и таланты; перестать испытывать страх перед «инаковостью». Мы способны сохранять в самих себе лучшее, наше национальное самосознание, но мы должны быть готовыми воспринять все самое позитивное извне.

В. Ф. Петренко¹

ОТ ИДЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ ВСЕДИНСТВА

«Можно пережить любое “как”, если знаешь “зачем”», писал Ф. Ницше. «Устойчивость личности обеспечивается наличием дальних мотиваций», — говорила нам в университете на лекциях по патопсихологии Б. В. Зейгарник — талантливая ученица всемирно известного психолога К. Левина. Разделяемый большинством населения образ «потребного будущего» (термин Н. А. Бернштейна), наличие некоей национальной идеи — необходимые компоненты любого развивающегося общества. В качестве таковых можно привести пример «американской мечты» или столь искомой и столь же неуловимой «русской идеи». Аналогично тому, как на уровне физиологии мозга генерирующие ритмы (измеряемые с помощью электроэнцефалографа альфа-, бета- и гамма-ритмы) синхронизируют совместную работу нейронов, наличие общепринятых ценностей и неких канонических текстов (в первую очередь религиозных, но, возможно, и идеологических типа коммунистических, национал-социалистических, чучхе или либертарианских) синхронизирует активность людей, дает обществу дальние мотивы и цели. В течение XX века в России как минимум дважды менялся политический строй, тип экономической формации и, соответственно, государственная идеология (термин Д. де Траси, возрожденный К. Марксом и Ф. Энгельсом²). Последняя удивительным образом трансформировалась, сохраняя некие базисные инварианты при внешней несхожести ее форм при разных режимах.

¹ Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 320 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Член Российского психологического общества. Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН.

² Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1933.

Начиная с 1990 года мы³ с помощью аппарата психосемантики и построения семантических пространств, репертуарных решеток (термин Дж. Келли⁴) и кластерных структур политических партий проводили мониторинг политического сознания российских граждан. В качестве дескрипторов для построения семантического пространства использовались: 1) выдержки из выступлений лидеров политических партий по самым разным политическим проблемам, актуальным на то время; 2) фрагменты программ политических партий; 3) цитаты из Всеобщей декларации прав человека, из конституции А. Д. Сахарова и т. п. Респондентов, в роли которых выступало руководство политических партий, мы просили высказать согласие или несогласие с предложенными фрагментами тестов. Полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного и кластерного анализа. В построенном нами накануне распада Советского Союза семантическом пространстве ведущим фактором, задающим противопоставление политических партий, оказался фактор децентрализации Союза (разделяемый демократами) в форме конфедерации республик или независимых государств (обладающих своей армией, финансовой системой и прочими атрибутами самостоятельных государств) на одном полюсе фактора в оппозиции полюсу централизованного Советского Союза (для прокоммунистических партий) или Единой православной монархии (для национал-патриотов). Напряжение по этому ведущему фактору и привело в итоге в 1991 году к распаду СССР.

В контексте проблематики настоящей статьи особо интересным оказался второй (по вкладу в общую дисперсию) фактор, задающий противопоставление политических партий по отношению к коммунистической идеологии. На одном полюсе этого фактора находились ее сторонники — ортодоксальные коммунисты, а на другом — демократы и национал-патриоты, счи-

³ Петренко В. Ф., Митина О. В. *Психосемантический анализ динамики общественного сознания*. М., 1997.

⁴ Келли Дж. *Теория личности. Психология личностных конструктов*. СПб., 2000.

тавшие (каждый в рамках своей логики) ее неприемлемой. Оппозицию коммунистической идеологии составляли требования возрождения религии (предоставления ей места в образовании, массовых коммуникациях, возврат культовых сооружений в собственность религиозных организаций и т. п.). Таким образом, демократы ельцинской эпохи не смогли или не успели выдвинуть собственную идеологию, противопоставленную коммунистической.

Идеология личностного обогащения и успеха, де-факто принятая элитой, не могла стать «русской идеей», будучи принципиально неприемлемой для большей части населения в силу общинной, уравнилельной идеологии, доминировавшей более 70 лет в Советском Союзе, а также из-за низкой социальной мобильности населения и трудности подъема по социальной лестнице. Экономическую выгоду от смены режима имели в первую очередь представители старой (советской) элиты, их дети и обслуживающие их (и собственные интересы) силовые структуры, конвертировавшие власть в экономическое и политическое преуспевание. Единственной реальной идеологией, имеющей мощные корни в истории, культуре и системе ценностей России, оказалась религия, вернее, четыре признанные государством религиозные конфессии: христианство, ислам, буддизм и иудаизм, при общем доминировании православия, де-факто возведенного в статус государственной религии (при никем не отмененном конституционном принципе отделения церкви от государства). «Все вернулось на круги своя», и выдвинутый министром просвещения графом Уваровым во времена Николая I лозунг «Самодержавие, Православие, Народность» оказался опять современным.

Религия, помимо мощной психотерапевтической функции, примиряющей человека с ограниченностью его пребывания в этом мире, помимо смыслообразующей функции¹, представляет собой объединяющее начало, интегрирующее людей в социуме. Принцип «несть ни эллина, ни иудея» присущ в той или иной форме всем мировым религиям. Возникновение огромных империй совпало по времени и было следствием появления мировых религий в так называемое «осевое время» (термин К. Ясперса²). Но, выступая камертоном, по которому настраиваются социальные и индивидуальные смыслы человеческого бытия, религия в ситуации многоконфессионального государства становится фактором противопоставления «мы» и «они». Мы — верующие в истинного Бога, а они — иноверцы, безбожники, идолопоклонники, неверные, религиозно нечистые и т. д. Более того, мне приходилось слышать, например, от православного священника перечисление «эти сатанисты, гомосексуалисты, буддисты». Как говорится, комментарии излишни. В то же время, на мой взгляд, большой ошибкой государства было разрешение создавать международные медресе, финансируемые из-за рубежа и пропагандирующие фундаменталистские течения ислама в северокавказских республиках, где до этого традиционно придерживались ислама суфийского толка.

¹ Вспомним у Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено» и «если Бога нет, то какой же я после этого капитан?»

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Религиозное противопоставление рождает нетерпимость, а она ведет к фанатизму, фундаментализму, порождает агрессию. Противопоставление по религиозному принципу нарушает национальную идентичность, понимаемую не в плане этническом или религиозном, а как идентичность на основе осознания своего согражданства с другими людьми в рамках одного государства, с единством общей истории, культуры и языка. Это, впрочем, не исключает «единства в многообразии» этнических культур и национальных языков в дополнении к общенациональному. Известно, что в условиях Советского Союза успешно проводилась национальная политика поддержки культуры малых народов — наличие государственного финансирования и высокопрофессионального штата переводчиков (о чем говорил на прошлых Лихачевских чтениях Д. Гранин) обеспечивало интеграцию культуры малых народов в общесоюзное и общемировое культурное пространство.

Снятие напряжения, вызванного религиозным противопоставлением, возможно на основе давным-давно выработанного понимания: «Бог один, но у него (в разных культурах) разные имена». Реализация этого принципа ведет к экуменизму, и по этому пути пошла, например, Всемирная церковь в США. В России экуменизм, к сожалению, не пользуется поддержкой, и к нему настороженно относится РПЦ. Снятие же религиозной нетерпимости («эгоцентризма» в терминах всемирно известного психолога Ж. Пиаже) связано со способностью встать на позицию другого, увидеть мир «его глазами».

Несколько лет назад я был участником конгресса на тему «Психология и духовность», который проводился в столице Индии Дели. Там были ученые из разных стран мира, духовные учителя из Индии, ламы из Тибета, протестантские и католические пасторы, мусульманские религиозные лидеры. Утро перед началом конгресса для всех желающих начиналось с упражнений йоги, пения индуистских гимнов (для активации энергетических чакр), иногда за ними под звуки национальных музыкальных инструментов следовали мусульманские песнопения, и, наконец, шло погружение в себя и буддийская медитация. Нелишне отметить и совместные вегетарианские трапезы, где собравшиеся группировались вокруг того или иного стола по интересам к той или иной тематике конгресса. В культурную программу входило знакомство с искусством тех стран, которые прислали на него своих представителей, но, естественно, большинство музыкальных и танцевальных ансамблей, потрясших нас свободой импровизации, были местные индийские. В ходе научных дискуссий и многочисленных круглых столов я задал вопрос одному из организаторов конгресса, индийскому гуру: «Как Вы думаете, существует множество духовных вершин или же одна (единый Бог, имеющий в разных культурах разные имена), к которой взбираются с разных сторон разные народы, создавая разные религии?» Подумав, он ответил, что, по его мнению, вершин множество и не все обладают дао (истинным путем).

Дао — понятие даосизма, китайской религиозной философии, и такое свободное владение индуистом по-

нятиями другой религии свидетельствует о взаимопроникновении различных мировоззрений, о многомерности сознания современного человека, о толерантности и поликультуральности думающего человека, занятого богоискательством. Глобализм в современном мире существует не только в экономике, но и в менталитете современных землян.

В своем пилотажном исследовании¹ мы строили кросс-конфессиональное семантическое пространство для мировых религий и ряда наиболее повлиявших на мировую историю идеологий: коммунизма, национал-социализма и либерализма. В качестве дескрипторов для построения семантического пространства брались изречения из канонических религиозных текстов (Ветхого и Нового Заветов, Корана, буддийской Дхаммапады и т. п.). Помимо религиозных текстов использовались фрагменты высказываний, отражающие позиции указанных выше идеологий. На наш взгляд, их можно рассматривать как своеобразные квазирелигии (по крайней мере коммунизм и национал-социализм). Респонденты — люди с высшим образованием и научными степенями, интересующиеся религиозной тематикой, — оценивали по градуальной шкале соответствие предложенных им ценностных суждений позициям мировых религий и указанных идеологий. Иначе говоря, оценивали данные суждения с позиций православного, католика, мусульманина, буддиста, иудея, коммуниста, либерала и национал-социалиста. Полученные матрицы данных так же, как и в наших социально-политических исследованиях, подвергались процедуре факторного и кластерного анализа.

В ходе пилотажного исследования было выделено четыре базисных фактора, объясняющих сходство и различие мировых религий и идеологий. Первый фактор противопоставлял религии, отрицающие возможность насилия («не убий»), и идеологии, полагающие, что «цель оправдывает средства». Второй фактор противопоставлял религии и идеологии, требующие от человека ограничения своих страстей и желаний, обыденному мировосприятию человека, живущего ради собственного удовольствия и не желающего ограничивать свои желания и прихоти. Третий фактор противопоставлял религии «жесткой нормативности» (иудаизм и ислам) религиям, допускающим возможность нарушения религиозных запретов, исходя из любви и сострадания (христианство, буддизм). Четвертый фактор определял отношение человека к миру, трактуемому как иллюзорность (буддизм, индуизм), в оппозиции к требованию включенности в жизненную активность (ислам, протестантизм).

Проводимое нами в настоящее время исследование призвано, в частности, расширить набор суждений и увеличить размерность (число факторов) кросс-конфессионального семантического пространства. Обращение к населению (электорату) России с просьбой быть респондентами наших опросов позволит проеци-

ровать позиции населения на кросс-конфессиональное семантическое пространство. Для конкретного человека по мере близости его позиции к позиции той или иной религии или идеологии можно определить характер его идентичности. Например, к чему ближе ценностные установки конкретного жителя, скажем, Казани: к ментальности мусульманина, христианина, коммуниста или либерала. (Примечание: поскольку данная методика обращена к сознанию респондента, использовать ее для контроля со стороны «Большого Брата» (Дж. Оруэлл) представляется малоперспективным.) Данная психосемантическая методика может быть использована, например, для определения реального количества верующих той или иной конфессии, поскольку отождествление этнической и религиозной принадлежности человека является методологически некорректным, особенно в наш век глобализации и взаимопроникновения культур.

Одной из особенностей современной эпохи, на мой взгляд, является происходящая конвергенция позиций науки и религии. Так, рядом протестантских теологов описанное в Ветхом Завете Сотворение мира за семь дней интерпретируется как метафора длительных эпох становления. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной — до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 млрд лет. Земля как космический объект существует не менее 5–6 млрд лет, а жизнь на земле возникла 3–4 млрд лет назад. Если перефразировать слова Ш. де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в наши сердца». Действительно, тяжелые элементы периодической таблицы (например металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда, выгорая, они сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищную температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо как компонент гемоглобина.

Мы — дети космоса, наша эволюция — звено в «глобальной эволюции» (или Big History)². При этом, согласно вертикали Снукса–Панова³, показавшей экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности, к своеобразной «точке бифуркации», когда она либо исчезнет, либо примет иную, возможно, нематериальную форму. «Великое молчание» Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Дойдя до определенного уровня развития, цивилизация либо уничтожает саму себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в какую-то другую форму. Так, великий космический мыслитель К. Э. Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших матери-

¹ Петренко В. Ф., Ярцева А. И. Кроссконфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом // Вестник РАН. 2005. № 2. В настоящее время мы проводим исследование при поддержке РФФИ (грант № 11-06-12023-офи-м), где, в отличие от пилотажного, в роли респондентов выступают носители культа.

² См.: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика–психология–прогнозирование). М., 2004.

³ См.: Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. М., 2008.

альный уровень, образует «Космическое сознание» или «Интегральный разум». В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственного бессознательного.

В любом случае можно ожидать появления некоей интегральной этики, вбирающей в себя общечеловеческие ценности¹, а может быть, и гипотетические ценности космических цивилизаций, духовные практики, выработанные мировыми религиями, достижения науки, стоящей на целостных (холистских) позициях. Человечество последовательно переходит от эгоцентризма индивидуального бытия к мироощущению Всеедин-

ства (о котором писал В. С. Соловьев²), к ощущению единства со всеми живыми существами, состраданию к ним (о чем проповедовал Будда), к религии любви (которую исповедует Христос), к признанию принципа кармической причинности (индуизм). Мироощущение Всеединства находит свое подтверждение в науке, в частности, в верификации парадокса Эйнштейна–Подольского–Розена, отменяющего принцип локальности и доказывающего взаимосвязь и единство всего сущего, в представлении о роли сознания³ в редукции волновой функции и в переходе от возможного к реальному. Взаимосвязи человека и космоса посвящена, в частности, наша статья⁴, в которой обсуждается взаимосвязь физической и психической реальности.

Васил Проданов⁵

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

В последние годы лидеры крупных западноевропейских государств — Саркози во Франции, Меркель в Германии и Кэмерон в Великобритании — в той или иной форме отказались от мультикультурализма как политики интеграции возрастающего количества иммигрантов в их государствах. Начали говорить о «кризисе мультикультурализма», о том, что «мультикультурализм уже мертв». При такой ситуации встает вопрос, что делать с этого момента и далее, имея в виду такие тенденции, как увеличивающееся число иммигрантов, уменьшающиеся возможности национальных государств в условиях глобализации формировать общую национальную идентичность и опасности этнической и религиозной противопоставленности.

Кризис мультикультурализма является результатом того, что идея равенства культур, признания и уважения иной культуры, различий сталкивается с фактом, что там, где существует много культур, актуальным является вопрос, что же будет тем общим, от чего зависит единство между людьми. И вообще, каковы границы культурного разнообразия и дифференциации, к которым мы должны проявлять терпимость? Очевидно, что такие границы необходимы и невозможна терпимость к любой потенциальной культуре.

Культуры не являются чем-то застывшим и неизменным, они развиваются и изменяются, особенно сегодня, огромными темпами, и встает вопрос, к чему именно мы должны испытывать уважение в данном процессе перемен. Они не являются некими закрытыми целостностями, а содержат самые различные элементы, непрерывно усваивая новые, отказываясь от

старых или реконструируя их и создавая новые. Это приводит к созданию конструктивистских теорий идентичности. Конструктивизм как социальная теория опирается на идею, что виды идентичности не какая-то неизменная данность, они изменяются; на тот факт, что человек может иметь множество видов идентичности, которые выражают его принадлежность к различным общностям, и здесь важно найти механизмы их взаимосвязи, интеграции между ними. Невозможно создание государства или какой бы то ни было крупной общности на основе принципа ничем не ограниченного плюрализма, разнообразия и различий без границ, ничем не ограниченной толерантности.

Определенные характеристики прошлых общностей коренным образом противоположны представлению о ценностях современного общества. Существует вопрос: как преодолеть эти противоположности? Необходимо ли подходить толерантно к каждой характеристике отдельной культуры? Существуют культуры, в которых традицией является, например, жертвоприношение, так необходимо ли с уважением относиться к этому? Необходимо ли уважать это различие? Если, например, в исламской культуре, связанной с шариатом, считается нормальным отрубить руку вору или забить неверную супругу камнями, то необходимо ли, чтобы это различие было принято остальными, аргументируя тем, что они должны проявлять толерантность к иной культуре? Нормальным ли будет их взаимное сосуществование, если эти общности имеют различные представления о ценности человеческой жизни? Если у них нет никаких общих ценностей, общего понимания о справедливости и несправедливости, равенстве и неравенстве, приемлемом и неприемлемом поведении, если нет взаимодействия, а есть разделение в различных общностях, то в этом случае невозможна никакая единая государственная общность. Очевидно, что необходимы какие-то границы в различиях, вне которых должно существовать нечто общее, нечто объединяющее, что дает возможность сосуществованию различий.

В классических либеральных представлениях, идущих от Джона Стюарта Милля, вводится идея, что та-

¹ См.: Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995.

² Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1989.

³ Менский М. Б. Человек и квантовый мир. Фрязино, 2007.

⁴ Петренко В. Ф., Супрун А. П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61, № 3.

⁵ Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданского общества и глобальный капитализм», «Насилие в модерната эпоха», «Бъдешето на философията» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

кая граница должна формулироваться на основе принципа «не вредить». Наша толерантность к различиям, плюрализму должна бы ограничиваться там, где начинается причинение вреда другим. Эта формула на первый взгляд выглядит весьма понятной и приемлемой. Большая проблема состоит в том, что по вопросу, что «вредит» и что «не вредит», могут существовать в корне различные интерпретации в зависимости от интересов и ценностей различных социальных групп. По этому вопросу идут постоянные дискуссии, и позиции, которые отстаивают, например, консерваторы, отличаются от позиции либералов, а у социалистов и коммунистов они еще более расходятся. А поскольку существуют десятки видов консерватизма, либерализма, социализма, коммунизма, то между ними также имеют место коренные различия.

В поисках ответа на вопрос, как сочетать разнообразие и единство, как найти баланс отношений между ними, я бы отметил три фактора и соответственно три уровня такого сочетания — политический, культурный, социально-экономический. При этом речь идет о сочетании, которое характеризуется такими понятиями, как «интеграция», а не «ассимиляция». Только при взаимодействии этих трех механизмов можно прийти к эффективному сочетанию разнообразия идентичностей с их интеграцией, взаимодействием, единством.

1. Политическое измерение интеграции

Опыт как прошлого, так и настоящего показывает, что этническое понятие нации и связанный с ним этнический национализм могут иметь бедственные последствия для общества, привести к сильным конфликтам и противостоянию. Поэтому, очевидно, необходимо воспринять идею политической нации, где каждый гражданин имеет равные права и ни в коей мере не может подвергнуться дискриминации в обществе ни по какому поводу, а законы, по которым он живет, и границы его прав определяются через участие всех граждан в политическом процессе. Если определенная культура предполагает различия в индивидуальных правах граждан, например в оценке мужчины и женщины, то такие характеристики данной культуры должны быть неприемлемы, с тем чтобы соответствующая единая политическая нация могла существовать. Такое сочетание возможно, только если принять политическое, а не этническое понятие нации и опираться на деэтнизованную и секуляризованную политику.

Это предполагает категорический отказ от создания партий по этническому признаку, поскольку такие партии превращаются в основной механизм этнической капсуляции и сегрегации соответствующих избирательных корпусов, препятствуя, по существу, их интеграции. Разделение между партиями должно происходить прежде всего с точки зрения их социально-экономических программ, причем предполагается, что это основная группа проблем, которые они должны решать.

То же самое касается и запрета на создание партий на религиозной основе. Здесь презумпцией является то, что различия в политическом и религиозном плане должны быть характеристиками гражданского об-

щества, а не политики. Существует политическое понятие нации и национальной идентичности, которое предполагает, что, например, все, кто имеет болгарское гражданство, являются болгарскими. Однако отсюда следует, что любая попытка проникновения религии в политику является опасной, и когда, например, мусульмане говорят, что следуют в своих отношениях шариату, это таит в себе опасность для политической интеграции и политической нации, то есть данная религия должна быть ограничена в рамках гражданского общества, без претензий задавать правовые нормы и вмешиваться в политику.

2. Культурное измерение интеграции

Политического понятия нации, однако, недостаточно для интеграции. Об этом говорит прежде всего тот факт, что в современном мире существует много случаев, когда люди имеют двойное гражданство, то есть относятся к двум политическим нациям. Сотни тысяч болгарских граждан являются одновременно гражданами других политических наций — турецкой, американской, различных европейских наций и т. д. Если человек принадлежит к различным политическим нациям и в то же время имеет одну отдельную этническую или культурную идентичность, то это может привести к культурным и этническим конфликтам. Болгарин, который, например, живет в США и имеет и болгарское и американское гражданство, но только болгарскую идентичность, вряд ли сможет реализовать себя в США, развиваться там, он был бы изолирован от остальных. В то же время в случае конфликтов между двумя государствами постоянно возникает вопрос, к какому из них он будет относиться лояльно. Тот же пример можно привести с болгарским турком, который имеет турецкое гражданство, но живет и работает в Болгарии. Он не мог бы себя реализовать, если бы обладал только некоей застывшей и неизменной турецкой этнической и соответственно культурной идентичностью. Именно поэтому следует учитывать еще один уровень интеграции — культурный.

Когда мы говорим о культурном измерении интеграции, следует иметь в виду по крайней мере шесть основных обуславливающих его факторов.

Во-первых, возрастающая роль разнообразия и индивидуализации в современном мире, что предполагает, что индивид не связан навечно с той или иной идентичностью. И идентичности, и культуры — даже когда речь идет о религиозных и этнических идентичностях — не остаются чем-то постоянным, а непрерывно изменяются, отказываясь от одних элементов и включая новые. Общеизвестен тот факт, что миллионы людей каждый год меняют свою религиозную идентичность, другие миллионы в результате быстро увеличивающегося числа смешанных браков стоят перед выбором, какую национальную идентичность предпочесть. В то же время в родном языке болгарских турок существуют болгарские слова — результат совместного существования с болгарскими, а в болгарском языке имеется множество слов, которые были восприняты еще во времена Османской империи. Этническая и национальная характеристики людей радикально изменяются

в процессе модернизации. И идентичность современного болгарина совсем не та, что была у проболгарина, и даже не та, которую имели описанные Йорданом Йовковым и Елином Пелиным сельские персонажи.

Идентичность, связанная с соответствующими ценностями и самосознанием болгарского турка, кардинально отличается от идентичности турка в Османской империи. Она формировалась в болгарском культурном ареале, через болгарские институты и поэтому является не некой абстракцией, а идентичностью болгарского турка. Не только модернизация и демократия, но и интенсивное взаимодействие с другими культурами и общностями изменяют данную идентичность. Существуют такие понятия, как «культурная диффузия», «инкультурация» и «аккультурация», «гибридизация», которые предполагают различные заимствования, взаимодействия и сочетания культур. А постмодернизм в последние десятилетия исследует различные механизмы и версии культурных сочетаний и соответственно изменяющихся идентичностей. Не случайно так называемые постколониальные исследования подробно изучают различные транскультурные образования или «гибриды», которые остаются в соответствующих странах с уходом колониализма и проявляются во множестве элементов языка и культуры, оставшихся от колониальных метрополий.

Мультикультуралисты придают большое значение родному языку, но и он является не застывшей данностью, а культурным гибридом. И в болгарском языке, который рассматривается как исключительно важный фактор идентичности, в результате подобных транскультурных взаимодействий прижились тысячи персидских, арабских, османско-турецких, русских слов, а в последнюю четверть века в него вошли сотни английских слов и фраз, отражающих доминирующее воздействие мирового гегемона в экономике, культуре, политике. Всего за 20 лет — с 1990 по 2010 год, по данным изданного в 2010 году Институтом болгарского языка БАН словаря новых слов и значений, в болгарском языке появилось 5 тыс. новых слов, причем многие из них заимствованы из других языков, определяя таким образом в соответствующем измерении болгарскую национальную идентичность. Большая их часть используется и болгарскими турками, армянами, ромами и другими, то есть слова становятся частью их родного языка.

В современном глобализованном мире индивиды вступают в различные взаимодействия с далекими от них культурами и общностями, что влияет на каждую из них. Например, два десятилетия тому назад празднование дня влюбленных — Дня святого Валентина было присуще определенным католическим культурам, а сегодня он празднуется молодыми болгарками и турками и становится частью их традиции. До XIX века традиции рождественских елок на Балканах не существовало, сегодня она стала частью идентичности всех этнических общностей на континенте. Культуры проникают одна в другую так же, как и идентичности. При этом индивиды могут играть в различной степени активную роль в этом процессе. Идентичности или те или иные их элементы, проявления, вариации являются и вопро-

сом выбора. Человек, например, может выбрать светскую или религиозную идентичность, принять определенные элементы существующих религиозных или светских идентичностей и отказаться от других.

Однако в то же время в культурных взаимодействиях могут возникать конфликтующие и регрессивные, фундаменталистские идентичности, обращенные в прошлое, воспринимаемые как природная данность, как судьба индивида, который через них вступает в противоречие с остальными. Таким образом понимаемые идентичности не могут быть вопросом выбора, каждая из них дается навсегда, индивид получает ее в готовом виде, и она воспринимается как нечто, что неизбежно заставляет людей следовать определенному типу поведения. Такой тип идентичности будет создавать барьеры и противопоставления. Единственный способ перескочить барьер — ассимиляция. Могут, однако, оформляться и диалогизирующие идентичности, взаимодействующие идентичности, которые в процессе такого взаимодействия изменяют сами себя, становятся чем-то другим. От того, создает ли конкретное общество регрессивные и фундаменталистские или взаимодействующие между собой идентичности, в большой степени зависит появление или отсутствие в нем этнических и религиозных конфликтов.

Процессы глобализации, в частности культурной, приводят к своеобразной компрессии пространства, при которой благодаря глобализованным коммуникациям резко усиливается взаимодействие между культурами, возможность когда-то обособленных друг от друга культур сейчас взаимодействовать между собой может иметь двойственные последствия. Может ускорять изменения в идентичности, процессы дополнения, обогащения, развития в результате самых различных взаимодействий. А может иметь и противоположный эффект капсуляции, при котором диаспоры, независимо от их местоположения, контактируют прежде всего с представителями своей культуры во всем мире и борются за ее сохранение в некоей первоначальной, «аутентичной», неизменной форме.

Во-вторых, идентичность — это не только и не просто унаследованная данность, но в современном мире сложных взаимодействий между различными общностями и группами, воспринимаемыми как имеющие различный статус и ценность, мы наблюдаем постоянное стремление той или иной общности или индивидов воспринимать характеристики других общностей, элементы их идентичности или даже их идентичность в целом. В сущности, процессы европеизации и модернизации в Болгарии, как и везде в мире, связаны с принятием ценностных систем и характеристик государств и общностями, которые воспринимаются как имеющие более высокий статус. Так, например, Ататюрк, создавая турецкую республику в начале 1920-х годов, отказался от выражения родного турецкого языка с помощью арабской азбуки и перешел на западноевропейскую латиницу. Везде при переменах в родном языке, в который в результате глобализации непрерывно входят новые слова, появляется оппозиция со стороны борцов против «иностранных слов», за «чистоту языка», основываясь на том, что язык тес-

но связан с национальной идентичностью. Независимо от этого язык быстрыми темпами изменяется. Трансформация идентичностей в странах полупериферии и периферии мировой системы есть принятие характеристик, в прошлом типичных для западных государств. Но и в предыдущий исторический период — до Бориса I болгары не воспринимают христианство как элемент своей идентичности, и только позднее принятое цариградской церковью христианство становится частью их идентичности.

Американский социолог Роберт Мертон вводит понятие «референтная группа», к которой человек не принадлежит, но очень хочет принадлежать и уподобиться ей, независимо от того, что она может оказаться для него закрытой. Это хорошо видно даже в развитии больших наций, которые отстают от развитых западных государств. В русской традиции мы знаем о конфликте между почвенниками и западниками, который, в сущности, был связан с вопросом, что из западного опыта и идентичности надо воспринимать и что нет. Это в меньшей степени касается Болгарии, которая в своей современной истории находилась в намного большей внешней зависимости и поэтому намного активнее включала внешние характеристики в процессе своего развития и идентичности, особенно при радикальных поворотах своей истории. Например, после 1989 года были выдвинуты лозунги «Путь к Европе» и «Новые цивилизационные ценности», что предполагало резкую трансформацию болгарской идентичности в направлении принятия характеристик от Западной Европы.

Существуют как стигматизирующие, так и фаворизирующие идентичности, и люди бегут от стигматизирующих в направлении социально фаворизированных и выглядящих позитивно личностей. В каждом обществе есть стигматизирующие группы и идентичности, и большая часть людей не хочет отождествлять себя с ними — так возникает, в сущности, различие между «объективным» (общность, в которой ты родился) и субъективным, связанным с самоопределением человека и с тем, как он воспринимает собственную идентичность. Это объясняет, например, тот факт, что небольшая часть ромов (цыган) у нас при переписи населения не пишут, что они таковые, а указывают, что они турки или болгары, и постоянно говорится о том, что данные об «их реальном количестве» не точны. Если взять такие политические идентичности, как «коммунист» и «демократ», то будет видно, что в различные периоды они имеют различный статус и связаны с различными референтными группами. До 1989 года «коммунист» имеет высокий ценностный статус, что связано с референтной группой, к которой многие хотят принадлежать. После 1989-го в результате геополитических изменений эта идентичность была стигматизирована за счет придания высокого ценностного статуса такой идентичности, как «демократ». Изменения идентичностей в свою очередь связаны с кризисными процессами, нередко с конфликтами и агрессией со значимыми последствиями.

В-третьих, человек обладает не одной, а множественностью идентичностей, некоторые из которых имеют своеобразный иерархический характер на разных уров-

нях. Ни одна из них не является неизменной, но непрерывно изменяется, включает новые характеристики, расширяя или сужая свои границы. Например, можно иметь этническую идентичность турка, национальную идентичность болгарина и европейскую идентичность, связанную с принадлежностью к ЕС. Именно поэтому мы говорим не какой это турок, а болгарский турок в государстве — члене ЕС. При этом некоторые идентичности могут быть для него более важными, чем другие. Например, профессиональная идентичность для ученого может быть важнее, чем религиозная или этническая. Перемещение людей по планете и увеличивающееся количество диаспор влекут за собой, как следствие, интенсивные перемены и процессы конструирования идентичности. Например, болгарин в США, становясь американским гражданином, может вписаться, взаимодействовать, достичь успеха в данной среде, и сохраняя свои болгарские характеристики, особенно с помощью виртуального общения через глобальные коммуникации со своими соотечественниками, в то же время воспринять черты, характеристики и влияния американской среды. В этом смысле он обладает чертами болгарского американца. Возможно, конечно, что ему будет трудно вписаться в среду, он будет чувствовать себя изолированным, эксплуатируемым, нереализованным, как и многие миллионы других иммигрантов, которые весьма часто оказываются на социальном дне соответствующих обществ. Тогда вероятно тенденция к усилению определенных болгарских характеристик, он может даже стать большим националистом, чем националисты в Болгарии. Это относится и к религиозным характеристикам, и не случайно среди исламских фундаменталистов немало выросших не где-нибудь, а в Западной Европе.

В-четвертых, мультикультурализм разделяет и противопоставляет людей друг другу, когда он пренебрегает некоей общей ценностной базой и вырождается в моральный и культурный релятивизм. Современная ценностная система в Европе есть результат модернизации и эпохи Просвещения, и если нет некоего общего ядра таких ценностей, которые, можно сказать, лежат, например, в основе европейской идентичности, интеграция невозможна. В ряду этих ценностей — отделение государства от религии, равенство полов, учет современных правовых систем. Локальная этническая и религиозная идентичность не должна вступать в противоречие с европейской идентичностью, предполагающей некую общую ценностную базу для всех, кто хочет жить и быть членами ЕС. В этом смысле те или иные элементы различных культур и идентичностей не должны рассматриваться как идентичные, их следует оценивать как в контексте определенной универсальной ценностной шкалы, так и с точки зрения необходимости, чтобы каждый гражданин конкретной страны имел и чувствовал определенные обязанности, идентифицировался бы с ней, испытывал чувство гражданской и культурной принадлежности к этой стране.

В-пятых, следует иметь в виду, что интеграция различных культур и идентичностей в немалой степени обусловлена и особенностями каждой из них. Есть близкие культуры и идентичности, между которыми

интеграция происходит сравнительно легко, но существуют и такие, между которыми этот процесс проходит намного труднее, и там мы имеем тенденцию обособления, отделения одной от другой. Близость в языковом и религиозном отношении может быть результатом долгого исторического сосуществования соответствующих культур или связана с общими социализационными механизмами и пр. В Западной Европе болгары, русские и связанные с христианской традицией европейцы легче интегрируются в соответствующие общества по сравнению с иммигрантами с Ближнего Востока, из Африки, Центральной Америки, Юго-Восточной Азии. Есть такое мнение, что в болгарскую культуру легче интегрируются армяне, чем ромы. Исследование сотрудников Института по изучению обществ и знания при Болгарской академии наук, проведенное в 2011 году под руководством Эмили Ченгеловой, показывает, к примеру, что в Болгарии проживают около 110 тыс. иммигрантов из различных стран, которые сосредоточены главным образом в больших городах. В целом — и экономически и социально — они интегрированы в болгарское общество. Этому способствует установленная в исследовании высокая степень толерантности болгар к иммигрантам. Однако оказывается, что по степени и ресурсам интеграции в болгарском обществе мы имеем значительные различия между отдельными иммигрантскими общностями, культурами, идентичностями. Есть такие, которые являются «сильно закрытыми», как неприступные крепости, имеющие хороший внешний фасад и приемлемое социальное лицо, и куда невозможно проникнуть. Примером такого типа общностей являются китайские и вьетнамские иммигранты.

Вторым типом иммигрантских общностей и культур с точки зрения их способности к интеграции с ведущей болгарской культурой и идентичностью, обладающих ресурсами для определенной степени культурной диффузии, являются «общности со средней степенью социальной дисперсии», которые допускают взаимодействие в определенных границах. К ним можно отнести иммигрантов из арабских стран, Индии, США, Канады и Македонии. Третий тип — это «полностью открытые для интеграции иммигрантские общности», которые проявляют максимально высокую склонность к интегрированию в болгарское общество. Типичными здесь являются граждане России, Молдовы, Украины, бессарабские болгары. В сущности, близость или удаленность культур, их способность входить в процессы культурной диффузии, инкультурация, акультурация могли бы быть и основой иммигрантской политики общества. Оно должно быть более открытым для иммигрантов из культур, с которыми существует более короткая дистанция и возможна активная интеграция.

В-шестых, возрастающее разнообразие общностей в национальном государстве нельзя превратить в некую целостность, которая контактировала бы просто через политическое понятие о нации и всеобщее равенство гражданских прав; требуется и общая культура, язык, система общения, с помощью которых и возможна коммуникация. Наряду с разнообразием идентичностей, включая религиозные, этнические и связанную

с ними культурную специфику, в национальном государстве должен быть и более высокий уровень, на котором они могут объединяться в общую культуру — результат совместного участия всех общностей. Возникает вопрос, как разнообразие могло бы сочетаться в некое единство, а не быть совокупностью не связанных между собой, не имеющих ничего общего культур или идентичностей. Подчинения единому праву и законам недостаточно, чтобы добиться интеграции различных общностей, необходима также единая шкала ценностей.

Закон не может решить проблемы интеграции, если он не опирается на единую базу ценностей, то есть некую общую, совместную, интегрирующую идентичность. Эта общая идентичность также не может находиться в застывшей, неизменной форме, а должна быть результатом взаимодействия различных культур и их вовлечения в сходные процессы развития, экономические и политические воздействия. Не могла бы существовать в истинном смысле слова политическая нация, если, например, различные по этническому происхождению граждане Германии не говорили бы на немецком языке, а, владея этим языком, они получают возможность достичь тех или иных личных успехов в обществе. Если бы они не говорили на одном языке и не имели общих ценностей, то не было бы основы, на которой могли бы проявляться их различия. Нет истинного равноправия этнических идентичностей для тех болгарских ромов и турок, которые не знают болгарского языка, потому что, не зная языка, намного труднее получить хорошее образование и тем самым реально получить равные возможности развития с остальными. Это возможно только при условии, что они, кроме своих этнических характеристик, воспримут и некую общую культуру, которая является их общим культурным пространством, коммуникационной системой, ценностно-регулятивным механизмом, гордостью и сопричастностью с этой культурой. Если нет такой общей национальной идентичности, то не во что интегрироваться отдельным культурам. А это предполагает, что политическая нация неотделима от некоей доминирующей культуры, которую разделяют все, в то время как на другом уровне, в гражданском обществе, каждый свободен выражать свои культурные различия.

Например, проблема болгарских ромов не в том, сохраняют они свою идентичность или нет, а в том, что у них нет такого образования, какое получают болгары, чтобы таким же образом успешно продвигаться по жизни. И это совсем не проблема мультикультурализма, а скорее их неспособность вписаться в единую культуру Болгарии. Масса фондов наперегонки начали учить их «родному языку», а, в сущности, их проблемой является болгарский язык и образование. Это касается и немалой части болгарских турок, которые хорошо знают свой «родной язык», но оказываются неспособными интегрироваться в болгарское общество, потому что не знают болгарского и не имеют необходимого образования на болгарском языке.

Именно потому, что мы имеем дело не со статичными и неизменными идентичностями и культурами, а с множественностью идентичностей, различными

уровнями культурной принадлежности, следовало бы учесть, что общие политические единицы возможны только в том случае, если независимо от их культурного разнообразия на более высоком уровне различные культуры будут опираться на общее культурное ядро, часть общей национальной идентичности. Политика признания различий не должна проводиться за счет политики признания единства. В противном случае различия будут приводить к распаду и противопоставлению отдельных частей общества. Если мы будем опираться только на гражданское (политическое) понятие нации, в котором общим между группами людей является только их правовая привязанность к какому-либо государству, то это государство не будет иметь шанс уцелеть. В любом случае необходимо общее культурное понятие о нации как виртуальной или воображаемой общности, представляющее общее поле коммуникации через общий язык, места памяти, знаки, символы, значения. Это получается в общей образовательной системе, в которой различные этнические общности могут выучить общий язык, иметь равные возможности для получения образования и вертикального роста в обществе. Если они не имеют такой возможности или она не реализуется на практике, лозунги о мультикультурализме приводят к усилению отчуждения между отдельными общностями, к капсуляции части из них внутри соответствующих идентичностей и невозможности большой части их представителей конкурировать на рынке рабочей силы, в рамках различных институций наравне с представителями других общностей.

В сущности, именно с помощью общего культурного понятия нации, в которой имеет место многовековая конвергенция характеристик болгарских турок и этнических болгар, мы можем понять пресловутую болгарскую этническую модель. Эти нации, с одной стороны, несут в себе множество общих характеристик — результат их многовекового сосуществования в пределах Османской империи со всеми ее особенностями. С другой стороны, несут конвергированные характеристики от взаимодействия и длительного сосуществования в рамках сходных обстоятельств и образа жизни, создаваемые природными условиями и сельским хозяйством с аграрным способом производства и жизни в Болгарии. И, наконец, их огромная часть выросла в период формирования социалистической нации, что было связано с социально-экономическим равенством между ними, сходными обстоятельствами взрывной модернизации, ценностей, которые она формировала, способа, которым изменяла элиты различных общностей, фактом, что они были в одних и тех же школах, в одной и той же казарме, на одних и тех же предприятиях, в одних и тех же высших учебных заведениях — и эти процессы в большей или меньшей степени влияли на них схожим образом.

3. Социально-экономическое измерение интеграции

Речь идет об измерении, которое определяется как доминирующее при модели социалистической нации. В этом случае учитывается тот факт, что социально-экономическое неравенство, особенно если оно со-

впадает с этническими и религиозными различиями и неравенством, имеет дестабилизирующие последствия и приводит к процессам распада или ксенофобии. Когда-то Маркс писал, что «пролетариат не имеет отечества» и призывал: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» За этим призывом стоит идея о различных социально-экономических интересах, о том, что интересы бедных или продающих свой труд капиталистам турок, болгар, армян, евреев и других сходны, как близки интересы представителей транснациональной и космополитизированной буржуазии в наши дни, независимо от ее этнических и национальных особенностей.

В сущности, многие исследования показывают, что экстремизм и терроризм на религиозной основе являются результатом распада и кризиса общностей, атомизации общества, изоляции индивидов, которые не видят своей реализации в обществе, в котором живут. Это создает ощущение отчужденности от общества, в котором ты живешь, независимо от твоей этнической и религиозной принадлежности, и способствует экстремизации поведения.

На практике сверхакцент на национальных и этнических идентичностях, придание им особого преимущества, когда это делается в той или иной концепции, — это типичный пример культурного детерминизма, то есть придания сверхзначимости одному специфическому виду детерминации в поведении людей и пренебрежения другими типами детерминации — например экономической детерминацией, которая связана с ролью тех или иных экономических факторов в функционировании общества и поведении личности. Этот культурный детерминизм, однако, имеет свои проявления и в реальном поведении людей, когда он превращается в идеологию, предлагающую в качестве ценности постановку на первое место идентичности, основанной на этносе, религии, поле и т. д.

В условиях экономического кризиса, когда увеличивается число людей, попадающих в тяжелое экономическое положение, проще всего обвинить в этом этнически и национально отличного от тебя. Именно так поступают сегодня этно-популистские и ксенофобские партии в Европе, подменяя реальные проблемы и противопоставления выдуманными. В сущности, нельзя не признать, что существуют по крайней мере две группы заинтересованных в подмене социально-экономического противопоставления этно-националистическим. Это, с одной стороны, экономические субъекты, которые наживаются на этом противопоставлении, а с другой — политики, которые стремятся к власти, манипулируя этно-националистическими или религиозными идентичностями. Бытует мнение, что Усама бен Ладен с его исламским фундаментализмом был создан США как инструмент в войне с советскими войсками в Афганистане, но впоследствии этот религиозный Франкенштейн вышел из-под контроля и обрушился на головы самих американцев.

В конечном счете основным фактором, приводящим к кризису мультикультурализма сегодня, является не просто мультикультуралистская политика либеральных политических элит, а нечто более глубокое — это процесс, который Иммануил Валлерстайн характери-

зует как системный кризис современного капитализма, связанный с выходом из неравновесия созданной им мировой системы во всех ее измерениях — экономическом, политическом, культурном. Одно из измерений этого неравновесия заключается в том, что когда-то существовавшие гигантские социальные неравенства между центром, полупериферией и периферией данной системы, когда богатые из центра были территориально отделены от бедствующих и голодающих на периферии, все больше в условиях глобализации переносятся в самый центр этой системы¹. Мощные иммигрантские потоки переносят бедных из бывшей колониальной периферии в крупные города богатых западноевропейских и североамериканских государств, где они надеются пользоваться теми же социальными приобретениями, какие имеют местные жители. В то же время в условиях глобализации неолиберальный капитализм показывает тенденцию к ослаблению социальных амортизаторов в развитых западных государствах, аннулированию прежних социальных благ. Этот процесс усиливается с увеличением количества бедных из числа иммигрантов и с резким ростом задолженности основных европейских государств, дополнительно приводящими к уменьшению социальных расходов везде. Это ударяет по местным гражданам стран, где появляется так называемый *underclass*, состоящий из отстраненных от социальных отношений граждан, теряющих позиции традиционных рабочих, которые видят в прибывающих иммигрантах конкурентов на их собственные места, в результате чего легко становятся избирателями, манипулируемыми националистическими партиями.

С другой стороны, в результате увеличивающегося структурного неравенства формируется новый феномен глобального неолиберального капитализма — неолиберальные гетто, которые возрастают ускоренными темпами и обособливаются на этнической, расовой, религиозной основе. Если классический капитализм в XIX веке создает большие социально-экономические гетто, например Ист-Энд в Лондоне, то сейчас в развитых странах все чаще можно наблюдать этнические и расовые гетто. В них безработица и преступность превышают предыдущие во много раз. В них вырастает поколение отчужденных от существующей системы молодых людей, которые при отсутствии объединяющей во имя перспективного будущего идеологии ищут спасение в различных формах агрессии — или в преступности, или в периодически вспыхивающих массовых бунтах и насилии против существующей системы, таких, которые произошли во Франции в 2005 году, в Греции в конце 2008-го и в Великобритании в 2011-м.

Во всех этих случаях беспорядки вспыхивали как будто из ничего, как результат убийства полицией отдельного человека. В определенный момент это превращается в постоянную характеристику центров современного, сильно дифференцированного, глобализованного и воспринимаемого как несправедливый капитализма.

Очевидно, что напряжение, которое накапливается между бедными иммигрантами, независимо от того, получили они права граждан соответствующей страны или нет, и богатыми слоями общества таково, что отсутствие подходящей идеологии, которая могла бы упорядочить существующее положение, приводит к спонтанным массовым формам насилия, к озлоблению и ненависти в отношении государства и общества вообще. Не случайно в Лондоне массовые беспорядки начались через несколько месяцев после истерии вокруг свадьбы престолонаследника Уильяма и Кейт Миддлтон, сопровождавшейся демонстрацией огромных расходов, миллионного богатства, массовыми зрелищами в Лондоне и по телевизионным каналам во всем мире. Очевидно, что как раз в Лондоне это дополнительно усилило в среде маргинализованных и безработных молодых людей, которым нечего терять, не живущих даже в крайних кварталах, как это было в XIX веке, ненависть к существующей системе.

Участие в беспорядках и погромах — это стремление вырваться из бессилия, из беспомощного состояния, в которое их поставила система. При этом в Греции и частично в Великобритании столкновение произошло не просто на этнической основе. В Великобритании повод — убийство чернокожего молодого человека — привел к участию в погромах людей, большинство из которых родились в этой стране, хотя и являются выходцами из бывших британских колоний, часть из них являются этническими англичанами, но все они чувствуют себя на дне общества. Нет лидеров, нет организации, есть просто озверевшая, чувствующая себя отчужденной и ненавидящая существующую систему толпа, которая начинает бесчинствовать и бессмысленно уничтожать все вокруг. Это усиливает деградацию, срыв, ненависть между различными общностями. В этих условиях идеология и практика мультикультурализма просто превращаются в источник фальшивого сознания, представляющего существующее капиталистическое социальное неравенство как этническое или религиозное, а не как реальный социально-экономический феномен. Без решения проблем социально-экономического неравенства мультикультурализм превращается в фасад на много более глубоких противоречий и по существу не работает.

¹ *Wallerstein I. The Global Economy won't Recorder. Now Again // Foreign Policy. 2011. Jan./Febr.*

Александр Пар¹

РОССИЯ — ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД

На Западе отказываются понимать, что среднестатистический россиянин чувствует себя в путинском государстве действительно защищенным. Чтобы вспомнить времена, когда в России дела обстояли еще лучше, надо обратиться к давней истории. Большинство россиян приняло государственный капитализм как экономическую модель развития страны. То, что контроль над полезными ископаемыми отобрали у олигархов и передали в руки государственной власти, также получило одобрение общества. Запад не понял того, что Путин вернул многим русским чувство собственного достоинства. Россию снова стали уважать, а не жалеть, как нищенку. Различие между русским и западным европейцем, как написал один блогер, заключается в том, что у любого жителя Западной Европы на первом месте стоит его благополучие, а у русского — гордость за свою Родину.

«Россия такая, какая она есть», — поучал президент Дмитрий Медведев Запад в Давосе, не позволяя, однако, другим поучать себя. Ответ Запада: «Если Россия считает себя частью Европы, то она должна соблюдать европейские правила игры». Новый имидж европейцев основывается не на географии, как в прошлые века, а на гуманистических и правовых ценностях, таких как демократия, социальная рыночная экономика, принцип правового государства, плюрализм, защита прав меньшинств, свобода вероисповедания и свобода слова. Эти ценности завоевывались европейскими нациями в течение столетий. Они — составная часть *Acquis communautaire* и для европейского гражданина означают гораздо больше, чем владение территорией.

Россия чувствует дискриминацию по отношению к себе, так как Запад идеологически оккупировал европейский континент своими ценностями. После краха коммунизма Россия была вынуждена создавать свою идентичность заново. Так как были утрачены воспоминания об историческом периоде до 1917 года, поиск идентичности привел Россию к ее византийскому наследию. Западная Европа, по русскому толкованию, живет ценностями римской правовой культуры, а Россия, как отпрыск исчезнувшей в 1453 году Византийской империи, имеет другие европейские корни. На Западе во главу угла ставится буква закона, а в России на первом месте стоит справедливость (субъективно воспринимаемая). Когда закон не давал ясности, принимал решения не суд, а справедливый царь.

Западный демократ сегодня не может себе представить недемократическую Россию в роли союзницы За-

пада. Западная политология ощущает себя исключительно как наука о демократии. Это также результат победы Запада в холодной войне. Раньше исследователи Востока должны были изучать внутреннюю жизнь России, чтобы дать необходимые политические рекомендации. Тогда весь мир смотрел на Россию, которая, в конечном счете, контролировала половину Европы. После распада Советского Союза Восток стал неинтересен, исчезла угроза, а с ней и необходимость заниматься этой страной. В 1990-х у Запада был интерес к преобразованиям в Восточной Европе. Но по мере их замедления появилось нечто вроде усталости от России.

Современная наука о демократии оценивает Россию исключительно с собственной, западной точки зрения. По этому принципу действуют многие субъекты европейского ценностного порядка, а также представители гражданского общества — неправительственные организации (НПО). Под ними подразумеваются не “Greenpeace”, “Amnesty International”, «Хлеб для мира» или «Красный Крест», которые пытаются сделать мир более гуманным, а американские и немецкие фонды и «фабрики мысли», чье влияние на вопросы внешней политики нельзя недооценивать.

Рост влияния НПО на западную внешнюю политику порождает одну проблему. Европейская внешняя политика со времен холодной войны имеет ценностные ориентиры; распространение этих ценностей укрепляет мир и благополучие также вне Европы. В течение последних лет западная ценностная политика приняла псевдовоенствующий характер. Американский сенатор Джон Маккейн заявил на мюнхенской конференции по безопасности, что ориентированная на ценности внешняя политика — это не миссионерская деятельность, а составная часть политики безопасности. Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС Фуле считает, что ЕС в будущем направит свою партнерскую политику напрямую на обычных людей в партнерских странах и не будет больше работать с представителями власти.

Молодежь Восточной Европы и арабских государств уже не устраивает только виртуальная свобода в Интернете, она хочет получить ее в реальной жизни. По мнению Запада, права человека — универсальное достояние. Тому, кто их нарушит и будет попирает гуманистические принципы, грозят санкции и суровое наказание. Именно для этого и были основаны неправительственные организации, чтобы донести до других сообществ преимущества либеральной модели. В странах, переходящих к демократическому строю, активисты НПО предстают такими фундаменталистами в доспехах старинных рыцарей-крестоносцев (по выражению Путина). Вместо креста и меча они воюют против зла с помощью современного оружия свободного информационного общества — *Facebook* и *Twitter*. В XX веке Советский Союз пытался перенести коммунистическую революцию на другие континенты. В Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Ни-

¹ Директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP), журналист, политолог, почетный профессор МГИМО и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор биографий В. В. Путина («Владимир Путин: “немец” в Кремле»), М. С. Горбачева (“Gorbatschow — der neue Mann”), книг «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка», «Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой». Член Совета директоров Yalta European Strategy (YES), член Валдайского клуба. За вклад в развитие немецко-российских отношений награжден крестом «За заслуги перед ФРГ» (высшая награда страны).

карагуа и Анголе социалистическая революция одержала победу. В XXI столетии революции экспортирует Запад — это он теперь поощряет демократические революции в мире. Во времена холодной войны международное движение за мир было направлено против США, считавшихся империалистическим государством. Советский Союз притягивал симпатии левых движений. И вот через 20 лет защитником демократии вдруг предстает Америка, а бывшие непримиримые пацифисты, немецкие «зеленые», требуют проведения военных операций против диктаторов. Авторитарная Россия заклеена позором как страна, где нарушаются права человека.

Репутация России в международной прессе основательно испорчена. В отношении нее Запад не испытывает никаких положительных эмоций. Малочисленные позитивные репортажи теряются в потоке медийной информации и мало до кого доходят, так как никого не интересуют и противоречат общему представлению западных читателей о России. В Германии люди ожидают от СМИ не только объективной подачи информации, но и нравственной позиции. Так как политическая и общественная жизнь России часто не соответствует западным стандартам, журналисты открыто возмущаются, размахивая дубинкой морали. Внешняя политика является частью нашей развлекательной индустрии, постоянно требующей новых впечатлений. В освещении России западная пресса поймана в паутину противоречивых стереотипов: с одной стороны, злое государство, лишаящее своих граждан свободы, с другой — сибирские просторы и вызывающие жалость бабуски в деревянных избушках.

Хотя Россия больше не вызывает у широкой немецкой общественности такого интереса, как раньше, ясной целью ЕС и представителей его гражданского общества на годы вперед останется стремление привить этой стране демократические ценности, перенести на нее западную либеральную модель. Европейцы убеждены, что распространение демократии на ближайших соседей служит целям их собственной защиты. Считается, что демократические системы не воюют между собой. В отличие от Китая, Россия считается частью европейского континента, поэтому в вопросах демократии Запад требует от Москвы гораздо большего, чем от Пекина. Перенос ценностей, однако, не должен переродиться в политику двойных стандартов, так как и на Западе существует политический цинизм, признающий эти ценности лишь до тех пор, пока они не противоречат чьим-либо интересам, или скрывающий под благопристойным обличьем продвижение собственных интересов.

Советский Союз практиковал политику двойных стандартов *par excellence*. Двуличие советских дипломатов стало притчей во языцех. Что было позволено одному, было запрещено другому — решающим было то, на чьей стороне право на толкование и реальная сила. Сегодня Запад относится к России с высокомерием. У него лучшая система ценностей и он может гарантировать своим гражданам более комфортную и достойную жизнь. Запад презирает Россию, потому что она одной ногой увязла в социализме, а другой — в таком же неприемлемом «диком» капитализме.

Запад забыл, насколько тернистым был его собственный путь к демократии и как невообразимо трудно дался России тройной переход от империи, планового хозяйства и тоталитарной системы к демократии и рыночной экономике. Если бы Евросоюз на собственной шкуре испытал такую экономическую катастрофу, какую испытала Россия в 1990-х, то и в его демократической системе произошли бы сбои.

Россия всего 20 лет живет без коммунизма. Демократия должна здесь прижиться. Через 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне в ФРГ тоже еще не сформировалось настоящее гражданское общество. «Дело Шпигеля» продемонстрировало посягательство государства на свободу печати; на вершине власти незбылемо стояла одна партия, правительство пыталось ввести закон о чрезвычайном положении, борясь против студенческих протестов, во время стычек между полицией и демонстрантами были жертвы, вплоть до 1963 года в Бонне власть находилась в руках бессменного канцлера, а Баварией бессменно управляет Христианско-социальный союз (ХСС).

Самым ярким примером политики двойных стандартов стал конфликт из-за Косово. Признание Западом независимости Косово Москва осудила как нарушение международного права, которое ставит территориальную целостность государства выше права народа на самоопределение. Почему Косово получило право на самостоятельность, а стремящиеся к независимости республики Грузии — Абхазия и Южная Осетия — нет?

Разумеется, Россия тоже использует двойные стандарты, особенно по отношению к своим слабым соседям. С одной стороны, за махинации в процессе приватизации в 1990-е годы Кремль наказал Михаила Ходорковского, с другой — оставил безнаказанными других олигархов, действовавших по тому же принципу. Россия провозглашает ценности и убеждения, которые зачастую носят лишь декларативный характер. И, естественно, Россия действует сугубо в собственных интересах.

Еще одной проблемой, разделяющей Россию и Запад, является разное прочтение европейской истории. Историк Ричард Пайпс выдвинул аргумент: авторитарным мышлением Россия обязана длительному влиянию татаро-монгольского ига, что и выработало у нее иммунитет против западной демократии. Три дня продолжалась дискуссия, еще раз показавшая, насколько эмоционально переживалась Россией история XX столетия. Она должна была вызывать гордость и быть одним из формирующих факторов новой идентичности россиян в XXI веке.

Все же очевидно, что историю можно использовать в качестве оружия. Некоторые постсоветские республики не упускали случая выставить себя в трагической роли жертвы и, играя на жалости, получить от Запада признание и гарантии защиты. Русские чувствовали, что некоторые европейские государства хотят присвоить себе их победу над гитлеровской Германией во Второй мировой войне. Как известно, благодаря достигнутым успехам СССР стал второй сверхдержавой, имеющей постоянное место в Совете Безопасности.

сти ООН. Россия до сих пор отождествляет себя с этим советским наследием. Большинство россиян уверены, что СССР победил Гитлера без поддержки союзников. Эта победа, по мнению социолога Льва Гудкова, «навечно» узаконила советскую власть. Во времена перестройки милитаристский пафос исчез, Россия стала рассчитывать на интеграцию с Западом. После тяжелых 1990-х в массовом сознании возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что, кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос, Россия вряд ли может записать что-либо еще в перечень достижений страны в XX столетии.

Почему Россия не просит прощения за 45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в холодной войне, как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требования компенсации и, в конце концов, привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умалит значение победы России во Второй мировой войне. Между тем Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества.

С другой стороны (и это не может не беспокоить), Россия не покончила со сталинизмом. До сегодняшнего дня для половины россиян Сталин — позитивная фигура в российской истории. О его заслугах ведутся бесконечные дискуссии, зато о жертвах советского ГУЛАГа, кроме организаций по защите прав человека, никто не заикается. То, что Сталин подверг репрессиям и приказал уничтожить в массовом порядке сначала старую интеллигенцию, дворянство, духовенство, зажиточных крестьян, а после них и новую советскую элиту, лучших военных и ученых, и даже вернувшихся живыми военнопленных, было стерто из памяти. Ведь Сталину удалось всего за 30 лет из отсталой аграрной страны, пахавшей с плугом, создать сверхдержаву с ядерным оружием.

Скорее всего не самой личностью Сталина так очарованы русские, а мифом о всеилии этого тирана. Только незначительная часть россиян сегодня готова к покаянию и национальному примирению. Основная же масса отклоняет саму мысль активного переосмысления прошлого по примеру послевоенной Германии.

Немецкий историк Кристиан Майер может согласиться с таким отношением. В человеческой истории не память, а забвение часто становилось лучшим лекарством. Так было и в Испании после диктатуры Франко. Переосмысление прошлого вызывало чувство мести, вновь порождающее месть. Майер считает, что одновременно с заключением мира необходимо «прописать» забвение и прощение. Германия после 1945 года выбрала, хоть и не без труда, путь искупления и незабвения гитлеровских преступлений. Возможно, требовать от России активного вспоминания прошлого после того, как она совсем недавно освободилась от тоталитаризма, — это слишком много. Несмотря на это,

правозащитный центр «Мемориал» призывает Кремль как можно скорее воздвигнуть памятник миллионам жертв сталинского террора. Такой жест мог бы вызвать уважение за границей. Медведев выразил обеспокоенность по поводу того, что 90 % российской молодежи не могут назвать ни одного имени из тех мужественных людей, которые в советские времена восставали против репрессий.

По мнению журналиста Андрея Золотова, российское общество все еще находится в состоянии «холодной гражданской войны». Трудно найти консенсус в вопросе обращения с тяжелым наследием прошлого. Сотням тысяч потомков жертв сталинизма противостоит такое же число людей, чьи предки во времена Сталина исполняли роль палачей. Так же тяжело дается преодоление прошлого Путину и Медведеву. Оба принадлежат к так называемой «красной аристократии»: дед Путина работал в аппарате Сталина, а дед Медведева, будучи партийным активистом, участвовал в насильственной коллективизации крестьян.

«Мастерская будущего» — постоянно действующая рабочая группа российско-немецкого дискуссионного форума «Петербургский диалог». В течение нескольких лет сменяющие друг друга участники поочередно встречаются в каком-нибудь интересном месте — в одной из немецких земель или удаленной российской провинции. Эти мероприятия, как и многие другие гражданско-общественные форумы в Германии, служат укреплению взаимопонимания между народами. Там знакомятся представители передовой молодежи обеих стран, ведутся горячие дискуссии о будущем Европы. Те, кто завтра возьмет на себя ответственность за будущее, сейчас лучше узнают друг друга, чтобы через 20–30 лет уметь избегать конфликтов. Хочется надеяться, что к тому времени последние стереотипы исчезнут на свалке истории. Незабываемые конференции — короткими летними ночами в Новосибирске, на романтических водопадах Алтая, во время водных экскурсий в Гамбурге, на границе между Россией и ЕС — в Пскове и его окрестностях, на Балтийском побережье в Калининграде, на Рождественском рынке в Дрездене или в «свободном треугольнике» Германия–Польша–Чехия — показывают молодым людям разные перспективы создания общего дома — Европы. На горячие дискуссии также приглашаются гости из Украины, стран Балтии и Польши.

Доминирующей темой этих дебатов стало «разоружение истории». Россия считается страной с непредсказуемым прошлым. Ее история переписывалась на усмотрение очередного властителя. Таким образом закладывались мины, которые могут взорваться в будущем. Немецкие коллеги пригласили представителей российской передовой молодежи на совещание в Оберзальцберге в Баварии, где Адольф Гитлер планировал нападение на Советский Союз. Участники совместно посетили музейный комплекс Третьего рейха и во время долгих прогулок по лесу дискутировали о том, способна ли Россия на подобное переосмысление истории. К примеру, можно было бы переоборудовать одну из сталинских дач под Москвой в музей ужасов сталинизма.

Молодые россияне предостерегали западных коллег от навязывания России политики десталинизации — страна должна сама освободиться от «менталитета раба». Ответ немцев: Россия, не отрешаясь от сталинизма, никоим образом не может стать частью будущей Европы. Во всяком случае в России стала возможной открытая дискуссия на острые исторические темы. А значит, был предложен путь, по которому Россия должна войти в объединенную Европу подобно Западной Германии в 1945 году и Восточной Европе в 1989-м, ставшими частями общей Европы.

Россия сегодня находится на очень сложном этапе. Либеральные круги на Западе и в России убеждены, что церковь — институт XVIII или XIX века, и она должна стоять в стороне от происходящих в обществе процессов. Возможно, это утверждение справедливо для западной культуры, но в России это не так. После 80 лет коммунизма Россия ищет свои корни в дореволюционной империи, в русских традициях, в том числе в христианстве. Религиозность была утрачена в коммунистической России, и вернуться к прежним традициям очень важно. Без возрождения религии и Православной церкви в том числе, стране сложно было бы найти свой путь. Институт церкви в России играет значительно более важную роль, чем в западных обществах. Современную Россию невозможно представить без Церкви, и это несмотря на трудности, с которыми сталкивается православие на пути своего возрождения.

Сегодня наш мир меняется на глазах. Многие считают, что религия уже отжила свое, что мир переходит в постхристианскую эру, где церковь только мешает развитию будущего человечества. И в этой ситуации Россия становится оплотом абсолютно другой точки зрения, напоминая о том, как важно все-таки не забывать связи времен, всего развития человечества. Мир

настолько быстро и динамично развивается, что возникает очень много тенденций и вопросов, на которые церковь не может однозначно ответить. Существуют проблемы, которые возникают в определенное время и быстро исчезают. В то же время есть вопросы, которые действительно определяют будущее развитие человечества. Ответ на них требует основательного размышления. Церковь не должна вмешиваться в ежедневную политику, не должна становиться одним из игроков на политическом поле, но в России, я думаю, этого и не произойдет. Приходится наблюдать и обратный процесс, когда политики начинают появляться в церкви, чтобы заслужить поддержку электората. Кстати, на Западе политтехнологи тоже пользуются такими приемами. Ведь если политик признается, что стал верующим и воцерковленным, это хорошо? Главное, чтобы вера не превращалась в политтехнологический прием для телекамер.

Российское общество было достаточно покалечено во времена Сталина, при Брежнев в стране царил цинизм, и кто если не церковь будет проповедовать нравственные ценности в безнравственном XXI веке? Сегодня на Западе многие улыбаются, когда в Россию приезжает пояс Богородицы, его встречает Владимир Путин и множество людей приходит помолиться перед святыней. Пусть улыбаются. Ведь на наших глазах возрождаются традиции Византийской империи, которая тысячу лет была хранительницей православия. Где еще в мире можно увидеть что-то подобное? В любых переменах внутри Церкви православие всегда руководствуется уважением к преданию, к традиции. Православная церковь не должна терять связи с прошлым, как это сделали в свое время протестанты. Главный вызов нашего века — устремленность в будущее, которая заставляет немедленно забыть все, что было в прошлом.

Г. М. Резник¹

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ОБЕСПЕЧИТЬ ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

В современном мире главным ресурсом становится человеческий капитал и прежде всего образованные, креативные специалисты, готовые создавать собственный бизнес, побеждать и расти в честной конкурентной среде. Как подчеркнула министр экономического развития Э. Набиуллина, комментируя результаты опроса «Где желают работать выпускники вузов»,

¹ Президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 300 публикаций по проблемам уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутренние убеждения при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по совершенствованию правосудия при Президенте Российской Федерации. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

«в нашей стране уже растет поколение людей, за которое нам придется серьезно конкурировать с другими странами. Они более мобильны, более, если можно так сказать, интернациональны. Придется объяснять будущим предпринимателям, почему они должны размещать свои производства именно в России, здесь создавать центры прибыли и компетенции».

Между тем уже много лет индексы деловой и инвестиционной привлекательности России в рейтингах, ежегодно проводимых авторитетными международными экономическими и финансовыми институтами, находятся на низком уровне. Более того, в последние годы ситуация ухудшилась, что было, в частности, отмечено в докладах Общественной палаты и организации «Опора России» о деловом климате и инновационных перспективах страны.

Консультативный совет по иностранным инвестициям на основе проведенных исследований выделил пять проблем, мешающих увеличению потока инвести-

ций в Россию. Это административные барьеры (на них указали 84 % опрошенных), коррупция (78 %), неадекватное и противоречивое законодательство (71 %) и избирательная трактовка и применение законов (67 %). В то же время незащищенность от агрессивного и неэтичного ведения бизнеса беспокоила всего 39 % опрошенных инвесторов. Получается, что инвестор в России опасается государства «вдвое больше», чем конкурентов, тогда как в нормальной рыночной среде опасаться следует главным образом конкуренции, а не государства.

Такие данные полностью согласуются с результатами недавнего (май 2011 г.) социологического опроса Левада-Центра среди молодых представителей среднего класса (25–39 лет, высокий душевой доход, проживание в Москве, Санкт-Петербурге и 12 городах-миллионниках) о желании поехать за границу и мотивах эмиграции: «уехать на время» подумывают 59 %, уехать «навсегда» — 28 % молодых горожан (в 2009 г. таковых было 13 %) и среди них более всего предпринимателей и сотрудников частных фирм; самый сильный фактор отъезда — «необеспеченность собственности» и «давление властей на бизнес».

Создание комфортной атмосферы для частного бизнеса, для привлечения иностранных инвестиций — задача масштабная, системная. В конечном счете ее решение опирается в преодолении преубеждения массового сознания против частной собственности, насаждавшегося России на протяжении 70 лет, и сформированного в ходе болезненных реформ 1990-х годов представления о бизнесменах как о людях низкой морали, урывающих кусок от «народного добра».

В традиции, сложившейся в нашей юриспруденции, право обычно рассматривается как вспомогательный, вторичный по отношению к экономике феномен. Однако современная экономическая теория существенно уточнила такие взгляды и исходит из того, что право как система, влияющая на существование формальных и неформальных институтов, — важнейший механизм, который не просто ускоряет или тормозит движение экономики, но и, по сути, предопределяет параметры экономической модели, поменять которую можно либо путем изменения реального правопорядка, либо ценой экономического и социального кризиса. В цивилизованном обществе, каковым российское общество видится каждому неравнодушному его гражданину, именно вектор к созданию эффективной экономики, а не узкие интересы отдельных социальных групп, должны определять содержание права.

Но в области российского законодательства есть проблема кричащая, требующая безотлагательного решения. Состоит она в том, что отношения в сфере предпринимательской деятельности, частной собственности не только оказываются не защищены, но еще и без должных правовых оснований квалифицируются как преступления. Такая искусственная криминализация бизнеса достигается двумя путями: 1) принятием уголовно-правовых норм, противоречащих общеправовым принципам, нормам как международного права, так и других (не уголовных) отраслей права; 2) толкованием, искажающим содержание правовой нормы.

Основным экономическим мотивом искусственной криминализации нормальной предпринимательской деятельности выступает завладение собственностью предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности, устранение конкурентов. В результате произвольно подменяются подлинные социально оправданные цели уголовно-правовой регламентации отношений в сфере экономики: уголовно-правовая охрана собственности, используемой в предпринимательской деятельности, заменяется репрессиями в отношении предпринимателей, в том числе избирательными, а уголовное право и уголовная юстиция становятся инструментами управления экономикой и передела собственности. Однако осуществление государством функции передела собственности посредством уголовной репрессии (или ее угрозы) является антиконституционным и не позволяет создать эффективную экономику, а самому государству — стать правовым.

Ныне в стране сложился формально не закрепленный, но реально существующий и опасный для права собственности и законных интересов предпринимателей правопорядок, в условиях которого ведение предпринимательской деятельности неизбежно означает попадание в группу риска быть безосновательно привлеченным к уголовной ответственности и утратить свою собственность и личную свободу. Подсчеты показывают, что каждый десятый российский предприниматель был подвергнут разным формам привлечения к уголовной ответственности без последующего осуждения, и, судя по действиям наших правоохранителей, не меньшее число стало объектами коррупционного шантажа возбуждением уголовных дел. Следует также учитывать, что такой агрессивный правопорядок провоцирует вынужденную защиту собственности и предпринимательства коррупционными методами, что продуцирует рост криминального воздействия на бизнес и уголовных репрессий.

Коллектив авторов в редком наборе — ученых и практиков, юристов и экономистов, цивилистов и криминалистов, представителей конституционного права, судей и адвокатов, — осуществив комплексное монографическое исследование реализации принципа верховенства права в экономической сфере¹, пришел к выводам, что трансформация сложившегося правопорядка не может быть достигнута исключительно совершенствованием текста закона, требует изменения целей и содержания уголовной политики.

Такое кардинальное изменение должно включать:

- отказ от укоренившейся практики уголовно-правового управления экономикой;
- отказ от использования уголовной юстиции в качестве инструмента передела собственности;
- обеспечение независимости судебной системы;
- поддержание практики опровержения неправового толкования и конкретизации норм закона в разъяснениях высших судов при помощи процедуры конституционного контроля;
- отказ от чрезмерного репрессивного уклона уголовного законодательства и практики его применения;

¹ Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике : междунар. кол. моногр. / под ред. А. В. Наумова, Е. В. Новиковой, А. Г. Федотова. М., 2009.

— последовательное осуществление принципа экономики уголовной репрессии, в соответствии с которым уголовная ответственность должна наступать за те правонарушения, защита от которых невозможна средствами иных отраслей права;

— последовательное осуществление принципа системности права, согласно которому уголовный закон не может противоречить нормам других (позитивных) отраслей права, а его применение основываться на их нарушении или игнорировании;

— законодательное введение и реализация на практике специальных дополнительных (сравнительно с действующими в отношении иных субъектов права) материально-правовых и процессуальных гарантий, вытекающих из особенностей предпринимательской деятельности и ограждающих предпринимателей от незаконного уголовного преследования.

Особое значение в ряду этих мер имеет обеспечение независимости судебной власти, оздоровление нашего правосудия, справедливость которого испаряется не только при рассмотрении политически мотивированных («заказных») дел, но и при необходимости системного толкования подлежащих применению законов.

Боюсь, что при нынешнем составе нашего судебного корпуса без отнесения дел об экономических преступлениях к подсудности судов присяжных выправить сложившуюся ситуацию будет крайне тяжело. Отрадно, что Президент РФ Д. А. Медведев заговорил о необходимости расширения компетенции судов присяжных. В данном вопросе хотелось бы получить поддержку бизнеса, потому что от предпринимателей до сих пор приходится слышать, что суд непрофессионалов им не годится. Большое заблуждение.

Не так давно я писал предисловие к избранным речам выдающегося дореволюционного адвоката Сергея Андреевского. Внимательно их перечитал, среди них были и защитительные речи по делам об экономических преступлениях. Защита осуществлялась и в судах присяжных, и в профессиональных судах. Разница была такая: присяжные постановляли большей частью оправдательные вердикты, профессиональные суды — всегда обвинительные. Почему так? Да потому, что виновность в суде присяжных — это не вина перед формальной нормой закона. Присяжные оправдывали предпринимателя, который шел на обоснованный риск и причинял неосторожный вред, финансиста, предпринимавшего меры к спасению банка и нарушавшего при этом законы, инструкции и приказы. А профессиональные судьи точно следовали конкретной статье Уголовного Уложения. И Андреевский в одной из речей (по делу лопнувшего Екатеринославского банка) прямо бросил коронному суду: «Боюсь, что у вас уже установилась в сердце формальная безнадежность по отношению к подсудимому. Я как бы слышу: “Говори сам себе что хочешь, а от закона уйти нельзя!”» И продолжил: «Прошу вас хоть на какое-то время освободиться от такого настроения! Вы знаете римское изречение: “не все, что дозволено, — честно”. Этот афоризм имеет гораздо более интересную изнанку: не все, что запрещено, — нечестно». Но сила аргументации защитника, развенчавшей обвинение в корысти и обмане при совершении подсудимым действий, формально отклонившихся от норм закона и уставов, не заставила судей склониться к «правде жизненной, а не статейной».

Что, в нашем законодательстве ситуация лучше — «дурных» законов нет? Да та же статья Уголовного кодекса «Незаконное предпринимательство», криминализирующая осуществление предпринимательской деятельности за одно только формальное нарушение разрешительной процедуры без признаков обмана, насилия, принуждения, подкупа, подлога документов. Или статья «Незаконное получение кредита», которая попросту дублирует гражданское законодательство о сделках и устанавливает уголовную ответственность за не публичный, а частнопредпринимательский деликт. Или еще одна статья «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения преступления», осуждение по которой нашими профессиональными судами сплошь и рядом представляет собой установление двойной уголовной ответственности одного и того же лица за одни и те же действия. Добавлю, если кому неизвестно: существующая в Уголовном кодексе норма, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности при обостранном риске, является мертвой, профессиональными судами не применяется.

Следующим этапом должно быть постепенное распространение действия суда присяжных на арбитражные дела. Использование арбитражных судов в качестве орудия передела собственности стало ключевым элементом рейдерства. Этому не смог помешать институт арбитражных заседателей в силу, во-первых, вынесения ими совместного решения с профессиональными судьями, во-вторых, общего порядка пересмотра актов судов первой инстанции, исключающего принцип окончательного разрешения присяжными существа дела. В гражданском праве действует свобода договора, а в систему его (права) источников входят обычаи делового оборота, то есть сложившиеся и широко применяемые в какой-либо области предпринимательской деятельности правила поведения, не предусмотренные законодательством, независимо от того, зафиксированы ли они в каком-либо документе. Наиболее компетентно, а значит справедливо, разрешать гражданско-правовые споры, опираясь на обычаи делового оборота, могут представители самого предпринимательского сообщества, отобранные сторонами судебного спора и выступающие на скамье присяжных заседателей в качестве своего рода экспертов.

Верховенство права защищается прежде всего судом. Присяжные, освящая приговоры авторитетом общества, укрепляют авторитет судебной власти, прививают правовую культуру широким слоям населения.

Н. М. Римашевская¹

ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из наиболее характерных черт современного мира является глобализация — сложный, многогранный и противоречивый исторический и социально-экономический процесс, затрагивающий практически все сферы жизнедеятельности, в том числе здравоохранение. Следует отметить, что здравоохранение является не только стратегически важной отраслью, элементом национальной безопасности страны, но и сферой культуры. Глобализационные процессы в здравоохранении носят двойной характер: с одной стороны, у стран появляются новые возможности развивать свое здравоохранение (например, научно-техническое сотрудничество, доступ населения к медицинским услугам других стран); с другой — возникают потенциальные угрозы для здравоохранения отдельных государств (например, «утечка» медицинского персонала за рубеж) и мирового здравоохранения в целом (например, прогрессирующее глобальное эпидемий). Таким образом, влияние глобализации на сферу здравоохранения необходимо рассматривать с учетом вышеизложенных аспектов.

Последняя декада XX века была отмечена в России демографическим кризисом, начало которого условно можно отнести к 1992 году, когда динамика численности населения преодолела «точку невозврата», оказавшись в зоне естественной убыли. Вместе с тем реализация специальных мер демографической политики в рамках национального проекта «Здоровье» привела к реальному сбережению человеческих жизней и за период 2006–2010 годов составила 1150 тыс. человек, увеличив продолжительность предстоящей жизни на 3,7 года.

В 2009 году впервые за 17 лет численность населения страны не уменьшилась, так как миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль, и в начале 2011 года составила 142–143 млн человек. Демографический кризис касается не только численности населения, но в не меньшей мере качества граждан страны, решающей характеристикой здесь является здоровье (и не только потому, что оно непосредственно воздействует на воспроизводственные процессы).

Здоровье — это определяющая ценность для каждой личности, основа человеческого потенциала и человеческого капитала, определяющего экономическую мощь страны, главный компонент качества жизни, измеряемого ее продолжительностью в условиях сво-

бодного выбора. Важен не только факт долголетия, но и способность человека сохранять с годами здоровье, тонус и жизненную энергию, само желание жить. Это источник динамического развития общества, которое придет на смену новейшим технологиям как главный фактор экономического роста, решающий компонент шестого технологического уклада.

Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического, психического и социального благополучия. Физическое здоровье — это способность выполнять каждодневную работу, включая заботу о себе; психическое — состояние человека, находящегося в гармонии с самим собой; социальное — отражает позитивные отношения с другими людьми, готовность оказать помощь и способность принять ее. Существуют два уровня рассмотрения и оценки здоровья: популяционный (общественное здоровье), относящийся к населению некоторой территории, страны, региона, города, и индивидуальный, характеризующий отдельного человека.

Состояние общественного здоровья целесообразно оценивать на основе сравнения с другими странами и территориями, а в качестве характеристик использовать по крайней мере следующие три:

- продолжительность предстоящей жизни (ППЖ);
- уровень заболеваемости населения;
- уровень инвалидизации.

В России самая низкая ППЖ среди европейских стран: в 2010 году она была равна 68,9 годам. Учитывая, что в нашем государстве ППЖ существенно (на 12–13 лет) варьирует по полу, ее следует определять отдельно для женщин и мужчин.

ППЖ формируется в зависимости от состояния смертности. В России общий коэффициент смертности в 2008 году был равен 14,6 на 1000 жителей, в то время как в развитых странах он составлял лишь 8, а в развивающихся — 12. В результате из 180 стран по этому индикатору наша страна оказалась лишь на 100-м месте.

Причиной такого уровня смертности является высокая заболеваемость: в 2008 году было зарегистрировано 772 больных с впервые установленным диагнозом на 1000 человек населения, то есть почти 80 % граждан. Особую озабоченность вызывают болезни социальной этиологии, среди которых туберкулез (395 тыс. человек в 2007 г.) и сифилис (437 тыс. человек в 2007 г.). Существенное влияние на качество репродуктивного здоровья населения оказывает эпидемия ВИЧ/СПИД: 80 % больных с диагнозом ВИЧ являются людьми фертильного возраста, ведущими активную сексуальную жизнь, а 44 % — молодые женщины с репродуктивными возможностями. Растет число детей от инфицированных матерей: в 2006 году их количество равнялось 33 844. Широкое распространение получили психические нозологии: в 2007 году за помощью в связи с психическими расстройствами обратились 4 млн 357 тыс. человек, а общее число нуждаю-

¹ Заведующая лабораторией гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. монографий: «Равенство или справедливость», «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1986 г.», «Человек и реформы. Секреты выживания», «Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки», «Сбережение народа» и др. Главный редактор журнала «Народонаселение», член редколлегии журналов: «Экономика и математические методы», «Мониторинг общественного мнения», «Экономические и социальные перемены», «Грудь и социальные отношения», «Intellectual Economics» (Литва).

щихся в контактах с психиатрами составило 52 млн человек, то есть 1/3 населения. При этом уровень психических расстройств среди детей на четверть выше, чем у взрослых. За 2001–2003 годы число несовершеннолетних, имеющих инвалидность по причине умственной отсталости, увеличилось в два раза. Алкоголизмом и алкогольными психозами страдают 2 млн 291 тыс. человек, а наркоманией — 368,3 тыс., количество людей, употребляющих наркотики (согласно официальной статистике), составляет около 500 тыс., а фактически — 3,5–4 млн человек. В 2007 году число умерших от причин, связанных с употреблением алкоголя, составило 75 200 человек, из них 37 % — от случайных отравлений, 38 % — от алкогольной кардиомиопатии.

Уровень инвалидизации в России определяется численностью инвалидов, которых сегодня более 12 млн. Ежегодно их количество увеличивается на 1 млн человек. Относительное число инвалидов в России в 5 раз больше, чем в развитых странах.

Социальное здоровье (благополучие) измеряется через асоциальное поведение с помощью композитного индекса, интегрирующего первичные показатели отклоняющегося поведения: самоубийства, убийства, психические расстройства, социальное сиротство, разводы и т. д.

Двадцатилетние обследования индивидуального здоровья позволили выявить ряд специфических характеристик.

Во-первых, показатель здоровья имеет устойчивый нисходящий тренд.

Во-вторых, средняя оценка здоровья населения Москвы — 3,13 балла, для страны этот показатель составляет около 3,2 балла по 5-балльной шкале.

В-третьих, особую озабоченность вызывает здоровье детей и молодежи, которое снижается интенсивнее, чем у взрослых. Каждый год у новорожденных наблюдается все меньший потенциал здоровья: в 1990 году родились больными или заболели сразу после рождения 14,7 % детей, в 1995-м — 28,5 %, в 2000-м — 38,0 %, в 2005-м — 40,7, в 2006-м — 38,9 %, в 2008-м — 37,3 %. На протяжении жизненного цикла интенсивность снижения уровня здоровья у детей выше, чем в среднем по всем группам населения, а проблемы заболеваемости в целом (вопреки здравому смыслу) перемещаются из группы престарелых людей в группу детей и молодежи. Здоровье каждого следующего поколения хуже, чем здоровье предшествующего: у наших детей оно хуже, чем у взрослых.

Дети, рожденные больными, не проходят реабилитации в течение жизненного цикла и, вступая в репродуктивный возраст, воспроизводят больное поколение. С каждым годом репродуктивный потенциал снижается, а общество все глубже погружается в некую «социальную воронку» нездоровья. Чтобы выбраться из нее, необходимо несколько поколений. Если не остановить этот негативный процесс, то он может оказаться необратимым.

В-четвертых, социальные условия препятствуют реализации биологических резервов человека, заложенных природой, разрушают этот ресурс. Развитие индивида с биологической точки зрения должно продол-

жаться до 35-летнего возраста, но в конце 1970-х годов «пик» здоровья отмечался в 25 лет, затем он постепенно падал и к концу 1980-х снизился до 16 лет. В преддверии нового века человек остался с тем потенциалом, с которым он родился. Социальные факторы обуславливают состояние «упущенного» здоровья, а сопоставление реального здоровья и биологического потенциала организма раскрывает возможности общества.

В-пятых, изменение здоровья в течение жизни происходит не плавно, а ступенчато. Кризисные точки указывают на возрастные группы риска: у женщин резкий спад здоровья относится к 40 годам, а у мужчин — к 50.

В-шестых, был выявлен гендерный парадокс здоровья, состоящий в том, что продолжительность предстоящей жизни у мужчин на 12–13 лет меньше, чем у женщин (в 2007 году 59,6 лет против 72,6 лет соответственно), а индивидуальный потенциал текущего здоровья у них выше в среднем на 10 %. Это объясняется биологическими и социальными факторами, что в значительной мере диктует необходимость учитывать гендерный характер социально-демографической политики.

Можно назвать следующие биологические причины. Женщина как хранительница человеческого вида обеспечивает его биологическую устойчивость. Ее организм выносливее, она способна к меньшим нагрузкам, но может нести их постоянно и долго. Мужчина обладает экспериментальным и в силу этого менее стабильным организмом. Его организм более уязвим и характеризуется слабым иммунитетом. Мужчина работает интенсивнее, но быстрее выдыхается, он тревожнее и менее устойчив эмоционально, больше подвержен кризам. У него более низкий резерв гормональной системы, что делает его менее защищенным перед стрессом. Для мужчин характерен относительно высокий уровень обмена веществ, в том числе большая интенсивность свободнорадикального окисления. С этим связана повышенная опасность возникновения клеточных мутаций. Неслучайно, мутации гораздо чаще наблюдаются в мужской Y-хромосоме и по мужской линии передается в 10 раз больше наследственных заболеваний. На мужчинах природа экспериментирует, не рискуя более ценной для сохранения вида женской особью.

Гендерное воздействие на здоровье имеет и социальные причины. На рынке труда мужчины занимают рабочие места, характеризующиеся большим риском, травматизмом, вредными условиями. Более 40 часов в неделю работают 37 % мужчин. У мужчин в 2–3 раза выше заболеваемость туберкулезом и в 6–8 раз выше смертность от этой нозологии. У них чаще встречаются вредные привычки. Более половины мужчин (53,6 %) курят табак, а курящих женщин лишь немного более четверти (27,2 %). Низкое потребление алкоголя характеризует 39,2 % мужчин и 78 % женщин. Суицид у мужчин происходит в 6–8 раз чаще, чем у женщин, а самосохранительное поведение развито существенно слабее. Стремясь материально обеспечить семью, российские мужчины конвертируют свое здоровье в доход, в отличие от процессов, наблюдаемых в европейских странах. Женщины чаще болеют и, как известно, несут

две социальные нагрузки — воспитание детей и участие в экономической деятельности, чем определяется их более низкое текущее здоровье.

Существенное значение имеет репродуктивное здоровье, от которого зависит воспроизводственный потенциал населения. Статистика отражает рост заболеваний, влияющих на репродуктивные функции. Речь идет прежде всего о болезнях эндокринной системы, число которых за период 1992–2006 годов увеличилось в два раза, а у подростков — в 3,5 раза. Наблюдается низкое здоровье беременных, около 40 % которых страдают анемией; у женщин растет заболеваемость ВИЧ, также отмечается ранняя беременность у несовершеннолетних. Наконец, лишь менее чем у 1/3 женщин роды проходят в соответствии со стандартами. Следует подчеркнуть, что анемия как заболевание, возникающее при недостаточном питании, выступает четким маркером низкого уровня материальной обеспеченности значительных слоев населения. Это означает, что дети сегодня часто рождаются в негативных условиях.

Продолжает интенсивно снижаться здоровье детей, о чем свидетельствуют специальные наблюдения, проводимые в режиме реального времени с момента рождения ребенка. Они позволили сделать ряд новых выводов, объясняющих снижение уровня здоровья детей и молодежи, а именно:

- около 40 % детей рождаются больными или имеют риск возникновения заболеваний непосредственно после рождения;

- ухудшение здоровья детей — непосредственное следствие снижения здоровья женщин;

- происходит постоянное накопление «груза» патологий в последующих поколениях российского населения;

- формируется порочный круг бедности и болезней детей, прежде всего потому, что примерно половина из них рождается в бедных семьях или имеет риск попасть в группу бедности.

Статистика отмечает постепенное ухудшение индикаторов здоровья российских подростков и молодежи. На фоне хронических заболеваний, которые возникают к окончанию школы у 80 % подростков, фиксируются высокие показатели репродуктивной патологии: у 60 % девушек и 46 % юношей до 18 лет.

Снижение здоровья с начала 1990-х годов главным образом можно связывать с реформами, именуемыми «шоковой терапией». Оно явилось прямым следствием не только катастрофического падения уровня жизни, но и более общих и глубоких социально-демографических процессов. Об этом ярко и убедительно писал Питирим Сорокин, оценивая влияние революции (Реформации) на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. В результате реформ возникает радикальная деформация поведения, изменяющая биологический состав населения, уменьшающая его количество и снижающая качество. В конечном счете происходит процесс отрицательной селекции населения, ухудшается «биологический наследственный фонд положительных свойств народа», что способствует его деградации и вырождению.

Состояние и динамика здоровья населения России, наблюдаемые в течение двух последних десятилетий, приводят к выводу о том, что сложилась драматическая ситуация, свидетельствующая об устойчивом негативном тренде. Его опасность состоит в приближении к «точке невозврата» в части не только количественного воспроизводства (эта граница уже преодолена), но и качественного, когда трудно развивать больное общество, а демографические потери приумножаются. Для радикального предотвращения негативных тенденций необходимо по крайней мере знать факторы и причины нездоровья, тщательно их оценивать, чтобы правильно сформулировать меры социальной политики.

По заключению Всемирной организации здравоохранения, здоровье на 50–55 % определяется образом жизни человека (населения), на 8–10 % — системой существующего здравоохранения, на 20–25 % — состоянием окружающей среды, на 15–20 % — генетической составляющей. Для формулирования социальной политики, направленной на улучшение здоровья граждан, в первую очередь важно знать, как структурируются факторы образа жизни (50–55 %).

Широкие междисциплинарные исследования, позволившие выявить причины формирования нездоровья, относящиеся к социально-демографической сфере, показали, что популяционное и индивидуальное здоровье регулируются по-разному, несмотря на то что в конечном счете весь комплекс их воздействий оказывается взаимосвязанным.

Отправной точкой факторного анализа оказывается диапазон различий в исходном потенциале здоровья, детерминированном генетически и проявляющемся в запасе защитных сил организма, степени его сопротивляемости патологическим воздействиям. Факторы обнаруживаются либо как единовременная реакция организма, либо через некоторый промежуток времени, в течение которого могут накапливаться патогенные последствия. Временной лаг зависит, с одной стороны, от природы, продолжительности и интенсивности их воздействия. Множество причин, контролирующих здоровье/нездоровье на микроуровне, интегрируются в три факторных агрегата.

Первый агрегат определяет уязвимость новых поколений, значительная часть которых рождается больными или заболевает непосредственно после рождения. В течение жизненного цикла состояние детей не улучшается, доля абсолютно здоровых постоянно уменьшается, и к окончанию школы здоровыми оказываются менее 10 % детей и подростков. Официальная статистика показывает, что в России около 1/3 детей здоровы, чуть более половины имеют функциональные отклонения, а остальные хронически больны. Два главных обстоятельства социально-экономического характера определяют этот процесс снижения здоровья детей и подростков.

Одно из них связано с состоянием беременных и кормящих матерей, до 40 % которых страдают анемией. При этом лишь менее половины детей находятся на грудном вскармливании. В 2008 году на 1 тыс. детей, достигших одного года, было зарегистрировано 2,5 тыс. заболеваний. В возрасте от 0 до 14 лет зафик-

сировано 38,3 млн больных с впервые установленным диагнозом, в числе которых около 10 % страдали анемией; доля таких детей возростала с течением времени и за период с 1995 по 2008 год увеличилась почти в два раза. Уровень заболеваемости подростков и молодежи (в возрасте 15–17 лет) несколько снижается, но тем не менее остается высоким. В 2008 году на 100 тыс. детей от 0 до 14 лет приходилось 182,7 тыс. болезней; в возрасте 15–17 лет количество заболеваний уменьшилось до 124,9 тыс.

Второе обстоятельство связано с тем, что семьи с детьми, особенно при наличии не одного, а двух-трех детей, имеют относительно низкий уровень жизни. Половина домохозяйств, где рождаются дети, располагают доходами ниже или около прожиточного минимума, то есть являются бедными или имеют существенный риск попадания в группу бедности. Об этом свидетельствуют данные официального обследования семей — НОБУС (Национальное обследование бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах). Среди имеющих относительно благополучное материальное положение женщин с «отличным» здоровьем в 2,6 раза больше, чем в группе, которая ограничивает себя даже в покупке продуктов питания. Состояние женщины в детородном возрасте — это главный фактор, обуславливающий здоровье новорожденного. Из общей численности малоимущего населения в 2008 году более 1/5 части (22,3 %) составляли дети в возрасте до 16 лет.

Второй агрегат факторов связан с потерей эффективной трудовой мотивации, позволяющей трудом обеспечить достойное существование себе и своей семье. Высокопроизводительный труд, необходимый для этого, с одной стороны, требует большого волевого усилия работника, а с другой — законодательно установленно-го минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума. В условиях господствующих в России гендерных стереотипов патриархального характера, когда мужчина выполняет функции добытчика, падение трудовой мотивации в первую очередь негативно воздействует на него. Отсюда — возникновение эффекта сверхсмертности мужчин в период реформ, направленных на формирование рыночной экономики.

Известно, что сегодня минимальная заработная плата в России в 5–7 раз ниже, чем в Европе, и в 10 раз ниже, чем в США. Это приводит к сверхзанятости работника, который готов конвертировать свое здоровье в заработок, а не трансформировать доход в улучшение своего личного состояния.

В равной мере негативное воздействие оказывают три обстоятельства: низкий уровень оплаты труда, безработица и снижение семейных доходов в целом. Складываясь таким образом бедность населения вызывает целый комплекс биологических явлений, начиная с затяжного эмоционального стресса, повышенной тревожности, уменьшающих сопротивляемость организма к патологическим воздействиям и в конечном счете приводящих к срыву динамического стереотипа высшей нервной деятельности. При ухудшении условий существования человека повышается интенсивность окислительного обмена, необходимого для энергетиче-

ского обеспечения жизнедеятельности организма в изменившейся среде. А это, в свою очередь, увеличивает образование свободных радикалов и окислительных повреждений ими ДНК, что ведет к инфарктам, инсультам, злокачественным образованиям, диабету и гепатитам. Бедность усугубляет ситуацию со здоровьем отдельных групп и слоев общества, что проявляется, в частности, в следующем:

— она имеет плохую «социальную наследственность», так как бедные воспроизводят бедных;

— условия жизни в бедности кумулятивно воздействуют на здоровье, ухудшая его потенциал в контексте наследственности;

— населению, находящемуся за чертой бедности, сложно воспользоваться качественными медицинскими услугами, которые сегодня имеют преимущественно платный характер.

Не меньшее влияние на состояние здоровья населения оказывает сложившаяся в России чрезвычайно высокая социальная поляризация. Она негативно воздействует как на микро-, так и на макроуровне. Эксперты ООН сравнили развитие населения Бразилии, Венесуэлы и Таиланда. Первые две страны достигли относительно хороших экономических показателей и более высоких средних доходов на душу населения при существенной дифференциации. В Таиланде, где экономические показатели оказались скромнее, но распределение доходов было более равномерным, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и переход на современный тип воспроизводства населения происходили быстрее.

Социальное неравенство в России как результат существующей в обществе системы распределительных отношений действует на здоровье населения по следующим направлениям. Во-первых, интенсивное погружение страны в состояние поляризации вызывает массовую фрустрацию населения, продолжительный стресс и слом динамического стереотипа высшей нервной деятельности. Во-вторых, неравенство создаст напряжение в обществе, обуславливает проявления агрессии, отчаяния и безнадежности, вызывающие разные формы социального нездоровья, например алкоголизм и наркоманию, играющие вторичную роль в проявлении реакции на обстоятельства, в которых оказывается человек. В-третьих, расслоение в обществе ведет к маргинализации отдельных групп населения с выделением нищих, бомжей, беспризорных детей, проституток, в наибольшей степени подверженных болезням социальной этиологии (резистентная форма туберкулеза, все формы гепатита, сифилис, ВИЧ).

Третий агрегат факторов здоровья базируется на низкой оценке человеческой жизни. Отчасти она возникла под воздействием теории «экономически эффективного населения». Главным становится не человек, а экономический рост, который определяет все аспекты социальной политики, включая интенсивность, масштабы и направления модернизации здравоохранения. На микроуровне этот комплекс связан с внешними условиями, в значительной мере определяющими образ жизни. Обобщающим фактором становится уровень самосохранительного поведения, который име-

ет две экстремальные точки: витальную (позитивную) и патогенную (разрушительную). Одна из них способствует укреплению здоровья, а другая, связанная прежде всего с вредными привычками, разрушает его.

Особое место в третьем комплексе факторов принадлежит жилищным условиям в широком смысле. Большое внимание уделяется качеству жилища, определяемому его типом, плотностью заселения, изолированностью, а также всеми показателями инфраструктурного характера, в том числе транспортными условиями, развитостью предприятий торговли и бытового обслуживания, обустроенностью территории.

Традиционно понятие «здоровье населения» подменяется состоянием и развитием здравоохранения, что вводит в заблуждение при определении приоритетов социальной политики. Количество врачей и больничных коек, а также уровень используемых медицинских технологий, разумеется, влияют на здоровье, но совсем на другом этапе, когда оно уже целиком или частично потеряно. Без учета этого факта приоритеты социальной политики будут иметь ложный характер, а ресурсы, направляемые в сферу медицинских услуг, — использоваться неэффективно.

В области здоровья возможно реализовать два основных направления развития: одно ориентировано на его сохранение путем всесторонней профилактики всех видов заболеваний, а другое — преимущественно на активное лечение, когда болезнь уже проявилась. Какое направление более эффективно? Как правило, существующие условия жизни населения, к сожалению, способствуют распространению заболеваний. Затем учреждения здравоохранения с умноженной энергией, используя новейшие медикаменты, аппаратуру и современные технологии, расходуя с каждым годом все больше средств, лечат детей, трудоспособное население и старшее поколение. Может быть, следует основные средства направить непосредственно на предотвращение болезней? Это существенно эффективнее.

В основе каждого из трех комплексов рассмотренных выше социально-экономических факторов лежат прежде всего материальная обеспеченность населения, реальные масштабы бедности и социальной поляризации. Устойчивый негативный тренд состояния и динамики здоровья, наблюдаемый сегодня в России, отнюдь не случаен, о чем свидетельствуют данные, касающиеся жизненного уровня населения:

— каждый десятый работник получает заработную плату ниже прожиточного минимума, который фактически обеспечивает биологический уровень существования;

— заработная плата 40 % работников настолько низкая, что они не могут обеспечить воспроизводство себя и одного своего ребенка;

— вопреки утверждениям официальной статистики, доля семей, находящихся за границей бедности, то есть с доходами ниже прожиточного минимума, не имеющих возможности удовлетворять социальные потребности, составляет более 30 %;

— несмотря на кризисное состояние экономики, продолжает возрастать социальная поляризация: соот-

ношение доходов 10 % наименее обеспеченных и наиболее богатых составляет 1:17;

— доля бедных слоев населения и неравенство доходов усугубляются огромными различиями в жилищных условиях (как в мегаполисах, так и в малых городах и селах).

Решающее значение для преодоления в стране негативного тренда имеет не столько экономический рост с удвоением или утроением внутреннего валового продукта, сколько существенная реструктуризация распределительных процессов, что позволит решить ряд важнейших социально-экономических задач, в конечном счете определяющих здоровье населения. Среди них отметим два важнейших направления:

— существенное (по крайней мере в два раза) повышение прожиточного минимума как главного социального стандарта, гарантируемого государством не на словах, а на деле каждому (!) гражданину, что изменит границу бедности в стране и приблизит ее к стандартам, принятым сегодня в Европе;

— соответствующий (в разы) рост минимальной оплаты труда, гарантируемой каждому работнику.

Реализация этих условий усилит трудовую мотивацию и улучшит определяющие доход семьи факторы, включающие удовлетворение комплекса базовых потребностей человека. Без этого не только трудно, но и бессмысленно говорить об улучшении здоровья населения, снижении смертности и повышении продолжительности жизни. Одновременно понизится уровень бедности в стране, а также чудовищное неравенство в доходах и оплате труда.

Без использования перераспределительных механизмов в пользу малообеспеченных невозможно разрушить негативный тренд, наметившийся в сфере здоровья в современной России. Чем дольше мы будем откладывать реализацию этого процесса, тем большим числом граждан страны заплатим за это, как уже было в 1990-х годах.

Не следует бояться роста инфляции, а также разбалансированности макроэкономических показателей, потому что нет ничего страшнее гибели людей и существенного уменьшения численности населения страны. Речь должна идти не о средних показателях, не имеющих смысла при существующей дифференциации доходов, а о характере распределения. В России разработаны и экспериментально апробированы механизмы перераспределения, касающиеся системы оплаты труда, налогов, а также расширения комплекса социального страхования, которые давно применяются в странах ЕС и США.

Нужны политическая воля и признание не на словах, а на деле приоритета жизни и здоровья человека.

Таким образом, в контексте мировой глобализации могут быть найдены решения проблем российского здравоохранения, прежде всего в деловом взаимодействии разных стран. Глобализационная характеристика сферы здравоохранения предполагает прежде всего акцент на экономическом аспекте, который проявляется в либерализации торговли медицинскими услугами, сопровождающейся ростом потребления услуг за границей (в том числе медицинский туризм), физическим присутствием медицинских специалистов за рубежом

(медицинский персонал осуществляет врачебную практику в других странах), трансграничной поставкой медицинских услуг (телемедицина, e-health) и коммерческим присутствием (создание учреждений здравоохранения за рубежом). Правовой аспект включает заключение межгосударственных соглашений, касающихся в том числе защиты прав интеллектуальной собственности (в здравоохранении, например, на лекарственные препараты). Политический аспект выражен в создании международных организаций, которые ведут мониторинг состояния здоровья и здравоохранения в мире и составляют рекомендации для стран.

Глобализация мировой культуры, начавшаяся с глобализации экономики как ее подсистемы, повлекшая за собой глобализацию заболеваний, в конечном счете может породить и обратную тенденцию — «закрывание» экономик, так как страны, стремясь защитить свое население и экономику от последствий эпидемий, становятся менее заинтересованными в международном сотрудничестве.

Таким образом, повышается важность прогнозирования последствий глобализации как многопланового, практически всеобъемлющего процесса мирового культурного развития.

А. А. Сафонов¹

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНФЛИКТЫ И ПОИСК КОМПРОМИССОВ

Последовательное вхождение Российской Федерации в глобальную экономику, собственные демографические и экономические вызовы порождают усиление процессов миграционного обмена между нашей страной, странами СНГ и остальными странами мира.

Рассматривая данные процессы с разных точек зрения, можно отметить как положительное влияние внешней миграции на социально-экономическое и культурное развитие России, так и отрицательное. В рамках данной статьи попытаемся разобраться в особенностях внутренних конфликтов, которые порождаются миграционными обменами, характерными для российского общества и экономики.

1. «Все флаги к нам»?

Для российского общества характерны общевропейские особенности демографического развития. Под влиянием промышленной революции 1930-х годов и борьбы коммунистического правительства СССР с индивидуальными хозяйствами (так называемая коллективизация) значительная часть населения переселилась из сельских районов в города. Этот процесс продолжился и после Второй мировой войны. Возникновение преимущественно городского типа поселения, вовлеченность в общественное производство женщин, рост общего уровня образования, а также последствия Гражданской и Второй мировой войн сформировали ядро демографических проблем для современной России (постарение населения, снижение уровня рождаемости, демографические ямы).

Начало нелегких для экономики и общества 1990-х годов ускорило обострение демографических про-

блем. Резкое падение уровня жизни большинства населения, экономический кризис, общая нестабильность государства побудили значительную часть населения покинуть Российскую Федерацию². Распад СССР на ряд самостоятельных государств уменьшил возможности компенсировать низкую рождаемость в российских регионах за счет высокой в республиках Средней Азии. С 1992 по 2007 год естественная убыль составила 12,3 млн человек³.

Таким образом, Россия столкнулась с серьезнейшим социально-экономическим вызовом: абсолютное сокращение населения (по прогнозам⁴, в результате естественной убыли населения Россия может иметь около 132 млн человек) к 2025 году.

Отток населения из страны и естественная убыль в определенной мере компенсировались за счет миграции. В период с 1989 по 2008 год в страну въехало для постоянного проживания около 5,7 млн человек⁵. Специфика данного периода заключалась в том, что ни российское общество, ни экономика не были особенно чувствительны к данному виду миграции. Во-первых, большую часть мигрантов составляли русские репатрианты (67 % от общего числа мигрантов) из республик бывшего СССР и других коренных народов Российской Федерации (около 12 % от общего числа мигрантов). Соответственно у данной категории мигрантов не возникало проблем с социокультурной адаптацией. Во-вторых, они естественным образом замещали убывающее население и не вызвали дополнительной «избыточной» нагрузки на социальную инфраструктуру.

Только с 2006 года структура мигрантов, изъявивших желание избрать Россию в качестве страны посто-

¹ Заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор СПбГУП. Автор ряда научных публикаций; в т. ч. книг: «Охрана труда», «Управление социальными расходами: актуальные проблемы и современные тенденции», «Аттестация рабочих мест по условиям труда», «Современное состояние социально-трудовых отношений в России и перспективы их развития». Действительный государственный советник РФ I-го класса. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, грамотой Правительства Российской Федерации, Благодарностью Президента Российской Федерации.

² По данным Росстата, в период с 1989 по 2006 год страну покинуло более 1,1 млн человек.

³ Если в 1993 г. численность населения составляла 148,6 млн человек, то к 2008-му этот показатель снизился до 142 млн человек.

⁴ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед лицом демографических вызовов / рук. авт. кол. А. Г. Вишневский, С. Н. Бобылев. М., 2009.

⁵ По данным ФМС, в период действия специальной госпрограммы по возвращению соотечественников в РФ переехало на постоянное место жительства с 2007 по 2011 год включительно около 62 тыс. человек (См.: Российская газета. 2012. 16 февр.).

янного проживания, стала меняться в пользу граждан других национальностей¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в отличие от индустриально развитых стран Запада первая миграционная волна в Российской Федерации проходила в «щадящем» режиме и не требовала сколько-нибудь серьезных программ по культурной и экономической адаптации репатриантов. Многие из возвратившихся из стран СНГ имели давние родственные связи, что также облегчало задачи государства по регулированию этого процесса. Экономика страны в данный период была на подъеме. Этот фактор во многом помогал сглаживать «шероховатости».

Если возвращение русских и иных коренных народов России на свою историческую родину можно оценивать как положительное явление, то происходившие в тот же период миграционные процессы, связанные с привлечением иностранной рабочей силы, имеют разные аспекты.

Привлечение дешевой рабочей силы, особенно в секторы экономики, непопулярные среди коренного населения, с одной стороны, позволяет повышать темпы экономического развития, с другой — создает определенные точки конфликтов.

По статистическим данным пограничной службы ФСБ, в Российскую Федерацию прибыло: в 2009 году — 21,3 млн человек, в 2010-м — 22,8 млн человек. Однако четко сказать, сколько иностранцев из этого числа прибыли для осуществления трудовой деятельности, практически невозможно. Это связано с тем, что все выезжающие распределяются по целям поездки. Цели бывают разные: «Служебная», «Обслуживающий персонал», «Частная», «ПМЖ», «Туризм», «Транзит».

Получается, что целью поездки иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность в России, должна являться «Служебная» или «Обслуживающий персонал», но не все так просто.

Первая сложность возникает при рассмотрении группы с целью въезда «Служебная». Эта группа включает и мигрантов, которые приехали работать в Российской Федерации, и иностранцев, которые приезжают в командировку и покидают Россию через короткое время. По данным статистики это выявить сложно. При рассмотрении конкретных цифр видно, что, например, в 2009 году из стран СНГ в РФ въехали 1,1 млн человек, из стран дальнего зарубежья — почти 2,8 млн человек. Причем СНГ: из Таджикистана — 280 тыс. человек, из Узбекистана — 350 тыс. человек, из Украины — 300 тыс. человек, из Киргизии — 80 тыс. человек. Дальнее зарубежье: из Германии — 200 тыс. человек, из Китая — 250 тыс. человек, из Италии, Испании, Франции — примерно по 100 тыс. человек, из США и Великобритании — примерно по 200 тыс. человек. В 2010 году наблюдается похожая ситуация.

При этом если посмотреть заявленную потребность работодателей в иностранных работниках на 2009 год, можно отметить следующее: работодатели планирова-

ли привлечение иностранных работников из Узбекистана — 590 тыс. человек, из Таджикистана — 350 тыс. человек, из Украины — 280 тыс. человек, из Киргизии — 142 тыс. человек, из Китая — 348 тыс. человек, из Турции — 212 тыс. человек, из Испании, Италии — примерно по 1,5 тыс. человек, из Германии, Англии, США — примерно по 6,5 тыс. человек. Похожая потребность была у работодателей в 2010 и 2011 годах.

В связи с этим можно сделать вывод, что показатели статистики по прибывающим иностранным работникам с целью «Служебная» отражают численность трудящихся в России иностранных работников из стран СНГ, которая составляет 1,1 млн человек ежегодно. Что касается дальнего зарубежья, то в этом случае цифры разнятся. И нельзя сказать, что прибывшие из стран дальнего зарубежья в статистике — это иностранные работники, это скорее иностранцы, прибывающие в краткосрочные командировки.

Часто иностранные работники, так же как и российские граждане, выезжающие для осуществления трудовой деятельности, не желая возиться с документами, оформляют обычную туристическую визу и весь возможный срок пребывания работают: чаще всего 90 суток (3 месяца) работают, затем выезжают и вновь выезжают. Так что трудовые мигранты могут быть и в этой немалочисленной группе. Помимо этого, некоторые иностранцы приезжают по приглашениям родственников, но целью их поездки является трудовая деятельность. Так они могут быть в группе цели «Частная».

Что касается установленных квот и выданных разрешений на работу, то в 2008 году было привлечено 3,3 млн человек, в 2009-м — 3,9 млн человек, в 2010-м — 1,9 млн человек, в 2011-м — 1,7 млн человек.

Можно учитывать выданные разрешения на работу для выявления численности иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность. Но это неполная картина, потому что есть иностранцы, которые работают у физических лиц. Их также необходимо учитывать. Их численность можно узнать на основании выданных патентов для иностранцев, трудоустроенных у физических лиц. В 2010 году было выдано 129,7 тыс. патентов, в 2011-м — 810 тыс. патентов.

Также никак не учитываются высококвалифицированные специалисты, которые имеют заработную плату от 2 млн рублей в год. Разрешения на работы им выдаются без учета квоты.

Кроме этого, никак не учитываются граждане Республики Беларусь, которые трудоустроиваются в Российской Федерации так же, как и граждане России. А с 2012 года такой же режим вводится и для граждан из Республики Казахстан. То есть учет данных иностранцев также будет отсутствовать.

Многие иностранные граждане используют в качестве транзитной страны Республику Беларусь (возможно, из-за более дешевого перелета) и далее железнодорожным транспортом прибывают в Российскую Федерацию. Границ между Россией и Беларусью нет, то есть учет иностранцев также не ведется.

¹ По официальным данным, в 2006 году она впервые опустилась почти до 50 %, в том числе доля русских упала до 43 % (См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008... С. 26).

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в 2008–2011 годах в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности согласно статистическим данным, а также данным ФМС и ФСБ ежегодно выезжает от 5 до 6 млн легальных иностранных работников.

По оценкам экспертов число нелегальных мигрантов составляет примерно столько же. В итоге в Российскую Федерацию ежегодно выезжает порядка 12 млн иностранных работников.

2. Кому нужен берег турецкий?

Миграционные процессы, происходящие в нашей стране, отражают все большую включенность России в глобальную экономику. Можно говорить со всей определенностью, что мы вынуждены бороться за наших граждан. Эта борьба охватывает не только экономические аспекты (уровень благосостояния отдельных категорий граждан), но и социальную среду (систему здравоохранения, образования, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, культуру, законность и правопорядок).

Российские граждане ежегодно покидают пределы Российской Федерации для осуществления трудовой деятельности. Некоторые остаются за границей навсегда, для других россиян работа за границей носит временный или сезонный характер. По данным Федеральной миграционной службы, в 2011 году 67,5 тыс. российских граждан выехали на работу за границу. При этом практически 90 % всех выехавших составили мужчины. Возрастная структура выезжающих граждан примерно пропорциональна по трем основным возрастным группам (18–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет) и составляет приблизительно по 18 тыс. человек в каждой группе.

Если рассматривать страны, в которые выезжают российские граждане для осуществления трудовой деятельности, то можно увидеть интересную тенденцию.

Из 67,5 тыс. выехавших в 2011 году почти 30 тыс. человек выехали в страны, предоставляющие свободные экономические зоны или режимы льготного налогообложения иностранному капиталу. Среди этих стран: Антигуа и Барбуда — 2,2 тыс. человек, Либерия — 5,8 тыс. человек, Мальта — 5,5 тыс. человек, Маршалловы острова — 4,2 тыс. человек, Панама — 3,3 тыс. человек, Сент-Винсент и Гренадины — 2 тыс. человек.

Как правило, это страны, где активно используется труд наших моряков на судах, имеющих флаг указанных выше стран.

Также есть «классические» страны, в которые выезжают российские граждане для осуществления трудовой деятельности: США — 6,5 тыс. человек, Германия — 2,7 тыс. человек, Кипр — 8 тыс. человек, Греция — 1,3 тыс. человек, Испания — примерно 1 тыс. человек.

В большинстве своем профессиональная структура российских граждан, трудоустроившихся за рубежом, включает квалифицированных работников, что видно из приведенной ниже табл. 1.

Таблица 1

Профессиональная структура российских граждан, трудоустроившихся за рубежом

Наименование профессий	Количество человек
Специалисты в области техники, технологии (инженеры, техники, механики, лаборанты, архитекторы, градостроители, планировщики транспортных узлов)	13 068
Газосварщики, газорезчики, электросварщики, электрогазосварщики, сварщики (металл)	1260
Матросы, шкиперы, подшкиперы, боцманы	13 523
Машинисты всех наименований (включая трактористов), мотористы и их помощники	4051
Продавцы, официанты, буфетчики, бармены	1671
Электромонтеры, электрики	966

Статистику по выбывшим также нельзя считать репрезентативной по той причине, что она включает всех выбывающих из Российской Федерации. Кроме того, она включает как граждан России, так и граждан других стран, ранее въехавших в РФ. Также из этой массы нельзя выявить, с какой целью выезжают данные люди.

Кроме этого, данные не всегда правдивы и не все люди сообщают о том, что они выезжают в другую страну для осуществления трудовой деятельности. В материалах есть только те, кто заявил об этом.

Определить точно, куда выезжают граждане из страны для осуществления трудовой деятельности, всегда было сложно. Не все граждане стремятся сообщать эту информацию.

Тем не менее можно констатировать тот факт, что условия труда и возможности для самореализации российских граждан все больше привлекают их в индустриально развитые страны Запада. Последние, так же как и Россия, сталкиваясь с демографическими проблемами, стараются активно привлекать молодых специалистов для осуществления трудовой деятельности. Например, Германия ввела достаточно льготный миграционный режим для тех, кто хотел бы приобрести образование в немецких вузах, а затем продолжить свою профессиональную карьеру на территории этой страны. Активно привлекают российских специалистов Норвегия, Финляндия и даже страны Восточной Европы — Польша, Чехия, Словакия.

Таким образом, при формировании миграционной политики необходимо учитывать имеющийся конфликт между задачей по удержанию резидентного населения и необходимостью привлечения иностранцев в Российскую Федерацию из развивающихся стран. Первая задача предполагает постоянную работу государства с работодателями по созданию перспективных рабочих мест, которые характеризуются высоким качеством (достойный уровень оплаты труда, высококвалифицированный и производительный труд с заменой физического труда умственным, безопасные условия труда и высокий уровень социального обеспечения). Вторая задача, как правило, определяется привлечением иностранных работников на низкоквалифицированные рабочие места с невысоким уровнем заработной платы.

В Российской Федерации достаточно много экономически неэффективных рабочих мест, где люди получают заработную плату, которая не обеспечивает минимальный уровень удовлетворения жизненно важных потребностей. Как видно из данных табл. 2, в 2010 году более

14,7 % работающих в России граждан получали зарплату ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Это в значительной степени может подталкивать людей к размышлению о возможном выезде на жительство в страны с более высоким уровнем жизни.

Таблица 2

Численность и доля работающих с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (в целом по РФ)

	2000	2004	2005	2006	2007	2009	2010
Численность, тыс. чел.	38 367,7	25 892,6	19 149,6	23 800,0	13 103,7	12 229,4	12 988,9
Доля, %	43,6	28,7	21,2	26,4	14,6	13,7	14,7

Сохраняя экономически неэффективные рабочие места, не выводя их из оборота, государство может в значительной степени предопределить ситуацию, связанную с оттоком коренного населения в более развитые страны. В этом случае неминуемо развитие серьезных противоречий на национальной и социальной почве.

Опасность неконтролируемой внешней трудовой миграции состоит не только в том, что для российских граждан создается конкуренция на рынке труда и они за счет более низкой стоимости иностранной рабочей силы (прежде всего из стран СНГ и Юго-Восточной Азии) могут вытесняться с рынка труда, превращаясь в работающих бедных. Вслед за этим государство должно изыскивать дополнительные ресурсы для финансирования различных программ поддержки бедного населения. Так, только расходы консолидированного бюджета на дотации в области субсидий на покрытие дефицита бюджетов домашних хозяйств по оплате жилищно-коммунальных услуг стоят более 52,9 млрд рублей в год.

Сползание безработных семей в бедность и нищету приводит к десоциализации, росту преступности, наркомании и алкоголизму. В итоге это самым негативным образом влияет на внутренние демографические процессы.

Еще одной проблемой, которую надо рассматривать, оценивая возможности Российской Федерации при формировании миграционной стратегии, является нагрузка на отечественную систему здравоохранения. Ни для кого не секрет, что сегодня население страны не удовлетворено качеством и объемом медицинских услуг. Это является важным элементом создания комфортных условий для жизни резидентного населения. Кроме того, состояние медицины напрямую влияет на демографические процессы. Снижение его качества отрицательно скажется на уровне продолжительности жизни. Однако сегодня российская медицина испытывает очень серьезную нагрузку со стороны мигрантов, прибывающих в нашу страну. Вот несколько оценок: общие затраты медицины на оказание неотложной и скорой медицинской помощи на 1 070 544 мигранта, оформленных в рамках квоты по Российской Федерации, составляют около 8,17 млрд рублей в год. С учетом того, что нелегальная миграция насчитывает до 12 млн человек в год, эти расходы возрастают до очень существенной цифры в 98,04 млрд рублей. При этом надо учитывать то обстоятельство, что это прежде

всего расходы, которые несут субъекты Российской Федерации за неработающее население (пенсионеров, детей, инвалидов и других категорий граждан).

Безусловно, такое положение дел в значительной степени повышает нагрузку на существующую сеть и может порождать недовольство населения тем, что они по факту оплачивают медицинское обслуживание «пришлого» населения.

Еще одной темой является влияние на резидентное население процессов миграции с точки зрения эпидемиологической обстановки. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2003 года № 188 «О перечне инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства, или вида на жительство, или разрешения на работу в Российской Федерации» в 2011 году, по данным Роспотребнадзора, освидетельствовано на наличие инфекционных заболеваний 1 070 887 иностранных граждан и лиц без гражданства.

Выявлено 6114 лиц с инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих и являющихся основанием для принятия решения о нежелательности пребывания в Российской Федерации, из них больных туберкулезом — 2653.

В 2011 году Роспотребнадзором принято 1327 решений о нежелательности пребывания в Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства из ближнего и дальнего зарубежья (всего из 38 стран). Из них на граждан Узбекистана приходится 572 случая, Таджикистана — 220, Украины — 112, Кыргызстана — 92, Азербайджана — 63, Молдовы — 48, Армении — 50.

В том числе в связи с заболеванием туберкулезом принято 238 решений о нежелательности пребывания на граждан Узбекистана, 212 — на граждан Таджикистана, Украины — 45, Кыргызстана — 59, Азербайджана — 44, Молдовы — 32, Армении — 21.

По данным ФМБА России, в 2011 году 2730 иностранных граждан и лиц без гражданства прошли медицинское освидетельствование на наличие инфекционных заболеваний, выявлено 3 случая заболеваний туберкулезом — (двое жителей Узбекистана и один житель Индии). В 2011 году ФМБА России принято 5 решений о нежелательности пребывания в Российской Федерации в отношении иностранных граждан

и лиц без гражданства из ближнего и дальнего зарубежья, из них 4 граждан Узбекистана и 1 житель Индии.

В 2010 году эпидемиологическая ситуация по полиомиелиту в мире осложнилась в связи с регистрацией крупной вспышки заболевания, вызванного диким полиовирусом 1-го типа, в Республике Таджикистан. Заболевания полиомиелитом также зарегистрированы в Республиках Туркменистан и Казахстан.

В связи с активной миграцией иностранных граждан, прежде всего из Республики Таджикистан, несмотря на принятые профилактические меры, в 2010 году зарегистрирован завоз дикого вируса полиомиелита на территорию Российской Федерации.

В последние годы анализ заболеваемости корью свидетельствовал об устойчивом снижении числа случаев кори в стране. Интенсивный показатель заболеваемости с 2007 года составляет менее 1 случая на 1 млн населения. В 2010 году корь не регистрировалась в 78 из 83 субъектов Российской Федерации. Ситуация по кори несколько ухудшилась в 2011 году, что связано с подъемом заболеваемости корью в странах Европейского региона и заносом инфекции на территорию России. Заболеваемость регистрируется в основном среди взрослого населения (не привитого и не болевшего ранее).

Рост числа завозных случаев кори обусловлен усилением в стране внутренних и внешних миграционных потоков. Если доля импортированных в страну случаев кори в 2003–2004 годах не превышала 1 %, то в 2011 году она составила 21,3 %.

Заболеваемость корью за 2011 год по сравнению с 2010-м выросла в 5 раз и составила 0,44 на 100 тыс. населения (2010 г. — 0,09). В истекшем году зарегистрировано 631 случай кори в 30 субъектах Российской Федерации. Более 64 % случаев приходится на территории Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, в которых заболеваемость корью регистрировалась во всех субъектах, за исключением Краснодарского края.

Из 6,58 млрд жителей земного шара приблизительно половина (3,30 млрд) находятся под риском заражения малярией, среди которых 1,23 млрд — под высоким риском в слаборазвитых странах Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Малярия поражает от 300 до 500 млн людей и убивает более 1 млн детей ежегодно.

По данным Глобальной программы по малярии Всемирной организации здравоохранения в настоящее время 82 страны мира являются высокоэндемичными и находятся в стадии борьбы с малярией, 12 стран — в преэлиминационном периоде, 16 стран достигли элиминации малярии на своих территориях и 27 стран получили статус «свободных от малярии», подтвержденный сертификатом ВОЗ.

Россия представлена в группе стран, направляющих усилия на предупреждение восстановления местной передачи малярии. Впервые после 14 лет регистрации на территории Российской Федерации «вторичных от завозных» и «местных» случаев малярии (терминология ВОЗ) в 2009 году были отмечены лишь случаи завозной малярии, преимущественно тропической из

жарких стран. В 2011 году произошло снижение заболеваемости впервые выявленной малярии на 18,8 % по сравнению с 2010 годом и показатель составил 0,06 на 100 тыс. населения.

Основными факторами, способствующими распространению малярии в мире, являются интенсивные миграции населения (особенно авиаперелеты), глобальные изменения климата (повышение температуры воздуха и количества осадков), резистентность малярийных комаров к инсектицидам и малярийных плазмодиев к лекарственным препаратам.

В период с 7 июля по 15 сентября 2010 года в Российской Федерации было зарегистрировано 448 лабораторно подтвержденных случаев заболеваний лихорадкой Западного Нила (ЛЗН), в том числе 6 закончились летальным исходом.

Наибольшее число людей пострадало от ЛЗН в Волгоградской, Ростовской и Воронежской областях. В Краснодарском крае, Республике Калмыкия, Астраханской и Челябинской областях страны имеют место единичные (до 10 случаев) заболевания. В структуре заболевших преобладали люди старшего возраста. Заболевания связаны с укусами комаров, чаще всего в местах отдыха и на дачных участках возле водоемов. Пик заболеваемости (по датам возникновения заболеваний) пришелся на вторую и третью декады августа.

По результатам углубленных молекулярно-генетических исследований материала от больных людей и переносчиков инфекции, проведенных на базах ведущих научно-исследовательских институтов Роспотребнадзора, установлено, что вирус, вызвавший эпидемическое неблагополучие в текущем году, циркулировал на территории Ростовской области с 2004 года, а на территории Волгоградской области — с 2007-го. Подъем заболеваемости вызван циклическими изменениями в биологии возбудителя с учетом аномально жаркой погоды летом 2010 года.

В связи с этим необходимо, чтобы государство рассматривало в комплексе весь спектр проблем, возникающих при повышении интенсивности миграционных обменов. Но в основу любой стратегии должно быть заложено главное условие: политика в области миграции не должна порождать проблем для коренного населения и стимулировать его на поиск нового места жительства, например, в странах Западной Европы, которые, так же как и мы, заинтересованы в решении демографических проблем.

3. В Багдаде все спокойно?

Рассуждая о коллизиях миграционных процессов, нужно отметить то обстоятельство, что Российская Федерация не может спокойно взирать на текущее состояние дел. Хотя наша страна остается привлекательной для граждан из стран СНГ, последние рассматривают альтернативные предложения потрудиться в других странах. В когорту стран, имеющих возможность предложить более выгодные условия найма, входят не только страны Запада, но и, например, Казахстан.

Что показывают исследования? В Республике Беларусь, поскольку из этой страны выезжает огромное количество граждан, была предусмотрена программа,

которая была разработана для обеспечения безопасности выезжающих граждан. Людей настраивали на то, что им необходимо заявить о выезде для их же безопасности. В ходе реализации данной программы стало возможным видеть, куда отправляются работать люди. Согласно этим данным можно сказать, что в 2008 году на основании подписанных трудовых договоров республику покинули 6,2 тыс. человек, в 2009-м — 4,5 тыс. человек. Большая часть граждан Республики Беларусь отправилась в Российскую Федерацию — от 3 до 4 тыс. в год, в США — порядка 1,5 тыс. человек, в Чехию, Польшу, Литву, Объединенные Арабские Эмираты, Германию — порядка 0,5 тыс. человек.

Что касается Республик Таджикистан и Узбекистан, то для них является привлекательной территориальная и культурная близость Казахстана, на втором месте — Российская Федерация. Также для среднеазиатских республик — стран-доноров являются привлекательными богатые государства Ближнего Востока. Но не всегда данные категории мигрантов могут позволить себе выезд в те страны. Иностранцы работники из этих республик также могли бы двигаться в сторону Западной Европы, однако пока эта ниша занята выходцами из Украины, Беларуси, Молдовы, Литвы, Латвии, Польши, которые могут подстроиться к требованиям работодателей из европейских стран и близки по культуре, в отличие от иностранных работников из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана. Пока работники из Средней Азии не конкурентоспособны для работы в странах Европы. Но никто не может быть уверен, что в скором времени данная группа мигрантов не изменит направление своей миграции.

4. Что делать?

Высокий уровень миграционных потоков объективно ставит на повестку дня многочисленные вопросы.

Во-первых, насколько благоприятна Россия для мигрантов? Почему мы должны задумываться об этом? Ну хотя бы потому, что в России доля лиц в возрасте 60 лет и старше в 2006 году увеличилась до 17 % (в 1960 г. — 9 %). И это соотношение продолжает увеличиваться¹. И для того чтобы нам сохранить возможность содержать граждан, выходящих на пенсию, уже сейчас надо задумываться о том, кто будет плательщиком взносов в Пенсионный фонд. Даже при очень хорошем развитии событий в области демографии без миграционного ресурса не обойтись. По оценкам экспертов, для обеспечения экономического роста необходимо ежегодно привлекать до 300 тыс. мигрантов. При этом речь идет прежде всего о тех, кто впоследствии мог бы стать полноценным гражданином Российской Федерации.

И это первая дилемма: рост миграционных потоков, безусловно, обостряет национально-культурные противоречия и в то же время позволяет разрешать экономические проблемы².

¹ В США доля этой возрастной группы населения составляет 17 %, в Европейском Союзе — 22 %, в Японии — 27 %. По прогнозам к 2025 г. в РФ доля лиц в возрасте 60 лет и старше достигнет 23 %, то есть превысит нынешний европейский уровень. Одновременно будет быстро увеличиваться и доля престарелых людей в возрасте 80 лет.

² «Существуют пределы миграционной емкости любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной

Ранее мы говорили, что первый поток миграции был культурно и исторически связан с большой Родной. Новая волна мигрантов будет носить и уже носит совершенно иной характер. По данным ФМС России, 24,2 % граждан, прибывающих из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, родились после 1986 года³. То есть это все возрастающая группа людей, которая плохо знает русский язык, не знакомилась в школе с русской культурой и историей. Более того, эта группа имеет и новый взгляд на религиозные ценности.

В связи с этим возникает ряд серьезных проблем, которые ставят на повестку дня разработку эффективной государственной программы адаптации желающих получить российское гражданство.

Данная программа должна включать несколько важных блоков: культурной адаптации, профессионального обучения и сертификации квалификаций, социального сопровождения.

Первый блок призван обеспечить мероприятия по изучению русского языка, погружение в российскую культуру и историю, предоставление знаний о российском правовом пространстве. Безусловно, такая программа должна также касаться продвижения возможности для иностранных студентов получить качественное образование в российских учебных заведениях в первую очередь технического блока (по профессиям рабочих и инженеров).

Второй блок должен обеспечить профессиональную ориентацию иностранных граждан, возможности получения в российских профессионально-технических учебных заведениях необходимых и востребованных экономикой профессий. А также он должен помочь мигрантам, имеющим какие-то профессиональные знания, подтвердить свою квалификацию в системе государственной сертификации. Последнее не менее важно, поскольку как для работодателей, так и для самих работников необходимо иметь полную уверенность, что начатые трудовые отношения будут иметь стабильный характер и каждой из сторон принесут планируемую прибыль.

Третий блок связан с системой государственных социальных гарантий, которые наша страна готова предоставить для лиц, пожелавших стать ее гражданами. В связи с этим необходима определенная ревизия законодательства. Она позволила бы ввести для времен-

адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т. д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения... Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда и, в особенности, с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов» (См.: Население России 2002 : X Ежегод. демограф. докл. / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2004. С. 209–210).

³ См.: Коммерсантъ. 2012. 2 февр.

но пребывающих граждан, а также для граждан, имеющих вид на жительство, систему обязательного медицинского страхования, социального страхования на случай временной потери трудоспособности (возможно с применением лимита ответственности по срокам и размерам), обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и программ пенсионного страхования.

Не останавливаясь подробно на раскрытии непосредственно реализации обозначенных выше задач, в заключение еще раз хотелось бы отметить критически важное обстоятельство: решение противоречий и коллизий миграционных процессов можно обеспечить только при всестороннем учете всех факторов экономического, социального, культурного и национального содержания.

Гуанчен Син¹

В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НУЖНО БОЛЬШЕ ДИАЛОГОВ И КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ РАЗНЫМИ КУЛЬТУРАМИ

Мы живем в эпоху экономической глобализации, все более превращающейся в реальность XXI века, когда мир развивается в направлении интенсивной интеграции. На практике проявляются два вектора развития. С одной стороны, экономическая глобализация предложила человечеству уникальный шанс развития, с другой — она породила противостояние и конфликты и обусловила возникновение серьезных вызовов.

В условиях экономической глобализации, имеющей как положительные, так и отрицательные последствия, разные культуры переживают небывалые вызовы. Все большую актуальность приобретает вопрос о том, куда идет мировая цивилизация.

1. В контексте экономической глобализации разные культуры будут осуществлять интеграцию и формировать новую единую культуру или сохранят собственную культурную специфику и будут развиваться в рамках диалога?

В настоящее время в мире распространено мнение, что экономическая глобализация привела к гомогенизации разных культур и возникновению новой мировой культуры вместо имеющихся. Данное мнение переоценивает влияние экономической глобализации на культуры.

Мы признаем, что экономическая глобализация оказывает сильное влияние на систему цивилизованного общества, особенно в экономической и политической сферах. В экономике и политике, характеризующихся изменчивостью, культура как фактор отличается относительной устойчивостью. Несмотря на то что экономическая глобализация обусловила возникновение таких популярных во всем мире явлений, как производительные методы, наука и техника, менеджмент предприятий и так далее, мы не можем сделать такой же вывод о том, что единая мировая культура будет сформирована. Мы должны обращать внимание на

то, что в фоне экономической глобализации усиливаются различия культур. Философию, религию, литературу, искусство и этику обуславливают глубинные факторы, развивающиеся в определенных исторических условиях, — «гены» культуры, которые формируют ядро данной культуры и специфику, позволяющую отличать одну культуру от другой. Формируясь веками, гены и специфика культуры не подвержены изменениям. Экономическая глобализация способствует возникновению общих факторов культуры, но различия между культурами не могут быть полностью уничтожены.

2. Экономическая глобализация не является вестернизацией. Попытки включить определенную культуру в универсальную модель и навязать ее всему миру как минимум неразумны. В условиях экономической глобализации американизированная западная культура и ее ценности распространяются во всем мире, заставляет принять западный концепт культуры. Процесс экономической глобализации свидетельствует о том, что попытки перестроить мир по западным «лекалам» и заменить другие культуры западной в конце концов потерпят крах. В эпоху экономической глобализации культура стала стратегическим ресурсом человечества. Речь идет о том, что некоторые западные страны будут управлять другими странами, используя культуру как общественный ресурс. США экспортируют свои ценности в развивающиеся страны, используя культуру как «мягкую силу». Поэтому перед развивающимися странами стоят сложные задачи по противодействию гегемонии не только в экономической, политической и военной сферах, но и в культурной. В действительности в мире не существует единого стандарта культуры. Для развивающихся стран сохранение национальных культурных особенностей является очень важным.

3. Не существует разделения культур на передовые и отсталые. Они отличаются только спецификой. Сегодня распространено мнение, что тот, кто владеет передовыми знаниями и технологиями, доминирует в культурном плане. Тем самым ставится высокая планка для будущего развития общества. Такое мнение вполне обоснованно с технологической точки зрения. Но исходя из специфики культур и цивилизаций, следует заметить, что наш мир разный благодаря тому, что существуют разные культуры и цивилизации. Разные культуры делают мир разным. Многообразие —

¹ Заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Отношение Китая с новыми независимыми государствами Центральной Азии», «Поднимающаяся Центральная Азия», «Процесс принятия решения высшим советским руководством на протяжении 70 лет», «О парламентах России»; статей: «Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления» и др. Вице-директор Центра исследований Шанхайской организации сотрудничества при Академии общественных наук КНР.

основной признак человечества. Разные цивилизации определяют многообразные культуры, которые обуславливают разную историю, социальные институты и модель развития любой страны. Каждая страна должна уважать эти различия. Несмотря на то что между культурами существует соперничество, они осуществляют взаимодействие путем заимствования достоинств и преодоления недостатков. Должны получить развитие культуры не столько экономически развитых стран, сколько развивающихся стран. Все культуры внесли вклад в развитие цивилизации, они имеют равные права.

4. Сосуществование разных культур — историческая необходимость. Культурное многообразие должно поощряться. Национальная культура является ядром национального менталитета, который отличает один народ от другого. У каждого народа своя культурная специфика и свой импульс развития. Несмотря на то что во всем мире динамично развивается Интернет, который характеризуется быстротой и открытостью, им невозможно заменить национальную культуру с национальной спецификой. Но как инструмент коммуникации между культурами Интернет имеет важное значение.

5. Между разными культурами нужно выстраивать диалог. На Западе распространено мнение, что различия между культурами обязательно приведут к остроумию противостоянию и конфликтам. Наблюдая за развитием культур, можно сказать, что между разными культурами не существует непреодолимых барьеров, которые мешают диалогу и коммуникации. Проводившаяся в процессе экономической глобализации переоценка различий и конфликтов между культурами не соответствует законам исторического развития. Разумеется, мы не можем отрицать наличие различий между культурами, противостояний, но это не основная тенденция развития культур. Наоборот, основной тренд состоит в том, что культуры мирно сосуществуют. Лучшая модель отношений между культурами — это диалог и обмен. Мы должны рассматривать проблемы и вопросы с глобальном точки зрения. Глобальные вопросы нужно анализировать и решать всем миром. Разные культуры имеют общие интересы. Следует руководствоваться принципами единства и многообразия культуры, признать тот факт, что существование и развитие разных культур отражает общие ценности человечества на разных уровнях. Надо уважать разные культуры, не рассматривая другие культуры как соперников или потенциальных врагов, не подавляя другие культуры. Проявление толерантности по отношению к одним культурам вызывает понимание у других. Терпимость к различиям между культурами является типичным отражением цивилизации. Поиск общего при наличии различий — наилучший способ сосуществования разных культур.

6. В Китае, древней цивилизованной стране, существуют два основных мнения относительно развития культуры. Во-первых, наследовать и развивать замечательные традиции национальных культур. Во-вторых, извлекать и внедрять эффективные элементы куль-

тур мира, развивать передовую культуру с китайской спецификой.

7. В XXI веке процесс глобализации ускорил свои темпы, когда разные экономики и цивилизации стали обогащать друг друга. Система международных отношений переживает перемены и развивается в направлении установления многополярности. Международный финансовый кризис оказал сильное воздействие на структуру международной политики и экономики. Реформа международной финансовой системы отражается на мировом сообществе. В процессе глобализации, в сложных и быстро меняющихся международных условиях Китай и Россия должны объединить усилия, чтобы ответить на разные вызовы. Китай и Россия имеют общее мнение по поводу развития международной структуры. С одной стороны, обе страны считают, что многополярность мира приобретает необратимый характер, с другой — в мире по-прежнему наблюдается стремление к односторонним действиям, проведению силовой политики. Появляются новые вызовы и угрозы.

Во многих официальных совместных заявлениях, соглашениях и договорах, подписанных Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, многократно повторяются позиции двух стран, касающиеся проблем культуры и цивилизации. Назовем основные из них. Во-первых, культуры и цивилизации имеют многообразный характер. Во-вторых, цивилизационно-культурное многообразие является важной движущей силой прогресса человечества. В-третьих, все страны должны относиться к другим цивилизациям и культурам, основываясь на принципе равноправия и взаимного уважения. В-четвертых, необходимо расширять межцивилизационный, межкультурный и межконфессиональный диалог. В-пятых, следует обеспечивать гармоничное развитие и взаимообогащение различных культур и цивилизаций.

Это свидетельствует о том, что Китай и Россия обращают внимание на важную роль «мягкой силы» в международных отношениях. Исходя из этих взглядов, а также как противодействие давлению западной идеологии, у Китая и России сформировалось единое мнение по вопросу прав человека. Во-первых, подтверждается универсальный характер принципа уважения прав человека. Во-вторых, каждое государство имеет право защищать права человека в соответствии с собственной спецификой. В-третьих, оба государства выступают против политизации и применения двойных стандартов, использования вопроса о правах человека для вмешательства во внутренние дела других стран. В-четвертых, Китай и Россия настаивают на том, чтобы подход международного сообщества к проблематике прав человека носил объективный характер.

В общем, экономическая глобализация является исторической тенденцией развития, в результате взаимодействие разных стран и народов становится все более тесным. На этом фоне между разными культурами развивается диалог, который приобретает все более актуальное и реальное значение.

А. В. Смирнов¹ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД К КУЛЬТУРЕ:
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ УНИВЕРСАЛИЗМА

В философии культуры и культурологии, как правило, не различают двух ситуаций: обращение исследователя к культуре, которой он принадлежит; обращение к культуре, к которой он не принадлежит. Те, кто занимается второго рода исследованиями, знают, насколько эти две ситуации различны и сколь опасно переносить выводы, полученные в исследованиях первого типа, на ситуации второго типа. Цель моего доклада — предложить систематизацию методологических подходов в отечественном и западном исламоведении, нацеленных на решение проблемы культурного зазора, разделяющего исследователя и объект его исследования.

Исламоведческие исследования распадаются на две большие группы. К первой относятся конкретные исследования — то, что именуется *case studies*. Ко второй — попытки *осмыслить* предмет исследования в более широком контексте. Нас будут интересовать исследования такого рода, а именно — методология осмысления предмета исследования в контексте.

Сегодня в исламоведении (да и востоковедении в целом) доминируют два подхода, которые не просто связаны, но являются прямыми продолжениями соответствующих позиций в философии истории и в понимании путей развития человеческого общества, человеческой культуры. Я имею в виду универсалистский подход, универсалистское прочтение, с одной стороны, и то, что называется цивилизационным подходом, — с другой.

Универсалистский подход имеет солидную родословную: в европейской мысли он ведет отсчет своей истории по меньшей мере с периода классической греческой философии и отчетливо связан с платоновско-аристотелевским пониманием универсальности человеческой природы, коренящейся в универсальности разума. Что касается цивилизационного подхода, то, как правило, его ясное возникновение датируют второй половиной XIX века. Тогда была опубликована книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где впервые были отчетливо сформулированы принципы этого подхода, который затем был развит Шпенглером, Тойнби и др. Я кратко остановлюсь на основных характеристиках этих двух подходов, которые проявляются и в том, как арабисты и исламоведы подходят к предмету своего исследования.

¹ Заместитель директора Института философии РАН, заведующий отделением востоковедения Государственного академического университета гуманитарных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий: «Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «La Filosofia Mistica e la ricerca della Verità» («Мистическая философия и поиск истины», на итал. яз.), «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Заместитель главного редактора «Философского журнала».

Универсалистский подход исходит из *существенного единства человечества* и рассматривает культуру и цивилизацию как формы единой линии развития, относя их различия на счет *специфики*. Специфика никогда не может соперничать с общим, которое обладает в отношении нее приоритетом; специфика, иначе говоря, вторична в отношении универсального, общечеловеческого. Эта позиция имеет очень серьезное, существенное философское обоснование, она фундирована опытом развития западной цивилизации, у нее есть масса практических применений и приложений. Но для меня сейчас важно не это; для меня важно рассмотреть те следствия, которые возникают, когда арабист или исламовед занимает такую позицию в отношении предмета своего исследования.

Таких следствий два. Первое заключается в том, что инокультурный исследователь, в данном случае западный или российский ученый, исследующий арабскую культуру, имеет приоритетный доступ к некой универсальной науке. Ведь универсалистский подход, само собой разумеется, предполагает универсальную науку — например, лингвистику, если мы изучаем арабский язык, или поэтику, если исследуем исламскую поэзию, или историческую науку, если заняты изучением исламской истории, и т. д. А универсальная наука — именно та, которая возникла и получила развитие на Западе. Исследователь, представляющий западную культуру, имеет приоритетный доступ именно к этой универсальной науке, которая и прилагается к своему предмету, постулируемому как универсальный.

Из этого следует, что, сколько бы мы ни критиковали европоцентризм или сколько бы мы его ни замалчивали из соображений политкорректности или еще какой угодно идеологии, именно в традиционном понятии универсализме кроется неустранимое гносеологическое основание того, что европоцентризм, изгнанный в дверь, все равно вернется в окно.

А второе следствие универсалистской позиции заключается в следующем. Инокультурный исследователь — в данном случае представитель западной или российской науки, арабист или исламовед, — имеет в своем распоряжении единственный язык — язык европейской науки. Очень часто об этом говорят так, как если бы это было решением проблемы, а не самой проблемой. Но ведь из этого неизбежно следует, что исследуемые феномены культуры, в данном случае арабо-мусульманской, должны подгоняться под категориальную сетку языка европейской науки.

За примерами далеко ходить не надо. Возьмем один весьма характерный. С конца XIX века и до настоящего времени в арабистических и исламоведческих исследованиях можно встретить известную триаду: теология, философия, мистицизм, — которая используется для классификации феноменов исламской культуры. Понятно, что эта триада взята из опыта западной

культуры. Она поэтому производит впечатление самоочевидности и самооправданности. Но достаточно задать несколько самых простых вопросов, чтобы эта иллюзия самооправданности развеялась, как дым. Что такое «философия» в арабо-мусульманской культуре? Только фальсафа? А теоретические построения ранних (доашаритских) мутазилитов? Это уже «теология»? А как быть с мистической составляющей самого яркого (по оценке самой арабо-мусульманской культуры) представителя фальсафы — Ибн Сины? Это просто ошибка и аберрация, и Ибн Сина — чистый философ-рационалист без уступок мистицизму, как не устает доказывать, например, Д. Гутас? А Ибн Араби — уж никак не «философ», его приходится квалифицировать как «теософа» (вероятно, еще до возникновения теософии)? Сбои этих попыток раскрыть ткань арабо-мусульманской культуры по лекалу западной, список которых можно продолжать почти бесконечно, легко преодолевают тот порог, за которым их количество перерастает в качество и они уже попросту обесмысливают свой предмет. Но по-прежнему чуть ли не всякий, кто пишет о мутазилитах, квалифицирует их как теологов, а об Ибн Араби как о теософе говорит по меньшей мере каждый второй исследователь суфизма... В этой настойчивой приверженности неудачным классификационным сеткам надо видеть нечто большее, чем простой традиционализм: это — неустранимое следствие традиционного универсалистского подхода, в самой этой неустранимости парадоксальным образом находящее собственное оправдание.

Что касается цивилизационного подхода, то он исходит из *содержательно* выраженных отличительных черт отдельных цивилизаций, которые делают каждую из них уникальной и *несводимой* ни к какой другой. Цивилизационный подход существует в разных вариантах, но первичный, изначальный акцент на *содержательно оформленной целостности* каждой цивилизации принципиален для него. С этой точки зрения «единое человечество» и «общечеловеческие X» (где вместо X могут стоять «ценности», «нормы», «закономерности» и т. д.) — пустая абстракция, которая не имеет никакого отношения к действительности.

В пределе эту уникальность противники цивилизационного подхода превращают в непроницаемость: будучи уникальными целостными образованиями, своего рода монадами, цивилизации оказываются друг для друга целиком инаковыми, непостижимыми и не имеющими смысла, поскольку «внутри» герметической целостности цивилизации невозможно попасть, оставаясь в пределах другой цивилизации (точно такой же герметической целостности).

Эти два подхода, универсалистский и цивилизационный, противостоят друг другу и в общей философии истории, и в арабистике и исламоведении.

В качестве примера универсалистского подхода упомяну книгу выдающейся А. Шimmel «Расшифровать знаки Бога», о которой У. Читтик сказал, что это ее главная книга. Как же она построена? Автор основывается на общей религиозноведческой схеме, предложенной Фридрихом Гейлером в его работе «Форма и сущность религии», и применяет ее как универсальную, следова-

тельно, как априори приложимую к исламу¹. Собственно, А. Шimmel так и пишет: «Модель, использованная Фридрихом Гейлером, показалась мне наиболее убедительной в моей попытке дать единый срез различных феноменов ислама»². Религиозный опыт здесь трактуется как постепенная миграция от периферии к центру, как система концентрических кругов, где начальный опыт захватывает внешние, далекие от центра круги и постепенно приближается к центру. В этом движении и состоит смысл расшифровки знаков Бога.

Всякий знает, что книги А. Шimmel — очень интересные книги. Но в общем и целом в них применен тот же подход: они построены таким образом, что идут от некой универсалистской схемы к иллюстрации. Получается, что априорная универсалистская схема имеет приоритет в отношении того материала, ради упорядочивания которого она привлечена, — во всяком случае логический приоритет. Если логика движения — от общей, универсальной схемы к материалу, то естественно, что материал исламской культуры привлекается постольку, поскольку он подходит для иллюстрации этой схемы, укладывается в нее. Не материал имеет приоритет в отношении схемы, а, напротив, общая логика схемы — приоритет в отношении материала; эта логика не извлекается из материала, а предпосылается ему как априорная, схваченная в опыте западной культуры и затем наделенная универсальной значимостью. Неизбежным следствием этого оказывается тот факт, что необыкновенно богатый материал, которым виртуозно владеет А. Шimmel, предстает в ее книгах как очень пестрое полотно, где фрагменты, взятые из совершенно разных областей культуры, привлекаются как примеры для иллюстрации этой схемы.

Традиционный универсалистский подход в арабистике количественно преобладает, он *комфортен* для западного исследователя, но *не может объяснить* факт, из которого исходил О. Шпенглер и о котором говорил Л. Масиньон, С. Х. Наср и многие другие: внутреннее сродство разных сегментов культуры. Это пытаются «схватить» цивилизационный подход, примеров которого гораздо меньше. (На Западе он последнее время пасует перед натиском антиориенталистской идеологии.)

Что касается цивилизационного подхода в отечественной арабистике, то здесь я бы в качестве примера привел книгу А. А. Игнатенко «Зеркало ислама» (М., 2004). Это очень интересная книга — и по тому материалу, который в ней рассмотрен, и по выводам. Выводы позволяют квалифицировать эту книгу как типичный образец цивилизационного подхода, поскольку в ней даются характеристики западной и арабо-мусульманской культур как неких содержательно-выстроенных целостностей. С точки зрения А. А. Игнатенко, европейская культура — это

¹ «Я считаю, что феноменологический подход хорошо приспособлен к тому, чтобы дать лучшее понимание ислама, особенно та его модель, которую разработал Friedrich Heiler в своем всеобъемлющем исследовании *Erscheinungsformen und Wesen der Religion* (Stuttgart, 1961). Предложенную им структуру я положила в основу своей книги» (*Simmel A. Deciphering the signs of God: a phenomenological approach to Islam*. Albany: State University of New York Press, 1994. P. XII).

² Ibid. P. XIV.

культура дискурсивно-имагинативного типа: она идет от дискурса, от речи, от теории — к воображению. Двигаясь от теоретического осмысления к воображению, то есть к созданию образов, эта культура оказывается перспективной: она как бы прокидывает себя вперед, она обращена в будущее, создает его образ, исходя из теории, а затем строит его, воплощает образ в действительность. А арабо-мусульманскую культуру он характеризует, наоборот, как имагинативно-дискурсивный тип: эта культура идет от воображения к его теоретическому осмыслению в дискурсе; она превращает действительность в образ, в литературный сюжет, и далее живет в этой сфере образности, а не в реальной действительности. Таким образом, арабо-мусульманская культура предстает как зеркальная противоположность западной. Интересно в свете этого вернуться к названию книги: ведь получается, что она дает отражение ислама в зеркале западной культуры, поскольку строит образ изучаемой культуры как зеркальное отражение собственной.

Таковы два подхода, которые характерны сегодня для большинства работ в области арабистики и исламоведения, когда исследователь пытается осмыслить свой предмет в более широком контексте.

Но есть и третий подход, который мы развиваем вместе с коллегами и называем логико-смысловым. Естественно, в этом небольшом докладе я не буду говорить о его сущности. Этот подход имеет свою, достаточно подробно разработанную методику исследования, и аппарат, и примеры применения. При желании со всем этим можно подробно ознакомиться; однако, если говорить кратко, то его суть состоит в следующем.

Логико-смысловой подход определяет культуру как способ смыслополагания. Культура рассматривается здесь как смыслофиксирующий феномен, как осмысленность. Иначе говоря, мы подходим к культуре, задавая вопросы: «Что это значит? Каков смысл этого? Как этот смысл сделан? По какой методике он изготовлен?» Это, если угодно, попытка увидеть *технологии осмысления*, вскрыть те механизмы, которые отвечают за создание осмысленности. Мы пытаемся ответить на вопрос: каковы механизмы, благодаря которым смысл вкладывается и изымается из текста? Под текстом понимается, конечно, не только вербальный текст, но любой смыслофиксирующий феномен культуры, включая искусство. Существуют такие механизмы или нет? Это первый вопрос. И если они существуют, то как их схватить, как их описать? Одинаковы они или различаются в разных культурах?

Если попытаться кратко изложить суть логико-смыслового подхода, то она заключается в следующем. Смысл берется как целостность, точнее, как *раскрывающаяся целостность*, и показываются механизмы этого раскрытия. Таких механизмов раскрытия целостности (где целостность сочленена со своим раскрытием и не существует отдельно от него, даже в мысли: мы не начинаем с целостности и не движемся затем к ее раскрытию, даже логически, но можем увидеть их только как стороны друг друга) два: противоположение-и-объединение и соотнесение целого-и-части. Одинако-

вые в этой формулировке, номинально, они различаются, когда мы отвечаем на вопрос, как именно они работают, как именно осуществляются. Оказывается, что в арабской мысли эти механизмы действуют иначе, чем в западной: *то же* выполнено *иначе*. Отсюда формула логико-смыслового подхода *то же иначе*, проблематизирующая как *тождество*, так и *инаковость*.

И традиционно-универсалистский, и цивилизационный подходы имеют неизбывные ограничения и недостатки, преодолеваемые логико-смысловым подходом.

Традиционно-универсалистский и цивилизационный подходы всегда могут проинтерпретировать отдельные факты, отдельные моменты в изучаемой культуре (возможность такой интерпретации теоретически очевидна). Но есть и лакмусовая бумажка: возможность сплошной интерпретации.

Традиционно-универсалистский подход (что хорошо видно на примере упомянутой А. Шimmel и других приверженцев этого подхода) всегда предлагает *выборочную* интерпретацию, либо не оправдывая ее, как если бы она была самоочевидна, либо давая эпистемологические обоснования (интервальная концепция истины; асимптотическое приближение к объекту; язык как конструкт, накладываемый на объект). Проблема с такого рода теориями в том, что мы должны уже владеть объектом для того, чтобы применить их ради познания объекта (как иначе мы определим интервал, узнаем, что приближаемся к объекту, т. д.): телега здесь навсегда поставлена впереди лошади. Так же и цивилизационный подход: у А. А. Игнатенко, например, остается непонятным, как найденную (и претендующую на фундаментальность) характеристику применить за пределами того материала, на котором построена книга (к примеру, как это объяснит особенности исламского права, вероучения и т. д.?).

В отличие от этого, логико-смысловой подход настаивает на возможности, более того, необходимости сплошной, а не выборочной, интерпретации культуры, поскольку всегда идет от *ее* материала и логики. Вот почему здесь так важен критерий *больших отрезков текстов культуры*, которые интерпретируются.

Итак, логико-смысловой подход — это *не* цивилизационный подход и *не* традиционно-универсалистский подход.

Те, кто практикует цивилизационный подход, всегда берут нечто *содержательно-определенное* для того, чтобы охарактеризовать культуру или цивилизацию, и делают такую характеристику отличительным свойством культуры. Когда Н. Я. Данилевский говорил о том, что создает особое лицо культуры древних греков, он указывал на изобразительное искусство, в котором они достигли высот, которых не достиг и уже не достигнет никто; для других культур их особое лицо зафиксировано как другое, но также содержательно-фиксированное, максимальное достижение человеческого духа. Для О. Шпенглера это — морфология культуры. Но в любом случае, о чем бы мы ни говорили, какой бы пример цивилизационного подхода ни взяли, это всегда будет содержательно зафиксированные характеристики культуры.

В отличие от этого, логико-смысловой подход говорит о *принципе* построения содержания, но никогда о самом содержании как об определяющем культуре. Его в принципе нельзя рассматривать как теорию эссенциалистского типа или как теорию, реифицирующую культурные различия. Конкретный тип смыслополагания, который и определяет, согласно логико-смысловому подходу, лицо культуры, — это не конкретная форма, не конкретное содержание, вообще не то, что могло бы пониматься как сущность, как вещь. Это способ создания, порождения содержания, но не само содержание. В контексте логико-смыслового подхода речь в принципе не может идти о какой-либо фиксированной, примордиальной (как любят сейчас говорить) сущности культуры, понятой как пред-заданная и навсегда-заданная, вечно существующая и потому *сковывающая* культуру и ее носителя.

Поскольку логико-смысловой подход говорит о принципе («механизме») создания содержания, но не о самом содержании, он неуязвим для критики, обычно направляемой в адрес цивилизационного подхода, суть которой хорошо схватывается вопросом: меняясь и сбрасывая свои формы, остается ли культура сама собой, или она обречена, цепляясь за свою самость, навсегда остаться в прошлом, фиксируя саму себя как некогда осуществленное высшее достижение духа (Данилевский) или как некую уникальную целостную форму (Шпенглер), и т. п.? Цивилизационный подход, привязанный к конкретному содержанию (а не к способу продуцирования содержания), обречен на то, чтобы смотреть всегда назад, в прошлое, и выталкивать культуру туда, поскольку именно там располагается схватываемая им сущность культуры. Можно сказать, что цивилизационный подход хорошо улавливает статику культуры, но не ее динамику.

В отличие от этого, логико-смысловой подход одинаково успешно справляется и с тем и с другим, с одной стороны, фиксируя ясный ответ на вопрос: «где тот предел, за которым культура перестает быть самой собой?» (это границы того конкретного варианта, или типа смыслополагания, который конституирует культуру), а с другой — никогда не ограничивая себя конкретным содержательно-зафиксированным временным срезом культуры (любой такой срез возводится к продуцирующим его механизмам смыслополагания, но не наоборот).

В чем отличие логико-смыслового подхода от традиционного универсалистского?

С точки зрения логико-смыслового подхода культуры различаются как различные типы смыслополагания, то есть как различные реализации одних и тех же механизмов, которые делают смысл. (Замечу, что механизмы смыслополагания, о которых было сказано выше, отражены в их конкретной реализации в арабской культуре в фундаментальной для арабского теоретического дискурса терминологии: это пара *'захир-батин'* «явное-скрытое», фиксирующая определенный тип противоположения, и пара *'асл-фар'* «основа-ветвь», фиксирующая определенное понимание соотношения части и целого.) Эти разные типы формирования смысла *присутствуют в сознании любого человека.*

Это принципиальное для логико-смыслового подхода положение, которое фиксирует его понимание универсальности. Универсальность заключена не только в номинальной общности механизмов смыслополагания (противоположение-и-объединение и целое-часть), — ведь любая конкретная реализация этих механизмов выводит нас в план вариативности, а не общности и совпадения. Универсальность заключена также и в том, что и конкретные реализации этих механизмов как таковые не просто различные, но несовместимые и несводимые друг к другу, также присутствуют в сознании любого человека.

Но если мы говорим о культуре как целостности, то на первый план выходит тот или иной тип, определенный тип смыслополагания, тогда как остальные вытесняются на периферию, хотя и не исчезают совсем. Но при этом все они как *чистые типы* могут быть обнаружены во внутреннем опыте любого человека.

Вот почему логико-смысловой подход вовсе не отрицает универсализм как таковой; он отрицает его ограниченность определенной формой (о чем скажу чуть позже). Речь здесь никак не идет о том, что культуры — это некие закрытые, непроницаемые друг для друга образования; речь идет о том, что это феномены, которые характеризуются тем, что дают преимущественное развитие тому или иному типу смыслополагания, любой из которых все мы можем обнаружить в своем внутреннем опыте.

Таким образом, разные типы смыслополагания обнаруживаются как архитектоника человеческого сознания, как то, что присутствует в голове любого человека. Культуры различаются тем, что те или иные типы смыслополагания выходят на первый план; но от этого другие не исчезают. Значит, мы несем в себе, в своем сознании «в зародыше» любую культуру; она *не чужда* нам. *Чуждость* и *инаковость* надо различать. *Чужбое*, если показана его *инаковость*, перестает быть *чуждым*, но становится *тем же* — *иначе*.

Значит, логико-смысловой подход не является антиуниверсалистским; это универсализм *другого типа*, нежели традиционный; это *расширение* универсализма за счет снятия ограниченности классического универсализма определенной его формой — универсализмом рациональности, рассматриваемой как главная конституирующая характеристика человека. Универсалистская позиция в рамках логико-смыслового подхода строится сложнее, чем традиционный универсализм, который берет один из типов смыслополагания и объявляет его «общечеловеческим». В рамках логико-смыслового подхода речь идет об универсализме не конкретно-понимаемого *разума*, а *смыслополагания* как человеческой способности.

Термин «инаковость» употребляется здесь как абстракция от одной из двух равно необходимых частей формулы *то же иначе*: смена логико-смыслового базиса позволяет делать целиком *иначе*, но *то же самое*, что делает другая культура на своем логико-смысловом базисе. Что касается арабо-мусульманской культуры, то это верно и для философии и вероучения (сошлюсь на свои работы, а также на исследования И. Р. Насырова, А. А. Лукашева, Ю. Е. Федоровой), и для музы-

ки (Г. Б. Шамилли), и для изобразительного искусства (М. Дж. Назарли), и для филологии (Д. В. Фролов) или поэтики (Н. Ю. Чалисова). Поэтому *инаковость* в пространстве логико-смыслового подхода — совсем не то же самое, что в пространстве дискурса, попадающего под антиориенталистскую критику.

Еще одно отличие логико-смыслового подхода от традиционно-универсалистского и цивилизационного заключается в том, что оба этих подхода являются генерализациями, хотя и выполнены с разных позиций; логико-смысловой подход *не является генерализацией* ни в каком смысле.

Провести логико-смысловое исследование — значит, поняв, какой механизм смыслополагания релевантен для данной культуры, продемонстрировать, как смыслофиксирующие конструкции в ней могут быть показаны в виде результатов действий таких механизмов.

Этим снимаются возражения против генерализаций, которые выдвинуты и в рамках конкретных исследований; конкретное исследование только выигрывает, если учитывает действие механизмов смыслополагания в данной культуре, поскольку это не накладывает никаких «генерализующих» обязательств.

Далее, логико-смысловой подход — это самостоятельная позиция, которая *не попадает* под критику традиционного универсализма в адрес цивилизационного подхода или критику с позиций антиориенталистской идеологии.

Возражение универсалистов против цивилизационного подхода неприменимо к логико-смысловому: прозрачность механизмов смыслогенерации не позволяет говорить ни о какой «герметичности» культуры. Напротив, то, что предстает герметичным при традиционном содержательно-ориентированном цивилизационном подходе (к примеру, у А. А. Игнатенко: как нам постичь зеркально-противоположную ориентацию арабской культуры?), оказывается открываемым в собственном внутреннем опыте в пространстве логико-смыслового подхода, а значит, *своим*, ясным и понятным как механизм.

Антиориенталистская критика также неприменима к логико-смысловому подходу, причем по двум причинам. Во-первых, как уже говорилось, в логико-смысловой перспективе речь не идет и в принципе не может идти ни о каком эссенциализме или реификации культурных различий. Во-вторых, тождество культур здесь не менее значима, чем их *инаковость* (неразъемность двух составляющих формулы *то же иначе*): логико-смысловой подход позволяет показать необходимую связь этих двух сторон, считавшихся ранее взаимоисключающими.

В своей традиционной интерпретации универсалистский подход, как это ни парадоксально, в конечном счете оказывается замаскированным цивилизационным: он берет нечто конкретное, характерное именно для западной культуры, и возводит это в ранг универсального, общечеловеческого. В свою очередь цивилизационный подход оказывается в конечном счете замаскированным универсалистским: он строит образ чужой культуры всегда *из материала* собственной и всегда как некое

отображение собственной (в самом простом случае — как зеркальное отображение). Следовательно, и содержательно, и логически цивилизационный подход не выходит за рамки собственной культуры исследователя, даже если по видимости говорит о несводимых различиях и непостижимости других культур.

Таким образом, и традиционно-универсалистский, и цивилизационный подходы не делают того, что обещают: они не показывают на самом деле ни подлинной универсальности, ни подлинной самости культуры.

Обеих этих целей достигает логико-смысловой подход.

С одной стороны, культура здесь показана как целостность, исключая герметичность, как самостоятельное, имеющее собственное «Я» образование. В этой метафоре есть смысл: целостность человека ведь также предстает как целостность его личности, то есть его «Я», сохраняющегося несмотря на пестроту феноменальных «Я» (распад «Я» равносителен душевной болезни). *Целостность* — это не герметическая закрытость, а *системность*. Человек целостен, и это верно и для человека как родового существа, и для любого индивидуума; но это не значит, что данный человек герметичен. Напротив, он всегда открыт и в отношении окружающего, и в отношении будущего (проективен). И тем не менее целостен: меняясь едва ли не целиком (если брать отдельные составляющие) с момента рождения до смерти, человек сохраняет свою целостность в том смысле, что остается *собой*, сохраняет свое «Я». Не какие-то конкретные свои черты, а именно «Я», — и даже если оно проявляется в каких-то конкретных, содержательно выраженных чертах, все же целостность человека зависит именно от «Я», но не от этих конкретных содержательных моментов. Так и культура: у нее также есть свое «Я», и она остается собой, пока не утерит его. Не какое-то конкретное содержание — пусть «Я» культуры и проявляется или проявлялось в нем; и все же «Я» культуры — не это конкретное содержание, а тот вариант или тип смыслополагания, который создает и это, и любое другое содержательное наполнение данной культуры. Логико-смысловой подход и принцип *то же иначе* дают возможность ввести понятие «цивилизационное равенство», понимаемое как равенство несводимых «Я» культур, исключаящее подгонку под любой конкретный шаблон, объявляемый общечеловеческим.

С другой стороны, логико-смысловой подход дает возможность понять универсальность не как общечеловеческое (что на проверку оказывается конкретно-цивилизационным), а как *всечеловеческое*. Всечеловеческое не исключает никакого конкретного логико-смыслового типа культуры, а, напротив, включает его как одну из возможных реализаций смыслополагания. И в то же время ни один конкретный логико-смысловой тип культуры не имеет приоритета перед другим: все они, вырастая из одного и того же основания (механизма смыслополагания), являются равноправными, но различными и *несводимыми* его реализациями. Из этого вытекает безусловная ценность любого логико-смыслового типа культуры — а вовсе не только того, который возведен в ранг общечеловеческого.

В. С. Степин¹

НАУКА И РЕЛИГИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ДИАЛОГ?

Взаимоотношения науки и религии, бесспорно, принадлежат к важнейшим и наиболее острым проблемам мировоззрения современности. Они представляют собой глубоко различные, в каком-то смысле даже несовместимые сферы культуры. Их действительно многое разделяет, их функции в обществе видятся нередко как противоположные. Однако при более внимательном рассмотрении наука и религия предстают в качестве взаимодополнительных.

В обществе как целостной системе можно выделить процессы устойчивости и изменчивости. Если с этих позиций рассматривать науку, то окажется, что ее отличительной чертой является направленность на порождение нового знания, это и делает науку важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе. Что касается религии, то она выступает хранителем традиций, устойчивых, исторически апробированных ценностей. Именно в религии кристаллизовались общечеловеческие нравственные заповеди («не убий», «не укради») и исходные модели сознания и поведения людей.

Религия основана на вере, которая связана с эмоциональным миром человека и базируется на определенных принципах. Для религиозного человека эти принципы незыблемы. Наука также опирается на определенную систему принципов, формирующих картину мира. Но в науке они имеют исторический характер, устойчивы только на определенном этапе развития. Так, механическая картина мира, опиравшаяся на идеалы классической рациональности и господствовавшая в XVII–XVIII веках, потребовала своего глубокого пересмотра в конце XVIII — первой половине XIX столетия, когда представление об объектах как механических системах оказалось неадекватным предмету большинства наук.

Еще более радикальным был пересмотр онтологических и методологических принципов науки в научных революциях XX столетия: в биологии в связи с развитием генетики и открытием новых уровней организации жизни; в физике (создание теории относительности, квантовой механики); в космологии в связи с формированием концепции нестационарной Вселенной; в междисциплинарных исследованиях (кибернетика, теория систем).

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

Принципы науки и ее представления изменчивы. Это отмечал еще А. Эйнштейн, который писал: «Мы всегда должны быть готовы изменить эти представления, изменить аксиоматическую базу науки, чтобы обосновать факты, “логически наиболее совершенным образом”»².

В науке изменение фундаментальных понятий — норма. В религии нормой является, наоборот, сохранение фундаментальных принципов. Конечно, это не значит, что в мировых религиях ничего не меняется. Речь идет об исходных основаниях. Даже идейное противостояние в религии протекает в контексте признания одних и тех же священных текстов (Библия для протестантов и католиков, Коран для шиитов и суннитов). В науке же нет священных книг, и отношение к великим памятникам истории научной мысли у ученого принципиально иное, чем у верующего. В этом также проявляется различие двух дополняющих друг друга интенций жизни культуры — доминирование ценностей инноваций для науки и ценностей традиции для религии.

В качестве феноменов культуры наука и религия формируют особые программы человеческой жизнедеятельности. Наука в общем нацелена на изучение объектов, включенных или заново включающихся в сферу человеческой активности: природных, социальных, ментальных. Но наука не исчерпывает собой всего многообразия культуры. В постижении мира человеком участвуют и обыденное сознание, и художественный опыт, и нравственность, и религия. И если наука ориентирована прежде всего на исследование объектных структур, то в религии выражается опыт межсубъектных отношений, человеческих связей, в основе которых — фундаментальные ценности культуры.

В религиозных чувствах отражается сознание человека и его состояния (вера, надежда, любовь), которые не могут быть сведены к рациональной компоненте. Религия сосредоточивает свое внимание на ответственности человека перед людьми и Богом, подчеркивает необходимость соблюдения фундаментальных нравственных норм, нарушение которых ведет к деградации человека и распаду социальной жизни.

В период становления научной картины мира церковь активно сопротивлялась растущей автономии научного познания (преследование инквизицией Г. Галилея, сожжение на костре Дж. Бруно). Но постепенно ситуация изменилась. В рамках христианской традиции обозначилось стремление согласовывать христианское миропонимание с развивающимся научным знанием. Так возникли философия неотолизма, перекликающаяся с идеями русского космизма, антропология Тейяра де Шардена, учение о ноосфере В. И. Вернадского.

В то же время внутри христианской теологии еще в Средние века существовала традиция религиозного познания природы как Божьего творения. Подход,

² Эйнштейн Ф. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. 4. С. 136.

сложившийся на латинском Западе в начале XIII века, рассматривал природу как книгу, написанную Богом для того, чтобы понять, как устроено Божье творение, раскрыть его логику, закон. Такое понимание привело к становлению того типа рациональности, который реализовался в новоевропейской науке.

Таким образом, предпосылкой перехода к новому пониманию природы, наиболее отчетливо выразившейся в техногенной цивилизации, была христианская культурная традиция. Конечно, в средневековом христианстве сохранялось присущее античной культуре противопоставление естественному искусственному, но одновременно содержалась и потенциальная возможность перехода к иному пониманию, ибо человек воспринимался как творение Бога, созданное по его образу и подобию. Это открывало возможность трактовать человеческую деятельность как продолжение божественных деяний, пусть и несовершенное.

В период Ренессанса и Реформации начинает складываться новое понимание связи между естественным и искусственным. По отношению к божественному разуму, который создал мир, природа рассматривается как искусственное начало, а деятельность человека становится как бы уменьшенным подобием актов творения. В Новое время основой человеческой деятельности стало подражание природе, выявление ее разумного начала и гармонии — в науке, технических изобретениях, художественном творчестве. Разумное изменение природы через человеческую деятельность понимается как согласующееся с ее естественным устройством. Так возник новый способ познания мира: идея возможности ставить природе теоретические вопросы и, активно преобразуя природные объекты, получать на них ответы. Таким образом, существенно модифицируясь, каждый раз принимая новые облики, в истории культуры продолжали сохраняться подходы, характерные для христианской традиции, при этом она соединялась с ценностями науки.

В истории новоевропейской культуры наука вступила в сложные, противоречивые отношения с религией, когда стала не просто формировать свою картину мира, но и претендовать на ее особый мировоззренческий статус. Научная картина мира постоянно обновляется, нередко радикально изменяя наши представления о мироздании. Через систему современного образования научные представления о мире входят в

обыденное сознание, требуя корректив миропонимания в целом.

В условиях техногенной цивилизации возникают новые области, требующие взаимодействия науки и религии. Так, на повестке дня остро стоят проблемы, связанные с вмешательством в генетику человека (клонирование, воздействие на внутриутробное развитие с целью проектирования ребенка с заданными свойствами). Исследования в этой области вызывают многочисленные дискуссии, связанные с определением зон риска, которые могут иметь негативные социальные и гуманитарные последствия. В этих дискуссиях принимают активное участие не только ученые различных специальностей, но и религиозные деятели. Возникают новые ситуации диалога науки и религии, которые вносят существенные изменения в прежний статус автономии научных исследований.

В течение долгого времени господствовало убеждение, что техногенный тип цивилизации, важнейшим истоком которого является наука, выступает как магистральный путь социального прогресса. Несомненно, эта цивилизация обусловила возникновение бесспорных достижений в области производственных технологий, медицины, улучшения качества жизни. Но она же породила и глобальные кризисы, поставившие под угрозу само существование человечества. Вряд ли современная цивилизация способна найти выход из этих кризисов, не меняя базовых ценностей техногенной культуры и самих стратегий ее развития. Но если будут меняться базовые ценности, это не может не сказаться на взаимоотношениях науки и религии. Новые тенденции в этих отношениях могут рассматриваться как точки роста новых ценностей.

Можно зафиксировать появление новых концепций в рамках современной христианской теологии. Показательны в связи с этим взгляды современных протестантских теологов Х. Ролстона и А. Пикока. Они отстаивают идею, согласно которой Бог не закончил процесс творения мира, а творит его постоянно, он соучастник этого процесса, и сумма добра и зла, творимых людьми, тоже вносит в него свою лепту. Человек несет свою долю ответственности за космическую эволюцию, активно влияет на нее.

Такие идеи, несомненно, вносят новые обертоны в проблему взаимодействия науки и религии, являющихся двумя важнейшими ипостасями культуры, и создают новые возможности для их равноправного диалога.

С. Г. Тер-Минасова¹**РОЛЬ КЛАССИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Современная эпоха, как известно, характеризуется двумя главными чертами: с одной стороны, небывалым, невообразимым научно-техническим прогрессом в области коммуникации и, с другой стороны, стремительно ускоряющимся процессом глобализации как важнейшим результатом этого научно-технического прорыва.

Не вдаваясь в подробности этого сложнейшего противоречивого процесса, я хотела бы остановиться лишь на одном следствии глобализации, еще раз показавшем парадоксальность человеческого сознания и поведения.

Парадокс же заключается в том, что перспектива глобального объединения человечества, взаимодействие и взаимозависимость всех людей и всех стран, живущих мирно и дружно в одной Глобальной деревне, вызвала парадоксальную реакцию, а именно: эта перспектива (угроза?) заставила все народы вспомнить о своих языках и культурах, о своих национальных традициях, вкусах, ценностях, что и привело к осознанию важности сохранения национальной идентичности.

Иными (краткими) словами, *повышенный интерес к проблеме национальной идентичности — это парадоксальная, но вполне человеческая реакция на глобализацию.*

Именно поэтому столь актуальны стали во всем мире вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники.

Сегодня мы попробуем рассмотреть роль национальных литератур в формировании и сохранении национальной идентичности.

Национальная идентичность, по определению Wikipedia с небольшой поправкой, — это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет свою принадлежность к определенной (в Wikidpedia — различной) национальной группе.

Понятие национальной идентичности близко соприкасается (в некоторых определениях практически совпадает) с понятием национального характера, определяемым как психологический склад нации (С. М. Арутю-

нян²), совокупность специфических психологических черт, свойственных той или иной социально-этнической общности (Н. Джандильдин³) и т. п.

Таким образом, национальная идентичность теснейшим образом связана и с национальным характером, и с более общим понятием национальной культуры, включающим результаты духовной и материальной деятельности людей, представляющих данную нацию.

Главным связующим звеном оказывается слово *национальный*, подчеркивающий то, что особенности психики, обусловившие восприятие мира, поведение и деятельность людей, — один из важнейших факторов формирования нации.

Интересно, что споры о самом существовании национальных характеров и идентичностей сейчас практически затихли, и причиной этого стал очевидный и неоспоримый взрыв ксенофобии и агрессии, определяемый как конфликт культур, вызванный геополитическими катаклизмами и ставший одним из главных препятствий на пути глобализации.

Какую же роль в этих мировых процессах, катаклизмах, этнических стычках и войнах, конфликтах культур играют классические национальные литературы? Именно этот вопрос — главный в названии секции наших замечательных (уже хотя бы потому, что они посвящены памяти замечательного человека) Чтений: *национальные литературы в историческом диалоге культур.*

Особое ударение следует сделать на слове *классические*. Если речь идет об *историческом* диалоге культур, то это предполагает рассмотрение *классической* национальной литературы, поскольку классика возможна только при условии испытания временем, причем значительным.

Действительно, произведение или автор могут быть названы классическими для данной национальной культуры, только если они останутся интересными, читаемыми и признаваемыми многими поколениями представителей данной нации, несмотря на изменения образа жизни, культуры, идеологий, мировоззрений, неизбежные в историческом процессе.

Следовательно, формирует нацию (ее идентичность, характер, культуру) в первую очередь именно классическая литература, особенно если речь идет об *историческом* диалоге культур.

Диалог культур в названии и секции, и Чтений, также требует небольшого комментария. Что же такое диалог культур? Название говорит само за себя. *Диалог культур предполагает взаимопонимание и взаимодействие представителей разных культур.* Это цель (мечта!), к которой стремится встревоженное ксенофобией и агрессивней человечество, а не просто политкорректный вариант конфликта культур.

² Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966. С. 23.

³ Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алмата, 1971. С. 122.

¹ Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Язык и межкультурная коммуникация», «Language, Linguistics and Life», «Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах», «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков», «Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации» и др. Президент Национального объединения прикладной лингвистики, президент Национального объединения преподавателей английского языка России. Председатель НМС по иностранным языкам при Минобрнауки РФ. Почетный профессор Бирмингемского университета, Великобритания. Почетный доктор словесности Университета штата Нью-Йорк, США. Почетный профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения).

Когда речь идет об участии национальных литератур в диалоге культур, предполагается не только признание национальных писателей мировым сообществом. В многонациональных государствах (а их сейчас большинство) взаимодействие и взаимовлияние литератур народов, населяющих одну страну, также являются диалогом культур, и выдвижение представителей этих народов на уровень всеобщего, вседержавного признания также делает их классиками данного единения народов.

Как же формируются национальная идентичность, национальный характер и национальная культура? Не будет преувеличением сказать, что главным орудием, инструментом, средством является национальный язык. Не единственным, но главным. Национальный язык не только отражает национальную культуру, но и хранит, и формирует ее. Иными словами (привычных метафор), он одновременно и зеркало, и хранитель, и орудие национальной культуры.

Литература полностью зиждется на ресурсах языка. В распоряжении писателя только один ресурс — СЛОВО. Письменным словом (не красками, не звуками) мастер литературы — художник слова! — творит целый мир, населяет его людьми, наделяет светом, цветом, природой, погодой, Жизнью, то есть выступает в роли Создателя мира, обусловленного его национальными принадлежностью, характером, идентичностью.

Однако слово используется и в других источниках информации о национальной идентичности.

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о нации являются так называемые международные анекдоты, то есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

Так, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, прагматичны, сдержанны и т. п. Немцы дисциплинированы, помешаны на порядке. Легкомысленные французы думают только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Русские — бесшабашные рубахипарни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, но смекалистые и побеждающие другие народы. В русских международных анекдотах все народы ведут себя соответственно этим стереотипам.

Стереотипы международных анекдотов далеки от объективных оценок и вызывают не только сомнения, но и резкую критику так часто, что само слово приобрело негативную окраску.

Вот мнение на эту тему из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 января 1859 года: «Для народов существуют общие характеристики; французов называют ветренными, англичан — себялюбивыми, русских — терпеливыми и т. д.; но боже мой, сколько каждый из нас встречал глубокомысленных французов, самоотверженных англичан и крайне терпеливых русских...»

Герои национальных литератур поражают контрастом со стереотипными персонажами международных

анекдотов. Действительно, легкомысленные французы, думающие о вине и женщинах, на уровне своей классической литературы мирового масштаба представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мериме, Мопассана, Золя, решающими сложные человеческие проблемы и и не имеющими ничего общего с «ветренными» героями-любовниками.

Наоборот, «себялюбивые», чопорные и сдержанные до абсурда англичане из анекдотов создали литературу, полную искрящегося юмора, иронии, сарказма: литературу Джонатана Свифта, Диккенса, Теккерея, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда, Шекспира, наконец, у которого на пять трагедий приходится 22 комедии. Ни в одной комедии юмор не ценится так высоко.

Замуштрованные порядком (Ordnung!) и самодисциплиной немцы из международных шуток дали миру глубочайшую и нежнейшую поэзию Гете, Гейне, Рильке.

Наконец, анекдотические хулиганы и алкоголики — русские — внесли в сокровищницу мировой литературы драгоценный вклад: произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского. Герои этих произведений, с их философскими исканиями и тонкими душевными переживаниями, — это интеллигенты среди персонажей мировой классической литературы (недаром само слово *интеллигенция* вошло в европейские языки из русского языка).

Так где же русский национальный характер? В анекдотах или в классической литературе? Кто типичный русский — мужик с ведром водки или Пьер Безухов?

Как известно, в период Второй мировой войны, перед тем как напасть на Россию, фашистская Германия усиленно собирала информацию о России и русских. И немаловажным источником информации оказалась русская художественная литература. Именно по ней германские лидеры составили суждение о русском национальном характере. Россию посчитали «колоссом на глиняных ногах»: толкни — и рассыплется страна, населенная рефлексирующими «мягкотельными» интеллигентами — безуховыми, нехлюдовыми, мышкинскими, раскольниковыми, дядями ваянями, ивановыми и т. п.

Иван Солоневич пишет об этом с горечью: «Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста, Обломовы, Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки»¹.

Будучи критически настроен к русской классической литературе как к источнику информации, Солоневич и назвал ее «кривым зеркалом народной души». Он пишет: «Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего... Русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости были выдуманные. И когда страшные годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни налет литературного словоблудия, то изпод художественной бутафории Маниловых и Обломовых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москвичей в гарольдовом плаще, лишние лю-

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 166.

дей и босяков — откуда-то возникли совершенно не предусмотренные литературой люди железной воли»¹.

Не вдаваясь в полемику, хочу попытаться «реабилитировать» кругом виноватую русскую литературу: немцев-то она обманула. Да, в Брестской крепости действительно сидели не Маниловы и Безуховы. Но ведь кто знает, как повели бы себя Безуховы и Обломовы, окажись они в Брестской крепости? Может быть, и у них выявилось бы то самое «железо в русском народном характере», которое, по словам Солоневича, не отразила русская литература? Не отразила железа и обманула врагов кривым зеркалом.

Мысль у Солоневича, правда, другая: «Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства — ничего этого наша литература не заметила вовсе»². А если бы заметила и отразила, то и войны бы не было, — вот что имеет в виду Иван Солоневич.

Но вернемся к источникам сведений о национальной идентичности.

Не отбрасывая вслед за Солоневичем с негодованием всю художественную литературу, признаем, что она не кривое, но неполное зеркало. Полным оно быть и не может — «никто не обнимет необъятного», как сказал русский писатель А. К. Толстой устами Козьмы Прутков. Неполное и *субъективное*, потому что каждое художественное произведение классической литературы имеет конкретного автора с его субъективным, то есть ему лично присущим видением мира, в значительной мере обусловленным не только национальным самосознанием и национальной культурой, но и его собственной индивидуальной жизнью, творческим воображением, вполне конкретным, присущим лично ему талантом.

Итак, художественная литература несомненно представляет собой источник информации о национальном характере, одновременно отражая и формируя его.

Проблемы, связанные с этими функциями произведений национальной литературы, высвечиваются особенно ясно при их переводе на иностранные языки. Этот важнейший аспект в полной мере выявляет и признание, и участие в диалогах культур, и — особенно! — конфликты культур.

Яркий пример такого конфликта — непризнание или, вернее, недооценка А. С. Пушкина внешним нерусским миром.

Русский человек никогда не поймет, почему Толстой, Чехов, Достоевский, Тургенев более известны на Западе, чем Пушкин. Отдавая дань этим великим столпам русской и мировой литературы, каждый русский знает, что патриарх, отец русского литературного языка и русской литературы, ее солнце — это Пушкин. Отец — один и солнце — одно.

Поэтому известная, подробно описанная непопулярность Пушкина во внешнем мире и в частности в Англии настолько оскорбительна и кощунственна для русского человека, что приводит факты, свидетельствующие о ней, неприятно и совершенно не хочется.

Это огульное непонимание Пушкина, иногда искреннее, иногда нарочитое, политически обусловленное, обычно объясняется и российскими специалистами, и западными «защитниками» великого поэта одной причиной — *непереводимостью поэзии* вообще и пушкинской в особенности.

На эту тему вполне категорично высказался Владимир Набоков: «Моя теория перевода в действительности очень проста. Единственное, что имеет значение, — это идеальная точность перевода... В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина *невозможен* (курсив мой. — С. Т.), ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную.

Итак, подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственно возможным инструментом»³.

Известный французский философ Жак Деррида считает, что сопротивление переводу — черта любого настоящего поэтического произведения: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, — разве это стихотворение?»⁴

Однако это отнюдь не означает, что нужно оставить попытку перевода стихов на другие языки. Наоборот, чем сильнее сопротивление, тем лучше стихотворение и тем более оснований пробовать его донести до иноязычных читателей.

Разумеется, сложности и трудности перевода произведений Пушкина на иностранные языки — одно из главных препятствий для того, чтобы его признали не просто «поверив русским»⁵, но как интернациональную мировую величину. «Одно из препятствий», но далеко не единственное и даже не самое главное. Самое же главное — это его знаменитая *русскость*, это его душа, национальный характер, национальная идентичность, которые непонятны нерусскому миру.

Пушкин — душа русского народа, а русская душа, как известно, всегда представляла собой загадку, непонятую тайну для иностранцев.

В чем же заключается «русскость» Пушкина? И. Ильин считал, что Пушкин есть «чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости...» «То, что его вело, была любовь к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу, в русскую простонародную жизнь»⁶. И далее, писал С. Франк: «В нем был... какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма цело-

³ Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. 1996. № 11. С. 62.

⁴ Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве. М.: РИК «Культура», 1993. С. 162.

⁵ «Никто из русских, насколько мне известно не ставит под вопрос литературную репутацию Пушкина. Но можно ли верить русским?» Johnson C. A. Pushkin. A Personal View // Contemporary Review. L., 1965. Nov. Vol. 206 (1198).

⁶ Известно, что как явление всемирного масштаба Пушкин осознается и признается лишь теми, кто хорошо знает русский язык и, более того, Россию. Дальше — пропасть: остальной культурный мир лишь уважает его — веря нам на слово, из пиетета к литературе Толстого, Достоевского и Чехова // Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторических жребий России. Пушкин и современная культура, М.: Наука, 1996. С. 31

⁶ Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 382.

¹ Солоневич И. Указ. соч.

² Там же. С. 164–165.

мудрия и духовной стойкости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства»¹.

Итак, главная причина непризнания и непонимания Пушкина как первой величины русской литературы — это *конфликт культур, менталитетов, конфликт души*, наконец. Предвижу немедленные вопросы: А Достоевский? А Толстой? А Чехов? Ответ — значит, они более *интернациональны* и менее *национальны*, чем Пушкин. Пушкин — народный писатель. Я понимаю, что это избитая фраза и что на тему «народности» написано много томов научных изысканий. Но Пушкин — *народный*. Русский человек растет с Пушкиным и живет с ним всю жизнь. В детстве — сказки, потом школьный Пушкин, вошедший в язык, подсказавший слова на все случаи жизни (*энциклопедия...*), потом все, что можно, о нем: письма, воспоминания, родные, друзья, современники, словари, литературоведение...

С Пушкиным в историю России вошло огромное количество людей, весь его личный мир, те, кого он любил — и мы их радостно любим, и те, кто его ненавидел — и мы их удивленно ненавидим. Кстати, запоздалая оговорка: понятие: *русский человек* не подразумевает этническую чистоту национальности «по крови». Русский — это человек, у которого родной язык русский и, соответственно, родная культура тоже русская, поскольку язык и культура — основные средства формирования личности. И Пушкин, с его африканскими корнями, доказывает это как нельзя лучше.

Таким образом, дело не в непереводимости Пушкина: его переводили, переводят и будут переводить. Дело в том, что нерусский мир не понимает его души, дело в конфликте культур.

Представители разных культур видят мир по-разному: это разное видение навязано им их родной культурой и родным языком как носителем и хранителем культуры. Каждое иностранное слово — это перекресток, столкновение культур, потому что между ним и обозначаемым им предметом или явлением реального мира лежит понятие, обусловленное коллективным сознанием народа, связанного одной культурой. Поэтому всякий перевод — это диалог культур. В этом диалоге наибольший интерес представляет чужая культура: ведь перевод имеет целью знакомство именно с ней, а *чужое* как раз наименее переводимо.

Подведем итоги.

Пушкин непереводим, но непереводимы все, одни — больше, другие — меньше.

Пушкин непонятен нерусскому миру из-за конфликта культур. Но... Пушкин в плане культуры своего времени все больше *непонятен и русским*.

Пушкин — великий классик русской литературы. Испытание временем продолжается: изменились и продолжают изменяться язык, уклад, образ жизни, общественное устройство — в широком смысле слова культура — все радикально изменяется.

Комментарии, за которые так ратует Набоков, нужны — и во всевозрастающем объеме — *не только при переводах Пушкина на иностранные языки, но и для русского читателя*.

Изучение социокультурного комментирования внеязыковых фактов высвечивает конфликт культур, причем по большей части это *конфликт не только одной культуры с иностранной, но и культуры прошлых времен классического произведения с современной культурой*.

Соответственно, наиболее распространенным комментированием такого рода является объяснение устаревших деталей быта, образа жизни, столь хорошо знакомых современникам Пушкина, но совершенно забытых их потомками. Эти детали весьма существенны для раскрытия внутреннего и внешнего мира героев, отношения к ним автора, оценок читателей-современников. Комментарий в этом случае выполняет роль моста над пропастью, разделяющей «наше» и «то» время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох.

Рассмотрим, например, через такие очки начало истории о станционном смотрителе: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади». Современный читатель нуждается в разъяснении системы передвижения пушкинских времен: езда *на перекладных* возможна только на почтовых трактах, по которым регулярно возили почту с остановками на станциях со зрителями. Им предьявляли *подорожную* — свидетельство о чине, определявшее положенное количество лошадей. *Прогон* — это плата за проезд, выделенная казной. И, наконец, главное: две лошади полагались служащим самого низкого звания. Все вместе эти данные характеризуют и рассказчика, и отношение к нему зрителя, доверившего свою историю человеку именно из низшего, то есть наиболее близкого к нему самому, сословия.

В вариантах «Евгения Онегина» у Пушкина есть такие строки: «“Женись!” — “На ком?” — “...На Лидиной”, — “Что за семейство! У них орехи подают, они в театре пиво пьют”». Современный читатель недоумевает: какие явно негативные социокультурные коннотации не позволяют жениться на бедной Лидиной? Собственно значения слов *орех* и *пиво*, разумеется, никакого отношения к контексту не имеют и не проливают света на культурологическую загадку. Ясно одно: общественная жизнь (именно общественная, так как орехи подают гостям, а пиво пьют в театре) изменилась настолько, что всякая связь с современностью утрачена, а с нею утрачены и культурные коннотации этих слов.

В чем же дело? Как разгадать загадку Пушкина? Почему русский читатель воспринимает его так восторженно, так лично, так заинтересованно, так безоговорочно, несмотря на временную разницу культур и непонимание культурных реалий? Почему нерусский читатель, как правило, не может его оценить и, в лучшем случае, просто «верит русским»?

Ответ один: Пушкин — глубоко народный, национальный писатель, он *гений*, воплотивший русский дух, русскую *душу*. А *гений* и *душа* — понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта. Все это относится ко всем другим народам и их национальным литературам и литераторам.

¹ Пушкин и современная культура. М. : Наука, 1996. С. 17–18.

Таким образом, роль национальных классических литератур в диалоге культур вообще и в историческом в особенности нельзя переоценить. Национальные классические литературы — это важнейший источник информации о корнях национальной идентичности, это ключ к волшебной дверце, а вернее, к семи дверям с семью печатями, за которыми хранится загадочная душа любого народа, потому что все различия национальных идентичностей, характеров и культур непонятны и загадочны для других народов. Причина этого — этноцентризм, то есть восприятие своей культуры как единственно правильной, приемлемой и нор-

мативной. Дать всем народам право на свою идентичность: свое видение мира (миро-воззрение), свой образ жизни, традиции, обычаи, привычки, признать это право пусть умом, если не сердцем, *осознать* опасность и угрозу человечеству и нашей общей планете, которые таят ксенофобия, агрессия, конфликты культур — единственный путь спасения жизни на Земле. Низкий поклон тем национальным литературам, которые останавливают руку и слово, угрожающие людям. Пусть писатели помнят о своей великой власти над умами и душами читателей. И используют эту власть во благо людей.

В. А. Тишков¹

КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности. А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций — самых всеохватных и самых мощных форм социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, или, как их еще иногда называют, «национальных государств», а иногда «многонациональных», что, на мой взгляд, не проясняет, а только затуманивает проблему. Именно национальные сообщества, а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, особенно когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах». Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и обще-

ственные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения (или разрушения и эрозии) этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но эти механизмы опять же созданы национальными сообществами и существуют на их денежные взносы.

Что собой представляют современные нации? В российском общественном сознании по этому вопросу сохраняются методологическая путаница и бесплодные дискуссии. Я оставляю за пределами доклада вопрос о сохраняющей инерцию и обретающей новые импульсы понимании нации в этническом смысле. Скажу только, что предложенное мною почти 20 лет тому назад понимание и употребление этой важной категории в двойном (гражданско-политическом и этническом) и не взаимно исключающем смысле сегодня становится в России все более общепризнанным. Но это признание носит вымученную форму, граничащую порою с интеллектуальной шизофренией. В России все стороны «национального бытия» и национального дискурса вроде существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела причудливые метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями, а тем более — с межрасовыми коллизиями. Разберем эти теоретические и практические трудности на основе концепта культурной сложности (*cultural complexity*), отметив, что трудный поиск ответов на вопрос «что есть нация?» наблюдается и в других странах.

¹ Директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч.: «Страна кленового листа: начало истории», «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «История и историки США», «Коренное население Северной Америки в современном мире», «Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады», «Русские как меньшинство: пример Эстонии» и «Русские в Средней Азии и Казахстане», «Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия», «Концептуальная эволюция национальной политики в России», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках», «Общество в вооруженном конфликте» и «Этнология и политика. Научная публицистика», «Единство в многообразии: публикации из журнала “Этнопанорама” 1999–2008 гг.», «Российский народ» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

* * *

В Канаде рождавшийся в период моих исследований в этой стране в 1970–1980-е годы концепт «первых наций» (first nations) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады вплоть до права участвовать в процедуре зажжения олимпийского огня. Тридцать лет тому назад тогдашний премьер-министр Пьер Трюдо и многие канадские интеллектуалы настоятельно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». В конце 1970-х годов лидер нации франкофон Трюдо с трудом убеждал соотечественников, в том числе и квебекских сепаратистов, что «мы все — одна нация канадцев». Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель местного оргкомитета в своей речи сказал: «Эти игры еще больше укрепили единство нашей канадской нации!» И в этой связи у меня есть вопрос: «Можно ли надеяться, что подобные слова будут сказаны и по итогам Олимпийских игр в г. Сочи, или к тому моменту будет реализована мечта русских ультранационалистов объявить в России всех русскими или же дать русским статус «государствообразующей нации»?»

Еще один навеянный спортивной темой пример современного дискурса о нации. Во время чемпионата мира по футболу в ЮАР в его начальной стадии в СМИ среди прочих нефутбольных новостей прошло сообщение о массовой демонстрации в Барселоне против решения Верховного суда в Мадриде признать неконституционным обозначение в конституции провинции Каталонии ее населения как нации. Это право было признано только за всем испанским сообществом, в которое входят не только кастильцы, но и баски, галисийцы, каталонцы и другие культурно отличительные сообщества страны. Каталонские националисты ждали решения суда почти два года, и оно оказалось не в их пользу. Мадрид признает только языковое разнообразие (в отличие от Франции, где французский является официальным языком, обязательным для всех граждан, но отрицает этническое деление испанской нации на еще какие-то нации (как во Франции).

Важное отличие Испании от России в том, что там нет так называемых «этносов»¹ и каталонцы не считают себя этнической общностью, а считают себя самоуправляемым *регионом-нацией*. Каталонцы — это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталонское происхождение и говорит на каталонском языке. Ситуацию острого конфликта разрешил финал чемпионата в ЮАР: вся Испания праздновала победу национальной (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из Барселоны и даже один игрок из Страны Басков. Так что *во многих странах есть споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.*

¹ См.: Кжановский А. Н. Быть испанцем. М., 2005.

В Китае, например, все 55 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (*Джонхуа миндзу*) считаются все китайцы — граждане страны. Однако это не мешает использовать самоназвание нации уйгурским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще из-за укоренившегося этнического смысла слова «нация». Вот почему наша ревизия отечественного концепта нации никогда не заключала в себе «отмену наций», а предполагает двойное употребление столь важного в политике, в культуре и в области самосознания термина «нация».

Однако обратимся к Франции — стране, казалось бы, с давно и успешно сложившейся на гражданской основе нацией. Во-первых, начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая идентичность появились только спустя 100 лет после Французской революции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ — французы, при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Именно эту истину пытался в свое время разъяснить лидер Французской компартии Жорж Марше Генеральному секретарю КПСС Л. И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х годов этнодемографический справочник о странах мира. В этом справочнике, кроме французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этносы, а также «переходные группы» в лице иммигрантов из разных стран и разных поколений. Французские коммунисты были не согласны с таким дроблением их собственной нации и выразили своего рода протест. Только ссора между Брежневым и Марше спасла тогда наш институт от репрессалии со стороны «Старой площади». Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что прав был автор справочника С. И. Брук, но сейчас мне кажется, что прав был Жорж Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж нынешний лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку и нынешним сторонникам исключительно этнического понимания нации, то мы отлучим от принадлежности к нациям еще целую когорту национальных лидеров: шотландца Гордона Брауна, индейцев Чавеса и Моралеса, афроамериканца Барака Обаму (по Бруку и Бромлею, негры США — это этнорасовая общность, не входящая в собственно американский этнос-нацию²).

Но тогда что есть французы как нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, но всегда обладавшая культурной сложностью, которая*

² См.: Нитобург Э. Л. Негры США. XVII — начало XX в. Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979.

сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обрела как актуализированное старое, так и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Актуализированное старое — совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Старая Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине («терруар» на месте этничности)¹. Это разнообразие или культурная гетерогенность французов в свое время сводила с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

А после этого Франция прожила три десятилетия, и ситуация стала еще сложнее. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», то есть граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и др.), 5 млн — это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн — турки, 0,5 млн — североафриканские евреи, более 700 тыс. — французы — выходцы из французских колоний. Известно усложнение религиозного состава населения Франции и разнонаправленность этой усложненности: из 70 % французов-католиков только 10 % ходят в церковь, и еще есть 22 % агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих (иначе в этой религии быть не может) мусульман. Последние составляют 5–10 % населения.

Я не обсуждаю перспективы французской нации, но отмечаю сам феномен усложнения этнорелигиозного состава этой, казалось бы, классической гражданской нации. И обращаю внимание на то, что *монокультурность никогда не была реальностью в этой стране. На самом деле существовала доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так называемые этнии.* В реальности антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе разной специфики (от вина и сыра до исторических и протогосударственных отсылок). От французской монокультуры остается, пожалуй, только языковая система, но и французский язык иногда кажется последним бастионом перед натиском иноязычной иммиграции. Этот бастион «французскости» охраняется специальным конституционным законом 1992 года о защите языкового наследия и целой серией других государственных декретов. Нет сомнения, что современная Франция и с ней остальной мир вступили в постъякобинскую эпоху понимания нации и того, что называется «нациостроительством» (nation-building).

О США как о примере говорить в российской аудитории достаточно сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «подбрасываемых» либералами-западниками негодных американских рецептов для уникальной России. Однако отметим, что и в США якобинский тип нации как некий интегрированный сплав был лишь актом речи. Это представ-

ление воплощалось первоначально в доктрине плавильного тигля (melting pot), затем — в особой избранности американской нации по части эталона и гаранта демократии и равных прав. На самом деле Америка никогда не была монокультурной и тем более никогда не была граждански солидарной. В ней всегда было множество этнических и расовых групп и всегда было многоязычие, не говоря уже о прошлой и частично сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Все это я имел возможность наблюдать начиная с 1975 года, проехав от ирокезских резерваций в районе Великих озер до Аляски и Гавайских островов. И когда после 40 поездок в США в аэропорту им. Джона Кеннеди меня однажды приветствие «Добро пожаловать в США!», написанное не только по-английски, но и по-испански, для меня это было всего лишь публичным признанием исторического существования среди американцев граждан латиноамериканского происхождения (более 20 млн человек к югу от Рио-Гранде). Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились ни переплавка, ни единое блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на этот вопрос так: формула *единство в многообразии* в США вполне реализовалась, но не как социологическая реальность, а как форма самосознания в результате целенаправленной индоктринации граждан страны. В какой-то мере эта формула обеспечивает динамичное развитие нации, хотя и включает в себе определенные риски. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее приобретение по этой части — переезд в США из Краснодарского края более 10 тыс. турок-месхетинцев). Причем происходит это на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее сказать — в мессионистской) форме и на фоне усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. *Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и в возрастании доли населения иностранного происхождения* (в большинстве развитых стран сейчас наблюдается обратная тенденция). Возможно, американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что утратили всякий смысл какие-либо политические разговоры или научные штудии по поводу «культурного ядра» (core culture), которое якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (White Anglo-Saxon Protestant) и про стопроцентных американцев прекратились еще два-три десятилетия назад. Сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном компоненте культуры этой нации. Сегодняшние американцы — это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы — нация наций». Кстати, эта вполне реалистичная и примиряющая формула нами предлагалась для утверждения ее в России с начала 1990-х годов, несмотря на большие историко-культурные и ментальные различия между россиянами и американцами.

¹ См.: *Филиппова Е. И.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту: Великобритания, или Соединенное Королевство. Напомним этнический и религиозный состав населения страны и динамику национального развития. Из 62,3 млн жителей Великобритании собственно англичане составляют 83,6 % (примерно как русские в России), шотландцы — 8,6 %, уэльсцы — 4,9 %, североирландцы — 2,9 %, а все выходцы или уроженцы Британских островов составляют 92 %. Остальные — это африканцы (2 %), индусы (2 %), пакистанцы (1,3 %) и лица смешанного происхождения. О русских и о бывших советских никакой статистики нет, хотя численность россиян и русскоязычных жителей возрастает быстрее других категорий (по некоторым данным, только студентов университетов и колледжей около 100 тыс.). Христиане разных исповеданий составляют 72 %, мусульмане — 3 %. Где здесь этнос и где здесь нация?

Эта нация называется *британской*, а смена «английскости» на «британскость» произошла в результате общественных дебатов и в результате деятельности в 1980-е годы специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности¹. Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях: огромное этническое и религиозное разнообразие городского населения и рост так называемых региональных языков — явление крайне примечательное: шотландским владеет около 30 % населения Шотландии, шотландским гэльским — около 60 тыс. в Шотландии, уэльским — около 20 % в Уэльсе, ирландским — около 10 % в Ольстере, корнуэльским владеет около 3 тыс. человек. Вот такая Англия с якобы моноязычной английской нацией. Однажды публицист Л. Радзиховский во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском, и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. Ибо в России аналогичная ситуация. Здесь единственной возможной формула: *Россия — это нация наций*.

* * *

С *языковым разнообразием* в современных государствах существует схожая ситуация, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Достаточно привести такой пример: российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В традиционном понимании языковая сложность как культурный феномен — это существование в мире множества язы-

¹ См.: Липкин М. А. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединенном Королевстве) // В мире английской истории. Памяти В. Г. Трухановского. Россия и Британия / отв. ред. А. Б. Давидсон. М., 2003. Вып. 3. С. 30–41.

ков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что *язык физически более осязателен через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен также интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование.*

Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации типа Летнего лингвистического института, собирающего данные о языках в мире главным образом для переводов Библии на эти языки и для миссионерской деятельности.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире новые языки не появляются и под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI века в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тыс., которые были зафиксированы в XX веке. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы существуют декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая Кабинетом Министров СЕ в 1992 году в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Российская Федерация в 2001 году присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Однако мировая языковая ситуация с языками в разных странах имеет более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое — это *размывание и перемешивание языковых ареалов* настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке. Второе — это *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран*. Наконец, есть тенденция *ревитализации языков*, то есть языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США тому пример.

Отталкиваясь прежде всего от опыта собственной страны, мы не разделяем взгляды сторонников концеп-

та «вымирания языков»: в России в XX веке не исчез ни один язык, кроме сиреневского диалекта эскимосского языка (из-за ликвидации в 1960-е гг. поселка Сиреники на Чукотке). Несмотря на апокалиптические прогнозы некоторых ученых и политиков, *языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей*. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием все больше будет становиться нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных обществ*. Через это, кстати, смогут улучшить свое положение русскоговорящие жители Украины, Молдовы, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии.

Из этих размышлений следует несколько вопросов для науки и для политики. *Во-первых*, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка» и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык (так называемый *материнский язык*)», или же что-то другое, например язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 года о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочих собрать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать — из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Мы приветствуем подход Европейской хартии региональных языков, ибо она ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групп носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности. Например, если вы бурят, то ваш родной язык должен быть обязательно бурятский, если вы татарин, то ваш родной язык татарский и никакие другие вместо этих или наряду с ними языки родными быть не могут! В реальности ситуация значительно отличается от идеальной: десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Такая ситуация особенно характерна для европейских стран, но и Россия не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместного поселения и высокого уровня образования среди населения. *Было бы полезно на уровне европейских институтов и структур ООН достичь некоторого консенсуса по вопросу о родном языке*.

Второй вопрос — насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое простран-

ство обучения, культуры и информации? Вообще, чей это вопрос и кто его изучает, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило 100 или 200 лет тому назад и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги языков» по примеру аналогичной книги по вымирающим природным видам. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не делается. Это приводит к косвенному насилию и к открытой дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР эта языковая дискриминация имеет массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и жизненное поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос об языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. *Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика по отношению к языковому вопросу*. В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или по языкам, находящимся в ситуации исчезновения. Реализуются проекты и проводятся научные исследования, в том числе и с участием российских ученых. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечает своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то *должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения)*. В этой ситуации языки мировых культурных систем (top world languages), к которым относятся как русский, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут выигры-

вать даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспеяния, чем так называемые «миноритарные языки». Поэтому *требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (у нас столько-то школ, и у вас должно быть столько же!) не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.*

В этом вопросе есть свои двойные стандарты, которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США, Великобритании, Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними мониторами как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся на долгие годы процесс ратификации и имплементации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция¹.

Подписав Хартию в мае 2001 года, Россия только рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Например, подписав Хартию в 1999 году, до настоящего времени ее не ратифицировали Франция и Исландия. Как и во многих европейских странах, и даже более чем где бы то ни было, в России имеются особенности, которые препятствуют положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы «языка» в политическую плоскость в регионах, где имеется конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией. В чем же ценность для России самой Хартии?

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России, преемницы бывшего СССР — государства, в котором немало было сделано для развития языков, такой подход тем не менее непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи — *национальные*) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких со-

обществ («без своего языка нет народа»). Здесь действует посылка: если государство посредством законодательства и других институтов поддерживает те или иные этнические общины, то это автоматически позволяет сохраняться их самобытной культуре и языку. Приводятся, казалось бы, очевидные доводы: если не сохранять и не поддерживать самих носителей языка и культурных традиций, то как же язык и традиции могут быть сохранены? Такое понимание национальной политики как непосредственного поддержания этнических сообществ на определенном этапе было оправдано. Российское государство на протяжении первой половины XX века прошло через огромные тяготы и лишения. Патерналистский подход советской национальной политики, субъектом которой являлись конкретные людские сообщества, выявляемые по признаку «крови и почвы», приносил на том этапе очевидные плоды. Однако в позднее советское время этот подход применять было гораздо труднее. Социальная жизнь в ту пору существенно изменилась. На огромном пространстве Советского Союза процессы модернизации и миграция из сельской местности в города способствовали тому, что потребности и интересы людей стали выходить за рамки «своей» этнической культуры, «традиционного» образа жизни, «своего» этнического языка. Этнографические, социологические, лингвистические исследования тех лет, а также переписи населения 1970, 1979 и 1989 годов показали, что этнические сообщества («нации», «национальности», «народности») не являются однородными и культурно сплоченными, каковыми их рассматривала наука и политика. Значительная часть населения не признала родным «свой» язык и пользовалась в повседневной жизни «чужим», то есть в большинстве своем русским языком. Выяснилось также, что часть населения была склонна «переходить» из одной этнической идентичности в другую (в терминах той эпохи — «менять свою национальность»). При доминировании привычных научных доктрин и политического учения «о нациях» подобные явления рассматривались как своего рода издержки объективных процессов развития («расцвет и сближение») крупных «наций» и естественной ассимиляции мелких этнических сообществ. Если же крупные «нации» частично утрачивали «свой» язык и «свою» культуру, то требовалась корректировка средствами государственной политики по восполнению подобных утрат. При таком подходе язык рассматривался как один из атрибутов этнического сообщества, и это привело к выталкиванию проблемы языков на периферию государственной политики.

На современном этапе язык представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности.

¹ Тишков В. Россия и Европейская языковая хартия // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М., 2011.

Проблема автономности культурных ценностей и риск их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострились в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. На эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности», «языка нации» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в уязвимости одних языков по сравнению с другими языками.

Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств, если будет ратифицирована Россией, может стать стимулом для пересмотра внутригосударственной языковой политики. При этом пересмотра потребуют не столько имеющиеся правовые нормы — они в значительной мере готовы к восприятию и адаптации требований по сохранению и поддержке недоминирующих языков, — должны быть пересмотрены общественные и политические взгляды на суть языковой проблемы. Это окажет благотворное влияние на политическую и научную мысль и в конечном итоге улучшит практику государственного управления в языковой и культурной сферах.

Однако в России ситуация с разнообразием языков намного сложнее, чем в других странах Европы. Очевидно, что из более сотни российских языков только два-три десятка могут первоначально войти в ратификационный список. Но и внесение этого количества будет сопряжено со значительной организационной и финансовой нагрузкой из-за большой территориальной разбросанности языков. *По мере продвижения языко-*

вой политики в России список языков может расширяться. Следовательно, процесс имплементации Хартии в нашей стране растянется на десятилетия, но это не должно восприниматься как установление приоритета одним национальностям и этническим группам и дискриминация в отношении остального населения. *В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого масштабной иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей Родины.*

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и демократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками и за счет средств государства получают необходимые условия для своего развития и функционирования. *Задача российского государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.*

П. П. Толочко¹

«РУССКИЙ МИР» И УКРАИНА

В последние годы в России активно обсуждается идея (или проект) так называемого «русского мира» как одного из факторов интеграции на постсоветском пространстве. Она несомненно интересна. Однако, яв-

ляясь тематически порубежной, требует не столько романтической декларативности, способной оттолкнуть от нее потенциальных сторонников, сколько научной обоснованности, прежде всего в содержательном наполнении.

Предполагаемое или мыслимое интегрированное пространство «русского мира» не должно ассоциироваться с единым государственно-политическим образованием, напоминающим то, что у нас уже было. Следует учитывать мощную инерционность постсоветских властных элит, буквально заикленных на идеях национальной идентичности и государственной суверенности. И хотя эти приоритеты в эпоху глобализации выглядят несколько архаичными, к тому же не принесшими народам, составлявшим многие сотни лет единый социально-экономический и культурно-исторический организм, лучшей альтернативы развития, политиче-

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского.

ские (они же и экономические) элиты постсоветских стран ревностно оберегают свой обретенный статус.

Больше эта ситуация мне знакома по Украине. У нас даже невинный намек на возможность восстановления порушенного единства, идущий от России, вызывает энергичное неприятие, а нередко и раздражение, сопровождаемое проклятиями нашего общего исторического прошлого, в котором Украина представляется не как полноправный субъект государственно-политического развития Российской империи и Советского Союза, а как колония, вечно притесняемая и унижаемая Москвой.

Особый всплеск этнонациональных патриотических эмоций вызвала на Украине, в частности, речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Ассамблее «Русского мира» 3 ноября 2009 года. Наделив слова святейшего исключительно политическим смыслом и подменив, таким образом, их содержательный смысл, украинские этнопатриоты принялись энергично развенчивать не то, что сказал патриарх, а то, что будто бы он имел в виду. А в виду он имел, как им кажется, возвращение Украины к ее прежнему колониальному статусу.

Конечно, ничего подобного в патриаршей речи не содержалось. И вряд ли именно так она была воспринята большинством украинской православной паствы. В ней представлено духовное и философское осмысление православной цивилизационной общности. Она действительно создавалась общими усилиями трех восточнославянских народов, а изначально их общим этническим предшественником — древнерусским народом. Не может быть и малейшего сомнения в том, что эта цивилизация является общим достоянием русских, украинцев и белорусов.

Будучи хранителем древних духовных традиций, Русская православная церковь и ее предстоятель проявляют совершенно понятный и естественный интерес к нынешнему их положению. И забота здесь не только о церковном единстве, имеющем тысячелетнюю историю и освященном подвигом наших православных подвижников, что, разумеется, чрезвычайно важно, но и о единстве культурном, которое создавалось общими усилиями восточнославянских народов.

Все три восточнославянских народа, выросшие из единого этнического корня, имеют во многом общую последнедревнерусскую историю, родственные культуры, близкие языки. Даже при большом желании невозможно без нравственного урона для русских, украинцев и белорусов разделить их общее культурное наследие, как и деятелей, его создававших. Известно, как много выходцев из Украины приняло участие в формировании русской культуры в имперское и советское время. Причем их интеграция в общерусский культурный поток была столь естественной и органичной, а вклад — настолько велик, что было бы оскорблением их памяти не признавать сегодня это нашим общим (с русскими) достоянием.

К сожалению, после распада единой страны и образования трех суверенных восточнославянских государств чувство их исторической и культурной общности стало ослабевать. Нередко даже и отрицаться.

Причем не только в Украине или Белоруссии, что имело место и ранее, но и в России, что является неожиданной новацией. Особенно это коснулось древнерусских истоков. В каждой из стран озаботились поиском собственной, отличной от других этнополитической и даже культурной идентичности. На Украине реанимировали старую теорию об исключительно украинской основе Киевской Руси. В Белоруссии определилась тенденция начинать собственное этнополитическое самостояние с Полоцкого княжества. В России принялись искать свою первую столицу и, разумеется, на своей суверенной территории.

Решили даже отмечать 1150-летний юбилей российской государственности, не сообразуясь с тем, что ей столько же лет, сколько украинской и белорусской, и можно было отметить это событие вместе. Так, как это было сделано в 1862 году. И хотя в царском указе говорилось о тысячелетии России, событие это, несомненно, мыслилось как общевосточнославянское. Неоспоримым свидетельством этого является памятник «Тысячелетие России», установленный в Великом Новгороде. Его скульптурные и горельефные композиции отразили отечественную тысячелетнюю историю во всей ее полноте. На фризе нижней части монумента представлены горельефы 109 исторических деятелей — начиная с середины IX до середины XIX века. Среди них — государственные и культурные деятели Киевской Руси, а также славнейшие представители русского, малорусского (украинского) и белорусского народов.

Остается только жалеть, что юбилей 1150-летия российской государственности не станет общевосточнославянским событием и не послужит делу утверждения чувства исторического единства трех братских народов.

Трудно понять, как нынешняя тенденция поиска своей генетической отдельности, совершенно несостоятельная в научном отношении, уживается в России с идеей единого «русского мира». Ведь в основе своей она является ее антитезой. Лучше всего, как мне кажется, это понимает Русская православная церковь, которая через патриарха Кирилла неустанно напоминает всем нам, что «русский мир» был рожден в днепровской купели.

Но отчего же тогда эта идея не находит всевосточнославянского понимания и поддержки? Особенно яростное неприятие она встречает на Украине. В чем причина этого? Я много лет занимаюсь проблемой этнического развития в эпоху Киевской Руси и уже давно пришел к выводу, что в основе прошлого историографического, а теперь и политологического непонимания и предубеждения в значительной мере лежит терминологическая неопределенность. Была Киевская (Древняя) Русь и есть нынешняя Россия. В отношении обеих названий используется единое прилагательное — **русский**. Хотя определение «русский», отсылающее к слову «Русь», совсем не тождественно определению «русский», соотносящемуся со словом «Россия».

В 2005 году, публикуя книгу «Древнерусская народность», я предложил писать прилагательное, образованное от слова «Русь», с одним «с». Это не соответ-

ствуется грамматической норме современного русского языка, но в большей степени отвечает древнерусскому правописанию. Как правило, все слова, производные от названия «Русь», в летописи написаны с одной буквой «с»: «Руская земля», «страна руская», «род русский», «люди руские», «летописец русский», «закон русский», «князья руские», «русские полки» и т. д. В тех случаях, когда в названных прилагательных употреблено две буквы «с», они всегда разделены мягким знаком: «русские».

Такое терминологическое различие чрезвычайно важно во избежание понятийной двусмысленности, как это и имело место в случае с ассамблейной речью патриарха Кирилла. Дипломированные украинские историки Ю. Черноморец и С. Сидоренко, переведя выражение «русский мир» как «российский», обвинили патриарха в том, что он не способен по-настоящему признать особость украинцев и белорусов и не понимает, сколь сильно можно оттолкнуть и оскорбить их этим утверждением.

Конечно, это слишком вольное толкование содержания патриаршей речи. В ней все-таки говорилось не о «российском мире», но о «русском» — мире православной восточнославянской идентичности, начало которому было положено еще в эпоху Киевской Руси, когда не было ни украинцев, ни русских, ни белорусов, а был единый «древнерусский» народ и единый «русский» мир.

Безосновательность обвинений в непризнании патриархом особости украинцев или белорусов хорошо иллюстрируется его призывом развивать украинскую и белорусскую культуры и их языки, которые суть составные части единого «**русского**» (но не **российского!**) мира.

Во избежание такой терминологической двусмысленности, когда реально существуют как бы два «русских мира» (нынешний российский и традиционный цивилизационный «русский»), думается, было бы целесообразно ввести понятие более нейтральное, но более точное — «**восточнославянский православный мир**». Оно вполне могло бы рассматриваться в качестве синонима определению «**русский мир**».

Конечно, восточнославянский православный мир представляет собой особую цивилизационную общность. Не признавать этого просто невозможно. И безусловно, в наше глобализованное время она подвергается испытаниям на прочность. Здесь можно вспомнить непрестанные заявления представителей украинской

политической элиты о том, что интеграция в западно-европейское сообщество для Украины является судьбоносным цивилизационным выбором. В украинском общественном мнении постоянно муссируется провокационная мысль, что наше технологическое отставание от цивилизованного Запада объясняется меньшими структурообразующими возможностями православия по сравнению с католицизмом и протестантизмом. Раздаются даже голоса, что если бы Владимир Великий принял христианство не из Константинополя, а из Рима, то Украина находилась бы сегодня на том уровне развития, что и Запад.

Справедливости ради следует признать, что понимание содержания «русского мира», демонстрируемое Русской православной церковью, далеко не всегда разделяется или совпадает с тем, как оно трактуется в официальной российской пропаганде. Судя по декларациям чиновников, занятых в этом проекте, «русский мир» для них не сопрягается с нынешними украинцами или белорусами. Речь идет, как правило, об этнических русских, которые, особенно после развала Советского Союза, оказались в других государствах. Именно их и призван объединять проект «русский мир».

К сожалению, и здесь не обходится без терминологической путаницы. Этнические русские, проживающие вне границ России, почему-то именуются соотечественниками. Это, мягко говоря, некорректное определение. Оно порождает сомнения в признании их нынешнего государственного статуса: хотя и проживают на Украине, но являются соотечественниками России. А кем же тогда они приходятся украинцам? И разве они проживают не в одном с ними Отечестве? Определенно, слово «соотечественники» нуждается в уточнении, которое может быть выражено прилагательными «бывшие» или «исторические».

Из вышесказанного следует, что понятие «русский мир» не стало на Украине идеей, к которой оно могло бы быть причастно, в значительной мере из-за теоретической аморфности в определении его главной цели, а также неадекватных усилий по реализации. Вольно или невольно эти усилия сводятся российскими культурными центрами на Украине к акциям не общевосточнославянского звучания, но российского, по существу, к популяризации истории и культуры России. Разумеется, это тоже важно. Однако недостаточно для реализации продуктивной цивилизационной задачи, получившей название «русского мира».

Ж. Т. Тошенко¹

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КАК ЖИТЬ ВМЕСТЕ, ЖИВЯ ВРОЗЬ

СНГ как мираж

На современном этапе развития постсоветского пространства мы имеем удивительнейшее образование — СНГ, которое вроде бы есть — и вроде бы его нет. О нем говорят, а осознать его никак не удается.

Следует отметить, что уже рождение СНГ, первые дни его существования заключали в себе колоссальный порок. Когда в декабре 1991 года Б. Ельцин и А. Козырев убеждали Верховный Совет в необходимости ратифицировать Соглашение о создании СНГ, они не могли не знать того, что оговорки, сделанные Верховным Советом Украины, уже ратифицировавшим Соглашение, существенно меняли содержание обязательств. Тем не менее президент и министр иностранных дел называли украинские оговорки «редакционными замечаниями» и «рекомендациями для дальнейших переговоров», а депутаты не сочли нужным разобраться в вопросе. Иначе говоря, со дня своего появления на свет данный документ был подвергнут различной интерпретации. Соответственно и намерения, и последовавшие за ними действия все более ставили под сомнение реальность СНГ.

Однако пессимистам, сомневающимся в бытии СНГ, можно возразить, что мы все же кое-что имеем. Во-первых, аббревиатуру; во-вторых, более или менее регулярные встречи руководителей бывших союзных республик (правда, не всех); в-третьих, их постоянные клятвенные заверения (вроде привычки перекреститься, войдя в избу) в «верности», актуальности, важности этого образования; в-четвертых, свыше 5000 (по некоторым утверждениям, около 6000) различных документов, которые так же широко вещательны и декларативны, как и совместные заявления, и которым никто не следует и не собирается следовать ни в ближайшее время, ни в перспективе.

¹ Декан социологического факультета и заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Этнокрафия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» и др.; а также учебников «Социология», «Социология труда», «Социология управления», «Политическая социология». Редактор и член авторского коллектива тематического словаря-справочника «Тезаурус социологии», библиографического словаря «Социологи России и стран СНГ». Под его редакцией вышли 13 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире», «“Старая” и “новая” интеллигенция: общее и особенное» и др.

Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Член редколлегии журнала РАН «Social Sciences». Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского, медали П. А. Сорокина.

Зато мы все очевидцы того, как все чаще лидеры новых национальных государств вспоминают и говорят об СНГ только по большим праздникам, произнося несколько соответствующих событию слов, которые в каждом «приличном» доме должны быть упомянуты. А неопознанное НЛО (СНГ) продолжает лететь дальше, не задевая никого, не волнуя, не беспокоя. Более того, СНГ стал распадаться, из него вышла Грузия после грузино-югоосетинского конфликта. Руководство Грузии заняло откровенно враждебную позицию по всем без исключения вопросам, договорившись до того, по словам Саакашвили, что «для России у Грузии вина нет»².

С чем же реально сталкивается такое образование, как СНГ?

Прежде всего — с осознанием факта (как писал еще в 1994 г. У. Касенов, директор Казахстанского института стратегических исследований), что «эйфория суверенизации явно прошла и горький опыт раздельного существования испытали на себе все бывшие союзные республики»³. Это дополняется тем, что большинство населения практически всех республик испытывает глубокое разочарование в последствиях независимости. Так, исследования, проведенные на Украине и в Белоруссии, показали, что сторонников полной независимости Украины всего 19,9 % (только в Галиции значительно больше — 52,9 %) ⁴.

Кроме того, ситуация сейчас такова, что наряду со стремлением к новой интеграции начался процесс дестранцирования даже на уровне общественного сознания. Он происходит в двух видах. С одной стороны, среди части русского населения распространено мнение: мол, хотели независимости, так и справляйтесь сами, и хватит, мол, сидеть у нас на шее, проживем без вас даже лучше. С другой — среди населения, особенно молодежи, интеграция бывших союзных республик не является бесспорной ценностью⁵.

Что же касается создания различных объединительных наднациональных организаций, то страны СНГ выражают готовность договариваться по всем пунктам — до бесконечности. Однако желающих признать и тем более выполнять конкретные обязательства, в том числе по финансированию строительства наднациональных межгосударственных органов, среди них негусто. В результате доля России в «бюрократических» расходах на экономическую интеграцию СНГ возросла с 50 до 70 %⁶.

Все это позволяет сделать вывод, что путь СНГ по реализации плана «как жить вместе» абсолютно безна-

² Симонян Ю. Антироссийский радар Саакашвили // Независимая газета. 2011. 30 сент.

³ Касенов У. Размышления о Евразийском Союзе // Независимая газета. 1994. 28 окт.

⁴ Аргументы и факты. 1994. № 2.

⁵ Колосов В., Криндач А. Беларусь—Россия: союз пока еще возможен // Независимая газета. 1994. 23 дек.

⁶ Шимов В. Кризис и постсоветское пространство // Свободная мысль. 2011. № 6.

дежен. И это понимают все. Примечательно, что почти во всех планах будущего устройства жизни новых государств СНГ практически не фигурирует. Так где же выход? Здесь предложения и выводы существенно расходятся. Давайте рассмотрим самые распространенные.

Вариант первый: возродить СССР?

Среди предложений нередко встречается апелляция к опыту СССР. Если в начале 1990-х требование возрождения советской России было только в программах ортодоксов-коммунистов и крайних националистов, то ныне этот лозунг взят на вооружение и вдохновляет гораздо более широкий круг политических сил. Предложения по возрождению СССР обосновываются не только такими аргументами, как распад единого экономического организма, общего научного и культурного пространства, крах оборонного союза, но такими, как состояние общественного мнения, изменения в субъективном настроении людей. Большинство населения (до 70 %) в разных регионах России и бывших союзных республиках сожалеет о крахе СССР, и это число не только не сокращается, но и немного растет. Самое удивительное, что эта цифра очень близка к полученной в марте 1991 года, когда жители СССР выразили желание сохранить страну. Это ли не говорит об устойчивости общественного сознания¹?

И вот, оперируя этими объективными и субъективными данными, сторонники возрождения СССР доказывают, что восстановление Советского Союза — дело неизбежное и неотложное. В своей аргументации они используют мощный импульс ностальгии по прошлому, сожаление о том времени, когда все было относительно упорядочено, более или менее стабильно, с ясной системой координат в поведении и жизни. Но именно в таком построении аргументации допускается огромный просчет — как политический, так и научный. Это отчетливее всего проявляется в крылатом выражении «Кто не сожалеет о распаде СССР, тот не имеет сердца. Кто считает, что можно возродить СССР, тот не имеет ума».

Давайте разберемся.

Что касается экономических основ, то при всей их привлекательности не рядовые граждане (хотя их большинство) определяют судьбу политических решений. И думаю, что неправ А. Ципко, когда говорит, что «красные директора» упустили возможность воссоздания СССР в 1992–1993 годах². Нет, такой возможности не было. Наоборот, руководители новых государств надеялись на то, что они способны зажить самостоятельно, что отрыв от «имперской» базы обеспечит им заманчивую свободу и самостоятельность, что Запад (или Восток) им помогут. Это был, несмотря на спад производства, период экономической эйфории, и «красные директора», даже если бы захотели, не смогли бы преодолеть это течение.

Еще меньше правды в требованиях возрождения оборонного могущества, ибо его реализация означала бы только одно — надо было бы действовать силой и подчиняться диктату силы.

¹ Ципко А. Безумие Беловежья: три года спустя // Независимая газета. 1994. 9 сент.

² Там же.

Что касается социального настроения, то и с научной, и с практической точек зрения надо различать два принципиальных вопроса. Одно дело, когда человек сожалеет об утраченном (признаюсь, что и я принадлежу к тем, для кого потеря Союза ССР была личной трагедией). Но совсем другое — хочет ли человек, чтобы вернулось это прошлое?

Оказывается, это далеко не совпадающие вещи. Поэтому оценивать 70%-ный показатель сожаления о распаде СССР и приравнивать его к желанию возродить Советский Союз значит обманывать себя, допускать научную и политическую недобросовестность и вводить в заблуждение людей. Историю не переделаешь. И не следует звать туда, куда возврата нет и не будет.

Вместе с тем о том, насколько острой оказывается проблема СССР, говорит проект акта Государственной Думы о денонсации Беловежских соглашений и подписание российско-белорусского соглашения о создании новой формы союза между двумя государствами. Практически эти решения — один и тот же ответ на запрос времени: оно требует более решительных шагов на пути интеграции, исправления того, что было «с гаком» наворочено в декабре 1991 года. Как справедливо пишет В. Третьяков, демократы и их пресса набросились на думские решения в пользу восстановления СССР. Они высмеяли предложения Г. Зюганова, хотя многие из них знали, что лидер коммунистов имеет мощную поддержку. Показательно в этом отношении заявление одного из амбициозных лидеров правых сил в 1990-е годы С. Юшенкова³. Эта «двойная бухгалтерия» — яркий штрих к политическому портрету многих либеральных деятелей и значительной части средств массовой информации: решения, исходящие от коммунистов, они всегда считали плохими, а те же акции, осуществляемые лицами, находящимися у власти, — хорошими.

Но стремления к интеграции уже невозможно избежать. Вот и появляются удивительнейшие заявления. Так, С. Шахрай (один из тех, кто готовил акты о распаде СССР) начинает утверждать, что «Беловежские соглашения были не актом бракоразводного процесса, а началом интеграции» (!?)⁴. Такие слова весьма знаменательны сами по себе: значит, и те, кто стоял у истоков разрушения СССР и образования мифического СНГ, осознают, что инстинкт самосохранения и здравый смысл возвращают государства СНГ на путь реального, а не провозглашаемого сотрудничества и интеграции.

Вариант второй: станем ли мы «Союзом отечеств»?

В заголовке вынесена частично измененная мысль Шарля де Голля, которую он сформулировал, объясняя сущность интеграционных процессов в Европейском сообществе и назвав создаваемое объединение «Европейской отечеством», а не конфедеративным государством. Так возможно ли на постсоветском пространстве нечто подобное Европейскому сообществу? В периоди-

³ Независимая газета. 1996. 26 марта; Аргументы и факты. 1996. № 12.

⁴ Шахрай С. Время распада прошло // Независимая газета. 1996. 19 марта.

ческой печати, в выступлениях ряда политических деятелей достаточно часто стал обсуждаться этот вопрос. Посмотрите, мол, как у них все здорово получается. Имеют общий парламент, общее правительство, унифицированное законодательство. Они, мол, умело согласовывают проблемы экономического, социального и оборонного характера. И хотя не без споров и конфликтов, но живут дружно и мирно. И людям, и капиталам, не говоря уже о мелочах, выгодно. Перемещаются свободно, без виз, работают где хотят или могут, учатся там, где нравится или есть возможность, да и в повседневной жизни не прикованы к одной стране.

Однако как бы ни были прекрасны эти надежды и упования («как бы нам их опыт усвоить»), это невозможно. И не стоит заниматься маниловщиной. Там суверенные государства (которые сложились, состоялись и имеют многолетнюю историю) решили, что можно пожертвовать какой-то частью своего существующего, а не придуманного (что характерно для многих стран СНГ) суверенитета — и не потому, что он им не нужен, а потому, что, уступив в чем-то, страна получает большую выгоду, чем она имела до объединения. Европейское сообщество складывалось как союз стран с развитой устойчивой экономикой (чего нет у стран СНГ). Там была действительно сформирована отлаженная политическая и парламентская культура, было осознанное, а не только декларируемое желание учредить реально действующий Европарламент, а не мифическую Межпарламентскую ассамблею, эффект от которой — только расходование командировочных.

Иначе говоря, исходные данные, обстоятельства, предпосылки и политическая воля на территории Западной Европы абсолютно не похожи на ситуацию в постсоветском пространстве. Поэтому, несмотря на всю привлекательность идеи Европейского Союза, к России и другим членам СНГ это неприменимо. За исключением того, что можно использовать как пример: оказывается, возможно согласовывать решение многих вопросов, долго и терпеливо их обсуждая, максимально учитывая особенности и специфику каждой страны. Хотелось бы только напомнить, что мысли о единении государств всегда были предметом заботы российских ученых. Известный русский и американский социолог П. Сорокин еще в годы Первой мировой войны отстаивал идею «мирового правительства», согласно которой часть суверенитета отдается всемирной организации, выступающей арбитром при конфликтных ситуациях и применяющей тщательно отобранный и апробированный опыт взаимодействия между народами. А если рассматривать территорию экс-СССР, то где и на каком пространстве имелся такой богатый опыт того, что надо делать для блага друг друга и что отвергнуто практикой? Дело лишь в том, что лидерами национальных государств пока еще движет страх потерять свое личное, а не забота об интересах народов. Отсюда и их позиция — как бы не переусердствовать в деле интеграции.

Вариант третий: славянский флюс

В попытках найти выход из тупикового положения нашлись сторонники (с различными вариациями)

А. Солженицына с его идеей Славянского союза. Ратуя за этот союз, они допускали включение в него Казахстана (непонятно только, почему — то ли из-за позиции Назарбаева, то ли из-за наличия в нем большого количества славянского населения). Особенно популярен этот лозунг у русских националистов и их единомышленников в бывших союзных республиках.

Но есть ли для этого основа?

Что касается Белоруссии, то с ней более или менее ясно — и официальная позиция и общественное мнение тут достаточно единодушны. Причем не столько в пользу Славянского союза, сколько союза вообще, в пользу реконструкции бывшего Союза. Сторонников оппозиционных сил в Белоруссии в расчет можно не брать: их крикливость и амбициозность находят поддержку у немногих. По данным В. Колосова и А. Криндача, каждый третий житель Белоруссии и 36,5 % интеллигенции выступают за «Союз славянских государств»¹.

На Украине обстановка сложнее. Если общественное мнение, за исключением Западной Украины, в целом благожелательно настроено в отношении реконструкции бывшей страны, то официальные власти — как прежние, так и нынешние — не очень-то жаждут такого союза и свое мнение обставляют массой оговорок, уверток и т. д. Сложнее обстоит дело с украинской националистической интеллигенцией, в своей аргументации доходящей до абсурда, что Украина принадлежит Западу, а Россия — Востоку; что русские — это татары, вернее их потомки, в то время как украинцы — это европейцы.

Что касается Казахстана, то его политические руководители не видят ничего предосудительного в том, чтобы Казахстан вместе с Россией, Украиной и Белоруссией положили начало возрождению новой страны. Но это будет не Славянский союз.

Однако, на наш взгляд, идея Славянского союза тоже ущербна — в первую очередь в силу стремления замкнуться в рамках одного этноса, волей или неволей противопоставить себя другим народам. Надо иметь в виду и конфессиональный подтекст — не выльется ли это в противопоставление религий и не усугубит ли на этой основе пропасть между ними?

Да и кто сказал, что отношения между русским и белорусом, между белорусом и украинцем могут быть лучше, чем между ними и другими народами — казахами, узбеками, армянами и пр. Идея Славянского союза отдает шовинизмом (если не русским, то славянским точно), отдаляет славян от других народов, ограничивает славянскую культуру. И эта идея бесперспективна. Иначе почему бы не включить в этот союз и болгар, и поляков, и сербов и т. д.? Эти идеи провозглашались еще в прошлом веке, и все мы знаем, что из этого получилось.

Но что особенно опасно — эта идея содержит в себе (осознают ли это ее творцы?) мысль о цивилизационном разрыве, конфессиональном противостоянии, способном углубить конфликты не только между христианским и мусульманским миром, но и внутри христианства, между православными и католиками,

¹ Колосов В., Криндач А. Указ. соч.

между Россией и Прибалтикой. В связи с этим стоит напомнить об одной из заслуг руководителей Казахстана и стран Центральной Азии. В декабре 1991 года велик был соблазн в ответ на беловежский бред создать иное, тюрко-мусульманское объединение, но это не было сделано.

Другие варианты

Среди вариантов реализации интеграционных процессов, по мнению А. Кислова и Л. Истомина, можно назвать следующие этапы и формы будущей интеграции.

Сплочение России и тех нынешних членов СНГ, кто созрел для тесного с ней союза. Это объединение может быть в виде конфедерации с четким правом выхода из нее. Сотрудничество в его рамках шло бы в направлении более тесной производственно-финансовой кооперации (общая валюта) и координации с перспективой создания высококомбинированного, в полной мере современного экономического механизма. Этому механизму сопутствовали бы развитая политическая надстройка органов управления, совместное решение проблем безопасности.

Образование вокруг этого объединения более широкой сферы сотрудничества и кооперации по типу торгово-промышленного союза в составе большинства остальных членов СНГ, а также, возможно, и некоторых не входящих ныне в СНГ государств. Итогом этого этапа могло бы стать интеграционное объединение, похожее на ЕС ранних ступеней и способное к взаимодействию с ЕС, Китаем, Индией, Ираном, группой новых индустриальных стран и другими современными экономическими группами и центрами.

Возможное присоединение к Содружеству на правах ассоциированных членов или в каком-то ином качестве на основе специальных соглашений по отдельным вопросам (торгово-хозяйственным, экологическим, культурным, научным и т. п.) ряда других стран¹.

Некоторые специалисты видят будущее в отработке системы двойного гражданства. Пока все республики приняли однозначный вариант — для каждого человека речь может идти в парадигме «да или нет». Или ты гражданин этой страны — или нет. Иного не дано и в ближайшее время не предвидится. А так как до недавнего времени рядовой человек был советским, то у него сохранилось много дружеских и семейных связей по всему Союзу, и он не ощущал ущерба от того, где он живет, работает или собирается провести остаток дней. Поставленная дилемма для многих стала трагичной. Она породила (с учетом специфики новых стран) удивительно антигуманные акции вроде отказа в предоставлении гражданства мужу, ибо он русский, при латышке-жене и ребенке, обладающих латышским гражданством.

Тема двойного гражданства стала очень актуальной и значимой. Ее поддерживают многие общественные и политические движения. Особенно этой идеей воодушевлено русскоязычное население в бывших союзных республиках, которое не хотело бы терять не только

практической, но и правовой связи с Россией. Много сторонников этой идеи и в самой России, в том числе среди официальных лиц и общественных деятелей, например таких как К. Затулин, которые постоянно выступают за положение об обязательности двойного гражданства во всех ныне независимых государствах². Мы регулярно слышим декларативные и в то же время официальные заявления как с российской стороны, так и со стороны бывших союзных республик.

На наш взгляд, возможен принципиально иной подход: создание одного статуса для всех жителей бывшего СССР — единого гражданства. Я ратую не за гражданство России или другой республики, а за то, чтобы любой человек, имея гражданство своей страны, мог свободно перемещаться по территории бывшего СССР или СНГ и в то же время выполнять обязанности гражданина той страны, где в данный момент этот человек живет и работает. «Незалежный» Л. Кравчук, опасаясь всех и вся, отверг эту идею в первые дни СНГ, провозгласив, что вопрос о гражданстве на Украине будет решаться только на двусторонней основе. И никак не мог додумать этот отвергнутый вскоре своим народом политик: а не предполагает ли его схема наличия 10–15 паспортов, выданных гражданину бывшего СССР на «двусторонней» основе?

Не вдаваясь в подробный анализ этих и других вопросов осуществления интеграции, хочется отметить, что все эти умозрительные теории и идеи, продиктованные то ли псевдотеоретическими соображениями, то ли политическими расчетами, страдают одним существенным недостатком: при всей их кажущейся рациональности и привлекательности они надуманны, умозрительны, идут «сверху» — происходят от неких гуманистических или сугубо прагматических соображений. У них нет (или практически нет) ничего общего с тем, что происходит в реальности, продиктовано жизнью, потребностями общественного развития. Поэтому, на наш взгляд, возможен только один путь: исходить из потребностей и интересов тех, кто на себе испытал все «прелести» разлома связей и контактов, создававших основу для нормального функционирования всего национального организма.

И где же выход? На наш взгляд, наиболее приемлемый вариант — **создание Евразийского союза**. Эта идея казахстанского президента Н. Назарбаева уже имеет много сторонников³. Взамен такого непонятного образования, как СНГ, предлагается создать нечто другое, что должно заменить первое и создать новую общность государств и народов, международное объединение нового типа⁴.

² См.: Независимая газета. 1995. 23 февр.; 1995. 30 марта.

³ См.: Евразийский Союз: идея, проблемы, перспективы. М., 1995; Не СССР, но и не СНГ (проект формирования Евразийского союза) // Независимая газета. 1994. 8 июня.

⁴ Идея евразийства появилась в 1920-е годы среди интеллигенции, покинувшей страну после прихода большевиков к власти, и была попыткой объяснить феномен их победы и в этой связи обосновать особый, специфический путь развития России. Сам термин «евразийство» впервые появился в 1921 году на страницах сборника «Исход к Востоку». Его «родители» — богослов Г. Флоровский, философ Н. Трубецкой, музыковед П. Сувчинский, географ П. Савицкий и позднее Л. Карсавин — положили в его основу культурное своеобразие русского и других народов, населяющих Россию, и искали его повсюду: в географических

¹ Кислов А., Истомин Л. Быть вместе или порознь? // Век. 1995. № 49.

Но если разобраться по существу, то современная идея Евразийского союза проработана лишь частично на концептуальном уровне: говорится об особом сплаве европейской и азиатской цивилизаций, о близости и духовной общности народов бывшего СССР, исторической специфике наших судеб. Зато преобладают прагматические соображения. Сторонники Евразийского союза приводят убедительные доводы — о выгодах экономического союза, о важности совместных геополитических и военно-стратегических интересов, о преимуществах общей границы и т. д. Инициаторы этого союза справедливо полагают, что в его рамках сошли бы на нет острые проблемы Карабаха, Абхазии, Крыма, Чечни.

Однако что касается технологии создания этого союза, то она слишком умозрительна и неконкретна, не продумана и не обоснована ни в правовом, ни в экономическом, ни в военном отношении. Это скорее пока пожелание, хотя и рациональное, но родившееся в головах небольшой группы людей (кстати, представленных не только окружением президента Казахстана).

К сожалению, в идее Евразийского союза многие политические лидеры не видят инструмента решения своих проблем (от экономических до культурных), предотвращения хаоса и преодоления конфликтов. Пока приоритетом лидеров стран СНГ является обеспечение полного суверенитета, а это и есть главное препятствие на пути к Евразийскому или иному реальному союзу. Иначе говоря, идея Евразийского союза, спущенная сверху, с большой вероятностью закончит свое существование так же бесславно, как и все идущие от политиков идеи: они мертвы, пока не станут мироощущением большинства населения.

Поэтому вполне реальна печальная судьба этого начинания, как и судьба творений первооткрывателей этой идеи. К этой идее вполне можно отнести слова Г. Флоровского, разочаровавшегося в ее результативности: «Грезы всегда соблазнительны и опасны, когда их выдают и принимают за явь. В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом»¹. Вместе с тем эта идея наконец нашла поддержку и у руководителей России, которые долгое время не отрицали, но и не особенно поддерживали ее. Однако В. В. Путин недавно заявил о намерении реально приступить к созданию Евразийского союза путем осуществления различных видов интеграции.

Президент Казахстана первым предложил разноскоростную интеграцию. То есть объединяться предлагается тем, кто этого хочет и к этому готов. В качестве модели, к которой следовало идти, Нурсултан Назарбаев назвал ЕврАзЭС — организацию, которая определяла бы совместную экономическую политику, а в случае нужды послужила бы надежной защитой от приходящих с Запада бурь. В 2000 году эту концепцию согласились поддержать шесть государств, но перейти к реальным шагам — созданию Таможенного союза, а затем

особенностях, своеобразии этнического состава, религиозных конфессиях, образе жизни. По мысли творцов, это понятие включало и разделительный принцип (ни Европа, ни Азия), и синтетический (Европа и Азия одновременно).

¹ Цит. по: *Евлахов А.* Евразийский тупик // Россия. 1994. № 24 (186).

и полноправного Единого экономического пространства были готовы только три: Белоруссия, Казахстан и Россия. В 2007-м был оформлен Таможенный союз, а в декабре 2009-го Лукашенко, Назарбаев и Медведев поставили подписи под Декларацией о формировании ЕЭП, которое включает 165 млн человек, мощности тысяч предприятий, колоссальные природные ресурсы.

«Сегодня, когда все страны Содружества ищут пути противодействия мировому кризису, когда в одиночку невозможно преодолеть экономические проблемы, судьба очередной раз подтверждает актуальность концепции евразийской интеграции, — не устает повторять президент Казахстана. — Только сообща мы сможем обеспечить устойчивое экономическое развитие наших государств».

Президент Белоруссии также признает: «Мы будем сильнее — это безусловно. В мире уважают только сильных. И Беларусь в этом союзе будет только сильнее».

Сейчас, спустя полтора года после организации Таможенного союза (ТС), даже его критики вынуждены признать: выгоды несомненны. Сформировалась единая таможенная территория, мощный импульс получила взаимная торговля, упрощены многие процедуры, сократились расходы и время при перемещении товаров внутри ТС, сузился ареал обитания «серой» экономики — выгоднее легализоваться, чем платить новые таможенные пошлины. Нельзя не учитывать, помимо прочего, и приобретенный опыт: фактически впервые после 1991 года на постсоветском пространстве возник наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Этот комплекс вроде бы чисто бюрократических акций дал весьма ощутимые результаты: объем взаимной торговли возрос на 43 %, при этом объем российского экспорта в страны ТС составил 18,5 млрд долл., что на 37,3 % больше, чем за тот же период 2010 года. В Казахстане экспорт вырос на 34 %, в Белоруссии — на 39,5 %. Прирост весьма впечатляющий, особенно учитывая падение товарооборота в годы пика кризиса².

Следует учесть, что механизмы ТС только начинают поворачиваться. В дальнейшем его влияние на экономику трех стран-учредителей будет возрастать по экспоненте. Во всяком случае, самые осторожные оценки специалистов сулят Белоруссии, Казахстану и России прибавку в 15 % ВВП к не такому уж далекому 2015 году. А уже в 2012 году товарообмен между нашими странами будет соответствовать по большинству показателей тому, как перемещаются товары между государствами ЕС.

Единое экономическое пространство

Выступая в июле 2011 года на Экономическом форуме в Астане, президент Казахстана Назарбаев подчеркнул, что в то время, когда другие страны отвечают на кризис закрытием своих границ, отгораживаясь от окружающего мира, Казахстан призывает углублять региональную кооперацию.

² *Ольшевский А.* 500 дней после Союза // Независимая газета. 2011. 30 сент.

Этот призыв поддержан. 1 января 2012 года на экономической карте СНГ появилось Единое экономическое пространство (ЕЭП) — следующая ступень развития интеграционных отношений после Таможенного союза. Любая компания, зарегистрированная в ЕЭП, может пользоваться всем, что предлагает каждая из трех стран, в том числе сельскохозяйственными субсидиями. По оценке Нурсултана Назарбаева, только соглашение по выравниванию железнодорожных тарифов позволит увеличить товарооборот и грузооборот между странами почти на треть. Регулировать общий рынок будут наднациональные органы. Владимир Путин уверен, что это самый прямой путь к формированию Евразийского экономического пространства¹. Странам ЕЭП есть что предложить Европейскому Союзу. В ноябре 2010 года премьер-министр России, выступая в газете “Süddeutsche Zeitung”, отметил, что снятие торговых барьеров позволит создать континентальный рынок емкостью в триллионы евро, что выгодно не только российскому, но и европейскому бизнесу. Когда это произойдет, сказать пока затруднительно, поскольку создание такой огромной зоны свободной торговли означает немало перемен, в том числе отмену импортных пошлин между странами, а в дальнейшем возможно и появление единой валюты. Пока это стратегическая цель, но движение к ней уже идет. Ясно одно: этот путь придется пройти. Потому что весь мир стремится к созданию интеграционных объединений, потому что большее всегда лучше, чем меньшее. Расширение рынков, производственной базы, поля научных исследований, инноваций, укрупнение финансовых ресурсов и институтов — это всегда хорошо.

Интеграция — явление в первую очередь экономическое, и оцениваться оно может только с точки зрения материальной выгоды. А в случае и с Таможенным союзом, и с Единым экономическим пространством она очевидна. Значит, надо идти дальше.

А также надо строить снизу

Пока лидеры новых независимых государств продолжают ориентироваться на политическое и экономическое, а не на культурное и информационное решение проблем, надо — и в этом я глубоко убежден — строить новую интеграцию снизу исходя из тех ростков, которые пробивают себе дорогу вопреки всему.

В чем же перспективность этого процесса «снизу»? По большому счету это реализация стремления субъ-

ектов социальной и культурной деятельности к созданию, организации и функционированию таких общественных институтов, которые отвечали бы потребностям времени.

На наш взгляд, в настоящее время определяющие силы интеграции связаны с действиями, которые рождены творчеством конкретных производственных коллективов и нашли отражение в различных формах кооперации, сотрудничества и экономических контактов. Эти формы стали возникать стихийно, в процессе поиска выхода из того нелепого тупика, куда их загнали политики. Наметился сдвиг в этом направлении и в деятельности многих экономических структур. Деловые люди осознали, что границы, пусть и прозрачные, нужны политикам-деятелям, а не продиктованы экономическими потребностями стран и конкретных производств. В сентябре 2011 года мэр Минска поделился этими соображениями и показал большую выгоду столицы Беларуси и тех российских регионов, с которыми установлены непосредственные связи.

Наряду с решенными и решаемыми вопросами встают новые, ранее незаметные. Это, например, миграция, которая сопровождается не только социально-экономическими, но и культурно-языковыми проблемами².

Есть и другие действенные пути интеграции. Это позиция творческой интеллигенции, ученых. Они в числе первых поняли, что национальные границы ни в науке, ни в искусстве воздвигнуть невозможно, ибо нет «рязанской биологии», «белорусской социологии», «грузинской физики» и т. п. Наука, как и культура, или есть — или ее нет. А о достижениях представителей конкретных народов, говорит принятая в мире терминология: школа психолога Узнадзе, школа электросварки Патона, астрофизика Амбарцумяна и т. д. Примечательно, что кинодеятели, начав бузу по развалу Союза кинематографистов СССР еще в годы перестройки, первыми осознали ничтожность и порочность национального деления искусства и попытались вернуться на стезю совместной работы. Теперь предпринимают усилия по объединению и писатели, и художники, и театральные деятели. Ученые и творческие люди первыми поняли, что национальные перегородки были и будут оковами в их общем деле.

Но главное — это личные контакты, которые до сих пор сближают многих бывших советских людей и представителей молодого поколения. Не потерять эти контакты — значит не потерять наше общее будущее.

¹ Ольшеский А. Указ. соч.

² Странам СНГ следует разделить с Москвой траты на адаптацию трудовых мигрантов // Независимая газета. 2011. 30 авг.

Феликс Унгер¹

РОЛЬ АКАДЕМИЙ В РАЗВИТИИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ В БУДУЩЕМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ

Европейская академия наук и искусств видит свою задачу в том, чтобы вносить вклад в развитие Европы в контексте европейских традиций, а также в будущее Европы как единого государства, содействуя распространению знаний, сотрудничества и толерантности.

Эта миссия чрезвычайно почетна и требует постоянного переосмысления идей и мнений. Европа сегодня представляет собой неоднородное по составу сообщество, чтобы его можно было осмыслить с исторической точки зрения. Несомненно, Европа развивается. Основы единой Европы были заложены во времена Римской империи. Восточную и западную часть империи связывала Эгнатиева дорога, проложенная через Балканы. В то время христианство играло важную роль, но позднее произошел раскол церкви на западную и восточную. Православная церковь, возглавляемая патриархом Кириллом, предприняла попытки миссионерства в восточных областях Европы, Папа Бенедикт — в западных областях. С Востока постоянно осаждали монголы, которые продвинулись бы вглубь Европы, если бы Россия не остановила их.

После распада империи Карла Великого во II тысячелетии Европа была раздроблена на многочисленные государства. В конце XIX века существовали Российская, Австро-Венгерская, Германская, Британская, Испанская и Французская империи. Ключевую роль в этой структуре играл Папа Римский, поскольку в западной Европе главенствовала римско-католическая церковь.

В XX веке произошли огромные потрясения, и территория Европы полностью изменилась. Это было поистине жестокое столетие, которое началось с геноцида армян, за которым последовал Холокост во время Второй мировой войны (70 млн человек были замучены до смерти). Это был геноцид не только евреев, бессмысленным изуверствам подвергались и сами немцы, а также народы, населяющие Восток Европы. Сталинские репрессии только усугубили это положение.

Основная причина Второй мировой войны заключалась в падении европейских империй. Это была гибель богов (*Götterdämmerung*), в результате чего фашистская диктатура была установлена в России, Германии, Италии и Испании. В конце концов все народы Европы подверглись опасности. На руинах Второй мировой войны возникла новая Европа.

В конце XX века произошла тихая революция, которая представила уникальный шанс для развития новой объединенной Европы. Ранее такая революция казалась невозможной. Единственное условие мирного будущего Европы — полное преодоление национализма.

¹ Президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия) — партнера РАН в Евросоюзе, профессор, доктор. Возглавляет клинику хирургии сердца частного Медицинского университета им. Парацельса. Автор многих научных работ по сердечно-сосудистой хирургии. Первый европейский хирург, осуществивший в 1986 году трансплантацию искусственного сердца. Почетный член Российской академии художеств.

Необходимо думать о том, как достичь взаимопонимания, и развивать сотрудничество, чтобы мы могли построить новую систему взаимоотношений, которая вернет Европе доверие. Гёте назвал это «гобеленом жизни». Нам надо открыть сердца, иметь правильные устремления и взгляды.

Европейская академия наук и искусств уделяет особое внимание деятельности, направленной на объединение наций, «наведению мостов» в Европе. Когда мы строим мост над долиной, мы получаем возможность преодолеть препятствия. Когда мы наводим духовные мосты, мы имеем возможность построить общую жизнь с другими европейцами и достучаться до их сердец. Главное — чтобы мы навели мосты в наших сердцах и умах и встретили своих соседей как друзей посередине моста. Если они не идут к нам, мы сами должны перейти мост и подружиться с людьми на новых территориях.

Я посетил много европейских академий наук и искусств и обнаружил расхождение в отношении к наукам. В Западной Европе науки сведены к логическим, детерминистским, математическим принципам, тогда как в Восточной Европе преобладают гуманитарные науки, философия и метафизика, которые занимают значительное место в иерархии наук. Мы привержены более широкому пониманию наук. Двадцать лет назад гуманитарные науки были исключением в Западной Европе. Мы проложили им путь, и теперь с удовлетворением отмечаем, как гуманитарные науки, искусства и различные религии объединяются².

Таким образом, деятельность нашей академии посвящена повышению значимости наук, осознанию их функций. Мы считаем, что в основе естественных и технических наук лежит наше отношение к природе. Общественные отношения образуют основу лингвистики, истории, юриспруденции, торговли и коммерции, медицины и психологии. Необходимо рассмотреть и третий тип отношений — духовные, которые лежат в основе философии, искусств и религии. Три типа отношений следует рассматривать воедино, они образуют равносторонний треугольник. Если одна из граней становится больше остальных, то снижается роль двух других, а в результате возникают недостаточно четкие представления о явлениях в мире. Такая однобокость наук делает картину мира размытой, что служит причиной непонимания между людьми, обществом и наукой и ведет к завышению собственной значимости.

Наше кредо можно сформулировать следующим образом: академии должны служить людям. Ставя перед собой эту задачу при построении картины мира и повсеместно распространяя наши взгляды, мы осуществляем мечты об освоении микро- и макрокосмоса и рисуем картины бытия.

Говоря о макрокосмосе, мы представляем себе безбрежное небо, бесчисленное множество звезд, планет,

² Манифест о свободе наук, искусств и религий / Европейская академия наук и искусств. Зальцбург, 2006.

галактик. Мы с интересом наблюдаем за тем, как галактики взаимодействуют друг в друга, сливаются. Нам также интересны теории черных дыр или бесконечно малых частиц (бозонов Хиггса), отвечающих за массу элементарных частиц. Успехи в постижении макрокосмических процессов стимулируют изучение микрокосмоса.

Изучая собственное тело, переходя к меньшим величинам — молекулам, структуре атома, мы достигаем тех же величин, что и при изучении макрокосмоса. Две противоположные области изучения сходятся в этой точке. Это общее представление современных наук. Мы можем испытать то же самое, если закроем глаза, распахнем сердца и представим сближение галактик. И в нашей повседневной жизни мы можем испытать то же самое. Действуют те же механизмы, когда мы постоянно взаимодействуем с окружением в жизненных ситуациях — от рождения, любви до смерти.

Эта общая картина наук важна для понимания образа мира. Наши поступки — это малый вклад в существование человечества. Во многих случаях требуется помощь науки, чтобы понять окружающий мир и найти способ жить лучше.

Посещая различные университеты, я наблюдал существенный разрыв в восприятии наук на Востоке и Западе. Сфера наук на Западе довольно узка и материалистична. На Востоке область наук шире и открыта метафизике. Необходим комплексный подход к науке, надо использовать данные различных областей науки и создавать новые. В качестве примера я хочу указать на принцип действия межотраслевого подхода, например в сфере трансплантологии. Пациенту с донорским органом необходимо пройти курс терапии, чтобы не было отторжения. Когда начинается этот курс, подавляется наш естественный врожденный иммунитет. Поэтому возникает насущная проблема, связанная со стимулированием врожденного иммунитета. Для ее разрешения требуются научные знания и навыки. В понимании иммунитета содержится также философский аспект. Этот вид иммунитета повышается при столкновении различных взглядов, мнений, понятий. В конце концов мы приходим к иммунитету теологическому. Недавно моего внука крестили. Священник спросил его: «Ты отвергаешь дьявола?» Этот вопрос может служить примером стимулирования иммунитета, отторгающего негативные, опасные идеи, то есть дьявола в нашей жизни. Мы также должны сохранять врожденный иммуни-

тет и бороться со злом. Несмотря на то что люди до сих пор воюют, что существуют войны и огромное количество оружия массового уничтожения. Так может продолжаться до бесконечности. Но на Востоке сегодня создаются различные союзы — это уже реальность. Этот пример может научить нас, как сопротивляться злу в разных областях жизни общества.

Иногда я задаю себе вопрос: могут ли образование и науки обеспечить наше мирное взаимное существование? Различные религии взывают к миру во всем мире со времен Моисея. Однако этот призыв остается не услышанным. Кризис в финансовой сфере, нехватка продовольствия, энергетических ресурсов и запасов воды — поводы для новых войн.

Одна из важных задач членов академий — согласовывать свои действия и поступки с этическими ценностями. Высшая ценность — это жизнь как таковая. Сейчас много примеров того, как жизнь постоянно подвергается угрозам (аборты: в настоящее время в Центральной Европе число абортотворения превышает число новорожденных; эвтаназия, когда жизнь пожилых людей больше не имеет значения и рассматривается с утилитарной точки зрения). Страховые медицинские компании заявляют о том, что они несут самые большие расходы в начале и конце жизни человека.

Дамы и господа, мы, представители академий, должны делать все возможное, чтобы обогатить жизнь новыми междисциплинарными и наднациональными взглядами, преодолеть барьеры между людьми, навести мосты между всеми европейскими народами и упрочить их связи. Когда прочные связи будут установлены, мы сможем ими воспользоваться, чтобы перейти по мосту к соседям и наладить дружеские отношения. Это и есть толерантность, совместное обсуждение насущных проблем¹. Чтобы упрочить свои позиции, необходимо развивать образование. Когда есть твердая основа, мы можем вести достойный диалог с соседями на принципах взаимного уважения.

Мы живем в замечательном мире. Пятьдесят лет назад я даже мечтать не мог о том, что смогу приехать в Санкт-Петербург и поделиться с вами своими размышлениями о задачах академий. Как я уже говорил, важно создать широкие возможности для использования достижений наук и понять, что наша задача — служить людям. Самая сложная и в то же время самая простая задача — служение человечеству с открытым сердцем и чистым разумом.

¹ Хартия толерантности / Европейская академия наук и искусств. Зальцбург, 2002.

Н. И. Фатиев¹

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ — ЯЗЫК И ЛОГИКА

Среди разнообразных аспектов темы межкультурного диалога как коммуникации не до конца прояснен вопрос о надежности основных средств, создающих возможность взаимопонимания, — языка и логики. В отношении языка, казалось бы, все в порядке — переводчиками в разных странах накоплен огромный опыт, но в теории проблемы остаются. Например, гипотеза Сепира–Уорфа говорит о том, что терминологически национальные языки не совпадают. Скажем, голубой в русском языке — это в ряде европейских языков и синий, и голубой цвета. В японском языке слово «аои» обозначает одновременно и синий, и зеленый цвета. В языке южноафриканского народа шона желто-зеленый — отдельное слово, а не словосочетание. У эскимосов, как известно, нет понятия «снег», зато присутствуют свыше двух десятков слов, способных выразить агрегатное состояние этого самого снега. А у папуасов слово «гавагаи» обозначает кролика, кусок кролика, сотню кроликов, десять тысяч кроликов и т. д.

Казалось бы, все это должно фундаментально мешать строгому переводу с одних языков на другие. Более того, если следовать идеям В. Гумбольдта о фундаментальности влияния языка на культуру народа, то гипотеза лингвистической относительности должна в известном смысле «подрывать устои» межкультурной коммуникации. Между тем этого не происходит. Экспериментальная психология, долго занимавшаяся этим вопросом, не нашла эмпирического подтверждения этому. Человек не замкнут в пространстве своего языка в том значении этого выражения, что язык не становится труднопреодолимой преградой для постижения культурных смыслов, создаваемых другими народами². В отношении же, скажем, трансляции серьезных научных работ различие языков и даже принадлежность их к разным языковым группам никогда не составляли реальной проблемы. Вспомним, что Аристотель, писавший на древнегреческом, пришел в Европу в переводах с арабского (если иметь в виду его философские, а не логические тексты), а арабы его получили, в свою очередь, на сирийском языке.

Здесь мы приходим ко второму, отнюдь не менее важному в рамках межкультурного взаимодействия вопросу о наличии и функционировании единой логики в мышлении различных народов. Если представить, что культурные различия способны в ту или иную сторону «деформировать» сам процесс мышления, то межкультурный обмен напоминал бы диалог слепого с глухим. Как выглядел бы процесс аргументации между представителями различных культур или этносов, если бы они умудрялись делать несовпадающие формальные выводы из одних и тех же посылок? Скажем, если имеются посылки: «Все люди смертны» и «Кай — человек», то кто-то делал бы вы-

вод: «Кай смертен». А кто-то — обратный ему: «Кай бессмертен».

Такого не может быть, скажет, казалось бы, всякий нормально образованный человек. Но среди философов есть те, которые думают иначе³. Этот вопрос не раз возникал в связи с темой своеобразия логики в цивилизациях Востока.

Во-первых, возникает вопрос: в какой степени сама логика зависит от используемого естественного языка? Если такая зависимость существует, то она крайне незначительна, поскольку имеет место лишь в отношении точности формулировок определенных типов суждений. Скажем в латинском языке невозможно спутать разделительный и собирательный смыслы употребленного термина, а главное — форма отрицательного суждения не позволяет иметь его неоднозначное прочтение. Русский же язык позволяет нам истолковать суждение «Все *S* не есть *P*» двояким образом. Например, суждение «Все учебники по конституционному праву нельзя прочитать за один день» можно рассматривать в двух вариантах: первый вариант — их слишком много, а второй — каждый из них слишком толстый. Схожие сложности в китайском, ибо там «некоторые» означает «по крайней мере, один, но не все». Однако никаких серьезных проблем для логики в целом все эти примеры не создают, ибо лексика каждого языка позволяет в конечном счете точно донести до нас искомое логическое содержание, если не с помощью отдельных терминов, то с помощью словосочетаний. В итоге сама логика к XX веку совсем сняла указанную проблему, перейдя с естественных языков на формализованный.

Во-вторых, в современной философии возникла точка зрения, согласно которой на Востоке другая логика, потому что в ней отрицается истинность какого-то из фундаментальных логических законов. Имелись в виду законы тождества, противоречия, исключительно третьего.

Основная аргументация в пользу такой точки зрения связана с тем, что на санскрите называется *catuskōtika* (чатушкотика) — «четырёхвершинная». Это слово обозначает тетралемму, возникшую в индийской культуре и получившую наибольшее распространение в буддийском философском дискурсе. Буддисты не изобрели чатушкотику, но наиболее активно ее использовали. В первую очередь речь идет о Нагарджуне, выдающемся буддийском мыслителе, создателе школы Мадхьямики и вездущем мыслителе Махаяны, жившем во II–III веках. В его работе «Муламадхьямака-карика» отрицается четыре возможности происхождения вещей:

- 1) от себя;
- 2) от чего-то другого;
- 3) от (1) и (2);
- 4) ни от (1), ни от (2).

Присутствует ли здесь отрицание закона исключенного третьего? Ответ на этот вопрос требует понима-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографии «Возможные миры в философии и логике», учебного пособия «Логика» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994.

³ Frankenhauser U. Logik in China. Wiesbaden, 1996.

ния того, что значит «от себя» и «от чего-то другого». Если трактовать — «от себя» и «от всего остального», то между первым и вторым отношение противоречия и добавления (3) и (4) нарушают *tertium non datur*. Но вполне очевидно, здесь скорее «от себя» и «от чего-то другого» следует трактовать как противоположности. Скажем, используя как пример цвет волос, — «от себя» будет означать «от брюнета», «от другого» будет означать «от блондина». В этом случае при установлении отцовства нескольких детей возможна тетралемма такого вида. Они появились:

- 1) от брюнета;
- 2) от блондина;
- 3) от блондина и от брюнета;
- 4) ни от блондина, ни от брюнета.

Тут очевидным образом описываются все возможные варианты и закон исключенного третьего не нарушается. Однако в конце работы Нагарджуны отрицается предикация существования, несуществования, того и другого вместе и ни того, ни другого вместе по отношению к Нирване. Но и в этом случае у нас нет отрицания *tertium non datur* как такового. Поскольку *A* и не-*A* не следует путать с «*A* не существует и не-*A* не существует» у Нагарджуны. Ведь, например, суждение «Зеленых русалок не существует и незеленых русалок не существует» истинно.

Отметим здесь, что прием с использованием чатушкотики стал весьма часто встречаться впоследствии в буддистских текстах. Например, вопросы типа: «Мир постоянен? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое?» Или «Мир ограничен во времени? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое?»¹ По-видимому, чатушкотика кажется буддистским мыслителям наиболее подходящей комбинаторной моделью для описания вариантов реальности. При этом варианты, в которых действительно возникает внутреннее противоречие вида «*A* и не-*A*», элементарно отбрасываются как раз из соображений логики. В остальных случаях

у нас присутствует противоположность, а не противоречие, как мы показали выше, либо адьюнкция (*A* и/или не-*A*).

Подытожим: логика на Востоке принципиально ничем не отличается от логики на Западе. Словесных примеров выполнения всех элементарных логических законов можно найти сколько угодно. Так, хрестоматийный пример выполнения закона тождества «Только бык есть бык» в трактате «Шаташастра» Арьядевы (II в.)². То же и там же в отношении закона противоречия: «Свойства существования и несуществования не могут восприниматься в одно и то же время в одних и тех же дхармах»³.

Однако следует в заключение напомнить, что логика в своем историческом развитии выполняла не только задачи, связанные с обеспечением процедуры доказательств и формированием правил аргументации в спорах. Использовалась она и в теологии. В частности, хорошо известный в средневековой мысли спор об универсалиях имел очевидный богословский аспект, сильно нагружавший логику онтологической проблематикой. Но в этом католический Запад и буддистский Восток также вели себя совершенно одинаково, то есть считать какую-то логику религиозной — то же самое, что считать таковой, например, физику или математику. Таким образом, всецело соглашаясь с Г. Паулем и Х. Ленком в плане идентичности самой логики в разных ареалах ее существования, укажем, что под культурными различиями здесь можно иметь в виду лишь различие целей, для которых она создавалась. Для Аристотеля важнее всего был социально-политический аспект генезиса логических учений, а в Древней Индии стремление упорядочить научный спор изначально касалось дискуссий по медицинским трактатам. Функционирование же любой науки в условиях, при которых ее выводы или приложения имеют мировоззренческий характер, зависит не от особенностей этой науки, а от особенностей общества на определенном этапе его исторического развития.

Т. Я. Хабриева⁴

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА⁵

Между Сицллой Запада и Харибдой Востока

Современная российская модель правового государства призвана отражать не только правовую и со-

¹ Базаров А. А. Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб., 1998. С. 57.

² Пауль Г., Ленк Х. Логика и культура. Об универсальных верных законах логической формы и определяемых культурой различиях логики // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 38.

³ Там же.

⁴ Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 170 научных работ, в т. ч. монографий «Конституционный контроль», «Правовая охрана Конституции», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации»; «Теория современной конституции» (в соавт.); «Миграционное право России: теория и практика», «Современные проблемы самоопределения этносов» и др. Член Совета при Президенте РФ

циальную действительность, но и традиции, обусловившие менталитет российского населения, его отношение к праву, государственным и общественным институтам.

по противодействию коррупции; Комиссии при Президенте РФ по вопросам реформирования и развития государственной службы; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности. Заместитель председателя Международного союза юристов; член Президиума Ассоциации юристов России. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения»; член редколлегии журнала «Государство и право»; член редакционного совета журнала «Конституционное и муниципальное право».

⁵ В основе статьи — доклад автора на XVIII Международном конгрессе сравнительного права (Вашингтон, 25 июля — 1 августа 2010 г.), опубликованный на английском языке в книге *Legal Culture and Legal Transplants. Reports to the XVIIIth International Congress of Comparative Law*. Washington. 2010. URL : <http://isaidat.di.unito.it/index.php/isaidat/article/viewFile/60/69>

В целом исторически сложившаяся российская модель правового государства может быть охарактеризована как оригинальный государственно-правовой тип, приближающий ее одновременно и к Западу, и к Востоку, что не случайно, поскольку Россия географически соединяет эти две части света.

На протяжении своей долгой истории российское государство и общество оказывались в орбите притяжения многих цивилизаций и культур — Скандинавии и Византии, Золотой Орды и Польши, Франции и Германии и т. д.

Однако ход отечественного государственного и правового развития определялся в основном объективными факторами природного и исторического порядка. Во-первых, затратное производство с чрезвычайно небольшим прибавочным продуктом в районах критического земледелия предопределяло укоренение централизованной административной системы управления. Во-вторых, на границах государства практически постоянно присутствовало жесткое противостояние с другими народами. В частности, с 1368 по 1893 год (в течение 525 лет) было 329 лет войны, то есть на два года войны в среднем приходился только один год мира. К этому необходимо добавить несчетные внутренние смуты, бунты, восстания, перераставшие, как крестьянское движение 1773–1775 годов, в настоящие войны¹. Очевидно, что такое наследие не могло не отразиться на экономической, социальной и политической жизни России. Милитаризация, мобилизованность, экстраординарность, форс-мажорность, сложившиеся под влиянием исторических условий, становятся чертами национальной жизни и правовой культуры в том числе. В-третьих, расширение границ государства предопределяло в целях налаживания оперативного управления страной использование жестких управленческих технологий. Просвещенная императрица Екатерина II в заметках в защиту конституционалиста Монтескье писала: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ, чем деспотия, потому что только она может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний»². Такие условия требовали поиска собственных правовых решений, часто в противовес образцам правового развития других государств.

С другой стороны, по мере расширения границ Российского государства, включения в его состав новых народов, усиливается их влияние на развитие права. В нем появляется сплав разных решений, отражающих особенности правовой культуры народов, входивших в состав России³. Так, по мере продвижения России на восток укореняются такие сугубо восточные элементы государственно-социальной жизни, как «верховное право правителя на землю», ограничивающее частную земельную собственность. Усиливаются авторитарные формы организации власти, в то время как достаточно развитые формы самоуправления — вечевые собрания, земские соборы и т. д. — предаются забвению.

¹ См.: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 277.

² Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 686.

³ См.: Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 212–213.

Этот перелом произошел в правление Ивана Грозного, в момент стремительного расширения России на восток. В это время создается новая концепция самодержавной, ничем не ограниченной власти царя⁴.

Отзвуки восточных традиций можно обнаружить и в более поздней российской истории⁵. В то время, когда в Европе шел активный распад традиционных институтов и формировался новый облик общества и государства (рыночные отношения, права человека, парламентаризм), в России проводилась политика консервации прежних устоев (общинное ведение крестьянского хозяйства, социальная закрепощенность, бесправие, авторитарные методы управления).

Следует признать, что указанная тенденция сохранялась на протяжении большей части российской истории, в том числе после свержения царизма. Так, в резолюции VII съезда Российской партии большевиков утверждалось, что она посредством диктатуры «уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей»⁶. В дальнейшем так же уничтожались «отрицательные стороны» законности, что позволило в правление Сталина осуществить массовые репрессии, унесшие многие миллионы жизней⁷.

Вместе с тем на развитие российского государства определенное влияние оказывали западные традиции. Оно заметно усиливается к началу XVIII века — в царствование Петра Великого. Западные институты воспринимаются как инструмент преодоления вековой отсталости российского общества. Вводится новая административно-управленческая система: Боярская Дума заменяется Сенатом (1711 г.), ликвидируются приказы, учреждаются министерские коллегии, Тайная канцелярия, Синод⁸. Позднее осуществляется переход к губернскому принципу деления страны, подворная подать заменяется подушной, развивается школьное и университетское образование, учреждается Академия наук. Но эти институты, внешне схожие с западными, нередко имели особое содержание. Они воспринимались как порождение государства, контролировались государством и не утрачивали связи с ним. Такое огосударствление придавало соответствующим институтам явный «восточный оттенок».

Заметим, что при выборе между Сциллой Запада и Харибдой Востока вопрос не ставился в гуманитарной плоскости: социальной ценой как «азиатских» реформ Ивана IV, так и «западнических» реформ Петра I стало резкое сокращение населения страны (в эпоху Петра — на 20 %). При этом воспроизводилась одна закономерность: успешное развитие государства часто достигалось ценой резкого падения уровня жизни народа⁹.

⁴ См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 214–249.

⁵ См.: Библер В. С. На гранях логики культур. М., 1997.

⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М., 1962. Ч. 1. С. 415.

⁷ См.: Пихоя Р. СССР. История великой империи. Под знаком Сталина. СПб., 2009. С. 256.

⁸ См.: Павленко Н. И. Петр I. 4-е изд. М., 2003. С. 428.

⁹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903. С. 212.

Таким образом, истоки российской модели правового государства формировались под воздействием разнонаправленных идеологических факторов. В таких условиях идеальным было бы сочетание прагматизма и духовности: «тело» Запада, а «душа» России. Но в жизни редко удается найти идеальное сочетание разнонаправленных идеологий.

Как следствие, возникали постоянные противоречия и конфликты по линиям разлома, разделявшим государство и гражданское общество, власть и личность, рыночные и директивные формы управления экономикой, право и бесправие.

Вместе с тем, как отмечал М. Сперанский еще в начале XIX века, «странно было бы желать, чтобы народы, в образе жизни, в привычках их, степени просвещения и промышленности различные, покорялись с равной удобностью единому образу правления»¹.

К вопросу об основных чертах российской модели правового государства

Модель правового государства отражает определенное мировоззрение и уровень правового сознания, особенности социального, политического и правового развития общества. При этом она не остается статичной², а постоянно развивается под воздействием различных факторов — геополитических, экономических, социальных, политических, духовных и иных, предопределяющих только ей присущие особенности³.

Для российской модели правового государства характерно стремление к «высшей» справедливости, правовому идеалу, к его обоснованию в религиозных верованиях и этических ценностях. Заметной отличительной чертой российской модели правового государства до сих пор остается преобладание коллективных интересов, проявляемых на разных уровнях (общенациональном, региональном, местном) и в разных общественных отношениях (в том числе в отношениях собственности). Для российской модели правового государства характерен «силовой» перевес в отношениях государства и личности. На протяжении длительного

времени в правовом развитии преобладало стремление к ограничению свободы, к закреплению максимально унифицированного порядка пользования политическими, социальными и даже гражданскими правами граждан.

Своеобразие российской модели правового государства обусловлено также «патерналистской» идеологией государственного управления, прививающей уважение к авторитету власти, персонифицированной главным образом в лице руководителей того или иного уровня. Следствием ее реализации стало то, что основная масса российского населения не была приучена соизмерять свои действия и значение вызываемых ими социальных последствий. Именно это объясняет, почему в истории России было так много бунтов, мятежей и революционных взрывов.

В российской модели правового государства отличается и правосознание. Право воспринимается в ряду таких явлений, как власть, государство, правительство⁴. Исторически это связано с неразвитостью прав и свобод личности, в том числе частной собственности, а также с преобладанием общинных форм ведения хозяйства как одной из главных опор государства. Эти факторы не способствовали укреплению гражданских начал жизни. Во многом она строилась по законам «силовой иерархии», а не на правовых процедурах, обеспечивающих равенство сторон.

С принятием Конституции 1993 года все более отчетливо проявляются импульсы к демократизации, защите прав и свобод личности, национальному единству. Утверждение этих ценностей идет через преодоление многих болезненных проблем, накопленных в предшествующие столетия. Постепенно выстраивается новый каркас правового государства, в котором сила должна соединиться с правом, обеспечивая «власть права и право власти на всем пространстве действия Конституции РФ»⁵.

Контур новой российской модели правового государства определены. Какой она станет, покажет будущее.

¹ См.: Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.) // Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 164.

² См., напр.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 38.

³ Kriegel B. The State and the Rule of Law. Princeton, 1995; Тухомиров Ю. А. Правовое государство: модели и реальность // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 5–20; Хабриева Т. Я. Стабильность Конституции Российской Федерации и реформы: докл. на науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Конституции РФ. Москва. Кремль. 12 декабря 2008 г. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 4. С. 10–14.

⁴ См. интервью Т. Я. Хабриевой «Российской газете» (Юридическая неделя). 2010. 3 июня. № 120 (5199); Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 507.

⁵ Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 113.

Синсин Чанг¹

КУЛЬТУРНЫЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Как известно, глобализация затрагивает не только экономику. В результате экономической глобализации расширяется обмен ценностями и усиливается столкновение культур. Другой пример — постоянно расширяющаяся сфера культурного общения. В современных условиях культура стала одним из наиболее важных средств воздействия на жизнь как внутри страны, так и во всем мире. Окончание холодной войны стало одной из причин, которые привели к повышению значимости экономики, технологий, сообщества и культуры в глобальной политике. Приоритет получило мирное развитие, а мирная конкуренция и сосуществование, достигнутые путем переговоров, являются основными характеристиками глобальных взаимоотношений эпохи после окончания холодной войны. Кроме политических и военных сил, основным средством достижения национальных интересов становятся экономические и культурные силы.

Американский ученый Джозеф Най предложил концепцию «жесткой» и «мягкой силы». Он рассматривает культуру и идеологию как «мягкую силу», в противовес «жесткой силе», появившейся в результате военного или экономического принуждения. Он также полагает, что традиционная структура разных сил должна быть пересмотрена в свете политической, экономической, культурной и технологической глобализации. Культура как одно из проявлений «мягкой силы» не может быть заменена «жесткой силой». Однако воздействие культуры было ослаблено в период холодной войны из-за преобладания методов «жесткой силы»: политического и военного давления в области международных отношений. После окончания холодной войны отмечается рост глобализационных процессов и усиление взаимозависимости наций. Кроме того, национальная безопасность не может обеспечиваться средствами лишь «жесткой силы», важность «мягкой силы» прекрасно осознается. Вследствие этого каждая нация подчеркивает значимость культуры в борьбе за власть и, прикрываясь лозунгами о культурном взаимодействии, усиливает влияние своей нации. Проблема противостояния культурной экспансии и попыток не допустить этого, а также процесса взаимопроникновения культур и неприятия данного явления — одна из типичных черт глобальной политической борьбы в эпоху после окончания холодной войны. Эта особенность нашла свое отражение в культурном экспансионизме и протекционизме.

Культурный экспансионизм проявляет себя в ситуациях, когда западные страны используют преимущества своей господствующей позиции, чтобы влиять на события в мире посредством насаждения или расширения своей культуры. Прекрасным примером страны, использующей культурную экспансию как одну из важнейших стратегий внешней политики, служат Со-

единенные Штаты Америки. После окончания холодной войны США стали единственной сверхдержавой в мире, уделяющей большое внимание культурной экспансии как стратегии для достижения их целей, которые они не могут реализовать посредством применения политических, экономических и военных сил. Принимая во внимание свое господствующее положение в мире, США стараются использовать свои культурные ценности для влияния на мировые события или манипуляции ими.

В большинстве стран и регионов мира средства массовой информации подчинены или монополизированы США и другими западными агентствами новостей, хотя население Америки составляет лишь 5 % от всего мирового населения. Объем новостей, выпускаемый западными СМИ, в сто раз превышает объем новостей, выпускаемый всеми остальными странами. Культурная продукция США, включая голливудские фильмы, развлекательные шоу и телевидение, уже господствует в СМИ во всем мире. Используя СМИ, США распространяют свою культуру по всему миру. Поддержку американской культуры постоянно демонстрируют американские ценности и моральные нормы во всем мире. Они экспортируют не только культурную продукцию для получения огромных прибылей, но и свои политические взгляды и культурные ценности. С одной стороны, Соединенные Штаты упрочили и без того стабильное положение в индустрии культуры. С другой стороны, их культурная экспансия существенно влияет на другие страны, изменяя культуру, ценности и даже образ жизни последних. США считают свой режим политического развития точкой отсчета для экспорта демократии в другие страны. Иными словами, они стараются свести различные идеологии к господствующей идеологии США и таким образом достичь мировой гегемонии.

Кроме стран Запада (и США как их типичного представителя), часть стран третьего мира также предпринимает меры по экспансии своих культур, полагая это стратегией внешней политики, которой нельзя пренебрегать. Например, страны радикального ислама, такие как Иран или Судан, в целях распространения исламской культуры агрессивно экспортировали идеи исламской революции в попытке установить международное сотрудничество на принципах исламского фундаментализма. Помимо этого, существуют пантюркизм, панмонголизм, панславизм и т. д. Следует также принять во внимание культурный экспансионизм, возникший после холодной войны. Не важно, какую форму он может принять, в любом случае он негативно влияет на стабильность во всем мире.

Помимо культурного экспансионизма другой формой глобальной борьбы за власть является культурный протекционизм. Культурный протекционизм проявляется в ситуации, когда некоторые развивающиеся страны защищают свои культуры и противостоят влиянию иностранных культур, — это их стратегия внешней

¹ Заместитель директора Института общественного развития Высшей партийной школы ЦК КПК (КНР), доктор философии, профессор.

политики. В эпоху после окончания холодной войны западные страны, имеющие политическую силу и являющиеся гегемонами в области культуры, оказывают сильное давление на развивающиеся страны, обуславливая тем самым возникновение жестких конфликтов между восточными и западными системами ценностей. Во многих странах и регионах третьего мира модернизация, проводимая прозападными лидерами, оказалась несостоятельной, что привело к упадку собственных традиционных ценностей и социальных институтов. Становятся все более очевидными кризис самосознания и кризис законодательства.

Таким образом, стремление к поиску культурных корней постепенно усиливается. Это свойственно для многих развивающихся стран в переходный период. Они «используют культурное самоопределение как оружие для защиты своих национальных культурных ценностей, сопротивляясь иностранной культурной экспансии, и защищают свои культуры как символ своего существования». Развивающиеся страны противопоставляют влиянию западных ценностей, верований и об-

раза жизни. Почти все типы национализма поддерживают культурный протекционизм, используя культуру в борьбе с вызовами западных стран. Позитивный культурный протекционизм не отторгает абсолютно все элементы чужой культуры, а использует элементы как своего традиционного наследия, так и чужих культур. В противоположность ему пассивный культурный протекционизм отказывается от продуктивного взаимодействия с другими странами и превращается в радикальный культурный национализм, таким образом, неблагоприятно воздействует на глобальный мир. Мировое сообщество должно уделить особое внимание этой проблеме.

В условиях расширения глобализационных процессов необходимо поощрять сотрудничество, формирование гармоничного глобального экономического, политического и культурного порядка, противостоять культурному экспансионизму и экстремальному культурному протекционизму в любом их проявлении и способствовать мирному развитию и процветанию различных культур.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ФОНЕ КРИЗИСА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Диалог цивилизаций — тема, которая не только пронизывает политический и научный дискурсы, но и проникает в механизмы подготовки и принятия политических решений, если речь идет о международной политике. Об этом свидетельствуют характер и направ-

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. Директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург), академик РАН, член Президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Имунофизиология», «Альфафетопротейн», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» ("Russian Journal of Immunology"), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и сохранению культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единения». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

ленность большинства документов, которые можно отнести к доктринальному уровню геополитического планирования и прогнозирования. Речь идет как о межгосударственных соглашениях, так и о деятельности надгосударственных органов и многочисленных международных неправительственных организаций, созданных для обеспечения коллективной безопасности. Более того, эта тема перемещается в центр внутренней политики ведущих государств мира, в том числе Европейского Союза и России.

Именно здесь, в зонах условной стабильности и столь же условного благополучия (большего или меньшего, но обеспеченного уровнем конституционно закрепленных социальных гарантий), пересекаются почти не контролируемые миграционные потоки из регионов, где доминируют иноцивилизационные традиции и обычаи, клановые и родовые связи, не характерные для «оазисов стабильности». В результате именно благополучные регионы неизбежно превращаются в арену наиболее острых межцивилизационных конфликтов, а основные показатели устойчивого развития, с таким трудом принятые на межгосударственном уровне, становятся малоэффективными.

К сказанному следует добавить, что проблематика межцивилизационного взаимодействия оказывает существенное влияние на тематический спектр ряда наук гуманитарного, социально-политического и естественно-научного профиля, на «соединении» которых и удавалось до недавнего времени выработать рекомендации по стратегии устойчивого развития для всех регионов планеты. Ученые, специализирующиеся в различных областях фундаментальной и приклад-

ной науки, все чаще объединяются на основе общности проблемного поля, что повышает отдачу междисциплинарных исследовательских программ. Этот процесс не предполагает обязательной институционализации новых научных дисциплин или направлений, хотя такая тенденция не ослабевает (примером служит усиление междисциплинарных исследований по теории и методологии устойчивого развития), но делает науку более «отзывчивой» на вызовы времени.

Эта тенденция объясняется рядом факторов. Во-первых, следует выделить выдвижение на первый план таких наукоемких проблем, как проблема снижения рисков межцивилизационных конфликтов, которая неизбежно входит в проблемное поле устойчивого развития. Во-вторых, тенденция усиливается благодаря заметному повышению наукоемкости в большинстве областей практической деятельности, в том числе и политической. В-третьих, цивилизационный аспект научных исследований обусловлен широким распространением и повышением роли научно-аналитического сопровождения политики.

«Размножение» и становление наук — длительный процесс, который в значительной степени был продиктован не внешними влияниями, а внутренней логикой становления научной и вузовской инфраструктуры. По этой причине он не успевает за нуждами практики, а тем более за новыми проблемами, стоящими перед человечеством, о чем свидетельствует, в частности, явно заниженный уровень осмысления глобальных проблем, к разряду которых и относится обострение межцивилизационных противоречий на фоне осуществления масштабных глобализационных проектов. Это обострение оказалось настолько мощным, что лидерам ведущих европейских стран пришлось сделать заявления о крахе стратегии мультикультурализма, что молниеносно изменило не только тематику политического дискурса, но и общий тон научных исследований в этой области. Столь высокая степень политизированности социально-политических наук может служить показателем недостаточной эффективности и надежности многих политических, в том числе и наднациональных, институтов, а также свидетельством недостаточной зрелости самого научного знания, прежде всего гуманитарного и социально-политического.

Как известно, мультикультурализм — понятие, которое было введено в широкий научный оборот и политическую лексику сравнительно недавно, в 1980-е годы, и служит для обозначения связанных между собой, но различных явлений, что создает путаницу и часто используется в целях политической демагогии. Попытки механически перенести идеи, принципы и модели политики мультикультурализма в современную Россию, которые активно предпринимались нашими политиками и учеными на протяжении последних лет, представляются обосновательными, поскольку в исторической России сложился совершенно иной, отличный от западных традиций цивилизационный опыт мирного сосуществования множества национальных культур. Этот опыт накапливался столетиями и не был связан с неконтролируемой миграцией.

Под мультикультурализмом подразумевают феномены, далеко не тождественные.

Во-первых, так определяют особый тип общественного устройства, сложившийся в развитых странах, для которого характерно искусственно созданное в течение сравнительно короткого времени (иногда в течение жизни одного-двух поколений) многообразие трудно-совместимых национальных культур, языков, обычаев и жизненных укладов. Это многообразие явилось результатом ускоренной глобализации (феномен турбокапитализма). Одна из основных причин формирования мультикультурной среды — «великое переселение народов», как называют процессы масштабной и зачастую неконтролируемой миграции больших групп населения, в том числе беженцев, из неблагоприятных регионов мира (зоны социальных и природных бедствий, межэтнических и военных конфликтов) в развитые страны.

Основная цель большинства мигрантов — не адаптация к традициям и образу жизни коренного населения, а стремление получить набор социальных гарантий и прав, которых они лишены на родине. Эта тенденция, с одной стороны, позволяет развитым странам решать множество проблем, связанных, например, с потребностью в постоянном притоке «дешевой» рабочей силы, а, с другой стороны, является фактором повышенного политического и социального риска.

Среди наиболее опасных последствий сохранения и усиления этой тенденции — хроническая перегрузка социальной сферы и дестабилизация политической системы, разрушение уклада жизни коренного населения, деформация традиционного культурного и конфессионального пространства, которое формировалось столетиями. При этом реальная угроза для сохранения «цивилизационного кода» и поддержания социального мира «накладывается» на демографическую катастрофу, связанную с деструктивными изменениями этнокультурного состава населения и «вымыванием» народов, которые создали западную цивилизацию. Многие европейские народы в результате нарастающей депопуляции уходят с исторической сцены под натиском мигрантов, не способных и/или не желающих адаптироваться к культуре и обычаям новой родины. Эта тенденция будет лишь усугубляться по мере нарастания других глобальных проблем, в том числе экологических, связанных с климатическими изменениями и техногенными катастрофами, которые вызовут многомиллионные потоки так называемых «экологических беженцев».

Во-вторых, под мультикультурализмом понимают множество культурологических и политологических концепций и авторских теорий по преимуществу либерального толка, которые объединяет стремление обосновать, объяснить и оправдать (легитимировать) феномен сосуществования различных культур и верований на основе принципа толерантности. Многообразие таких конкурирующих концепций и теорий, а также их различная идеологическая окраска препятствуют формированию единой концепции мультикультурализма как целостного и непротиворечивого научного учения, которое вошло бы в свод знаний, рекомендованных

для всеобщего усвоения. Особую роль в популяризации идей мультикультурализма сыграли американская социология, политология и правоведение. На стыке этих дисциплин сложилось научное направление, призванное соединить принципы правового государства с принципами политического устройства, гарантирующего равные права меньшинствам: национальным, религиозным, сексуальным и другим.

Примером может служить концепция мультикультурного гражданства Уилла Кимлики (Will Kymlicka), последователя Джона Ролза — автора известной теории справедливости, которая признает социальную значимость отдельных форм неравенства, если они приносят пользу обществу. Такая позиция является альтернативной по отношению к политической теории «плавающей котла», господствующей в США и предполагающей глубокую интеграцию, «сплав» этнических компонентов в рамках гражданской нации. Но этот «котел» в последние годы утрачивает былую эффективность, что и повышает в США интерес к теориям и проектам построения мультикультурного общества.

В-третьих, чаще всего термин «мультикультурализм» обозначает сами политические проекты, которые осуществлялись (большой частью безуспешно) или до сих пор осуществляются с разной степенью политических и социальных рисков в ряде развитых стран с целью поставить под контроль процессы межэтнической интеграции, снять или смягчить противоречия, возникающие в обществе в результате глобальной миграции. Единого, общепринятого проекта мультикультурализма не было и не может быть, поскольку существуют принципиальные отличия в истории становления государств, социальных структурах, традициях и верованиях. Эти различия можно проследить, сопоставляя исторический путь развития европейских национальных государств с опытом государственного строительства США и Канады, в создании которых основная роль принадлежала и принадлежит мигран-

там. Опыт Канады представляет особый интерес, так как в этой стране принцип мультикультурализма включается в число базовых принципов внутренней государственной политики.

В-четвертых, точнее всего было бы подвести под определение мультикультурализма политический курс, в основу которого положен выбор определенного проекта построения мультикультурного общества. Тот факт, что в большинстве европейских государств, как уже говорилось, такой политический выбор продемонстрировал свою нежизнеспособность, не означает, что арсенал политики пополнился новым инструментарием и идеями, способными решить проблему обострения межцивилизационных отношений в «успешных» регионах.

В-пятых, не менее обоснованным выглядит и желание назвать мультикультурализмом (сам термин подсказывает этот вариант его применения) политические доктрины и конституционные принципы, а также системы законов и подзаконных актов, специально разработанные и принятые для реализации политического курса, цель которого — формирование и легитимация мультикультурного общества. Примером столь последовательного осуществления политики мультикультурализма может служить, как известно, опыт Канады, в частности Конституционный акт 1982 года и Канадская хартия прав и свобод, в основу которых положен принцип мультикультурного наследия канадцев. Эта позиция неоднозначно оценивается в самой Канаде, особенно в Квебеке.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что политический механизм, обеспечивающий взаимопонимание локальных цивилизаций и названный диалогом цивилизаций, требует «большого ремонта», который должен начаться с осмысления уроков грубой политизации научного знания, когда цели и методы науки подменялись целями и методами «научно-аналитического сопровождения» уже реализуемых политических и геополитических проектов.

В. Е. Чуров¹

МЕЖДУНАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

1. Понятие международного права практически исчезло. В связи с этим серьезно размывается и понятие национального суверенитета. Серьезным нападкам, повсеместному осмеянию подвергается вполне уместный

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор СПбГУП. Автор свыше 60 научных публикаций, в т. ч.: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимовлияния избирательных систем и национальных культур» и др.; свыше 150 очерков, нескольких научно-художественных произведений и рассказов: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены», «Корзина со старыми театральными программками», «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника» и др. Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

термин «суверенная демократия», придуманный более 100 лет назад в Великобритании. Однако любой патриот, любой гражданин своего государства согласится с тем, что только он и другие граждане государства через систему демократических выборов могут принимать участие в формировании органов государственной власти, то есть строить свое, все-таки суверенное, демократическое государство.

2. Сформировалась своеобразная международная культура внешнего воздействия на национальные выборы как инструмент ограничения национального суверенитета. Первые признаки такой культуры выявляются при организации выборов в послевоенной Европе: с одной стороны, в Западной Германии, Франции, Италии, Греции, со стороны противоположного

блока — в странах Восточной Европы. Затем, с начала 1990-х годов — в Прибалтике, практически во всех странах СНГ, Сербии, в Северной Африке.

3. Указанный культурный институт состоит из ряда организаций и программ, действующих как извне, то есть из-за границ суверенного государства, так и в его границах. Оба вида действий тесно взаимосвязаны. Основная задача — «легитимизация» или «делегитимизация» выборов и соответственно власти в суверенном государстве — жонглирование этими понятиями в интересах иного государства или группы государств.

4. Традиционным инструментом является институт международного наблюдения. При том что очень многие так называемые старые демократии, включая Соединенные Штаты и Великобританию, официально не признают или «полупризнают» институт международного наблюдения на своей территории. Основной организацией является Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

5. Евросоюз и Европарламент создают абсолютно противоправные группы по мониторингу выборов в странах, не входящих в ЕС. Например, для России — так называемую группу Оюланд.

6. Совет Европы и парламентская ассамблея Совета Европы дают поручения Венецианской комиссии проверять законодательство о выборах и политических партиях. Россия уже получила весьма политизированное мнение этой комиссии.

7. Европейский суд по правам человека, неизвестно на каких основаниях, принимает к рассмотрению жалобы, требующие отмены голосования в национальных государствах.

8. Эксперты «Группы государств против коррупции» (ГРЕКО) используются для поиска политической коррупции в законодательстве и практике финансирования партий, в том числе во время выборов (то есть для сбора компромата).

9. При этом дополнительными инструментами служат не только оценки и мониторинг, но и провокации при организации голосования в суверенном государстве, а также включение в проскрипционные списки руководителей центральных избирательных органов.

10. Естественно, что для развития деятельности вышеуказанных институтов необходимо наличие разветвленной сети финансируемых из-за рубежа негосударственных организаций, к числу которых относятся организации, выступающие в области «правозащиты», юридической поддержки, организации фальсифицированных результатов, якобы полученных с избирательных участков, а также организации и группы, радикально препятствующие организации выборов.

11. В функции данных организаций за рубежом входят:

- оппонирование представителям государственных органов на международных конференциях и семинарах;

- передача информации;

- пропагандистские выступления на форумах самого высокого уровня и в парламентах;

- обращения в организации, в том числе в Европейский суд по правам человека.

12. Внутри страны к их функциям относятся:

- сбор и распространение недостоверной и непроверенной информации о нарушениях на выборах;

- создание в регионах оппозиционных коалиций;

- предложение быть арбитрами в решении споров между партиями во время избирательной кампании;

- выпуск провокационных методических пособий

для участников избирательного процесса, провоцирующих наблюдателей и журналистов на нарушения законодательства о выборах;

- подготовка альтернативных законопроектов;

- подготовка и размещение критических комментариев;

- направление наблюдателей на участки, в том числе под видом корреспондентов;

- подготовка и сбор информации о возможных, но не проверенных финансовых и коррупционных нарушениях в избирательной системе;

- размещение в прессе обращений в ФАС и суды чисто с пропагандистскими целями без предварительной проверки информации;

- хулиганские акции в государственных органах;

- воспрепятствование работе государственных органов до дня голосования и в день голосования;

- давление и провокации в отношении членов избиркомов и их семей, кандидатов;

- попытки изготовления фальшивых избирательных документов;

- призывы портить и выносить бюллетени;

- попытки саботажа на участках в день голосования;

- организация акций и концертов с призывом к бойкоту выборов.

13. Эти организации предлагают свои услуги для замещения функций государственных органов и в случае «революции» готовы действовать в качестве таковых.

14. Таким образом, мы с интересом наблюдаем за зарождением совершенно нового международного института и его развитием. Интересно, будут ли у него перспективы применительно к самим Соединенным Штатам Америки и другим так называемым старым демократиям.

Ю. С. Шемшученко¹;
В. П. Горбатенко²

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР УКРАИНЫ И РОССИИ

Социально-гуманитарные науки в современных условиях предстают важнейшим фактором совершенствования диалога культур, который становится формой сосуществования людей в XXI веке и предполагает активный обмен содержанием культур-контрагентов при сохранении ими своей самобытности. Именно культура оказывается наиболее восприимчивой к проявлениям процессов глобализации и модернизации, поскольку в глобализованном мире ее носители должны защищаться от нивелирования, угрозы исчезновения. Вместе с тем в процессе культурного заимствования может осуществляться обмен не только лучшими образцами материальной культуры, но и научными идеями, ценностями, нормами повседневной жизни, образцами поведения. В этом случае осуществляется синтез культур, в ходе которого социокультурная система усваивает опыт разных обществ, сохраняя собственную основу, самостоятельность.

1. Социально-гуманитарный дискурс украинско-российских взаимоотношений

Диалог украинской и российской культур длится уже несколько веков. Задача социально-гуманитарных наук состоит в том, чтобы вернуть равноправие этого диалога через преодоление взаимных подозрений, стереотипов, сведения исторических счетов. В соответствии с этим сотрудничество двух стран должно быть направлено на сохранение и приумножение общих ценностей, дальнейшее развитие всесторонних связей между гражданами Украины и России в контексте использования исторически сложившегося общего

культурно-информационного пространства. Институты гражданского общества призваны содействовать восстановлению атмосферы творческого диалога, взаимному обогащению и использованию общего духовного наследия, уникального интеллектуального потенциала в интересах содействия всестороннему экономическому и культурному прогрессу наших стран. Важное значение имеет продвижение общего культурного своеобразия, сотрудничество учебных заведений, поощрение на взаимной основе изучения России и русского языка в Украине, а также Украины и украинского языка в России, совместное празднование юбилеев выдающихся деятелей науки и культуры, поддержка научных, культурных, молодежных обменов, совместное исследование «проблемных» моментов в истории наших народов, которые используются определенными политическими силами для нагнетания негативного фона в двухсторонних отношениях.

Общество доминирующих знаний и информации готовит новые вызовы, однако вместе с тем открывает огромные возможности для стран постсоветского пространства. Социально-гуманитарные науки в силу способности формировать гуманистическое человекознание и обществознание обязаны сосредоточить усилия граждан и представителей элит этих стран на внутриполитической консолидации и интеграции в мировое сообщество через глубокое осознание места человека в глобальной эволюции мировой системы, неотвратимом наукоемком будущем, а также через всестороннее познание путей решения насущных проблем человечества.

В последнее время на Украине и в России пристальное внимание уделяется долгосрочным проектам общественно-политического развития. Свидетельством этого, в частности, является разработка Концепции гуманитарного развития Украины на период до 2020 года, которую инициировали академики НАН Украины В. Геец, А. Онищенко, В. Смолий, Ю. Левенец, Н. Жулинский, М. Попович, В. Ворона и другие ведущие ученые секции общественных и гуманитарных наук. Среди ключевых проблем, направленных на реализацию Концепции, обращает на себя внимание ориентация на формирование сознательного гражданина страны, которая предполагает:

- 1) участие в делах общества и государства, преодоление популистских тенденций в отечественной политике, воспитание чувства патриотизма, причастности к исторической судьбе своей страны;
- 2) консолидацию общества на демократической основе, преодоление ценностно-нормативной дезинтеграции, социального неравенства, обеспечение политической ответственности государственных служащих;
- 3) формирование среднего класса как базиса социально-экономической стабильности, оздоровление социокультурной среды через защищенность каждо-

¹ Директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных публикаций, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академии наук Украины», «Космическое право»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство» и 6-томной «Юридической энциклопедии». Лауреат премии Национальной академии наук Украины им. М. П. Василенко, Государственной премии Украины в области науки и техники.

² Заместитель директора Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, доктор политических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Вступление в политологию: экскурс в историю законодательно-политической мысли», «Нация и государство: теоретико-методологический и концептуальный анализ», «Стратегия модернизации общества: Украина и мир на изломе тысячелетий», «Демократия—управление—бюрократия: в контексте модернизации украинского общества», «Политическая история Украины», «История для гражданина», «Политическое прогнозирование: теория, методология, практика». Лауреат Государственной премии Украины в сфере науки и техники.

го члена общества и утверждение здорового образа жизни;

4) развитие молодежной политики с целью создания предпосылок для формирования у молодых граждан Украины активно-оптимистической жизненной позиции, предоставления возможностей для реализации молодежью своих профессиональных знаний и врожденных способностей;

5) инновационное развитие и формирование экономики знаний, предполагающее определение инновационного развития как стратегического приоритета следующих десятилетий, эффективное использование интеллектуального потенциала как конкурентного преимущества современного рыночного общества, воспитание личности, способной к самостоятельной деятельности и приобретению соответствующей технологической готовности;

6) системное развитие гуманитарного сотрудничества Украины в научной сфере с ориентацией на ценности демократии, рыночной экономики, верховенства права, углубление сотрудничества в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества. В сфере науки и образования концепция ориентирует на открытость внешнему миру, что означает в рамках украинско-российских взаимоотношений обмен знаниями, опытом, оценками, интенсивный культурный обмен, изучение опыта, связанного с развитием институтов образования и культуры, распространением передовых знаний, защитой прав человека.

Пристальное внимание на развитие украинско-российских взаимоотношений обращает президент Национальной академии наук Украины Б. Е. Патон. Он считает, что взаимоотношения двух стран должны быть содержательными, ориентированными на современные достижения науки. По его мнению, наука, образование и технологии являются основой инновационного построения общества знаний. Исходя из этого, сотрудничество России и Украины в этой сфере относится к числу важнейших направлений их стратегического сотрудничества. Между тем Стратегия инновационного развития Украины на 2010–2020 годы в условиях глобализационных вызовов, которая стала объектом парламентских слушаний в Верховном совете Украины 17 июня 2009 года, равно как и предыдущие стратегии, носит преимущественно технократический характер. Подобная технократическая тенденция имеет место и в современной России. Соответственно представители социально-гуманитарных наук и образовательных дисциплин двух стран консолидированными усилиями должны повлиять на создающуюся ситуацию, для того чтобы максимально задействовать потенциал этого важного сегмента общественного развития.

2. Объективные предпосылки развития современных социально-гуманитарных наук на постсоветском пространстве Украины и России

Сегодня инновационность уже не может служить лишь показателем степени развитости экономической сферы, она охватывает все стороны функционирования общества и предполагает утверждение соответствующего способа жизнедеятельности человека и социу-

ма. Без целостного взгляда на проблему инновационного развития невозможно обеспечить стабильное и эффективное совершенствование деятельности государственных институтов. Сохранение динамики в развитии инновационной политики означает ее превращение и в России, и на Украине в самостоятельные национальные проекты, которые предполагают формирование новой элиты, а также личности, способной к самостоятельным решениям и соответствующей повседневной деятельности. В этом процессе могут оказать помощь социально-гуманитарные науки и образовательные дисциплины, которые обладают неповторимой способностью к формированию следующих социальных ориентаций.

Во-первых, как свидетельствует мировой опыт, всестороннее системное развитие социально-гуманитарного образования позволяет сформировать в обществе философию опережающего просветительства, стремление к созданию новых смыслов, вернуть обществу утраченный интерес к проблематике будущего. Система социально-гуманитарного образования, поддерживаемая государством и его институтами, не только способна сформировать демократические механизмы, защитить права человека, но и обладает потенциальными возможностями вернуть обществу ощущение эволюционного ритма, непрерывности бытия.

Во-вторых, еще в 1960–1970-е годы Арнольд Тойнби и Дайсаку Икеда обратили внимание на необходимость переориентации образования с достижений в сфере технологий на формирование этического поведения человека, обеспечение целостности человеческой личности. Именно это в современных условиях позволит преодолеть жадность, коррупцию, агрессивность, идеологическую ангажированность.

В-третьих, только социально-гуманитарные дисциплины способны обеспечивать процесс самосознания общества, последствия выбора того или иного политического строя государства; всестороннее понимание сложностей политической жизни, умение различать и преодолевать отрицательные тенденции социального развития; формирование развитой системы политической социализации личности, включение индивида в сложный и противоречивый мир политических отношений; создание системы гуманистических ценностей (свободы, справедливости, чести, гражданской ответственности).

Исследования украинских и российских ученых свидетельствуют о близости проблем, касающихся повышения уровня функционирования систем социально-гуманитарного образования на постсоветском пространстве. К таким проблемам, в частности, относятся:

1. Совершенствование модели оценивания знаний студента. Эта модель не должна сводиться к простому воспроизводству информации, полученной во время аудиторных занятий. Ее следует изменить в сторону учета более широких критериев профессиональной пригодности, таких как применение полученных знаний, профессиональная этика и моральность, тактика поведения.

2. Преодоление искусственно созданной диспропорции между государственными и частными вузами.

Необходимо внедрять в сознание молодежи ориентацию не на название и искусственно созданный статус вуза, а на уровень образования, который тот или иной вуз способен обеспечить. Для этого следует сформировать государственные программы поддержки перспективных негосударственных высших учебных заведений.

3. Создание единой системы образования, ликвидация ведомственных вузов, которые вышли далеко за рамки подготовки специалистов для своих ведомств. В частности, в результате двойного подчинения юридического образования возникают серьезные перекосы. Так, в Украине появилось много специалистов высшей квалификации по административному праву, подготовленных в системе университетов внутренних дел, однако это узко ориентированные специалисты, которые на практике оказываются неспособными разрабатывать проблемы административной реформы, административного судопроизводства, функционирования исполнительной власти.

4. Сближение мест проживания и обучения студентов. Эту проблему возможно решить через стимулирование, льготное кредитование и грантовое финансирование строительства студенческих городков-кампусов по типу западных. Благодаря такому подходу уже в студенческом возрасте в сознание молодых людей внедряется идея о необходимости создания организованного общества, нового социального порядка, базирующегося на широкомасштабном мышлении, непрерывном образовании, гибком и адекватном реагировании на социальные изменения, на духовном единстве и самоорганизации. В рамках таких кампусов в Украине и России можно наладить обмен целыми группами студентов-гуманитариев, как это делается в развитых западных странах. Неформальные отношения позволят сблизить представителей молодого поколения двух стран и смогут гарантировать дружественные отношения украинцев и россиян на долгосрочную перспективу.

3. Юридическое и политическое образование в контексте углубления двухстороннего развития

Отталкиваясь от вышеизложенных объективных предпосылок развития современных социально-гуманитарных наук, попытаемся обратить особое внимание на возможности юридического и политического образования как фактора углубления диалога двух стран с учетом опыта преподавания указанных дисциплин в современной Украине. Этот вопрос приобретает особую важность вследствие того, что такие дисциплины способны проникновению в системы ценностей украинской и российской культур, обладают широкими возможностями для преодоления стереотипов, синтеза самобытного и инационального.

В процессе развития юридического образования со всей очевидностью как на Украине, так и в России встала необходимость преодоления дегуманизации юридической специальности. Это связано с тем, что, встав в начале 1990-х годов на путь радикальных общественно-политических изменений, мы, с одной стороны, не учли уникальности и неповторимости тех процессов и проблем, которые обрушились на людей

на всем постсоветском пространстве. К негативным общественным проявлениям прежде всего относятся: правовой нигилизм; гипертрофированная индивидуализация, не подкрепленная уважением к личности; сервиллизм; потеря чувства ответственности за жизнь будущих поколений; неконтролируемая информатизация; коррупция невиданных доселе масштабов; дегуманизация общественных отношений и системы государственного управления. В то же время, встав на путь обобщения, а также экстраполяции явлений из иной социальной реальности на неповторимую национальную почву, мы упустили из виду истинную жизнь людей.

В этих условиях открылись шлюзы для использования различных вариантов манипулирования человеческим сознанием. И с большим сожалением необходимо признать: право как разновидность интеллектуальной деятельности сыграло в этом процессе не последнюю роль. Огромное количество молодых людей ринулось в юриспруденцию далеко не с благими намерениями. Причем стабильно уважительное отношение к юридической профессии зиждется не на осознании особенной роли специалиста в этой отрасли, а на впечатлении о прибыльности этого рода деятельности (в налоговой службе, органах внутренних дел, юридических фирмах сомнительного происхождения и рода деятельности и пр.). Это препятствует формированию личности будущего юриста по убеждению.

Вместе с тем произошли важные сдвиги в юридическом образовании. Они связаны с наполнением новым содержанием курсов по философии права, сравнительного правоведения, истории учений о государстве и праве. Необходимо повысить удельный вес этих дисциплин в связи с их особенной ролью в преодолении узконормативного взгляда на правоприменение и широкими возможностями для сотрудничества ученых-юристов Украины и России. Такое сотрудничество уже дало свои плоды в рамках формирования национальных школ сравнительного правоведения. Его налаживание возможно также в рамках совместного развития философии права и истории учений о государстве и праве. Этому способствует наличие в отечественной истории целых школ ученых, которыми по праву могут гордиться и Украина, и Россия. Это, в частности, такие мыслители, как Ф. Прокопович, Я. Козельский, С. Десницкий, Н. Костомаров, К. Неволин, И. Покровский, М. Драгоманов, М. Ковалевский, И. Петрункевич, П. Юркевич, Б. Кистяковский и др.

Назревшее «заземление» юридического образования в условиях развития рыночных отношений предполагает повышение роли практического обучения в этой системе. В сегодняшних условиях уже очевидна потребность переориентации модели подготовки «универсального юриста» на современную модель, направленную на развитие рыночных отношений. Этот процесс включает: рассмотрение в учебном процессе реальных случаев правоприменения; проведение имитационных судебных заседаний; отработку юридических процедур (получение разрешений, регистрация недвижимости); внедрение в учебный процесс спецкурсов по законодательной технике, урегулированию споров, заключению договоров, по тактике ведения дел в су-

дах высшей инстанции, составлению сложных юридических документов (например, кассационных жалоб). Также необходимо радикальное реформирование системы производственной практики и стажировки путем привлечения по договорам о творческом сотрудничестве частных компаний, юридических фирм, адвокатских и нотариальных контор.

В контексте диалога культур практическую значимость приобретает необходимость обновления нормативно-правовой базы сотрудничества Украины и Российской Федерации на основе четкого видения и учета общих стратегических интересов и нацеленности на совместное создание благоприятного международного и международного контекста для развития наших государств в ближайшей и долгосрочной перспективе. Наряду с этим назревшей проблемой является необходимость инвентаризации вопросов, которые требуют нормативно-правового урегулирования. Речь идет о таких проблемах, как обеспечение свободы перемещения граждан, капиталов, услуг, товаров; кооперация учебных заведений, налаживание молодежных обменов, культурных связей.

В начале 1990-х годов опыт ведущих российских ученых стал решающим фактором в формировании политической науки на Украине. За полтора десятилетия стимулирования политических знаний на Украине политология утвердилась в высших учебных заведениях как равноправная социально-гуманитарная дисциплина. Об этом свидетельствует появление нескольких десятков учебников и учебных пособий отечественных авторов; открытие в ведущих вузах факультетов либо отделений по подготовке профессиональных политологов; формирование профессиональной среды политологов, которые объединились вокруг Украинской академии политических наук и Ассоциации политических наук Украины, а также ведущих академических институтов и университетских кафедр. Вследствие этого получили развитие научные школы, которые исследуют проблемы этнополитологии (на базе Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины); правовой политики (на базе Института государства и права им. В. М. Корещко НАН Украины); политической модернизации; политического анализа и прогнозирования; регионалистики и местного самоуправления; истории политической мысли Украины. В Украине сформировалась разветвленная сеть специализированных ученых советов по защите диссертаций. Для формирования общего пространства развития и совершенствования политических знаний очень важно обратить внимание на такие актуальные для двух стран проблемы, как взаимное признание дипломов, согласование специальностей в рамках аттестации научных кадров.

Несмотря на очевидные достижения в развитии политической науки и образования, существует целый ряд проблем, преодолеть которые представляется возможным лишь через серьезное обновление этого важного сегмента социально-гуманитарных знаний.

Первоочередной задачей является преодоление одностороннего, резко отрицательного отношения к политике и создание привлекательного проекта цивили-

зованного сотрудничества этносов, регионов, политических сил, власти и оппозиции. Социологические исследования показывают, что следует уделить внимание наиболее значительным расхождениям в украинском обществе: 1) между сторонниками и противниками рыночных реформ; 2) приверженцами прозападной и пророссийской внешнеполитических ориентаций; 3) адептами и оппонентами существующего политического режима. Исходя из этого, особую важность приобретают конкретные акции, способствующие диалогу культур. К таковым можно отнести совместное празднование в 2014 году Украиной и Россией 200-летия со дня рождения Тараса Шевченко. Уже существует договоренность между Россией и Украиной о реставрации памятника украинскому поэту в Москве. К этому событию, надеемся, не останется равнодушным и общественность Санкт-Петербурга, с которым связана значительная часть жизни великого поэта.

Важное значение приобретает разработка комплекса проблем, связанных с футурологией, политической аналитикой и прогнозированием, создание на базе ведущих вузов и научно-исследовательских институтов межотраслевых коллективов по типу западных «фабрик мысли» с целью формирования профессиональной аналитически-прогностической среды. Развитие этого направления является очень важным, поскольку приобретенный в годы независимости Украины и России опыт свидетельствует о невозможности реформирования общественных отношений без надлежащего научного обоснования, прогностических разработок, развития новейших методов формирования будущего страны — синергетики, форсайта, деловых игр, «мозгового штурма» и пр.

Потребностью нашего времени является формирование государственного заказа на политические знания. На Украине это предполагает, во-первых, создание центра, который должен отслеживать тематику научных исследований (такой центр желательнее сформировать при Государственной аттестационной комиссии). И во-вторых, назрела необходимость нормативного оформления государственного заказа на политологические специальности. Политология сможет подняться до уровня более прагматических социально-гуманитарных дисциплин лишь при условии, если она займет надлежащее место в государственном классификаторе профессий. Что касается взаимоотношений политологов двух стран, необходимо согласование перспективных проблем для исследования, особенно в контексте развития сравнительных политических исследований на материале Украины и России.

В завершение следует сказать, что глобализация несет для культуры угрозу потери разнообразия, уникальности. Важным признаком культурных процессов в глобализованном мире является мифологизация действительности. Причем современное мифотворчество является своеобразной необходимостью компенсировать разорванное, переходное сознание как социального, так и индивидуального субъекта. Мифы, которые внедряются в общественное сознание Украины и России одиозными политиками и прессой, можно преодолеть только при помощи непосредственного обще-

ния в рамках научно-образовательных систем. Взаимообмен знаниями, опытом, оценками является необходимым условием диалога поколений, взаимодействия и взаимопонимания народов. В историческом плане обращение к диалогу всегда означает начало формирования новой культуры общения. Главное, что отличает диалогичность от монологичности, — стремление к пониманию взаимоотношений различных взглядов, идей, явлений, социальных сил.

Великие явления в культуре рождаются только в диалоге, который возможен лишь на основе отстаивания индивидуального в каждой культуре наряду с уважением к традиции и ценностям другого. Только так возможны взаимное обогащение и вхождение в мировой культурный контекст. Сегодня ни один народ не может существовать и развиваться изолированно от своих соседей, вне единства образовательного, информационного, гуманитарного пространства. Что-

бы понимать язык чужой культуры, человек должен быть открыт для культуры отечественной. От родного — к вселенскому, только так можно постичь лучшее в других культурах. Необходимо восстановить атмосферу творческого, интеллектуального диалога, сохранить и укрепить благоприятный правовой режим для взаимных посещений гражданами территории Украины и России. На основе диалога следует формировать перспективные образы друг друга. Необходимо отказаться от практики поиска национальной идентичности за счет критики, унижения соседа. Россия и Украина наряду с национальными идентичностями должны сформировать взаимоприемлемую, согласованную позицию относительно понимания основных параметров цивилизационно-культурной идентичности. Успешность Украины и России как независимых государств во многом будет зависеть от того, насколько позитивно станут выстраиваться отношения между ними.

Н. П. Шмелев¹

ЧТО НУЖНО СЕГОДНЯ РОССИИ ОТ ЗАПАДА

Когда мы говорим «сегодня», то не имеем в виду именно и только настоящий момент. Естественно, подразумеваем и то, что принято называть «на всю видимую перспективу».

Первое и главное, в чем нуждается любое жизнеспособное государство, — это, безусловно, безопасность, прежде всего безопасность от внешних угроз. Исторический опыт России в ее взаимоотношениях с Западом был в этом смысле не просто неоднозначным, а поистине трагическим. За 400 последних лет — польско-шведская интервенция в XVII веке, наполеоновское нашествие, Крымская война середины XIX века, Первая мировая война и, наконец, Великая Отечественная война, по своей жестокости и разрушениям превзошедшая все когда-либо случавшееся в мире. А если прибавить к этому и холодную войну второй половины XX века, вина за которую лежит по крайней мере на обеих сторонах поровну, то можно лишь удивляться тому, как Россия вообще сумела выжить под таким чудовищным внешним давлением.

Понятно, что определенное, «генетическое», так сказать, недоверие присуще российскому человеку при любых поворотах внешнеполитической ситуации. Так что не следует удивляться тому, что стремление сохранить возможность «ответного» или «ответно-встречного» удара будет присуще нашему государству

всегда, несмотря ни на какие (а тем более чисто словесные) уверения в том, что выстраиваемая на Западе система противоракетной обороны не направлена против России. Возможность сохранения хотя бы выборочного (не обязательно тотального) ответного удара является для России «категорическим императивом». И если в последнее время появляются какие-то признаки зарождения новой холодной войны, то в этом вина не России, которая на деле отказывается от гонки за «паритетом», но отнюдь не отказывается от гарантий своего существования, пусть даже в ослабленном состоянии.

Однако проблема внешней безопасности в современных условиях отнюдь не ограничивается для России (как и для многих других государств) эвентуальной возможностью «апокалиптического» сценария. Список больших и малых внешних угроз для страны практически неисчерпаем. Ближний Восток и арабизраильский конфликт, длящийся уже более 60 лет; никем не предвиденное «арабское цунами» с неясной пока направленностью; возможное дальнейшее обострение предельно накаленной обстановки в регионе Иран–Афганистан–Пакистан–постсоветские республики Средней Азии... А еще расползание ядерного оружия по миру; нарастание международного терроризма и исламского экстремизма; тлеющие локальные конфликты (особенно на Кавказе), чреватые очередными авантюрами типа войны августа 2008 года; глобальный наркотрафик и трансграничная преступность и прочее — все это, как показывает опыт, поддается международному договорному регулированию, так или иначе устраивающему всех, хотя, как правило, и неокончательно. И все это — естественное поле для сотрудничества Запада и России.

Конечно, сегодня еще рано говорить о возможности создания некоего «мирового правительства» с соответствующими полномочиями. Но принципиальное

¹ Директор Института Европы РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье–Черноморье–Каспий», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов: «Сильвестр», «В пути я занемог»; сборников рассказов и повестей: «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

повышение согласованности действий Запада, России и, естественно, других непосредственно заинтересованных стран могло бы обеспечить сохранение мировой цивилизации во всем ее многообразии даже в условиях, когда мир может вот-вот пойти, что называется, «вразнос».

Будет справедливо сказать, что сегодня роль России в этих международных сдвигах и потрясениях является преимущественно оборонительной, а не наступательной. По крайней мере, ни в политике, ни в общественном мнении России не звучала и не звучит нередко высказываемая на Западе (пусть неофициально) мысль о необходимости раздела или раздробления под тем или иным предлогом чужих территорий, в том числе и таких, как Сибирь и Дальний Восток.

Все советские годы Россия жила в глухой международной изоляции, хотя и тогда взаимные культурные, научные, технические, спортивные и другие связи сохраняли определенное значение, свидетельствуя о некоем глубоко укоренившемся цивилизационном единстве противостоящих во многих иных отношениях сторон. Искусственно возведенные стены наконец пали; демократия, многопартийность, верховенство закона, общечеловеческие ценности и свободы, включая и свободу передвижения по всему миру, стали доступны и для российского человека. Какие масштабы и формы сблизят Запад и России маячат впереди — нет смысла сегодня всерьез гадать: процесс этот не может измеряться годами, он неизбежно займет десятилетия. Но каждый заметный шаг на этом пути имел и будет иметь принципиальное значение — будь то фактическая отмена смертной казни в нашей стране, или демократические преобразования в ее политической системе, включая построение фундамента всякой действенной демократии — местного самоуправления (в Европе этот процесс начался в XI–XII веках), или согласованное, наконец, присоединение России к ВТО, или давно назревшая, но все еще остающаяся под вопросом отмена ограничений, накладываемых Шенгенским режимом, и т. д.

Наиболее ярким достижением новой России в развитии ее отношений с Западом было, возможно, заключение в 1997 году соглашения с Евросоюзом о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, которое имеет хорошие шансы быть продленным, несмотря на противодействие отдельных, преимущественно «молодых» членов ЕС. Намеченные в его рамках четыре «дорожные карты» — по внешней безопасности, по внутренней безопасности, по экономическому взаимодействию и по культурному сотрудничеству — важны не только и даже не столько с точки зрения сегодняшнего дня, сколько как историческая перспектива, особенно для России. Если эти цели будут когда-нибудь достигнуты, единая Европа приобретет принципиально новый облик с точки зрения и политики, и военной ситуации, и общественного устройства, и человеческого менталитета, и общего экономического пространства (то есть свободы трансграничного передвижения товара, капитала, рабочей силы и услуг), и единого научно-технического, образовательного и культурного потенциала. Думается, эти «карты» могут стать важнейшим

цивилизационным ориентиром для нынешнего и будущих поколений. И Европа со временем может стать единым мощным мировым центром силы, мало в чем уступающим другим современным мировым центрам силы — США и Китаю.

Большое значение для современной России, вступившей в эпоху (именно эпоху) очередной модернизации, имеют благоприятные внешние условия — для осуществления преобразований, прежде всего в экономической и социальной сфере. Содействуют они или препятствуют поставленным целям? Ответ может быть неоднозначным: они могут содействовать, могут быть нейтральными, но могут и препятствовать. Например, серьезнейший вопрос: кто кого финансирует в нынешних условиях? Запад России, как думают многие, или, напротив, Россия Запад? При всей внешней парадоксальности ответа он вполне очевиден: Россия финансирует Запад. В последние 20 лет соотношение было примерно 1:3 в пользу Запада, то есть на 1 доллар притока средств в российскую экономику с Запада из России в его экономику уходило 3, а скорее даже 4 доллара легального и нелегального оттока. Все виды увода капитала из страны оцениваются сегодня в накопленной сумме не менее 1 трлн долл.

В частности, в последние годы объем вложения только государственных валютных резервов РФ в иностранные (преимущественно американские) государственные ценные бумаги с предельно низкой доходностью в 1,0–2,0 % годовых превысил огромную сумму порядка 550 млрд долларов. Особенно печально то, что подобный хронический дренаж (кровопускание) российской экономики происходит на фоне колоссальных неудовлетворенных потребностей страны в инвестициях практически во всех областях, включая производство, инфраструктуру, социальную сферу. Утечка капитала за рубеж лишает страну не менее 1/4 ее фонда накоплений.

Конечно, накопление, капиталообразование — это прежде всего внутренняя проблема страны. У России сегодня имеется немало потенциальных возможностей увеличения ее нормы накопления (с нынешней недопустимо низкой около 20 % до необходимых 30–35 % ВВП) и более рационального использования уже имеющихся средств, которые она пока направляет на весьма сомнительные цели. Почему российские инвесторы при очевидной слабости отечественной кредитной системы не могут занимать из российских государственных резервов не под 8–10 % годовых, как они вынуждены сегодня брать в иностранных частных банках, а под 1,5–2,0 %, то есть за столько же, за сколько Россия на деле дает займы своим зарубежным партнерам? Тем более что последний кризис показал: российское государство все равно было вынуждено массивным и по существу безвозвратным вбросом государственных средств спасать своих основных отечественных заемщиков за рубежом. А задолженность российских компаний и банков иностранным частным банкам почти равна нашим государственным резервам, хранимым «по дешевке» в иностранных ценных бумагах.

Нельзя не видеть и таких собственных возможностей увеличения инвестиционных ресурсов страны,

как изменение неоправданного, не наблюдающегося больше нигде в мире соотношения (в пользу частных компаний) в распределении природной ренты на энергетические и другие сырьевые ресурсы; налаживание действенного контроля за перемещением валютных средств за рубеж; восстановление обязательной продажи валютной выручки за рубли; более широкое использование эмиссионных и кредитных возможностей Центробанка (в роли кредитора в последней инстанции); налоговые и амортизационные льготы инвесторам, особенно осуществляющим модернизацию производства; отказ от «плоской шкалы» налогообложения доходов; действенная система административного, бюджетного, налогового и кредитного стимулирования малого и среднего предпринимательства и пр.

Но все эти меры не уменьшают значения для России импорта иностранного капитала, особенно прямых иностранных инвестиций. Пока их доля относительно невелика: около 3 % всего капиталобразования в стране. Иностраный капитал вкладывается преимущественно либо в финансовые спекуляции («горячие», краткосрочные деньги), либо в сверхприбыльные отрасли («длинные» деньги), что далеко не всегда оказывает значимый модернизационный эффект. В частности, в косметическую, пивоваренную, фармацевтическую, табачную промышленность, производство безалкогольных напитков, коммуникации, автосборку и др. Особенно активно иностранные инвестиции идут в топливно-энергетический комплекс — до 1/3 объема. В то же время, что показательно, в машиностроение — лишь 1 %.

Привлечение иностранного капитала, его взаимопереплетение с отечественным, экспансия ТНК (а таких компаний даже российского происхождения уже около 20) — это в целом благотворный процесс, содействующий экономическому подъему и росту благосостояния всех его участников. Важно только соблюдать и сохранять баланс интересов сторон. И если на каком-то отрезке времени партнеры считают необходимыми определенные ограничения в отношении привлекаемых из-за рубежа капиталов (например в отраслях, имеющих оборонное значение в России, или по каким-то иным, по сути тоже политическим соображениям, как на Западе) это надо спокойно принимать как данность. Но такую данность, которая со временем может быть урегулирована в обоюдных интересах путем взаимных уступок и компромиссов.

По мере роста открытости российская экономика становится все более органично связанной с мировой валютно-финансовой системой и во все большей мере зависимой от ее устойчивости. В частности, если, допустим, доллар и дальше будет ослабевать или даже вообще утрачивать свои до сих пор доминирующие позиции, то в интересах России, чтобы этот процесс растянулся на многие годы, а может, и десятилетия. Слишком велики долларовые активы у множества стран, в том числе таких как Китай, Япония, Россия, и пока около 2/3 мировой торговли все еще обслуживается в долларах. В таких условиях крах доллара будет жесточайшим ударом по всей мировой экономике. Может быть, меньшим, но тоже жестоким ударом ми-

рового значения станет крах евро и неизбежно следующий за ним распад еврозоны (как-никак, Россия сегодня держит в евро около 1/2 своих валютных резервов). А новая мировая валютно-финансовая система на базе, скажем, искусственной валюты МВФ, или китайского юаня, или какой-то новой «корзины» валют — это когда-то еще будет, а может, и не будет никогда.

Модернизация для России сегодня — это в первую очередь реиндустриализация, или своего рода «вторая индустриализация». Азарт непродуманных, поспешных реформ стоил стране полного разрушения (уничтожения) не менее половины ее промышленного и технологического потенциала. При существующих тенденциях, то есть при ускоряющемся устаревании основных фондов, возрастающем дефиците инвестиций и в целом неясной промышленной политике руководства через 7–10 лет может быть окончательно разрушена и оставшаяся половина. К этому необходимо добавить вывод из оборота более 1/3 сельскохозяйственных земель России. И еще, по оценкам некоторых экспертов, утрату порядка 1/3 «мозгов» страны в результате разрушения ее науки (и фундаментальной, и особенно прикладной), эмиграции ученых, переходе их значительной части в другие, преимущественно коммерческие сферы деятельности.

Реиндустриализация требует концентрации усилий на ряде основных направлений долгосрочной экономической политики. Во-первых, это выбор основных стратегических приоритетов промышленного обновления (включая всю инфраструктуру). На рынках высокотехнологичной промышленной, информационной, аграрной и прочей продукции сегодня в мире не только существует, но непрерывно растет и обостряется жесткая международная конкуренция. Найти рыночные ниши на будущее — дело весьма нелегкое. В этом России могли бы быть полезны согласование и координация ее усилий с ведущими мировыми производителями подобной продукции. Можно было бы также ожидать от наших партнеров (в частности от Евросоюза) собственного, достаточно конкретного проекта поддержки и развития в России предприятий и даже отраслей, которые позволили бы ей вырваться из энерго-сырьевой зависимости и возродить обрабатывающую промышленность. О том, что подобный подход уже не кажется, например, Европе экзотикой, свидетельствует относительно недавнее подписание ЕС и Россией документа «Партнерство для модернизации».

Во-вторых, обновление еще сохранившихся производственных мощностей, а тем более строительство новых потребует (как это бывало в прошлом) массивного притока в страну техники и передовых технологий из-за рубежа. Все это в Европе, США, Японии (а теперь и в Китае) есть. И после вступления России в ВТО, достижения соответствующих двусторонних и многосторонних договоренностей, отмены уже отживших свой век ограничений российские потребности могут и должны стать одним из важнейших факторов поддержания устойчивого машиностроительного, электротехнического и другого экспорта из высокоразвитых индустриальных стран. При этом стабильные рынки для российской энергосырьевой продукции на

Западе сохранятся, вероятно, даже при нынешних сдвигах в пользу различного рода энергетических и прочих альтернатив. Не следует забывать и про международные кредитные возможности.

В-третьих, перед Россией стоит сегодня, может быть, наиболее острая и сложная задача: демонополизация ее экономики и создание автоматического механизма (конечно, в определенном взаимодействии с административными рычагами) стимулирования инновационного процесса. При нынешнем заоблачном уровне прибыльности естественных и искусственных отечественных монополий у них в реальности нет или почти нет серьезных стимулов к модернизации старых, а тем более строительству новых, технологически продвинутых производственных мощностей. Конечно, это прежде всего внутренняя политическая, экономическая и институциональная проблема России, более того — вопрос решимости или нерешимости наших властей. Но сотрудничество и конкуренция с Западом как по импорту, так и по экспорту, а также поддержка и с той, и с другой стороны притока прямого иностранного капитала (особенно в малый и средний бизнес) могли бы дать заметный дополнительный толчок переходу российской экономики к подлинному рынку и новым структурным пропорциям в ее производственном потенциале.

В-четвертых, Запад может сыграть весьма важную роль в возрождении науки и образования в России. Никакой модернизации страны и ее перехода к «экономике знаний» не состоится, если финансирование науки и образования из государственного бюджета не будет по доле в его расходах увеличено, по крайней мере, в 2–3 раза. Частный капитал — особая статья: надежды на его участие в решении общенациональных задач такого масштаба можно возлагать не раньше, чем через несколько десятилетий. Активный же академический — как исследовательский, так и образовательный — обмен между Западом и Россией может, как показывает некоторый накопленный опыт, развиваться не только на «благотворительных» принципах, но и на вполне коммерческих, взаимовыгодных основах. Особенно это важно для Европы в целом, которая пока продолжает отставать от США во многих ведущих областях очередной научно-технологической революции, но имеет все шансы объединенными усилиями достичь их уровня в предстоящие десятилетия.

Исключительно важной проблемой в отношениях России с Западом являются также интеграционные тенденции на европейском (точнее, евразийском) континенте. Западноевропейская интеграция (Евросоюз) уже не только доказала свою высокую жизнеспособность и органичный характер, но и, как представляется, к настоящему времени стала постепенно избавляться от заблуждений и чрезмерных амбиций «молодости». В реальности и сегодня, и на достаточно неблизкую перспективу ставится вопрос не о дальнейшем расширении Евросоюза (все на свете имеет свои пределы), а в первую очередь о необходимости избежать его развала под влиянием чисто экономических, особенно финансовых причин. В этих условиях никто в ЕС, конечно, всерьез не думает о присоединении к Евросоюзу

таких возможных новых его членов, как, скажем, Турция, Украина или тем более Россия. Но подобные трезвые соображения не мешают определенным влиятельным кругам в ЕС ревниво и даже враждебно относиться к интеграционным тенденциям на постсоветском пространстве — не в последнюю очередь, думается, потому, что схожую позицию занимают и сменяющие друг друга администрации США.

Простая и не раз высказываемая и в России, и на Западе мысль, что интеграция на постсоветском Евразийском экономическом пространстве и интеграция в уже сложившихся рамках Евросоюза объективно не только не противоречат и не противостоят друг другу, но могут (и должны) иметь общую конечную, хотя, безусловно, и не близкую цель, получила и получает сегодня достаточно широкое распространение. В самом деле, как можно по тем или иным произвольным причинам сбрасывать со счетов в отношении постсоветского пространства многовековые взаимные связи — цивилизационные, народнохозяйственные, культурные, да и просто человеческие, вошедшие в плоть и кровь стран и народов? Тем более таких стран, которые и теперь представляют собой по существу единый общий рынок, требующий только устранения отдельных барьеров и препятствий, мешающих его развитию? Это и делается уже, в частности, в пределах тройственного Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, нацеленного на создание в ближайшие годы Единого экономического пространства с последующим возможным присоединением к нему и ряда других постсоветских государств. Какие разумные, рациональные соображения могут быть выдвинуты против восстановления фактически разрушенной за два последних десятилетия единой инфраструктуры этих стран — энергообеспечивающей, транспортной, образовательной, не говоря уже о сложившихся за долгие годы кооперационных связях между предприятиями, а также по существу единому рынку рабочей силы? Очевидно, что создание Единого евразийского экономического пространства — это отнюдь не реанимация Российской империи, а столь же естественный и органичный процесс, как и то, что происходило и происходит в пределах Евросоюза.

Здравый смысл говорит, что без совместного международного планирования и объединения материально-технических, финансовых и кадровых ресурсов различных стран невозможно, например, без конфликтов обеспечить энергопотребности Европы. Конкуренция в этой области не только не разрушительна, а наоборот, благотворна. На этом обширнейшем рынке на всю видимую перспективу места хватит всем: и традиционным поставщикам нефти и газа, и производителям альтернативных источников энергии, включая сланцевый и сжиженный газ, — и России, и Казахстану, и Узбекистану, и Туркмении, и Азербайджану, и Ирану, и арабскому Ближнему Востоку, и Северной Африке, и Норвегии, и даже второстепенным производителям ряда других, преимущественно небольших стран. Надежность транспортировки и транзита энергоресурсов также невозможно обеспечить без согласованных действий всех заинтересованных стран-партнеров.

И, естественно, при решении этих задач интересы обеих интеграций должны не противопоставляться, а дополнять друг друга.

А какая отдельно взятая национальная или даже региональная сила (хоть на Западе, хоть на Востоке Европы, хоть Китай, хоть США) может решить такие проблемы, как, скажем, опасное для всего мира стремительное нарастание наркотрафика через Центральную Азию и/или исламского радикализма и терроризма? Или невероятную по своим масштабам задачу спасения Аральского моря, Амударьи и Сырдарьи? Или создание международного транспортного коридора (системы коридоров) Запад–Восток? Или, наконец, освоение все еще не освоенных громадных территорий в Центральной Азии, Китае, Монголии, Сибири и на российском Дальнем Востоке?

Все это говорит о том, что создание в перспективе десятилетий общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока (а то и от Ванкувера до Владивостока) отнюдь не химера, а вполне реальная цель, если, конечно, исключить возможность какой-то глобальной катастрофы. Но достижение этой цели требует не конфликта, не противостояния двух интеграций, развивающихся ныне на евразийском континенте, и уж конечно не отживающих свой век примитивных попыток подрыва изнутри новых, только нарождающихся конструктивных тенденций, а глубокого понимания сложившихся и вероятных в будущем реалистичности. И не следует ни в коем случае закрывать глаза на то, что в мире остается все меньше безальтернативности и все больше появляется различных альтернатив —

как континентальных, так и региональных, как на Западе, так и на Востоке.

По своей истории, культуре, мировоззрению, да и вообще по своему способу жить Россия была, есть и будет Европой. Конечно, со своим уникальным, нередко трагическим прошлым и со своими ошибками, но и с теми же идеалами и надеждами, что и другие европейские страны и народы. Будучи по своему духу европейской державой, Россия остается в то же время самостоятельной и в определенном смысле самодостаточной цивилизацией — у нее все (буквально все) есть, чтобы при разумной стратегии не только сохранить, но и укрепить свое особое место в мире.

Нельзя, конечно, не видеть, что в последние десятилетия в развитии России все большую роль начинает играть, так сказать, «восточный вектор», «восточноазиатский акцент» — и в политике, и в экономике, и в демографии, и в других областях. Учитывая географию страны, это не только и не столько альтернатива, сколько историческая неизбежность, с которой, хочешь не хочешь, приходится считаться всем. И дело даже не в том, какой режим утвердится в будущем в стране — классическая демократия, или «демократический цезаризм», или даже какая-то форма авторитаризма. Дело в том, что некий цивилизационный «симбиоз» в жизни России (между европейским и восточноазиатским влиянием), учитывая ее прошлое, настоящее и предвидимое будущее, есть, по-видимому, и наиболее вероятная перспектива. И это не только вопрос веры или неверия человеческого. Это вопрос очевидной, объективной — всемирной, а, может быть, и надмирной — неизбежности.

Эберхард Шнайдер¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ²

Мультикультурализм необходим Германии, так как почти $\frac{1}{5}$ часть ее населения была или в настоящий момент является мигрантами — это люди, которые иммигрировали в Германию начиная с 1950 года, или их потомки.

Собственным опытом миграции обладают 11 млн человек, или 13 % населения страны. Среди жителей Германии, бывших или настоящих мигрантов, выделяются следующие группы в зависимости от страны происхождения: Турция возглавляет список стран происхождения мигрантов (1,5 %), затем следуют Польша (508 тыс. человек), Российская Федерация (445 тыс.), Италия (433 тыс.). Если говорить о крупных культурных регионах, то здесь складывается следующая картина: на первом месте — Европа как регион происхождения (54 %), причем имеется в виду вся Европа,

а не только страны Европейского Союза. На втором месте — Азия, Австралия и Океания (11 %). Значительную долю составляют выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, а также Южной и Юго-Восточной Азии. В большинстве крупных немецких городов проживают представители более 150 национальностей.

Опыт мультикультурной политики обогащается в процессе продолжительного совместного существования народов. В 2008 году более $\frac{3}{4}$ лиц с собственным опытом миграции жили в Германии минимум 9 лет, $\frac{2}{5}$ — более 20 лет. Наиболее тесный опыт взаимодействия приобретает в бикультурных браках. В то время как в браке с немцами состояла половина населения страны, у населения с миграционным фоном этот показатель составил 60 %.

Люди с миграционным фоном не только чаще вступают в брак, но и имеют более высокий показатель рождаемости — 36 %, в то время как среди коренного населения только 22 семьи из ста имеют детей.

Сегодня часто цитируют высказывание федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, произнесенное в октябре 2010 года, о том, что «концепция мультикультурализма в Германии провалилась». Люди, относящиеся к разным культурам, не смогут образовать обще-

¹ Профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии. Специалист в области внутренней политики России и бывшего СССР. Автор 12 книг, в т. ч.: «Das politische System der Russischen Föderation» («Политическая система Российской Федерации»), «Das politische System der Ukraine» и более 100 научных статей. Член консультативного совета Независимого центра европейско-российского сотрудничества «ЕС–Россия» в Брюсселе.

² 12th International Likhachov Scientific Conference May 17–18, 2011 in St. Petersburg.

ство на том основании, что проживают рядом с представителями различных культур или суммируя культуры. В реальности отдельные культуры (в том числе доминирующая немецкая культура) не принимаются во внимание. Необходима скорее интеграция, а не ассимиляция, что должно стать основной задачей культуры.

Мультикультурализм имеет две стороны: представители культуры большинства должны быть готовы позволять представителям культур меньшинства быть полноценными участниками общества; представители культур меньшинства должны иметь желание быть участниками, а не просто физически присутствовать в обществе. Правящий бургомистр Берлина Клаус Воверайт утверждает, что в мультикультурном обществе акцент должен ставиться на общем, а не на том, что разделяет, иначе «однажды Германия будет состоять лишь из меньшинств, которые борются». Чтобы каждый смог реализовать себя в мультикультурном обществе, необходима атмосфера «открытости и уважения».

Федеральное правительство Германии разработало 64 критерия, с помощью которых определяется интеграция мигранта в общество. Эти критерии учитывают юридический статус, образование в детстве и языковое содействие, образование и интеграцию на рынке рабочей силы, социальную интеграцию и доход, общественную интеграцию, жилищные условия и здоровье, интеркультурные службы и экономику, а также преступность, насилие и неприязнь к иностранцам.

Во втором отчете, характеризующем индикаторы интеграции за 2011 год, представлены следующие результаты: «Две трети мигрантов, живущих в Германии от 5 до 10 лет, имели в 2010 году право на долгосрочное проживание. Однако право гражданства получили лишь 2 %».

Только 12 % детей с миграционным фоном в возрасте до трех лет посещали детские дошкольные учреждения, без миграционного фона — 28 %, то есть больше, чем вдвое. По возрастной группе от трех до шести лет значения приблизились: в семьях мигрантов — 86 %, коренного населения — 95 %. В области образования нужно отметить, к сожалению, отставание среди молодых мигрантов: они не только вдвое чаще покидают школу до ее окончания, но и реже достигают высоких результатов в школьном образовании. В дальнейшем втрое больше молодых людей с миграционным фоном оставались без профессиональной подготовки. Высшее образование среди мигрантов в возрасте от 25 до 35 лет получили 17 % молодых людей, среди коренного населения — 20 %».

Трудовая деятельность и безработица зависят от конъюнктуры. Между тем коэффициент безработицы снизился как в целом по стране, так и среди иностранного населения. Правда, среди иностранцев в 2010 году он был вдвое выше, чем у немецкого населения (по этому индикатору учитывалось все иностранное население). Позитивным является тот факт, что количество предпринимателей среди мигрантов так же велико, как и среди немцев.

Процесс интеграции мигрантов значительно осложняется низкими доходами. Коэффициент риска бедности у населения с миграционным фоном вдвое выше, чем у коренного населения, — соответственно 26 и 12 %.

Численность иностранцев, которые в 2010 году получали минимальное государственное пособие, была вдвое больше, чем численность коренного населения, получающего пособия (при расчете этого показателя учитывалось все иностранцы).

Политические интересы и членство в партиях, участие в гражданских инициативах или политике в два раза меньше распространены среди населения с миграционным фоном, чем среди коренного. К сожалению, до сих пор мигранты, долго живущие в Германии, но не имеющие немецкого гражданства, не получили права на участие в выборах. Между тем это повысило бы их интерес к политической жизни страны.

Обеспечение хорошим жильем по приемлемой цене — важный признак качества жизни. Иммигранты располагают в среднем меньшей жилой площадью, чем остальное население Германии. Население с миграционным фоном платит за квадратный метр наемной жилой площади в среднем почти на 30 центов больше, чем коренное население (причем этот факт нельзя объяснить более высоким уровнем арендного жилья в городах, которые часто являются местом жительства мигрантов).

Если говорить о контроле за здоровьем, то по этому показателю также отмечаются различия: дети мигрантов в возрасте от 2 до 7 лет проходят все профилактические ранневозрастные обследования в целом на 10 % меньше, чем дети немецкого населения.

Иностранцы работники на государственной службе (10 %) заняты почти вдвое меньше, чем население без миграционного фона (18 %).

Такие явления, как преступность, насилие и дискриминация, усложняют процесс интеграции. К сожалению, в 2010 году коэффициент преступности среди иностранного населения (5,3 %) был вдвое выше, чем среди всего населения Германии (при расчете этого показателя учитывалось все иностранное население). Антисемитские, враждебные к иностранцам и расистские акты насилия в 2010 году достигли самых низких значений за последние 10 лет. При этом уровень таких преступлений все еще остается достаточно высоким. Например, недавно стало известно о серии убийств, совершенных в течение последних лет, восьми турецких и одного греческого предпринимателей, а также немецкого полицейского, которые были совершены членами национал-социалистической подпольной организации. Раскрыть сразу эту банду не удалось, так как немецкие органы безопасности классифицировали убийства как отдельные экономические преступления, что указывает на недостаточно скоординированное сотрудничество между различными немецкими органами.

Два года назад в Берлине (первой и единственной федеральной земле) был принят закон, определяющий интеграцию как процесс, который касается всего общества. Первый параграф этого закона гласит о том, что лицам с миграционным фоном должна предоставляться возможность равноправного участия во всех сферах общественной жизни страны.

В заключение я хочу привести слова Федерального президента Йоханнеса Рау, которые он произнес в 2001 году: «Интеграция иностранцев является вопросом судьбы общества, это очень долгий процесс».

Марк Шойер¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тема XII ежегодных Лихачевских научных чтений перекликается с миссией «Альянса цивилизаций», которая заключается в достижении взаимопонимания и взаимодействия между нациями и людьми, снижении поляризации, формировании (как на местном, так и на международном уровне) общества равных возможностей, культурное и религиозное разнообразие которого неразрывно связаны, что обеспечивает его развитие и мирное существование.

Понятие «глобализация» имеет много определений. Однако следующие черты являются для него основополагающими: высокий уровень сопричастности и взаимозависимости; постоянные научные и технические инновации; массовая миграция, являющаяся основным источником постоянно растущего уровня культурного многообразия; ускоряющийся темп жизни. Мы живем в мире, в котором нет границ. Мы испытываем серьезные потрясения (начиная с экономических и финансовых кризисов и заканчивая глобальным потеплением), решаем повседневные проблемы, а также несем общую ответственность за все человечество, будучи его частью. Общество все более приходит к пониманию, что самобытность ценна, но она только выигрывает от взаимодействия с другими культурами. Это поможет понять мир, в котором мы живем, и внести свой вклад в его развитие.

Многие считают, что глобализация на данном этапе исторического развития является предвестником «конца доисторического периода развития человечества», представляет собой долгий период «напряжения на базе культурного своеобразия, ослепляющего этноцентризма, а также одухотворенного идеализма, появившегося в рамках одной страны, общины, идеологии и т. д.»². Используя более современную терминологию, можно сказать, что наше существование в коллективе зависит от способности человека переосмыслить себя в рамках понятий «мы» и «они», а также от возможности обогащать многообразие этого коллектива³. Это необходимо для осознания возможностей и противостояния трудностям, которые становятся международными. В действительности это и есть диалог культур в условиях глобализации.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые тезисы, прозвучавшие на Международном форуме «Альянса цивилизаций», прошедшем в Дохе в декабре 2011 года. На форуме собрались 2500 участников, представляющих разные области знаний. Активно обсуждалась проблема взаимосвязи разнообразия культур и мирового развития, включая глобальные цели развития в новом тысячелетии. В итоге был сформулирован вывод, что на эту проблему обращается недостаточно

внимания, даже был употреблен термин «упущенное взаимодействие» — такое, которое никто не планирует развивать.

Главы крупных организаций признают, что многонациональные компании предлагают больше инноваций, чем монокультурные объединения. Политические лидеры подчеркивают важность обмена техническими новинками и культурными особенностями в рамках трудовой деятельности. Также указывалось на значимость проживания людей диаспорами — этот фактор не только усиливает социальные связи, но и помогает национальному развитию, а также в решении конфликтных ситуаций на Родине (хотя, по моему мнению, эта соотношение весьма сомнительно).

Однако очевидно, что создавать что-либо, основываясь на разнообразии, нужно с предельной осторожностью: необходимо подготовить общество, сформировать понимание общественного взаимодействия, преодолеть стереотипы и нетерпимость, а также охранять самобытные культурные ценности для достижения согласия и гармонии. Весьма важным представляется обращение к темам справедливости и участия, отсутствие которых является причиной многих конфликтов в мире (порой даже чаще, чем культурные и религиозные различия).

В качестве примера можно привести противостояние мусульманского и западного миров, развивавшееся в течение десяти лет после трагедии 11 сентября и сыгравшее важнейшую роль в создании «Альянса цивилизаций». Исследования Гэллага и Пью показывают, что, несмотря на положительную динамику в отношении западного общества к мусульманам, отношение мусульманских стран к Западу постоянно ухудшается. Чаще всего это связано с отсутствием уважения, по мнению мусульман, к их культуре и к ним. Многие полагают, что западный мир просто играет «роль жертвы», в то же время представляя потенциальную опасность для мусульман, что связано с восприятием их представителей через призму «исламофобии». Представители же исламской культуры говорят о том, что сначала нужно «привести в порядок свой дом».

Все участники форума отмечали, что популистские рассказы о мусульманах распространились по всему западному миру и обусловили дискриминацию и неподобающее отношение. Часто культурные разногласия дополняют уже существующие нерешенные проблемы в социальной, экономической и политической сферах, которые делают труднодостижимым толерантное сосуществование в условиях культурного разнообразия.

Так, политические изменения в странах Ближнего Востока и Северной Африки помогли бы кардинально перестроить отношения между Западом и исламским миром, если бы Европа и США не патронировали «арабскую весну» (революционная волна демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г.), не навязывали своего мнения и уважали результаты выборов. Произошли революции в Тунисе

¹ Директор секретариата «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций (США), доктор права. Работал заместителем директора политического департамента Совета Европы, директором Офиса Комиссариата по правам человека ООН, преподавал в университетах Франции и США. Был членом Правления Европейского Центра по делам меньшинств.

² Маалуф Амин. Мировой беспорядок. Bloomsbury, 2009.

³ Эрлих П., Орнстайн Р. Шаткое положение человечества. 2010.

и Египте; гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима; гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане; менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре; столкновения на границе Израиля в мае 2011 года. Это лишь один из многих примеров.

Тем не менее, как подчеркнул Жоржи Сампайю, вице-президент Португалии и специальный представитель ООН в «Альянсе цивилизаций», «общественное разнообразие не должно разделять. Культурное и религиозное разнообразие не должно провоцировать конфликты, если только они не вызваны дискриминацией, если только предубеждение и стереотипы не способствуют постоянной маргинализации».

Большое количество примеров показывает, что одной из главных целей культурного диалога является установление доверительных и толерантных отношений.

Важным моментом здесь является ответственное управление. Политические лидеры могут все изменить. Если бы они способствовали развитию диалога и гарантировали права человека, проводили бы правильную и мудрую политику, то им удалось бы разорвать этот порочный круг, что смогли сделать лидеры Индонезии и Колумбии. Создание «Глобального движения умеренных» в Малайзии может служить примером такого управления страной.

Вера и диалог между различными конфессиями также должны приниматься во внимание. В мире насчитывается около 4 млрд ортодоксальных приверженцев религии. Инициативы, предложенные религиозными лидерами, и движения в целях поддержки гуманитарной деятельности, решение ими конфликтных ситуаций также заслуживают внимания. То же относится и к движениям, созданным для пропаганды национального разнообразия, призванным стоять на страже общего блага для всех вне зависимости от религии. Обеспечение свободы вероисповедания для всех, а также отсутствие дискриминации в отношении граждан составляют важные аспекты межкультурного и межрелигиозного диалога, обуславливающего позитивные изменения. Подобного рода диалог не видит своей целью синкретизм, скорее он строится на признании общих моральных ценностей, которые основываются на представлениях различных религий (например, «золотое правило нравственности»).

Образование занимает центральное место в процессе установления доверия. Образование связано не с насаждением определенной точки зрения, а скорее с формированием определенных знаний и умений, позволяющих ценить разнообразие. В глобализованном мире стабильное развитие предполагает конструктивное взаимодействие в условиях разнообразия. Образование должно сформировать умения, которые обеспечат открытость одних культур и религий к другим, осмысление универсальных прав человека и нравственное удовлетворение общества равенством, а также понимание того, какие факторы делают человека гражданином своей страны. В этом смысле значима роль исторического образования. Туризм и обмен студентами также должны развиваться, чему может способствовать ослабление визовых требований.

На форуме «Альянса цивилизаций» было представлено много проектов, в частности проект Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, финансируемый Министерством иностранных дел Российской Федерации, цель которого — актуализация знаний и исследований ученых различных культур, для того чтобы противостоять трудностям современного глобализованного мира в XXI веке. Идея проекта заключается в формировании «научного обоснования долгосрочной стратегии непрерывного глобального развития, основанного на партнерстве цивилизаций». Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио + 20»), которая запланирована на июнь 2012 года, будет служить платформой для представления новой концепции. Кроме того, сейчас разрабатывается долгосрочная программа планирования «Революция в образовании для перехода к устойчивому будущему цивилизаций». Ожидается, что она будет представлена на V Международном форуме «Альянса цивилизаций» в Вене в феврале 2013 года.

В заключение хотелось бы упомянуть также о необходимости достижения взаимопонимания по проблеме миграции. Особенно это актуально для покидаемых и принимающих стран. Пристальное внимание следует уделять международной журналистике, так как СМИ должны с осторожностью апеллировать к культурным стереотипам.

Следующий важный шаг «Альянса цивилизаций», а также тех, кто разделяет задачи настоящих Лихачевских чтений, — «достучаться» до всех «непосвященных» — миллионов людей, для того чтобы достичь нужных результатов. Давайте подумаем о том, как мы можем это сделать.

Ю. М. Шор¹

ДИАЛОГ С РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА СТРАНЫ

При всем бесконечном многообразии определенной культуры несомненно одно: культура — это корни нации, ее истоки, ее наследие. Всякое нормальное развитие — это постоянно продолжающийся диалог с прошлым, с наследием, с традициями. Такой диалог также — основа обретения национальной идентичности, следовательно, фактор восстановления утраченного единства, прежде всего духовного, ценностно-смыслового.

Говоря о живом значении истории, Д. С. Лихачев подчеркивал, что все творения прошлого, все, в чем присутствуют труд и талант человека, входят в него, напоминают о нетленных ценностях, становятся мерилом его нравственности.

«Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, о вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране»².

Диалог с прошлым — не просто познавательный, а, безусловно, мировоззренческий феномен. «Прошлое — это память», — утверждал Августин Блаженный. Беспамятство ведет к духовному распаду общества. При этом важно понять, что прошлое — это не только то, чем можно гордиться, оно связано и с трагедиями, драматическими событиями, со всем тем, что не дает покоя, выступает источником боли и страдания. Эта истина верна как для исторической жизни целого народа, так и для каждого отдельного человека.

Российская история всегда носила драматический, глубоко противоречивый характер. Но диалог с эпохой социализма, думается, имеет для нас особый смысл. Не только потому, что это совсем недавняя история. Советский период — один из самых трагических в нашей судьбе. Между тем оценивать его всецело негативно — неверно и безнравственно. Советская цивилизация была крупнейшей исторической формой (просуществовавшей, правда, по историческим меркам недолго, но ведь и человеческая жизнь бывает короткой), сказавшей свое слово и, безусловно, оказавшей мощное влияние на судьбы мира. Эта была попытка построить общество на началах социальной справедливости, создать строй, который соответствовал бы гуманистическим идеалам человечества. И если у нас эта попытка не удалась, дав, однако, бесценный исторический опыт, то «прививка» элементов социализма западному

обществу, безусловно, оказала на него фундаментальное воздействие³.

Кроме того, реформы 1990-х годов с нашествием дикого рынка, коррумпированностью чиновничества, всеобщей криминализацией и бюрократизацией, с их презрением ко всяческой морали весьма невыгодно оттенили общество, так или иначе поставившее себе идеалом социальную справедливость. По сути дела произошло «второе пришествие» Шариковых и Смердяковых, но в еще более откровенной, циничной, уродливой форме⁴.

Особый разговор идет о том, что советская цивилизация (в условиях цензуры, то усиливавшегося, то ослаблявшегося идеологического диктата) дала великую культуру, имеющую общемировое значение. М. Горький и Л. Леонов, Б. Пильняк и А. Платонов, М. Пришвин и М. Шолохов, В. Шукшин и Ю. Бондарев, Ю. Трифонов и Д. Гранин в художественной прозе; Б. Пастернак и В. Маяковский, А. Твардовский и Б. Корнилов, О. Мандельштам и М. Цветаева, А. Вознесенский и Б. Ахмадулина, Я. Смеляков и Е. Евтушенко — в поэзии; В. Мейерхольд и А. Таиров, Н. Охлопков и Н. Акимов, Г. Товстоногов и А. Эфрос — в театральном искусстве; Д. Шостакович и С. Прокофьев, Г. Свиридов и В. Гаврилин, Д. Кабалевский и Р. Шедрин, С. Губайдулина и А. Шнитке — в музыке. Понятно, что это все только избранные имена. Вспомним еще советский балет, советскую песню. Перед нами — гигантское культурное многообразие и вместе с тем то, что может и должно составить основу нашего национального единства.

Не случайно второе рождение переживает философско-культурологическое наследие советского периода. Тут надо сказать, что пореформенное открытие русской религиозной философии первой половины XX века отодвинуло на второй план плодотворность последующего этапа развития философской, культурологической эстетической мысли. Недавно Институт философии РАН закончил издание 21 тома серии «Философия России второй половины XX века», посвященной критическому анализу наследия выдающихся российских мыслителей этого периода. Значение серии трудно переоценить. Перед нами огромное многообразие глубоких, подлинно философских и культурологических идей, достойно продолжающих традиции мировой философской мысли и не только составляющих равноправную конкуренцию философским идеям Запада, но в чем-то и превосходящих их. Все они проникнуты гуманистическим пафосом, полноценным присутствием идеи Человека и его уникальной созидательной роли в мироздании.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки теории культуры», «Культура как переживание: Гуманитарность культуры», «По следам творящего духа».

² Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 332–333.

³ См. об этом: *Запесоцкий А. С.* Исторический спор между капитализмом и социализмом как диалог культур // Диалог культур в условиях глобализации : XI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб., 2011. Т. 1 : Доклады. С. 67–68.

⁴ См. об этом: *Арсланов В. Г.* «Обыкновенный марксизм» Михаила Лифшица. Фабула жизни («Завалим ли мы эту пропасть своими телами?») // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М., 2010. С. 25–26.

Это концепция идеального Э. В. Ильенкова, истолкованного как совокупность объективно-духовных форм, выражающих качественное своеобразие человеческого бытия, вносящего в мир дух и смысл; это грандиозный культурно-исторический синтез А. Ф. Лосева с его пониманием культуры в качестве единства всех основных слоев исторического процесса, с его глубоким проникновением в сущность Античности и Возрождения; это фундаментальное истолкование природы гуманитарного сознания и сущности диалога, а вместе с ним и полифонической природы общения у М. М. Бахтина; это виртуозное исследование трагических судеб личностного сознания в драматической ситуации нашего времени с его императивом выстоять, сохранить свое достоинство у М. К. Мамардашвили. А еще знаковая теория культуры Ю. М. Лотмана, концепция «диалога культур» В. С. Библера, постижение человеческой истории как передачи «социокода» у М. К. Петрова и много другое.

Хочется отдельно сказать о выдающемся русском мыслителе, создателе оригинальной концепции истории

России Вадиме Валериановиче Кожинове (1930–2001). Его можно считать своеобразным продолжателем идеологии почвенничества, играющей важную роль в современной идейной борьбе. Он видел всю трагичность и противоречивость судеб России в XX веке, но при этом был равно далек как от огульного отрицания, так и от некритического возвеличивания советской эпохи. Он стремился прежде всего понять ее, найти причины и следствия, познать и истолковать ее во всей своей парадоксальности, его умственный взор был направлен на поиски ответа на вопрос: «Как все это было на самом деле?» Очень важно, что мыслитель отчетливо понимал и экономические, и социальные, и политические факторы исторического процесса, в случае России особо выделял феномен духовности, а в качестве причин исторических катаклизмов видел прежде всего крушение веры народа в традиционные ценности.

Все эти идеи нам надо изучить с сегодняшней точки зрения, понять, впитать сердцем и умом. Они должны сыграть свою роль в восстановлении национальной идентичности, духовного единства России.

Эвелин Эндерляйн¹

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ: СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Первые переводы русских художественных текстов появились во Франции во второй половине XVIII века. Именно в этот период в сознание французов закладывается образ, предложенный самой действительностью. Тогда количество приезжих русских было настолько значительно, что Вольтер написал сатиру под названием «Русский в Париже» (1760), а писатель и публицист Луи-Себастьян Мерсье видел в этом характерные черты парижской жизни конца XVIII века².

Правомочно, таким образом, спросить, насколько хорошо знали французы русскую литературу; какие произведения были переведены, кем и для чего? Какое влияние они оказали на формирование образа русского человека во Франции? Каким было их восприятие? Мои исследования привели меня к вопросу об отношениях между литературным переводом и другими факторами социально-исторической жизни. Эта проблема рекуррентная, относится к любой эпохе. Дистанцирование во времени позволит нам более объективно взглянуть на это явление в XIX веке.

До конца XVIII века французы думали о России как о какой-то очень далекой варварской стране³. Только

на рубеже веков можно наблюдать изменение отношения к ней. В это же время появились первые признаки культурного интереса к России⁴. Первая русская грамматика Жана Соьера на французском языке называлась «La Grammaire russe» (1724). Французская публика еще пребывала в уверенности, что Россия не имеет собственной литературы и ее язык не заслуживает изучения. В 1800 году появился сборник «Избранное лучших сочинений русской литературы, от ее возникновения до времен Екатерины II», переведенный на французский язык греком, живущим в России, М. Л. Паппадопуло и гражданином Галле. Если Паппадопуло нанял французского сотрудника, то только потому, что он знал русский язык и практически не знал французского! Но интерес французской образованной публики рос, и нетерпеливые парижские издатели, не имея книг французского происхождения, начали публиковать иностранные исследования, как, например, «Историческая и статистическая схема Российской империи» немца Генриха Шторха в 1800 году и «Российская империя при царствовании Екатерины II и в конце XVIII века» англичанина Уильяма Тука, изданная на французском языке в 1801 году в шести томах.

В период после смерти Павла I и до сражения в Аустерлице (с 1801 по 1805 г.) разворачивалась позитивная пропаганда. Французские газеты превозносили публикации, благосклонные к России (Alphonse de Beauchamp), и молчали по отношению к враждебным изданиям (Sylvain Maréchal, 1802)⁵. Из всех писателей

¹ Заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Русско-французский тематический словарь современного языка», «Женщины в советской России (1945–1975)», «От гусара к товарищу: два примера травестирования в России XVIII и XX веков», «Русский язык в постсоветском пространстве», «Амазонка на русской земле», «Размышления о первом женском всероссийском съезде 1908 г.», «Культурное значение Страсбурга для русских в XVIII веке» и др.

² Mercier L.-S. Paris pendant la révolution. P., 1962. P. 244.

³ Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité, l'image de la Russie dans la France des XVI et XVII siècles. P., 1991. (В пер. на рус.: Бесконечная жестокость, образ России во Франции XVI и XVII веков.)

⁴ Историк Levesque в 1782 г., затем Le Clerc в 1783–1784 гг. опубликовали «Историю России». (В пер. на фр.: Histoire de la Russie.)

⁵ См.: Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe 1799–1894. P., 1967. P. 55–56.

особенно выдающимся для французов, судя по переводам, являлся Карамзин.

Но вскоре начался перелом. Англия возобновила войну (Трафальгар, 1805). Александр I, обеспокоенный восточными проектами Наполеона, стал питать к нему враждебные чувства. В октябре 1805 года русская армия вошла в Вену. Тогда механизм второй коалиции снова заработал. Вынужденный отказаться, по крайней мере, на некоторое время от француско-русского соглашения, Наполеон разыграл примерно в течение двух лет карту западной мощи против России. Именно в это время “*Bulletins de la Grande Armée*” начали возрождать образ диких полчищ татар. Литературе тех лет о России не хватает объективности, так как Польша была в центре внимания и привлекала симпатии публицистов... Эффект скрытой русофобии со времен похода Суворова значительно усилился после военной кампании 1812 года и особенно после падения империи, которое она повлекла за собой.

С тех пор идеологические соперники Наполеона стали пользоваться популярностью. Безразличие или враждебность по отношению к России вскоре прекратились. Уже в 1814 году Шатобриан, который до того времени не знал о России, в брошюре “*De Buonaparte et des Bourbons*” (1814) написал о признательности аристократов Александру и восхвалял его в своих “*Mémoires d’Outre Tombe*”. В 1821 году появились сочинения Жозефа де Местра, которого в возрасте 50 лет король Сардинии назначил послом в Санкт-Петербурге, где он открыл для себя вторую родину. Запоздалая русофилия вдохновила его написать самые прекрасные страницы своих “*Soirées de Saint-Petersbourg*” («Петербургские вечера»), при этом он не оставил своих антинаполеоновских и антиреволюционных пристрастий. В том же 1821 году в печать вышла книга “*Dix années d’exil*” («Десять лет в ссылке») мадам де Сталь, которая также была очень положительно настроена по отношению к русскому народу, с которым она познакомилась во время своей поездки по России, не зная русского языка.

В годы Реставрации в начале 1821 года в журнале “*Revue encyclopédique*” впервые встретилось имя Александра Пушкина с одобрительным суждением о поэме «Руслан и Людмила». Эта публикация появилась благодаря Кюхельбекеру, другу поэта, который находился в то время в Париже в целях проведения конференций о русской литературе в Королевском атенее. В 1825 году в Париже было опубликовано 86 басен Крылова, они появились в оригинальном тексте с одновременным переводом на французский и итальянский языки благодаря графу Орлову, одному из русских поселенцев во Франции¹. Отметим также появление в 1834 году научной книги: аннотированного перевода «Хроники Нестора» в двух томах, сделанного Луи Пари, который был изгнан из России за свои либеральные идеи². Все же нужно признать ограниченность этих попыток.

¹ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / под ред. В. С. Нечаевой. М., 1963 (26 июня 1826 г.).

² Книга считалась авторитетным источником до перевода и толкований первого французского слависта Луи Леже (1884).

А в начале 1837 года известие о смерти Пушкина резко перевело внимание на литературную Россию. Одновременно в последние годы царствования Луи Филиппа на парижских бульварах появилась другая категория русских, которых французы до сих пор игнорировали: приехали революционеры, сбежавшие от преследований Николая I. Бакунин, Лавров и Сазонов, друг Герцена, остановились во французской столице, где встретили Луи Блана и Прудона. Герцен вскоре присоединился к ним. За ними последовали Плеханов, Кропоткин и др. С этого времени появилась русская эмиграция, близкая к французским противникам России, от которых она получала неожиданную поддержку. Русский вопрос стал поводом для многочисленных дебатов в прессе и книготорговле. Благодаря переводам Прюспера Мериме, который познакомил французского читателя с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и сумел оценить художественное качество им самим переведенных авторов, литературная Россия стала предметом более обширного внимания, чем во времена Наполеона и Реставрации.

В течение периода господства Второй империи из всех русских писателей во Франции на первом месте стоял Тургенев. “*La Revue des deux mondes*” («Журнал двух миров») не переставал печатать переводы его рассказов («Фауст», «Аннушка», «Дневник лишнего человека», «Три встречи»); но с 1861 года эти публикации прекратились, поскольку в назревающем конфликте журнал склонялся к Польше. Все происходило так, как будто Тургенев был единственным значительным русским писателем! Французские читатели, не оценившие по достоинству Гоголя, также не признавали еще Толстого, «Севастопольские рассказы» которого, опубликованные в 1854 и 1855 годах, прошли незамеченными. То же самое произошло с «Записками из Мертвого дома» (1862) Достоевского, оставшимися непереуведенными долгое время. Оба исполина русского романа будут открыты только после 1870 года. Именно 1870-е знаменуют разлом во французском сознании. После унижительно-поражения французов от пруссов Россия представляла как держава, которая могла помочь Франции³. Наконец в 1886 году пришло окончательное признание: знаменитый сборник “*Le roman russe*” виконта Мельхиора де Вогье, дипломата и литературного критика, открыл Франции Гоголя, Достоевского и Толстого, что повлекло за собой значительный наплыв русских романов и серьезных научных трудов (Anatole Leroy-Beaulieu и Louis Léger) во Франции конца XIX века⁴.

В заключение хочется подчеркнуть, что не только художественные критерии обуславливают количество переводов и их восприятие. Мы выявили целый комплекс факторов, которые порождают метаязык, служащий основой исторического диалога культур.

³ См.: Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. P., 1967.

⁴ Backès J. L. Le roman russe et l’esthétique du roman // Eugène-Melchior de Vogüé: le héraut du roman russe, sous la direction de M. Cadot. Paris, 1989. P. 29–36; Eugène-Melchior de Vogüé, Le Roman russe / éd. J.-L. Backès ; classiques Garnier. P., 2010. P. 57–70.

А. В. Яковенко¹

КУЛЬТУРА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Нынешняя комплексная трансформация мира была запущена окончанием холодной войны, но подготовлена процессами, которые развивались с 1960-х годов и на Востоке, и на Западе. Наше время — время больших вопросов. Если мы ими не зададимся, то не поймем, что происходит в мире и международных отношениях.

Культура — первооснова национального бытия, скрытая пружина исторического процесса. Для меня убедителен культурологический метод О. Шпенглера в его «Закате Европы». Опыт правления администрации Дж. Буша заставил даже Зб. Бжезинского апеллировать к его выводам и поставить вопрос о необходимости выработки международным сообществом общего видения современной эпохи. О справедливости того, что история — это реализация конкретного культурного типа, мироощущения, говорит и известная русская поговорка: посеешь характер — пожнешь судьбу. Соответственно, осмысление внутреннего состояния России, международного положения и внешней политики надо начинать с культуры.

Прежде всего, глубоко убежден, что у России столь же великое будущее, сколь и история, которую (сошлюсь на мнение А. С. Пушкина в его письме П. Я. Чадаеву) «нам дал Бог». Наверное, она не могла быть иной, так как нет в истории ничего случайного. История сама выбирает «своих героев» и пути реализации замысла, заложенного в гене национального характера.

Французская революция, которая продолжила дело, начатое реформами Кольбера, дала выход энергии, копившейся во французском обществе со второй половины правления Людовика XIV. Сходная энергия копилась и в российском обществе, во многом «дремавшем» большую часть XVII века.

В ответ на вызов петровской модернизации Россия, как сказал Герцен, ответила гением А. С. Пушкина и всей русской культурой XIX века, в особенности литературой. Во внешнеполитическом плане Россия вернула свой долг Европе той решающей ролью, которую сыграла в поражении Наполеона. Это позволило всем народам Европы самостоятельно и органично развиваться.

Нам есть чем гордиться в национальном характере, как об этом недавно напомнил Президент РФ Д. А. Медведев. В числе прочего это широкий взгляд на

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Альянс цивилизаций и мировая политика», «Международное космическое право», ряда статей по международному праву и внешней политике. Действительный член РАЕН, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (ISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж).

вещи. Кто-то называет это холистико-диалектическим, дедуктивным методом, способностью к глобальному, целостному анализу проблем. Возможно, что эта широта нашей природы в равной мере объясняет отрицательное и положительное в нашем историческом бытии. Объясняет, в числе прочего, культурную глубину, когда многого не видно «на поверхности». Сюда я бы отнес внутреннюю свободу, которой жили многие в советское время и без которой не существовало бы современной России.

Феномен великой русской литературы — это тоже вопрос о нашей роли в истории. Высказывается мнение, что всемирными по праву могут считаться лишь английская и русская литературы, хотя это и звучит несправедливо по отношению к М. Сервантесу и М. Прусту, да и ко многим другим.

Трудно приуменьшить значение явлений культуры как емких, внушенных вдохновением характеристик состояния общества. С российской литературой XIX века все понятно. Одним Н. В. Гоголем все сказано. Но если взять западную культуру, в частности американскую, то трудно не заметить произведений-пророчеств, авторы которых предвидели итог процессов, выявив их суть на начальном этапе. Это и «Тихий американец» Г. Грина, и «Доктор Стрейнджлав» С. Кубрика, и повесть «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера. Особо отмечу рассказ С. Моэма «На задворках империи», который убедительно иллюстрирует издержки эгалитаризма как элемента социальной инженерии. Из него можно заключить, что Британскую империю спасало деликатное отношение к традиционному обществу в колониях в духе просвещенного аристократизма: все люди разные и имеют право быть таковыми.

О. Шпенглер неслучайно усматривает истоки проблемы западной цивилизации в ее культурном упадке. В этом плане для него рубеж — искусство барокко и европейская музыка XVIII века, то есть культура того времени, когда она еще черпала вдохновение в христианстве. Эту тоску по искусству XVIII века испытывал И. С. Тургенев.

Ведущий литературный критик русского зарубежья Георгий Адамович писал в своем сборнике «Одиночество и свобода»: «То, что нехотя, хмуро, угрюмо Запад постепенно выпускает из рук, Россия должна бы когда-нибудь вернуть в преображенном виде, умудренная всем своим опытом, научившаяся многому такому, чего он и вообще никогда не знал».

Русская литература как бы подхватила эстафету у европейской, и в этом ее всемирно-историческое значение. Приведу слова Николая Бердяева, который писал: «Достоевский и есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном суде народов».

В своей Пушкинской речи Ф. М. Достоевский пришел к мысли о «всемирной отзывчивости России», ее «всечеловеческом» призвании. Основываясь во многом

на «Маленьких трагедиях» — этом мини-Шекспире, он усмотрел надежду на восстановление единства европейской цивилизации, отнюдь не противопоставляя Россию Европе. Наоборот, Россия должна помочь «разрешить европейские противоречия уже окончательно».

Как еще объяснить исключительную чуткость русской литературы к состоянию не только своего общества, но и европейского общества в целом? Ее предчувствие не только нашей революционной катастрофы, но и катастрофы Европы, каковой стала Первая мировая война, подведшая черту под беззаботной Belle époque и первым этапом глобализации? Россия вместе со всеми вступила в «сумеречный» этап развития Европы. Причем межвоенный период — в силу несостоятельности всей европейской политики и неспособности европейской мысли дать ответы на вызовы времени — можно считать начальным этапом холодной войны с ее «санитарными кордонами», выборочными (по классовому признаку) гарантиями безопасности.

Эта чуткость к судьбам Европы нашла отражение и в развитии русской политической и философской мысли после катастрофы 1917 года. Думаю, без этого интеллектуального вклада было бы трудно понять происходящее сейчас, когда завершается довольно целостный исторический цикл, началом которого послужила Первая мировая война. Его смысл хорошо передают следующие строки Анны Ахматовой из ее «Поэмы без героя»:

*Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.*

Они были написаны в августе 1941 года, но начало схождения Европы «под темные своды», конечно, связано с Первой мировой. В частности, интерес представляют теории и суждения таких выдающихся умов самой разной, в том числе консервативной, идейной ориентации, как Василий Розанов, Константин Леонтьев и Питирим Сорокин, причем предсказания последнего, которые оправдываются в наши дни, были сформулированы уже в 1960-х годах.

В. Розанов в своем «Апокалипсисе нашего времени» (1918) писал: «глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства...» К. Леонтьев считал, что европейское общество после Французской революции вступило в этап «вторичного упрощения», который неизбежно завершится катастрофой. Эта идея во многом созвучна аристократической критике демократии А. Токвиля. По крайней мере, ее трудно сбросить со счетов, если проанализировать нынешнее состояние европейского общества и европейской демократии, а также политических элит, допустивших нынешний кризис.

Будучи основателем современной социологии, П. Сорокин считал, что миссия человека на Земле не ограничивается потребительством. На его взгляд, Евро-

па и Запад в целом приближаются к распаду «чувственного» социокультурного уклада. Именно на этой основе он предсказал крах коммунизма в Советском Союзе — поскольку тот вступил на такой же путь развития, как и Запад. Можно по-разному относиться к этим идеям, но точность содержащихся в них предсказаний, наверное, говорит о том, что что-то в ныне происходящем они объясняют. Тем более что иных внятных объяснений пока никто не дает.

Мыслить категориями особого, неевропейского пути России значило бы отказываться от нашей собственной истории, которая представляла собой сложный процесс взаимовлияния между Россией и европейским Западом. По общему признанию, творчество А. С. Пушкина было не только самобытным и выразившим народный дух — он в большой мере находился под влиянием европейской культуры.

Очевидно, что русская культурная матрица совместима с ценностями европейской цивилизации, если не отрывать ее от христианских корней. Всегда, когда того требовали исключительные обстоятельства, в эпохи реформ и суровых испытаний, российское общество выдвигало людей самого разного звания, которые реализовывали ценности развития, обновления и индивидуальной ответственности. При этом они брали на себя ответственность за судьбы страны. Так было при Петре I и Екатерине II, в борьбе с Наполеоном и Гитлером, в Первую мировую войну, когда руководство Генштаба сделало все, чтобы не дать сорвать объявленную мобилизацию и начать боевые действия в Восточной Пруссии, тем самым сорвав «план Шлиффена». И в тепле с ее научно-технологическими прорывами, рывком к свободе творчества и общественной жизни.

Думаю, никто не возьмется утверждать, что все наши достижения в истории не опирались на национальную культурную традицию, что нечто иное лежало в основе возрождения страны. Кем бы мы были сейчас, если бы не имели доступа к русской классической литературе? Но в той мере, в которой мы отличались от западноевропейцев в культурном отношении, мы оказались способны противостоять нашествию Наполеона и гитлеровской агрессии. Приведу цитату из Федора Ивановича Тютчева, который был не только поэтом и философом, но и дипломатом. В своем неоконченном трактате «Россия и Запад» он писал: «Русский народ является христианским благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которые составляют как бы основу его нравственной природы».

* * *

Есть ценности и ценности. Невозможно рассматривать современную цивилизацию в отрыве от ценностей традиционного общества, которые, казалось бы, она должна была разрушить. Мы убеждены, что нужен общий ценностный знаменатель для современного мира, потому выступаем в ООН, в том числе в Совете по правам человека, за углубление понимания таких традиционных ценностей, как достоинство, свобода и ответственность, которые разделяются всем человечеством. Об этом сейчас все чаще говорят и в Великобритании.

Давайте задумаемся над тем, что ни Реформация, ни Революция, ни Просвещение, ни материализм, ни социализм не убергли Европу от катастроф, прежде всего трагедий XX века, которые Россия была обречена разделить с Западом. С либеральным капитализмом произошло то, что буквально отвечает законам физики: пресловутая «протестантская этика» износилась до дыр, и рухнуло все здание, фундаментом которого она служила.

Еще Ф. И. Тютчев писал, что «Реформация с водой выплеснула и “ребенка” — само христианское учение». Отсюда лежал прямой путь к Революции, которая, когда «берется созидать, всякий раз неизбежно впадает в утопию». Таким образом, получается, что своим революционным опытом Россия приобщилась и к протестантскому наследию Западной Европы.

Повсюду в мире усиливается роль религии. Почему? Одна из причин, как указывают многие авторы, — освобождение церкви и других религиозных институтов от контроля властей, что позволяет им вырабатывать собственную «политическую теологию». Это в полной мере отражает и российскую реальность, объясняя укрепление роли РПЦ и других основных конфессий в общественной жизни страны. Бывшая госсекретарь США М. Олбрайт посвятила этой теме одну из своих книг, сквозной тезис которой — о том, что Западу необходимо «обратиться к столь же глубоким вопросам», к которым обращаются другие культуры и цивилизации, имея в виду такие «трансцендентные вопросы», как «история, самобытность и вера», притом что «каждая религия указывает путь к покаянию и общей позиции». Нам это понятно, но было бы хорошо, если бы это понимали другие: без покаяния не может быть спасения. Так же как без катарсиса, коррекции не может быть возобновления роста в экономике.

Идеологическое противостояние времен холодной войны можно рассматривать как способ поддержания доминирования европейской цивилизации в мировых делах в соответствии с требованиями того исторического периода. Более того, между двумя лагерями, взявшими на вооружение различные ветви европейской политической мысли, всегда существовал общий мироощущенческий знаменатель, как его определил П. Сорокин.

* * *

Модернизация возможна на основе традиционной высокой культуры, и никак иначе. Более того, она только укрепит данную основу, как это видно из нашей истории последних трех столетий. Но опять же, модернизация модернизации рознь. Для России это не вестернизация. Мы заимствуем часть общего наследия европейской цивилизации — ту часть, которая отсеяна временем не без нашего участия и исторического опыта. Более того, сейчас Запад сам переживает трансформационный момент, акцентирующий устойчивость именно европейской модели развития. Предшествующие модернизации приближали нас к Европе, но и сама Европа менялась.

Раз уж я упомянул Дж. Сэлинджера, то стоит сказать о воздействии на его творчество дзен-буддизма —

не потому ли оно столь пронзительно и исполнено предощущений, близких к пророческим? Как бы то ни было, речь идет о заимствовании Западом позитивных элементов восточной культуры. Это также говорит в пользу того, что в современном мире, уставшем от идеологий и их борьбы, необходимы конвергенция, синтез и сплав. А это, в свою очередь, невозможно без ухода от узких идеологизированных категорий и выхода на иной, давно утерянный уровень обобщения и осмысления действительности.

На глубинное единство европейской цивилизации указывают элементы конвергенции, которые регулярно наблюдались в истории XX века. Это и реформы Ф. Д. Рузвельта, и весь межвоенный период, и союзнические отношения в ходе Второй мировой войны, и разрядка, и наконец нынешний период, когда Россия безоговорочно приняла фундаментальные ценности рыночной экономики и широкопредставительной демократии. Многие усмотрят проявление национализма и славянофильства в мысли Ф. И. Тютчева о том, что Россия «самим фактом своего существования отрицает будущее Запада», но это было бы несправедливо по отношению к такой личности, философскую глубину которой высоко ценили Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Общим для него и славянофилов была как раз борьба против цензуры. Если возвратиться к его мысли, то он имел в виду как раз раскол Европы и наличие в ней Восточной Европы — «законной сестры христианского Запада».

Можно много говорить о состоянии современного российского общества. Хотел бы обратить внимание на следующую констатацию в статье Маши Липман из Московского центра Карнеги в газете “Moscow Times”: «Русские сегодня пользуются фактически безграничными индивидуальными свободами. Люди с энтузиазмом занимаются своими частными делами, не особенно обращая внимание на сферу политики». Не будем забывать, что мы смогли свободно вздохнуть во всех отношениях только к середине нулевых годов этого века. Напомню о том, что Франции потребовалось два поражения в войнах со всей Европой и Пруссией, чтобы прийти к более или менее демократической форме правления. А Европе для подлинно широкопредставительной демократии понадобились две мировые войны. Глубоко убежден, что людям требуется некоторое время, чтобы назаниматься личными делами. То же, впрочем, можно сказать и о государствах, и тут Россия не на плохом счету. Если бы и наши партнеры ставили перед собой такую задачу, то не было бы и нынешнего глобального кризиса, от которого страдают все.

Как отмечал Президент РФ Д. А. Медведев на торжествах в Санкт-Петербурге 3 марта 2011 года, модернизация и прогресс всегда направлены на расширение пространства свободы в обществе и в международных отношениях. С остальными странами Евroatлантики нас объединяет и кризис демократии. Почему бы не поискать способы вдохнуть в нее новую жизнь, в том числе на путях прямого участия граждан в управлении страной, как это происходит сейчас во Франции и России, заимствующих американскую практику праймериз?

Нам не обойтись без того, чтобы сообща осмыслить опыт XX века во всей совокупности его трагедий и причинно-следственных связей, начиная с катастрофы Первой мировой войны. Трудно не согласиться с теми, кто считает, что без коллапса прежней западной цивилизации и кризиса западного общества не выплыли бы на поверхность в большой политике деятели типа Гитлера и Сталина. Тогда будут оправданы все наши общие и раздельные жертвы, включая человеческую цену промышленной революции, но более всего — то, через что мы все прошли в XX веке. Это стало бы важнейшим элементом кристаллизации общего духовного наследия Европы.

* * *

Если европейская цивилизация нуждается в новом реформировании, слава Богу, в условиях куда менее катастрофичных, но по-своему беспрецедентных, то требуется интеллектуальная и политическая открытость, отсутствие которой со стороны наших партнеров лежит в основе всех недоразумений и проблем евроатлантической политики последних двух десятилетий.

Действительно, почему бы не взять за ориентир неоклассический синтез идей 1960-х годов? Этот период был не только плодотворным в идейно-интеллектуальном отношении. Как мне кажется, он был рубежным в развитии Европы и мира, США и Советского Союза. Урегулирование Карибского кризиса внесло ясность в реалии стратегической стабильности. Все последующее развитие в русле милитаризации экономики, внешней политики и международных отношений было инерционным и неплодотворным. По большому счету, это была потеря времени, хотя и этот опыт не пропал даром. Без опыта Карибского кризиса не было бы «мирной речи» Дж. Кеннеди в 1963 году. К сожалению, и в Вашингтоне, и в Москве возобладали силы ортодоксии, которые убрали со сцены Дж. Кеннеди и Н. Хрущева. Именно в том периоде инерционной политики коренятся советский застой и нынешний кризис либерального капитализма.

Когда мы говорим о горчаковском сосредоточении России, то имеем в виду полное подчинение внешней политики задачам комплексной модернизации страны. Так было в период великих реформ Александра II. Так же формулируется фундаментальная цель российской дипломатии Президентом Д. А. Медведевым. Вот почему важно многовекторное позиционирование России, которое столь же прагматично и отвечает тенденциям современного мирового развития, сколь и продиктовано нашим «всечеловеческим» (panhuman) мироощущением и нашей культурой. Поэтому присутствие России в «восьмерке», в «группе двадцати» и в БРИКС естественно и необходимо.

В современных условиях не может быть речи о какой бы то ни было полной или даже частичной изоляции или самоизоляции любой страны. Этого нет в природе, и этого нет в нашей внешнеполитической философии, которая провозглашает открытость внешнему миру и для международного сотрудничества, готовность к прагматическому и равноправному взаимодействию со всеми без исключения государствами.

Сейчас, когда Европа в связи с ситуацией в Северной Африке и на Ближнем Востоке с энтузиазмом занимается тем, что после 1918 года не является ее амплуа, ее «чашкой чая», как говорят англичане, приходится только сожалеть об этом. Поддерживая миф о своем силовом потенциале, Европе приходится жертвовать куда более важным и существенным на нынешнем историческом этапе — моральным авторитетом, потенциалом «мягкой силы». Ко всем относится предупреждение Лесли Гелба о том, что в наше время «экономика — а не военная сила — в центре геополитики».

Одна из проблем наших отношений с Западом — то, что стратегическое мышление партнеров фактически берет за точку отсчета 1945 год, то есть ограничено узкими историческими рамками холодной войны, которая, убежден, была искривлением пространства и времени в истории и теперь искусственно сужает интеллектуальный горизонт современного международного дискурса. И здесь тоже только сообща, преодолев инстинкты и интеллектуальную инерцию того периода, мы можем воссоздать способность европейской цивилизации проводить «большую стратегию» в мировых делах.

По-настоящему Большая Европа сможет вносить куда более эффективный вклад в решение глобальных проблем и урегулирование региональных конфликтов, в частности арабо-израильского, где посредничающий «квартет» как раз и представляет такую Европу в составе США, Евросоюза и России. Поэтому главный вопрос, он же и главный культурный вопрос нашей внешней политики, сводится к выяснению отношений между различными частями исторической Европы и прежде всего — между Западом и Россией. Уверен, что разрешение этого многовекового спора за общее наследие Европы определит будущее европейской цивилизации в глобализирующемся мире.

Важно сознавать не только свои проблемы, но и проблемы партнеров, дабы видеть то общее, что может составить позитивную, объединительную повестку дня в европейской и глобальной политике. Не менее важно и то, что в условиях быстро меняющегося мира бессмысленно цепляться за статус-кво. Вопрос в другом — как трансформировать систему глобального управления, чтобы она отвечала новым реалиям, включая многополярность.

Восстановление политического единства европейской цивилизации должно помочь обеспечить ее конкурентоспособность и в конечном счете выживаемость в современном мире. Можно понять состояние растерянности на Западе. Ничто не угрожает западному образу жизни, кроме собственных ограничителей, как их вскрыл глобальный кризис. Надо привыкать к тому, что системы ценностей и модели развития становятся предметом конкуренции. Об этом пишет Фрэнсис Фукуяма, в частности, в своей статье в журнале “Foreign Affairs”, отмечая, что новые быстро развивающиеся экономики заявляют о себе не только в сфере экономики, но и на интеллектуальном уровне. Наверно, прав Эрик Райнерт, утверждая, что требуется новая политика девелопментализма. Как отмечал Президент Д. А. Медведев, государство — не цель развития, а его инструмент.

В корне ошибочен, да и противоречит современному контексту тезис о присоединении России к Западу, как если бы Россия вступала в колхоз, оставляя за воротами свою историю и культуру. Если трезво посмотреть на то, в каком состоянии находится Запад, то очевидно, что речь должна идти о встречном движении. Подходящим инструментом является и идея модернизационных партнерств, поскольку они призваны приводить нас к общему состоянию не только на уровне экономических интересов, но и институтов, и всякого рода норм. Напомню, что в сентябре 2011 года на встрече в Москве Президент России Д. А. Медведев и Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон подписали Декларацию о партнерстве на основе знаний для модернизации.

Поэтому мы выдвигаем такие инициативы, как заключение Договора о европейской безопасности и создание совместной ЕвроПРО, которые призваны разрядить ситуацию в европейских делах, устранить препятствия, по большей части относящиеся к прошлому, для

совместных действий в интересах обеспечения общего будущего. Как и Гаагские мирные конференции 100 лет назад, эти идеи говорят столь же о нашей внешней политике, ее позитивной заряженности, сколь и о культуре, которая за ними стоит.

Культура не раз спасала нас и сделала такими, какими мы сегодня. Разумеется, модернизация будет вести к некому усреднению русской души, к сокращению разрыва между Обломовым и Штольцем. Но это не значит, что мы должны отказаться от своей идентичности. Ключевым фактором будут инвестиции в человека и физическую инфраструктуру. В этом случае, как допускает в своем прогнозе британская «ПрайсуотерхаусКуперс», к 2050 году Россия может оказаться шестой по размерам экономикой мира. Обольщаться не следует, но надо сознавать, что таким потенциалом Россия обладала всегда, доказав это в лучшие годы Советского Союза и в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне. Убежден, что именно такая Россия — находящаяся на подъеме — нужна Европе и миру.

Секция 1

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

18 мая 2012 г.
гостиница «Рэдисон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор
Цзин Цзе ЛИ	президент Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы, член Национального политического консультативного комитета КНР, академик Китайской академии общественных наук
Э. В. МИТРОФАНОВА	председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО в Париже, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук

О. Н. Астафьева¹

ВРЕМЯ АНТИМАНИФЕСТА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА ИЛИ КОНКУРЕНЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ?

Новым испытанием для национально-культурной идентичности разных стран стал призыв западноевропейских лидеров вернуться к обсуждению идеи мультикультурализма. Сегодня ими пронизан мировой политический и массмедийный дискурс. В то время как одни осуждают их и призывают предать мультикультурализм полному забвению по причине негативного опыта его внедрения и несоответствия современной ситуации, другие призывают глубже разобраться в сути постулируемых мультикультурализмом теоретических конструкций, проанализировать уже сложившиеся в разных странах практики сосуществования людей в рамках единой территории — носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей.

Импульс политическим дебатам о европейской коллективной идентичности, которая базировалась на принципах культурного плюрализма и сохранения этнокультурной самобытности в условиях единого культурного пространства², придали глобализацион-

ные процессы и сопровождающие их социальные конфликты. На наш взгляд, они подтвердили то, что, казалось бы, было очевидным: мультикультурализм не может иметь одностороннюю трактовку только с позиции права на культурные ценности и традиции, на этнокультурную самобытность, поскольку нереализуем *вне признания ответственности* за включенность в многокультурную среду, за соблюдение норм и правил социального поведения. Более того, напряжение заложено в самом процессе идентификации, определяемом М. Мерло-Понти как процесс самоосознания себя и своего места в социуме и одновременно как осознание синхронности жизни одного человека с жизнью другого представителя этого же социума, все большего расхождения между обыденным миром и ценностными суждениями людей других групп (или страт). В результате социальное пространство начинает поляризоваться, усиливая сплоченность каждой из групп³, которые либо вступят в позитивное взаимодействие, либо перейдут в открытое противостояние.

Обратимся к европейским событиям последнего десятилетия, когда второе и третье поколения жителей европейских стран (бывших мигрантов, выходцев из других стран), отстраненные (или самоустраивающиеся) от процессов формирования национально-культурной идентичности (в том числе ее гражданской составляющей), вступили в фазу маргинализации, социальных деформаций и нестабильности. Ее характеристикой стало разрушение этнокультурных кодов, изменение стиля и образа жизни, что произошло значительно быстрее, чем можно было бы предположить. При анализе картины кризиса коллективной идентичности в разных странах

¹ Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы» и др. Главный редактор электронного научного издания «Культурологический журнал / "Journal of Cultural Research"», заместитель главного редактора журнала «Личность. Культура. Общество», председатель Московского филиала научно-образовательного культурологического общества, член Союза композиторов России, Российского философского общества.

² См.: Culture: Building Stone for Europe 2002: Reflections and Perspectives / ed. L. Bekemans. Brussels, 2002.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. П. Фокина. СПб., 1999. С. 561.

напрашивается вывод: становление идентификационных матриц как стихийный процесс самоопределения, оставленный без внимания общества и государства, пошел не по тем ценностным руслам, которые предположительно выстраивались в целевой перспективе культурных политик разных европейских стран.

В результате прошедшие события повлияли на репутацию культуры в провозглашаемой стратегии устойчивого развития, где культура рассматривалась как один из основных ресурсов. В итоге на основании не всегда научно и профессионально обоснованных политических суждений концепция мультикультурализма подверглась критике. Заметим, что это вполне оправданно по отношению к ее негативным сценариям внедрения, но не всегда обоснованно по отношению к позитивным практикам ее реализации в канадской модели, позволяющей поддерживать культурное разнообразие на протяжении длительного времени.

Зададимся естественными для обсуждения этой дискуссионной проблемы вопросами: «Так, может быть, дело не только в принципах, развиваемых в той или иной концепции?», «Всегда ли результат сосуществования, заложенный в теоретической модели, будет однозначно позитивным в реальности?», «На каких принципах осуществляется взаимодействие людей в *неинтегрированном* обществе, если оно выражается в разных формах — открытой конкуренции и столкновения, “скрытого” противостояния в рамках одного государства, компромисса и поиска баланса сил и интересов групп и сообществ?»

На наш взгляд, ответы на все эти вопросы должны содержаться в концепциях культурной политики государства, инструментами которой возможна корректировка стратегий разных социальных групп в обществе. Самое сложное в этом процессе — договориться о «правилах игры» или общих принципах, которые принимались бы обществом, несмотря на наличие частных противоречий и подходов.

По нашему мнению, *жизненность любой концепции*, закладываемой в стратегию культурной политики и включенной в социальную практику, коренится в возможности ее адаптации к изменяющимся условиям. Вариативность и многообразие коммуникативных практик и моделей социального взаимодействия людей как носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей отражают *сложность реализации концепции мультикультурализма* в настоящее время, которая не может не учитываться в стратегии культурной политики, нацеленной на конструирование коллективной идентичности.

В разные исторические периоды в качестве альтернативных идей, лежащих в основе того или иного типа мультикультурализма («мультикультурализм бунтика», «неолиберальный», «критический», «повстанческий», «полицентричный» мультикультурализм, «мультикультурализм страха» и др.), предлагались идеи «вращения» и эксплуатации экзотических культур; нивелирования индивидуальных критериев свободы культурного разнообразия и коммерциализации системы взаимодействия между культурами; признания культурных различий с целью недопущения насилия в сфере духовной

репрезентации; субстанционализации политической подоплеки культурных проявлений общественного характера. В ряде моделей мультикультурализма развитие получили положения о связи культурного разнообразия с историей колонизации мира, о возможности уменьшения или смягчения угроз межэтнических войн, внутриобщинного насилия и/или государственного насилия по отношению к тем людям и сообществам, культурным меньшинствам, которые пытаются изменить или отречься от своей прежней культурной идентичности. В последние десятилетия распространились идеи приоритета личной свободы культурного самоопределения над общественным при одновременном провозглашении свободы этнокультурной группы, где субъектная представленность размывается; эти идеи характеризуются как «либеральный» мультикультурализм¹.

Так какой же тип мультикультурализма распространен в европейских странах и был оценен как негативно воздействующий на социокультурную стабильность?

Существует модель «коммунитаристского» мультикультурализма в ее канадском варианте, где приоритет общества над индивидом, предпочтения при решении вопроса о культурном многообразии строятся исходя из приоритетов общества². Но и эта «базовая схема», закрепленная в канадской модели мультикультурализма, ежегодно дополняется и уточняется. В открытых для всего общества официальных отчетах правительства о практической реализации Акта о мультикультурализме (1971) уже на протяжении многих десятилетий властная элита (чиновники, ученые и эксперты) оценивает достигнутый в канадском обществе уровень толерантности и взаимопонимания, адекватность используемых мер и ресурсов для поддержания этнокультурной самобытности как иммигрантов, так и коренных народов, для сохранения всего спектра культурного разнообразия. Обсуждаются также существующие гарантии защиты индивидуальных прав иммигрантов и коллективных прав этнокультурных общин и объединений, выявляются новые проблемы и направления деятельности, такие как предотвращение расизма и разных форм неравенства. Тем самым формируются основания для коллективной идентичности.

Распространение концепции мультикультурализма и ее значение в связи с развитием глобализации повышаются, поскольку мультикультурализм сегодня выступает одним из факторов, влияющих на потенциал межкультурного диалога в условиях территориальной мобильности, наряду с признанием культурного разнообразия, необходимостью воспитания толерантности в обществе, формированием коллективной (гражданской) идентичности, развитием демократии и гражданского общества. Идеи мультикультурализма коррелируют модели культурной политики в условиях глобализации, доминантами которых становятся информационно-коммуникативная природа социального взаимодействия и творческий потенциал культуры поведения. Однако общественное сознание продолжает тревожить вопрос о реальных перспективах сохранения мирного сосуществования в едином пространстве

¹ См.: Токтосунова А. И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. Бишкек, 2007. С. 79.

² См.: Там же.

людей, разделяющих разные культурные и религиозные ценности.

Является ли парадигма мультикультурализма, возникающая в условиях интенсификации миграционных процессов, только благим намерением высококультурных сообществ экспертов, ученых и политиков снять конфликтное напряжение в обществе?

Насколько она подкреплена законодательно? Обеспечиваются ли права человека и гражданина независимо от его этнокультурной и религиозной принадлежности в полном объеме, соответствующем современному цивилизационному уровню?

Построение многофакторных культурологических моделей, включающих адаптационные, идентификационные, коммуникативные составляющие, связано с решением масштабных задач, обусловленных интенсификацией миграционных потоков, концентрацией факторов социального напряжения в странах, принимающих базовые принципы свободного саморазвития культур в едином территориальном пространстве.

В России процессы демократизации, с одной стороны, способствуют укреплению культурного плюрализма (рост разнообразия и множественности форм проявления культуры, признание многовариантности социокультурного развития и т. д.), но с другой стороны, обнажают существующие расхождения между декларациями равенства культур и возможностью признания ценностей одной культуры равными ценностям другой культуры. Все чаще при обсуждении проблемы

культурного разнообразия доминантой становится выявление *границ конвенционализма и универсализма* как объяснительных моделей взаимодействия в условиях глобализации, что актуализирует проблему «злоупотребления культурой», связанную с оборотной стороной культурной толерантности в условиях социального неравенства¹. А на передний план обсуждения выносит проблему совершенствования практик внедрения мультикультурализма, поскольку и в теоретическом, и в массмедийном поле имеют место искажения его принципов. На наш взгляд, признание многообразия культур сохраняет свой статус важнейшего условия существования людей в мире, а наделение этого принципа нравственными коннотациями может усилить гуманистическую составляющую культурологического дискурса публичной политики.

Таким образом, распространение мультикультурального подхода привело как к позитивным, так и к негативным результатам. Переосмысление мультикультурализма связано с отказом от пустого декларирования устаревших положений в разработке реальных механизмов у правительств поликультурных государств для предоставления каждому человеку *шанса преодолеть социальное и культурное неравенство, получить равные права для творческого саморазвития и самореализации*. Если возможности социальной защиты и материальной поддержки, доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам отсутствуют, то достижение позитивных результатов проблематично.

Н. Г. Багдасарьян²

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СЦЕНАРИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВАРИАНТЫ И ИНВАРИАНТЫ

Принцип исключительной политической и культурной принадлежности отдельного человека к одному государству постепенно теряет актуальность. Возникла необходимость создания новой модели — модели «мирового» гражданства — люди должны наделяться правами независимо от их национальной принадлежности. Такую модель принято называть мультикультурной,

¹ См.: Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, 2002. P. 279–291, 324–325.

² Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 160 публикаций, в т. ч. монографий «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Культурология техники и инженерной деятельности: возможности и границы» (в соавт.), а также работ «Динамика профессиональных ориентаций студенческой молодежи», «Ценность образования в модернизирующемся обществе», «Сетевая коммуникация: узел отношений и цена проблем», «Концепт культуры в компетенциях инженеров», «Инженерно-техническое образование как гарантия социального прогресса», «Космос и логос любви в системе культуры», «Культурология в системах образования: познавательная значимость и методологический потенциал», «Культура как среда выживания: эффект бабочки и «окно принятия решений»», «Социально-гуманитарный научный дискурс в информационном ландшафте культуры», «Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

то есть не ограниченной рамками какой-либо одной этнической общности. Мультикультурность означает защиту культурных особенностей разных этнических общностей от интеграционного процесса.

Но здесь возникают серьезные противоречия. Причем граница разногласий проходит не только между иммигрантами и принимающим сообществом, но часто и внутри диаспоры. Так, следствием установок мультикультурализма является широко распространенная практика насильственной выдачи замуж юных девушек-мусульманок, проживающих в Британии, которая на протяжении нескольких десятилетий сохранялась с молчаливого попустительства британского правительства — в первую очередь из-за боязни повредить этническим и религиозным чувствам меньшинств. Однако разве демократические права и обязанности не должны касаться каждого, в том числе иммигрантов? И разве нет опасности, что в противном случае «мультикультурный апартеид» может привести к победе мусульманских экстремистов? Таким образом, возникает явное противоречие между тезисом о том, что интеграция означает культурное разнообразие, и тезисом о том, что одинаковое право должно распространяться на всех — в том числе и на мигрантов.

Тем не менее миграция, представляя собой следствие естественных общемировых процессов, стала повседневной реальностью, включившись в транснациональные социальные потоки. Мигранты сокращают дистанцию между народами, обогащая культуру в целом, но создают одновременно и поля напряжения — как между принимающим сообществом и прибывающими, так и внутри каждого из этих сообществ в связи и по поводу правил и принципов включения новых граждан в жизнь национальных государств. Ясно, что поиск новых форм отношений становится чрезвычайно актуальной задачей.

Особый вес в этих условиях приобрела концепция толерантности. Напомним, что латинский термин “*tolerantia*” означал пассивное терпение, добровольное перенесение страданий и ассоциировался с такими понятиями, как «боль», «зло» и т. п. Разумеется, в ходе его применения произошли некоторые трансформации: с XVI века толерантность применяется в основном в сфере религиозной свободы и веротерпимости. Со стороны государства и официальной церкви разрешалось отправление иных религиозных культов, а несколько позже, уже в Новое время, к этому добавляется вопрос о взаимоотношении светской и духовной власти. В политический словарь принцип толерантности входит начиная с эпохи Просвещения.

Сегодня толерантность признается как один из основополагающих принципов гражданского общества, как важный элемент культуры общения — какой бы сферы такое общение ни касалось. Особенно в тех сферах, где сложно найти точный критерий истины, в частности, религиозной веры, моральных принципов, национальных традиций. С этим трудно спорить. Теоретически это красивая концепция и благородный принцип. Когда, однако, возникает непосредственная коммуникация, особенно если она отягощена социальными проблемами, то зачастую верх берет глубинное, архетипическое, спонтанно-негативное восприятие Другого, который в конкретной социальной ситуации воспринимается как чужой. Всплеск интолерантности неизбежен и в тех случаях, когда принимающее население, которое определяется как титульная нация, обеспокоено идеей национальной безопасности в ответ на стремление этнических сообществ к утверждению исключительного права на ресурсы той территории, куда оно переместилось и где пытается надежно закрепиться.

Таким образом, пропаганда терпимости (как рационализирующего сознания, выступающего следствием понимания опасности насилия) входит в явное противостояние с гораздо более сильными чувствами и эмоциями, имеющими иррациональный характер. Принимающее население в лучшем случае ждет от мигрантов адаптации, приспособления к их собственной культуре. Между тем миграция, принимая теперь уже транснациональный характер, требует и встречного процесса — адаптации местного сообщества к новым условиям его бытия.

Как бы то ни было, становится понятным, что толерантность как терпимость не имеет инструментальной перспективы. Наши личные наблюдения, как, впрочем, и социальные исследования, свидетельствуют о том, что значительно продуктивнее иная стратегия регуляции сложных, разнонаправленных социальных процессов,

которая проявляется в познании других культур, попытке их понимания и принятия как равноценных.

Здесь первостепенную роль, несопоставимую ни с какими другими институтами (религия, искусство, органы управления, правовые и административные организации), играет система образования как центральный механизм культурной регуляции. В рамках системы образования осуществляется реализация социокультурного взаимодействия всех трех уровней, которые выделяются в социуме.

Первый уровень. Институционализованная коммуникация. Она обеспечивает надежный познавательный контент информационного воздействия на субъекта, трансляцию устоявшихся пластов знания, напрямую взаимодействуя с личностной сферой человека, его мыслями, чувствами, когнитивными и ментальными реакциями, ценностными предпочтениями. Эффективность такой коммуникации будет достигнута лишь в случае педагогико-культурологического воздействия. Это означает, что каждый предмет и каждая дисциплина, содержащиеся в учебном плане, не преподносятся как абстрактное знание, а включаются в соответствующий культурный контекст.

Второй уровень. Неформальная коммуникация. Сегодня все чаще говорят о том, что образовательные системы разного уровня — школы, лицеи, гимназии, университеты — должны становиться культурными центрами, вокруг которых организуется неформальная коммуникация. Такая коммуникация требует неофициальных лидеров с ярко выраженной энергетикой, развивает у молодежи социальную и познавательную активность, внедряет в массовое сознание определенные нормы, стереотипы, ценности, главной из которых выступает ценность культуры. В этом процессе чрезвычайно важными являются качества личности лидера, степень осознания им своей ответственности, ибо результатом воздействия может быть как положительная прогрессивная динамика, так и регрессивная.

Описанные выше уровни предопределяют характер коммуникации *третьего уровня — уровня стихийного взаимодействия.* Стихийные коммуникативные связи не имеют целевого регулятивного импульса, они складываются в пространстве массовой культуры и обыденного сознания. Механизмы социокультурной регуляции на этом уровне обусловлены особенностями личности человека, и поскольку многократность и неупорядоченность трансляции создает вероятность сознательного или неосознанного искажения сведений и знаний, особую важность приобретает тот культурный багаж, который человек несет как следствие целенаправленного «строительства» личности в рамках институционализованного воздействия. Именно этот багаж позволит систематизировать разрозненные сведения, выстроит информацию в логическую цепь, уравнивает эмоциональные импульсы. Такой багаж преодолет поверхностное, наносное, формируя целостность и глобальность охвата культурного пространства, единое культурное поле. А осмысление унифицированных культурных смыслов открывает культурные достояния для участников культурных процессов, рождает оптимальные условия для их исследования и переработки.

О. А. Борисенко¹

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА КАК ВИДА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Диалог в мировом сообществе в настоящее время является тем способом разрешения глобальных проблем, который не только показывает путь отказа от конфронтации, но и подтверждает целесообразность решения вопросов мирного сосуществования разных культур и цивилизаций. Он представляет собой такую систему ценностей, которая, как отметил В. С. Степин, «...изменит ныне действующую стратегию развития»². Понятие диалога культур сегодня имеет широкий смысл, включающий не только диалог культурных ценностей, вырабатываемых различными культурами, но и диалог как форму взаимодействия и взаимопонимания народов в глобализационном пространстве, где пересекаются границы политических, экономических и культурных интересов, что приводит к взаимопроникновению жизненных стандартов и ценностных ориентаций самых разных народов. Не случайно американский антрополог Т. Эриксен термин «глобализация» трактует как «транснациональный поток»³, а Р. Робертсон, вводя понятие «глобальная культура», обосновывает это тем, что именно культура способна играть роль глобального контекста⁴, в котором и можно осмыслить ценностный анализ происходящих в современном мире изменений. Диалог культур в условиях глобализации, выражая интересы национальных культур, решая проблему неконфликтного, толерантного сосуществования, из области теоретического осмысления переходит в практическую. Новый механизм взаимодействия разных миров призван дать возможность диалогу стать «повседневной и всепроникающей реальностью»⁵.

Глобализирующийся мир, завершив эпоху модернизации, способствовал тому, что диалог культур, став парламентом мира и сотрудничества между странами, формируясь как межцивилизационный диалог культур в различных формах своего проявления (международных общественных государственных/негосударственных объединениях), приобрел четкое институциональное выражение.

Одним из видов диалога культур в современных условиях выступает диалог политический, так как только он способен на уровне консолидации разных политических интересов сформировать стратегию и тактику гармоничного сосуществования миров. Диалог стал новым ключевым понятием для осмысления

процессов взаимодействия сторон в различных сферах жизни, в том числе и в политике. Не случайно в международной практике появляются межгосударственные организации, деятельность которых связана с диалогом в различных областях⁶. Так, например, Институт глобального диалога в Африке, Центр всемирного диалога на Кипре, Международное общество универсального диалога в Варшаве и другие преследуют одну цель — создание и укрепление взаимовыгодного стратегического партнерства на условиях соблюдения политических, культурных интересов. Не теряет своей значимости ООН как организация, существующая на основе межкультурного, межцивилизационного диалога, продуктивность которого определяется мировым сообществом, что подтверждает и создание в рамках ООН «Альянса цивилизаций», первоначальной целью которого был диалог западноевропейского и исламского миров, а затем инициирование новых диалогов в ином формате.

Одним из примеров реализации политического диалога в современной международной практике является Шанхайская организация сотрудничества, которая возникла на основе межгосударственного соглашения. По словам *специального представителя Президента РФ по делам ШОС, национального координатора от России Л. Моисеева*: «ШОС — это диалог культур, цивилизаций, объединение стран с различными историческими судьбами, разным менталитетом и культурными ценностями»⁷. Т. Кунина⁸ отмечает, что с рождением ШОС появилось на свет понятие «шанхайский дух», определяющее общую атмосферу, взаимоуважение, толерантность, этический кодекс членов организации. Только на основе глубокого уважения партнеров, понимания и принятия их образа жизни такие разные страны, как коммунистический Китай, либерально-рыночная Россия, традиционный Иран получают возможность совместно и взаимовыгодно реализовывать масштабные политические, экономические и культурные проекты.

Главным в принятии любого решения ШОС является то, что называется институтом консенсуса. Основу этому положила политика международного уровня Дэн Сяопина — «международное стратегическое мышление» и Цзян Цзэминя — «твердая и неизменно независимая, самостоятельная мирная внешняя политика». Важным фактором обеспечения будущего ШОС стало создание организации Молодежного совета ШОС, Университета ШОС, открытие научных центров на базе

¹ Специалист Управления международных отношений Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 36 научных публикаций, в т. ч.: «Шанхайская организация сотрудничества как институт консенсуса», «Межцивилизационное становление ШОС», «Компаративистский анализ культурного, межкультурного и межцивилизационного диалога» и др.

² Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов; Ин-т философии РАН. М., 2005. С. 17.

³ Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective. L., 1993. P. 41.

⁴ Robertson R. Glocalization. Social theory and global culture. L., 1992. P. 23.

⁵ Скворцов Л. В. Предисловие // Диалог культур. М., 2004. С. 9.

⁶ К ним можно отнести: The Institute for Global Dialogue, Centre for World Dialogue, East-West Contemplative Dialogue, Institute for Interreligious Dialogue, Institute of Interfaith Dialog, The Global Dialogue Institute, The International Society for Universal Dialogue и др.

⁷ Моисеев Л. ШОС перерастает региональные рамки // Центральный интернет-портал ИнфоШОС. URL: <http://infoshos.ru/?idn=6050>

⁸ Кунина Т. Тайна альянса ШОС // ИнфоШОС. № 2. 2011. С. 6–9.

ИДВ РАН, МГИМО (У). Завершается институциональное строительство ШОС, идут поиски новой модели регионального диалога и сотрудничества. Сейчас, когда реанимируются утверждения о непреодолимых культурно-цивилизационных различиях между государствами, Организация демонстрирует яркий пример равноправного культурного партнерства на евразийском пространстве.

Реализация политического диалога международных объединений в условиях взаимодействия разных культур складывается на нескольких уровнях: диалог между самими организациями, диалог между членами разных организаций, открытый диалог самой организации. В докладе Национального разведывательного совета США «2025: мир после кризиса»¹ американские эксперты высказали свое мнение, что могущество НАТО явно идет на убыль, так как ШОС становится более сильной и влиятельной, обеспечивая азиатским странам возможность реализовывать идею создания многополярного мира и выступая, по существу, гарантом стабильности в регионе. ШОС установила и успешно развивает плодотворные партнерские связи со многими международными организациями, среди которых ООН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, АСЕАН, ЭСКАТО и ОЭС². Боль-

шую роль для партнерского диалога ШОС и ЕС сыграла Берлинская конференция «Шанхайская организация сотрудничества: возможности партнерства с ЕС».

Таким образом, изменение содержательной направленности диалога культур в условиях глобализации, актуализация его практико-ориентированного вида — политического диалога — определяет необходимость философского анализа такой его институционализированной формы, как ШОС. Создание ШОС — европейской модели сотрудничества с «шанхайским духом» — есть достойная реализация внутренней политики Китая на международной арене. На основании вышесказанного можно заключить, что ШОС как вид политического диалога — это реализация системообразующих интересов государств, входящих в организацию; ШОС как диалог культур — это объединение культур разных народов задачей содружества в единую сферу коммуникации.

Политический диалог как вид культурного диалога имеет своим основанием признание культурных особенностей его участников и направлен на реализацию культурного диалога в политически институционализированной форме, ярким примером эффективности которой является ШОС.

**К. И. Исаев³;
К. С. Кокомбаев⁴**

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА

Современный высококомобильный и информационный мир не только меняет базовые ценности, но и трансформирует фактор идентичности, предопределяя иные критерии человеческой общности.

В начале 90-х годов XX столетия крушение крупной социалистической державы с ее советской тоталитарной политической системой управления стало в планетарном масштабе историческим, трансформационно-эпохальным событием. Обретение странами, в том числе Кыргызстаном, статуса самостоятельных государств стало отправной точкой для начала соответствующих

широкомасштабных преобразований. Преобразования исходили из стремления к собственным, не противоречащим духу времени целям и задачам вновь возникшего государства, отвечающим интересам и ценностям всего народа. В то же время усиление внешних факторов воздействия со стороны заинтересованных сил не могло не отразиться на характере предполагаемых реформ. Приоритетность, важность и приемлемость путей решения предопределяли основу государственного развития, главный стержень деятельности новообразованного кыргызского национально политического истеблишмента.

Начавшаяся всесторонняя трансформация в новообразованном постсоветском государстве Кыргызстан определила одну из значимых зон геополитических интересов ведущих западных держав. Эти интересы, заключающиеся в расширении своего ареала «цивилизационного» влияния в «восточном» направлении, в противовес России, имели подходящие предпосылки и условия в Центральной Азии. Выдвижением идеи диалога в виде взаимодействия культур и цивилизаций была начата прозападная, глобализационно-инновационная политика в Кыргызстане. Ее практическое осуществление предусматривалось на основе формирования демократических институтов власти через широкую пропаганду национального единства и культурного многообразия духовно-ценностных основ полиэтничного социума. Всемерно поддерживаемая главным образом наиболее

¹ Доклад Национального разведывательного совета США «2025: мир после кризиса» / под ред. Г. Павловского. М., 2009.

² Организация Объединенных Наций, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана, Организация экономического сотрудничества.

³ Президент Социологической ассоциации Кыргызстана, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: ««Общество риска» в условиях глобализации», «Глобальная демократия в Кыргызстане (противоречия и перспективы)», «Обучение и переобучение безработных в Кыргызстане» (в соавт.), «Особенности идентичности жителей постсоветского Кыргызстана», «Русские в Кыргызстане» (в соавт.), «Причины и уроки народной революции в Кыргызстане» (в соавт.), «Особенности состояния здоровья населения Кыргызстана в современных условиях», «Политическая социология: становление и развитие» и др.

⁴ Докторант Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Этнические особенности социальной среды и формирование личности» и др.

развитыми западными державами, продвигалась идея создания единых, важных основ решения возникших проблем в стране. Основываясь на существующих, усиливающихся негативных фактах жизнедеятельности полиэтничного сообщества (межэтнические конфликты, религиозный экстремизм, терроризм), внешние силы получили возможность непосредственного присутствия в Кыргызстане.

Резкий трансформационный шок начала — середины 1990-х годов привел к усугублению проблемы бедности, охватившей более половины населения страны¹. Постепенное обнищание немалочисленной части населения страны, значительная деградация, усиление межэтнической, религиозной конфронтации являлись предпосылкой возрастания доминантной позиции ведущих стран, в частности США и Евросоюза. Экономическая зависимость Кыргызстана от этих крупных государств и мировых держав, пребывание в орбите их политических интересов накладывали глубокий отпечаток в процессе осуществления важных государственных преобразований. Страна объективно нуждалась в финансовой помощи, поскольку многие институты, необходимые для существования независимого государства, приходилось создавать заново, а также надо было преодолевать трансформационный шок, связанный с переходом от одной социально-экономической системы к другой². В своей работе «Выборы и демократия в Кыргызстане» Г. Т. Исакова подчеркивает три фактора, играющих важную роль в создании демократии: 1) внутренний — условия страны (сюда входят и предыстория, и экономические условия, и культура народа); 2) внешний фактор (влияние международного сообщества, могущественных соседей и требования международных доноров) и 3) степень сознательного стремления лидеров страны строить демократию.

Страны Запада на основе тактики широкомасштабного применения, распространения передовых технологий и постоянного внедрения инновационных форм расширяли зону своей геостратегической глобализационной политики. Исходя из идеи демократизации общества, всеобщего повышения благосостояния и уровня жизни населения Кыргызстана, они преследовали главную стратегическую цель своего непосредственного присутствия в Центральной Азии, не исключая военного. Предоставляя разностороннюю поддержку проводимым в стране демократическим реформам, политика глобализации предусматривала регуляцию политического курса, корректировку деятельности государственной власти в стране. Непосредственно оказываемое разностороннее влияние на общественное развитие, уровень доходов, культуру и тому подобное предстало перед кыргызским народом неким инновационным явлением. Последовательность предпринимаемых попыток нововведений способствовала не безболезненной трансформации общественной жизни, ломке стереотипов сознания, устоявшихся механизмов человеческого бытия. Большинство инноваций (морально-этические нормы, ценности и интересы) не только не встречали одобрения и поддержки, но и вы-

зывали определенное противостояние со стороны населения, усиливая антизападные настроения социально-политических сил.

Анализируя 20-летний процесс развития Кыргызской Республики периода трансформаций, можно проследить разностороннее проявление множественных факторов, связанных с глобализацией и сказавшихся на жизнедеятельности народа. Их отражение на разных этапах общественного развития, уровня идентичности, социально значимых проблемах, несомненно, исходило из самой сути переходного транзита от авторитаризма к демократии. Однако, поэтапно охватив все стороны общественной жизни, глобализация оказала неоднозначное влияние на сам процесс всесторонней трансформации в Кыргызстане. Об этом свидетельствуют серьезные противоречия между первоначально провозглашенными идеями, целями, их последовательной практической реализацией и реалиями нынешнего времени. Глубокая проблематичность данного процесса проявилась в ходе осуществляемых в стране социально-политических, экономических и культурных реформ, не получивших полной всенародной поддержки. Реформы по широкому спектру направлений: разгосударствление и приватизация, либерализация цен и внешней торговли, реформирование промышленности, аграрного сектора, здравоохранения и образования, государственного управления, — осуществлялись не без проблем. Ускоренное продвижение реформ вначале не нашло логического продолжения на более поздних этапах их реализации, что вызвало определенное замедление темпов экономического роста страны. Среднегодовой темп экономического роста в 1995–2000 годах составил 5,6 % по сравнению с 3,7 % в 2000–2005 годах³.

Осуществляемые преобразования, финансируемые западными донорами, не всегда давали желаемый результат в стране вследствие нецелевого использования денежных средств и разветвления коррумпированной схемы в системе государственной власти. Условия, на которых осуществлялось финансирование, отразились на политике руководства — «обязательная оглядка на Запад», предвещая неукоснительное их исполнение, зачастую вопреки интересам самого народа (военная база США в Манасе, золоторудная отрасль Кумтор, предвыборная кампания и т. д.). Тем самым в стране росла тенденция недоверия к властям, ставившая под сомнение все начинания, перечеркивающая прогрессивные стороны проводимых демократических преобразований. Недовольство проявлялось на уровне парламентариев, придающих широкой огласке негативные последствия деятельности государственных властей, тем самым порождая массовые протесты среди населения. В то же время немаловажную роль играл фактор реального бытования в кыргызском обществе антизападных настроений различных социально-политических сил, стремившихся всемерно усилить свое положение на общественно-политическом олимпе Кыргызстана. Несомненно, дееспособность советских традиционных принципов и норм поведения, не утративших свою

¹ Кыргызская Республика. Отчет о реализации целей развития Декларации тысячелетия. Бишкек, 2003. С. 13.

² Там же. С. 39.

³ Кыргызская Республика. Стратегия развития страны (2007–2010 гг.). Бишкек, 2007. С. 8.

значимость в жизнедеятельности народа, усиливала ориентированность немалочисленного населения страны на Россию, что является естественным процессом. В данном контексте пребывание Кыргызстана в политической, экономической и социально-культурной орбите интересов России на протяжении последних двухсот исторических лет имело немаловажное значение.

Первоочередные, поэтапно реализуемые задачи руководства нового кыргызского государства переходного периода подразумевали конкретную цель — открытость внешнему миру. В то же время создание истинно демократического государства и институтов власти, определение главной стратегической линии государства в целом отразились на ориентированности на Запад. Прозападный внешнеполитический курс Кыргызстана получил поддержку со стороны мирового сообщества в лице многосторонних организаций, правительств развитых стран, многочисленных неправительственных организаций и фондов. Кыргызстан не случайно стал пилотной страной для очень многих международных проектов, направленных на отыскание новаторских методов решения проблем развития¹. Поспешность начатых социально-экономических реформ привела к кризисному состоянию кыргызского общества и его внутренней стратификационной противоречивости. Противоречия касались самого процесса слияния традиционного (стереотипно-коллективистского) и инновационного (индивидуалистического) факторов идентичности в общественном развитии. Несоответствие ментального, стереотипного уровня массового сознания инновационным факторам осуществляемых преобразований затрудняло внедрение рыночных форм отношений, приведшее к небезболезненной ломке жизненных устоев и кризису духовного состояния общества. Прозападные формы глобализации предусматривали унификацию национально-культурной самобытности кыргызского народа, способствуя разрушению основополагающих духовных ценностей. Широкая пропаганда культа потребления и цинизма, стандартизация индивидуалистических интересов и ценностей, вопреки доминирующим общественным, способствовали существенному духовному опустошению. Совершенная неприемлемость западных морально-этических стандартов породила проблемы неадекватного их восприятия народом. Несоответствие многих навязываемых сторон прозападной модели восточной ментальности человека не могло не сказаться на угрожающей тенденции массового противостояния и общественной дестабилизации.

Отсутствие единой консолидирующей идеи, способной контролировать и направлять людей к прогрессивной деятельности и государственному укреплению, отражало уровень духовного кризиса общества. Уровень духовности показывал характер межличностных отношений, отличающийся как позитивными, так и негативными факторами морально-этического поведения людей. Часть наиболее активных, амбициозных и креативных личностей стремилась найти эффективные способы возрождения духовности общества, другая часть

¹ Кыргызская Республика. Отчет о реализации целей развития Декларации тысячелетия. С. 39, 40.

преследовала собственно прагматические цели. Заручившись определенной поддержкой народа, они стали образовывать политические партии и общественные организации. Большинство новообразованных партий имело трайбалистские истоки, и их деятельность сводилась к обеспечению политического имиджа клана популистскими, ура-патриотическими методами. В стратегии развития страны в 2007–2010 годах подчеркивалось, что распространение трайбализма и регионализма наносило непоправимый вред жизни общества². Программы политических партий и движений несущественно отличались по своему содержанию и направленности друг от друга. Преследовавшая разносторонние цели и интересы деятельность партий, амбиции одиозных лидеров не способствовали возможному их объединению и консолидированности. Тем не менее духовный разлад может и должен завершиться, когда интеллигенция и политический истеблишмент переболеют неминуемой болезнью «юношеского самоутверждения» и переоценки собственных достоинств³. Прогрессивное будущее Кыргызстана будет зависеть не только от экономического фактора, но и от тех усилий, которые способны сформировать элитные группы в направлении трансформации политических режимов и перестройки социальных процессов.

В процессе практической реализации задач постепенно усилилась полемика по поводу хода преобразований, реальных перспектив и оптимальных путей государственного развития. Отсутствие действенных механизмов противостояния иному, не тождественному прозападному явлению не позволяло регулировать массовое поведение населения, углубив разнородное проявление степени «урбанизированности» среды. Усилившаяся миграция сельского населения в города способствовала неоднородной «урбанизированности» населения, сказавшейся в резком увеличении социально негативных фактов (преступность, проституция, аморальность, наркомания, алкоголизм и т. д.). Известный российский социолог М. К. Горшков отмечал: ««Недоформированность» городской культуры сопровождается у большинства населения страны быстрым разложением традиционной сельской культуры и интенсивной маргинализацией значительной части жителей сел и деревень»⁴.

Маргинализация населения отразилась на особенностях поведения представителей верхнего эшелона власти, которые проявились в деятельности отдельных лиц и групп, в основном выходцев из сельских окраин страны. В частности, открывшиеся перед страной возможности выбора собственного альтернативного, прогрессивного пути развития оказались в центре внимания и у кыргызского политического истеблишмента. Однако такая возможность появилась у многих из них как ведение своеобразной *псевдодемократической* политической игры с использованием маргинальной массы. Поэтому борьба новообразованных партий,

² Кыргызская Республика. Стратегия развития страны (2007–2010 гг.). С. 15.

³ Абдразаков И. Центральная Азия: Вызовы и перспективы // Центральная Азия и культура мира. Бишкек, 2002. № 1–2. С. 61.

⁴ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 287.

сообществ и группировок, преследовавших различные корпоративные, прагматичные и иные цели и интересы, постепенно усилилась, подтверждая высказывание Алексиса де Токвиля, что «партии — это зло, свойственное демократическому правлению»¹. В главном вопросе выбора путей прогрессивного будущего Кыргызстана возникли противоречия, порой антагонистические, которые привели к дальнейшим несогласованным действиям групп, партий.

Первый президент Кыргызстана А. Акаев к 2003 году не раз отмечал, что в республике действуют около 30 политических партий, но большинство из них не отражает преобладающих в обществе политических настроений. Противоречивость, подверженная кризису и некоему «вирусу борьбы», не позволяла проводить прогрессивные перемены, когда борьба стала доминировать над согласием, способствуя проникновению социального негатива во все сферы жизнедеятельности². Тем самым создавшаяся непростая социально-политическая обстановка поставила под угрозу фактор идентичности не только в масштабе политического истеблишмента, этноса, но и целого народа Кыргызстана. Исходя из данных фактов уместно обратиться к высказыванию российского исследователя В. Добренкова, подчеркнувшего, что в начале XXI века перед человечеством встали серьезные вопросы: «Куда мы идем?», «Что нас ждет впереди?», «Выживем ли мы?»³ Анализируя нынешнюю ситуацию во всех сферах человеческой жизнедеятельности, он утверждает особую ее критичность: «над планетой нависло множество угроз. В результате растут отчаяние и пессимизм»³.

В силу разновекторности внешних и внутренних причин, неординарной, достаточно нервной и противоречивой обстановки поиск дальнейшего, наиболее приемлемого пути развития Кыргызстана представлялся задачей архисложной. Определение собственных

приоритетов на основе выявления главного направления его ориентации, правильного курса в существующей дихотомии «Запад–Восток» стало предметом нескончаемого ожесточенного спора и дискуссий. Основным критерием полемических настроений выступали вопросы выбора традиционно-культурного, цивилизационного или иного пути развития. Существование разнополярных идей и предложений подчеркивало наличие в кыргызском обществе немалочисленных социально-политических групп и объединений, имеющих свое видение по поводу будущей страны. Некоторые вооруженные определенной прозападной идеей (навязываемой извне) и материальной поддержкой различные группы и объединения выдвигали свои планы осуществления реформ.

В то же время, в противовес прозападному влиянию, усилились радикальные идейные соображения со стороны отдельных групп, предлагавшие искоренение светских форм государственного устройства. А также набирали обороты националистские идейные вдохновители, выдвигавшие идею этнической обособленности кыргызов. Несогласованные действия разноликого политического истеблишмента, отсутствие основной стратегической линии государства поставили республику в сложное положение. Истеблишмент использовал большие собственные возможности в приватизационном процессе, что привело к разграблению государственного имущества. Это способствовало усложнению процесса взаимодействия аппарата управления и общества, падению нравственности, большему проявлению человеческой бездуховности, ставшим факторами последующей нелегкой судьбы народа. Деморализация общественного сознания, исходящая из потребительской, варварской, индивидуалистической мотивационной установки, становилась тенденциозным фактором, угрожающим идентичности.

И. Ф. Кефели⁴

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА Л. Н. ГУМИЛЕВА НА СОВРЕМЕННУЮ ГЕОПОЛИТИКУ (К столетию великого ученого)

Идеи евразийства тесно коррелируют с современными теоретическими разработками проблем глобальной социокультурной динамики, в контексте которых ведется поиск цивилизационной идентичности России,

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 144.

² Келасьева В. Н. Человек в условиях социальных преобразований. Социальные реформы в России. СПб., 1995. С. 162.

³ Добренко В. Глобализация и современный мир: Кризис нашего времени // III Турк дуйносунун социологиялык ассоциациянын конгресси. 21–24 сент. 2010 г. Бишкек, 2010. С. 60.

⁴ Заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Идеологические ориентиры в социокультурном пространстве России», «Судьба России в глобальной геополитике», «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика». Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Член редколлегии журналов «Арктика и Север», «Век глобализации», Вестник Московского университета (серия «Глобалистика и геополитика»), «Социально-гуманитарные знания».

определения своего места в мире и выбора стратегии, глобального проекта развития. Выбор подобной стратегии происходит в противоборстве двух альтернатив. С одной стороны, нам предлагается однолинейная моноцентристская стратегия социально-культурного развития, предполагающая вхождение в «общечеловеческую цивилизацию», движение по «магистральному пути, по которому идет все человечество», построение политической культуры, опирающееся на «взгляд из утопии». С другой стороны, все большее влияние обретает идея многополюсности мира, базирующаяся на геочивилизационной концепции, согласно которой геочивилизации обретают статус ведущих акторов мировой политики. Современный этап развития геополитических исследований характеризуется переходом от традиционного, государственно-центристского к глобальному мировидению и стилю научного мышления, в русле которого происходит осмысление судьбы

России и ее будущего. В процессе анализа многочисленных конфигураций геополитических сил на мировой арене предлагаются различные варианты определения места и роли России на евразийском континенте в мире в целом. Признание Россией многополярного мира неизбежно порождает вопрос об определении ее места и роли в нем. Но не менее важным остается вопрос об усилении объединяющей роли России на постсоветском пространстве, которое, как и сама Россия, становится объектом усиливающейся экспансии западно-христианской, восточно-буддистской и арабо-мусульманской геочивилизаций. По сути дела, следует вести речь о столкновении цивилизаций в самом центре Евразии. Поэтому геополитика России неизбежно должна быть многовекторной, учитывающей внешние угрозы и ориентирующейся на утверждение устойчивого мира.

В связи с этим значительный интерес представляют письма одного из основателей евразийства П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву 1956–1968 годов (их ровно 100). Эти письма подготовила к печати заведующая мемориальным музеем-квартирой Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (ул. Коломенская, д. 1/15) М. Г. Козырева, которая любезно предоставила их для первой публикации в журнале «Геополитика и безопасность» в 2008–2010 годах. Как хорошо известно, эпистолярное наследие отличается от теоретических работ, пожалуй, тем, что в нем научные идеи находят свое выражение в первозданном виде — они находятся еще в своеобразном броуновском движении, сцепляются между собой в некоторые мыслительные конструкции. Любая теоретическая работа, напротив, представляет собой некий целостный комплекс посылок, суждений, умозаключений, задающий новое освещение, решение проблемы и т. п. Именно такие ощущения появились у меня, когда я стал знакомиться с письмами П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. Удивление и восхищение вызывало то, что Петр Николаевич, один из основателей евразийского движения в русском зарубежье в 1920–1930-е годы, автор ряда классических работ, в своих письмах Льву Николаевичу вновь окунается в море фантазий, догадок, предположений, которые, безусловно, фундируются энциклопедическими познаниями в области истории, географии, кочевниковедения и т. п. Мне же было интересно проследить, как идеи Савицкого, положившие начало евразийскому учению еще 30 лет назад, были подхвачены надежными руками его последователя Гумилева. Но сначала ряд пояснений.

В первом же из писем (от 26 ноября 1956 г.) П. Н. Савицкий отмечает: «...по разным причинам я в течение 15 лет (1941–1956) был лишен возможности писать и печатать научные работы. Тогда я стал излагать мои мысли в стихах и запоминать стихи наизусть. Это был единственный в условиях тех лет способ стать независимым от записи и бумаги. За 15 лет я написал более тысячи (!) стихотворений. Были моменты, когда я помнил наизусть тысячи и тысячи стихов своей собственной продукции». И в последующих письмах Петр Николаевич неоднократно отмечал, что свои идеи он оформлял в поэтические строки и заучивал наизусть на будущее, поскольку о какой-либо систематической научной работе в лагерных условиях он не мог даже мечтать. Тематика их переписки была достаточно разнообразной и охва-

тивала проблемы кочевниковедения, роли географического фактора в истории России, источниковедения, евразийские сюжеты и т. п. К 1956 году П. Н. Савицкий являлся уже признанным ученым, написавшим основную часть своих работ, в то время как Л. Н. Гумилев только начинал завоевывать свое место в исторической науке. У Гумилева к началу переписки с Савицким была защищена кандидатская диссертация на тему «Подробная политическая история первого тюркского каганата: 546–659 гг.» и опубликованы ее тезисы и статья «Статутка воинов из Туяк-Мазара». Так стали складываться заочные отношения маститого ученого, вернувшегося после 15-летнего перерыва к научным занятиям, с начинающим исследователем, который в возрасте 44 лет приступил к разработке своих основных идей (во многом на основе рукописных заготовок лагерного периода) и публикации работ. Так сохранилась преемственность в развитии идей евразийства, которые оказали влияние на отечественную геополитику.

Евразийство как глобальный проект для России будущего следует рассматривать в качестве своеобразной мировоззренческой матрицы и геополитического кода, на основе которых воспроизводятся ментальные черты характера, образа мыслей и поведения, отношения к природе, соседям. В связи с этим следует проследить, какой резонанс идеи евразийства имели в работе немецкого философа В. Шубарта «Запад и душа Востока» (написана в 1938 г.). По мнению автора, в XX веке наступает закат прометеевской эпохи, а на горизонте занимается заря иоанновской эпохи с присущим ей мессианским архетипом человека. «Грандиозное событие, которое сейчас готовится, — заявляет Шубарт, — это восхождение славянства как ведущей культурной силы». Дух иоанновской эпохи в виде русской идеи, как отмечает Шубарт, «уже более столетия действительно проявляется в русской истории — и тем сильнее, чем меньше осознается. Гибко вписывается она в меняющиеся политические формы и учения, не меняя своей сути. При царском дворе она облачается в самодержавные одежды, у славянофилов — в религиозно-философские, у панславистов — в народные, у анархистов и коммунистов — в революционные одежды. Даже большевики прониклись ею. Их идеал мировой революции — это не резкий разрыв со всем русским, в чем уверены сами большевики, а неосознанное продолжение старой традиции»¹. И как раз в этом пункте Шубарта дополняет Гумилев, формулируя свой «Евразийский тезис: надо искать не столько врагов — их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность жизни. И союзников надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями...»² В историософских рассуждениях и Шубарта, и Гумилева присутствует идея единства силы русской земли и евразийского союзничества. Евразийство как геополитическая концепция созвучна нашей эпохе. Возникнув в 1920-х годах в обстановке, как заявляли сами евразийцы, катастрофического мироощущения, она стала востребованной в наши дни, в эпоху отчаянных поисков «идеи-силы» (это тоже формула евразийцев) как осмысления феномена России.

¹ Шубарт В. Запад и душа Востока. М., 2003. С. 24, 29, 39, 241–242.

² Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 31.

А. В. Костина¹**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА**

Сегодня проблема мультикультурализма обладает актуальностью в связи со стремлением разрешить целую совокупность вопросов, связанных с необходимостью формирования новых принципов взаимодействия между народами и этническими группами в России. Термин «мультикультурализм» понимается многими как поликультурность. Для России, формировавшейся изначально как союз множества неславянских племен, а сегодня объединяющей более 100 народов, поликультурность выступает как имманентное качество.

Между тем понятие «мультикультурализм» означает иное — не просто констатацию разнообразного этнического состава населения страны и равноправие всех народностей, а определенную политическую модель. Феномен мультикультурализма оформился в США — стране, наиболее последовательно декларирующей необходимость следования принципам либерализма и демократии. Данные принципы были изложены уже в первых документах США — Конституции и Декларации независимости, которые позволили этой стране преодолеть этническую разрозненность регионов и граждан, проявлявшуюся и в качестве социально-экономической раздробленности. Эти основополагающие документы позволили Америке интенсивно развиваться и построить одну из наиболее эффективных экономик, основывающихся на грамотной национально-этнической политике, а ее гражданам — быть вовлеченными в процесс производства вне зависимости от этничности. Обеспечение работой всех граждан США (и старых, и новых), возможность исповедовать основные принципы государства и разделять доминирующие ценности стали значительным социальным благом, которым стремились воспользоваться все мигранты, так как это давало им возможность «встроиться» в гражданско-правовую систему в качестве полноправных ее членов.

Вступление Америки в постиндустриальную и информационную стадии развития в качестве одной из самых богатых и экономически успешных стран привело к постановке новых вопросов в политике, направленных на усиление гуманизации государственной системы. Одним из таких вопросов стал мультикультурализм, развивающий принцип «политической корректности»² и направленный на поддержание разно-

образных меньшинств, в том числе этнических. Важно подчеркнуть, что идея мультикультурализма фактически сменила модель «плавильного тигля», направленную на вовлечение представителей всех сообществ в процесс государствостроения.

В ситуации достижения экономической устойчивости, когда для государства стало возможным поддержание неработающего населения через систему дотаций, часть граждан воспользовалась правом придерживаться традиционного образа жизни, сохранения языка, соблюдения народных обрядов и т. п. Это привело к образованию многочисленных общин мигрантов, не желающих ассимилироваться в американскую культуру и настроенных на воспроизводство привычных практик жизнестроения. Создалась достаточно опасная для целостности государства ситуация, связанная с тем, что часть населения стала соотносить свои идеалы не с общегражданскими, а с существующими внутри отдельных сообществ и воспроизводящими их традиционный образ жизни. На практике это проявилось: в ослаблении английского языка как национального и возможности общения на китайском, индийском, испанском (который в южных штатах функционирует как второй национальный) языках; ослаблении института всеобщего образования, где не в состоянии прочитать первую полосу газеты 60 млн взрослых американцев, а на уровне третьего класса школы читают 37 % жителей Вашингтона³; легитимизации в области права «двойных стандартов».

При этом определенные малочисленные народности наделяются: приоритетным правом управления территорией традиционного проживания, что приводит к их коммерческому использованию (участие в акционировании трубопроводов в Канаде или казино в США); юридической привилегированностью (увольнение двух членов Аборигенной американской церкви с работы за применение галлюциногена кактуса пейота и их последующая реабилитация); правом приватизации духовного наследия их народов (требования Вернона Масайеса к антропологическим музеям США о запрете доступа к документам, касающимся хопи, подхваченные племенами апачи и зиа-пуэбло). Положительные решения по ряду аналогичных запросов были встречены представителями демократической общественности достаточно критично — как нарушающие основные принципы построения либерального государства.

Именно поэтому мультикультурализм как парадигма построения государства и решения этноконфессиональных проблем был подвергнут решительной критике со стороны как ученых, так и политиков. Наиболее последовательно здесь высказалась С. Бенхабиб, показавшая, что мультикультурализм нарушает принципы либерализма, а практика предоставления

¹ Заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 26 монографий, учебников и учебных пособий: «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе», «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального» (в соавт.), «Национально-культурная идентичность как проблема развития современной России», «Россия как полиэтничное государство: особенности и проблемы современного развития», «Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы». Действительный член Международной академии наук (IAS, Инсбрук).

² См.: Усманова А. Р. Культурные исследования // Постмодернизм : энцикл. Минск, 2001. С. 394–400.

³ Глэд Д. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М., 2005. С. 66–68; Ильинский И. М. О российских образовательных реформах // Высшее образование для XXI века : VI Междунар. науч. конф., Москва, 19–21 ноября 2009 г. : докл. и материалы. М., 2009. С. 19–20.

прав и привилегий на основе групповой принадлежности подрывает равенство как в экономическом, так и в политико-правовом аспекте¹. Односторонние уступки одних групп граждан другим расшатывают государство, ослабляют его, порождают феномен локализации культурных сообществ и приводят к их сегрегации.

Все это сегодня отчетливо прослеживается в политической жизни европейских государств, первые лица которых в ситуации надвигающейся второй волны мирового кризиса и ослабления европейской валюты, в ситуации социальных конфликтов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, усиливших миграционное давление на Европу, сформулировали тезис о недопустимости локализации этнических групп, существующих автономно в рамках национального государства и не разделяющих доминирующие в нем ценности и образ жизни. Локалии, принципом существования которых становится геттоизация и культурная изоляция, заключают в себе потенциальную опасность развития терроризма и направлены против принципов, принятых большинством. Для Европы эти процессы означают утрату прочного чувства европейской идентичности, общей судьбы и духовного родства, которое существовало фактически с Нового времени.

Итак, непродуктивность политики мультикультурализма означает необходимость поисков иной модели, отвечающей требованиям времени, так как модель «меньшинств» является политическим средством их

искусственного поддержания и сдерживания возможностей не только доминирующих этногрупп, но и прежде всего государства, в котором гражданское единство начинает уступать единству этногрупповому, региональному или этноконфессиональному. Сегодня отдельными учеными и политиками предлагается ассимиляционная модель, однако и этот путь не представляется оптимальным, так как предполагает поглощение одной культуры другой и утрату смыслов и ценностей культуры-донора, которые заменяются ценностями лидирующей культуры-реципиента.

Для достижения единства гражданского сообщества наиболее эффективной представляется не только апробированная, но и, как утверждают многие, изжившая себя модель национального государства. По нашему убеждению, национальное государство, основанное на единой национальной культуре, включающей в качестве равноправных все этнокультурные варианты, остается по-прежнему жизнеспособным. Оно способно обеспечить эффективное экономическое и социальное развитие нации. Стремление национальной культуры к отказу от логики вражды и утверждение логики компромисса и сотрудничества, основанной на взаимопризнании идеологий и культур, имеет своей целью предотвращение противостояний между народами и многообразных социальных катаклизмов (как локальных, так и глобальных), поэтому соотносится с таким понятием, как «новая культура мира»².

Ангел Марин³

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОЛГАРСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Сходства и различия в разных человеческих сообществах наблюдаются с тех далеких времен «темных эпох, когда и легенды еще не были рождены», а эволюция представляла собой движение от однообразия к многообразию⁴.

В условиях глобализации наметились основные тенденции трансформаций, одна из которых — сохранение и развитие культурного, цивилизационного, этнического и национального многообразия мира. основополагающим для научного понимания современного мира и его будущего является констатация общих черт и различий цивилизаций, культур, процессов интеграции и фрагментации, того факта, что этническое, культурное и религиозное многообразие служит основой европейской цивилизации. «Только многообразный мир может генерировать креативные силы для будущего развития человечества»⁵.

К сожалению, поведение людей в условиях мультикультурной среды — не только в Болгарии, но и в дру-

гих странах — подтверждает мнение некоторых ученых, что «у нас сходств с дикарями намного больше, чем различий». Но «если бы человечество всегда поступало логично и мудро, история бы не представляла собой длинную хронику глупостей и преступлений»⁶.

В Болгарии существует продолжительная традиция проведения государственной политики в условиях мультикультурной среды. В новой истории она была определена как «болгарская этническая модель». Иногда ведутся споры о том, кому принадлежит заслуга ее формирования. Истина очевидна: современная болгарская этническая модель со всеми ее достоинствами — результат усилий «возрожденцев», таких крупных исторических фигур, как Васил Левски, а также государственных деятелей, политиков и мудрых представителей всех этносов. Мы осознаем, что необходимо прилагать непрестанные усилия в этом направлении, так как мультикультурная проблематика постоянно стоит на повестке дня и ее разработка представляет собой непрерывный динамичный процесс. Государство и общество обладают потенциалом, который поможет справиться с вызовами. Исторический опыт и государственная мудрость позволяют нам не только адекватно реагировать в специфических условиях болгарской мультикультурной среды, но и последовательно фор-

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003. С. 62–67, 84, 184.

² Ильинский И. М. О культуре войны и культуре мира. М., 2004. С. 171.

³ Государственный и военный деятель, вице-президент Республики Болгария (2002 — январь 2012 г.). Автор книги «Последняя война».

⁴ Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. София, 2006.

⁵ Лилов А. Диалог цивилизаций. София, 2004.

⁶ Фрэнгер Дж. Указ. соч.

мировать ее в новых цивилизационных рамках. Этому способствует крепкий фундамент, на котором основывается данная деятельность.

Фундамент государственности был заложен еще Василием Левски (1837–1873), который сформулировал возрожденческую идею. Революционер Васил Левски, один из руководителей национально-освободительного движения в Болгарии и признанный апостол болгарской свободы, обозначил принципы, которые имели общечеловеческое значение в эпоху, когда болгарский народ находился под жестоким турецким игом, тем самым став идеологом и основоположником современной болгарской этнической модели. В прокламации, которую Левски распространяет от имени болгарского правительства, содержится обращение к «братьям мхамедданской веры». В частности, в ней сказано: «Мы, болгары, протягиваем вам свою братскую руку <...> Ничто не помешает вам быть равноправными в свободной Болгарии. Политическое и гражданское право для всех жителей без различий <...> В свободной Болгарии есть место для всех нас». Затем Левски обобщает: «Наша цель в Болгарии — братство со всеми, несмотря на веру и народность». Может ли сегодня кто-нибудь сказать лучше?

В своей политической философии Левски проповедует «братство и совершенное равенство между всеми народностями, болгарами, турками, евреями и другими, которые будут равноправны во всех отношениях в чем бы то ни было, все будут жить по одному общему закону, который как высшее решение будет выбран всеми народностями». В письме к гражданину из Карлово Левский пишет: «В нашей Болгарии не будет так, как сейчас под турками <...> Все народы в ней будут жить по чистым и святым законам, как дано от Бога жить человеку: и турку, и еврею, и другим независимо от того, кто он. Для всех будет одно, если признают законы вместе с болгарями...»

Я разделяю мнение некоторых авторов, развивающих тезис Левски о том, что единство нации сегодня может быть гарантировано только при помощи равенства всех граждан (а не этносов и религий) перед законом. Верховенство закона, а не традиций и обрядов.

Нельзя забывать и о русском вкладе в освобождение Болгарии и восстановление Болгарского государства. Это послужило отправной точкой для установления государственных и человеческих взаимоотношений между нашими странами. Император Александр II обратился к болгарам накануне вступления русских войск на Балканы. В этом обращении, в частности, говорится о том, что Россия призвана примирить все народности и вероисповедания в Болгарии, где совместно проживают люди разного происхождения и различной веры. Александр II обращается к мусульманам и христианам Болгарии. Мусульманам он адресует слова: «Станьте мирными гражданами общества, которое готово вам подарить блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вера останется неприкосновенной, ваша жизнь и достоинство, а также жизнь и честь ваших семей будут охраняться». К христианам в Болгарии Александр II призывает: «Забудьте старые домашние разногласия, строго ува-

жайте права всех народностей <...> Объединяйтесь в <...> чувстве <...> согласия, без которого не может быть создано ничего постоянного...»

Для того чтобы государство, созданное после освобождения Болгарии в результате Русско-турецкой войны (1877–1878), было крепким и стабильным, в Конституции Болгарского княжества (Тырновская конституция, принята 16 апреля 1879 г.) записано: «Христиане неправославного вероисповедания и иноверцы, подданные Болгарского княжества по рождению или принявшие подданство, а также иностранцы, которые постоянно или временно живут в Болгарии, пользуются свободой вероисповедания, в случае если исполнение их обрядов не нарушает существующих законов» (ст. 40). «Каждый раб любого пола, веры и народности становится свободным, ступив на болгарскую территорию» (ст. 61).

Все последующие конституции сохраняют и развивают положения о равных правах и обязанностях граждан Болгарии. Конституция Народной Республики Болгария, принятая 6 декабря 1947 года (Димитровская конституция), провозглашает, что «все граждане Народной Республики Болгария равны перед законом. Не признаются никакие привилегии по признаку народности, происхождения, веры и имущественного состояния. Любая пропаганда расовой, национальной или религиозной ненависти карается законом» (ст. 71). В том же духе выдержана и Конституция Народной Республики Болгария, принятая 18 мая 1971 года (Живковская конституция): «Не допускаются никакие привилегии или ограничения в правах по признаку народности, происхождения, религии, пола, расы, образования и общественного и материального положения <...> Всякая пропаганда ненависти или унижения человека по причине расовой, национальной или религиозной принадлежности запрещена и наказуема» (ст. 35).

Наиболее строгие требования содержатся в Конституции Республики Болгария от 12 июля 1991 года. Приведем несколько цитат: «Все люди рождаются свободными и равными по достоинству и праву. Все граждане равны перед законом. Не допускаются никакие ограничения прав или привилегий по признаку расы, народности, образования, убеждений, политической принадлежности, личному и общественному положению или имущественному состоянию» (ст. 6). «Каждый имеет право пользоваться национальными и общечеловеческими культурными ценностями, а также развивать свою культуру в соответствии со своей этнической принадлежностью, что признано и гарантировано законом» (ст. 54).

Конституционные принципы — необходимое, но недостаточное условие для создания и поддержания позитивной мультикультурной среды государственным и политическими средствами. Необходимы непрерывные научные исследования структурных элементов этой среды, их динамичного развития и взаимоотношений; последовательные разумные действия со стороны государственных, политических и общественных структур. Не следует забывать и о том, что для реализации этих усилий также нужны терпение и много времени, плодотворное открытое обсуждение, обмен

мнениями, в том числе и при определении содержания понятий.

Например, понятие «нация» должно определяться на основе гражданской принадлежности: человек должен быть убежден, что он является болгарским гражданином. Одно из определений понятия «болгарская самобытность» предполагает, что оно достаточно объемно, чтобы включить все население страны, и достаточно толерантно, чтобы допустить различия многих общностей. Также необходимо преодолеть заблуждение многих людей о синонимичности понятий «инакомыслие» и «чуждаковатость». Тем более что в Балканском регионе часто разгораются этнические конфликты.

В условиях мультикультурной среды политически ответственный подход должен включать оценку рисков и опасностей, а также поиск решений. В связи с этим встает вопрос об истинном народном лидере.

Опасность существования противопоставлений на этнической основе связана прежде всего с тем, что небольшие конфликты могут перерасти в серьезные столкновения. Нельзя допустить, чтобы это произошло. Нельзя повторять серьезные ошибки типа так называемого Возрождительного процесса в Болгарии, когда турецкие имена людей насильственно менялись на болгарские. Более страшно другое — рост недоверия, неприязни, ненависти, враждебности, которые тлеют без видимых причин, разрушают доверие между людьми и делают невозможным единение болгарской нации и ее граждан. Это ослабляет наше государство, мешает ему стать сильнее и лучше.

Не случайно в последнее время активизировалась националистическая партия «Атака». К сожалению, это не единственный эпизод подобного рода. «Атака» — опасное образование в болгарской политической и общественной жизни. Но подобного рода организации существуют и в так называемых развитых демократиях, в таких государствах, как Австрия, Франция, Нидерланды. Пока не существует адекватных способов борьбы с подобными организациями и проявлениями, поэтому возникает серьезная опасность их существования в будущем. Следует учитывать на первый взгляд незначительные факты этнического противопоставления, проявления крайнего национализма и действий экстремистских групп, которые подрывают национальную и международную безопасность.

Поиск решений должен начинаться с изучения причин проблем социального и политического характера, а не цивилизационного и культурологического. Этническое противопоставление возникает вследствие нере-

шенных противоречий и недостаточной обдуманности политических, экономических, социальных решений (здесь особенно актуальна проблема бедности). Доказательством является участие в экстремистских акциях людей, которые поддались внушениям и манипуляциям со стороны непорядочных лидеров. Не следует недоумевать по поводу конфликтов на этнической почве, если столкновения на экономической, идеологической и политической основе являются обыденностью, частью нашей жизни. Если экономическая модель «скрипит», политическая — «буксует», а социальная — «болеет», можно ли ожидать, что этническая и мультикультурная модели будут нормально функционировать?!

Следует обратить внимание еще на один важный момент. Любая общность, каждый человек борются за свою значимость и отстаивают ее. После достижения этой цели наступает следующий этап — борьба за утверждение превосходства, в том числе способами агрессии и насилия против другого и себе подобного. Необходима «золотая середина» в решении проблем в полиэтнической среде — это поиск «золотого сечения», в котором совпадают ожидания, интересы и желания всех членов общества.

Однако этот механизм будет эффективно работать, только если окажется в руках истинного лидера. Несмотря на то что нечасто можно услышать мнение о мудрости болгарского народа, я убежден, что народ Болгарии в целом и государственные деятели в частности обладают мудростью. В настоящее время, когда лидерство подменяется борьбой за популярность, мы убеждаемся в правоте такой оценки.

Отсутствие лидеров — одна из главных причин возникающих в поликультурном обществе проблем. Великие дела вершатся великими лидерами. Не следует забывать об одном из важных требований, предъявляемых к лидеру, — о готовности заплатить политическую цену за принятие тяжелого, но необходимого решения, включая жертву личной политической карьерой и нанесением морального ущерба своей партии.

В настоящее время следует в кратчайшие сроки сделать все необходимое для последовательного, целенаправленного, институционализированного воспитания подлинных лидеров. Нельзя допустить промедления. Ведь жизнь любого человека независимо от того, в какой поликультурной среде он проживает, — короткий полет. Известная мудрость гласит: «Все люди — ангелы с одним крылом, поэтому летать могут, только обнявшись».

А. А. Моисеев¹

НАДГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Надгосударственность до настоящего времени является наиболее противоречивым понятием в международном праве. Действующего международно-правового акта, в котором бы раскрывался или хотя бы упоминался термин «надгосударственность», не существует. Нет устоявшегося определения этого термина и в международно-правовой литературе². Однако отсутствие термина «надгосударственность» в международных договорах не означает отсутствия этого явления в деятельности международных организаций, в том числе и в деятельности международной организации «Европейский Союз».

Явление надгосударственности проявляется в Лиссабонском договоре о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 года³.

История понятия «надгосударственность» начинается на заре европейской интеграции в конце 1940-х — начале 1950-х годов, когда его стали использовать в политических, а затем и в международно-правовых документах. Безусловно, само явление надгосударственности существовало и ранее.

Впервые в официальном документе о надгосударственности было упомянуто в резолюции Конгресса Европы 1948 года, где в части, посвященной вопросам создания Верховного европейского суда, говорилось: «Для гарантии прав человека необходим надгосударственный орган, осуществляющий судебную компетенцию»⁴.

Следующий раз о надгосударственности было упомянуто 9 мая 1950 года в Декларации Р. Шумана⁵, в ко-

торой прозвучал призыв «соединить суверенитет французской и германской угольной и сталелитейной промышленности под эгидой единой высшей администрации». В декларации продвигались идеи осмысления надгосударственной власти как процесса «частичного слияния суверенитетов государств», а также независимости надгосударственной власти в принятии решений «как от государств, так и от частных интересов»⁶.

В ноте от 25 мая 1950 года Р. Шуман настаивал на том, чтобы еще до начала переговоров об образовании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) государства в принципе согласились с созданием надгосударственного органа⁷. Результатом декларации стало использование термина «надгосударственность» в Парижском договоре об учреждении Европейского объединения угля и стали 1951 года.

В международном договоре упоминание о надгосударственности впервые появилось именно в п. 4, 6 ст. 9 Парижского договора об учреждении ЕОУС, где, в частности, говорилось о надгосударственном характере функций чиновников верховного органа ЕОУС, однако определения этого термина в тексте договора не появилось. После вступления в силу европейского Договора о слиянии 1967 года ст. 9 Парижского договора об учреждении ЕОУС была отменена.

Далее термин «надгосударственность» упоминается в Договоре о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) от 27 мая 1952 года⁸, в проекте Договора 1952 года об образовании Европейского политического сообщества (ЕПС), подготовленного Парламентской ассамблеей ЕОУС⁹, но не вошел в римские договоры 1958 года об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). Как известно, договоры о ЕОС и ЕПС в силу не вступили.

При сравнении текстов трех документов — договоров об ЕОУС, ЕОС и ЕПС — обнаруживаются различия в употреблении термина «надгосударственность». В Парижском договоре о ЕОУС 1951 года говорится о надгосударственном характере функций

⁶ Пояснение своей декларации Р. Шуман дал в Национальном собрании Франции в 1959 году: «Основное в нашем предложении — создать над государствами надгосударственную власть, являющуюся выражением солидарности между странами, в которой происходит частичное слияние их национальных суверенитетов. Надгосударственная власть в принятии решений будет независима как от государств, так и от частных интересов» (цит. по: *Lindeiner-Wildau K. Von la supranationalite en tant que principe de droit. Leyden, 1970. P. 39*).

⁷ *Bonnefous E. L'Europe en face de son destin. P., 1955. P. 165.*

⁸ В преамбуле говорится: «Настоящим договором Высокие Договаривающиеся Стороны учреждают ЕОС надгосударственного характера, обладающее общими институтами, вооруженными силами, бюджетом» (*Fact Sheets on the European Parliament and Activities of the European Community. Luxembourg, 1987. P. 87*).

⁹ В договоре, в частности, говорилось: «Настоящим договором учреждается европейское сообщество надгосударственного характера. Сообщество основано на союзе народов Европы, уважении их индивидуальности, равенства их прав и обязанностей. Оно не может быть распушено» (*Ibid. P. 93*).

¹ Декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор. Вице-президент Российской ассоциации международного права. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Надгосударственность в современном международном праве», «Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты», «Суверенитет государства в международном праве», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)» и др.

² В отечественной литературе для описания рассматриваемого явления используются как термин «наднациональность», так и термин «надгосударственность». Несмотря на широкое распространение термина «наднациональность», предпочтение следует отдать термину «надгосударственность», поскольку он точнее передает суть явления и является более корректным переводом с французского «supranationalité», английского «supranational», немецкого «überstaatlich». Также следует учесть, что в отличие от термина «надгосударственность» перевод с русского на упомянутые иностранные языки термина «наднациональность» ведет к заметному искажению его смысла.

³ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community — международный договор, подписанный на саммите Евросоюза 13 декабря 2007 года в монастыре иеронимитов в Лиссабоне.

⁴ В документе также подчеркивалось, что образование европейской федерации предполагает образование инстанции, стоящей над государствами, в которую будут входить как юридические, так и физические лица. Докладчик А. Марк особо подчеркнул, что надгосударственный характер суда можно обеспечить, лишь исключив всякое политическое влияние на суд со стороны государств (*Cartou L. Le Marche commun et le droit public. P., 1959. P. 34*).

⁵ Р. Шуман — министр иностранных дел Франции (1948–1953).

чиновников верховного органа ЕОУС, в двух других документах речь идет о надгосударственности самих организаций. Следует полагать, что отцы-основатели единой Европы не имели четко разработанной концепции надгосударственности.

Появление и существование международных организаций с надгосударственными элементами являются закономерным результатом исторического развития международного сообщества государств. Предпосылками развития надгосударственных элементов в деятельности международных организаций экономического, технического, экологического, социального характера¹ стали появление и увеличение масштаба глобальных проблем, а также поиск наиболее эффективных путей их решения в рамках международных организаций.

Современное развитие международного сообщества вынуждает государства наделять международные организации полномочиями, традиционно относящимися к национальной компетенции². Решение глобальных проблем связывается с возможностью международных организаций принимать решения, обязательные для государств, по соответствующим проблемам, входящим в их компетенцию, а не только по внутриорганизационным вопросам.

Впервые нормы, закрепляющие возможность наделяния международных органов правами, традиционно принадлежащими государствам, были зафиксированы в преамбуле Конституции Франции 1946 года, которая в настоящее время действует в качестве составной части Основного закона Франции 1958 года. В преамбуле установлено, что «Франция соглашается на условиях взаимности с ограничениями суверенитета, необходимыми для организации и защиты мира»³. Аналогичные нормы были зафиксированы в конституциях Италии и Германии.

В ст. 11 Конституции Италии 1947 года говорится: Итальянское государство «соглашается на условиях взаимности с другими государствами на ограничение суверенитета, необходимое для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость <...> оно оказывает помощь и содействует международным организациям, стремящимся к этим целям»⁴.

Статья 24 Основного закона ФРГ 1949 года: «Федерация может законом передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям <...> Федерация согласится на такие ограничения своих суверенных прав, которые должны привести к установлению и обеспечению мирного и длительного порядка в Европе и между народами всего мира»⁵. В соответствии с формулировкой Конституционного Суда ФРГ ст. 24, не подвергавшаяся изменениям

с момента своего включения в Конституцию страны в 1949 году, «не уполномочивает на собственно передачу верховных государственных прав, а открывает национальный правопорядок таким образом, что претензия ФРГ на исключительное право распоряжаться своими верховными полномочиями отменяется и допускается прямое действие и применимость права из другого источника в рамках внутрисударственной компетенции»⁶. То есть «открытие национального правопорядка» интерпретируется как передача верховных государственных прав ФРГ. Конституционный Суд ФРГ также признал примат европейского права в области защиты основных прав граждан государства и подчеркнул, что национальные суды более некомпетентны проверять содержание этого права и контролировать его применение с точки зрения соответствия Конституции ФРГ⁷.

Положения конституций государств о передаче международным организациям государственных прав следует рассматривать именно как установление определенных функциональных полномочий, входящих исключительно в суверенную компетенцию государств, в пользу международной организации, а не как передачу суверенитета или каких-либо элементов суверенитета международным организациям.

Следует исходить из того, что государство не может передать международной организации свой суверенитет ни в полном, ни в частичном виде или наделять такую организацию суверенным качеством. Суверенитет — качество государства, которое не имеет отношения к международной организации, поскольку природа государственной власти и власти международной организации различна, даже если она обладает надгосударственными элементами. С точки зрения международного права полагаем неслучайным провал Конституции ЕС в 2005 году (проект которой был подписан в 2004 г.), предшествовавшей Лиссабонскому договору 2007 года, поскольку в рамках действующей системы международно-правовых инструментов внутрисударственными, международный договор — конституционным актом.

В отличие от суверенных прав государств⁸ надгосударственная организация может обладать только определенными производными правами, которыми ее наделяют государства — члены международной организации. Рассуждать об утрате каких-либо прав государством при делегировании их международной организации также вряд ли корректно, в таких случаях речь идет о реализации суверенитета государства посредством многостороннего механизма международной организации. С этой точки зрения неверным является утверждение, что «стороны Парижского договора согласились передать часть своих законодательных, административных и судебных полномочий на европейский (надгосударственный) уровень, то есть но-

¹ В Международной организации труда (МОТ), Международной организации гражданской авиации (ИКАО), международной компании спутниковой связи «ИНМАРСАТ» надгосударственные элементы проявляются в основном при решении социальных, технических и экономических вопросов.

² Моисеев А. А. Международные финансовые организации. Правовые аспекты деятельности. М., 2003.

³ Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. 4-е изд. М., 2003. С. 54.

⁴ Италия: Конституция и законодательные акты. М., 1988. С. 30.

⁵ Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

⁶ Федеративная Республика Германия. С. 34.

⁷ Юмашев Ю. М. Правовая эволюция европейских сообществ: до и после Маастрихта // Московский журнал международного права. М., 1992. № 3. С. 73–92, 80–81.

⁸ Точнее говорить не о суверенных, а о государственных правах в смысле их принадлежности государству.

вым органам власти ЕОУС, получившим общее наименование “институты” Европейского Союза»¹.

До тех пор пока государства сохраняют свой суверенитет, они обладают универсальной компетенцией и имеют право принимать любые решения в рамках международного права, и отнять это право у государств нельзя, равно как они сами не могут отказаться от него, даже включив соответствующие положения в международный договор².

Ошибочными являются суждения об «ограничении суверенитета государств — членов Европейского Союза в пользу наднациональных (надгосударственных) органов власти на европейском уровне, уполномоченных издавать обязательные предписания как для самих государств и их органов, так и для их граждан и юридических лиц»³.

Возвращаясь к Лиссабонскому договору, напомним, что он вносит изменения в три основополагающих документа Европейского Союза: Договор об учреждении европейского сообщества (Римский договор, 1957 г.), Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор, 1992 г.) и Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Договор о Евратоме, 1957 г.) — и после вступления в силу перестает существовать как единый текст, а нововведения инкорпорируются в три вышеперечисленных договора.

Надгосударственная компетенция «Европейский Союз» была расширена Лиссабонским договором и ограничивается, во-первых, вопросами, решения по которым являются обязательными для исполнения государствами-членами. Во-вторых, по таким вопросам производится голосование, в том числе в соответствии с принципом квалифицированного большинства, например:

- порядок председательства в совете (ст. 201b Римского договора);
- свободное передвижение рабочей силы, социальные гарантии (ст. 42 Римского договора);
- общая транспортная политика (ст. 107.3 Римского договора);
- административное сотрудничество в области свободы, безопасности и порядка (ст. 66 Римского договора);
- пограничный контроль (ст. 69 Римского договора);
- политическое убежище и защита беженцев и перемещенных лиц (ст. 69А Римского договора);
- миграция (ст. 69В Римского договора);
- судебное сотрудничество по вопросам преступлений (ст. 69Е Римского договора);
- Евроюст (ст. 69Н Римского договора);
- Европол (ст. 69J Римского договора);
- культура (ст. 151.5 Римского договора);
- инициатива граждан в отношении законодательства ЕС (ст. 8В Договора о ЕС и ст. 21 Римского договора);

¹ Европейский Союз. Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2008. С. 16.

² Моисеев А. А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2011.

³ Европейский Союз. Основополагающие акты... С. 14.

— решение о выходе государства-члена из состава ЕС (ст. 35 Договора о ЕС);

— интеллектуальная собственность (ст. 97В Римского договора);

— общая позиция по международным вопросам в рамках еврозоны (ст. 115а Римского договора);

— космическая политика (ст. 172А Римского договора);

— энергетика (ст. 176А Римского договора);

— меры по предотвращению преступности (ст. 69С Римского договора);

— туризм (ст. 176В Римского договора);

— спорт (ст. 149 Римского договора);

— защита населения (ст. 176С Римского договора);

— административное сотрудничество (ст. 176D Римского договора) и др.

Как известно, для осуществления компетенции Европейского Союза его институты принимают регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения: *регламент* имеет общее действие, является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах; *директива* имеет обязательную силу для каждого государства-члена, которому она адресована, в отношении результата, которого требуется достичь, но оставляет в компетенции национальных инстанций выбор формы и способов достижения; *решение* является обязательным в полном объеме для всех или указанных адресатов; *рекомендации* и *заключения* не имеют обязательной силы (ст. 288 Договора о функционировании Европейского Союза).

Следовательно, выявляя элементы надгосударственности ЕС, в первую очередь следует иметь в виду регламенты, директивы и решения. Надгосударственность, как правило, проявляется в отношении тех государств, которые при принятии решений квалифицированным или простым большинством голосуют против, но в случае их принятия все же должны выполнять обязательные решения Европейского Союза.

Чтобы разобраться с механизмом реализации надгосударственности ЕС, обратимся к структуре международной организации. Согласно ст. 13 Римского договора: «Союз располагает институциональным механизмом, призванным проводить в жизнь его ценности, осуществлять его цели, служить его интересам, интересам его граждан и государств-членов, а также обеспечивать последовательность, эффективность и преемственность его политики и его действий».

Институтами Европейского Союза являются: Европейский парламент; Европейский совет; Совет; Европейская комиссия; Суд Европейского Союза; Европейский центральный банк (ЕЦБ); Счетная палата. «Каждый институт действует в пределах полномочий, которые предоставлены ему в договорах, в соответствии с предусмотренными договорами процедурами, условиями и целями. Институты поддерживают между собой лояльное сотрудничество» (ст. 13.2 Римского договора).

Европейский парламент совместно с Советом осуществляет законодательную, консультативную,

бюджетную функции, функцию политического контроля (ст. 14 Римского договора).

Надгосударственность Европейского парламента проявляется при принятии большинством голосов обязательных регламентов для государств-членов, которые выступают против регламента, но обязаны его выполнять (ст. 223, 231 Договора о функционировании ЕС).

Возможность граждан Союза, его физических или юридических лиц, проживающих или имеющих юридический адрес в государстве-члене, представлять в индивидуальном порядке или коллективно петицию Европейскому парламенту по вопросам, относящимся к компетенции Союза (ст. 227 Договора о функционировании ЕС), не следует квалифицировать как надгосударственные функции объединения.

Европейский совет дает ЕС необходимые для его развития побудительные импульсы и определяет общие политические ориентиры и приоритеты, но не осуществляет законодательную функцию.

В зависимости от вопроса Европейский совет принимает свои решения на основе консенсуса, единогласно или квалифицированным большинством глав государств или правительств (ст. 15 Римского договора).

Надгосударственность Европейского совета проявляется при принятии решений квалифицированным большинством для государств, выступающих против принятия таких решений. Квалифицированным большинством (ст. 16 Римского договора) принимаются следующие решения:

а) решение, устанавливающее перечень других формаций Совета, помимо тех, которые предусмотрены в ст. 16.6 Договора о ЕС;

б) решение о председательстве в формациях Совета, кроме формации по иностранным делам, в соответствии со ст. 16.9 Договора о ЕС (ст. 235 Договора о функционировании ЕС).

Совет совместно с Европейским парламентом осуществляет законодательную, бюджетную, координационную функции, функцию определения политики. В состав Совета входят представители от каждого государства-члена на министерском уровне, уполномоченные создавать обязательства для правительств государств-членов и обладать правом голоса.

Совет осуществляет надгосударственные функции, принимая решения квалифицированным большинством (ст. 238 Договора о функционировании ЕС), за исключением прямо предусмотренных в договорах случаев принятия решения единогласно или простым большинством (ст. 16 Римского договора).

Надгосударственность Совета также может проявляться в случаях принятия обязательных постановлений простым большинством голосов членов, входящих в его состав, по вопросам организации Генерального секретариата, процедурным вопросам, а также при принятии внутреннего регламента (ст. 238, 240 Договора о функционировании ЕС).

Европейская комиссия продвигает общие интересы Союза и с этой целью выступает с инициативами, следит за применением договоров, осуществляет надзор за применением права Союза под контролем Суда Европейского Союза, исполняет бюджет и управляет

программами, осуществляет координационную, исполнительную и управленческую функции, выступает с инициативами по составлению ежегодной и многолетней программ Союза в целях достижения межгосударственных соглашений, обеспечивает представительство Союза на международной арене за исключением общей внешней политики и политики безопасности и так далее (ст. 17 Римского договора).

С целью обеспечения собственного функционирования и деятельности своих служб Комиссия ЕС принимает внутренний регламент. Акты комиссии принимаются большинством ее членов (ст. 249, 250 Договора о функционировании ЕС).

Суд Европейского Союза обеспечивает соблюдение права в ходе толкования и применения договоров, он включает суд, трибунал и специализированные трибуналы, которые устанавливают свои процессуальные регламенты (ст. 253, 254, 257 Договора о функционировании ЕС).

Суд ЕС, в частности, выносит решения по искам, подаваемым государствами-членами (ст. 19 Римского договора). Суд ЕС уполномочен рассматривать споры, касающиеся исполнения государствами-членами обязанностей, вытекающих из Устава Европейского инвестиционного банка (ЕИБ); актов Совета управляющих ЕИБ; исполнения Административного совета ЕИБ; исполнения национальными центральными банками обязанностей, вытекающих из договоров и уставов Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ) и Европейского центрального банка (ЕЦБ).

Решения Суда ЕС обладают исполнительной силой (ст. 271, 280 Договора о функционировании ЕС). Если Суд ЕС признает, что государство-член не выполнило обязанность, возложенную на него договорами, то это государство должно принять меры, которые требуются для исполнения решения Суда ЕС, иначе Суд ЕС может возложить на государство-член обязанность по уплате фиксированной суммы или пени (ст. 260 Договора о функционировании ЕС).

Акты Совета, Комиссии или ЕЦБ, возлагающие денежное обязательство на иные лица, нежели государства, выступают в качестве исполнительного документа. Принудительное исполнение регулируется гражданско-процессуальными нормами, действующими в том государстве, на территории которого оно происходит, и может быть приостановлено только по решению Суда ЕС. В то же время контроль правомерности исполнительных действий относится к юрисдикции национальных судов (ст. 299 Договора о функционировании ЕС).

Европейский центральный банк и национальные центральные банки образуют Европейскую систему центральных банков (ЕСЦБ). Европейский центральный банк и национальные центральные банки государств-членов, денежной единицей которых является евро, образуют евросистему и проводят денежную политику Союза. Управление ЕСЦБ осуществляют руководящие органы ЕЦБ.

Главной целью ЕСЦБ является поддержание стабильности цен. Без ущерба для этой цели она предоставляет свою поддержку общей экономической поли-

тике в Союзе, чтобы способствовать достижению целей последнего. ЕЦБ обладает международной правосубъектностью.

ЕЦБ принимает меры, необходимые для выполнения своих задач, предусмотренные уставами ЕСЦБ и ЕЦБ. Государства-члены, денежной единицей которых не является евро, и их центральные банки сохраняют свою компетенцию в денежной сфере (ст. 282 Договора о функционировании ЕС).

Надгосударственность ЕЦБ проявляется в том, что только он уполномочен санкционировать эмиссию евро, ЕЦБ независим при осуществлении своих полномочий и управлении своими финансами. Институты, органы и учреждения Союза, а также правительства государств-членов соблюдают эту независимость.

Счетная палата обеспечивает проверку счетов Союза. Счетная палата проверяет законность и правильность доходов и расходов и удостоверяется в существовании надлежащего финансового управления. Члены Счетной палаты не запрашивают и не принимают инструкции ни от какого правительства или учреждения, они воздерживаются от любых действий, не совместимых с характером их функций. Счетная палата устанавливает свой внутренний регламент (ст. 285, 286, 287 Договора о функционировании ЕС).

Межгосударственная правоспособность или компетенция Европейского Союза определена в ст. 47 Римского договора 1957 года, согласно которой ЕС может заключать международные договоры с третьими субъектами международного права во всех сферах его компетенции в следующих четырех случаях:

- 1) если это предусмотрено основополагающими договорами ЕС;
- 2) если того требует достижение целей, обозначенных в договорах;
- 3) если того требует юридически обязательный документ ЕС;
- 4) если данный договор может «повлиять на общие правила ЕС или изменить их» (ст. 188L Римского договора).

Процедура заключения международных договоров от лица ЕС предполагает получение согласия Совета ЕС на проведение переговоров после соответствующих рекомендаций Еврокомиссии и Высокого представителя по внешней политике и политике безопасности. Совет ЕС также назначает главу делегации или представителя от ЕС и принимает решение о подписании договора. Европарламент имеет совещательную функцию, за некоторыми исключениями, в частности в случае положений договоров о присоединении к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 188N Римского договора).

Возникновение надгосударственных функций в компетенции международной организации является результатом суверенного, то есть независимого, волеизъявления государств-членов на основе принципов и норм международного права и служит достижению общих интересов государств, связанных с продвижением идей о будущем гармоничном устройстве мира на основе более тесного сотрудничества, а не для вмешательства во внутренние дела государств.

Надгосударственность является способом единообразного регулирования определенных областей сотрудничества, затрагивающих интересы государств-членов, которые с этой целью заключают между собой международный договор об учреждении международной организации. Причем возможное столкновение интересов международной организации и государства-члена может возникать лишь в ходе деятельности международной организации, а не на этапе ее создания.

Таким образом, основой существования надгосударственности является институционный механизм международных организаций. Примечательно, что проявиться надгосударственность может на различных этапах деятельности международной организации, независимо от указания этого качества в ее уставных документах. Суть явления надгосударственности заключается в способности и возможности практически любой международной организации принимать решения, обязательные для государств-членов.

Сущность надгосударственности определяется интересами государств-участников, которые находят отражение в уставе и деятельности международной организации. Учреждая новую международную организацию, государства устанавливают ее международную правосубъектность и определенный объем правоспособности, то есть придают ее органам определенные полномочия, с помощью которых организация регулирует соответствующие межгосударственные отношения.

На время участия в международной организации государства наделяют ее материальными полномочиями в строго ограниченных областях, в отношении которых компетенция международной организации может иметь приоритет по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, но суверенный статус и независимость государств при этом не затрагиваются и не зависят от того, использует ли само государство такие полномочия или нет.

Можно утверждать, что надгосударственность Европейского Союза как международной организации проявляется в случаях принятия соответствующих регламентов, директив или решений, имеющих обязательный для исполнения характер, такими институтами Союза, как Европейский парламент, Европейский совет, Совет, а также в рамках своей компетенции — Судом Европейского Союза и Европейским центральным банком. Примечательно, что Европейский парламент, Совет и Комиссия в целях организации своего сотрудничества могут заключать межинституционные соглашения обязательного характера (ст. 295 Договора о функционировании ЕС).

В остальных случаях отношения между ЕС и его государствами-членами следует квалифицировать как традиционные межгосударственные отношения. Разграничение компетенций ЕС и государств-членов обусловлено правом государств заключать любой международный договор при условии, что он не противоречит международным договорам, подписанным ЕС, или не относится к сфере компетенции Европейского Союза.

В. В. Попов¹

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

На нынешнем этапе вступления человечества во второе десятилетие XXI века в силу ускорения в эпоху глобализации социально-экономических и политических процессов, их возросшего многообразия, сложности и взаимозависимости, представляется трудным даже при доскональном, тщательном и глубоком анализе определить основные направления развития геополитической ситуации. Новые средства массовых коммуникаций кардинально меняют сегодняшний мир, и даже ученые-политологи не всегда успевают обобщать и анализировать происходящие события. Катаклизмы последних лет носят настолько стремительный характер, что современники оказываются не в состоянии верно оценить суть явлений и сделать должные выводы. Видимо, нам еще не раз суждено столкнуться с неожиданными поворотами, которые трудно предвидеть и предугадать.

Тем не менее на фоне общей крайне сложной и подвижной картины достаточно четко проступают признаки серьезнейшего кризиса западной, а если быть более точным, европейской цивилизации (североамериканский континент стоит особняком в силу сохраняющегося роста населения).

Ныне можно говорить о том, что подходят к завершению два имеющих глобальный масштаб исторических процесса. Во-первых, уходит существовавший в течение 500 лет евроцентристский мир: сравнительно небольшой концерн крупных держав, в том числе и России, а с XIX века и США, располагал основными рычагами в определении развития мировых событий. Одновременно формируются основные параметры и блоки нового геополитического порядка: на авансцену выходят иные, нежели западные, цивилизации — китайская, индийская, исламская, латиноамериканская.

Во-вторых, заканчивается исторический срок 200-летней индустриальной цивилизации, рождается постиндустриальная, называемая интегральной. Назрела неотвратимая потребность в системном обновлении глобальной стратегии. Ее цель — формирование нового способа производства и потребления, обеспечивающего равновесие между природой и обществом, преодоление пропасти между богатыми и бедными, создание подлинно многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства государств и цивилизаций.

Сегодня налицо видимые признаки того, что западная, именуемая также европейской, цивилизация вступила в эпоху угасания. Научное предвидение Освальда Шпенглера в 1912 году в его работе «Закат Европы» рельефно проявляется 100 лет спустя. Это красноречиво подтверждает американский журнал «Тайм», в номере которого от 11 августа 2011 года опубликован

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Близкий Тунис» и др. Награжден орденом Дружбы.

объемный исследовательский материал под названием «Конец Европы». «Еще поколение назад Европа была готова встретить любую угрозу с решимостью и стойкостью, — писал в своей монографии “XXI век” известный российский ученый А. И. Уткин, — но нынешнее поколение, как и грядущее, лишено энергии, смелости и твердости, чтобы защитить свою культуру, свой строй и свой быт»². Пройдя через истощившие ее две мировые войны, многочисленные кровопролитные конфликты и хищническое истребление природных ресурсов, европейская цивилизация, достигнув пика своего расцвета, переживает кризис умирания, хотя внешне европейский образ жизни и уровень современного развития пока представляется благополучным и привлекательным. Красноречиво и убедительно характеризует это состояние известный публицист и писатель М. Веллер: «Европа дала миру все. Наука, техника, культура, прогресс, могущество, свобода, комфорт — это все Европа. Но сегодняшняя Европа — гниль, вырождение, себя сохранить не в силах. Похоронить! Не подражать! А тому подражать, что главным было в великой Европе великих перемен, — величию, таланту трудиться и благотворной суровости морали».

Дамоклов меч демографической проблемы нависает над стареющей Европой, коренное население которой сокращается все более быстрыми темпами. Европа в перспективе обречена уже в силу демографической парадигмы³, и тенденция такова, что население будет и дальше сокращаться, а континент будет превращаться в дряхлеющий организм. Процесс старения населения усугубляется постоянным сокращением рождаемости. Из 20 наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости, 18 находятся в Европе. При сохранении нынешних тенденций к 2050 году численность европейцев рабочего возраста (от 15 до 65 лет) сократится до 365 млн, а число людей старше 65 лет составит 172 млн, то есть треть населения. Эксперты называют это «статистикой исчезающей расы». Попытки затормозить такое развитие событий приводят к предложениям о повышении пенсионного возраста до 75 лет. Активно обсуждаются и другие паллиативные меры — повышение налогов, дефицитное финансирование и тому подобное, но они не могут коренным образом выправить кризисные явления⁴.

² Уткин А. И. XXI век. М., 2010. С. 245.

³ «При сохранении современной демографической тенденции население Европы к концу XXI века составит 207 млн человек, то есть в 2100 году останется треть нынешней численности. Европа пошла навстречу своей судьбе, возможно, бессознательно, если говорить об отдельных людях. Но сознательно с точки зрения коллективной воли народов. Эта статистика исчезающей расы <...> Колыбель западной цивилизации становится ее могилой» (Buchanan P. The Death of the West. N. Y., 2002. P. 12).

⁴ По оценке американского политолога и общественного деятеля П. Бьюкенена, содержащейся в книге «Смерть Запада», «что-то жизненно важное ушло из Европы. Некогда западные нации были готовы приносить жертвы — “за прах предков и за храмы своих богов”. Но европейцы сегодня более богаты и многочисленны, чем в 1914 или в 1939 году, и не готовы приносить подобных жертвы. Время Европы ушло» (Ibid. P. 109).

Европейская экономика будет все больше размываться по мере увеличения числа пенсионеров, будет вынуждена открывать двери для растущей иммиграции, чтобы восполнить трудовые ресурсы. Чтобы сохранить и поддержать свой жизненный уровень и предотвратить падение жизненных стандартов, Европе придется постоянно увеличивать приток иностранной рабочей силы. В ближайшие 50 лет соотношение работающих и пенсионеров изменится с 5:1 до 2:1. К 2050 году для сохранения нынешнего количества населения и уровня экономики Европа будет нуждаться в 169 млн иммигрантов, то есть страны ЕС должны будут пойти на 60-кратное увеличение этого потока. Скорее всего это будут арабские иммигранты-мусульмане из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Они везут с собой свои политические взгляды и религию. Практика показала, что расчеты на интеграцию, ассимиляцию иммигрантов, на их восприятие западных ценностей, образа мышления и поведенческой модели, на то, что американский плавильный котел можно перенести на европейскую почву, не оправдались. Европейский Союз в течение долгих лет не смог выработать эффективные пути адаптации иностранной рабочей силы. Этнически гомогенные европейцы не могут втянуть в свою среду иммигрантов — носителей иного мировоззрения и мировосприятия. Об этом открыто заявили лидеры крупнейших западноевропейских государств, признав, что идея мультикультурализма потерпела крах. Особенно это касается быстро растущей мусульманской общины: по мере увеличения числа арабских иммигрантов (например, уже сегодня пятую часть населения Вены составляют мусульмане¹) будет усиливаться влияние мусульманского мира, в том числе его радикальных организаций. А это неизбежно повлечет за собой межэтнические и межнациональные конфликты, нарастание социального и психологического противостояния в обществе.

Показательными в этом отношении являются перспективы приема Турции в ЕС. Против ее присоединения, по сути, выступают главные страны Союза — Франция и Германия, что создает напряженность в двусторонних отношениях. Очередным свидетельством не просто политических разногласий, а своего рода цивилизационного разлома стал кризис в турецко-французских отношениях в декабре 2011 года, когда Турция отозвала своего посла из Франции в знак протеста против принятия французским парламентом законопроекта, предусматривающего уголовную ответственность за отрицание геноцида армян в Османской империи в период Первой мировой войны².

¹ Африканцы и азиаты стали частью западноевропейской структуры, базируясь прежде всего в крупных городах. Марсель, собственно, уже не французский город, а Франкфурт заметно теряет немецкие черты (30 % иммигрантов, 27 мечетей). В Лондоне прежнее белое большинство превращается в меньшинство практически на глазах современников, а по всей стране белое население станет меньшинством к 2100 году (Observer. 03.09.2000 г.).

² В соответствии с этим законом публичное отрицание геноцида будет караться тюремным сроком до одного года или штрафом в размере до 45 тыс. евро. По армянским данным, в 1915 году в османской Турции было убито около 1,5 млн армян. По версии Анкары погибло примерно 300 тыс. армян. Кроме того, в результате восстания армян против Османской империи при вторжении российских войск в Восточную Анатолию погибло много турок.

Многие европейцы усматривают опасность в том, что присоединение государства с 80-миллионным преимущественно мусульманским населением приведет к размыванию и последующей утрате европейской идентичности. Причем эта тенденция будет прогрессировать на фоне усиливающегося в Европе процесса дехристианизации, по сути разрушения корней европейской культуры.

Падение в странах Старого Света влияния религии, прежде всего христианства, традиционно выполнявшего роль цементирующего фактора в поддержании и сохранении европейского образа жизни, — очевидное и признанное явление. Например, по оценке Центра изучения глобального христианства — семинарии в Массачусетском университете, «в Западной Европе деградируют позиции всех основных религий за исключением ислама, причем половина адептов, причисляющая себя к христианам, не посещает литургии».

По данным опросов и исследований, опубликованным на сайте «Аль-Джазира» 20 декабря 2011 года, число граждан стран Западной Европы, которые относят себя к христианам, уменьшилось в последние 20 лет с 66 до 43 %. При этом с 31 % в 1983 году до 51 % в 2009-м возросло количество тех, кто не связывает себя ни с каким вероисповеданием.

Таким образом, есть основания говорить о переkreщивании двух тенденций дехристианизации и своего рода цивилизационного разлома, проявляющегося в обострении отношений с мусульманским меньшинством вследствие неспособности европейских обществ интегрировать быстро увеличивающееся мусульманское население на континенте.

Надлом произошел на рубеже становления индустриальной цивилизации. В основу морали Запада поставлен принцип, провозглашенный Френсисом Бэконом: «Наука нужна для того, чтобы ставить Природу на службу человеку». Опасность этой концепции заключается, в частности, в том, что технические возможности растут быстрее миропредставлений, материальная сторона эволюционирует быстрее духовной. Это ведет к деградации моральных устоев общества и его распаду. Когда ценности подвергаются подобной эрозии, происходит перерождение и вырождение личности. Недавним трагическим проявлением этого стал теракт в Норвегии летом 2011 года, когда европейский националист на почве внутреннего неприятия разлада культур убил 77 и ранил более 100 своих соотечественников.

Глобальная информационная революция поставила под удар сферу культуры и нравственности. Новому поколению навязывается унифицированная псевдокультура, моральная деградация. Кризис нравственных

Турецкий премьер-министр Р. Эрдоган назвал принятый французским парламентом закон «политикой, основанной на расизме, дискриминации и ксенофобии». По словам турецкого премьера, закон «открывает раны в отношениях с Францией, которые будет тяжело залечить» (помимо Франции еще более 20 стран официально признали события 1915 г. геноцидом).

Турки обвиняют президента Франции Саркози в том, что он нарушил обещание блокировать принятие вышеуказанного закона парламентом и сделал это для того, чтобы завоевать на предстоящих в 2012 году президентских выборах голоса полумиллиона армян, проживающих во Франции (BBC, 22.12.2011 г.).

ценностей достиг апогея, что выражается в распаде семей, увеличении количества однополых браков, таких страшных пороках современного общества, как наркомания, алкоголизм, проституция, педофилия и т. п. Нарастает угроза утраты культурного наследия, этнического и цивилизационного многообразия.

Нынче мир является свидетелем общего системного кризиса доминирующей в мире формы власти. Вот что сказал почетный президент Римского клуба А. Кинг: «Жизнь, которую мы ведем, одержима стремлением к бездумному потреблению, разрушению и конфликтам. Мы ищем на ощупь ключи для выживания. Рубежом, который ознаменовал выход человека из животного мира, была нравственность. Ныне реальна угроза того, что доминирование политики и практики потребления низводит человека на нижние этажи его человеческого облика. Отсюда — шаг до катастрофы».

Серьезность ситуации признают и сами европейцы. «Бунты и жадность банкиров привели к тому, что Великобритания, как сообщество, распадается... Разрушены связи между поколениями, утрачены понимание и доверие. Эгоизм и страх разъедают граждан, попорчены нравственные ценности. Англия переживает процесс саморазрушения», — так говорил в рождественской проповеди 2011 года архиепископ Кентерберийский Р. Уильямс, глава англиканской церкви, насчитывающей более 77 млн последователей. На рубеже 2011–2012 годов Европа переживает самый сложный после Второй мировой войны этап своей истории, — считает президент Франции Н. Саркози.

Другой стороной системного кризиса западной цивилизации стали финансово-экономические проблемы, вызванные неумной алчностью банков и корпораций, подталкивающих к тому, чтобы жить не по средствам. Эти процессы усиливаются возрастающей нехваткой энергетических и минеральных ресурсов, основные запасы которых находятся в Азии, Африке и Латинской Америке. Глобальный экономический кризис высветил пороки общества: стремительно растущие финансовые потоки виртуального капитала вышли из-под контроля общества, оторвались от реальной экономики. Разрыв между самыми богатыми и беднейшими достиг астрономической величины — 74 раза. (По мнению математиков и физиков, это критическая для планеты черта.) Капитализм в силу действия его основного природного механизма — достижения максимальной прибыли — усиливает такие присущие homo sapiens черты, как воинственность и алчность, стремление к доминированию, экспансии, захвату. Это со всей очевидностью проявляется в зоне Средиземноморья, где происходит цепная реакция долгового кризиса, который начал переползать с юга на север. Характерно, что в заявлениях и действиях «политкорректных» западных стран все больше доминирует агрессивность. Если во время вторжения США в Ирак большинство европейских стран отмежевалось от американской кампании, то в 2011 году Франция и Англия стали инициаторами и возглавили военные операции НАТО в Ливии. Они рассчитывали, что после недолгой, незатратной, без человеческих жертв и без сопротивления со сторо-

ны местного населения кампании им удастся захватить стратегически важные позиции к близко расположенным богатейшим запасам дешевых высококачественных нефти и газа. Ныне очевидно, что сложившаяся в Ливии расстановка сил не входила в планы европейцев, ситуация там продолжает оставаться крайне запутанной и непредсказуемой. Не исключено, что в связи с этим некоторых руководителей западных держав в будущем могут ждать серьезные расследования их деятельности, которая нанесла ущерб национальным интересам.

Кризис управления и лидеров проявляется в начавшихся судебных процессах в Ирландии, Франции, Украине. (Некоторые английские политологи не исключают возможности новых обвинений в адрес бывшего британского премьера Блэра, который говорил заведомую ложь об имеющемся у Саддама Хусейна оружии массового поражения в качестве предлога для нападения на Ирак.)

С завершением доминирования западной цивилизации, как это предвидел выдающийся английский историк А. Тойнби, на мировую арену выдвигается новый гигант — азиатская цивилизация с ее огромным населением, где более половины составляет молодежь; с мощным сырьевым и человеческим потенциалом, природными ресурсами, акцентом не на материальном прагматизме, что привело к размыванию ценностей христианства, а на стремлении к консенсусу, предпочтению «благожелательного» авторитаризма западной модели демократии¹.

Характерно, что в России, которая находится на стыке двух континентов и всегда гордилась своей духовностью, сплавом различных культур, все больше людей понимают, что будущее мира связано во многом с азиатскими цивилизациями. Председатель правительства РФ В. В. Путин в статье в газете «Известия» от 4 октября 2011 года подчеркивал, что «Россия может играть роль эффективной связи между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В этих условиях формирование Евразийского союза может помочь и Европе, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. Экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕЭС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект».

Российская Федерация, несомненно, представляет собой особый тип цивилизации, как бы ее ни называли, — евразийской, православной или как-то по-иному. Именно поэтому она может многое сделать для того, чтобы не допустить столкновения цивилизаций, которое весьма убедительно предвещал известный амери-

¹ Как убедительно показал в своих работах, особенно в книге «Стратегии экономического роста», известный российский экономист Владимир Попов, успех социально-экономических преобразований в азиатских странах, и прежде всего в Китае, во многом объясняется тем, что проводимая в этих государствах модернизация учитывает особенности национального менталитета и традиции, а не базируется на ломке привычных для общества представлений и постулатов. (Попов В. В. Стратегии экономического развития. М., 2011. С. 156–220).

канский ученый профессор С. Хантингтон. В настоящее время, когда цивилизационный разлом, особенно между западным и исламским мирами, обостряется, на первый план выступает задача налаживания реального диалога культур.

России в этом процессе принадлежит особая роль, ибо она, как отмечал один из известных российских философов Н. А. Бердяев, являет собой «Восток-Запад» и способна выступить реальным примирителем различных цивилизаций.

**Б. А. Титов¹;
Т. В. Ефимова²**

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Мультикультурализм как теоретическая идея и как область социальной практики возник под влиянием глобализационных процессов, в числе которых — рост межкультурных коммуникаций и перемещение значительного числа представителей различных этносов из стран своего исторического проживания в другие (прежде всего европейские) страны.

Это потребовало поиска уже осуществившихся позитивных решений в аналогичных ситуациях и осмысления возможности опоры на них в современных условиях. Наиболее привлекательной показалась американская политика, получившая название «плавильного котла» (*Melting pot*). В годы массовой иммиграции был осуществлен масштабный проект переплавки культур различных этнокультурных групп. При этом использовались преимущественно экономические рычаги в виде льгот. Поощрялось освоение иммигрантами правовых и других норм на основе усвоения ими английского языка. Коренное население Америки интенсивно истреблялось, и в качестве базовой культуры провозглашалась культура «белого протестантского большинства». В итоге утвердилась некая культурная однородность.

Однако во второй половине XX века под влиянием идей неолитерализма вектор сменился. С 1970-х годов начала утверждаться прямо противоположная концепция — мультикультурализм. В основе этого явления — центрация на культурном разнообразии, понимаемом как проявление групповой идентичности. В эти годы принципы мультикультурализма были включены в конституции Канады, Австралии, Швеции. Позже эти принципы прочно вошли в культурную практику большинства стран Европы и стали обязательным атрибутом деятельности международных организаций.

Однако 2011 год ознаменовался серьезным разочарованием в идее мультикультурализма. Почти одновременно ряд ведущих европейских политиков высказались практически одинаково об одном и том же. В октябре

2010 года канцлер Германии Ангела Меркель сказала, что попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились, подчеркнув, что «национальные общины живут бок о бок в одной стране, но не взаимодействуют». Чуть позже, 5 февраля 2011 года, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, впервые объяснил свои претензии к мультикультурализму, отмечая, что политиков не беспокоит наличие разных культур в едином государстве. Их беспокоит отсутствие у новых британцев единой гражданской, общебританской идентичности. Великобритания, заявил премьер-министр, «поощряет параллельную, не связанную друг с другом жизнь различных культур», что приводит к «ослаблению коллективной идентичности». Такая ситуация способствует дезориентации юных мусульман, делая их восприимчивыми к воздействию экстремистских проповедников³. Следом за ним президент Франции Николя Саркози 12 февраля 2011 года заявил: «Общество, в котором общины просто существуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным»⁴.

Как нетрудно заметить, основная претензия к мультикультурализму состоит в том, что он не обеспечивает интеграции членов социума, не способствует нарастанию их солидарности. Более того, сосуществование в обществе групп людей, различающихся культурой, этнической принадлежностью, языком, обычаями, темпераментом и тому подобным часто ведет к нарастающей конфликтности в различных сферах социальной практики.

Одновременно можно зафиксировать обострение внимания представителей различных гуманитарных наук к проблемам мультикультурализма. В 1981 году в ведущих американских массовых изданиях термин «мультикультурализм» встречается всего 41 раз, а в 1992-м он был употреблен в соответствующем контексте уже 2 тыс. раз. На рубеже 1980–1990-х годов мультикультурализм включается в специальные словари по социологии и философии и рассматривается как важнейшая научная категория⁵.

³ Дэвид Кэмерон раскритиковал мультикультурную модель. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/02/07/cameron/>

⁴ Теперь и Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась (AFP, Франция). URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html>

⁵ *Wieviorka M.* Is the multiculturalism the solution? // *Ethnic and racial studies*. 1998. Vol. 21. № 2. P. 881.

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, декан факультета культуры семьи и детства Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социализация детей, подростков и юношества», «Досуг в США» и др.

² Заместитель декана факультета конфликтологии СПбГУП по научной работе, доцент кафедры социально-культурных технологий, кандидат культурологии. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Восприятие интернет-рекламы студенческой аудиторией» (в соавт.), «Российские традиции гостеприимства как фактор привлечения туристских потоков» (в соавт.) и др.

Все это побуждает осмыслить мультикультурализм одновременно как теоретическую категорию и как область социальной практики. Теоретические основания мультикультурализма весьма расплывчаты. Он представляет собой в основном конгломерат политологических идей (прежде всего леворадикальной идеологии), идей традиционной философии (герменевтика, феноменология) и постнеклассической философии (постструктурализм, неотрейдизм). Отчасти зыбкость теоретических основ мультикультурализма можно объяснить тем, что объектом научного анализа он стал относительно недавно и эмпирические формы его весьма многообразны и изменчивы. Можно в связи с этим утверждать, что мультикультурализм — это пока в основном не столько реальность, сколько социально-культурологическая или социально-политическая гипотеза.

На сложившемся стыке теоретических подходов и практических решений можно выделить два направления: умеренное и радикальное. Умеренное представляет собой интерпретативную модель либеральной идеологии (точнее, ее части), основанной на идее толерантности. В рамках такой модели провозглашается терпимость к тому, что отлично от тебя и от чего отделиться или изолироваться нет практической возможности. Умеренный мультикультурализм также опирается на концепцию наличия позитивной и негативной толерантности, находящей свою специфическую форму проявления в любой культуре.

Радикальное направление исходит из необходимости наведения порядка, нарушителями которого выступают представители других этносов и культур. В связи с этим есть основания предположить, что провозглашаемый западноевропейскими политиками крах мультикультурализма означает достижение границы толерантности. Население (и политики, выражающие настроения большинства избирателей) не согласно терпеть представителей других культур и этносов в ка-

честве получателей социальных пособий, конкурентов на рынке труда, возмутителей общественного спокойствия и т. д.

Сегодня, тем не менее, можно говорить о том, что мультикультурализм как идея не исчерпал своего потенциала, но реализация его принципов требует учета культурного и этнического своеобразия каждой страны. В Европе традиционно формировались мононациональные государства, и приход туда выходцев из Азии, Африки и других стран часто сопровождается серьезными этническими напряжениями. В частности, мультикультурализм часто приводит к возрождению групповых форм культурной идентичности. Во многих странах нередки случаи, когда люди, утратившие свою этническую идентичность, вынуждены возвращаться к ней, поскольку правительство выделяет льготы определенным этническим группам. Жизнь показала, что мультикультурализм подчас усиливает замкнутость этнокультурных групп, возводя между ними дополнительные барьеры.

В России идея мультикультурализма не является ведущей, но в реальной практике именно Россия наиболее близка к полноценной реализации его принципов и заложенного в нем конструктивного потенциала. На протяжении многих веков страна объединяла множество этносов на основе русской культуры и русского языка. Сегодня многие традиции совместного проживания разных этносов на одной территории сохраняются. В связи с этим в условиях атомизации общества, роста неудовлетворенности людей своими правами, материальным положением, поиска виновных (как правило, среди представителей других этносов), роста недоверия к власти, друг к другу именно традиции мультикультурализма могут стать тем ресурсом, который позволит сформировать гражданское общество, достичь консенсуса между различными слоями и группами населения.

Светла Тошкова¹

К НОВОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ ЧЕРЕЗ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Изменения, которые переживает мир, являются всеохватывающими и включают трансформации в экономической, социальной, политической и духовной сферах. В основе глобальных перемен лежат: всемирная технологическая революция, появление и развитие новых информационных технологий, которые привели к трансформации производительных сил общества (изменились характер и организация труда, управление процессами, производительностью труда, получили развитие коммуникации). Все эти перемены отмечают переход от индустриального общества к постин-

дустриальному. На новом этапе развития человеческой цивилизации основная роль отводится знанию. Развитые страны постепенно формируют общество знания, которое характеризуется новой материальной структурой, новыми, отличными от существовавших ранее технологическими возможностями, новыми управленческими структурами и институтами, базирующимися на новой ценностной философии и отражающими новые общественные отношения.

В современных условиях основным фактором мирового развития является все более усугубляющийся процесс глобального общения и взаимодействия между государствами, экономиками, культурами, цивилизациями, сопровождающийся увеличением черт многообразия мира. Серьезный вызов для национальных государств заключается в том, что они вынуждены постепенно отходить от национального суверенитета

¹ Профессор Университета национального и мирового хозяйства (Болгария), доктор экономических наук. Автор монографий: «Экономические альтернативы», «Социальные вызовы в экономической теории — переоценка либеральной парадигмы», «Теории о глобальном будущем», «Экономические теории», «Теории управления экономикой», «Американский и японский опыт управления» и др.

в направлении глобального и регионального взаимодействия и объединения усилий для решения проблем.

Общие тенденции, развивающиеся на фоне стремительных изменений в мировой экономике, могут быть объяснены и проанализированы с помощью таких фундаментальных понятий, как либерализация и глобализация. Перемены в сочетании с признанием необходимости безопасного и устойчивого экономического прогресса обуславливают изменение механизмов функционирования международной экономики, превращая ее в транснациональную, и оказывают решающее воздействие на характер эффективных стратегических подходов к проблематике развития.

В последние десятилетия XX века либерализация стала основным направлением в экономике всего мира. Практически все правительства предприняли серьезные меры в сфере приватизации для расширения влияния частных предприятий в экономике. В странах бывшего социалистического лагеря с централизованным планированием либерализация экономики означала, по сути, радикальное изменение всей системы. В ряде латиноамериканских стран этот процесс сопровождался существенной переориентацией экономики и изменением подходов к стимулированию развития. В развитых странах Западной Европы переход заключался в радикальном переосмыслении роли государства и приоритетов смешанной экономики. Была проведена существенная либерализация системы государственного регулирования, частного сектора и изменены законы с целью удовлетворения новых потребностей во всех областях хозяйственной и социальной жизни. Политика в основном была направлена на сдерживание цен, реально отражающих существующий дефицит в экономике, и предоставление большей свободы частному сектору в проявлении инициативы, открытие национальных экономик для конкуренции с международными партнерами с целью развития высоких технологий и инноваций и повышения производительности и эффективности производства.

Политика либерализации постепенно привела к расширению реального экономического пространства, доступного для производителей и инвесторов, ускорила процессы глобализации в международной экономике. Проводимая политика ускорила процесс трансформации международной экономики в единый рынок и транснациональную производственную зону с региональными или национальными секторами, функционирующими по новым законам взаимозависимости и субординации.

Глобализация — объективный процесс возникновения взаимной зависимости в результате экономического, социального, технологического, экологического, общественно-политического и культурного развития человечества на современном этапе. Под глобализацией в целом понимается переход к новому типу мировой цивилизации, в которой формируется уникальная среда для глобального экономического, политического и культурного общения и взаимодействия, включая конкуренцию между различными государствами, нациями, этническими общностями, экономическими, по-

литическими, гражданскими структурами и отдельными гражданами¹.

Глобализация стала повсеместным явлением и базируется на транснациональной экономике: глобальных фирмах, глобальных технологиях, глобальных финансах и коммуникациях. Глобализация является доминирующим процессом в общественно-политической, социально-экономической, технологической и финансовой сферах. На современном этапе глобализация охватывает все области: производство, рынки, финансы, законодательство, науку, технологии, информацию, культуру, экологию, транспорт и коммуникации, трудовые и правовые отношения, социальную политику, принципы создания гражданского общества, образ жизни, преступность, безопасность, ценностную систему.

В основе процессов глобализации лежат современное развитие производства, его технологических основ, новые возможности для реализации. Благодаря современным информационным и коммуникационным достижениям сегодня, впервые в человеческой истории, стало возможно производить все товары в различных точках мира и реализовать везде. Возросшая мобильность рынков обуславливает формирование новых принципов производства. Оно может быть сосредоточено там, где затраты минимальны, а товары могут продаваться там, где возможна наибольшая прибыль. Это стало возможно благодаря ликвидации границ между национальными рынками, протекций и внешнеторговых барьеров, в результате принципиального преобразования транспортных связей и коммуникаций, изменения системы управления экономикой, связанной с быстротой принятия, передачи и реализации решений. Современная информационная эпоха создала новые условия для функционирования капитала. Эти изменения затронули не только развитые страны Европы и США, но и Южную Америку и развивающиеся азиатские страны.

Глобальные экономические процессы влияют на общественно-экономическое развитие современного мира. Этот объективный процесс должен быть направлен на достижение экономической эффективности, технологического прогресса и социального равенства.

Политика глобализации носит название «глобализм». В отличие от глобализации глобализм является сознательной субъективной человеческой стратегией по отношению к процессу глобализации. Глобализм включает принципы, методы, подходы и механизмы реализации глобализации. Когда говорят о глобализме, то речь идет не о доктрине, а о политико-экономическом и идеологическом выборе, основанном на социокультурных ценностях, то есть о политике, которая сознательно моделирует глобализацию в том или ином направлении².

Глобализация как объективный процесс единая, но политики и доктрины глобализма различны. Они могут ориентироваться на неолиберализм,

¹ Карасимеонов Г. Глобализацията и социалдемократията // Модерната социалдемократия и глобализацията. София, 2004. С. 37.

² Варон Б. Капитализмът. Антагонист на човечеството. София, 2004. С. 174.

характеризующийся открытыми границами, либерализацией торговли и финансов, быстрой и широкомащтабной приватизацией и освобождением государства от основных хозяйственных функций и собственности в производственной и других сферах, уменьшением государственных расходов и налогового бремени в отношении частного капитала, свободой международных инвестиций и финансовых рынков.

Неолиберальная модель политики в процессе глобализации реализуется, по сути, через деятельность международных финансовых институтов, которые благодаря определенной системе правил и процедур превратились в господствующих участников мировой экономики. Их решения носят обязательный характер для стран, которым оказывается финансовая помощь. Обязательные требования, предъявляемые к этим институтам, определяют возможности доступа капитала на международный рынок. В этом аспекте глобализация оказывает экономическое влияние на национальный суверенитет стран, пользующихся услугами этих институтов, и недооценивает национальную специфику и уровень национальных экономик. Ограничивая демократические явления во взаимоотношениях, такая модель глобальной политики «заменяет старые диктатуры национальной элиты новой диктатурой международных финансов»¹.

В условиях мирового финансового и экономического кризиса последних лет выявились бесперспективность такого подхода и проблемы, которые он порождает. Этот подход доказывает неспособность международных финансовых институтов справиться с проблемами глобального развития и обеспечить постоянный экономический рост, равновесие и устойчивое развитие мировой экономики.

В то же время глобализация сегодня является объективным процессом, обуславливающим теоретическое переосмысление и практические действия по трансформации существующей системы транснационального хозяйства и глобального общества, поиску исторического компромисса между неолиберализмом и реальным социальным проектом, глобальной унификацией и социокультурной и цивилизационной спецификой. «Сегодня капиталистическая система стоит на перекрестке, как во времена Великой депрессии, — считает Дж. Стиглиц. — В 1930-е годы капитализм был спасен Кейнсом, который предпринял меры для открытия рабочих мест и обеспечил спасение пострадавших от глобального экономического коллапса. Ныне миллионы людей во всем мире ожидают, что глобализация реформируется так, что ее блага охватят многих людей»². В процессе глобализации дилемму выбора между глобальным господством и глобальным лидерством следует решить в пользу лидерства через партнерство и сотрудничество на основе мультикультурного диалога и с учетом национальной и цивилизационной специфики. Мировые экономические державы должны учитывать конструктивное лидерство при создании совместного мирового порядка. Глобализация предоставляет большие возможности для трансформации однопо-

лярного мирового порядка в многополярный и создания единого мирового проекта на основе общих глобальных целей. Это необходимо для экономического процветания, устойчивого развития, безопасности, установления мира и солидарности при активном поликультурном диалоге и учете различий и специфических особенностей экономических моделей стран и регионов.

Углубление международного разделения труда и усиление тенденций глобализации и интернационализации обуславливают возникновение процессов регионализации общественной жизни. Возрастает роль и перспективы региональных общностей. Регионализм — одна из возможностей, предоставляемых в последние десятилетия новой реальностью в политической, экономической и социальной сферах. В определенных регионах из государств выделяются общности, которые, основываясь на общих географических, социально-экономических, культурных и политических факторах, взаимодействуют в различных сферах общественного развития. Объективный процесс создания экономических регионов постепенно формирует стремление к формальному взаимодействию в рамках организованных региональных интеграционных общностей.

Типичным примером институционализации процесса регионализации является Европейский Союз. Интерес представляет и набирающий силу азиатский и латиноамериканский регионализм, а также создание региональной общности «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и будущие перспективы Евразии. В новую эпоху регионализация мира является необратимой тенденцией. Именно региональные и цивилизационные общности станут сегментами будущего глобального многополярного мира.

В настоящее время можно выделить следующие основные импульсы глобализации. Прежде всего отошли на второй план ограничительные барьеры, которые транснациональные компании, глобальные рынки и финансовые институты ставят перед менее подготовленными, более бедными и слабо развитыми странами и регионами. Конкурентные преимущества ведущих групп в мире — транснациональных корпораций, наиболее богатых государств, неограниченная мобильность финансовых капиталов на практике уменьшают возможности доступа остальных участников к рынкам сбыта и сводят их к ресурсам и инвестициям. Разрушительные последствия этих ограничений углубляют пропасть между развитыми и неразвитыми, богатыми и бедными странами и делают невозможным новый современный социальный проект создания глобализирующегося мира.

Глобализирующийся постиндустриальный капитализм выявил несколько групп проблем, которые нивелируют возможность синтеза нового качества — социальной политики в экономической динамике. Во-первых, с ослаблением национального государства глобализация нивелировала значение национальных границ как препятствия для любых воздействий. Создание и развитие транснациональных компаний позволило вынести производство за национальные террито-

¹ Стиглиц Дж. Глобализация и недовольство от нея. София, 2003. С. 283.

² Там же. С. 286.

риальные границы. Международная конкуренция приобрела новое качество: теперь она связана не только с торговлей, но и с транснациональной организацией производства, финансов, услуг. Во-вторых, основные проблемы связаны с кризисом социального государства и распадом защитных механизмов. Государство благоденствия, создаваемое совместными усилиями социально ориентированных интеллектуальных и политических слоев населения со времен Бисмарка до нашего времени, постепенно уступает свои функции. Государство ослабевает под натиском глобализирующихся компаний и практически самоустранилось от решения проблем бедных. В-третьих, возникает кризис перераспределительных систем и увеличивается социальное неравенство. Налоговое бремя перемещается с высоких доходов на низкие, наступает «глобальный упадок среднего класса», растет социальная поляризация, распадаются механизмы социальной рыночной экономики. Следующая группа проблем связана с постоянно растущей дерегуляцией труда в результате увеличивающейся мобильности движения рабочей силы. Ускоренная динамика производственных процессов и мощная конкуренция — факторы, обуславливающие рост нестабильности на рынке рабочих мест, что вынуждает компании оказывать воздействие на правительства в целях дерегуляции труда¹.

Современный глобальный капитализм характеризуется «всерыночностью» — атакой рынка на все области жизни общества, в результате чего утрачиваются не рыночные, а фундаментальные для человека и общества ценности — здоровье, образование, культура.

Решение названных проблем в глобальном плане возможно в процессе осуществления политики, в которой сочетаются преимущества глобализации и специфика социокультурных и цивилизационных различий, на основе активного мультикультурного диалога между национальными государствами, региональными и цивилизационными общностями и признания права на культурное разнообразие и специфику экономических моделей развития различных стран и регионов мира.

Такая политика на национальном, региональном и глобальном уровнях должна учитывать реальные положительные эффекты глобализации — расширение человеческих возможностей благодаря положительным переменам, прогрессивному развитию и решению экономических, социальных, культурных, цивилизацион-

ных и экологических проблем. Перечислим некоторые положительные эффекты:

1) новые горизонты беспрецедентных технологических, информационных и коммуникационных возможностей — основа экономического процветания и роста общественного богатства;

2) новые возможности в реализации свобод — экономических, социальных, нравственных — и создании условий для развития свободного гражданского общества;

3) новые международные политические и экономические отношения, предполагающие развитие и осуществление взаимодействия и диалога;

4) широкие возможности для развития плюрализма и демократии, сохранения культурного, религиозного, цивилизационного, национального и этнического разнообразия предполагают диалог, а не столкновение цивилизаций в глобальном мире.

Существуют две определяющие тенденции развития процессов в современном глобализирующемся мире, которые отражаются в теориях, концепциях, политике, — глобальная и плюралистическая. Первая включает объективные процессы глобализации и установления взаимодействия и взаимосвязанности мира и характеризуется проникновением практики в теоретические модели. Другая предполагает усугубление процессов локальной и региональной специфики, стремление к разграничению и отстаиванию местного суверенитета, восходящее к традициям и базирующееся на социокультурной, исторической и духовной идентичности.

В теории и на практике новые решения, современные модели развития и будущее мира в экономической, социальной и духовной областях должны не только учитывать глобальные тенденции и унификацию, но и соотноситься с национальными, региональными и цивилизационными особенностями, ареалом их применения, со специфическим в глобальном. Только в этом случае они могут быть приняты, подкреплены, эффективны и успешны.

Преодолевая концепцию биполярного мира, унификацию и отказ от многообразия, можно говорить о том, что будущее — за консенсусом в решении глобальных проблем, проявляющихся в региональной, национальной, этнокультурной, религиозной и цивилизационной специфике. Человечество представляет собой Вселенную, состоящую из ярких созвездий, каждое из которых светит по-своему.

¹ См.: Проданов В. Глобалните проблеми и съдбата на България. София, 1999. С. 80.

Е. Н. Шапинская¹

ЭТНИЧЕСКИЙ ДРУГОЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проблема этнокультурной идентичности привлекает внимание исследователей различных социогуманитарных направлений, а в современной культурной практике многие черты культуры Другого как представителя этнокультурного сообщества уже не отторгаются, а инкорпорируются в «магистральную» культуру. По мере того как Россия входит в глобализированное пространство XXI века, проблема этнической идентичности нуждается в переосмыслении в соответствии с культурными практиками и тенденциями наших дней. С одной стороны, мы нередко встречаемся с отторжением этнического Другого, традиционно носящего отпечаток образа Врага. В этом случае большую роль играют исторически созданные стереотипы, укорененные в русской истории, весьма безжалостной к «басурманам» в области популярного сознания, которое упорно не принимало «западнических» реформ. С другой стороны, происходит «присвоение» Другого, в особенности в массовой культуре, которая легко заимствует культурные формы, еще недавно считавшиеся «экзотическими» и вызывавшие недоумение или усмешку. Мы можем найти примеры тому в области моды, кулинарии, музыки, рекреации. Что же представляет собой этничность как характеристика Другого? Однозначный ответ на этот вопрос дать весьма сложно, и в исследованиях этничности существуют разнородные направления. Не все этнические субкультуры воспринимаются как Другие, примером чего может служить этническая субкультура русского Севера, которая обладает высокой долей самоидентификации, но не воспринимается как культура Другого другими группами населения России.

Акцент в изучении этничности делается на гетерогенность, различие, специфику, «другость». Дискурс этничности — это «голос Другого», который вступает в сложные взаимоотношения с дискурсивными стратегиями социокультурного пространства. Именно сдвиг в позиции Другого в культуре, произошедший в последние десятилетия, поставил перед исследователями проблему этничности как Голоса Другого, обладающего полным правом на существование в плюралистическом мире современной культуры.

Большое внимание в изучении этнической идентичности уделяется ее манифестации в культуре повседневности, становящейся сложным полем взаимодействия различных влияний, заимствований, инкорпораций, в которых понятие Другого растворяется или, во всяком случае, утрачивает четкие очертания. С ростом мультикультурализма все это сильнее ощущается

в России с бурным развитием в ней мегаполисов, которые все больше приобретают полиэтнический характер, во всяком случае в области потребления. Другим примером «растворения» этнической специфики в общекультурном пространстве может служить индустрия развлечений, которая выстраивает свой мир, где этнические идентичности выступают в виде симулякра, потребляемого посетителями в качестве артефакта.

Из многих примеров «растворения» культуры Другого в современном (или, вернее, постсовременном) культурном мире, который по определению предполагает плюрализм и дивергентность, можно было бы прийти к заключению о снятии проблемы этнической идентичности как «другости» в контексте конституирования нового культурного пространства. Однако вопрос этот гораздо сложнее, и мы можем, рассматривая различные социокультурные процессы, а также связанные с ними теоретические построения, столкнуться с самыми разнообразными стратегиями и рефлексиями.

В культурологических исследованиях, основанных на философии постмодернизма, проблемы «различия» маргинальных культур и меньшинств концептуализируются в терминах фикциональности, фрагментации, коллажа и эклектизма, проникнутых ощущением неустойчивости и хаоса. В этом видении мира и культуры проблема маргинальных сообществ теряет свой дистинктивный характер, становясь одним из фрагментов общекультурного коллажа. В то же время в повседневном бытии культуры и теоретической рефлексии мы наблюдаем другие процессы, связанные с интенсификацией голосов маргинальных культур, не удовлетворяющихся возможностью коммерциализировать свою идентичность или инкорпорировать ее фрагменты в доминантную культуру. Большинство интеллектуальных рефлексий и теорий, направленных на установление границ идентичности, продуцируются внутри самих этих идентичностей и вступают в полемику с эгалитаристскими импульсами глобализаторских устремлений.

Можно предположить, что переход к информационному обществу во многом изменил сам концепт Другого, который в значительной степени формировался под влиянием недостатка знаний об этом Другом. Это особенно значимо в случае этнического Другого, который, будучи физически удаленным и малоизвестным, представлял в самых экзотических образах. По мере развития информационных технологий, увеличения скорости перемещения в пространстве и связанной с этим массовизации туризма, появления колоссального объема медиaproдукции, посвященной описанию различных культур, этот Другой стал трансформироваться, приближаться, а также фрагментироваться, выделять некоторые аспекты своей «другости» в общую мозаику глобальной культуры. Результатом этих процессов стало появление многих гибридных форм культуры, которые вошли в повседневную жизнь (пост)современного человека, утратив свои первоначальные смыслы или же

¹ Главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: «Дискурс любви», «Очерки популярной культуры», «Образ Другого в текстах культуры», «Взаимодействие культур — взаимодействие людей (контекст мультикультурализма)», «Культурологический дискурс после постмодернизма», «Конструкция образа Востока в текстах культуры: политика репрезентации», «Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма» и др. Член Московского культурологического общества.

образовав их симбиоз с другими смыслами, немислимыми в контексте аутентичной культуры.

Проблема существования Другого в глобальном информатизированном обществе имеет еще один важный аспект — изменение позиции и качества Другого, его точки зрения на себя и того, кто становится Другим по отношению к нему при изменении субъектной позиции. То, что представляется Другим для нас, — объекты нашего знания, любопытства, желания, — является в то же время воплощением собственной самости, принимающей облик Другого, экзотизируя самое себя тогда, когда это становится экономически выгодным, но сохраняя свою аутентичность в собственном контексте.

Будучи замкнутым в себе, не будучи вынужденным поставлять свою этничность на рынок тотального потребления, Другой остается самодостаточным, а компоненты «западной» культуры, заимствованные для успешного взаимодействия с ней, остаются лишь внешними знаками приспособления к современной реальности. Данная ситуация ставит перед нами еще один вопрос. Если «другость» превратилась в легкодоступный предмет потребления, сохраняя в то же время свою идентичность внутри локального контекста, можно ли вообще говорить о «другости» в век открытия всех тайн Другого (если это возможно) путем безграничного расширения доступа информации о нем? При ответе на этот вопрос необходимо принимать во внимание, что существование Другого возможно при наличии его определенных отношений со Своим, будь это субъектно-объектные, властные отношения или присвоение/отторжение. Если оппозиция деконструируется, Свой и Другой становятся рядоположенными категориями в пространстве интерсубъективности и бесконечных различий. При помощи Интернета создаются «виртуальные сообщества», новые культурные пространства, где «свои» и «чужие» определяются через личное желание, а не по за-

ранее заданной модели (этничности, гендеру и т. д.). В этом пространстве выстраиваются новые различия, поскольку Другой имеет свойство возникать там, где прежняя «другость» кажется растворенной в информационной супермагистрале. Возникает несколько пространств репрезентации Другого: с одной стороны, утверждение «другости» как самости, с другой — ее размывание в медийном интерактивном пространстве, где она становится лишь элементом общей игры в реальность. И все же это «размывание» — лишь метафора, поскольку «другость» возвращается снова и снова, придавая новые смыслы этнокультурным мифам. Другой утверждает себя вопреки всем стратегиям потребительского общества, поскольку он необходим для существования коллективного «мы» этого общества. Традиционный экзотический Другой продолжает сохранять свою притягательность даже в упаковке, произведенной культуриндустрией. Множественные образы этнокультурного Другого представляют собой не столько репрезентацию реальности, сколько конструкт, основанный на тех представлениях, которые возникают в сознании человека, живущего в пространстве мультимедийности и глокализации. Эти представления устойчиво опираются на стереотипы этничности не потому, что они соответствуют действительности, но потому, что они более удобны для потребления.

Фрагментация образа Другого происходит и в условиях современной России, когда обществу приходится пересматривать многие этнические стереотипы и выработать отношение к этническому Другому как в самой России, так и за ее пределами, а также учиться смотреть на себя глазами Другого. Без этого конфликты и непонимание неизбежны. Можно приводить многочисленные примеры того, как актуальна тема этнического Другого в культуре нового тысячелетия, что убеждает нас в том, что существует большой потенциал для исследования связанных с ней проблем.

Секция 2

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- В. С. СТЕПИН руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- В. А. ТИШКОВ директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Большаков¹

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-СЛОЕВОГО МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ЕДИНСТВО НАЦИИ

Проблемы утраты и сохранения культурного многообразия, соотносимые с проблемами сохранения и укрепления национального единства, в России чаще всего рассматриваются в контексте полиэтничности страны, этнонационального, регионального и конфессионального разнообразия ее культуры. Идеалом представляется то, что было ярко выражено в идеологии советского периода, утверждавшей единство культуры по ценностному смыслу и содержанию (в советское время обозначавшемся как социалистическое). Ее богатство обеспечивается разнообразием культурных форм разных народов, населяющих Россию, их традиций, форм повседневной и неповседневной жизни, специфики народного и профессионального искусства.

Меньше внимания уделялось социально-слоевому культурному многообразию, динамика которого существенно определяет единство нации. В России советской, впрочем, и то и другое совмещалось в идеале культуры социалистической (в общем интернациональной) по содержанию и этнонациональной по форме. При этом социалистическое содержание культуры рассматривалось в качестве единого для всех этносов, социальных слоев и групп. В действительности развитие культуры характеризовалось тенденцией к социально-слоевому единообразию под воздействием условий

жизни, политики Советского государства, официальной идеологии и пропаганды.

В гимне Советской России звучал призыв: «Отречемся от старого мира!» Отречение от которого после революции предполагало отказ от прежней сословной культуры: дворянской, купеческой, буржуазной, мещанской, традиционной крестьянской и старой интеллигентской. Для культуры повседневности, например, характерным стало опрощение быта и бытовых отношений, форм проведения досуга, речевого общения. Во многом опрощение определялось всеобщей нищетой. Неслучайно второй виток опрощения пришелся на период Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Неверно характеризовать этот процесс изменения культуры как общее снижение ее уровня. На практике происходили унификация культуры, исчезновение ее социально-слоевого своеобразия. Специфика культуры крестьянства исчезала постепенно вместе с ликвидацией неграмотности, радио- и электрификацией, причем важную роль сыграло превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих, жителей сельской местности. Массовый отток населения из провинции, деревни в город был вызван не только хозяйственной необходимостью, потребностью в большом количестве новых рабочих рук в промышленности и строительстве, не только поисками более «легкого» хлеба, комфортабельности бытовых условий, но и тем, что жизнь в большом городе была разнообразнее, динамичнее, интереснее, культурнее.

Правда, в большом городе были представлены и недавние деревенские жители, и свои мещане, и мещане из малых городов. Социальный состав крупных горо-

---

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 107 научных публикаций, в т. ч.: «Ценности культуры и время (некоторые проблемы теории культуры)», «Принципы развития современного понимания культуры», «Культура как содержательная форма», «Живость публикаций гуманитариев и эффективность межкультурного общения» и др.

дов и столиц существенно менялся в годы советской власти. Его основу составляли городские рабочие, маргиналы, приехавшие по оргнабору, растущий и постоянно дробящийся слой служащих: начальство на производствах, в торговле, сфере обслуживания; представители партийно-государственного аппарата, чиновничество; служащие полуинтеллигентные и собственно интеллигенты. Постепенно возросло количество студентов.

Единообразие культур жителей сельской местности, рабочих, служащих (в том числе интеллигенции и так называемой номенклатуры), мужчин и женщин Страны Советов, молодых и пожилых формировалось условиями жизни, навязываемыми ими «коллективизмом». Все слои общества стояли в бесчисленных очередях. Представители всех слоев (за исключением номенклатуры) оказывались в условиях ведения совместного быта (в колхозах, общежитиях, коммуналках). Все проводили время на различных собраниях, ездили в переполненном транспорте. На всех действовала обстановка тотального дефицита, приведшая к тому, что актуальнее слова «купить» стало слово «достать», и к тому, что во всех слоях общества «принести с работы» (то, что раньше называлось «украсть») считалось почти нормой.

Старая интеллигенция исчезала. Новая увеличивалась количественно, но действительно интеллигентным оставался очень тонкий ее слой. Остальная часть интеллигенции по уровню культуры мало отличалась от других слоев населения. В целом интеллигентность становилась все менее уважаемой обществом.

В советский период родилось утверждение о складывании новой исторической общности людей — «советского народа». У этого народа естественно должна была быть общая советская культура. Единство нации, таким образом, было гарантировано еще и потому, что народ и партия (с ее руководящей ролью) были по определению едины. В реальности единство нации реализовалось не благодаря, а скорее вопреки господствовавшей идеологии в годы фашистского нападения. После войны усугубился процесс развития общества людей новой культуры, тип которых можно обозначить термином “*Homo soveticus*”. Культуру и жизнь людей этого типа стали определять понятиями «холопство» и «пофигизм». Единство нации выражалось в единстве государства (отождествившего себя с Отечеством, Родиной) и его партии с холопами на всех уровнях социального целого. Такое единство не могло долго существовать.

В годы перестройки жизнь большей части городского и сельского населения России, обнищавшего или полубогищавшего в это время, свелась к выживанию, поиску заработка, причем не столько дополнительного, сколько основного. В стране появилось много нищих, бомжей и — чего не было раньше — безработных. В то же время на определенный период быт и досуг людей политизировались. Люди проявляли живой интерес ко всему, что происходило в политической и экономической жизни страны.

Во время перестройки появился новый социальный слой — так называемые «новые русские». Он

складывался из предприимчивых деловых людей разного рода, успешных бизнесменов, удачно использовавших удобное для обогащения время, преступников, обогащавшихся путем прямого присвоения собственности и «крышевания», охраны собственности новых дельцов, а также из чиновников (новой номенклатуры), использующих преимущества своего положения в целях личного обогащения. Эти представители власти (как и другие новые русские) уже не ходили на партийные собрания, зато стали посещать церковные богослужения.

Собственность и деньги доставались новым русским сравнительно быстро и тратились с размахом. Повседневная жизнь этого слоя казалась одновременно и яркой, и убогой. Небольшая часть средних и довольно большой слой мелких предпринимателей в это время выживали, их благополучие зависело от новой номенклатуры, олигархов, преступного мира, облагающего бизнесменов денежным «оброком». Быт этих «новых русских» был беднее, досуг и развлечения — попроще. Но их повседневность тоже не отличалась разнообразием и высокой культурой.

Изменения коснулись повседневной жизни и остальных слоев населения. В период перестройки и после нее заметно увеличилось количество вещей и их разнообразие (это касается продуктов питания, промышленных товаров, жилья и развлечений). Дефицита как такового в стране практически не осталось. Все можно найти и купить — были бы деньги. Малообеспеченные городские жители проводили время в поисках более дешевых товаров.

В целом у людей в современной России увеличились возможности, касающиеся устройства быта и разнообразия досуга. Но реализация этих возможностей ограничивается низким уровнем доходов большей части населения.

Многие советские люди, попав в несоветские условия жизни, тоскуют по привычному полурабскому состоянию. Ощущать свое единство со слоем коррумпированного чиновничества и новых русских они не могут. А их собственное единство по-прежнему зависит от степени экономического, политического, идеологического давления.

Государство озабочено проблемой отсутствия единства нации. Неслучайно была сформирована партия власти «Единая Россия». Политическая система явно повернулась к системе однопартийности. Идеологически единство нации пытаются поддержать, вновь используя образ внешнего врага, навязчиво эксплуатируя историческую память о великих войнах, объединявших нацию, действия церкви по внедрению в сознание молодого поколения основ православной культуры. В то же время происходит дальнейшая маргинализация населения. Идут миграционные процессы, внедрение инородных культур, не идентифицирующих себя с культурами слоев основного населения.

Культурное многообразие, не оправдавшее надежд из-за активного внедрения в жизнь массовой культуры, реализуется по возрастному принципу. Правда, не только старшее поколение, но и их дети во многом сохраняют ценностные ориентации советского перио-

да. Например, стремление к справедливости выражается в призывах к новому слою собственников поделиться с остальным населением страны (добровольно или принудительно).

Культура молодежи (не столько детей, сколько внуков советских людей) пока не вполне определена. В настоящее время происходит формирование множества молодежных субкультур. При этом старшее поколение нередко сетует на отсутствие у юных позитивных ценностных ориентаций, их чрезмерный прагматизм, индивидуализм, социальный, политический и культурный цинизм. Но именно это поколение — первое относительно свободное от рабского сознания.

Представляется, что именно оно в наибольшей степени готово к реальной демократизации жизни в России и формированию единства нации и ее культуры на принципах свободы, достоинства и ответственности личности, обеспокоено не процветанием государства, а своим делом и нравственным совершенствованием. Ибо от последнего, согласно изречению Конфуция, зависит благо народа. В этом случае сохранение культурного многообразия не потребует специальных усилий. В той мере, в какой культура каждой социальной группы, региона, этноса способна быть органичной частью общекультурного целого, она останется живой и будет содействовать утверждению единства нации.

Ю. Б. Борев¹

СМЫСЛЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Культура всегда стремится постичь идеалы, смыслы и цели бытия человечества. А если их нет, то «И жизнь ничто как сон пустой, / Насмешка неба над землей» (А. С. Пушкин). Согласно Гегелю, человечество осуществляет самопознание природы. Русская культура утверждает более действенную роль человечества и раскрывает глубокий смысл его бытия. А. Блок писал:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безликое — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

По Блоку, цель человечества — очеловечение всего сущего. Это великая и уникальная эндемическая идея. Ничего похожего в таких масштабах нет ни в одной культуре мира. А русская культура эту идею и выдвинула, и разработала. Так, Горький считает необходимым очеловечить человека, Циолковский — очеловечить Космос, Федоров — очеловечить мир мертвых, Лобачевский — очеловечить пространство, Вернадский — очеловечить ноосферу (интеллектуальную деятельность и ее плоды), ВХУТЕМАС — дизайном очеловечить мир бытовых вещей, Станиславский — очеловечить театр (создать театр переживания, наполнить сцену психологией), Л. Толстой — очеловечить литературу психоанализом, Дзига Вертов стремится очеловечить кино человеческим киноглазом, а Эйзенштейн — монтажом, Солженицын — очеловечить об-

щество. Русская культура сформулировала глобальную цель человечества — очеловечить мироздание.

Глобальная цель в каждый период развития человечества осуществляется через парадигму эпохи (исторически обусловленные цели и смыслы бытия).

В «Медном всаднике» Пушкин прокламирует необходимость очеловечить взаимоотношения личности и государства. Эту проблему он раскрывает, сопоставляя жизненные программы двух главных героев поэмы.

1) Программа «строителя чудотворного» Петра I:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен,
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Программа Петра имеет перспективные державные, внешнеполитические и экономические цели. Однако эта программа совершенно не озабочена судьбой «маленького человека».

2) Программа «маленького человека» — Евгения:

Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов...
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...

Для Пушкина программы маленького человека и строителя чудотворного равновелики! Только их гармоническое сочетание дает устойчивую государствен-

¹ Главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей и Союза кинематографистов РФ. Автор более 500 научных статей и около 50 книг. Среди них: «Эстетика», «О трагическом», «Комическое...», «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения "Медного всадника"», «Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд», «Художественная культура XX в.», «Энциклопедический словарь. Эстетика. Теория литературы»; «Ванька-встанька и состояние мира», «Власти-мордасти», «Сталиниада», «Фарисея», «История государства советского в преданиях и анекдотах», «XX в. в преданиях и анекдотах» (3 тома), «Из жизни звезд и метеоритов»; «Луначарский» (ЖЗЛ), роман «Земля-воздух», «Повесть о треугольниках», сб. стихов.

ность и счастье личности. Их конфликт — трагедия и для государства, и для личности.

В кульминации поэмы гармония нарушается. Евгений грозит царю «Ужо тебе!» А он гонится за Евгением, мстя за угрозу. Пушкин славит русскую государственность. При всех ее пороках она обеспечила независимость и целостность России. Однако, согласно Пушкину, развитие державы не может идти за счет и вопреки личности, а лишь через и во имя нее. История должна двигаться через русло личности. Успехи и достижения государства несостоятельны, если человек в державе лишен возможности обрести радость в личной жизни и в сфере общественного служения. Пушкин прорывается в первой трети XIX века к художественной концепции, которая оказывается выше всех современных деклараций о правах человека.

Бунт, по Пушкину, — исторически непродуктивное действие, но неизбежное при пренебрежении власти судьбой «маленького человека».

Культура участвует в развитии общества, создавая парадигму (идеалы, цели и смыслы бытия) исторической эпохи. История человечества — смена парадигм. Человек, поняв, что живет устаревшими идеалами, вырабатывает новые и прорывается в новую эпоху. Жизнь усложняется, насыщается благами. Но проявляются изъяны парадигмы, наступает кризис. У новой эпохи — новая парадигма. Она способствует развитию общества, но вскоре тоже претерпевает кризис. В известном смысле вся история человечества протекает по формуле польского остроумца Ежи Леца: «Ну хорошо, ты пробьешь лбом стену, а что ты будешь делать в следующей камере?» Человечество пока не может найти парадигму, несущую всеобщее счастье. Происходит относительный исторический прогресс, хотя с потерями и без обретения неопровержимого результата. Примеры из истории парадигм.

Возрождение: человек — титан, принцип которого: «Делай что хочешь!» (Рабле). Казалось бы, что может быть лучше?! Кризис этой парадигмы осознал Шекспир: Яго губит Отелло, не отступая от парадигмы эпохи. Он «делает что хочет», но он хочет творить зло. Человечество начинает искать новые идеалы.

Реализм: человек — целая Вселенная; он изменяет себя путем самосовершенствования и непротivления злу насилием (Толстой). Однако непротivление не устраняет зло из мира.

Социалистический реализм: человек — преобразователь; от зла избавляет мир революционное насилие (Горький). Однако, как показал Достоевский и подтвердила история, начавшееся насилие трудно остановить.

Мир, прошедший через мировые войны, остается опасным. Наступившая после холодной войны эпоха глобализации впервые в истории человечества не имеет новых целей, идеалов и смыслов бытия. Образовалась мировоззренческая черная дыра. Одни из результатов: политики стали прагматиками, а они должны быть стратегами (но какая стратегия без знания цели?); в искусствах много талантов, но вот уже 30 лет ни в одном из искусств нет великих произведений (они без идеалов невозможны!). Поиск идеалов и смыслов бытия должен стать заботой и деятелей культуры, и по-

литиков. Хорошо бы ООН обсудить эту проблему — ведь от нее зависит жизнь человечества.

Исторические смыслы бытия изменяются от эпохи к эпохе. Их не надо выдумывать. Следует лишь найти генеральную тенденцию эпохи, внимательно проследить ее развитие, очистить от случайностей и неблагоприятных вариантов. Генеральная тенденция ныне — глобализация. Она вызывает порой бурные бунтарские демонстрации. Протестующие опасаются того, что глобализация может протекать в форме американского гегемонизма, подавляющего национальные политические системы и ведущего к экономическому неокOLONиализму целых регионов мира. У этих опасений есть основания, хотя глобализация — результат необходимых процессов единения человеческой деятельности. Однако в истории всякое новшество, способное расширить человеческие возможности, оборачивалось не только добром, но и бедой. Так было и с подарком Прометея людям — огнем, и с подарком от физики — атомной энергией, и с другими открытиями. Есть реальная опасность обращения глобализации во зло человечеству.

Например, глобализация литературного процесса может обернуться подавлением национальных художественных традиций и вытеснением серьезной литературы масслитературой. Глобализация же не путем подавления одной культурой других, а путем равноправного взаимодействия культур есть необходимый и закономерный процесс слияния художественных потоков в «океан» общечеловеческой культуры.

XXI век будет плодотворен для человечества, если оно сохранит идентичность разных стран, сделает их границы прозрачными, если воцарятся терпимость и неэгоистичные отношения между странами, а алчность и корысть не победят духовность. По нашему телевидению часто идут передачи, возвеличивающие «единственную реальную ценность» — деньги («Алчность», «Слабое звено», «Кто хочет стать миллионером?» и др.). В Маяковский гордился тем, что ему «... и рубля не накопили строчки, / краснодеревщики не слали мебель на дом, / и кроме свежeweымытой сорочки, / скажу по совести, мне ничего не надо». Я, наверное, старомоден, но мне жизненная позиция поэта советской эпохи ближе, чем «алчность», прокламируемая нынешним ТВ. Пусть люди будут богаты, но богатство не должно быть целью жизни, а лишь средством достижения ее целей. Иначе глобализация будет дурной и негуманной.

Парадигма XXI века — образование общечеловеческой системы бытия людей (гуманная глобализация, охватывающая экономику, политику, культуру), включающая конвергенцию достижений социализма и капитализма.

Проявляется глобализация в развитии мирового экономического рынка, резервных валют и т. д. Одно из ее ярких достижений (правда, отравленное участием в бомбардировках Белграда, Ирака и Ливии) — образование Европейского Союза с единой валютой — евро. Распад СССР вместо его глубокого преобразования — протivотечение мировому историческому процессу глобализации. И это наша ошибка, усугубленная

тем, что за последние годы не было сделано достаточно усилий, чтобы найти формы нового объединения хотя бы с некоторыми из бывших республик (даже единение с Белоруссией не доведено до должного уровня).

Предпосылки возникновения плодотворной глобализации следующие.

1) Человек (независимо от имущественного положения, национальной, расовой, классовой, конфессиональной принадлежности) — высшая ценность мира, и принадлежность к человеческому роду обеспечивает распространение на личность прав человека и общечеловеческой солидарности.

2) Демократия — не панацея (она казнила Сократа и избрала Гитлера канцлером). Ныне она выказала свою слабость и на Западе, и в России, манипулируя людьми с помощью СМИ, а должна бы с их помощью осуществлять обратную связь власти с народом. Необходимо сочетание разумной, контролируемой обществом авторитарности с инициативной демократией. Модель такого сочетания — эпизод времен 1812 года, когда Наполеон бежит из Москвы. Чтобы окончательно выиграть кампанию, нужно гнать его по уже разоренной смоленской дороге. Кутузов стремится не пропустить французов на юг. Помогает мудрый совет от старослужащего: солдаты должны сидеть у костров не по 10–15 человек, а по двое. Кутузов отдал распоряжение, и все пространство до горизонта озарилось кострами. Наполеон понял — путь на юг отрезан. Это оказалось губительным для его армии. Инициативная демократия может опираться на опыт народа. Гуманная глобализация видит в человеке патриота Отечества и гражданина мира, живущего в системе «личность–народ–государство–человечество». В этой системе инициативная демократия может осуществлять обратную связь народа с властной элитой.

3) Необходимы: а) социальная конвергенция (Сахаров), то есть объединение (как в Китае или Скандинавии) сильных сторон капитализма (рынка) и социализма путем «не голого» их отрицания, а путем снятия «с удержанием положительного» и интеграции в новую систему всего ценного из двух старых систем; б) геокультурная и геополитическая конвергенция (единение западного острого смысла и сумрачного гения и восточной вековой мудрости). Культура России с ее евразийскими корнями ныне особенно актуальна.

4) Отказ от государственного эгоизма — условие выживания человечества. По Канту, следует относиться к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. Этот категорический императив должен воцариться не только в межличностных, но и в межгосударственных отношениях.

Мирная, всеобщее приемлемая глобализация, противостоящая силовому единению, — стратегическая цель современного развития. Эту проблему точно сформулировал Тютчев:

Единство, — возвестил оракул наших дней, —
 Быть может спаяно железом лишь и кровью,
 Но мы попробуем спаять его любовью, —
 А там увидим, что прочней...

Парадигма XXI века — новый тип глобализации. Ее добивались: мечом (Македонский), крестом и мечом (Карл Великий), новым строем жизни и штыками (Наполеон), идеологией, новым строем жизни и штыками (Ленин), мировой валютой (долларами) и авианосцами (США).

Парадигма XXI века: глобализация на основе общечеловеческой культуры; процветание и единение человечества как рода при сохранении многообразия национальных и государственных форм бытия и утверждению ценности личности. Гуманная глобализация предполагает снятие не путем оружия, а путем диалога напряженности между бедными и богатыми, католиками и православными, христианами и мусульманами, евреями и арабами, традиционалистами и реформаторами, необразованными и образованными.

Такая глобализация утопична. Но высокие идеалы всегда утопичны, несбыточны или трудноосуществимы. Разве не утопия парадигма французской революции — свобода, равенство и братство? Однако этот и поныне неосуществленный лозунг способствовал рождению буржуазного общества.

Жизнь человечества зависит не столько от новых технических достижений, сколько от того, сбудется ли пушкинский завет и «народы, распри позабыв, в единую семью объединятся», исполнится ли мечта Тараса Шевченко о единой семье народов, сбудется ли идея Канта о вечном мире, осуществится ли призыв Шиллера и Бетховена: «Обнимитесь, миллионы!»

О. С. Борисов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МОДУСЕ ПОНИМАНИЯ

Единство системы не предполагает ее однородности, в противном случае она постулирует замкнутость. В современном мире в силу тесной информационной связанности, в результате которой носители-акторы с относительной легкостью выводятся за пределы границ функционирования своих культур как систем, такая замкнутость невозможна. Система вынуждена размыкаться. Однако связанные с этим потери влекут за собой утрату идентичности и процессы, которые вынуждают системы адаптироваться к реалиям, характеризующимся взаимозависимостью сторон взаимодействия, и в то же время требуют, чтобы система работала в модусе взаимообмена.

Это означает, что открытость системы, необходимая для взаимообмена, возможна только при условии внутреннего единства ее частей, поскольку обратное состояние неустойчиво и не определено в качестве полноценного субъекта взаимодействия, который только в силу самодостаточности может предложить равноценный обмен. В противном случае различные части системы подвержены спонтанному влиянию, самоисключению и обособленности, что выражается в групповом и личностном диссонансе, характеризующем всю систему целиком, в ее нестабильности. Это происходит тогда, когда ее объединительный принцип не имеет сущностной фиксации: либо он отсутствует и не сформулирован, либо он кодируется на уровне одной из частей, что и определяет неустойчивость всей системы.

Иными словами, объединительный принцип системы должен возвышаться над отдельными ее частями, включать их всеобщее, а не сводиться к одной из них. Именно об этом говорит Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа», называя критерии, которым должен соответствовать самостоятельный, самобытный, а значит, открытый культурно-исторический тип: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым»², пользуются независимостью.

Помимо языка, являющегося сущностным объединительным фактором, о чем говорили и Н. Я. Данилевский, и Д. С. Лихачев, по сути, фактором, ставшим естествен-

ным принципом культурной трансмиссии, требуются такие ценностно-нормативные основания, которые, будучи универсальными и призванными действовать в отдельных частях системы, не отменяли бы действия локальных ценностно-нормативных оснований, входящих в эту систему частей. Это требование может быть реализовано только в результате консенсуса, достигнутого в рамках «искусственного» языка в ходе широкой общественной дискуссии. Имеется в виду не язык эсперанто, например, а ценностно-нормативная выборка, с одной стороны, отвечающая запросу на универсальный объединительный принцип, позволяющий эффективно функционировать частям в рамках системы, с другой — позволяющая этим частям развивать эксклюзивные качества и спецификации и в соответствии с запросом культурной эволюции взаимодействовать на основе общего принципа развития.

Однако на сегодняшний день в общественном сознании не сложился объединительный концепт. Но признавая культурное многообразие, наличие культурных картин мира и диалог, в который вступают субъекты — носители культурных ценностей, необходимо искать вербально и структурно пути перевода диалога, который часто носит деструктивный характер, в конструктивное русло. Перевод, впрочем, возможен на личностном и групповом уровнях только в процессе понимания.

Процесс понимания в этом смысле есть способ обретения общественным сознанием когерентных установок на предмет их соответствия закономерным процессам культурной эволюции. Речь идет об идентичном сведении культурных вариантов к точкам схождения интерпретаций в соответствии с принципом дополнительности, поскольку последнее есть условие в пользу развития, а не только кумуляции культурного опыта, обозначенного трендом в горизонте видимой перспективы, отработанной из одного источника. Баланс активов в пользу развития и новизны обычно смещает центр тяжести в сторону компенсаций, восполняемых из кумулятивного источника, что вступает в противоречие с требованиями активной преобразовательной адаптации, не терпящей путей наименьшего сопротивления.

Психологически понимание — такой механизм взаимодействия, который не приемлет диктата воли, категоричности и безапелляционности. Понимание требует изучения мотивов и эмпатии. Навязывание воли или, напротив, ее игнорирование приводят к противоположному результату. Действие требует противодействия. Понимание же осуществляется, когда в свободном самоопределении осознанно и без насилия достигается результат, последствия которого предсказуемы только лишь в силу того, что стороны договорились о совместной ответственности. Понимание требует свободных от собственных стереотипов субъектов, которые часто находятся в плену своих взглядов и неспособны расширить их до пределов *другого*. Выход

¹ Профессор кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, доктор философских наук, доцент. Автор более 65 научных и учебных публикаций, в т. ч. монографий «Религиозное сознание», «Проблема институализации религиозного сознания в культуре»; книг «Культурология» (в соавт.); статей «Метафора: универсальный отклик и размерность артикуляции», «Клаустросрыв культуры», «Философско-психологические аспекты современного религиозного сознания», «Статус религиозного сознания в культуре», «Культурологический анализ религиозных исканий Н. В. Гоголя», «Информационно-стратегические основания конструирования ценностно-нормативных связей», «Мир как экспонат: теория информата», «Диалог культур и ценностные конфликты», «Философия театра» и др.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 91–92.

за пределы самоопределения не обязательно влечет за собой утрату своей идентичности, напротив, обогащает собственную идентичность за счет открытия новых горизонтов и возможностей, а также осмысления своих границ.

По сути, понимание возникает тогда, когда у сторон формируется трансперсональность мотивов со-

вместной деятельности. Это значит, что формируется объединительный принцип, необходимый для адекватного взаимобмена, при котором открытость системы не разрушает ее целостности, а в силу отсутствия последней она не стремится к замкнутости. В разрешении этого парадокса — залог эффективности системы и гарантия ее сохранности.

В. А. Васильченко¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

Феномен современности невозможно описать исключительно в терминах политической модернизации, он далеко не исчерпывается созданием определенных политических институтов. Данная категория имеет культурно-цивилизационную смысловую «начинку». Действительно, поскольку «в основе гражданского общества лежит представление о высшей ценности личности как гражданина независимо от его принадлежности к той или иной племенной, национальной группе, религии и так далее», то, как отмечает А. С. Ахиезер, «гражданское общество и правовое государство являются разными определениями общества либеральной суперцивилизации»². Модернизация, таким образом, может восприниматься в качестве маркера, очерчивающего социокультурные контуры западной цивилизации.

Россия оказалась вовлечена в макропроцессы перехода от традиционного общества к обществу модерна как минимум с конца XVII — начала XVIII века. Казалось бы, ее принадлежность к кругу государств западного типа, к западной цивилизации должна полагаться несомненной. Однако трудность протекания модернизационных реформ на российской почве, их незавершенный характер и иные подобные факты не только противятся прямолинейным экстраполяциям, но и провоцируют альтернативные выводы относительно места России в мировой системе цивилизаций, содержащие претензии на национальную самобытность и особую историческую миссию. По справедливому замечанию В. В. Межуева, «стремление представить Россию в качестве особой цивилизации во многом диктуется очевидной неудачей проводимой по рецептам западной науки экономической реформы»³. Модернизация может носить эндогенный характер, развертываться как реализация обществом собственных социокультурных потенциалов либо же быть экзогенной, осуществляться под воздействием внешних, сторонних импульсов путем механического заимствования и внедрения отдельных новаций и при отсутствии собственных оснований для

развития. История западной цивилизации является важной составной частью глобальных процессов эволюции человечества в целом, поскольку начиная с эпохи Нового времени культурные инфлюэнции Запада так или иначе приобретают универсальную значимость. В данном контексте российская модернизация рассматривается рядом авторов как имеющая вынужденный, индуцированный европейской культурной модой характер, как «болезнь европейничанья»⁴, искривляющая естественное, органическое течение российской истории.

С такой точкой зрения трудно согласиться. Умозаключения историческое облика должны быть соразмерны не конкретно-историческим обстоятельствам, а согласованы прежде всего с общим направлением развития социокультурной системы. Факт последовательного падения в России родового членения общества и сословного строя может быть удовлетворительным образом разъяснен только исходя из представлений о наличии глубинных внутренних мотивов к модернизационной трансформации. Появление на политической карте мира таких государств, как Российская империя и Советский Союз, было явно стимулировано этим автономным процессом и вместе с тем закрепляло его результаты. Ни одна цивилизация Азии не «объевропеивалась» при геополитических обстоятельствах, подобных тем, которые сопутствовали России на переломе XVII–XVIII и XIX–XX веков. При строго генетическом подходе к изучению социокультурной эволюции России мысль об экзогенном характере российской модернизации должна быть квалифицирована как абсолютно произвольная.

Тем не менее, хотя Россия и вступила на путь модернизации, построение общества модерна завершено здесь не было, поскольку связанный с обрушением сословного строя резкий модернизационный рывок первой половины XX века не привел к образованию единой российской нации, формированию гражданской идентичности и правовой унификации. Данный факт при попытках поместить Россию в европейский цивилизационный кластер требует своего истолкования. На этом проблемном фоне представляется продуктивным обращение к предложенному В. Л. Цымбурским определению России как контекстно-связанного общества или цивилизации-спутника Запада⁵. Идея

¹ Доцент кафедры истории и философии науки Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Мнимый квинтизм скептической этики», «Традиции скептицизма в современной культуре», «Феномен самопровержимости скептического учения», «Скептицизм как элемент диалога культур Востока и Запада», «Жоан и троп: симметрия метафоры», «Буддизм махаяны и скептическое мировоззрение» и др.

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. С. 739.

³ Межуев В. В. Россия как культурная альтернатива современной цивилизации // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). М., 1998. С. 50.

⁴ Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 77.

⁵ Цымбурский В. Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 133–156.

«цивилизации-спутника» фокусирует внимание на том моменте, что Россия развивается хотя и в европейском цивилизационном пространстве, но на его периферии, там, куда волны культурных новаций доходят с опозданием и где эти новации «наслаиваются» на собственный, автономный модернизационный ход, порождая сложные интерференционные эффекты. Проблема политической и экономической отсталости России, несхожести ее цивилизационного габитуса с европейским есть проблема несовпадения хронологической стратификации этих двух родственных в своей основе социокультурных систем. Переход от традиционности к современности Россия совершает, как бы находясь в гравитационном поле уже модернизировавшегося Запада, подгоняя текущие модернизационные реформы под готовые европейские, но еще не актуальные для самой России схемы.

С помощью этого методологического инструментария и понятийного словаря может быть описана современная политическая ситуация в России, равно как и приблизительно обозначены перспективы модернизационной перестройки российского общества. Сейчас на шкале исторической эволюции для России наступает время создавать единую российскую политическую нацию и выработать полноценный институт гражданства как устанавливающий для лица политико-правовую связь с государством и формально отображающий национальную идентичность. Но эта ясная картина развития «смазывается» мощной культурной суггестией стран Западной Европы, вступивших в эпоху постмодерна со свойственным ей разрушени-

ем любых форм коллективных идентичностей, включая национальные. Если в обществе модерна политико-правовой статус лица определяется принадлежностью к единой нации и закрепляется гражданством, то в обществе постмодерна он обуславливается простой биологической принадлежностью к роду *Homo sapiens*. На смену гражданину приходит потребитель, национальная (гражданская), этническая, религиозная и тому подобная идентификация которого никакого политико-правового значения не имеет. Гражданство постепенно превращается в формальность, границы между государствами стираются, нации исчезают.

Преобразование, перерастание современности в постсовременность, разумеется, далеко еще не завершено. Западное общество на сегодняшний момент «пребывает в транзитной ситуации, возникают элементы новой, постсовременной конструкции, однако реалии эпохи модернити также сопричастны на исторической сцене»¹. Европейские страны как бы «зависли» между модерном и постмодерном, между национальной идентификацией и общечеловеческой. Тем не менее европейский мультикультурализм оказывает могучее воздействие на процессы формирования в России гражданской нации, придавая им зачастую болезненный, маргинальный вид. Переход России от традиционного общества к современному, однако, неизбежен (как неизбежен он для любого европейского государства), поскольку соответствует объективным закономерностям исторического процесса и не зависит от наличных проектов развития основ общественной интеграции и конструирования идентичности.

Л. Н. Вшивцева²

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Проблема цивилизационной идентичности России всегда имела большое значение, но особую актуальность она приобрела после распада СССР. Разрушение советской цивилизационной системы привело к возрождению бывших цивилизаций и этнических культур, а это, как полагают многие исследователи, выступило мощнейшим фактором конфликтогенности во многих регионах России. Образование нового поликультурного государства — Российской Федерации — тре-

бовало наличия ясных национальной идеи, идеологии, культурно-цивилизационной парадигмы развития, призванных выступить основой консолидации полиэтничного и поликонфессионального социума.

К культурным принципам формирования российской цивилизационной идентичности в первую очередь относится принцип четкой культурно-цивилизационной определенности России. На наш взгляд, идентификационное единство в полиэтничном и поликонфессиональном российском социуме возможно не через построение России-государства, а через построение России-цивилизации, но вначале мы должны сделать цивилизационный выбор. Однако уже первые попытки конструирования культурно-цивилизационной идентичности России вызывают ряд неясностей, в частности, каким должен быть ее вектор: советским, западным, восточным, православным, самобытным?

Советский путь для России предполагает формирование культурно-цивилизационной идентичности великодержавного и автаркического типа. Развитие такого сценария может наступить лишь в условиях системного кризиса всех сфер жизни российского общества,

¹ Неклесса А. И. Локомотив постмодерна, или «Территория тьмы» // Россия XXI. 2006. № 2. С. 39.

² Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, кандидат философских наук. Автор 44 научных публикаций, в т. ч.: «Концепции насилия в русской и западной культурной антропологии», «Насилие как способ гармонизации межконфессиональных отношений в России», «Проблема межкультурного диалога в контексте глобализации», «Насилие как принцип поведения человека в условиях мировых природных и социальных катаклизмов», «Насилие: бытие, сущность, типизация», «Толерантность и идентичность: к вопросу о соотношении понятий», «Насилие и ненасилие как принципы современных и традиционных цивилизаций» и др. Член Российского философского общества.

а также в случае угрозы со стороны Запада. Чувство нахождения в недружеском, непартнерском окружении, присущее большинству россиян, будет способствовать формированию негативной идентичности в отношении окружающего мира, ориентировать на поиски внешнего врага и в итоге создаст условия для становления авторитарного политического режима.

Западный путь развития российского общества — это путь абсолютной модернизации, направленный на смену аутентичности, появление принципиально нового культурно-цивилизационного качества России. Такой путь развития, по мнению Б. В. Аксимова, «может привести не только к усугублению раскола между вестернизированной элитой и брошенным на цивилизационный произвол народом, он может привести как минимум к вассализации России, а как максимум — к дележу ее территорий и природных ресурсов между западными странами, “купившими” Россию по всем правилам глобальных рыночных отношений»¹. Следовательно, западный вариант культурно-цивилизационного развития России допустим, если наша страна готова быть марионеткой Запада, и недопустим (несмотря на то, что между Россией и Западом существуют обширные культурные связи, христианские корни и некий параллелизм истории), если она желает сохранить свою субъектность.

Восточный путь для России невозможен в силу того, что в культурно-цивилизационном отношении Восток далек от нее, хотя и есть общая идея традиционности. Православный путь развития российского общества также невозможен по целому ряду причин: во-первых, конфессионально-цивилизационной российской идентичность была лишь в московский период; во-вторых, после 1917 года Россия окончательно перестала мыслиться как православная цивилизация; в-третьих, в условиях современного российского общества конструировать культурно-цивилизационную идентичность на базе православия нельзя, учитывая поликонфессиональный состав страны.

Очевидно, единственно правильным остается самообитный, особый путь развития России, не предполагающий никакого компромисса между Востоком и Западом, заключающийся в осознании прошлого, настоящего и будущего России как уникальной цивилизации, обладающей своими базовыми ценностями и фундаментальными мировоззренческими принципами бытия и имеющей свой неповторимый смысл развития. Согласно данным массового опроса россиян, 60 % из них считают, что Россия по своим традициям, культуре не принадлежит ни Европе, ни Азии, а представляет собой некую особую евразийскую цивилизацию. При этом жителей нашей страны отличает «традиция конфессиональной лояльности, соединившей три основные мировые конфессии — христианство, ислам и буддизм», Россия играет «роль держателя равновесия между Востоком и Западом в их не блоковой, а культурно-цивилизационной ипостаси»².

Размышляя о культурных принципах формирования цивилизационной идентичности полиэтничной и поли-

¹ Аксенов Б. В. Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России. Ставрополь, 2009. С. 250.

² Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн : антол. М., 1993. С. 243.

культурной России, необходимо учитывать негативный опыт Европы, осуществившей самоидентификацию на основе принципа субъектного мультикультурализма, заведшего ее в цивилизационный тупик и сделавшей ее беззащитной перед угрозой со стороны иммигрантских общин, конституирующихся на основе коллективных форм идентичности. Об этом в своей статье «Россия: национальный вопрос» пишет В. В. Путин: «С “обострением национального вопроса” вплотную столкнулись самые развитые и благополучные страны, которые прежде гордились своей толерантностью. А сегодня друг за другом объявляют о провале попыток интегрировать в общество инокультурный элемент, обеспечить неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, религий, этнических групп»³.

Одним из основных принципов формирования цивилизационной идентичности России как полиэтничного и поликонфессионального социума является принцип согражданства, который должен вытеснить принцип принадлежности к тому или иному этносу. Конструирование цивилизационной идентичности на основе принципа согражданской солидарности, сопричастности общему государству должно осуществляться: во-первых, на поиске общих предметов национальной гордости, например, общенациональный вклад в дело Великой Победы над фашистской Германией; во-вторых, на поиске идейных основ сплочения народов России, например, единения России как великой державы; в-третьих, на общности территории. С. Ю. Иванова, размышляя об основах российского единства, приходит к выводу о том, что «исторически идентификационное единство обеспечивалось в России не через построение нации-государства, а через всеобщее подданство царю, православие и феномен советского народа»⁴. Действительно, до 1917 года именно православие было духовно-нравственной основой цивилизационной идентичности России. Как известно, православие по своим политическим и социокультурным принципам существенно отличалось как от западного католичества и протестантизма, так и от восточных религий — ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства. И это обусловило особую значимость цивилизационного измерения идентичности в России. После революции 1917 года религия была вытеснена официальной коммунистической идеологией, которая, по мнению В. И. Пантина и И. С. Семеновки, претендовала на создание принципиально новой советской цивилизационной общности, отличающейся от всех известных истории цивилизаций⁵. Данные обстоятельства определили развитие идеи об особом месте российской цивилизации в мире и ее особой миссии. По мнению В. В. Путина, «великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию... Скреплять в такой тип государства-

³ Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения : 23.01.2012)

⁴ Иванова С. Ю., Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм. Ростов н/Д, 2008. С. 201.

⁵ Пантин В. И., Семеновки И. С. Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании» в контексте модернизации / отв. ред. В. В. Лапкин, В. И. Пантин. М., 2004. С. 12.

цивилизации, где нет “нацменов”, а принцип распознавания “свой–чужой” определяется общей культурой и общими ценностями»¹.

В современной России наблюдается отсутствие точного понимания того, каково наше историческое прошлое, что мы представляем в настоящем и куда идем в будущем. И эта неопределенность выступает препятствием на пути формирования цивилизационной идентичности России, интегральной духовно-нравственной основой которой должна выступить российская идея,

закрывающаяся в осознании прошлого, настоящего и будущего нашей страны во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства. В завершение хотелось бы привести слова В. В. Путина, раскрывающие сущность культурно-цивилизационной идентичности России: «Цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности»².

В. С. Глаголев³

ДОМИНАНТЫ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МНОГООБРАЗИИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Философское и культурологическое наследие Д. С. Лихачева, как показало время, отличается исключительной исторической и теоретической стереоскопичностью. Объемность видения мыслителем проблем культуры определила в первую очередь его исключительная эрудиция, основанная на текстологических и других источниковедческих реалиях. Его эрудиция сочеталась с вдумчивым обращением к мировой классической литературе, раскрывающей культурный процесс. В этих духовных усилиях доминировало устойчивое стремление исследователя определить те обязательные условия баланса разнонаправленных тенденций, на основании которых культура воспроизводит себя и способна создавать волны новых значений, связанных с традициями и одновременно высвечивающих необходимость новых парадигм.

В результате труды Д. С. Лихачева обрели статус целостного системного видения жизни культуры, отражающего как вызовы глобализационных процессов, так и необходимость многовекторных усилий противостояния таким вызовам.

Если применить многозначное понятие «мудрость» к культурологическому наследию Дмитрия Сергеевича, то его значение определяется четко фиксированными положениями и ракурсами. Их соотношение обеспечивает перспективное постижение состояния культуры на основе исторически наработанного опыта ее функционирования, а также дистанцирование от становящихся догматикой идей постмодернизма, создающих препятствие такому постижению в силу своей односторонности, диспропорциональности и доминанты исторического и лично мотивированного нетерпения. Последнее, как известно, отличает самосознание социально активных людей России на протяжении более чем полутора столетий (если не считать со времен декабри-

стов). При этом творческое наследие Дмитрия Сергеевича отличается полным отсутствием заскорузлости консерватизма, акцентированием блоков и элементов восприятия «по-старому» просто потому, что «старое» привычно, испытано. И тем самым он создает основания для доверия ее качествам в новых условиях. Логика анализа ученым культурных проблем современной ему России отличается не только пониманием особенностей качественно новых ситуаций, встающих перед культурой страны, но и ясным видением необходимости включения в поле анализа тех задач и проблем, для решения которых старый опыт неприемлем, а возможно и сыграет дезориентирующую роль.

При своей исключительной эрудиции Дмитрий Сергеевич оставался в первую очередь историком, филологом и литературоведом, специализирующимся на проблематике Отечества. Поэтому вызовы глобализации рассматривались им как угрозы культуре России, а ответы на них вытекали из пластов и сокровищ отечественного опыта миропонимания, являющегося неотъемлемой составной частью мирового культурного развития. Именно здесь произошло преломление того качества «всемирной русской отзывчивости», которое выделял Ф. М. Достоевский и разделяли гиганты русской культуры — от Пушкина и Толстого до Солженицына. Д. С. Лихачев направил свой дар знатока и аналитика на обстоятельную и систематическую рефлексию, призванную высветить те непереносимые условия, при которых культура Отечества сохранит и приумножит свой творческий потенциал.

На первом месте среди этих условий в приоритетах, выделяемых Д. С. Лихачевым, находится роль русского языка как хранителя культурного наследия. Он является вместе с тем средством постижения в условиях современности и трансляции смыслов отечественной культуры в среде иноязычных народов России и за рубежом. Постсоветский период сохранил значение русского языка как средства прагматического общения тех социумно активных этносов российского общества, для которых он не является материнским. В то же время по ряду причин русский язык ослабил свои позиции в качестве общей лингвистической планки и наиболее полного выражения социокультурного опыта в межнациональном общении народов России. К сожалению,

¹ Путин В. В. Указ. соч.

² Там же.

³ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Религия караимов: историко-теоретический анализ», «Религиозно-идеалистическая культурология», «Современные угрозы духовности», «Преподавание философии в контексте задач устойчивого развития российского общества», «Духовность как творчество», «Религиозный фактор в дипломатической работе», «Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий» и др.

и у тех людей, кто навсегда связал с ней свою историческую судьбу. В советское время не было принято говорить о складывавшихся и усиливавшихся центробежных культурно-языковых тенденциях, приведших в конце концов наряду с прочими факторами к распаду Советского Союза. Как следствие, произошло не только ослабление качества преподавания русского языка в российских школах и ряде вузов. Размываются национально-психологические и культурные барьеры, защищавшие от грубых вторжений в его ментальные установки и нравственные ценности. Засорение национального лексикона иноязычными и инокультурными конструкциями имеет разную природу. «Галоши» привились, а «мокроступы» выглядели архаикой еще во времена А. С. Пушкина. Лексические единицы и конструкции англоязычного происхождения бурно дополняют пласты прошлых заимствований в русском языке из тюркских и европейских языков, а также из средневековой латыни.

Наряду с вполне понятными ситуациями временного дискомфорта происходит размывание нравственного подтекста, характерного для исторически сложившегося отечественного менталитета. Критерии правды, милости и справедливости, свойственные русскому национальному самосознанию, подвергаются релятивизации, становятся объектами безудержной иронии.

Дмитрий Сергеевич создал, что в этой сфере административные ограничения малоэффективны. Возглавляемый им Российский фонд культуры ставил своей задачей общение на живом и красивом русском языке на темы, являющиеся обязательными для сохранения и приумножения здорового духа народа и развития в нем начал совестливости и ответственности.

Проекты, реализуемые фондом, были ориентированы на осуществление этой сверхзадачи.

Знакомясь с многочисленными публикациями ученого, самый придирчивый читатель не найдет в них передергиваний аксиологически значимых принципов, софистической подмены понятий, то есть тех приемов, которые характерны для тоталитарных практик, описанных в романе «1984» Дж. Оруэлла.

Слово оставалось для Лихачева трепетно живым и вместе с тем подвергающимся рискам опасности «на линии огня» идеологических манипуляций. Ахматовское «И мы сохраним тебя, русская речь...» было для него заповедно значимым и безграничным в своих возможностях самовыражения культурного содержания.

Сознавая возрастающую роль телекоммуникационных технологий (включающих радио, телевидение, кино, Интернет и др.), признавая неуклонность их победоносного шествия в жизни глобализирующегося общества, Д. С. Лихачев как настоящий русский интеллигент был озабочен отнюдь не проблемами организации цензуры. Первостепенная задача для него — наполнять и непрерывно пополнять эти средства достойными мыслями, содержательными идеями и выразительными образами на пластичном русском языке. В этом видел он главную историческую гарантию приумножения духовного потенциала России и исходное условие его трансляции внутри страны и на просторах ближнего и дальнего зарубежья. Как образы художественной культуры, так и научные исследования гуманитарной проблематики подчинены, по мысли ученого, раскрытию места и роли России в системе прошлых и современных достижений мировой культуры.

В. В. Горшкова¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном мире диалог культур усложнился из-за комплекса обстоятельств. С взаимодействием культур разных народов связаны современные проявления фундаментальных проблем, особенность решения которых состоит в рамках непосредственного систематического диалога культур, а не одной, пусть даже преуспевшей культуры.

Диалог культур — это потребность во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении. Существуют два вида такого взаимодействия: 1) культурно-непосредственное, когда культуры взаимодействуют друг с другом благодаря общению на уровне языка; 2) опосредованное, когда основные характеристики взаимодействия являются и его диалоговым характером, диа-

лог при этом находится внутри культуры, в составе ее собственных структур.

Методология взаимодействия культур, в частности, диалога культур, была разработана в трудах М. Бахтина, который считал, что это взаимопонимание участвующих в данном процессе и в то же время сохранение своего мнения и определенной дистанции (своего места). М. Бахтин выдвигает идею о том, что каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, а великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой — один из источников ее жизнедеятельности.

Таким образом, диалог двух культур возможен только при определенном сближении их культурных кодов, наличии или возникновении общей ментальности. Диалог культур — это проникновение в систему ценностей той или иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонационального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в мировой культурный контекст. В диалоге культур важно увидеть

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, отличник народного просвещения РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Диалог в образовании человека», «Межсубъектная педагогика», «Концепция многоуровневого педагогического образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Философия и педагогика отношений», «Диалог как технология социальной работы» и др. Награждена медалью К. Д. Ушинского.

общие человеческие ценности взаимодействующих культур. Одним из главных объективных противоречий, свойственных культурам всех народов мира, является противоречие между развитием национальных культур и их сближением. Поэтому необходимость диалога культур является условием самосохранения человечества, а формирование духовного единства есть результат диалога современных культур.

Диалогичность предполагает сопоставление национальных ценностей и выработку понимания того, что собственное этнокультурное сосуществование невозможно без уважительного, толерантного и бережного отношения к ценностям других народов. Взаимодействие культур приобретает свою специфику на основе пересечения уникальных культурных систем. Препятствиями в диалоге могут служить разнонаправленные системы ценностей, что, конечно, затрудняет диалог, и некоторые культуры неохотно вступают в контакты с другими культурами.

Идея диалога культур основана на приоритете общекультурных человеческих ценностей. Культура не терпит единомыслия и единогласия, она диалогична по природе и сути своей. Диалог — важнейший методологический принцип понимания культуры, поскольку существенные характеристики культуры проявляются в диалоге. В расширительном смысле диалог можно рассматривать также как свойство исторического процесса. Диалог — универсальный принцип, который обеспечивает саморазвитие культуры и все культурные и исторические явления — продукты взаимодействия и паритетного общения. В ходе диалога людей и культур происходило становление языковых форм, развивалась творческая мысль, что давало возможность диалогу распространяться в пространстве и времени, пронизывать культуры по вертикали и горизонтали.

Вообще процессы взаимодействия культур более сложные, чем понималось раньше, когда считали, что идет прямая «перекачка» достижений высоко развитой культуры в менее развитую, что логично подводило к выводу о взаимодействии культур как источнике прогресса. В настоящее время активно исследуется вопрос о границах культуры, ее доминанте и периферии.

Современные исследователи подразделяют все взаимодействия на три типа: 1) непосредственные межкультурные взаимодействия; 2) взаимодействия посредничества; 3) взаимодействия социальных организмов, находящихся на разных ступенях формационного развития. Отсюда вывод о том, что не социально-экономические основания лежат в основе своеобразия культур, их особенности надо искать не вовне, а внутри культур, исследуя процессы их складывания и функционирования. Межкультурные взаимодействия не могут протекать иначе, чем через взаимодействие ментальных взглядов, субъектных позиций и индивидуальных мировоззрений. Межкультурные взаимодействия возможны, но они не носят закономерного характера с точки зрения источника развития той или иной культуры. Механизм взаимодействия имеет сложный, многоуровневый характер. Возможность контактов и взаимодействий между культурами связана с единством их структуры, когда главную роль в области

сближения культуры играют мифология, символика, язык, религия, искусство, наука. В настоящее время проблемами диалога культур стали активно заниматься исследователи разных наук.

Онтологический обмен и взаимообогащение духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащают личность и сообщество людей. Направляющей деятельностью субъекта культуры, в процессе которой изменяется он сам, изменяя, развивая при этом состояние, является содержание национальной культуры. Взаимодействие культур происходит и на уровне межсубъектного общения, так как в ощущении реализуются общезначимые ценности культуры. Межсубъектные отношения, расширяя источники социальной и культурной информации, тем самым могут выступать важным фактором в преодолении стереотипизированного мышления и этим способствовать взаимообогащению духовного облика людей.

Взаимообогащение национальных культур в плане восприятия инациональных ценностей происходит на разных уровнях. В одном случае предполагаемое произведение культуры воспринимается как инациональное и не становится фактором национального сознания, самосознания, не входит в ценностную систему духовного мира личности. На более высоком уровне взаимообогащение национальных культур не ограничивается просто ознакомлением, например, с инациональным произведением искусства, а происходит актуализация творчества нового на основе собственно национального и познания инационального. В таких случаях инациональные ценности входят в национальное самосознание, обогащают духовный мир человека.

Чем более развита национальная культура, тем более она способна к включению в сферу духовного общения ценностями культуры различных наций и тем большие возможности она представляет для духовного обогащения человека. Характер восприятия зависит как от распределения содержания ценностей культуры, так и от комплекса индивидуально-личностных особенностей воспринимающих. Восприятие ценностей культуры осуществляется на основе сравнения прежнего опыта и нового, причем познание при этом происходит не только на рациональной, но и на иррациональной основе. Чувства стимулируют понимание или препятствуют пониманию, устанавливают его границы. Восприятие инационального осуществляется посредством сравнения элемента культуры другой нации с аналогичным в собственной национальной культуре. Сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления; чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности — профессиональной, образовательной, неформальной и др.

Процесс влияния национальных культур состоит не в дублировании достигнутых результатов путем их перевода на другой язык или подражании им, а в выражении мыслей и страстей современного человека, живущего интересами эпохи. Во взаимодействии культур всегда срабатывает закон: культура не отвергает культуру, культура есть только возможность еще большей культуры (М. К. Мамардашвили).

В процессе взаимодействия культур можно выделить два вида диалога: прямой и косвенный. Прямой диалог — это когда культуры взаимодействуют друг с другом благодаря компетентности их носителей, косвенный диалог при взаимодействии культур происходит внутри культуры, в составе ее собственных структур. Инокультурное содержание занимает двойственное положение — и как чужое, и как свое. При диалоге культур возникают те же проблемы, что и при переводе с языка на язык: понимания, вживания в мир чужой культуры. Диалог с другими культурами невозможен без определенных образов культуры, как своей, так и чужой.

Рефлексия гуманитарного познания имеет диалогическую природу. Человек вступает в диалог не только с другим человеком. Он вступает в диалогические отношения и с самим собой как с Другим, обращая свое сознание не только на себя, но и к себе. Сопоставляя свое сознание с сознанием Другого, в диалоге человек познает себя как Другого и Другого как себя, что и обуславливает саморазвитие сознания человека и обеспечивает его культурное возвышение.

В рамках глобализации возрастает роль международного диалога культур. Международный культурный диалог усиливает взаимопонимание разных народов, дает им возможность более глубокого познания собственного национального облика. Если раньше казалось, что культуры Запада и Востока взаимно не пересекаются, то сегодня, как никогда раньше, наметились точки соприкосновения и взаимовлияния. Речь идет не столько о взаимодействии, сколько о взаимодополнении и обогащении. Диалог культур должен в более значительной мере проявляться во внешней политике, все более значимым должен быть культурный аспект внешней политики. Диалогическое развитие понятия «культура» в целом должно быть частью международного диалога культур. Глобализация и глобальные проблемы способ-

ствуют развитию диалога культур, что в целом решает проблему открытости к диалогу и взаимопониманию в современном мире и приобретает трансцендентный характер. Однако для взаимопонимания и ведения диалога недостаточно одной доброй воли, но необходима кросскультурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает: осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам; способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного сообщества глазами других народов. Но чтобы понимать язык чужой культуры, человек должен быть открыт к родной культуре, и только в таком случае диалог будет паритетно плодотворен.

Глубина диалога во многом определяется заинтересованностью творческих личностей, возможностью удовлетворения их запросов. Доминирующий путь развития межкультурных контактов — это неформальные контакты, потому что, когда встречаются функционеры, представляющие те или иные организации, как носители административных принципов, по сути дела, культурного контакта не происходит, поэтому чрезвычайно важно расширять неформальные контакты взаимодействия. Диалог культур приводит к углублению культурного саморазвития, взаимообогащению за счет иного культурного опыта как в рамках определенных культур, так и в масштабах мировой культуры. Таким образом, не будет преувеличением заключить, что необходимость диалога культур есть важнейшее условие самосохранения человечества. Кросскультурное взаимодействие, диалог культур в современном мире — процесс сложный и, возможно, иногда травмирующий и даже болезненный. Необходимо обеспечивать оптимально диверсификационное взаимодействие диалога народов и культур в интересах каждой из сторон этого взаимодействия и в интересах общества, государства, мировых сообществ человечества.

В. Ю. Дунаев¹

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ДИСКУРС И ПРАКСИС

Взгляд на всемирную историю как историю культур и цивилизаций определен двойной оптикой: в одной перспективе этому взгляду открываются свидетельства устойчивости, фантастической жизнеспособности, высочайшей витальной энергии цивилизаций. Но восприятие той же всемирной истории в «обратной» перспективе свидетельствует о том, что цивили-

зации — эти суперэтнические монстры, вырастающие до гигантских размеров и запускающие свои щупальца в самые далекие области, во все медвежьи углы ойкумены, — на самом деле хрупки и подвержены всем перипетиям и сюрпризам движения по бифуркационной диаграмме.

А. С. Панарин отмечал, что цивилизационные синтезы, как и все высокосложные, рафинированные социально-культурные и духовные общности, удерживает и питает тонкая «цивилизационная ирония». Действование цивилизациями такого неожиданного и странного механизма обеспечения своей устойчивости связано, с одной стороны, с неизбежным «моральным старением», онтологической, смысложизненной и аксиологической инфляцией этих синтезов, требующих творческого обновления, с другой — с активизацией «духовного варварства» слабых умов и слабых

¹ Главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности» (в соавт.); «Метафизика всеединства как учение об онтологическом самоопределении человека» (в соавт.); «Онтологические основания социального познания» (в соавт.); «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Роль СМИ в консолидации казахстанского общества» (в соавт.), «Имидж политического лидера и электоральные предпочтения граждан Казахстана» (в соавт.), «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.) и др.

характеров, «не способных сочетать и примирять разнородные начала и потому тяготеющих к процедурам упрощения и выравнивания». На основе таких процедур и возникают антицивилизационные фундаменталистские (в том числе и неолиберальные) мифы и практики социальных действий.

Главная и труднейшая проблема для всякой цивилизации, всякой этнокультурной или национально-государственной общности состоит в том, чтобы сохранять и творчески развивать собственные духовные основания, не опускаясь до фанатичного этноцентризма и фундаментализма, с одной стороны, не впадая в мондиалистскую всеядность постмодернизма — с другой, но культивируя в самой себе способность к диалогу, обмену цивилизационным опытом, стратегическому планированию собственного культурно-цивилизационного развития. Рационально понятая культурно-цивилизационная идентичность и отвечающая ей социально-политическая практика в современном мире могут и должны быть основаны не на религиозной, идеологической или этнической монолитности (апологетами которой являются группы религиозных фанатиков-фундаменталистов, идеологических доктринеров, фашиствующих националпатриотов и т. д.), а на подвижном синтезе и переопределении разнородных этнокультурных начал, на способности к критической рефлексии, самоотстранению и самоотстранению, диалогу и консенсусу, на великодушном и творческом восприятии «инаковости». Данная стратегия должна быть основана не на формальной свободе и произвольности выбора из равновозможных альтернатив, как и не на соображениях эффективности и успешности «вхождения в мировую цивилизацию», а на безотносительных критериях и абсолютных принципах выбора нравственно достойных поступков и решений.

Так называемая культурно-историческая школа выступила с методологической программой многолинейной или «полимерной» трактовки всемирной истории на основе признания множественности образующих ее качественно специфических цивилизаций. При таком подходе базовым теоретическим положением является признание наличия не единой универсальной линии (соответственно линейной логике) исторического процесса, а различных линий исторического развития, каждая из которых является относительно самостоятельной и обладает собственным, нередуцируемым к некоторой унифицированной модели историческим значением.

На основе такого подхода открывается возможность пересмотра как философии истории гегелевского типа, так и различного рода концепций локальных цивилизаций. Вопреки утверждениям Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера о том, что единой мировой цивилизации не существует, что каждая локальная цивилизация развивается собственным, неповторимым путем, хотя и проходит сходные фазы своего жизненного цикла, — можно и нужно говорить и дискутировать о *фрактальной картографии* единого планетарного поля локальных цивилизаций, общечеловеческой цивилизации с ее поливалентной логикой, волнах, морфогенетиче-

ских резонансах и ритмокаскадах коэволюции цивилизаций, детерминированной непредсказуемыми флуктуациями и эвентуальными всплесками духовно-интеллектуальной магмы коллективного бессознательного, нелинейной динамикой (позитивной и негативной синергией) процессов самоорганизации виртуальных уровней социума и т. д.

Разумеется, конструктивное решение и даже грамотная постановка такого рода проблем требуют высокой методологической культуры. Но еще более важным является понимание того, что в данном случае проблемы выбора методологии прямо и непосредственно связаны с проблемой определения собственной мировоззренческой и нравственной позиции теоретика. Не только императивом философской рефлексии и социокультурной теории, но и священной обязанностью человечества является стремление охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, «погруженное в единый образ жизни», немислимо.

Модели, описывающие морфологию локальных цивилизаций, могут также применяться и к формирующейся глобальной цивилизации. В работах, посвященных анализу процессов глобализации, используется весь спектр такого рода моделей — и жестко централизованные, или центрально-периферийные, и модели сетевой морфологии и ризоморфных образований, и модели, в которых глобальная цивилизация предстает как агломерация разделенных и изолированных локальных общностей. По всей видимости, каждая из таких моделей имеет право на существование и описывает объективно существующий срез, или уровень, или тенденцию, или вектор культурно-цивилизационного процесса. В целом же цивилизацию следует рассматривать именно как сложное единство сети взаимодействия институциональной структуры и символической ценностно-нормативной системы.

В терминах и по логике геополитики рационально мыслить о межкультурных отношениях возможно лишь в рамках той матрицы цивилизационного подхода, в которой априорно предположена логика силовых взаимодействий культур и цивилизаций по формуле Арнольда Тойнби: «Вызов — ответ». Тем самым исследование культурно-цивилизационных процессов помещаются в дисциплинарное пространство не герменевтики и трансцендентализма, диалектики и семантики, но логистики и стратегии. Соответственно философская логика как концептуально-методологическая модель выхода из культурно-цивилизационного кризиса, из противостояния культур и цивилизаций предполагает обращение к контингентным или модальным онтологиям вместо парадигматики бинарных оппозиций. Преодоление оппозиции «варварство—цивилизация» в рамках той логики, по которой развивается современный глобализационный процесс, невозможно в принципе. Запад по-прежнему смотрит на себя как на цивилизацию, а на весь остальной мир — как на

варварскую периферию. Конфликт неолиберальной цивилизации и культуры — современная форма духовного кризиса, причем постиндустриальная цивилизация в себе самой воспроизводит противоположный полюс вандализма.

Не «единомыслие», но вписывание «великих метарассказов» в игру двойных контингенций становится методологическим выходом из того тупика господствующей ныне конфронтационной логики, когда и локальный, и глобальный мир межкультурных и межкультурных взаимодействий строится по схеме дизъюнктивного синтеза.

По праву сильного Запад может довольствоваться привычными стереотипными и тривиальными путями развития своей цивилизации, без оглядки на социальные и моральные условия успеха. Мы такой прерогативы лишены. Вместе с тем многоосновность (этносоциальное и конфессиональное многоцветье, хозяйственно-экономическая многоукладность) евразийского культурно-исторического типа вполне способна стать надежной опорой для достижения позитивно-синергетического эффекта в реализации методологически продуманных стратегий его культурно-цивилизационного развития.

В. И. Еременко¹

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР НАРОДОВ РОССИИ

Историческая ретроспектива генезиса российского парламентаризма на примере деятельности Государственной думы начала XX века позволяет рассматривать культурологическое содержание понятия «парламентаризм» как фактор развития диалога культур народов России. Народное представительство — форма организации власти, которая обеспечивает взаимопонимание между народами, сохраняя уникальность каждого из них.

Уникальный материал — «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева — на примере крестьянских сходов показывает развитие народоправства в ходе диалога русского и других этносов Российской империи. Взаимопроникновение культур и культурной солидарности формирует навыки принятия совместного решения, в том числе с участием женщин. Одновременно материалы князя В. Н. Тенишева свидетельствуют, что культурный фактор сам по себе не способен преодолеть сущностные противоречия крестьянского общественного управления, такие как всевластие земской бюрократии и доминирование богатых людей².

С появлением Государственной думы политическая жизнь России приобрела новые этноконфессиональные и региональные черты, связанные с возможностью законного вхождения в Думу представителей различных народов и культур. Думский фактор стал наиболее значительным для становления национальной составляющей многопартийности, заметно оживил национальную партийно-политическую жизнь. Благодаря деятельности Государственной думы появилась возможность более полного отражения в политической жизни национальных и субинтересов. Дума стала местом кумуляции национально-культурного диалога, а у наро-

дов России появилась надежда на разрешение хотя бы части проблем реформирования политической системы, национально-государственного устройства и этноконфессиональных отношений³.

Однако Государственная дума с момента появления до последних дней своего существования была ареной политического противостояния имперского и национального факторов.

В I Государственную думу было избрано около 220 нерусских депутатов, то есть чуть меньше половины состава. Во II Государственной думе 187 депутатов представляли нерусское население России, из них: 54 украинца, 46 поляков, 14 татар, 8 литовцев, 7 армян, 6 белорусов, 6 грузин, 6 евреев, 5 латышей, 5 эстонцев, 3 азербайджанца и т. д.⁴

Дискуссии по проблемам государственного устройства, национальной политике проходили в Думе достаточно бурно. Начиная с декабристов, идеи федерализма, конституционализма приобретали форму теоретических концепций и активно внедрялись в общество⁵. Часто парламентские выступления носили яркий национально-культурный характер, что способствовало, с одной стороны, синтезу общенациональных интересов, с другой — кристаллизации конфессиональной и этнической составляющей.

Имперская Государственная дума стала первой в истории нашей страны политической площадкой, где в процессе диалога происходило становление новых национальных и региональных элит. Участие в Думе позволило членам национальных фракций раскрыть свои качества политических организаторов и лидеров. Складывающаяся национальная элита самореализовалась не только в национальных обществах и партиях, но и в думских национальных фракциях, законодательной деятельности, а позже в местных правительствах, возникавших на национальных окраинах бывшей Российской империи. Развитие парламентаризма дало возможность народам империи получить выборное этниче-

¹ Заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Ценностные основания парламентаризма как условие социальной стабильности», «Эволюция феномена парламентаризма в русской политической мысли», «Социально-культурная характеристика парламента как государственного института», «Национально-культурные особенности генезиса парламентаризма в России», «Особенности российского парламентаризма в евразийской политической интеграции» и др.

² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2006. Т. 2 : Ярославская губерния. Ч. 1. С. 26–29.

³ Кулешов С. В. Национальные партии и национальные интересы (К постановке проблемы) // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 291.

⁴ Болтенкова Л. Влияние парламентов на развитие федерализма в России. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n14-15/10>

⁵ Там же.

ское и региональное представительство в общеимперском парламенте, легально презентовать национальные и культурные требования, создать и структурировать национальные и региональные политические организации, оформить национально-региональные фракции в Думе, развивать политическую культуру общества и национальное самосознание.

Государственная дума, действующая в начале XX века, представляла собой особую совокупность социально-культурных практик, связанных с национально-этническими особенностями парламентаризма, фор-

мированием политической культуры различных социальных групп. Политические интеракции многонационального состава общеимперского парламента можно рассматривать как поликультурный диалог, результатом которого стало формирование национальных политических элит, партий, лидеров, сохранивших национальную идентичность в сочетании с широтой государственного мышления. Диалог культур в Государственной думе привел к образованию элементов новых национальных политических элит, проявивших себя в последующих исторических событиях.

О. П. Зубец¹

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР: ЭТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Специфика морального взгляда человека на мир заключается в первую очередь в том, что сам этот мир разворачивается как сфера личной индивидуальной ответственности, как «мой мир», который включает всю бесконечность последствий моих поступков. Я принципиально не могу вычленив в нем отдельную часть, за которую отвечаю, и отместить все остальное, так как сама логика такого вычленения предполагает устранение меня как субъекта морали. Ведь пытаюсь разделить то, что зависит от моей воли, моего решения, моих действий, и то, что от них не зависит, а детерминировано «не-моей», а социоприродной и всеми иными формами детерминаций, человек, с одной стороны, неизбежно устранив весь мир, так как этот мир полностью детерминирован и всему можно найти причину, а с другой — сведет свою субъектность к исчезающему в бесконечности нулю: устранение мира из себя оказывается тождественным устранению себя из мира.

Иными словами, единственный способ сохранить свою субъектность, то есть быть субъектом морали, субъектом индивидуального ответственного действия, заключается в принятии всего мира как своего, порожденного собственными поступками, сотворенного собственным ценностным сознанием. Многообразие этого мира — единого в сотворенности мной, в моем авторстве — может быть ценностно значимым и нравственно приемлемым только в качестве многообразия и разнообразия моих собственных творений. Иными словами, разнообразие возможно лишь в той степени, в какой я сам способен порождать его, видеть его, осуществлять его, задавать его собой. Но в любом случае этот мир един и единствен в силу единственности его субъекта. Субъект морали сущностно единствен, то есть в его ценностном пространстве Другой существует лишь как тот, за кого он несет ответственность, бытие кого он задает как собственное бытие. Поэтому понятие равенства не находит своего содержания при философской реконструкции мира субъекта морали.

¹ Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни», «Аристократизм как основание поступания», «Ложь как самоустранение», «Megalopsukhos, Magnanimus, Величавый» «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали», «О гордости» и др.

Культурное многообразие, данное нам не только в позитивном опыте любопытствующего восприятия иных форм жизни, общения, искусства, но и в напряжении неприятия, опасения, непонимания, жизненного дискомфорта, невозможно осмыслить с помощью понятия равенства: сама идея культурного разнообразия, помимо равенства как правовой основы, содержит в себе идею несоизмеримости. Столкновение с культурным разнообразием выражается для человека в каждый раз заново осуществляемом задании границ человеческого мира: принимая это разнообразие в качестве части себя, своего мира, он осуществляет свою субъектность, отвергая же его — он отрекается от своего богоподобия, превращает себя в «одного из», существующего наряду с другими, уравниваемого с ними, а потому нуждающегося в защите себя посредством права или самоуправления.

Принятие культурного многообразия не означает согласия или желания стать другим, принятия иной культуры как детерминирующей меня (это может быть темой иного рассмотрения — ведь тогда речь шла бы не о разнообразии, а об унификации), но, наоборот, принятие многообразия мира есть утверждение себя в качестве субъекта, не ограничивающего свою субъектность ничем внешне выраженным, ничем не ограничивающим свое «я». Иными словами, культурное многообразие принимается на основе единственности меня как морального субъекта. Эта единственность задает единое пространство сосуществования разнообразного. Если же пытаться утвердить это многообразие в пространстве множества равных индивидов, то единство этого пространства может задаваться только единством идей: идеологий, ритуалов, традиций, норм, верований и тому подобного — то есть всем тем, что будет отрицать разнообразие, унифицировать взгляды, образ жизни и т. д. То есть единое пространство сосуществования разнообразного может задаваться единственным и единым субъектом или единой идеей, нормой, опосредующей связи людей. Но в последнем случае разрушаются основы культурного разнообразия.

Если перед человеком встает задача принять иное — иную культуру — как находящееся в ценностном пространстве наряду с ним, с его культурой, ему

необходимо задать некоторое общее начало, правило, ценность, объединяющее разнообразие, если не содержательно, то через правило терпимости, опирающееся опять же на нечто общее: принадлежность к человеческому роду, например. И это общее должно занять в иерархии ценностей более высокое место, чем различия культур. Это касается даже того случая, когда этим общим становится ценность самого разнообразия. Таким образом, ценность разнообразия сохраняется только посредством его преодоления, задания более широкого масштаба (например, идеи нации). Иное дело, если человек включает это разнообразие в то ценностное пространство, в центре которого находится только он: в этом случае основой существования разнообразия выступает моя собственная субъектность.

Если культурное разнообразие включено в пространство моего ценностного бытия, в то пространство, в котором я беру на себя ответственность за все, даже за то, что не порождено моими действиями очевидным образом, но перед чем у меня, тем не менее, нет алиби, — то есть в ситуации невозможности умыть руки я сам в качестве морального субъекта своей от-

ветственностью обеспечиваю это разнообразие. Мир, порожденный моими поступками и полностью охватываемый моей индивидуальной ответственностью, открыт разнообразию именно в силу того, что это разнообразие исключено в качестве детерминирующего меня в моей нравственной ответственности.

Как писал А. А. Гусейнов, моральная абсолютность делает все остальное относительным, так что уже никто и ничто не может претендовать на исключительное владение истиной, благом или красотой. Автономия (тождественная абсолютности) морального субъекта, его невыводимость из обстоятельств, из социоприродных нужд, тот факт, что каждый человек как моральное существо не является вторичным продуктом всего того, что мы объединяем под словом «культура», не могут переложить свою нравственную ответственность на содержание норм, идеалов, на традиции своего окружения, то есть то, что в своем нравственном существовании он свободен от культурного разнообразия в каких-либо формах, — это и является моральной основой возможности этого разнообразия.

С. Н. Иконникова¹

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Российская культура и цивилизация имеют тысячелетнюю историю, на протяжении которой было немало поворотов и перемен. В известном смысле русский народ располагает огромным историческим опытом социальной и культурной устойчивости, успешного освоения новых экономических, политических и духовных факторов, создания новой социальной и культурной системы. При этом сохранялись основные ценности культурной идентичности, ментальности и самосознания. Русский философ Н. А. Бердяев отмечал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию»². Несмотря на исторические трансформации, Россия остается страной «старой культуры», писал Н. А. Бердяев. В ней сохраняются историческая память и традиции, богатство русского языка и православие, литература и искусство, антропологический тип и общение. Для русского народа характерно совмещение полярно противоположных свойств, восточных и западных ценностей; язычества и православия; природной стихийности и христианского аске-

тизма, послушания и бунтарства, трудолюбия и лени, сострадания и соборности. Сохраняется основа ментальности, национального характера и добавляются новые особенности в соответствии с историческими этапами развития российской цивилизации.

Современная Россия также переживает переходный период. Изменились общественный строй, политические структуры власти, духовные ценности. Социальный строй современного общества является предметом дискуссий, вопрос о том, как называть российское общество, остается открытым, его состояние определяют как «переходное» от прошлого к будущему. Информационное, сетевое, открытое общество — утверждают одни; постиндустриальное, общество постмодерна — доказывают другие.

О прошлом чаще говорят «советские времена». Иногда называют «общество рыночных отношений», «предпринимательское общество». Редко называют строй капиталистическим, почти никогда «буржуазным». Социальные процессы определяются глобализацией, трансформацией, модернизацией.

Эпоха перемен — особое состояние социальной и духовной жизни общества — имеет как позитивные, так и негативные черты, символы и ценности, оптимистические надежды и разочарования, предчувствие катастроф и ностальгию. Переходный период может быть кратким, как «передышка», и длительным, когда ожидание перемен затягивается на неопределенный срок. В это время постепенно или стремительно «отмирают» старые социальные институты и структуры, создается фундамент будущего строя, конструируется новый порядок. Недаром политических лидеров называют «архитекторами перестройки». Но переходный этап может постепенно терять темп и скорость перемен, ограни-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контуры исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония "цветущей сложности"» — союз этики и эстетики». Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

чиваться незначительными изменениями, восстанавливать режим и инфраструктуру прошлого.

В современной науке существуют различные позиции относительно переходных периодов. Одни считают переходность перманентным процессом социального и культурного развития (К. Ясперс, Х. Плеснер, Е. Черняк). Другие рассматривают переходность как особое состояние, требующее особенно тщательного анализа, ибо именно в этот период возникают альтернативные векторы развития (А. С. Ахиезер, С. С. Аверинцев). Как отмечает культуролог В. И. Ионесов, «о переходном периоде можно говорить в двух измерениях: как о переходе историческом, при котором осуществляется смена жизненных циклов культуры и эпохальных парадигм; так и о переходе онтологическом, когда весь путь развития культуры есть универсальный многовекторный процесс перманентного становления и изменения социальной жизни людей»¹. Переходный период отличается столкновением позиций, борьбой за признание предлагаемого пути развития. В этот процесс вовлекаются не только экономические и политические структуры, но и молодежные, религиозные, художественные субкультуры со своей мифопоэтической символикой. Американский антрополог К. Гирц в работе «Интерпретация культур»² отмечает, что в ситуации перехода культура пребывает в двух модусах трансформации: изменение социального порядка, иерархии отношений и изменение культурных ценностей, правил поведения, мировоззренческих парадигм. Соотношение этих параметров может быть параллельным, опережающим или отстающим, содержать разные или близкие ценностные ориентации. Известный культуролог Н. А. Хренов предлагает различать в исследовании переходного периода четыре возможных подхода: эволюционистский, циклический, бифуркационный (синергетический), инверсионный.

Российская культура находится в ситуации переходного периода. Трудно обозначить точные границы, определяющие начало перехода, слишком много признаков, которые могут быть приняты во внимание. Достаточно условно можно назвать период конца 1960-х годов, время идеологической либерализации и оттепели, пражских событий 1968 года, распространения «новых левых» в студенческом движении, рок-музыкальных групп, свободолобия в песнях Высоцкого, идей общечеловеческих ценностей. Можно назвать и многие другие приметы Нового времени — дипломатия холодной войны, экономический застой и дефицит товаров, военные столкновения и война в Афганистане. 1991 год лишь обозначил черту в процессе перемен и определил наступление нового этапа. За эти 20 лет изменилось многое. Ситуация переходного периода требует особенно тщательного и теоретически обоснованного анализа, в котором следует избегать однозначно позитивных или негативных оценок, «ни лакировки, ни очернения». Общественная и личная жизнь существенно изменилась, одновременно проявляются противоречивые тенденции.

¹ Ионесов В. И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. Самара, 2011. С. 14.

² Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 31.

Распространение новых технологий, средств массовой информации и коммуникации, свобода слова и творчества, потребительское изобилие и приватизация, уровень занятости и образования, развитие туризма — все это свидетельствует о положительных переменах. Однако неравенство жизненного уровня и социальное расслоение, распространение коррупции и преступности, примитивность нравственности, «бескультурье» и вандализм вызывают недовольство происходящими изменениями, недоверие к власти, психологический стресс, социальную травму в сознании и поведении человека. Весь жизненный мир человека, включая семейные и дружеские отношения, сферу труда и образования, художественной культуры и спорта, формы досуга и повседневности — все находится в процессе непрерывных перемен. Меняющийся мир требует психологической устойчивости, умения осваивать новые ценности и стратегии жизни.

Современная культура по определению стала «другой». Не случайно все чаще говорят о другой литературе, другом театре, живописи, музыке, кинематографе. Но это понятие распространяется и на иные виды деятельности: образование и науку, экономику и финансы, массовые коммуникации и личные отношения. Мир культуры представляют как «открытое пространство неограниченных возможностей и стилей, где нет центра и периферии, общего пути, высших и низших стадий, где много дорог и перекрестков, расходящихся тропинок и тупиков. Пространственное поле культуры постоянно меняет свои очертания, все находится в процессе изменений и перемен, когда элитарное становится массовым, общее — индивидуальным, бесплатное — коммерческим. На поверхности культурного ландшафта можно различить мозаику событий, явлений, когда правое становится левым, трагическое переходит в комическое, праздничное в повседневное. Известный социолог З. Бауман в книге «Текущая современность»³ считает, что подвижность, мобильность, миграция, текучесть стали наиболее удачными метафорами современного образа жизни и культуры. В переходный период происходит «плавление» твердых тел, прежних структур социальных институтов. Но инерция общественного и индивидуального сознания сохраняет многие старые понятия, символы и ценности, в результате чего они одновременно «мертвы и живы». Современная культура стремительно впитывает разные стили, направления, архаичные практики, смешивая восточные мотивы с западными традициями. Происходит «плавление» традиционных культур, изменение внешнего антропологического облика личности, ментальности и национального характера.

Английский философ А. Тойнби особое значение в истории культуры придавал процессам надлома и распада цивилизаций. Распад сопровождается глубокими вертикальными и горизонтальными трещинами общественных систем. Социальный раскол приводит к изменению структуры общества, увеличению слоев, утративших свой прежний статус и положение. А. Тойнби называл их «новые бедные». К ним отно-

³ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 8.

сятся беженцы, мигранты, безработные, утратившие власть чиновники, уволенные офицеры, разорившиеся крестьяне, бывшие аристократы. Мера переживания у этих людей различна, но их объединяет общее состояние ненужности, утраты прежнего положения и привилегий. Как правило, они испытывают негативные эмоции к новой власти, отрицают прогрессивное значение реформ и модернизации общества, требуют возврата к прежнему состоянию общества. Распад общественной системы производит существенные перемены в экономике, политике и культуре. Среди выделенных трех элементов особенно непредсказуемо реагирует культура. Это проявляется не только в утрате традиционного корпуса ценностей и культурной стабильности общества. Но происходят значительное снижение уровня культуры, потеря идентичности, чувства общей и личной ответственности, перспектива будущего заменяется лозунгом «лови мгновение», «живи здесь и сейчас», в сознании и поведении преобладают эмоции недоверия ко всем переменам, зависть к успеху и благополучию. Негативные эмоции становятся «горючим материалом» преступности, коррупции, жестокости. Культура представляет собой «душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации. Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чуждой культуры»¹.

Распад затрагивает состояние общественного и индивидуального сознания, в нем сильны тенденции дезинтеграции и агрессивности. Раскол в человеческой душе приобретает различные формы: от безразличия и пассивности до активного сопротивления. А. Тойнби рассматривает три модели возможного преодоления кризиса в духовной сфере: архаизм, футуризм и преобразование. Архаизм представляет попытку вернуть некоторые былые формы социальной и культурной жизни, ограничить модернизацию, вернуться к прежним ценностям, примирить прошлое и настоящее. Возврат к былым достижениям и символам, популяризация бывших лидеров и кумиров, восхваление прошлого в искусстве и литературе становятся основой культурной политики и преодоления распада в обществе. Однако этот путь имеет весьма ограниченное значение. Архаизм «подмораживает» социальные перемены, ограничивает реформы, становится тормозом процесса модернизации. Не отрицая значения преемственного развития культуры, роли культурного наследия, важно не просто «оглянуться назад», но вспомнить все повороты исторического процесса, дать взвешенную оценку прошлого, не «вычеркивая» ни достижений, ни про-

счетов и преступлений. Современный человек вправе иметь вполне адекватное представление о своей истории. Но архаизм всегда ограничен в своих возможностях рамками консерватизма и неизбежно сметается жизненным потоком.

Футуризм представляет оборотную сторону архаизма, отвергает прошлое, предлагая начать «жить с чистого листа» во имя незнакомого будущего. Футуризм предлагает «забыть» культурное наследие, относиться к нему как к музейной древности, пыльной, ветхой, бесполезной, использовать историческую память для воплощения новых идей, самоутверждения новых форм, отодвинуть прошлое вглубь истории, заменив инновациями. Футуризм характеризуется нигилистическим отношением к культурному наследию, отвергает традиции и устоявшиеся стили в искусстве, политике, образовании, повседневной жизни. Футуризм «очарован» возможностью перемен, поддерживает любые формы новаторства, но при этом заряжен агрессией вседозволенности и разрушения.

Третий путь представлен как преобразование, временный компромисс в период распада и перемен в общественной системе. Это попытка взять под контроль разрушительные силы, стимулировать творческий потенциал, ограничить враждебность и соперничество, создать атмосферу сотрудничества, толерантности и гармонии. А. Тойнби предлагал для преодоления распада модель универсального государства для установления мира и согласия, избавления от бед смутного времени. Религия и вера должны стать творческим центром и ценностным ядром универсального государства. Религия выражает психологическую потребность в преодолении душевного дискомфорта, необходимость жизненной устойчивости и защиты. «Во времена успехов и процветания души людские глухи к зову духа, и, напротив, они улавливают даже слабый шепот его, когда суетные мирские дела заканчиваются катастрофой»². Религия выступает как сила, способная преодолеть политические и культурные барьеры, разделяющие разные цивилизации. Вселенская церковь не означает слияния мировых религий, она предлагает свободный выбор в духовном совершенствовании, предостерегает человека от новой вспышки идолопоклонства. Выполняя свою роль, церковь не должна вмешиваться в политику, чтобы не утратить свое духовное предназначение. Идеи А. Тойнби представляют несомненный интерес для современного понимания эпохи перемен и поиска диалога для преодоления негативных последствий.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 285.

² Тойнби А. Указ. соч. С. 408.

С. В. Ильина¹

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Фундаментальная работа Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» породила обширную литературу в виде многочисленных рецензий и откликов в нашей стране и за рубежом. Под влиянием этой работы оказался и Ю. М. Лотман, который понятие «влияние» предложил заменить словом «диалог», ибо «в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично»².

Напомним абстрактную схему диалога, выстроенную Ю. М. Лотманом. В условиях культурного диалога первый из его участников («передающий») обладает большим запасом накопленного опыта (памяти), а второй («принимающий») заинтересован усвоить этот опыт. Первой чертой всякого диалога является попеременная активность передающего и принимающего. В то время когда один из участников диалога осуществляет передачу некоторых текстов, другой соблюдает паузу и находится на приеме. Второй чертой диалога является выработка общего языка общения. Процесс этот делится на этапы. Сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего.

Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых. Затем наступает критический момент: чужая традиция коренным образом трансформируется. Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик. В этот момент роли могут меняться. Принимающий становится передающим, а первый участник диалога переходит на прием, впитывая поток текстов, текущих уже в обратном направлении.

Момент, когда тот, кто принимает поток текстов, вдруг меняет его направление и становится их активным транслятором, сопровождается вспышкой национального самосознания и ростом враждебности к доминировавшему прежде участнику диалога. В конкретных исторических обстоятельствах это может объясняться политическими или даже военными претензиями последнего на руководящую роль вне сферы культуры. Однако это не обязательно.

С точки зрения получателя, передающий может рассматриваться как временный — и часто недостойный — хранитель доставшихся ему духовных ценностей. В этом случае высокая оценка получаемых текстов не только не противоречит, а подразумевает низкую оценку тех, от кого они получены, а сам факт получения рассматривается как обретение идеями их

подлинного достойного места. Это «бунт периферии против центра».

Наглядным примером такого «бунта» может служить схема циркуляции идей Просвещения в пространстве. Рассмотрим только русский аспект. Идеи Просвещения первоначально воспринимаются именно как французские идеи — идеи, высказанные философами-энциклопедистами на французском языке на страницах французских книг. Французский язык — это язык европейской образованности. Всякий, кто претендует «в просвещении стать с веком наравне», должен читать сочинения французских просветителей в подлиннике, черпать непосредственно из источника. Однако очень скоро новые идеи из «чужих» делаются «своими», национализируются и вызывают к жизни русские тексты просветительского толка. Более того, идеи Просвещения начинают восприниматься как вечные истины, естественные и общечеловеческие, начинаются поиски корней в национальной культуре.

Если первоначально господствовало стремление «сжечь все, чему поклонялся», то теперь истину находят не в «новом» и «чужом», а в «исконном» и «своем». То есть начинают поклоняться «всему, что сжигали».

Просветительские идеи обернулись идеализацией местной патриархальной традиции и волной антифранцузских настроений. Когда французские батальоны начали маршировать по полям Европы, антифранцузская публицистика уже могла опереться на солидную традицию. Антифранцузские настроения в России появились задолго до Великой Французской революции и тем более до наполеоновских войн. Они были вызваны не французской угрозой, а французским влиянием.

То, что диалог культур сопровождается нарастающим неприязни принимающего к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость, — важная типологическая черта. Среди других типологических черт культурного диалога важно отметить, что отношение диалогического партнерства в принципе асимметрично. В начале диалога доминирующая сторона приписывает себе центральную позицию в культурной ойкумене, навязывает принимающим положение периферии. Эта модель усваивается принимающими, и они сами себя оценивают подобным образом, одновременно приписывая себе признаки новизны, молодости, позицию «начинающих».

Однако по мере приближения к кульминационному моменту «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и претендовать на центральную позицию в культурном мире. Не менее существенно, что переходя из состояния принимающего в позицию передающего, культура, как правило, выбрасывает значительно большее число текстов, чем то, что она впитала в прошедшем, и резко расширяет пространство своего воздействия. То есть вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их. «Поэтому при описании под другим углом зрения влияния

¹ Доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского торгово-экономического института, кандидат исторических наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Интерпретация художественного текста», «Скульптура есть диалог с тем, кто перед ней стоит», «Диалог культур и культурная самобытность русских», «Что такое мода и почему ей следуют?» и др.

² Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь : сб. М., 1989. С. 228.

ми можно и пренебречь, подобно тому как, записывая абстрактную формулу реакции, мы не вписываем в нее, однако, катализаторов, без которых реальный процесс не осуществляется», — уточняет Ю. М. Лотман¹.

Самые тесные контакты в военной, политической или других сферах не приводят к культурному воздействию, если отсутствует диалогическая ситуация. Так, например, Русь испытала влияние приемов татаро-монгольской дипломатии, однако при длительности и близости фактических связей культурного диалога не получилось. Татаро-монгольское нашествие надолго прекратило расцвет искусства, который запечатлен в архитектуре, живописи, скульптуре Киевского княжества. Художественная жизнь замерла. Были не только сожжены, разрушены и ограблены многие памятники искусства, но убиты или увезены в плен мастера — создатели этих произведений.

Типологические параллели убеждают, что интенсивное усвоение чужих текстов при диалоге культур дает на следующем витке мощный выброс собственных в окружающее пространство. «Так русский XVIII век стал неизбежной основой следующего этапа — эпохи русского романа XIX столетия, положившего начало потоку культурного воздействия России на Запад»², — пишет Ю. М. Лотман.

Русско-византийский диалог такого витка не дал. Это явилось результатом двойного нарушения «нормального» развития сил в культурном ареале. К XII веку киевская культура вполне созрела для того, чтобы сделаться активным транслятором текстов в европейском культурном пространстве. «Слово о полку Игореве» — убедительное тому свидетельство. Однако вторжение татаро-монголов сорвало эту возможность. В другой раз аналогичная ситуация начала складываться в XIV–XV веках. Но на этот раз взятие Царьграда турками разрушило всю структуру культурного пространства. А концепция «Москва — Третий Рим»

определила принципиальную монологичность культурной ориентации.

Накопленная в результате русско-византийского диалога культурная энергия, сложно трансформируясь, вошла в дальнейшем как часть в культурный взрыв XVIII века. Субъективно периоды равновесных структур переживаются как эпохи величия — «Москва — Третий Рим» — и в самоописаниях культуры склонны отводить себе центральное место в культурном мире.

Неравновесные, динамические эпохи склонны к заниженным самооценкам, помещая себя в пространстве культурной периферии, и отмечены движением к стремительному следованию, обгону культурного центра, который представляется и как притягательный, и как потенциально враждебный.

Как мы видим, ситуация русско-византийского диалога сегодня типологически повторяется. Однако история культуры, похоже, ничему не учит, она лишь наказывает за невыученный урок. И сегодняшняя наша жизнь — яркое тому свидетельство, особенно диалог, ведущийся сегодня между Россией и Америкой.

Предшествующие диалоги культур сегодня особенно значимы, так как они могут стать моделями для всех последующих контактов такого рода. На смену Америке идет Китай. И если возникнет ситуация культурного диалога, начнем учить китайский язык, осваивать тексты, изложенные на нем, затем наступит охлаждение во взаимоотношениях. И только потом наступит четвертый этап, без вступления в культурный диалог не появляющийся, — Россия начнет транслировать нечто новое, самобытное. На высокую степень адаптивности русской культурной традиции неоднократно указывал Д. С. Лихачев. Учитывая глобализационные процессы, диалог культур позволяет уловить общие тенденции в развитии человеческого сообщества, в том числе и те изменения, которые связаны с национально-культурной идентичностью.

Е. А. Кайсаров³

МЕСТО И РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Значительную часть своей творческой деятельности Д. С. Лихачев посвятил исследованию русского национального самосознания. В своей книге «Национальное самосознание Древней Руси» он прослеживает его формирование от первых летописей до XVII века. В своем анализе русского национального самосознания Лихачев пришел к выводу, что оно связано с понятиями вселенскости, всечеловечности, универсальности, то есть необыкновенной восприимчивости к другим культурам. Стремление усваивать лучшие стороны

всех культур человечества Лихачев относил к особому достоинству и добродетели русских. В интервью с характерным названием «Чем “несамостоятельнее” любая культура, тем она самостоятельнее», опубликованном в журнале «Вопросы литературы» в 1996 году, он отмечает: «Не только каждая литература, но и каждая культура “несамостоятельна”. Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают богатый опыт соседей. Может ли развиваться зерно в стакане дистиллированной воды? Может, но пока не иссякнут собственные силы зерна, затем растение погибает и очень быстро. Отсюда ясно: чем “несамостоятельнее” любая культура, тем она самостоятельнее»⁴. В этом смысле русской культу-

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 232.

² Там же. С. 233.

³ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников: «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др.

⁴ Лихачев Д. С. Чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее // Вопросы литературы. 1996. № 12. С. 111.

ре очень повезло. Она, подчеркивает Лихачев, росла на широкой равнине, соединенной с Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее корни не только в собственной почве, но и в Византии, а через нее — в Античности, славянском юго-востоке Европы (прежде всего в Болгарии), Скандинавии, тюркских народах, в многонациональности государства Древней Руси. В XI–XII веках Русь тесно соприкасалась с венграми, западными славянами. Все эти соприкосновения еще шире разрастались в последующее время. Уже только одно перечисление народов, входивших с нами в соприкосновение, говорит о мощи и самостоятельности русской культуры, умевшей заимствовать многое у них и остаться самой собой¹.

Лихачев, будучи страстным поклонником Древней Руси, к славянофилам не принадлежит. Об этом свидетельствует его положительное отношение к Петру I и его реформам. Он отчетливо осознавал цельность процесса развития русской культуры и национального самосознания в XIV–XVII веках, с одной стороны, и их судьбу в XVIII–XIX веках — с другой. «В этом цельном процессе, — писал Лихачев, — эпоха Петровских реформ была эпохой “осознания” совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»².

В истории самосознания русского общества Петербург занимает одно из центральных мест. С этим городом связана новая система отношений русских людей с внешним миром, контактов с Западом, свойственных Новому времени.

Информация о новых западноевропейских формах экономики и политики, религиозной и культурной жизни объективно превратилась в сильнейший стимул для внутренних изменений у русского народа. В то же время усвоение новоевропейской идеологии, науки, искусств, образа жизни русским социумом приводило к включению его культуры в историю мировой культуры на правах ее органической составной части, характеризующейся общими с другими частями идеями, мотивами, образами, темами, проблемами и т. д. В русском национальном самосознании появились объективные условия для ситуации смены установок.

Традиционной установкой русского самосознания (национальной самоидентичности) было видение России на исключительно высоком и независимом месте в мире. В XVI веке независимый статус Руси и ее правителей обосновывался идеями православной религии как единственно верного пути к спасению и идей преемственности («Москва — Третий Рим»). Признание европейских народов более богатыми, процветающими, сильными, превращение Европы в образец для подражания наносили сильнейший удар по базовым представлениям русского социума. В сознании сторонников европейского просвещения, в том числе самого царя, появилось взаимоисключающее сочетание, с одной стороны, традиционного видения России в центре мира, с другой — утверждение о варвар-

стве русских, а также о Европе как центре современной цивилизации. Данный конфликт преодолевался с помощью теории «перехода» культуры из страны в страну. Эта теория позволяла успокоить самолюбие русских поклонников Европы, так как обосновывала высокий статус России в настоящем и будущем³.

Находясь под воздействием теории культурного круговорота Г. Лейбница, царь-реформатор полагал, что «колыбель всех знаний» находилась в Греции. Из Греции «по превратности времен» науки и искусства были изгнаны и перешли в Италию, а затем распространялись по всем европейским странам. В Россию они не проникли, по мнению Петра, из-за «невежества» предков, вследствие которого продвижение наук на восток было остановлено. Изменить ситуацию могут «мудрые правители», которые откроют глаза народу, и те усвоят «прежние греческие искусства, науки и образ жизни»⁴. Свое назначение Петр увидел в приобщении русских к европейским наукам и искусствам, которые должны будут на несколько веков переместиться в Россию.

В преодолении опасного разрыва с Европой в развитии науки, образования, экономики важная роль отводилась Петербургу. В городе создавалась совершенно новая среда идей и представлений. Они будили активность правящей элиты, приводили к формированию новых целей и задач русского общества. В число главных входило создание экономики по европейскому типу, с мануфактурами, новыми сырьевыми районами и транспортными коммуникациями. Географическое положение Петербурга делало его участником широкой посреднической торговли, что должно было, по мнению Петра, повысить благосостояние российской державы. Петербург стал центром налаживания необходимых дипломатических контактов с потенциальными странами — деловыми партнерами, форм и способов получения знаний и опыта у Запада.

Установлению тесных контактов между нациями и государствами способствует положительный образ народа. Требовалось изменить негативный стереотип отношения к нашей стране. Для европейца Россия из страны варваров должна была превратиться в цивилизованное государство. Реальным способом изменения отношения к стране было избрано достижение похожести на Европу. В 1710-х годах по мере налаживания контактов с европейским миром резко возрастает репрезентативная функция Петербурга, появилась необходимость создания идеального в градостроительном отношении и внутреннем устройстве города западной культуры. Петербург превратился в символ новой, модернизированной на европейский лад России.

Привнесение в страну европейской культуры научных знаний, светского искусства и образования приводило к формированию новых установок в сознании русских людей. Первоначально связанные с политическими, экономическими, военными и идеологическими задачами европейские культурные ценности, усвоенные русскими людьми, в дальнейшем стали играть в их сознании самостоятельную роль, определяя ценностные ориентации и само видение мира.

¹ Лихачев Д. С. Чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее. С. 112.

² Лихачев Д. С. Было ли развитие русской культуры нарушено реформами Петра Великого? // Изучение культур славянских народов. М., 1987. С. 96. (Сер. «Советские этнографические исследования»).

³ Аеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градусов в свете — град святого Петра» (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999. С. 43.

⁴ Там же. С. 43–44.

Н. А. Касавина¹**МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРЫ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ²**

В XX веке одной из центральных проблем философии и гуманитарных наук стала проблема идентичности и ее кризиса в современной культуре. Есть основания полагать, что идентичность личности и группы не представляла сложной проблемы в закрытом обществе с четкой сословной иерархией, традиционностью, религиозностью, то есть с определенными системами соотношения человека с обществом, культурой и миром в целом.

Девятнадцатый век во многом пошатнул основания человеческого бытия. Буржуазные революции разрушили сословный каркас социальности, научные открытия способствовали секуляризации культуры. Глобальные проекты в науке, которые предлагали реорганизацию социальной жизни, не привели к ожидаемым результатам (социализм, позитивизм). Великие философские системы XIX века уступили место более скромным идейным проектам. Экзистенциализм стал одним из первых течений, провозгласивших неустойчивость человеческого существования, отрицание сущности человека, а следовательно, его четкой идентичности.

В отношении средневекового общества можно сказать, что идентификация человека определялась укорененными в конкретной культуре образцами решения ключевых экзистенциальных проблем (таких, как смысл жизни, смерть, одиночество, причастность), форм поведения и ответственности. И сегодня идентичность человека объединяет коллективные способы их понимания и переживания, выработанные в культурогенезе. Личностная и социальная идентичность во многом определяется усвоением предлагаемого культурой (религией, философией, искусством, наукой) содержания, предполагая личную ответственность и творческую реализацию субъективности человека. Но культура сегодня столь многогранна и противоречива, что ощущение целостности существования, личная ответственность и реализация достигаются человеком с большим трудом. Мобильность современного общества, быстрое развитие коммуникации, крупномасштабная миграция населения, преобразование социальных структур, то есть различные глобализационные изменения, усиливают неустойчивость положения человека в мире. Кризис идентичности свойствен тем периодам в истории культуры, которые характеризуются особой противоречивостью социальной и культурной жизни,

¹ Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор 62 научных публикаций, в т. ч. двух монографий: «Народная культура: стратегии сохранения национальной идентичности» (в соавт.), «Экзистенциальные основания и социально-психологические аспекты адаптации коренного населения в условиях миграции» (в соавт.), а также статей «Социально-эпистемологический подход к проблемам сознания и языка», «Субъект в науке и искусстве: экзистенциальный аспект», «Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты», «Перепутья экзистенциального поиска», «Экзистенциальный сдвиг на стыке классики и неклассики (на примере социологии)» и др.

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 11-03-00295а «Опыт и экзистенция: философско-междисциплинарный анализ».

сменой духовных ориентиров, приводящими к возрастающему одиночеству, обострению экзистенциальных проблем в совокупности с кризисом путей их разрешения, что выражается в различных формах отчуждения человека. В Европе кризис идентичности с особой остротой проявил себя в начале XX века, в России — в последней декаде XX века в связи с распадом СССР и крахом коммунистической идеологии.

Социокультурную идентичность личности и группы можно определить как отнесенность их к более крупным социальным образованиям (группа, общность), ценностным образцам, моделям поведения. И напротив, личностная идентичность предполагает ощущение человеком себя, своей жизни как уникального устойчивого явления. Развитой идентичностью обладает личность, прошедшая период саморефлексии, кризиса, сформировавшая определенную совокупность личностно значимых для нее целей, ценностей и убеждений, определяющих чувство доверия, стабильность, оптимизм³. Людям, не имеющим прочных целей, ценностей и убеждений и не пытающимся их формировать, свойственна диффузная идентичность. Они или не находились в состоянии кризиса, или оказались неспособными решить возникшие при этом проблемы. В отсутствие ясного чувства идентичности люди переживают ряд отрицательных состояний: пессимизм, апатию, тоску, отчужденность, тревогу, чувство беспомощности и безнадежности⁴.

Кризис идентичности нередко выступает как экзистенциальный кризис. Примером этого применительно к современному человеку может служить история Гарри Галлера, главного героя во многом автобиографического романа Г. Гессе «Степной волк».

Гарри Галлер не отличается религиозностью, утратил восприимчивость к традициям, порядку, они не вызывают у него удовлетворения. Он, рафинированный интеллект, разочарован во всем, включая и свои интеллектуальные занятия. Гарри равнодушен даже к успеху — одной из главных ценностей современного социального мира, пребывает в постоянном переживании раздвоенности между обыденным, повседневным существованием и «главными вопросами» бытия, по сравнению с которыми повседневность затмевается. Само название «Степной волк» отражает мироощущение главного героя, говорит о его заброшенности в мире, противопоставленности обществу, трагизме существования в культуре, вроде бы насквозь пронизанной пониманием человека и мира, ориентирами деятельности и общения. «Степной волк, оплошно забредший к нам в город, в стадную жизнь, — никакой другой образ точнее не нарисует этого человека, его робкого одиночества, его дикости, его тревоги, его тоски по родине и его безродности»⁵.

³ Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 133.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Гессе Г. Степной волк // Литературное наследие. 1977. № 4. С. 152.

Эта во многом утрированная ситуация заставляет задуматься о проблеме целостности индивидуального сознания, без которой невозможны национальное единство, патриотизм и другие феномены коллективности. В свое время экзистенциалисты (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.) сделали акцент на том, что существующие в культуре образцы самопонимания и существования являются проблемой. С одной стороны, современный этап развития общества характеризуется заметным дисбалансом духовной и социальной жизни общества, а с другой — человек сегодня истерзан вторичной и третичной рефлексиями самоопределения по поводу себя самого, общества и культуры. Г. Галлер, искушенный в философии, литературе, музыке, казался бы, знающий ответы на все вопросы, но сменяемый очередной депрессией, в который раз прорабатывает свое отношение к прошлому, настоящему, себе самому, истоки этого отношения и с трудом находит основания для будущего.

Тяжелая ситуация героя во многом обусловлена тем, что Гарри, успев многое попробовать и во многом поучаствовать, замкнут на себе, своей жизни, собственном становлении, рефлексии. Между тем становление идентичности есть выход человека за свои пределы, к чему-то или кому-то, на границе с чем он сможет проявить и рассмотреть самого себя. В сущности, к этому приходят представители различных направлений философии, теологии и гуманитарных наук. У Ж.-П. Сартра человек, создающий себя сам, должен выстроить отношения с миром; у М. Бубера, Г. Марселя личность вступает в отношения с Богом; у К. Ясперса человек включен в экзистенциальную коммуникацию. Психотерапевты, с одной стороны, во многом исходя из философии экзистенциализма, а с другой — анализируя и обобщая конкретные ситуации психотерапевтической работы, приходят к выводу, что в обретении самого себя человек должен «принять экзистенцию на

себя», то есть вступить с ней в отношение, выстрадать (Дж. Бюдженталь), обрести смысло-жизненные ценности, адресующие к «другим» и «другому» (В. Франкл), построить вторичные связи с миром через любовь и творчество (Э. Фромм). Структуру смысла жизни, которую выстроил В. Франкл, можно перенести и на структуру личностной идентичности.

Первой и главной группой ценностей, по В. Франклу, образующих переживание осмысленности жизни, являются ценности творчества. Их можно назвать продуктивной составляющей идентичности, которая представлена какой-либо ключевой деятельностью, будь то профессия или воспитание детей. Вторая группа ценностей — ценности переживания (которые человек берет от мира). Иначе говоря, это репродуктивная часть идентичности, в которой сочетаются чувства, данные через отношения со значимыми, близкими людьми, способы отдыха, досуга. И наконец, третье — ценности отношения, то есть выработка личностью своего понимания судьбы, событий, страданий, выпадающих на долю человека, вписывание их в целостный контекст собственной жизни. Эти ценности отвечают за выработку сознательного отношения к действительности, сознательную работу над собой, со своим опытом жизни, жизненным миром. Пожалуй, эти три составляющие можно считать краеугольными камнями идентичности в условиях примирения с тем условием, что ее формирование — никогда не заканчивающийся процесс. Главное в этом процессе — не поиск внешних оснований бытия, грозящий ложной идентичностью, но обращение к глубинным основаниям человеческого существования и самосознания, позволяющее противопоставить ее «плывущему», диффузному характеру социальной и культурной реальности. Проектируя и выстраивая личностную идентичность на границе со своим «другим», человек обретает ее в глубине души, по мере того как преобразует внешнее бытие в структуру личной экзистенции.

Г. К. Касумова¹

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Изменения, происходящие в современном сверхсложном мире, поставили перед человечеством задачу: найти принципы и модели взаимоотношений между различными акторами исторического процесса. Человеческое сообщество вынуждено решать эту задачу в целях самосохранения и выживания.

Анализ стремительно развивающихся глобализационных процессов демонстрирует активизацию контактов между субъектами практически всех уровней. В условиях глобализирующегося мира эти контакты

постоянно усложняются. В современном мире происходит расширение различных форм связей, усложняются их структура и содержание.

В процессе взаимодействия культуры осуществляются постижение смыслов и значений, адаптация ценностей одной культуры к другой. В процессе адаптации наиболее фундаментальные изменения происходят прежде всего в структуре познания, то есть в картине мира, через которую люди получают информацию из окружающей среды. Именно различия в картине мира, способах категоризации и интерпретации опыта служат основой различий между культурами. Только расширив свою сферу принятия и переработки информации, люди могут постичь систему организации чужой культуры и соотнести свои процессы познания с теми, которыми пользуются носители чужой культуры. Применяя синергетический подход к исследованию этих сложных процессов в современном глобализирующем

¹ Доцент кафедры философии Бакинского государственного университета (Азербайджан), кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Культурно-цивилизационные грани глобализации», «Социокультурная реальность глобализирующегося мира», «Социально-философский аспект формирования нового типа культуры», «Мультикультурализм как явление глобализации: социально-философский анализ», «Модели межкультурных коммуникаций как предмет философского анализа», «Interaction of Cultures in the Context of Globalization», «Philosophical Aspects of Cultural Relationships» и др. Член Российского философского общества.

сы мире, можно предположить самые неожиданные результаты.

Анализ рассматриваемой проблемы позволил прийти к следующему выводу: чем сложнее культура, тем сложнее общение с ней. В системе каждой культуры есть уровни, скрытые от постороннего, инокультурного взгляда, но именно они важны для понимания конкретного контекста. Культуры отличаются использованием той скрытой информации, которая содержится в любом событии, общении, иными словами, в любом культурном контексте. Чем больше контекстуальной информации заложено на уровнях, недостижимых для понимания представителей «чужой» культуры, тем сложнее культура.

В процессе исторического развития культуры вступают в диалог и взаимно обогащаются, не утрачивая при этом внутреннего единства. Диалог между различными культурами — сложный процесс, в ходе которого воспринятая человеком культура из надличностных форм трансформируется в индивидуально-социальную.

Каждая культура имеет собственные многочисленные символические коды, определенный набор средств коммуникативного взаимодействия, систему ценностей, которые сформировались в процессе исторического развития. Известно, что «каждая из культур (цивилизаций) как Востока, так и Запада имеет свой особый генотип в собственном смысле этого слова, внутреннюю (при прочих равных условиях) логику развития»¹. Проведению плодотворного диалога культур, в частности восточной и западной, часто препятствует наличие параллелизма — признаков различных социокультурных миров. Признание данного фактора — аксиома, которую на сегодняшний день отмечают многие исследователи.

Процесс формирования любых смысловых структур в пределах одной культуры основывается на закономерности, которая действует только в пределах данной культуры и подвержена функционирующей именно в этой культуре логике. Даже если категории, входящие в систему универсалий той или иной культуры, одинаковы по названию, они отличаются по своему содержанию, так как сформировались в разных социокультурных условиях, содержат различный исторический опыт и выражают различные мировоззренческие установки. Универсалии аккумулируют и транслируют накопленный поколениями социальный опыт и детерминируют функционирование надбиологических программ жизнедеятельности людей.

Необходимо учитывать, что важно не то, какую категорию или структуру культуры мы рассматриваем, а то, каковы закономерности их формирования. В результате это своеобразно обеспечивает факт параллелизма в различных культурах, который иногда затрудняет проведение продуктивного диалога между ними. Когда понятия, сформированные на основании одних культурно-ментальных кодов, попадают в структуру и контекст иных культурно-ментальных кодов, возникает ситуация (в лучшем случае) недопонимания

¹ Кессиди Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 77.

информации, которую несут в себе эти понятия. Информация, которую передает одна культура, воспринимается противоположной стороной неадекватно. Причиной такого недопонимания информации является отсутствие аналогичных кодов в культуре, воспринимающей информацию и, как следствие, отсутствие предуготовленности субъекта культуры к восприятию и пониманию этой информации. В результате возникают межкультурные противостояния, потенциально содержащие возможность конфликтов. Любое искусственное насаждение восточных образцов на Западе и западных в восточных регионах обостряет противоречие между Востоком и Западом и осложняет контакты между ними. Различная содержательная наполненность и характеристика составляющих коммуникативного процесса формируются веками соответственно той системе ценностей, которая характерна для данной культурно-цивилизационной системы, и создают определенные трудности в процесс понимания и принятия инокультуры.

Глобализация сформировала такой социокультурный контекст, в котором формируются новые коммуникативные отношения между культурами. Тем не менее единственной наиболее плодотворной формой взаимоотношений между различными культурно-цивилизационными системами может быть только диалог. Сторонам, участвующим в диалоге, необходимо переосмыслить многие проблемы современности и принять факт существования многообразия культур и цивилизаций. «Глобальный мир необходимо созидавать в диалоге цивилизаций как общее пространство многогранной духовности — всегда открытое и вечно совершенствующееся в процессе понимания другого»², — справедливо отмечает И. А. Василенко. Считаем необходимым подчеркнуть, что именно диалог, понятый как способ и форма общения равноценных субъектов, способен создать атмосферу взаимопонимания и поиска наиболее оптимального решения той или иной проблемы.

Хотелось бы обратить внимание на один важный аспект. Часто в своих исследованиях ученые останавливаются на анализе тех черт, которые отличают культуры друг от друга. Да, это необходимо исследовать, чтобы выявить то уникальное, специфическое, что свойственно той или иной культуре, но параллельно надо раскрывать и то, что может объединять культуры. Диалог между культурами возможен, если его предметом станут проблемы, которые объединяют человечество, а не разъединяют его. В культурно-историческом развитии стран Востока, с одной стороны, и Запада — с другой, есть общие элементы, которые присутствуют и в опыте разных народов. Это обстоятельство создает основу для взаимодействия и взаимного обогащения культур разных регионов.

Существует определенное знаковое пространство культуры, имеющее осью проблему тождества и различия, в котором сосуществуют, постоянно взаимодействуют и ведут диалог различные культуры, каждая со своей спецификой и культурными традициями, в котором они создают единый мировой культурный про-

² Василенко И. А. Диалог цивилизаций. М., 1999. С. 18.

цесс. Соответственно в этих условиях мы наблюдаем тенденции формирования единого культурного пространства.

Глобализация создает условия для формирования единого культурного пространства, в котором происходит взаимодействие различных культур. В этом глобальном культурном мире будут аккумулированы значительные достижения всех мировых культур. Единое культурное пространство будет отвечать интересам разных культурно-цивилизационных систем, если станет учитывать многообразие культур и народов и основываться на равноправном диалоге различных культур. Культуры, сохранившие свою уникальность на протяжении многих веков в различных исторических

ситуациях, смогут участвовать в качестве равноценного субъекта в любых моделях межкультурного взаимодействия. Вектор эволюции современного общества — сохранение культурного многообразия в контексте мирового сообщества. Думается, что это составляет суть цивилизационной парадигмы межкультурной коммуникации. На сегодняшний день представляется важной активная деятельность мирового сообщества по поиску и созданию новой цивилизационной парадигмы, в которой посредством конструктивного диалога преодолеваются негативные последствия старой цивилизационной парадигмы и формулируются новые подходы, соответствующие современным реалиям глобализирующегося мира.

Д. Н. Катыева¹

ИСКУССТВО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ВЗРАЩЕНИЕ КОНТРАКУЛЬТУР?

«Опять культура? — восклицал в “Несвоевременных мыслях” М. Горький в 1930-е годы. — Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели». Варварство, обладающее агрессивной энергией, не является принадлежностью Древнего мира. Его зерно прорастает в каждую эпоху, временами давая пышные всходы. И сегодня оно набирает силу. И во все времена варварство стремилось вытеснить культуру, а значит, ослабить личностные ресурсы. Без них невозможны развитие и совершенствование общества, любая его модернизация.

Формирование личности тесным образом связано с социокультурной матрицей той или иной национальной общности. Она формировалась веками, из поколения в поколение складывались нормы народного общежития, его свободы и запреты (роль каждого индивидуума).

К созданию, обновлению своей жизни и мироустройства крупнейший философ, литературовед, культуролог Ю. М. Лотман обратился в своей статье «Проблема “обучения культуре” как типологическая характеристика культуры»², где он пишет о значении культурного кода той самой матрицы, которая определяет национальную культуру. Он рассматривает механизм того, как сумма наследственной информации передается человеку и человеческим коллективам. Здесь отмечаются два пути: один практикует введение в сознание текстов (языковое обучение в раннем возрасте с помощью текстов), второй — внедрение определенных правил, на основе которых самостоятельно порождаются тексты. Одни культуры рассматривают себя как сумму прецедентов, употреблений, другие — как совокупность норм и правил. Так, и культурные герои, боги-основатели делятся на две группы в соответствии с характером культу-

ры: одни представляют образы, другие — правила. Эти высказывания Лотмана можно применить и к искусству. В российской культуре обычай, не возведенный в жесткую систему правил, положительный образец, которому предполагается подражать, как показывает история отечественного народного и профессионального искусства, существенно доминирует и входит в сознание человека и народного общежития.

Сквозной темой в отечественном искусстве было отношение идеала к действительности, где граница между добром и злом, прекрасным и безобразным была очерчена, даже когда борьба этих начал оказывалась сложной и иногда имела трагический исход.

Основоположник отечественной театрально-драматической системы А. С. Пушкин сущностным началом своих трагедий считал нарушение нравственного закона, что и воплотил в творчестве. Нарушение становилось причиной гибельных последствий для героев его трагедий («Борис Годунов», «Маленькие трагедии»).

Пушкин в своем опыте драматических изучений обратился к европейской традиции. Отдавая должное классицистам, он избрал в качестве примера Шекспира, который стал для него своеобразным образцом. Но поэт-драматург был далек от слепого подражания. Он создал свои оригинальные произведения, которые сформировали традиции отечественной литературы и театра. В этом случае одна национальная культура вступает в диалогические отношения с другой.

Диалог предполагает понимание «другого», в отличие от монологического мышления, оценочного по своей природе. Понимание приводит к творческому взаимодействию и духовному взаимообогащению. Сложившись в определенную эпоху и отвечая культурным задачам времени, художник создает новый культурный текст с высоким уровнем устойчивости. Так, Пушкин продолжает быть нашим современником. В случае с его изучением Шекспира осуществлялась закономерность культуры, о которой писал Ю. Лотман. Он трактовал столкновения двух текстов на разных языках как стремление преобразовать противоположный по своему образу и подобию текст и экстраполи-

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Литературный театр», «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр», «Петербургские сезоны. Начало XXI века (Драма. Балет)», «Рудольф Нурев — балетмейстер» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как технологическая характеристика культуры // Лотман Ю. М. Семисфера. СПб., 2010. С. 417–427.

ровать на себя. Эти закономерности рельефно прослеживаются в разных видах искусства в России. Лермонтов и его кавказские мотивы в творчестве, Есенин и его уникальный цикл стихов «Персидские мотивы», который он считал лучшим в своей поэзии. Русские сезоны в Париже С. Дягилева и его труппы оказали влияние на европейское искусство в последующее столетие и до настоящего времени. В его репертуаре темы Древней Греции, Египта, Востока, Древней Руси... Можно привести много аналогичных примеров из музыки, изобразительного искусства, архитектуры и т. п.

В искусстве на протяжении всего развития периодически возникали эпохи, когда сменялись эстетические вехи. Это привело к обновлению средств отражения в искусстве действительности и человека. Резкое противостояние новых идей, однако, не уничтожило сущностного гуманистического языка искусства.

Новые течения постмодернизма, обнаружившиеся в 1980-е годы в европейском искусстве, литературе, театре, философии, не оказались бесплодными в отношении художественных средств, особенно у талантливых художников. Не выйдя на российскую сцену, постмодернизм обусловил возникновение оппозиции, направленной против традиций национальной художественной культуры. Не диалог, а подражание сомнительным образцам в сфере театра, шоу-бизнеса, кинематографа становится каждодневной практикой. Это явление имеет социально-политическую подоплеку, своего рода «русский раскол». Сформировалась значительная часть российского общества с базовыми нравственными ценностями. И определилась другая часть — в лице неофитов, — захватившая основные телеканалы. Она бесцеремонно стала унижать чувство гражданского достоинства целой страны, повесив на нее ярлык «совок», а вместе с ней — на ее культуру как выражение идеологии советской эпохи. Результат очевиден: вытеснение самого понятия «культура», образования на задворки общественного сознания и государственного планирования по пресловутому остаточному принципу. Хотя мировая история человечества предоставляет множество фактов, когда культурно-разложившиеся нации, народы рассыпались в прах, несмотря на внешнее могущество, в том числе военное.

О сути постмодернизма на российской почве не раз писали представители художественной интеллигенции, рассматривая его как подмену, чаще всего в коммерческих целях, путающую искусство с бизнесом, индустрией развлечения. Суть этой подмены — псевдокультура, а точнее контркультура. Разрушения в театральном искусстве затронули прежде всего психологический реализм — национальное достояние. Он формировался веками великими гениями в драматургии и литературе. Психологический реализм трактуется как архаика вместе с отжившей системой К. С. Станиславского, подвергающейся ревизии и отбраковыванию основных ее закономерностей: сквозного действия и сверхзадачи, метода действенного анализа и т. п.

В основе российской школы режиссуры и актерского искусства заложена необходимость отражения смысловых ресурсов драматургического, литературного текста. Именно они обеспечивают принцип идейно-художественной целостности спектаклей, соответствия его эстетическим координатам, стилю драматургии. Как гласит постмодернистский принцип, границ между добром и злом не существует. Они взаимно проникают в сочиненный «симулякр» без связи с реальностью. Обязательный прием постмодернистской режиссуры — опустить героя произведения как можно ниже, на задворки человеческой сущности. Так возникает персонаж Ленского — графоман-неудачника, почти киллера Евгения Онегина, неадекватной Татьяны (постановка оперы «Евгений Онегин» Д. Черняковым в Большом театре). Им соответствует сексуально озабоченный дядя Ваня (режиссер А. Кончаловский), превращенный в бомжа Федор Протасов (режиссер В. Фокин). Этот список можно продолжать бесконечно.

Однако широкая зрительская аудитория предпочитает именно те спектакли, сериалы, фильмы (особенно периода «совка»), где нравственные ценности народного сознания оказываются незыблемыми и недоступными для унижения человеческого достоинства.

Только подлинные художественные ценности способны обеспечить полноценное формирование человеческих ресурсов для развития и обновления общества, укрепления национального единства России.

В. И. Каширин¹

НООСФЕРНЫЙ ПАТРИОТИЗМ — НА СМЕНУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Теория, практика и политика мультикультурализма в международных отношениях изжили себя, не выдержав мощного натиска глобального экономического кризиса. Стержневой идеей мультикультурализма является такое понимание культурной идентичности, которое позволило бы разнообразию и плюрализму стать силой, а не слабостью и поводом для конфликта. Однако эта идея не сработала в мировом и даже в европейском масштабе, как признали публично президент Франции Н. Саркози и федеральный канцлер Германии А. Меркель. Одной из причин этого явился тот факт, что мультикультурализм не решил главной теоретической и практической проблемы: насколько могут быть глубоки и допустимы различия между странами и народами, лежащие в основе плюрализма и культурной идентичности. Оказалось, что вопреки всем ожиданиям и прогнозам консолидации Запада идея мультикультурализма может быть жизнеспособной только в границах национального и государственного патриотизма. Однако такой патриотизм тесен для современного политика и ученого, для их демократического идеала в международных масштабах.

Противопоставляя демократический идеал ученого национальному и государственному патриотизму, В. И. Вернадский в 1938 году писал: «Преходящая форма демократического политического строя является слишком легким поверхностным явлением для построения личной морали современного ученого, мыслящего о будущем. Уже сейчас исторический процесс внес глубокое изменение в понятие демократии, реально вскрыв значение экономической базы государственного строя и так же реально поставив идею государственного объединения всего человечества для создания и осуществления ноосферы — употребление всех государственных средств и всей мощи науки на благо всего человечества. Такой демократический идеал ученого...»²

Из этого, на наш взгляд, следует, что главная ответственность (интеллектуальная и общественно-политическая) за моральное давление национального и государственного патриотизма, приведшего к нему многих ученых, ложится на плечи политической и научной

элиты. При этом главной смыслообразующей идеей становится идея употребления всех государственных ресурсов и всей мощи науки на благо всего человечества. Но ведь эта идея не сработала и в Первой, и во Второй мировой войнах. Сможет ли она быть жизнеспособной сегодня? На наш взгляд, сможет, если правильно расставить ее смысловые ориентиры и сделать усилия для их претворения в жизнь на мировом уровне. Дело в том, что смысловые доминанты, ориентированные на плюрализм и культурную идентичность, работают лишь на уровнях культурно-личностной и цивилизационной идентификации и формирования духовного мира человека. Что же касается духовной культуры человечества и его общечеловеческой идентичности, то они не могут более опираться на диагноз допустимых параметров различий плюрализма. В условиях глобализации смыслообразующей доминантой являются не различия и их допустимые пределы, а сходства государств и цивилизаций, их единение перед лицом глобального экономического, экологического и гуманитарного кризисов. Ключевой принцип этой доминанты можно сформулировать как закон глобального согласия. Главные положения этого закона согласия должны быть выработаны коллективно. Сейчас лишь ясно, что основными смысловыми ориентирами могут быть: «ноосферный патриотизм», «культура глобального доверия», «потребность человечества в нравственном возвышении», «равнодушие человечества к нравственному самосовершенствованию есть угроза его самоуничтожения». Нравственный долг и демократический идеал современного политика и ученого — конкретизация, актуализация и объективизация этой идеи глобального согласия в смыслообразующие стратегии, соответствующие современным реалиям.

Одной из таких содержательных смыслообразующих стратегий, которые могли бы сыграть ключевую роль в становлении новых мировоззренческих ориентиров, является, на наш взгляд, методология культуры времени³. Согласно этой методологии разрабатывается мировоззренческий ориентир ноосферного патриотизма как культура глобального доверия.

«Ноосферный патриотизм» — одна из тех категорий, которые ломают привычные представления о национальном и интернациональном, локальном и глобальном, патриотизме и космополитизме⁴. Она становится новым мировоззренческим ориентиром и условием выживания человечества в глобальном и взаимозависимом мире, а следовательно, новой стратегией культуры ноосферного самосознания. Культура ноосферного самосознания — это внутренняя духовная самоорганизация цивилизационного субъекта, в основе которой лежат высшие ценности жизни. Одна

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки философии планетарного самосознания», «Глобалистика и философия планетарного самосознания», «Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования» (в соавт.), «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный выбор» (в соавт.), статей: «Приоритетные потребности молодежи и формирование темпорального типа мышления», «Концепт духовно-нравственного иммунитета молодежи», «Социальное времяведение — альтернатива “рыночному фундаментализму”?»), «Формирование духовного мира молодежи в контексте культуры времени» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества.

² Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 90–91.

³ Каширина О. В. Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь, 2007.

⁴ Каширин В. И., Каширина О. В. Новое направление социального времяведения: ноосферный патриотизм // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2009. Вып. 14. С. 200–216.

из сторон культуры ноосферного самосознания характеризуется как структура–состояние, ее мы называем культурой ноосферного патриотизма.

Вторая сторона культуры ноосферного самосознания характеризуется как текучий время–процесс формирования культуры глобального доверия цивилизационных субъектов. Это уже феномен, имеющий определенные пространственно-временные границы. Это событие как структурный компонент пространственно-временной ситуации (ПВС), возникающий во время диалога, полилога и других материальных и духовных отношений между субъектами. Главная ее характеристика заключается в том, что она продуцируется как виртуальная (мысленно возможная) реальность лишь при соблюдении принципа взаимности. Необходимыми условиями продуцирования глобального доверия являются:

- а) индивидуализация ПВС для заинтересованных субъектов;
- б) актуализация ПВС в доверительных отношениях с точки зрения решения глобальных, региональных и локальных проблем;
- в) объективизация и институализация доверительных отношений в системе международных отношений.

Если эти условия не соблюдаются и принцип взаимности нарушается, то взаимное доверие мгновенно превращается во взаимное недоверие. Как показали публикации «Викиликс», ознаменовавшие начало первой кибернетической войны в глобальном информационном поле культуры, среди дипломатов и политиков в современном мире господствует взаимное недоверие.

Выдвижение концепции ноосферного патриотизма как культуры глобального доверия на основе методологии культуры времени предполагает объединение всех, кто противостоит возможности самоуничтожения цивилизаций. Ноосферный патриотизм ставит выживание человечества в прямую зависимость от его нравственного возвышения. Поэтому наша концепция стоит в ряду тех, которые связаны с возникновением постэкономической цивилизации. Создание такой цивилизации обуславливает появление новой элиты — научной и политической, основанной на обладании знаниями и на творческом характере управленческого и производительного труда, а поэтому разделяющей свой личностный, человеческий потенциал¹. Новая элита заменит разъединяющие людей взгляды утилитарного глобализма и мультикультурализма на консолидирующую идею ноосферного патриотизма в международных отношениях.

В. А. Колесников²

ОТ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ — К КОНСТРУКТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В «Декларации прав культуры», инициатором принятия которой был академик Д. С. Лихачев, отмечается, что «культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром в ее развитии»³. Человечество в начале XXI века как никогда ранее нуждается в диалоге, взаимопонимании и коммуникациях, содействующих культурному многообразию глобализирующегося мира, в котором все унифицируется, утверждая диктатуру прагматизма, формата, стандарта и технократизма. Диктатуру, которая не позволяет нам мыслить и действовать иначе, не по стереотипу. В итоге в социальной реальности наших дней усиливаются деструктивные и негативные тенденции, «работают» на деградацию социума в целом. И человек — реальный результат жизнедеятельности любой страны — оказывается не владеющим противоядием для жизни и действий в этой окружающей среде.

Главное и единственное противоядие в руках человека — это культура как способ нашего исцеления от

¹ Неклесса А. И. Люди воздуха, или Кто строит мир. М., 2005.

² Директор Иркутского регионального колледжа педагогического образования, доктор философских наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Образование как способ становления современного человека. Методологический аспект», «Образование как способ личностной самореализации человека в современном обществе», «Образование в XXI веке: к новому концептуальному видению». Председатель Иркутского областного отделения Российского философского общества, член президиума Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб.: СПбГУП, 2005. С. 3.

бескультурия — варварства XXI века. В глобализирующемся мире культура в ее многообразных национальных, региональных, религиозных проявлениях способна возродить человека в человеке и научить единое человечество жить, действовать как хорошо сыгранный оркестр, ансамбль (или, говоря словами В. В. Маяковского, «жить единым человеческим общежитием»). Быть может, это один из мифов наших дней, но завтра он станет реальностью, так как это стержневой элемент «выраженности» человека.

Почему же сегодня человеческие сообщества не могут идти именно по этой магистральной дороге? Почему даже внутри стран, многонациональных и конфессиональных по своему составу, нередко возникают рознь, конфликты, стихийно-эмоциональные действия, потрясающие порою основы государств? В действительности ли мультикультурализм неприемлем для современных обществ? Реально ли вообще многоцветие культур? На эти и многие другие возникающие в жизни вопросы не может быть однозначных ответов. Но их поиск нужен. Необходимо постоянное движение и приближение к «вечно ускользающей из рук истине» (О. Хайям) своего времени. Это требует от нас интеллектуального напряжения, интеллектуальной смелости, риска, неординарных предположений и гипотез, основанных на научно осмысленном отношении к действительности.

Но реальная жизненная, социальная ситуация, порою меняющаяся мгновенно (что само по себе является уникальным явлением современности), опережает человеческие способности к теоретико-методологическому

осмыслению происходящих в действительности новых процессов, явлений, тенденций, трендов, которые стали содержательно значительно насыщеннее, «богаче устоявшегося закона» (Г. В. Ф. Гегель), стандартного, среднестатистического по своей сути. Наше сегодняшнее бескультурье проявляется в том числе и в том, что мы не учимся и не обладаем «интеллектуальным зрением» (то есть способностью видеть не только глазами, но и — это становится определяющим в наши дни — интеллектом). Эта человеческая неспособность не позволяет нам «расколдовать» (М. Вебер) современный, чрезвычайно усложнившийся мир и предвосхищать реальность.

Не осмысляя, не исследуя, не понимая происходящих принципиальных изменений в ней: информатизации и всеохватного могущества инфомассива, создающих заслоны на пути познания окружающего, «ослепляющих» человека и полностью дезорганизующих его в системе общественных связей, зависимостей; виртуализации, усиливающей погружение индивида в искусственное и формирующей его социальную пассивность, равнодушие; глобализации всех форм социального бытия человека как естественно-исторического этапа в развитии, унифицирующей человека, который в большей мере становится созерцающим, недумаящим, одномерно-однотипным, массовым «супершимпанзе» (Ф. Ницше) XXI века; усиливающимися в том числе в человеческой среде механизмами прагматической целесообразности, конкуренции, бизнес-выгоды, убивающими мораль, «мир духа» (Дильтей), — мы пытаемся с опорой на прежний опыт решить новые проблемы.

Как следствие — в условиях технического прогресса и культа рационализма мы столкнулись с деградацией социума в человеческом измерении. И это в условиях, когда усложняющийся мир с его нетрафаретно новыми проблемами формирует новую тенденцию, новый вектор, все более убеждающий нас в том, что в современном обществе людям надо надеяться только на себя, свою человеческую способность выбирать и выстраивать индивидуальную жизненную стратегию действий, основанную на понимании происходящего и постоянном саморазвитии, самообразовывании себя в контексте перемен и изменений.

Именно такая модель социального поведения все более четко просматривается в наши дни. Ее освоение говорит о необходимости формирования способности к самореализации индивидуально каждым из нас, способности осмысленной жизненной стратегией отвечать на вызовы, проблемы времени.

Пока же общество находится в плену ситуации мировоззренческого «сбоя»: массовое сознание не воспринимает ориентиры, проявления новой жизни. Нет ничего опаснее этого, потому что ошибочно думающий человек не способен решать постоянно встающие перед ним проблемы в силу непонимания их природы и последствий. В условиях полного изменения устоев общественной жизни ценностные ориентиры людей остались традиционно прежними. Это связано в том

числе и с вакуумом современных ценностей начавшегося века.

Речь идет о необходимости модернизационного развития человеческого сознания в первую очередь в русле общекультурного развития мира и поиске способов тиражирования новых ценностей, к которым мы отнесли бы прежде всего духовное самосовершенствование, жизненную самостоятельность, мобильность, социальную активность, толерантность, предприимчивость, свободу личности, инновационность и способность воспринимать, развивать социально значимые инновации. Это и следование общечеловеческим традициям, социальная и экологическая образованность, коллективное преодоление негативных последствий научно-технического прогресса, смысловое наполнение жизни и т. д. Опора на данные ценности, на наш взгляд, позволит реализовать конструктивный диалог человеческого сообщества в условиях современной цивилизации.

Как следствие, встает вопрос о новых регуляторах человеческого диалога, общения, включенности индивида в современный социум и его отдельные структуры, без чего его полноценная самореализация просто невозможна. Это потребует от человека большей социальной «переплетенности» с реальностью, нового уровня социокультурной образованности, ибо в условиях радикальных изменений в общественной жизни возрастает спрос на творцов, экспериментаторов, исследователей, созидателей, инноваторов, способных совершать прорывы.

Такая постановка вопроса говорит о необходимости рассмотрения самореализации не только как способа самосозидания человека, но и как пути осмысления человеком процессов деструкции, саморазрушения индивида, идущих от самой социальной среды, в которой значительно усилены негативные проявления. Как следствие, самореализация человека в современном социуме должна рассматриваться как результат постоянной гуманитарной модернизации общества, цивилизации. Тезис «Я мыслю, следовательно, существую» в наши дни может быть изменен: «Я мыслю, диалогизирую, самоизменяюсь, следовательно, существую и самореализуюсь». Полноценная самореализация современного человека в условиях глобального мира, унифицирующего все и всех, возможна на пути сохранения культурной идентификации бытия благодаря открытости миру, его культурного многообразия и создания транскультурной идентичности мировой цивилизации, способной отвечать вызову «мультиверсума» культур. Мы убеждены в том, что XXI век станет периодом радикальных трансформаций, более жестких по сравнению с XX столетием. И к ним необходимо быть готовыми.

Нет ничего невозможного в нашей жизни. Однако еще отсутствует способность к самонапряжению, выходу за пределы достигнутого, целеустремленности, великому трудолюбию, формирующим духовный мир человека талантливого, инновационного, успешно и конструктивно самореализующегося, преодолевающего турбулентность своего состояния.

Г. Г. Коломиец¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ И СВЕРХНАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСКУССТВЕ: ИЗ ЕВРАЗИЙСКИХ ИДЕЙ

Многообразие культур породило богатство национальных особенностей художественного творчества. Возникает вопрос: возможен ли путь к синтетическому мировому искусству в век глобализации? Что при этом может служить основой? Язык искусства таков, что позволяет в любом национальном художественном творчестве находить общечеловеческую, наднациональную, сверхнациональную эстетическую ценность. Музыкальное произведение, картина, скульптура, архитектурное здание могут доставлять удовольствие непосредственно при восприятии, несмотря на их национальную принадлежность. Кроме того, в истории искусства сложились модели самодостаточных форм выражения, в которых можно усмотреть проявление тенденции сверхнационального. Сверхнациональное присутствует в авангардизме XX века и расцветает в новом, современном искусстве, созданном с помощью научных технологий.

Искусство, призванное будоражить мысль, возбуждать эмоции и воображение, само подталкивает общественную и научную мысль к пониманию глобализирующихся процессов, как это было, например, в 1920-е годы в евразийском движении, когда деятели культуры и искусства анализировали симфоническое «всеединство» с великой ролью искусства.

Идея сверхнационального в искусстве, того, что способствует единению, звучала в рассуждениях евразийских музыкальных деятелей: П. П. Сувчинского, А. С. Лурье, В. Н. Ильина, В. А. Дукельского, И. И. Лапшина и др. Мировую гармонию евразийцы остро ощущали как в человеческой истории, так и в функциональных отношениях художественных произведений, выражающих пространственно-временные процессы. Искусство и человеческая история, а именно судьба России–Евразии, были единым живым творящимся событием, имеющим тенденцию к восхождению человечества к всеединству. Они хотели участвовать в историческом процессе, подтверждая своей активной деятельностью и творчеством стремление к преобразению человеческого бытия.

В центре эстетических дискуссий были идея современности и критика модернизма, вопросы политики и искусства. В модернистском искусстве евразийцы подчеркивали отсутствие духа, наличествующего в народной традиции и нуждающегося в современном преподнесении. Современное новаторское искусство принималось, если имело духовность, что, на их взгляд, отрицалось модернизмом. Модернизм как художественное явление представлялся в качестве негативного явления в культуре, нуждающегося в преодолении вычурности путем реализации новых принципов

¹ Профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание: аксиологический подход», «Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром» и др.

искусства: ясности, согласия с традицией, духовного симфонического «благозвучия» нового бытия культуры, раскрывающего смысл современности. Новым, то есть современным, считалось искусство, которое было основано на новом слуховом и визуальном воображении, подлинном восприятии современных мировых вибраций. Современностью руководит «инстинкт наступающей молодости», выраженный в страсти к ясности, четкости при даровании и максимальной бережливости средств выражения.

Образцом современности в искусстве для евразийцев служил новаторский стиль композитора И. Ф. Стравинского, в котором они видели восстановление утраченного равновесия формы и духа, составляющего музыкальную сущность мира (вселенский ритм, вибрация космоса, временная текучесть). Музыка Стравинского, по их мнению, излучает живую, солнечную силу, оптимизм и раскрывает смысл их времени. Следует заметить, что девиз Стравинского и в жизни, и в творчестве: «Жить в ногу со временем». Для него было важно быть современным и уметь с высоты времени в многовековой художественной культуре выбирать старые модели и претворять их в новой звуковой ситуации. Рационализм мышления Стравинского определил то, что в его музыке ведущим элементом стал интеллект, выраженный в звуках, где формирующим фактором становится ритм, в основе которого лежит острое чувство времени. Стравинский явил пример «большого стиля» — синтетического, универсального, основанного на переосмыслении традиций и использовании качественно преобразованных мировых моделей искусства, ведущих в будущее. По словам А. Лурье, выросшая на национальной почве, из мощного национального ствола, музыка Стравинского сейчас становится *сверхнациональной и общечеловечной*.

Евразийцы считали, что именно И. Ф. Стравинский и С. С. Прокофьев вывели русскую музыку на мировую арену. Лурье писал о том, что судьба русской музыки на Западе была бы иной, если бы не Стравинский. Благодаря этому композитору новая русская музыка вышла на международную арену. Она не утратила при этом своего национального характера, но отличительной особенностью русской «парижской» композиторской группы являлось то, что в ней были ликвидированы установки на русскую «экзотику», которые считались прежде необходимой принадлежностью русского стиля.

Во взглядах П. П. Сувчинского наблюдается ценностная установка на три основных момента: 1) первичная религиозно-культурная субстанция русско-евразийских народов; 2) революция как совокупность идей и процессов, приведших к созданию современного типа России; 3) система последствий революции, формально выражающаяся в советском федерализме и экономическом этатизме. Предполагалась «революция сознания» в России, возвращение к самим себе, об-

речение самобытной потенциальной стихии. Стремление к возрождению духовно-культурной самобытности было основано на реализации эстетической программы, противостоящей модернистскому мирозерцанию, характеризующемуся евро-американским мироощущением.

Несмотря на то что П. П. Сувчинским и А. С. Лурье была дана отрицательная оценка революции как зла по существу, данное трагическое событие осмыслилось ими как порождающее своей взрывчатой силой позитивное обновление в искусстве. Революционный пафос в искусстве и новый взрыв творческой энергии отвечают продвижению в организации всего временного и пространственного строя, что дает стимул искусству, способствует смене художественного мышления и эстетического канона.

Относительно контакта между искусством и политикой в евразийских идеях выделялась мысль о том, что в первые годы советской власти социально-политическая жизнь протекала без культурного и художественного влияния, искусство находилось в аристократически-привилегированном положении, оно замкнулось исключительно на своей профессиональной сфере. В музыке продолжалось изживание внутренних профессиональных эстетических процессов, которые существовали в дореволюционную эпоху. Музыканты, в сущности, пытались сохранить позицию «искусства для искусства». Последующее укрепление политической власти в Советской России оказывало идеологическое давление на культурную сферу. Театр, литература

и живопись были согласованы с марксистской доктриной. Сохранялась относительная независимость музыки от влияния политики. Это обосновывается сложностью музыкальной материи, тем, что изменение формальных методов в музыке происходит гораздо сложнее, чем в других видах искусства. Природа музыки такова, что музыкальная материя может быть обращена как к капиталистическому, так и к коммунистическому сюжету. В дальнейшем в Советской России сама материя музыки была подвергнута переработке, органическому изменению процесса ее оформления, что определило первостепенное значение идеологической роли музыки. По Сувчинскому, развитие русской музыки большевики повернули в нужную им сторону.

Музыкальные деятели евразийского мироощущения определяли себя как «парижская» группа русской музыки, явившаяся выражением национальной русской школы с ее самобытностью, проявляющейся в сочетании исконно русского, пронизанного «азиатским» духом, с правдой в аспекте религиозной культуры. Вместе с тем они видели назначение искусства в том, чтобы оно стало основой проведения в жизнь наднациональных, абсолютных ценностей красоты, добра, истины.

Идеологическая функция искусства в воззрениях евразийских деятелей искусства проявилась двояко: искусство может служить политическому устройству государства; искусство способно стать основой ценностного воспитания и преобразования общества и человека в высоком духовном значении и нести сверхнациональный смысл.

В. А. Конев¹

ПРОСТРАНСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

1. Онтологически глобализация представляет собой пространственный процесс. Вне зависимости от того, что и как утверждается на мировом пространстве, происходит некая универсализация пространства. Пространство планеты приобретает однообразие: укореняются сходные цивилизационные стандарты в сферах производства вещей, информации, в действиях политических институтов, армии, в банковском деле, деятельности рынков, здравоохранении, сфере досуга и т. п. На уровне физического планетарного пространства препятствия на пути глобализации могут выступить удаленность от центра распространения глобализации (от Северной Америки, Европы) или труднодоступность определенных регионов (горы, острова в океане и т. п.), но развитие транспорта и информационных связей эти препятствия снимает. Очевидным

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» М. Хайдеггера)», «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делёза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”» и др.

показателем универсализации планетного пространства выступают именно мировые транспортные и информационные сети, сократившие до минимума время перемещения тел и информации в этом пространстве. Препятствием распространения глобальных процессов на онтологическом уровне выступают границы государств, которые по своей сущности являются границами не физического планетарного, а социально-политического пространства, но смягчение (или снятие) визового и таможенного режима постепенно (политические и экономические действия) устраняет и эти препятствия. Таким образом, если говорить об онтологических условиях распространения глобальных социально-политико-экономических процессов, укорененных (речь об условиях) в пространстве планеты Земля, то можно утверждать, что здесь не существует препятствий для развития глобализации.

2. Однако есть иное пространство, кроме пространства стран (государств), проявляющего себя в территориальных формах. Это культурное пространство, которое также влияет на процессы глобализации.

Метрика (архитектоника, размерность) этого пространства отличается от метрики пространства-территории. Если мир культуры — это мир смыслов, значений, то и метрика его пространства должна выра-

жать характеристики смысла. Поскольку смысл существует как эффект «отсылания» (данная вещь приобретает смысл, когда представляет не себя, а иное: флаг — не ткань, а сообщество), то пространство смыслов исходно — не *положение*, а *направление*. Направление изначально (имплицитно) предполагает *различие*, так как есть данная, начальная позиция и та, к которой направлено действие и которая сопряжена с исходной точкой. Таким образом, можно утверждать, что основой архитектоники культурного пространства выступает различие позиций. Это пространство всегда соотносит нечто как различное, и, следовательно, оно должно установить меру различного, способ его распознавания. Такой мерой выступает *граница*, в *пределах* которой все в жизни человека получает свое *о-предел-ение*. Граница вносит в мир человеческого бытия первое и самое основное культурное различие — различие значимого и незначимого, тем самым превращая культурное бытие в значимое бытие. Отсюда следует, что культурное пространство обладает особой гравитационной силой (лучше сказать — «волюнтационной» силой, не от *gravitas* — тяжесть, а от *voluntas* — воля), силой интенсивности (динамичности, энергии). Это пространство изначально активировано, то есть требует от любой «точки», попадающей в его архитеконику активности, проявления своего направления, то есть объявления своего смысла.

Другая существенная характеристика архитектоники культурного пространства — иерархичность. Направление не только характеризуется динамизмом, но и выстраивает отношения соподчинения, в пространстве появляется не просто различие, дифференциация «точек» пространства, а выделяются привилегированные «точки». Иерархичность порождает *смысловые позиции* в культурном пространстве и позицию *абсолютного* смысла.

3. Поскольку любое культурное пространство обладает волюнтативной силой и иерархией смысловых (ценностных) позиций, то контакт культур различных народов, который возникает в результате процесса глобализации экономической и политической жизни, порождает две культурные ситуации.

Во-первых, культура должна отреагировать на появление в своем пространстве новых, пришедших извне экономических и политических феноменов. Например, реакция российской культуры на идеалы правового государства и гражданского общества. Западная традиция гражданского общества сформировалась на идее общественного договора, согласно которому гражданское общество — результат соглашения по поводу закона. Закон действует, если люди соглашаются его исполнять. Самоорганизация гражданского общества в России имеет другую традицию. Здесь не право, не закон (он существует не потому, что по его поводу соглашается общество, а потому что он кем-то оглашается) становятся основанием для консолидации граждан, а идея справедливости, нравственная идея являются основанием объединения гражданского общества. Это прекрасно иллюстрирует возникшее в декабре 2011 года движение «За честные выборы» (честность — понятие нравственного сознания).

Во-вторых, глобализация порождает ситуацию, когда динамическое напряжение и волюнтативные

силы пространства одной культуры соприкасаются с динамическими напряжениями пространства другой культуры. В этом случае не может не возникнуть несовместимость. Любая культура в силу того, что она всегда дифференцирует значения, различает значимое/незначимое, свое/чужое и так далее, значения и ценности иной культуры воспринимает как чуждые существующей культурной архитектуре. Они не могут быть интегрированы в нее просто потому, что «скроены по иной мерке».

4. Обе ситуации для своего разрешения требуют диалога культур. Этот диалог направлен на выработку языка взаимопонимания. Этот язык может обрести различные формы.

Очевидной формой существования языка взаимопонимания является общий (один и тот же) для участников диалога язык. Возможно ли создание такого языка в диалоге культур? Может ли быть единый язык оценки, единый язык ценностей? Ведь известно, что на вкус и цвет товарищей нет — о вкусах не спорят. Современная ситуация культурных контактов показывает, что возможно утверждение в различных культурах общих оценок и ценностных характеристик, например, для различных культур европейского региона выработался достаточно устойчивый комплекс общих эстетических, моральных представлений, которые позволяют людям *разных* национальных культур понимать друг друга. Можно утверждать, что нечто общее существует в культурах других регионов, а также между культурами Востока и Запада. Например, культура японца может быть «двуязычной».

Но все-таки диалог культур строится не на установлении общего понимания и толкования ценностей. Если общий язык ценностей и смыслов утвердится, то исчезнет различие культур. Диалог культур, как показал В. С. Библер, ведет прежде всего к пониманию культурой самой себя, к открытию культуры как необходимого способа бытия человека. Поэтому диалог культур необходим для осознания именно культурных *различий*, существования *разных* способов организации значимого бытия, но в то же время для понимания принципиального единства архитектоники культуры как таковой. Ценности могут различаться по содержанию и смыслу, представления об абсолюте могут быть различны, но сама идея ценности, абсолюта как способа задания и определения порядка значимого бытия является принадлежностью любой культуры. Это начало культурного мира как такового, его исконный язык, автохтонные начала. Проникновение в эти начала — *результат* диалога культур и одновременно *условие* развития этого диалога.

5. Контакт культур (что является результатом глобализации) обнаруживает различие культур, диалог же культур начинается тогда, когда от обнаружения различий культур (точнее, их представителей) переходят к утверждению их как необходимого условия бытия самой культуры, тем самым и любой культуры. Поэтому исторически прогрессивный смысл глобализации зависит от того, насколько в условиях глобализации будут утверждаться и сохраняться культурные различия человечества. Стандартизация может лишить историю творческого потенциала.

Л. К. Круглова¹

ИДЕЯ Н. С. ТРУБЕЦКОГО ОБ «ОБЩЕЕВРАЗИЙСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Проблема национального единства и культурно-многообразия неразрывно связана с проблемой национализма и патриотизма. В этом можно убедиться на примере идеи «общеевразийского национализма», сформулированной одним из основателей евразийского движения Н. С. Трубецким (1890–1938) в 1927 году применительно к реалиям тогдашнего СССР. Обсуждение этой идеи Н. С. Трубецкой начинается с критики «крайнего русского национализма». Он отмечает, что «...чрезмерное повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, то есть обособить русский народ от других. ...Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве... — такой националист при современных условиях должен примириться с тем, чтобы границы этой “России” совпали с границами сплошного великорусского населения в пределах доуральской России... Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником»². Эту оценку можно полностью перенести на современных русских националистов, провозглашающих лозунг «Россия для русских» и т. п.

В противовес русскому национализму и национализму любого другого этноса Н. С. Трубецкой выдвигает тезис, согласно которому «...национальным субстратом того государства, которое... называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация... Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразия, ее национализм — евразийством»³. В пользу единства евразийских народов Н. С. Трубецкой приводит очень сильные аргументы. На его взгляд, «Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать»⁴.

¹ Заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор. Автор ряда учебников и научных публикаций, в т. ч.: «Об общенаучных и общекультурных понятиях», «Актуальные проблемы теории культуры», «Диалектическое мышление и новая реальность: историко-культурный аспект», «Основы культурологии», «Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип», «Социокультурная антропоэкология», «Интегративная роль антропологического принципа в культурологии», «Россия и цивилизация, Россия как цивилизация», «Культура эпохи Возрождения», «Российская культура как фактор национальной безопасности», «Мораль как сфера культуры и как фактор национальной безопасности», «Введение в теорию культуры», «Функции и структура культуры», «Теория культуры как ответ на вызов современности: теоретический и практический потенциал антропологического принципа в философии культуры и культурологии», «Цивилизация. Культура. Гуманизм» и др.

² Трубецкой Н. С. *Общеевразийский национализм* // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. С. 91–92.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 97.

Первая оговорка, связанная с необходимостью осмысления проблем, поставленных Н. С. Трубецким, заключается в неприемлемости термина «национализм», поскольку исторически он прочно связан с ассоциациями негативного ряда. Сам Н. С. Трубецкой различал «истинный» и «ложный» национализм. Однако, видимо, будет правильным все варианты ложного национализма называть просто национализмом, имея в виду, что национализм — это всегда плохо. А для того, что Н. С. Трубецкой называет «истинным национализмом», есть иное слово — «патриотизм». Однако в нем заключено и другое понятие.

Сам Трубецкой, видимо, понятия «истинный национализм» и «патриотизм» считал тождественными. Так, в одной из работ он высказывает мысль о том, что «нации малопатриотические, с неразвитым чувством национальной гордости, всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самомнением»⁵. В этом высказывании отчетливо выявляется социально-практическое значение теоретической разработки проблемы национализма и патриотизма. Оно заключается в том, что национализм и патриотизм являются мощным источником социальной энергии, то есть того феномена, который у Л. Н. Гумилева получил название «пассионарность». Среди возбудителей социальной энергии широко известны разные по происхождению и направленности феномены. И именно в этом ряду одно из первых мест, если не первое, занимают национализм и патриотизм. Поскольку то явление, которое Н. С. Трубецкой называет «общеевразийским национализмом», по всем признакам относится к разряду «истинного национализма», по основаниям, изложенным ранее, более правомерно назвать его «общеевразийским патриотизмом».

Вторая оговорка заключается в том, что вопрос о возможности и необходимости «общеевразийского патриотизма» в современных условиях решается в иных исторических рамках, нежели те, которые имели место в 1920-е годы, когда сформировалась евразийская концепция. Однако при этом значение ряда существенных обстоятельств, о которых писал Н. С. Трубецкой, не только сохранилось, но и усилилось. Так, перестал существовать СССР, но существует Россия — государство, для которого проблемы межнациональных отношений имеют жизненно важное значение. Самое же главное заключается в том, что идея единства евразийских народов приобрела новое звучание. Теперь речь идет уже не только о единстве народов России, но и о единстве народов России и народов ряда независимых государств, бывших ранее республиками СССР. Кроме того, нельзя не сказать, что решение вопроса о возможности и необходимости евразийского патриотизма в современных условиях определяется двумя разнонаправленными векторами — глобализа-

⁵ Трубецкой Н. С. *Европа и человечество* // Трубецкой Н. С. *История. Культура. Язык*. М., 1995. С. 95.

цией, стирающей культурные различия, и мультикультурализмом, являющимся основой сохранения разнообразия культур. В связи с этим актуальными становятся поиски теоретических концептов, практическое использование которых позволило бы устранить конфликт между глобализацией и мультикультурализмом, сохраняя при этом их позитивный потенциал.

Однако прежде чем обсуждать имеющиеся на этот счет предложения, надо уточнить, с какими последствиями связаны глобализация и мультикультурализм.

Во-первых, надо отдавать себе отчет в том, что идущая сейчас глобализация — это двуликий Янус. Одно ее лицо — реальное объединение человечества; другое — корыстные интересы транснациональных корпораций, которые готовы весь мир превратить в единое конвейерное производство прибыли, где нет места разнообразию.

Противостоящее такой глобализации движение антиглобалистов — тоже двуликий Янус. Одно его лицо — отстаивание права на разнообразие, другое — противостояние объективно необходимому процессу объединения человечества.

Противоречивый характер антиглобализма нашел отражение в мультикультурализме, который определяется как понятие, обозначающее факт культурного многообразия той или иной страны, как практика социальной и политической организации обществ в условиях культурного многообразия и как идеология, направленная на поощрение культурного многообразия.

Однако на практике мультикультурализм обернулся многими негативными явлениями. Среди наиболее опасных его последствий — этническая фрагментация общества и, как результат, нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях.

В связи с этим становится ясным, что концепция мультикультурализма нуждается в дополнении ее другими идеями и концепциями. Представляется, что роль таких концептуальных дополнений могли бы сыграть, во-первых, теоретический конструкт «бинарные и полиарные модели» культуры и, во-вторых, идея патриотизма.

Под бинарными и полиарными моделями развития культур в данном случае имеется в виду их двухосновность или многоосновность в этническом смысле, то есть включение в культуру одного этноса достаточно весомой доли культуры другого этноса или других этносов.

В пользу бинарной модели развития культуры в первую очередь можно привести аргументы «от личности». Как известно, чувство общности со своим этносом — одна из наиболее сильных человеческих эмоций; этническая культура живет у человека не только в сознании, но и в подсознании, она является одним из самых мощных корней, благодаря которым человек «врастает» не только в современность, но и в толщу веков. Однако именно в логике аргумента «от личности» правомерным будет и утверждение о необходимости выхода представителей малых народов на просторы мировой культуры, что возможно только через культуру крупных этносов. Это многократно усиливает чув-

ство укорененности личности в этом мире за счет принадлежности не только к своему этносу, но и к крупному этносу, ко всему человечеству. Бинарность развития культуры характерна и для крупных этносов. Более того, можно утверждать, что бинарность — необходимое условие развития любой этнической культуры. Примером может служить Япония. В результате «прививки» западной культуры она получила мощный импульс развития. Но другая и необходимая сторона успешности этого развития — сохранение традиционной этнической культуры. Видимо, есть основания полагать, что крупные этносы как раз и образовались из тех малочисленных этносов, которые оказались достаточно открытыми влиянию других этнических культур. В связи с этим, вероятно, будет вполне правомерным утверждать, что бинарность и тем более полиарность этнической культуры — залог ее жизнеспособности.

Однако воплощение в жизнь идеи бинарных и полиарных моделей культуры все-таки не в полной мере гарантирует нейтрализацию негативных последствий мультикультурализма.

Роль конструктивного каркаса, препятствующего дроблению социокультурного пространства, может сыграть, как представляется, патриотизм, определяемый как любовь к Родине, преданность своему Отечеству.

Первое, что требует уточнения в этом определении, — направленность патриотизма. Любить можно малую Родину, историческую Родину, большую Родину, то есть страну, гражданином которой является тот или иной человек. Однако надо отдавать себе отчет в том, что патриотизм — прежде всего гражданское чувство, то есть любовь и преданность стране, гражданином которой является человек.

Другое уточнение понятия «патриотизм» связано с определением самого «субстрата» того феномена, который обозначается этим понятием. Один из его компонентов, как уже говорилось выше, — чувство любви к Родине, Отечеству. Но вряд ли этим можно ограничиться. Человек — существо деятельное, и потому все его эмоциональные и интеллектуальные свойства приобретают культурный смысл в той мере, в какой они воплощаются в его деятельности. В соответствии с этим патриотом можно считать того человека, который не только испытывает чувство любви к Родине, но и своей деятельностью способствует ее процветанию.

Так понимаемый патриотизм, встроенный в структуру бинарных и полиарных моделей культуры, способствует укреплению дружбы между народами любой многонациональной и многоконфессиональной страны. Кроме того, истинный патриотизм не только не разъединяет, но и, наоборот, объединяет народы разных стран: патриотизм как чувство помогает человеку, любящему свою Родину, понять другого человека, испытывающего такие же чувства по отношению к своей стране. Патриотизм как деятельность, направленная на благо страны, способствует увеличению того вклада, который вносит та или иная страна в развитие всего человечества и тем самым поддерживает позитивные и противостоит негативным тенденциям процесса глобализации.

Возвращаясь к проблеме «общеэвразийского патриотизма», с учетом сформулированных выше концепту-

альных положений можно утверждать, что он не только возможен, но и необходим как духовная основа единства евразийских народов. При этом он не только не противоречит российскому патриотизму и патриотизму граждан других евразийских государств, но и способствует их укреплению, а все они вместе и по отдельности не противоречат ни идее общечеловеческой культуры, ни привязанности и любви представителя любого этноса к своей этнической культуре.

Подводя итоги, следует отметить, что поднятые Н. С. Трубецким проблемы национализма, патриотизма, национальной самобытности имеют в на-

стоящее время не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. При этом часть ответов, данных Н. С. Трубецким на поставленные им вопросы, звучит современно и своевременно. Другая часть идейного наследия Н. С. Трубецкого нуждается в критическом осмыслении. Однако дискуссии по поводу некоторых положений концепции Н. С. Трубецкого и евразийства как такового не дискредитируют их основных идей, каковыми являются идеи о культурно-историческом единстве евразийских народов, о необходимости союза России с азиатско-азиатскими народами.

Т. В. Кузнецова¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЭПОХУ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Широкомасштабные процессы экономической интеграции размывают границы национальных культур, создавая возможности для новых культурных синтезов. В зарубежной политологии, особенно англо-американской, модно говорить о фиктивном характере национальных общностей. Вместе с тем общество обретает совершенно новую социальную структуру, существенно отличающуюся от классовых стратификаций индустриальной эпохи с присущим им относительно четким разделением на «верхи» и «низы».

Формирование русской нации началось на основе складывания единого общероссийского рынка еще в середине XVII века и продолжалось примерно два столетия. Важную роль в этом процессе сыграла Отечественная война 1812 года, пробудившая социальную активность широких слоев крестьянства и городских низов и наглядно показавшая роль народных масс в истории. Победа над наполеоновскими войсками породила в передовых, патриотически настроенных кругах образованного общества уважение к личности человека из народа, внимание к его духовному миру, привычкам, традициям, стремление понять и изучить их, связать собственную культуру с народной традицией.

В эстетике утверждается идея народности искусства, органически включающая народное художественное творчество в сферу внимания теоретика, критика, художника.

В этих условиях, с одной стороны, наблюдается новое сближение культуры образованных слоев с культурой народной. Достаточно вспомнить в связи с этим Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Глинку, Гурилева, Варламова, Алябьева, Кольцова — художников, активно использовавших народно-фольклорные мотивы в качестве исходного материала для творчества. С другой стороны, начиная с первой четверти XVIII века народное искусство не было чуждым к новым, послепетровским влияниям. В него активно проникают элемен-

ты западноевропейского искусства, сюжеты, связанные с новой социальной действительностью. Широкое распространение в народном творчестве получают патриотические общенациональные мотивы, символы воинской героики, нередко заимствованные из официальных гравюр и медалей (знамена, алебарды, шпаги и т. п.), а также декоративные элементы европейского искусства (барочные вазоны, листья аканфа, различные гирлянды и т. п.).

Сближение и взаимопроникновение народно-фольклорного пласта культуры и профессиональной, «ученой», художественной традиции — объективная и всеобщая закономерность становления национальной культуры, то есть культуры нации как специфической исторической общности, формирующейся в процессе преодоления локальных особенностей культуры на почве усложнения социально-экономических отношений и превращения всей территории, занятой данным народом или государством, в единый хозяйственный организм. Объективным условием синтеза народного пласта культуры с духовными ценностями, создаваемыми профессионалами, является общенациональное движение, направленное на решение таких общественно-политических задач, которые жизненно важны для прогресса и самого существования данного народа. В России благодаря размаху общенационального освободительного движения, оказавшего огромное влияние на гений Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Глинки и Римского-Корсакова, Васнецова и Сурикова, этот процесс протекал очень интенсивно и приобрел законченные формы. Корифеи русской литературы и искусства не чуждались народных обычаев и языка, учились у народа житейской мудрости и духовной цельности.

Однако при всей огромной социально-исторической значимости такого рода процессов сближения и взаимообогащения различных культурных слоев говорить о единой общенародной культуре и нации применительно к этой эпохе не приходится. Национальная консолидация в условиях капиталистического строя неизбежно сталкивалась с социальной разобщенностью, непримиримыми противоречиями, которые порой сказывались сильнее, чем чувство национальной солидарности.

¹ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч. монографии «Парадигма народности в эстетической теории». Ответственный секретарь журнала «Вестник Московского университета» (сер. «Философия»). Заместитель председателя Диссертационного ученого совета по эстетике МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель председателя Московского отделения Российского философского общества.

Инициатива широких масс выступает в качестве катализатора интенсивнейшего взаимодействия народного художественного творчества с эстетическими ценностями, создаваемыми художественной интеллигенцией. Можно, по-видимому, утверждать, что это взаимодействие также является объективной закономерностью культурного развития, процессом, возникающим и развивающимся на стадии формирования нации и ее культуры. В ходе этого процесса система общенациональной культуры вбирает разные потоки народной художественной традиции, в том числе те, которые до известного предела оставались явлениями локальными, местными, вызывающими у профессиональной интеллигенции лишь историко-этнографический интерес.

Национальное — это не только культурные истоки данного народа, его исторические реликвии, его прошлое. Это сегодняшний день его развития. Абсурдно утверждать, что, например, современные украинский, молдавский или узбекский народы утратили ныне свою национальность, что подлинными ее носителями были лишь их предки, жившие в условиях патриархально-феодалного строя. Такой подход ведет к подмене национальной специфики национальной экзотикой. На самом деле сегодняшний день народа преемственно связан с прошлым. И отобразить этот сегодняшний день, развитие национальной психологии и национальных традиций в новых условиях — важная задача современного национального искусства. Это искусство глубоко прогрессивно и жизненно, оно тесно связано с устремлениями и чаяниями народов и сегодняшним днем.

Иногда в научной литературе представлена попытка связать национальное своеобразие искусства исключительно с какой-либо устойчивой, практически неизменной художественной традицией и некоторыми другими устойчивыми культурными явлениями (обрядностью и т. п.). Эта точка зрения опирается на два ложных посыла. Во-первых, национальное трактуется при этом как культурно-психологическая константа. Во-вторых, предполагается, что неизменность основных черт национальной психологии позволяет выделить в художественной культуре народа нечто устойчиво сохраняемое на всем протяжении истории данной культуры; это постоянное «ядро» будто бы выступает как концентрированное художественное воплощение устойчивого национального духовного типа и определяет национальную принадлежность всей кристаллизующейся вокруг него системы эстетических ценностей, творческих приемов и более пластичных, динамичных, исторически изменчивых слоев художественной культуры.

Внимательное историческое исследование легко обнаруживает неправильность обоих посылов. Во-первых, национальный, культурно-психологический тип не остается постоянным, он изменяется по мере развития социально-экономических условий, в которых живет данный народ. Например, переход от кочевого скотоводства к оседлому хозяйству или от жизни в замкнутых сельских общинах к жизни в крупных городах коренным образом меняет и привычки, и вкусы, и образ жизни людей. Во-вторых, невозможно, пожалуй, найти какие-либо конкретные явления художественной жизни, которые существовали бы на всем протяжении

истории данного народа и потому могли бы рассматриваться как прямое воплощение преемственности данного этноса, воспроизводящего себя в новых поколениях. Можно отметить некоторые устойчивые эстетические предпочтения и вкусы, сохраняющиеся и развивающиеся в культуре данного народа (таково, например, сочетание проникновенного лиризма с напряженной экспрессивностью, отличающее и русский фольклор, и русское профессиональное искусство), но они имеют различные формы выражения и воплощения, не остающиеся постоянными.

Конечно, фольклорные традиции, мотивы и приемы народного прикладного искусства характеризуются устойчивостью на протяжении многих поколений (отсюда и вполне объяснимая иллюзия их неизменности, вводящая в заблуждение тех теоретиков, которые связывают с ними поиск «исконно национальных» элементов культуры).

В современной художественной культуре можно выделить две основные формы существования традиций народного творчества. Это, с одной стороны, его собственная среда, а с другой — сфера искусства, создаваемого профессиональной художественной интеллигенцией, активно использующей восходящие к народно-фольклорной традиции элементы в качестве материала для творческого переосмысления и обработки.

Эстетически полноценное включение народных мотивов в контекст профессионального искусства представляет собой серьезную проблему. Она требует активного отношения к перерабатываемому художником материалу народного творчества. Каждый из народных мотивов должен быть функционально оправдан и связан с другими компонентами произведения, он должен получить эстетически значимую роль в общей структуре и стать органическим средством раскрытия идейно-эстетических задач произведения. Такое использование народно-фольклорных традиций может способствовать формированию и развитию подлинно национального современного искусства. В противном случае оно превращается в стилизацию, лишённую глубокого содержания¹.

В условиях выравнивания культурного уровня народов нашей страны, глобализации процесс взаимного влияния затрагивает все слои культуры. В начале 1990-х годов Россия вступила в новую эпоху своей истории. В стране произошли резкие и быстрые социальные, экономические и политические сдвиги, совершенно изменившие контекст, в котором до этого рассматривалась проблема народности искусства (начиная с организационно-финансовых и заканчивая ее идеологическими аспектами). Существенно изменился общественный климат: идеологические ограничения советского времени были сняты, однако культуроцентричные ориентации постсоветской эпохи чрезвычайно быстро трансформировались в культ экономики и человека экономического. Узко понятый экономический рационализм стал вытеснять на периферию внимания все то, что не укладывается в рамки стандартизованного индустриального потребления.

¹ Лихачев Д. С. Предисловие // Некрасова М. А. Народное как часть культуры. М., 1983. С. 5

Уходящий век оставил России и миру целый ряд проблем, от решения которых зависит будущее человеческой цивилизации. На какой духовной основе возможно решение этих проблем? Какие культуuroобразующие идеи и понятия перейдут в XXI век, а какие станут достоянием истории? Без ответа на эти вопросы невозможны сознательное отношение к культуре, социокультурное прогнозирование.

Процессы цивилизационной трансформации, характерные для последних десятилетий XX века, имеют общемировой смысл. Но они особенно значимы для России. Сугубо «технологическое» мышление, склонное отрицать традиции, которое столь характерно для российского либерального реформаторства, убедительно продемонстрировало всю ограниченность и опас-

ность стратегий развития, не соотнесенных с реальным культурно-историческим процессом и формируемых вне связи с национальной традицией. Порывая с идеологиями социального экспериментирования, современная русская духовная культура приобретает все более выраженное стремление к самоидентификации. В этом кроется одна из причин исключительной актуальности культурно-исторических исследований, которые не только помогают лучше понять прошлое, но и, в сущности, намечают определенные ориентиры для будущего.

В данном контексте закономерно возникает проблема культурной памяти, культурного наследия, почвы, на которую могут опираться созидание и развитие современного российского общества.

В. А. Курганская¹

ЭТНОПОЛИТИКА И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Многообразие этнических (локальных) культур является условием и способом бытия культуры как таковой, Культуры как специфически человеческого способа жизнедеятельности, определенного цели и смыслополаганием, нормативно-ценностными структурами личностного самоопределения и межличностных взаимодействий. Однако императив самоценности культурного многообразия, равноправия и неиерархического, несубординационного принципа взаимоотношения этнокультурных миров и их ценностно-нормативных систем (сетевой морфологии этнокультурного поля социального бытия) не должен противопоставляться императиву свободы культурного самоопределения личности.

Направления культурной политики государства переходных обществ фактически охватывают все поле культурного развития. При этом значительная часть функций государства в области культурного строительства связана с проведением ответственной этнокультурной политики. Упрочение коллективной идентичности как вполне легитимная политическая программа и стратегия национально-государственного строительства, структурирования единого политического пространства вместе с тем может стать — в форме доктрины этнического или национального самоопределения — механизмом разрушения целостности суверенных государств в этнических конфликтах, в попытках реализации сепаратистских и ирредентистских политических проектов. Не следует забывать о том, что «культурные аргументы — одни из основных в производстве насилия» (В. А. Тишков), в том числе и в форме «леги-

тимного насилия», прерогатива применения которого закреплена за государством.

Наибольшие споры вокруг модели культурного развития связаны с определением в этом процессе статусных ролей культур этнических общностей. Так, с точки зрения национал-патриотов, Казахстан должен развиваться по пути моноэтнического государства и ответственность должна быть модель культурного развития. Исходя по существу из тезиса, что русская культура ничего позитивного для казахов не принесла, они считают, что единственной основой казахстанского общества должна стать традиционная культура казахов. В этой позиции представлена (правда, в гипертрофированном и довольно эпатажном виде) концепция «культурной самобытности», направленная против инокультурных влияний (прежде всего русской культуры), которые якобы препятствуют самоопределению казахов, их этнокультурной самоидентификации.

Конечно, такое понимание культурного процесса имеет право на существование. Вместе с тем следует ясно представлять и его ограниченность. В условиях казахстанской действительности данная модель вряд ли будет эффективной, поскольку специфика развития казахской культуры как в прошлом, так, особенно, и в будущем не исключает, а предполагает внутреннее ориентирование на взаимодействие с другими этническими культурами, что является важнейшим условием ее саморазвития. Русская культура, русский язык не являются, на наш взгляд, ни оппонентами, ни препятствиями (как это иногда хотят представить) развитию казахской культуры, казахского языка. Они составляют существенный компонент современной казахской культуры, устранение которого будет означать лишение ее важного источника и механизма саморазвития и самосовершенствования.

Вторая точка зрения состоит в утверждении модели культурного развития, основанной на концепции культурной мобилизации. На официальном уровне она считается наиболее предпочтительной. Содержание этой модели заключается в том, что развитие куль-

¹ Главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности» (в соавт.), «Метафизика всеединства как учение об онтологическом самоопределении человека» (в соавт.), «Онтологические основания социального познания» (в соавт.), «Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет» (в соавт.), «Правосознание этнических групп в Казахстане: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.) и др.

турного процесса в Казахстане должно осуществляться на основе взаимодействия культур при обязательной консолидирующей роли казахской национальной культуры. В чем должна проявляться «консолидирующая роль казахской национальной культуры», подробно не раскрывается, но общий смысл состоит в том, что представители всех этнических общностей, проживающих в Казахстане, должны не только глубоко усвоить культуру и язык казахов, но и сформировать на этой основе собственную гражданскую идентичность.

Такого рода модель культурного развития в методологическом плане построена на основе деления культур на доминирующие и периферийные. Наличие «консолидирующей» роли со стороны одной из них нарушает равностатусную субъектность в системе взаимодействия культур и, следовательно, принцип равноправия, которое не может быть избирательным, но должно распространяться на все этнические общности независимо от их численности, степени присутствия в структурах властных отношений, места в системе социально-этнической стратификации и т. д.

В политическом плане данная модель построена на основе идентификации казахов как государствообразующей нации. Такой подход не является чем-то новым. Концепция «государственного народа» (Staats-Volk), деления народов на имеющие государственный статус и не имеющие такового активно использовалась в 1920–1930-х годах для тотального огосударствления национальной жизни. Использование такой модели в современных условиях вряд ли оправданно и уместно. И дело не спасают декларации о предполагаемой открытости казахской культуры, ее готовности к восприятию культурных новаций, к диалогу с другими культурами и т. д. По существу утверждается субъектно-объектная система межкультурного взаимодействия с монологическим типом сознания. С этих позиций культурные системы этнических общностей, которые иногда некорректно называют «совокупностями осколков диаспорных культур», представляются как неспособные к самостоятельному функционированию и развитию, то есть взаимодействие культур на условиях равностатусной субъектности априори объявляется нереальным. Более того, утверждается, что параллелизм существования казахской культуры и культур других этнических обществ, помимо «провинциализации» культуры в целом, будет способствовать умножению различий, увеличению культурной дистанции между

национальными группами, их обособлению друг от друга и, в конечном счете, подорвет сближение наций и народностей в рамках новой общности, именуемой казахстанским народом.

Нетрудно заметить, что так называемое сближение наций и народностей обосновывается необходимостью преодоления различий и приобщения «совокупности осколков диаспорных культур» к доминантной культуре государствообразующей нации.

Различия не есть разъединение. Они не ведут к отчуждению взаимодействующих сторон друг от друга. Подлинное общение «культурогенных субъектов» предполагает организацию их совместной деятельности для равноценного, взаимовыгодного сотрудничества, обретение ими духовной общности и обмена культурными и иными ценностями на основе полной открытости своих целей, намерений и устремлений. В этих условиях исключается использование одним из них другого как средства для достижения собственной цели, удовлетворение своих потребностей за счет подавления или ограничения потребностей другого, навязывание своих ценностей, своих обычаев, своего языка, запрещая или ограничивая при этом функционирование и развитие национальных ценностей другого.

Модель, выстроенная на основе равностатусной субъектности взаимодействующих культур, позволяет снять возможность возникновения в общении этнических субъектов взаимной подозрительности, недоверия и отчуждения, но с другой — представляет собой действительно реальный вызов для государственной и культурной идентичности. Решение проблемы лежит на пути утверждения и закрепления в социально-политических структурах субъектно-субъектного принципа организации культурной жизни на всех уровнях посредством расширения демократического и правового пространства взаимодействия культурогенных субъектов, формирования гражданского общества, обеспечивающего свободную коммуникацию между культурами, диалоговый способ их общения. Очевидно, что для создания этих условий необходима выработка всеми участниками культурного процесса единой стратегии, которая учитывала бы существующие различия и противоречия и одновременно основывалась на таком понимании культурного развития, которое могло бы стать общим фундаментом объединенных действий всех этнических общностей.

В. Н. Липский¹

В. СОЛОВЬЕВ О ТЕРПЕЛИВОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Мировые цивилизации формировались разными способами. Так, здание американской цивилизации создавали люди, приехавшие в Северную Америку из различных регионов земного шара искать лучшей доли. На современном языке их называют мигрантами. Пути формирования русской цивилизации иные. Россия веками развивалась как многонациональное государство, объединенное не правовыми нормами европейской толерантности, а терпеливостью, являющейся национальной чертой русского характера, нравственным соучастием сотен этносов, живущих на своей земле рядом с русскими.

Уникальность русской цивилизации состоит в том, что в ней веками бок о бок жили разные народы и формировались принципы межнационального взаимодействия, скрепленные общей системой ценностей. Нередко приходится слышать разговоры о разрозненности русского народа, в отличие от более малочисленных этносов. Да, клановость не свойственна русскому народу, но не потому, что русские разрозненны, а потому, что у русского народа другой культурный код. Русский народ — это народ-объединитель, это государствообразующий народ. В основании этого кода есть факторы, которые можно назвать генетическими. Об одном из таких факторов под названием «терпеливость» и пойдет речь.

В русской философской традиции в этом плане представляют интерес идеи В. Соловьева. Скорее всего, идея терпеливости является производной глобальной концепции соловьевского всеединства, так как даже в той ее части, в которой идет речь о воссоединении «Востока» и «Запада» через воссоединение церквей, философ в конечном счете говорит о терпеливости, без которой такое воссоединение немислимо.

Прежде всего следует сказать о понятийной стороне дела, на которую специально обращает внимание В. Соловьев, что в немалой степени «программирует» его размышления в связи с пониманием им феномена терпения. Соловьев предпочитает употреблять понятие «терпеливость», противопоставляя ее понятию «терпимость», которая по латыни означает “*passivum pro activo*” и переводится как «восприимчивость к действию». В работе «Оправдание добра» Соловьев пишет: «Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием или духовным мужеством»².

¹ Заведующий кафедрой философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, полковник внутренней службы в отставке, почетный сотрудник МВД. Автор свыше 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая культура и личность», «Нравственность как вектор полицейской службы», «Биологические и эстетические предпосылки научного творчества», «Эстетическое воспитание и образование в России в XIX — первой половине XX века», «Толерантность и терпеливость: от нормативности к духовности», «Феномен терпения в истории общественной мысли России», «Проблема соотношения морали и права в философии В. Соловьева» и др.

² Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 194.

Терпеливость, по Соловьеву, проявляется через «страдание, жалость, благоговение перед высшим», которые он называет «нравственными основами». Страдание, жалость и благоговение дают человеку возможность чувственной рефлексии внутреннего и внешнего бытия. Терпеливость в данном случае рассматривается философом как синтез душевных качеств, как некая нравственная тенденция, вектор которой направлен в сторону Веры. В. Соловьев называет различные виды терпеливости, но добродетелью, с его точки зрения, являются не все виды: «Можно терпеливо переносить физические и душевные страдания или вследствие малой восприимчивости нервов, тупости ума и апатичности темперамента — и тогда это вовсе не добродетель; или вследствие внутренней силы духа, не уступающего внешним воздействиям, — и тогда это есть добродетель аскетическая, (сводимая к нашей первой нравственной основе); или вследствие кротости и любви к ближнему (*caritas*), не желающей воздавать злом за зло и обидой за обиду, — и в таком случае это есть добродетель альтруистическая (сводимая ко второй основе: жалости, распространяемой здесь даже на врага и обидчика); или, наконец, терпеливость происходит из покорности высшей воле, от которой зависит все совершающееся, — и тогда это есть добродетель пизитическая, или религиозная (сводимая к третьей основе)»³.

Первый вид терпеливости направлен на самого себя и его основой, как отмечалось выше, является страдание. Не уступая внешним воздействиям, человек оставляет то, что считает для себя настолько принципиальным, что готов перенести любые страдания. Это могут быть светские или религиозные подвижники, терпеливо и стойко переносящие испытания и даже муки ради принятой ими истины (Дж. Бруно, Н. Вавилов, христианские страдальцы).

Второй вид терпеливости восходит к христианскому непротравлению злу насилием. Тут обращает на себя внимание указание В. Соловьева, что это добродетель «альтруистическая», то есть это готовность быть терпеливым ради ближнего своего в самом широком смысле этого слова. Спектр этого вида терпеливости обширен: это и родители, не отказывающиеся от «безнадежных» детей (хотя, конечно, ими движет не одна лишь жалость), и те, кто на постоянной основе отдает свои силы и средства «сырым и убогим», и святые, которых так богата русская церковь, и многие другие.

Третий вид терпеливости — локальный. В отличие от первых двух, более связанных с чувственным отношением к миру, этот вид чувственно-рациональный. Безоговорочное признание Истины, от которой зависит личность и происходящее с ней, детерминирует благоговение-терпеливость и в этом для субъекта есть проявление высочайшей справедливости. Все три вида терпеливости деятельно-созидательные и связаны друг

³ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 195.

с другом. Различаясь по предмету, в конечном «продукте» терпеливость есть проявление высоких душевных качеств личности. В методологическом плане духовная доминантность является мерой терпеливости. Страдание, жалость и благоговение вырастают на основе духовно-психологического облика нации, ее образа жизни и истории. Корни этого формирования настолько глубинные, что последующие политические и идеологические воздействия, оказывая деформирующее влияние, не могут разрушить его корневой системы.

Всеединство как форма проявления терпеливости анализируется В. Соловьевым и на конкретном материале, в частности, это связано с его размышлениями по национальному вопросу: «Тело Христово как организм *совершенный* не может состоять из одних простых клеточек, а должно заключать и более сложные и крупные органы, каковые здесь естественно представляются различными народностями... и если христианство не требует *безличности*, то оно не может требовать и *безнародности*»¹.

Соловьев на обширном историческом материале (Италия, Испания, Франция и др.) показывает, как нации в процессе своего культурного формирования «осуществляли в себе идеал всечеловечества». Например, итальянцы, достигая огромных высот в своем национальном творчестве, тем самым становились значимыми и для других народов. Высочайшие проявления итальянского национального духа стали образцами для европейской культуры и таковыми являются и поныне. Обращаясь к итальянцам (испанцам, немцам и др.), В. Соловьев отмечает, что «вот эта славная народность оказывается на деле лишь особою формой всемирного содержания, живущего в *ней*, наполняющегося *им* и воплощающего его не для себя только, а для *всех*»².

Чем значительнее национальные духовные достижения, тем более они «осуществляют в себе идеал всечеловечества». Национальные по духу Достоевский и Толстой, выразившие духовные искания и страдания русских, стали всемирно признанными, точно

так же, как Петрарка и Леонардо да Винчи. В. Соловьев приходит к выводу, что все нации в период своего расцвета «утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, *сверхнародном*... осуществляли в своем творчестве — национальном по источнику и способу выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам»³.

Что служит объединяющим началом для национального взаимодействия? Таковым может выступать лишь деятельность, направленная на духовное созидание. «Национально-универсальная идея может искажаться отдельными историческими представителями, но “дурное понимание” проходит, а идея остается и просветляется в новых, лучших своих проявлениях, если только она действительно коренится в душе народа»⁴. По этой причине В. Соловьев не приемлет нетерпимость националистов и по этой же причине не принимает космополитизм: «Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей... то прямой логический вывод отсюда есть тот, что *мы должны любить все народности, как свою собственную*»⁵.

В основе терпеливости по отношению к другим народам и их культурам лежит в конечном счете общее для всех духовное родство, «этическое равенство», чувство этической любви, так как истинное благо «едино и нераздельно» (Соловьев). С помощью нравственной воли возможно преодолеть бессмысленную национальную вражду, но при этом за своим народом остается первенство «исходной точки». Для В. Соловьева терпеливость — нравственный феномен, требующий от личности серьезных духовных усилий по его реализации. В этом случае терпеливость опирается на значительно более глубокие и устойчивые основания, чем этика закона, которая является весьма важным и необходимым, но все же в первую очередь навязанным законом. Причем В. Соловьев реализацию этого феномена в большей степени связывает с христианством.

И. В. Малыгина⁶

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМОМ

Романтическая идея мультикультурализма стала одним из величайших разочарований современности.

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 365–366.

² Там же. С. 369.

³ Там же. С. 376.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 378.

⁶ Директор Института культурологии и музеологии Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Современные дискурсы этничности: методологический тупик или возможность примирения оппозиций?», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире», «Динамика российской идентичности», «Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей», «От “помнящей культуры” к “культуре забывания”»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

Однако само понятие, как это нередко случается, укоренившись в социально-гуманитарном дискурсе, постепенно обретает новые смыслы и значения, освобождаясь от жесткой привязки к политике и практике социально-культурной адаптации мигрантских сообществ. Все чаще понятие мультикультурализма используется как смысловой эквивалент многокультурности и культурного плюрализма. В данном контексте тема мультикультурализма не утрачивает своей актуальности, поскольку вопреки прогнозам глобализации культурного пространства и культурной унификации культурное многообразие современного мира не только не уменьшается, но становится все более сложным и выразительным.

«От “помнящей культуры” к “культуре забывания”»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

Для России, исторически отличавшейся территориальной протяженностью, климатическим и ландшафтным разнообразием, различиями в типах хозяйствования и народных промыслов, этноконфессиональным и ментальным разнообразием, идея мультикультурализма является ментально непротиворечивой. Более того, в ситуации современных социально-политических трансформаций она становится объяснительным принципом динамики культурных оснований российской идентичности.

Специфика вхождения России в глобальное пространство, сложности этнокультурного самоопределения составляющих ее народов, мировоззренческий вакуум, в котором страна оказалась в последние десятилетия, а также отсутствие общенационального проекта, способного консолидировать российский социум как политическую и культурную общность, заставили говорить о *кризисе* российской идентичности.

Кризис этнокультурной идентичности с полным основанием можно рассматривать как общемировой тренд современности, однако в России он обрел специфические черты и особую остроту, что обусловлено своеобразием культурно-исторического и социально-политического развития страны. Формирование общенациональной российской культуры, а соответственно и национальной формы идентичности в России произошло достаточно поздно, не ранее конца XVIII — середины XIX века. Вплоть до конца имперского периода она не имела сколько-нибудь важного значения для населения по сравнению с иными основаниями и формами социально-групповой солидарности, такими как кровно-родственная, локальная (волостная), конфессиональная, сословная и др.¹

Советский период отечественной истории также не способствовал формированию собственно российской национальной идентичности, поскольку у народов, населяющих Россию (в том числе русского), на протяжении десятилетий доминировало осознание принадлежности к многонациональной общности «советский народ», в то время как самоидентификат «россиянин» был практически не востребован. Это обстоятельство вносит особый драматизм в российский сценарий кризиса идентичности, проявившегося на фоне не просто ослабления авторитета национального государства, а разрушения и поражения такой супердержавы, каким был Советский Союз, и последовавшего за этим «парада суверенитетов», причем не только бывших советских республик, но и народов, населяющих Россию.

Формирование идентичности новой России было адекватным социальным и экономическим вызовам постсоветской эпохи: расслоение общества по экономическому признаку, формирование на рухлом этнокультурном фоне «культуры бедных» и «культуры богатых», поколенческий разрыв, проявившийся в заметной деформации традиционной системы ценностей, — все эти процессы с неизбежностью стимулировали процессы дифференциации общества и фрагментации идентичности россиян.

¹ См.: Шитлов А. В. О времени и факторах становления национальной идентичности в России // Русская словесность в поисках национальной идеи: материалы Междунар. науч. симпози. Волгоград, 2007. С. 167–170.

К перечисленным обстоятельствам осталось добавить распад ценностно-смыслового ядра отечественной культуры, обусловленный тем, что в течение XX века в России трижды происходила радикальная смена оснований социальной солидарности и единства: от системы ценностей, основанной на идеалах православия, к идеалам и ценностям коммунистической идеологии и затем — к эфемерным принципам свободы и демократии. В условиях отсутствия национальной идеи, концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства, но при наличии гласности и свободы слова эти новые для России идеалы, предложенные властью реформаторов, обрели формы культурного плюрализма и нравственного релятивизма, указывающие на глубокий мировоззренческий кризис в обществе, на отсутствие единого культурно-символического кода, а соответственно и на отсутствие культурных оснований социальной консолидации и идентичности. Таким образом, мультикультурность и культурный плюрализм, который по оценкам некоторых экспертов является стимулом для развития либеральной государственности и толерантности в странах Европы, в России стали дополнительными факторами реакции распада в обществе², а соответственно и кризиса идентичности, под которым следует понимать ее сложные структурные трансформации. Суть этих трансформаций — в изменении доминирующих оснований в структуре этнокультурной идентичности, результатом которого становится усложнение ее контуров и расширение границ.

Стремление к обретению новой этнокультурной идентичности оформилось в российском обществе в две определяющие данный процесс тенденции, по существу совпадающие с общемировыми процессами: с одной стороны, в сторону расширения ее границ и формирования нового транснационального (цивилизационного) уровня в ее структуре; а с другой — в сторону локализации границ и актуализации локальных, партикулярных оснований идентичности. На российской «почве» эти тенденции развиваются, по существу, в русле традиционного для отечественной культуры и самосознания противоречия между желанием утвердиться как органичной части западной (точнее, западноевропейской) цивилизации, с одной стороны, и стремлением обосновать преимущество и самобытность российского пути и российской культуры — с другой.

Анализируя первую тенденцию, важно учитывать, что опыт вхождения России в глобальное пространство уникален, отличен от большинства западных стран. Для нашей страны этот процесс не был поступательным и органичным: после окончания холодной войны и падения железного занавеса Россия, переставшая быть мощным единым государством, в новом государственном статусе оказалась «вброшенной» в глобализирующееся мировое пространство, где ей только еще предстоит осознать свой новый статус, сформировать новый образ и обрести новую цивилизационную и геополитическую идентичность.

² См.: Ахиезер А. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). С. 68–73.

Сложности цивилизационного самоопределения России стимулировали актуализацию партикулярных оснований идентичности. Как свидетельствуют процессы, разворачивающиеся во всем мире, глобализация культурного пространства сопровождается «этническим ренессансом» и актуализацией этнических идентичностей. В России эта тенденция также обрела специфические черты. С одной стороны, это гипертрофированная центростремительность процессов денационализации и этнизации российских народов, которая проявилась в заметной активизации этнического самосознания и резком увеличении числа этнических общностей, зафиксированном в ходе последних переписей населения. С другой стороны, время показало, что подобный всплеск этнического самосознания не принес желаемого результата, поскольку был обусловлен не столько возвратом к базовым культурным ценностям этнических сообществ, сколько желанием народов как можно скорее установить границы, отгородиться друг от друга. Это связано с тем, что данные процессы были в значительной степени инициированы этнонациональными элитами, что позволяет говорить о чрезмерной идеологичности российской версии «этнического ренессанса».

Сложности этнического самоопределения стимулировали общество к поиску новых идентификационных и консолидирующих оснований. В последнее десятилетие довольно отчетливо обозначились новые актуальные формы культурной идентичности — региональные, локальные, местные, — формируемые в контексте ценностно-символического пространства культурной среды региона, территориального (локального) образования. Культура локальных сообществ содержит в себе мощный идентификационный ресурс, сущность которого заключается в обеспечении индивида базовыми, фундаментальными культурными ориентирами, заложенными в социальном опыте его народа и основанными на местной традиции; в реализации важнейшей потребности человека в укорененности и принадлежности к традиции через сознание и сакральное переживание единства с некой значимой для него общностью («и я этой силы частица»); в обеспечении индивидов самобытными образами идентичности, этнически окрашенными способами манифестации уникальности и самобытности культуры, от имени которой он выступает, что в условиях глобализации и стандартизации культуры равнозначно заявлению «я — есть!»

Ф. Т. Мамедов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И БУДУЩЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

История мировой культуры и цивилизации убедительно показывает, что успешное и безопасное человеческое развитие требует внимания к перманентному развитию духовной культуры людей во всем мире. Прогрессивные люди рассматривают духовную культуру как путь спасения от деструктивных процессов техногенной цивилизации, фактор стабильности и гармоничного развития, инструмент взаимопонимания, взаимобогащения и сотрудничества народов.

Формирование культуры — это исторический процесс, который сопровождается постоянными изменениями в природе и обществе. В силу этого стандарты, нормы, ценности, символы культуры следует рассматривать как категории переменные. Они могут меняться под влиянием конкретных условий, вызовов времени, логики самой жизни, диалектических изменений в природе и мировой цивилизации. Совершенство культуры определяется ее способностью удовлетворять потребности человека и создавать благоприятные условия для социальной реализации потенциальных способностей личности. Согласно модели идеального общества

А. Маслоу, применимой для разных стран и народов, развитие высокой культуры обусловлено «принципами человеческой гармонии, безопасности, возможности максимального развития способностей и самореализации через гуманистическое преобразование социальных институтов культуры и изменение сознания людей». Необходимость развития высокой духовной культуры требует того, чтобы политика отдельных государств, как и мировая политика в целом, становилась все более «культуроемкой». Важность понимания этой реальности очевидна на фоне кризиса нравственных ценностей, наблюдающегося в современном мире, что не может не беспокоить интеллигенцию разных стран, осуществляющую миссию созидания в целях устойчивого развития.

Влияние культуры на социальное поведение человека трудно переоценить. Одним из законов человеческого развития является то, что поведение человека меняется с изменением культуры (Лесли Уайт). Позитивное изменение действительности зависит от культуры мышления и понимания объективной реальности, идей, мыслей и действий различных людей. Для достижения взаимопонимания важно, кто и как интерпретирует факты, события, информацию, социальную ценность человека, ибо каждый слышит то, что понимает.

Культура человека обусловлена пятью основными факторами — это природно-географические условия, генетический код культуры, социальная среда, историческая обстановка и культурный обмен. Климатические условия способствуют формированию мышления, мировоззрения, убеждений, трудовых навыков, техно-

¹ Профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные Национальными премиями «Умай» и «Интеллект». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Главный редактор Международного культурологического журнала «Симург» (Вопросы истории и теории мировой культуры и цивилизации).

логий, обычаев, традиций, стандартов и норм жизнедеятельности, верований и поведения людей, адаптированных к конкретным условиям. Генетический код культуры — это врожденные культурные качества: информация, унаследованная от родителей на биологическом уровне, энергетика. Социальная среда — это образ жизни, традиции, этика, законы, политическая система, а также наука, искусство, религия, системы образования и воспитания, оказывающие влияние на культурную эволюцию человека и общества. Историческая обстановка — политические, экономические, социальные условия жизни, которые подвержены изменениям во времени и пространстве. Они открывают новые возможности для изменений в мировоззрении, укладе жизни и технологиях. Культурный обмен — это заимствование наиболее разумных и прогрессивных форм, технологий, идеологий и моделей жизнедеятельности, повышающих возможности развития, благосостояние и качество жизни людей.

Различия в культурах, во многом обусловленные влиянием названных факторов, нередко порождают трудности взаимопонимания между представителями разных народов. К ним следует отнести различия в обычаях и традициях, менталитете, культуре мышления, этических представлениях и поведении, разное понимание смысла одних и тех же терминов, слов, конструкций. Так, если в традиционных обществах обычаи «консервируют» мышление и поведение, то в новационных — наоборот, предания старины подвергаются тестированию на соответствие конкретным условиям жизни и требованиям времени. В индивидуалистских культурах, связанных с западной парадигмой мышления, люди убеждены, что они вправе делать все, что хотят, в рамках закона. В коллективистских культурах, обусловленных традициями восточного мышления, люди более склонны подчинять личные интересы и цели коллективным и ведут себя в соответствии с традиционными требованиями национальной этики. Таким образом, люди по-разному мыслят и воспринимают окружающий мир, в силу чего поведение, естественное для одной культуры, может совершенно иначе восприниматься представителями другой культуры, имеющей иные систему ценностей, традиции и социальный опыт.

Вместе с тем различные культуры имеют много общих национальных ценностей. Это любовь, дружба, труд, рождение детей, семья, праздники, трапеза, искусство, образование, этикет, спорт, религия и другие сферы человеческой жизнедеятельности, в которых воплощены естественные человеческие потребности, отношения и идеалы. Однако менталитет, традиционные формы, ритуалы, отражающие специфические особенности отдельных культур, порождают культурное многообразие и самобытность, в силу чего поведение, естественное для одной культуры, может считаться неэтичным в другой. Поэтому для безопасного развития, достижения взаимоуважения, солидарности и сотрудничества между представителями разных культур необходима их гармонизация на основе базовых универсальных культурных ценностей, присущих всем людям. Путь к решению этой проблемы — после-

довательный стратегический переход от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo cultural*, обладающему необходимым уровнем знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, а также высокой степенью идентичности, взаимопонимания, согласования интересов и мотивации.

Эффективный диалог культур требует понимания и изучения факторов и механизмов влияния культуры на социальное поведение людей. Большое значение для общения представителей разных культур как в полиэтническом обществе, так и в международных отношениях имеет «язык культуры», в котором воплощены определенные символы, жесты и слова, способствующие или правильному пониманию, или искажению действительности в разных культурах. Знание «языков культуры», обычаев и традиций той или иной культуры — ключ к пониманию менталитета и мотивов поведения людей, а следовательно, к эффективному взаимодействию людей и народов.

Для развития диалога культур важное значение имеет культурология. Трудно переоценить ее роль в утверждении культуры мира и социально-культурном развитии людей. Культурология — это наука о созидательной человеческой жизнедеятельности, раскрывающая ее сущность, особенности, историю, достижения, законы развития, технологии и преобразовательные возможности. Она позволяет понимать культуру как исторически меняющуюся реальность, использовать методологию и исследовательские методы, обеспечивающие системный и ситуационный анализ, а также правильно интерпретировать явления, события и процессы человеческой жизнедеятельности. Эта синтетическая наука служит универсальным методологическим ключом к решению политических, социальных, экономических, экологических, международных, этических, правовых и иных проблем человеческого развития, а также к эффективному преодолению кризисов. Академик А. С. Запесоцкий подчеркивает, что «в последнее время черты культурологии все в большей степени приобретает юридическая наука. Большинство нобелевских премий последних лет в области экономики присуждены за работы, содержащие явно выраженные культурологические акценты».

Теоретический и методологический инструментарий культурологии позволяет раскрыть глубинные пласты человеческой культуры, выявлять общее и различное в разных культурах, наиболее оптимальные пути и подходы к успешной стратегической коммуникации между людьми как в одной культуре, так и в полиэтнической общности мировой культуры и цивилизации. Культурология способствует не только обогащению человека знанием выработанных человечеством исторических достижений, но и правильному пониманию сущности, особенностей, законов развития, технологий и новых возможностей духовной культуры как средства и цели человеческого развития. Она вырабатывает различные целевые установки — от культуры личности, семьи, межличностных и международных отношений до культуры общества, государственности, политической и управленческой культуры. Благодаря этому изучение и разумное творческое использование фунда-

ментальных достижений культурологии способствует лучшему пониманию человеческой природы, законов развития человеческого общества, характеров и поведения людей, прогнозированию будущего и открытию новых возможностей для человеческого счастья.

Стратегическое значение культурологии для развития человеческого капитала и эффективного управления обусловлено тем, что она дает возможность наилучшим образом:

— способствовать на основе гармонизации культур и интересов продуктивному диалогу цивилизаций и международному сотрудничеству государств с различным общественно-политическим устройством;

— осуществлять верифицированную оценку состояния и перспектив духовной культуры с точки зрения ее преобразовательных возможностей, соответствия потребностям развития людей и конструирования надежного будущего;

— вырабатывать и совершенствовать стратегические и тактические цели, направления и приоритеты человеческого, социального, государственного и международного развития, обеспечивать эффективную координацию различных направлений жизнедеятельности общества и государства;

— создавать на основе исторического опыта и сравнительного анализа процессов мировой цивилизации модели и технологии конкурентоспособного развития национальных государств, обеспечивающие опережающие темпы их развития, высокое качество труда и производимой продукции;

— осуществлять подготовку, переподготовку и воспитание высококвалифицированных специалистов

и научных кадров с универсальными культурологическими знаниями для различных областей государственного строительства и управления, а также культурологическое просвещение различных категорий населения.

Основываясь на неуклонном возрастании роли культурологии в развитии человечества и диалоге культур, необходимо способствовать тому, чтобы в социальной и личной жизни граждан *культурологическое мышление, знания и методологические подходы* стали новой культурной традицией. Всестороннее развитие культурологии позволит непрерывно повышать культурный уровень людей и качество их жизни, культуру принимаемых решений с учетом изменяющихся человеческих и национальных потребностей.

Незаменимое научное, методологическое и практическое значение культурологии для межкультурного диалога, развития человеческого капитала, подготовки личностей и лидеров, решения стратегических проблем государства в условиях перманентных диалектических изменений делает необходимым опережающее развитие этой науки в условиях глобализации.

Вызовы глобализации требуют от интеллигенции, ученых и специалистов, политиков, дипломатов и общественных деятелей разных стран не только знания исторических достижений отечественной и мировой культуры, понимания законов человеческого развития и совершенствования технологий жизнедеятельности, но и перманентного развития диалога культур, солидарности и сотрудничества в целях конструирования будущего человечества.

А. А. Маршак¹

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (Опыт социологического осмысления)

Рассматривая своеобразие и особенности мультикультурализма в современной России, необходимо исходить из того, что наша страна, как никакие общественные системы, самодостаточна. В России есть все для того, чтобы занять передовые позиции в современном цивилизованном обществе, в обществе глобальных потрясений, великих культурных сдвигов. Следует отметить, что, хотя Россия имеет серьезное самостоятельное значение как государство, социальное сообщество, культурный феномен, вместе с тем она неотделима от общемировой цивилизации, является неоспоримой частью цивилизованного мира. Без российского контекста, особенно ее культуры, современный мир не

может быть представлен как часть общего мироздания и миропорядка.

Однако российская культура, как и культуры других стран, не перестает сохранять свое своеобразие. Своеобразные черты, обуславливающие состояние российской культуры, имеют объективные социокультурные основы. Первой из них является историческое наследие, связанное с геополитическим пространством, которое диктует историческую склонность к сепаратизму и расколу в идейно-политических взглядах и позициях. Российское общество традиционно, по существу с эпохи Петра I, делится на западников и славянофилов, привнося тем самым своеобразие в понимание и формы государственного устройства, и культурной основы страны. Надо заметить, что эта главная дуалистичность влияет на культуру и культурное поведение граждан России на протяжении всей ее многолетней истории. Сама конструкция российской культуры дуалистична и включает как достижения лучших образцов западноевропейской мысли (аскетизм, свободомыслие, фундаментальность творческого мышления и т. п.), так и образчики азиатских форм культуры (мо-

¹ Главный научный сотрудник Сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, ряда учебников и учебных пособий: «Социокультурная динамика в современном российском обществе», «Социология», «Общая социология», «Социология культуры», «Молодежь и культура села», «Становление социально активной личности», «Социальные проблемы культурного развития современной молодежи», «Социология культурно-духовной сферы», «Культурология» и др. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

нументальность, стремление к роскоши, глубину обобщений и т. п.). Одновременно такая организация культуры обеспечивала социокультурную интеграцию реальности и способствовала формированию своеобразной культуры, которая была неотделима от государства и стояла на службе его интересов.

Что же представляет в этих условиях современная российская культура и как она трансформируется в соответствии с запросами жизни?

С начала 2000 года в российской культуре ярко заявил о себе культурный слой так называемых традиционалистов (А. Гофман¹). Это слой населения, носящий по культуре советского периода, который включает представителей почти всех социально-демографических групп жителей России. Сегодня их особый интерес подкрепляется средствами массовой информации, а также рядом серьезных исследований историков и культурологов². Подобное направление в культуре современной России не без основания следует связывать с наличием в обществе кризиса исторической памяти, порожденного отсутствием государственной идеологии и цензуры. Это привело к тому, что появились работы, произвольно, недокументированно трактующие историю культуры советского периода. Произошли фактический отказ от истории, ее фальсификация. В условиях безвременья, кризиса 1990-х годов, развала системы образования стали появляться идеи, имеющие произвольное толкование нашего исторического и культурного прошлого. Но российский культурный менталитет не был окончательно подорван, интерес к будущему не пропал. Он принял специфические формы обращения к прошлому и через его освоение познает настоящее и будущее.

Характерный пример. В год 65-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией был проведен экспресс-опрос студентов ряда вузов Москвы³. При крайне низком уровне чтения книг (по последним данным, 60 % населения вообще ничего не читает, а 80 % не посещают библиотеки) была выявлена тенденция роста интереса к мемуарной литературе отечественных военачальников периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Объем внимания к этой литературе достигал 80,1 % от общего числа прочитанных изданий. При этом большая часть респондентов (76,8 %) отметила, что они обратились к данной литературе с целью разобраться с действительным положением дел во время войны, выявления настоящей роли Красной армии и Советского Союза в победе над фашистами.

¹ Гофман А. Б. От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008. С. 11.

² Глебова И. И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006; Левада Ю. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 6 (62). Ноябрь-декабрь; Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.

Кроме того, можно указать на ряд телевизионных шоу, имеющих значительную популярность: музыкальные — «Достояние республики», «Две звезды» — и политические с участием Сванидзе и Кургияна («Суд времени»).

³ Репрезентативная выборка 750 студентов-выпускников.

Таким образом, можно констатировать, что наличие «традиционалистского» направления в российской культуре не носит случайного характера, а есть результат пробуждения культурного самосознания российского народа, ответ на возрождение культурно-исторической памяти.

Другой культурный слой, во многом противостоящий приверженцам традиционализма в культуре, составляют носители либеральных взглядов. Русский либерализм имеет длительную историю, которая выдвинула из своей среды много замечательных людей, борцов за прогресс и светлое будущее. К российским либералам можно причислить А. Н. Радищева, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского. Российская культура воспитала плеяду замечательных мыслителей-либералов из числа философов, ученых-естествоиспытателей. Либералы сыграли важную роль в крушении монархического мировоззрения в России, способствовали модернизации российского общественного сознания.

Но в России либерализм XIX века не имел серьезной социальной основы и поэтому, оставив свой заметный след в политике и культуре (многие произведения литературы XIX в. можно считать воплощением идей либерализма, весь Серебряный век — также образец русского либерализма), изжил себя. Долгое время воскрешение этих идей в советский период было невозможно.

Перестройка, начатая по инициативе М. С. Горбачева, свобода слова, политических взглядов дали возможность возродиться либерализму как идейному, культурному течению. Привлекательность либеральных взглядов, умение их лидеров пропагандировать свои идеи привели к тому, что на первом этапе существования постсоветской России деятели либерального толка захватили главенствующие посты. Властный ресурс позволил им не только сформировать управленческие структуры, но и оказать влияние на культуру.

Новая либеральная культура зиждется на коренной идее неолибералов о преимущественном влиянии рынка на все стороны общественного развития. В своей итоговой работе Е. Гайдар и А. Чубайс, опираясь на либеральные идеи экономистов А. Аганбегяна, Т. Заславской, С. Шаталина, Г. Попова, Н. Петракова, П. Бунича и других, отмечают, что «единственно верным путем развития был “рыночный социализм”, на стороне которого были симпатии большинства интеллигенции, определенный авторитет части партийных и правительственных кругов»⁴. Но молодые либерал-реформаторы, поддержанные Б. Н. Ельциным, пошли дальше и, проведя шоковые реформы, создали экономику рынка. Все эти перипетии не могли не сказаться на культуре, которая оказалась коммерциализированной. Тем самым был нарушен главный закон культурного развития — монетизация не должна затрагивать культуру, ее учреждения и тем более не может быть конечным результатом развития культуры. Здесь уместно привести остроумное замечание известного российского писателя, главного редактора «Литературной газеты» Ю. По-

⁴ Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. М., 2011. С. 35.

лякова: «Самоокупаемость культуры — это все равно что самоокучиваемость картофеля!» Впрочем, вся история культуры говорит о том, что магистральный путь ее развития связан с творчеством, а не с торгашеским подходом. Здесь кроется основное противоречие либеральной культуры.

Рынок не может быть идеалом общественного развития. Наоборот, это такой институт, где каждый старается обхитрить другого, где зло и лживость неизбежны, где всегда обманут. Поэтому рынок не может быть идеалом цивилизованного общества. Рынок отменяет принципы общежития, коллективную ответственность и чувство товарищества. На месте человеческой нравственности появляется «мораль профессионала», где каждый сам по себе, пусть даже он хорошо делает свое дело. Такому человекоуничтожающему, антигуманному принципу более всего соответствует массовая культура.

Современная массовая культура формируется и функционирует главным образом в городской среде. Это связано с тем, что именно в городах находят свое отражение последствия индустриализации, которые выражаются в городском образе жизни, большем объеме свободного времени, развитии СМИ (печатных, радио, телевидения), мест массовых развлечений. Традиционное времяпрепровождение объединяет людей и постепенно формирует социальную базу массовой культуры.

В этих условиях, когда негативные последствия массовой культуры проявляются наиболее рельефно, оказывая негативное влияние на общую культуру, необходимо противостоять именно следствиям, а не самой массовой культуре. Городской житель, имеющий больше соблазнов, опирается на свой культурный опыт, тем самым упорядочивает структуру потребностей и соответственно потребление культурных ценностей. Традиционная культура зачастую довлеет над состоянием духовности городского населения. Это не значит, что эта духовность имеет высоконравственный и морально устойчивый характер. Часто происходит обратное: именно город с его эрзац-ценностями, уродливой экономизацией культуры, давлением СМИ на человека формирует ущербную «китчевую» культуру.

В современных условиях информационного общества важны такие моральные категории, как эмоциональная культура личности, ее такт и этика поведения. Многие элементы культуры передаются из поколения в поколение, другие усваиваются на определенных этапах жизни, третьи отмирают вместе с изменениями, происходящими в социокультурной жизни. Каждая из культурных форм нравственного поведения зависит от проявления культурных различий, присущих жителям малых и больших городов, мужчинам и женщинам, молодежи и старикам, людям разных профессий, живущим в разных бытовых условиях.

Разумеется, новая либеральная культура по своему содержанию неоднородна, равно как и неоднороден либеральный слой нашего общества. «Главным трендом этой новой культуры, в которой слились гордость за “высокую” аристократическую культуру и “низкую”

народную, стал бурно развивающийся средний класс»¹. Кроме того, при характеристике этого вида культуры нужно учитывать социально-демографический аспект, существенно влияющий на культурные предпочтения этого слоя граждан².

Характеризуя поликультурализм в современной России, нельзя не остановиться на культурных особенностях все более активно проявляющегося консерватизма как идейно-политического и культурного течения. В общем смысле культурный консерватизм как определение состояния культуры заключается в поиске компромисса между новыми культурными смыслами, определяющими культурный динамизм, и сохранением патерналистской, консервативно-патриархальной, архаической культурой. Консервативное направление в культуре — ответ на распад традиционной, национальной культуры, наметившийся разрыв между культурным идеалом, сложившимся на протяжении многовековой российской истории, и тем уровнем культуры, который стал обыденным в условиях либерально-демократических преобразований. Если охарактеризовать этот тип культуры, то он противостоит модернизации в современной ее интерпретации, призывает к сохранению традиционно-архаической компоненты российского сознания³.

В своей книге профессор В. И. Добреньков справедливо замечает, что глобализация «делает неизбежными встречи культуры и религии»⁴. И сегодня в полной мере представить себе поликультурное пространство России без учета религиозной культуры невозможно. Популярность религиозной культуры в значительной степени связана с длительным отсутствием в стране легитимизации церкви и религии, а также государственной идеологии, с попытками возродить нравственные начала в повседневной жизни. Поскольку светская мораль и нравственность себя дискредитировали, их место заняли религиозные учения о нравственности. Это очень важно, особенно в условиях поликонфессиональной страны, где существуют различные религиозные течения.

Многолетние социологические замеры выявили главную тенденцию конфессиональных отношений — они занимают свою мировоззренческую нишу в социокультурной сфере жизни⁵.

¹ Тульчинский Г. Массовая культура виновата в нашем бескультурье // Новая газета. 2011. 2 нояб. № 123.

² См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крума, В. В. Петухова. М., 2011. С. 261–263.

³ Для подробного ознакомления с этим направлением общественной мысли, его историей в России и современным состоянием отсылаю читателя к следующим изданиям: Русское время: журнал консервативной мысли. 2009. Авг. № 1; Дугин А. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб., 2009; Добреньков В. И. Консерватизм — национальная идеология России // Добреньков В. И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М., 2011. С. 502–540.

Более подробно мы на культуре консерватизма не останавливаемся, так как российский консерватизм в ноябре 2009 года на съезде «Единой России» объявлен идеологией партии.

⁴ См.: Добреньков В. И. Указ. соч. С. 426.

⁵ См.: Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мчедлов. М., 2008. С. 123.

Рассматривая социальный институт религии, надо исходить из того, что религия прошла сложный путь — от отрицания светских культурных ценностей до принятия на себя роли гуманистического начала в современной жизни.

Разнообразие религиозных верований, исторические наслоения настолько усложнили это понятие, что дать общее представление о религии вряд ли возможно.

Религия — это не только вера в Бога, но и определенная деятельность и организация. Кроме того, это жизненная философия, допускающая существование чуда, но при этом не отрицающая социального опыта и знаний.

По данным исследований середины 1980-х — начала 1990-х годов, население относилось к церкви к тому виду общественных институтов, от которых оно ожидало защиты своих интересов наряду с армией и президентской властью.

По данным социологических исследований, заметно изменилось отношение к религии политических групп. Оно прошло эволюцию от резко негативного к лояльно позитивному. Большинство партий и движений России принимает религиозные убеждения как социальную данность и рассматривает религию как необходимое средство сохранения национального самосознания, развития демократии и идеологического плюрализма. Отдельные политические лидеры неоднократно высказывались в том духе, что помощь религии и церкви необходима в управлении государством.

Меняется социально-демографический состав верующих, много молодых пытается найти успокоение в лоне церкви, к религии обратилась интеллигенция. Экономические и социальные потрясения, которые обрушились на страну, привели в церковь широкие слои социально незащищенного населения.

Согласно социологической методологии представления о процессах, происходящих в религиозном сознании, в более полной мере можно представить, определив ядро основного противоречия. Применительно к российским условиям жизни таким ядром социального воздействия на религиозное сознание, основным фактором, влияющим на религиозность, выступает атеизм.

Атеистические взгляды в российском менталитете складывались в сложных условиях церковного гнета, подавления церковью свободы, что позднее широко использовалось атеизмом как идеологией государства. Атеизм в России воспринимался не как отрицание веры в Бога, ниспровержение религиозных идеалов, а как борьба против церковности и отрицание социальных функций религии.

Когда атеизм соединился с властью (это произошло после Революции 1917 г.), он стал воинствующим и из прагматической принял идеологическую форму контроля за всеми сферами публичной и частной жизни. Воинствующий характер атеизма проявился и в запрете отправлять религиозные культы, и в наказаниях за посещение церкви и соблюдение обрядности, и в разрушении церквей и храмов, и в преследованиях по соображениям свободы и совести. Над религией был установлен государственно-идеологический контроль, что приводило к конфликтам между церковью и обще-

ством, способствовало развитию скрытой религиозности и оппозиции церкви к государству.

Растиражированные средствами массовой информации образы маскультуры на фоне начавшихся социальных конфликтов, вызванных распадом экономических устоев общества, ростом безработицы, привели к переоценке отношения к религии: оно стало более взвешенным благодаря объективному восприятию роли религии как исторической, культурной и психологической ценности. Религии все больше отводится функция социального контроля. Нравственные начала православной религии, наиболее распространенной в России, основаны на общечеловеческих ценностях. С этих позиций церковь и пытается регулировать отношения в обществе.

Религиозная культура, занимая свое место в поликультурной системе отношений, в лице своих иерархов должна четко осознавать возможности своего общественного назначения. Религия вряд ли займет ведущее место в светском Российском государстве, а православие единолично не сможет привить обществу нравственные начала. Не существует других связей, кроме культурных, которые объединяли бы людей в духовном единстве. Помощь религии как важнейшего элемента культуры здесь неоченима. Но при этом нужно учитывать стратегическую роль религии в многоконфессиональной России. Опираясь на сокровищницу религиозной культуры, церковь призвана определить, должна ли Россия стать православным государством русского (православного) народа или плюралистическим (многоконфессиональным) демократическим государством всех граждан.

Подведем итоги. В культурной жизни страны сложились четыре устойчивых культурных слоя людей, которые в целом представляют регион российского мультикультуризма. Первый слой — это так называемые традиционалисты, которые генетически и организационно связаны с культурными ценностями, определявшими сущность советской культуры, ее лучшие художественные образцы, стимулы и ценности. Этот слой пополняется за счет ностальгирующей части публики и тех людей, которые разочаровываются в ценностях общества потребления, «новациях», чуждых их вкусам и интересам.

Второй слой — представители новых либеральных кругов из числа сторонников рыночных отношений, объявляющих рынок панацеей от всех бед. Эта группа населения, воспринимающая различные формы массовой культуры, считающая, что лидерские качества, которые позволяют ей осуществлять новации в экономике, распространяются и на лидирующие художественные вкусы и инновационные виды искусства, наиболее склонна к современному авангарду в искусстве, новым нетрадиционным формам в культуре.

Третий слой — консерваторы, стремящиеся сохранить лучшие образцы архаического как в политике, так и в духовной жизни. У представителей этого слоя много здравых идей, но они несколько отстают от потребностей современной культуры и не вписываются ни в глобализационные процессы, ни в общий контекст мировой цивилизации.

И наконец, четвертый слой — религиозная культура. Ее роль в формировании мультикультурализма в современной России весьма значима как по содержанию, ибо является неотъемлемой частью культурно-исторического процесса, так и по распространению, что определяется поликонфессиональным состоянием российского общества.

В силу неустойчивости мультикультурализма в России грани между этими культурными слоями весьма подвижны. Часто на практике можно наблюдать, как культурные ценности того или иного слоя переплетаются друг с другом, что делает наше общество в куль-

турном смысле монолитным и позволяет надеяться на нахождение магистрального пути развития культуры.

Разумеется, эти четыре культурных слоя не охватывают всех сторон нашей культуры. Сегодня существует определенное количество так называемых субкультур. Они включают разное количество представителей (свыше десяти человек), которые входят в различные профессиональные и демографические группы. Эти субкультуры чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и так же быстро исчезать. Но не учитывать их нельзя, поскольку они дают представление о полном поликультурного развития российского общества.

В. М. Межуев¹

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Принимая в целом идею диалога как наилучшего способа межкультурного общения, необходимо более внимательно разобраться в природе этого типа коммуникации. Здесь не все так ясно, как может показаться на первый взгляд. Что следует понимать под диалогом? Какой именно тип общения заслуживает такого названия? Любая ли культура приемлет диалог и готова к нему? И что вообще нужно сделать, чтобы такой диалог мог состояться? Не ставя перед собой задачи пересказа и комментирования всех существующих на этот счет мнений и суждений, попытаюсь изложить собственную точку зрения с учетом, разумеется, того, что уже сказано другими.

Если понимать под диалогом весь спектр взаимоотношений между людьми — от конфронтации до сотрудничества, — то проблемы просто нет. Во все времена они как-то сосуществовали и взаимодействовали друг с другом — вступали между собой в договоры и соглашения, обменивались товарами и дарами, занимались друг у друга полезные для себя изобретения и знания. Но можно ли все это назвать диалогом? Ведь до сих пор если он и происходил где-то, то только в пределах одной цивилизации, а именно западной. Сама идея диалога родилась на Западе, является западной идеей. Первыми о диалоге заговорили греки. Все известные мне концепции диалога (от М. Бубера до М. Бахтина и Ю. Хабермаса) ограничиваются, как правило, социальным и духовным горизонтом Запада, ибо только здесь существуют условия, необходимые для вступления в диалог. Что это за условия?

Главным среди них является отказ его участников от предварительного знания истины. Диалог возникает

ет в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека. Слова Сократа «я знаю только то, что ничего не знаю» формулируют исходное условие для вступления в диалог. Согласно тому же Сократу, истина рождается в споре. О том, что известно заранее, не спорят. Мудрецы и пророки Востока, которым истина была дарована свыше, не вступали между собой в диалог и потому легко уживались с тиранами и деспотами, отказывавшимися другим в праве на собственное мнение. Восточная мудрость, существовавшая в форме пророчества, откровения, боговдохновенного знания, если и нуждалась в диалоге, то только с Богом. И только греки поняли, что истина есть результат сложного и длительного процесса познания, требующего участия в нем разных людей. Никто в этом процессе не обладает монополией на истину. Любая претензия на нее может быть тут же оспорена и опровергнута противоположной стороной.

Собственно, это и стало причиной рождения философии. В отличие от мудреца философ не знаток истины, а ее друг, ищущий путь к ней в процессе взаимного обмена мнениями. В диалоге все равны перед истиной. Он не терпит никакой иерархии званий, положений и авторитетов. Даже диалог учителя с учеником предстает в форме не поучения, наставления или назидания, а доказательного разговора, обсуждения, беседы, получившей название сократического диалога. Отсюда другое условие диалога — наличие свободных людей, способных мыслить самостоятельно, посредством своей, а не чужой головы.

Диалог вместе с тем — не просто обмен словами, но такой, который принимает форму систематически развернутого, доказательного рассуждения. Он предполагает общение рационально мыслящих людей, ставящих своей целью поиск истины, которая им неведома, но существование которой не вызывает у них сомнения. Отказ от поиска истины также лишает диалог всякого смысла.

В любом случае диалог есть общение людей, живущих в ситуации свободы. Только для свободных людей диалог становится нормой их социальной и духовной жизни. Сама форма диалогического мышления возникла в период существования греческого полиса —

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций; в т. ч. книг: «История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования», «Современное знание о культуре», «Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему», «Культура и история (проблема культуры в философско-исторической теории марксизма)», «Идея культуры. Очерки по философии культуры», «Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика» и др., учебных изданий: «История культурологии», «Философия культуры. Эпоха классики», статей по философии культуры и философии истории; философии политики. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ.

первой и самой ранней формы демократии. Как пишет исследователь древнегреческой мысли Ж.-П. Вернан, в полисе «знания, нравственные ценности, техника мышления выносятся на площадь, подвергаются критике и оспариванию. Как залог власти, они не являются более тайной фамильных традиций; их обнародование влечет за собой различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры. Отныне дискуссия, аргументация, полемика становятся правилами как интеллектуальной, так и политической игры. Постоянный контроль со стороны общества осуществляется как над творениями духа, так и над государственными учреждениями. В противоположность абсолютной власти царя закон полиса требует, чтобы и те, и другие в равной степени подлежали “отчетности”... Законы больше не навязываются силой личного или религиозного авторитета: они должны доказать свою правильность с помощью диалектической аргументации»¹. Истина перестала быть монополией религиозных сект и особой касты мудрецов. «А это значит, что в поиске истины могут участвовать все и что она, как и политические вопросы, подлежит всеобщему обсуждению»².

Поскольку диалог не просто досужий разговор на любую тему, а путь к истине, он подчиняется определенным правилам и законам мышления, которые способны привести дискутирующие стороны к обоюдному согласию. Нельзя достигнуть согласия, если в слова и понятия вкладывается разный смысл, если люди противоречат сами себе, не способны обосновать защищаемый ими тезис. Правильность мышления и речи обеспечивается логикой — формальной и диалектической. Не входя здесь в обсуждение вопроса о различии между ними, отметим, что диалектика, несомненно, родилась из потребности ведения диалога, позволяющего согласовывать взаимоисключающие позиции. Для Платона и Аристотеля умение вести диалог, принимать участие в обсуждении намного важнее полученных при этом результатов. А искусство вести диалог и есть диалектика.

Недостаток диалектики состоит, однако, в том, что, будучи ориентирована на получение какого-то конечного знания (у Гегеля оно получило название даже абсолютного), она снимает первоначальную оппозицию тезиса и антитезиса в некотором заключительном синтезе. В итоге диалектика оказывается логикой тождества, равенства разума с самим собой, исключающего возможность дальнейшего существования оппонированных друг другу субъектов. Такая логика приводит к утрате отдельным индивидом статуса самостоятельно мыслящего субъекта, к его растворению в безличном сверхиндивидуальном разуме и, следовательно, к невозможности дальнейшего ведения диалога. Логика в любом случае предполагает наличие трансцендентального или абсолютного субъекта, диктующего частным индивидам всеобщие и обязательные для них правила и законы мышления³. Диалог в итоге превра-

щается в монолог возвышающегося над всеми субъекта, лишенного каких-либо индивидуальных отличий и характеристик.

Хотя в художественном произведении диалогом называется любой вид словесного общения между его персонажами, автор этого произведения не обязательно мыслит диалогически (в отличие, например, от Достоевского в его интерпретации М. М. Бахтиным). Диалог есть общение не просто «говорящих голов», но именно «разнородных субъектов», придерживающихся разных взглядов и мнений. Мнений много, а истина одна. Диалог и есть способ согласования частных мнений по поводу того, что считать истиной. Но как сделать так, чтобы согласие сохраняло индивидуальное своеобразие каждого из участников диалога в случае, если они представляют разные культуры? Ведь у каждой культуры своя логика, не сводимая к другой.

Попытку сочетать идею диалога культур, идущую от М. М. Бахтина, с диалектикой Гегеля предпринял в свое время В. С. Библер, предложив переименовать диалектику в диалогистику⁴. «Диалогика — логика диалога двух и более логик». Если диалектика «предполагает развитие *одной*, данной логики — самоотжествленной», то диалогика есть «общение логики и логики», не совпадающих одна с другой, выходящих на «грань с другой логикой, с другой всеобщей культурой»⁵. Диалектика — это логика диалога, диалогика — диалог разных логик. Если Бахтин, от которого отталкивался Библер, в вопросе о диалоге культур мыслил, по мнению последнего, в русле все же одной логики, а именно новоевропейской, отдавая тем самым дань монологизму, то для Библиера любая логика существует в ситуации самоотрицания, перехода в какую-то иную логику, уже известную или еще неизвестную.

Диалогу культур Библер придал характер совершающейся на наших глазах драмы, перенес ее внутрь культуры XX века. Все мы — участники этой драмы. Культура — это то, что происходит с нами сейчас, способ нашего собственного бытия, который может быть только диалогом со всеми, кто был до нас. Нельзя включиться в диалог, не будучи «самодетерминирующимся» существом, личностью, способной в процессе самоуглубленной рефлексии перерешить свою судьбу, взглянуть на себя другими глазами (глазами других), создав в результате новый мир, новое бытие. Комментируя эту позицию, С. Неретина и А. Огурцов пишут: «Наше время, как подчеркивает и определяет Библер, есть время переориентации разума с идеи

Гуссерля, с ее допущением “единого, гомогенного субъекта знания и познания”, противостоит диалогическая философия, представленная в начале XX века М. Бубером и Ф. Эбнером, в России — А. Майером и М. М. Бахтиным и нашедшая свое продолжение в философии диалога культур В. С. Библиера и теории коммуникативного действия и разума Ю. Хабермаса и К. О. Апелья. В отличие от трансцендентальной философии диалогическая философия исходит из разнородности и множественности субъектов познания» (Огурцов А. П. Культура как диалог // История культурологии: учебник для системы послевузовского профессионального образования / под ред. А. П. Огурцова. М.: Гардарики, 2006. С. 318).

⁴ См.: Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991.

⁵ Библер В. С. Диалектика и диалогика // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. М., 1998. Вып. 3. С. 14–15.

¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 70–71.

² Там же.

³ Как отмечает автор главы «Культура как диалог» в книге «История культурологии» А. П. Огурцов, «трансцендентальной философии, включающей в себя неокантианство, символическую философию Э. Кассирера, трансцендентальную феноменологию

понимания мира как предмета познания (идея Нового времени) на идею взаимопонимания, которая может быть действенной лишь при условии самоуглубления индивида, полностью преобразующего все его бытие, его мышление, его логику, его этику»¹.

В своих работах В. С. Библер поставил вопрос о необходимости преобразования классической логики разума («логики культуры»), ограниченной преимущественно сферой познания и получившей завершенное выражение в «Науке логики» Гегеля, в логику общения разных культур («культуру логики»), как они предстают в их «произведениях». Мы живем в мире не познанного, а произведенного бытия, причем произведенного по разным, не совпадающим друг с другом логическим основаниям. Бытие человека есть не то, что создано им раз и навсегда, но что постоянно пересоздается человеком в ходе его общения с произведениями разных времен и народов, с их творцами и героями. Это и есть мир культуры, не подпадающий под действие какой-то одной логики. Так, логика постмодерна — не логика эпохи модерна. Если последняя одержима пафосом *обобщения*, подведения всего и всех под общий знаменатель, то вторая — пафосом *общения* разнородных, разнокачественных миров и смыслов, ставящих индивида перед необходимостью собственного свободного выбора. В напряженном противостоянии логики познания и логики общения — вся драма современной истории. Как она может разрешиться? На этот вопрос, как считает Библер, нет пока окончательного ответа, он лишь провоцирует на поиск такого решения.

Другим направлением в разработке проблемы диалога стала герменевтика, которую трактуют обычно как искусство понимания в противоположность логике объяснения. В герменевтике диалог предстает в качестве не логической, а психологической процедуры, позволяющей сохранять индивидуальные особенности участвующих в этом диалоге субъектов. Диалог в его герменевтической интерпретации сводится к пониманию других, к умению слышать и истолковывать то, что они говорят, вникать в смысл и значение чужих слов, действий и мыслей. Но и герменевтика не смогла решить до конца проблему диалога, вывести его за пределы «герменевтического круга», когда одно отсылает к другому без надежды найти между ними хоть какое-то опосредующее и связующее звено.

Своеобразной попыткой истолкования герменевтики в качестве условия человеческой коммуникации стала теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Усилия немецкого философа направлены на поиск такой техники публичной дискуссии, которая приводила бы общественность к взаимопониманию и согласию по ключевым вопросам жизни. Этому противостоит постмодернистская концепция языковой коммуникации (сошлось на книгу Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»), согласно которой она состоит не в поиске согласия, а, наоборот, в подрыве всякой устоявшейся структуры, в искоренении любого «метаповествования», в расширении зоны «нестабильности» и «паралогизмов». Сам язык является здесь ареной схваток, войны

и противостояния, средством не объединения, а разъединения людей.

Как же все-таки понимать диалог? Люди всегда общались между собой посредством устной или письменной речи, однако, как уже говорилось, не всякая речь есть диалог. Диалог — не просто способность сообщать что-то другим о себе или, наоборот, выслушивать, что они сообщают о себе (то и другое есть разновидность монолога), но такая форма общения, которая подразумевает *разговор с другими о себе*, точнее, о том, что имеет к нам прямое отношение. Желая понять себя, разобраться в себе, мы ведь обращаемся не только к себе, но и к тем, кто жил до нас или живет рядом с нами. Диалог рождается из потребности увидеть себя таким, каким мы существуем не только в собственном воображении, но и в сознании других, то есть из стремления понять, что думают о нас другие. Коротко говоря, он возникает из потребности в *самосознании*, которое без посредства других оборачивается всего лишь самомнением, часто весьма предвзятым и потому ошибочным. По словам В. С. Библиера, «самосознание и есть “воззрение” на меня (на мое “Я”, а не на отдельные мои поступки и желания) с высот (или низин) бытия иных людей или вещей, причем бытия целостного и онтологически значимого»².

Во все времена зеркалом для человека служил другой человек. В отличие, однако, от обычного зеркала этот «другой» обладает сознанием и речью. Увидеть себя в этом зеркале можно, лишь внимательно вслушиваясь в чужую речь, пытаясь уловить в ней то, что имеет отношение к тебе. С этой точки зрения не всякое общение с другим является диалогом. Встречаясь с незнакомым человеком, мы обычно задаем себе вопрос «кто он?» и пытаемся дать на него собственный ответ. Подобную процедуру, в которой вопрошающий является субъектом, а тот, о ком вопрошают, — всего лишь объект, называют *объяснением*; она широко распространена в науках, имеющих дело с неодушевленными объектами. Но если другой наделен собственным сознанием и речью, ему можно задать вопрос «кто ты?», внимательно вслушиваясь в ответ. Это и есть герменевтическая процедура *понимания*, широко распространенная в гуманитарных и исторических науках. Здесь объектом является тот, кто задает вопрос, а субъектом — кто на него отвечает. Но и это еще не диалог в точном смысле этого слова. Последний начинается с обращенного к другому человеку вопроса «кто я?», продиктованного желанием посмотреть на себя со стороны, увидеть себя глазами другого. Данную процедуру Бахтин называл творческой герменевтикой, рождающей в процессе *интерпретации* высказанного или написанного другим текста новый смысл.

Спрашивая других о себе, индивид вступает с другими в *человеческое отношение*, ибо относиться к другим по-человечески — значит видеть в них свое отражение — не в смысле, конечно, простого подобия, копии, *повторения* себя, а в смысле своего *продолжения* и *дополнения*. Вне такого отношения индивид — всего лишь природное тело, но еще не общественное существо. Любое «я» существует при наличии других «я»,

¹ Неретина С., Огурцов А. Время культуры. СПб., 2000. С. 258.

² Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. С. 323.

причем каждый является «я» в той мере, в какой служит для других подтверждением их «я». Здесь каждый существует в качестве субъекта не сам по себе, а в отношении к другому. Отношение, в котором один уподобляется субъекту, а другой — объекту, не является человеческим отношением, а значит, и диалогом. В отличие от просто разговора диалог всегда есть диалог двух субъектов, в котором субъективность одного существует посредством не отрицания, а утверждения субъективности другого.

В этом смысле диалог несовместим с отношениями типа «субъект–объект». Любая объективация есть выпадение из диалога и, следовательно, из мира человеческих взаимоотношений. Все, что движется в логике объективации (овеществления, отчуждения), к диалогу не способно. Вещи — в виде природных или искусственных образований — в диалог не вступают, в него вступают только люди и лишь в качестве взаимно опосредующих друг друга субъектов. Поэтому правильнее говорить не о диалоге культур (или цивилизаций), а о диалоге людей, представляющих разные культуры.

Любая система отношений, получающая безличную форму объективированных экономических, политических или идеологических институтов, исключает из себя диалог. Человек предстает в них как объект управления и манипулирования со стороны разного рода властных структур, но не как самостоятельно мыслящий субъект. Даже обретая глобальный характер, подобная система предпочитает решать свои проблемы посредством не диалога между ее агентами, а их прямого подчинения отдаваемым сверху командам и распоряжениям. Но как в таком случае возможен диалог в современном — предельно рационализированном и институализированном — обществе?

Необходимость диалога часто выводят из образующего человечество многообразия видов — племен, народов, наций и цивилизаций. Но любое ли множество нуждается в диалоге? Растительный и животный мир также образован множеством видов, являет собой видовое многообразие, но никакого диалога там не наблюдается. Что же отличает человеческое множество от растительного и животного?

Таксономической единицей человеческого рода является все же не вид, а *индивид*. Только у индивида рождается сознание своей принадлежности не только к своему виду, но и к роду и, следовательно, возникает потребность в общении с представителями иного вида. Диалог тем самым — способ не межвидового, а *межиндивидуального* общения. Виды в диалог не вступают. Для вида все другие виды либо не существуют, либо воспринимаются как чуждые и даже враждебные ему. Поэтому то, что сегодня называют дружбой народов, — не совсем точное понятие. Дружат не народы, а люди, представляющие разные народы, но только в случае обретения ими своей индивидуальной идентичности, выводящей их за пределы своей этнической группы и позволяющей приобщиться к ценностям более высокого порядка.

Вот почему простая классификация культур по разным видам еще не содержит в себе вывода о возмож-

ности диалога между ними. Так, например, О. Шпенглер, создавший классификационную таблицу мировых культур, которые он уподобил живым организмам, исключил такую возможность, ограничившись констатацией существующих между ними сходств и различий. Да и вся антропологическая наука, работающая на материале дописьменных (этнических, или народных) культур, лишенных индивидуального авторства, являющихся продуктом коллективного творчества, ничего конкретного о происходящем между ними диалоге не сообщает.

Диалог возникает не по причине наличия разных культур, а в силу существования ее особого типа, в котором рождается сознание *общечеловеческого родства*. Подобное сознание отсутствовало на более ранних ступенях культурного развития, когда индивид еще не отличал себя от своего вида, полностью сливался с ним. Ведь люди не сразу догадались, что все они братья по разуму или чему-то еще. И только после того, как индивид осознал себя автономной личностью, свободной индивидуальностью, у него возникло сознание своей причастности ко всему человеческому роду, а значит, к людям иной крови, религии, культуры и даже расы. Сознание общечеловеческого родства и рождает потребность в диалоге, причем не только внутри своей культурной группы, но и с представителями других групп.

Цивилизация, чьим базовым принципом является свободная индивидуальность, превращает диалог в основную форму межчеловеческого общения. В этом смысле правильнее говорить не о диалоге цивилизаций, а о *цивилизации диалога*. Такая цивилизация, на мой взгляд, и заслуживает названия *универсальной цивилизации*, способной объединить людей в общемировом масштабе. Здесь каждый независимо от своего происхождения и места проживания обретает право включиться в диалог со всеми, в ком видит необходимое дополнение к своей собственной жизни. И чем больше диапазон этой жизни, тем шире круг участников диалога.

Универсальная цивилизация предполагает, таким образом, не ликвидацию разных культур, а свободный доступ к каждой из них со стороны тех, кто того пожелает. Она делает подвижными границы не между культурами, а между людьми, которые получают право свободно перемещаться из одного культурного пространства в другое, подобно тому, как мы сегодня переезжаем из одной местности в другую. Универсальность этой цивилизации состоит, следовательно, в том, что она связывает людей не какой-то одной общей для всех культурой, а правом каждого индивида свободно избирать свою культурную идентичность, его открытостью, толерантностью к самым разным культурам. Диалогические отношения — это всегда отношение равенства между культурами, в силу которого любая из них имеет шанс стать «моей культурой», а граница между тем, что я считаю своей культурой в отличие от чужой, обуславливается исключительно моим личным свободным выбором.

Но не является ли подобное предположение чистой утопией? Так уж повелось, что все положитель-

ное и внушающее надежду мы называем утопией. Сегодня мало кто сомневается в происходящей на наших глазах экономической и информационной глобализации. Она не всем нравится, но ведь никто не оспаривает реальность этого процесса. Почему же надо считать утопией ту модель глобализации, которая исходит не только из экономических, но и культурных оснований, понимает ее как состояние, при котором все люди планеты получают равные возможности в своем праве пользоваться плодами любой национальной культуры? Разве не очевидно, что развитие сегодня идет именно в этом направлении?

Многие современные исследователи у нас и за рубежом сходятся во мнении, что в ходе происходящей глобализации культура постепенно выходит за рамки национальных границ, перестает функционировать исключительно в национальной форме. Сошлюсь на два таких мнения. Одно из них принадлежит немецкому социологу У. Беку, согласно которому мы живем в мире, превратившем представление о замкнутых национальных пространствах в фикцию. В этом мире «ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга»¹. В таком обществе приходится заново переосмысливать «самоочевидности западной модели», ставить вопрос о том, как могут воспринимать себя в нем люди и культуры. Ведь глобализация действительно «имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет влетают в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»². Она ставит под сомнение важнейшее представление эпохи модерна, согласно которому общества после распада империй могут существовать только в границах национальных государств. Глобализация рушит эту связь, создавая между национально-государственными и транснациональными акторами и процессами новые взаимоотношения. В контексте происходящих перемен нельзя считать современной ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма или национализма отгораживается от мира, пытается изолировать от него, мыслит себя вне логики общемирового развития. В том же духе высказывается и наш отечественный философ В. С. Малахов — известный специалист в области национальных отношений. В своей книге «Государство в условиях глобализации» он пишет: «В современном обществе производство, распределение и потребление культурных продуктов все более решительно выходит за пределы национальных границ... Глобальному спросу соответствует глобальное предложение. Фирма-производитель того или иного культурного товара ориентируется на потребителя далеко за пределами государства, где находится ее штаб-квартира»³.

Глобализация отрицает не уже существующие и давно сложившиеся национальные культуры, а возможность дальнейшего развития культуры исключительно в национальной форме. В мире глобальных

трансформаций индивид, вовлеченный в транснациональные сети, уже не может замыкаться в границах только своей национальной культуры. В результате возникают новые локальные общности, которые разделены между собой по границам, не совпадающим с национальными. Они объединяют людей не по их национальной принадлежности, а по общности их культурных предпочтений, выходящей за рамки какой-то одной нации. Так, поклонники музыкальной попсы и классической музыки существуют во всем мире, образуя культурные общности, одновременно глобальные и локальные. Современные средства связи позволяют людям находить своих культурных единомышленников во всем мире, объединяться с ними по признаку не национального, а культурного родства. Глобализация, иными словами, создает не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их в зависимости от сделанного ими культурного выбора.

Для обозначения этого нового типа культурной общности был изобретен особый термин — «глокализация», образованный из слов «глобализация» и «локализация». В научный оборот его ввел английский социолог Роланд Робертсон с целью фиксации происходящих в глобальном мире двух взаимосвязанных процессов — гомогенизации и гетерогенизации. По своему смыслу данный термин направлен против тех концепций глобализации, которые исходят из логики становления унифицированной мировой системы транснациональных связей, включающей все различия и несходства. Под «мировой системой» в них понимается либо капиталистическая система, образцом для которой служат развитые страны Запада, прежде всего США, либо глобальные информационные сети, находящиеся под контролем наднациональных органов власти. Против унифицирующей направленности этих концепций и выступил ряд видных западных социологов, противопоставив им концепцию культурной глобализации, отрицающую возможность полного преодоления в глобализирующемся мире культурной разнородности. В плане культуры, по их мнению, глобализация не подавляет, а сохраняет и даже актуализирует ее локализацию, хотя не по национальным, а по каким-то иным признакам.

Глокализация, в отличие от экономической и социологической теории глобализации, пытается осмыслить этот процесс в понятиях теории культуры. Для теоретиков данного подхода главным следствием культурной глобализации является рождение новых локальностей, которые уже не совпадают с традиционными — местными, региональными, национальными, этническими и прочими — формами культурной самоидентификации людей. То, чему люди отдают предпочтение, порой значит для них больше, чем их национальные обычаи и привычки. Фирмы, реклама, торговые организации, работающие на массового потребителя во всем мире, менее всего озабочены национальным составом своих клиентов. И те, кому удастся выйти за рамки национальной клиентуры, выигрывают в конкуренции с другими. В ходе культурной глобализации национальные символы становятся элементом свободного общения людей в транснациональном масштабе. Глобализа-

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 206.

ция из всего состава национальной культуры отбирает только то, что стало ценностью для людей, представляющих самые разные культуры, что обрело в каком-то смысле значение общечеловеческой ценности. Культурный выбор, не ограниченный местными и региональными барьерами, становится главным условием включения индивида в глобальную культурную связь.

Право каждого на такой выбор, по нашему мнению, есть базовое условие существования культуры в глобальном масштабе. Только оно способно обеспечить культурное равенство людей в планетарном масштабе. Ни одна из существующих национальных культур не является образцом для других национальных культур, равно как не может считаться современной, будучи наглухо отгорожена от них. Глобализацией в сфере культуры следует считать, видимо, не возникновение какой-то одинаковой и обязательной для всех культуры, а такой способ ее функционирования, который позволяет каждому жителю планеты пользоваться благами и достижениями любой национальной культуры. В глобальном мире спрос на культуру не может быть ограничен никакими национальными барьерами и целиком диктуется личными пожеланиями, потребностями и запросами индивида.

Но как в таком случае должна строиться культурная политика современного государства в отношении собственной культуры? Своеобразной формой решения национальной проблемы в культуре стала пропагандируемая сегодня на Западе (особенно в США) политика мультикультурализма, целью которой является сохранение с помощью государства культурных особенностей и традиций малых этнических групп. Такая политика вызывает ответную критику со стороны тех, кто идею искусственного сохранения малых групп противопоставляет идею равного участия в публичной жизни всех членов общества, независимо от их этнической принадлежности. Это позволяет любой культуре на равных правах конкурировать с другими. Культурная идентичность в современном обществе, согласно такому подходу, должна строиться не на обязательных предписаниях, регламентирующих жизнь индивида в группе, а на его свободном культурном выборе. Такая свобода дает возможность постоянно реконструировать социальную реальность, изменять образующие ее смыслы, значения и цели. Социальный конструктивизм применительно к культуре, по мнению американского культуролога Сейлы Бенхабиб, означает, «что культура групп людей не является данностью, а фор-

мируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами; они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей»¹.

Но тогда движениям за сохранение традиционной — религиозной и любой другой — культурной идентичности, пытающимся «заморозить во времени и пространстве границы, разделяющие группы людей и культуры»², следует противопоставить демократически-эгалитарную политику, означающую не только сохранение культуры меньшинств посредством вмешательства государства, но и расширение демократического участия людей в процессе межкультурного диалога и общения. Подобное участие ведет к появлению новых культурных групп и их инкорпорированию в гражданское общество. «В отличие от мультикультуралиста, — пишет Бенхабиб, — теоретик демократического направления признает, что в зрелых обществах политическое инкорпорирование новых групп приведет, скорее, к гибридизации культурного наследия на обоих полюсах. Современные люди могут выбрать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушить их... Короче говоря, демократическое инкорпорирование и сохранение преемственности культур могут и не быть взаимоисключающими. Если все же выбирать между ними, то я поставила бы распространение демократического участия и равенство выше сохранения культурных особенностей»³.

Следует согласиться с тем, что демократия в сфере культуры — это прежде всего право человека на свободный выбор своей культурной идентичности, не нарушающий при этом свободы выбора других. В противоположность мультикультурализму с его искусственной консервацией образа жизни культурных меньшинств, культурная демократия дает каждому индивиду, а не только народу в целом право на свободное культурное самоопределение. Главное, чтобы реализация этого права диктовалась не соображениями ложно понятой этнической солидарности, идеологическим принуждением со стороны государства или определенной группы, а личным решением самого индивида. Никого нельзя заставить жить в той или иной культурной среде без его на то личного согласия. И сама культура, чем дальше, тем больше, будет развиваться в направлении уже не столько национальных, сколько индивидуальных различий и особенностей, питающихся культурными достижениями всех народов мира.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. XXXV.

² Там же.

³ Там же. LII–LIII.

Л. А. Меньшиков¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

Вопрос о соотношении мультикультурализма и постмодерна содержит несколько аспектов. С одной стороны, мультикультурализм — специфическая теория и практика культурных контактов, сложившаяся в ситуации постмодерна, адекватно отвечающая на запросы глобализирующего многополярного мира и основывающаяся на постмодернистской социальной теории. Но с другой стороны, многовариантность мультикультуралистской теории отражается в многовариантности содержания постмодернистской ситуации и тем самым приводит к новому осмыслению проблемы культурной целостности в современном мире.

Постмодернистская ситуация сложилась во многом в результате необходимости осознания культурного многообразия, с которым столкнулось человечество в середине XX века. Постмодернизм был способом осмысления многообразия как в социально-географическом, синхронном аспекте, так и в аспекте историческом, диахронном. В традиционной интерпретации второй аспект отражается как раз в постмодернистской теории, первый — в мультикультуралистской. И та и другая теории утверждают необходимость признания и сохранения культурного многообразия и необходимость недопущения его подавления.

В современной культурной практике сложилось несколько стратегий культурных контактов, все они могут быть объяснены с точки зрения постмодернистской теории. Первая стратегия — изоляционизм, в чистом виде невозможен в современном глобализированном мире, сейчас существуют лишь разнообразные эрзацы изоляционизма, связанные с использованием наследия изолированных национальных культур в контексте общества потребления. Сохранение национально-культурной целостности и культурной однородности того или иного общества может быть сегодня осуществлено только в форме своеобразного симулякра, выставочного образца, в капсулированном виде включенного в глобальный мир. Периодически раздаются разговоры о необходимости сохранения национальной самобытности, выражающиеся в ограничении миграции, уменьшении объема и насыщенности культурных контактов, но они носят характер политизированных акций, «спектаклей».

Более действенна в сегодняшних условиях вторая ограничительная стратегия — ассимиляционизм. Разнокультурные традиции сталкиваются сегодня ежедневно и, несмотря на постулируемое их равно-

правие, неизбежно вступают в конфликты. В рамках этих культурных конфликтов обязательно проявляется мера жизненной силы сталкивающихся традиций, одна из которых ассимилирует другую. Но в современных социально-политических условиях полная ассимиляция оказывается невозможной, ассимиляция осуществляется с сохранением влияния ассимилируемой традиции. Невозможна односторонняя ассимиляция, всегда происходит взаимное влияние взаимодействующих культур друг на друга, тем самым элементы их в рамках создаваемого единства все равно сохраняют некоторую культурную самобытность, поскольку функционируют в разных аспектах и жизненных ситуациях. По сути дела, такая модель ассимиляции может быть названа постмодернистской, поскольку она представляет собой коллажное соединение разнородных элементов культуры, которые лишь оказывают друг на друга влияние. Здесь открывается путь к мультикультуралистскому варианту культурных взаимодействий. Речь, по-видимому, должна идти не о принципиальном различии вариантов взаимодействия, а лишь о преобладании сохранения или ассимиляции.

Мультикультурализм может проявляться в двух вариантах — мягком и жестком. Мягкий мультикультурализм в наибольшей степени отражает реалии постмодернистского состояния культуры, при том что граница между ним и различными формами ассимиляции подвижна. Мягкий мультикультурализм выражается в толерантности, в допущении самостоятельного выбора того или иного культурного пути. Он делает акцент на сохранении своеобразия той или иной исторической, территориальной или социальной культурной традиции, при этом допуская смешение и ассимиляцию в том случае, если ее требует культурная конъюнктура. Потребности в культурном самоопределении и включении, возникающие в сознании любого индивида, социальной или культурной группы, играют здесь решающую роль для выбора пути культурного самоопределения. Желание и потребность, выражающие стремление к культурному самоопределению, предвещают тесную взаимосвязь мягкого мультикультурализма и постмодернистской теории. Она позволяет осуществлять любое кажущееся необходимым субъекту культуры комбинирование, переосмысление культурных смыслов, любое культурное творчество. Она открывает путь для сохранения культурного наследия и для новаторского переосмысления его в культуротворческом опыте. Наиболее удобным вариантом для совмещения этих двух аспектов культурных контактов становится именно постмодернистская модель творчества — комбинаторно-коллажная, которая представляет собой «рассыпающийся бисер мироощущений»².

Гораздо сложнее ситуация с жестким мультикультурализмом. Он имеет основополагающую установку, связанную с постулированием абсолютной ценности

¹ Заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Энциклопедии на границах эпох», «Тотальное искусство за порогом молчания», «Культура постмодерна», «История культуры как "вечное возвращение" стиля», «Новые традиции и постмодернистское искусство: о методологии изучения», «Современная философия в Европе и России», «Мессианизм в русской культуре серебряного века: Соловьев и Скрябин о роли искусства и художника», «Искусство "без границ" как новая форма креативности» и др.

² *Извеков А. И.* Проблема личности постмодерна. СПб., 2008. С. 74.

любой культурной идентичности, любой мало-мальски своеобразной традиции. Преднамеренное и последовательное сохранение инаковости означает в большинстве случаев серьезное к ней отношение — серьезное до назойливости, выражающееся в чрезмерном внимании к сохранению. Это лишает культурные контакты в рамках жесткого мультикультурализма присущей постмодернистской культуре легкости и свободы в области творческого отношения к культурному процессу и созидания новых ценностей на базе опыта контактирующих культур. Целенаправленное сохранение иной идентичности может быть осуществлено в рамках современного общества только в случае допущения определенной свободы в культурных контактах, что сводит жесткий мультикультурализм к мягкому.

Дальнейшая изоляция культурных традиций ведет к состояниям, неприемлемым в глобализованном мире, но постмодернистская культура способна включать их в свое тело, вводя в качестве фрагментов в единое, но мозаичное культурное поле современной цивилизации. Еще более жесткое ограничение контактов может выражаться в форме резерваций, апартеида, хомлендов, сегрегаций, гетто, фундаментализма. Культурологическое осмысление этих форм культурных контактов составляет значительную часть постмодернистской теории, но в политическом смысле становится отражением типичной для постмодерна темы катастрофизма современной цивилизации. Причиной катастрофического осмысления проблемы контактов служит несоответствие включения и участия в процессе взаимодействия культурных групп. Типично постмодернистской стратегией является включение, что об-

условливает востребованность жесткой ассимиляции и мягкого мультикультурализма в постмодернистской культуре, участие же в современном мире все чаще становится проблемой, это превращает «индивидуальное сознание... в совершенно беспомощное и легко подверженное жизненным случайностям»¹.

Постмодернизм рождает мультикультурализм как культурное явление. Современное общество принципиально многообразно, фрагментировано этнически, социально, культурно, поэтому постмодернистскому состоянию культуры соответствует мультикультуральное состояние общества, при этом осмысление этого состояния вполне может идти различными путями — от принципиальной фрагментации до постулирования культурного единства, пусть и осуществляемого по коллажному принципу. Как политико-идеологическое образование мультикультурализм не поддерживается постмодернистской теорией. В этом случае целенаправленное стремление сохранять равенство, многообразие и толерантность может вести к противоположным результатам, подобные «маски» мультикультурализма неоднократно оборачивались разнообразными политическими конфликтами. Наконец, как культурологическая теория мультикультурализм становится выражением постмодернистского отношения к идее многообразия культур и народов, к идее этнического своеобразия культур и тем самым представляет собой обновленную постмодернистскую интерпретацию культурно-исторических типологий. Во главу угла здесь становится идея мозаичности любого этноса в рамках постмодернистской культуры.

А. Н. Мосейко²

РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОПЫТЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В период современного мирового кризиса, охватившего и нашу страну, со всей остротой встает вопрос о возрождении и укреплении традиций исторического и культурного опыта России, существенной стороной которого является почти вековой опыт российского зарубежья.

В трудных условиях выживания в иных цивилизациях и культурах, неизбежно интегрируясь в среду стран проживания, русские эмигранты в своем повседневном бытии стремились сохранить русский язык, сберечь традиции русской культуры.

¹ Суворов Н. Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодерна. СПб., 2004. С. 323.

² Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования»; статей «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре», «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века», «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира» и др.

Русское рассеяние представляет собой явление глобальное, крайне сложное и многообразное, включающее социокультурные и социопсихологические, национально-этнические и религиозные, экономические и политические аспекты. Однако все аспекты являются составной частью сферы эмигрантской повседневности («мира повседневности», «жизненного мира», «культуры повседневности») как проявления пограничной культурной реальности, в которой разворачивалась обыденная жизнь эмигрантов из России.

Концепт «жизненный мир» предложил основатель феноменологии Э. Гуссерль. Его ученик А. Шютц определил сферу повседневности как мир человеческой непосредственности, чувствования, стремления, фантазирования, сомнения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. Он считал повседневность «верховой реальностью», ибо человек живет и трудится в ней по преимуществу и, проникая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Более того, повседнев-

ность является для человека «горизонтом» всех его целей, проектов, интересов¹.

В каждой культуре повседневности происходит постоянный внутренний диалог: личности с самой собой и с группой, диалог прошлого и настоящего, традиций и инноваций, отцов и детей, мужчин и женщин и т. д. И одновременно — диалог соприкасающихся повседневностей, который обнаруживается во всех повседневных формах жизнедеятельности: в особенностях жилища, формах трудовой деятельности, особенностях питания, приготовления пищи, одежде, стиле, характере досуга, проведения праздников, формах семьи, обычаях, ритуалах, нормах поведения.

Опыт повседневности русской эмиграции, прежде всего первой волны, сформировал невиданную трагическую культуру повседневности, в которой были смещены и сломаны все барьеры: сословные, профессиональные, имущественные, конфессиональные. Эта культура повседневности возникла на обломках прежних стабильных укладов, вобрав их нормы, традиции, обычаи, стили, усилив и обострив диалогичность повседневности.

В послереволюционный период эмигранты из России по прибытии расселялись в английских и французских лагерях беженцев: в Турции, на островах в Мраморном море, в Египте, Тунисе и т. д.

Администрация лагерей обеспечивала беженцев скудным питанием, убогим жильем — в палатках, бараках, свободой передвижения внутри лагеря, а остальное — дело беженцев. Именно они создают более человеческие условия, следят за чистотой, чинят свою одежду. Бедность уже никого не шокирует, к ней привыкли, она вошла в быт. Но главное — с первых недель пребывания в лагерях русских беженцев была организована культурная жизнь, прежде всего школа и церковь. «В лагере в Телль-эль-Кебире (Египет) русская церковь переделана из старого камышового сарайчика. Крыша из тростника, стены из рогожки, а вместо колокола висит на столбе кусок рельса, и гимназист-пономарь железной палкой “звонит” к вечерне. Не лучше и школа. Навес с камышовой крышей, дети ходят в школу босые, а преподаватели — кто в чем может. Но какие преподаватели!»² В полную силу проявляется способность русских беженцев в лагерной жизни осмысливать происходящее. Русский человек черпает силы в своей культуре, ищет способы самовыражения, ответы на общие мучительные вопросы. Эта русская потребность вылилась в рождение совершенно необычного вида словесности — мемуаров лагерей, своеобразного «самиздата». Под условным термином «мемуары» выступают различные жанры: письма, рукописные журналы. Недавно рожденная, необычная культура повседневности эмигрантов создала свою специфическую массовую (как и положено повседневности) форму самовыражения, диалога, коммуникации.

В трудных условиях беженцы жили напряженной культурной жизнью: создавали библиотеки, союзы искусств, литературно-художественные кружки, устраи-

вали праздники — концерты хора лагерной труппы, театральные постановки, хотя пьесы приходилось восстанавливать по памяти³.

Эпидемия массового творчества не была случайной. Это было не эстетическим времяпровождением, а духовной работой, стремлением по мере своих сил осмыслить то, что произошло со страной и с каждым из ее детей. В убогой повседневности, бедности и отчаянии русские люди стремились остаться людьми, «хранить дух жив».

В послелагерный период расселение эмигрантов в разных регионах мира поставило перед ними новые проблемы. Отношения с культурой, цивилизацией принимающих стран — один из наиболее серьезных для эмиграции вопросов.

Особые трудности на первых порах испытывали русские эмигранты в странах, культура которых в значительной степени отличалась от русской, — в Китае, Австралии, Южной Америке, Африке, Турции. Однако и в более близких по культуре европейских странах жизнь эмиграции сталкивалась со многими проблемами. Какой бы ни была изоляция эмигрантов, полностью отгородиться от иной культуры им не удавалось. С самого начала пребывания русских на чужбине возник длительный диалог с культурами принимающих стран.

Общим для всех эмигрантских поселений были погруженность в собственную национальную культурную традицию, остро переживаемое чувство бездомности и временности своего бытия с осознанием безнадежности веры в возвращение на Родину. Трагическое самоощущение себя на чужбине накладывалось на повседневные проблемы выживания — поиски работы, добывание средств к существованию за счет продажи остатков имущества, попытки объединиться, примкнуть к своим.

Эмигранты искали пристанища в странах, где было больше возможностей найти работу, прокормить семью и выжить. Подлинной столицей русского расселения стал Париж. В Париже в 1920-е годы проживало более 50 тыс. эмигрантов из России.

Русские эмигранты принадлежали к разным сословиям, профессиям, имели различный образовательный статус. В то же время представители этого разнообразного общества мало отличались друг от друга своими условиями выживания. Общими были и их главные установки на новом месте жительства. После образования компактных районов проживания (в каком бы городе, в какой бы стране они ни находились) прежде всего организовывались школы и церковные приходы. Обучение детей русскому языку, русской литературе и истории считалось первоочередным делом. При церквях открывались воскресные школы, в которых преподавался «Закон Божий» и русский язык.

Детей надо было кормить, и перед эмигрантами всех сословий вставал вопрос о заработке. Легче других было эмигрантам, имеющим какие-либо прикладные специальности, особенно технические. На окраинах Парижа росли крупные заводы — автомобильные

¹ Щотц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

² Яблоновский А. Письма эмигранта. Лагерная жизнь // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 9–10.

³ Недзельский Е. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 125, 131.

и химические, требовалась рабочая сила. На заводы шли не только эмигранты с техническими специальностями, но и люди, далекие от физического труда — военные, интеллигенция, даже имеющие знатное происхождение. Заводы давали заработок и дешевое жилье в новых бараках, дешевых пансионатах. Пригород Парижа Бианкур стал местом проживания нескольких тысяч русских эмигрантов. В период мирового кризиса русские брались за любую работу — были грузчиками, дворниками, лакеями, официантами, швейцарами, санитарями, таксистами. В Париже, например, работало несколько тысяч русских таксистов. Ими становились бывшие военные, люди интеллигентных профессий, даже знать. Хорошо воспитанные, учтивые русские за рулем парижских такси, способные рассказать о достопримечательностях и поддержать разговор, стали в Париже приметой времени.

Повседневность русских эмигрантов не выстраивалась как целое, она распадалась на отдельные социальные и культурные составляющие. Эмигранты жили двойной жизнью: днем тяжелая, часто унижительная работа, а после нее, вечерами, в маленьких кафе они снова становились генералами, помещиками, общественными деятелями, писателями, людьми со своим статусом среди представителей своего круга.

Непросто складывались отношения с местными жителями: русские своей необычностью, непривычным поведением, кажущимся высокомерием вызывали неприязнь и раздражение. Однако постепенно у французов стало вызывать уважение достоинство, с которым русские переносили нужду, их трудолюбие.

Русское присутствие в Париже, русский тон, стиль постепенно завоевывали общественное мнение. В Париже, а потом и во всем западном мире, в США распространилась мода на все русское: одежду, особенно кокошники, украшения, казацкие сапоги, произведения прикладного и высокого искусства. На пике моды на все русское в Париже и других столицах стали открываться рестораны и кабаре, где все было выдержано в русском стиле: кухня, убранство, балалаечники и цыганские ансамбли.

Воздействие русской культуры, русского стиля, русского присутствия на культуру повседневности всех принимающих стран было очень заметным. Русские повлияли на художественные вкусы, модные тенденции в одежде, даже на кулинарные пристрастия, не говоря уже о воздействии русской классической литературы, театра, балета.

Первая волна русской эмиграции заложила основы русского присутствия в иных культурах, создала

определенные традиции эмигрантской повседневности, которые рано или поздно усваивались эмигрантами последующих волн, имеющими существенные отличия как от первой волны, так и друг от друга¹. Однако все волны эмиграции включают важнейшие общие принципы и традиции. В первую очередь это стремление сохранить в своем жизненном мире русский язык и русскую культуру, сберечь их для своих детей и внуков.

Сплачивающей силой и духовной поддержкой эмиграции стала православная вера. Православные приходы объединяли эмигрантов, помогали им сохранить нравственные ориентиры, не потерять самоощущение общности. В Австралии, например, каждый православный приход представлял собой центр эмигрантской жизни. Даже русские, достаточно интегрировавшиеся в местную жизнь (а это процесс неизбежный), не забывают о своей культуре, приобщаясь к религиозной жизни прихода. При них возникают субботние русские школы, курсы русского языка, проводятся праздники русской песни, организуются детские лагеря, где говорят по-русски, и т. д. Эмигранты сохранили свою русскость, свой язык и культуру и даже создали в Австралии «Русский Парнас» — созвездие русских поэтов и писателей².

В США огромную роль в жизни русских эмигрантов играют православные приходы Новодивеевского монастыря, храма на Толстовской ферме (в свое время его организовала дочь Льва Николаевича Толстого, глава Толстовского фонда) и др.

Деятельность православных приходов является центром, духовной опорой не только русских прихожан, но и всех выходцев из России независимо от национальности и вероисповедания, особенно если их духовной доминантой была русская культура. Православие в русском рассеянии сыграло основную роль в спасении эмиграции от растворения в иных культурах, полной и безвозвратной ассимиляции. Православие, как стержень русской культуры, структурировало повседневную жизнь, обеспечило нашим соотечественникам достойную роль в соприкосновении с иными цивилизациями и культурами, диалоге с ними, которые стали непременной частью их жизненного мира.

Культура повседневности русской эмиграции, опыт жизни в постоянном, обыденном взаимодействии с представителями иных культур являются одними из ценностей русского зарубежья.

Знакомство с этим опытом может оказаться полезным в наше непростое время.

¹ См.: Мосейко А. Н. Русский мир: диалог цивилизаций. Восток–Россия–Запад // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010.

² Мельникова Н. А. История русских в Австралии. Сидней, 2008. Т. II: Русский язык в Австралии. С. 7, 27–61.

Л. М. Мосолова¹;
А. В. Бондарев²

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЕВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Льва Николаевича Гумилева многие называют великим евразийцем нашего времени. Его научные труды стали ярким вкладом не только в развитие исторической мысли, но и в утверждение идей вековой общности, взаимосвязанности народов, населяющих огромные пространства Евразии — от Балтики и Карпат до Тихого океана.

Из речи В. В. Путина в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева, 10 октября 2000 года (Астана, Казахстан)

В октябре 2012 года отмечается 100-летие со дня рождения Льва Николаевича Гумилева (1912–1992) — выдающегося отечественного ученого и мыслителя, историка-географа, востоковеда, этнолога, создателя пассионарной теории этногенеза, объясняющей причины рождения и смены целых народов. Наследие Л. Н. Гумилева неизменно вызывает неоднозначное отношение к себе и прямо противоположные оценки. И вместе с тем многими он признан одним из наиболее выдающихся российских мыслителей XX столетия.

В историю отечественной науки Гумилев вошел как автор новаторских исследований, посвященных прошлому кочевых народов Великой степи и Центральной Азии. Л. Н. Гумилев одним из первых заговорил о самобытности и высоких достижениях тюркомонгольской культуры. Он внес несомненный вклад в опровержение так называемой «черной легенды», которая оправдывала предвзятое негативное отношение к степнякам Евразии как к патологически жестоким дикарям-варварам, обладающим маниакальным стремлением к разрушению благодушных высокоразвитых цивилизаций. В значительной мере именно благодаря работам Гумилева были закрыты «белые пятна» истории евразийских народов почти за двухтысячелетний период (преимущественно с III в. до н. э.

до XV в. н. э.). Благодаря своим исследованиям истории евразийских народов Гумилев в 1930–1940-х годах самостоятельно пришел к осознанию историософских и геополитических принципов, которые были сформулированы в 1920-х годах в рамках одного из эмигрантских философско-идеологических течений, получившего название *евразийства*. Дальнейшее знакомство и дружеское общение с его основоположниками — П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским, а также собственные углубленные историко-географические и этнологические изыскания позволили Гумилеву существенно развить теоретическую базу евразийства, показать его практический потенциал для настоящего и будущего евразийских народов.

В работах представителей евразийского движения понятие «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Это обозначение указывает на то, что в культурное бытие России в соизмеримых между собою долях вошли элементы различных культур. Как писал князь Н. С. Трубецкой, «в евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать».

Л. Н. Гумилев, основываясь на разработанном им этнологическом подходе, существенно переосмыслил трактовку данного понятия, дополнив его этнокультурологическим измерением: «Евразия — это не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре него суперэтнос с тем же названием». В очерке «Из истории Евразии» Гумилев писал: «Евразией в историко-культурном смысле термина мы считаем только ту часть континента, которая лежит между Китаем, горными цепями Тибета и западным полуостровом — Европой». Таким образом, понятие «Евразия» в евразийском дискурсе становится не только географическим и историческим, но также культурологическим и этнологическим.

И хотя проблема культурного диалога специально не затрагивалась Гумилевым, но тем не менее имплицитно присутствует во многих его работах. Внимательно вчитываясь в сочинения этого ученого, можно обнаружить, что проблема диалога культур решалась

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 210 научных публикаций, в т. ч.: «Основы теории художественной культуры», «Культура регионов России», «Глобальное и региональное в философско-культурологической мысли XX века», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «Изобразительное искусство Киргизии», «Регионалистика и аксиология», «Культурологическое образование. Профильные курсы для средней школы», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «История культуры Кольского Заполярья» (в соавт.) и др. Награждена орденом «Знак Почета».

² Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат культурологии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза», «Культурогония и культурогенез: к проблеме содержательного разграничения», «Вклад ГАИМК–ИИМК РАН в становление отечественных культурогенетических исследований», «Инновационный потенциал культурогенетики и ее функции в системе гуманитарного знания», «Основные направления теоретического изучения культурогенеза», «Л. Н. Гумилев о соотношении процессов этногенеза и культурогенеза в историческом синтезе», «Синергетические принципы корреляции этногенеза и культурогенеза» и др.

Гумилевым в более общем контексте межкультурных взаимодействий и межэтнических контактов. Эти концептуальные разработки Гумилева находятся в последние годы в центре пристального внимания многих видных ученых и крупных современных политиков. Ежегодно на самых высоких международных форумах обсуждаются вопросы культурного разнообразия, сохранения этнокультурной самобытности, отношения к «иному» и «другому», вопросы общения, эмпатии, единения и различия, партнерства, комплиментарности, толерантности, братства и равенства в системе отношений разных народов. Л. Н. Гумилев неизменно отмечал, что «необходима подлинная культура общения, которую мы явно недостаточно воспитываем, небрежно прививаем, отчего на молодых побегах вызревают горькие плоды». В одном из своих интервью Гумилев приводит достаточно простую «формулу межэтнического согласия»: будь уважителен, терпим, отзывчив, проявляй к другим такое отношение, какого ты ждешь от них. Д. С. Лихачев верно подчеркивал, что концепция Л. Н. Гумилева целиком соответствует основной идее понятия «*дружба народов*». Как говорил сам Гумилев, истинная дружба народов возможна только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, общении между ними.

Для понимания разработанной Гумилевым концепции межэтнического общения необходимо четко различать понятия «коммуникация» и «общение», которые вполне аргументированно разводятся в современной философии, культурологии и социальной психологии. Не всякая коммуникация приводит к общению. Исследователи выделяют два направления активности субъекта деятельности как на личностном, так и на этническом уровнях. В первом случае это деятельность, направленная на объекты, которые познаются, оцениваются и преобразовываются субъектом, — такова предметная деятельность человека. В случае отношения субъекта к другому человеку как объекту в форме материально-практического или духовного воздействия на него имеет место *коммуникация*. Это передача знаний, представлений, предметных форм.

Второй тип направленности в проявлении активности по отношению к другому как субъекту имеет принципиально иной характер. Эта направленность выступает как *духовное* а также как *материально-практическое общение* (например, в трудовой деятельности). Цель общения, как утверждает М. С. Каган, — не передача другому того, что ты знаешь, а он еще не знает, а совместная выработка общих представлений, понятий, установок, взглядов, идеалов, то есть достижение совместными усилиями духовной общности. Партнеры, относясь друг к другу как субъекты, не просто обмениваются информацией, а испытывают друг к другу эмпатию как к равному себе субъекту, они «открывают друг другу свои системы ценностей, переживания, убеждения, устремления, надежды, идеалы и обобщают их в той мере, в какой это возможно. При сохранении каждым своей субъектной уникальности, своей “самости”, своей свободы». Только на этом пути — на основе общения — вырабаты-

вается взаимопонимание и разворачивается диалог между культурами. Именно такой характер доминантных *субъект-субъектных отношений* выявил Л. Н. Гумилев, анализируя многовековую общность судеб народов евразийского историко-культурного региона, спонтанно возникающие между многими из них взаимное тяготение и добрососедство.

Согласно концепции Л. Н. Гумилева, процессы межкультурных взаимодействий и межэтнических контактов, создающие саму возможность диалога культур, детерминируются сочетанием нескольких базовых факторов. К их числу относятся *пассионарность, аттрактивность, комплиментарность и ментальность*.

Одно из главных и наиболее дискуссионных достижений Л. Н. Гумилева — *открытие пассионарности*, под которой понимается внутреннее непреодолимое стремление к деятельности во имя избранного идеала. Пассионарность в равной мере побуждает людей совершать и героические подвиги, и тяжкие преступления, исключая лишь равнодушие. Этот фактор определяет степень интенсивности межэтнических контактов, «проявленности» взаимных симпатий или антипатий, обуславливая выраженность отличительных особенностей взаимодействующих сторон. Иными словами, пассионарность определяет степень взаимного притяжения или неприязни, любви или пристрастности, консолидации или конфронтации.

Особую роль в ходе межкультурных взаимодействий и межэтнических контактов играет *аттрактивность* как бескорыстное влечение к идеальным ценностям (истине, красоте, справедливости и др.). По своему содержанию данное понятие во многом является синонимом психологического термина «идеальные потребности», разработанного П. В. Симоновым и П. М. Ершовым. «Природа аттрактивности неясна, как, впрочем, и природа сознания, но соответствие ее <...> с пассионарностью такое же, — образно описывал Гумилев, — как в лодке соотношение *двигателя* (весла или мотора) и *руля*». Аттрактивность, по сути дела, определяет направленность межкультурных взаимодействий, создает предпосылки или наоборот препятствует установлению культурного диалога.

Для объяснения чувства сопричастности к той или иной этнической группе, самого феномена этнической целостности Гумилев вводит *принцип комплиментарности*, связанный с подсознательной взаимной симпатией или антипатией людей по отношению друг другу. На персональном уровне комплиментарность бывает столь же разнообразной, как и индивидуальные вкусы, но на этническом уровне приобретает строго определенное значение, ибо частые отклонения от нормы взаимно компенсируются. Именно комплиментарность, теснейшим образом связанная с этнической доминантой, ментальностью и стереотипами поведения, в значительной мере определяет характерное для каждого этноса деление на «своих» и «чужих», являясь фундаментальным этнообразующим и одновременно этнодифференцирующим фактором. Гумилевым было установлено три возможных модуса комплиментарности: *позитивный* (положительная комплиментарность), *негативный* (отрицательная комплиментарность) и *ней-*

тральный (нейтральная комплиментарность). Модулы комплиментарности обуславливают многообразие форм проявления межэтнических контактов, типологию которых разработал Гумилев (этническое слияние, симбиоз, ксения, химера, а также инкорпорация, ассимиляция, геноцид и др.). Положительная комплиментарность становится важным фактором образования этнических общностей различного масштаба — от малых этнических групп (консорции и конвиксии) до огромных, численностью в сотни миллионов человек, суперэтнических целостностей.

Следующим важнейшим фактором, обуславливающим процессы межкультурных и межэтнических отношений, выступает *ментальность*. Ментальность — это комплекс особенностей психологического строя и мировосприятия членов этносистем, который выделяет их из всех прочих этнических целостностей и является одной из адаптивных форм поведения, усвоенных до автоматизма безотчетного воспроизведения. Если пассионарность определяет степень интенсивности межкультурных взаимодействий и межэтнических контактов, то комплиментарность и ментальность — характер и своеобразие их проявления.

Современное представление о толерантности, которое лежит в основе понимания *диалога как культуры восприятия другого*, предполагает отношение взаимного приятия, уважения, доверительности, приязни, эмпатии между различными народами и их культурами. Для Гумилева межкультурный диалог различных народов — это прежде всего диалог об их мировоззренческих основах, ценностных ориентирах, первичных символах и конечных сакральных идеалах, вокруг которых люди и этнические коллективы объединяются в сложные суперэтнические системы. При этом важнейшим условием полноценного межкультурного диалога выступает осознание взаимного равенства, паритетности, равноправия, которые признают обе контактирующие стороны. Как отмечал Гумилев, «каждый народ хранит в себе прошлое, и чтобы ладить с иноплеменниками, надо уважать их этническую уникальность и предвидеть их реакцию на каждое необдуманное слово или поступок. Ведь сколько сегодня конфликтов происходит из-за взаимного непонимания или ложной уверенности, что все люди одинаковы». Эта же мысль о важности взаимного осознания равноправия для полноценного межкультурного диалога характерна и для И. Валлерстайна, профессора социологии Йельского университета. В своем выступлении на VIII Международных Лихачевских научных чтениях И. Валлерстайн подчеркивал, что диалог возможен только между равными: «... без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами — безнадежная утопия». Равноправное взаимодействие культур сегодня — это единственно возможное направление современного глобального развития, которое позволяет найти и осознать себя в большом глобализирующемся мире, а также найти и сохранить все ценное в самобытных культурах различных народов, используя весь накопленный культурный опыт человечества и не допуская вреда окружающему миру.

Ключевой категорией и идеей Л. Н. Гумилева, которая становится все более востребованной в условиях стремительно меняющегося мира, является *идея комплиментарности народов Евразии, их взаимодополнительности*, что создает самую благоприятную основу для культурного диалога как творческого взаимообогащающего взаимодействия. Учет взаимной комплиментарности народов евразийского региона позволяет осознать жизненное значение современных интеграционных процессов на всем евразийском пространстве, закономерным развитием которых стали стратегические по своей значимости соглашения о создании Евразийского экономического сообщества, Организации Договора о коллективной безопасности, Таможенного союза и т. д.

Весьма символично, что в октябре 2011 года — в год 90-летия со дня условной «даты рождения» евразийства как философско-идеологического течения и в канун празднования 100-летия «последнего евразийца» — российским лидером В. В. Путиным была сформулирована идея образования Евразийского союза, развивающая инициативу Н. А. Назарбаева. Это позволило бы подняться на новый, более высокий уровень интеграции наших стран, испытывающих взаимное духовное тяготение и осознающих экономическую полезность такого рода объединения. Проект создания Евразийского союза открывает широкие перспективы для полномасштабного развития наших стран, создает дополнительные конкурентные экономического преимущества. По мнению В. В. Путина, этот проект призван способствовать дальнейшему углублению взаимопонимания между народами Содружества Независимых Государств, а также повышению эффективности взаимодействия между странами всего евразийского региона. Говоря о взаимоотношениях между народами на постсоветском пространстве, Н. А. Назарбаев обращает внимание на то, что нельзя не учитывать и человеческий фактор: «Наши народы веками жили вместе, и укрепление добрососедства отвечает интересам людей, оно неподвластно конъюнктурным соображениям. Возведение границ между нашими странами, ограничение в передвижении людей были бы непростительной ошибкой».

Таким образом, у современной евразийской доктрины как крупного международного проекта имеются реальные историко-культурные, историософские, историко-политические предпосылки, у истоков осмысления которых стоял Л. Н. Гумилев. В работах Л. Н. Гумилева получила глубокое осмысление проблема сосуществования различных этнических систем. Он описал механизмы и разработал типологию межэтнических контактов, выявил особенности их протекания, а также определил многие существенные категории этнологии, в которых возможно описать многообразие межэтнических взаимодействий.

Идеи Гумилева способствуют развитию и распространению культуры диалога, формированию духа сотрудничества и понимания в повседневной жизни людей разных народов. «Нельзя стремиться сделать всех людей подобными себе, нужно учиться жить с ними в согласии», — отмечал Гумилев. Развивая свою мысль,

ученый приходил к выводу: «...*дружба народов — лучшее, что придумано в этом вопросе за тысячелетия*». По глубокому убеждению Гумилева, «**человечность превыше всего**». Таким образом, можно заключить, что Л. Н. Гумилев в своих работах предвосхитил идеи развития межкультурного и межэтнического диалога, являясь интеллектуальным провозвестником идей диалога и альянса цивилизаций и культур, которые стали столь востребованы в последние десятилетия и активно продвигаются в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ. Глубоко заблуждаются критики Гумилева, пытаясь приписать ему расизм и шовинизм, обнаружить в его взглядах «нацизм» и «национализм», а порой предъявляя и вовсе взаимоисключающие обвинения в «антисемитизме и сионизме», русофилии и русофобии. Все это — не более чем навешивание «ярлыков», использование давно известных технологий мифологизации с целью дискредитировать идейное наследие этого неординарного ученого. *«Я не против критики, — неизменно подчеркивал Гумилев, — тем более если она конструктивна. А вот дискредитация сильного всегда была уделом слабых и корыстных...»*

На самом деле в соответствии с концепцией Л. Н. Гумилева восприятие представителями различных этнических коллективов друг друга как равных и построенное на этом уважительное общение являются базовым фундаментом *диалога культур*, главным залогом *взаимопонимания* между народами, осознания *духовной уникальности* и признания *права на этнокультурную самобытность* каждого из них. Эта мысль созвучна мнению М. М. Бахтина, одного из крупнейших отечественных мыслителей XX века, согласно которому диа-

лог возможен лишь между стремящимися понять друг друга, а для адекватного понимания необходима *эмпатия*. Эта мысль созвучна убеждениям и Д. С. Лихачева, отразившимся в созданной им «Декларации прав культуры». Именно поэтому идеи Л. Н. Гумилева находят большой отклик и применение в Татарстане, Казахстане, Кыргызстане, Турции, Монголии и других странах Евразии, где его почитают потомки тех народов, непредвзятому изучению истории и культуры которых он посвятил всю свою жизнь.

Доказывая свою историческую перспективность, идеи и предвидения Гумилева, касающиеся евразийской интеграции, сейчас благодаря инициативам руководства Казахстана и России обретают реальные черты, воплощаясь в создании многих общевразийских интеграционных объединений. В работах Гумилева было показано, что многообразие культуры народов евразийского региона и налаженное за многие века взаимопонимание — наше стратегическое достояние и главное богатство. Поэтому изучение и популяризация евразийства Л. Н. Гумилева способны интенсифицировать и усилить центростремительные тенденции в России и странах СНГ. Идейное наследие Л. Н. Гумилева, его труды, посвященные осмыслению исторических судеб народов Евразии и других народов мира, несут дух толерантности и наполнены подлинным гуманистическим содержанием, обладают непреходящим значением. Все это свидетельствует о совершенно особой научной актуальности, международно-политической и практической значимости наследия Л. Н. Гумилева, устремленности его идей в будущее.

Н. М. Мышьякова¹

КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

1. Известно, что культурологи не одобряют употребление слова «культура» в единственном числе. Однако в современной социокультурной ситуации национальная сплоченность все чаще приобретает угрожающий характер, а культура — в буквальном смысле то *единственное*, что идентифицируется как спасительная ценность. Темы национального единства, этнической, национальной ментальности, культурного многообразия обладают предметной агрессией, постоянно оказываясь лейтмотивом философских, культурологических, лингвистических и многих иных исследований. Помнить о своих истоках, дорожить национальными корнями, гордиться принадлежностью к той или иной национальной культуре — нет смысла оспаривать или доказывать ценность этих глубоких культурных традиций, общих для разных национальных культур. В различных дискурсивных практиках проблемы националь-

ного единства и культурного многообразия, единства в разнообразии и разнообразия в единстве, культурной идентичности, межкультурного диалога, кросскультурной коммуникации и тому подобного каждый раз обретали новые смыслы и интерпретационные нюансы. Проблема национального единства и культурного многообразия, как любая гуманитарная и социальная проблема, обладает двойственностью: она «проста» и одновременно практически неразрешима.

2. Множественность трактовок процессов глобализации и локализации культур позволяет предположить наличие формулировки, противоположной заявленному названию секции — *Культурное единство и национальное многообразие*. Идеи наличия «культурного гена», культуры, выполняющей по отношению к человеку функцию природы, культуры как родового начала человечества, идеи космополитизма — старые и дорогие сердцу человека идеи. Идентификация *своего* и *чужого*, как правило, происходит на базе культурной идентификации. Культура локализуется в культурной норме, уровне, осознается как узнаваемая общность, становится культурным отечеством, *домом человеческого*.

¹ Заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор. Автор 54 научных публикаций, в т. ч.: «Идеальный мир» поэзии А. Фета», «Изобразительный мир поэзии А. Фета», «Проблемы поэтики А. А. Фета», «Русская культура XIX века: литературно-музыкальные взаимодействия», «Художественная культура Средних веков» и др.

3. Особое место в этой *культурной родине* принадлежит вербальной культуре. Содержание и специфика ментального ядра культуры могут быть изучены двояким образом: на бытийном, эмпирическом уровне, на котором предметом исследования являются многообразные факты и проявления индивидуальной и социальной жизни (быт, обычаи, стандарты поведения и т. п.), и на уровне самосознания, на котором бытийность культуры явлена в вербализованной форме — в языке и речи. Очевидно, что на уровне самосознания культура откровеннее демонстрирует свои аксиологические и антропологические ресурсы национально-культурной идентичности. Именно тексты являются формой самосознания, самопознания и самовыражения сущности культуры в целом и отдельного конкретно-исторического человека. В языке, в персонифицированных духовных символах тексты фиксируют и сохраняют генотип духовности народа. Желание современной культуры ощутить себя большим текстом очевидно.

Культурология отмечает две характерные и взаимодополняющие тенденции: 1) тотальная *текстуализация культуры*, экстраполирование текста на невербальные структуры и 2) *онтологизация языковых структур*. Мир, его содержательная характерологичность оказываются обусловленными свойствами языка и вклю-

ченными в выразительный языковой ресурс. Культура России, как известно, не представляет собой внешне фиксируемого единства, в ней слабо представлено формообразующее начало. В связи с этим значимость зафиксированных, вербализованных текстов культуры возрастает. Лингвистика текста позволяет сделать эксплицитным знание, о котором не говорят и не думают, тем самым расширяя сферу коннотативной семантики. Слово является наиболее сжатой вербализацией интуитивного опыта, речевым ступеньком интуитивного познания. Концептуализируемые переживания в буквальном смысле *говорят*.

4. Еще более сужая проблему, можно выделить внутри вербализованного текста культуры художественный текст как его идеальную модель. Именно художественному тексту как отобранному, концептуальному, искусственно созданному — неслучайному — культура делегирует свою *различающую и повторяющую* миссию. Постигание символических смыслов текста — центр гуманитарного, антропного в гуманитарном знании. В художественном тексте есть то, что, описывая символ, С. С. Аверинцев назвал «теплотой сплывающей тайны», — некий тайный знак, по которому человек может узнать в чужом *своего*, то, что обяжет его подчиниться *родству* как *культурной норме*.

С. С. Неретина¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ

Основная проблема, которая здесь обсуждается, состоит в определении статуса культуры: является она универсальной, глобальной или этнонациональной?

Представления о том, что глобализации культуры ведет к унификации культур, весьма разнородны². Для одних процессы глобализации превращаются в антигуманные тренды, унифицирующие и разрушающие культуры, для других речь идет о создании глобального социокультурного пространства, которое выражено в мировых социальных институтах, ответственных за поддержание и развитие мировой культуры, в возникновении новых социальных слоев и единого образа жизни. Последнее представление ведет к утрате опорных образов, присущих народам, становясь разрушительным явлением, направленным на уничтожение национальной культуры. Считается, что глобализация — это американизация всего мира, особенностями которой являются доведение до абсурда рациональных элементов культуры, приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению, гарантированное качество на определен-

ном уровне, «упакованность» в яркие символические формы, создание виртуальной реальности.

Очевидно, что такая глобализация ведет к унификации культуры и несет риски не только для отдельной личности, но и для общества в целом. Дело в том, что этнокультурное разнообразие в современном мире выполняет много жизненно важных функций. Наиболее общая задача, по мнению А. П. Огурцова, — преодоление социальной энтропии и предотвращение социокультурной однородности, что кажется невозможным при глобализации. Неприятие процессов глобализации культуры многими философами, социологами, религиозными деятелями основывается, таким образом, на отождествлении глобализации с интеграцией в мировом масштабе. Вышесказанное — общее место для пишущих о глобализации. Но дело не в бязни очевидности, а в том, чтобы проанализировать современные культурные процессы, — и тогда, возможно, мы избежим и апологии процессов глобализации, и их негации.

Первое, что нужно отметить, — произошла смена субъекта мировой истории. Если раньше им был индивид, то теперь это масса, представленная массмедиа. Любое событие сегодня существует как медийное. Оно опосредовано средствами массовой коммуникации (СМИ) или Интернетом. Возможности же межкультурного взаимодействия представлены в специфиче-ски понятой теории диалога.

Идея диалога как фундаментального понятия бытия (для одних) или как фундаментального понятия бытия-

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук. Автор более 200 работ, в т. ч. монографий: «Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка», «Концептуализм Абельяра», «Верующий разум. К истории средневековой философии», «Верующий разум. Книга бытия и Салический закон», «Точки на зрении», «Философские одиночества» и др.

² Подробно см. об этом: Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. СПб., 2011. Т. 2. Гл. : Философия науки в эпоху глобальных коммуникаций.

в-культуре (для других) возникла внутри старых как мир проблем соотношения речи и действительности, знания и веры, науки и религии, споры о которых не утихают до сих пор. Кажется, что ныне происходит стирание понятия «диалог культур», оно стало расхожим. В. С. Библер, последний «диалогист», печально констатировав превращение строгого термина в расхожее слово, написал статью «Об ответственности за понятие “диалог культур”». Я хочу показать точки преобразования строгого термина (но не в расхожее слово) в речи разнородного сообщества, *вовлеченного* в коммуникацию, не обязывающую к длительному и тесному взаимодействию, изменившую представление об унитарном авторе и уникальном произведении.

Новый исторический субъект — масса (предполагающий как различие, так и неразличимость) — стал предметом философских, поэтических, художественных исканий XX века. Лозунг Мандельштама «Мир сначала!» можно понять двояко: как призыв к новой авторской культуре и как диагноз обществу, героем которого стала толпа («Египетская марка»). Эта толпа в большей степени выражала многоголосость (полифонию), чем авторскую одноголосость. Диалог остался, но изменилась роль диалога. Если при культе автора он играл определяющую роль и был доминантой культурного творчества (В. С. Библер), то при культе множества уникальный автор подминался своими же героями, разрушая авторскую позицию, позволяя пренебречь ею или быть одним из голосов (М. М. Бахтин). Бахтин увидел эту тенденцию среди тоталитарного разгула. Культура при этом лишалась своего аристократического положения, становясь культурой в широком смысле, представители которой — кино и фотография как искусство масс.

Появление виртуального мира, в не меньшей степени связанное с медийностью и Интернетом, зависит именно от этого нового героя. В театральном искусстве все большую роль играет анимация. Это вполне соответствует техническому состоянию времени. Мы уже можем разговаривать не с живыми людьми, а с анимированными, например с телеведущими, сконструированными кибер-компьютером, или с массой незнакомых людей как со знакомыми. Весь многоголосый мир уместается в одной комнате!

О. Розенштоку-Хюсси, принадлежащему к плеяде философов-«диалогистов», увидевших в ситуации человеческого общения фундаментальный феномен бытия, мир поколения людей, которые пережили две мировые войны, кажется единственным в своем роде опытом катастроф, спровоцировавшим анархию, декаданс и революции. Он назвал их социальными болезнями (добавив к ним собственно войну), до сих пор не вылеченными. Время этих болезней — это период отсутствия речи, ибо в любой катастрофе теряют силу старые традиции. Но это же время характеризуется и возникновением новых языков.

Их осмысление возможно через рассуждение, законотворчество, рассказывание, посредством которых общество укрепляет пространственно-временные оси, задающие направление и ориентацию его членам. Речь в этой ситуации выступает как фундаментальный прин-

цип освоения и социализации мира. Она диалогична по сути, ибо любая речь возникает как ответ на некий призыв, где требуются усилия по меньшей мере двух говорящих. Диалог, таким образом, может быть определен не как логический феномен, как в диалогах Платона, не как математическая конвенция, как в лабораториях физика, а как победа над природными различиями, навязывающими порядок следования людей во времени. Ибо всякий разговор между людьми разного времени есть победа над природой. Диалог — это определение самого человека и в более широком смысле — общества. Так понятая культура естественно становилась одним из средств политики.

Революции и разного рода войны (мировые, локальные, антиколониальные) — социально-политический фактор смены субъекта истории. Не менее важным был научно-технический прогресс (создание паровоза, автомобиля, самолета), изменивший представления о весе, скорости и направлении движения. Только с учетом такого изменения стало возможно создавать любые конструкции. Формула Эйнштейна $E = mc^2$ сыграла не меньшую роль в создании новых представлений о культуре.

Новые идеи, изменившие лицо культуры, в России более четко, чем О. Мандельштам, выразил один из лидеров авангардизма К. Малевич, для которого вес, скорость и направление движения стали определяющими *философскими* понятиями. Скорость и движение современности таковы, писал Малевич, что формы вещей «не являются формами выражения <...> они растворяются в ощущении движения», отношения элементов «выражают степень ощущаемого движения. Поэтому нет ничего удивительного, что от мчавшегося мотора остался только один его элемент — часть колеса, часть лица моториста, а все остальное исчезло совсем»¹.

На Западе роль выразителя современных тенденций сыграл В. Беньямин, показавший, что «страстное стремление “приблизить” к себе вещи как в пространственном, так и в человеческом отношении так же характерно для современных масс, как и тенденция преодоления уникальности любой данности через принятие ее репродукции»², ибо скорость превращения уникальности в стандарт лишь немного отстает от собственной реактивной скорости. Без учета скорости, веса и направления движения можно передать только мертвое.

Но если еще в нулевые годы XX века выразителем новых тенденций была авангардная живопись, то вскоре — кино и фотография. Живопись не могла стать масскультурой: писать надо уметь. Кино и фотографии могли делать все. Они изначально были непрофессиональными. Сегодня этот непрофессионализм культивируется. В одном из крупных современных университетов висело объявление: «Сними свое культовое кино». Это значит, что оно, еще не снятое, уже понималось культовым в силу того, что снято непрофессионалом.

Изменения, связанные со скоростью, весом и направлением движения, заставили в корне пересмотреть смысл культуры и искусства: акцент сместился с вещи

¹ Малевич К. Форма, цвет и ощущение // Малевич К. Черный квадрат. М., 2008. С. 75.

² Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 128.

на передачу энергии изменения. Эта энергия не только «разбудила душу», но и покончила со старым *познающим разумом*, который Малевич сравнил со «старой мозолью привычки видеть все естественным», в то время как физикам, а вслед за ними и художникам «удалось построить картину новой жизни вещей»¹, ибо «при передаче движения цельность вещей исчезла, так как мелькающие их части скрывались между бегущими другими телами». Главное — «не передача движения вещей, а их разрушение (сейчас бы сказали — деконструкция или деконструкция. — С. Н.) <...> то есть выход к беспредметному творчеству»².

Для автора произведения при отсутствии предмета творчества была определена новая задача: изобразить «состояние предметов», и это состояние «стало важнее их сути и смысла». Основа мышления — *интуиция*. Она заместила разум и вышла «за ноль» к творчеству. Разуму уготовлена функция приведения к утилитарности. Живописец вынужден был отбросить сюжет и предмет в обмен на энергию диссонансов и запечатление моментов времени. Очевидно, что если раньше ценились уникальные качества мастера в картине и соответственно сама картина, то теперь только ее экспозиционные возможности. Эстетической ценности у нее может и не быть.

Так, у меня дома хранятся три хорошие картины с «Бульдозерной выставки» 1974 года, но для меня имеет ценность именно их принадлежность к «бульдозерности». В эпоху открытия скоростей, превращающих все в массу, внутренняя жизнь человека оказывается перекрытой мыльными операми (где нет актеров, а есть говорящие манекены, нет сюжета, а есть изменяющиеся ситуации), боевиками, экзаменационным тестом, плащом историко-философских исследований, скрывающих суть современной философии, которая состоит в том, что она вышла «за ноль» разума. Можно, как Гегель, сказать: она вышла в иное разума, в его отрицание и отрицание собственного отрицания (это делает необходимым новое взвешенное прочтение Гегеля).

А. Глюксман, один из бунтарей 1968 года и один из творцов новой французской философии, считает, что смысл этой новой — экзистенциальной — философии заключается в быстром реагировании на текущий опыт универсальных идеологий, массового уничтожения, концлагерей, когда интересуется не единичный факт человеческого существования, а общество, каким-бы оно ни было, «дымящиеся пустыри социума», бомжи и плебеи.

Мыслящий субъект современной культуры и философии собственного имени не имеет. Выступая в Сети и откровенно повествуя о своих реальных проблемах, он имеет возможность спрятаться в ней, создав себе псевдоним, обеспечивающий ему свободу речи и мысли, создающий дистанцию не только между собой и читателем, но и между собою и собою, которая разрушает традиционную способность видения и представления. Это тоже диалог, но диалог неидентифицированных субъектов, к которым нельзя подойти с классическими

мерками психологии, антропоморфности и пр. Один и тот же человек, открыто и под своим именем выступающий в СМИ и под «своей» иконкой в Интернете, может быть двумя разными людьми (здесь возникает грамматический вопрос, ставящий под сомнение единственное число «я»). Старый логический вопрос, как возможно всеобщее, если оно уже целиком и полностью во мне (в конкретной вещи), оказался шизофреническим, ибо в каком «мне» оказалось это всеобщее, если «я» — это «два в одном»? «Оно—они» существуют не как «я», внутренне, диалектически противопоставленное самому себе, как другое «я», а как чуждое себе. Более того, «я» может оказаться не в себе настолько, что может забыть, каково «оно» на самом деле, поскольку «я», если «я» забыл о себе (заигрался, переодевая маски), стал неидентифицированным. Интернет позволил перейти эту критическую черту, когда возможно опознать в человеке, начавшем разговор, человека, его закончившего.

Псевдонимность была обычным делом в Средние века. Но если и до сих пор невозможно назвать личное имя Псевдо-Дионисия Ареопагита, то можно описать его стиль. Ныне оказалось возможным менять стили, к нашим услугам тысячи стилистов, готовых сделать из уродо красавца, изменить походку и даже укоротить язык. Техника в эпоху воспроизводимости позволяет и скрыть, и индивидуализировать любого хориста. В опере «Пиковая дама», поставленной Ю. П. Любимовым, можно было услышать «голос из хора», поскольку перед каждым хористом стоял микрофон. Техника позволяет скрыть подчас тотальную или роковую зависимость одного человека от другого, создав с помощью аппаратуры мнимость независимости каждого. Происходит постоянное смещение смысла. Поэтому для преодоления постоянных смещений опорным принципом простого выживания в таком случае может быть только самодетерминация, при условии, что человек себе-рет все свои «я».

Современная ситуация, не осознавая того, даже отталкивая старые универсалистские претензии, вернулась к идее самодетерминации, которая прежде (у В. С. Библера, по крайней мере) составляла одно из определений культуры. Но эта идея у Библера основывалась на диалоге как имманентной онтологии, где ставился акцент на единичном субъекте, стоящем на пути взаимопонимания с другим субъектом. Разница (причем кардинальная) заключается в том, что современный индивид не мыслит себя на пути взаимопонимания и даже на пути понимания. Он вовлечен в коммуникацию не столько ради перестройки или постройки своих организующих понятий, сколько для заявления о себе.

Речь в данном случае идет о представлении нового разума новой культуры как нового бытия, обладающего такой пространственной широтой и гостеприимностью, что он одновременно готов вобрать в себя все известные и неизвестные способы разума, обращая векторы общения не линейно — из прошлого в будущее, а в разные стороны, что для новой эпохи (глобализма) весьма существенно. Общение разумов мыслится как *случайное* их нахождение друг возле друга

¹ Беньямин В. Указ. соч. С. 18–21.

² Там же. С. 21.

(в интернет-контакте часто находят друг друга методом тыка). Этот случай вовсе не ставит целью воплотить «в произведениях <...> феномен самодетерминации», «самоопределение человеческого бытия и сознания»¹, хотя и показывает не столько вертикальное («в жерле» идей последовательно сменяющихся эпох), сколько горизонтальное бытие культур на «ничьей земле» XX — начала XXI века. Он просто не успевает этого сделать.

В условиях тоталитарных режимов, концлагерей и крематориев, угрозы ядерного уничтожения «последние вопросы бытия» преобразовали сферу идей, где они прежде размещались, в сферу такой реальности, при которой расшатались всеобщие моральные, научные и прочие нормы. Все, что говорил Библер о точках переключений разумов разных эпох, культур, цивилизаций, об их глубинном внутреннем диалоге, справедливо можно отнести к нашему времени. Но есть и то, что, на мой взгляд, он предвидел (если писал об ответственности за понятие «диалог культур»), но не принял.

Действительно, переключение разумов, образов, эмоционально-психических напряжений одного человека (в его разных «я») осуществляется на границе, своей территории не имеющей, но эта граница фиксирует только мое существование. Взаимоосмысления и взаимоопределения не происходит (о причинах см. выше). Тем более не происходит взаимопонимания, под которым можно подразумевать и тождество разумов разных людей. Выше мы говорили о существовании «двух-в-одном».

У Бахтина культура тоже определяется как стремящаяся к границам сознаний, сосредоточивающаяся на них, поскольку «внутренней территории у культурной области нет <...> [культурный акт], отвлеченный от границ, теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»².

Но возникает вопрос: идет ли в нашем случае речь о такой культуре? Можно ли назвать *такой* культурой состояние, при котором желание диалога есть, и он осуществляется, но нет никакого желания создавать то, что иногда, словно в насмешку, называется «нетленкой»? «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться». Бахтин не говорит здесь о культуре, он говорит об экзистенции человека. И то, что не может кончиться, скорее можно назвать полифоническим общением. А полифония вряд ли относится только к целостности человека. Она может относиться к чему-то вообще, может быть связанной и с разными целыми, и с осколками целого. Все, что происходит при таком многоголосье, происходит как необходимое следствие вопрошания бытия человеком, имеющего силу и значение всеобщности, глобальности, если угодно, имманентно присущего человеческому сознанию, в каких бы формах оно ни проявлялось. В полифонию включается и зов пустоты. Жан Кокто выразил это так: «Я корю себя за то, что у меня есть [много] чего сказать и гораздо больше того, о чем

не скажешь, того, что наплывает, до такой степени окруженное пустотой, рождающейся вокруг...»³

Новая форма философии предполагает нахождение голоса, обретение голоса, который может, конечно, и затеряться в Сети, но может вдруг оказаться востребованным. Предлагаемое Сетью вовлечение лишено страха, который рождается от одного лишь сознания всеобщности истины («Страх — начало познания»). Оно дает новое понимание универсальности как свойственной одному. Универсальностей столько, сколько слов. В этом смысле мы находимся при создании новой формы философии как скрыто-откровенной демократии, при которой доносятся не только голоса наших современников, готовых и объяснить, и переделать мир, но и все звучавшие голоса (Гуссерля, Гегеля, Малевича, Хайдеггера, Библера, Бахтина), которые лишаются статуса *указаний* относительно способов быть, но приобретают статус *предложений*: выбирай на вкус.

Не случайно современное культурно-политическое состояние выражается в терминах рекламы. Массамножество может опираться на некое первое лицо, но чаще эти лица служат не более чем сигналом к какому-либо действию: двигаться или высказываться. Это не прежний властитель дум. Он как бы случайно «попадает», оказавшись впереди или высказавшись таким образом, чтобы я захотела отреагировать, даже если наши целевые установки не совпадают. Его задача (если у него вообще есть таковая) — организовать некое коммуникативное бесстрашное пространство, в котором мы можем не слышать друг друга, но реагировать на некие возгласы, ключевые слова. Такой лидер не обладает свойствами целеустремленной личности, а наоборот, предполагает такой способ быть, который может вести и к потере «я». При этом все способы быть и не быть, однако, концептуализируются («схватываются»), иначе в коммуникации вообще нет никакого смысла.

Но современный концепт — не «схватывание» *смысла* вещи, делающего ее понятной и прозрачной: все уменьшающийся вес, скорость и разнонаправленность движения таковы, что притязания участников коммуникаций не успевают сформироваться, их концепты-произведения распадаются едва ли не в тот же момент, когда рождаются. Нынешнее «я» не интересуется знанием как умением что-то делать или понимать. Синонимом знания сейчас выступает информация, термин, из которого исчез смысл оформленности образа и который стал некоей суммой применимостей. Такое «я» не столько дает имена вещам, сколько определяет меру мнимостям, приобретшим лицо истины. Даже «высоколобые» (термин А. Я. Гуревича) утратили живой интерес к тому, как именно думают другие: торопясь высказаться, мы мало «читаем» друг друга.

Поэтому сейчас вновь стоит проблема понимания, выраженная, как говорил М. Хайдеггер, в настроенности философской «захваченности» бытием. Если, предположим, «понять» для Античности — значит «обнаружить эйдос вещи», для Средневековья — «уразуметь веру в ту истину, что уже дана в откровении», для Нового времени — «познать вещь», то сейчас «понять» —

¹ Библер В. С. Идея культуры в работах Бахтина // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989. С. 50.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 25.

³ Кокто Ж. Тяжесть бытия. СПб., 2003. С. 201.

значит «концептуализировать те ситуации, в которых ты лично заинтересован, уметь повернуть их (отсюда важная роль тропов-поворотов) в нужную или выгодную для тебя сторону». То, что мы сейчас обращаемся к анализу фрагмента, есть следствие незримого действия новой скорости. Концепт (поэтому он сегодня и важен) лично схватывает этот фрагмент. Ум вынужден обрабатывать сферу между этими создаваемыми и летучими концептами. И именно такой ум метафизичен. Рассудок же отчужден в компьютер. Ум и рассудок вступают в хитроумную игру (одно из определенных Софии-мудрости). Она позволяет вблизи заглянуть

прямо внутрь любой вещи, оценить и, если надо, представить ее в ином свете.

Отсутствие сегодня мощной теоретической мысли — не болезнь, а сама глобальная современность, требующая глобального диалога и концептуальной «схватываемости» разнородного, полифонического звучания для своего выражения. В скорости концептов, однако, присутствуют и национальное своеобразие, и особенности культурных регионов, которым не мешают ни готовность к употреблению, ни гарантированное качество, ни упаковка. Возможно даже, они усугубляют культурное своеобразие.

О. В. Нечипоренко¹

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В начале третьего тысячелетия меняются казавшиеся устойчивыми традиционные национальные и государственные идентичности, возникают вызовы со стороны различных региональных идентичностей. Конструирование национальной идентичности в современных реалиях выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции политической структуры общества и о векторе развития политического процесса. Поиск главного вектора развития страны, разработка государственной идеологии национальной идентичности на современном этапе развития становятся важными факторами реализации государственной стратегии. В развитом виде национальная идея предстает как национальная идеология, то есть система определенных идей, связанная между собой. Национальная идеология отражает процесс исторического развития нации, ее представления о ценностях своего общества, а также ее отношение к другим нациям и ценностям.

Посредством создания и поддержки общегосударственных форм идентичности в полиэтничном обществе государство не только предотвращает возможные конфликты, но и «собирает» нацию, регулируя, часто жестким образом, отношения между разными входящими в нее этносами. Это наглядно проявляется, например, в действиях США по конструированию «иммиграционной» нации: работа по «сплавлению» иммигрантов с самого начала считалась одной из главных задач государства. При канцлере Бисмарке государство сконструировало и немецкую нацию — после объединения разных земель, жители которых считали себя самостоятельными народами.

¹ Ведущий сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор социологических наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Сельские сообщества изменяющейся России: инновации и традиции», «Социальная политика: мифы и реалии», «Цивилизационные процессы на рубеже веков: глобализация, модернизация, трансформация», «Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ», «Динамика цивилизационных процессов в парадигме глобалистики», «Формирование толерантного сознания в современном казахстанском обществе», «Социальное государство в современном мире: приоритеты развития», «Взаимодействие культур и систем ценностей в глобализирующемся мире».

В конструктивизме принята определенная формула: государство является системообразующим фактором формирования народа (нации). В этом подходе на первое место ставят именно созидательную роль государства, конструирующего нацию. Таким образом, существует прямая связь между народом и государством, между этническим чувством и государственной национальной политикой. Государство собирает и «держит» народ, а «собранный» народ «держит» государство. Лишь в таком состоянии оно оказывается легитимным, являясь главным субъектом, «собирающим» нацию, субъектом нациестроительства.

Вместе с тем нельзя не признать, что большинство государств создаются самоутверждающимися национальностями, ищущими самостоятельного исторического бытия, и поэтому они национальны в своем происхождении и в своей сущности. Глобальные цивилизационные процессы современности влекут за собой очередную актуализацию этничности и различных национальных традиций, стремление к обретению своей отличительности и уникальности, развитию потребности в «корнях», в самовыражении, что, несомненно, породит массу принципиально новых конфликтов и противоречий в социуме.

Важной предпосылкой урегулирования национальных конфликтов и формирования стратегически ориентированной национальной политики является разработка и оформление общенациональной идеи, что предполагает как активизацию процессов национальной и общенациональной идентичности на уровне национального самосознания различных народов, так и определение особенного и общего в собственно национальных концепциях развития через формулирование актуальных национальных потребностей, интересов, идеалов, идей.

В этом случае общенациональная идея мыслится как органический синтез того общего и актуального, что аккумулировано в национальных идеях и теориях конкретных народов, способствующий ее оформлению в целостную, непротиворечивую научную концепцию развития полиэтничного общества.

С такой точки зрения представляются несостоятельными и глубоко ошибочными позиции тех исследователей, которые считают, что национальная политика или национальная идея могут или должны быть денационализированы. Решение национальных вопросов полиэтничного общества возможно не путем уничтожения наций и народностей, не «денационализацией национальной идеи», а путем создания условий для расцвета всех наций и народностей, но не в ущерб другим и не за счет других. Актуализация и реализация данного принципа, во-первых, не противоречат, а, более того, совпадают с императивом общепланетарного характера, выражающегося, согласно А. Д. Тойнби, в том, что «человечество нуждается в единстве, но внутри обретаемого единства оно должно позволить себе наличие многообразия», то есть ту «цветущую сложность» (К. Н. Леонтьев), которая единственно и способна устранить опасную перспективу «раздора в единообразии» (Н. А. Бердяев); а во-вторых, адекватно отвечают исторической потребности полиэтнических государств в синтезе многообразных гетерогенных оснований (географической разнородности, экономической многоукладности, полиэтничности, поликонфессиональности и т. д.).

Совершенно очевидно, что национальная идея в полиэтническом государстве может быть лишь единственным многообразным. В связи с этим крайне актуален вопрос о взаимосвязи «отдельных» идей отдельных наций (идей нации) и общенациональной идеи. Идея нации представляет собой совокупность научно-теоретических представлений о нации как о конкретной этносоциальной общности, базирующихся прежде всего на анализе ее исторического прошлого и актуального настоящего. Национальный идеал, возникающий на основе и посредством идеи нации, собственно и оформляет национальную идею как достаточно многосторонний и многоаспектный идейно-теоретический комплекс будущности нации. Отсюда идея нации и национальная идея предстают как взаимосвязанные и взаимозависимые комплексы знаний, возникающие и функционирующие в теоретическом национальном самосознании, но различающиеся объемом содержания и уровнем обобщения. При этом понятие «национальная идея» шире понятия «идея нации». Их принципиальные отличия обнаруживаются на различных уровнях их временной актуальности (настоящее для идеи нации — будущее для национальной

идеи); на различных по масштабности осмысления уровнях национальной самоидентификации; в различиях содержания рефлексии (особенного в нации для идеи нации — всечеловеческого в нации для национальной идеи); и, наконец, в различиях доминирующего компонента (общегражданской нации — идеалов отдельных этносов).

Разработка единой общенациональной идеи призвана углублять осознание реально существующей общности народов полиэтнического государства, идентичности, на общем знаменателе. Общенациональная идея может стать интеграционной, если она будет приемлема для всех народов как основание новой формулы государственности. Иначе говоря, национальная идея есть осознание национальной идентичности во имя благополучия и процветания нации как согражданства. То, что объединяет всех граждан страны, гораздо значимей этнических различий.

Непротиворечивое формирование такой надэтнической общности возможно при предоставлении гарантий всем национальным группам равных возможностей развития культурно-языковой целостности, что в итоге обеспечивает высокий уровень их этнического самосознания. Как логическое следствие (и не в последнюю очередь именно как выражение благодарности за этноязыковую толерантность), у данных групп одновременно вырабатывается общегражданский патриотизм и не менее высокий уровень лояльности государству. Когда же в силу определенных условий, как объективных, так и субъективных, национальным группам отказывается в праве на культурную самобытность, то этничность и языковые вопросы политизируются. Крайними проявлениями этого являются сепаратизм и этнически окрашенный экстремизм.

Как показывает мировой опыт, всплески напряженности на этнической почве одинаково присущи как слаборазвитым, так и достаточно стабильным в экономическом отношении государствам. Для полиэтнических постсоветских обществ эта проблема в значительной части детерминирована переходным периодом и национально-государственным строительством. Однако универсальной, единой для всех модели национальной политики не существует. Каждая страна сама определяет собственную модель межэтнического и межкультурного взаимодействия и вырабатывает идеологию национального развития.

И. В. Палагута¹

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ «МОЗАИКИ»: К РЕКОНСТРУКЦИИ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ЭТНОГЕНЕЗА И ПОЛИТОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ²

Выявление факторов, определяющих процессы политогенеза, социогенеза, этногенеза и сложения форм культуры, требует изучения как можно более длительных отрезков времени, вмещающих исторические циклы разного характера и различной длительности. Этим определяется необходимость обращения к материалам дописанных культур, отраженных в археологических источниках. Реконструированные на их базе процессы могут быть верифицированы путем привлечения структурных аналогий из этнографических материалов.

В последние полтора десятилетия представления о начальных этапах формирования современного европейского пространства в эпохи неолита и энеолита, охватывающие отрезок времени с VII по III тысячелетие до н. э., в значительной степени стали меняться³. Причиной этого является, с одной стороны, введение в научный оборот новых материалов, с другой — их переосмысление с точки зрения новых исследовательских парадигм, а также ставшего возможным с 1990-х годов синтеза достижений и методов современной восточно- и западноевропейской науки. Сказалось и разрушение стандартных клише, в частности построений М. Гимбутас, долгое время господствовавших в области реконструкций явлений духовной сферы «старой Европы» (“Old Europe”)⁴. Демифологизация этой области исследований способствовала формированию более объективных подходов к рассмотрению материалов и изучению их на междисциплинарном уровне, выходящем за пределы лишь археологических построений и методов. Прежде всего это построение комплексных реконструкций в области палеодемографии, палеосоциологии, палеоэкологии, палеоэтнографии, когда степень изученности материала позволяет уйти от чисто археологических построений и увидеть за материалами «мертвой» культуры жизнь конкретных человеческих сообществ.

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)», «Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites», «Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.»; статей «“Биноклевидные” изделия в культуре Триполье–Кукутени: опыт комплексного исследования категории “культовых” предметов», «“Technical decoration” of the Tripolye Ceramics», «Элементы “технического” орнамента и проблемы интерпретации декора керамики Триполье–Кукутени» и др.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 11-06-00441-а).

³ См.: Whittle A. Europe in the Neolithic. The Creation of New Words. Cambridge, 1996; Carman J., Harding A. Ancient Warfare. Archaeological Perspectives. Stroud, 1999; Bailey D. W. Balkan Prehistory: Exclusion, Incorporation and Identity. L., 2002; Spataro M., Biagi P. A short walk through the Balkans: the first farmers of the Carpathian basin and adjacent regions. Trieste, 2007; etc.

⁴ Палагута И. В. Орнаменты Триполье–Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Вып. 1. С. 249–250.

Раннеземледельческую эпоху, по-видимому, следует связывать с доиндоевропейским населением Европы, однако однозначных отождествлений древней культуры и языка при отсутствии письменной его фиксации быть не может. На сложение пестрой картины археологических культур и их вариантов, а также на различие культурных традиций повлияло как разнообразие европейских ландшафтов, в рамках которых складывались особенности систем взаимоотношений человека и природы, так и культурные связи, наличие или отсутствие контактов с автохтонным или соседним населением, формирование надкультурных систем обмена сырьем и престижными предметами.

Вопрос об отождествлении археологической культуры с этносом является ключевым на протяжении почти всего существования научной археологии. Ключ к его решению — не поиск языковых и этнических проявлений, зачастую бесполезный при отсутствии данных о языке, а реконструкция культурного комплекса, важными элементами которого выступают особенности не только хозяйственно-бытовой сферы, но и искусства, играющего важную роль в утверждении групповой идентичности⁵. Возможности подобных реконструкций на материалах раннеземледельческой эпохи оказываются гораздо шире, чем для последующих периодов, из-за относительно слабого развития надкультурных и надэтнических систем обмена и торговли, а также из-за отсутствия государственных образований.

Проведенные автором реконструкции ряда сообществ позволяют констатировать их уникальный характер, не находящий прямых аналогий как в древности, так и в этнографических материалах.

Так, поселения-гиганты трипольской культуры на Украине представляют формы эгалитарных общественных структур, объединяющих до десяти тысяч жителей. Отсутствие монументальных сооружений, схожесть наборов находок из различных построек, отсутствие могильников, ритуальный характер кладов позволяют предположить эгалитарный характер сообществ. Примеры существования подобных структур, в которых объединению способствовали прочные горизонтальные связи между семьями, не требовавшие создания иерархических структур, крайне редки (одну из немногих параллелей представляют апатани в Северо-Восточной Индии⁶).

Не является прообразом государства и сообщество, оставившее Варненский могильник. Несмотря на выделение в его пределах исключительно богатых погребений, в которых вес золотых изделий исчисляется кило-

⁵ Работа автора, посвященная рассмотрению в этом контексте раннеземледельческой пластики, в настоящее время сдана в печать.

⁶ Березкин Ю. Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 70–74.

граммами, мы не можем считать это сообщество организованным по принципу государства. Наиболее богатые погребения, большинство из которых не содержат человеческих останков, здесь имеют скорее символический характер, изображают пары предков¹ и не связаны с конкретными лидерами (кроме погребения 43). Нет и монументальных надмогильных и культовых сооружений. Кроме того, в аналогичных сообществах (Дуранкулак со схожей структурой могильника, в котором не обнаружены столь богатые погребения) отсутствуют постройки, которые можно было бы с уверенностью идентифицировать как жилища элиты.

Уникальны общества, положившие начало европейской традиции сооружения монументальных сооружений — ронделл. Анализ специфики находок и конструкций свидетельствует об их полифункциональности, когда огороженные священные места, сооружение которых становилось «социальным актом» для коллектива, использовались и для обороны «священной» территории, с которой ассоциируется групповая идентичность².

Все это «ранние комплексные общества», отражающие начальные этапы политогенеза и достаточно разнообразные формы человеческой организации. «Самозарождения» государства в Европе, несмотря на достаточно высокий уровень развития технологий и объединение людей в значительные по размеру коллективы, при этом не произошло.

Непрочность социальных структур «культур балканского типа» (по В. М. Массону), в рамках которых возникли лишь отдельные элементы иерархии, приводит к прекращению их существования. По времени это совпадает с изменениями климатических условий, которые дают толчок к формированию культур, основанных на меньших по размерам коллективах, но сплоченных на основе развитой системы иерархических связей. На фоне технологического прогресса, обусловленного изобретением металлургии бронзы и колеса, такое устройство оказывается более прогрессивным.

Начало III тысячелетия до н. э. совпадает со сложением первых государств на Ближнем Востоке, что позволяет предполагать как прямое, так и косвенное воздействие этого процесса на развитие других регионов, в том числе и Европы. В связи с этим определенные основания имеет точка зрения П. М. Кожина, который видит образование государства как одноактное действие, под воздействием которого аналогичные процессы начинают проходить по «варварской периферии», охватывая все новые регионы³.

Обосновать данную точку зрения или опровергнуть ее поможет дальнейшее комплексное исследование материалов, а также построение базы данных, представляющих такие характеристики обществ, на основании которых можно провести корректные аналогии с этнографическими сообществами, а также выявить их уникальные черты.

Г. А. Праздников⁴

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОМОСФЕРА: НРАВСТВЕННО-СМЫСЛОВОЕ ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОГО МИРА

Сложный многомерный процесс глобализации, рассматриваемый как необходимое выражение объективных универсальных исторических тенденций, есть вполне очевидное, подробно описанное и проанализированное явление неизбежного сближения народов, наций и стран. Мощное развитие информационных связей на основе новейших средств коммуникации; возрастающая интенсивность миграционных потоков; единые механизмы мировой экономики, транснациональные корпорации; создание международных политических правительственных и неправительственных организаций; свободное движение по планете новых достижений технической цивилизации...

¹ См.: *Маразов И.* Митология на златото. София, 1999.

² *Палагута И. В.* Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб., 2011. С. 81–86.

³ См.: *Кожин П. М.* Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М., 2011.

⁴ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Направленность художественной формы: художник и публика», «Нравственный смысл художественного творчества» и др. Член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга.

Охватывает этот процесс и область духовной культуры в полном объеме. Даже в такой тонкой и сложной сфере, как искусство, общность художественного развития выявилась сравнительно рано — уже в XVII–XVIII веках. Сходные художественные процессы обнаруживались в странах, находящихся на совершенно разных уровнях политического и экономического развития. В первой половине XIX века появляется понятие «мировая литература», впервые использованное Гёте в одной из бесед с Эккерманом (1827). Он и позже неоднократно обращается к теме «Weltliteratur», толкуя не самоочевидный факт существования словесных форм в разных странах и эпохах, но акцентируя внимание на взаимосвязях, взаимовлияниях, основанных не только на заимствовании литературных приемов, но и на общности гуманистических идеалов. Спустя двадцать лет в более широком смысловом контексте понятие «мировая литература» используют Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Для названных авторов понятие «мировая» означает общность литератур западноевропейского ареала. В наше время — это пространство всех пяти континентов и предельно широкое предметное содержание — «мировая культура». Теоретическое содержание понятия укрепляется и развивается по мере фактологического постижения и осознания всемирной истории как единого процесса.

Заметным событием не только российской, но и мировой науки стала книга академика Николая Иосифовича Конрада «Запад и Восток» (М., 1966), результирующая многолетние исследования выдающегося советского ученого в области сравнительно-типологического изучения культур. Колоссальную теоретическую ценность представляет спектр предложенных автором подходов, выявляющих эту общность: историческое единство культур в прошлом; сопоставление культур, существовавших в одинаковые исторические периоды; сравнительное изучение не связанных друг с другом культур Запада и Востока; типологическая общность культурных явлений, складывающаяся в независимом друг от друга существовании и, наконец, взаимовлияние культур друг на друга в их взаимодействии. Идея общности человеческой истории — центральный идейный стержень этой работы; неслучайно статья «О смысле истории» поставлена в конец книги.

Еще в 1920–1930-е годы наш великий соотечественник академик Владимир Иванович Вернадский рассматривает человечество как единое целое в качестве важнейшей «ставшей» характеристики новейшей истории, касающейся «всех и каждого». Это состояние человеческого рода, трактуемое им как геологический фактор (свойство планеты Земля), Вернадский назвал «ноосферой» (сферой разума). В высшей степени значимо, что новый этап истории ученый связывает с перестройкой мира в интересах свободного мыслящего человечества на основе критерия *справедливости*¹.

В наших разговорах о глобализации ее экзистенциально-нравственное измерение чаще всего оказывается вынесенным за скобки. По умолчанию предполагается, что глобализация — благо, а некоторые ее отрицательные тенденции — лишь неизбежные издержки сложного процесса. Антиглобалисты на экранах телевизоров выглядят как сборища хулиганов, мешающих ответственному государственному деятелям решать серьезные вопросы. Все намного сложнее.

Выступая на Лихачевских чтениях 2010 года, член индийского парламента М. Джоши отметил страшное противоречие между привлекательностью самого слова «глобализация», пробуждающего в нас «благородное чувство “единой земли”», обращающего к идеалам человеческого единства и всеобщего братства, и реальным глобализмом «рыночных сил с бандитской конкуренцией» и растущим неравенством между народами и внутри конкретных стран². До известных пределов можно безоценочно говорить о глобализации, описывая ее аспекты, формы, характеристики, но такой подход невозможен, когда речь идет о глобализме — идеологии и практике сознательного управления этим процессом.

Общность истории с особой очевидностью открылась человеку XX века. Тогда впервые появилась возможность охватить единым взором культуру большого времени и большого пространства, хотя идея глобального мира существовала на протяжении всей человеческой истории. Ныне всемирность бытия не только постигается на теоретическом уровне, но и переживается

лично. Мир предстал перед нами в поражающем воображение многообразии. Все практические и теоретические (их предостаточно) попытки унифицировать это многообразие мирового развития (*одна культура, одна религия, одна философия*) губительны. Один из самых неудачных социальных прогнозов XIX века на грядущий XX — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для XX века. Ее острота не утрачена и с переходом в новое тысячелетие. Чего стоит такая угроза цивилизованному человечеству, как терроризм. Нет и не может быть оправдания убийству беззащитных, безвинных людей. Нет иной альтернативы, кроме беспощадной борьбы с ним. И все же надо найти мужество понять невероятную сложность ситуации, суметь в бесчеловечных действиях увидеть и жест отчаяния, толкающий молодых женщин на добровольную смерть. Да, фанатизм. Да, нет и не может быть оправдания. Но остается наша обязанность — понять. Нарастающая волна ненависти не может быть остановлена силой или попыткой переделать многообразный мир по единому образцу и подобию — пусть сильного, развитого, демократического, но *другого* государства. Безумна и преступна сама попытка присвоения себе такого права.

Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая — для существования целого, развивающегося через «равноразличия» (М. Гелфтер). Вместе с тем понимание необходимости сохранить многообразный мир не только не исключает, но и предполагает возможность увидеть это *многообразие как единство*. Вспомним еще один смысловой аспект глобальности, дополнительный к глобальному, относящемуся ко всему на Земле («globus»). Глобальность — как постижение вещей в сущностных характеристиках, обнаруживающих их всеобщность, всеобъемлемость, целостность («global»). Планетарно осваивая мир, мы обнаруживаем *различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство в различиях*. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных, *смысловых* основаниях человеческого бытия, *отражая* их и одновременно участвуя в *порождении и закреплении* смыслов истории.

В своей концепции культуры Д. С. Лихачев постоянно обращал внимание на ее *объединяющую* роль, полагая эту ее функцию как *целевую*. Это взаимное общение и стремление к нему возможны только на основе некой единой силы, связывающей все культуры. Один из крупнейших историков минувшего века Арнольд Тойнби просто и точно определил эту «тягу» людей друг к другу как потребность реально осознать и пережить *«обицую им человечность»* (курсив мой. — Г. П.), позволяющую жить вместе одной семьей, сохраняя при этом культурное разнообразие. А. Тойнби, как и его адресат Н. Конрад, видят реальную опасность во «всепоглощающей унификации», которой надо противостоять всеми силами³.

¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 24.

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 года. СПб., 2010. С. 68.

³ Диалог историков. Переписка Ф. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177.

Здесь хочется процитировать (по памяти) замечательное высказывание из «Дневников» Ф. Кафки: «Все хорошие люди идут в ногу, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи».

«Общая человечность» — вовсе не абстрактно-теоретическое понятие. Она конкретно воплощена в духе любви, заключенном в разных религиях, фольклорных параллелях, сущностной близости философских исканий¹, легком пересечении границ искусством и др. Эта человечность воплощается в культуре, подтверждается и утверждается ею.

Мы все более отчетливо понимаем, что всякая деятельность осуществляет свое назначение в смысловом пространстве человеческой жизни. Специфические характеристики любой культурной деятельности «работают», а главное — что-то значат только в реальном человеческом бытии. «Мир человека» — понятие нейтральное, безоценочное, нетождественное «человеческому миру». *Человечность* — качественная оценка этого мира, экзистенциально-нравственное его толкование. Человеческий мир строится в соответствии с идеалами добра–истины–красоты (какую бы ироническую усмешку ни вызвала эта фраза у постмодерниста). Современная культура утратила статус самоценности и вышла за рамки самооправдания.

Мы знаем не только бесчеловечные научные и технические проекты, но и лишённые человечности философию, эстетику, этику; антигуманное (даже манифестированно антигуманное) искусство, чудовищные проявления религиозного фундаментализма, уродующий человека спорт — практически весь объем «культурных усилий», ведомственно принадлежащий гуманитарной сфере. Со всей очевидностью обнаруживается ныне бесчеловечность рыночно-центристского подхода к реформированию России. Наши беды, вызывающие все более выраженную социальную напряженность в стране, раньше казались следствием естественных трудностей переходного периода, а сейчас все отчетливее осознаются как прямое следствие идеологии либерально-рыночного фундаментализма. Факты аналогичных процессов за рубежом облегчения не приносят.

В одном интервью в середине 1980-х годов Д. С. Лихачев высказал мысль о необходимости выработать научное понятие, вмещающее в себя совокупность сложнейших отношений людей друг с другом, внутренний мир отдельного человека, контакт человечества с природой и Вселенной. По его мнению, это должно быть понятие «всеобъемлющее, как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себя иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность»². По мнению Дмитрия Сергеевича, такому содержанию мог бы отвечать термин «гомосфера» (человекофера). Посвятивший всю свою многолетнюю жизнь исследованию русской культуры, ученый никогда не мыслил ее изолированной от культуры мировой, всегда ставил вопрос: «Что мы взяли у других и что мы им сами дали?»³ Даже соборность, традиционно полагаемую характер-

ной для православного мира, Д. С. Лихачев рассматривал как черту универсально европейскую.

В контексте рассматриваемой темы необходимо отметить нераздельное для Дмитрия Сергеевича соотношение проблем «человечества и человечности»⁴ (курсив мой. — Г. П.). Он говорит о необходимости *гуманизации* гомосферы, подчеркивает, что пока видит только знаки, тенденции, штрихи, «намекы на будущее». Даже делает оговорку: если допустить (чего он не допускает!), что эти его построения ошибочны, «что все идет в мире по нисходящей», то оптимизм необходим, «как мощный стимул борьбы за добро против зла»⁵.

После этого интервью прошло почти 30 лет — для современных темпов исторического процесса более чем достаточный отрезок времени. Действительно, вроде бы не оправдались надежды нашего замечательного современника: все чаще говорят об инволюционных процессах в культуре, ее «варваризации» и прежде всего об утрате миром человечности. Оснований для горестных суждений более чем достаточно. В этих условиях невозможен натужный оптимизм. Неприемлем и пессимизм, ибо последовательная безнадежность по большому счету предполагает осознанное коллективное или индивидуальное прекращение жизни. На эти процессы необходимо смотреть реалистически, памятуя о том, что все происходящее в сфере духа зависит от человека. Как писал Б. Пастернак в одном из писем О. Мандельштаму: умирает то, чему дают умереть. В уже упомянутой выше работе академика Н. И. Конрада тоже ставится эта острая, тревожащая нас проблема: можно ли говорить о каком-то историческом прогрессе, развитии человека и человечности, когда реальный человек окружен океаном горя и страданий? Все это было и есть. Однако «великим достижением человечества и, пожалуй, наивысшим проявлением прогресса» было распознавание зла, названного злом, насилия — насилием, преступления — преступлением. Это не просто слова, что-то обозначающие: «Они пострадали, они родились в процессе развития и борьбы»⁶.

Единство человечества — не прекраснотушная формула. Мир в целом и любой его отдельный фрагмент сегодня представляют собой напряженную поляризацию сил. Злу противостоят силы сопротивления. Должны противостоять. Тихий, мягкий, интеллигентный Дмитрий Сергеевич не избегал императивного тона: «Культура *должна*...», «Человек *обязан*...» И государство должно, обязано. Гражданское общество должно, обязано. Великие понятия «право» и «свобода» «заболтаны» до неприличия. В условиях нынешнего состояния страны и мира говорить о правах и свободах без одновременного акцента на обязанностях и ответственности просто стыдно. Сделать мир, в котором добро и справедливость — не только этические принципы, но и формы повседневного поведения — от интимного общения до межгосударственных отношений, — наша первейшая всеобщая обязанность.

⁴ Лихачев Д. С. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мира.

⁵ Лихачев Д. С. Память истории священна. С. 19.

⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 508.

¹ «Есть <...> одна философия, по-разному выполненная в текстах различных стран, культур, времен и личностей» (Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1999. С. 25).

² Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 15.

³ Лихачев Д. С. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мира // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.

М. М. Рогожа¹**СОЦИАЛЬНАЯ МОРАЛЬ КАК ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Глубинные цивилизационные сдвиги на рубеже XX–XXI веков притягивают внимание исследователей различных отраслей социогуманитарного знания и широкой общественности к духовной составляющей современного социального мира и задают предпосылки для создания дискурса, в котором этическая проблематика занимает одно из главных мест. Нравственная оценка явлений и анализ моральных ситуаций в этом дискурсе выводят на общие вопросы моральной регуляции общественного бытия, что свидетельствует о четкой общественной потребности в участии профессиональных этиков в осмыслении и обсуждении общезначимых вопросов, актуальность которых подтверждает их вынесением на суд широкой общественности.

Особое значение в такой ситуации приобретает обращение к специфике общественной морали, возникшей в духовном пространстве модерна, которая продолжает выступать одним из универсальных факторов формирования современных конфигураций европейского социокультурного пространства. Ее особенностью является тесная, взаимообусловленная связь живой нравственной практики и этической рефлексии с мощной социально-этической составляющей. Тенденция взаимозависимости социально-этической теории и нравственной практики, обусловленная особенностями социокультурных трансформаций Европы в эпоху раннего модерна и до сего дня, не только не утрачивает своей актуальности, но становится еще более востребованной под влиянием технологических, экологических, биоэтических и прочих проблем современности. Сочетание теории и практики и, как следствие, формирование праксеологической этической теории, релевантной актуальным общественным потребностям и нацеленной на внедрение в общественную жизнедеятельность, стали одними из наиболее весомых достижений эпохи. Этот опыт появился в процессе формирования гражданского общества и оказался настолько эффективным, что постепенно был распространен во всех европейских странах, имеющих достаточные предпосылки для его применения.

Гомогенная социально-нравственная практика современной Европы, сформированная в эпоху модерна, является одним из важнейших интеграционных факторов и источником формирования морально нагруженных «европейских ценностей» (свободы, равенства, справедливости и т. п.). Современные этические исследования направлены на углубление понимания моральных измерений современных социокультурных процессов, проливающих свет на особенности формирования живой нравственной практики модерна и стратегий моральной философии, предоставлявших интеллектуальное сопровождение непосредственным процессам

социокультурного бытия в эпоху модерна. Внимание специалистов привлекает специфика моральной регуляции в современном гражданском обществе. Поэтому актуализуются вопросы о природе общественной морали и функциях, которые востребованы обществом и содержательно корректируют интеллектуалы, формулируя свои концепции в качестве ответа на общественные запросы интеллектуальной поддержки социальной жизни.

Условием формирования моральной регуляции как всеобщего фактора организации общественной жизнедеятельности новоевропейской эпохи является фоновая культура общества модерна. Фоновая культура сформирована непосредственным имманентным социальным опытом гражданского общества, обусловленным социальными институтами модерна, включение индивида в который делало возможным восприятие им базовых социально-нравственных ценностей. Такими ценностями являются фронтальность, индивидуализм, искусственная солидарность, терпимость, законопослушность. Анализ практики гражданского общества в эпоху раннего модерна позволяет определить ее социально-нравственные составляющие, которые формировались в процессе ее оформления: толерантность, вынужденное взаимодействие в решении проблем общественной жизнедеятельности, конвенциональность. Изучение специфики функционирования гражданской сферы в ведущих европейских странах позволяет содержательно конкретизировать общий настрой Просвещения на научно выверенное внедрение светской морали в гражданскую сферу и проследить контекстуальный характер просвещенческих образовательно-воспитательных программ.

Анализ идейных поисков этики модерна ведет к дальнейшему развитию наличествующей в современной моральной теории тенденции разграничения двух образов морали в пределах новоевропейской моральной философии. Критерием различения может быть взят субъект морали, сформированный в конкурирующих стратегиях модерна — линии Канта и линии Юма. Субъект морали линии Канта — направленный на гуманистический идеал активный самостоятельный субъект, автономный индивид. Субъект морали линии Юма нуждается в обществе, в котором возможна его самореализация на принципах здравого смысла как форме сознания социальной общности.

Основополагающей формой бытия морали в социокультурном пространстве модерна является социальная мораль гражданского общества, выступающая в качестве конкретно-социального праксеологически ориентированного знания, сформированного в рамках этики линии Юма. Социальная мораль формируется живым опытом гражданского взаимодействия как осознанная общественная потребность в самоорганизованном горизонтальном упорядочивании гражданского пространства на принципах свободы актуальных возможностей и корректируется моралистами

¹ Профессор кафедры истории и культурологии Национального авиационного университета (Киев, Украина), доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Экологическая этика и международная политика», «Социальное учение С. Л. Франка в контексте современного этического дискурса», «Этические проблемы отношения к домашним животным», «Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки» и др.

в режиме реального времени. Социальная мораль имеет универсализирующий потенциал благодаря функционализму с четко выраженной направленностью на минимализм. Минимализм состоит в содержательной усеченности моральных требований, которые могут объединить всех граждан в их соблюдении. Объединяющий минимум социальной морали упрощен до уровня восприятия наименее нравственно развитого индивида, а следовательно, универсален в своей обращенности к каждому.

Осмысление трансформаций в современном социально-этическом пространстве проблематизирует определение процессов в моральной практике современности в качестве постмодернистских и свидетельствует о наличии двух стратегий моральной философии, которые осмысливают постмодернистские тенденции в сфере морали. Первая является дескриптивной фиксацией свержения метанарративов современной этики и ценностного вакуума, занимающего их место. Вторая — это индивидуальная этика элитарного перфек-

ционизма, которая в своей нормативной части гомологична программам индивидуального совершенствования, предложенным в рамках новоевропейской философии морали.

Современная социальная этика развивается в концептуальных рамках позднего модерна, ее магистральное направление задается линией Юма. Конструктивистские теории социальной морали предлагают модель перекрестного консенсуса как инструментальный способ социального единства, обеспечивающий действенность горизонтального взаимодействия и баланс социально-нравственных ценностей наличных метафизических доктрин в условиях нестабильного равновесия общества позднего модерна. Социальная мораль послужила действенным фактором европейской интеграции. В современной европейской социокультурной ситуации практика социальной морали на основе перекрестного консенсуса способствует формированию и поддержанию гомогенных социально-моральных ценностей.

Т. Б. Сиднева¹

НАЦИОНАЛЬНО-ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО И ГРАНИЦЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ИСКУССТВЕ

В современной художественной культуре происходит стремительное насыщение информацией о самых разных исторических эпохах и этнических традициях, открываются новые факты и имена, преодолеваются географические, социальные, психологические границы, в крайне подвижном состоянии оказывается иерархия традиционных ценностей. Все эти процессы свидетельствуют о формировании единого пространства художественных смыслов, в котором, казалось бы, утрачиваются некогда полагавшиеся неизблемыми антинормами «своего» и «чужого», традиционного и новаторского, индивидуального и всеобщего, национального и интернационального. Технически оснащеному человеку эпохи глобализации независимо от того, в какой точке земного шара он находится, открываются безграничные возможности в освоении искусства самых экзотических регионов, хронологически отдаленных периодов истории. С точки зрения доступности искусства нивелируется принципиальное различие столицы и провинции (примером тому являются виртуальные музеи, интернет-трансляции в режиме онлайн концертов, конкурсов, спектаклей и т. д.). Преодоление времени и пространства стало характерной приметой современного художественного опыта.

В то же время в ситуации развернувшейся множественности взаимодействующих и ассимилирующихся

культур оказывается чрезвычайно важным достоверное определение таких понятий, как «этническая идентичность», «национальное единство», «дух нации». Именно эти понятия оказываются жизненно необходимыми для понимания природы художественного опыта и осознания его особенной роли в современной культуре.

М. Хайдеггер размышляет об укорененности искусства в почве своей родной земли, «в родине, взрастившей художника». Он приводит слова поэта И. П. Гебеля: «Мы растения, которые — хотим ли мы осознать это или нет — должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды»². Полноценное художественное произведение «созревает» только на почве своей родины — для М. Хайдеггера это утверждение неотделимо от понимания свободы, подлинности «осмысляющего мышления», открытости истине. В речи, произнесенной в 1955 году, он сформулировал главную опасность наступающего техницистского века: «Нашему веку грозит утрата корней»³.

Сохранение национальной памяти, бережное отношение к традиции, заложенной предками, является важным моментом в концепции экологии культуры Д. С. Лихачева: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной дисциплины и социальности»⁴.

Искусство как воплощение чувственно-символического опыта человека, личностная форма мышления вырастает на почве неповторимого, уникального этноса. Национальный дух, который отражается в раз-

¹ Проректор Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Союза композиторов РФ. Автор более 140 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Музыка в ситуации смены мировоззренческих парадигм», «“Темного хаоса светлая дочь!” Проблема границы в музыке», «Парадоксы музыкального мышления», «Религиозный эстетизм как феномен русской духовности», «Возможна ли истина в искусстве? (В диалоге с Г. Гадамером)» и др.

² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 103.

³ Там же. С. 110.

⁴ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 50.

личных деяниях человека, коренится в таких сферах его «домашнего» мира, как климат, рельеф местности, открытость/закрытость пространства, коллективная память истории, лингвистические особенности языка, фольклор, традиционные обряды, обычаи повседневной жизни и многое другое. Все это обуславливает локальные различия в видении различными народами окружающего мира, в осознании себя в этом мире.

Очевидная неискоренимость этнического начала не утрачивается даже в ситуации сверхактивного разрушения национальных границ, хотя многим сегодня дискуссии о национальном искусстве представляются анахронизмом или «цеплянием за фольклоризм». Характерно признание финского дизайнера М. Пири: «Если я даже буду бороться со своей финскостью, она все равно останется при мне. Когда я работал в Нью-Йорке, я чувствовал, что создаю финский дизайн, только мой взгляд на то, что есть финское, стал намного шире»¹.

Своеобразие национального искусства отражается не в охранительской настроенности или патриотическом повороте мысли художников, не только в обращении к фольклорным темам и сюжетам или региональной ориентированности художественного сознания. Проблема заключается в понимании смысла искусства, коренящегося в «почве». Национальное начало (при известной «консервативности») не является замкнутым, «окаменевшим», завершенным. Это открытая система, живой развивающийся организм. Национальное искусство является частью общей истории мирового искусства, поскольку не только вырастает из собственной почвы, но и предполагает адаптацию «чужого» опыта. Д. С. Лихачев, определяя социально-исторические корни специфики русского барокко (не знавшего Античности и Ренессанса как предшествующих стадий), говорит о том, что оно исходило из внутренней потребности в барокко, но сложилось под влиянием восприятия европейских традиций. Искусство прошлого со всей очевидностью показывает нам, что «человечество едино. Путь каждого народа в своем “идеале” сходен с путями других народов»². В этом сходстве сокрыты архетипические основания культуры, позволяющие понять известную логику: глубокое проникновение в тради-

ции своей страны лучше позволяет понимать и осваивать другие культуры.

Двуединный процесс — утверждения национальной идентичности и одновременно «присвоения» чужого опыта — отражает сложный и драматический путь истории искусства. В русле этого процесса принципиальное значение приобретает феномен границы. Д. С. Лихачев, говоря о двойственности границы (предполагающей, с одной стороны, сферу творческого диалога, а с другой — область неприятия «другого»), подчеркивает, что самосознание воспитывается на границах культур³. Граница — как объединяющий и разделяющий рубеж — является мощным механизмом выявления этнокультурной самобытности искусства и в то же время его встроенности в процесс общекультурного развития. Мультикультурализм, если его понимать как открытый процесс, предполагающий множественность взаимовлияний при сохранении национальной целостности как «почвы» сознания, создает для искусства безграничные возможности воздействия на духовный мир человека, осмысление им многомерности бытия.

Характерный для российской культуры дар «всемирной отзывчивости», так пронизательно описанный Ф. М. Достоевским, отражается в изначальной ее открытости, чувствительности к постижению иного опыта и узнаванию в нем родства со своим. Продолжая размышления Достоевского о безграничной восприимчивости русской души, Г. Флоровский указывает и на обратную сторону этого дара: «Повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняют творческое собиранье души. В этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряется, сама себя теряет в этих переливах исторических впечатлений и переживаний. Точно не посвекает сама к себе возвращаться, слишком многое привлекает ее и развлекает, удерживает в инобытии. И создаются в душе какие-то кочевые привычки — привычка жить на развалинах или в походных шатрах»⁴. В этом предостережении заключены чрезвычайно важные качества мультикультурализма: его границы и пределы пролегают между крайностями замкнутости на своей суверенности и отреченности от родной почвы.

М. В. Силантьева⁵

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОИСКИ ПАРАДИГМ

Проблема поиска надежных идентификационных макросоциальных интеграторов нового поколения —

¹ Цит. по: Кондратьева К. Проблемы этнокультурной идентичности и современный дизайн // Гуманитарно-художественные проблемы образа жизни и предметной среды / Тр. ВНИИТЭ. Сер. Техническая эстетика. М., 1989. Вып. 58. С. 28.

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 328.

³ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 47.

⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/puti_russ_bogoslovija_florovskiy_2.htm (дата обращения : 09.02.2012).

⁵ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных

одна из насущных задач современного человечества. Распад традиционных норм и ценностей, связанных вначале с индустриализацией и модернизацией, а затем с ее «постстадией» — глобализацией и информационной революцией, привел к возникновению новой

публикаций, в т. ч.: «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Трансцендентальные мосты между временем и вечностью», «Духовный потенциал транзитивных социумов: опыт “включенного наблюдателя”», «Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества», «Элитное образование в МГИМО: философско-культурологический подход к проблеме качества», «Философия права в глобализирующемся мире: образовательный проект и общественный заказ» и др.

конфигурации социальных связей как на микро-, так и на макроуровне. Распространение массового производства и его продуктов в мировом масштабе, общий рынок, перенос инокультурных ценностей и норм в планетарном масштабе — все это обусловило серьезную деформацию сложившихся регуляторов, моделирующих способы и границы приемлемых форм социальной общности.

На микроуровне возникли социальные общности амальгамированного типа, объединенные случайной выборкой профессиональной занятости (например, работающие дистанционно специалисты того или иного профиля) либо по интересам (социальные сети и т. д.).

На макроуровне наблюдается нарастание аналогичной тенденции, вызывающей, с одной стороны, распад или по крайней мере амальгамирование социального пространства национальных государств. В качестве примера можно сослаться на современное состояние Балкан (так называемые «зоны проблемной государственности», которые стали следствием геополитического сдвига, последовавшего вслед за распадом СССР, Югославии и т. д.). С другой стороны, можно говорить о рождении новых геополитических союзов, примером чего служит Евросоюз. По сходному пути развивается мысль авторов новых геополитических проектов пантюркистского, панмонголистского, панславистского толка (которые пока еще не оформились во что-то политически конкретное, однако уже имеют определенную инфраструктуру с соответствующими политико-организационными центрами). К ним примыкают различные формы экономического, политического и прочего сотрудничества правительственных и неправительственных организаций ряда стран с соотечественниками, проживающими за рубежом, — для России здесь характерен социально-политический и культурный проект «Русский мир».

Транзит ценностей в вышеперечисленных случаях обусловлен не только внешними социальными и политическими причинами, но и определенным изменением сознания современного человека, связанным с глобализацией и информационной революцией. Заметим: не следует исключать из сферы влияния данных процессов страны периферии — возможно, она даже больше, чем геополитический центр, зависит от мультипликации гедонистического импульса, репликации потребительского ажиотажа и соответственно форсажа зависимости массового сознания от данных ценностных импульсов.

Сегодня выделение страны как носителя национального суверенитета из конгломерата этносов, их языков, традиций и даже территорий не может определяться исключительно материальными факторами, в том числе ориентацией на принудительные ресурсы государства. Регионализация, которую испытывает на себе не только вся Россия, но и Соединенные Штаты Америки, демонстрирует огромный ресурс новых форм сплочения нации на основе *общих ценностей духовного порядка*, главная из которых — *взаимопонимание*. Точнее, новый «мотив» объединения в общих границах заложен скорее культурой отлаженного диалога и взаимопонимания, нежели уважением к суверените-

ту и нерушимости границ, как декларировалось ранее (прецеденты — Косово и Республика Абхазия).

Мощным механизмом перекомбинирования социальной структуры в наши дни становится и *неофеодализм*, возродивший ориентацию на этнические и клановые связи при решении социально значимых задач. В наиболее радикальных случаях можно, думается, говорить о своеобразном «неорабстве», когда, например, работник оказывается в полной зависимости от работодателя по экономическим и внеэкономическим причинам. Последнее присутствует, например, в случае добровольного либо насильственного (по причине недееспособности) принятия в члены тех или иных религиозных организаций, как в случае с рядом новых религиозных движений, требующих от своих последователей полного отказа от собственности и абсолютно подчинения лидерам движения.

Поиск здоровых мотивов и путей реализации нового культурного синтеза в рамках поддержания идеи национального единства при указанных обстоятельствах далее не может опираться непосредственно на механизмы производства и торговли, то есть на мировое разделение труда и мировой рынок. Отсюда стремительное возрастание роли сакральных ценностей, как принадлежащих мировым религиям, так и создаваемых адептами новых религиозных движений. При кажущейся неосознанности числа реально верующих с количеством людей, заявляющих о своей принадлежности к той или иной конфессии, данное явление вполне объяснимо за счет определения причин этого стремления. Оно, как показывает детальный анализ, носит отнюдь не религиозную, а социальную подоплеку: сакральные ценности — это тот аксиологический предел, за которым измененные антропологические параметры продолжают давать интегративный эффект. К тому же они «освящены» историей (точнее, позволяют «освящать» те ее моменты, которые удобно акцентировать для тех или иных конкретных социально значимых целей).

Таким образом, существующие сегодня формы национальных объединений вынуждены учитывать существенную трансформацию ценностных форматов, включающих на уровне массового и оторефлектированного «элитарного» сознания фрагментированные системы разнородных ценностных матриц в качестве новых ценностных конгломератов, имеющих разную степень нарастания интегрированности в единое целое. Основные схемы таких «систем второго порядка», описанные на сегодняшний день, — это мультикультурализм и поликультурализм. Примечательно, что к настоящему времени сложилась четкая научная оценка не только позитивного, но и негативного потенциала каждой из указанных схем.

Дискредитированный в качестве абсолютной панацеи мультикультурализм, однако, нельзя полностью списывать со счетов истории. Прежде всего потому, что его основное требование — живите как хотите, молитесь кому хотите, — только соблюдайте законы той страны, где живете, и уважайте ее ценности. Это основное требование здравого смысла, без которого все дальнейшие усилия по спасению сложившейся социумной модели глобализационного типа обрече-

ны. Поликультурность в определенном смысле может быть продолжением мультикультурализма — в любом случае диалоговая модель сотрудничества не может пренебречь стартовым условием взаимного признания.

Итак, поиск новых парадигм национального единства в условиях глобализации должен опираться на несколько факторов. В их числе — изменение способов социализации и солидаризации, связанное с разви-

ем информационных технологий; усиление тенденции слияния разнородных ценностных фрагментов в единые системы «второго порядка»; крах иллюзий, связанных с мультикультурализмом и вместе с тем обретение им своего подлинного места как исходного регулятора социальности нового типа; и наконец, базовое доверие к ценности взаимопонимания в качестве условия возможности национально-культурного объединения в эпоху глобальных перемен.

А. Я. Флиер¹

ГРАНИЦЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА²

Как известно, абсолютной свободы не бывает. Абсолютная свобода — это хаос, а социальной жизни хаос противопоказан. Социальная жизнь предусматривает определенную упорядоченность, то есть ту или иную степень ограниченности в свободе сознания и поведения людей, вне которой их жизнь перестает быть социальной, системно организованной. Социальная свобода всегда имеет рациональные границы, и чем более четко они выражены, чем более понятны, тем увереннее люди чувствуют себя в системе такой свободы, тем органичнее ее воспринимают и эффективнее ею пользуются. Напротив, отсутствие границ и демаркаций дезориентирует человека в ситуации и фактически ограничивает его возможность воспользоваться своей свободой. Свобода неотделима от ясного обозначения своих пределов — как внешних границ, так и внутренних иерархий.

Как представляется, именно в неопределенности границ культурной свободы заключается основная проблема политики и практики мультикультурализма, осуществляемой ныне в странах Европы и Америки, а также в России. Отсутствие четко обозначенных и понятных пределов допустимого и недопустимого, произвольного и упорядоченного является главной «ахиллесовой пятой» этой политики.

Суть мультикультурной программы социального общежития, как известно, основана на уверенности в том, что людей разных этнических и религиозных культур можно смело селить на одной социальной площадке (в одном населенном пункте), не разделяя их территориально и не ограничивая в свободном культурном самопроявлении. Наоборот, разные практики осуществления собственных культурных манифестаций на «чужой» территории приветствуются как соответствующие духу прогрессивной мультикультур-

ной тенденции. При этом допустимые пределы таких самобытных культурных проявлений, степень их публичности и повсеместности, агрессивности и назойливости, необходимость в адаптации к местным нормам и традиционному укладу жизни демографического большинства никак не обозначаются и не оговариваются. Теоретически разрешается все. А необходимые социально-психологические установки для осуществления подобного общежития, такие как национальная и религиозная толерантность, понимание символических кодов чужих культур, взаимопонимание и взаим уважение в отношениях представителей разных культур и прочее, по мнению сторонников доктрины мультикультурализма, выработаются у людей стихийно.

Видимо, не нужно специально обосновывать высокий нравственный пафос идеи мультикультурализма. Если современный уровень научно-технического развития еще не может обеспечить «экономический коммунизм», то есть всеобщее материальное благоденствие, то общество пытается даровать людям «культурный коммунизм», выраженный в абсолютной свободе культурных самовыражений. Но...

Никоим образом не возражая против идеи мультикультурализма как принципиальной нравственной установки, предлагаю обратить внимание на некоторые практические сложности, возникающие при реализации этой программы. Понятно, что у представителей различных народов, оказавшихся таким образом в непосредственном территориально-коммунальном соседстве, возникают трудности во взаимодействии и взаимопонимании. Это связано с разным историческим и социальным опытом, с разницей в базовых установках исповедуемых религий, символике социального поведения, этнической специфике семейно-гендерных отношений, не говоря уже о проблемах чисто лингвистического характера и т. д.

Тем не менее эти сложности без особого труда преодолимы в случаях, когда таким образом взаимодействуют представители народов, находящихся на равном или близком уровне социального развития. Например, почти не наблюдается социокультурных проблем взаимопонимания и толерантного взаимодействия с местной социальной средой у японцев, живущих в европейском окружении, так же как и у европейцев в Японии; сравнительно легко находят общий язык волжские татары и русские, несмотря на разницу в вероисповеда-

¹ Профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, председатель Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурогенез», «Культурология для культурологов», «Некультурные функции культуры», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса», «Культурология 20–11» и др.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 11-03-12027в «Социокультурное развитие: аналитика, прогнозика».

нии, и т. п. Я уже не говорю о народах, принадлежащих к одному «цивилизационному кусту», скажем, обо всех европейцах-христианах и вообще о людях любой этнической и религиозной принадлежности, в целом ориентированных на европейский культурный стиль. Они находятся примерно на одном уровне социокультурного развития, и стереотипы их социального поведения, несмотря на несходство отдельных культурных форм, более или менее близки по существу. Главное, что у всех этих народов имеет место примерно одинаковое отношение к человеческой личности, ее свободам и правам, социальной автономности, защищенности от вмешательства в частную жизнь и т. п. Если в этом вопросе и есть какие-либо национальные особенности, то они касаются только «своих» и, как правило, не распространяются на «других». В целом говорить о какой-либо антагонистической несовместимости представителей таких народов при их соседском проживании не приходится, хотя мелкие недоразумения, разумеется, возникают.

Иная картина наблюдается в случаях, когда на одной социальной площадке вынуждены взаимодействовать представители народов, находящихся на разных этапах историко-социального становления. Например, когда индустриальных или постиндустриальных европейцев, американцев или японцев соединяют с представителями некоторых азиатских или африканских народов, находящихся на раннефеодальной или позднепервобытной стадиях развития. Подчеркиваю, что речь идет именно об общем стадийном разрыве в социокультурном развитии разных сообществ, а не об этнокультурных или религиозных особенностях. Например, показательно, что при всех проблемах, наблюдаемых ныне во взаимоотношениях коренного населения Европы и мусульманских диаспор, практически никогда не приходится слышать о какой-либо вовлеченности в такие конфликты иранской диаспоры (в США более 1 млн иранцев, в Европе — около 300 тыс.), и не потому, что иранцы настроены как-то иначе, чем другие мусульмане, а потому что иранское общество в целом находится на более высоком уровне социального развития, чем арабские или тюркские народы, и иранские мигранты в Европе ведут себя соответственно культурным стандартам местного населения.

Однако сторонникам мультикультурализма кажется, что, если поселить британского лорда и австралийского аборигена в соседних квартирах, то они не будут мешать друг другу. К сожалению, будут, и очень сильно, поскольку у них совершенно разные стереотипы социального поведения, практически не сочетаемые на одной территориальной площадке. Этот вопрос связан не с индивидуальными нравственными установками каждого из них, а с тем, что представления о социально допустимых и недопустимых порядках у них будут принципиально различаться. И проблема совсем не в том, что поведение лорда будет стилистически более утонченным (по европейским нормам), а абориген будет отличаться большей «простотой нравов». Это вопросы формы, и дело не в них.

Главное заключается в том, что при таком соседстве будет игнорироваться определенная историко-

социальная закономерность, которая в существенной мере определяет параметры непосредственной совместности представителей разных народов, и с ней необходимо считаться. Согласно этой закономерности, по мере продвижения человеческих сообществ от эпохи к эпохе, от одной стадии развития к другой постепенно менялось отношение к человеческой личности и уровню ее социокультурной автономии. Все более признавалось право индивида на личностное своеобразие и отличие от массового культурного стандарта; росли возможности для индивидуального выбора путей и форм социальной самореализации; возрастала защищенность индивида от грубого вмешательства общества в его личную жизнь, контроля за его интимной сферой и пр. Поэтому основная проблема соседства людей разных культур будет заключаться в том, что представитель культуры более низкого уровня развития не сможет оценить и соблюдать те нормы социальной индивидуализации и автономии личности, на которые будет претендовать представитель более развитой культуры, и вольно или невольно будет постоянно их нарушать. По этим причинам непосредственное коммуналное соседство британского лорда с австралийским аборигеном, русского интеллигента с кавказским джигитом представляется нежелательным. Не потому, что абориген или джигит нравственно несовершенны. Наверное, они замечательные и адекватные люди в рамках культурных норм своих народов. Но по уровню социокультурного развития они не в состоянии осознать и соблюдать те правила уважения к личности, которых придерживаются лорд и интеллигент.

Например, на улицах Москвы легко отличить кавказцев не только по внешним антропологическим признакам, но и по тому, что они делают замечания прохожим, громко обсуждают понравившихся или не понравившихся им девушек и т. п. Однако Москва — это не горный аул. Здесь не принят такой плотный социальный контроль за личностью, как у кавказских народов при их характерном уровне социального развития, и подобное поведение вызывает у москвичей раздражение. Конечно, это частный пример, но очень типичный. Подобное несоответствие стереотипов социального поведения приводит в том числе и к уголовным эксцессам.

Думается, именно в разных моделях допустимого социального контроля над личностью (как со стороны власти, так и со стороны соседей, прохожих на улице и прочего социального окружения) и сравнительно большей свободы от такого контроля, принятой в индустриально и постиндустриально развитой общественной среде, и заключается суть проблемы. Представители более традиционных культур, как правило, не в состоянии соблюсти такой режим социальной автономии личности, какой принят в Европе, что чревато конфликтами.

Таким образом, границы мультикультурализма определяются не только и не столько этнокультурными и религиозными параметрами своеобразия соседствующих национальных общин, сколько общим уровнем историко-стадийного развития тех или иных сообществ и совместимостью их представителей по это-

му признаку. При этом ярко проявляются характерные для той или иной стадии развития приоритеты в основаниях идентичности, норм социальной регуляции, стереотипов социального поведения. Эти приоритеты в целом хорошо известны, и определение историко-стадиального уровня развития той или иной национальной диаспорной группы по целому ряду характерных признаков не очень сложно. Нетрудно заметить, что, скажем, для сообществ позднерывыбитной стадии развития характерно агрессивное этнокультурное самоутверждение, клановость, «неприкосновенность» социальных обрядов и традиций жизнеобеспечения. Опасно нарушать их привычки именно в этом. Для сообществ аграрной (феодальной) стадии особенной значимостью обладают «правильное» вероисповедание, скрупулезная религиозная обрядность, агрессивные религиозные манифестации, религиозно детерминированное социальное поведение, внешний вид и пр. Гораздо сложнее ситуация, когда этническая общность в своем развитии находится на стадии перехода от поздней первобытности к раннему феодализму, и все эти приоритеты в ее культуре причудливо перемешаны. Следует отметить, что значительная часть архаических сообществ, к которым относится основная масса мигрантов, приезжающих в Европу и Америку из Азии и Африки, находится именно на этой переходной стадии (естественно, на разных этапах), и это создает дополнительные трудности в социокультурной работе с такими переселенцами.

Разумеется, перечисленные культурные доминанты можно встретить и у представителей самых высокоразвитых обществ. Однако здесь они присутствуют только на индивидуальном или субкультурном уровнях и воспринимаются как архаическая экзотика (например, культура старообрядцев у русских, хасидов у евреев, мормонов и иных сектантов в Америке и по всему миру и т. п.). Но как доминирующая общая социальная норма это имеет место именно в сообществах соответствующего уровня социального развития.

В принципе все это в той или иной мере учитывается на практике при осуществлении национальной политики современных государств, но часто имеет недостаточно системный и научно обоснованный подход. Представляется, что современные культурные антропологи (в частности ведущие исследования в рамках Cultural Studies) в основном увлечены анализом локальной самобытности диаспорных культурных групп и не уделяют должного внимания более общей историко-стадиальной стороне проблемы. А она по-своему чрезвычайно важна — именно эта сторона определяет основные типологические признаки данных культур.

Проблемы культурной совместимости местного населения и разных этнических диаспор были хорошо известны и в прежние времена. Выход из положения, как правило, находился в территориальном размежевании представителей разных культур — в создании национальных гетто, чайна-таунов и т. п. — как в Европе для пришлого населения, так и для европейцев, живущих в Азии и Африке. Нередко создание таких изолированных инородческих кварталов было необходимо для обеспечения безопасности иноверцев в рели-

гиозно агрессивных обществах Средневековья. Между тем подобная принудительная территориальная разобщенность на самом деле лишь частично стесняла культурную свободу разных национальных и религиозных групп. Они были несвободны на «чужой» территории, а в «своем» квартале их свобода культурного саморазвития почти не ограничивалась. Это было, может быть, не лучшим, но, по крайней мере, хоть каким-то системным решением.

Однако и ныне, когда система чайна-таунов уже почти не практикуется государствами, принимающими мигрантов, такого рода национальные кварталы возникают стихийно, сами по себе. В связи с этим следует обратить внимание на одну важную закономерность. Как правило, к изолированному компактному поселению в чужой стране стремятся в первую очередь те мигранты, у которых наблюдается существенный разрыв с принимающей средой именно по уровню социального развития (то есть это опять же детерминировано историко-стадиальными причинами). Такие мигранты сами заинтересованы в образовании национальных резерваций, в пределах которых они будут чувствовать себя более комфортно (и с точки зрения безопасности, и в плане торжества привычных для них обычаев социального устройства, общинных взаимоотношений и пр.). То есть чайна-тауны — это прежде всего стихийные образования, возникающие в интересах самих мигрантов. Представители социально развитых сообществ при переезде в иную страну, напротив, стремятся к скорейшей культурной ассимиляции в обществе пребывания (хотя бы на уровне социальной коммуникации за пределами своей квартиры).

Думаю, что не следует отказываться от опыта существования чайна-таунов и связанных с ними положительных эффектов. Но вопрос надо ставить шире: в условиях, когда соседи по населенному пункту различаются не только формами своих этнических культурных проявлений, но и уровнем социального развития, ведущего к серьезным различиям в стереотипах социального поведения, не может быть единых, универсальных способов осуществления политики мультикультурализма. Пора переходить к дифференцированной практике, которая будет сочетать разные формы: от полной свободы культурного самовыражения до более или менее жестких ограничений такой свободы, от смешанного расселения до особых национальных кварталов. В каждом случае решение должно быть индивидуальным. Уже ясно, что единых решений, применимых ко всем жизненным ситуациям, здесь быть не может. Однако встает вопрос: на каких основаниях и по какому принципу проводить такого рода дифференциацию? Ответа пока нет, но найти его хотя бы частично — насущная необходимость.

Еще одна важная проблема — сочетание политических доктрин культурной ассимиляции и мультикультурализма.

Доктрина культурной ассимиляции происходит от национальной политики Великой французской революции и принципов американской Декларации независимости конца XVIII века. Суть ее заключается в том, что государство готово принимать и включать

в свою национальную общность любых иностранцев независимо от их происхождения, социальной, этнической, расовой, религиозной принадлежности, но на условиях их более или менее полной культурной ассимиляции в принимающей среде. В Великой армии Наполеона (в собственно французской ее части) служили представители десятков национальностей — немцы и итальянцы, западные и южные славяне, египетские мамлюки и карибские негры, — основным требованием ко всем было владение французским языком, лояльность к французским законам и более или менее полное соответствие основным стереотипам именно французского социального поведения. Великая армия была в существенной мере прообразом нынешнего Иностранного легиона, где не интересуются даже именем новобранца, а тем более его национальностью или вероисповеданием. Главное, чтобы он понимал по-французски. Таким же образом на основании обязательной культурной ассимиляции предоставлялось и французское гражданство. Постепенно в течение XIX века и другие европейские страны перешли к этой модели национальной политики в той или иной форме. Принимающее государство давало человеку социальную и политическую легализацию при условии его культурной ассимиляции.

Мультикультурализм является моделью национальной политики, по своей сути альтернативной ассимиляционной доктрине. От иностранца не требуется культурная ассимиляция в стране пребывания (часто не нужно даже владение языком, не говоря уже о стереотипах социального поведения), а предоставляется полная свобода собственных культурных манифестаций. Провозглашается «культурный коммунизм» — каждому по его культурной потребности. В принципе это можно только приветствовать. Однако нетрудно предвидеть, что при проведении такой национальной политики сообщества рискуют рано или поздно лишиться своей культурной целостности и упорядоченности, начнут входить в ситуацию культурного хаоса. Постепенно они утратят свой культурно организованный и культурно регулируемый характер и превратятся в чисто политические сообщества, управляемые преимущественно методами насилия и не подкрепляемые соответствующим социокультурным единством. Чем мультикультуралисты собираются компенсировать такую утрату? Насколько масштабное политическое насилие придется осуществлять государствам, чтобы заменить естественную культурную саморегуляцию в социальной жизни населения?

Очевидно, что задачи сохранения сообщества в его устойчивой культурной целостности и поддержания социальной управляемости требуют проведения прежде всего политики культурной ассимиляции в качестве основной, «генеральной линии» по отношению к мигрантам. А принципы мультикультурализ-

ма должны использоваться в национальной политике достаточно широко, но лишь в качестве дополнительных обстоятельств (ситуативно). Возможно, в случаях «мультикультуральных» решений иногда придется сочетать их с определенного рода территориальной автономизацией таких культурных групп в кварталах, подобных чайна-таунам. Представляется, что как в дихотомии «ассимиляция—мультикультурализм», так и в территориальном размещении разных национальных групп требуется максимальная пластичность, чтобы по возможности не ущемлять права людей, но неукоснительно сохранять культурную целостность базового сообщества.

Как бы то ни было, в целом возвращение к ассимиляционной национальной политике представляется неизбежным. Разумеется, речь не идет о насильственных ассимиляционных кампаниях и запретах на «иные» культурные манифестации, но стимулировать активность мигрантов в вопросах культурной ассимиляции (например размерами социальных пособий) придется, иначе сообщество быстро превратится в «полицейское государство». Все коренное население пойдет работать в полицию, чтобы регулировать жизнь «понаехавших». Иных средств поддержания порядка в таком сообществе не останется; никакой стихийной социокультурной саморегуляции в такой смешанной (фрагментированной) социальной и национальной среде происходить не будет.

Сколь последовательно мы бы ни относились к англо-французскому пониманию нации как политической общности (а в последнее время и в России стали четко дифференцировать понятия «национального» и «этнического»), нельзя не отметить, что нация управляется не только политическими методами («сверху»), но и в существенной мере средствами более или менее стихийной социокультурной саморегуляции («снизу»). В этом и заключается основная социальная функция культуры, ее наибольшая социальная «полезность». Безграничный мультикультурализм ведет к неотвратимому снижению значения и эффективности средств саморегуляции, то есть к размыванию нации как системной общности, превращению ее в общность, фрагментированную случайным образом. Последствия этого трудно себе представить. Не будем забывать, что культурная целостность, социальная солидарность и идентификационное единство — это еще и значимые вопросы национальной безопасности.

Еще раз повторю: мультикультурализм как нравственный принцип замечателен. Он основан на великолепной идее обеспечения культурного равноправия всех людей на Земле. Но поддержание социального порядка при этом потребует значительных политических усилий, потому что свобода — это абсолютно «полицейская» категория...

М. Н. Фомина¹

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГИЧНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В пространственно-временном измерении культура, реконструируя прошлое, воссоздает его в настоящем по современным образцам. Мысль О. Шпенглера, который утверждал, что культуры представляют собой замкнутые, несоизмеримые миры, была опровергнута вначале в условиях цивилизационного, а в современном мире — глобализационного развития.

Существовая в ограниченном пространстве как интракультура, испытывая на себе влияние, а порой и подавление со стороны экстракультур, культуры образуют в результате взаимодействия новые пространственные характеристики. Поэтому, говоря о векторе существования восточных и европейских культур К. Ясперса, можно утверждать, что вектор подтверждает не только факт культурного взаимодействия, но и обеспечивает условия для культурного диалога в условиях формирующегося культурного пространства.

Понятие «культурное пространство» фиксирует наличие экстра- и интраполярного начала, так как оно воплощает в себе этническую неоднородность пространств локальных (региональных) культур. Методологическим принципом философско-культурологического анализа пространственных характеристик региональной культуры является логико-культурологический, согласно которому следует учитывать, что формирование пространственных характеристик культуры сопровождается: экстра- и интраполярностью, пространственной обособленностью, а также онтологическим диалогизмом культур. Это обусловлено тем, что человеку необходимо определить, конкретизировать пространство собственной идентификации среди множества возможных жизненных миров, так как культурное пространство (под которым в данном контексте мыслим пространство региональной культуры) вмещает в себя пространства культур (под которыми мыслим пространства конкретных культур региона, составляющих его уникальное образование). Благодаря этому в пространстве культуры прошлое сохраняется в настоящем (на уровне диалога «прошлое–настоящее» в конкретной культуре), что обеспечивается за счет преемственности традиций. Если в пространстве культуры — вертикальная динамика диалога культур, то в культурном пространстве — горизонтальная, так как диалогичность пространства культуры создает человека культуры, а диалогичность культурного пространства — культурного человека и т. д.

Вышесказанное позволяет определить необходимость дальнейшего осмысления диалогического онтологизма пространственных характеристик культуры. Учитывая, что культура имеет две ипостаси — поня-

тийную и воплощенную (реальную), необходимо проанализировать механизмы трансформации реального мира в понятийный. Благодаря этому процессу реальность становится осмысленной только в философском контексте феномена диалогической природы региональной культуры как точки пересечения мыслимых культур (культур регионального пространства).

Осмысление диалогичности региональной культуры (системообразующий фактор этнических культур региона) наиболее совершенно по сравнению с «односторонними» трактовками, которые ограничивают ее рассмотрение деятельностью, ценностями или совокупностью материального и духовного начала. Это обусловлено тем, что своей структурой и функциями региональная культура — достаточно устойчивое образование этнических культур.

Если О. Шпенглер раскрывает историю как чередование культур, представленных в виде неких изолированных друг от друга организмов, каждый из которых обладает некой символической «пра-душой», «генетическим кодом», то диалогичность региональной культуры (что тождественно в нашем контексте понятию «диалогичность культурного пространства») определяет вектор не просто существования культур, а со-бытийности культур в одном пространстве. А, следовательно, здесь уже вступают «в действие» такие механизмы как: регулятивные (отношения между этносами, конфессиями, диаспорами и пр., как, например, на территории Забайкальского края проживает более ста этносов и присутствуют все религиозные и конфессиональные объединения, которые есть в РФ), ценностные (ценности каждой культуры равнозначны), коммуникативные (от билингвизма до отмирания традиционных языков, как, например, в Забайкальском крае — билингвизм бурят и потеря национального языка эвенками).

Процесс «моделирования» культурного пространства региональной культуры занимает продолжительный отрезок времени, в течение которого доминирующее положение отводится диалогу культур. Этот процесс завершается в пространстве, но не во времени, так как, если привести сравнение, он напоминает Дао. «Завершение в пространстве» — среда обитания культур является во времени исторически устоявшимся пространством, которое характеризуется географическим ландшафтом. А временные характеристики — подвижны, мобильны, изменчивы, противоречивы и т. п. Это обусловлено тем, что диалогичность культур — «движение мысли во времени». Так, например, в период колонизации казаками забайкальских земель происходили процессы со-мыслия, со-участия, со-действия. И в результате тот, кто не пахал землю, стал ее обрабатывать, другой стал обрабатывать шкуры. Но главный результат — если на Руси в исторические времена было двоеверие, то здесь — троeverие, исторически сформировавшееся и существующее сейчас (и русские и буряты, когда теряют надежду, идут к шаману, когда

¹ Проректор по инновационному образованию, профессор кафедры философии, теории и истории культуры Забайкальского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Философская культура: точки измерения», «Вечные проблемы» философского диалога», «Виртуальная культура и религия: неvirtуальные размышления», «Cultures of North-East Asia», «К полиэтническому пространству: векторы диалога» и др.

надо успокоить душу — в православную церковь, когда найти для себя ответ — к астрологу в буддийский храм).

«Замкнутость» диалогизма региональных культур объясняется и тем, что они существуют в строго определенных рамках территории, которая окружена определенным микроландшафтом. Целостность (природа–общество) определяет сущность культурного (регионального) пространства, бытийность которого определяется конкретным физическим пространством и конкретным историческим временем.

Представленный анализ понятия «диалогичность региональной культуры в рамках ее пространственных

характеристик» дает основание отметить следующее: развитие культуры как системы сопровождается выделением экстра- и интраполярных отношений, которые определяют бытийность диалога культур. Основанием для этого утверждения служит то, что культурное пространство (региональная культура) как целостное образование содержит в себе информационные системы — социокоды — пространств (этнических) культур, которые способствуют ее самоорганизации и саморазвитию. Благодаря диалогичности культура становится «озвученной» и доступной как универсальное образование для взаимодействия с другими культурами, что характеризует ее экстра- и интраполярность.

Н. А. Хренов¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ В ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ИСТОРИИ КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЕГО АКТУАЛЬНЫХ ФОРМАХ

Если не затрагивать универсальные формы контактов между цивилизациями, то выводы, касающиеся диалога между культурами в его актуальных формах, будут неполными и поверхностными. Одним из таких универсальных и по-прежнему много определяющих контактов в истории человечества является контакт между восточным миром, с одной стороны, и античным, а затем и западным — с другой. Нельзя считать, что этот универсальный контакт разворачивается в истории бесконфликтно. Наоборот, и раньше, и в наше время он весьма конфликтен. Вопрос о диалоге между культурами, как он обсуждается в России, представляя темой отечественного философствования, с эпохи Петра Великого сводится к диалогу России с Западом. Но включенность диалога этого типа в универсальные взаимодействия, то есть в контекст отношений между Западом и Востоком, обычно не принимается во внимание. Именно поэтому значимые аспекты даже диалога между Россией и Западом остаются невыявленными.

Вопрос о необходимости новой постановки вопроса о диалоге России с другими культурами и, прежде всего, с Западом стал острым еще на рубеже XIX–XX веков, о чем свидетельствуют некоторые явления

¹ Заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете Российской академии наук «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации, член научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

отечественного искусства и философии. Однако вопрос об актуальности темы Востока в русском искусстве и философии нельзя считать специфически российским. Актуальность темы Востока в это время есть следствие отношений не только между Россией и Востоком, но и Западом и Востоком.

Западный мир справедливо считает себя наследником и продолжателем античной цивилизации, ценности которой хотя и воспринимались критически, например в Средние века, позднее, в эпоху Ренессанса, как известно, были реабилитированы. Что же касается античной цивилизации, то ее уникальность, усвоенная Западом, заключается в обособлении, отрыве от Востока. От безличной стихии к открытию и утверждению личного начала. На протяжении последующей истории всегда существовала опасность утратить самостоятельность и раствориться в той стихии, от которой удалось оторваться (эта мысль была сформулирована К. Ясперсом). Но растворения в восточном мире не случилось, как известно, ни в эллинистическом мире, в эпоху Древнего Рима, когда влияние Востока оказалось весьма активным, ни тем более в последующую эпоху цветущей сложности Запада. Не только эпоха Ренессанса, но в еще большей степени эпоха модерна (начавшаяся с Просвещения) это исключала.

Положение изменяется к началу XX века в связи с тем, что со времен Шпенглера обозначается как кризис европоцентризма. Было осознано, что понятие цивилизации не исчерпывается ценностями лишь западной цивилизации. Цивилизация много, и западная — одна из многих. Когда возникает кризис европоцентризма, Восток снова активизируется. Начиная с XIX века Запад активно ассимилирует Восток. Для XX века это становится одной из актуальных проблем. Но что под этим скрывается? Или Запад пытается оздоровить свою культуру, ассимилируя Восток, или это свидетельствует о начале того растворения в Востоке, которого Запад всегда опасался. Размышляя над этими вопросами, К. Ясперс говорит: «Можно ли предположить, что Европа вновь вернется к Азии, потеряв свои специфические черты? Потонет в ее глу-

бинах и ее бессознательном нивелировании?»¹ Так поставленный вопрос имеет отношение не только к Западу, но и к России, которую мы мыслим входящей в европейский мир.

Россия — одна из тех стран, которая в последние столетия развивалась в соответствии с ориентациями европеизма. Но в этой культуре европеизм был не единственным, а лишь поздним ее уровнем, ставшим сознанием России. Бессознательное же России сформировано византийскими и еще более древними — восточными традициями. Россия демонстрировала себя на уровне сознания западной державой, но на уровне подсознания она представляла более сложный цивилизационный организм.

Когда предшественник Шпенглера Н. Данилевский говорил, что Запад никогда не доверял России в силу ее сохраняющейся самостоятельности, то он не учитывал еще одного аспекта, способного быть аргументом в пользу такого утверждения. Стараясь сохранить свою самостоятельность, Запад исключал возвращение в восточный мир, растворение в нем. В соответствии с этим стремлением он не доверял и не мог доверять России полностью, потому что Россия продолжает оставаться двуликим Янусом. Следовательно, Россия воспринималась слабым звеном в противостоянии Запада и Востока. Растворение Запада в восточном мире могло начаться с России. В этом и была причина сложностей, возникших в установлении диалога между Россией и Западом.

То, что Россия представляет собой часть Востока, превосходно показали философы и историки-евразийцы — Вернадский, Трубецкой, Савицкий, Карсавин, Флоровский и др. Именно им принадлежит наиболее острая постановка вопроса о том, что судьба России связана не с Западом, а с Востоком. Так, например, Вернадский показал, что исторический процесс стихийен. Он приводится в движение глубоко заложенными в нем и не зависящими от воли людей силами. На территории Евразии развитие этой стихии имело несколько циклов. В основе каждого такого цикла оказывается очередная попытка вызвать к жизни государство, способное объединять многие этносы и народы, достичь единства евразийского мира. Первая такая попытка связана с возникновением Скифской империи, в составе которой были и славяне. За ней следовали Гуннская и Монгольская империи, куда входили славяне. Четвертая попытка достичь единства евразийского мира связана с историей российской империи, сохраняющей связи с Востоком и включающей множество этносов, не имеющих отношения к христианскому миру. Вот почему русских часто называют скифами. Распад этого четвертого цивилизационного организма как очередной формы объединения евразийских этносов произошел на рубеже XIX–XX веков, в период, когда Россия оказалась в фазе надлома и распада, а русская культура переживала ренессанс. Согласно евразийцам, Российскую империю тоже необходимо полагать частью Евразии, ибо ритмы Евразии продолжают определять и более поздние образования, кажущиеся самостоятельными и прозападными. До рубежа XIX–XX веков это обстоятельство

не учитывалось. Россия воспринималась лишь как слагаемое западного мира. То, что Россия — часть Евразии, было забыто, вытеснено в подсознание. Связь России с Востоком и суть России как Востока оказались содержанием подсознания России.

В качестве доказательства к этому положению можно вспомнить реакцию критики на изданный во Франции в конце XIX века роман Л. Толстого «Война и мир». Как выразился один из критиков, в русских течет «восточная кровь», а это значит, что индивидуальная воля уступает место воле коллективной. Описывая состояние души Пьера Безухова, критик вспоминает о буддийской нирване. Все эти черты психологии русских критик считает чуждыми Западу. Что особенно обращает на себя внимание в этой реакции критика, так это то, что русских он называет скифами. Вывод такой: скиф нависает над миром Запада и желает его переделать. В том, что русских называют скифами, какая-то правда есть. В славянском этносе иранская (скифская) кровь имеется. Историк-евразиец Вернадский констатирует: историческая подпочва русского государства была создана скифами². Тема скифства России приобретает особую значимость в связи с мыслью К. Ясперса по поводу того, что разгадка настоящего и будущего связана с тем, что произошло в доистории, в доосеовое время. Кризис европоцентризма стал причиной того, что бессознательное России, то есть Восток, активизировалось, а то, что было в этой культуре сознанием, то есть европеизм, вытеснялось на периферию. Так, Восток стал для России весьма актуальной темой. Это произошло на рубеже XIX–XX веков и продолжается до сих пор.

Стихотворение А. Блока «Скифы», написанное в 1918 году, можно прочитать как прямой ответ вышеупомянутому критику, обнаружившему в русских скифов. Поэт тоже фиксирует в русских преобладание коллективного начала, и то, что для французского ценителя представало отрицательным, у него оказывается положительным. Да, говорит Блок, мы, русские — скифы. При этом скифство, азиатство отождествляется с «тьмой», то есть с чем-то таким, что существует «до истории», или, по К. Ясперсу, до возникновения осеового времени как важной исторической вехи, облагородившей «тьму» с помощью возникновения религиозных и философских идей, новой нравственности, в чем, собственно, и заключается смысл осеового времени.

Много раз повторенное слово «тьма» означает что-то вроде муравейника, некое нерасчлененное множество, в котором оказались спящими человеческие особи, не успевшие обрести индивидуальность, как способен вообразить мало знакомый с существом дела европеец. Ведь, как доказывает К. Ясперс, осеовое время коснулось и Востока. Осеовое время представлено не только Христом, но также Лао-цзы и Конфуцием. Видимо, эта «тьма» касается тех лишенных человеческой индивидуальности орд, которые в историю вместе с осевым временем так и не могли войти и, следовательно, безвозвратно исчезли. Эта ситуация испуга перед неизвестным, а потому страшным, как раз и по-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 91.

² Вернадский Г. Начертание русской истории. М., 2004. С. 29.

рождает страх европейца, провоцируя и отталкивание и в то же время притяжение.

В данном стихотворении Блок придерживается еще традиционной для русской историографии позиции. Россию он представляет спасителем Запада от возможного столкновения с восточным миром, которое могло быть для Запада весьма трагическим, то есть от поглощения Запада Востоком. Традиционная историография гласит: если бы не Русь, то пасть бы Западу под натиском степных народов. Не смог бы Запад сдержат монгольский напор и растворился бы в том мире, откуда еще в эпоху Античности вышел, то есть в Востоке. В этом случае исчезла бы та самая самостоятельность, которая была великим завоеванием античного, а затем и европейского мира.

Но поэт предупреждает, что в истории возможна и иная ситуация, когда Русь может предстать отнюдь не в образе спасителя. Это уже не только Русь или Россия, а некое единство, в которое входит и Россия, то есть Восток, или, еще точнее, скифство, выступающее символом Востока. В данном случае, ощущая в порыве творческого экстаза общность России и восточного мира, Блок как бы превосхищает более поздние идеи, которые вызовут к жизни евразийцы, рассматривающие историю России как часть общей евразийской стихии.

Было бы неверно тему Востока сводить исключительно к этой стороне дела. У других мыслителей и художников имеет место подчеркивание принадлежности России прежде всего к христианскому миру и, следовательно, к Западу. Эта принадлежность обостряется в связи с восточной темой. Осознание возможного столкновения вселяет страх перед Востоком. Этот страх был свойствен другому русскому поэту, которого больше знают как философа, В. Соловьеву. Стихотворению Блока «Скифы» предпослан эпиграф из стихотворения Соловьева 1894 года: «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно». Как и Блок, Соловьев всячески подчеркивает мысль о враждебности безликого Востока. Для него Восток — «рой пробудившихся племен», «народ безвестный и чужой» и опять же, как потом будет у Блока, «тьмы полков».

Но почему Восток, «безвестный и чужой», надвигается на Русь? По мнению поэта, это возмездие, расплата за то, что христианский, а в данном случае русский мир забыл «завет любви», то есть христианский идеал. Однажды это уже произошло в Византии. Все в мире связано. Когда «остыл божественный алтарь» в Риме втором, это спровоцировало «рой пробудившихся племен» на Востоке, что привело к его падению. Но забвение «завета любви» может привести и к падению Рима третьего, то есть Руси.

Соловьева нельзя упрекнуть в антизападничестве. Наоборот, страх перед Востоком объясняется возникшей в его сознании возможностью исчезновения христианского мира, объединяющего Россию с Западом. Философ пророчит столкновение с Западом, в результате которого ценности, вызванные к жизни христианством, и в частности личностное начало, исчезнут.

Итак, в русском искусстве и русской философской мысли мы обнаруживаем и восторженное, и пессими-

стическое восприятие Востока. А что же мы вкладываем в это понятие — Восток? Подразумевается ли в данном случае под Востоком исламский мир, Китай, Индия, а также склонная присоединять себя в это время к этому миру Россия? В этом вопросе помогает разобраться другой русский мыслитель Л. Карсавин. Размышляя о расширении в России моды на Восток, под ним Карсавин склонен понимать все, что в христианский культурный мир не входит. В таком понимании Востока географические границы отступают на второй план. Все разнообразие человечества Карсавин сводит к двум мирам. По его мнению, именно в христианском мире имел место синтез эллинизма, иудейства и восточных религий с религиозностью Запада. Что же касается Востока, то это — земли ислама, буддийской культуры, индуизма, даосизма, древних натуралистических культов эллинской, римской и варварских религий¹.

Таким образом, уже в России рубежа XIX–XX веков мы имеем две разные позиции по отношению к Востоку. Но с тех пор прошло столетие. Какая же из этих позиций с точки зрения сегодняшнего дня оказалась более жизнеспособной? В длительной смуте как следствии кризиса европоцентризма было бы разумно абстрагироваться от стихийных настроений и обратить внимание на реальность развертывающегося в истории культурного синтеза. И, прежде всего, культурного синтеза между Западом и Востоком.

В истории, которая есть история разных цивилизаций, этот культурный синтез никогда не прекращался. Восточная стихия всегда была его слагаемым. Это имело место даже в античном мире, который стремился обрести самостоятельность относительно Востока. Конечно, мировосприятие модерна исключало активность восточной стихии. Но именно модерн в начале XX века спровоцировал оппозицию в форме романтизма. И если модерн исключал Восток, то романтизм его реабилитировал. Наиболее яркой страницей нового и более глубокого отношения к Востоку стал под воздействием романтических настроений «Западно-восточный диван» Гёте и комментарии к нему, в которых Гёте призывал отказаться от поверхностного экзотизма и углубиться в постижение духовных миров Востока. Эта романтическая традиция оказала колоссальное влияние на русское искусство XIX века. Об этом свидетельствует творчество Пушкина, Лермонтова, Толстого и др.

Позднее активизировавшаяся на рубеже XIX–XX веков в символизме традиция романтизма предполагала и активное отношение к Востоку. Однако в XX веке идеи модерна оказались сильнее традиции романтизма. Романтическая традиция в русском искусстве снова возрождается лишь в эпоху оттепели, то есть с середины 1950-х годов. Однако что касается рубежа XIX–XX веков, то понятно, почему символисты, ставящие своей целью разрушение существующей культуры и создание новой, так зачитывались А. Шопенгауэром, а затем погружались в изречения Лао-цзы и Конфуция. Все это уже тогда способствовало развернувшемуся глубочайшему культурному синтезу в русской культуре.

¹ Карсавин Л. Восток, Запад и русская идея. СПб., 1922. С. 17.

А. Н. Чумаков¹

РЕАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА

То, что современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально изменился и столкнулся с опасностями, прежде не существовавшими, не требует специального доказательства. На уровне общественного сознания, не говоря уже о представлениях научного сообщества, это воспринимается теперь как аксиома, что, с одной стороны, хорошо, а с другой — плохо. Хорошо, потому что теперь нет необходимости убеждать кого-либо в актуальности такой постановки вопроса — тем самым открывается путь для поиска конструктивных решений и осмысленных практических действий. Плохо, потому что даже специалисты в области глобалистики начинают смотреть на происходящее «замыленным» взглядом, в одной плоскости, то есть только с позиции установившихся представлений². В таком случае все внимание обычно сосредоточивается на общепринятом, очевидном, тогда как иные сопутствующие или появляющиеся проблемы (опасности, препятствия общественного развития) остаются вне поля зрения.

Так, утверждение о том, что мировое сообщество за всю историю своего существования еще никогда не подвергалось такой опасности, как теперь, в XXI веке, соотносится, как правило, с угрозой ядерной войны и экологическим кризисом. Однако суть проблемы не сводится лишь к этому, ибо дело не только в наличии ядерного оружия, которое плохо контролируется и грозит человечеству реальной возможностью самоуничтожения, или во все возрастающем влиянии человека на окружающую среду. В последние десятилетия ко всему комплексу глобальных проблем современности добавилась новая опасность — *кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения*. Иными словами, глобализация привела к тому, что к концу XX века мировое сообщество стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки — трансграничными, что сделало человечество, по существу, целостной системой по всем основным параметрам общественной жизни.

Кроме того, национальные государства, которых насчитывается уже около двухсот, перестали быть единственными субъектами международных отношений. В таком качестве теперь выступают и появившиеся транснациональные корпорации, международные организации, в том числе и криминальные, связанные

¹ Заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор. Автор более 380 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст», «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Philosophy of Globalization»; учебников и учебных пособий: «Философия» (в соавт.) и др. Первый вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации».

² В связи с этим вспоминаются слова А. Эйнштейна, который однажды остроумно пошутил, что он создал теорию относительности, потому что в свое время плохо усвоил классическую механику.

с наркоторговлей, международным терроризмом и т. п. Весь этот мир со множеством взаимозависимых и противоборствующих субъектов, как и прежде, саморегулируется стихийно и абсолютно лишен какого бы то ни было управления (в чем он теперь так нуждается). В такой ситуации конструктивный диалог становится, по существу, единственным способом мирного преодоления противоречий.

Ситуация усугубляется еще и тем, что человек — по природе своей биосоциальное существо, в котором сочетаются хорошее и плохое, любовь и ненависть, добро и зло, миролюбие и агрессивность. Культура, воспитание и образование, конечно, делают человека гуманным, терпимым, толерантным. Но в нем также сохраняется и то, что заложено естественной природой, его биологией: агрессивность, стремление к доминированию, борьба за выживание, решение проблем с позиции силы и т. п. Все это в полной мере проявляется и в поведении отдельных сообществ, и в политике национальных государств. Немаловажно и то, что общая численность населения Земли уже превысила 7 млрд человек и продолжает возрастать. При этом ресурсы планеты, необходимые для обеспечения жизнедеятельности людей, ограничены. К тому же распределены они, как и население Земли, неравномерно, а многие из них иссякают или сокращаются. За доступ к ресурсам идет явная и скрытая борьба, и есть все основания полагать, что в дальнейшем конфликт интересов будет только усиливаться, а противоборство с необходимостью нарастать.

В итоге *глобальный мир, оказавшийся перед лицом принципиально новых вызовов и не имеющий адекватной системы управления, все глубже погружается в ситуацию, когда нарастают противоречия и неопределенность*. В этом и заключается главная проблема современной эпохи.

Как же эта проблема сегодня решается? К сожалению, она пока не осмыслена в полной мере и поэтому не находится в центре всеобщего внимания, как того, несомненно, заслуживает. Поэтому и в практической деятельности нет видимых результатов. Достаточно сказать, что сегодня половина жителей планеты живет за чертой бедности с доходом менее двух долларов на человека в день. Такое положение при отсутствии глобальной этики и глобального права, а также признаваемых всеми общечеловеческих ценностей ставит перед мировым сообществом новую угрозу — войны всех против всех. Нечто подобное уже было в истории человечества до появления государства, когда люди воювали между собой за выживание на отдельных территориях. Теперь же за лучшие условия жизни и более выгодные позиции борются национальные государства и другие субъекты международных отношений; только происходит все это уже на глобальном уровне.

В результате сегодня, как и прежде, разногласия и противоречия на международном уровне решаются по большей части с позиции силы. При этом сила не-

обязательно имеет грубый и неприкрытый характер. Нередко, особенно в экономике, принуждение происходит посредством косвенного воздействия, получившего название «мягкой силы» (soft power). Но как бы то ни было, в выигрыше оказывается тот, кто сильнее, хитрее, коварнее, имеет соответствующие преимущества, а потому подчас действует, преследуя собственные интересы, эгоистично и безнаказанно.

ООН, на которую в подобных международных делах, казалось бы, следует надеяться в первую очередь, в этой ситуации оказывается практически бессильной, так как она создавалась в другое время и для решения иных задач — прежде всего для предотвращения новой мировой войны и выполнения регулирующих функций в мировом масштабе, но вовсе не для управления глобальным миром. И наивно полагать, что реформа ООН сама по себе может что-либо кардинально изменить¹. Вместе с тем определенные попытки реагировать на серьезные вызовы предпринимаются. Появляются новые глобальные и региональные наднациональные структуры, такие, например, как «Большая восьмерка», «Большая двадцатка», Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Европейский Союз, Шанхайская организация сотрудничества и др. Однако не следует заблуждаться насчет этих организаций. Они создаются для обеспечения согласованных действий на глобальном или региональных уровнях и с этой задачей в той или иной степени справляются, но основное противоречие современной эпохи, как оно было сформулировано выше, данные организации также не решают и в принципе решить не могут.

Во-первых, все они представляют в лучшем случае отдельную сферу общественной жизни, или лишь часть человечества, или какой-либо регион, но никто из них не представляет мир в целом во всех его аспектах, без чего любое управление как минимум ущербно. Во-вторых, в мировом масштабе такие организации могут выполнять некоторые функции регулирования, но вовсе не предназначены для управления мировой системой как единым целым.

Поэтому неудивительно, что практически все глобальные проекты последнего времени (среди которых наибольшую известность получили следующие: политика мирного сосуществования, концепция устойчивого развития, политика мультикультурализма и т. п.) не дают желаемого результата или вовсе оказываются несостоятельными. Потому что для их успешной реализации просто не выработаны соответствующие механизмы.

В итоге конфликт интересов в глобальном мире усиливается, чему способствуют также все большая открытость и доступность информации, которая становится важнейшим ресурсом и эффективным инструментом управления общественными процессами, в том числе дистантно. В этом кроется одна из причин столь сложных действий разрозненной оппозиции, которая в разных странах свергает правительства в ходе так называемых «цветных», «твиттерных» революций.

С учетом сказанного остается надеяться на культурно-цивилизационный диалог, который в глобальном

мире является, по существу, единственно возможным способом конструктивного разрешения противоречий и важнейшим фактором обеспечения сбалансированного общественного развития как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных государств. Однако возможности для такого диалога тоже ограничены.

Это обусловлено тем, что, во-первых, подходы, основанные только на диалоге культур или диалоге цивилизаций, взятые по отдельности, неэффективны и заранее обречены на неудачу. Они не отражают истинной (культурно-цивилизационной) природы общественной жизни, которая представляет собою сплав, единство культурных достижений и цивилизационных отношений общества. Во-вторых, любая культура изначально самодостаточна и стремится к сохранению своей идентичности, вступая, как правило, в противоборство и конфликты с другими культурами.

Именно поэтому конструктивный диалог, построенный только на культурных основаниях, невозможен. Отсюда возлагать надежды на межкультурный диалог и рассчитывать на сближение на этой почве разных позиций не приходится. Но и серьезных оснований для беспокойства нет, если принять во внимание, что все диалоги происходят не на культурных, а на цивилизационных основаниях. И чем выше уровень цивилизационного развития взаимодействующих сторон, тем более продуктивным может быть диалог. Однако уровень цивилизационного развития отдельных народов и человечества в целом все еще остается на крайне низком уровне. При этом даже в научном сообществе, к сожалению, отсутствует должное понимание того, что уровень цивилизованности того или иного народа (страны, коллектива, индивида) — это оборотная сторона их культурного развития. Именно поэтому политика мультикультурализма, которая не учитывает цивилизационного разрыва в развитии различных культур, терпит поражение не только в Европе, но и в других странах и регионах.

По этой же причине нельзя согласиться с мнением С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». На самом деле имеет место противоборство не цивилизаций, а различных «культурно-цивилизационных систем» (например, западной и восточной, капиталистической и социалистической, исламской и христианской и т. п.), где по культурным основаниям эти системы отталкиваются друг от друга, а по цивилизационным — притягиваются. Это и создает многообразие культурно-цивилизационных систем.

Таким образом, культурно-цивилизационный диалог предполагает признание того, что современный глобальный мир изначально многополярный и, по сути, другим быть не может. Для обеспечения эффективности такого диалога необходимо наличие общих цивилизационных принципов организации общественной жизни, важнейшими из которых являются:

- признание и исполнение основных прав человека;
- приемлемая для всех система этических норм и ценностей (общечеловеческая мораль);
- единое правовое поле (глобальное право);
- религиозная толерантность и свобода совести.

¹ Это актуальная тема для другого исследования.

Ответственность за формирование таких принципов и обеспечение условий для продуктивного диалога в глобальном мире лежит прежде всего на мировой политической, научной и деловой элите, а также на национальных государствах как наиболее крупных управляемых общественных системах. При этом степень ответственности тех или иных государств прямо пропорциональна их месту в системе глобальных

экономических, военно-политических и культурных отношений.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что диалог в современном мире — единственный способ преодоления любых противоречий. Альтернативой ему может быть только война всех против всех, что в условиях столкновения глобальных интересов равносильно самоистреблению.

А. Ю. Шадже¹

ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОССИИ²

В условиях глобализации актуализируется диалог. Особое значение и смысл его обусловлены необходимостью сохранения человечества, цивилизации, культурного многообразия и т. д. В глобализирующемся мире определение значимости диалога связано с переосмыслением нашего бытия, смысла нашего существования и предназначения.

Для нас представляет интерес философское осмысление диалога применительно к антропосоциокультурным системам. При этом следует отметить два методологических инструментария, помогающих прояснить новые (современные) культурные смыслы, связанные с рассматриваемой проблемой. *Первое*: констатируя диалог культур, диалог цивилизаций, иногда конфликт цивилизаций, следует помнить, что «в действительности взаимодействуют не цивилизации и культуры, а люди, группы людей, принадлежащие к разным культурам и цивилизациям» (А. А. Гусейнов). Значит, вступают в диалог субъекты — люди, индивиды, группы, являющиеся носителями разных культур и цивилизаций. *Второе*: диалог имеет свою специфику в том или ином обществе. Следует отметить, что диалог может быть воспринят лишь в той мере, в какой эта мера сформировалась в предшествующей культурно-исторической традиции.

Что касается северокавказского опыта, то диалог, диалогическое мышление проявлялись не столько через слово, сколько через дела. Социокультурная основа формирования диалога в регионе связана с выявлением и оценкой его значимости в сознании и поведении индивида. Диалог находил разные формы своего бытия в этносах. Здесь диалог способен был варьировать ситуацию в целом.

В современных условиях, к сожалению, произошла трансформация диалогических институтов. Сегодня необходим анализ диалога и выявление его эвристи-

ческого потенциала с преломлением в политическую плоскость. Отсутствие такой работы создает напряженность на разных уровнях нашего бытия. Конфликтные ситуации, напряженность, вытекающие из политических условий и создаваемые некоторыми политиками, идеи ряда политических и общественных организаций настраивают один народ против другого. Такие ситуации проявляются все чаще в связи с имеющимися проблемами и противоречиями в России и российских регионах.

Роль диалога возрастает в полиэтничном и поликонфессиональном северокавказском обществе. Именно здесь проявляется ценность диалога: он уменьшает негативные тенденции благодаря тому, что диалогическое взаимодействие, выступая как цель или средство, нацелено на сосуществование с «другим», взаимодействие с ним.

Известно, что национальная политика государства должна быть построена на диалоге и представлять собой постоянный диалог с его народами, нацеленный на согласование их интересов. Нет диалога — нет национальной политики. Между тем отсутствие готовности вести диалог, переговоры привело к тому, что на Северном Кавказе периодически «разгораются» конфликты. Северокавказское общество будоражит новое явление террористов-смертников. Все это и многое другое вынуждает вернуться к нетрадиционным формам работы, в основе которых лежит ценностное содержание диалога.

Ныне в современном северокавказском обществе существует множество проблем, связанных и с этническими меньшинствами, и с этническим большинством — русскими. Локальные проблемы усугубляются новыми проблемами, вызванными современной глобализацией. Немало и социально-экономических трудностей. Однако не следует их использовать для дихотомического противостояния «мы» — «они». Намного сложнее и важнее проявление корректности, мудрости, толерантности и способствование взаимопониманию на основе диалога.

Развитие северокавказского общества должно осуществляться через совершенствование имеющихся нетрадиционных диалогических институтов в обществе и формирование новых в соответствии с требованиями современности. Представляется, что необходимо вырабатывать культурные, нравственные, правовые

¹ Профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (г. Майкоп), доктор философских наук, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 158 научных публикаций, в т. ч.: «Этнические ценности как философская проблема», «Ценность диалога в полиэтничном обществе», «Русский язык в условиях формирования российской нации», «Российская идентичность на Северном Кавказе» (в соавт.), «Северный Кавказ в фокусе российской идентичности» (в соавт.), «Российская идентичность в синергетической парадигме» и др. Председатель Адыгейского отделения Российского философского общества.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 11-06-00098.

основания ведения диалога. С одной стороны, это зависит от зрелости общества, с другой — степень зрелости общества определяется развитостью диалогических институтов. Известно также, что слабость общей культурной среды диалогизации, отсутствие диалога между учеными, властью и интеллигенцией, властью и наукой подрывают творческий потенциал общества, создают напряженность, тормозят его развитие и воспроизводство.

Диалог — это не данность «свыше», он должен формироваться. Несмотря на то что не существует готовых рецептов формирования диалогического мышления, целый ряд факторов играет в этом процессе большую роль, будь то политические, социальные, экономические причины и т. д. Однако проблема диалога должна осмысливаться с учетом определенных социокультурных ценностей, способствующих налаживанию глобального диалога.

Классическое понимание онтологии ориентировано на монолог, иерархию, монизм. В современной науке диалог приобретает иной смысл. Известно, что линейное мышление опасно: в политике оно может привести к догматизму. Нелинейное мышление нацелено на диалог, позволяющий мыслить совместно и признать разнообразие не только биологическое, но и социокультурное.

В современных условиях, в условиях поликультурной среды целесообразно проявлять терпимость к «другому», понимать смысл его слов, то есть принимать «другое», не отождествляясь с ним. Такое мышление — синергичный тип — принадлежит будущему. Нелинейное мышление формирует подлинный диалог, который способствует не уничтожению, а трансформации ценностно-мировоззренческих установок его участников. Ценность такого мышления заключается еще и в том, что оно будет способствовать преодолению дезинтеграционных тенденций в нашей стране в целом и в российском северокавказском обществе в частности.

Следует отметить важность формирования ценностно-мировоззренческих установок, нацеленных на сведение отношений между «я» и «ты» к понятию «мы». Осознание единства «я» и «ты» способствует укреплению российской нации, сплочению нашей

страны. Только в процессе диалога можно сохранить и развивать социокультурное разнообразие, создавая новые условия для взаимодействия.

Понятно, что в условиях глобализации все проблемы не могут быть решены на основе диалогического принципа. Кроме того, наладить подлинный, равноправный диалог сложно. Другими словами, диалог не является исчерпывающим средством, но он выступает как оптимальное условие, цель на пути выживания человечества и сохранения биологического и социокультурного разнообразия.

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что в современных условиях возрастает роль диалога. Ценность диалога, в частности диалога культур, — в том, что он выводит нас на новый уровень осмысления нашего бытия: существование «другого» рядом и взаимодействие с ним неизбежны. Научиться способствовать диалогу, а не отчуждению и уничтожению, открыть себя «другому» и принять «другого» в процессе взаимодействия на любом уровне важно и нужно для сохранения *многообразия и выживания*.

Современное северокавказское общество должно понимать значение конструктивного социального потенциала диалога в преодолении дезинтеграционных тенденций и использовании в практической деятельности. Следует напомнить о том, что методология народного миротворчества также основана на диалоге. Диалог должен стать политическим инструментом и методом неполитического решения северокавказских проблем.

Осмысление нашего будущего возможно сквозь призму нелинейного мышления, а это значит, что наше существование и сосуществование, сотрудничество и взаимопонимание, многоэтноконфессиональность возможны лишь на основе диалогических взаимоотношений. При этом важно отметить необходимость поиска каждым из нас способов гармоничного сосуществования «я» с «другим». Эвристическая ценность диалогического мышления заключается в том, что оно ориентировано на взаимопонимание участников-субъектов и формирование личности нового типа с гуманистическими ценностно-мировоззренческими установками, а на уровне страны — на укрепление российской идентичности, упрочение чувства принадлежности к нашему общему дому — великой России.

Секция 3

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, УПРАВЛЕНИЕ

Руководители секции:

П. БЮЛЬ-БЮЛЬ оглы	Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, председатель правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), академик РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Л. САФОНОВ	заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор СПбГУП, действительный государственный советник 1-го класса
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП

В. А. Авксентьев¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ²

Территории, которые с 2000 года принято объединять общим понятием «Юг России», традиционно представляли собой ареал взаимодействия культур и цивилизаций, которое нередко носило конфликтный характер. Современную ситуацию на Северном Кавказе и прилегающих территориях — в Нижнем Поволжье, на Дону и Кубани — также зачастую описывают в терминах социокультурных конфликтов и противостояний. В исследованиях философов и культурологов регион нередко рассматривается как ареал конфликтного взаимодействия христианского и мусульманского миров — элемент мировой «дуги конфликтности»³.

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 247 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликтология: базовые концепты и региональные модели» (в соавт.), «Конфликтологическое образование в России: экспертное мнение», «Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России» (в соавт.), «Молодежь юга России перед цивилизационным выбором» (в соавт.), «Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам» (в соавт.), «Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы» (в соавт.), «Этнические конфликты» и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов. Член редколлегии журналов «Конфликтология», «Вестник Южного научного центра РАН», «Вестник Ставропольского государственного университета».

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе», реализуемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00070а.

³ См., например: *Аксюмов Б. В.* Применима ли концепция «конфликта цивилизаций» к анализу культурно-идеологической ситуации на Северном Кавказе? // Этнические проблемы современности / под ред. В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова. Ставрополь, 2011. Вып. 16. С. 18–28; *Кусова С.* Российско-кавказская аномалия. URL: <http://www.kavkasion.ru/rossijsko-kavkazskaya-anomaliya> (дата обращения: 29.12.2011).

Другие исследователи, наоборот, склонны видеть во всех проблемах региона политическую подоплеку, восходящую к конфликтам экономических интересов. Это идея так называемого «этнического антрепренерства», поддерживаемая конструктивистским и инструменталистским направлениями в российской этнологии.

Еще одна популярная объяснительная модель — геополитическая, согласно которой Северный Кавказ и Кавказ в целом был, есть и будет зоной острого геополитического соперничества, в котором меняются глобальные и региональные игроки, но сам объект остается. Из большого числа публикаций по этой теме можно выделить статью Ф. Бадерхана «Место российского Кавказа во второй мировой перестройке, начатой в арабском мире»⁴.

Каждый из этих подходов хорошо аргументирован, основан на эмпирических обобщениях, а потому имеет право на существование. Однако научные дебаты по данной проблематике имеют непосредственный выход в практическую политику, влияя на оценку ситуации и определение причин затяжного регионального кризиса, постановку целей и задач, определение приоритетов управленческой деятельности. В среде политиков и управленцев в течение почти всего постсоветского периода господствовал «стихийный» экономический детерминизм, во многом сохранившийся до сих пор. Это один из важных факторов, тормозящих реализацию большинства усилий по кардинальному улучшению ситуации на Юге России.

Поскольку значимость экономического фактора в жизни любого сообщества не подлежит сомнению,

⁴ Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : сб. ст. / под общ. ред. М. К. Горшкова, А.-Н. З. Дибирова. М. ; Махачкала, 2011. С. 147–152.

попытаемся проанализировать соотношение экономических и социокультурных факторов эволюции конфликтного процесса на Юге.

Создание в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) кардинально изменило политическую конфигурацию Юга и потребовало корректировки исследовательских стратегий. Один из основных ранее фиксировавшихся учеными рисков — риск экономического раскола Юга России на активно развивающийся Азово-Черноморский регион и демодернизовавшийся восток Северного Кавказа¹ — нашел своеобразное воплощение в политике: граница между двумя округами пролегла почти точно между ареалами модернизации и демодернизации, и они стали далее развиваться как самостоятельные макрорегионы.

Создание нового округа предполагает формирование нового типа регионального конфликт-менеджмента. Было осознано, что «реактивный» конфликт-менеджмент, к которому традиционно прибегали полпреды в Южном федеральном округе, полностью себя исчерпал и необходим переход к системному проактивному, а в перспективе — проективному конфликт-менеджменту. Эти установки, хотя и не были озвучены властью в таком терминологическом варианте, содержательно соответствуют цели создания округа. Была поставлена задача — изменить положение дел на Северном Кавказе путем трансформации самих основ жизни. В качестве этих основ была признана экономическая составляющая.

Стереотип о том, что бедность, безработица, другие негативные социально-экономические явления служат основным препятствием для урегулирования конфликтов на Северном Кавказе, исповедовался властями различного уровня весь постсоветский период. Однако назначенный полномочный представитель Президента РФ в СКФО А. Г. Хлопонин быстро преодолел это упрощенное видение экономических факторов региональной конфликтности. На совещании с членами Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений 19 января 2011 года А. Г. Хлопонин отметил: «Я никогда не соглашусь, что ключом к решению национальных проблем является экономика»². На встрече в Кабардино-Балкарском государственном университете 11 февраля 2011 года А. Г. Хлопонин еще раз подтвердил тезис о переориентации политики, проводимой в СКФО. Так, полпред категорически опроверг версию о том, что обострение ситуации в округе вызвано высокой безработицей. «На Кавказе в этом отношении не хуже, чем в остальных регионах»³.

Существенным движением вперед в понимании региональных процессов стала Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, принятая в сентябре 2010 года. Специфика этого доку-

мента заключается в том, что в нем содержится раздел о терроризме, экстремизме, межэтнических конфликтах в регионе, которые рассматриваются как препятствия для масштабных экономических преобразований. Однако этот правильный тезис не получил практического подкрепления уже в самой стратегии. Выбор был сделан в пользу так называемого оптимального сценария, предполагающего масштабные проекты и финансовые вливания, для которых нет необходимых условий. Разрабатываемая программа развития округа имеет технологический контекст: социально-политическое и гуманитарное измерение почти исчезло из обсуждаемого документа, единственное социальное «приложение», которое проходит через все проекты, — ожидаемое количество новых рабочих мест.

Экономические и социокультурные детерминанты регионального конфликтного процесса на Юге России тесно связаны между собой, однако более сложным и опосредованным образом, чем это обычно представляется. Распад производств в 1990-е годы привел к глубокой демодернизации экономики и сопутствующей ей архаизации социально-политической и культурной жизни. Полномасштабное возрождение свойственной средневековому обществу этноклановой структуры обусловлено именно демодернизацией экономики. Другим серьезным следствием явилась утрата интереса к естественно-научному и инженерному образованию, непропорциональное разрастание гуманитарной сферы, широкое распространение религиозного мировоззрения. Эти тенденции (по принципу «воронки причинности») влекут дальнейшую демодернизацию экономики, усиление негативных тенденции в социально-политической и духовной сферах. Но главное — это нарастание социокультурного раскола на Юге, являющегося серьезным вызовом концепту формирования полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром⁴.

При имеющихся различиях в толковании понятий «цивилизация» и «модернизация» невозможно отрицать того факта, что русская (или российская) цивилизация — модернизационно ориентированная, особенно если говорить о современном этапе ее развития. Не будет преувеличением сказать, что Россия *заждалась модернизационного рывка*. Однако модернизационные настроения неравномерны на территории страны, на Северном Кавказе преобладают традиционалистские умонастроения. Общественное сознание «заиклено» на прошлом, в нем слабо присутствует интерес к настоящему и будущему. Проявлением этого служат гипертрофированное увлечение историей и этнографией, непропорционально высокий статус гуманитарной интеллигенции и гуманитарного образования, повышенная религиозность. Формирование *цивилизационной идентичности России* предполагает модернизационную переориентацию населения Юга, что должно быть промежуточной целью экономической реконструкции региона. Можно согласиться с мнением Ф. Бадерхана, что альтернативная стратегия России на Кавказе долж-

¹ Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2007. С. 142–157.

² Цит. по: Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В. А. Авксентьев [и др.]; под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. Ростов н/Д, 2011. С. 21.

³ Деньги есть, гражданского общества нет // Независимая газета. 2011. 11 февр. URL: http://www.ng.ru/editorial/2011-02-11/2_red.html (дата обращения: 15.02.2011).

⁴ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831>. Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина (дата обращения: 30.01.2012).

на быть оформлена в качестве общенационального мобилизационного проекта, где народы региона чувствовали бы себя его органической частью¹.

Таким образом, эффективная стратегия России на Кавказе должна строиться не на экономическом, а на *социокультурном детерминизме*, в рамках которого эффективность экономических мер должна оцениваться не с помощью набора экономических показате-

телей, а с точки зрения социокультурных изменений, происходящих под влиянием экономических преобразований. К сожалению, этот подход, едва наметившийся в Стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, стал «сдавать позиции» традиционному экономическому детерминизму по мере движения от стратегии к программе развития округа.

Б. В. Аксюмов²

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА³

Перед любым современным полиэтничным и поликонфессиональным государством стоит проблема сохранения и укрепления национального единства. В подобной трактовке данной проблемы подразумевается, что национальное единство уже существует. В случае с современной Россией все гораздо сложнее — проблема заключается не в укреплении национального единства, а в его формировании, обретении. Правомерность данного тезиса особенно отчетливо проявляется при анализе культурной специфики Северного Кавказа, региона, который на сегодняшний день недостаточно интегрирован в общероссийское социокультурное пространство.

«Рубежность», «пограничность» Северного Кавказа как культурно-цивилизационной единицы уже сами по себе предполагают альтернативность цивилизационных ориентаций, переплетение различных традиций, влияний, тенденций. Инициированный культурной глобализацией ренессанс локальных культур ярко высветил культурное многообразие региона, его культурную специфику. Конфликты на этнической и конфессиональной «почве», глубинной основой которых являются именно культурные различия, возникают регулярно. Обострение ситуации произошло после распада СССР, когда, с одной стороны, исчерпали себя достаточно эффективная на определенном этапе идеология «дружбы народов» и основанная на ней надэтническая советская идентичность, а с другой стороны, на Северном Кавказе неконтролируемыми темпами пошла процесс этнического и религиозного возрождения. Подавлявшиеся на протяжении многих десятилетий этническая и конфессиональная идентичности «вдруг» стали ключевыми и определяющими. В результате групповые идентичности народов Кавказа оформились к настоящему

времени в первую очередь именно как этноконфессиональные и только во вторую — как гражданские.

Между тем «гражданская идентичность — крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ»⁴. Недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства проявляется в межкультурных отношениях в Северо-Кавказском регионе, когда представители различных культурных ареалов нередко ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. В общественном сознании по-прежнему доминируют, а зачастую усиливаются многочисленные стереотипные представления. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят для себя общих целей и задач и социокультурных ориентиров.

Способы решения указанных проблем, используемые на сегодняшний день, малоэффективны, вряд ли с их помощью реально обеспечить подлинное национальное единство Российской Федерации. Речь идет о таких стратегиях гармонизации поликультурного социума, как толерантность и мультикультурализм. Главная идея концепции толерантности, по нашему мнению, состоит в признании ценности различий. На практике эта установка часто приводит к абсолютизации различий за счет «снятия» и игнорирования общих, объединяющих, консолидирующих моментов, на основе которых только и возможно сформировать единую цивилизационную идентичность, а следовательно, создать единый народ. Например, в случае с Северо-Кавказским социумом «толерантные» установки на абсолютизацию различий способствуют явному приоритету этноконфессиональной идентичности над гражданской, а тем более над социокультурной (цивилизационной).

Следует отметить, что подобная ситуация дезинтеграции во многом стала следствием проводимой все последние годы политики мультикультурализма. Мультикультурализм, признавая несомненность принципа множественности культур и, главное, рассматривая саму эту множественность как высшую ценность, уже изна-

¹ Бадерхан Ф. Место российского Кавказа во второй мировой перестройке, начатой в арабском мире // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : сб. ст. / под общ. ред. М. К. Горшкова, А.-Н. З. Дибирова. М. ; Махачкала, 2011. С. 151.

² Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конфликт цивилизаций в контексте современных глобализационных процессов», «Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России», «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа» (в соавт.) и др.

³ Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностно-идеологические аспекты конфликтов и напряжений на Северном Кавказе». Грант Президента Российской Федерации МД-4849.2011.6.

⁴ Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 22–23.

чально отказывается от возможности интеграции, построения из различий единства. Политика мультикультурализма, где бы она ни проводилась — в США или Западной Европе, всегда приводила к одному и тому же результату: приоритету различий над единством, дезинтеграции над интеграцией, преобладанию узкоэтнических и узкоконфессиональных идентичностей над общегражданской и цивилизационной.

Толерантность в этом контексте есть не что иное, как логическое следствие и реализация политики мультикультурализма. Максимальный позитивный результат такой политики — сохранение некоего статуса-кво, консервация имеющихся проблем и противоречий. При этом не менее важно то, что культурно-цивилизационный крен Северо-Кавказского региона в сторону от России становится более выраженным по причине пропаганды и практического воплощения принципов мультикультурности и толерантности.

В то же время необходимо подчеркнуть, что и проект по формированию общероссийской гражданской идентичности не способен обеспечить национальное единство России. Выше уже отмечалось, что культурно-цивилизационные, ценностно-мировоззренческие различия не могут компенсироваться фактом общего гражданства, нужно нечто более существенное, то, что будет способно преодолеть указанные различия и сделать разрозненных граждан единым народом. В данном случае необходимо вести речь о культурно-цивилизационном «включении» народов Северного Кавказа в общероссийский цивилизационный и социокультурный профиль. Сегодня становится очевидным, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации суверенитета цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Крах политики мультикультурализма во многих европейских странах подтолкнул ведущих российских политиков к поиску новых возможностей гармонизации межэтнических, межкультурных отношений, достижения подлинного национального единства Рос-

сии. В частности, в статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» гораздо большее значение придается формированию и укреплению не гражданской, а именно цивилизационной идентичности. По словам автора, «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹.

В этом смысле очевидно, что современная ситуация на Северном Кавказе подсказывает только один реальный путь выхода из кризиса — переход от толерантности и мультикультурализма к интеграции. Интеграция в данном случае предполагает формирование единого социально-политического и культурно-цивилизационного пространства России и Северного Кавказа, когда различия неизбежно должны уйти на второй план, стать периферийными. Важно подчеркнуть, что интеграционный подход вовсе не означает элиминирования различий, особенностей, специфических черт отдельных культур. Они остаются, однако, в отличие от идеологии мультикультурализма и толерантности, идеология интеграции не объявляет их высшей ценностью, не постулирует их фактический приоритет над общими консолидирующими началами российского социокультурного пространства. Если идеология и практика толерантности обусловили неконтролируемый рост значимости этноконфессиональной идентичности Северо-Кавказского социума, того рода идентичности, который подчеркивает различие Северного Кавказа от России, то интеграция должна способствовать росту значимости социокультурной (цивилизационной) идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации.

Г. М. Бирженюк²

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сложный и неоднозначный процесс глобализации имеет на постсоветском пространстве особую конфигурацию. Можно говорить о своеобразном эффекте «двойной глобализации»: с одной стороны, процессы влияния общемировых тенденций на экономику, культуру, политику бывших республик СССР, с другой — налицо определенные процессы «малой глобализа-

ции», то есть влияния более локальных тенденций, характерных в основном для стран СНГ. На это есть объективные причины. Прежде всего во всех странах СНГ в различных формах различными темпами, но в целом достаточно динамично произошло становление рыночной экономики. Это повлекло за собой коренные изменения трудовых отношений. При этом обращает на себя внимание тот факт, что социально-экономические процессы, протекающие в странах СНГ, обнаруживают сходство ситуаций в социально-трудовой сфере каждой из стран, возникших после распада СССР, и в то же время — налицо существенные отличия в странах СНГ от того, что имеет место в западных экономиках.

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос.

² Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ» и др. Почетный профессор СПбГУП.

Анализ конфликтных ситуаций в социально-трудовой сфере в странах СНГ за последние 10 лет показывает, что налицо тенденции своеобразного «выравнивания» наблюдаемой картины. Примерно совпадают причины конфликтов, мало различается структура конфликтных ситуаций, относительно идентично выглядит распределение типов конфликтов в процентном отношении к их общему числу. Среди наиболее типичных причин конфликтов можно назвать:

а) различные нарушения норм законодательства. Эти нарушения имеют умышленные и неумышленные основания, часто связаны с неразвитостью норм трудового права в новых экономических и социально-политических условиях, недостаточной правовой культурой участников социально-трудовых отношений;

б) структурные изменения. Рыночная экономика обуславливает значительную динамику в сфере собственности, что сопровождается переходом предприятий из рук в руки, поглощениями и т. п. Все это сказывается на положении наемных работников — изменении условий труда и оплаты, увольнения и пр.;

в) конфликты с менеджерами. Глобализация привносит в сферу трудовых отношений новую организационную и корпоративную культуру, которая характеризуется высокими требованиями к объемам и качеству труда, соблюдению трудовой дисциплины. Работники это воспринимают иногда болезненно, что и порождает конфликты.

Наблюдаемые в странах СНГ ситуации имеют объективные причины. Во-первых, не до конца сформировались субъекты социально-трудовых отношений. Как показывает исторический опыт, субъекты трудовых отношений формируются на протяжении длительных периодов, которые насчитывают порой многие десятилетия и требуют определенных социально-культурных и социально-политических условий. Не менее важно, что в странах СНГ государство часто выступает не как арбитр или равноправная сторона трудовых отношений, а как подавляющая сторона. В итоге в противоборство с государством вступают и работники, и работодатели, хотя их интересы как минимум не совпадают. Разнообразные трудовые конфликты в странах СНГ объединяет также то, что они не существуют там в «чистом» виде. Как правило, трудовые конфликты весьма политизированы. Это наблюдается в различных формах. Часто экономические требования сопровождаются политическими. Подчас экономические формы борьбы (за-

бастовки) используются для достижения политических целей. Отчасти это можно объяснить сохраняющейся ведущей ролью государства в новых странах, возникших на пространстве бывшего СССР. В связи с этим работники, как сторона трудового конфликта, в качестве источника трудовых конфликтов видят не администрацию предприятия, а государственных чиновников и шире — государство, неспособное установить справедливые правила игры в социально-трудовой сфере.

Кроме того, переход от директивной системы управления к рыночной экономике в рассматриваемых странах не сопровождался адекватными социальными изменениями в трудовых отношениях на уровне отдельного предприятия. В большинстве стран СНГ сохранилась тарифная сетка, системы оплаты труда и подбора кадров, что фактически означает возврат к традиционной для СССР системе социально-трудовых отношений. В целом сохранилась традиционная система патернализма в трудовых отношениях, что придает черты сходства большинству конфликтов в социально-трудовой сфере стран СНГ.

Актуальной задачей стран Содружества должны стать усиление социальной направленности осуществляемых реформ, принятие системы мер по снижению сопровождающих их издержек, эффективное решение экономических и социальных проблем, обуславливающих ряд конфликтных ситуаций в социально-трудовой сфере.

В то же время уже сегодня можно предложить некоторые меры по оптимизации конфликтных ситуаций в сфере взаимоотношений субъектов трудовых отношений. Речь идет о создании научно-исследовательских и консультационных структур на межгосударственном уровне. Эти центры могли бы, опираясь на богатый международный опыт оптимизации конфликтных ситуаций, накопленный конфликтологией научный потенциал, осуществлять мониторинг ситуации в сфере социально-трудовых отношений в странах СНГ, делать сопоставительный анализ получаемой информации, выработать предложения по оптимизации трудового законодательства, обобщать эффективные технологии урегулирования трудовых споров, распространять передовой опыт социального партнерства. Тем самым страны СНГ могли бы интегрировать свои усилия и опыт в оптимизации важнейшей области социальной практики — трудовых отношений.

Д. Р. Вализаде¹**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Глобальные социально-культурные тенденции привели к качественному изменению всех сторон жизнедеятельности обществ, уже перешедших к постиндустриальной стадии или постепенно приближающихся к ней. Социально-трудовые отношения претерпевают схожие изменения, вбирая в себя специфические черты общемировых тенденций. Однако ключевое противоречие заключается не в готовности или неготовности обществ, строящихся на индивидуальных традициях, к изменениям, а в противоречии между традиционными социально-культурными устоями и привносимыми мировой цивилизацией нововведениями.

В России одной из важнейших тенденций последних лет является распространение англосаксонской модели регулирования социально-трудовых отношений. Ее особенности сводятся к иному восприятию таких, казавшихся прежде незыблемыми, гарантий, как стабильная занятость и стабильная заработная плата, считающихся издержками индустриальной эпохи, несовместимой с прогрессом постиндустриальной цивилизации.

Вышеуказанные трансформации предопределили смещение акцента в социально-трудовых отношениях постиндустриальных стран в сторону использования так называемых «нетипичных» форм занятости. Более того, повышение гибкости рынка труда путем отказа от философии гарантированного рабочего места долгое время являлось ключевым направлением в экономической теории неоклассической школы. Под «нетипичными» формами занятости принято понимать занятость, отличающуюся от стандартной, основанной на постоянном трудовом контракте (в системе российского трудового законодательства — трудовой договор, заключенный на неопределенный срок). К «нетипичным» формам занятости, как правило, относят следующие виды:

— временная занятость (в России — срочный трудовой договор);

— самозанятость — система, при которой работник не имеет фактического места работы даже по срочному трудовому договору, но при этом и не является индивидуальным предпринимателем;

— частичная занятость — занятость у конкретного работодателя, зачастую на основе постоянного контракта, однако на условиях неполного рабочего дня;

¹ Начальник Управления социального партнерства Аппарата Ленинградской федерации профсоюзов, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация социально-культурных функций профессиональных союзов в постиндустриальном обществе», «Социальная культура: роль и место профсоюзов в ее формировании», «Экономическое обоснование позиции профсоюзов при ведении коллективных переговоров», «Критический анализ социальной культуры постиндустриального общества», «Decent Wages in Russia: Current State and Prospects», «The Capital-Labour Relation: from Industrial to Post-industrial Economy», «Профессиональные союзы как социальный институт культуры», «Основы экономических знаний для профсоюзного лидера» и др.

— аутстаффинг, или занятость через кадровые агентства, — система, при которой работники нанимаются не работодателем, у которого фактически осуществляют трудовую деятельность, а кадровым агентством.

Все перечисленные формы получили широкое распространение преимущественно в странах Западной Европы и США. В частности, к середине 2000-х годов на «нетипичную» занятость в Великобритании приходилось 45 % всего рынка труда. В середине 1990-х годов западноевропейское профсоюзное движение открыто признало, что такие формы занятости являются причиной современных трудовых конфликтов и одним из основных факторов, угрожающих благосостоянию работников.

В настоящее время фундаментальные исследования в области трудовых конфликтов в Западной Европе посвящены рассмотрению эффективности действий представителей работников в условиях постиндустриального общества и выявлению основных тенденций, угрожающих положению работников на рынке труда. В частности, к основным угрозам перечисленных форм занятости, приводящим к зарождению трудовых конфликтов, могут быть отнесены:

1) более низкая заработная плата работников, нанятых через систему нетипичных форм занятости;

2) отсутствие гарантий занятости, приводящих к негативным изменениям в психологии поведения работников;

3) возможность расторжения трудовых отношений с работником путем расторжения гражданско-правового договора с кадровым агентством или стороной организаций в обход трудового законодательства;

4) нераспространение на работников действия коллективного договора;

5) невозможность работников вступить в первичную профсоюзную организацию предприятия, на котором они реально работают;

6) работодатель не несет ответственности за работников в части соблюдения норм охраны труда и техники безопасности.

Следует отметить, что пункты 3–6 относятся к аутстаффингу, который в настоящее время рассматривается как наиболее опасная форма «нетипичной» занятости.

Распространение «нетипичных» форм занятости в странах СНГ, прежде всего аутстаффинга, приобретает угрожающий характер и повторяет все этапы, пройденные в свое время странами Западной Европы. Если рассматривать ситуацию в России, то в настоящее время аутстаффинг находится на нелегальном положении. Его применение противоречит трудовому законодательству, однако такие услуги оказываются на российском рынке труда и пользуются спросом. В этом заключается уникальность системы социально-трудовых отношений в Российской

Федерации, ее непохожесть на принятый в Европе уклад. Корни этого явления уходят в социально-культурные особенности взаимодействия труда и капитала в России. Попытки запретить аутстафтинг в России путем принятия законопроекта Исаева–Тарасенко направлены именно на сохранение куль-

турных особенностей социально-трудовых отношений в нашей стране. К сожалению, даже при наличии действенного контроля со стороны государства следует ожидать не ухода работодателей от «нетипичной» занятости, а разработку иных форм, обеспечивающих гибкую занятость и систему оплаты труда.

Л. А. Васильева¹

РОЛЬ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Социальное партнерство в сфере труда относится к «институтам согласия», продуктам общественного развития, результатам перманентного совершенствования управленческих механизмов по преодолению разрушительной стихийности конфликтных ситуаций.

Возникновение социального партнерства уходит корнями в Западную Европу, являясь элементом европейской культуры. В период реформирования российского общества, появления многообразных форм собственности проблема цивилизованных отношений в социально-трудовой сфере становится важнейшим направлением социально-экономического и политического развития страны. Цивилизованные отношения обеспечивают согласование и защиту интересов работников, работодателей, органов государственной власти, местного самоуправления путем достижения консенсуса в выработке и осуществлении единой согласованной позиции. При этом речь идет не о слиянии интересов, а о достижении оптимального баланса между ними, о создании такого положения, при котором любой собственник мог бы обеспечить стабильное получение прибыли, а наемный работник — достойные условия своего существования. Эта цивилизованная форма общественных отношений в социально-трудовой сфере и получила название «социальное партнерство».

Последние 20 лет Россия стремится создать действенную систему социального партнерства, опираясь как на достижения западной культуры социально-трудовых отношений, так и на российские культурные традиции.

В постсоветской России понятие «социальное партнерство» впервые было определено ст. 23 Трудового кодекса Российской Федерации, вступившего в силу с 1 февраля 2002 года, как система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Основными вопросами взаимодействия сторон являются регулирование заработной платы и условий

труда, так как увеличение прибыли организации — это объективный интерес работодателя, увеличение заработной платы и затрат на охрану труда — объективный интерес работников. Соответственно договоренности по этим вопросам, как правило, составляют основное содержание правовых актов социального партнерства.

Правовыми актами социального партнерства являются соглашения, которые заключаются на федеральном, межрегиональном, региональном, отраслевом, территориальном уровнях между полномочными представителями работников и работодателей, и коллективные договоры, действующие на локальном уровне.

Для ведения коллективных переговоров по подготовке и заключению правовых актов социального партнерства на всех уровнях из полномочных представителей сторон образуются органы социального партнерства в виде комиссий по регулированию социально-трудовых отношений. Совместно с органами по труду Российской Федерации и субъектов Федерации они выполняют координирующую роль в разработке и реализации единого подхода к совершенствованию и достижению целей социального партнерства.

Если правовой акт социального партнерства заключен, то определены взаимные обязательства сторон и условия их выполнения; если правовой акт социального партнерства действует без сбоев, то вероятность возникновения коллективного трудового спора сводится к минимуму.

Однако практика показывает, что несовершенство трудового законодательства, недобросовестное отношение сторон к процессу коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений, снижение внимания к организации деятельности органов социального партнерства, к вопросам полномочности представителей сторон, предварительного разъяснения и обсуждения управленческих решений, несоблюдение принципов социального партнерства создают почву для возникновения затяжных разногласий, которые можно было бы назвать псевдоконфликтами или псевдоколлективными трудовыми спорами.

На 1 января 2012 года в Ленинградской области действовали 59 соглашений в сфере труда, из них 20 — региональные, в том числе 17 — региональные отраслевые, 39 — территориальные (17 — территориальные трехсторонние, 22 — территориальные отраслевые), и 1537 коллективных договоров. Численность работников, охваченных коллективными договорами, составила 243,5 тыс. человек; охват коллективными

¹ Начальник отдела трудовых отношений и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области, кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. «Развитие региональной системы социального партнерства в сфере труда» и др.

договорами в процентном отношении к общей численности работников по крупным и средним организациям составил 67 %, в целом по области — 45,5 %.

На региональном уровне в Ленинградской области регулярно заключается с учетом Генерального соглашения региональное трехстороннее соглашение, состоящее из рамочного соглашения сроком на три года и ежегодных обязательств сторон. Действует Региональное трехстороннее соглашение на 2010–2012 годы. Обязательства сторон на 2011 год в основном выполнены.

Действуют региональные отраслевые соглашения в строительстве, агропромышленном комплексе (АПК), торговле, образовании, здравоохранении, социальной защите, культуре и др. Заключено очередное региональное соглашение о минимальной заработной плате на 2011–2012 годы; данным соглашением с 1 сентября 2011 года установлен размер минимальной заработной платы в Ленинградской области в сумме 6100 рублей, что превышает федеральный минимальный размер оплаты труда (4611 руб.) в 1,3 раза. Правительство области как работодатель обеспечило выполнение данного соглашения, установив в областных государственных учреждениях с 1 сентября 2011 года должностной оклад работников первого квалификационного уровня в размере 6100 рублей, с 1 января 2012 года — 6466 рублей.

На территориальном уровне действуют 17 территориальных трехсторонних соглашений во всех муниципальных районах (городском округе), за исключением одного. Из 22 территориальных отраслевых соглашений 18 заключены в образовании во всех муниципальных районах (городском округе); 4 — в АПК.

На локальном уровне из 1537 действующих коллективных договоров организаций области в 2011 году уведомительно зарегистрирован 381 коллективный договор, в том числе 59 — впервые.

Единственным коллективным договором, заключенным с протоколом разногласий по 13 вопросам, является коллективный договор ЗАО «Форд Мотор Компани». Таким образом, на предприятии с минимальной заработной платой, соответствующей средней по региону,

существует субъективная возможность усиления социальной напряженности.

Анализ текстов коллективных договоров, уведомительно зарегистрированных в 2011 году, показывает, что стороны принимают на себя обязательства с учетом договоренностей, достигнутых на региональном и территориальном уровнях, устанавливают минимальные гарантии по оплате труда не ниже размера минимальной заработной платы, утвержденного Региональным соглашением о минимальной заработной плате в Ленинградской области на 2011–2012 годы.

Ленинградская областная трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (ЛОТК), действующая на основании Положения, утвержденного постановлением губернатора области от 9 июня 2000 года № 252-пг, осуществляет координацию развития социального партнерства на региональном уровне, ведение коллективных переговоров по подготовке проектов соответствующих соглашений, контроль за выполнением обязательств сторон, оказывает совместно с Комитетом и Управлением социального партнерства аппарата ЛФП информационную и консультативно-методическую поддержку сторонам социального партнерства территориального и локального уровня по вопросам коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений.

Результатом совместных действий социальных партнеров на территории Ленинградской области является отсутствие зарегистрированных коллективных трудовых споров.

Динамика социально-трудовых отношений на примере Ленинградской области наглядно свидетельствует о становлении системы социального партнерства на региональном уровне, соответствующей нормам и принципам, установленным в европейском сообществе. Вместе с тем налицо и специфические черты формируемой системы, присущие социально-культурным особенностям российского уклада общественной жизни. Указанные тенденции содействуют поэтапному становлению уникальных механизмов взаимоотношений между работниками и работодателями, сохраняющих культурную идентичность российского общества.

В. С. Волков¹

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ НАРОДОВ РОССИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Межнациональные отношения и взаимодействие культур народов России всегда складывались непросто.

¹ Профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Советская интеллигенция: словарь-справочник» (в соавт.), «Россия XXI века: творческий, духовный и нравственный потенциал интеллигенции» (в соавт.), «На тернистом пути естественно-научного просвещения: из истории биологических станций», «Школа историка В. С. Меметова: взгляд из Петербурга», «Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов», «Оригинальное исследование истории студенческой газеты», «Борис Евгеньевич Райков — ученый, педагог, личность» и др.

В них в той или иной мере действовали две тенденции — к сотрудничеству и конфронтации. Тенденции в общем плане проявлялись и в бытии этносов в целом, и в позициях и действиях отдельных групп, которые существовали внутри народов. Среди них важное место занимала интеллигенция.

В России интеллигенция со времени превращения в массовый слой (вторая половина XIX в.) стала действенной силой в межнациональных отношениях. В нее входили представители разных народов страны, причем численность ее неуклонно возрастала, а состав

становился все более многонациональным вплоть до 1991 года. Например, в 1975 году из 22 796 тыс. дипломированных специалистов, занятых в народном хозяйстве СССР, насчитывалось около 14 017,5 тыс. русских, 3 587,4 тыс. украинцев, 758 тыс. белорусов, 450,7 тыс. узбеков, 312,4 тыс. казахов, 337,6 тыс. грузин, 287,6 тыс. азербайджанцев, 240,8 тыс. литовцев, 128,6 тыс. молдаван, 127,3 тыс. латышей, 73,2 тыс. киргизов, 80,9 тыс. таджиков, 317,5 тыс. армян, 71 тыс. туркмен, 104,4 тыс. эстонцев, а также представители других наций и народностей СССР¹. Аналогичный состав интеллигенции отмечался и в Российской Федерации после провозглашения ее суверенитета и распада СССР, с той лишь разницей, что интеллигенты многих наций оказались по разным сторонам границ суверенных государств, возникших на территории ликвидированного Союза Советских Социалистических Республик.

В силу ряда особенностей императорской России (прежде всего в результате обучения во всех государственных учебных заведениях только на русском языке, местонахождения большинства вузов преимущественно в крупных городах с преобладанием русского населения и др.) и Советского Союза значительная часть интеллигентов нерусского происхождения была носителем двух национальных культур: культуры своего народа и русской культуры, что облегчало ее посредническую миссию в межкультурном диалоге народов.

Роль интеллигенции в межнациональных отношениях далеко не однозначна. Доминирующей функцией интеллигенции во взаимоотношениях этносов было посредничество в межкультурном диалоге. Однако отдельные группы интеллигенции вносили напряженность в межнациональные отношения, а порой инициировали или ужесточали межнациональные конфликты. Например, в императорской России русская интеллигенция была в определенной мере проводником жесткой русификаторской политики правительства, которая выражалась в притеснении и дискриминации национальных культур нерусских народов, принудительном внедрении русского языка и элементов русской культуры. В то же время интеллигенты других народов нередко выступали идеологами национальной исключительности, национализма, прилагали усилия для того, чтобы изолировать духовную жизнь своего народа от инокультурного влияния, законсервировать ее. История нашей страны показала, что отдельные группы интеллигенции разжигали национальную вражду, для чего использовались и некоторые явления в сфере культуры, художественные, научные и публицистические произведения.

Сложность выяснения роли интеллигенции в развитии взаимоотношений между народами нашей страны усугубляется тем, что сама национальная интеллигенция была неоднородна по своим идейно-политическим позициям. Наиболее ярко это выражено среди интеллигенции тех народов, которые вступили на путь развития капитализма в конце XIX — начале XX века. В со-

ответствии со своими убеждениями и целями разные группы интеллигенции в общественно-политической жизни ориентировались на разные классы или социальные группы, более того, наиболее активные из них участвовали в социально-классовой борьбе, нередко сознательно обостряли ее. В России до 1917 года на социально-классовой основе базировались две группы интеллигенции: охранители, которых устраивал политический и социально-экономический строй, и радикалы, которые стремились изменить его коренным образом. Каждая из них пыталась заручиться поддержкой близких им по настроениям групп.

В СССР ситуация изменилась, поскольку власть силовыми методами оттеснила оппозиционные группы на периферию политической жизни, а для подавляющего большинства интеллигенции создала условия, в которых каждый (кто за страх, кто за совесть) действовал в русле государственной политики, подобно своим предшественникам-охранителям. После 1991 года для интеллигенции стала складываться ситуация, напоминающая ту, которая существовала до 1917 года.

Реагируя на социально-классовые и межнациональные противоречия, в том числе стремясь подняться над ними, интеллигенция России осуществляла одну из своих важных функций — посредника в диалоге культур. Посредническая миссия интеллигенции вытекала из природы ее творчества, питавшегося животворными соками разных национальных культур. В то же время посредничество интеллигенции в межкультурном диалоге в значительной (если не в решающей) мере являлось следствием ее сознательного выбора, обусловленного интернационалистскими убеждениями, альтруизмом, желанием помочь другим народам, стремлением сделать богаче духовную жизнь своего народа благодаря приобщению его к культуре других народов.

На посредническую миссию интеллигенции в диалоге культур воздействует множество объективных факторов. Среди них — и численность народов, и уровень их культуры, и их религиозные воззрения, и обстоятельства вхождения в единое Российское государство, и многое другое. Сильное воздействие на деятельность интеллигенции оказал политический фактор: характер власти, национально-государственное устройство страны, национально-культурная политика правительства.

Рассмотрим более внимательно посредническую миссию интеллигенции в диалоге культур во время существования СССР. Предварительно заметим, что формы и способы ее реализации не полностью совпадают у русской интеллигенции и национальных классов интеллигенции других народов. Пожалуй, более разнообразными и универсальными были направления, формы и средства участия русской интеллигенции в международном диалоге. Это изучение национальных культур разных народов страны с целью популяризации их среди других народов, прежде всего русского, оказание помощи в создании письменности тем народам, у которых ее не было, подготовка учебников на языках коренных народов разных регионов, помощь в овладении русским языком, который в силу объективных условий становился языком межнационального общения, переводы произведений фольклора и профессиональных

¹ Народное образование, наука и культура СССР : стат. сб. М., 1977. С. 296.

писателей на русский язык, продвижение на сцены театров и концертных залов пьес драматургов, сочинений музыкантов из национальных республик, организации передвижных выставок произведений изобразительного искусства и т. п. Особо следует отметить вклад русской интеллигенции в развитие образования и формирование кадров национальной, нерусской интеллигенции. Подобные направления посреднической деятельности, хотя и с меньшим размахом, были присущи и интеллигенции других народов (украинской, татарской, узбекской и др.), имевших культурные возможности помочь родственным народам.

Подчеркнем еще раз, что посредничество интеллигенции в межкультурных процессах осуществлялось не в нейтральной пассивной социальной среде, а среди социальных слоев и групп, существовавших внутри этносов. В осуществлении посреднической миссии интеллигентов СССР подстерегали разные опасности. Одни из них создавались властью, другие коренились в некоторых предрассудках народов, третьи были следствием определенных качеств самих интеллигентов. В силу этого нередко возникали конфликтные ситуации.

Как же вели себя интеллигенты, искренне стремившиеся осуществлять межкультурное посредничество, в конфликтных ситуациях, спровоцированных чаще всего не ими, но которые они не могли игнорировать?

В национальных районах, где до 1917 года сохранялись докапиталистические отношения, интеллигентам (как немногочисленным образованным людям коренной национальности, так и русским, работавшим в инонациональной среде) много сложностей создавал «классовый», а точнее, вульгарно-социологический подход органов центральной власти к обществу. В традиционных обществах после Октябрьской революции он нередко порождал неверные, бестактные действия по отношению к местному населению. Например, в 1920–1930-х годах форсировались меры по установлению женского равноправия или, как тогда провозглашала официальная пропаганда, преодолению «феодално-байского отношения к женщине». Аналогичным образом не соответствовал национальным особенностям классовый подход при проведении политики «коренизации», предполагавшей выдвижение на руководящую работу, направление в высшие и средние специальные учебные заведения представителей «сельского пролетариата», которого, строго говоря, в действительности не было, а вместо них в число «выдвиженцев» попадали люмпены.

Некоторые русские, сами не очень образованные люди, не сомневались в правильности подобных мер, более того, рьяно проводили их в жизнь. Однако подлинные интеллигенты в подобных ситуациях старались апеллировать к народным ценностям, искали способы смягчения примитивно понимаемого «классового подхода». В то же время негативное воздействие на рус-

ское население в Центральной России оказывала система бронирования мест в вузах для представителей нерусских народов, прежде всего тех, кого до 1934 года официально именовали «национальными меньшинствами», что в известной мере ограничивало право русской молодежи на образование. Русским работникам книжных издательств, редакторам журналов, режиссерам театров не всегда были по душе квоты, устанавливаемые властями для авторов из других республик. Интеллигенты в подобных случаях оправдывали такие меры идеями интернационализма, долга русского народа перед нациями, подвергавшимися дискриминации в условиях царизма. В принципе это было проявлением толерантности, присущей интеллигентам.

Вопрос о роли русской интеллигенции в межкультурном диалоге народов СССР нельзя рассматривать отдельно от процесса русификации нерусских народов, который был обусловлен главным образом объективными факторами, но на него влияли и политические причины (например, безосновательные обвинения в национализме интеллигентов ряда республик, грубая административная ликвидация национальных школ в российских областях с преимущественно русским населением и т. д.), а также «русификаторские» действия некоторых русских интеллигентов, особенно из числа «обрусевших» представителей других наций.

Если же русификация не выходила за рамки заимствования достижений русской культуры во имя более гармоничного развития национальных культур, то этот объективный процесс можно рассматривать как положительное явление. К тому же русификация в значительной мере носила характер «европеизации», а данное явление ставилось в заслугу Петру I и многим его преемникам. В настоящее время национальная интеллигенция России активно заимствует достижения североамериканской культуры.

В СССР, особенно на последнем этапе его существования, сформировалась общая советская политическая культура — особый, хотя и неоднозначный феномен. В его формировании огромную роль сыграла многонациональная советская интеллигенция. Многие проявления миссии интеллигенции в период существования СССР остались в прошлом. Живы гуманистические традиции сотрудничества народов страны и их интеллигенции. Они должны быть продолжены.

Новое время ставит перед интеллигенцией новые проблемы, этнические и социальные конфликты становятся все многообразнее и сложнее. Но у современной интеллигенции имеются дополнительные возможности для гармонизации межнациональных и социальных отношений, которые предоставляют исторический опыт и достижения относительно молодой науки — конфликтологии, чего не было у интеллигенции предшествующих эпох.

Н. В. Голик¹**ЭТНОКОНФЛИКТ: «ЖАЛО ЧУЖОГО»**

Настороженное отношение к незнакомому, иному, чужому, боязнь встречи с ним были качествами, необходимыми для существования человека и человеческого общества на протяжении всей истории. Архаичность природы деления на «своих» и «чужих» сохраняется и в наши дни, составляя психологический базис страха перед изменениями привычного хода событий. «Втягивание» в силовое поле социальных изменений превращает присущее человеку естественное свойство настороженности в неприятие иных групп (тех, к которым Я не принадлежу) и «возложение на них ответственности за социальный, политический, экономический и прочий дискомфорт, который человек испытывает в связи с меняющимся социальным текстом» (Н. Гиренко). Латентная ксенофобия становится неизбежным и постоянным спутником общественных систем, находящихся в процессе трансформации.

В этих условиях всегда возникают и начинают действовать лица и группы, главной целью которых становится стремление все вернуть «на круги своя». Это «режиссеры» грандиозного спектакля, задуманного и разыгрывающегося по пьесе, содержание которой подчинено одной, но «пламенной» идее: создать стабильное, социально комфортное, «справедливое» пространство существования, не терпящее инакомыслия, инаковерия, инакодействия. Одним из самых показательных, успешных и безоговорочно принимаемых или срабатывающих «режиссерских» приемов становится *этничность*, игра на проблемах этноса, переживающего процессы модернизации, индустриализации и глобализации. Известно, что именно национальное чувство — самое сильное, что есть в эмоциональном строе человека и человечества, сильнее, чем, как принято считать, любовь. Следовательно, возвышение или унижение национального чувства тоже вызывает самые сильные эмоции, и, следовательно, вокруг него может структурироваться силовое поле самой предельной напряженности. Этничность «выбирается как несложная форма организации общества, посредством которой люди могли бы забыть о разобщенности и слабости и перестать чувствовать себя жертвами воздействия более сильных исторических сил, засасывающих их в свой водоворот» (Ф. Фукуяма).

Ксенофобия и этнодискриминация сегодня — это не только проблема современной России, это проблема интернациональная. С ней сталкиваются все страны, вовлеченные в глобализационный процесс. Подобно волне, которая накрыла, а затем обнажила «дно океана», глобализация выявила остроту проблемы ксено-

фобии. Однако в России она приобрела особенно резкие черты.

Ксенофобия и этнодискриминация, как показывают современные социально-психологические исследования, не могут быть объяснены в полной мере историко-культурными (формирование образа врага как необходимой инстанции для сплочения нации); социально-политическими (этнодискриминация: депортация, многолетняя политика государственного антисемитизма, на смену которой пришло «специфическое» отношение к людям так называемой «кавказской» национальности) и экономическими (резкое ухудшение материального положения, социальное расслоение и весь ряд связанных с этим фактом последствий) причинами. Острота этнонациональной напряженности — постоянный спутник всех форм социальных изменений, и в этом плане она является одним из следствий современной социально-экономической ситуации в России, результатом так называемых медленных реформ, без форсирования, при которых «шоковая терапия» в реальности оказалась «шоком без терапии» (П. Штомпка). Как точно сказано: «Тот самый Человек, его самоценная личность, который в нашей новой Конституции провозглашен высшей ценностью, выше государства, был сразу же брошен, запущен в новый, неслыханный, добро бы еще важный эксперимент с идеей, а то не имеющий ничего такого, что было бы похоже на новое слово в истории, *просто так* эксперимент: а посмотрим, если еще и так прижать людей, чтобы им стало уж совсем странно, как они начнут у нас вертеться» (В. Бибихин).

В социальном опыте страны отсутствовало переживание экономического эксперимента «созидательного разрушения», целенаправленно связанного с «шоковой терапией». Большинство населения оказалось в состоянии «неготовности» к переменам ни в экономическом, ни в социальном, ни в культурном смыслах, которые неразрывно связаны друг с другом. Социальное расслоение, достигшее опасной черты, вызывало у людей продолжительное состояние напряжения; эмоциональной константой переживания ситуации стало ощущение унижения, несправедливости и безысходности, «удобряющее» глубины подсознания ядом рессентимента.

Важной координатой, определяющей сложный ансамбль эмоционального состояния современной России, является специфическое отношение к идолу современного общества — деньгам. По образному выражению С. Московичи, деньги стали нашим главным учителем: «Деньги — это наш Сократ». Платон говорил: «Что подумал бы Сократ о том или другом вопросе?» Точно так же, как только мы видим предмет или слышим о нем, мы спрашиваем: «Сколько он стоит?» Современный французский социолог выявляет примитивизм природы капитализма и его морализаторства, которым он терроризирует человеческое сознание, ибо «моральный кодекс» строителей капитализма «ничуть не менее абсурден, чем коммунистический

¹ Профессор кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Этическое в культуре», «Проблемы модернизации России», «Глобализация в мире “разных цивилизаций”», «Деконструкция тоталитарного общества как основание психосоматических заболеваний», «Постсоветский человек: границы идентичности», «Закон сохранения культуры», «Философия образования и императив толерантности» и др.

моральный кодекс, вместе с тем он намного более ригористичен, поскольку не предполагает возможности какой-то иной морали, кроме морали денег» (С. Фокин). Вспомним феномен «демонстративного потребления», по Веблену.

С этим связана, прежде всего у молодежи, ирреальность, «завышенность» социально-экономических ожиданий и агрессивные проявления, когда обнаруживается невозможность их реализации, когда не срабатывает принцип «По щучьему велению, по моему хотению». В результате, как писал Э. Дюркгейм, «общество, состоящее из бесчисленного числа неорганизованных индивидов, задачу подавления и содержания которых вынуждено взять на себя гипертрофированное государство, представляет собой картину поистине чудовищную». В таком обществе национальное чувство, отметил еще в 1927 году французский мыслитель Ж. Бенда, превращается в национальную гордыню, в национальную обидчивость: «Чтобы понять, каким страстным, совершенно иррациональным и удивительно мощным оно при этом сделалось, достаточно вспомнить о шовинизме — роде патриотизма, изобретением которого мы обязаны демократии». Для понимания ситуации нам следует «выделить общие структуры, темы и коннотации на уровне дискурса, а на уровне более глубоком — уловить спрятанные, вытесненные фундаментальные элементы, то невысказанное, фантазматическое содержание, которое и интересует в первую очередь любого исследовате-

ля ментальностей и коллективных установок. <...> Эти темы и структуры проявляются в форме повторяющихся лейтмотивов».

Французский исследователь ксенофобии относит шовинизм к сфере не рационального, а эмоционального, населенного образами, символами, ассоциациями и нарративом. Именно здесь коренится «идеопорождающая сила» шовинизма, одна из составляющих которого — «нескрываемое презрение и ненависть к иностранцам».

Ксенофобия как всякое массовое явление маркирует онтологический антагонизм, «точки» разрыва «ткани» социального и культуры, если под культурой, опираясь на этимологию слова, подразумевать бережное возвращение человеческого (духовного) в человеке. Полагать, что может возникнуть общество, в котором исчезнет антагонизм, значит находиться в плену иллюзий, ибо антагонизм — это постоянно существующая возможность. Следовательно, ни марксистский экономический детерминизм в целом, ни понятие классовой борьбы, обозначающее средоточие антагонизмов в обществе, не могут быть адекватными для описания социального, поскольку «они выступают попыткой “защитить” исходный разрыв и по определению рано или поздно обречены на провал» (Ш. Муфф, Э. Лаклау). В этом смысле ксенофобию просто так запретить («защитопать») или подавить невозможно, ее можно только регулировать.

В. Г. Графский¹

ПРАВО, ТРУД, СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ВЗАИМОЗАВИСИМЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, ТРЕБУЮЩИЕ ПОСТОЯННОЙ ФИКСАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ

Предложенная тема на первый взгляд является сравнительно новой и относится к проблематике, связанной с взаимодействием права и экономики, но это только на первый взгляд. Согласно уже ставшим привычными разъяснениям проблематика права и экономики либо содержит крупные блоки новой области междисциплинарных исследований под названием «конституционная экономика», либо включает широкую область экономического анализа правовых ситуаций и явлений, которые в зависимости от эрудированности или разброса интересов исследователя могут представляться бесчисленными, но в то же время не лишены кратковременной или долговечной актуальности.

Ричард Познер, американский юрист и судья, автор фундаментальной и часто цитируемой книги «Экономический анализ права» (первое издание —

1993 г., в настоящее время вышло 7-е издание), резюмирует свои взгляды на право и экономику таким образом, что начальные протомарксистские позиции легко согласуются у него с консервативными, моральные — со скептическими и т. д. Его типичные, получившие сочувственный отклик суждения в этой области касаются вопросов антимонопольной политики, сохранения конфиденциальности, допустимости абортов, пыток и др.

Опираясь на эти две позиции, предварительно можно констатировать: в области права и политики представлена амплитуда заинтересованностей либо в глобально-локальных темах (наподобие конституционной экономики), либо в партикулярных процессах или имевших большой общественный резонанс случаях из судебной и карательно-исправительной практики.

Своеобразие заявленной темы состоит в том, что она имеет прежде всего качественное содержание, в котором философское начало переплетено с теоретическим и узким аксиологическим. Практическое восприятие и освоение этой темы происходят одновременно на нескольких уровнях — на личностном (и даже личностно-генетическом), моральном, правовом и разумно общежителем, прежде всего на мирно упорядоченном и прагматически эффективном уровнях

¹ Заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Федерализм в развивающихся странах», «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право». Эксперт Российского гуманитарного научного фонда.

восприятия, понимания и практического использования.

Главным в триаде «право–труд–справедливость» является труд, который не сводится к труду умственному или физическому. Труд воспринимается как целесообразная сознательная физическая и умственная деятельность человека и различных групп, направленная на удовлетворение потребностей индивида, группы и общества в целом, которая приспосабливает к своим целям–потребностям объекты природы, в частности механические, физические и химические свойства предметов и явлений природы, а также самого человека или группы, побуждая и заставляя их взаимно влиять друг на друга во имя достижения различных целей. Благополучное сосуществование человека и общества зависит не только от трудовой деятельности, выступающей в качестве естественной обязанности, но и от используемых орудий труда и производительных усилий и отношений. Существование и развитие человека и общества остаются зависимыми от человека мыслящего, ищущего и деятельного. В связи с этим труд наряду с умением жить организованно иногда воспринимается в личном и социально-активном аспектах в рамках культурного, религиозного, политического и правового общения.

Таким образом, труд стал средством упорядочения и гарантирует разнообразную по форме и целям жизнедеятельность человека и общества — совместно и по отдельности. Создание коллективных форм труда и жизни (особенно на современной исторической стадии) редуцирует многие виды работ до однообразных, малоинтересных и утомительных заданий. В результате возникает разделение труда, которое обостряет проблему отчуждения человека от его работы и в известной степени — от общения с другими людьми. В традиционных обществах (первобытном, феодальном и др.) преобладала тяжелая подневольная работа, но люди все же могли сами ее организовывать, используя при этом накопленные поколениями знания и умения. Современные наемные работники редко влияют на характер выполняемых ими работ и обычно вносят только частичный и малосущественный вклад в процесс создания конечного продукта в его целостности и ощутимой для всех полезности и т. д.

Исторический взгляд на происхождение и видоизменение труда приводит к некоторым парадоксальным выводам. Любое современное государство (либерально-демократическое или тоталитарное), кроме преданности своей нации и политической независимости, одновременно предполагает деятельность на благо собственного народа, объединяемого нацией/государством. В этом смысле любое общество осуществляет самоуправление ради общего блага и удовлетворения общих интересов.

Второе наблюдение принадлежит скорее практическим политикам, нежели теоретикам государства. Из всех существующих форм правления демократия (республиканская демократия) предпочтительнее всех, прежде всего потому что способы ее организации не отличаются сложностью и она ставит больше преград для преступной экономической деятельности в мас-

штабах всего государства. Именно эту особенность учитывали такие разные политики, как Дж. Мэдисон, У. Черчилль, и философ Н. А. Бердяев, положительно отзываясь о демократии.

Экономическая преступность тесно связана с эксплуатацией человека человеком или группой. Одно из определений эксплуатации гласит, что она подразумевает несправедливое использование чего-либо (труда, интуитивного права). Характерно, что некоторые разновидности преступного экономического поведения не всегда фиксируются словарем. Так, несправедливо полученная выгода (как результат нечестного способа обретения выгоды) фиксируется в политэкономии и социологии, но имеет маловразумительное истолкование в правоведении. Примечательно также, что современная экономическая преступность сближается с мафиозной деятельностью, причем, подобно последней, использует как законные, так и противозаконные методы и средства. Согласно одному из наиболее циничных самоопределений мафии как организованной преступной группы она представляет собой высокоорганизованную дисциплинированную ассоциацию, созданную для того, чтобы получать выгоду любыми средствами — честными и бесчестными, законными и незаконными, причем состав участников группы может меняться, но сговор остается.

Обращает на себя внимание так называемая прекаризация современного индивидуального и коллективного, к примеру бригадного, труда (от *лат.* *precarium* и *англ.* *precarious* — сомнительный, опасный), подчеркивающая опасный, рискованный, ненадежный и негарантированный характер производимого труда и набирающая силу во всем мире, но особенно в России. Речь идет о трудовых отношениях, которые работодатель может расторгнуть в любое время, что, по сути, ущемляет правовые и социальные гарантии занятости и на практике представляет собой ликвидацию трудовых прав работника.

В условиях постоянно множющихся разновидностей современного труда незаметно (в том числе для представителей общественных наук) исчезает основная социальная направленность права на обеспечение справедливости и достижение общей пользы. Понятие справедливости до сих пор трактуется с помощью Аристотеля, различавшего уравнивающую и распределяющую справедливость, что более или менее проясняет некоторые вариации правового общения в частном (имущественном) праве и в меньшей степени — в публичном, где вариативность соперничества законных и незаконных форм гораздо шире, чем в области частного права. Недавние уточнения понятия «справедливость» в этих областях на основе известной теории Дж. Ролза позволили многое прояснить в сложных философско-правовых конструкциях, но не до конца. Если принять во внимание устойчивость преемственных и обновленческих процессов в рассматриваемой области, можно сделать вывод о том, что взаимоотношения ценностных ориентаций в области права, труда и справедливости не только далеки от адекватной констатации, но и пребывают в стадии, подходящей для философско-правовой гармонизации.

Н. А. Захаров¹**РЕГУЛЯТОРНАЯ ТЕОРИЯ МОТИВАЦИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Современный мир меняется. Общества стали открытыми и обмениваются друг с другом многим, но главным образом информацией. Информация открывает перед людьми новые возможности и перспективы. Вследствие этого у людей появляются новые цели и стремления. Число этих целей и стремлений тем больше, чем интенсивнее общества обмениваются друг с другом информацией. Поэтому старые средства, старые социальные регуляторы не успевают согласовывать устремления людей с тем, что необходимо обществу для поддержания его целостности. В результате целостность, системность социума нарушаются — разные цели раскалывают общество, так как отсутствуют средства согласования социальной деятельности. Индивиды, ориентируясь на новые цели, вместе с ними приобретают у других обществ новые средства, способы регуляции деятельности. Однако старые и новые способы регуляции не всегда могут быть согласованы друг с другом. Поэтому в результате их взаимодействия нарушается нормальное функционирование системы: перестают работать и старые, и новые средства.

Для того чтобы понять проблему противоречия целей и средств общественной регуляции, необходимо изучать социум как целостность. Поэтому прежде чем *выбирать* новые цели и *моделировать* направление развития, разрабатывать юридические средства регуляции, *необходимо понять, изучить традиционные социальные средства* координации действий индивидов, отталкиваясь от которых в дальнейшем мы сможем и выбирать, и моделировать. На это в свое время обратил внимание О. Конт: *пока отдельные умы не примкнут к общей идее, на основании которой можно построить общую социальную доктрину, народы, несмотря ни на какие политические паллиативы, по необходимости будут пребывать в революционном состоянии и выработать только временные меры.* В связи с этим представляется актуальным изучение социальных

средств или социальных регуляторов российского социума. Важным аспектом исследуемой проблемы является ответ на вопрос: какое влияние социальные регуляторы оказывают на человека в его профессиональной деятельности, в чем причина социальных отклонений. Только поняв это, можно определить ориентиры социального реформирования.

Мы основываем гипотезу на следующем положении: социум как система имеет основания, которые не изменяются со временем. Эти основания, сложившись, выступают регуляторами деятельности индивидов. Для российского социума характерны три регулятора:

1) самоорганизация российских индивидов приводит к появлению *иерархической формы управления*;

2) народный характер формирует тип поведения отдельных индивидов. Две основные черты — *импульсивность* и *коллективизм* — задают поведение индивидов;

3) в процессе развития общества формируется характерная только для него *система* нравственности (способ регуляции взаимодействия индивидов) и морали (идеалов социума, обусловленных высшими нормами), которая связывает сущее (повседневные интересы индивидов) и должное (высшие идеалы, обеспечивающие целостность социума) — такая система именуется нами *этическим строем*.

Этический строй обеспечивает формирование личности индивида. Западный этический строй исходит из принципа «вращения» и стимулирует индивида к достижению, предлагая свободу как высший идеал. Российский этический строй исходит из принципа «закаливания», ориентирует индивидов на взаимодействие («любовь»), а высшим идеалом выступает правда.

Действие этих трех регуляторов обуславливает особый способ реализации инициативы у российского индивида — *служение, служебную преданность* (в отличие от западного, которому свойственна *частная инициатива*).

¹ Профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор социологических наук. Автор 112 научных публикаций, в т. ч.: «Организационное поведение государственных служащих», «Регуляторная теория мотивации», «Бизнес

в России. Специфика управления», «Женская львиная доля», «Загадка русской души», или Особенности мотивации российского персонала», «Воровство и льготы в структуре трудового поведения» и др.

Р. Р. Каримов¹

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ (На примере Республики Башкортостан)

Формирование общегражданской идентичности в России затруднено не только воздействием внешних факторов, но и этническим и региональным разнообразием. Россия, являясь крупным государством, федерацией ассиметричного типа, представляет собой такое политическое пространство, где региональные политические процессы более или менее автономны и в то же время оказывают значительное влияние на формирование общегражданской идентичности.

Современный Башкортостан — многонациональная республика Российской Федерации. На сегодняшний день на территории республики, кроме прочих, проживают представители трех крупнейших народов России: русские, татары и башкиры. Несмотря на существующие проблемы, важным является то, что регион является более или менее успешным в осуществлении национальной политики, с низким уровнем межэтнических конфликтов, выгодно отличаясь стабильностью и спокойствием.

Анализ опыта Республики Башкортостан показал, что целый ряд внутрирегиональных факторов определял сущность, тенденции развития и конкретные формы проявления процесса формирования этнической идентичности в субъектах РФ в 1990-е годы. Наиболее существенным, ключевым, стал фактор формирования новых политических идей.

Политико-трансформационные процессы в последние годы советской власти были обусловлены ослаблением контроля центра за ситуацией в регионах, что было вызвано борьбой за власть между последователями развитого социализма и сторонниками перестройки. В таких условиях единственным каналом аккумуляции и артикуляции позиций, идей, интересов социальных и национальных групп в регионах становятся партийные клубы реформаторов, экологические движения, кружки изучения родного языка и культуры.

В решениях, принимаемых организациями «зеленых», их выступлениях, обращениях выдвигаются идеи придания республике экономической самостоятельности, внедрения во взаимоотношения региона с центром хозрасчетных начал. Экологический вопрос не только способствовал единению населения республики, но и постепенно перерастал в политический, политико-государственный.

На региональном уровне объективной предпосылкой возникновения идей и воззрений этнополитиче-

ского характера являются в основном этносоциальные проблемы, связанные с изменением этнической структуры, уменьшением численности представителей коренных народов, ухудшением их жизненных условий в зависимости от места жительства, условий труда и профессиональной структуры. По результатам переписи численность башкир в период от Российской империи до советского периода уменьшилась. Ф. Файзуллин и С. Бикташев объясняют резкое и повальное сокращение численности народа следствием сложных политических и социально-экономических процессов².

После резкого разобщения общества в 1990-е годы сплочению могли способствовать только обращение к истории родного края, пропаганда изучения родного языка. Были утрачены многие культурные связи, традиции, наметилась тенденция к духовному расколу общества. Повышение жизнестойкости коренного населения, увеличение его численности, знание истории родного края и языка становятся важными задачами для региональной политики, новых политических сил.

Второй фактор связан с формированием и развитием новой региональной элиты, которая реализовывала и отстаивала новые идеи.

В Башкирии в ходе экологического кризиса и борьбы за экономическую самостоятельность, трансформацию ее взаимоотношений с центром постепенно обновилась политическая элита. Вместо закостеневшей партийной бюрократии на политическую арену выдвинулись люди с активной гражданской позицией из числа интеллигенции: журналисты, работники НИИ и вузов, писатели.

Региональная элита смогла реализовать свою главную функцию как защитника интересов территорий и их населения. Формой функционирования и развития правящей элиты в республиках является ее постоянное взаимопереплетение под контролем лидера. Об этом свидетельствует избрание руководителей исполнительных органов в законодательные, назначение глав администраций городов и районов, заключение контракта Кабинетом министров с руководителями акционерных обществ и фирм, где есть государственная доля акций, вхождение представителей исполнительных органов в советы директоров и правления последних.

Важным фактором регионального аспекта формирования общегражданской идентичности является создание качественно новой региональной нормативно-правовой базы.

В первые же годы политических трансформаций в Республике Башкортостан была создана целостная и развитая по сравнению с другими регионами собственная система законодательства. К концу

¹ Генеральный директор ООО «ГрадИнвест» (г. Уфа, Башкортостан), аспирант Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. Автор 10 научных публикаций, в т. ч.: «Модернизация государственного управления этнонациональными процессами в полиэтничном государстве (на примере России)», «Краткий очерк о современной полиэтнической среде в Республике Башкортостан», «От идентичности неопределенности к формированию единой нации: особенности России», «Особенности национальной политики в постсоветской России», «Определение целей национальной политики РФ во втором десятилетии XXI века» и др.

² Файзуллин Ф., Бикташев С. Региональные межэтнические отношения: проблемы и пути их решения // Ватандаш. 2007. № 4.

1990-х годов она включала Конституцию, более 20 кодексов и 400 законов, позволяющих на региональном уровне регулировать основные направления общественных отношений¹.

Существенное влияние на содержание и результаты региональных процессов формирования идентичности оказала незрелость элементов гражданского общества. Мощным фактором формирования этнической идентичности в Башкирии стали Башкирский народный центр «Урал» и созданная по его инициативе Башкирская народная партия, которая выступала за суверенитет Башкирии, провозглашение башкирского языка государственным, предоставление коренному населению приоритетных прав при формировании органов власти и добивалась прекращения ущемления его прав при решении национально-культурных проблем.

В Башкирии в начале 1990-х годов было зарегистрировано 236 общественных движений и организаций, союзов, ассоциаций и тому подобного; после принятия регионального законодательства о политических партиях к 1997 году их число сократилось до семи².

Будучи вытесненными из политической жизни, не имея необходимых ресурсов (людских, интеллектуальных, материальных), структуры гражданского общества находятся в зачаточном состоянии.

Важная особенность федерального политического процесса, связанного с формированием общегражданской идентичности, в отличие от регионального, заключается в том, что первый оказывает определяющее воздействие на второй, создает как бы общую рамку. Эти два процесса тесно взаимосвязаны: первый во многом определяет содержание второго, а второй оказывает существенное влияние на первый.

Процессы формирования общегражданской идентичности воздействуют 1) на: состав региональных политических субъектов и способы их политической самоорганизации; 2) позицию и поведение региональных политических акторов, их отношения между собой, баланс политических сил; 3) структуру региональной политико-государственной системы: институты, политико-правовые нормы, легитимность; 4) статус региона в целом.

В то же время специфика этнической идентичности в общих чертах проявляется в следующем:

1) мезоуровень охвата, региональные масштабы вовлекаемых в нее участников;

2) короткая временная протяженность между политизацией и этапом принятия политико-властных решений и их реализацией из-за приближенности структур власти к населению;

3) больше возможностей для установления широкого контроля над процессом политического участия, так как население в большей степени зависит политически, социально-экономически от органов власти региона.

После разрушения прежней политической системы, формирования новых политико-государственных идей инициатива в политических трансформациях от массовых гражданских общественных движений перешла к региональным элитам и лидерам, выстроившим во многом моноцентрические политико-властные отношения с региональным населением.

Представляется, что выявленные на основе анализа полиэтнической среды в Республике Башкортостан факторы имеют важное значение для формирования общегражданской идентичности на федеральном уровне и помогают выстроить и обосновать факторную модель формирования общегражданской идентичности.

М. И. Козьякова³

МИГРАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: В ОЖИДАНИИ ДИАЛОГА

Глобализация, информатизация, модернизация — важнейшие тенденции, характеризующие современную стадию общественного развития. Новейшие тренды глобализирующегося мира несут в себе как позитивный заряд, способствуя решению насущных проблем, так и негативный, чреватый возникновением новых рисков, поляризацией и конфронтацией в отдельных сегментах общественных структур. Массовые миграции

являются знаком последних десятилетий, развиваясь под влиянием глобализационных тенденций. Их провоцируют высокий уровень жизни в США и в Европе, относительная безопасность и стабильность социальной ситуации. Зона благополучия Североатлантического региона служит заветной целью мигрантов из слаборазвитых областей. С точки зрения рынка бесспорна экономическая и социальная рентабельность использования дешевой рабочей силы: даже не имевшие квалификации, не владевшие языком страны-реципиента мигранты находили свободные места на тяжелых, грязных, непростых работах в промышленности, строительстве, сфере услуг. К трудовой добавлялась гуманитарная миграция. Миграционные волны формировались под влиянием локальных войн, революций, социальных и природных катаклизмов. Последний пример в этом ряду — так называемая «арабская весна». Не избежала миграционных проблем и Россия: идя по пути развития рынка, она экспортировала свои квалифицированные

¹ Цит. по: Аюпов М. А. Региональные особенности политико-трансформационных процессов в современной России : моногр. Уфа, 2003. С. 202.

² Никифоров Ю. Н. Конституирование многопартийности // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1997. С. 84.

³ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий «Эстетика повседневности», «История. Культура. Повседневность»; статей «Повседневность и ее роль в культурных трансформациях эпохи», «Постмодерн и повседневность», «Культура и миф: прощание с модерном», «Глобализация: уроки истории (формирование европейской модели “универсального образа жизни”)» и др.

кадры и одновременно открывала двери для трудовых мигрантов из СНГ.

В этом контексте особую значимость приобретают идеи культурного диалога, основанного на принципах равноправия, взаимного уважения, учета интересов участников диалога. Отвечают ли этим принципам теория и практика мультикультурализма, рассматривавшегося вплоть до недавнего времени как одно из достижений западной цивилизации, свидетельство торжества свободы и демократии в решении национальных проблем?

Действительно, равный статус культур различного типа, их мирное соседство на одном территориальном и социальном пространстве, свобода культурных проявлений этнической, религиозной, бытовой самобытности первоначально давали надежду на некий кардинальный консенсус в решении проблем межкультурного взаимодействия. Новая модель культурной коммуникации противостояла широко распространенной в прошлом практике территориального разделения доминантных и миноритарных культур, выражавшихся в наличии разнообразных резерваций, гетто, национальных кварталов и тому подобных образований. В то же время она являлась альтернативой ассимиляции, якобы инспирирующей монокультурное развитие, что с точки зрения неолиберализма воспринималось как дискриминационный атрибут прошлого.

Оказавшись в мейнстриме миграционных потоков, население европейских стран с известными опасениями воспринимало рецидив «великого переселения народов». Тем не менее в соответствии с концептуальной установкой на тотальную демократизацию и обеспечение прав человека, в том числе прав разнообразных меньшинств, ставка делалась на активное проведение политики мультикультурализма. Предполагалось, что государству достаточно предоставить равные права для совместного проживания представителей различных этнических и религиозных общностей, а взаимопонимание, толерантность, умение контактировать разовьются стихийно. Свобода культурной динамики компенсирует экономическое неравенство, главное — создать условия для богатства и разнообразия культурных манифестаций по принципу «пусть расцветают все цветы».

Мультикультурализм, однако, таил в себе культурологическую ловушку: по мере расширения и углубления данной практики европейцы стали все чаще сталкиваться с ее негативными последствиями. Цветник не получился, более того, совместное проживание различных этнокультурных общностей, взаимодействие коренного населения с иммигрантскими общинами развивалось по типу «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), напоминая «Воронью слободку» из известного романа И. Ильфа и Е. Петрова.

Приехав в Европу и закрепившись на новом месте (получив или не получив работу), выходцы из стран Азии и Африки превращались из «гостей» — как политкорректно интерпретирует трудовую миграцию термин «гастарбайтер» — в постоянно проживающее в данной местности население. Вместе с ними распространились иные, неевропейские ценности и стереотипы

поведения, нормы архаичного обихода и правила религиозных обрядов. Утверждая привычные порядки родного клана, джуса, тейпа, иммигранты воспроизводили знакомую матрицу повседневности. Вновь прибывшие активно осваивали новые территории, отнюдь не спеша знакомиться с культурой их коренных обитателей. Аборигены, то есть европейцы, с их культурным багажом оказались не нужны молодому и энергичному миграционному интернационалу. Его интересовала возможность жить «здесь и сейчас», пользоваться сегодняшними плодами цивилизации, так сказать, «физика» функционирования социума, а не «лирика» культурной традиции.

Дело не ограничилось взаимной индифферентностью. Повседневные практики оказались самым строгим экзаменом на толерантность: при всей любви к жареному мясу процедура публичного заклания барана на соседней улице не могла вызывать одобрения европейца, способствовать улучшению взаимоотношений. Хроническое непонимание и неуважение случайного соседства вели к изоляции этнических диаспор, консервации архаических норм и обычаев, агрессивному утверждению собственных групповых интересов. Во многих случаях это приводило к различным эксцессам, в том числе уголовного характера. Они могли приобретать форму погромов и бесчинств, наблюдавшихся в европейских столицах, или же протекать имплицитно, как акты вандализма по отношению к коренным жителям данной местности, когда «перед грабежом проверяют фамилию на почтовом ящике».

Раздробленный на отдельные сегменты, фрагментированный социум постепенно терял способность к размеренному, упорядоченному функционированию на основе отлаженного автоматизма культурной саморегуляции. Система стала давать непредсказуемые сбои, нуждаясь для своего поддержания в жестких методах внешнего, так сказать, «ручного», а точнее — «полицейского» регулирования. Так бывшая колониальная периферия начала процесс «реколонизации» Старого Света, своеобразный “Drang nach Westen”, тем самым дав ответ на вызов глобализма. Практика мультикультурализма оказалась несостоятельной, свидетельствуя о крахе либерализма, вступлении мира в эпоху «после либерализма» (И. Валлерстайн). Ее несостоятельность признают главы крупнейших европейских государств: А. Меркель, Н. Саркози, Д. Камерон.

Каковы выводы, есть ли альтернатива мультикультуралистской модели? По-видимому, решение может быть найдено на путях синтеза современности и исторического опыта. Гражданское общество, являясь результатом длительного исторического развития, требует от своих агентов определенной социализации: во-первых, знания «правил игры», во-вторых, умения их использовать. Усвоение необходимых кондиций локальной специфики (по крайней мере знакомство с ними) должно входить, как нам кажется, в стандарт иммиграционных требований, предполагать ту или иную степень ассимиляции. Либеральные подозрения, лежащие на ней из-за ее якобы унифицирующего эффекта, представляются скорее идеологическим миражом, чем реальностью. Об этом убедительно свидетельствует сама практика культурной ассимиляции, наиболее

репрезентативными вариантами которой считаются Франция и США. Так, французская нация консолидируется на основе языка и гражданства, ни в коей мере не являясь монокультурным образованием. Наоборот, даже если исключить из рассмотрения европейский и афроазиатский миграционные компоненты, остается локальная, территориальная специфика: «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс...»

Иную модель демонстрирует Америка. В США, государстве, образованном за счет иммиграции, в течение долгого времени господствовала доктрина «плавильного котла», в котором полагалось переплавляться этническим особенностям, религиям, языкам прибывающих в страну иностранцев. В идеале они должны были если не трансформироваться, то хотя бы приблизиться в той или иной степени к некоему референтному элементу, так называемому «сто процентному американцу» — белому протестанту англосаксонского происхождения (WASP). Утопичность проекта очевидна. «Плавильный котел» с течением времени все более превращался в «салатную чашу» мультикультурализма (точнее, в лоскутный коврик — пэчворк), получив в конце концов вполне адекватный концепт «нации наций».

Россия тоже является «нацией наций». В отличие от США, наша «цветущая сложность» не явилась продуктом импорта, она возникла естественным путем, складываясь за счет общности исторической судьбы — судьбы народов в местах своего традиционного проживания. Полиэтнический состав населения был характерен для самых ранних стадий существования Древней Руси, продолжившись в отечественной истории объединением русского народа с другими народами в рамках тех или иных государственных форм. Есть и еще одно отличие — наличие цементирующего субстрата в виде русского языка и русской культуры. Тысячелетний опыт совместного существования приучил к близкому соседству, дал навыки адаптации, формируя в ментальности установки на «всемирную отзывчивость», «соборность», «всеединство». Представляется, что Россия обладает в этом плане уникальным опытом культурного диалога, неким алгоритмом, синтезирующим отдельные прогрессивные идеи мультикультурализма и практику ассимиляции. И именно этот опыт, используемый с должной предусмотрительностью, может быть задействован в решении национальных проблем.

В. Э. Манапова¹

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Процесс глобализации, охвативший все сферы жизни общества, способствует преодолению границ и формированию единого информационного и культурного пространства. Но этот процесс крайне противоречив. С одной стороны, глобализация ведет прежде всего к унификации, исчезновению самобытных национальных культур и единым мировым стандартам. С другой стороны, люди получают возможность путешествовать, учиться и работать в других странах, участвовать в международных конференциях и т. д. Интенсификация культурных контактов позволяет приобретать новые знания об обычаях и традициях других народов. В то же время здесь кроется источник возможных конфликтов и противоречий.

Одним из основных признаков этноса является наличие представлений этноса о самом себе. Этническое самосознание начинает складываться одновременно со становлением этноса как самостоятельного субъекта. Как пишет Л. Н. Гумилев, «стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос»².

Как известно, самосознание формируется в процессе противопоставления своего и другого, и представле-

ние о себе, своем этносе вырабатывается именно в результате сравнения.

По мнению И. Кона³, стереотипы — неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии реагировать на все встречающиеся в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Так, каждая этническая группа (племя, народность, нация, любая группа людей, связанная общностью происхождения и отличающаяся определенными чертами от других человеческих групп) обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее действительные и воображаемые специфические черты⁴.

А. П. Садохин⁵ указывает на то, что разделение на «чужих» и «своих» может привести к отношениям как сотрудничества, так и конкуренции. В связи с этим культурная идентичность может рассматриваться в качестве одного из важных инструментов, оказывающих влияние на сам процесс коммуникации. Сталкиваясь с представителями других культур, человек отмечает много необычного и странного. Исходя из этого обстоятельства, в межкультурной коммуникации понятие «чужой» приобретает ключевое значение. Проблема заключается в том, что до настоящего времени

³ См.: Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.

⁴ Там же.

⁵ Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 68.

¹ Доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат философских наук. Автор 37 научных публикаций, в т. ч. «Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы», «Проблема цивилизационной идентификации Кавказа», «Цивилизационный статус Кавказа: проблемы классификации», «Глобальный кризис и смена цивилизационной парадигмы», «Социально-культурное пространство диалога», «Диалог как средство понимания в процессе межкультурных взаимодействий» и др.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 25–27, 92–96.

не сформулировано научное определение этого понятия. Во всех вариантах его использования и употребления оно понимается на обыденном уровне, то есть путем выделения и перечисления наиболее характерных признаков и свойств этого термина.

По словам Г. Зиммеля¹, «чужой по самой своей природе не владеет землей, причем землю надо понимать не только в физическом смысле, но также в переносном смысле жизненной субстанции, фиксированной <...> в идеальном пространстве общественного окружения». Таким образом, для Зиммеля чужой — это тот, кто не имеет почвы, «фундамента», а следовательно, он легче приспосабливается к новым условиям, ассимилируется и легко добивается успеха в новом для себя месте. Другая сторона этого явления заключается в том, что в сознании коренного населения «чужаки» ассоциируются с теми, кто нарушает привычный образ жизни, ломает привычную систему ценностей, а потому они вызывают негативные настроения и даже ксенофобию.

Следует отметить, что в сознании этноса образ «чужого» обрастает определенными чертами, которые призваны проводить дифференциацию «своих» и «чужих», то есть образ «чужого» всегда маркирован. Этнические стереотипы живучи и «неэластичны» (А. Шафф), то есть устойчивы, не подвержены изменениям и всячески им сопротивляются. Особенно явно эта черта этнических стереотипов прослеживается в фольклоре.

Стереотип, будучи неким образцом поведения, клише, с одной стороны, служит помехой в межкультурной коммуникации, с другой стороны, способствует выживанию этноса в сложные периоды его существования.

В то же время при мифологическом способе мышления факты и сведения, несовместимые со своей «Я»-концепцией, этнической группой игнорируются и отвергаются. Это подтверждает, в частности, упорное нежелание многих этносов признавать свои ошибки, общественные и политические поражения, несправедливые поступки, совершенные по отношению к другим народам, то есть все то, что противоречит их представлению о себе как о моральных, цивилизованных людях.

Зачастую конструирование «Я»-концепции сопровождается процессом формирования «образа врага». По мнению И. Б. Гасанова, «в различных обществах и культурах, у различных народов “образ врага” приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн на протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника — некий “архетип” врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью»².

Согласно психоаналитической теории, люди нередко проецируют свои негативные качества на других, отрицая их наличие у себя. В частности, К. Юнг, описывая архетипы, приводит пример архетипа «тьень»:

«Тень воплощает все, что субъект отказывается признать о самом себе, и, кроме того, всегда навязывает себя субъекту прямым или косвенным путем — к примеру, низменные черты характера и другие несовместимые тенденции»³. «Образ врага» нередко появляется в периоды межэтнических конфликтов и войн (антисемитские настроения в гитлеровской Германии — ярчайшее подтверждение этого).

К примеру, И. Кон⁴ описывает классическую модель проекции — психологию старой девы, которая не смеет признаться себе в том, что испытывает половое влечение, считает, что половая жизнь — нечто грязное, низменное и т. д. Свои подавленные сексуальные импульсы она бессознательно проецирует на других, и ей кажется, что у всех окружающих грязные мысли. Таким образом, она получает возможность смаковать чужое плохое поведение, не понимая, что в действительности речь идет о ее проблемах. Этот механизм отчасти помогает понять психологию такого распространенного явления, как ханжество. Люди, которые особенно бдительно следят за чужой нравственностью, подозревая всех остальных в чем-то плохом, часто лишь приписывают другим то, что сами бы хотели сделать, но не смеют в этом признаться.

К примеру, в период национального возрождения 1989–1991 годов в союзных республиках (в 1991–1993 гг. уже автономных) шла открытая борьба за власть. Тогда стали проявляться неприглядные стороны национального возрождения, а точнее — агрессивного национализма. Образ жертвы, перечень «ущемленностей» привели к формированию «образа врага». Виновными во всем были объявлены не власть и ее национальная политика, а русские, которых называли «оккупантами» в Прибалтике, «завоевателями» — в Саха (Якутии) и т. д.

Врагов стали искать и в своей среде: «Кто не с нами, тот против нас». Отражением этой тенденции стала атака на тех, кто утратил связь с «родной культурой» и кого стали называть манкуртами. Психология «жертвы» рождала агрессию. Борьба за власть после провозглашения независимости в республиках, которые претендовали на образцы демократии, привела к этнодоминированию титульной национальности и отстранению от политической жизни значительной части населения⁵.

Но феномен этнического самосознания заключается прежде всего в его эмоциональной окраске и субъективности. В частности, Г. Померанц отмечает такую особенность этнического самосознания, как резкое различие «своих чужаков» (с которыми они готовы побораться) и «чужих чужаков»⁶.

Таким образом, существует ряд особенностей, демонстрирующих реализацию этнического самосознания по стандартам мифологического типа мышления. Это позволяет сделать следующий вывод: устранить «миф» из этнического самосознания рациональными

³ Юнг К. Аналитическая психология. СПб., 1994. С. 131.

⁴ См.: Кон И. Указ. соч.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М., 1998. URL: <http://www.socioline.ru>

⁶ Померанц Г. Указ. соч. С. 183–187.

¹ Цит. по: Померанц Г. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С. 183–187.

² Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 3–7, 23–39.

средствами невозможно, поскольку мифологическое в самосознании этноса не сводится к простой совокупности преданий, «архаичных историй» о жизни этноса, а оказывается одним из значимых способов функционирования этнического самосознания.

В мире не существует ведущей культуры. Относясь к иной культуре с предубеждением и считая свою культуру единственной и лучшей на свете, невозможно установить доверительный диалог и обмен с другими культурами. Все культуры являются составляющими общечеловеческой культуры, имеют равное право на участие в диалоге культур. Кроме того, следует с пониманием от-

носиться к культурным различиям. Поиск общего и сохранение различий — лучший путь в диалоге культур.

Процесс взаимодействия культур состоит не в дублировании достигнутых результатов, не в подражании и тем более не в навязывании своей системы ценностей. Рассмотрение сходных явлений как результата взаимовлияния культур, анализ заимствований (явных и скрытых) могут привести к выводу о превосходстве одних культур и цивилизаций над другими. Это будет мешать пониманию развития культур в рамках мирового исторического прогресса как процесса взаимодополнения культур.

Д. Г. Попов¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Современный комплекс социогуманитарных наук в рамках как отечественной, так и зарубежной историографии вновь обратился к дискурсу о роли национального вопроса в развитии этносоциальных конфликтов в меняющемся мире. Мировой финансовый кризис, кризис теории и практики мультикультурализма, трудности интеграции экономик, институтов и культур в рамках европейского проекта, региональные особенности формирования «плавильного котла» в США, институциональные кризисы в рамках «большого» Ближнего Востока, события в Российской Федерации и на пространстве СНГ как политического, так и социального характера требуют тщательного анализа и изучения. Проблема взаимоотношений «своих» и «чужих», влияние этнических и религиозных факторов на социально-экономическое пространство страны и отдельных регионов — предмет изучения истории, философии, социологии, конфликтологии и политологии.

Российской Федерации в условиях глобализации необходимо активно влиять на процессы, связанные с этносоциальной и трудовой практикой, будь то социальная или административная политика, экономическое развитие приграничных территорий, кризисное управление в конфликтных зонах, программирование общественных мифов и стереотипов с целью их гуманизации, решение демографических и геополитических задач, стоящих перед государством. Важно понимать, что мы имеем дело не только с региональными и локальными сюжетами, будь то трудовые конфликты, незаконная миграция, трансграничная преступность, а с процессами глобального характера, затрагивающими весь мир.

Одним из ключевых вопросов, во многом провоцирующим этносоциальные и трудовые конфликты, является процесс построения национальных и многонациональных государств в условиях трансформации пост-

советских обществ и политических режимов в рамках глобализации. При этом формирующиеся «национальные политики» и национальные образы жизни и картины мира сталкиваются с параллельно идущими процессами — ростом и утверждением у каждого этноса представлений о собственных ценностях, идентичности, индивидуальности в новом глобальном экономическом, культурном, информационном пространстве. Для Российской Федерации построение эффективной национальной политики является одной из ключевых задач устойчивого развития в XXI веке.

В историографии существует целый ряд концепций национализма и национальной политики. С нашей точки зрения, «нация» и «национализм» — это понятия весьма неопределенные, разные трактовки понятий «нация» и «национальные интересы» используются как инструмент укрепления общественной солидарности, исключения «чужих» и сплочения «своих», способ легитимации власти и собственности на том или ином пространстве в тот или иной временной период. Начиная со школьной истории, которая до сих пор национально ориентирована, и заканчивая спорами о роли того или иного государства в мировой хозяйственной системе, — везде возникают реальные и мифологические аспекты национального. Имеем ли мы дело с национальными государствами Нового времени, национальными образами мира эпохи империализма или современности или подключаемся к дискурсу об американской, советской или европейской модели наций или империй — мы видим огромное пространство взаимодействия различных аспектов этнического, культурного, информационного и государственного характера, которые приобретают или не приобретают национальные формы и черты. Процессы глобализации выдвинули тезис о включении в мировую и внутригосударственную политику транснациональных корпораций (ТНК) и международных правительственных и неправительственных организаций как новых субъектов отношений международной и внутренней политики. Однако роль нации, как несущей конструкции политической сферы, регулятора политической жизни, по-прежнему представляется нам ключевой в современном мире.

¹ Старший преподаватель кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук. Автор 34 научных публикаций, в т. ч.: «От понятий о “цивилизации” к “цивилизационному подходу”», «Локальные цивилизации и цивилизационные противоречия: опыт постглобализации», «Специфика политологических исследований регионального развития», «Основные причины возникновения этносоциальных конфликтов в современном мире и способы их преодоления» и др.

В рамках европоцентричного подхода выделяют как минимум две модели, основанные на понимании нации. Одна — этноцентричная модель, или модель периферии, германский или восточный тип национализма. В ее основе лежит мифологическое понимание исторической родины и территории, роли традиционной культуры, этнокультурной обусловленности исторических событий и политики. Здесь есть этнические автохтоны с общей культурой и языком и «другие», которые обладают всеми или основными гражданскими правами, но этнически они не считаются носителями исторической миссии нации и не обладают ее двухсторонними связями с территорией, почвой, ресурсами. Вторая модель — «гражданскоцентричная», национализм центра, западная модель национализма или французский тип политической нации. Нация согласно второму подходу — это политическое явление, основанное на социальных, экономических, практических целях эффективного использования гражданами суверенитета для достижения общих целей. В ходе исторического процесса происходило взаимодействие этих двух моделей с учетом региональной специфики и геополитических процессов.

Например, США формулируют свою версию инструментализма, известную как «плавильный котел», на основе гражданскоцентричной модели и с учетом как особенностей отдельных этнических групп, так и общих американских ценностей. Но на современном этапе американская «гражданская нация» сталкивается с рядом кризисных явлений, а старые ценностно ориентирующие механизмы не полностью выполняют функции по построению модельной американской ментальности.

В рамках изучения наследия СССР мы сталкиваемся с двумя параллельными проектами. Этноцентричная позиция развивалась в рамках советского национально-строительства через политику коренизации, а гражданскоцентричная модель — через перенос ценностного восприятия с этнорелигиозной идентификации на партийную, идеологическую или надэтническую идентификацию в рамках советской мифологии и практики на базе конструирования «советского народа». В наследство нам достались как позитивные, так и негативные явления, начиная с дружбы народов и заканчивая этносоциальными конфликтами на территории стран СНГ.

Главный участник национального дискурса в современном мире — это по-прежнему государство, часто в лице правящих элит. Вопрос о нации и национальном, как и прежде, является инструментом как для мобилизации, так и для манипуляции населением. В современном мире происходит трансформация национализма как культурно-политического проекта в символическую, экономическую или информационную составляющую. Национальные бренды, национальные образы жизни, национальные культуры стали элементами глобальной экономики, информационного общества, рамками для психологических и идеологических конструкций. Государство заинтересовано в этом культурном феномене, потому что в современном мире нация — это прежде всего способ легитимации власти и концепция, которая определяет рамки политического процесса как внутри

государства, так и за его границами. Сильное государство обладает мощными инструментами проведения национальной политики (система образования, СМИ, право, экономическая и культурная политика), обширным инструментарием внешней и внутренней политики, а также поддержкой общественного мнения, исторической мифологией и культурной традицией. В то же время эффективная и ответственная государственная власть понимает, что она не обладает монополией на инициирование процессов, связанных с национализмом, или управление ими, а является лишь одним из участников, стороной конфликта или дискуссии, связанной с исторически обусловленным взаимодействием этнических групп, имеющих общие совместимые или конфликтные интересы в рамках государства.

В связи с этим возникает важный вопрос о том, как в рассуждениях, дебатах о нации и национальном используется неотъемлемо присущий любой политической жизни механизм исключения — механизм, основанный на этническом делении на «своих» и «чужих», на этнокультурном, историческом и демографическом обосновании права на ресурсы, политическую, культурную или экономическую деятельность. К сожалению, даже в XXI веке мы можем увидеть «механический перенос» биологических и экономических законов на социальные явления. Как в маркетинге, любой бизнес стремится к монопольному положению, если ему предоставляется такая возможность, так и в политической жизни любая политическая сила, опираясь на этнокультурные обоснования, хотела бы утвердиться как единственный легитимный интерпретатор понятия «национальные интересы» в рамках национального или многонационального государства. В этом случае часто используется практика исключения, когда оппонизирующие силы определяется как враждебные, «чужие», националистические и преступные. В условиях глобализационных и модернизационных процессов современности и сложного исторического пути всех государств и этносов в рамках СНГ такая практика уже приводила и может вновь привести к этносоциальным конфликтам. Нельзя забывать, что мы функционируем в рамках нового глобального мира, новой взаимозависимой экономики, нового информационного и культурного пространства постмодерна, в котором успехи и неудачи, в том числе и в национальной политике, приводят к глубокому кризису и могут послужить причиной социально-экономического и политического кризиса и даже распада государств.

Ключевой характеристикой национального дискурса является его сложный для обсуждения эмоционально детерминированный и исторически конфликтный контекст. Необходимо выработать научный подход к решению ключевых для России и стран СНГ задач национального строительства и практику гражданско-ориентированной социализации подрастающего поколения через образовательный процесс, в рамках СМИ, национальных политик, стремящихся к диалогу этносов и культур. Если национальная политика не отражает интересов общества, законы не исполняются, толерантность как система взаимного уважения не работает, а становится «ширмой», подрывается легитимность

и проблемы быта и трудовых конфликтов переводятся в разряд этнически обусловленных, то мы оказываемся в ситуации проявления агрессивных националистических групп и движений. На территории СНГ мы уже имеем кризисы разной интенсивности, проявляющиеся в виде этнических конфликтов на социально-

экономической, ценностной или идентификационной почве.

Население стран СНГ — носители особой контактной культуры, что позволяет надеяться на благополучный исход происходящего дискурса о национальном вопросе.

М. Е. Попов¹

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ²

Специфика посткоммунистических этнокультурных противоречий на юге России заключается в том, что они протекают на фоне затяжного модернизационного кризиса и неизбежных для авторитарно-консервативной политической системы конфликтов гражданской и традиционалистских идентичностей. Конфликтная, негативная, стигматизированная идентичность в этнокультурном контексте выступает как амбивалентная структура коллективного самосознания, нестабильный центр саморефлексии, продуцирующий традиционалистские ментальные ярлыки «наши» — «чужие» (маркируемые в качестве априорно «враждебных» и «чуждых»).

Конфликтогенность этнокультурного пространства Северо-Кавказского региона определяется прежде всего незавершенностью процесса формирования российской гражданской идентичности, ее неустойчивостью, а также непоследовательностью действий политической элиты в направлении построения демократии и гражданского общества в стране.

Этнополитические процессы на Северном Кавказе в первом десятилетии XXI века изменили характер угроз общественной безопасности по сравнению с началом и серединой 1990-х годов. В начале XXI века произошла дэскалация вооруженных конфликтов, но фундаменталистский этнонационализм на фоне тотальной антимодернизации, активизирующей террористическую деятельность и новые региональные конфликты, свидетельствует об институциональной деградации гражданской культуры и терминальной дестабилизации демократических процессов. Вектор моральной ответственности, не легитимизируемой рефлексивной и свободной гражданской идентичностью в посттрадиционной России,

сменяется неотрадиционализмом партикуляристского произвола всех уровней. «Тот, кто берет на себя последствия, — пишет П. Рикер, — объявляет себя свободным и видит эту свободу в том действии, которое ему приписывается. В таком случае я могу сказать, что совершил ошибку. Подобное возвратное движение ответственности весьма существенно: оно конституирует идентичность морального субъекта, осмысляющего прошлое с позиций будущего»³. Дихотомия «ответственность—произвол» актуализирует старые и конструирует новые интолерантные идиомы и символы в конфликтно-генном региональном сознании. По словам Т. Р. Гарра и Б. Харфа, «новый мировой порядок должен акцентировать коллективную ответственность и взаимную кооперацию и должен заложить объективные основы того, как потенциальные этнополитические конфликты могут быть урегулированы таким образом, чтобы это устроило большинство международных акторов»⁴.

В этой ситуации конструктивно регулирующая ценностные противоречия гражданская идентичность, в современной России испытывающая глубочайший кризис, должна становиться фундаментом «провенции» конфликтов идентичностей (в концепции Дж. Бертона)⁵, которая означает, что из «адекватного объяснения феномена конфликта (включающего и человеческие факторы) дедуктивно выводятся не только условия, присущие конфликтной среде, и структурные изменения, необходимые для устранения конфликта, но, что более важно, и условия, способствующие развитию сотрудничества». Бертон подразумевал в первую очередь ««горизонтальные» взаимоотношения, то есть диалог и сотрудничество... действующих акторов или конфликтующих сторон»; таким образом, по мнению Дж. Бертона, «детальный анализ конфликта и расширение стратегий требуют привлечения новых акторов. Это могут быть организации гражданского общества, учебные, научные учреждения, разнообразные группы “гражданского посредничества” и “гражданской дипломатии”»⁶.

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа» (в соавт.), «Российская идентичность: векторы развития в контексте национальной безопасности», а также: «Взаимодействие макросоциальных идентичностей в современном мире: теоретические аспекты», «Modus Vivendi российской идентичности: региональная безопасность как деконструкция конфликтов идентичностей» (в соавт.), «Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты», «Безопасность российской культуры и конфликты идентичностей», «Конфликты идентичностей как вызовы безопасности: к концептуализации “парадигмального конфликта”» (в соавт.), «Конфликты идентичностей и общественная безопасность» и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностно-идеологические аспекты конфликтов и напряжений на Северном Кавказе». Грант Президента РФ МД-4849.2011.6.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 579.

⁴ Gurr T., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. San Francisco; Oxford, 1994. P. 147.

⁵ Burton J., Dukes F. Conflict: Readings in Management and Resolution. L., 1990. P. 34.

⁶ Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С. 60–61.

Посттрадиционная гражданская идентичность — рефлексивная, рационалистическая, открытая ценностно-ментальная система социального включения и справедливости. «Рационализм, — пишет К. Поппер, — связан с представлением о том, что другой человек имеет право быть услышанным и право отстаивать свои доводы... Рационализм тесно связан с гуманистическим политическим требованием практической социальной инженерии — разумеется, постепенной и поэтапной, — с требованием рационализации общества в целях проектирования свободы и контроля над ней со стороны разума»¹. Традиционалистские идентичности на Северном Кавказе конституируются осознанием узкогрупповой принадлежности к закрытой социокультурной группе и признанием значимых в данной системе ценностей стереотипов на основе агрессивной интолерантности к любой «инаковости».

Нарастающая демодернизация и архаизация социально-политических и экономических отношений в Северо-Кавказском регионе в условиях конфликтов

идентичностей не позволяет посттрадиционному обществу, частью которого еще является полиэтничное население юга России, обеспечить устойчивое формирование интеграционной идентичности и развитие гражданского общества, преодолеть морально-правовой нигилизм, обеспечить общественную безопасность и перспективное демократическое развитие. Для населения Северного Кавказа, не принадлежащего к авторитарным «правлящим» этнокланам, полностью закрыта возможность свободной конкуренции в политической и экономической сферах, что усиливает социальное неравенство, имеющее мощный конфликтогенный потенциал в демодернизирующейся России. Ситуация осложняется тем, что, оставаясь неразрешенными и нерегулируемыми, региональные этнополитические конфликты, начавшиеся как конфликты интересов, превращаются в деструктивные конфликты идентичностей, аннигилирующие человеческую моральность и порождающие новый виток насилия, вероятность разрешения которого существенно снижается.

Л. С. Ржаницына²

О СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТАХ И ПЛАНАХ (К статье В. В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России», раздел «Сбережение России»)

Нельзя не согласиться с тем, что в общекультурном контексте политика сбережения народа, рост численности населения — самоценность жизни, необходимый ресурс развития, а отсюда и главная забота государства. Такой подход доминирует в социально-экономической политике и правовой системе *мирового сообщества*.

Это четко демонстрируют европейские страны, поддерживая институт семьи независимо от того, какая модель управления действует. Увеличение рождаемости для социал-демократической Норвегии так же важно, как и для президентской Франции. В итоге во Франции в 2011 году на одну женщину приходилось 1,96 ребенка, в Норвегии — 1,77, тогда как в России в нынешние, самые «урожайные» по репродукции годы — 1,6. Секрет заключается в значимости детей в поведенческих установках общества. Так, в Европейском Союзе 12–15 % многодетных семей, у нас — только 7 %. Причем по сравнению со многими западными странами Россия исторически была страной, где преобладали большие семьи.

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона; Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев, 2005. С. 416.

² Главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ. Автор более 300 публикаций, в т. ч.: «Женщины и рынок труда», «Проблемы уровня жизни трудящихся в России», «Прозрачный бюджет», «Цена труда — приоритет социально-экономической политики в России», «Трезвая экономика», «Сфера социальной незащищенности. Проблема улучшения обеспечения детей алиментами», «Россия: методология и практика программно-целевого гендерного бюджета», «Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми в Москве», «Социальная экспертиза городского бюджета», «Как сегодня живут пенсионеры» и др. Член экспертного совета Государственной Думы, эксперт ООН.

Новая Россия в 1990-е годы столкнулась с проблемой уменьшения населения. По демографическим тенденциям, факторам и решениям она находится в общем культурном мейнстриме: в данном аспекте мы больше европейцы, чем азиаты, для которых эти проблемы не столь остры. В связи с этим в нашей стране неизбежно воспроизводство того позитивного опыта, который нарабатывали именно западные соседи.

Отечественные демографы, так же как и европейские, считают, что депопуляция в России может противостоять рождению третьего ребенка. Между тем дети — фактор риска для материального положения семьи, профессиональной карьеры женщины. Поэтому, как указывает В. В. Путин в комментируемой статье, надо исключить ситуацию, когда рождение ребенка подводит семью к грани бедности. Это национальная задача на предстоящие 3–4 года. Тем более что 54 % бедных семей с доходом ниже прожиточного минимума — это семьи с детьми (по данным Росстата за 2010 г.). В результате потребность в решении демографических проблем выдвигает на передний план задачу помощи семьям с детьми.

Нужен комплекс мер в разных областях: заработная плата, занятость матери, детские дошкольные учреждения, медицинское обслуживание, жилье, пособия на детей, даже пенсия³. В этих сферах необходимо повысить вклад регионов в социальное управление, однако и Федерация должна увеличить свои инвестиции. Причем они должны быть сугубо адресными, чтобы был

³ Сейчас зачет в стаж для пенсии ограничен уходом за двумя детьми. Льготы по возрасту выхода на пенсию имеют мамы, воспитавшие пять (не трех!) детей, но не отцы. Никто об этом, кроме трехдетных мам, не говорит.

достигнут максимальный эффект. Целевой группой, судя по задаче преодоления демографического кризиса, должны стать в первую очередь многодетные семьи. Семья с тремя детьми должна рассматриваться в качестве базового типа семьи, получить режим наибольшего благоприятствования со стороны государства как самая привлекательная в системе культуры жизни. Что необходимо сделать в этом направлении?

По нашему мнению, прежде всего многодетная семья должна быть определена как особый объект управления, которым она пока не является. Несмотря на то что в европейских странах правовое регулирование устроено, как правило, с учетом фактора многодетности, в России в действующем законодательстве по социальной политике, социальному обслуживанию, пособиям многодетность нередко вообще не выделяется, в частности, в формате объекта трудной жизненной ситуации. Более того, законом данная категория не определена конкретно как семья с тремя детьми. Тема ограничивается всего лишь Указом Президента РФ 1992 года «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (в ред. Указа Президента РФ от 25 февраля 2003 г. № 250). Но он был рамочным, не содержал финансового обеспечения и поэтому, по сути, необязательным.

Сегодня необходимо принять федеральный закон «О государственной поддержке многодетных семей», который бы содержал распределение реальной ресурсной ответственности между Федерацией и регионами по обеспечению и поддержке таких семей.

Из будущих федеральных мероприятий в статье В. В. Путина предложено увеличить денежную помощь многодетным семьям путем введения в субъектах Федерации, в которых сохраняются негативные демографические тенденции (прежде всего центр, Северо-Запад), специального пособия семьям с доходами ниже средних при рождении третьего и последующих детей до достижения ими трехлетнего возраста в размере прожиточного минимума для ребенка — 7 тыс. руб. в месяц. При благоприятном экономическом развитии эти меры распространятся и на другие регионы. Регионы, имеющие хорошую бюджетную обеспеченность (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и т. п.), внесут существенный вклад в реализацию этой инициативы. Пока же превалируют бюджетодефицитные территории, где пособия просто мизерны — 90–200 руб. в месяц. В среднем по России в июне 2011 года эта сумма составляла 383 руб. в месяц. Инициатива В. В. Путина потребует не только дополнительных средств, но и нового подхода к закону о распределении ответственности в социальной сфере между центром и территориями (Федеральный закон РФ 1999 г. № 184, Федеральный закон РФ 2003 г. № 95, Федеральный закон РФ 2004 г. № 122 и др.). Но следует заметить, что расходы России на семейную политику в 2010 году составили 1,2 % ВВП, в ЕС даже в кризис — 2,2 %¹.

Вводя новое пособие, следует обратить внимание на ухудшение ситуации с уже действующими выплатами. Так, на предприятиях, испытывающих финансовые

¹ В отличие от ЕС, у нас нет информации о расходах для семей с детьми по жилищным дотациям, льготным налогам и услугам.

трудности, задерживают оплату материнских отпусков, и женщины хотели бы получать ее непосредственно от государственного Фонда социального страхования (кстати, данная общественная инициатива принадлежит петербургским женщинам). Некоторые мамы пострадали при пересмотре недавнего порядка начисления оплаты за родительский отпуск, что не соответствует высказанной на высоком уровне идее усиления поддержки семей с детьми. И это не единственное противоречие в принятых и проектируемых мерах².

Также важно, кто получит право на пособие: семья уже малообеспеченная или та, которая станет таковой с рождением третьего ребенка. Это важно, поскольку, во-первых, последующих детей, как правило, планируют, и намерение станет реальностью, если есть гарантии возмещения утраченного заработка. Во-вторых, от данного решения зависит целевая группа бенефициаров — мы стимулируем деторождение только в бедных семьях или в среднеобеспеченных тоже? В-третьих, процедура подсчета доходов по малообеспеченности не так проста. По закону надо учитывать не только доходы, но и имущество, землю, квартиру. Необходимо сохранить упрощенный порядок выплат на детей. А то московские чиновники собираются создать специальную службу социальных приставов, которые будут узнавать, не получили ли родители пособие на ребенка, скрыв что-либо из своего материального положения. Но во многих странах (в ФРГ, Австрии и т. д.) ежемесячное детское пособие получают все граждане — такой порядок принципиально отвечает Конвенции ООН о правах ребенка, которая провозглашает равные права всех детей.

Нам полезно воспринять из западной юриспруденции понятие «опека над ребенком», отражающее прогресс в культуре отношений. Так, в Австрии рожденные в браке дети находятся под общей опекой обоих родителей, оба супруга наделены одинаковыми правами и обязанностями по отношению к детям, их голоса в семье имеют одинаковый вес. Поэтому по всем вопросам, касающимся детей, они должны приходить к консенсусу. Даже в случае с внебрачным ребенком законодательство позволяет договориться о совместной опеке. Во всех случаях родитель имеет право на информацию о ребенке, общение с ним, право на посещение для предотвращения отчужденности между родителем и ребенком (что часто весьма проблематично в нашей стране).

Исходя из практики Организации экономического сотрудничества и развития, ЕС следует также обратить внимание на разведенные семьи, создать специальную государственную структуру («алиментная служба»), чтобы за счет повышения ответственности родителей сократить число детей, нуждающихся в государственной помощи по бедности. Схемы, предусматривающие специальные выплаты при уклонении родителей

² Хотя руководство страны против повышения пенсионного возраста, но этот вопрос продолжают активно обсуждать в связи с предстоящей пенсионной реформой. Подход слишком общий: одно дело — служащие, преподаватели, научные работники, журналисты, другое — доярки, крановщицы и т. п. К тому же исследования фиксируют проблему трудоустройства женщин на квалифицированную работу уже в 45 лет. Есть факты увольнений в предпенсионном возрасте. Что же будет с увеличением периода занятости?

от своих обязанностей, используются в большинстве стран (Австрия, Бельгия, Чехия, Дания, Франция, Германия, Норвегия, Польша, Испания и пр.). В Российской Федерации, по разным оценкам, в разведенных семьях сегодня живут примерно 3 млн детей, из них примерно половина — две трети либо вообще не получают содержания, либо получают его с доходов, размер которых намеренно скрывается или требует принудительного зарабатывания на алименты. Кстати, появление такой «службы» укрепило бы уверенность женщины в ее планах иметь ребенка.

Не менее важной, чем пособия, представляется специальная программа по первоочередному улучшению жилищных условий для семей с тремя и более детьми, скорее всего по типу жилищной программы для молодых семей или особого раздела в Федеральной целевой программе «Жилище» и в аналогичных региональных программах. Инструменты решений могут быть разнообразными — социальное жилье, доступное арендное жилье, софинансирование из трех источников (федеральный бюджет, территория, население), опыт на местах (к примеру, накопительные жилищные кооперативы в Белгородской области), льготная ипотека со списанием процентов при рождении детей, вклад бизнеса в обеспечение жильем своих работников с детьми, поощрение проектов дешевого строительства, предоставление земли (что уже реализуется) и пр. В связи с решением жилищного вопроса актуально предоставление права на материнский капитал на третьего ребенка, если он был уже получен на второго, а семья продолжает жить в ветхом, неустроенном жилье, вынуждена арендовать его и т. п.

Помощь в решении жилищных проблем во Франции входит в сферу ответственности системы касс семейных пособий, формируемых в основном за счет взносов работодателя, они распределяют около $\frac{3}{4}$ всего фонда социального жилья. В Швеции государство субсидирует многодетные семьи, чтобы отчасти компенсировать им расходы на квартирную плату. Там в связи с рождением ребенка при смене жилой площади на большую государство предоставляет семьям с низкими доходами дополнительное пособие, призванное компенсировать возросшие жилищные расходы. Размер государственной субсидии тем больше, чем больше в семье детей. Конечно, материнский капитал в России помогает решать жилищную проблему, что отменно. Но в этом законе нет не менее важной, чем жилье, потребности семьи — охраны здоровья ребенка. Можно было бы, воспользовавшись методом, изложенным в анализируемой статье, предусмотреть соответствующее право вначале для многодетных семей в демографически сложных регионах, а поняв эффективность, распространить на все остальные регионы в дополнение к квотам на высокотехнологическую медицину.

Здесь уместно сказать о миллионах семей, которым нужна поддержка другого рода — в использовании современных репродуктивных технологий по «производству детей» (вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), включая экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), и т. п.), применяемых в Европе. По оценкам, в РФ 15–17 % бесплодных пар, 3–5 млн из них

хотели бы родить ребенка, но это малодоступный дорогой акт, учреждений недостаточно, квот, дотируемых за счет бюджета, немного. По данным, представленным на международной конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге в сентябре 2011 года¹, существуют огромные очереди из желающих зачать «ребенка из пробирки». Однако показатель частоты ВРТ в РФ составляет всего 219 циклов на 1 млн людей², что значительно ниже по сравнению с аналогичным показателем в странах Европы, где частота ВРТ — 1500–2000 циклов. Причем одной из ключевых является финансовая проблема. В Москве самая большая очередь на ВРТ, потому что люди едут со всей страны, но не каждая семья имеет средства на дорогу, проживание в гостинице и пр. Более рациональным представляется увеличение средств бюджета на эти цели. Если мы так активно строим перинатальные центры, то почему бы не использовать дополнительный фактор рождаемости с учетом помощи бесплодным мужчинам и женщинам? Несмотря на нынешние скромные бюджетные затраты на ЭКО, в 2010 году, согласно отчету Минздравсоцразвития, родилось почти 15 тыс. младенцев. В. В. Путин считает отрядным факт спасения медициной 11 тыс. малышей, сокращения младенческой смертности: «Мы развиваем высокотехнологичную помощь, делая ее максимально доступной, хотя и здесь, конечно, еще очень много проблем, недофинансирование, считаю, еще большее, и наши медицинские учреждения могли бы оказывать эту высокотехнологичную помощь в большем объеме, имей они достаточное финансирование»³.

Необходимость инвестиций в улучшение демографической ситуации понятна. Однако не менее важно то, что предложения В. В. Путина отвечают главной позиции западного мира в данной сфере — возможно успешно сочетать родительство и профессиональную деятельность: гибкий трудовой график, дистанционная занятость и т. п. (в Госдуме принимаются соответствующие поправки в Трудовой кодекс РФ). Кроме того, женщина, выходящая на работу после декретного отпуска, должна получить новые возможности дополнительного профессионального обучения (в том числе за счет материнского капитала). Такая работа была начата службой занятости по программе содействия снижению безработицы в кризис 2008–2009 годов, и она могла бы быть расширена, если бы работодателю, принимающему работницу с детьми после переобучения, государство оказывало бы необходимое содействие (по типу известной французской практики субсидирования приема молодежи или подобной московской практики по отношению к увольняемым). Упомянем также проводимый в Москве эксперимент поощрения работодателя, который создает на предприятиях благоприятный режим для работающих мам. Это, вероятно, могло бы

¹ XXI Международная конференция «Репродуктивные технологии сегодня и завтра», организованная Российской ассоциацией репродукции человека (РАРЧ).

² Данные за 2008 год.

³ 15 февраля 2012 года. Выступление Председателя Правительства РФ В. В. Путина в Набережных Челнах на совещании в режиме видеоконференции по вопросам реализации демографической политики и региональных программ модернизации здравоохранения.

содействовать принятию закона о предоставлении работающей многодетной маме сокращенной рабочей недели с полной оплатой, который недавно был отвергнут Думой.

Вместе с тем для того чтобы женщина работала (а сегодня семейный бюджет обеспечивают двое: муж и жена), особое значение приобретает решение проблемы наличия детских учреждений. Это осознали и реализовали во Франции как фактор гендерного равенства, с одной стороны, и стартового «лифта» для будущего поколения — с другой. В России пока больше говорят об этом: в очереди на место в детском дошкольном учреждении стоят более 2 млн детей. Причем если от трех до семи лет местом обеспечиваются 80 % дошколят, то в яслях испытывается большой недостаток. Во Франции, например, где лучший показатель рождаемости в Европе, именно обеспечение детскими учреждениями малышей рассматривается как ключевой момент поддержки занятости женщин и желания рожать. На повестке дня — стимулирование нетрадиционных форм ухода и присмотра за детьми (к примеру, семейный детский сад, кооперативный, частный ведомственный сад). В зарубежной практике имеется свой опыт в этой сфере. Эстония в законе о социальном обеспечении предлагает персональный присмотр за детьми вне обычного рабочего времени. Некоторые местные органы самоуправления оказывают родителям поддержку, например при оплате услуг за присмотр за детьми: выплачивается пособие, заключается договор о порядке оплаты услуги.

По нашему мнению, государственная поддержка нужна тем семьям, где трудоспособные родители не могут достаточно заработать на себя и ребенка по объективным обстоятельствам (здоровье, большое число

иждивенцев, отсутствие рабочих мест, неадаптированное образование, конфликты и т. п.). Здоровое, экономически активное население должно жить на свою заработную плату. Но требуются условия для самообеспечения. В этом смысле предложение В. В. Путина создать 25 млн высокотехнологических и высокооплачиваемых мест (как он отмечает, со средней заработной платой в конце текущего десятилетия 40 тыс. руб.) крайне актуально.

Сколько детей (по стандартам нормального уровня жизни) может содержать работник сейчас и в будущем? Наука предлагает обосновать это путем расчетов нормативной обеспеченности товарами и услугами на первичном уровне вхождения в средний класс, что принципиально отлично от физиологического прожиточного минимума, соответствует структуре индивидуального и общесемейного потребления западных стран с современным образом жизни для взрослого и ребенка. Такие стандарты уже разработаны: стандарт экономической устойчивости (СЭУ) семей с детьми (Институт экономики РАН), восстановительный бюджет (ФНПР) и др. Примерный расчет СЭУ по действующим ценам для трехдетной семьи в настоящем показал, что родитель должен зарабатывать на ребенка плюс 0,8 к собственным расходам, таким образом, в 2–2,5 раза больше прожиточного минимума. Здесь хочется подчеркнуть: *ни в одном экономически успешном государстве мира не практикуется политика регулирования доходов населения, ориентированная на прожиточный минимум для начисления зарплат, пенсий, пособий, — только для поддержки бедных и особо нуждающихся. И для России культура бедности тоже, наконец, должна остаться в прошлом.*

Е. С. Саловая¹

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С МОДЕРНИЗАЦИЕЙ, МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ВЕСЬМА ВЫСОКИМИ

Для сегодняшнего мира характерен рост конфликтов в социально-трудовой сфере. Вряд ли можно найти хотя бы одну страну, которую можно назвать «островком стабильности» в полном смысле этого слова. Мир действительно стал глобальным, это касается в том числе и повышения нестабильности социально-трудовых отношений. Прежде всего мы имеем в виду усиление нестабильности в сфере занятости, снижение уровня социальных гарантий для работников в результате интенсификации международной миграции, серьезный рост неравенства и усиление несоответствия между экономическим ростом и социальным развитием, что характерно не только для развивающихся, но и для многих развитых стран. Следует отметить, что последний, пока не

преодоленный до конца финансово-экономический кризис усугубил обозначенные тенденции.

Россия, безусловно, является частью мирового глобального пространства, поэтому для социально-трудовой сферы нашей страны характерны все «болезни» глобальной мировой экономики. Однако есть и уникальные проблемы — Россия стоит перед необходимостью не просто интенсификации экономического роста и придания ему более справедливого с социальной точки зрения характера, но и смены вектора экономического развития. Основной задачей, таким образом, становится поиск путей, способных вывести на качественно новый этап функционирования экономики и общества. Это вызвано тем обстоятельством, что накопленный человеческий капитал, огромные запасы энергоносителей и сырья не гарантируют стране преимуществ в ускоряющейся технологической гонке мировых экономических лидеров. Такое положение чревато появлением стратегической угрозы, связанной с невозможностью выйти на траекторию устойчивого и динамичного роста.

¹ Заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений, кандидат экономических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Зарубежный опыт регулирования “заемного” труда и возможности его применения в России», «Роль и место профсоюзов в модернизации России», «Проблемы представительства интересов сторон в системе социального партнерства России» и др.

Необходимость реструктуризации экономики представляется достаточно очевидной, но пока совершенно неясны возможные социальные последствия и механизмы адаптации социально-трудовой сферы к экономической трансформации. Но именно эти вопросы следует считать основополагающими. Реформы должны быть, во-первых, понятными, а во-вторых, выгодными или хотя бы приемлемыми для сотен тысяч работников, которых эти преобразования коснутся. Проведение в стране столь необходимых структурных реформ несет определенные угрозы социальной стабильности общества, связанные с социально-трудовой сферой. Нам представляется важным обозначить наиболее существенные из них.

Одним из основных последствий реструктуризации экономики для социально-трудовой сферы и одновременно одним из важнейших индикаторов повышения эффективности занятости должны стать изменения отраслевой и профессионально-квалификационной структур занятости. Закономерностью развития профессионально-квалификационной структуры инновационного типа является совершенствование образовательной и квалификационной структуры занятых, «интеллектуализация» их профессионального состава. Модификация структурных характеристик и форм занятости должна при этом рассматриваться с точки зрения ее содействия решению двух задач: формированию более рациональной, а потому более эффективной по своему влиянию на темпы и качество экономического роста профессиональной структуры занятых и обеспечению социально-экономической сбалансированности спроса на рабочую силу и ее предложение.

Подчеркнем: решение первой задачи не означает автоматического решения второй, поскольку профессиональные предпочтения населения при выборе вида трудовой деятельности и конкретного рабочего места совпадают с потребностями экономики в рабочей силе в профессионально-квалификационном аспекте далеко не всегда. Отметим, что в России не хватает рабочих мест с достаточным уровнем заработной платы и достойными условиями труда, причем именно в тех отраслях, которые определяют инновационный характер экономики, — в сфере науки, информационного обслуживания, высоких технологий, а также в отраслях, ответственных за формирование человеческого капитала. Это, в свою очередь, делает невозможным интенсивный приток сюда молодой, высокообразованной и высококвалифицированной рабочей силы.

По сути, система оплаты труда, которая сложилась в России к настоящему времени, не способствует формированию эффективной занятости. Действительно, низкая цена рабочей силы — серьезная проблема, во многом препятствующая осуществлению модернизации экономики. Во-первых, учитывая особенности демографического развития страны, более «богатые» отрасли привлекают наиболее образованную и квалифицированную рабочую силу. Во-вторых, низкий уровень оплаты труда не позволяет адекватно современным потребностям улучшать качественные характеристики занятых. В-третьих, возможность использования

«дешевых» работников никогда не станет стимулом для работодателя к внедрению инновационных технологий, а следовательно, всегда будет фактором сохранения низкой производительности труда.

Таким образом, изменение политики в области оплаты труда является фактором, способным ускорить или замедлить структурные преобразования. В этом смысле тарифная политика становится одним из элементов политики занятости. Однако простое повышение заработной платы не приведет к автоматическим изменениям в экономике. Политику заработной платы необходимо рассматривать как важнейшую составную часть общей социально-экономической стратегии страны, направленной на придание экономике инновационного характера. Это означает, что заработная плата должна стимулировать формирование качественного состава инновационных отраслей экономики — науки, образования, здравоохранения, тех отраслей промышленности, которые обеспечивают прорывной характер технологического развития страны, отвечают за качество трудового потенциала. Именно эти отрасли за счет высокой оплаты труда должны стать привлекательными для молодой образованной высококвалифицированной рабочей силы, особенно в условиях демографического спада и уменьшения предложения рабочей силы на рынке труда. Пока такие механизмы не созданы, поэтому, призывая молодых людей активно участвовать в становлении инновационной экономики, мы можем обречь их на низкое качество их дальнейшей трудовой жизни.

Следует отметить и еще один важный момент — предстоящие структурные преобразования вряд ли возможны при сохранении низких показателей безработицы. Возникающая в связи со структурной перестройкой необходимость повышения конкурентоспособности производства ставит под угрозу стабильность положения значительного числа занятых в народном хозяйстве работников. Вряд ли возможно одновременно модернизировать экономику и сохранить «отсталые» как в моральном, так и в физическом смысле рабочие места. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в сегодняшних российских условиях важнейшим показателем эффективности преобразования занятости становятся скорее не низкие общие показатели безработицы, а продолжительность (краткость) периода безработности, в том числе с учетом пола и возраста. Рост застойной безработицы невозможен лишь в том случае, когда высвобождаемые работники в состоянии быстро занять вновь создаваемые рабочие места. То есть структурные реформы могут быть успешными с социальной точки зрения, если, во-первых, взамен устаревших, неконкурентоспособных производств государство и бизнес в состоянии предложить достаточное количество новых рабочих мест, во-вторых, высвобождаемые работники будут обладать соответствующими качественными характеристиками, которые позволят им занять эти рабочие места.

Однако работники, обладающие высокими качественными характеристиками (уровень образования, профессиональной подготовки), более молодые и мобильные, уже поменяли рабочие места в ходе реформ

в последние десятилетия. На современном этапе реструктуризации высвобождаются будут наименее конкурентоспособные группы занятых. А если учесть, что трудиться многим из них предстоит на инновационных предприятиях, то необходимо создавать принципиально иные, чем прежде, механизмы адаптации рынка труда к предстоящим переменам — адекватную систему прогнозов развития рынка труда, систему психологической и профессиональной подготовки и переподготовки высвобождаемых, реальный рынок жилья, механизмы стимулирования мобильности работников, формирование единого национального рынка труда, то есть то, к созданию чего в предыдущие годы еще не приступали.

Получается, что нежелание принимать сложные решения в предыдущие годы «законсервировало» сложившуюся в социально-трудовой сфере ситуацию и сейчас лишь увеличивает существующие социальные риски — прежде всего риск значительного роста застойной безработицы и снижения уровня и качества жизни отдельных контингентов занятых.

Если рассматривать опыт других стран, совершивших или совершающих успешный «модернизационный рывок» в последние десятилетия, то следует

признать, что социальные инвестиции, высокая доля расходов на образование в этих странах стали важнейшим элементом стратегии развития, догоняющей модернизации¹.

Рассматривая социально-трудовые отношения, не возможно избежать вопроса об эффективности их регулирования, целью которого является нахождение баланса интересов между развитием человека и необходимостью обеспечения экономической эффективности. При правильной политике эти цели во многом совпадают, как мы наблюдаем это, например, в Европе. Однако попытки механического копирования успешных практик и институтов заранее обречены на провал. Ведь зачастую формально одни и те же институты имеют разное содержательное наполнение, весьма различны механизмы их взаимодействия и существующие неформальные практики, что значительно осложняет интерпретацию и возможности заимствования. Пока государством не сформулированы стратегические цели развития и регулирования социально-трудовых отношений², институциональные механизмы такого регулирования зачастую носят формальный и несистемный характер и не «работают» на общую стратегическую задачу развития страны.

¹ См., например: *Пирсон К.* Страны поздней индустриализации и развитие государства всеобщего благосостояния // SPERO. 2010. № 12. С. 76.

² Конечно, много говорится о необходимости проведения структурных реформ, однако мы имеем в виду принятие конкретных планов действий, подкрепленных финансовыми и институциональными аргументами.

Секция 4

ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Руководители секции:

О. Т. БОГОМОЛОВ	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
Н. П. ШМЕЛЕВ	директор Института Европы РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО	директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины, доктор юридических наук, профессор

М. Н. Барышников¹

БИЗНЕС В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ

Национальные интересы — это исторически оформившаяся совокупность групповых интересов, баланс которых определяется этнокультурной и государственной идентичностью. В данном смысле диалог культур необходимо рассматривать как важнейшую часть процесса складывания глобального хозяйственного пространства, в том числе в его интегративном этническом и конфессиональном выражении. На протяжении XIX–XX веков институциональные ограничения социокультурных (в том числе этнических, религиозных, семейных и языковых) предпочтений обрели роль ключевого фактора обновления экономических и финансовых отношений, эволюционировавших от частной к ассоциированной форме организации² в условиях ослабления государственного вмешательства в хозяйственную жизнь общества. Подобная эволюция сопровождалась

ростом масштабов межкультурного взаимодействия, что обуславливало использование дополнительных самоограничений, а также поиск новых «регуляторов» — неформальных и правовых институтов, призванных согласовывать индивидуальные и групповые интересы применительно к реализуемым целям экономической деятельности. Другими словами, ослабление государственного контроля над хозяйственными процессами определялось ростом значимости ассоциированных форм предпринимательства, позволявших использовать различные модели институционального и организационного саморегулирования для преодоления эгоистических настроений в их этническом или конфессиональном выражении. В конечном счете возникала та или иная структура ограничений, определявшая новые правила игры применительно к потребностям экономического развития.

Применительно к малому, среднему или крупному бизнесу можно говорить о той или иной форме ассоциированного предпринимательства, ориентированной на повышение эффективности хозяйственной деятельности в рамках реализуемой модели институционального согласования внутри- и межгрупповых интересов. Анализ исторического развития фирмы как интегративного механизма согласования индивидуальных и групповых интересов, выявляющихся в процессе социализированного взаимодействия субъектов рыночной деятельности, предполагает изучение экономических, а также связанных с ними социокультурных параметров технологических, организационных и институциональных изменений. В данном случае организация (фирма) выступает как ассоциированная форма целевого

¹ Заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Политика и предпринимательство в России: (Из истории взаимодействия в начале XX века)», «История делового мира России», «Деловой мир Петербурга: исторический справочник», «Деловой мир России: историко-биографический справочник», «Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты», «Баланс интересов в структуре собственности и управления российской фирмы в XIX — начале XX века», «Российские фирмы в XIX — начале XX в.: собственность, управление, индивидуальные и групповые интересы», «Фирмы, институциональные ограничения и эффективность хозяйствования: из истории российского бизнеса начала XX века» и др.

² Ассоциированное предпринимательство — организационно-правовая структура фирмы (в форме товарищества или общества), используемая для реализации долгосрочных групповых интересов при наличии принадлежащих участникам долей (вкладов) в учредительском капитале.

привлечения и распределения ресурсов (сырьевых, производственных, финансовых, интеллектуальных, информационных и т. д.), в рамках которой обеспечивается разработка и реализация стратегических и оперативных планов, направленных на повышение эффективности функционирования предприятия. В свою очередь «институты» рассматриваются как неформальные и правовые регуляторы, используемые в процессе создания и развития организации для поддержания баланса индивидуальных и групповых интересов в условиях существующей ограниченности ресурсов.

В историческом плане именно фирма оказалась способна аккумулировать разнообразные предпочтения лиц, непосредственно (или опосредованно) заинтересованных в успешном функционировании предприятий¹. Обретение конкурентных преимуществ, в том числе за счет использования тех или иных организационных форм внутри- и межгруппового взаимодействия, непосредственно связывалось с определением перспектив развития бизнеса независимо от имеющихся этноконфессиональных предпочтений его участников. Например, успешная деятельность российских фирм (акционерных компаний и паевых товариществ) в последней четверти XIX — начале XX века в значительной мере определялась выходом их владельцев за рамки традиционных социокультурных предпочтений, поиск более широкого пространства хозяйственных отношений независимо от имеющихся этнических, религиозных или семейных связей. Речь идет об индивидуальных и групповых ограничениях, связанных с размером участия в уставном капитале, способами приобретения акций (паев), полномочиями общих собраний и директоров, соотношением прав внутренних и внешних собственников, сферой деятельности контрольных органов, механизмом распределения прибыли, особенностями выработки стратегических и оперативных планов, формами взаимодействия с поставщиками и потребителями, а также с общественными и властными структурами и т. д. Отсюда следует вывод: чем более полным является построение баланса интересов вне национальных или религиозных предпочтений, тем эффективнее при всех прочих условиях будет действовать фирма в сравнении со своими конкурентами.

Не выходя за рамки культурной идентичности, невозможно определить стратегические параметры и, в конечном счете, перспективы интернационального развития организации (фирмы) в ее инновационном содержании. Эгоистическое (оппортунистическое) поведение является прямым следствием неспособности или нежелания индивида (группы лиц) ограничивать свои предпочтения применительно к меняющейся хозяйственной среде. С другой стороны, использование открытых коммуникационных моделей индивидуального и группового взаимодействия позволяет с наибольшей результативностью выстраивать как стратегические, так и оперативные планы развития компаний с учетом не только финансово-экономического и тех-

нологического, но и социокультурного пространства их операций.

Переход от индивидуального предпринимательства к фирме предполагает использование широкого спектра формальных и неформальных ограничений, в том числе хозяйственного, правового, этнокультурного, религиозного, семейно-родственного и психологического свойства, регулирующих процесс привлечения и распределения ресурсов. В конечном счете эффективность ассоциированного предпринимательства зависит от способности заинтересованных сторон принимать оптимальную организационную «форму» поведения, иначе говоря, от готовности жертвовать некоторыми из своих интересов ради достижения общих целей. Подобная «жертва» отнюдь не должна обязательно возлагаться на всех равномерно. Другими словами, кто-то жертвует больше, кто-то — меньше. Главным здесь является, во-первых, готовность добровольно отказаться от соблюдения устоявшихся правил, традиций, норм поведения, и, во-вторых, вытекающий отсюда результат: насколько подобные ограничения позволяли повысить эффективность участия в предпринимательской деятельности в ее ассоциированной форме. Подчеркнем, что в глобализированном мире возрастающая величина трансакционных издержек² (здесь отметим, что коррупция является одним из традиционно используемых неформальных способов их снижения) стимулирует спрос на передовые для своего времени организационные ресурсы, позволяющие привлекать качественно новые, не имеющие этнического, конфессионального или семейного содержания регуляторы внутри- и межгруппового взаимодействия.

В контексте сказанного подчеркнем, что инновационные процессы в современной российской экономике не могут не сопровождаться изменениями в сфере неформального и правового регулирования предпринимательской деятельности. В первую очередь речь идет об институциональных преобразованиях, ориентированных на создание новых механизмов социально-экономического взаимодействия. Инновационные усилия должны сопровождаться перестройкой системы определения, согласования и защиты внутри- и межгрупповых интересов независимо от их социокультурного содержания. Переход к более эффективным регуляторам в области хозяйственных отношений призван обеспечить оптимальный вариант обновления баланса культурных предпочтений при одновременном укреплении принципов группового самоуправления как гаранта поддержания необходимого равновесия в меняющейся социальной структуре общества. С одной стороны, необходимо создать новую модель согласования межгрупповых интересов, с другой — найти приемлемые правовые и организационные решения, способные активизировать участие индивида в экономическом развитии страны. В последнем случае важнейшими становятся проблемы, связанные с поддержкой малого (семейного) и среднего бизнеса, а также

¹ Предприятие рассматривается как имущественная форма целевого потребления ресурсов с соответствующим выполнением работ определенного профиля, объема и качества.

² Под трансакционными понимаются прямые и косвенные издержки (материальные, финансовые, информационные, временные, психологические и т. д.), возникающие при взаимодействии заинтересованных сторон в процессе достижения ими долговременных экономических целей.

со стимулированием перехода частных предприятий к ассоциированным моделям организации как более эффективным с точки зрения перспектив хозяйственной модернизации.

Важно отметить, что институциональные ограничения этноконфессиональных предпочтений выступают не в виде застывших рамок, а в качестве постоянно меняющейся структуры неформального и правового взаимодействия, в пределах изменений которой используются наиболее оптимальные, результативные варианты хозяйственных отношений. Именно готовность принять и использовать участниками рыночных отношений тех или иных регуляторов превращает последние из абстрактных предписаний в институциональный каркас баланса интересов, обозначая вместе с тем направление его дальнейшей оптимизации. На уровне ассоциированного предпринимательства согласование социокультурных предпочтений в процессе определения их баланса может осуществляться в рамках устава публичной компании путем координации целей и оперативных задач коммерческой деятельности, размера и структуры акционерного капитала, места и роли собрания пайщиков (акционеров), полномочий правления, совета и ревизионной комиссии, способа распределения прибыли и т. д.

Сбалансированное представительство фирмами внутри- и межгрупповых интересов обеспечивает оптимальное функционирование рыночных отношений в их наднациональном выражении. Именно ассоциированное предпринимательство в своей исторической эволюции заложило организационную основу предсказуемой и результативной экономической деятельности, в том числе в ее инвестиционной и инновационной составляющей. Фирмы как саморегулируемые коммерческие организации, согласующие индивидуальные и групповые предпочтения в тех или иных рамках институциональных ограничений, способны самостоятельно, без вмешательства властных структур определить перспективы своего развития. В свою очередь поддержание баланса интересов предполагает готовность и способность хозяйствующих субъектов к выходу за рамки социокультурной идентичности с целью более эффективного достижения поставленных целей. Неудачи деятельности фирмы связаны прежде всего с попытками подменить ассоциированную форму предпринимательства частной или внутригрупповой, с соответствующей подменой результатов: межгрупповую «эффективность» на одну из ее составляющих — групповую «прибыльность». В связи с этим подчеркнем, что институциональные ограничения не препятствуют желанию отдельных лиц или

групп выражать свои этнические и религиозные предпочтения; их предназначение — согласовывать индивидуальные и групповые интересы (находя основу для их равновесия) в соответствии с принимаемыми целями совместной деятельности.

Цель институциональных ограничений — координация социокультурных предпочтений, и в этом смысле определение их баланса на основе взаимоприемлемых неформальных норм поведения и в соответствии с принятыми (или предполагаемыми к заключению) соглашениями юридического характера. От того, насколько этнические группы готовы (способны) придерживаться в сфере экономической деятельности данных соглашений, зависит в конечном счете результативность их совместной деятельности, в том числе в плане обеспечения прав собственности, создания эффективной структуры управления и выполнения заключенных контрактов. При благоприятном развитии событий происходит институционализация прав собственности и правил, регулирующих конкуренцию и обмен, что облегчает установление оптимальных отношений между субъектами хозяйственной деятельности. На макроуровне это стимулирует, в свою очередь, инвестиции и инновационную активность, и в перспективе — экономический рост.

Таким образом, диалог культур важно рассматривать в контексте усиливающегося глобального хозяйственного взаимодействия, сопровождающегося готовностью к активному сотрудничеству на уровне надэтнических и надконфессиональных связей, и, соответственно, привлечением дополнительных институциональных ресурсов для поддержания баланса межгрупповых интересов. В микроэкономическом плане это касается, например, ограничений в отношении возможных этнических или религиозных источников конфликта интересов, проявляющегося на внутри- и межфирменном уровне. При этом речь идет не только о снижении конкретных транзакционных издержек (как, например, в случае поиска оптимального баланса интересов во взаимоотношениях между лицами различной национальной принадлежности), но и о поддержании в целом устойчивого социокультурного равновесия в среде заинтересованных в деятельности компании сторон. В свою очередь в макроэкономическом отношении необходимо говорить об объективном характере формирования глобальных хозяйственных связей, предполагающих отказ от групповых социокультурных (в том числе этноконфессиональных) предпочтений в пользу наднациональных регуляторов экономических и финансовых интересов.

Д. В. Башмаков¹

ЭВОЛЮЦИЯ ОБМЕНА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Глобализация — это явление, затрагивающее все стороны человеческого существования, но, как необратимый процесс, она имеет в своем основании экономические и технологические изменения. В статье анализируются экономические условия данного явления, в частности проблема эволюции обмена и его влияния на культурный срез общественной жизни.

В результате эволюции обмена, то есть изменения его масштабов, можно наблюдать и трансформации в оценках его социального аспекта, под которым следует понимать ориентацию в действиях продавца на желаемое поведение покупателя. При этом продавец и покупатель — это сменные социальные роли, в которых может выступать любой человек, живущий в обществе с рыночными отношениями. В зависимости от масштабов и оценок социального аспекта обмена в разные исторические эпохи можно выделить основные этапы его эволюции, сравнение которых позволит лучше понять современное общество потребления и присущую ему глобальную культуру.

Первый этап эволюции обмена охватывает Античность и Средневековье, его можно назвать *становлением*. Конечно, такое определение этапа ввиду его длительности является упрощенным. В течение данного периода наблюдается много циклов распространения и исчезновения отношений обмена, что можно вовсе усомниться в поступательном характере его эволюции. Тем не менее с позиции настоящего времени эти циклы свидетельствуют о трудностях, связанных с преодолением нравственного осуждения обмена, когда в оценке его социального аспекта преобладало опасение, что причиной меновых отношений выступает стремление к обману. Нравственное осуждение обмена присутствует еще в дохристианских учениях отцов церкви и более поздних трудах схоластов, оно встречается и в книгах пророков Ветхого Завета, и у античных писателей, в том числе у Платона и Аристотеля. Например, Аристотель различал два вида хозяйства, одно из которых имело целью удовлетворение ограниченных потребностей, а другое, так называемое хрематическое, — не знало преград в стяжании, и здесь обмен превращался в приобретение денег. Последний вид хозяйства подлежал нравственному осуждению, по Аристотелю.

Спустя полтора тысячелетия Фома Аквинский высказал свое мнение о нравственной стороне обмена: «Торговля делается делом дозволенным, когда купец стремится к умеренной прибыли для того, чтобы иметь возможность содержать свою семью или помогать нуж-

дающимся, а также в тех случаях, когда торговлей занимаются в видах общего блага, чтобы снабдить страну предметами, необходимыми для жизни»².

Аскетическая религиозная культура средневекового человека препятствовала развитию обмена как внутренне, довлея над индивидуальными мотивами рыночного участия, так и внешне, что выражается в запретах, регламентировавших деятельность цехов, и в запретах на рост за ссуду денег. Поэтому до эпохи Ренессанса отношения обмена оказывали слабое влияние на общественную жизнь, преобладание натуральной формы хозяйства подкреплялось религиозными идеалами, где не было места стремлениям к посюстороннему материальному богатству.

Второй этап эволюции включает повсеместное распространение меновых отношений, происходит *расширение* обмена, все больше людей оказываются вовлечены в сферу рынка, испытывают на себе влияние его сил, вынуждены осознавать и приспосабливаться к новым условиям — вольно или невольно каждый становится участником рынка. Начало данного этапа можно отнести к позднему Средневековью: в середине XIV века в Европе происходит расширение географии торговли фламандскими тканями, французским вином, восточными специями, ганзейской солью, английской шерстью — внешняя торговля обуславливает изменения внутри территорий, разрушая цеховой уклад производства и натуральную форму хозяйства.

Наиболее полно это ощущается в период Ренессанса, когда расширение обмена потребовало формирования гуманистической культуры, способной вызвать интерес человека к самому себе, своему внутреннему миру, утвердить его достоинство и отстаивать право на развитие способностей и удовлетворение потребностей. Происходит переоценка ценностей — то, что ранее в социальном аспекте обмена подлежало нравственному осуждению, теперь предстает как естественная норма поведения, которая должна стать отправным пунктом в анализе и построении хозяйственной жизни общества. Наиболее явно это выражено в классических трудах Бернарда де Мандевилля и Адама Смита. Стремление к материальному благополучию признается естественным, вытесняя на второй план духовные блага, — наблюдается процесс секуляризации жизни.

Наконец, третий этап эволюции, который подводит нас к современности, — *углубление* обмена, когда меновые отношения людей под влиянием нарастающей взаимозависимости выходят за пределы сферы материального благосостояния и вторгаются в сферу духовного. Происходит интеграция или даже отождествление обмена и культуры — этот симбиоз и являет собой то, что можно назвать глобальной культурой. Ее основной мотив — потребительскую ценность обретает каждое действие, произведенное человеком. Любая ценность, как составной элемент не только материальной,

¹ Доцент кафедры управления организацией Московского государственного областного университета, кандидат экономических наук. Автор 16 научных публикаций, в т. ч.: «Брендинг и механизм его реализации в маркетинговой деятельности организации», «Формирование торговой марки организации лакокрасочной промышленности», «Роль бренда в формировании меновых отношений», «Смыслообразующие элементы организационной деятельности в цивилизационном развитии российского общества», «Анализ процессов обеспечения качества и формирования торговой марки как факторов конкурентоспособности предпринимательской организации» и др.

² Цит. по: Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М., 2007. С. 159.

но и духовной культуры, есть в то же время и потребительская ценность, имеющая свою стоимость. Теперь не только материальные блага подлежат обмену — в сфере обращения оказываются и такие товары, как главное кинособытие года премия «Оскар», пивной фестиваль «Октоберфест», любые фандрайзинговые акции и пр. Таким образом, любой может выбирать, что ему приобрести: сантименты, веселье или милосердие. В потреблении товара главное — не его функциональное предназначение, а личностное самовыражение, или, лучше сказать, имидж-конструирование, покупателя через обретение им желаемого социального статуса и социальных контекстов.

Достигнув пределов, обмен начинает «измельчать» человека на отдельные действия — теперь рынок не имеет субъектов, но предстает как пространство меновых операций, совершаемых над всяким действием человека. Любой способ, техника, прикладное знание служат источниками удовлетворения потребностей, человек оказывается перед безграничным выбором «локутов» из своего исторического опыта. Отсюда — вы-

сокий спрос на товары, которые включают как потребительскую ценность опыт той или иной народности. К ним относятся: жанры “world music”, этническая кухня, практики медитации, handmade или агротуризм. Сомнительно, что глобализация ведет к гомогенизации потребностей людей всего мира, скорее наоборот, к их широкому разнообразию, требуя высокого уровня знаний и степени свободы для осуществления своего выбора.

Таким образом, на современном этапе эволюции обмена, когда происходит его углубление в духовную сферу человека, наблюдаются ценностные изменения, которые составляют процесс формирования глобальной культуры. Роль обмена в этом процессе представляется весьма существенной, и поэтому наибольшую тревогу в обсуждении проблем глобальной культуры должны вызывать вопросы, связанные не столько с межнациональной интеграцией, сколько с нарастающей взаимозависимостью, когда судьба каждого зависит от того, сможет ли он сделать то, что приобретет стоимость в глазах другого.

Г. Г. Бернацкий¹

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современный конституционный строй России многообразен. Он может подвергаться не только собственно правовому, но и, например, культурологическому, философскому анализу. Одна из труднорешаемых проблем — соотношение правового идеала и национальной культуры. В современном демократическом правовом государстве конституция страны выступает в качестве не только основного закона, но и правового идеала. Известный российский ученый С. А. Авакьян утверждает, что современный конституционализм — это сложная категория, основу которой составляют идеалы конституционной демократии (то есть демократии, базирующейся на наличии Конституции как особого документа государства и общества), определенные институты власти, соответствующий Конституции политический режим и система защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом. Конституционализм — это идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути социального развития².

Принятие демократической конституции в государстве можно рассматривать как утверждение правового идеала в качестве цели. И это, безусловно, важнейшее

политическое событие в государстве. Однако опасно механически насаждать в стране правовой идеал путем государственного принуждения без учета вековой культуры народа. Правовой идеал не должен становиться самоцелью, той желанной моделью, которая должна воплотиться в общественных отношениях уже сегодня. СССР пережил период насильственного насаждения коммунистического идеала. Оно сопровождалось сознательным уничтожением национальных, религиозных, семейных, бытовых традиций как отживших, препятствующих прогрессивному движению вперед. Однако все закончилось печально, несмотря на то что намерения были, казалось бы, благородные.

Политика насаждения коммунистического идеала проводилась без учета культурных и исторических особенностей России. Однако эта история преподнесла нам хороший урок. Сегодня мы наблюдаем, что радикально настроенные юристы, политики, писатели, правозащитники требуют насаждения либерального идеала. Рассуждения строятся по старой, давно известной и пройденной в истории России схеме «либо — либо». Идеал должен быть воплощен в реальность незамедлительно. А если нет, то не нужна и сама суррогатная реальность. Идеология, основанная на крайностях, очень опасна. Она ведет к социальным потрясениям и разрушению, пожалуй, самого ценного в социальной реальности — культуры общества.

Взвешенный подход к данной проблеме заключается в диалектическом соединении правового идеала и национальной культуры. Законодателям и государственным деятелям необходимо понимать, что действующее право должно находиться в гармонии с культурой страны, а не ломать ее. Насилие над культурой

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Естественное право в истории правовых учений», «Е. Н. Трубецкой: естественное право и религия», «Естественное право. Права человека. Мораль», «Философия и современный конституционный строй России», «Лекции по философии», «Философия: основные проблемы, идеи, концепции», «Философия», «Культура политической дискуссии» и др.

² Конституционное право : энцикл. словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2001. С. 304–305.

ведет к деградации. Вместе с тем право должно открывать перспективы развития страны с ориентацией на правовой идеал, ставить цели, которые следует достигать путем эволюционного развития.

Выдающийся российский философ и юрист Е. Н. Трубецкой проанализировал проблему соотношения естественного и позитивного права. Естественное право выступает для него в качестве правового идеала. Естественное и позитивное право не отделены друг от друга. Они выступают как противоборствующие противоположности в едином историческом процессе развития права. Для Трубецкого правовой идеал всегда имеет конкретно-историческое содержание и зависит от культуры народа. «Добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица всегда определялись одинаковым образом. Оно не заковывает нашей свободы в раз и навсегда данные неподвижные рамки, а требует, чтобы мы пользовались внешней свободой в той мере, в которой это является для нас благом. Ясное дело, что эта мера не может быть одинаковой для различных уровней развития, для различных веков и народностей: то, что для одного уровня развития является добром, может быть злом для другого — низшего или высшего уровня»¹.

Далее Трубецкой говорит о том, что конкретная страна в определенную эпоху может стремиться к достижению реально возможного уровня свободы, но не к оторванному от культуры народа идеалу свободы. «Все зависит от того, какой именно государственный строй олицетворяет собой максимум внешней свободы, возможной и желательной в данное время и для данного народа. Существуют, например, такие народы, для которых неограниченная монархия представляет максимум желательной свободы, но существуют и такие, для которых этот максимум достигается только при республиканском устройстве»².

Аналогичной позиции придерживается Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. В частности, он пишет: «Нет права как кантовская “вещь в себе”. Есть исторически выверенный баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»³.

В культуре консерватизм всегда доминирует над модернизацией. Это необходимо учитывать при утверждении современного либерального правового идеала в стране. Либерализм неразрывно связан с западной цивилизацией, поэтому до сих пор западные модели в различных сферах общественной жизни воспринимаются в России как образец для подражания. Так, взяв за идеал западную систему образования, мы насильно внедрили Единый государственный экзамен в средней школе, болонскую модель — в высшей школе. Министерство образования и науки РФ в последние десять лет сделало все, чтобы разрушить национальную систему образования. Сегодня все кандидаты в президенты (за исключением одного) резко критикуют насильственно внедренные новации в образование и обязуются их отменить, если будут избраны. Минобрнауки

России стыдливо молчит, потому что признавать провал реформы не хочет, а продолжать ее нет сил.

Российская культурная традиция основана на том, что в образовании активную роль занимает не столько учащийся, стремящийся к знаниям, сколько сам учитель. В России учитель — больше, чем учитель, это наставник, воспитатель. Его роль в образовании — подвижническая. На Западе ситуация иная. Болонская система предполагает ориентацию учащихся преимущественно на самостоятельную работу (вне ежедневного многочасового общения с учителями). Некоторые даже утверждают, что встречи с учителем должны носить эпизодический характер. Этот путь может привести к разрыву ученика и учителя, и для российской национальной культуры он губителен. При переходе к системе «бакалавр–магистр» в вузах в два раза сократилось количество аудиторных занятий по каждой дисциплине: от больших лекционных курсов к сокращенным курсам или даже к установочным лекциям по курсу. Это неминуемо ведет к деградации преподавательского корпуса. Мы уже получили слабо подготовленных студентов, а скоро будем иметь и неумелых преподавателей.

Насильственная деформация образования делает явными более общие социально-политические процессы в стране. Столкновение правового идеала и национальной культуры трансформируется в современной России в противостояние идеологии либерализма и консерватизма. Принцип либерализма — политика определяет культуру. Политик, вооружившись идеалом, убежден, что имеет право на все: насаждать политическую модель, экономическую систему, социальный уклад. Если на Западе получилось, то получится и у нас. Идеал не может быть неправым. Следует лишь энергично взяться за дело — и все будет в порядке. Такая психология характерна, как правило, для молодых, энергичных и не очень умных политиков. Они не могут понять, что если средства для достижения цели скверные, то и сама цель плохая или по крайней мере несвоевременная.

Консервативная доктрина основывается на альтернативной позиции — культура определяет политику. Иначе говоря, нельзя огнем и мечом насаждать идеал, построить можно только то, что опирается на традицию, культуру, объективно сложившиеся экономические, социальные, духовные отношения в обществе. Культура первична, а политика вторична.

Тотальное насаждение либеральных идеалов в политике и экономике сыграло скорее разрушительную, чем созидательную роль. Следует обратить внимание на доктрину консерватизма и указать ряд принципов, на которых она основывается.

Принцип сохранения наследства. То, что можно не менять, не нужно менять. Справедливость, равенство, свобода, порядок — плодоносные растения. Они возникли в результате длительного, сложного и мучительного развития народа и выражаются в объективно сложившихся общественных отношениях, а также в самосознании народа. Они живут и плодоносят в результате естественного развития. Их нужно бережно возделывать, не нанося механических повреждений.

¹ Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1913. С. 61–62.

² Там же. С. 66–67.

³ Зорькин В. Д. Путь к свободе // Российская газета. 2009. 16 сент.

Принцип права давности. Следует отдавать предпочтение коллективной мудрости предков и силе обычая, нежели индивидуальному мнению и решению. «Индивид глуп, а род мудр». Следует опираться на прошлое, прецедент, а не на новацию индивида.

Принцип благоразумия. Любые меры должны оцениваться не по сиюминутным результатам, а по отдаленным последствиям. Политик думает о будущих выборах, а государственный деятель — о будущих поколениях.

Принцип разнообразия. В обществе, как и в прошлом, должно сохраняться социальное неравенство. Для здоровья общества полезно сохранение различных социальных групп, неравных по социальному положению.

Принцип личной свободы. Человек должен иметь право выбора при движении по социальной лестнице, быть свободным от принудительного равенства, «уровниловки», единообразия.

Принцип справедливости. Социальный мир управляется правом более высокого порядка, чем право сильного. Сила — не главный аргумент. «Не в силе Бог, а в правде».

Принцип несовершенства. Человек несовершенен по своей природе. Построить совершенный социально-политический мир невозможно. Однако при разумном управлении, опирающемся на традиции и культуру, можно достигнуть больших успехов в развитии социальных отношений. Лозунг: «Прогресс в рамках порядка».

В настоящее время доктрина консерватизма выходит на передний план, потому что либерализм не справился с вызовами времени. Консерватизм может помочь России идентифицировать себя в определенной культурной традиции, определить свое место в общечивилизационном процессе всего человечества.

Н. В. Витрук¹

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Условия развития мировой экономики, процессы глобализации ставят современные государства перед необходимостью приспособления, адаптации их экономического, социокультурного и правового развития к стремительно развивающемуся технологическому инновационному развитию, новым вызовам в современном мире. Глобальный финансово-экономический кризис и его последствия обусловили возникновение больших трудностей в поддержании активной экономической, финансово-бюджетной и социальной политики государств Евросоюза, что потребовало с их стороны усиления координации и взаимной финансовой и иной помощи. Осознавая это, государства Евросоюза маневрируют в поисках наиболее приемлемой модели экономического и социального развития, инвестирования в человеческий капитал, сочетания рыночных отношений с государственной поддержкой слабо защищенных в социальном отношении граждан. В этом же направлении постепенно (хотя и медленно) развиваются и государства на посткоммунистическом и постсоветском пространстве. Опросы общественного мнения показывают, что граждане в этих странах первостепенное значение в настоящее время придают экономическим и социальным правам.

Достаточно большой объем положений Конституции РФ посвящен регулированию социально-экономических отношений, совокупность которых в силу их значимости в литературе стали называть «эко-

номической конституцией» (Г. А. Андреева, П. Д. Баренбойм, Г. А. Гаджиев, В. И. Лафитский, В. А. Мау и др.)².

Экономическим основам конституционного строя в Российской Федерации посвящены конституционные установления, которые:

1) определяют основные принципы функционирования рыночной экономики (ст. 8, 9, 34–37);

2) признают и защищают равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, в том числе частную собственность на средства производства, землю и другие природные ресурсы (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9, ст. 35, 36);

3) гарантируют единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, стабильность экономического оборота при поддержке конкуренции (ч. 1 ст. 8, ст. 74);

4) гарантируют свободу экономической деятельности при соблюдении запрета на экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, свободу договора и равенство участников гражданского оборота (ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34);

5) предусматривают свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34);

6) закрепляют основные экономические, трудовые и имущественные права и свободы, их гарантии (ч. 1 ст. 34; ч. 2–4 ст. 35; ч. 2 ст. 36; ст. 37);

7) определяют пределы государственного регулирования экономической деятельности, устанавливают организацию государственного и муниципального управ-

¹ Заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ (1991–2002). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционное правосудие», «Верность Конституции», «Общая теория правового положения личности», «Общая теория юридической ответственности» и др. Награжден Почетной грамотой Президента РФ, Почетной грамотой Совета Федерации РФ.

² См.: Конституционная экономика / П. Д. Баренбойм [и др.]. М., 2006; Андреева Г. А. Экономическая конституция в зарубежных странах М., 2006; и др.

ления экономикой (ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 36, ст. 71, 72, 75, 106, ч. 1 ст. 114, ст. 132);

8) гарантируют владение, пользование и распоряжение собственниками земель и другими природными ресурсами свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36);

9) закрепляют экономические основы социального государства (ст. 7, 37–44);

10) предусматривают гарантии государственной, в том числе судебной, защиты социально-экономических, имущественных прав граждан (ст. 45, 46, 52, 53).

Конституция РФ не устанавливает строго определенной модели экономического развития. Конституционные основы и ориентиры экономического развития определены достаточно полно и четко и связаны с рыночной экономикой. В. В. Киреев высказывает противоположное мнение о том, что «Конституция РФ, закрепив в самом общем виде основы рыночной экономики и социального государства, не выполняет в полной мере своих регулятивных функций в указанной сфере общественных отношений», что регулирующая составляющая правового воздействия российской Конституции на экономические отношения является «весьма незначительной», а излишняя универсальность конституционных положений ведет к низкой эффективности воздействия Конституции РФ на экономику. В. В. Киреев полагает, что в Конституции России в сфере экономических основ конституционного строя имеется ряд пробелов (перечень их достаточно большой)¹, и в этом он видит ее недостаток.

В действительности универсальность конституционных установлений в экономической сфере открывает простор для социально-экономического развития, не сковывает ни государство в его воздействии на экономические отношения, ни других участников хозяйственного оборота, обеспечивает их свободу действий и ответственность за экономические решения. В конституционных рамках происходит свободный поиск новой, оптимальной модели рыночной экономики в России с учетом собственного и международного опыта, особенностей исторического развития и менталитета народа.

Конституционные установления в сфере экономических отношений находят конкретизацию и развитие в текущих (отраслевых) законах. Это обычная практика правового регулирования экономических и социокультурных отношений, которая направлена на реализацию регулятивной, охранительной и программно-целевой функций Конституции РФ в единстве с текущими (отраслевыми) законами.

Экономическая политика в современной России сосредоточена на формировании социально ориентированной рыночной экономики, что предполагает преодоление наследия советской экономики и негативных последствий либеральных экономических реформ 1990-х годов, а также финансово-экономического кризиса 2008 года и его последствий. Эти отрица-

тельные последствия были связаны с формированием в 1990-е годы олигархически-бюрократического капитализма, приведшего к разграблению природно-сырьевых богатств страны, формированию коррупции, колоссальному социальному расслоению населения, появлению миллионной армии бедных и маргиналов в обществе, возникновению спутников бедности (пьянства, наркомании, преступности, аборт, социальных болезней, агрессии, жестокости). Нужно компенсировать негативные социальные последствия рыночной экономики и органически порожаемое ею неравенство в обществе. Восстановление справедливости как важнейшего признака российского менталитета возможно при условии активной деятельности государства как одного из собственников и деятельности его субъекта по воздействию на экономические и социокультурные отношения строго на конституционно-правовой основе.

Хотя Россия стала шестой по величине экономикой мира и успешно преодолевает кризисный период, восстанавливаясь и развиваясь с теми же темпами, что и большинство ведущих стран, российская экономика нестабильна, твердая правовая основа еще не создана либо не соблюдается. Теневая экономика, коррупция на всех уровнях власти, мошенничество, нецелевое использование и прямое хищение бюджетных средств препятствуют нормальному экономическому развитию, не дают возможности принять ощутимые для всего населения меры социального характера (достойные зарплаты, пенсии, пособия на детей и др.). Все еще проблематичными являются развитие малого и среднего бизнеса, формирование многочисленного среднего класса. Новые вызовы времени требуют новых стратегических подходов. С одной стороны, в России необходимо сохранить экономическую и политическую стабильность, вследствие чего государству придется последовательно исполнять свои повышенные социальные обязательства и бороться с бедностью. С другой стороны, Российской Федерации жизненно необходимы структурная реформа экономики, обновление и модернизационные перемены — экономические, социальные, политические, духовно-культурные.

Модернизация всех сторон российского общества в последние годы обсуждается в связи с инновационным развитием страны учеными различных специальностей (экономистами, правоведами, социологами, политологами), а также на официальном государственном уровне. В 2004 году президент В. В. Путин заявил, что для повышения благосостояния граждан необходимо предпринять «ответственные шаги по модернизации нашей экономики и социальной сферы». Впоследствии на необходимость модернизации как стратегического пути развития российского общества неоднократно указывал Президент РФ Д. А. Медведев, в том числе в своих посланиях Федеральному собранию Российской Федерации в 2009 и 2010 годах. Правительство РФ разрабатывало соответствующие программы и проекты научных исследований.

В современной модернизации, как справедливо отмечает член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, нельзя видеть только экономическое и техническое

¹ См.: Киреев В. В. Конституционная реформа в Российской Федерации. М., 2006. С. 129–162.

содержание, ее следует дополнить социокультурной составляющей, включающей такие человеческие измерения, как безопасность личности, общества, государства, удовлетворенность людей своим трудом и жизнью в целом, достаточность дохода для достойной жизни, развитость социальной структуры (формирование квалифицированных кадров, среднего класса и др.), доверие к публичной власти, демократизация политической системы, достаточный уровень политической и правовой культуры, современность ценностных ориентаций и восприятия общечеловеческих ценностей¹. Программа модернизации должна стимулировать общество к достижению более высокого уровня качества жизни людей с ориентацией на средние и более высокие социокультурные показатели в европейских государствах: Германии, Франции, Англии, Скандинавских странах (Швеция, Норвегия). Российское политическое руководство постоянно подчеркивает, что реформы и модернизация имеют своей главной целью улучшение жизни каждого человека.

Современная модернизация будет успешной при условии ее поэтапной реализации с учетом собственного и зарубежного опыта, природных, технико-экономических и социокультурных особенностей всех регионов Российской Федерации².

Потенциал сырьевой экономики в современной России иссякает, поэтому главной становится задача диверсификации экономики, ее перевода на инновационные рельсы, создания новых источников экономического роста. В. В. Путин провозглашает в качестве общенациональной задачи удвоение производительности труда и создание 25 млн новых высокотехнологических, хорошо оплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования. Средний («креативный») класс в дальнейшем, видимо, будет пополняться за счет врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих. Он начал реально выдвигать и отстаивать свои запросы и интересы.

В этих целях необходимо консолидировать усилия бизнеса, государства и гражданского общества по созданию наилучшего делового, предпринимательского климата, широких возможностей профессионального роста каждого. Согласно конституционным установлениям, публичная власть должна быть равноудалена от различных предпринимательских структур и сообществ, в противном случае во взаимоотношениях власти и бизнеса возможны конфликты интересов, недобросовестная конкуренция, неравная защита различных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, возможность использования административных рычагов с целью создания льготных условий для ведения предпринимательской деятельности аффилированными с государственной властью бизнес-структурами. У всех субъектов права, признаваемых собственниками, имеются одинаковые права, и Российское государство должно обеспечивать

равную защиту прав всех собственников, в том числе путем отказа от неоправданных ограничений, установленных рядом федеральных законов, объектного состава имущества, которое может принадлежать публичным собственникам — Российской Федерации, субъектам Федерации и муниципальным образованиям³. По мнению В. В. Путина, необходимо демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов, исключив из уголовного законодательства все положения, которые позволяют, исходя из хозяйственного спора, возбуждать уголовное дело на одного из его участников: экономические дела должны быть предметом рассмотрения арбитражных судов.

Опросы социологов показывают серьезное недоверие большинства граждан страны тем, как обстоят дела в сфере модернизации экономики, социальной и политической систем. Модернизация, инновации, изменение методов, средств, способов и подходов к решению социально-экономических проблем должны стать частью общегосударственной политики.

Модернизация ставит новые и ответственные задачи перед российским законодателем по совершенствованию правового регулирования экономических и социокультурных отношений. Современное законодательство отстает от назревших потребностей, мало стимулирует активность и ответственность бизнеса, творческую инновационную деятельность. В целом наблюдается ослабление научных основ российского законодательства. В стране не созданы независимые научно-исследовательские центры (они функционируют, как правило, при ведомствах, что не обеспечивает их полной объективности), отсутствуют государственные заказы на передовые научные разработки в правовой сфере. Необходима организационно-правовая перестройка научных и вузовских учреждений, широкое использование новых методов, средств и подходов в научных исследованиях, воссоздание полноценной социологической службы, наиболее эффективное использование достижений в системах обработки информации, связи и т. п.

Мысль о необходимости инновационного развития должна проникнуть в сознание каждого гражданина. По словам В. В. Путина, «двигателем роста должна быть и будет именно инициатива граждан. Мы заведомо проиграем, если будем рассчитывать только на решения чиновников и ограниченный круг крупных инвесторов и госкомпаний, если будем опираться на пассивную позицию населения». Большинство граждан, субъекты гражданского общества в последние годы совершенно незаслуженно были отодвинуты от участия в диалоге с властью, в обсуждении путей развития страны, ее модернизации.

Самая трудная задача модернизации — формирование гражданской активности и ответственности гражданского общества, бизнеса и правящей политико-интеллектуальной элиты, ее лидеров, решение которой потребует много времени. Современная модернизация может быть успешной и эффективной,

¹ См.: Лапин Н. И. Человеческое лицо модернизации // Человек. 2011. № 6. С. 5–18.

² См.: Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М., 2009; Регионы в России: портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 2009.

³ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. С. 112–114.

если станет достоянием широких слоев населения и обретет массовую поддержку со стороны гражданского общества, всех групп социума. Для этого необходимо последовательно и доступно раскрывать российскому обществу содержание программы модернизации, опирающейся на ценности большинства населения, делая акцент на характеристике ее человеческих измерений. Следует показать, что она может дать каждому человеку при условии ее реализации, какими путями ее можно осуществить в конкретных условиях российской действительности.

По итогам выборов в Государственную Думу в декабре 2011 года и в ходе избирательной кампании по выборам Президента РФ 4 марта 2012 года общественность, политические партии выступили с жесткой критикой системы «управляемой демократии» и «вертикали власти», упрекнув их в отсутствии надлежащей политической конкуренции, ответов на вызовы времени, связанных с модернизацией и процессами глобализации. Протестное движение, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, других крупных городах России, а также локальные протестные выступления малых групп населения выявили недовольство состоянием экономики, социальной политики, институтов демократического управления, экологии, культуры, нравственного здоровья общества. Программы «системных» и «несистемных» политических партий содержат требования постоянной общественной дискуссии о путях модернизационного строительства новой России, эффективного диалога власти с оппозицией. Правящая политическая элита не могла не отреагировать на выдвигаемые требования и конструктивные предложения. Президент РФ Д. А. Медведев после выборов в Государственную Думу и существенного изменения ее состава оперативно выступил с рядом законодательных инициатив о реформе политической системы, которые были в основном поддержаны и В. В. Путиным (восстановление прямых выборов губернаторов, введение упрощенного порядка регистрации политических партий, мажоритарной системы выборов на федеральном и региональном уровнях, усиление гарантий независимости судебной власти и др.). Были поставлены задачи децентрализации публичной власти, перераспределения полномочий между федеральными и региональными властями, а также муниципалитетами, в том числе передача налоговых ресурсов от центра к регионам и муниципалитетам.

От слов, программ и законопроектов необходимо переходить к решительным, действенным мерам, подчас показательным, по борьбе с коррупцией, продажно-служачьими всеми рангов, взятками и безудержным разворовыванием бюджетных средств, их неэффективным использованием, с оттоком капитала в офшорные зоны. Экономическое развитие невозможно без расширения антикоррупционных мер, в частности путем увеличения числа лиц, обязанных декларировать не только доходы, но и расходы. Введение положения об установлении ответственности за незаконное обогащение в российское законодательство вместе с системой штра-

фов, увольнением в связи с утратой доверия в случае коррупционных нарушений и усилением уголовной ответственности за непредоставление деклараций, по сути, является реализацией Конвенции ООН против коррупции. Назрела необходимость ввести ограничения на сделки между государственными структурами и компаниями, чьи руководители и акционеры состоят в близком родстве. Борьбе с коррупцией может способствовать новая процедура государственных и муниципальных закупок, что поможет воспрепятствовать формированию монопольных высоких цен и многомиллиардных коррупционных схем.

Необходимо отказаться от проведения неэффективных «реформ». Функционированию исполнительной власти мешают бюрократизм, закрытость, отсутствие общественного контроля. Проводимая «сверху» реформа местного самоуправления, направленная на его унификацию и централизацию, не дает ощутимых результатов, ибо находится под диктатом правящих региональных элит.

В своих программных статьях в ведущих газетах страны В. В. Путин наметил основные направления модернизации российского общества в сфере экономики, демократии и государственного строительства, сделав акцент на социальной политике. Он признал необходимость введения налогов на крупную недвижимость, сверхдоходы олигархов в целях выравнивания социального положения граждан в российском обществе. Остается надеяться, что это не предвыборные обещания, а свидетельство серьезных намерений правящей политической элиты по изменению характера и содержания проводимой ею политики, направленной на достижение общего блага во имя социальной справедливости.

Ближайший период будет сложным: ситуация в мировой экономике предвещает дальнейшую депрессию, новые риски и катаклизмы, что в ряде стран влечет отказ от социальных программ. Современный мир охвачен процессом глобальной трансформации, наблюдается переход в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. В быстро меняющемся мире, как отмечает В. В. Путин в одной из последних статей, «Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком». В связи с этим следует приветствовать идею президента РФ о подписании соглашения «Партнерство для модернизации» между Россией и Евросоюзом. Модернизационным процессам в России, несомненно, будут способствовать и формирование единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, создание Евразийского экономического союза, благодаря чему расширится свободное движение товаров и услуг, капиталов, рабочей силы в целях достижения максимальной отдачи национальных экономик и увеличения осязаемых социокультурных результатов для народов.

Ф. Б. Власов¹**ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В РОССИИ**

Неотъемлемым элементом национальной культуры является культура хозяйствования (экономическая культура). За многие века обособленного хозяйственного развития отдельные страны и народы выработали свою неповторимую экономическую культуру, отличительные черты которой были обусловлены национальной спецификой условий хозяйствования, всей историей соответствующих этносов и государственных образований. Степень их общности определялась главным образом общностью религии. Секуляризация и интернационализация хозяйственных связей способствовали постепенной унификации экономической культуры, что выразилось в распространении передовых методов ведения бизнеса, прогрессивных хозяйственных обычаев, утверждении единых норм деловой этики. В эпоху глобализации диалог хозяйственных культур значительно интенсифицировался. Поэтому в настоящее время культура ведения бизнеса приобретает все более выраженный интернациональный характер. Данный процесс является проявлением прогрессивных тенденций мирового культурного развития. Вместе с тем, как и любое прогрессивное явление, он характеризуется определенными противоречиями, накладывающими отпечаток и на экономическую культуру России.

В XX веке российская экономическая культура формировалась под определяющим воздействием двух основных факторов. Это, во-первых, индустриализация отечественной экономики, во-вторых, специфическая социально-экономическая форма, в рамках которой протекал процесс индустриализации. В результате специфические черты, которые отличали российскую культуру хозяйствования в начале рыночной трансформации, с одной стороны, были продиктованы требованиями, предъявлявшимися к экономической культуре индустриального типа, с другой — стали следствием влияния тоталитарной идеологии и директивных методов управления. Однако, несмотря на известные недостатки, российской экономической культуре было присуще главное — понимание непреходящей ценности специальных знаний и квалификации в сочетании с чувством высокой ответственности за порученное дело. Именно эти черты позволили ей стать фундаментом экономической и военно-технической мощи бывшего СССР в период его расцвета.

К сожалению, рыночные реформы, совпавшие по времени с наступлением эпохи глобализации, резко усилили негативные тенденции в развитии отечественной экономической культуры. Освободив «эко-

номического человека» от сковывающего влияния тоталитарной идеологии, они одновременно понизили в субъективном восприятии масс значимость требований, предъявляемых современным производством, — требований, связанных с необходимостью понимания особенностей функционирования сложных производственно-технических комплексов, строго соблюдения технологической дисциплины, высокой ответственности за принимаемые управленческие решения.

Негативные сдвиги в культуре хозяйствования стали следствием деформаций, произошедших в ходе диалога между культурами России и остального мира. Эти деформации выражаются в том, что российское массовое сознание воспринимает главным образом внешние приметы прогрессивной зарубежной культуры без учета их внутренней сущности. В результате разрушается традиционная система ценностей. Вместе с рудиментами прежней эпохи отбрасывается и присущее ей рациональное начало. В конечном счете серьезно понижается качество человеческого потенциала страны, падает уровень квалификации и ответственности работников. Все это оборачивается огромными экономическими потерями, множится список аварий и катастроф, сопряженных с гибелью десятков и сотен людей.

Пожалуй, наиболее отчетливо проблема снижения качества человеческого потенциала России проявилась в неудачах космической отрасли, традиционно являющейся предметом национальной гордости россиян. В 2011 году последовало сразу несколько неудачных запусков спутников и других космических аппаратов. Самым громким провалом года, несомненно, явился невывод на расчетную траекторию полета к Марсу станции «Фобос-грунт», что обернулось для российской казны потерей 5 млрд рублей.

Непосредственные причины большинства аварий и катастроф многообразны. Однако во многих случаях главную роль играют те, что связаны с негативным влиянием человеческого фактора. Такое влияние обусловлено тремя основными причинами. Во-первых, это низкое качество менеджмента и обусловленное этим сокращение расходов, связанных с обеспечением норм безопасности. Во-вторых, заметное ослабление контроля за соблюдением нормативных требований при эксплуатации производственных объектов повышенной опасности. Наконец, в-третьих, общее снижение уровня квалификации, исполнительской дисциплины и ответственности как руководителей, так и подчиненных. До недавнего времени, пока в структуре персонала предприятий и организаций преобладали старые кадры, эта проблема не ощущалась столь остро. Она стала обостряться в последние годы, когда вследствие естественной убыли работников старших возрастных групп повысился удельный вес молодежи, чья социализация проходила уже в новых исторических условиях.

¹ Профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (г. Орел), доктор экономических наук. Автор 108 научных публикаций, в т. ч.: «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие», «Институты и нравственные основы доверия в экономике России» (в соавт.), «Понятие доверия в экономике и российские проблемы» (в соавт.), «Нравственно-этическая сущность экономических отношений и политика реформирования российской экономики», «Культурно-нравственный капитал: показатели, оценка и роль в экономике» и др.

К сожалению, для многих представителей молодого поколения характерна деформированная система ценностей. Неумная тяга к деньгам и материальному комфорту сочетается в ней с облегченными представлениями о современном производстве и роли человека в технологических процессах. Подчас такие люди оказываются неспособны к точному соблюдению всех требований трудовой и технологической дисциплины, что создает почву для новых аварий и катастроф. Присущие молодому поколению работников ценностные деформации определяют негативные сдвиги в российской экономической культуре. В свою очередь эти сдвиги обусловлены деградацией институтов социализации в современной России, происходящей под влиянием некритического восприятия зарубежных, прежде всего западных, культурных ценностей в ходе глобального диалога культур. По мнению авторитетных ученых, состояние институтов социализации сегодня таково, что они уже неспособны обеспечить подготовку необходимого стране количества квалифицированных инженеров, врачей, учителей, управленцев, офицеров, юристов, представителей других профессий¹. С этим обстоятельством и связано прогрессирующее ухудшение качества человеческого потенциала России.

Данная тенденция обнаруживается уже по результатам тестирования старшеклассников и выпускников средних школ. С каждым годом увеличивается разрыв между школьными оценками и реальными знаниями, полученными в ходе обучения². Основная масса учеников не способна к простейшему анализу текстов, испытывает затруднения при составлении элементарных уравнений. Психологи фиксируют резкое падение мотивации детей к труду и соблюдению дисциплины. Аналогичные тенденции прослеживаются и в высшей школе. «Работодателей все меньше устраивает качество подготовки выпускников и их способность к продуктивной деятельности»³. Отсюда и проблемы российской экономики, связанные с человеческим фактором.

Разделяя оценки, констатирующие деградацию институтов социализации в современной России, мы вместе с тем должны заметить, что эти институты являются неотъемлемой частью всей институциональной структуры российского общества. Поэтому процессы, протекающие в сфере социализации подрастающего поколения, определяются действием широкого круга институциональных факторов, лежащих за ее пределами. Одним из наиболее весомых факторов, влияющих на эти процессы, является эволюция нравственного сознания россиян. Она настолько противоречива, что многие авторитетные авторы расценивают ее как деградацию общественной морали, размывание традиционных нравственных устоев. Для подобного вывода существуют самые серьезные основания, опирающиеся

на широко известные факты из современной российской действительности. Важно отметить, что ухудшение нравственного климата произошло скачкообразно в начале 1990-х годов. Полученные в Институте психологии РАН количественные оценки демонстрируют падение индекса нравственного состояния общества более чем вдвое за период с 1990 по 1994 год⁴. В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, значения этого индекса остаются на стабильно низком уровне.

Для многих россиян сегодня характерны социальная безответственность и утрата чувства профессионального долга. Отодвинуты на задний план ценности трудолюбия и высокого профессионализма. Зато безраздельно господствует жажда наживы и погони за наслаждениями. Сегодня в российском обществе все продается и покупается, включая такие вечные ценности, как совесть и честь. С этими нравственными установками и связаны негативные сдвиги в российской экономической культуре.

Перемены в нравственном сознании россиян во многом оказались связаны с желанием приобщиться к культурному наследию западной цивилизации. Диалог культур в условиях глобализации способствовал усвоению россиянами либеральных ценностей, западных моделей поведения и образа жизни. Проблема состояла в том, что у нас перенимали преимущественно внешние формы рыночно-демократического устройства общества и соответствующего образа жизни без учета их внутренней сущности. Не учитывается и то, что современный облик либеральной демократии является продуктом многовекового экономического, политического, культурного и социального развития стран Западной Европы и Северной Америки. Поэтому либеральная демократия покоится на прочном нравственном фундаменте, которого Россия не имеет вследствие принципиально иного исторического пути. Проблема усугубляется отрицательным отношением к собственному культурному наследию, что ведет к забвению реальных достижений страны, способствует дальнейшему размыванию нравственных ориентиров.

Таким образом, глобальный диалог культур, будучи явлением несомненно позитивным, несет новые противоречия и конфликты. В ходе такого диалога происходит становление новых поколений будущих работников, которые не всегда готовы к восприятию лучших традиций отечественной экономической культуры. В этих условиях возрастает роль институтов социализации как главного инструмента, обеспечивающего формирование у молодежи системы ценностей, отвечающей требованиям современной экономики. Этим определяется настоятельная необходимость решительного укрепления названных институтов. В противном случае вероятно нарастание угроз экономической безопасности России.

¹ Запесоцкий А. С. Проблемы деятельности институтов социализации в современной России // Педагогика. 2011. № 9. С. 3.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / под науч. ред. О. Т. Богомолова. М., 2010. С. 158–159.

Я. И. Гишинский¹

КРИМИНАЛЬНОЕ ЛИЦО СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Идеальный капитализм невозможен так же, как и идеальный социализм, и ровно по той же причине — из-за несовершенства человеческой природы.

Г. Садулаев

Отечественный опыт свидетельствует, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным дефицитом всего и вся к рыночной экономике принес не только изобилие товаров в магазинах, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде и Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что подтверждается динамикой экономических показателей — децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта. Призыв «обогащайтесь!» и воцарившаяся мораль «все на продажу» привели к закономерному возрастанию девиантных проявлений — преступности, коррупции, алкоголизации и наркотизации населения, торговли людьми, суицида.

Неудивительно, что все чаще приходится сталкиваться с разумным неприятием капитализма. Криминологи давно говорят о капиталистических общественных отношениях как источнике преступности. Об этом писали и основатели «радикальной» («критической») криминологии — Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг². Позднее Я. Тэйлор продолжал изучать экономические и политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка»³. Этой проблеме также посвящены многочисленные труды Н. Кристи⁴. В одной из своих работ он обращает внимание на «образ новой действительности, где участие в трудовой деятельности — привилегия, где работа становится статьёй дефицита... Теперь привилегия — это не свободное от работы время, а возможность найти применение своей жизни»⁵.

Немецкий представитель «критической криминологии» Ф. Зак, критикуя современный капиталистический мир с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих шансов присоединиться

к «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»⁶.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли⁷. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*⁸.

Все основательнее вырисовываются два лица свободной экономики, свободных рыночных отношений. С одной стороны, это безусловный рост экономики; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий. С другой — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой») экономики⁹; растущее недовольство большинства населения господствующим меньшинством и др.

Теневая экономика не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуется теневая реальность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны. «Развитие теневой экономики создает угрозу стабильности таких фундаментальных институтов, как государство, правовая

¹ Заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук. Автор свыше 500 научных публикаций, в т. ч.: «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль», «Девиантология», «Глобализация, девиантность, социальный контроль», «По ту сторону запрета: взгляд криминолога», «Некоторые источники ксенофобии и национализма в современной России» и др.

² Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L., 1973.

³ Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies: An International Text. Harvester Wheatsheaf, 1990.

⁴ Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985; Кристи Н. Плотность общества. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2011.

⁵ Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. С. 22–23.

⁶ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1. С. 92–105.

⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

⁸ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15, № 3.

⁹ Бурова Н. В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб.: ГУЭИФ, 2006; Клямкин И. М., Тимофеев Л. Н. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000; Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006; Теневая экономика–2007 / сост. Ю. В. Латов; под общ. ред. Л. М. Тимофеева. М.: РГГУ, 2008; Тимофеев Л. М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М.: РГГУ, 2008.

система, система общественной морали... В сфере вне-легальных экономических связей... возникает и укрепляется некое теневое паразитическое государство — со своими «законами», со своей иерархией власти, со своей системой безопасности»¹.

Отсюда коррупционные сети на высшем государственном уровне, управляемые суды, коррумпированные «правоохранительные» органы, политические убийства, выборы без выбора. Организованная преступность, как нелегальный бизнес, предпринимательство — *business enterprise*, давно приобрела международный характер (торговля наркотиками, оружием, людьми).

«Кущевский феномен» выявил новую российскую тенденцию организованной преступности: ее слияние с «правоохранительными» органами, властными структурами и бизнесом. В регионах России объединились в контроле за всем и вся преступные организации, полиция, прокуратура, суды, местные органы власти (Кущевская станица, Гусь-Хрустальный, Миасс, Энгельс, Березовск, «Общак» Хабаровского края, «Уралмаш» на Урале и др.).

В современной России криминальное слияние организованной преступности («бандитов»), «правоохранительных» органов — «силовиков» (включая милицию/полицию) и местных органов власти признается на самом высоком уровне. В послании президента России Д. Медведева Федеральному Собранию говорится: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом»².

Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин пишет: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют “кущевской”, — не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем — и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам — очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное»³.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между одними членами общества с растущим благосостоянием и «никому не нужными» другими⁴.

¹ Теневая экономика—2007. С. 12.

² Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию // Российская газета. 2010. № 5350. 1 дек. (Федер. вып.).

³ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. № 5359. 10 дек. (Федер. вып.).

⁴ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II : (Современная французская социология : спец. вып.).

Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер *не индивидуальной неудачи*, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а *социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества*, затрагивая все большее количество людей⁵. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁶.

Процессы глобализации лишь обострили проблему устойчивого (более того, растущего) экономического и социального неравенства — как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них. Глобализация — объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия⁷. Процесс *inclusion/exclusion* приобретает глобальный характер.

Как пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»⁸.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации рассматривается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. В их число входят длительное время безработные, мигранты, беженцы и т. п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»⁹. И в условиях глобализации, беспримерной поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы» последние становятся «отходами навсегда».

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, познание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу»

⁵ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. P.; Seuil, 1974.

⁶ Погам С. Указ. соч. С. 147.

⁷ Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006.

⁸ Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация // Россия и Запад в новом тысячелетии: между глобализацией и внутренней политикой. М., 2003. С. 30.

⁹ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge : Polity Press, 2004. P. 5–7.

общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»¹. Так что по-своему правы были последователи Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Для тех, кто в современной России не очень доверяет К. Марксу, приведем аналогичное мнение Питирима Сорокина: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет

вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»².

Социальная неудовлетворенность и попытки ее преодолеть, в том числе и незаконным путем, порождаются не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уровнялось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств (М. Гернет, А. Podgórecki).

Один из докладов на XVI Мировом Конгрессе международного общества криминологов (Кобе, 5–9 августа 2011 г.) назывался: «Neo-Liberalism, Social Exclusion and Criminal Justice» («Неолиберализм, социальная эксклюзия и уголовная юстиция»). Кажется символической логика этого пути: от неолиберализма к массе исключенных и далее — к преступности и уголовной юстиции...

Э. П. Григонис³

ПРАВО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО В РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМАХ ЦЕННОСТЕЙ

Наиболее значимым в системе прав человека в отечественной юридической науке традиционно принято считать право на жизнь: «Право на жизнь — первое фундаментальное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам никакие права не нужны»⁴.

Однако жизнь, причем не только чужая, но и собственная, еще недостаточно признается фундаментальной ценностью в российском обществе. Тем более многие другие права, давно ставшие неотъемлемой частью западноевропейской культуры, в российском общественном сознании имеют еще меньшую ценность, чем жизнь. В их числе — право на человеческое достоинство. Между тем в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 года записано: «Все люди рождаются равными в своем достоинстве и правах»⁵. В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических

правах указано, что права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства.

В отличие от права на жизнь, право на достоинство носит абсолютный характер, оно не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах. Об этом прямо сказано в ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Право на достоинство весьма высоко оценивается немецким конституционным законодательством. Так, ст. 1 Основного закона Федеративной Республики Германии начинается со слов: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». Как конституционно-правовая категория неприкосновенность достоинства человека в ФРГ предстает в виде первоосновы государственной власти, конкретизируясь в субъективном праве человека на неприкосновенность достоинства, его защиту и уважение со стороны государства, а также в других основных правах. Право человека на неприкосновенность достоинства проявляется в невозможности его отчуждения: оно не может быть утеряно в результате болезни, виновного поведения и иных причин⁶.

Глава 1 Хартии Европейского Союза об основных правах от 7 декабря 2000 года⁷, которая должна была стать составной частью так и непринятой Конституции Европейского Союза, называется «Достоинство». В ст. 1 записано: «Достоинство человека неприкосновенно. Его необходимо уважать и защищать». В главу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 446.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 273.

³ Профессор кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского института гуманитарного образования, доктор юридических наук. Автор 160 научных публикаций, в т. ч.: «Треугольник «Россия–Литва–Польша»», «Юридические аспекты образования и распада СССР», «Социальные гарантии сотрудникам органов внутренних дел как стимул добросовестного исполнения обязанностей при прохождении государственной службы», «К вопросу об объекте и субъекте преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», «Советские республики и просоветские правительства в период между двумя мировыми войнами», «Территориальное расширение СССР в 1939–1940 годах» и др.

⁴ Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 1. С. 198.

⁵ Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 39.

⁶ Международные акты о правах человека. С. 173.

⁷ Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 302–314.

«Достоинство» входят: ст. 2 «Право на жизнь», ст. 3 «Право на личную неприкосновенность», ст. 4 «Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», ст. 5 «Свобода от рабства и подневольного состояния».

Таким образом, в указанных источниках право на достоинство ставится на первое место среди всех прав человека. В Конституции РФ данное право закреплено в ст. 21, которая следует за ст. 20 «О праве на жизнь», то есть оно поставлено на второе место.

Слово «достоинство» в русском языке не так давно обрело современное философско-правовое значение.

Так, в словаре В. И. Даля достоинство определялось как «стоймость, ценность, добротность, степень годности», то есть данное в таком смысле понятие относилось скорее к вещам, чем к людям. Еще одно значение слова «достоинство», по В. И. Далю, уже относящееся к людям, — «сановное звание, чин». Например, «он достиг высокого достоинства», что означает, в частности, достиг высокого чина¹.

В словаре С. И. Ожегова одно из значений слова «достоинство» — «совокупность высоких моральных качеств, уважение этих качеств в себе»². Такая трактовка слова «достоинство» лежит скорее в плоскости этических представлений и тесно связана с понятием «честь», которая в словаре С. И. Ожегова определяется как «достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности; хорошая незапятнанная репутация, доброе имя»³. Именно в этом смысле понимается защита чести и достоинства, а также деловой репутации в российском гражданском законодательстве (ст. 152 Гражданского кодекса (ГК) РФ).

Представление о том, что право на честь и достоинство принадлежит не каждому человеку, вероятно, исходит из традиционного, идущего с советских времен соотнесения этих понятий, равно как и всех иных прав, к личности. Это отражено не только в ст. 150 ГК Российской Федерации, но и в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, которая начинается словами: «Достоинство личности охраняется государством», в названиях раздела VII Уголовного кодекса РФ «Преступления против лич-

ности» и глав 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Под личностью марксистско-ленинская теория понимала человека как совокупность общественных отношений, субъект познания и активного преобразования мира, разумное существо, обладающее способностью воспринимать мысли и осуществлять историческую совокупность других психофизических качеств⁴. В науке уголовного права подчеркивалось, например, что объектом клеветы является честь личности, а не человека⁵.

Однако со становлением новой российской государственности, восприятием западноевропейских ценностей достоинство стало пониматься в более широком смысле.

По мнению М. А. Паладьева, непризнание в конкретном человеке личности само по себе является умалением его достоинства. Поэтому в правовой доктрине целесообразно приравнивать понятия «человек» и «личность» (презумпция личности в каждом человеке)⁶. Представляется, что в данном случае во избежание терминологической путаницы следует ограничиться понятием «человек».

В современном конституционном праве достоинство личности понимается как основа и цель всех конституционных прав человека⁷. Как бы ни зарекомендовал себя человек, какими бы качествами, в том числе отрицательными, он ни обладал, государство и его органы обязаны в полной мере создать ему условия для реализации всех прав, обеспечивающих человеческое достоинство⁸.

Без всеобщего уважения достоинства любого человека все остальные права не имеют смысла. В системе прав человека право на достоинство стоит на первом месте, и оно по своей значимости выше права на жизнь. Право на достоинство не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, а право на жизнь, к сожалению, может иметь ограничения, причем на законных основаниях. Жизнь без достоинства не является полноценной.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2003. Т. 1. С. 440.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 152.

³ Там же. С. 766.

⁴ Курс советского уголовного права. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1973. Т. 3 С. 139.

⁵ Там же. С. 611.

⁶ Паладьев М. А. Конституционное право человека на честь и достоинство (основания, содержание, защита) : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

⁷ Конституция Российской Федерации : энцикл. слов. / рук. авт. кол. С. М. Шахрай. М., 1995. С. 67.

⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Карповича. М., 2002. С. 142–143.

А. А. Джагарян¹

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ — ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Современный мир переживает эпоху нарастающей турбулентности, охватившей практически все сферы жизни и разные уровни публичных структур — от внутригосударственных до международных. Вызванная глобальным финансово-экономическим кризисом и продолжающаяся до сих пор цепная реакция «умножения хаоса» грозит при дальнейшем развитии обрушить фундамент сложившихся демократических правовых систем.

По мнению В. Д. Зорькина, с юридической точки зрения кризис — суммарный итог нарушений верховенства права, приведших к неадекватной конкретизации правовых принципов в регулировании экономики и финансов, деформации прав и обязанностей экономических субъектов². Речь может идти, в частности, о таких отступлениях от конституционной демократии, как: а) усиливающееся воздействие теневых регуляторов на экономические отношения при попытках вытеснить государство из этой сферы; б) дисбаланс частных и публичных интересов в сторону первых и, как следствие, поглощение публичной власти собственностью; в) создание непрозрачных (вне эффективного гражданского контроля) схем принятия экономических решений; г) десоверенизация и «десоциализация» национальных хозяйств.

Сегодня требуется масштабная концептуальная работа по оценке и переосмыслению ценностно-правового базиса и принципов построения современной экономики, роли в ней государства, содержания и пределов экономической свободы в ее корреляции с социальной ответственностью. Необходимо в конечном счете сформировать адекватные вызовам времени модели реализации конституционных стандартов организации и функционирования экономических систем, нацелив их на устойчивое и сбалансированное обеспечение жизненно важных интересов человека, народа, государства.

Существует известное напряжение между экономической эффективностью (целесообразностью) и демократизацией государственно-общественной системы. Преодоление кризисных явлений в экономике и проведение необходимых экономических реформ требуют концентрации властно-управленческих и финансовых ресурсов, своевременного и компетентного реагиро-

вания на изменяющуюся ситуацию, которое зачастую сопряжено с принятием трудных решений, что негативно сказывается на состоянии широких слоев населения и не встречает поддержки с его стороны. Как следствие — происходит изменение политических предпочтений граждан, оформляющихся в итогах выборов, «падение» правительств, что препятствует преобразованиям.

Экономическая целесообразность при определенных условиях может потребовать в целом существенного «сдерживания» демократии в связи с опасностью реализации популистских мер, которые привели бы к дезорганизации экономики, неравномерному распределению общественных ресурсов, росту уровня социальной напряженности. Существует также отрицательная связь между демократией и качеством макроэкономической политики, так как демократизация открывает широкие возможности для лоббизма, продвижения партикулярных интересов. Кроме того, установление демократических форм, неадекватных уровню реального развития отношений народовластия в государстве, может иметь своим следствием не только блокирование экономических реформ, но и установление корпоративной демократии (олигархической модели)³.

Как бы то ни было, в условиях современного конституционализма экономическая система определяется демократической социальной правовой государственностью как существом конституционного строя. Значит, правовая организация этой системы должна обеспечивать формирование социально ориентированной рыночной экономики, действующей на принципах верховенства права и демократии. Демократия сама образует одну из конституционных целей устойчивого развития наряду с достижением благосостояния и экономического благополучия населения, обеспечивает равное участие граждан в управлении экономикой государства. Поэтому вопрос о соотношении экономической эффективности и демократии должен решаться не путем их противопоставления и придания одной из этих ценностей абсолютного иерархического приоритета, а посредством их конституционного сбалансирования с учетом общенациональных интересов и потребностей на конкретном этапе и в специфически национальном контексте. При этом демократический характер конституционной государственности требует создания устойчивого экономического правопорядка, выступающего основой для реализации экономической свободы и вместе с тем гарантирующего осуществление иных конституционных прав человека, как и публичных интересов.

Без конституционно организованной экономической системы современная демократия не может

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. ряда монографий: «Конституционно-правовые основы государственного контроля в РФ», «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность избирательных прав граждан РФ (в соавт.)», «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов (в соавт.)», «Конституционно-правовые основы финансово-экономического обеспечения местного самоуправления в России: теория, практика и тенденции развития» (в соавт.) и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2011. С. 468–498.

³ Об угрозах корпоративной демократии в условиях переходных обществ см.: Арутюнян Г. Г. Конституционализм: уроки, вызовы, гарантии: [сб. избр. публ. и выступлений на междунар. форумах, посвящ. данной проблематике]. Киев: Логос, 2011. С. 187–194.

нормально функционировать и развиваться, в связи с чем одним из ключевых ее императивов является конституционализация экономических отношений — достижение в наиболее полном объеме состояния конституционности экономического правопорядка, его соответствия целям, ценностям, принципам, нормам основного закона¹.

Конституционализация не сводима к системе формально-юридических способов и методов юридизации общественных отношений сообразно с иерархическим устройством правовой системы, а выступает как явление более широкое, включает существенные идеологические, информационно-психологические и другие моменты. Она имеет сквозной характер и касается всех сторон юридической действительности, как и отраженной в ней экономической деятельности.

Если говорить о современной России, конституционализация предполагает:

1) формирование конституционного правосознания экономических субъектов, привитие им правовых установок на добросовестное, ответственное, нравственно мотивированное пользование экономической свободой. Здесь существенна их ориентация на самоконтроль и разумное сдерживание, самоограничение, что одинаково касается и предпринимателей, и потребителей: неумное, безудержное потребление, характерное для многих современных обществ, деформирует экономику, противоречит целям устойчивого развития;

2) организацию и проведение конституционной экономической политики как части политики социального

правового государства, каковым является Россия. Это означает нацеленность такой политики прежде всего на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека. Сегодня именно рост уровня человеческого капитала — через развитие образования, здравоохранения, культуры — определяет в конечном счете экономический рост страны, ее конкурентоспособность на мировой арене;

3) необходимость планомерной реализации в текущем национальном праве конституционных принципов, лежащих в основании экономической системы, наполнение различных отраслевых экономических институтов (собственность, налоги, бюджет и пр.) конституционным содержанием;

4) обеспечение сбалансирования прав и обязанностей в рамках конституционного пользования свободой экономической деятельности. Экономическая свобода должна уравниваться требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает экономическая деятельность, при том что ее реализация должна быть взаимосвязана с целями общего блага. Это требует определенных позитивных действий экономических субъектов в общих интересах, включая несение бремени компенсации (финансирования) части затрат на удовлетворение социальных потребностей;

5) подчинение началам конституционализма юрисдикционной и иной правоприменительной практики в экономической сфере, прежде всего обеспечение равенства всех перед законом и судом на основе «деприватизации» власти, ее равноудаленности от бизнеса.

А. А. Дорская²

ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Понятие «государственно-конфессиональные отношения» является достаточно дискуссионным. Причины отсутствия единого подхода в его определении несколько. Во-первых, и государства, и религиозные организации (конфессии) имеют нормотворческую функцию. И те, и другие нормы чаще всего предназначены для исполнения одними и теми же людьми, однако они могут не только слабо взаимодействовать, но и вступать в конфликт. Во-вторых, на протяжении веков роль религиозных норм и права в общей системе социальной регуляции менялась. В ходе исторической эволюции, если право придавало религии социальное измерение, формируя систему правил ее функционирования в обществе, то

религия одухотворяла право и заставляла людей ценить его³. В-третьих, право и религия относятся к социально детерминированным измерениям человеческой жизнедеятельности. Социальный статус человека складывается из множества компонентов, которые должны находиться в гармоничном единстве друг с другом. Говорить сегодня о правах человека без существования партнерских государственно-конфессиональных отношений невозможно. И, наконец, на пороге третьего тысячелетия начался процесс становления нового типа верующего⁴. Современный человек имеет достаточно высокий уровень образования, информированности в различных сферах. Однако поиск нравственных идеалов, возможно, сейчас является даже более сложным процессом, чем в предшествующие эпохи. Современные государственно-конфессиональные отношения должны соответствовать этому процессу и отвечать на новые вопросы, возникающие у личности в связи с ее отношением к Богу.

Государственно-конфессиональные отношения никогда не были «самодостаточными».

¹ Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М., 2006.

² Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений» и др.

³ См.: Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии: пер. с англ. М., 1999.

⁴ Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. С. 121.

Мировая история представляет собой череду нескончаемых войн. Одно государство завоевывало другое, подчиняло себе народы другой веры и строило свои отношения с религиозными конфессиями с учетом формулы «победитель—побежденный».

Государственно-конфессиональные отношения всегда строились с учетом военно-политических союзов, блоков, международных организаций. Так, Османская империя играла заметную роль в европейской политике, но отличалась тем, что была мусульманской страной. Это заставило в новом Турецком государстве в 1921 году провозгласить его светский характер.

На национальные религиозные организации на протяжении многих веков оказывали влияние их международные центры. Например, римская курия.

В современных условиях к процессам глобализации, глокализации, интеграции вынуждены приспосабливаться не только государства, народы, но и религиозные объединения. Например, «для Русской православной церкви этот вызов имеет три измерения: конфессиональный (межправославный), межхристианский и межрелигиозный»¹.

По справедливому замечанию А. Е. Себенцова, в государственно-конфессиональной сфере «отношения складываются скорее вслед за развитием ситуации в результате активности религиозных объединений или вследствие других общественных явлений, имеющих отношение к религии, в частности, современного «международного терроризма»»².

Еще один важнейший фактор, который нельзя не учитывать, — это состояние канонического права той или иной конфессии и его место в правовой системе страны. Естественно, что в светском государстве каноны не имеют нормативно-правовой силы, но религиозный фактор все равно играет существенную роль.

Выявление и анализ основных проблем, связанных с определением понятия «государственно-конфессиональные отношения», позволяет выделить следующее.

Первой проблемой является то, что в такие слова, как «конфессия», «конфессиональный» зачастую вкладывается разный смысл. Под конфессией может пониматься и особенность вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, и объединение верующих, придерживающихся одного вероисповедания, которое имеет свое вероучение, организационную структуру и своеобразие в богослужении, а также и то, и другое.

Вторая проблема состоит в том, кого считать субъектом государственно-конфессиональных отношений. Наиболее распространенным является признание только двух субъектов: государственных органов и религиозных объединений. Такой подход является преобладающим³.

¹ Кырлежев А. Русская православная церковь перед проблемой модернизации // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения : сб. ст. / под ред. С. Н. Градиrossoвского. Н. Новгород, 2003. С. 152.

² Себенцов А. Е. Тенденции развития государственно-конфессиональных отношений в России и их нормативное регулирование // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сб. ст. / под ред. Е. Н. Мельниковой, М. И. Одицова. М., 2007. Вып. 4. С. 34.

³ Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями Российской Федерации от 27 июля 2001 г.

Однако сегодня существует другая точка зрения, позволяющая преодолеть современную ситуацию, когда «государственно-конфессиональные отношения сведены к системе двустороннего сотрудничества в рамках соперничества»⁴. Так, С. Градиrossoвский и Е. Малахова предлагают признать субъектами государственно-конфессиональных отношений религиозную журналистику, академические структуры в лице профессорско-студенческих корпораций, адвокатуру — и как бизнес, и как правозащиту, отстаивающую права верующих в случае их нарушения как со стороны государства, так и со стороны религиозных организаций, экспертные советы, состоящие из специалистов в области религиоведения и права, представителей религиозных организаций, академических и государственных структур, которые выносят взвешенные суждения по спорным вопросам правоприменения, межрелигиозные советы — коммуникативно-совещательные площадки, объединяющие представителей широкого круга конфессий, международные организации, различного рода ассоциации и объединения верующих, особенно на уровне местного самоуправления⁵.

К переосмыслению соотношения между государством, религиозными объединениями и обществом призывает и отец Филарет (Булеков) — бывший представитель Русской православной церкви при Совете Европы, а с марта 2011 года — заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата⁶.

Поиск такого типа государственно-конфессиональных отношений ведется и на международном уровне. Так, 1 июня 2007 года в Санкт-Петербурге была принята Декларация международной парламентской конференции «Межкультурный и межрелигиозный диалог», организованной по инициативе Парламентской ассамблеи Совета Европы и Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ⁷.

Примером также может служить проведение Комитетом министров Совета Европы встреч по религиозному измерению межкультурного диалога с участием представителей гражданского общества, религиозных и светских общественных деятелей из стран — членов Совета Европы.

Таким образом в контексте мирового культурного развития *под государственно-конфессиональными отношениями следует понимать процесс взаимодействия государственных органов, конфессиональных организаций и верующей или неверующей личности, осуществляемый на основе международно-правовых стандартов, внутригосударственного законодательства и канонических норм.*

⁴ Градиrossoвский С., Малахова Е. Вступление // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения : сб. ст. / под ред. С. Н. Градиrossoвского. Н. Новгород, 2003. С. 7.

⁵ Там же. С. 6–7.

⁶ Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий : материалы заключит. Междунар. семинара «Религии и права человека» / сост. Ю. А. Егоров. Казань, 2006. С. 71.

⁷ http://www.religare.ru/2_42204.html

А. С. Запесоцкий¹

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ УЩЕРБНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА²

Какой капитализм у нас построен? Что представляет собой сегодня Российское государство, какова его реальная политика, кем и как она разрабатывается и реализуется? Как эта политика соотносится с потребностями общества? Этот вопрос неоднократно возникал в России за последнее 20-летие. Исследования, проведенные в последние годы специалистами Российской академии наук — философами, социологами, юристами, экономистами, — в которых и мне довелось участвовать, показывают, что в нашей стране снова, второй раз за последние 100 лет реализован уникальный и грандиозный по масштабам социально-экономический эксперимент. Во второй раз создана небывалая ранее в истории человечества дефективная формация, на этот раз — ультралиберальная. Следует отметить — формация, противоречащая действующей Конституции.

То, что у нас построено, несложно соотнести с мировой практикой: длящийся несколько веков спор между идеологиями социализма и либерализма протекает в последние десятилетия в русле теории конвергенции. В основе спора — различия между двумя системами ценностей. Как известно, в соответствии с одной из них жизнедеятельность социума регулируется государством, поведение людей подчиняется интересам коллектива, а человек понимается как существо социальное. В основе другой — положения о том, что жизнедеятельность общества регулируется рынком, поведение людей определяется личной выгодой, а человек понимается как существо экономическое. Современные развитые государства соревнуются сегодня в создании механизмов социально-экономической и культурной жизни, эффективно сочетающих преимущества социалистического и либерального подходов.

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Член правления Российского детского фонда.

Автор свыше 1700 публикаций. Член редколлегий журналов «Педагогика», «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали РАО, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден почетным знаком Министерства культуры Болгарии «Печать царя Симеона I».

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

² В основу материала положено выступление автора на пленарном заседании IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом» (Москва, Колонный зал Дома Союзов, 2 февраля 2012 г.).

В связи с этим понятно, почему Китай стремится к обогащению социализма рыночными механизмами, а в капиталистическом Давосе в начале 2012 года председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб заявил: «Срочно необходимы глобальные преобразования, а начать надо с возрождения чувства социальной ответственности». Это и есть торжество идей конвергенции. Напомню, что на Чтениях в 2007 году китайский академик Ли Цзин Цзе сказал: «России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-х годах». Его доклад имел красноречивое название «Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как “влево”, так и “вправо”». Это — диагноз ошибок, допущенных в нашей стране.

Следует отметить, что определение российского капитализма как ультралиберальной формации нередко встречает возражения специалистов. Нам говорят: «Нет, у нас — государственный монополистический капитализм. Ведь всем командует государство». Но что собой представляет государство? Систему исполнительных структур, фактически приватизированных должностными лицами. Использование занимаемых должностей в целях извлечения личной прибыли стало в постсоветской России неформальной нормой. Коррупция — родовое свойство этой системы.

Ультралиберальная версия капитализма от либеральной отличается в первую очередь своей идеологией, иерархией ценностей. Формально по Конституции в России сегодня государственной идеологии быть не должно. Пункт 2 ст. 13 гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Это положение трактуется как норма для чиновников, что на самом деле странно, если вдуматься. В реальности государственная идеология, конечно, существует. В том смысле, что она существует у словес общества, разрабатывающих и реализующих политику от имени государства. Поскольку идеология — это определенным образом систематизированная совокупность идей, система представлений о мире, заключающая в себе творческий потенциал и получающая воплощение в конкретных проектах и действиях. Речь идет, разумеется, о социально значимых идеях. Без идеологии в этом смысле государство существовать не может.

Мы хорошо знаем, что в ходе многовекового общественного развития сложилась практика, при которой различные слои общества оформляют свои интересы в виде соответствующих идеологий и на идеологической основе формируют политические партии. В конкуренции идеологий те или иные партии побеждают и приходят к власти, осуществляя в дальнейшем соответствующую своей идеологии политику от имени государства, имея на то «мандат» от большинства членов общества.

В современной России создана уникальная ситуация: реально существующая с момента прихода к власти господина Гайдара государственная идеология является неформальной. Она исповедуется госаппаратом, но не провозглашена официально, поскольку противоречит Конституции, не получала и в принципе не может получить поддержки общества, на ее основе не может быть создана массовая партия, так как не может победить на выборах, и т. д. В основе этой идеологии лежит идея денег как ведущей, главной ценности в жизни человека, денег как меры вещей и меры человека, идея выгоды как единственной движущей силы общественного развития.

При таком взгляде на вещи все остальные ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл: труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону — все это может быть только предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, anomия и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства — великой российской культуры.

Государственная политика последнего 20-летия не поддается анализу традиционными методами, потому что сегодняшнее российское чиновничество имеет две политики: одну — вырабатываемую высшими должностными лицами государства и декларируемую госаппаратом, другую — реально осуществляемую. Трансформация одной в другую происходит, судя по всему, вопреки воле первых лиц государства. В итоге декларируемая политика оказывается предназначенной для успокоения общества, для поддержания иллюзии деятельности на благо страны, ориентирована на клиповое сознание населения и представляет собой по существу набор PR-программ. Другая политика нацелена на освоение государственных ресурсов с использованием властной вертикали и неформальных распределительных механизмов, отработанных в последние годы.

Абсолютизация всемогущества денег и всемогущества рынка разъедает все без исключения социальные институты общества, как раковая опухоль. Взрывающиеся шахты и разрушающиеся гидроэлектростанции, падающие самолеты и провалы в космосе — не столько симптомы изношенности техники, сколько свидетельство катастрофического кризиса социальной инфраструктуры, перерождения важнейших социальных институтов под влиянием ущербной, ультралиберальной идеологии.

Реализуя ультралиберальные воззрения, органы госуправления пытаются перевести на рыночные рельсы и те социальные институты, которые вообще не предназначены для инкорпорирования рыночных механизмов. Но способна ли костлявая «рука рынка» отрегулировать работу прокуратуры, судебной системы, полиции, деятельность вооруженных сил? Коммерциа-

лизация разрушает сферу СМИ. Вертикаль власти нам усиленно навязывает в корне порочное понимание образования как платной услуги, хотя хорошо известно, что это — совместная деятельность педагога и ученика, профессора и студента и т. д. Не выдержав испытания практикой, ультралиберализм оказывается на деле даже менее эффективен, чем казарменный социализм минувшей эпохи.

Не случайно и настоящие либералы сегодня уже чувствуют фундаментальные отличия отечественного ультралиберализма от традиционного. Например, в юридической среде развернулась дискуссия: можно ли адвокатскую деятельность отнести к предпринимательской? И виднейший, образованнейший российский либерал, правозащитник Генри Резник вдруг заявляет адвокатам: «Ваша задача конституционного значения — оказывать квалифицированную помощь, извлечение дохода служит этой задаче. Не наоборот!» То есть в жизни есть вещи важнее прибыли.

Разумеется, ультралиберальная версия капитализма предполагает формирование уникальной социальной структуры общества. И это касается трансформации не только формальных социальных институтов, но и неформальных общностей. На смену сплоченным сообществам с устойчивыми и разнообразными социальными связями приходит «атомизация» общества, человеческое одиночество. Индивидуальные способы достижения профессионального успеха сопровождаются обособлением людей в непроизводительных сферах жизнедеятельности.

В итоге провозглашенная свобода общественной жизни не приводит к укреплению гражданского общества. За последние 20 лет исчезло огромное количество самостоятельных общественных организаций, ослабло по сравнению с советским временем профсоюзное движение, выведена на периферию общественной жизни единственная существовавшая в СССР политическая партия, а новое партийное строительство, по существу, так и не развернуто. Оказывается, что в условиях ультралиберальной формации гражданское общество еще менее уместно, чем при тоталитарном социализме сталинских времен.

Как убедительно показал в ряде работ академик В. С. Степин, никакие экономические реформы невозможны без преобразований культуры. В связи с этим закономерно, что начиная с 1990-х годов проведение ультралиберальной политики выдвигает на первый план задачу формирования новой культуры, не имеющей ничего общего в базисных основах не только с советской, но и с российской культурой дореволюционного периода, а также с мировой культурой.

Формально провозглашается полная свобода культурной жизни в стране. Реально же резко сужается доступ населения к учреждениям культуры: библиотекам, музеям, театрам, выставочным залам и др. Мы обобщили результаты сотен различных социологических исследований в этой сфере. Результаты неутешительны: в 1990-е годы возможности приобщения граждан России к деятельности учреждений культуры упали катастрофически. За последние 10 лет произошло определенное улучшение ситуации, но существующие

возможности в разы уступают как последним годам советского периода, так и современной практике Европейского Союза. Кроме того, произошло качественное перерождение многих форм культурно-досуговой деятельности. Это касается социальных функций кинематографа и содержания театрально-концертной деятельности, художественного уровня книгоиздания и коллективных форм проведения свободного времени, самостоятельного творчества, увлечений спортом и т. д.

В целом произошло разительное обеднение досуга граждан, его «одомашнивание». Образно говоря, вся страна «уселась у телеэкрана». В 70 % случаев россияне включают телеприемник, как свет в комнате, сразу же при входе в жилище. И чаще всего он работает до самой ночи, чем бы члены семьи ни занимались.

Наши исследования показывают, что телевидение играет решающую роль в строительстве новой российской культуры. Здесь следует упомянуть о некоторых принципиальных особенностях, свойственных современному информационно-индустриальному обществу. Речь идет о том, что в конце XX века рынок перестал быть игрой свободных производительных сил, описанных Карлом Марксом и его современниками. Рынок больше не подчиняется утилитарным потребностям людей и влиянию свободной конкуренции, превращаясь в систему, производную от идей. На смену производству материальных ценностей приходит производство смыслов. Роль смыслов кардинально меняет структуру производства. Смыслы производятся как продукты. Они генерируются в сознании людей с помощью внешних воздействий, манипуляций, и, будучи произведены, порождают новые потребности. То есть и потребности производятся как продукты. Манипулирование вытесняет конкуренцию. Произошли радикальные перемены в соотношении между влиянием объективных экономических законов и влиянием механизмов изменения сознания людей. Ключевую роль в этих процессах в силу ряда особенностей сегодня играет телевидение.

Как мы уже отметили на Чтениях ранее, важная особенность телевидения — наличие неявного знания¹. Выражаясь словами академика В. С. Степина, это прежде всего образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроиз-

водства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Человек, выступающий в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система. Неявные знания, транслируемые в первую очередь телевидением, трансформируют российскую культуру.

В связи с этим любопытно высказывание руководителя «Первого канала» господина Эрнста: «Маркс, как мне кажется, ошибался. Так как надстройка формирует базис, надстройка главнее».

Разумеется, господин Эрнст плохо читал Маркса, если вообще читал. Но важно другое. В его словах содержится ключ к пониманию реальной политики Российского государства в сфере управления строительством нового социума, сложившейся в 1990-е годы и осуществляемой до настоящего времени. Увы, это — эффективная политика. Мы потеряли культуру, возвращающую в гражданах гуманизм, творческие начала, систему ценностей, испытанную тысячелетиями развития мировой цивилизации. Новая Россия хорошо умеет потреблять, но все меньше способна производить и тем более — творить. Формируется культура неоварварства, дикости, строится царство всеислия денег.

Все это выдвигает новые задачи перед российской социологией. Нам надо активнее изучать скрытые механизмы воздействия на людей, учиться отличать реальные чаяния граждан, порожденные сутью человека, от суррогатных потребностей, сфабрикованных манипуляциями. Надо изучать феномены массовых безумий — вроде тех, что привели к распаду Советского Союза, и тех, что, зарождаясь в наши дни, грозят потрясти основания еще не окрепшей после катаклизмов 1990-х годов российской государственности.

Развивать социологию сегодня непросто. Увы, и наше сообщество оказалось подвержено вирусу коммерциализации. Не секрет, что многие известные социологи теперь подгоняют результаты своих исследований под интересы заказчиков. Для манипуляций общественным мнением в постсоветский период созданы и щедро финансируются центры, альтернативные системе учреждений Российской академии наук. Там уже появились и функционеры ультралиберальной социологии, новоявленные лысенки.

В этой непростой обстановке российские социологи должны выполнять свой долг перед наукой, обществом, страной.

¹ Запесоцкий А. С. Информационные потоки как фактор трансформаций культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Т. 1 : Доклады. С. 427.

С. А. Исаева¹

РОЛЬ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПОИСКАХ МОДЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Выбрать правильный вектор развития при решении стоящих перед обществом стратегических проблем — задача непростая, поскольку однозначных универсальных подходов и рецептов не существует. Для разных стран оптимальными могут оказаться различные способы достижения одних и тех же целей. В то же время нельзя вдаваться в крайность, отрицая общие закономерности экономического развития. Нет смысла снова вступать в бесконечные дискуссии в духе противостояния «западников» и «почвенников», которыми изобилует наша история.

Представляется, что ориентация на российский особый путь развития так же бесперспективна, как и полное заимствование иноземных институтов взамен отечественных. В то же время найти путь, как отличный от западного шаблона, так и не в полной мере соответствующий достижению стратегических целей отечественного уклада, возможно. Методологической основой для формирования новой эффективной экономической системы является в последнее время немного ушедшая в тень теория конвергенции, скорректированная, естественно, с учетом новых мировых реалий.

Концепция конвергенции делает актуальным изучение «приживаемости» тех или иных институтов в различных обществах, которое стало предметом новой экономической компаративистики. Распад мировой социалистической системы привел к сокращению интереса к исследованиям по сопоставлению капитализма и социализма в традиционном варианте, что и являлось предметом «старой» компаративистики. Хотя, на наш взгляд, и здесь проблематика не исчерпана. Исчезли социалистические страны, входившие в блок, сформированный вокруг Советского Союза, но остались страны, на практике реализующие принципы социалистической системы, прежде всего Китай. Невозможно отрицать, что современная китайская модель демонстрирует высокую эффективность, и многие государства, перед которыми стоят проблемы трансформации экономической системы, склонны подражать. Так, Стефан Халпер назвал свою работу «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель может стать доминирующей в XXI веке»².

Правильней все-таки называть систему, существующую в настоящее время в Китае, не авторитарной, а конвергентной. Нельзя не согласиться с Г. Н. Цаголовым, который произошедшее в этой стране называ-

ет «Великой китайской конвергенцией»³. Авторы доклада Национального разведывательного совета США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции–2025: меняющийся мир» тоже пишут о китайской модели как о привлекательной модели альтернативного развития. К 2025 году не останется единого «международного сообщества», состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что традиционные западные альянсы ослабнут. Многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития⁴.

Приверженцы сравнительного анализа, которые считают классическое противостояние двух систем исчезнувшим, продолжают поиск эффективного сочетания институтов, обеспечивающего оптимальный выбор между крайностями свободы и порядка. Новая компаративистика практически мало отличается от своей предшественницы.

В качестве альтернативы американские ученые Дж. Б. Россер-мл., М. Россер предлагают теорию «новой традиционной экономики». Эта методологическая концепция основана на том, что во многих странах происходит возвращение к традициям, которое достаточно часто связывают с традиционной религией. Наиболее ярким примером служит экономика ряда мусульманских стран. Авторы новой концепции предлагают использовать ее и для анализа ситуации в Индии, а также для изучения других восточных стран.

Несмотря на проблемы определения границ и категорий новой традиционной экономики, это понятие, по мнению американских ученых, можно применить и для анализа российской экономики. В частности, они обращают внимание на возрождение идей и норм православия, усиление роли Русской православной церкви. Церковь в России все больше выступает в поддержку централизованной власти и в целом укрепления государства. На этом фоне Россию можно рассматривать как пример новой традиционной экономики с многовековой историей доминирования государственной власти⁵.

На первый взгляд идея новой традиционной экономики не дает ничего принципиально нового для понимания сущности экономической системы нашей страны. На самом деле она дает дополнительные аргументы в пользу не просто сохранения ведущей роли государства в экономической жизни, а возрастания этой роли в связи с новыми тенденциями в развитии человеческого общества. Кроме того, появляется возможность

³ Цаголов Г. Н. Почему все не так // Научные труды Вольного экономического общества России. 2011. Т. 156, № 4. С. 66.

⁴ Мир после кризиса. Глобальные тенденции–2025: меняющийся мир. URL: <http://www.class.ru/library/node/3547>

⁵ Россер-мл. Дж. Б., Россер М. Новая экономическая компаративистика: полемические заметки // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 52–53.

¹ Первый заместитель генерального директора ООО «Конкорд», кандидат экономических наук. Автор 30 научных публикаций, в т. ч.: «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Закономерности формирования современной Национальной инновационной системы» (в соавт.), «Роль институциональных факторов в повышении эффективности государственного управления экономикой», «Роль государственно-частного партнерства в развитии современной экономики», «Повышение качества государственного управления экономикой» и др.

² Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y., 2010.

по-новому взглянуть на некоторые институты командной экономики, которые под влиянием либеральной идеологии были без каких-то серьезных оснований отвергнуты и признаны устаревшими и даже тормозящими как инновационное, так и общее развитие страны.

Интересно в этом плане высказывание В. Попова: «В общем, оптимальное соотношение рынка и госрегулирования различается на разных стадиях развития. Почему экономическая либерализация “сработала” в странах Восточной Европы и Китае и “не сработала” в СНГ? Секрет китайского успеха состоит в том, что там она не сопровождалась разрушением госинститутов, как в большинстве стран бывшего СССР. Бесценное наследие “великого кормчего” в виде эффективных госинститутов в Китае бережно сохранили: несмотря на рост неравенства доходов и преступности в ходе экономической либерализации, институциональный потенциал китайского государства остается недостижимым для большинства стран мира. Экономическая же либерализация в России и других странах СНГ, к сожалению, сопровождалась подрывом государственных институтов: доля госрасходов в ВВП резко снизилась, эффективность расходования бюджетных средств упала, поскольку возросла коррупция. Снижению доли госрасходов и госрасходов в ВВП практически везде сопутствовало увеличение удельного веса теневой экономики»¹.

Из сказанного можно сделать вывод, что сама по себе либерализация, происходившая в Китае, не нанесла ущерба экономическому потенциалу, а, наоборот, способствовала небывалому подъему. Но не потому, что пришла на смену государственным институтам, а потому, что элементы либеральной экономической системы были заимствованы как комплементарные к базисным институтам, которые продолжали играть решающую роль. Произошедшее же в нашей стране привело к негативным последствиям потому, что была предпринята попытка заменить базисные институты принципиально отличными от них новыми, а не совместить их.

Попытка, естественно, не удалась, поскольку невозможно по субъективному желанию уничтожить складывавшиеся веками фундаментальные институ-

ты. Их просто попытались проигнорировать. В результате получился гибрид несовместимых элементов, который породил уродливые экономические отношения. Несовместимость элементов двух систем привела к недееспособности официального хозяйственного механизма. В рамках противоречивой институциональной основы принципиальные вопросы решались только в режиме ручного управления, что с неизбежностью породило невиданных размеров коррупцию и теневую экономику.

Из этой ситуации нужно сделать правильные выводы. К плачевным результатам привела не сама по себе либерализация экономики, а неправильно проведенная. Нужно было не пытаться заменить институты командной экономики рыночными, а совместить элементы двух систем с учетом общих закономерностей этого процесса. То есть, сохранив существенные характеристики базисных институтов и не разрушая их, привести совместимые элементы из другой системы.

Модель развития, основанная на идеях рыночного фундаментализма, бездумное следование которой привело к экономическим потрясениям последних лет, потеряла свою как теоретическую, так и практическую привлекательность. Двухсотлетняя история кризисов свидетельствует о том, что в условиях капитализма полностью избежать их невозможно. Исторический опыт ведения планового хозяйства продемонстрировал возможность поступательного, без резких спадов развития экономики. Правда, цикличность как объективное явление преодолеть по субъективному желанию невозможно, но максимально уменьшить его негативные стороны вполне реально. В то же время централизованное планирование имеет свои недостатки, которые привели к кризису социалистической модели хозяйствования, существовавшей в Советском Союзе.

Поэтому в настоящее время столь привлекательна идея поиска альтернативной модели развития, третьего пути, свободного как от пороков бюрократического централизма, так и от недостатков рыночной стихии. И это третье не ищут вне двух основных систем, а видят его результатом сочетания лучших сторон институтов, составляющих их сущность.

Н. М. Кипнис²

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДВОКАТУРЕ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Изучение истории государства и права свидетельствует о том, что во все времена правящие элиты стре-

¹ Попов В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 79–80.

² Доцент кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, член Адвокатской палаты Москвы. Автор ряда научных публикаций по вопросам адвокатуры и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, в т. ч.: «Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве», «Защита Конституционным Судом РФ прав участников уголовного судопроизводства», «Проблемы гражданского иска в уголовном судопроизводстве» и др.

милась установить в государстве такую систему функционирования органов юстиции, которая обеспечивала бы справедливое разрешение правовых споров и эффективное восстановление в правах. Разумеется, не все судебные реформы были удачными, да и представления о справедливости не были одинаковыми в разные исторические эпохи, а процедуры рассмотрения споров дифференцировались в зависимости от сословной, социальной принадлежности спорящих сторон и иных факторов. Однако не подлежит сомнению, что ни одна судебная реформа не преследовала цели породить

правовой хаос и уничтожить существующую систему юстиции, не заменив ее другой, более, по мнению реформаторов, эффективной.

Использование правовых процедур защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов предполагает знание не только судом, но и сторонами спорного правоотношения норм материального и процессуального права. При этом неумелое применение обывателем сложных норм процессуального права может привести к законному отказу в удовлетворении требования о защите обоснованного материально-правового притязания. Все это привело к возникновению в обществе специального сословия ходатаев по чужим делам (адвокатов).

История российской адвокатуры является наглядным примером влияния экономики на развитие права. Совершенно очевидно, что бизнес нуждается в стабильности гражданского оборота (материально-правовой аспект) и в квалифицированной юридической помощи в целях минимизации конфликтных правовых ситуаций, а также в целях защиты прав в судах (процессуально-правовой аспект).

Можно выделить три «экономических всплеска», которые в глобальном смысле совершенно идентично позитивно повлияли на становление (развитие) института адвокатуры в России.

Рождение российской адвокатуры было напрямую связано с великой экономической реформой — отменной в 1861 году крепостного права. В результате судебной реформы 1864 года возникло новое профессиональное сословие присяжных поверенных. Адвокатура, созданная в России в результате судебной реформы, соответствовала всем стандартам европейской буржуазной демократической юстиции.

Большевики, пришедшие в России к власти в октябре-ноябре 1917 года, упразднили институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры. Но очень скоро законодатель вновь вернулся к идее профессионального представительства в силу отмеченного выше стремления каждого правителя создать такую систему правоприменения, которая бы обеспечивала быстрое и эффективное, в представлении этого правителя, разрешение правовых споров.

Вторым «экономическим всплеском», повлекшим теперь уже не рождение, а возрождение адвокатуры, стало введение Новой экономической политики. «Организация присяжной адвокатуры царской России и послеоктябрьской адвокатуры, воссозданной практически по тому же образцу в 1922 году, четко разграничивала функции адвокатов и коллегий. Адвокаты, практиковавшие индивидуально или в юридических консультациях, сами как субъекты оказания юридической помощи заключали соглашения с клиентами, а коллегии через выборные органы адвокатского самоуправления — советы и президиумы — выполняли традиционные функции профессиональной адвокатской ассоциации: проводили прием в коллессию и отчисление из нее; представляли в государственных и общественных организациях; организовывали учебу адвокатов, их помощников и стажеров; занимались ме-

тодической и издательской деятельностью; разрабатывали правила профессионального поведения; осуществляли дисциплинарное разбирательство и т. п. Однако затем частная практика была запрещена, юридические консультации из мест приема населения превращены в производственные единицы наподобие колхозных бригад, а стороной в договоре с клиентом стала коллегия (в лице заведующего юридической консультацией, действующего по доверенности президиума)»¹.

Расставание с советской системой организации адвокатуры было весьма длительным, и вновь катализатором явилась реформа экономическая, одним из главных документов которой был Закон СССР «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г. Народившееся сословие предпринимателей, несмотря на пестроту своего состава, включая, увы, криминальную составляющую, постепенно осознало потребность в получении квалифицированной юридической помощи, в том числе в сфере международного экономического сотрудничества. Между тем организационные формы советской адвокатуры не были приспособлены к юридическому сопровождению бизнеса. В итоге длительных непрестых дискуссий 31 мая 2002 года был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Таким образом, становление и развитие рыночной экономики благотворно повлияло на реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи, включая право на выбор юридического представителя (адвоката).

Однако наряду с формальным правом на выбор юридического представителя в судопроизводстве не менее значимым фактором является наличие эффективных процессуально-правовых механизмов защиты права. Иными словами, как бы квалифицирован ни был адвокат, он не сможет оказать доверителю качественную юридическую помощь, если в судопроизводстве не обеспечивается действие принципа состязательности. Причем, если в советский период в условиях экономики, основанной на фиксированных ценах и зарплатах, и законодательства, которое налагало многочисленные ограничения на занятость и, следовательно, на рост уровня доходов населения, процессуальные права должны были признаваться милостью, дарованной государством гражданину, то в условиях рыночной экономики неизбежно возник конфликт между желанием лица эффективно защищать свои права и интересы в судопроизводстве и чрезмерным консерватизмом законодателя.

Политика открытости привела к вступлению России в Совет Европы и ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая, среди прочего, признает за каждым «в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения» право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6).

Наиболее остро конфликт государства и личности проявляется в уголовном судопроизводстве, при том что не во всех случаях уголовно-процессуальный закон

¹ См.: Резник Г. М. Закон об адвокатуре как жертва конфликта интересов // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 22–23.

позволяет обвиняемому и его профессиональному защитнику — адвокату эффективно противостоять государственному обвинению.

Два глобальных вопроса — доступ к информации профессионального защитника (адвоката) и процессуальная активность адвоката, ограниченная процессуальным законом.

Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ занимают весьма осторожную позицию, поскольку, как и во многих странах континентальной Европы, над российскими юристами довлеет историческая концепция, согласно которой в смешанном типе уголовного судопроизводства доказательства рождаются только в ходе властной деятельности государственных органов. На соответствующие вопросы адвокатов Конституционный суд РФ неоднократно отвечал, что есть историческая модель уголовного процесса, менять которую Суд не может, что в законе установлен механизм обжалования действий и решений дознавателей, следователей и прокуроров, а то, что заявители не считают его эффективным, — это не проблема конституционности правовой нормы (определения от 20.12.2005 № 479-О; от 24.11.2005 № 430-О; от 16.10.2007 № 694-О-О и № 700-О-О.). На самом деле было бы странно признать неконституционной смешанную модель построения уголовного судопроизводства, которая существует во всей континентальной Европе и во многих других странах мира. Но следует помнить, что если составительная модель судопроизводства в большей степени защищает права обвиняемого, то смешанная модель защищает в первую очередь государство и его интересы, которые, как оно считает, важны для служения обществу.

Постепенное осознание законодателем необоснованности ограничения в законе и в сложившейся правоприменительной практике прав стороны защиты привело, например, к введению в УПК РФ нового вида доказательств — заключение и показание специалиста (ст. 80), что расширило возможности стороны защиты по использованию специальных (то есть не юридических) знаний в доказывании в уголовном судопроизводстве.

Конструируя новый УПК РФ, законодатель считал ряд норм технологическими, а потому не нуждающимися в видоизменении. Наглядным примером является ст. 82, определяющая порядок хранения и разрешения вопроса о судьбе вещественных доказательств. Действительно, в советский период вещественные доказательства особых проблем не вызывали либо по причине их примитивности, либо в силу того, что вся крупная собственность была государственной. Кто мог предположить, что в наше время вещественными доказательствами будут признавать партии автомашин, объекты недвижимости, а некоторые дознаватели и следователи будут этими объектами слишком вольно распоряжаться?! Лишь после вмешательства Конституционного Суда РФ¹ Федеральным законом от 22 апреля 2010 года ст. 82 УПК была изложена в редакции, препятствующей ограничению конституционного права собственников предметов, признанных вещественными доказательствами, во внесудебном порядке.

Точно так же законодатель не задумывался о потенциальной опасности ст. 161 УПК РФ (аналога ст. 139 УПК РСФСР), наделяющей следователя правом предупредить адвоката-защитника о недопустимости, под угрозой уголовной ответственности, разглашения без соответствующего разрешения ставших ему известными данных предварительного расследования. Данная норма, безусловно, оказывает замораживающий эффект в отношении исполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей перед доверителями.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что законодательство развивается неравномерно: прогрессивная законодательная регламентация в сфере экономики может сосуществовать с консервативной законодательной регламентацией судопроизводства, не позволяющей экономически активным слоям населения эффективно защищать свои права и охраняемые законом интересы. На форме общемирового процесса глобализации неспособность смешанной модели уголовного судопроизводства обеспечить эффективную защиту прав и интересов конкретной личности становится все более очевидной.

О. В. Мартышин²

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И «МИРОВЫЕ СТАНДАРТЫ» В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В каждой стране политическая и правовая культуры формируются в ходе взаимодействия внутреннего и внешнего факторов — национальной традиции и воз-

действия других культур. Первый фактор обычно преобладает, но в некоторых ситуациях он временно отступает на второй план. Национальные традиции определяют самобытность культуры, ее обособленность, а внешний фактор тяготеет к унификации. В основе самобытности лежит не только восприятие чужого опыта, но и общие закономерности развития государственно-правовых систем, так называемые мировые стандарты. В ходе истории происходит сближение, стирание различий, о чем свидетельствует процесс глобализации. Государствам, которые хотели бы сохранить свою самобытность, проводя политику изоляционизма, все

¹ См.: Постановление КС РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П.

² Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория государства и права», «История политических учений», «Метафизические концепции права», «Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации», «Нравственные основы теории государства и права», «Идейно-политические основы современной российской государственности», «Революция и развитие российской государственности», «Конституция РФ 1993 г. и развитие теории государства и права» и др.

труднее противиться этому. Однако культурный обмен редко бывает равноправным. Как правило, в нем есть сильная и слабая, активная и пассивная стороны. Формы восприятия иностранной культуры различны — от добровольного заимствования идеи, норм и институтов через многообразные формы давления до прямого насильственного навязывания. Колониализм и империализм ранее выступали как эффективные способы глобализации.

То, что сегодня получило название «мировых стандартов», представляет собой продукт западной культуры. Для Европы и Северной Америки это опробованные, отшлифованные веками формы общественной жизни. Для Востока и Юга — продукт импорта, к которому нужно привыкнуть. Такова их историческая судьба. В эпоху Возрождения и Реформации Запад совершил рывок, в эпоху становления и экспансии капитализма закрепил успех и обрек другие страны на жизнь в двух разных измерениях, на разрыв между их социальным, экономическим и политическим бытом и веяниями европейской цивилизации.

Россия принадлежала к числу стран, которые находились под воздействием западных идей, усиленным географической, исторической и культурной близостью.

Н. Н. Алексеев, известный идеолог евразийства, писал, что в мифах о русской самобытности, начало которым положили славянофилы, истина переплетена с вымыслом¹. Проблема заключается в определении того, какие черты русской жизни обусловлены национальной спецификой, а какие — уровнем исторического развития.

Несмотря на идеализацию православной церкви, крестьянской общины, соборности (что можно отнести к мифологии), славянофилам, а именно К. С. Аксакову, удалось передать особенности отношения русского народа к государству и праву: «Россия никогда не обоготворяла права, никогда не верила в его совершенство», а «смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом веру и спасение души». «Русский народ есть народ негосударственный, то есть не стремящийся к государственности, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия».

Выражением этих взглядов стал славянофильский идеал абсолютной монархии с возрождением земских соборов, на которых народ выражал свое мнение, не покушаясь при этом на власть самодержца: царю — сила власти, народу — сила мнения. Именно такая система могла бы, как полагали славянофилы, обеспечить непричастность народа к государственному насилию, его верность духу соборности. Бремя управления и принуждения несла на себе власть. Отсюда — отношение к носителям власти не как к приказчикам, выполняющим поручения хозяина-народа, а как к благодетелям, жертвующим собой во имя интересов народа. Такая власть заслуживает поклонения. Этому соответствует и пришедшая вместе с христианством из Византии концепция «симфонии» духовной и светской власти, наде-

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 69.

ляющая государство религиозной миссией. Однако патриархальная идеализация допетровского самодержавия сочеталась у классиков славянофильства с критикой существующих порядков, с широкой программой преобразований, включающей освобождение крестьян, реформу земских учреждений, образования, суда, отказ от телесных наказаний, цензуры, от преследования староверов. В своей основе это была либеральная политическая платформа, но с одним принципиальным исключением: она не допускала конституции, то есть законодательного ограничения самодержавия.

Последовательный консерватор К. Леонтьев был, по существу, прав, когда писал о ранних славянофилах: «Если снять с них пестрый бархат и парчу богатых идеалов, то окажется под этим приросшее к телу их обыкновенное, серое, буржуазное либеральничание, ничем существенным от западного эгалитарного свободопоклонства не разнящееся». Как ни воспевали славянофилы старорусский быт и старорусское самодержавие, они не могли игнорировать идеи освобождения человека и народа, идущие от западного просвещения и западного либерализма, то есть от «мировых стандартов». Неслучаен диагноз, поставленный Третьим отделением движению декабристов: «Зараза, извне занесенная». В то же время западники при всем своем стремлении отряхнуть прах от ног своих и европеизировать Россию не могли не испытывать завлечения традиций, оторваться от «почвы», игнорировать исторически сложившиеся отношения между народом и властью. Действительность располагала к сближению, а не к соперничеству между идейно-политическими противниками.

Н. Н. Алексееву принадлежит интересная мысль, что западничество в России не сводилось к либерализму Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и других, что наряду с ним существовало «реакционное западничество» царской бюрократии. Оно «было у нас не теорией, а государственной практикой» и сделало «огромной силой, сумевшей организовать народные массы и долго руководить судьбами государства». Имелся в виду не столько европейский быт высших слоев бюрократии, сколько модернизированные методы управления и манипулирования, которые использовались русским «немецким», как называли его иногда славянофилы, то есть онемечившимся, самодержавием.

Характерно, что в поисках идеологии самодержавная власть вынуждена была, по словам Н. Н. Алексеева, «покрыть себя лозунгами в общем чуждого ей славянофильства»². Действительно разработанная «командой» Николая I в качестве противоядия от западной либеральной заразы теория официальной народности («Православие. Самодержавие. Народность») с формальной точки зрения соответствовала славянофильскому идеалу. Вся разница в том, что в ней не было земского собора, свободы слова и т. п. В последней трети XIX века в результате отказа от либеральных устремлений основателей движения произошло сближение эпигонов славянофильства с идеологией официальной народности. Либеральная тенденция среди

² Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 127.

приверженцев славянофильства угасла, они перешли в стан охранителей самодержавия.

Обе революции 1917 года вдохновлялись не почвенническими, а западными идеями, «мировыми стандартами», Февральская — в их либеральном, а Октябрьская — в радикальном понимании. При этом Февральская революция выдвигала скромную цель — догнать Запад в плане политических преобразований. Она не удержала завоеванных позиций из-за своей трагической запоздалости. Задача Октябрьской революции была гораздо смелее — обогнать Запад, осуществить то, чего он не достиг, указать ему путь. Идея социализма, как и идея демократии, став явлением мирового порядка, все же остается западной по своему происхождению. Но попытка осуществления быстро наполнила ее российским, восточным или, по словам Н. Н. Алексева, евразийским содержанием. Оно сказалось в первую очередь в политической системе, характере власти, отношениях между властью и народом. В. И. Ленин в полемике с К. Каутским подчеркивал, что Республика Советов является национальной особенной чертой русской революции. При всех глубочайших различиях социально-экономического и идеологического плана она довольно скоро продемонстрировала сходство с дореволюционной Россией: концентрация неограниченной власти в руках правящей группы, подавление свободы и инакомыслия, несравненно более последовательное и жесткое, чем при царизме. Атеистическая власть использовала политическую теологию, «светскую религию», сакрализовала идеологию, правящую партию, государство, вождя. Если при царизме реакционное западничество прикрывалось славянофильством, то при реальном социализме универсализм западного происхождения маскировал новое воплощение почвенной политической системы.

Падение советской власти проходило под знаменем свободы. На рубеже 1980–1990-х годов никто не требовал (во всяком случае открыто) покончить с социализмом. Манифестанты стремились к демократии, отмене монополии КПСС на власть. Результатом политической революции стало упразднение советского социализма. Демократическое движение привело к гибели тоталитарного режима, но не к установлению подлинно демократического строя. Несмотря на то что прорыв в области личной свободы был осуществлен, многие худшие свойства прежней политической системы сохраняются и поныне. Учитывая эту технологическую наследственность при новой социальной базе, перефразируя В. И. Ленина, можно ска-

зать, что Россия получила «советскую власть плюс приватизацию всей страны».

Первое постсоветское десятилетие прошло под девизом утверждения мировых стандартов. Ими пронизан текст Конституции РФ 1993 года, содержащий подробный каталог прав и свобод человека, а также демократических принципов. Но Конституция вводит один институт, который трудно признать соответствующим современному международному уровню. Президент страны наделен полномочиями, которые в публицистике и научной литературе иногда сравнивают со статусом всероссийского самодержца. Национальной традиции это не противоречит. Легко критиковать этот институт с демократических позиций. Но трудно избиться от впечатления, что он был проявлением политической мудрости и позволил в какой-то мере стабилизировать обстановку.

Ситуация, в которой оказалась постсоветская Россия, исключала совершенные правовые формы. В стране (как, по оценке М. Вебера, в Германии после Первой мировой войны) остро ощущалась потребность в демократии, но для этого не было необходимых предпосылок. В таких условиях были нужны временные, переходные институты. М. Вебер предлагал плебисцитарную республику, где широкие полномочия главы государства уравнивались бы его сменяемостью по воле народа. Риски такой системы очевидны.

Во втором постсоветском десятилетии произошла определенная идеологическая переориентация. Больше внимания стали уделять не мировым стандартам, а национальным условиям и традициям. Речь идет о российской демократической модели. Принципиально это совершенно правильная установка, полностью соответствующая международному опыту. Вопрос заключается в том, как ее применять, какие традиции культивировать, от какого наследия отказываться.

Вызывают тревогу активизация и поощрение консервативных тенденций, таких как пропаганда монархической формы правления и связанная с нею идеализация российской монархии, принципиальное отрицание революции как одной из важнейших форм общественного развития, нигилизм по отношению к советскому периоду, расцениваемому как национальная катастрофа и выпадение из мировой истории, внедрение религиозного сознания, проповедь неравенства и элитизма. Эти явления не способствуют установлению демократии. Они не только не соотносятся с мировыми стандартами, но и культивируют те свойства национальной традиции, которые в XX веке привели страну к глубочайшим потрясениям.

Г. И. Муромцев¹ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЭКОНОМИКА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Заявленная тема столь же актуальна, сколь и сложна в силу своей чрезвычайной широты и многоаспектности. Ее можно исследовать с различных позиций: с точки зрения всемирно-исторического процесса, в рамках отдельных эпох или культур, социально-экономических и правовых систем, рассматривая те и другие как «в целом», так и сквозь призму отдельных секторов, отраслей и т. д.

Весьма важен вопрос о механизме взаимодействия права и экономики: что здесь первично, что вторично; взаимодействуют ли право и экономика непосредственно либо через некие промежуточные звенья (политику, общественное сознание и т. д.); насколько устойчив механизм их взаимодействия и взаимовлияния, универсален ли он в истории либо изменяется от эпохи к эпохе и от культуры к культуре; наконец, какую роль здесь играет взаимовлияние культур и эпох: всегда ли определяющими в развитии права и экономики являются внутригосударственные (национальные) факторы развития либо в известных условиях это может быть влияние извне и т. д.

Перечисленные вопросы свидетельствуют о широте и многоаспектности проблемы, а также о многообразии возможных подходов к ее исследованию. Поэтому в рамках отведенного времени возможно лишь фрагментарное ее рассмотрение.

Важность методологии исследования проблемы попытаемся показать на примере марксизма, который, пожалуй, наиболее последовательно проводил связь между государством, правом и экономикой. И хотя в советское время теория марксизма признавалась «единственно верной», «подлинно научной» и т. д., сегодня в условиях плюрализма мнений мы видим здесь немало изъянов на почве догматизма и односторонности подхода. С точки зрения марксизма во всяком обществе совокупность производственных отношений составляет его экономический базис, тогда как государство, право, формы общественного сознания — политическую и правовую надстройку. При этом экономический базис первичен по отношению к государству и праву. Исходя из данной конструкции, строилась теория общественно-экономических формаций и на ее основе — типология государства и права.

На основе понятия формации, или способа производства, определялись формы собственности на орудия и средства производства, а также социальный класс, господствующий при данном способе производства. Государство и право выступают при этом орудием (сред-

ством, инструментом) выражения и защиты интересов господствующего класса.

Исторический тип государства и права определяется характером общественно-экономической формации. Поэтому число исторических типов государства и права адекватно количеству классовых общественно-экономических формаций. Противоречия в способе производства через классовую борьбу обуславливают общественный прогресс. Они же приводят к революциям и смене общественно-экономической формации, а также государства и права соответствующего типа. Развитие общества состоит в последовательной смене общественно-экономических формаций — рабовладения, феодализма, капитализма и социализма как первой фазы коммунизма.

Такова в общих чертах схема. Попытаемся сквозь призму данной темы хотя бы кратко показать издержки такого подхода — как очевидные, так и обусловленные появлением новых знаний.

Начнем с вопроса о происхождении права и государства. С точки зрения марксизма они возникают одновременно в силу экономических причин (появления частной собственности, раскола общества на классы и т. д.)². При этом с помощью права и государства экономически господствующий класс становится господствующим политически. Такой подход порождает ряд методологически важных выводов:

1) одновременность возникновения права и государства обуславливает вторичность первого по отношению ко второму (право — продукт государственной воли);

2) это, в свою очередь, ведет к отождествлению права и закона, что само по себе делает невозможным создание правового государства (последнее не может связать себя правом, которое оно же и создало). Здесь возможно лишь полицейское государство;

3) обычай, который, по признанию Ф. Энгельса, исторически сложился в сфере производства, обмена и распределения товаров, становится правом лишь после санкции государства. Следовательно, основой такого права является по сути лишь интерес экономически господствующего класса. И хотя марксизм признает возможность выражения в праве в том числе и общественного интереса, при таком понимании реализация права возможна прежде всего благодаря принуждению со стороны государства.

Вместе с тем современная наука признает возможность возникновения права на догосударственной стадии истории. В контексте данной темы такой подход требует объяснения ряда существенных вопросов. Так, если социальные нормы догосударственной эпохи можно считать правом, то в силу каких причин? Обусловлено ли их становление и развитие экономическими факторами?

² См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России» и др.

Ответ на первый вопрос предполагает выяснение специфики правовопонимания в случае «догосударственного» происхождения права. Здесь оно не продукт верховной власти государства, а всеобщая связь людей, призванная обеспечить их выживание и воспроизводство в рамках традиционных общностей¹. Такое понимание права могло сложиться лишь в условиях:

1) синкретизма, то есть слияния права с религией, моралью, мифологией и т. д.;

2) неисторического видения мира, в силу которого право воспринималось как несотворимое (возникшее само собой), вечное и неизменное;

3) необходимости обеспечения биологических (выживание) и социальных (через статус) потребностей традиционной общности и человека как ее члена. Речь идет о таких жизненно важных категориях, как брак, семья, наследование, собственность, безопасность и т. д. Они составят в будущем сферу частного права, то есть прежде всего экономическую.

Обязательность этого права вытекала из его слитности с неким справедливым мировым порядком, существовавшим всегда и основанным на воле богов и предков. Поэтому, например, гарантией осуществления договора, заключенного с соблюдением установленной процедуры (ритуал, свидетели и т. д.), была лишь добрая совесть его участников (принцип доброй совести). Считалось, что обязательства участников договора брались перед богами. Неисполнение договора расценивалось как нарушение божественной клятвы и влекло суровое наказание.

Личный характер этого права, слитного с религией, обусловил его действие лишь во внутриобщинных отношениях. За рамками общины оно переставало действовать. Неудивительно, что в варварском и раннеклассовом обществах процветали разбой, грабеж и насилие. Формировавшаяся в то время правовая психология была адекватна такой ситуации. Дело в том, что если человек вырос в обществе, основой которого когда-то тысячами была присваивающая экономика, то он не привык к повседневному напряженному труду, а предпочитал разбой и набеги на соседей. Поэтому такие нападения, захват чужого имущества считались вполне благородным делом².

Не эта ли психология лежит в основе столь распространенных в эпоху древности и Средневековья набегов кочевых народов на оседлые? Примеров тому огромное количество: арабские завоевания периода становления ислама (VII в.), завоевание Западной Римской империи германцами в 476 году, татаро-монгольское иго на Руси в XIII–XV веках и т. д.

Часто в роли завоевателей выступали народы, менее развитые в социально-экономическом и государственно-правовом смысле, чем их жертвы. Поэтому неудивительно, что результатом завоевания подчас становилось восприятие уже готовой государственности (германцы), более высокой правовой культуры завоеванных народов (арабы) и т. д. Оседлые народы на данной стадии развития (например

викинги) демонстрируют ту же агрессивную модель поведения³.

Марксистская концепция общественно-экономических формаций исходила из того, что стержнем исторического развития являются внутренние противоречия в обществе — прежде всего между производительными силами и производственными отношениями. Внешние факторы оказывались как бы за скобками. Между тем история свидетельствует, что подчас именно они оказываются решающими в развитии стран и народов на той или иной стадии. Обычно это объясняется неравномерностью исторического развития стран и регионов, когда одни выходят вперед, другие отстают. Такая ситуация порождает взаимовлияние культур — как передовых на отсталые, так и наоборот. К примеру, рецепция римского права в странах Западной Европы (через много веков после падения Римской империи) была обусловлена прежде всего экономическими причинами: развивавшиеся в городах экономические отношения требовали новой правовой формы, на роль которой как нельзя лучше подходило филигранное по технике римское право.

В России, которую тоже относят к семье романо-германского права, дело обстоит иначе. Если в странах Западной Европы рецепция римского права началась «снизу», без участия государства, в целях регулирования прежде всего отношений собственности (то есть сферы частного права), то в России при Петре I это делалось «сверху» с целью построения государственного аппарата и армии по европейскому образцу. Предметом восприятия здесь были нормы публичного права. Общество было к этому индифферентно. Рецепция состояла в прямом заимствовании иностранных (шведских, датских и пр.) законодательных актов путем их перевода и официального принятия. В Европе римское право называли «писаным разумом». В России его авторитет был намного ниже.

Особое место в данной теме занимает вопрос о российской кодификации гражданского права. Принято считать, что не удавшаяся попытка М. М. Сперанского создать Гражданское уложение в России по французскому образцу в начале XIX века объясняется антифранцузскими настроениями в российском обществе после Отечественной войны 1912 года, которые поддерживал и царь. Не отрицая этого, мы тем не менее считаем более существенной иную причину: социально-экономическую и культурную неготовность России к такой кодификации. Буржуазная по своей природе, она отторгалась феодально-крепостнической структурой российского общества, не знавшего ни принципа равенства всех перед законом, ни единого экономического пространства. По этой же причине Комиссия по подготовке Гражданского кодекса, созданная в 1882 году, так и не смогла подготовить его проекта вплоть до 1917 года⁴.

Во всех странах гражданский кодекс был стержневым актом частного права. В этом смысле советские гражданские кодексы были нонсенсом, поскольку

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // А. Я. Гуревич. Избранные труды : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 153–163.

² Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избранные труды, в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 123–125.

³ Гуревич А. Я. Викинги.

⁴ Муромцев Г. И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация: теория, практика, техника / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2008.

закрепляли огосударствление и обобществление собственности. Недаром в советской юридической литературе высказывалось мнение о целесообразности замены гражданского права хозяйственным как комплексной отраслью права.

Распространение на сферу имущественных отношений публично-правовых (точнее, командных) методов правового регулирования обусловило изгнание из этой сферы категории интереса. В этих условиях советская хозяйственная система не имела стимулов к саморазвитию, что предопределило ее неминуемый крах. Характерен в этой связи комментарий французского компаративиста Рене Давида по поводу ленинского тезиса о непризнании в области хозяйствования в СССР ничего частного. По мнению французского ученого, такое высказывание дает основание усомниться в профессионализме Ленина как юриста¹.

Неудивительно, что первый в истории России Гражданский кодекс был принят путем рецепции лишь в 1990-х годах, уже после распада СССР.

Пример кодификации, которая не соответствует социально-экономическим условиям в обществе, — Конституция РФ 1993 года. Ее содержание по сути полностью воспринято из конституций развитых стран Европы и Северной Америки. Если учесть, что воспри-

ятые положения преломлялись в условиях страны, которая лишь начинала (хотя и второй раз в истории) движение к капитализму, то их фиктивность была предопределена. Это положения о России как демократическом, правовом, социальном государстве, о высшей ценности прав человека (ст. 1, 2, 7) и т. д. Авторы Конституции не учли необходимости переходного периода от социализма к капитализму. Как известно, у большевиков переход к социализму занял почти 20 лет. В этих условиях более приемлемыми видятся два других варианта. Первый связан с принятием временной конституции. Такие конституции неоднократно принимались в прошлом веке в ряде развивающихся стран. Обычно они включали программные положения и закрепляли структуру власти. Раздел о правах человека либо был ограниченным, либо отсутствовал.

Другой вариант предполагает включение в структуру постоянной конституции раздела «Основные принципы политики государства». Такой раздел есть в Конституции Индии 1950 года. В нем речь идет об обеспечении социальной справедливости, недопущении чрезмерной концентрации богатства в одних руках и т. д. Нормы этого раздела не применяются в судах, но являются ориентиром в процессе законотворчества.

М. В. Немытина²

КОРПОРАТИВНО-ЧАСТНОЕ И КОРПОРАТИВНО-ПУБЛИЧНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Научное юридическое сообщество России за последние два десятилетия значительно продвинулось в осмыслении категорий «частное» и «публичное»³. Если попытаться оценить научный результат, который дало уяснение смысла этих категорий средствами юриспруденции, им вполне может стать признание юристами существования иных, кроме государственного, механизмов установления правопорядка и правового регулирования, иная трактовка источников права в правовой системе России, в частности, признание негосударственных источников права. Это означает трансформацию подходов к праву и формирование в российском обществе новой правовой культуры.

«Любое изменение исторически сложившихся видов и форм деятельности, — отмечает академик В. С. Степин, — обязательно должно сопровождаться измене-

ниями в сфере культуры, появлением в ней семиотических систем, соответствующих новым программам социального общения, поведения и деятельности»⁴. За всем этим «стоят реальные запросы общества, потребности в трансформациях сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности»⁵.

Итак, различение частной и публичной природы правового регулирования — одна из наиболее значимых проблем современного правоведения, от решения которой зависит не только совершенствование текущего законодательства и правоприменительной практики, но в целом определение стратегии развития общества и государства.

В осмыслении на доктринальном уровне категорий «частное» и «публичное» целесообразно идти дальше, раскрывая понятия «корпоративно-частное», «корпоративно-публичное» и идентифицируя соответствующие им режимы правового регулирования⁶.

Регламентация отношений в сфере экономики, в частности, деятельности экономических корпораций — условно назовем их корпоративно-частными образованиями — основывается, в первую очередь, на нормах российского законодательства. Но как бы ни наращивался государством массив норм позитивного

¹ International encyclopedia of comparative law. Vol. 3 : Sources of law / ed. by D. Rene. Tübingen, 1983.

² Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство»; учебно-методических пособий: «Российский суд присяжных», «Программы клинического юридического обучения» (вып. 1–5) и др.

³ Категории «частное» и «публичное» рассматриваются в правоведении: 1) в русле дуализма в праве, отнесения его отраслей к частному либо публичному праву; 2) в смысле режимов правового регулирования с присущими им диспозитивными или императивными началами, представленными в большей или меньшей степени в каждой отрасли права; 3) как присущие различным субъектам правоотношений интересы, имеющие частноправовую либо публично-правовую природу.

⁴ Степин В.С. История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2011. С. 115.

⁵ Там же.

⁶ Более подробно см.: Немытина М. В. Право России как интеграционное пространство. Саратов, 2008. Гл. 2 : Гармонизация в праве частного и публичного. С. 45–69.

права в этой области, все равно не представляется возможным отразить в нем всю гамму подлежащих регулированию экономических отношений. Законодательство постоянно запаздывает, является коллизионным и пробельным, не отражающим реалий общественной жизни. В то же время общество саморегулируется, в нем складывается корпоративно-частное регулирование, отвечающее потребностям экономического развития, выраженное в локальных нормативных актах.

Следует четко обозначить, что отдельно взятые экономические корпорации, какими бы мощными они ни были, как бы ни влияли на экономику России, а иногда и на ее политику, сами по себе субъектами правотворчества не являются до тех пор, пока выросший внутри них массив регулирования не приобретет публичный характер.

Социологически ориентированные концепции понимания права, в последнее время получающие все большее распространение в России, указывают на то, что механизмы саморегуляции заложены в самом обществе. Эти концепции признают в качестве права правила, сложившиеся в рамках существующих как в мире, так и в отдельных странах корпоративно-публичных образований. В русле этих концепций обосновывается необходимость признания правотворческой активности публичных образований, выражающих интересы определенных социальных групп. Очевидно, что частные интересы определенных социальных групп могут трансформироваться в публичные и институционально оформиться только в рамках корпоративно-публичных образований.

Как субъектам экономической деятельности трансформировать свои корпоративно-частные интересы в корпоративно-публичные? Каковы возможности непосредственного использования корпоративно-частными структурами механизмов правотворчества в рамках корпоративно-публичных образований?

Экономические корпорации могут придать публичный характер выросшим внутри них и генерируемым ими массивам корпоративно-частных норм, перевести свои интересы и потребности в правовое русло тремя способами:

1) лоббируя свои интересы в парламенте посредством разработки соответствующих законопроектов, используя опосредованно правила и процедуры законотворческих инициатив, законодательного процесса;

2) формируя судебную практику, добиваясь судебных решений, в которых будет отражена соответствующая правовая позиция, реально существующим отношениям будет придан публичный характер посредством состоявшегося судебного решения;

3) генерируя негосударственные источники права в рамках корпоративно-публичных образований, институтов гражданского общества, объединяющих субъектов корпоративно-частного регулирования по сферам экономической деятельности, созданных для согласования общих интересов, достижения общих целей.

Понятно, что лоббировать интересы экономических корпораций в парламенте достаточно сложно. Да и далеко не по всем вопросам жизнедеятельности общества стоит развивать законотворческую активность. Суще-

ственным достижением отечественного правоведения стало признание правотворческих функций за российскими судами. В то же время отстаивание субъектами экономической деятельности своей позиции в суде, получение надлежащего судебного решения тоже требует больших затрат времени, сил и средств. В настоящее время отечественным правоведением решается проблема правотворческой активности негосударственных образований, институтов гражданского общества. В том числе созданных субъектами экономической деятельности.

В этой связи вполне реальным становится признание деятельности институтов гражданского общества, направленной на трансформацию корпоративно-частных интересов в корпоративно-публичные.

В современном обществе развиты механизмы саморегуляции, экономические корпорации нацелены на выживание в жесткой конкурентной среде. Именно в экономике, в различных ее сферах, зреют, формируются и реально действуют отвечающие потребностям современного общества регулятивные системы.

Современное западное общество научилось аккумулировать и представлять свои интересы через создаваемые им институты гражданского общества, то есть корпоративно-публичные образования. Нормативное регулирование, которое «вырастает» внутри этих образований, следует идентифицировать как корпоративно-публичное. Следовательно, экономические корпорации должны объединяться, создавать корпоративно-публичные образования и через них транслировать в общество свои согласованные интересы, переводя их в формат публичного.

Речь идет об объединении структур, работающих в определенных секторах российской экономики, выстроивших системы отношений на рынке услуг, в торговле, производстве, банковской сфере, страховании и тому подобном, о создании ими корпоративно-публичных образований. Экономические корпорации, работающие в одной сфере (вид экономической деятельности), создают общественные объединения и некоммерческие организации (союзы, ассоциации и пр.), в рамках которых они аккумулируют, согласовывают свои корпоративно-частные интересы, выработывают общие корпоративно-публичные правила и нормы.

Проблема в том, каким должен быть механизм согласования корпоративно-частных интересов для перехода выросших внутри экономических корпораций локальных норм в корпоративно-публичные.

Если в рамках системы корпоративно-публичных образований субъектам экономической деятельности удастся согласовать свои интересы, которые из интересов отдельного сектора экономики перерастут в интересы определенного сектора общества, то это и придаст импульс процессу правообразования по созданию негосударственных источников права. Это позволяет перейти с уровня корпоративно-частного регулирования на уровень корпоративно-публичного правового регулирования. В этом случае корпоративно-частные образования вовсе не обязаны будут «достучаться»

до законодателя и потратить годы на рассмотрение дел в судах. Им достаточно будет согласовать свои позиции друг с другом и придать реально сложившимся правилам, обыкновениям, обычаям делового оборота публичный характер.

Возникает правомерный вопрос: если экономические корпорации, и без того занимающие господствующее положение на рынке товаров и услуг, объединятся и через собственные системы корпоративно-публичного регулирования будут диктовать условия неограниченному кругу лиц, не приведет ли это к ущемлению прав граждан? Думается, что в данном случае критерием признания действия корпоративно-публичных норм должна быть общая польза, общая не для десятков, сотен, тысяч частных собственников, реализующих свои экономические интересы, а для миллионов граждан, общая в смысле «общего блага». В отечественной правовой науке достаточно хорошо разработаны сущностные характеристики правовых норм в смысле их соответствия принципам свободы и справедливости¹.

В обществе, в противовес экономическим корпорациям, должны действовать и другие корпоративно-публичные образования, которые отстаивают интересы рядовых граждан, широких слоев населения, потребителей товаров и услуг, чтобы защитить тех, кому, собственно, адресована деятельность экономических корпораций.

Пусть не так быстро, как нам бы того хотелось, но российское общество все более отчетливо осознает свои интересы, учится их представлять на публичном уровне, нормативно и институционально оформлять. Научное юридическое сообщество России постепенно выходит из узких рамок юридического позитивизма, предлагая идущие от общества, адекватные его потребностям, динамично развивающиеся модели правового регулирования. Ломаются стереотипы восприятия права, вырабатываются новые модели правообразования и правового регулирования, возрастает активность личности и общественных объединений, что свидетельствует о формировании в российском обществе новой правовой культуры.

Р. А. Ромашов²

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФЕНОМЕНЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

1. *Мультикультурализм — достижение современной мировой культуры или ее кризис?*

Система геополитического и социального устройства человеческой культуры, рассматриваемая как «современный мир», начала формироваться во второй половине XX века. Вторая мировая война послужила катализатором двух мощнейших тенденций трансформации мироустройства, сложившегося в эпоху Нового времени.

— Победа СССР в войне и распространение коммунистической идеологии и социалистической системы управления и хозяйствования на ряд стран Восточной Европы и Азии обусловили возникновение качественно нового социогеополитического образования — мировой социалистической системы. В качестве базовых оснований этой системы рассматривались атеистическая марксистско-ленинская философия, социалистическая экономика (отрицающая либо существенным образом ограничивающая частную собственность), социалистическое право (основанное на разграничении и противо-

поставлении «истинной» социалистической и «ложной» буржуазной законности). Появление социалистической системы сделало мир биполярным. Взаимодействие между культурами, рассматривавшими друг друга в качестве потенциальных врагов, осуществлялось по принципу мирного сосуществования — «стратегическое противоборство в области идеологии, экономики, вооружения и военных технологий; тактическое партнерство в сферах торговли, спорта, искусства».

— Вторая половина XX века — это период усиления национально-освободительных движений в странах, являвшихся колониями западных империалистических держав, и, как результат, появления на политической карте мира целого ряда новых государств, получивших суверенитет и образовавших еще одну геополитическую общность — страны третьего мира / развивающиеся страны. Противостояние полярных мировых систем — капитализма и социализма — в свою очередь обусловило разделение третьего мира на страны капиталистической и социалистической ориентации.

Промежуточный вывод: вторая половина XX века — это период экономико-правового, политического, а в ряде случаев и военного противостояния (Карибский кризис, Вьетнам, Афганистан и т. п.) стран, позиционирующих себя в качестве локальных социокультурных миров.

Кризис коммунистической идеологии и социалистической системы хозяйствования привел к распаду СССР и крушению мировой социалистической системы. Западный мир занял доминирующее положение в мировой культуре, что, в свою очередь, привело к трансформации межкультурного взаимодействия.

¹ Так, В. С. Нерсесянц определяет право как всеобщий масштаб и равную меру свободы индивидов (см.: *Нерсесянц В. С. Философия права*. М., 1997. С. 27).

² Начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внутренней службы. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Теория государства и права», «Юридическая конфликтология», «Государство: Предпосылки возникновения, механизм функционирования, критерии классификации», «Современный конституционализм: вопросы истории и теории», «Юридическая конфликтология», «Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия», «Проблемы правоохранительной деятельности в современной России» и др.

На смену национально-культурной локализации пришла глобализация и связанная с ней мультикультурность, предполагающая параллельное существование и толерантное взаимоотношение различных культурных форм (национальных, экономических, религиозных и др.) в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры.

Основополагающим принципом мультикультурализма является равное право на существование различных культурных общностей независимо от их численности и степени экономического развития. Формат мультикультурализма — это диалог культур и партнерство цивилизаций. Казалось бы, очевидно то, что мультикультурализм — это величайшее достижение мировой культуры. Вместе с тем в последнее время все большую активность проявляют критики и открытые противники глобализационных и мультикультурных процессов, полагающие, что проникновение в национальные культуры инонациональных и инорелигиозных формирований оказывает на них воздействие, аналогичное появлению злокачественных новообразований в человеческом организме. По их мнению, мультикультурализм в условиях национального государства — не благо, а зло, способное в дальнейшем привести к распаду государства и разрушению единой национальной культуры. Какая из точек зрения окажется соответствующей реальности, покажет будущее. Однако независимо от исхода в настоящее время следует констатировать, что мультикультурализм — это фактическое явление мировой культуры, выраженное в сближении и взаимопроникновении различных культур, в том числе культур экономики и права.

2. Соотношение правовой экономики и экономической права в контексте мультикультурного дискурса

Как правило, мультикультурализм рассматривается как система взаимодействия национально-этнических и религиозных культур, однако, на мой взгляд, следует говорить не только о названных культурных проявлениях, но и о других. В современном мире наблюдается сближение и взаимопроникновение политики, экономики, религии, права. Эти системы, с одной стороны, рассматриваются в качестве самостоятельных социально-нормативных сфер выражения человеческой культуры, а с другой — не могут существовать локально, изолированно друг от друга. В рамках заявленной проблематики нас в большей степени интересует проблема соотношения права и экономики.

Интеграция права и экономики обусловила появление комплексных категорий, таких как «экономическое право» и «правовая (конституционная) экономика». Отношение к этим категориям неоднозначное (имеются как сторонники, так и противники их включения в понятийный аппарат юридической и экономической наук). Однако исторический опыт свидетельствует, что все новое во всех сферах социальной жизнедеятельности всегда воспринимается носителями традиционного догматизированного знания весьма критически¹. Науч-

¹ Достаточно вспомнить отношение представителей античного язычества к христианству, представителей парусного флота — к парходам, парижан — к Эйфелевой башне, нововведениям, каждое из которых воспринималось как недопустимое нарушение

ное знание призвано искать и находить аргументы, доказывающие высказываемые гипотезы либо, напротив, их опровергающие.

В своих дальнейших рассуждениях мы опираемся на рабочую гипотезу о том, что право и экономика в реальной жизни представляют собой взаимно детерминирующие категории. В подобном понимании не имеет смысла говорить о праве вне экономического базиса, равно как и об экономике вне правового поля².

Как отмечалось ранее, в современном мире сложились интегрированные системы общественных отношений, в рамках которых не имеет смысла выделять самостоятельные, «замкнутые на самих себя» элементы. Следовательно, говоря о соотношении государства, права, экономики, мы имеем дело с миром не столько «субстанций, вещей, обладающих определенным набором свойств»³, сколько процессов, выражающихся в том, «что связывает две стороны — сторону активную, действующую (это тот, кто совершает процесс) и сторону пассивную, претерпевающую (совершаемое действие, реализуемая функция)»⁴. Использование процессуального подхода к пониманию феноменов «государство», «право», «экономика» позволяет перейти от институциональной модели их видения (государство — это государственные органы и должностные лица; право — законы и механизмы законодательства и правоприменения; экономика — система хозяйствующих субъектов) к функциональной, предполагающей акцентирование внимания не столько на тех, кто совершает (а точнее должен совершать) те или иные операции, сколько на самих производимых (либо не производимых) действиях, выражающихся в сложной системе политических, правовых и экономических коммуникаций⁵.

Если согласиться с тем, что право и экономика — это детерминирующие системы, то вполне логично говорить о том, что в современных условиях существуют устоявшиеся каноны, в силу этого подвергаемое безапелляционной критике.

² Говоря о праве как о детерминирующем экономику факторе, я исхожу из публичной природы права, нормы которого устанавливают и наделяют юридической силой общезначимые правила социального поведения в наиболее важных для государства, общества, личности сферах жизнедеятельности. Экономика, безусловно, является одной из таких сфер. При этом не имеет значения, каким образом право квалифицирует ту или иную форму (метод, технологию) экономики, это с равной вероятностью может быть позитивная либо негативная оценка. Например, в условиях социалистической политико-правовой системы рыночная экономика объявлялась преступной, так как в Уголовном кодексе предусматривалась ответственность за спекуляцию. В настоящее время частно-предпринимательская деятельность коммерческого (спекулятивного) характера является законной, а коммерческое право выступает в качестве «полноправной» отрасли современного российского права. Таким образом, экономика не может существовать вне права. Другое дело, что с точки зрения права экономика может быть как правовой (официальной), так и теневой (неофициальной) либо преступной (криминальной).

³ Смирнов А. В. О подходе к сравнительному изучению культуры. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ В данном случае за основу рассуждений будет взята феноменолого-коммуникативная концепция правопонимания А. В. Полякова, которую представляется возможным распространить в том числе и на понимание государства и экономики. О содержании феноменолого-коммуникативной концепции см. подробнее: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб., 2005.

экономическое право и правовая экономика. При этом первое понятие в большей степени является юридическим, а второе — экономическим.

Экономическое право — это нормативная общность (нормативный комплекс), включающая правовые нормы, регламентирующие экономические отношения.

В качестве критерия объединения правовых норм в обособленную общность «экономического права» выступает предмет правового регулирования — общественные отношения в сфере экономики. При этом в отличие от традиционных подходов к отраслевому делению, основанных на сочетании предмета и метода правового регулирования, экономическое право опирается в процессах регулятивно-охранительного воздействия как на диспозитивные, так и на императивные методы, относящиеся к инструментарию основных отраслей права (конституционного, гражданского, административного, уголовного).

Так, если говорить о методах конституционно-правового регулирования в сфере экономики, то следует прежде всего сослаться на ст. 8, закрепляющую положение о том, что «в Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Гражданско-правовой сегмент экономического права представлен основополагающими категориями

ми гражданского права (право собственности, вещные права, субъекты гражданско-правовых отношений в сфере экономики, формы и процедуры гражданско-правовых отношений экономического характера и др.), а также средствами и методами правового регулирования, закрепляемыми в подотраслях гражданского права (коммерческом, предпринимательском праве, праве интеллектуальной собственности, патентном, наследственном праве и др.).

Административное и уголовное право рассматривает экономику как сферу охранительных правоотношений и, соответственно, акцентирует внимание на составах административных проступков и уголовных преступлений в экономической области.

Общий вывод: понимание права и экономики как взаимно детерминирующих явлений обуславливает целесообразность выделения в системе современной мировой правовой культуры нормативной общности «надотраслевого» характера — экономического права. Объединение правовых норм в эту общность осуществляется по единству предмета правового регулирования — общественным отношениям в сфере экономики. С учетом разнообразия самих экономических отношений, а также двойственности их юридической оценки (экономика может быть как правомерной, так и противоправной) предполагается задействование в качестве методов правового регулирования средств регулятивно-охранительного воздействия, закрепленных в различных существующих отраслях права.

Э. А. Салькова¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Комплексное исследование проблем диалога цивилизаций в современном мире не может быть полным без рассмотрения правовой составляющей. В огромном массиве цивилизационных исследований международно-правовым компонентам межцивилизационного взаимодействия уделяется недостаточное внимание, но в целом в юридической науке цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение права как нормативно-ценностного регулятора, приобретает все большую актуальность. Так, например, в отечественных исследованиях по сравнительному правоведению цивилизационный подход применяется

ся при изучении института прав человека, например, в отношении концепции прав человека «в исламских странах, традиционных обществах (Индия, страны Африки), государствах азиатского региона (Китай, Япония), где происходит сложный процесс взаимодействия религий, религиозно-нравственных учений, традиционной культуры с универсальными международными стандартами»².

В научных исследованиях отмечается, что сложность применения цивилизационных подходов в правоведении состоит в том, что в современных общественных науках отсутствует единство в определении понятия «цивилизация». Представляется обоснованной теоретической позицией, выделяющая роль нормативно-ценностных признаков в методологии исследования права в общей системе соционормативной регуляции³.

Исходя из общетеоретических подходов, рассмотрим нормативно-ценностные компоненты современного международного права в контексте проблем

¹ Заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Перспективы России в партнерстве цивилизаций», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Региональная демографическая политика в контексте национальной безопасности России» (в соавт.), «Национальные государства в современных мировых процессах» (в соавт.), «Право и политика государств в современном мире» (в соавт.), «Социальные и правовые аспекты этнополитического развития народов постсоветского пространства», «Статус межгосударственных объединений на постсоветском пространстве» (в соавт.), «Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС», «Реализация права законодательной инициативы Совета Федерации» (в соавт.) и др.

² См.: Права человека: итоги века. Тенденции, перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002.

³ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 6–7.

универсализации его роли в регулировании системы международных отношений. Создание международно-правовых норм происходит в результате взаимодействия государств посредством согласования их воли, и вполне объективно, что в этом процессе проявляются и цивилизационные стереотипы участников. В системе международного права, регулирующей международные отношения на разных уровнях — универсальном, региональном, двустороннем, указанные элементы имеют определенную специфику.

В основе международной политики необходимо усиление акцента на общечеловеческих морально-этических принципах и нормах, способных повысить гуманитарную составляющую международных отношений.

Известный русский юрист-международник Ф. Ф. Мартенс в рамках своих исследований современного международного права цивилизованных народов рассматривал исключительно христианские народы Запада. С. Л. Рогожин, анализируя идеи Ф. Ф. Мартенса, подчеркивает, что международное публичное право сегодня есть продукт противостояния двух западных политико-идеологических систем — социализма и либерализма¹.

С. В. Черниченко, исследуя философские аспекты развития международного права, также обращает внимание на то, что современное международное право сформировалось в значительной степени под влиянием европейской цивилизации Нового и Новейшего времени. Он приходит к важному выводу о том, что содержание международного права, его социальная природа неизбежно включает цивилизационные компоненты².

Современное международное право формировалось на гребне подъема демократических сил, сложившихся в годы Второй мировой войны в борьбе против фашизма. Его фундамент был заложен в Уставе ООН, в котором указаны основные цели.

Вопрос о взаимодействии цивилизаций является одной из важных тем современного мира, обсуждаемых в рамках ООН. Проблема необходимости начать межцивилизационный диалог нашла свое воплощение в резолюции «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 21 ноября 2001 года. Международное право — продукт развития всех цивилизаций, и дальнейшее усиление его роли связано с задачей регулирования отношений народов и государств, принадлежащих различным цивилизациям.

Общепризнанные принципы, направленные на обеспечение приоритета общечеловеческих интересов и ценностей, прежде всего мира и безопасности, жизни и здоровья, международного сотрудничества и других ценностей международного порядка мирного сосуществования³, представляют собой уникальную идейную основу для развития и укрепления гуманитарных

основ во взаимодействии субъектов в международном общении.

В Концепции внешней политики Российской Федерации указано, что верховенство права призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса интересов, а также при обеспечении интересов мирового сообщества в целом⁴.

Особую значимость в концепции верховенства права приобретают проблемы «слабых», «несостоявшихся» государств. В их число входят в основном страны, не относящиеся к европейской цивилизации, такие как, например, Сомали, Гаити, Босния, Косово, Руанда, Либерия, Сьерра-Леоне, Конго, Восточный Тимор и др.

Опыт Афганистана, вторжение США в Ирак и другие примеры свидетельствуют, что использование преимущественно военной силы со стороны западных государств приводит не к решению проблем, а к затяжным военным операциям с многочисленными жертвами среди гражданского населения.

На протяжении всей истории серьезное значение имела проблема взаимодействия великих и малых держав⁵. Во многих трудах отечественных и зарубежных ученых этой проблеме уделено немалое внимание. Великие державы не должны присваивать себе право решать по своему усмотрению судьбы народов других стран, что в особенности в настоящее время актуально в Азии и Африке. Устав ООН создал правовую основу нового положения великих держав и подтвердил принцип суверенного равенства государств.

Провозглашение указанных выше приоритетов на уровне ООН имело особое значение в связи с процессами антиколониального движения первой половины XX века. Проявлением отмеченной тенденции в 1960–1980-е годы стал этнический сепаратизм (баскский, курдский, ирландский в Ольстере, албанский в пределах Балканского региона и др.) с претензиями на независимость.

Актуализация проблемы, как было ранее отмечено, определяется существованием в современных международных отношениях ряда «непризнанных государств». Опыт последних десятилетий свидетельствует об устойчивой тенденции борьбы различных этносов за собственную государственную идентификацию. В современном мире процесс создания малых государств в результате их выделения из более крупных государственных образований продолжается и представляет собой одну из серьезных причин роста международного конфликтного потенциала с этническими аспектами.

Решение этого чрезвычайно важного вопроса связано с внедрением диалоговых механизмов в целях устранения нарушений политических, экономических, этнических, культурных, религиозных и других прав народов.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г.

⁵ Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. М., 2004. Т. 1 : Заключение международных договоров. С. 140.

¹ Рогожин С. Л. Международное право как диалог и столкновение цивилизаций // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 17.

² Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009. С. 676–677.

³ Курс международного права : в 7 т. / Г. В. Игнатенко, В. А. Карташкин, Б. М. Клименко [и др.]. М., 1989. Т. 2 : Основные принципы международного права. С. 9.

Проблема экономической, политической, культурной, профессиональной разнородности и усиливающейся дистанции между «развитым» Севером и «отсталым» Югом создают угрозу превратиться в полномасштабную нескончаемую «войну цивилизаций». По мнению многих экспертов, война в Ираке положила начало новой эре в современных международных отношениях — эре открытого диктата одной сверхдержавы — США.

Одну из наиболее опасных угроз стабильности и безопасности в современном мире представляет проблема международного терроризма. Применяемый во многих определениях терроризма признак преследования политических целей не позволяет провести четкую грань, отделяющую его, например, от национально-освободительного движения.

В основе международной политики необходимо усиление акцента на общечеловеческие морально-этические принципы и нормы, способные повысить гуманитарную составляющую международных отношений.

Развитие столь важного в современном мире института прав человека имеет тесную связь с цивилизационными особенностями социально-исторических общностей. В отечественной юридической литературе высказываются точки зрения о роли цивилизационного подхода при рассмотрении проблем универсализации международных стандартов прав человека.

Права человека являются важной составляющей общей характеристики цивилизационной идентичности, связанной с религией, культурой, национальными особенностями человеческого сознания, его психологией. Можно привести еще целый ряд примеров, касающихся прав женщин в мусульманских странах, не совместимых с европейскими нравственными оценками.

Поэтому Декларация прав человека, провозглашенная ООН в 1948 году, с самого начала оспаривается мусульманскими интеллектуальными кругами, религиозными лидерами и политиками¹. Исламская доктрина

и традиция прав человека воспринимает их принципиально по-другому, нежели на Западе: теоцентрично, а не антропоцентрично².

Справедливым является научный взгляд, признающий цивилизационное измерение проблемы столкновения различных нравственно-правовых учений и подходов к международно-правовому регулированию, в основе которого при согласовании воли и различных интересов могут быть признаны лишь общие ценности. В этом контексте особую роль играет преодоление основного различия современного западного права и правосознания от иных правовых систем современности³.

Правовая система, правовое сознание, правовая культура тесно взаимосвязаны с историческим развитием данного общества, его культурно-цивилизационной самобытностью, отражающей убеждения людей, их ценностные установки, идеалы.

Современные глобализационные и интеграционные процессы углубляют взаимосвязь указанных правовых систем и обуславливают необходимость национальных правовых систем мира как части единой глобальной системы⁴.

Цивилизационный подход проявляет новые грани и своеобразие права как особого феномена. Понять глубинную сущность этого явления можно только в неразрывной связи со всеми элементами социально-культурной регуляции той или иной цивилизации, а не в изоляции права от них, с одной стороны, и выдвижения универсальных правовых начал как основы системы социального регулирования — с другой⁵. Важно усилить акцент на ценностных подходах в развитии международно-правового регулирования и определении его общих начал в целях гармоничного взаимодействия с национальными правовыми системами, в развитии институтов межкультурного диалога как эффективного инструмента противодействия росту конфликтного потенциала в мировой политике.

А. В. Стремоухов⁶

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Динамика изменений, происходящих в национальных обществах и национальных правовых системах,

¹ См.: Абазов Р. Ф. Переосмысление прав человека // Полис. 1995. № 2.

² Там же.

³ Рогожин С. Л. Указ. соч. С. 19.

⁴ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. 217.

⁵ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 120.

⁶ Заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 220 научных публикаций, в т. ч. учебников и монографий: «Право социального обеспечения», «Правовая защита человека», «Трудовое право», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества», «Права граждан Российской Федерации в сфере культуры», «Профсоюзное право», «Права человека» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

сегодня во многом определяется процессом глобализации. «Глобализация все больше становится объективным фактором современного этапа развития человечества, затрагивающим практически все сферы нашей жизни»⁷. Под влиянием процессов глобализации находят прежде всего области культуры и экономики, следовательно, культурные и экономические права человека. Формы влияния глобализации на эти и другие области многообразны и могут выражаться как непосредственно в диалоге культур, так и в их взаимодействии, взаимопроникновении, обогащении и в некоторых других формах.

⁷ Гатиллов С. М. Глобализация, диалог культур и ООН // Диалог культур в условиях глобализации: XI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб.: СПбГУП, 2011. Т. 1: Доклады. С. 46.

Следует согласиться с мнением тех правоведов, которые утверждают, что право наряду с государством и экономикой представляет собой важнейшие системы артефактов, возникновение и развитие которых — существенная составляющая развития общечеловеческой культурной цивилизации¹. Не являются исключением право и экономика России.

Экономика в целом и экономическая политика, право и правовая политика Российской Федерации, дополненные законами мирового культурного развития, осуществляются в том числе через реализацию экономических прав человека. Экономические права, зарождающиеся в глобализирующемся мире, аккумулируются как в международном, так и в национальном праве. Экономические права, закрепленные в международных правовых актах о правах человека, законах разных государств и воспринятые российской национальной правовой системой, становятся основой экономической и правовой культуры граждан России.

Среди источников правового регулирования экономических прав человека в период глобализации важную роль играют международно-правовые нормы. Так, в соответствии со ст. 7 Хартии экономических прав и обязанностей государств от 12 декабря 1974 года² в сфере обеспечения экономических прав каждое государство несет ответственность за содействие экономическому развитию своего народа. Каждое государство ответственно за выбор целей и средств развития, полную мобилизацию и использование своих ресурсов, проведение прогрессивных экономических и социальных реформ, а также обеспечение участия своего народа в процессе развития.

Универсальные нормы содержатся в общих принципах Устава ООН (ст. 1, 13, 55, 56, 62 и 68)³. Во Всеобщей декларации прав человека экономические права представлены только одним правом — правом человека владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими (ст. 17). Причем это право не было включено в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах⁴, принятый спустя 18 лет после Всеобщей декларации прав человека. Такое «упущение» было результатом политического компромисса между Западом и Востоком.

Во внутригосударственном праве экономические права человека и гражданина закреплены Конституцией Российской Федерации. Среди них: право на экономическую деятельность (ст. 34); право частной собственности (ч. 1–3 ст. 35); право на наследство (ч. 4 ст. 35); право частной собственности граждан и их объединений на землю (ст. 36).

Экономические права — это гарантированные государством возможности человека в сфере свободного

¹ См.: Сергеев С. Л. Правовая культура и внутреннее структурирование национальной системы права в контексте глобализации // Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии : материалы Междунар. науч.-теор. конф., 13–14 ноября 2009 г. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 17.

² Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 1997. Т. 3. С. 135–145.

³ Там же. М., 1996. Т. 1. С. 7–33.

⁴ Международное публичное право : сб. док. М., 1996. Т. 1. С. 464–470.

распоряжения собственностью и основными факторами хозяйственно-экономической деятельности.

Из определения видно, что их особенностью и отличием от социальных и других прав является то, что они связаны с собственностью, охватывают свободу человеческой деятельности в сфере производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг. Они обеспечивают соответствующую активность населения, его рыночную свободу.

Говоря о соотношении экономических и социальных прав, нельзя не сказать, что экономические права первичны и возникли раньше, чем социальные. Без экономических прав невозможно реализовать социальные права.

Несмотря на это, многие ученые-правоведы (Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, В. Е. Чиркин, М. В. Баглай) при классификации прав человека не выделяют экономические права в отдельный класс, а включают их в так называемую группу социально-экономических и культурных прав, в которой почти невозможно определить, какие из прав экономические, а какие — социальные⁵. Как считает Н. С. Бондарь, так происходит потому, что и экономические, и социальные, и культурные права имеют единое материальное содержание⁶.

Объединение экономических, социальных и культурных прав в одну группу по указанному выше основанию представляется необоснованным и затрудняет исследование и первых, и вторых. Это попытка объединить несовместимые и внутренне противоречащие друг другу принципы — свободного рынка и социальной справедливости⁷. «Экономически властный характер экономических отношений, пишет Е. А. Лукашева, усиливается по мере того, как средства к жизни и экономические ресурсы, необходимые для выживания многих людей, попадают под контроль и в монопольное распоряжение немногих лиц»⁸.

В отличие от Н. С. Бондаря, автор считает, что материальное содержание экономических и социальных прав разное: первые направлены на свободу предпринимательской деятельности и получение прибыли; вторые — на создание условий для достойного существования людей, особенно тех, что находятся в сфере социального риска.

Мы утверждаем, что экономические и социальные права различны по материальному содержанию и целям, поэтому требуется определить *виды прав человека, которые следует относить к экономическим*. Представляется, что к ним однозначно принадлежат закрепленные в Конституции РФ следующие права: право на экономическую, в том числе предпринимательскую, деятельность (ч. 1 ст. 34); право частной собственности (ч. 1–3 ст. 35); право на наследство (ч. 4 ст. 35); право частной собственности граждан и их объединений

⁵ См., например: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1998. С. 235.

⁶ См.: Бондарь Н. С. Права человека и Конституция РФ. Ростов н/Д, 1998. С. 179.

⁷ См.: Грачев Н. А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 14.

⁸ См.: Лукашева Е. А. Правовое государство, личность, законность. М., 1997. С. 43.

на землю (ст. 36); право на свободу от монополизации и недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34); право на интеллектуальную собственность (ч. 1 ст. 44).

Необходимость определения круга экономических прав объясняется тем, что в среде исследователей по этому вопросу нет единства. Например, Е. А. Лукашева и А. Н. Кононенко к экономическим правам, которые были перечислены выше, дополнительно относят: право на труд, право на справедливую оплату за труд, право на забастовки, заключение коллективных договоров; право на свободное объединение в национальные или международные организации для защиты своих интересов¹.

Конституция РФ говорит о праве каждого на предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Это означает, что понятие «экономическая деятельность» шире понятия «предпринимательская деятельность». То есть всякая предпринимательская деятельность является экономической, но не всякая экономическая деятельность — предпринимательской.

Вопросы, связанные с реализацией рассматриваемого права, регулируются большим количеством законодательных актов, и прежде всего Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) — основным законом рыночной экономики. Кодекс устанавливает общие правила взаимоотношений физических и юридических лиц, складывающихся в процессе экономической деятельности, закрепляет принципы свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела.

Так, согласно ГК РФ *предпринимательская деятельность* — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ст. 2). Граждане имеют право осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (ст. 23), но с обязательной государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или главы крестьянского (фермерского) хозяйства. Кроме того, они могут создавать для занятия предпринимательской деятельностью коммерческие организации в форме хозяйственных товариществ или производственных кооперативов (ст. 50) — юридических лиц, также подлежащих государственной регистрации (ст. 51).

Экономическую деятельность, выходящую за рамки предпринимательства, обычно определяют как деятельность человека, не направленную непосредственно на получение прибыли, но предполагающую использование его способностей и имущества для удовлетворения своих материальных потребностей и интересов (творчество писателя, художника, изобретателя; инвестирование сбережений; ведение подсобного хозяйства, не имеющее цели получения прибыли и т. д.)².

¹ См.: Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 161; Кононенко А. Н. Конституционные социально-экономические права и свободы человека и гражданина в РФ и роль органов внутренних дел в их обеспечении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 38.

² См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Карповича. М., 2002. Ст. 34.

Субъектами права на экономическую деятельность являются любые лица, не ограниченные законом в своей правоспособности. Согласно ст. 18 ГК РФ в содержание правоспособности входит право заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью, создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами, участвовать в обязательствах, совершать любые не противоречащие закону сделки и др.

Часть 1 ст. 35 Конституции РФ в качестве основного права человека и гражданина закрепляет *право частной собственности*, под которым в юридической науке понимают гарантированную законом возможность лица иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, одновременно принимая на себя бремя и риск по его содержанию³.

Особое значение данного права определяется тем, что только оно может быть базой для реализации экономической свободы личности, воплощения в жизнь права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, предоставленного каждому человеку ст. 34 Конституции РФ.

Важно помнить, что частная форма собственности в России признается и защищается равным образом, как и государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Признавая и защищая частную собственность, государство берет на себя обязанность обеспечить ее охрану путем принятия соответствующих законов (ч. 1 ст. 35). Знание человеком того, что государство защищает его право на собственность, вселяет в него уверенность в себя и свое будущее.

Часть 2 ст. 35 Конституции закрепляет *право каждого иметь имущество в собственности*. В содержание *права частной собственности* Конституция и ГК РФ (ст. 209) включают такие правомочия лица, как права владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом единолично либо совместно с другими лицами. При этом *владение* предполагает фактическое обладание имуществом, *пользование* — извлечение из имущества той или иной пользы, обусловленной его потребительскими свойствами, а *распоряжение* — основанную на законе возможность определять судьбу имущества, выражающуюся в следующих формах: 1) путем отчуждения имущества посредством продажи, мены, дарения или иным способом; 2) путем изменения состояния имущества; 3) путем изменения назначения имущества. Распоряжение включает возможность уничтожения вещи, хотя это право может быть ограничено, например в отношении памятников истории и культуры⁴.

Толкование нормы ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, норм ГК РФ и других законов говорит о том, что

³ См.: Суханов Е. А. Общие положения о праве собственности // Гражданское право : учебник для студентов вузов : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 32.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации : науч.-практ. комментарий (постатейный) / отв. ред. ирук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев. М., 2007. (Комментарий к ст. 35).

право частной собственности может быть *ограничено* в трех случаях: 1) когда имущество собственника подлежит принудительному отчуждению для государственных или муниципальных нужд на условиях предварительного и равноценного возмещения (*реквизиция*) (ст. 242 ГК РФ); 2) в случае *конфискации*, произведенной в уголовном, уголовно-процессуальном и административном порядке; 3) в случае обращения в государственную собственность

имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (*национализация*) (п. 2 ч. 2 ст. 235 ГК РФ).

Таким образом, Конституция и законы Российской Федерации в соответствии с тенденциями мирового культурного развития предусматривают весьма широкие, хотя и не безграничные, полномочия права частной собственности человека и гражданина и правовые гарантии их осуществления.

**И. З. Фархутдинов¹;
А. А. Данельян²**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ — ОСНОВА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В условиях глобализации суверенитет, как одна из ключевых политико-правовых категорий, переживает период переосмысления, уточнения своего юридического содержания.

Особое место в истории развития теории государственного суверенитета занимает отечественная дореволюционная наука. Русские дореволюционные ученые обосновали три основных принципа международного права — принцип государственного суверенитета, принцип равенства государств и принцип невмешательства во внутренние дела государства³.

Особую актуальность проблема суверенитета приобретает в связи со свободной по сути циркуляцией иностранных инвестиций по всему миру. Иностранные инвестиции несут в себе не только благоприятные возможности, но и определенные риски⁴.

При свободном движении капиталов по всему миру не каждое государство может успешно защищать национальные интересы. Поскольку иностранный капитал может исчезнуть из страны столь же быстро, как и появился, оставив тяжелые последствия для национальной экономики. В принципе это свободный, ничем не связанный капитал. Масштабный, несбалансированный приток иностранного капитала в экономику того или иного государства объективно в той или иной мере как бы «подтачивает» экономический суверенитет страны.

Хотя рискует не только государство-реципиент, но и иностранный инвестор. Его деятельность, протекая на чужой территории, значит, тем самым подпадая под суверенитет иностранного государства, объективно подвержена определенным, в первую очередь, некоммерческим (политическим) рискам. Поэтому международные инвестиционные отношения в силу своей особой юридической природы не могут быть регулированы только национальным правом.

Благоразумное правовое обеспечение иностранной инвестиционной деятельности требует сбалансированного подхода, то есть адекватного учета интересов как иностранного инвестора, так и публичных (общественных) интересов.

В принципе право государства контролировать допуск иностранных инвестиций неограниченно, так как проистекает из самого понятия государственного суверенитета.

Внутреннее право есть право государства, на территории которого осуществляются инвестиции, а не право государства, из которого происходит инвестор. Однако нестабильность национальных законодательств многих государств на протяжении 60–70-х годов прошлого века и как результат ее — отсутствие безопасности являются причиной того, что инвестор ищет возможность уклониться от подчинения внутреннему праву и поставить себя под защиту международного права — отсюда возрастание числа конвенций, имеющих отношение к статусу и защите международных инвестиций.

Проблемы правового регулирования иностранных инвестиций особенно важны для стран, недавно вставших на рельсы рыночной экономики, успешное функционирование которой возможно лишь благодаря разумным публично-правовым методам регулирования. Между тем, в условиях становления российского инвестиционного законодательства в 90-е годы прошлого века, активного заключения двухсторонних инвестиционных договоров (ДИД) был взят некоторый крен в сторону односторонних гарантий зарубежным предпринимателям на территории нашей страны.

В какой-то мере это не могло не отразиться и на отдельных направлениях реформируемой тогда отечественной правовой науки.

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч.: «Иностранные инвестиции и международное право», «Международное инвестиционное право», «Инвестиционное право» (в соавт.), «Международное инвестиционное право и процесс», «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика» и др.

² Руководитель Центра инновационных проектов Евразийского научно-исследовательского института проблем права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Корпорация и корпоративные конфликты», статей «Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права», «Экономический суверенитет — основа государственной самостоятельности России».

³ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. 2-е изд. СПб., 1887. Т. I.

⁴ См., например: Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests (Rights of the Host States within the System of International Investment Protection) // Czech Yearbook of International Law. 2011. Vol. 2. P. 231–248.

Верховенство норм международного права над национально-правовыми нормами и наоборот должно быть, вероятно, исключено, как принцип взаимодействия двух систем единого комплексного правового механизма регулирования международных инвестиционных отношений, поскольку приоритет одного над другим в сфере иностранных инвестиций ведет к диктату экономически сильной стороны в конкретном правоотношении.

То есть вопрос не стоит о верховенстве международных инвестиционных норм над национальными нормами, эффективное осуществление международным правом своих функций в сфере иностранных инвестиций требует их гармоничного взаимодействия на основании двухуровневого (международно-правового и национального) регулирования инвестиционных отношений данной категории.

В общем, национальное право во взаимодействии с международным правом призвано определить статус всех видов собственности в сфере иностранных инвестиций, их общий и специальный правовой режим, государственные гарантии и способы защиты иностранных инвестиций, формы и методы урегулирования международных инвестиционных споров и т. д.

Оценивая положительно отход России от командно-административных методов управления хозяйственной деятельностью, особенно когда государство осуществляло тотальное администрирование над всеми ее участниками, нельзя не признать и некоторые его отрицательные последствия. Форсированная либерализация и чрезмерный уход государства от функций экономического администрирования в условиях перехода к рыночной экономике привели к тому, что оно невольно сузило свои прямые обязанности быть высшим выразителем и защитником публичных интересов общества и государства.

Сбалансированная государственная инвестиционная политика требует, чтобы в ее недрах разумно переплетались общественные интересы государства-реципиента и частные интересы инвесторов.

Суверенное государство должно сохранять за собой право регулировать допуск иностранных частных инвестиций. При разработке норм и при их применении государства должны принимать во внимание международный опыт правового регулирования. Наиболее эффективным решением проблемы правового регулирования иностранных инвестиций является открытый доступ, возможно, в рамках списка отраслей, открытых для иностранных частных инвестиций (при существовании списка ограниченного числа отраслей, видов деятельности, закрытых для иностранных инвестиций или требующих оценки условий допуска).

Следовательно, суверенное государство может по праву издавать юридические нормы, направленные на регулирование деятельности физических или юридических лиц, находящихся за пределами национальной территории, при условии, что эти физические или юридические лица связаны с ней узами гражданства. Однако суверенное государство не может использовать свое право на принуждение с целью осуществления на территории другого суверенного государства юридической нормы, которую оно издало и намеревается применять за пределами своей национальной территории.

Важное значение для защиты национальных интересов России имеют так называемые меры разумного государственного вмешательства. В западной юридической доктрине утвердилась точка зрения, признающая правомерными меры разумного государственного вмешательства в коммерческую деятельность инвестора. При этом особо примечательным является то, что данная доктрина нашла конкретное подтверждение и в международной арбитражной практике.

Что касается отечественной правовой теории, то впервые данную тематику несколько лет назад начал разрабатывать один из авторов этих строк¹.

Международное право содержит основополагающие принципы осуществления государственного суверенитета в межгосударственных инвестиционных отношениях. Необходимо уметь их использовать. Благоразумное правовое обеспечение иностранной инвестиционной деятельности требует сбалансированного подхода, то есть адекватного учета интересов как иностранного инвестора, так и публичных (общественных) интересов.

Суверенитет одного государства всегда ограничен суверенитетом другого. Суверенитет и вытекающие из него права могут реально существовать лишь при условии взаимного признания их государствами. Все это невозможно обеспечить без усиления экономического суверенитета.

Россия, если она хочет получить максимальную выгоду от международных инвестиционных процессов, должна проводить сбалансированную, рациональную внешнюю экономическую стратегию и тактику. Во-первых, необходимо, чтобы либерализация торговых и финансовых оборотов осуществлялась на основе национальных интересов страны в соответствии с межгосударственными двусторонними и многосторонними соглашениями. Во-вторых, необходимо, чтобы целенаправленно проводилась политика увеличения открытости на разных интеграционных уровнях — в рамках СНГ (Евразийского экономического сообщества — ЕврАзЭС, Единого экономического пространства — ЕЭП и др.).

¹ Фархутдинов И. 3. Международное инвестиционное право и процесс. М., 2010; *Он же*. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. 2008. № 3; *Он же*. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. 2008. № 5; *Он же*. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. 2008. № 3.

Г. Ф. Фейгин¹

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (На примере Европейского Союза)

Со второй половины XX века активно развивается процесс глобализации, который охватывает различные сферы общественной жизни. Можно говорить о культурной глобализации, то есть об универсализации системы человеческих ценностей. Как отмечает М. Б. Питровский, современный человек живет в нескольких культурах: семейной, организационной, национальной, глобальной. Происходит сложное и необычайно многообразное взаимодействие различных культурных плоскостей. Обращает на себя внимание всевозрастающая роль *региональной культуры*. В качестве одной из форм проявления глобализации можно рассматривать региональную интеграцию. Речь идет о большом количестве региональных соглашений о партнерстве, заключенных после Второй мировой войны. Вплоть до начала 1960-х годов количество региональных соглашений было невелико, но затем стало стремительно увеличиваться и к концу 2000-х годов превысило 250².

В глобализирующемся мире резко обостряется конкуренция, и отдельные страны постоянно ищут способы обеспечения защиты своих национальных интересов. В качестве возможного (и распространенного в последнее время) шага можно рассматривать вступление в региональные экономические и торговые блоки. Подобные блоки позволяют отдельным странам стать элементами неких региональных групп, геополитическое значение которых все более возрастает. Крупнейшими блоками на сегодняшний день являются: Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), общий рынок стран Южной Америки (Меркосур).

Одной из важнейших задач этих (и более мелких) блоков является развитие региональной экономической

интеграции. Однако хозяйственная деятельность человека представляет собой элемент цивилизационной культуры. Поэтому развитие процессов региональной интеграции можно рассматривать как фактор формирования региональных культур и возрастания их значимости в современном мире. Расположение отдельных стран в рамках одного региона обуславливало относительно идентичные условия их развития и достаточно частые контакты со своими ближайшими соседями. Тем самым формировались исторические предпосылки для образования региональных культурных общностей. Развитие экономической интеграции приводит к усилению контактов между представителями отдельных стран и взаимодействию их во многих сферах общественной жизни. Все это также способствует формированию региональной культуры.

Региональная культура занимает промежуточное положение между национальной и глобальной культурными плоскостями. Интеграция в региональную культурную общность помогает отстаивать свои национально-культурные интересы в динамичном и нестабильном глобальном культурном пространстве. Однако в действительности процесс региональной интеграции сложен и противоречив. Далеко не во всех региональных блоках интеграционные процессы можно признать успешными. Наряду с интеграцией периодически наблюдается и распад интеграционных образований, то есть дезинтеграция. Огромную роль здесь несомненно играют социально-культурные аспекты. Есть основания предполагать, что темпы развития интеграционных процессов определяются наличием некоторых объективно существующих предпосылок (рис. 1).

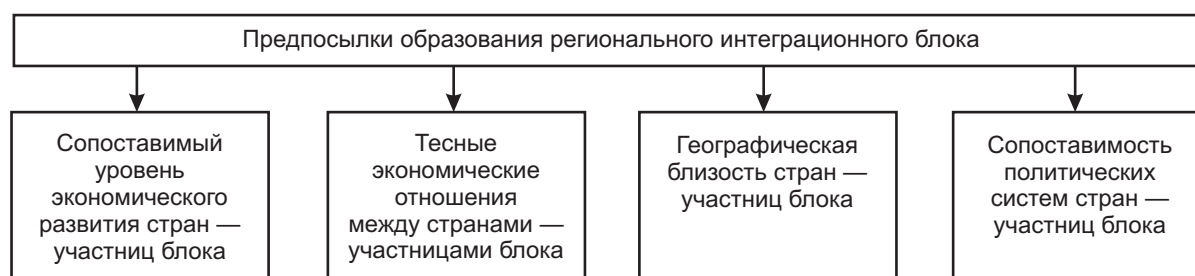

Рис. 1. Предпосылки образования регионального интеграционного блока

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России» и др.

² Cassel D., Welfens P. Wirtschaftsintegration, Regionalismus und multilaterale Wirtschaftsordnung: Entwicklungstendenzen und Gestaltungsprobleme // Regionale Integration und Osterweiterung der Europäischen Union. Stuttgart, 2003. Bd. 72. S. 19.

Обозначая основные предпосылки интеграции, мы предполагаем, что их *наличие* приведет к интеграции, а их отсутствие сделает интеграционные отношения нецелесообразными. Кроме того, следует отметить, что обозначенные интеграционные факторы динамичны. Это означает, что при их появлении возникают объективные предпосылки для образования интеграционных союзов. Однако если данные факторы утрачивают свою актуальность, то может произойти дезинтеграция.

На основании сделанных допущений можно говорить о том, что *социально-культурный фактор* затрагивает все обозначенные предпосылки региональной интеграции. Экономический аспект (сопоставимый уровень экономического развития стран) рассматривается как часть национальной культуры. Развитие производства так или иначе выражает культурные традиции, проявляющиеся в процессе создания продуктов. При идентичном уровне экономического развития разных стран можно предположить, что их национально-культурные традиции в хозяйственной сфере имеют определенное сходство, что является предпосылкой интеграции. Аналогичные рассуждения применимы и к экономическому сотрудничеству стран — участник блока. Если данное сотрудничество носит тесный характер, то экономические культуры этих стран постоянно пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Тем самым данная предпосылка интеграции также имеет национально-культурную основу.

Культурная составляющая отчетливо прослеживается и в рамках географического фактора интеграции. Расположенные в одном регионе страны имеют относительно идентичные географические (природно-климатические) условия, что предопределяет некоторое сходство национальных культур, населяющих эти страны народов. При этом гипотеза о влиянии природно-климатических особенностей среды обитания на национальный менталитет народов представляется неопровержимой. Наконец, политическая система также выражает культурные традиции, связанные с механизмом организации власти в стране. Однако национально-культурные факторы могут обуславливать не только предпосылки интеграции, но и сложности этого процесса. Культурные особенности населяющих территорию отдельных стран народов предполагают стремление сохранить свою национально-культурную идентичность, что зачастую вступает в противоречие с интересами регионального блока как единого целого. В определенных случаях культурные факторы можно рассматривать как препятствие на пути вступления страны в региональный блок или как основание выхода страны из регионального блока. В любом случае при построении интеграционной модели в рамках интеграционного блока следует учитывать стремление народов отдельных стран отстаивать свои национально-культурные интересы.

Наиболее крупным и развитым на сегодняшний день региональным блоком является Европейский Союз (ЕС). ЕС начал формироваться практически сразу после Второй мировой войны. 18 апреля 1951 года в Париже был подписан договор о создании Европейского объединения угля и стали. Помимо Франции и ФРГ, в него вошли Бельгия, Италия, Люксембург и Нидерланды. Следующим шагом на пути развития европейской экономической интеграции явилось создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в результате подписания Римского договора 25 марта 1957 года. Основные задачи ЕЭС сводились к созданию таможенного союза, формированию единого европейского рынка, а также к совместному контролю атомной промышленности, за исключением военного

компонента. К началу 1990-х годов в ЕЭС, помимо вышеупомянутых стран, вошли Великобритания, Ирландия, Дания, Греция, Испания и Португалия. Преобразование ЕЭС в ЕС произошло в 1992 году при подписании Маастрихтского договора. Создание ЕС значительно расширило сферы европейской интеграции. Наряду с экономическим сотрудничеством была достигнута договоренность об осуществлении совместной политики в области юстиции и внутренних дел, а также в области политики внешней безопасности. ЕЭС было фактически преобразовано в одно из направлений интеграции в рамках ЕС.

За последние 20 лет после подписания Маастрихтского договора в рамках европейской интеграции был сделан ряд дальнейших шагов вперед. В ЕС было принято 15 новых стран: Австрия, Финляндия, Швеция (1995), Венгрия, Латвия, Литва, Кипр, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония (2004), Болгария и Румыния (2007). В 1995 году было подписано Шенгенское соглашение, фактически означающее ликвидацию границ на территории ЕС. К настоящему времени это соглашение подписали все члены Евросоюза (за исключением Великобритании, Ирландии, Болгарии, Румынии и Кипра), а также некоторые страны Западной Европы, не входящие в ЕС (Швейцария, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн). В 2002 году была введена единая европейская валюта (евро), которая распространена на территории 17 стран — членов ЕС. Кроме того, в Евросоюзе предоставлены широкие полномочия наднациональным руководящим инстанциям (Совет ЕС, Европейская комиссия, Европейский парламент, Европейская счетная палата и т. д.). В рамках ЕС большое внимание уделяется единой структурной политике, направленной на выравнивание экономического развития различных европейских регионов.

Таким образом, ЕС представляет собой не только крупнейший, но и наиболее продвинутый (с точки зрения степени развития интеграции) блок. Единая региональная валюта существует фактически только на территории ЕС. ЕС превосходит другие региональные блоки по таким интеграционным аспектам, как полномочия наднациональных руководящих инстанций, степень либерализации торговых отношений, свобода территориального перемещения людей и т. д. Можно сделать вывод о том, что Евросоюз оказался более успешным по сравнению с другими блоками в контексте реализации интеграционного проекта, либо в других блоках пока еще не достигнут характерный для ЕС уровень интеграции.

Следует отметить, что вышеупомянутые интеграционные предпосылки в значительной мере характерны для Европы. Этим во многом объясняется относительный успех ЕС по сравнению с другими блоками в контексте развития интеграции. Однако социально-культурный фактор постоянно ставит перед ЕС, как перед интеграционным блоком, все новые проблемы. Несмотря на географическую близость европейских стран, сопоставимый уровень их экономического развития, политических моделей и тесные экономические контакты, исторически сложилось национально-культурное своеобразие на-

селяющих Европу народов. Социологические исследования подтверждают важность национально-культурных традиций для населения ЕС, при этом

значение национальной составляющей для современных европейцев не только не ослабевает, но и усиливается (табл. 1).

Таблица 1

**Осознание населением Европейского Союза своей европейской и национальной идентичности
(процент населения по результатам социологических опросов)**

	ЕС-12 (1994), %	ЕС-15 (1999), %	ЕС-25 (2004), %
Все население ЕС			
Только европейская идентификация	7	4	3
Идентификация европейская и национальная	10	7	7
Идентификация национальная и европейская	46	43	47
Только национальная идентификация	33	43	41
Франция			
Только европейская идентификация	11	7	4
Идентификация европейская и национальная	12	7	9
Идентификация национальная и европейская	52	49	55
Только национальная идентификация	22	35	30
Германия			
Только европейская идентификация	9	4	5
Идентификация европейская и национальная	15	9	9
Идентификация национальная и европейская	43	37	48
Только национальная идентификация	29	46	36
Великобритания			
Только европейская идентификация	7	5	1
Идентификация европейская и национальная	7	4	5
Идентификация национальная и европейская	34	27	35
Только национальная идентификация	49	62	55

Источник: URL: <http://www.worldbank.org>

Данные таблицы свидетельствуют о том, что европейское самосознание среди граждан ЕС за время европейской интеграции не стало распространенным явлением. Более того, расширение ЕС в 1994 году в известной степени подорвало процесс становления европейского самосознания. Если в 1994 году только европейцами осознавали себя 7 % населения, то к 2004 году число таких людей сократилось до 3 %. Также наблюдается уменьшение количества людей, считающих себя исключительно европейцами, во Франции, Германии и Великобритании. В то же время нельзя говорить о полном неприятии населением Евросоюза идеи создания европейской нации. Так, велика доля населения, ставящего на первое место свою национальную принадлежность, но уже ощущающего себя европейской нацией. В некоторых странах (во Франции, Германии, Великобритании) и в ЕС в целом доля такого населения возросла в период с 1999 по 2004 год. При этом доля населения, осознающего исключительно национальную принадлежность, в период с 1999 по 2004 год в ЕС в целом и во всех рассмотренных странах также выросла. Идея формирования единого европейского сознания не чужда населению ЕС, но большинство европейцев органически сочетают в своем сознании европейскую и национальную принадлежность и при этом зачастую ставят национальную принадлежность на первое место. Будущее европейской интеграционной модели во многом зависит от того, в какой мере политика ЕС сможет учесть

сочетание национальной и европейской составляющих в сознании населения и достичь в данном контексте разумного баланса.

Национально-культурный фактор обнаруживает себя и в таком явлении, как долговой кризис, переживаемый в настоящее время еврозоной. Введение единой европейской валюты означало, что функции национальной денежной системы передаются на уровень руководства ЕС. Речь идет об осуществлении единой общеевропейской денежно-кредитной политики. Однако это возможно лишь в том случае, если неразрывно связанные с денежно-кредитной политикой задачи (налогово-бюджетные приоритеты) также решаются на основании сходных принципов. Однако в современной практике Евросоюза этого до сих пор не наблюдалось. Отдельные страны еврозоны, а также их муниципальные образования были наделены высокой степенью самостоятельности при решении налогово-бюджетных вопросов. Сохранение этой самостоятельности в значительной мере было обусловлено стремлением учесть национально-культурные интересы в рамках экономической политики ЕС. Налогово-бюджетные приоритеты той или иной страны (или региона) во многом определяются социально-культурными проблемами, характерными для местного населения. Нынешние реалии показывают, что существовавшая до сих пор практика привела к долговому кризису и ее применение в дальнейшем нецелесообразно. В настоящее время в рамках еврозоны решаются проблемы, связанные с созданием

новой, более эффективной интеграционной модели, которая не будет ставить под угрозу дальнейшее существование единой европейской валюты.

Таким образом, развитие интеграционных процессов в современном мире обусловлено наличием определенных предпосылок, которые исторически формируются в различных регионах. Интеграционные процессы способствуют формированию региональной культуры, занимающей промежуточное положение между глобальной и национальной культурными плоскостями. Особенно отчетливо данный феномен проявляется в последние десятилетия в рамках Европейского Союза. Значительные успехи интеграции в ЕС свидетельствуют о наличии сформировавшейся европейской культурной общности. В то же время проблема сохранения национально-культурного своеобразия продолжает оставаться актуальной для функциониру-

ющих в настоящее время региональных интеграционных блоков (в том числе для ЕС). Сложность и многоаспектность данной проблемы определяют тот факт, что хозяйственная, правовая и политическая системы страны являются элементами национальной культуры. Региональный интеграционный блок может быть устойчивым и успешно развиваться в том случае, если будет найдено разумное соотношение курса на углубление интеграционных процессов и использование инструментов для защиты национальных интересов проживающих на территориях регионального блока народов. Однако найти такое соотношение на практике непросто. Оно динамично и на каждом новом этапе существования интеграционного блока может принимать разные формы. Это подтверждает вся история становления ЕС, в частности долговязый кризис еврозоны, наблюдаемый в настоящее время.

Е. В. Харитонова¹

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В современной геополитической ситуации одним из решающих факторов в борьбе за влияние в Африке, помимо финансовых возможностей, становится способность выстраивать эффективный диалог с африканскими партнерами. Правильное выстраивание диалога на основе реального взаимопонимания и партнерства в свою очередь невозможно без понимания сути процессов, которые происходят в африканских странах, без знания наиболее острых проблем, которые стоят перед Африкой, а также без понимания культурных традиций, ментальных особенностей, настроений, «вызовов» и ожиданий стран африканского континента.

Сможет ли Россия удержать и усилить свое влияние на африканском континенте, во многом зависит от двух важнейших факторов. С одной стороны, это продуманная государственная стратегия, с другой — конкретные способы ведения бизнеса и выстраивания диалога с африканскими партнерами.

На африканском континенте существует более 50 независимых государств, каждое из которых включает несколько этнических групп. Африка — это самобытный мир со своими уникальными культурами, традициями, обычаями, нормами поведения, ценностями, социальными представлениями и установками, деловыми культурами и способами социальных и культурных коммуникаций. По разнообразию культурных тра-

диций Африка наряду с Евразией может считаться одним из главных мультикультурных регионов мира.

Российский бизнес в Африке сталкивается с серьезными проблемами, поскольку ему приходится взаимодействовать не с одной «иной» культурой, а с несколькими одновременно, и работать в условиях реального мультикультурализма.

Разнообразие культур и традиций в Африке имеет различное происхождение. С одной стороны, колоссальный культурный слой связан с колониальным прошлым африканских стран, с наслоениями западной культуры и западных ценностей, причем тоже различных: британских, бельгийских, французских, португальских, а в Намибии — германских. С другой стороны, это мощный фундамент традиционной культуры.

В постколониальную эпоху западное культурное влияние осуществлялось через систему образования, а в дальнейшем также по каналам СМИ, в том числе через Интернет, который в последние годы получил значительное развитие в городах Африки².

Работая с африканскими партнерами, российские бизнесмены должны понимать сложные культурные напластования, с которыми им предстоит столкнуться. Так, в одном государстве могут оказаться представители разных местных (региональных) параллельно существующих культур и традиций (например, традиции народа шона и народа ндебеле в Зимбабве).

Существуют и «вертикальные» культурные напластования. Партнер может иметь «внешний» культурный пласт, полученный в условиях реальных процессов модернизации в африканских странах (особенно в странах африканского Юга), и «внутренний», базовый пласт культуры, связанный с традициями, обычаями, ценностями. Человек, который не располагает

¹ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «О способах “повышения уровня диалогичности” в международных коммуникациях (на примере 44-го Президента Америки)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье», «Эффективные деловые коммуникации в международном бизнесе: принцип «подстройки» (на примере китайской дипломатии в Африке)», «“Смысл для себя” и “смысл для других”: корпоративный имидж и корпоративная культура», «Люди в организации (к вопросу об “антропологии” российского бизнеса)» и др.

² См. об этом: *Панцеров К. А.* Страны тропической Африки в системе современных международных информационных отношений. СПб., 2011.

специальной информацией и не чувствует культурно-ментальной специфики африканских партнеров, особенностей их деловой культуры, не сможет выстроить с ними эффективный диалог. Малейшая «неточность» в поведении, неучет культурного и исторического контекста может обернуться разрушением диалога. Усилия должны быть нацелены на установление доверительных отношений, на демонстрацию уважения и понимания проблем, стоящих перед нашими африканскими партнерами.

Международные отношения требуют специально-го изучения особенностей деловой культуры партнера. Внимание и уважение к национальной специфике и традициям государства, с которым мы планируем вести диалог, является противовесом глобализационным унифицированным элементам «западной» деловой культуры и может дать положительный результат, не всегда объяснимый простой финансовой выгодой. Учет традиций и ментальности делового партнера создает позитивный эмоциональный фон, на котором возрастает вероятность благоприятного исхода переговоров, эффективного диалога и взаимовыгодных деловых коммуникаций.

В 2008 году в Институте Африки РАН под руководством автора были начаты научно-исследовательские работы, направленные на информационно-аналитическое обеспечение деятельности российского бизнеса в Африке. Их задача — помочь бизнесу ориентироваться в африканской реальности, устанавливать контакты с африканскими деловыми партнерами, правильно вести диалог, учитывая комплекс знаний об истории, культуре, ментальности, психологических особенностях поведения африканских партнеров по международным отношениям. В 2010 году по заданию одной из крупнейших российских государственных корпораций состоялась научно-исследовательская экспедиция в Зимбабве. В сентябре-октябре 2010 года состоялась исследовательская экспедиция в ЮАР и Намибию¹.

Были изучены параметры, которые в наибольшей степени отражают стратегическую задачу эффективного диалога в международных отношениях.

Первый параметр — общая установка африканских стран по отношению к деловому партнерству в международных отношениях; второй — представления об «ответственности» иностранного капитала, приходящего в бедный регион, перед африканскими государствами и перед местным населением; третий параметр касается специфики деловой культуры африканцев, определяющей характер и эффективность диалога в мультикультурных коммуникациях.

Исследование предпочтений относительно характера партнерства в сфере деловых отношений между государствами ЮАР, Намибия и Зимбабве и представителями российского бизнеса проводилось по авторской методике (Е. В. Харитоновна). Было выделено пять ориентаций, влияющих на выбор делового партнера: ориентация на «особый путь» и ограничение внешних влияний; ориентация на новые технологии и модернизацию экономики; ориентация на долгосрочное

стратегическое партнерство; ориентация на донорскую поддержку; ориентация на западные деловые стандарты и интеграцию в мировую экономику. Был проведен опрос в африканских университетах, в государственных и коммерческих структурах африканских стран. Одновременно опрашивались представители российского бизнеса и сотрудники российских посольств, чтобы была возможность сопоставить данные. Данные исследований, касающихся социальной ответственности бизнеса, частично были представлены в докладе на Лихачевских чтениях в 2011 году². Российский бизнес, идущий в Африку, должен представлять себе, насколько болезненными являются там вопросы, связанные с социальной сферой. Бизнесмены должны уметь выстраивать диалог, демонстрируя понимание проблемного поля, в котором им предстоит работать.

Вместе с тем основной вывод, который можно сделать, — это существенные, иногда диаметрально противоположные представления африканской и российской сторон о формах социальной ответственности бизнеса. Представления о «правильных» моделях социальной ответственности бизнеса у африканцев идеализированные, наивно-романтические, связанные с представлением о «социальной справедливости». У российских бизнесменов представления можно назвать «цинично-прагматическими» (хотя есть исключения, их представляют люди, которые знают и любят Африку). Знание ожиданий африканской стороны должно способствовать эффективному диалогу в условиях культурно-цивилизационной специфики и мультикультурных коммуникаций.

Для выявления специфики деловой культуры африканцев нами был собран и систематизирован материал, касающийся особенностей поведения и межличностных отношений представителей африканских стран в условиях диалога с представителями российского бизнеса. Деловая культура африканцев может считаться культурой, ориентированной на отношения (в отличие от культур, ориентированных на задачу), и относится к типу «полиактивных» культур, по Р. Льюису³. Необходимо проявлять истинное уважение и заинтересованность, находить темы в области интересов партнера. Неверный тон в отношениях может обернуться серьезной проблемой. Африка не прощает пренебрежительного отношения к себе. Необходимо знать и понимать культурно-исторический контекст, учитывать проблемные зоны, предпочтения, ожидания.

Если оставить за скобками финансовую компоненту, то установление и поддержание личных отношений с представителями деловых кругов, понимание специфики их деловой культуры, понимание их проблем — главный путь к эффективному диалогу.

Можно сделать вывод, что международные отношения со странами Африки являются формой диалога в сложной мультикультурной ситуации, что делает особенно трудным и ответственным поведение российской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 10-03-03210 е/р.)

² См.: Харитоновна Е. В. Понятие «социальная ответственность» в контексте диалога культур // Диалог культур в условиях глобализации : XI Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2011. С. 443–444.

³ См.: Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. М., 1999.

стороны, требует специальных знаний и подготовки. В то же время, владея необходимой информацией, российский бизнес будет соответствовать логике «афри-

канского развития» и ожиданиям африканцев, что создаст почву для эффективного диалога между Россией и странами африканского континента.

Е. Ф. Чеберко¹

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Вопрос о партнерстве цивилизаций как нигде остро стоит при рассмотрении экономических проблем, которые предельно усложнились в условиях глобализации. Вопреки ожиданиям, с развитием производительных сил общества разрыв между бедными и богатыми странами не только не уменьшается, а постоянно увеличивается. Материальной основой возрастающего неравенства является разница в уровне технологического базиса этих государств.

Составители международного рейтинга глобальной конкурентоспособности все страны разделили на группы, соответствующие трем этапам развития. В первую группу включены страны, находящиеся на этапе развития за счет факторов производства (factor-driven), — прежде всего неквалифицированной рабочей силы и природных ресурсов. На следующий этап переходят страны, развивающиеся за счет эффективности (efficiency-driven), когда они начинают создавать более эффективные производственные процессы и повышать качество продуктов. На третий этап развития страны переходят за счет инновационной деятельности (innovation-driven), когда их компании начинают производить новые, уникальные продукты².

Состояние производительных сил первой группы позволяет специалистам утверждать, что в ближайшие 20 лет категория «отстающие страны» трансформируется в «навсегда отставшие». Несмотря на то, что составители рейтинга отнесли Россию к этапу переходному от второго к третьему, для нее существует реальная угроза попасть в ряды отставших навсегда.

В то время как развитые страны находятся на стадии формирования ядра шестого технологического уклада (ТУ), Россия занимает скромное место даже по применению технологий пятого ТУ. Ее доля в объеме мирового рынка современных высоких технологий составляет, по различным оценкам, от 0,3 до 0,5 %, а доля в мировом экспорте наукоемкой продукции — 0,13 %. Для сравнения: аналогичные показатели инновационных лидеров США, Японии, ЕС составили соответ-

ственно 39, 30, 18 % рынка высоких технологий и 24, 13, 15 % экспорта наукоемкой продукции³.

Ситуация усугубляется тяжелым мировым кризисом, но именно она дает шанс отстающим в технологическом развитии странам максимально сократить отставание, поскольку фундаментальной причиной экономических потрясений последних лет является переход к новому технологическому укладу. И вот здесь, по мнению академика С. Ю. Глазьева, «отстающие страны получают преимущество. Поскольку они не обременены чрезмерным перенакоплением капитала в рамках устаревшего ТУ, то при формировании нового уклада могут ориентироваться на уже накопленный инвестиционно-технологический опыт развитых стран, оптимизируя состав создаваемых технологических цепочек»⁴.

Кризис несет с собой значительные ресурсные потери, но одновременно дает шанс решить свои проблемы практически всем активным участникам процесса формирования нового ТУ. Для кого-то это возможность преодоления технологической отсталости, а для кого-то шанс захватить лидерство на перспективных направлениях технического прогресса. В этой ситуации является настоятельная необходимость и возможность партнерства цивилизаций при решении общей для всех задачи преодоления системного цивилизационного кризиса, которое не ограничивается модернизацией производительных сил, но с нее начинается.

Для решения стратегических задач, стоящих перед человечеством, нужны не только объективные предпосылки, но и соответствующая созидательная работа. При этом содержание и методы этой работы участники инновационного процесса видят по-разному. Поэтому для успешного сотрудничества необходимо соблюдение взаимного интереса.

Можно вспомнить опыт проведения советской индустриализации в 1930-е годы. Советский Союз воспользовался благоприятной для него экономической конъюнктурой для приобретения современных технологий. С иностранными фирмами заключались договоры, по которым они обязывались: подготовить строительный или технологический проект с полным описанием и спецификациями оборудования, станков и механизмов; передать советскому заказчику свой производственный опыт (технологические секреты, патенты и т. п.); прислать квалифицированных специали-

¹ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Совершенствование управления государственным сектором экономики» (в соавт.), «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макроэкономический аспект)», «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Закономерности формирования современной Национальной инновационной системы» (в соавт.) и др.

² Глобальная конкурентоспособность 2009–2010 гг.: докл. Всемирного экономического форума (Давос, Швейцария, январь 2010 г.). М., 2010. С. 18–23.

³ Кучуков Р. Роль государства в формировании инновационной экономики // Экономист. 2009. № 6. С. 10–11.

⁴ Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 27.

стов для наблюдения за строительством и пуском объекта; обучить определенное количество советских инженеров и рабочих производственным методом компании на ее предприятиях. ДнепроГЭС, Сталинградский и ряд других тракторных заводов, Магнитогорский металлургический комбинат и ГАЗ создавались в качестве предприятий американского технико-технологического типа. Сталинградский тракторный завод был сооружен в США, размонтирован, перевезен и собран под наблюдением американских инженеров¹.

Казалось бы, ситуация повторяется, и для находящейся в кризисном состоянии Европы российский рынок является решением проблемы перепроизводства машин и оборудования новейших образцов, спрос на которые на традиционных рынках упал. Но сегодня многое, если не главное в политике корпораций определяется стратегией, проводимой национальным государством, что бы ни говорили по этому поводу сторонники либеральных рыночных концепций. Особенно в ходе последнего кризиса, когда ряд крупнейших промышленных предприятий был спасен колоссальными государственными дотациями. Многие из них готовы сотрудничать с Россией на взаимовыгодных условиях, но не получают соответствующих посылов от правительств, которые исходят не столько из экономических, сколько из политических резонансов.

Наряду с проблемой привлечения иностранных технологий актуальна проблема заимствования социальных институтов. Сторонники заимствования считают инновационность имманентным свойством европейской культуры, и у России нет шансов преодолеть технологическое отставание на базе традиционных институтов. Единственный выход — это демонтировать их и заменить зарубежными, которые доказали свою эффективность в создании современной инновационной экономики.

В настоящее время безусловным лидером технологического прогресса являются США. Следуя вышеприведенным рекомендациям, нужно как можно точнее скопировать американскую инновационную систему. Такой упрощенный подход не просто ошибочен, но и опасен своими последствиями. Совсем не потому, что зарубежный опыт нам не нужен и что американская система плоха. У нас сегодня просто отсутствуют элементы, из которых эту систему можно создать.

В соответствии с концепцией «Тройной спирали» обязательными составляющими американской НИС являются предпринимательские университеты, малый инновационный бизнес, площадка, на которой находят друг друга представители всех элементов инновационной системы в виде технополисов. Ни одного из на-

званных элементов в зрелом состоянии у нас нет. Все это находится в стадии становления. Американцам для создания современной НИС потребовалось практически пять десятилетий. Ее высокая эффективность признана всеми, но никому не удалось ее успешно скопировать, хотя попытки предпринимались.

Предостерегают нас от слепого копирования сами американцы. Автор концепции модели «Тройная спираль» Генри Ицкович довольно скептически относится к идее создания «Сколково». В предисловии к своей книге ученый приводит исторический пример «инновационного» заимствования у США. Речь идет об обернувшейся в свое время для нашей страны огромными потерями эпопее с кукурузой. Как пишет Генри Ицкович, высокая урожайность кукурузы в Айове никак не гарантирует высокий ее урожай под Москвой просто потому, что это была модель, подходящая для американского штата. И сегодня воли государства может оказаться недостаточно для реализации такого проекта, как «Сколково»².

Не менее скептически настроен профессор школы бизнеса Babson College (штат Массачусетс, США) Д. Дж. Айзенберг, который считает, что для создания эффективной экосистемы предпринимательства не нужно ставить недостижимые цели, беря за образец иные экономические реальности. Он предлагает строить экосистему сообразно местным условиям. Решения должны возникнуть на местной почве, включая природные ресурсы, географическое расположение, климат и культуру³.

Уже само допущение, что современное человечество должно развиваться по единственному сценарию, является абсурдным и не может иметь серьезного обоснования. Стремление всех привести к одному знаменателю окончательно себя дискредитировало как в экономической жизни, так и в политике. Провалился, нанеся существенный ущерб экономике не одной страны, Вашингтонский консенсус. Признана несостоятельной политика ассимиляции иммигрантов в Европе. Нигде не увенчались успехом насильственные попытки внедрить западные образцы демократии как единственно правильные и единственно приемлемые для любого государства мирового сообщества.

Вывод о бесперспективности заимствования чужих институтов не означает полного отказа от использования мирового опыта. Речь просто идет о необходимости учитывать возможности совместимости разных культур. Это не всегда допустимо, но использование элементов другой культуры, комплементарных с базисными, традиционными, является обязательным средством повышения эффективности национальных институтов.

¹ Дементьев В. Догоняющее развитие через призму теории «длинноволновой» технологической динамики: аспект «окон возможностей» в кризисных условиях // Российский экономический журнал. 2009. № 1–2. С. 46.

² Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты–предприятия–государство. Инновации в действии / пер. с англ., предисл. А. Ф. Уварова. Томск, 2010.

³ Isenberg D. J. How to start an entrepreneurial revolution // Harvard business rev. Boston, 2010. Vol. 88, № 6. P. 41–50.

И. А. Честнов¹

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Содержание культуры постиндустриального, информационного общества раскрывают с помощью терминов «постмодерн» или «постмодернизм». Этот термин, появившийся в первой трети XX века, утвердился в 1980-е годы и на два десятилетия определил контекст всех социокультурных явлений и процессов, в том числе и права. Сегодня настало время и возможность рефлексивного анализа этого противоречивого явления², дабы наметить контуры наступающего постпостмодерна (After-postmodernism).

Постмодерн — это прежде всего радикальная критика общества эпохи модерна. Деконструкция как разрушительная критика индустриального общества, преимущественно его культуры, во многом справедливая, эксплицирует, с одной стороны, разрушительные тенденции в неуклонно расширяющейся *homo economicus* на рост экспансии человека в отношении с природой, ее полное подчинение потребностям человека — представителя «золотого миллиарда». С другой стороны, постмодерн выявляет структуры власти, которая в новых — знаково-символических — формах доминирует над психикой и поведением масс³.

В науке постмодерн развенчал претензии законодательного разума⁴ на полное познание и преобразование мира. Если электрон по своим внешним проявлениям неисчерпаем, как утверждал В. Гейзенберг (задолго до прихода постмодерна), то такие феномены, как человек, культура, право, тем более неисчерпаемы. Отсюда отказ от каузальной причинности, признание стохастичности и непредсказуемости более или менее сложных явлений и процессов⁵.

Чутко реагируя на открытия в разных научных областях (тут надо вспомнить принцип дополнительности в физике, ограничительные теоремы в логике, гипотезу лингвистической относительности и др.), постмодерн акцентирует внимание на многогранности и неопределенности, постоянной и непредсказуемой изменчивости, контекстуальной обусловленности, сконструированности (хотя и не произвольным

образом), а не «заданности» явлений и процессов культуры, содержание которых определяется континуумом смыслов и значений.

Все это бросает вызов классической науке вообще и юридической в частности, так как радикально меняет (если не отменяет) гносеологию⁶, онтологию (а также соотношение между ними), критерии рациональности. Так, социальная эпистемология (которая сама по себе не является детищем постмодерна, но некоторые идеи которой им восприняты) доказала зависимость постановки проблемы, процесс и результат научного исследования от социокультурного контекста. Отсюда точка зрения наблюдателя и используемые им методы конструируют предмет научного исследования, его образ. Тем самым онтология становится зависимой от гносеологии.

Лингвистический «поворот» акцентирует внимание на роли языка, который «говорит человеком», навязывая ему (нам) систему видения и классификации мира. Более того, он показывает, что любое явление попадает в поле зрения человека, только будучи наименованным и означенным, поэтому в нем всегда взаимодействуют внешняя и внутренняя психическая стороны. Последняя — в виде ментальных стереотипов, сложившихся и воспроизводимых (в том числе постоянно изменяющихся) в соответствующей культуре, — задает границы и критерии оценки поведения, квалифицируя поведение как правомерное или противоправное.

В таком случае юридическая наука — не более чем служанка власти преобладающей, обслуживающая интересы «золотого миллиарда», представителей правящего меньшинства, узурпировавшего власть символического капитала. Именно на это направлены исследования школы критических правовых исследований США или критического дискурса-анализа (преимущественно в области политики права).

Право в представлении постмодернистов — это знаковая система, закрепляющая гегемонию правящей власти. Именно в интересах сохранения властного статуса и принимаются законы, создаются государственные институты и организуется правоприменение. Прикрытием этой гегемонии является идеология, проникающая с помощью электронных СМИ в массовую культуру потребления, которая возвращается к культуре «молчаливого большинства» (А. Я. Гуревич). Этому же способствует политика социального государства, обеспечивающая достаточный уровень жизни для средних слоев общества, чтобы они не выражали открытое недовольство сверхприбылями, получаемыми привилегированным меньшинством от финансовых махинаций с ценными бумагами, которые давно перестали быть обеспеченными реальным продуктом. Отсюда «каучуковость» принципов и норм права (точнее — их

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права» и др.

² Постмодерн не является единым направлением в культуре, а представляет собой скорее разрозненные идеи западных (преимущественно) интеллектуалов.

³ Об этом наиболее обстоятельно писал М. Фуко (*Foucault M. Power/Knowledge. Selected Interview and other writings, 1972–1977. N. Y., 1980*).

⁴ «Законодательный разум» — термин З. Баумана, противопоставляемый им «интерпретативному разуму» эпохи постмодерна (*Bauman Z. Philosophical affinities of postmodern sociology // The Sociological Review. 1990. Vol. 38, № 3. P. 411–444*).

⁵ Интересно, что об этом сначала заговорили в такой науке, как химия (И. Пригожин), а затем это стало общим принципом науковедения.

⁶ Одним из первых требование «сбросить гносеологию с корабля истории» и заменить эстетическим литературоведением выдвинул Р. Рорти в программной работе «Философия и зеркало природы» (*Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979*).

формулировок в законодательстве)¹, которые, в силу полисемантической и смысловой неопределенности большинства юридических терминов, интерпретируются и применяются по-разному в зависимости от контекста ситуации. По мнению постмодернистов, права человека, принципы справедливости, формального равенства, законности, демократического правового государства и тому подобное — не более чем способ сохранения и преумножения господства правящей власти, прикрывающий в глазах широких народных масс ее гегемонию.

Соглашаясь со многими справедливыми утверждениями постмодернистов, нельзя не заметить, что постмодерн сам по себе не предлагает ничего позитивного, полностью отрицая культуру (науку, право, политику, экономику) эпохи модерна. Претензии на эмансипацию человека, освобождение его от гнета структуры в концепциях постмодернистов — не более чем очередная утопия, так как любые позитивные предложения новой научной программы деконструируются и объявляются логоцентризмом западного мышления. Поэтому в 2000-х годах сложилось общее представление о необходимости преодоления постмодерна, выхода за его границы.

Ответ на вызов постмодерна предлагает постклассическое науковедение, активно разрабатываемое в начале XXI века. В отечественной юриспруденции этим занимаются А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, С. И. Максимов, А. В. Стомба, В. И. Павлов и некоторые другие². Вариантом постклассического

правопонимания и постклассической юридической науки выступает диалогическая антропология права, развиваемая автором настоящей статьи в последние годы³. Диалог в праве — это не благодный консенсус, который в современном мультикультурном обществе невозможен, но возможно принятие точки зрения Другого (социально значимого представителя референтной группы) как во внутреннем диалоге личности, так и в юридических взаимодействиях — то есть в правоотношениях. Диалог — это основа социальности как таковой, так как вне участия Другого невозможна идентичность самости и социальной группы. Соотнесение себя с Другим как проявлением правового статуса формирует мир правовых смыслов, которые объективируются в юридических значениях — нормы права (модели правоотношений). Формирование правовых статусов происходит через совершение акта трансценденции — «перешагивание» границ существующих норм права, то есть внесение в правопорядок инноваций. Последние в силу символического авторитета их автора легитимируются в массовых ожиданиях и превращаются в правопорядок. Правопорядок, в свою очередь, воспроизводится массовыми действиями и сопровождающими их смыслами и значениями, приписываемыми этим действиям, широких слоев населения. Так с точки зрения диалогической антропологии права происходит воспроизводство (включающее инновацию и традиционное воспроизводство) правовой реальности.

Ю. Б. Шубников⁴

ПРАВО ЕС КАК ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР

В ходе развития как мирового, так и европейского цивилизационного процесса четко прослеживается

¹ У. Гэлли назвал это «сущностной оспариваемостью (или оспариваемостью)» применительно к понятиям «справедливость», «свобода», «демократия» и тому подобным в 1955 г. Эти понятия, по мнению У. Гэлли, являются многомерными, носят ярко выраженный оценочный характер, всегда эксплицируют некоторую идеологию, и поэтому дискуссии по поводу их содержания являются бессодержательными — практически любую точку зрения можно как аргументировать, так и отвергнуть. Ко всему прочему они открыты для новых толкований (Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 56. P. 67–173). Э. Гидденс считает, что весь концептуальный аппарат социальных наук в известной степени является сущностно оспариваемым (Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979. P. 89–90).

² Среди западных авторов следует назвать М. ван Хука, Э. Паттаро, Б. Мелкевика, К. Ледера и др.

³ См.: Честнов И. Л. Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию новой концепции // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб., 2009.

⁴ Профессор кафедры гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 95 научных публикаций, в т. ч.: «Правоохранительная деятельность и обеспечение экономической безопасности», «Экономическая безопасность России и лесопользование», «Безопасность как фактор экономической практики», «Историко-правовые предпосылки становления прав Европейского Союза», «Предпринимательство в дореволюционной России: становление правового обеспечения», «Экономико-правовое регулирование экономической безопасности в сфере лесопользования» (в соавт.) и др.

тенденция интеграции и сближения культур разных социальных общностей, существующих в современном мире. Очевидно, что чрезвычайно важное место здесь занимает право, во-первых, как неотъемлемый элемент человеческой культуры, во-вторых, как один из основных инструментов интеграционного процесса. Одним из важнейших результатов развития интеграционных процессов в современной мировой и прежде всего европейской правовой культуре стало возникновение права Европейского Союза.

В рамках интеграционного процесса в Европе сформировалась новая система права, которая не только является результатом интеграции, но и служит ее инструментом. Право Европейского Союза вообрало в себя элементы различных систем права, опыт правового регулирования рыночных и социально-политических отношений в наиболее передовых странах Европы.

Право Европейского Союза представляет собой новый надгосударственный публично-правовой феномен, который находится в одном ряду с международным и государственным правом как структурообразующими правовыми элементами. Оно является самостоятельной наднациональной системой права, имеющей черты государственности (публичности) и распространяющей свое влияние на значительную группу европейских

стран (27 стран с совокупной численностью населения, приближающейся к 500 млн человек).

Данная система права представляет собой комбинированное политико-правовое образование. Оно включает в международно-правовые элементы, к которым можно отнести международно-договорную основу его возникновения и обязательное присутствие государств в качестве сторон этого договора. Кроме того, право Европейского Союза имеет элементы национальных правовых систем: наличие законодательной и исполнительной власти, конституционные начала, гражданство, наличие отраслевого многообразия норм, наличие своей судебной системы и др.

Многофакторность элементов, образующих право ЕС, позволяет говорить о его комплексной природе. «Правовая природа права Европейского Союза имеет комплексный, гетерогенный характер, совмещающий в себе видоизмененные для целей Союза черты как внутригосударственного, так и международного права»¹.

Основными субъектами права ЕС являются: физические и юридические лица, попадающие под его юрисдикцию, государства — члены ЕС и иностранные государства (третьи страны), компетентные органы государств-членов, Европейский Союз в целом и его структурные подразделения². Очевидно, что субъектом, образующим главную специфику правоотношений, складывающихся в рамках данного правового образования, является сам Европейский Союз, именно он прямо или опосредованно выступает участником этих отношений.

Несмотря на ведущую роль в системе отношений в рамках ЕС, правовой статус самого Союза в целом как субъекта отношений до настоящего времени является предметом дискуссий³. Определение статуса Евросоюза вызвано не столько теоретическим интересом, сколь практической необходимостью. От содержания правового статуса данного самостоятельного надгосударственного образования зависят многие аспекты его существования и развития: реализация прав и интересов остальных субъектов Союза, его суверенитет, реализация внутренних и международных отношений, структура институтов и органов Союза и др.

При определении правового статуса ЕС выделяются три основные точки зрения. Первая определяет союз как международную организацию, созданную на основании межгосударственных договоров, вторая отождествляет его с конфедерацией, а третья — с федерацией⁴.

Следует заметить, что все эти позиции достаточно хорошо обоснованы. Действительно, Европейский Союз возник и в значительной мере развивается

в результате договорных отношений равноправных государств-участников. Международный договор образует одну из ключевых основ существования и функционирования институтов и органов Союза. В то же время Евросоюз имеет множество черт, присущих государству: территориальную определенность, гражданство, суверенитет, собственную систему органов власти (законодательную, представительную, судебную) и др. Наличие в Союзе множества стран-участниц наделяет его признаками, присущими федеративной форме государственного устройства: два уровня властных органов (институты и органы Союза и органы власти стран-участниц), распределение властных полномочий между Евросоюзом и входящими в него государствами, наличие и одновременное использование союзной и национальных правовых систем, экономическая и валютная общность. Вместе с тем можно говорить о близости Союза к конфедеративной форме государства, прежде всего по признаку свободы выхода из его состава государств-участников.

Выделяя данные признаки Евросоюза, мы не говорим о том, что данное образование может быть содержательно отнесено к какой-либо из трех организационно-правовых форм существования субъектов правоотношений. Здесь речь идет лишь о наличии у Европейского Союза как достаточно нового субъекта права признаков, присущих общепризнанным в правовой теории и практике субъектам права. Поэтому «представляется вполне логичным и оправданным <...> рассматривать Евросоюз на современном этапе его развития в виде особого (нетрадиционного, «уникального» и т. п.) объединения, в политико-правовом статусе которого органически сочетаются элементы самых различных моделей и форм»⁵.

Вышесказанное позволяет охарактеризовать Европейский Союз как новое надгосударственное политико-правовое образование, организованное по государственному типу. Принципиальная новизна данного политико-правового образования заключается в первую очередь в том, что в истории человечества прежде не имели места столь масштабные добровольные объединения стран на основе такого широкого круга оснований. В рамках Евросоюза проводится единая политика в осуществлении странами-участницами деятельности в экономической, валютно-финансовой, таможенной, политической, правовой, экологической, энергетической, трудовой, миграционной, транспортной, образовательной и других сферах общественной практики.

Появление и последующее развитие Евросоюза и его права явились результатом, который был обусловлен сложными и многоплановыми предпосылками, имеющими длительную историю и разную природу. Условно их можно разделить на три основные группы: естественные, социально-экономические и политические и юридические.

К естественным предпосылкам следует отнести прежде всего то, что объединению в Союз европейских государств способствует их расположение на юго-западной части европейского континента. Географическое местоположение обеспечивает близость

¹ Право Европейского Союза : учеб. пособие / С. Ю. Кашкин [и др.]. М., 2009. С. 59.

² Там же. С. 12.

³ Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского Союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие. М., 2010. С. 233.

⁴ Арбузов А. В. Европейский Союз: международная организация или конфедерация? // Правоведение. 2005. № 4. С. 115–123; Юмашев Ю. М. О правовой природе европейского сообщества // Европейская интеграция: правовые проблемы. М., 1992. Кн. 1; Костенко М. Л., Лавренова Н. В. ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация? // Государство и право. 1994. № 4.

⁵ Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Указ. соч. С. 246.

и компактность государственных территорий и тем самым создает хорошие условия для постоянного многовекового социально-экономического и политического взаимодействия друг с другом, как мирного, так и военного. В результате этого взаимодействия происходит постоянный обмен и взаимное обогащение национальных культур. Это в долгосрочной перспективе способствовало выработке в странах Западной Европы схожих взаимоприемлемых условий сосуществования и взаимного обогащения во всех сферах бытия. Кроме того, благоприятный климат Западной Европы, наличие незамерзающих морей, доступность к другим континентам, высокая плотность населения содействовали развитию экономики, торговли, культурному и интеллектуальному обмену, что в конечном счете способствовало тому, что европейская цивилизация заняла лидирующие позиции в мире.

К социально-экономическим и политическим предпосылкам можно отнести греко-римские интеллектуальные и духовные ценности, которые составили основу европейской и в значительной части мировой науки, искусства, морали и нравственности. Важнейшей экономической предпосылкой европейского объ-

единения стал рыночный характер экономики стран-участниц, который впервые сложился и затем получил всеобщее признание в этих странах. Неоценимая роль в единении европейского общества принадлежит христианству, которое во многом способствовало не только духовному, но и государственному единению европейцев. Одной из важных политических предпосылок возникновения Союза, по нашему мнению, были активные внешнеполитические процессы, происходившие на европейском континенте (войны, создание различных союзов, заключение межгосударственных договоров и др.), которые тем или иным образом способствовали сближению государств и народов Европы.

Естественные, социально-экономические и политические предпосылки можно отнести к группе общих предпосылок. Вместе с тем при определении предпосылок формирования права в Европе можно выделить ряд непосредственных, прямых правовых предпосылок, которые лежат в основании его развития. К ним относятся: римское право, германское право, каноническое право, право городов, гражданское и торговое право.

Секция 5 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Руководитель секции

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА — президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

С. Н. Артановский¹

И. С. ТУРГЕНЕВ, ГИ де МОПАСАН, Ч. СУИНБЕРН: СОДРУЖЕСТВО УМОВ

Иван Сергеевич Тургенев принадлежит к числу русских людей, одновременно патриотов и западников. Таким было большинство представителей русского образованного общества на протяжении XVIII, XIX и XX столетий. Но у многих из них преобладало патриотическое или западническое начало. Иван Сергеевич Тургенев обладал сбалансированным представлением на этот счет. Этим он напоминал Пушкина и некоторых других русских светочей мысли и пера. Тургенев был мастером русского языка, хорошо понимал русского человека, любил русскую природу и умел ее описать. В то же время он великолепно владел западноевропейскими языками, переводил с французского, часто бывал во Франции, был влюблен во француженку Полину Виардо. Его художественные произведения отличаются артистизмом, соединяющим западную утонченность с русской правдивостью. Это и помогло ему стать посредником между двумя для него иноземными писателями — французским и английским.

Произошло это следующим образом. Мопассан с небольшой группой отдыхающих стоял на берегу моря в курортном местечке Этрета, расположенном на норманнском побережье Франции. Он смотрел на море и раздумывал, стоит ли ему купаться. Погода быстро портилась, ветер свежел, внезапно он превратился в ураган и на море вздыбились большие волны. О купании нечего было и думать. Вдруг отдыхающие заметили в море пловца, который явно не мог справиться с разыгравшимся штормом. Он был недалеко, но волна снова и снова относила его от берега, и он не мог ничего поделать. Тогда Мопассан, который всегда от-

личался силой и ловкостью в движениях, любил море и был великолепным пловцом, сбросил с себя одежду и прыгнул в море. После ряда попыток ему удалось подхватить пловца и вытащить его на берег. Высокий и худой, слабого телосложения спасенный им человек был едва жив.

На следующий день незадачливый купальщик посетил Мопассана на его вилле с благодарственным визитом. Он оказался англичанином, недавно приехавшим в Этрета. О нем уже ходили слухи повсюду. Англичанин привез с собой обезьяну, с которой прогуливался по курортному городку. Что поделаешь — ясное дело, англичане — эксцентричный народ.

Англичанин оказался известным поэтом. Это заинтересовало Мопассана, и писателю захотелось почитать его стихи. К сожалению, Мопассан плохо знал английский язык, а на французский Суинберн не был переведен. Но Мопассан не забыл о своем желании познакомиться с творчеством Суинберна. Вернувшись в Париж, он разыскал И. С. Тургенева, который в это время находился во французской столице. По его просьбе Тургенев, который отлично знал английский, сделал для Мопассана подстрочник нескольких стихов английского поэта.

Так русский писатель стал связующим звеном между литераторами — французским и английским, можно сказать, между двумя европейскими культурами. Тургенев обещал французским писателям перевести на их язык и некоторые произведения Гёте. Это-то и сближает представителей интеллектуальной элиты — а через них и различные народы. Главное — *найти общий язык*... тогда, может быть, и не придется воевать друг с другом, не придется искать мелочных выгод; выгоды, и притом значительные, можно будет найти в дружеских связях.

Я не удержусь и добавлю к этому: я горжусь тем, что русский писатель стал посредником между двумя европейскими.

¹ Почетный профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Историческое единство человечества и взаимное влияние культур», «Критика современной зарубежной философии», «Исторические закономерности развития культуры», «Введение в социальную экологию», «На перекрестке идей и цивилизаций», «Культура как мудрость».

Но Суинберна мало переводили на русский язык. В России больше знали и ценили французских поэтов и прозаиков. Со своей стороны, французы все больше, по мере того как надвигался XX век, интересовались русской литературой. В произведениях Мопассана очевидно влияние Достоевского. Пессимизм и нигилизм Мопассана становятся все более «восточными». Мопассан благодаря своей дружбе с Тургеневым, своим встречам с русскими, своим знакомствам с их литературой и своему пессимизму мог рассчитывать на успех, примкнув к модному направлению, представители которого пытались понять таинственную славянскую душу.

Мы закончим наш очерк цитатой из выступления по радио «Вести FM» в начале декабря 2011 года Андрея Гуркова, обозревателя «Немецкой волны».

«Единство Европы является ответом на многочисленные войны, которые на протяжении столетий вели европейские государства друг с другом. Самыми страшными из них были две, которые произошли в XX столетии. Единство Европы — в общих ценностях, а не только в том, что Европа — площадка для свободной торговли, как это думают британцы». Верно, если понимать единую Европу как историческое пространство от Лиссабона до Владивостока.

А. А. Асоян¹

К ВОПРОСУ О ФИЛИАЦИИ АНТИЧНЫХ АРХЕТИПОВ И ФОРМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКЕ

Новая русская литература, отсчет которой видный представитель отечественного литературоведения Л. Пумпянский вел с петровско-елизаветинской эпохи, развивалась в диалоге с Античностью, как и некоторые европейские литературы, например французская. Формы и содержание этого диалога в контексте «большого времени» неизменно изменчивы, ибо всякое понимание, как писал М. Бахтин, есть соотнесение данного текста с другими, и только в точке их соприкосновения вспыхивает свет, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркнем, писал ученый, что этот контакт между текстами, высказываниями не есть механический контакт «оппозиций», «за этим контактом контакт личностей, а не вещей...»²

Задолго до Бахтина романтик Новалис утверждал, что античность свершается только там, где познается творческим духом: «Античности суть одновременно продукты прошлого и будущего»³. Именно при романтиках происходит культурный переворот, оторвавший настоящее от древнего. У музейно-антикварного, риторического отношения к Античности, возникшего в эпоху Возрождения и сформулированного в 1804 году Вильгельмом Гумбольдтом: «Древность должна предстать перед нами лишь издали, как нечто прошлое...»⁴, появился соперник — творческий дух: в открываемом древнем люди стали искать себя, пытаться свою собственную идентичность, и в стародавнем начинает различаться абрис смысла, связующий прошлое с настоящим.

Надо ли говорить, что этот процесс возможен лишь при ясном понимании, что любое отождествление того, что было, и того, что есть, обманчиво. Диалог возможен лишь при осознании различий и глубоком интересе к «другому», при внедрении «исторического измерения», — писал А. Михайлов, — «внутри того, что до поры до времени оставалось внеисторическим»⁵.

В истории русской литературы Пумпянский находил несколько качественных волн восприятия Античности. Но нас интересуют не качественно различные типы восприятия Античности, а культурно и исторически обусловленные формы филиации античных феноменов в отечественной словесности, в произведениях которой запечатлена русская Психея. Иными словами, нам интересны не прямые реминисценции из Античности, а более сложные явления, когда, по словам М. Бахтина, «...творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает...»⁶ Мы предполагаем, что именно на этом пути свершаются подлинные откровения русского гения при его встречах с Античностью.

Начнем с Пушкина. В «Евгении Онегине», казалось бы, далеком от сближений с Античностью, миф об Орфее и Эвридике оказывается *метасюжетом* основных коллизий романа. В подобной ситуации Ю. Лотман говорил о «сюжете культуры», предполагающем «возведение реальных текстовых сюжетов до уровня инвариантных персонажей с взаимно несводимыми пространствами»⁷. Именно в таком ракурсе центральные персонажи романа, история их взаимоотношений отсылают нас к греческому мифу, и романная триада «Автор—Онегин—Татьяна» обретает исконные смыслы в мифологическом пространстве трагедии, которой, как говорил Саллюстий, «никогда не было, но она всегда есть». Так жизнь пушкинских персонажей открывается на уровне универсалий бытия, исконная миссия Поэта предстает как психагогия — возве-

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук. Автор около 200 научных публикаций по русской и зарубежной литературе, теории литературы и искусствоведению, в т. ч.: «Почтите высочайшего поэта», «Данте и русская литература», «Русское литературное зарубежье», «Зарубежный роман в литературе первой половины XX века» и др. Член Дантовской комиссии РАН.

² Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 363, 364.

³ Novalis. Scuriften. Kritische Neueausgabe auf Grund des handschriftlichen Nachlasses von Ernst Heilborn. Berlin, 1901. 2 Bd. (Цит. по: Вальтер Б. Теория искусства ранних романтиков и Гёте // Логос. 1993. № 4. С. 156).

⁴ Stadler P. B. Wilhelm von Humboldts. Bild der Antike. Zurich ; Stuttgart, 1959. S. 140 (Цит. по: Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивости культуры // Быт и история в Античности. Рубеж XVIII—XIX вв. М., 1988. С. 229).

⁵ Михайлов А. В. Указ. соч. С. 233.

⁶ Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 334.

⁷ Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 3. С. 390.

дение русской Психеи к свету, а сам роман — как логос русской культуры¹.

Подобное субстанциальное смыслопорождение, обусловленное архетипами древнегреческого мира, встречается неоднократно. Актуальный пример — стихотворение Ф. Тютчева «Два голоса». В свое время Ю. Лотман пронизательно отметил, что «...оба голоса причастны античному взгляду, что отражается и в лексике, и в той окраске “героического пессимизма”, которая придана стихотворению»². Аналогичная точка зрения встречается и у других исследователей. Но никто не заметил, что тютчевское стихотворение вбирает в себя мифопоэтический мир «Илиады» и в снятом виде воспроизводит структуру гомеровской поэмы, которая предстает *парадигмой* духовного самостояния и ключом к семантике стихотворения³.

«Античность <...> есть живая сила, без которой, может быть, немислим самый рост нашего сознания...»⁴, — говорил И. Анненский. В его художественном самоопределении очевидна принадлежность лирического сознания к амбивалентным смыслам, лежащим в основе архетипов античной культуры, где «песня» изначально является «музыкой жизни» и «музыкой смерти» и где дельфийский оракул, посвящен-

ный Аполлону, был ритуалом рождения живого голоса во мраке тления⁵. Вероятно, поэтому поэзия для Анненского «дитя смерти и отчаяния»⁶. Плененность поэта «тайнственным смыслом» смерти спровоцировала образ «Незримой», в которой налицо симбиоз Эвридики и царицы Аида Персефоны. «Незримая» стала *концептуальным персонажем* «тихих песен» поэта и обозначила новую ноту русской трагической лирики⁷.

Даже обращение к ограниченному материалу показывает, что смыслопорождающие модели греческой Античности в контексте русского художественного мирозерцания могут быть чрезвычайно разнообразны. Они предстают сюжетом культуры, парадигмой, архетипической матрицей, типологическим параллелизмом, концептуальным персонажем и т. д. Уникальность каждого случая обусловлена авторской интенцией, непредсказуемостью диалога с чужим текстом, мифопоэтической направленностью художественного сознания. И, как отмечал Пумпянский, в истории русской классики наблюдается исключительный дар совершенствования каждой формальной темы, идущей от греко-латинской древности, и провизорное значение ее совершенства для исторически молодой литературы и для ее еще не высказавшихся форм.

А. В. Вашенко⁸

МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО: ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

В жизни человека литература составляет лишь часть культуры, причем часть культуры художественной; ее поле, по-видимому, скромнее культурного поля. Однако предмет литературы — мир человека, в отличие от других дисциплин и сфер деятельности; человек же бесконечен в своей деятельности и творческом сознании. Таким образом, культура составляет лишь часть предмета литературы. И в этом — не единственный парадокс, заключенный в магии литературного зеркала, отражающего окружающий мир.

Прежде чем говорить о таком явлении, как межкультурный диалог, следует прояснить место и воз-

можности литературы в процессе взаимосозидания культур.

Наука, в частности, культурология, осознавшая себя в этом качестве за последние десятилетия, имеет обширнейший предмет — как утверждает, она исследует все связанное с человеком посредством круга понятий, каждое из которых логически ограничено в своем значении. Но как охватить бесконечное при помощи конечного? И тут на помощь приходят искусства — и в особенности литература. Она оперирует художественными образами: их природа не аналитична, а синтетична. Поэтому литературе и составляющим ее царствам (эпос, лирика, драма) успешнее удастся творить невозможное в других областях знания, совершая это посредством интуитивных прозрений. Сходным образом, как говорят, поступал Фома Аквинский, пытаясь наполнить морской водой ямку в песке. На вопрос о том, что он делает, святой ответил: «Я пытаюсь вместить невместимое». Конечно, логически такое действие осуществить невозможно, но ведь Фома как раз успешно занимался именно этим на глазах у изумленных зрителей. Литературе в высших ее проявлениях удается своеобразное вмещение невместимого, к тому же и эпос, и лирика, и драма в генезисе своем сакральны, раз поэзия произошла от магии, а драма — от обряда.

Свидетельств разницы в отражении бытия между наукой и искусством слова достаточно много. Как известно, Фрейд, когда попытался приложить теорию психоанализа к этнологии, истории и мифологии, обратился к драме и поэзии Античности, позаимствовав

¹ Об этом: Асоян А. А. Орфический сюжет в «Евгении Онегине» // Московский пушкинист. М., 2005. Вып. XI. С. 163–174.

² Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 181.

³ Об этом: Асоян А. А. «Илиада» как архетип «Двух голосов» Ф. Тютчева // Проблемы античного мира и современность. Алмата, 2010. Вып. 1. С. 19–28.

⁴ Анненский И. История античной драмы. Курс лекций. СПб., 2003. С. 30.

⁵ Акимова Л. И. Танец жизни (Античность и Пуссен) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 146.

⁶ Анненский И. Что такое поэзия // Книги отражений. М., 1979. С. 207.

⁷ Об этом: Асоян А. А. Орфический миф в рецепции Серебряного века // Античность и культура Серебряного века. К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 112–120.

⁸ Заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Америка в споре с Америкой», «Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев», «Характерные особенности литературы индейцев США (60–70-е гг. XX в.)», «Лирика массовой литературы США» и др.

у Софокла идею эдипова комплекса. Именно тогда же он не без досады воскликнул: «Поэты всегда все знали!» Фрейд был прав — недаром истинные поэты издавна считались пророками. Поэтому знаменитое стихотворение Пушкина — не яркая метафора, но глубинная и точная оценка поэзии как явления жизнетворной магии, а самого поэта — как мученика и героя. У кельтов Ирландии, как мы знаем, поэт-бард буквально выполнял пророческие функции — о том свидетельствует и «История Талиесина» в валлийской традиции¹.

Другими словами, поэт силой своего воображения способен переноситься (и переносить нас) в любую эпоху; смыкать прошлое, настоящее и будущее. Известная американская писательница Урсула Ле Гуин в предисловии к прославленному роману «Левая рука тьмы» императивно утверждает: «Истина есть удел воображения».

Действительно, писатели и поэты практически всегда говорили о сущностях, об основах синтетичным языком образов. И до сих пор, когда ученый трактует о логических материях, он отчего-то всегда стремится подтвердить свои положения и выводы авторитетом художественных образов так, словно они-то и являются непререкаемым свидетельством, финальным аргументом в пользу научного утверждения. Лучше всего это воплощено в народных пословицах, где в образной форме трактуются о явлениях культуры, точнее об общечеловеческих комплексах, недаром ряд пословиц у разных народов совпадает почти дословно. «Мирская молва — морская волна» — звукописью этой формулы восхищался Пушкин; «Время — лодка, которая не бросает якоря» — утверждает финская пословица. С истинностью народной мудрости спорить бесполезно, поскольку ее афористичность выверена опытом жизни и смерти множества поколений. Литература продолжила эту афористическую линию, заговорив устами своих мастеров о взаимодействии культур:

Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда;

Лишь у подножия Престола Божья, в День Страшного Суда (Киплинг).

The youth of America is their oldest tradition. It has been going on now for three hundred years. To hear them talk one would imagine they were in their first childhood. As far as civilization goes they are in their second (Уайльд).

Великое предназначение женщины — вызывать любовь (Мольер).

Легко привести и прямые свидетельства взаимодействия литературы с точными науками, причем применительно не только к условиям «междисциплинарности», но и к контексту межкультурности. Альберт Эйнштейн как-то заметил, что Достоевский дал ему больше, чем вся высшая математика, а Энгельс еще раньше признался в том, что, читая Бальзака, глубже постиг имущественные и общественные отношения во Франции XIX века, чем изучая ведущих политических экономистов эпохи. Эти знаковые свидетельства говорят о двух особенностях литературного творче-

ства. Во-первых, художественный образ способен глубинным образом отражать культурологические феномены. Во-вторых, история литературы породила значительный ряд писателей, сделавших предметом своих идейно-художественных исканий именно кросскультурную проблематику — отношения человека и природы; место человека в мире; отношения традиционной культуры и цивилизации, футурология, компаративистика культур, наука и религия и т. п. Именно они быстрее становились «полномочными представителями» своих национальных литератур в межкультурном диалоге. Таковы, по сути своей, Рабле, Свифт, Мелвилл, Уэллс, Оруэлл, Голдинг и целый ряд других.

Никакая наука не способна существовать без дефиниций, составляющих фундамент любых теоретических построений. Литература — не наука, но она обладает поразительной способностью давать собственные определения, причем таким всеобщим феноменам, которые не подвластны ни одному научно-логическому аппарату.

ЛЮБОВЬ: *Я хочу сотворить с тобой то, что творит с веткой вишни весна* (Неруда).

ДРУЖБА: *Вчера — это только сон, а завтра — только мечта, но дружба нынешнего дня превращает каждое «вчера» в счастливый сон, а каждое «завтра» — в мечту, исполненную надежды* (Ачебе).

ЧЕЛОВЕК: *Есть зрелище более величественное, чем море, — это небо; и есть зрелище более величественное, чем небо, — это глубина человеческой души* (Гюго).

ЖИЗНЬ: *What grave says / the nest denies* (Петке).

ТВОРЧЕСТВО: *Из того, что было, и из того, что знаешь, и из того, что есть как оно есть, и из того, чего ни при каких условиях знать не можешь, ты творишь не изображение, не копию, а нечто гораздо более истинное, чем все истинно сущее, и ты даешь этому жизнь, а если ты хорошо сделал свое дело — то и бессмертие* (Хемингуэй).

КРАСОТА: *Красота есть вечность, смотрящая на себя в зеркало* (Джебран Халиль Джебран).

РОДИНА: *С самой последнею тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь* (Рубцов).

По частотности цитирования Шекспир способен соперничать в мировом контексте с Библией, и не удивительно, поскольку его стиль — писать каламбурами, афоризмами, максимами, вошедшими в мировой обиход: «Быть или не быть — вот в чем вопрос», «Весь мир — театр...», «Из вещества того же, что и сон / Мы созданы...»

Естественно, что такого масштаба образные зеркала первыми перерастают национальные рамки, становясь агентами межкультурного обмена, поскольку по природе своей они составляют общее достояние.

Литература создала ряд писателей, именуемых мыслителями, имена их заносят в философские словари. Величайшими в своем универсальном охвате бытия по праву считают Гомера, Шекспира, Гёте, Толстого. И литература создала ряд сатириков мирового значения, среди которых называют Аристофана, Рабле,

¹ История Талиесина // Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса / пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Эрлихмана. М., 1995. С. 159.

Мольера, Свифта и Гоголя. Зеркал прозрачнее, чем эти, в отражении бытия человечество до сих пор не знает.

Можно привести немало примеров долгосрочного межнационального диалога, развернувшегося посредством литературы. Так, в пределах одного и того же языка, но разных стран и цивилизаций, можно указать на развитие целого обширного текстового пласта, именуемого «Артуровской легендой», который оказался чрезвычайно плодотворным в ценностном диалоге между Великобританией и США (достаточно напомнить полемическую перекичку двух этапных произведений — «Королевских идилий» А. Теннисона и «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена). На эту тему недавно была защищена докторская диссертация Ю. С. Серенкова¹. Другим столь же масштабным примером развития сложного взаимодействия двух культур внутри одного языка через посредство литературы может служить экспансия испаноязычной традиции в Латинской Америке.

Однако наиболее распространенным способом ведения межкультурного диалога посредством опыта национальных литератур является, конечно, путь взаимных переводов, который вовлекает в диалог еще и национальные языки. Попытки выразить инокультурные идеи на своем языке способствуют необходимой для восприятия их «доместикации» нового материала.

Так, если в случае с «Артуровской легендой» США выступали страной-восприемницей традиции, иначе дело обстоит с диалогом «США–Европа». Этот сопоставительный подход изначально присутствовал в литературе США, начиная с В. Ирвинга и Ф. Купера, причем в понятие «Европа» для американцев входила и Россия. Особенно богатый компаративный материал такого рода накопился к концу XIX столетия. Для примера можно указать на этапные «взаимоотражения» произведений — тургеневской повести «Ася» и повести «Дейзи Миллер» Генри Джеймса, явившейся ответом на повесть Тургенева. На рубеже веков межлитературный диалог вообще принял форму межкультурного: «Анна Каренина» Толстого, являясь ответом на «Госпожу Бовари» Флобера, призвана была решать социальные вопросы, лишь сочетая их с нравственно-эстетическими и внешне являясь только литературным ответом. Если же завершать разговор о США, уместно напомнить, что именно на рубеже веков начинаются серьезные культурные сопоставления России и Америки, причем именно экстралитературного плана — от «Письма к Русскому» У. Уитмена до погружения в русскую классику таких писателей, как Уилла Кэзер, Э. Хемингуэй и ряд других. Особенно интересно, что внутри США в рамках одного региона тогда же наметился собственный межкультурный диалог — речь идет об американском юге и певцах «дворянских гнезд» в России и касается не только писательского влияния Толстого на Маргарет Митчелл, но и особого тяготения южан к литературе, воспевавшей сельский, патриархальный уклад, — к Тургеневу, Чехову; правда, это тяготение продолжилось и применительно к твор-

честву Шолохова — писателя, связанного с регионом юга России.

Наконец, литература обладает уникальной способностью, отсутствующей у всех остальных областей знания: она дает нам возможность не столько понять умом, сколько пережить чувственно любую, даже чуждую, незнакомую, культуру и тем самым сделать ее своей навсегда. Этот тип межкультурного взаимодействия посредством литературы сильнее всего относится к взаимнообмену «вечными образами».

Так называемые «вечные образы», порождаемые и воспроизводимые литературой, имеют отношение к коллективной, общечеловеческой памяти и потому являются уже достоянием мировой литературы — они во многом и выражают ее всемирное качество. В мифологическом смысле наше восприятие «вечных образов» по своей интимности сродни переживанию сакрального. Эти образы обеспечивают психологическую устойчивость личности и общества, задавая гуманистический императив во всех современных ситуациях, предполагающих проблему нравственного выбора. Такие отношения роднят литературу с жизнью культуры и с жизнью как таковой.

Число собственно «вечных образов» не так уж велико; к ним следует отнести прежде всего Одиссея, Гамлета, Дон Кихота, Фауста и Дон Жуана². Как можно видеть, все они — суть порождение национальных литератур, но корнями уходят в древнюю мифологию или фольклорные традиции Средневековья. Эти «вечные образы» давно обрели жизнь в музыке, визуальных искусствах (живописи и скульптуре), многочисленных театральных трактовках, в перекичке лирических поэтов, обогащаясь все новыми «прочтениями» и смысловыми оттенками. История литературы «воспитала» традиции немецкого и русского Гамлетов, французского, русского, английского и немецкого Дон Жуанов и т. д. Понятия, рожденные «вечными образами», стали нарицательными: таковы одиссея, гамлетизм, донкихотство и донжуанство, которые, хотя и снижают до бытового уровня сложность и возвышенность исходных образов, все же указывают на их связь с общекультурным содержанием. Известно, что Освальд Шпенглер почерпнул достаточно из гётевского «Фауста» в своем учении о закате Запада, чтобы обозначить весь тип западной цивилизации «фаустианским».

Обозначенные образы и сюжеты, с ними связанные, являются «вечными» в силу ряда основополагающих признаков, им присущих.

1. Они заключают в себе героическое качество (роднящее их с мифом).

2. Каждый из них содержит родовой аспект (или несколько), определяющий его природу (странничество, императив справедливости, вечный поиск (quest), идею необходимости красоты, драму любви).

3. Каждый воплощает общечеловеческую значимость, заключающуюся в повторяемости конфликта.

4. Каждый содержит постановку «вечных вопросов»³.

¹ Серенков Ю. С. Особенности культурного наследования литературных традиций (на материале «Артуровской легенды») : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012.

² Ващенко А. В. Суд Париса: сравнительная мифология в культуре и цивилизации. М., 2008. С. 95.

³ Русский Г. Роман о герое. Образы человечества. Книга итогов. М., 2004. С. 7.

Именно в процессе историко-культурного диалога мировая литература заботливо пестовала эти образы на протяжении многих эпох. Она же породила и «вечные образы» женщин: таковы Джульетта, Елена и Пенелопа. Только применительно к Джульетте, как и во втором случае, перед нами парный вечный образ. Но если в образе Ромео и Джульетты воплощены таинство и неистребимая сила притяжения, идеал гармонии двух противоположных начал — мужского и женского, то во втором случае налицо отражение амбивалентности, присущей женскому началу, — дихотомии красоты (способности вызывать и дарить любовь) и верности (способности любовь сохранять). Вспомним, что в древнегреческой мифологии Елена и Пенелопа являлись сестрами¹.

Мы мало касались сюжетного и мотивного арсенала национальных литератур, составляющих важную часть такого взаимодействия. Упомянем поэтому только два из них. К особо «диалогизирующим» в европейском контексте можно отнести сюжет об адюльтере (типа «Тристан и Изольда») или мотив «проклятого сокровища» в европейской (преимущественно немецкой) традиции, оба — в их развитии от мифологии к литературному многоголосию.

В науке любые школы, концепции, взгляды меняются или устаревают, обнаруживая так или иначе свою ограниченность, тогда как поэзия остается вечно молодой. Происходит это еще и потому, что литература по своей природе призвана не давать окончательные ответы на вопросы, но скорее ставить и множить новые, существенные вопросы обо всем, связанном с жизнью.

Средневековые схоласты вообще считали, что высшее знание может быть передано только языком символов, образов и притч. Таким образом, наиболее успешный путь к будущей глобализации заключается в создании симфонического обмена «вечными образами» и идеями национальных литератур, в расширении их наследия до масштабов всего мира.

Мы кратко коснулись ряда аспектов, связанных с отражением явлений культуры в литературе и с ее способностями вести взаимоустройство культур посредством литературного сюжетно-образного арсенала. Осталось пояснить, отчего анализируемому материалу так приличествует метафора «зеркала». Дело в том, что в словаре символов зеркало трактуется как Истина². А о том, почему и каким образом Истина связана с литературой, хорошо высказался крупнейший модернист XX века Франц Кафка.

Его друг заметил, что тот листает немецкий перевод книги «Замыслы» О. Уайльда. Последовал примечательный диалог:

— Это сверкает и манит, как может сверкать и манить только отрава.

— Вам не нравится эта книга?

— Я не сказал этого. Напротив, она может слишком легко понравиться. И в этом тоже одна из опасностей. Ибо опасна книга, играющая с истиной. Игра с истиной — всегда игра с жизнью.

А в другом месте он добавил: «Искусство всегда лишь экспедиция за истиной. <...> Жизнь без истины невозможна. Может быть, истина и есть сама жизнь»³.

Мария Кандида Гидини⁴

ОБРАЗ РОССИИ У ЖАКА МАРИТЕНА. ВОСТОК И ЗАПАД В ПОИСКАХ НОВОЙ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью.

Ф. М. Достоевский. Подросток

Образ России в концепции французского философа Маритена представляет собой пример переосмыс-

¹ Ярхо В. Н. Пенелопа // Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 299.

² Cooper J. C. An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Symbols. L., 1976. P. 106.

³ Кафка Ф. Замок. Новеллы и притчи. Письма к отцу. Письма Милене. М., 1991. С. 568.

⁴ Профессор русской литературы Университета Пармы и Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Il cerchio incantato del linguaggio. Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjačeslav Ivanov», «La corte e il cortile. Aspetti della cultura nobiliare russa tra Settecento e Ottocento», «La parola e la realtà. Per una ricostruzione della filosofia del linguaggio di Gustav Špet», «Особенности герменевтики Г. Г. Шпета», «Il pensiero linguistico di Gustav Špet», «La forza reale del possibile. Il pensiero estetico di Gustav Špet», «Вячеслав Иванов и имяславие», «Слово и реальность. К вопросу о реконструкции философии языка Г. Шпета», «Проблема личности между феноменологией и историей: влияние Густава Шпета на работы Григория Винокура двадцатых годов», «Звук и смысл: некоторые замечания о теме глоссологии у Вячеслава Иванова», «Те-

ления понятия конкретной национальной идентичности (самой России) с ее духовным и историческим значением в рамках целой европейской цивилизации. Чужой культурный путь рассматривался как возможное указание на собственные исторические заблуждения. В силу своей «другости», инаковости (и тем самым своей общности) Восточная Европа способствовала обогащению духовной и культурной жизни межвоенной Европы, в которой в те годы шла Гражданская война. Существенным был вклад русской эмиграции в развитие Европы, в частности таких философов, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков или Лев Шестов. Их сложная судьба явилась предзнаменованием тех опасностей, которые принес тоталитарный режим в Западную Европу. Опыт этих мыслителей и богатство культуры их Родины свидетельствовали о новой почве для кушие задачи и вечные проблемы: Густав Шпет и его школа в Государственной академии художественных наук» и др.

преодоления кризиса европейской мысли Нового времени.

Образ России в трудах французского философа Маритена определяется двумя факторами:

— многочисленными семейными и дружественными связями (русская жена, поэтесса Раиса, многолетнее сотрудничество с Бердяевым, близкая дружба с художником Марком Шагалом и музыкантом Артуром Лурье);

— размышлениями о христианской вере в тревожное межвоенное время и судьбе европейского гуманизма. В этом русле накануне кризиса западной мысли русская духовность могла помочь переосмыслить истоки западного христианства и европейской культуры.

Вопрос о взаимоотношениях православия и католицизма остро стоял в католических церковных кругах после Октябрьской революции. Это воспринималось тогда, как будто насильственное движение истории поставило рядом два далеких (иногда противоположных) мира. Благодаря массовой эмиграции из России Запад и Восток Европы стали близки. Это сближение породило не только проблемы, но и надежду на плодотворное усиление их тождеств. В этом заключался смысл межконфессиональных встреч, организованных Бердяевым и Маритеном в конце 1920-х годов в Париже, и собраний Франко-русской студии в те же годы.

Боле того, для Маритена сближение с русской мыслью и религиозностью было необходимо для того, чтобы преодолеть риск возникновения национализма. Это стало большой проблемой для французской католической интеллигенции после папского осуждения Морраса и его движения “*Action Française*” в 1926 году.

В своих работах «*Ангельский доктор*» (1929) и «*Религия и культура*» (1930)¹ Маритен рассматривал кризис Нового времени, исходя из вопросов, поставленных Бердяевым в тот же период в работах, опубликованных во Франции благодаря посредничеству Маритена: «*Судьба культуры*»² и «*Новое Средневековье*»³. Именно в это время Маритен говорит о христианской диаспоре как о факте, который может не только иметь отрицательную коннотацию, но и, наоборот, являться провозвестником новой христианской цивилизации в мире, где искомое единство будет реализовываться в духовном плане⁴.

Россия в силу своей маргинальности по отношению к европейской культуре представляла точку зрения, ко-

торая могла бы помочь при анализе существенных характеристик европейской мысли. Русская культура могла бы показать всей Европе, как решить задачу универсализма и избежать опасных форм национализма и крайнего индивидуализма — итога цивилизации, которая возникла на основе «антропоцентричного гуманизма» (широко цитировавшееся выражение Маритена) и Ренессанса (и здесь можно отослать к работе «*Новое средневековье*» Н. Бердяева⁵).

В приложении к своей книге «*Примат духовного*» Маритен говорит о русском православии, исходя из убеждения, что церковь — это не Запад и не Восток, она универсальна, имея центр в Христе, «не находясь ни в какой части мира»⁶. Он утверждал, что различия между католиками и православными являются не большим препятствием к единству веры, чем разница между францисканцами и бенедиктинцами⁷.

Жак Маритен подробно рассмотрел эти проблемы в своих работах. В своем докладе о Декарте, прочитанном на собрании Франко-русской студии 27 января 1931 года⁸, он последовательно применил к самому себе суд совести, к которому он ранее призвал всю западную цивилизацию. Он ввел свои «картезианские» размышления (см. Гуссерля) в рамках спора между Западом и Востоком. Он противопоставил антропоцентризм и ультрарационализм (термин Бердяева, который выступил в прениях в поддержку Маритена) картезианства («великого французского греха») восточной мысли и учению Соловьева о богочеловеке⁹.

Те же рассуждения повторяются и распространяются с религиозной на философскую область в книге Маритена «*Сон Декарта*» (1932), которая является призывом к русским философам понять Восток и Запад и совместно работать над примирением умов в истине¹⁰.

Итак, Маритен (вместе с Бердяевым) принял участие в актуальной дискуссии, которая породила многочисленных произведений. Укажем, кроме упомянутого «*Нового Средневековья*» Бердяева (1924), на «*Защиту Запада*» Массиса (1927), «*Закат Европы*» Освальда Шпенглера (1922), «*Соблазн Запада*» Андре Мальро (1926), «*Кризис современного мира*» Рене Генона (1927), а также на работы Маритена, о которых речь шла выше и в которых французский философ пытался ответить на распространенное в межвоенный период недовольство цивилизацией, равно как и на всеобщую тревогу о судьбе Европы Нового времени.

¹ Maritain J. Le Docteur angélique // Maritain J. Oeuvres Complètes / ed. J. M. Allion [et al.]. P., 1986–2000. T. IV. P. 90–97; *Idem*. Religion et culture // *Ibid.* P. 212–217.

² Berdiaev N. Le Destin de la culture. P., 1926. P. 73–100 (Chroniques, II numéro, Le roseau d'or. Œuvres et Chroniques. № 10).

³ Оба произведения Бердяева были переведены Анной Фумет, женой Станисласа Фумета, под редакцией самого Маритена. В начале Маритен был недоволен переводом из-за «славяно-французского» слога и недостатка философской лексики. Он был также озабочен возможным искажением понятий в связи с использованием термина «символический», который, будучи отнесенным к религии, мог ошибочно отсылать к религиозному модернизму. См. письмо Маритена Бердяеву от 9 августа 1926 года (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1496. Ед. хр. 605. Л. 6). В «Судьбе культуры» Бердяев писал: «В рамках культуры религия имеет “символический” характер — в вышеуказанном смысле; в рамках цивилизации она становится прагматичной» (Berdiaev N. Le Destin de la culture. P. 91).

⁴ Maritain J. Le Docteur angélique. P. 94.

⁵ Berdiaev N. Un nouveau Moyen Âge. P., 1927. Первое издание: Бердяев Н. Новое Средневековье. Берлин, 1924.

⁶ Maritain J. Primauté du spirituel. P. 878.

⁷ *Ibid.* P. 943.

⁸ Maritain J., Vycheslavzef B. Descartes. P.: Edition Cahiers de la Quinzaine, 1931. (Пепечатано в: Le Studio Franco-Russe / L. Livak, G. Tassis (sous la red.). Toronto, 2005. P. 403–418.)

⁹ *Ibid.* P. 417.

¹⁰ Maritain J. Le songe de Descartes // Maritain J. Oeuvres complètes. T. V. P. 9–222.

В. А. Доманский¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕХНОЛОГИЯ**

Гуманитарное мышление после работ М. М. Бахтина стало рассматриваться как диалог образов культуры (Прометей, Эдип, Медея, Гамлет, Дон Кихот, Онегин, Печорин, Базаров, Раскольников и т. д.) по основным, главным проблемам бытия, как равноправное общение разных культур, художественных миров, разных сознаний, воплощенных в текстах, понимаемых в самом широком смысле. Метод бахтинского диалога позволяет по-новому посмотреть на процесс обучения и развития учащихся, сделать его более продуктивным и ценностно направленным.

Пожалуй, более всего бахтинская концепция диалога применима к преподаванию и изучению литературы. Не случайно В. С. Библер, разрабатывая программу «Школы диалога культур», отвел словесности особое место в системе культуры, в сущности выстраивая школьные предметные курсы вслед за логикой движения исторического развития литературы. Диалог культур осуществляется при помощи текстов, воплощающих своеобразные высказывания, представления, концепции мира и его образы. Сами по себе тексты не могут организовывать диалог. Это паутина, переплетение «мертвых следов» (Р. Барт), оставленных в знаковом материале живыми речевыми процессами, связанными со смыслополаганием. Чтобы тексты порождали диалог, необходимо «воскресить» их в речевом акте, сознании реципиента. Так, «преобразившись в контексте другого сознания, но оставаясь идентичным себе в своей коммуникативной событийности»², текст образует *дискурс* как взаимоналожение языка и речи, текста и его версии, квазитекста, который создается в сознании реципиента. На основании рецепции текста выстраивается еще один текст — его интерпретация.

Задача педагога заключается в том, чтобы подобрать эти тексты, выстроить их в необходимой последовательности, системе, организовать коммуникативное событие как взаимодействие сознаний учащихся, автора, учителя. При этом тексты определяют структуру и логику программ литературных курсов, а также внутреннюю организацию уроков литературы, содержание дискурсов. Следует заметить, что на каждом конкретном уроке тексты не могут быть строго запрограммированы.

Необходимость обращения к тем или иным текстам может возникнуть неожиданно, спонтанно в связи с ло-

гикой развития урока, отражая круг ассоциаций и культурный потенциал участников диалога. Здесь нет, как при простой передаче житейского или профессионального опыта, четкого деления на учителя и учеников. Диалог предполагает равноправные свободные сознания, обогащающие и созидающие друг друга. Межкультурный диалог нередко осуществляется и в конкретном тексте, заключающем в себе знаки, символы, коды, образы, идеи, концепции определенных культур. Поэтому многие выдающиеся художественные произведения могут быть прочитаны через призму этих культурно-семантических пластов, благодаря которым произведение функционирует в «большом времени».

Культурно-семантические пласты создаются автором при помощи разнообразных средств: введения в текст сюжетов, микросюжетов, мотивов, образов, цитат, аллюзий, реминисценций, мифологем, относящихся к разным текстам культуры, а также сведений из области философии, этики, социологии, политики и религиозных учений.

Кроме того, каждая культура, по мысли Г. Гачева, включает в себе «космо-психо-логос», то есть единство национальной природы, склада психики и мышления, что в художественном тексте воплощено в образах растительно-животного мира, нравах, обычаях, образе жизни людей, поведении, особенностях мышления и сознания героев, своеобразии выражения авторского сознания.

Создатели художественных произведений не просто фиксируют или иллюстрируют те или иные общественно-культурные явления, а проникают, «вживаются» в них, стремясь осознать их ведущие проблемы, движение общественного и индивидуального сознания. Авторская позиция в таких произведениях настолько неоднозначна, что вызывает яростную критику как справа, так и слева (что имело место при появлении «Отцов и детей»). Поэтому с позиции социодинамики культуры надежным способом избавления от стереотипов интерпретаций и оценок литературного произведения является его прочтение как текста культуры, отразившего столкновение и динамику разных точек зрения: социальных, политических, этических, эстетических, философских. При этом среди сопоставлений можно различать: *внутритекстовые* (сопоставление разных оценок текста читателями и критиками); *интерпретационные* (сопоставление разных интерпретаций текста на основе авторского инварианта — историко-генетический и историко-функциональный подходы); *межтекстовые* (сопоставление разных произведений изучаемого автора или разных авторов, между которыми возможно установить типологические связи); *надтекстовые* (сопоставление произведений разных искусств)³.

Технологическую цепочку изучения литературного текста посредством использования диалога куль-

¹ Заведующий кафедрой филологического образования и межпредметной интеграции Ленинградского областного института развития образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Культурологические основы изучения литературы в школе» (монография), «Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе» (учебное пособие), «Литература и культура: Сад и город как текст», «Лирика Г. Гейне в русских переводах: дискурсивные практики», «Проблемы филологического образования: реальность и перспективы», «Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы», и др. Член Союза российских писателей, главный редактор «Педагогического журнала».

² Тона В. И. Онтология коммуникации // Дискурс. Новосибирск, 1998. № 5. С. 7.

³ См.: Зинин С. А. Внутрпредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. М., 2004.

тур можно представить в виде трех этапов: *предкоммуникативный, коммуникативный, посткоммуникативный*. На *первом этапе* осуществляется установка на восприятие текста: переключение внимания, психологическая адаптация к предстоящей рецептивно-эстетической и когнитивно-логической деятельности, концентрирование внимания и воли, включение разных типов мышления и воображения. Он связан с погружением реципиента в свои мысли, чувства, переживания. Собственно *коммуникация* начинается с чтения текста и его первоначальной рецепции, связанной с осознанием учащимися собственных впечатлений о произведении, вопросов и ответов, которые возникают спонтанно в процессе чтения. *Эту фазу коммуникации* можно определить как первоначальное погружение в мир автора и *автокоммуникацию*. Она представляет собой взаимозависимость двух сторон единого духовно-эстетического процесса, при котором устанавливается взаимосвязь между экспрессией и импрессией, эмоциями и когнитивной деятельностью. Реципиент в процессе воздействия на него произведений искусства становится объектом, на который направлена авторская суггестия. Читательская реакция во многом прогнозируется писателем и становится *предпосылкой эстетического восприятия*.

Вторая фаза коммуникации начинается с актуализации впечатлений реципиентов и организации пространства диалога. Используются приемы творческого пересказа, выразительного чтения наиболее запомнившихся эпизодов и сцен, интервьюирования, экспресс-вопросов, чтения-комментирования, чтения по ролям, мизансценирования и т. д. Здесь существенны рецептивно-эмоциональная сторона коммуникации, установка на погружение в текст, чувства, мысли, смыслы персонажей произведения, воссоздание в воображении картин жизни, сотворенных писателем, присвоение читателем чужого опыта переживаний и жизни.

В ходе обмена эмоциями, впечатлениями и мыслями «нащупывается» нерв будущего диалога. Он и будет представлять собой *третью фазу коммуникации*, которая в равной степени востребует две стороны деятельности читателя — рецептивную и когнитивную. Вхождение в текст и противоречие между знанием и незнанием в сознании читателя, задаваемого внутренним диалогизмом текста, создает проблемную ситуацию,

с решения которой и начинается диалог. Он ведется в пространстве текста и восходит к пространству культуры. Для его создания учитель вычленивает идеи, концепции, проблемы, сцены и эпизоды текста, которые могут стать предметом общения, и формулирует познавательную задачу. Происходит вторичное, более углубленное погружение в текст.

Диалог ведется на материале текста вокруг жизненно важных проблем — нравственных, эстетических, философских, на которые ни у кого (разумеется, и у учителя) не может быть окончательных ответов. Так возникает ситуация партнерства, сотрудничества педагога и учеников в культурном пространстве художественного текста. У педагога, несомненно, есть свой взгляд на произведение, своя интерпретация (или позаимствованная у кого-нибудь из литературоведов), но его искусство организатора процесса коммуникации заключается именно в том, чтобы никому из его участников ее не навязывать, а принять во внимание все высказывания как равноправные голоса, точки зрения, логики.

Рассматривая литературу и искусство как форму одновременного бытия и общения людей разных эпох и времен, процесс изучения словесности можно организовать как представление разных форм диалога в культуре: диалог с героями произведения, автором, критиками и читателями в синхронном и диахронном времени, «большой диалог культур» на основании модели воссозданного бытия в изучаемом тексте. Названные формы диалога не могут быть эффективными без наличия диалога между субъектами обучения и внутреннего диалога в сознании каждого субъекта, когда обучаемому необходимо принимать и отстаивать разные логики, разные типы сознания.

На посткоммуникационном этапе диалог переносится во внутренний план, сознание учащегося. Это самый важный диалог. Он проходит уже без вмешательства педагога и носит сугубо интимный характер. Наличие его — свидетельство глубокого воздействия текста на личность реципиента, его способности самостоятельно творить свой образ. Таким образом, *посткоммуникативная фаза* изучения художественного текста — это и приобретение реципиентом новых художественных ценностей, и его жизнь в культуре, создание своего лица. Теперь он начинает выступать транслятором этих ценностей.

Е. В. Иванова¹

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ИДЕАЛА

Понятие «культурно-исторический тип» в изучение истории культуры впервые ввел русский ученый и государственный деятель Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) в работе «Россия и Европа: взгляд

на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1868), основная тема которой — роль России и славянства в региональном развитии Европы и Азии. Биолог по образованию и роду деятельности, занимавшийся в основном проблемами развития и использования природных ресурсов России, в области геополитики Данилевский выступал против европоцентризма, защитники которого считали европейскую цивилизацию единственно возможной и всеобязательной; уровень цивилизованности народов они

¹ Ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук. Специалист по литературе и религиозно-философской мысли Серебряного века, автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Павел Флоренский и символизм», «Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях», «Вольная философская ассоциация. 1919–1924», «Александр Блок: последние годы жизни».

рассматривали как приближение к этому идеалу или удаление от него.

Данилевский выдвинул концепцию самостоятельных и замкнутых культурно-исторических цивилизационных типов, каждый из которых решает собственные исторические задачи и вносит свой вклад в мировую цивилизацию, складывающуюся в результате их взаимодействия. При этом каждый культурно-исторический тип возникает и развивается по законам органической жизни, то есть проходит стадии зарождения, созревания и старения, которыми определяются плодотворность и жизнеспособность этих типов в разные периоды существования. Данилевский считал, что существует некая единая славянская цивилизация, и верил в возможность и историческую плодотворность создания на ее основе всеславянского политического союза.

Продолжателем и одновременно критиком теории Данилевского был русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), разделявший идею о культурно-исторических типах и их органической трансформации во времени. С точки зрения Леонтьева, характер и особенности цивилизации определяют три фактора: религия, культура и государственный строй. Религия стояла для него на первом месте, в своем развитии она проходит три этапа: первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смешительного упрощения. Леонтьев отвергал возможность создания всеславянского союза, которую предлагал Данилевский, именно потому, что часть славян, например чехи, находилась под влиянием Германии и протестантизма, а часть, например Польша, — католицизма. С точки зрения К. Леонтьева, религия в гораздо большей степени определяла культурный идеал народа, и потому идеям славянского единства (так называемому панславизму) он противопоставлял идею объединения с греками — братьями по вере.

Связь идей Н. Данилевского и К. Леонтьева В. В. Розанов представил следующим образом: «Отдельно замкнутые, своеобразные миры исторического созидания, как Китай, как семитизм, как античный мир, романо-германская Европа и, наконец, славянство, Данилевский назвал культурно-историческими типами. Ничего в его идее не изменяя, К. Леонтьев назвал тот же факт, ту же группу исторических явлений культурно-историческим стилем. Идеи и названия заимствованы первым из биологических наук; второй особенностями даров своих, своими влечениями побужден был к перемене имени при сохранении того же понятия: мир художественных законов и идей он распространил на историю»¹.

Еще одним последователем теории культурно-исторических типов был критик Ю. Н. Говоруха-Отрок (1851–1896), который на основе теории культурно-исторических типов Данилевского и Леонтьева создал собственную типологию и концепцию развития русской культуры. Представления о краеугольных камнях, составляющих ее фундамент и определяющих иерархию ценностей, он изложил следующим образом:

¹ Розанов В. В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996. С. 253.

«Идея религиозная, чувство религиозное — вот что двигало народ наш по пути его исторического подвига. Православие, и оно одно, вековое воздействие церкви воспитали народ наш, просветили его душу, наложили на эту душу народную неизгладимую печать особой, своеобразной душевной организации и красоты. И мы верим в эту душу народную, думаем, что народу нашему на его дальнейшем историческом пути предстоит все более и более раскрыть свои душевные богатства, в своей науке, в своей философии, в своем искусстве, своею культурною работою внося в мир новые, еще неведомые этому миру настроения, освещая мир новым, еще невиданным этим миром светом. <...> Мы верим в органическое развитие того особого культурно-исторического типа, какой представляет собой народ наш, мы верим, что духовные силы народа нашего имеют возможность и должны раскрыться во всей своей полноте»².

Таковы были три основных варианта идеи культурно-исторических типов в русской традиции, на фоне которых можно рассматривать идею национального культурного идеала, выдвинутую Д. С. Лихачевым в «Заметках о русском». Его идеи складывались независимо от этих теорий. Но поскольку концепция Лихачева формировалась на основе древнерусской литературы, в рамках которой существовало единство вероисповедания, богослужебного языка и родственности языков общения, поскольку книжная культура в те времена была сосредоточена главным образом в монастырях, сообщавшихся между собою, не удивительно, что его представление о национальном культурном идеале было родственно теориям культурно-исторических типов.

Единство географического пространства для Лихачева передано в идее Киева как «матри градом русским», в которой заключено представление о Киеве не только как о центре, столице всей Русской земли, но и как о городе, который «породил многие города, основанные киевскими князьями»³ и названные и их честь. Таким образом, единство географического пространства предполагало и единство политического пространства, поскольку в течение нескольких веков власть находилась в руках, по существу, одного княжеского рода. Поскольку различия в разговорном языке на этом пространстве были незначительными, это создавало единство фольклора и эпоса. «Для древнерусской народности язык играл первую роль: и не случайно в древнерусском языке одно из значений слова «язык» было именно «народ» (с. 46). С возникновением литературы это единство только укреплялось: «Литературный язык никак не различался по областям, ибо литературные произведения, в какой бы части Русской земли ни были они созданы, постоянно перевозились из города в город, из монастыря в монастырь, из княжества в княжество». Именно в литературе Древней Руси Д. С. Лихачев нашел «сознание национального, политического и культурного единства, которое было свойственно всем произведениям Киевской Руси

² Москва, 1 января // Русское слово. 1895. 1 янв. № 1. С. 1.

³ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 45. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием номера цитируемой страницы.

без исключения. Наиболее знаменитыми памятниками в этом отношении являются «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, Киево-Печерский патерик и «Слово о полку Игореве»» (с. 47).

В области архитектуры, главным образом в области строительства храмов, это единство культуры и ее традиций сохранялось, несмотря на то что «артели строителей, художников, различных ремесленников переезжали из княжества в княжество, и этот “кочевой” характер артелей мастеров <...> крепил единство культуры Киевской Руси» (с. 47).

Из единства православной веры вытекало «высокое представление о человеке, о его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте. Эти представления запечатлены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах — в их лицах, как бы озаренных внутренним светом “горнего ума”, “ликования”, означавшего в Древней Руси не только изображение

ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение <...> потому что самым важным в существовании ликов была их соборность и “собранность” в единое сообщество, их причастность к единому, составляющему мир целому» (с. 49). Соборность как одно из главных качеств древнерусского искусства объясняет и отсутствие у многих памятников автора: «Каждый художник ощущал себя как бы выполняющим некоторую чужую, высшую волю, и имена художников поэтому в основном затерялись, хотя имена заказчиков храмов, жертвователей, ктиторов и сохранились до нас» (с. 49–50).

Таким образом, национальный идеал, как его описывал Д. С. Лихачев, обладал всеми признаками самостоятельного культурно-исторического типа. То есть, опираясь на древнерусское искусство и литературу, он высказывал идеи, родственные идеям Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и Ю. Н. Говорухи-Отрока.

А. В. Калашников¹

ЕВАНГЕЛИЕ В ПЕРЕВОДЕ Л. Н. ТОЛСТОГО — ОПЫТ ПЕРЕДАЧИ С КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ

Л. Н. Толстой, внимательно и критически изучавший христианское религиозное учение, создал собственный перевод Евангелия. Это произведение-исследование, озаглавленное «Соединение и перевод четырех Евангелий», — единственная работа писателя, в которой он касается вопросов лингвистики перевода. В своей версии Евангелия он критикует официальный Синодальный перевод и в комментариях указывает на недостатки, вызванные противоречивостью изложения, неточностью значений, архаичным языком, сложным для понимания в крестьянской среде.

Книга «Соединение и перевод четырех Евангелий», оказавшаяся незаслуженно забытой, рассматривалась преимущественно с религиозной, но не с филологической точки зрения и, конечно, не с позиций теории перевода. Необходимо отметить, что в теории перевода имя Л. Н. Толстого не упоминается, хотя его можно назвать единственным выдающимся писателем, переводившим Евангелие.

В статье рассматриваются основные характеристики перевода и приводятся комментарии Л. Н. Толстого, адаптировавшего текст для крестьянского населения, тем самым осуществившего попытку передачи социокультурной составляющей религиозного текста, а также проводятся аналогии с положениями, представленными в работах Ю. Найды (1914–2011), создавшего современную теорию перевода на основе изучения переводов Библии.

¹ Доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук. Автор 19 научных публикаций, в т. ч.: «Мнемонические сокращения и фразы в преподавании юридического английского языка», «Современное договорное право Великобритании и влияние на него судебных решений Альфреда Деннинга», «Лингвист Юджин Найда», «Традиции и подходы к переводу характеристических имен в литературе», «William Makepeace Thackeray and Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky: Name sensitive Authors. In Homage to Great Novelists» и др.

Перевод, с точки зрения Ю. Найды, должен быть ориентирован на содержание и естественность, а не на формальное сходство и быть понятен реципиенту, вызывать у него определенные эмоции. Ю. Найда охарактеризовал два основных способа перевода — формальную и динамическую эквивалентности. При этом предпочтение отдается именно динамической эквивалентности, поскольку она основывается преимущественно на синтаксической и семантической составляющих, таким образом подчеркивается важность структуры фразы и понимание текста. Синтаксическая составляющая основана на теории порождающей грамматики, а семантическая — на компонентном анализе значения и прагматической адаптации².

К основным особенностям перевода Евангелий Л. Н. Толстым в сопоставлении с Синодальным переводом относятся: I — пропуски текста; II — замена лексики церковнославянского языка; III — замена синтаксических конструкций; IV — прагматическая адаптация реалий.

I) Пропуски текста — неотъемлемая характеристика перевода Л. Н. Толстого. Писатель пропускает слова, фразы и стихи. Объяснения следующие: фраза или стих непонятен, компонент отсутствует в библейском тексте или имеет разночтения. Опускаются подробности, поскольку они затрудняют понимание основной мысли и отвлекают внимание или нарушают связность текста.

Характерны пропуски элементов текста, указывающих на время. Неупоминание точных указаний на время можно объяснить скептическим отношением к подлинности Евангелия. Л. Н. Толстой часто игнорирует подробности, которые, например, «могут быть выпущены для того, чтобы читатель не терял существенного

² См.: Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969. P. 27.

смысла»¹. Так, в беседе с самарянской, у которой Иисус Христос попросил воды из колодца Иакова, пропускается указание на час:

Ин. IV: 6: Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа (Синодальный перевод); Иисус уморился от дороги и сел у колодезя (Л. Н. Толстой²).

II) Замена возвышенной и устаревшей лексики церковнославянского языка на нейтральную: *питие* — *питье*³, *око* — *глаз*, *отче* — *батюшка*, *возжаждать* — *захотеть пить*, *сие* — *это*, *дабы* — *чтобы*, *доколе* — *когда*.

Относительно возвышенного стиля, свойственного церкви, нужно заметить, что Л. Н. Толстой выступил против намерения священнослужителей. Литературное редактирование Синодального перевода, выполненное московским митрополитом святителем Филаретом (Дроздовым), было безупречно в передаче тонких и точных оттенков смысла, но в большинстве случаев митрополит сознательно вносил элементы церковнославянского языка, чтобы избежать полного разрыва между русским и привычным для литургического употребления церковнославянским текстом Библии.

III) Изменение синтаксических конструкций представлено заменой:

а) причастий в функции существительных на определенные придаточные предложения, вводимые сочетанием *«тот, кто»: просящий* — *тот, кто просит; верующий* — *тот, кто верит*;

б) устаревших элементов синтаксиса: *и подошед* — *и подошел*; *я емь хлеб* — *я хлеб*; *и не нашедши его возвратились* — *и не нашли, и вернулись*.

В синтаксисе отмечается тенденция к выбору наиболее приемлемой для бытового языка конструкции. Писатель пытался избегать любой многозначности, встречающейся при копировании синтаксиса языка иного строя.

IV) Прагматическая адаптация реалий. Межкультурная прагматическая адаптация в переводе Л. Н. Толстого представлена в основном передачей реалий и имен собственных.

Относительно передачи неизвестных реалий можно отметить замену в одноименной притче «зерна горчичного» на «зерно березовое» (Лк. 17: 5). Эту замену Л. Н. Толстой объясняет тем, что такое зерно не мо-

жет восприниматься как образ самой маленькой вещи. Следовательно, зерно березовое в крестьянской среде должно было быть понято лучше⁴.

Греческие денежные единицы преимущественно переданы при помощи более понятных аналогов: динарий — деньги, кодрант и ассарий — копейка, драхма — гривна.

Л. Н. Толстой одним из первых переводчиков начал учитывать контекстуальное значение имен собственных и способы их перевода. Для Библии проблема передачи имен собственных весьма актуальна еще и потому, что большинство из них отражает характеристики носителей.

Встречающаяся в Библии конструкция с именами собственными, прежде всего с антропонимами, раскрывающая значение имени (*и назвал..., ибо...*), представляет собой проблему перевода Библии, поскольку при отсутствии дополнительных пояснений не позволяет понять выбор имени.

Мф. I: 21: Родит же Сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их (Синодальный перевод). И она родит сына, и назовешь его Иисус, что значит спаситель, потому что он спасет людей от грехов их (Л. Н. Толстой⁵).

Проанализировав перевод и комментарии Л. Н. Толстого, нужно отметить, что некоторые толкования писателя выглядят надуманными. Стремление к созданию народного языка привело к использованию просторечной и малоизвестной лексики: *животы, кистерь, лопать, рожки, цабан*.

В то же время заслуга Л. Н. Толстого заключается в том, что он предвосхитил основные идеи лингвистической теории перевода (семантики, синтаксиса и прагматики), в частности, путем адаптации реалий и имен собственных для читателей — представителей крестьянской среды. Именно эти аспекты, получившие свое развитие в середине XX века в работах Ю. Найды, остаются центральными в теории перевода.

В своем переводе великий писатель коснулся проблем адаптации текста, изображающего культуру и быт другого народа, жившего около двух тысяч лет назад. Таким образом, в переводе Л. Н. Толстого прослеживается реализация сверхзадачи, заключающейся в сближении культур текста оригинала и перевода.

О. Б. Кафанова⁶

ЖОРЖСАНДИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В истории русской культуры на протяжении XVIII–XIX веков бытовали *национально-культурные* коды, связанные с эстетическим аспектом. Последовательная смена культурных парадигм — классицизм (или неоклассицизм), романтизм, реализм, натурализм,

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 91 т. М., 1957. Т. 24 : Произведения 1880–1884 гг. С. 127.

² Там же. С. 126.

³ Здесь и далее первым указывается вариант Синодального перевода, а затем — вариант перевода Л. Н. Толстого.

⁴ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 528.

⁵ Там же. С. 47.

импрессионизм, символизм — сопровождалась тем или иным стилем, модой, моделями поведения. Эти коды имеют межкультурный характер, приобретающий

⁶ Заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор филологических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность)», «Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах», «Литература в синтезе искусств. Сад и город как текст» (в соавт.) и др.

национальную и индивидуальную окраску в зависимости от бытования в той или иной стране, «присвоения» тем или иным реципиентом.

В самом общем плане эстетический культурный код представляет собой усвоение чужого языка и культуры, а затем его возвращение внутри собственной художественно-речевой и культурной системы и, наконец, полное сращение с ней. При этом культурный код становится кодом лишь в том случае, когда перестает восприниматься как цитата, а становится конструируемым образом чужого языка как снятым моментом собственной модели мира¹. Особо можно говорить о культурном коде, восходящем к фигуре автора, философа и писателя. В томе «Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни», изданном под редакцией В. Е. Багно (2003), сделана попытка представить наиболее важные для России культурные коды, среди которых прежде всего надо назвать *вольтерьянство*, *гегельянство*, *ницшеанство*, *жорж-сандизм*. Это термины, образованные от фамилий крупных западных философов и деятелей культуры, с помощью суффиксов -анство, -янство, -изм.

Вольтер, Гегель, Ницше или Жорж Санд вызвали к жизни своего рода культурные движения, которые вышли за пределы Франции или Германии и охватили многие страны Европы, в том числе и Россию. В каждом конкретном случае национальные коды, возникшие у себя на родине, претерпевали неизбежную трансформацию в ходе своей «акклиматизации» в инокультурной и иноязычной среде.

К специфически воспринятым на российской почве, не имеющим прямого аналога в других странах, относится жорж-сандизм (или жорж-сандизм), термин, производный от псевдонима Жорж Санд (George Sand). Он становится общепринятым в русском литературном процессе 1830–1860-х годов, обозначая весь комплекс нравственно-этических идей, связанных с пересмотром любви и брака. Его национальная специфика, говоря упрощенно, определяется двумя факторами. Во-первых, формальным: ни в одной стране не сформировалось подобного термина, во Франции производные образуются от второго компонента псевдонима (*sandien* — сандовский). Во-вторых, содержательным: пожалуй, только в России, где западники во главе с Белинским относились к Жорж Санд как к «первому поэту современности», создателю социального романа и видели в ней провозвестницу каких-то новых, разрешающих все противоречия идей, не возникло столь бурной (можно сказать, культурно-общественной) полемики по поводу нравственной проблематики ее произведений. Эту дискуссию очень ярко запечатлел А. Ф. Писемский в главе «Жорж-сандизм» своего романа «Люди сороковых годов» (1869)².

Главной ассоциацией, возникающей в связи с именем Жорж Санд в России начиная с 1832 года (то есть со времени появления «Индианы») и примерно до се-

редины 1860-х годов, стало разрушение христианско-церковной мифологемы «святости», нерушимости брака и вытекающий из этого пересмотр «священных устоев» нравственности.

Во всех произведениях Жорж Санд 1830-х — 1840-х годов просматривается достаточно целостная этическая концепция любви и брака. Философия любви, исповедуемая французской романисткой, отвергала идею первородного греха и включала теорию реабилитации плоти Сен-Симона, которая возникла как антитеза христианскому аскетизму. Но саму страсть Санд наделяла идеальным началом. «Божественное осквернено всякий раз, — считала она, — когда мужчина и женщина соединяют свои уста, не соединяя сердца и разум»³. В «Истории моей жизни» (“*Histoire de ma vie*”, 1854–1855) она резюмировала: «Я считаю смертельным грехом не только ложь <...> Я полагаю, что нужно любить всем своим существом, или уж жить <...> в полном целомудрии»⁴.

На 1840-е годы приходится кульминация идеологического, этического и эстетического воздействия творчества французской писательницы на русскую литературу и культуру. Активной его рецепции способствовали бурные либерально-демократические процессы в России, а также поиск новых способов изображения действительности. И западники, и славянофилы высветили разные грани идейно-художественного потенциала Санд. Первые подхватили требование освобождения личности, которое было усвоено писательницей от просветителей (и Руссо в первую очередь). Они ценили в ней писательницу, «которая из глубины болящей души отзывалась на скорби и страдания современного человека»⁵.

Славянофилы, напротив, оценили в творчестве Санд то, что было связано с утопическим и христианским социализмом, и прежде всего ее цикл «деревенских» повестей. Если сторонники натуральной школы акцентировали в произведениях Санд протест против угнетения личности, то их идейные оппоненты разделяли веру романистки в народ как стихийную ассоциаторную силу, приветствовали ее идеализацию «естественного» человека, крестьянина, не утратившего связи с землей.

Но явной доминантой в восприятии творчества Санд всей культурной, читающей Россией была содержащаяся в ее романах нравственная дискуссия. Жорж Любэн, издатель 20-томного собрания писем Жорж Санд, остроумно заметил, что ее творчество явилось «троянским конем», который ввел в царскую Россию либеральные идеи⁶. К началу 1840-х годов, когда в России началось бурное обсуждение идей Жорж Санд, ее романы, взятые в систему, содержали вполне ясную, логически завершенную философию любви и брака. В них давались яркие примеры несостоятельности и, наоборот, благородства и самопожертвования в любви, подвергались беспощадному разоблачению

¹ См.: Шатин Ю. В. Шекспировский код в поэтике Бориса Пастернака // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 213–219.

² См.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. (Мифы и реальность.) 1830–1860 гг. Томск, 1998. С. 132–293.

³ Sand G. Œuvres autobiographiques. Texte établi, présenté et annoté par Georges Lubin. P., 1978. T. 2. P. 295.

⁴ Ibid. P. 297–298.

⁵ Отечественные записки. 1843. Т. 28. Май. Отд. VII. С. 26. (Французская литература).

⁶ Lubin G. Introduction // Sand George. Correspondance. Textes réunis, classés et annotés par Georges Lubin. P., 1966. T. 1. P. IV.

существующие формы угнетения женщины, а также предлагались новые нравственные критерии оценки прелюбодеяния и верности, порядочности и развращенности.

В рамках этой дискуссии пушкинский идеал замужней женщины подвергся более или менее явной дискредитации многими «людьми сороковых годов» (среди которых В. Г. Белинский, В. П. Боткин, П. В. Анненков и др.), в то время как проблемные герои Жорж Санд, этический пафос ее произведений и сама ее личность получили полную «реабилитацию».

Обсуждение жорж-сандовских мотивов и сюжетов стало яркой приметой российской культуры, а многие герои, в свою очередь, тоже приобрели значение своеобразного кода. Индиана стала символом женщины, нарушающей «святость» брака во имя «святости» любви; Жак воплощал идею самоустранения мужа и протест против узаконенного насилия над женщиной, которой общество и церковь отказывали в праве на развод и новый брак. Эжени (героиня романа «Орас», 1841) олицетворяла тип женщины-работницы, зарабатывающей себе на жизнь, идеал верной подруги, возлюбленной и гражданской жены. Образ Лукреции Флориани из одноименного романа 1846 года, явился эмблематичным для пересмотра понятия «падшая женщина». По поводу каждого из этих персонажей, ассоциировавшихся с новой мифологемой брака и любви, мнения критиков, писателей и «массового» читате-

ля были столь же непримиримыми, как и по поводу их создателя, Жорж Санд.

Гончаров в «Заметках о личности Белинского» свидетельствовал: «О Жорж Занд тогда говорили беспрерывно; по мере появления ее книг, читали, переводили ее; некоторые женщины даже буквально примеряли на себе ее эмансипаторские заповеди, поставив себя в положение тех или других ее героинь»¹. Влияние Жорж Санд на русских «западников» было столь велико, что они сознательно или бессознательно моделировали свое поведение по образцам ее романых коллизий, а поступки близких оценивали с проекцией на жорж-сандовские сюжеты.

В целом Жорж Санд принадлежит к тем авторам, значение которых выходит далеко за пределы литературно-эстетической парадигмы. На протяжении нескольких десятков лет происходило органичное и глубокое внедрение ее романых коллизий, дискуссий и образов в российскую общественную жизнь, осуществлялось укоренение предложенных ею новых идеалов в национальном культурном сознании. В течение 1840-х — 1860-х годов Санд была важным знаком, кодом русской культуры. По-видимому, в силу особой чуткости и восприимчивости российского менталитета ко всяким новым этическим исканиям, направленным на совершенствование человека и социального устройства, Жорж Санд, по выражению Достоевского, и «взяла <...> всего более русской славы»².

Н. Р. Скалон³

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «СТАРОГО» ПОНЯТИЯ

Культура самосознает себя на «границах» смыслов, которые так или иначе воплощает человек в процессе своей исторически обусловленной, общественной и социальной деятельности. С этой точки зрения культура антропологична. И толкование явлений культуры справедливо было названо «понимающей антропологией»⁴.

Самосознание той или иной национальной культуры (в синхроническом аспекте) может происходить как «изнутри» (теми, для кого эта культура родная), так и «извне», носителем иных культурных доминант. В последнем случае продуктивен не объективистски-аналитический подход, а участное и причастное толкование.

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 58.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1983. Т. 24. С. 220.

³ Профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Становление философского романа в творчестве С. П. Залыгина», «Русская философская проза 20–30-х гг. XX века», «Вещь и слово», «Будущее стало настоящим. Роман Е. Замятина “Мы” в литературно-философском контексте», «Хронология» (Сб. прозы и литературно-критических статей) и др.

⁴ См.: Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 37.

Диалог — это ведь и общение. А общение подразумевает наличие условий, при которых возможна общность, «общее житие» взаимопонимание.

С этой точки зрения обратим внимание на анализ одного из проявлений ментальности русскоговорящих, сделанный «извне».

Итальянка (но и филолог-славист) Клаудия Ласорса-Сьедина еще в 1995 году обратила внимание на особую значимость лексической триады «беспредел, имидж, тусовка» для понимания экстралингвистической действительности и состояния сознания говорящих (не всех, разумеется) на рубеже 1980–1990-х годов в России⁵.

В своеобразной экспансии этих лексем проявилось развитие разговорно-жаргонного полюса русского языка, разрушение семантических, морфосинтаксических норм.

Ссылаясь на отечественных лингвистов, Ласорса-Сьедина сближает «беспредел» (слово из воровского жаргона) с «имиджем», называя эту лексему «оборотной стороной беспредела».

И действительно, в ситуации беспредела (отсутствия каких бы то ни было границ определенности, «субстанциональности») «благоприятное представле-

⁵ См.: Ласорса-Сьедина К. Беспредел, имидж, тусовка // Вестник МГУ. Сер. 9 : Филология. 1996. № 4. С. 63–72.

ние о характере личности» («имидж») принимает значение «подставы» («благо» и «приятность» только для того, чтобы обмануть).

Лингво-философский парадокс: «подстава» вместо «субстанции» (ср.: «жить по понятиям»).

Казалось бы, само по себе заимствованное из английского языка слово никакой ответственности за процессы подобного рода «обновления» средств выразительности (и изобразительности!) русского языка не несет. Верно. Несет ответственность феномен, который Д. С. Лихачев назвал «драмой русского легковерия»; а оно включает в себя и легковесные планы «экономического и государственного спасения». Путем некритического (в условиях кризиса!) заимствования различных парадигм.

В статье А. Моторина «Русский “образ”, греческая “икона” и западный “имидж”»¹ отмечается, что «английское слово “имидж” проникло в русский язык в середине 80-х годов XX века вместе с перестройкой всего нашего общества в лучах западного, закатного просвещения».

Из заимствованной лексемы выжимался соответствующий семантико-экспрессивный «субстрат»: «имиджмейкерство», превозношение «беспредельной» (неважно, индивидуалистической или «корпоративной») креативности... Основой этой креативности признается соматика (рецептивная сенсорность), апологетизируемая постмодернистскими дискурсами. Утверждаемые ими символы умирания («смерть автора», «мир как текст», «конец истории») парадоксально подкрепляются «философией телесности» (фрейдизм — ключевой источник). И «парадигмой человека становится имидж безличностной психофизической организации» (В. К. Шохин). Выводимая этим «имиджем» креативность трансформирует императив «возлюби» в иной: «возжелай»...

Ничем не опосредованная «психофизическая организация» обольщается внешним подобием сущности. Не случайно, что ставшее весьма модным понятие «виртуальная реальность» в свое содержание включило и психосоматические состояния (бред, сновидения, галлюцинации, психоделику и т. д.). С ними стала ассоциироваться вся сфера того, что до недавнего времени называлось «воображением» (последнее понятие замещается англицизмом “fiction”).

В. В. Колесов, размышляя об общекультурной проблеме проницаемости языковой системы², делает вывод: некритичное заимствование слов преобразует основу русской ментальности, усредняя ее до бэзик-рашн...

Но относима ли постмодернистская парадигматика только к русской ментальности? Ведь, в частности, как фиксировал А. С. Панарин, по-своему универсален «коперников переворот» Ф. де Соссюра: языковые знаки высвобождены от привязки к референту (обозначаемому). Отсюда, наряду с прочими факторами, «наша драма в отлучении от мира, в погруженности в виртуальные, знаковые, искусственные системы, изолирующие нас от подлинного бытия, от космической причастности».

¹ Икона и образ, иконичность и словесность : сб. ст. / под ред. В. В. Лепахина. М., 2007.

² См.: Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Вспомним одно из сверхсовременных (и сверхмодных!) понятий: «виртуальная реальность». Под нею понимаются артефакты, создаваемые цифровой электроникой и получающие своеобразную реализацию в психике пользователя. Последний получает, казалось бы, беспредельную способность из даруемых электроникой возможностей (*лат.* *virtualis* — возможный) создавать бесконечную «множественность миров» (*англ.* *virtual* — фактический, действительный). Чем не подобие героической одержимости вырывается из пут мира сего? Одержимости чудодея... Имиджмейкера.

А. Моторин, опираясь на данные этимологии, напомнил, что английское слово *image* образовано от индоевропейского корня «маг», равно как и древнегреческое «магия». А в ней — и корни демиургического отношения «человека-творца к бытию как предмету волевой обработки». Отсюда знаки (и не только языковые) не несут в себе тварного следа; «беспредел» смыкается с «произволом».

Приходится напоминать, что *virtualis* в основе своей несет *vir*, *virtus*: «мужество», «энергия», «сила», «доблесть», «нравственное совершенство» (кстати, и в английском языке *virtue* несет те же значения). Очевидна связь «творческого искусства», поэтики, с этикой и этосом, с духовно и актуально *оформившейся* витальностью.

Не случайно К. Ласорса-Сьедина в «активнейшей» лексеме «беспредел» увидела и отражение целеустремленности бессмысленности, недостающую определенность... в самой жизни... Двойственность и косноязычие затмевают пушкинский идеал соразмерности и сообразности.

А сообразность — не просто следование образцу. Здесь напоминание о том, что любые вызовы современности должны получать сообразный ответ как результат синергичных усилий людей сохранять свою национальную идентичность, быть причастными целокупному культурно-историческому опыту, позволяющему в меру душевно-духовных сил *обра́зить* себя...

Образ — от праславянских *ob* и *gazъ* — резать, проводить черту³. В Сотворенном Богом человеке «по образу Нашему и по подобию Нашему» *образом* положена граница Богообщению: греховным усилиям самовозвеличения, самообольщения.

А. В. Моторин, проведя скрупулезный лингво-богословский анализ понятия «образ», заключал, в частности: «Слово “образ” обозначает явленную осуществленность “разительного” взаимодействия внутреннего мира человеческой души, внешнего окружающего мира и Самого Бога. Приставка “об-” указывает на художественную обводку, огранку, обточку плода “разительного” взаимодействия; <...> создается некая оболочка с хранящимся в ней духовным содержанием, которое может передаваться, восприниматься, осмысляться как уже сложившееся целое...»

А не-образное — безобразно («беспредельщина!»).

Обрами держится и секуляризуемая культура: «влиняе Рудиных, Раскольниковых, Чацких» (К. Случевский).

³ См., например: Власов В. Г. Византийское и древнерусское искусство : словарь терминов. М., 2003.

Держится, но при условии сохранения преемственности. Цитируем Д. С. Лихачева: «Если мы откажемся от языка [церковнославянского], который великолепно знали... Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин... — утраты в нашем понимании русской культуры будут невозможны»¹.

В заключение — одно замечание.

«Взрывы» и «флуктуации» в сфере культуры по своему неизбежны. Смена культурно-исторических эпох включает в себя переакцентуацию смысловых доминант, определяющих облик этих эпох (религиозных, научно-философских, этико-эстетических,

¹ *Лихачев Д. С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70. С. 41.

политических). В определенной степени прав И. П. Смирнов, отмечавший, что «у культуры нет иного способа переместиться в новое состояние, кроме негации...»²

В этом контексте неологизм «культурАлогия» может быть признан весьма удачным (как установка на исследование маргинализирующих культуру процессов и явлений). Но неологизм (как всякое «нео») теряет смысл без соотнесенности с Логосом...

Ибо понятие «культура» атрибутируется с представлением о должном, высоком, абсолютном. Говорящий и пишущий — в меру сил и способностей — должен приобретать качества «языковой личности».

² *Смирнов И. П.* Мегаистория. М., 2000. С. 321.

Секция 6 ЖУРНАЛИСТИКА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Руководители секции:

П. Н. ГУСЕВ	главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, президент Союза журналистов Москвы
В. Н. ИГНАТЕНКО	генеральный директор ИТАР-ТАСС
В. К. МАМОНТОВ	президент ОАО «Редакция газеты «Известия»
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова

В. Г. Александрова¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ «ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ»

Вся история человечества — это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь. Он является важнейшим средством осуществления коммуникационных связей, главным условием взаимопонимания людей. Доминирующая цель современного образования — воспитание человека, развитие таланта ребенка и формирование творческих способностей личности. Это означает, что школа должна стать культурным центром, местом, где развивается личность.

За последнее двадцатилетие принципиально изменилась нравственная атмосфера общества, когда не просто были ниспровергнуты все идеалы, но и стали малочисленными общественные силы, утверждающие нравственные нормы и законы гуманизма. Возник вакуум духовности, который сегодня заполняется агрессивным национализмом, экстремизмом, обращением к мистике, прагматической идеологией, а довольно часто — равнодушием, безразличием.

Процессы взаимодействия культур более сложные, чем считалось ранее (идет «перекачка» достигшей высокоразвитой культуры в менее развитую), что, в свою очередь, логично приводило к выводу о взаимодействии культур как источнике прогресса. Сейчас активно исследуется вопрос о границах культуры, ее ядре и периферии. По И. Данилевскому, культуры развиваются обособленно и изначально враждебны друг другу.

¹ Главный научный сотрудник лаборатории инновационной педагогики НИИ столичного образования, профессор кафедры теории и истории педагогики Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук. Автор 85 научных публикаций, в т. ч.: «Новые рубежи педагогической реальности: аксиология, духовность, гуманизм», «Духовные традиции гуманной педагогики», «Инновационные идеи педагогики сотрудничества», «Интеграция науки и искусства в образовательном процессе», статей «Ценностные основы компетентностного подхода», «Взаимодействие деятельностного и гуманно-личностного подходов в образовании», «Инновации. Вдохновение. Мастерство» и др.

В основе всех различий он видел «дух народа». «Диалог — это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами. Он — необходимое условие научного поиска истины и процесса творчества в искусстве. Диалог — это понимание своего «я» и общение с другими. Он всеобщ, и всеобщность диалога общепризнана².

Диалог предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов. Взаимодействие культур и цивилизаций основано на общих культурных ценностях. Диалог культур может выступать как примиряющий фактор, может снимать напряженность, создавать обстановку доверия и взаимного уважения. Понятие диалога особенно актуально для современной культуры. Сам процесс взаимодействия и есть диалог, а формы взаимодействия представляют собой различные виды диалогических отношений.

Идея диалога имела свое развитие в прошлом. Проблемы диалога раскрывали софисты, Сократ, Платон, Аристотель, философы эпохи эллинизма. Диалоговое пространство было ими создано на основе *духовной культуры*, оно было основано на признании плюрализма мнений, равноправия точек зрения, общечеловеческих принципов, свободы и ценности личности и общества в целом. В Средние века диалог использовался преимущественно в нравственных целях. Внутренне диалогичен философский трактат Абельяра «Да и нет» (1122). В другом сочинении «Диалог между философом, иудеем и христианином» он предвосхитил не только диалог конфессий, но и диалог культур. Развивая идеи Фихте об инаковости и взаимообусловленности

² Данилевский И. Н. Диалог: взаимодействие культур и цивилизаций. М., 2003. С. 9.

сти «я» и «другого», Л. Фейербах положил начало исследованию диалога в XX веке. И. Гердер считал взаимодействие культур способом сохранения культурного многообразия. Культурная замкнутость ведет к гибели культуры. Однако, по его мнению, изменения не должны затрагивать «ядра» культуры. Современные культуры сформированы в результате многочисленных длительных культурных взаимодействий.

Современная культура тоже начинает переходить к новому типу бытия человека в культуре. В XX веке культура смещается в эпицентр человеческого бытия, что происходит во всех сферах жизни. «В глубинной идее диалога культур формируется новая культура общения. Мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно — это иное мышление, иное сознание, внутренне насыщенное для нашего бытия»¹. В связи с тем что духовная культура находится в неразрывной связи с религией, диалог культур — «это не просто взаимодействие народов, но и глубокая их мистическая связь, укорененная в вероисповедании»². Следовательно, диалог культур невозможен без диалога религий и диалога внутри религий, что сегодня является одной из актуальнейших проблем развития культуры диалога в образовании. Подлинный диалог всегда есть свобода мысли, раскованность суждений, интуиция. Диалог подобен маятнику, если он отклоняется, то диалог движется. Апостол Павел говорил: «Надлежит быть разномыслиям, дабы обнаружили из вас искуснейшие»³ (Кор. 11: 19).

Сухая формальная логика, линейная рассудочность иногда чужды и враждебны духовному умозрению. Одномерный рационализм заключает в себе опасность упрощенного или ложного вывода. Как форма разговора, диалог предполагает некую общность пространства и времени, сопереживания с целью понять собеседника, найти с ним общий язык. Диалог может быть формой религиозно-философской мысли (например, платоновские «Диалоги») и духовного откровения. Особо рассмотрены в данном аспекте заслуживают работы Ш. А. Амонашвили: «Культура есть особая, самая возвышенная жизнь независимо от того, протекает она во внутреннем или во внешнем мире. Культура есть деятельное, созидательное, творческое состояние духа. Она есть отношение ценности культуры и вообще отношение ко всяким явлениям духовного и материального миров»⁴.

В идеальном диалоге все собеседники прислушиваются к гласу свыше, голосу совести, правде целого.

Если правда целого не складывается, то это говорит о диалоге глухих, то есть это псевдиалог или его отсутствие.

Необходимо рассмотреть понятие «культура» с нескольких позиций, что позволит определить основания для предстоящей конструктивной деятельности, приоритеты и обосновать предпочтения.

Философская позиция: культура — совокупность всех сфер человеческой деятельности, общественных связей и отношений между людьми. Культура есть атрибутивный признак любого общества.

Историческая позиция: культура — способ универсального развития и саморазвития самого человека, состоящего в деятельно-практическом единстве с природой и обществом.

Антропологическая позиция: культура — путь человека к себе, своему предназначению, самореализации себя как свободного духовного существа, совершенствующего свое окружение и себя.

Социологическая позиция: культура есть качество ее воздействия на человека, «защитный механизм» личности, предохраняющий от утраты внутренних опор человеческого бытия, экзистенциального (жизнеопределяющего смысла) вакуума.

Педагогическая позиция: культура — область действительности, в пространстве которой цивилизуется человек; это «среда, растящая и питающая личность», способ обретения человеком своей сущности.

Гуманизация образования, его гуманистическая направленность, культурологические основы — проблема не региональная, а интернациональная, решаемая во многих цивилизованных странах и разрабатываемая международными организациями. В Уставе ЮНЕСКО образование рассматривается как цель поддержания справедливости, свободы и мира. Международная конференция по образованию (1995) провозгласила своей главной целью формирование человека, ибо «человек — не экономический фактор, не простое орудие, средство достижения цели», в нем заложена самостоятельная цель развития.

В начале новой эпохи цивилизации, ориентированной на человека, гуманизация систем образования становится важнейшим ресурсом социально-культурного и научно-технического прогресса всего человечества, главным средством гуманизации образования и общества в целом, вступившего в третье тысячелетие.

¹ Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 80.

² Гордиенко Т. Н. Межкультурные взаимодействия в эпоху глобализации. СПб., 2008. С. 20.

³ Библия. М., 2001.

⁴ Амонашвили Ш. А. Основы гуманной педагогики. М., 2012. Кн. 2. С. 29.

О. В. Каширина¹

МЕТАОБРАЗОВАНИЕ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП И МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Философская сущность современных реформ образования, которые проводит Министерство образования и науки, имеет в своей основе глобально-цивилизационный подход. Реформы отражают злободневные идеи: повышение качества образовательных стандартов в средней и старшей школе путем слияния естественно-научных дисциплин в естественное, а социально-гуманитарных дисциплин — в обществоведение, и увеличение ответственности самих учеников и их родителей за ранний (возможно, промежуточный) выбор профессии и жизненного пути. Кроме образовательных стандартов школы, реформа предполагает также привлечение бизнеса к финансированию подготовки собственных рабочих кадров, как это было в советской системе профтехобразования, только на более высоком уровне — при помощи подготовки рабочих — специалистов с высшим образованием в прикладных бакалавриатах. В прикладных бакалавриатах молодые люди получают не только диплом о высшем образовании, но и востребованную экономикой профессию — в итоге они станут уникальными специалистами на российском рынке труда. Тридцать образовательных учреждений стали победителями конкурса в рамках эксперимента по прикладному бакалавриату, начатому осенью 2010 года².

В высшем образовании, которое готовит научные и преподавательские кадры в магистратурах, аспирантурах и докторантурах, проходит слияние университетов, как это делается, например, в Китае. Создаются укрупненные учебно-научные центры (типа федеральных университетов), где преподавание иностранных языков, технических дисциплин ведется на уровне мировых образовательных стандартов, а гуманитарные, общественные и философские науки приобретают, помимо имеющихся, специфические технологические функции, то есть несут ответственность за экспертизу эффективности и безопасности новых мощных антропогенных технологий и определяют устойчивую траекторию развития нашей цивилизации. Слияние и поглощение ждут каждый третий вуз России.

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор 96 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования» (в соавт.), «Культура времени в современной картине жизни», «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный выбор» (в соавт.), «Синергетика в контексте русской философии о времени: концепция культуры времени» (в соавт.), «Метаобразование и его роль в глобализации образования», «Приоритетные потребности молодежи и формирование темпорального типа мышления» (в соавт.), «Метаобразование: эксперимент и социальная технология цивилизационного выбора молодежи» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества.

² *Насыров Е.* «Высокообразованный рабочий класс» подвергнут эксперименту за госсчет // Компас абитуриента : интернет-издание Учеб.-науч. центра довузовского образования. М., 2010. URL: <http://news.abiturcenter.ru>

В этом заключаются главные идеи метаобразования как глобально-цивилизационного подхода к образованию. К сожалению, этот подход пока целостно не осознан руководством Минобрнауки. Да и средства массовой информации приняли в штыки эти правильные прогрессивные идеи, поскольку они не были ранее сориентированы ни педагогическими и другими социально-гуманитарными науками, ни руководителями отрасли. Поэтому СМИ в данном случае стали на сторону консервативных, а не модернизационных идей, возглавив «забастовку школьных интеллектуалов», которую правительство, конечно, не может игнорировать и принимает меры по ее разрешению (надеемся, не в ущерб прогрессивной сущности самой идеи).

Метаобразование (meta — между, после, через) понимается как глобально-цивилизационный подход к образованию, базовый принцип и культурно-временная модель³ реформирования образования. Метаобразование, по нашему определению, — это целостная деятельность системы образования и воспитания в обществе, под воздействием которой происходит цивилизационный выбор, культурно-личностная идентификация и самоидентификация, формируется идея целостности смысла жизни, образ будущего в культуре самосознания человека, определяющий культуру его индивидуального поведения и коллективной деятельности. В практическом плане метаобразование служит решающим фактором изменения всех сторон общественной жизни, обнаруживая свой подлинный универсальный всеобщий характер во всех сферах. Однако в научном плане его универсальность и всеобщность проявляются в переходном (промежуточном) характере от науки к практике. Совмещая прогностическую и экспертную функции науки с экспертной и экспериментальной функциями практики, оно возлагает на себя ответственность за эффективность новых педагогических методов (в частности, метапредметного подхода к преподаванию, профессионального самосознания науки и др.) и идеологическую безопасность их внедрения в практику образования и воспитания молодежи. По существу, метаобразование обеспечивает целостность культуры самосознания, манифестирующей себя подлинным цивилизационным выбором, трактуемым как целостность смысла жизни — духовного измерения личности.

Такая трактовка метаобразования превращает его в базовый принцип реформирования образовательных институтов в глобальной культуре, возвышающий духовное измерение личности, которое, в отличие от материального измерения, характеризуется: а) целостностью смысла жизни; б) подлинностью адекватного смыслу жизни цивилизационного выбора как способа самореализации; в) культурно-личностной идентичностью; г) уровнем культуры самосознания, определяю-

³ *Каширина О. В.* Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь, 2007.

щим культуру индивидуального поведения и коллективной деятельности.

В современной России метаобразование как модель реформирования культурно-компетентностной системы образования, воспитания, профессиональной ориентации и цивилизационного выбора молодежи входит в число первостепенных государственных и общественных задач. Учитывая тот факт, что мы уже сейчас испытываем дефицит в рабочих профессиях (по данным Росстата, 71 %, или 2/3, вакансий, которые оставляют работодатели, — это именно пролетарии: токари, фрезеровщики и др.), задачи формирования интереса молодежи к рабочим профессиям, повышения их престижа выдвигаются в число главных задач модернизации. По мере модернизации экономики потребность в современных рабочих будет расти, предупредил Д. А. Медведев на специальном совещании, заметив, что на передовых предприятиях они уже управляют сложными механизмами¹.

Судьба идеи метаобразования сложилась таким образом, что на каждом из этапов она встречала сопротивление: в начале от недопонимания в научной среде в трансформационные 2000-е годы, когда еще была актуальна либеральная идея об автоматическом успешном вхождении в рыночную экономику и благополучную жизнь. Затем она отошла на второй план в связи с реформационными процессами в образовании по западному образцу. Однако эта идея живет в «гуще жизни», среди идей о приоритетности российского опыта в образовании, и поэтому находит применение непосредственно в педагогической практике в качестве метапредметного подхода.

Этот процесс начался 10 лет назад: в 2001 году в Ставропольском государственном университете вы-

шел в свет научный сборник, посвященный проблеме метаобразования². Его опубликование стало первым шагом на пути теоретической разработки практико-педагогического подхода к проблеме метаобразования. Второй шаг — выход в свет книги «Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования»³. В ней была обоснована необходимость преподавания учебного курса «Основы социального времяведения», который призван восстановить в правах гуманитарное знание в среднем и высшем образовании и реализовать гуманитарно-компетентностный, культурно-временной подходы в образовании и воспитании. Для этого предлагалось (сначала в виде эксперимента) создать в вузах кафедры социального времяведения, постепенно наделить их функциями координации преподавания гуманитарных циклов для технических и естественных специальностей и привести их в соответствие с международной практикой.

Вместе с тем предполагается, что организаторам образования в России предстоит провести ряд переговоров и согласований с другими странами по признанию нашего опыта интеграции гуманитарного знания. И главное — не следует думать, что это длительный процесс. Ускорение и глобализация социальной практики осуществляются настолько быстро, что мы рискуем отстать не только от модернизированного Запада, но и от традиционного Востока.

Самое ценное для образования — охватить три проявления времени: а) прошлого как спрессованной информации, предстающей в виде памяти; б) происходящего, вбирающего в себя прошлое и предполагаемое будущее, которое становится нашим реальным днем в повседневности; в) современности как целесообразности.

Л. В. Лыткина⁴

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Одним из приоритетных направлений современной культурологии становится исследование проблем взаимодействия культур. С «Диалогов» Платона началось изучение вопросов об интерференции культур. В XX веке на Западе формируется «философия диалога» (М. Бубер, Ф. Эбнер, Ф. Розенцвейг, Г. Марсель, Э. Левинас и др.), поддерживаемая трудами российских ученых (М. С. Каган, Г. С. Померанц, В. Л. Мухлин, Т. П. Лифинцева, В. С. Библер и др.). Философы-диалогисты в союзе с представителями других гума-

нитарных наук создали сегодняшний дискурс диалога культур, стремления к «коммуникативной интенции» (М. М. Бахтин) как альтернативе конфликтам, войне, хаосу.

Но научные штудии рубежа XX–XXI веков, существуя в границах постмодернистской парадигмы, привели к «декадансу» методологии (Вл. Луков). Потребовались новые подходы к изучению культуры, поиски иных возможностей и в оценках культурного диалога. Московские исследователи Вал. Луков и Вл. Луков высказали принципиальное суждение: «...гуманитарные науки все больше субъективируются и отдаляются от идеала науки как объективного знания»⁵. Оно послужило основанием к разработке принципиально новых тактик в изучении культуры. Одним из аттрактивных подходов к исследованию диалога культур становится тезаурология, «субъективная культурология» (Вал. Луков, Вл. Луков). Тезаурус, по мнению ученых, — это

¹ Пролетариям вернут гегемонию // Известия. 2011. 6 апр. № 59.

² Метаобразование как философская и педагогическая проблема : сб. науч. ст. Ставрополь, 2001.

³ Каширин В. И., Каширина О. В. Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования. Ставрополь, 2006.

⁴ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор 82 научных публикаций, в т. ч.: «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века: взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка», «Очерковая проза о Зырянском крае первой половины XX в.», «Очерковая проза Европейского Севера России», «Российская журналистика Александровской эпохи», «Статьи Л. Н. Толстого начала XX века» и др.

⁵ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. тр. М., 2005. Вып. 1. С. 3.

«структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект»¹. Тезаурус строится по оси «свое–чужое–чуждое». Таким образом, тезаурусный подход может быть актуализирован для характеристики основных векторов и форм диалога национальных культур.

Вопросы культурных коммуникаций российской журналистики с западными СМИ получили истолкование в работах А. Запалова, Б. Есина, А. Корнилова, В. Трыкова, Ю. Лучинского, Л. Громовой, Г. Жиркова, Ю. Быкова, А. Бережного и др. Но на сегодняшний день мы не располагаем аргументированной информацией о том, как воспринимались ценности национальных культур на ярусе журналистского текста. Обратившись к тезаурусному подходу, попытаемся дать оценку публицистике П. Л. Яковлева, одного из авторитетнейших сотрудников журнала «Благонамеренный» (1818–1826).

Время выхода журнала «Благонамеренный» было эпохой быстрых перемен культурной ситуации в России, литературно-эстетических споров о классицизме, сентиментализме, романтизме, новоромантизме, германской философии и литературе. В контексте художественных дискуссий достаточно отчетливо выступает тезаурусная ось «свое–чужое» в оценке одного из литературных направлений — сентиментализма. Возникнув в Европе в 1720-х годах (Д. Томсон, Т. Грей, Л. Стерн, аббат Прево, П. Мариво, Ж.-Ж. Руссо, Б. де Сен-Пьер), оно заявило о себе в России в конце XVIII века и просуществовало около двух десятилетий (Н. Карамзин, В. Измайлов, И. Дмитриев, Г. Каменев, ранний В. Жуковский), формируя в своих недрах предромантизм.

«Сатирические ожесточения» (А. Галахов) против сентиментализма П. Л. Яковлева нашли отражение в его публицистических произведениях «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» (1820), «Записки москвича» (1821–1822), «Рассказы Лужницкого старца» (1823) и др.

Заголовок «Чувствительного путешествия» дает подсказку к определению жанра — путевой очерк, что вписывается в сентименталистскую традицию. Но сюжет произведения слагается из повествования субъективированного рассказчика о его странствиях по главной улице Санкт-Петербурга от Адмиралтейства до Аничкова моста.

Автор избирает как основную катафорическую организацию сюжета, предоставляя герою возможность последовательно описать все этапы путешествия. Текстовая ретроспекция, также составляющая «лица» необщее выражение сентиментализма, отыскивается в «Чувствительном путешествии». Рассказчик уводит действие из сюжетного настоящего времени в главах «Моя комната», «Кондитерская лавка Амбиеля».

Анафорическая направленность развития событий в целом не нарушает линейной последовательности: соположение эпизодов текста находится в соответствии с логикой развития событий. Главы книги соединяются, как правило, по ассоциации. Но формальное содержание глав подкреплено связностью интегра-

тивной. Развитие темы осуществляется путем организации полей напряжения, главное из которых возникает в начале книги («...неумолимая судьба приковала меня к Петербургу»²), а снимается в «Эпilogue»: «Я путешествовал!»³ Подобным же способом созданы и развязаны узлы конфликтов практически во всех главах (что соответствует традиции новеллистической композиции произведений сентименталистов), хотя П. Яковлев использует и ступенчатый способ создания полей напряжения (глава «Кухмистерский стол»).

Итак, возможно выделение маркеров путевого очерка в произведении публициста: в центре его факт путешествия, перемещения в пространстве; содержательно-фактуальный и содержательно-концептуальный материал организован фигурой рассказчика-странника. Но перед нами необычная модификация путевого очерка. Построенный, казалось бы, на географическом материале, он лишен топонимических, статистических элементов (минимально представлены описательные фрагменты в виде урбанистических пейзажных вкраплений, статичного портрета). Значимая для рассказчика путевого очерка сентиментального направления функция комментирования в «Чувствительном путешествии» реализована лишь несколькими поверхностными суждениями (гл. «Моя комната»). Заголовок книги представляется лишенным импликации.

Рассматривать произведение П. Яковлева исключительно в границах названной формы — значит исказить его многоуровневую структуру. Это хорошо понимали современники писателя. «Чувствительное путешествие» воспринималось культурно искушенными читателями начала XIX века как злободневный памфлет, заключенный в популярную у сентименталистов жанровую форму путевого очерка. Название произведения представляет собой аллюзию, адекватно декодировавшуюся осведомленным читателем, знакомым с источником аллюзии: «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, а также русских сентименталистских текстов (Н. Карамзин «Письма русского путешественника», В. Измайлов «Путешествие в полуденную Россию», К. Г. «Новое чувствительное путешествие», П. Шаликов «Путешествие в Малороссию»).

Обращение к литературным аллюзиям на «странствующее» направление в мировой литературе обнаруживается в главах «Лавка Лареды», «Книжная лавка», «Кухмистерский стол» и др. «Чувствительное путешествие» П. Яковлева содержит и иронически-уничжительные оценки несимпатичных автору литературных явлений, причем фельетонное начало в первых главах книги обретает памфлетные черты в ее заключительных разделах.

Итак, идеи сентиментализма оказались в поле зрения русской культуры, но были восприняты лишь верхней частью «пирамиды тезауруса» (Т. Ф. Кузнецова). Просуществовав на российской почве около 20 лет, они оказались чуждыми национальной культуре. Диалогизированность европейского сентиментализма и русской литературы оставалась поверхностной. Ис-

¹ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Указ. соч. С. 3–4.

² Яковлев П. Л. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М., 1828. С. 2.

³ Там же. С. 87.

следование частного культурного факта (произведение П. Л. Яковлева) показало столкновение европейских констант (индивидуализма, рациональности, легкого

успеха и др.) с фундаментальными составляющими российского тезауруса (общинностью, иррациональностью, традиционностью)¹.

Н. Н. Михайлов²

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Какую роль играет национальная пресса³ в диалоге культур народов, проживающих в сегодняшней России? С сожалением приходится констатировать: эта роль, во-первых, очень незначительна и, во-вторых, имеет отчетливую тенденцию к уменьшению.

Внешне все выглядит благополучно. В современной России зарегистрировано 176 этносов, которые говорят на 120 языках. Практически у каждого из них есть своя национальная пресса. Так, в Приволжском федеральном округе на языках народов России выходит около 400 СМИ, в Дагестане — 465, в Адыгее — 62, в Калмыкии — 73 и т. п. Администрации национальных регионов с гордостью рапортуют о всемерной поддержке национальной прессы, называются издания на национальных языках, проводятся журналистские конкурсы, награждаются победители и т. п. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что все «успехи» национальных СМИ произрастают из советского мифа о расцвете национальных культур и являются его продолжением. В реальности преобладает тенденция национального нивелирования, ведущая к постепенному исчезновению национальной прессы с медийного поля страны.

Этот процесс начался еще в советское время. Число лиц коренной национальности, знающих язык своего народа, в автономных республиках, автономных округах и областях Российской Федерации сокращалось, происходила мощная ассимиляция. Теоретическим обоснованием этого процесса служили марксистско-ленинская концепция о будущем слиянии наций и идеологический постулат о советском народе как новой исторической общности людей. Что же касается «расцветающих» культур, «национальных по форме и социалистических по содержанию», то, несмотря на щедрую государственную поддержку,

¹ См. подобные исследования: Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. тр. Вып. 2, 3, 5, 7, 20; *Захаров Н.* Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М., 2008; *Иванов А.* Диалог культур России и Швеции: тезаурусный подход : автореф. дис. ... канд. культуролог. наук. М., 2010; *Яблоков Е.* Михаил Булгаков и мировая культура : справочник-тезаурус. СПб., 2011.

² Главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации», доктор философских наук. Автор более 10 книг научного, научно-популярного и публицистического содержания, а также статей: «Национальная по форме, нужная по содержанию», «СМИ в эпоху глобализации: актуальные аспекты», «Как это делается на Би-би-си», «Под одну гребенку» и др. Лауреат премии Союза журналистов России.

³ Понятие «национальная пресса» («национальные СМИ») употребляется, как правило, в двух значениях. Первое — все СМИ, выходящие в национальном регионе. В этом значении это понятие практически совпадает с понятием «региональные СМИ». Второе — СМИ на национальных языках. В настоящей статье «национальные СМИ» рассматриваются во втором значении термина.

они все больше становились собранием этнографических, фольклорно-музейных «экспонатов». Такой же декоративной постепенно становилась и национальная пресса, реальная аудитория которой год от года уменьшалась.

После распада СССР «декоративность» национальной прессы стала еще более очевидной. Достаточно сказать, что точного числа выходящих сегодня национальных печатных СМИ не знает достоверно никто: многие издания учреждаются, регистрируются, но не выходят или выходят крайне редко. Те же, что выходят, представляют собой (за редким исключением) малотиражные издания. Тиражи большинства газет и журналов на национальных языках колеблются от 500 до 1000 экземпляров. Но и эти мизерные тиражи доходят до очень небольшой части читателей, поскольку возврат отпечатанных номеров достигает 80 %. И это несмотря на то что значительная часть газет и журналов дотируется из госбюджета и распространяется бесплатно. Если их сегодня лишить государственной поддержки, они сразу исчезнут из информационного поля. В итоге аудитория печатных национальных СМИ продолжает сокращаться. Это характерно не только для районных и городских газет и журналов, но и для республиканской прессы. Так, число подписчиков четырех основных национальных газет Дагестана с 1985 года сократилось на 60 % и не превышает сейчас в совокупности 10 тыс. Такая же ситуация сложилась и в других национальных регионах постсоветской России.

Пагубные последствия тенденции умирания национальных СМИ очевидны. *Свертывание национальной прессы реально угрожает сохранению языков малых наций и народностей, а значит, и сохранению национальных культур и в конечном счете жизни самой нации.*

Для преодоления этой тенденции чаще всего предлагается единственный и безальтернативный путь — государственная поддержка национальных СМИ. Не отрицая необходимости такой поддержки, заметим, что, будучи единственной мерой спасения национальной прессы, она приведет лишь к консервации существующего положения. Но в стране с рыночной экономикой это не может продолжаться вечно. Национальные СМИ рано или поздно будут вынуждены научиться выживать на медийном рынке или исчезнут.

Те, кто видит их спасение исключительно в государственной дотации, любят ссылаться на практику Запада: мол, в Швеции (Финляндии, Швейцарии и т. п.) живет народ численностью 5–10 тыс. человек и даже меньше, но для него издается национальная газета,

и никто не собирается ее закрывать. Да, издается, но не из соображений политкорректности или этнографической гордости, а потому что эта газета *востребована*, каждый ее номер читается и оплачивается читателем. Наши же издатели национальной прессы не могут отказаться от иждивенчества и ходят с протянутой рукой: дайте денег — мы же национальное издание! Унизительно и для дающих деньги, и для издателей, и для читателей, которым данная конкретная газета, может быть, и не нужна.

В самом деле: что может заставить купить современного человека, особенно молодого, газету на национальном языке в ее современном виде? Мировые и общероссийские новости он уже узнал по телевидению или из Интернета, комментарий к ним прочитал в центральной прессе, а региональную информацию нашел в местных русскоязычных газетах — они, как правило, более качественные по содержанию и оформлению. Спрашивается, зачем он будет покупать и читать газету на национальном языке, содержание которой практически ничем не отличается от русскоязычных изданий? Создается впечатление, что национальные печатные СМИ рассчитаны на людей, которые не смотрят телевизор и не знают русского языка, то есть на аудиторию, которой либо уже нет в регионе, либо она настолько мала, что овчинка выделки не стоит. Если нет аудитории, то неминуемо должны исчезнуть и предназначенные для нее СМИ — в том виде, в каком они существуют сегодня.

Возможен ли иной вариант развития ситуации? Возможен. Чтобы сохранить национальную прессу и обеспечить продолжение диалога культур, национальные СМИ должны, во-первых, понимать и учитывать меняющиеся запросы своей аудитории и, во-вторых, научиться создавать для нее тот контент, который читатели найдут *только* (или *прежде всего*) в изданиях на родном языке и который не предлагает им русскоязычная пресса. Иначе говоря, чтобы обрести постоянного и верного читателя, национальные СМИ должны занять свою, «национальную», нишу. Такой нишей могут стать культурологические, религиозные, детско-юношеские и другие тематические издания, популярность которых в последние годы растет.

Основанием для возрождения национальных СМИ является наблюдаемый сегодня мощный подъем национального самосознания, который был немыслим в советское время. Люди хотят ощущать принадлежность не к некоей абстрактной межнациональной общности, а прежде всего к своему народу. Они ищут свои национальные корни, традиции, стремятся стать носителями живой (а не этнографической) национальной культуры, чтобы передать ее своим детям и внукам. В национальных регионах постсоветской России создается новая этнонациональная идеология, адепты которой готовы активно культивировать национальную культуру. Вопрос заключается лишь в том, как быстро смогут включиться в этот процесс национальные СМИ.

В. В. Согрин¹

ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ И США: СОВРЕМЕННЫЙ ДИАЛОГ

Взаимоотношения историографий России и США прошли в своем развитии два периода: *советский* и *постсоветский*. Лейтмотивом советского периода было *противоборство* двух историографий — претензия каждой на монополию исторической истины, хотя не исключалось определенное сотрудничество. В постсоветский период ведущие позиции занимает *диалог* историографий, хотя не исчезает и противоборство, которое зависит от изменения внутривнутриполитических реалий в каждой из стран, а также от их взаимоотношений на международной арене.

В советский период отечественная американистика опиралась на формационное учение и классовый подход, что предопределяло ее противостояние с американской исторической наукой. Примем во внимание и тот факт, что в советской исторической науке существовало специальное направление — критика и борьба с буржу-

азными фальсификациями истории, которое было необычайно влиятельным. Львиная доля историографических конференций советского периода была посвящена именно борьбе с буржуазной или, как часто говорили, *антимарксистской историографией*. Несть числа докторским и кандидатским диссертациям, посвященным критике антимарксистской историографии, при этом главным ее представителем, можно сказать, авангардом неизменно оказывалась историческая наука США.

Ситуация стала резко меняться во второй половине 1980-х годов, в период горбачевской перестройки. Курс М. С. Горбачева на прекращение холодной войны, развитие взаимопонимания и сотрудничества с США имел следствием смягчение идеологической конфронтации между двумя странами и, конечно же, между их историографиями. Эти тенденции усугубились в период президентства Б. Н. Ельцина (1991–1999), который объявил Россию и США однородными цивилизациями. Новые времена наступили и в российском общественном сознании, в том числе в историографии и американистике. Часть российских американистов при изучении США отказалась от формационного подхода в пользу цивилизационного (большая часть американистов пыталась объединить два подхода). Были восприняты методологии и теоретические разработки западных социальных наук (политологии, социологии, антрополо-

¹ Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность», председатель Российской ассоциации историков-американистов. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Политическая история США», «Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина», «История США», «Исторический опыт США», «Демократия в США. От колониальной эры до XXI века».

гии и др.), так что российское обществознание, в том числе американистика, стало опираться на новую междисциплинарность, радикально отличную от прежней, марксистско-ленинской. В результате прежние гиперкритические оценки американского исторического опыта стали меняться на более взвешенные, синтезирующие разные его стороны.

Соответственно изменилось и отношение к западному обществознанию и исторической науке. Начиная со второй половины 1980-х годов вплоть до сегодняшнего дня наблюдается бум переводов и изданий на русском языке западных работ, в первую очередь американских политологов, социологов, экономистов, историков, международных. Произошла реабилитация американской советологии. Еще больше было переведено на русский язык и издано работ американских авторов по истории США. Теперь среди них доминировали те, кого в советский период причисляли к консервативной (консенсус) и либеральной школам. В течение последних двух десятилетий количество работ этих авторов, переведенных на русский язык, значительно превысило количество книг американских левых историков, изданных в СССР в течение 70 лет. Назову наиболее именитых либеральных и консервативных историков США, работы которых были переведены на русский язык: Б. Бейлин, Д. Бурстин, М. Лернер, А. Шлезингер-младший, Ф. Дж. Тернер, Л. Харц.

Если российская историография обнаружила готовность к диалогу, то американская историческая наука сохраняла менторский тон, негативные последствия эпохи холодной войны. Основное следствие заключается в том, что многие представители американской исторической науки произносят «приговоры» и «выговоры», выступают в роли представителей нации, наделившей себя по собственной воле миссией распространения передовой науки и культуры, построения мировой демократии.

Матрица конфронтации еще сохраняет прочные позиции во взаимоотношениях историографий двух стран. Возлагать вину за это только на американских ученых было бы явным преувеличением. Российская ментальность также содержит конфронтационные черты, которые не могут не влиять на историческую науку. В 2000-е годы конфронтационное начало в отношении России к США по сравнению с 1990-ми усилилось. Это отразилось на переводимых и издаваемых в России книгах американских авторов. Если в 1990-е годы среди этих книг доминировали работы либеральных и консервативных авторов, создающих в высшей степени позитивный образ Америки, то в 2000-е годы все больший удельный вес занимают авторы, жестко критикующие Америку. Это в основном радикальные исследователи, такие как М. Паренти, Г. Зинн, Г. Видал, а также консерватор-традиционалист П. Бьюкенен, которые жестко критикуют внутреннюю и внешнюю политику США. Показательно, что российские книжные издательства, печатающие эти книги за счет патрио-

тических отечественных спонсоров (в 1990-е гг. американские авторы издавались преимущественно при финансовой поддержке Информационного агентства США), публикуют их в рубрике «Америка против Америки». То есть читателю хотят сказать: пороки и недостатки Америки реальны, если признаются самими американцами, а не отечественным агитпропом.

Итак, и для американской, и для российской историографии остается актуальной задачей смена *противоборства* на *диалог*. Кратко сформулируем различие между двумя категориями. Противоборство означает стремление к научной монополии, дискредитации и устранению оппонента-соперника, а диалог — взаимобмен научными результатами и дискуссией в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие рациональных аргументов оппонента, выводов, достоверных фактов. *Противоборство* — это «игра с нулевой суммой», а *диалог* — научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще не сформирована, у многих историков она отсутствует.

Развитие режима диалога во взаимоотношениях двух историографий не означает стирания различий между ними. Они сохраняются по мировоззренческим различиям. Примером современной идеологической национальной особенности, влияющей на историческую науку США, но чуждой российской американистике, является *политкорректность* — набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не могут игнорировать и консерваторы), под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX века. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения относительно афроамериканского, равно как и женского, движения. Важнейшие события прошлого, такие как Война за независимость США, Гражданская война, прогрессивная эра начала XX века и «новый курс» 1930-х годов стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями по сравнению с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам и другим «угнетенным» социальным группам.

Все вышесказанное свидетельствует, что у российских американистов есть основания отстаивать и развивать собственную исследовательскую позицию в постижении исторического опыта США. Я формулирую эту позицию так: раскрывать и исследовать максимально полно разнообразные явления и стороны американской истории, все ее «плюсы» и «минусы» и стремиться к установлению их объективного соотношения, *точной меры*.

А. Н. Соловьева¹

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ОБЩЕСТВЕ ВСЕОБЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Интенсивное развитие средств массовой коммуникации и информации, широкое распространение и внедрение инфокоммуникативных технологий, построение глобальных информационных сетей и другие технические инновации в настоящее время выступают своего рода индикаторами перехода социума на качественно новую стадию социального развития, определяемую современниками по-разному: постиндустриальное общество, информационное общество, общество знаний, общество потребления, общество всеобщей коммуникации, цивилизация обмена и т. д. Другой «визитной карточкой» современности является глобализм, экстраполирующийся на все сферы общественной жизни, в том числе на духовную. Культурная глобализация обуславливает возникновение наиболее общих для всех национальных культур форм и структур, создавая условия для всеобщей коммуникации. Глобализация, таким образом, проявляется двояко: с одной стороны, порождает интеграцию, усиливая транснациональные взаимодействия и расширяя мировое коммуникативное пространство, с другой — дезинтеграцию, разрушающе воздействующую на национальные культуры.

В едином коммуникативном пространстве происходит формирование нового типа культуры, главным архитектором которой выступают активно развивающиеся средства массовой коммуникации и информации, обеспечивающие мгновенную связь участников коммуникативного процесса, нивелирующие пространство и время, стирающие географические и государственные границы, интенсифицируя социокультурную интеграцию. Нарастающие потоки информации и средства массовой коммуникации разрушают процесс культурной преемственности поколений, обуславливая новое звучание проблемы диалога культур. Академик Д. С. Лихачев в связи с этим справедливо отмечал, что для каждого культурного единства характерно свое отношение к прошлому, свой выбор «питающих» это единство культур. Ценности культуры не столько меняются, сколько создаются, собираются или утрачиваются. Особенное значение имеет отношение одной культуры к другой, формы и типы усвоения предшествующих или иностранных культур².

В контексте современных глобальных преобразований и становления новой социальной реальности понятие «диалог» перестало выступать теоретическим

концептом для описания речевых фигур, а приобрело социально-политическую и этическую коннотацию как особая стратегия действий³. Диалог, будучи одной из форм межкультурного взаимодействия, представляет собой полисмысловой феномен, реализующий потребность в общении с культурой, ее обычаями, традициями, их носителями, выступающий в настоящее время универсальным герменевтическим ключом к пониманию бытия человека и его культуры. Наиболее адекватным вызовам современности является понимание диалога в информационно-коммуникативном контексте — как коммуникативное взаимодействие и феноменологическом — как обмен между персональными ценностями, мирами, сохраняющими свои особенности, осуществляющийся в процессе понимания одного человека другим. Тем не менее если субъектами диалога выступают не личности, а культуры, то данное понятие утрачивает часть своих значений, характеризующих его как философскую категорию, и приобретает черты и характер философской идеи, отражающей предмет в аспекте идеала.

В данном случае идея «диалога культур» М. М. Бахтина может выступать примером. Именно в диалогическом сосуществовании М. Бахтин видел залог бесконфликтного культурного развития⁴. В данном контексте диалог понимается как особая социокультурная коммуникация, направленная на установление понимания, признание многообразия факта культурно-исторического развития и права на подобное многообразие, ориентирующаяся на отказ от логики конфронтации и утверждение логики компромисса и сотрудничества. Таким образом, коммуникативная функция диалога раскрывается через коммуникацию, а диалог воспринимается как средство для регулирования действий, достижения истины и установления взаимопонимания.

Не вызывает сомнений тот факт, что современное человечество развивается по пути расширения взаимосвязей различных культур и человеческое общение в этом смысле представляет собой развернутую коммуникативную систему: участвуя в ряде взаимодействий, человек воздействует на свое окружение и сам подвергается изменению. В коммуникативном действовании, как утверждает Ю. Хабермас, участники не являются первично ориентированными на собственный успех, они преследуют свои индивидуальные цели при том условии, что могут согласовать друг с другом свои планы действия на основе общего определения ситуации. В этом случае согласование определенных ситуаций является существенной составной частью необходимых для осуществления коммуникативного действия интерпретаций. Здесь успешность действия ставится в зависимость от успешности взаимопонимания⁵.

³ Соловьева М. Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147.

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 328–330.

⁵ Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса. Минск, 2000. С. 90.

¹ Доцент кафедры прикладной математики и информатики Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) «МАИ», кандидат философских наук. Автор 52 научных публикаций, в т. ч.: «Межкультурный диалог как форма взаимодействия национальной и этнической культуры», «Взаимодействие этноса и природы как философская проблема», «Диалог культур в полиэтническом социокультурном пространстве Северокавказского региона», «Межкультурный диалог как основание поликультурного пространства Северокавказского региона», «Формирование навыков межкультурного общения: из опыта преподавания инновационного курса “Этноэкология”» и др.

² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 171.

Ю. М. Лотман вводит понятие семиосферы как особого коммуникационного пространства, включающего, помимо собственно языков, и социокультурное поле их функционирования, в рамках которого реализуется диалог культур¹.

В настоящее время в условиях формирования информационного общества наблюдается разрушение локального характера культуры, и семиосфера, призванная обеспечивать межкультурный диалог, трансформируется в инфосферу — особое медиапространство, в которое погружаются все культуры, вынужденные функционировать по его законам. Это, в свою очередь, способствует трансформации традиционных элементов культуры, изменяет традиционную систему культурной коммуникации². В. Миронов указывает на ряд важных последствий подобных трансформаций: 1) возникают интегративные языковые тенденции, выражающиеся в подчинении всех языков тому, который в силу политических, научно-технических и других условий в наибольшей степени способен себя распространить; 2) расширяется «псевдокультурное» поле общения, где господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения; 3) происходит уве-

личение видов образования, претендующих на статус культурных, — разрушаются системы ценностей и традиций, господствовавшие веками, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным³.

Таким образом, усиливающаяся глобализация, нарастающие потоки информации, транслируемые современными средствами массовой коммуникации и информации, порождают новую культуру — визуально-симулятивную (формирующую неклассическое представление о мире как о множестве не связанных друг с другом фрагментов) и соответственно новый тип общества — общество всеобщей коммуникации. Коммуникация, постепенно превращаясь в самостоятельный культуротворческий фактор, определяет правила межкультурного диалога, а единое коммуникативное пространство только усиливает размывание границ между национальными культурами. В связи с этим как никогда актуальны поиски диалогического контакта настоящего с прошлым и будущим, поскольку диалог, выступая основой нелинейного мышления, подразумевает признание поливариантности, альтернативности процессов развития и вероятностный характер предвидения будущего.

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 194.

² Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Теория СМИ. 2009. Вып. 2. URL: <http://mediascope.ru/node/356> (дата обращения : 27.10.2011).

³ Миронов В. В. Указ. соч.

Секция 7 ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Руководители секции:

- В. Н. ВАСИЛЬЕВ ректор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, председатель Совета ректоров Санкт-Петербурга, член-корреспондент РАО, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. Л. МАТРОСОВ ректор Московского педагогического государственного университета, академик РАН, академик РАО, доктор физико-математических наук, профессор
- Н. Д. НИКАНДРОВ президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- А. О. ЧУБАРЬЯН директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, академик и член Президиума РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

И. Г. Андреева¹

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие взаимоотношений человеческого общества и природы достигло некой критической точки, когда существование всех жизненных форм на Земле стало зависеть от деятельности человека. Осознание мировым сообществом этого обстоятельства происходило постепенно. Возникновение и рост популярности в XX веке таких организаций, как «Всемирный фонд дикой природы» (ныне «Всемирный фонд природы»), «Римский клуб», «Гринпис», демонстрирует тот факт, что в массовом сознании происходила постепенная смена антропоцентризма на экокентрическое мировоззрение. К концу XX века становится очевидным изменение облика Земли под влиянием деятельности человека. Появляется печальный опыт техногенных катастроф, невиданных ранее по масштабу. Как неизбежный результат осознания экологической опасности на государственном уровне и в рамках межгосударственных организаций, появляются международные соглашения в экологической сфере и экологическое законодательство в большинстве индустриально развитых стран.

Вопросы экологии пронизывают нашу жизнь, начиная с повседневных проблем — качества продуктов питания, загазованности и зашумленности городских магистралей, уборки мусора, технических стандартов

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор биологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Слуховой анализ монауральных и бинауральных признаков приближения и удаления звуковых образов», «Шум: во благо или во вред?» (в соавт.), «Восприятие импульсных сигналов и оценка человеком направления движения источника звука на фоне шума средней интенсивности» (в соавт.), «Маскирующее влияние белого шума на временные параметры слуховой локализации радиального движения» (в соавт.) и др.

по очистке промышленных стоков, и завершая межгосударственными соглашениями по квотам на загрязнение атмосферы Земли, отлова рыбы в Мировом океане и др. Экологические проблемы не ограничиваются взаимоотношениями природы и общества. Само общество по отношению к индивиду выступает окружающей средой. Основатель «Римского клуба» Аурелио Печчеи писал: «Защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлены, в особенности в последние годы, ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения»². Оценивая кризисную ситуацию, в которой оказалось человечество во второй половине XX века, А. Печчеи рассматривал обязанность передать полученное культурное наследие как одну из шести целей человечества, направленных на устойчивое развитие общества. Развитие этой идеи можно обнаружить в работах Д. С. Лихачева: «...экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для сохранения жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности». Д. С. Лихачев вводит термин «экология культуры»: «Природа — дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разно-

² Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

образные явления — материально воплощенные и воплощенные в виде идей и различного рода духовных ценностей»¹. Каковы же реальные возможности сохранения и передачи культурных традиций в современном стремительно меняющемся мире?

Процессы урбанизации привели к тому, что большая часть населения мира живет в искусственно созданной среде. Согласно данным переписи населения 2002 года в России городское население составляет 73,3 %, треть этой части населения живет в 13 крупных городах. Города-миллионники формируют особую техногенную, оторванную от естественных природных условий среду. Возникает особый микроклимат. Например, изменяется химический состав и повышается температура воздушной и водной сред, резко ограничен состав животного и растительного мира, практически повсеместно возникают шумовое и электромагнитное загрязнения среды. Повседневное общение с природой для ребенка, подростка или юноши ограничивается короткой прогулкой по асфальтированным дорожкам и, в лучшем случае, общением с домашними животными. Техногенное окружение меняет и эстетическую, культурную составляющую среды. Наряду с информационным загрязнением (реклама, спам и т. д.) в городах возникает оскудение и обезличивание окружающей среды: монотонная застройка спальных районов, стандартная планировка скверов и детских площадок, однообразное световое оформление улиц и т. д. Под влиянием высокого ритма жизни часто происходит «унификация» жизненного уклада, поэтому именно в крупных городах — мегаполисах легко стираются национальные и культурные традиции. Как пример — постепенный уход от традиционной национальной кухни в направлении фастфуда, наблюдающийся в большинстве индустриально развитых стран, что можно рассматривать как символ утраты культурных традиций.

Хранителем культурных традиций прежде всего является семья. Современная семья малочисленна, состоит из одного-двух поколений. Нередко это неполная семья. По данным упомянутой выше переписи 2002 года, впервые исследовавшей состав домохозяйств в России, было выявлено, что 22,3 % домохозяйств состоит из одного человека, 27,7 % — из двух человек и 23,8 % — из трех человек. Таким образом, 3/4 всех городских домохозяйств состоят не более чем из трех человек². В малочисленной семье из одного-двух поколений утрачивается традиционная культура общения, глубина взаимопонимания и уважения возрастного и профессионального статуса человека, его индивидуальности.

Наряду с урбанизацией для современного мира характерна массовая миграция населения. В рамках СССР всеохватные ударные стройки, индустриализация привели к кардинальной смене образа жизни миллионов людей, утрате многих семейных и национальных традиций. Эти процессы углубляются и обостряются в современный период. Сегодня национальная проблема с государственным уровнем «спустилась» до уровня городской улицы, а понятие толерантности постепенно превращается в свод правил совместного проживания.

Каковы задачи экологического образования на данный период? Прежде всего, как следует из вышесказанного, экология как наука давно вышла за рамки раздела биологии. Экоцентризм — это определенная точка зрения на мир и место человека в мире и среди себе подобных. До некоторой степени это возврат к языческому представлению о взаимозависимости человека и природы. Но возврат на ином уровне — с глубоким пониманием закономерностей этих взаимоотношений, с достаточно длительным опытом в регулировании таких отношений. Таким образом, экологические знания неизбежно имеют воспитательную, мировоззренческую функцию, формируют представление не только о законах взаимодействия человека и природы, людей между собой, но и о правилах поведения, которые позволяют избежать этих проблем, основываясь на знании объективных законов.

Для создания уважительного отношения к окружающему миру необходимо начать с себя. Если проанализировать содержание учебников по экологии за последние десятилетия, то в преподавании экологии выявляется очевидная тенденция к увеличению объема раздела экологии человека. Этот важный раздел позволяет понять особенности биологического начала человека и основных законов зависимости его здоровья и благополучия от окружающей среды, биологические причины и целесообразность различий внешнего вида, физиологических особенностей и темперамента разных рас и народов. Понимание причин этих особенностей — ключ к пониманию и уважению обычаев и образа жизни людей другой культуры.

Другой важный раздел экологии касается объективной оценки условий проживания человека, в том числе в городах. Обсуждение проблем городской среды необходимо для предупреждения о возможной или реальной опасности для здоровья негативного влияния факторов среды. Эти вопросы должны также в должной мере включать осознание учащимися культурной составляющей городской среды как необходимого элемента для психического здоровья. Курс экологии содержит демографическую проблематику, информацию о стратегиях выживания в живой природе и реализации этих стратегий в человеческом обществе. Это позволяет учащимся понять структуру современного общества, осознать в дальнейшем причины экономических, этнических и других проблем на основе объективных закономерностей изменения в структуре народонаселения нашей страны и планеты в целом.

Наконец, раздел о биосфере как единой взаимосвязанной системе дает представление о роли человека и человечества в целом. Ставит вопросы о преимуществах и проблемах процесса глобализации, позволяет выработать собственную точку зрения на происходящие в мире экономические, политические, культурные процессы с учетом понимания объективных природных законов, неизбежно на них влияющих. Таким образом, основную цель преподавания экологии можно рассматривать как формирование экоцентрического мировоззрения, в том числе осознание учащимися ценности мира, его составляющих, ценности собственной жизни и здоровья. Можно заключить, что изучение законов экологии и их выполнение — важная составляющая современной культуры.

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры. Русская культура. СПб., 2000.

² <http://www.perepis2002.ru>

С. М. Ашкинази¹;
А. Г. Фалалеев²

ВОСТОЧНЫЕ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА И СПОРТИВНЫЕ ЕДИНОБОРСТВА — УЧАСТНИКИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Как процессы глобализации и диалога культур могут влиять на сферу образования, в частности в области преподавания физической культуры и вовлечения молодежи в занятия спортом? Данный вопрос побуждает сегодня многих исследователей обратить свой взгляд на Восток.

На Земле нет ни одного народа, не располагающего своей, специфической системой единоборств, эволюционно сложившейся в конкретных историко-культурных и климатогеографических условиях. Но регионы Дальнего Востока и Юго-Востока Азии, несомненно, внесли особый вклад в развитие сначала воинских, а затем и спортивных искусств и единоборств.

Из единоборств стран дальневосточного и южноазиатского региона наибольшее распространение в мире получили китайские (многочисленные виды ушу), японские (карате, дзюдо и айкидо) и корейские (тхэквондо). Причем два вида единоборств — дзюдо и тхэквондо — во второй половине XX века стали олимпийскими (в дополнение к европейским — боксу, греко-римской, вольной борьбе и фехтованию). На Олимпийских играх в Пекине (2008) был проведен показательный турнир по ушу, которое на будущих олимпиадах, вероятно, также войдет в олимпийскую программу. Кроме того, как уже заявлял президент Международного олимпийского комитета Жак Рогге, на повестке дня олимпийских конгрессов стоит вопрос о включении карате в программу Олимпийских игр за счет сокращения программ в других видах спорта (в том числе в фехтовании, греко-римской и вольной борьбе и др.). В мире продолжается «экспансия» восточных единоборств.

Полагаем, что это не случайно. И дело не только в спортивной политике, которая отражает конкуренцию и борьбу государств за лидерство в медальном

зачете. Просто нужно признать, что феномен восточных боевых искусств обладает огромным культурно-историческим потенциалом, который еще не полностью изучен и раскрыт. Устойчивый интерес к ним и по сей день существует в большинстве стран Европы и мира, а количество занимающихся остается неизменно большим.

В последние годы значительно расширился спектр и формат различных фестивалей и соревнований по восточным единоборствам. Например, признанная Международным олимпийским комитетом организация «SportAccord» с 2010 года организует Всемирные игры боевых искусств (Sportaccord World Combat Games), которые проводятся по 13 олимпийским и неолимпийским видам единоборств и боевым искусствам, 9 из которых (айкидо, дзюдо, джиу-джитсу, карате, кэндо, муай тай, сумо, тхэквондо, ушу) относятся к восточным. Всего в первом мультиспортивном форуме (он проводился в Пекине) приняли участие более тысячи спортсменов из 106 стран мира. Состязания проходили в течение восьми дней на четырех спортивных площадках. Вторые всемирные игры боевых искусств «SportAccord» пройдут с 18 по 27 октября 2013 года в Санкт-Петербурге. В наш город приедут примерно 2 тыс. спортсменов из 120 стран мира.

В нашей стране боевые искусства очень популярны среди детей и молодежи. Поэтому по инициативе Российского союза боевых искусств в 2008 году был создан новый, уникальный формат соревнований — Открытые всероссийские юношеские игры боевых искусств. Они проводятся ежегодно по 29 видам, 21 из которых — восточные.

Боевые искусства Востока — это результат духовно-нравственной и эмпирической деятельности многих поколений подвижников и мастеров, мыслителей и врачей, духовных лидеров, философов и военных специалистов. Они базируются на глубоких философских основах и культурно-психологических традициях стран Дальнего Востока и сами являются важной частью этих традиций. Именно в этом заключается принципиальное отличие восточных боевых единоборств от каких-либо других. Ведь даже в их название включено ключевое понятие «путь» (*яп.* «до»). Поэтому боевые искусства, с одной стороны, оружие, с другой — интересный, далеко не познанный огромный пласт дальневосточной культуры. С одной стороны, способ проявления насилия, с другой — феномен, который интегрировал и даосские, и буддийские, и конфуцианские идеи. Этот дуализм подчеркивали известные исследователи А. Долин и В. Попов в своей классической монографии «Кэмпо — традиция воинских искусств» (1990): «Они (воинские искусства. — С. А., А. Ф.) несут в себе заряд взрывной энергии, способной либо уничтожить человека, либо вывести его в глубины космоса...»

¹ Профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Вопросы теории и практики рукопашного боя в Вооруженных силах Российской Федерации», «Технико-тактическая подготовка спортсменов в комплексных единоборствах», «Базовая техника рукопашного боя как синтез техники спортивных единоборств», «Рукопашный бой в современных зарубежных армиях» и др. Заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный тренер РФ.

² Профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Внутрисистемные и межсистемные взаимосвязи в период приобретения и утраты «спортивной формы»», «Биологический возраст, физическое развитие, физическая работоспособность и максимальные аэробные возможности у школьников, студентов и юных спортсменов», «Взаимосвязь характеристик биоэлектрического поля тела человека и отдельных функций организма с параметрами внешней среды и ближнего космоса», «Влияние различных по объему тренировочных нагрузок на показатели сердечно-сосудистой, дыхательной, двигательной и сенсорной систем», «Межцентральные взаимоотношения во время выполнения моделей тренировочных нагрузок в подготовительный период тренировки», «Методика регистрации характеристик биоэлектрического поля тела человека» и др.

Это подтвердили первая (1950–1960-е гг.) и вторая (1980-е гг.) волны стремительного роста популярности и распространения восточных боевых искусств в Европе и Америке. Важнейшие постулаты и требования любых восточных боевых искусств к морально-этической стороне формирования личности адепта той или иной системы, его нравственному облику; к необходимости преодоления на занятиях прежде всего самого себя, своих слабостей и недостатков; направленности на постижение окружающего мира и себя в нем, жизни в гармонии с окружающим миром и другие постигались значительно медленнее, чем восточные боевые системы распространялись на Западе. Это предопределило тот факт, что на данном этапе часто побеждал культ силы, что приводило к выхолащиванию сущности восточных боевых систем и духовной деградации занимающихся. Полностью согласны с мыслью профессора А. А. Долина, что темпы распространения восточных боевых искусств в Европе и Америке значительно опередили возможности освоения истинных ценностей этой части культуры Востока. Это связано, с одной стороны, со сложностью полноценного восприятия фундаментальных основ и источников восточных боевых систем за короткое время, с другой — с традиционными для современной западной цивилизации коммерциализацией всего и вся, стремлением к быстрым результатам, что и привело к замене истинных ценностей внешней атрибутикой и ритуалами без понимания их смысла.

В начале нового века в мире наблюдается новая, третья, волна роста популярности восточных единоборств, которая проходит уже на качественно новом уровне. Так, в 2009 году в состав ЮНЕСКО был офи-

циально включен Всемирный союз боевых искусств. В этом же году ЮНЕСКО признала необходимость внесения восточных единоборств в Список всемирного наследия. Важно, что в программе упоминавшихся Всемирных игр боевых искусств, которые пройдут в 2013 году в Санкт-Петербурге, помимо непосредственно соревнований запланирована широкая культурная программа. Она призвана продемонстрировать в первую очередь для зрителей и гостей Игр, всех любителей спорта глубокую философскую составляющую и историческую ценность боевых искусств и спортивных единоборств как важнейшей части национальных культур различных стран мира. Значимость такого рода мероприятий трудно переоценить. Они должны выступить противовесом культу насилия, который, к огромному сожалению, доминирует на экранах телевизора и в кинотеатрах, оказывая мощное негативное воздействие на молодых людей.

Таким образом, нельзя не отметить достаточно существенную тенденцию последних лет. Она выражается не просто в признании восточных боевых искусств всемирно известными организациями, но и в важном смещении акцентов в их восприятии. Восточные боевые искусства стали *посредником* в распространении восточной культуры и важной частью диалога культур.

Поддерживая традиционные российские и европейские направления развития физической культуры и спорта, отечественной педагогики, думается, следует внимательно отнестись и к ресурсам, вызывающим интерес у подрастающих поколений, в контексте формирования глобальной культуры восточных боевых искусств и спортивных единоборств.

В. К. Бальсевич¹

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СПОРТИВНОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Мысль о том, что спортивную тренировку следует выстраивать особым образом, разбивая ее на определенные периоды, возникла еще в Древней Греции. Несмотря на то что эта «периодизация» тренировок считалась обязательной для участников Олимпийских игр, думается, что это решение было принято скорее не из-за признания научных закономерностей, а исходя из светских представлений и существовавших тогда ритуальных норм.

Проведение специальных научных исследований в спортивной области стало особенно актуальным после Второй мировой войны, когда Олимпийские игры достигли небывалого расцвета. В послевоенное время вместе с возвращением человеческого сообщества

к нормальной социальной жизни, с повышением благосостояния и улучшением социальных условий наступил период расцвета спортивно-соревновательной деятельности. Стало возможно не только готовиться к соревнованиям, показывать высокие спортивные результаты, но и проводить научно-экспериментальные исследования, позволяющие моделировать условия учебно-тренировочного процесса и соревновательной деятельности с целью достижения высоких спортивных показателей. В области спорта высших достижений стал наблюдаться феноменальный прогресс. Это повлекло за собой еще большую потребность в разработке теории и технологии спортивной подготовки.

В наши дни уже очевидно, что проведение важнейших спортивных мероприятий, чемпионатов мира, Олимпийских игр, розыгрышей кубков мира, континентальных первенств на высоком уровне стало возможно благодаря широкому распространению среди спортсменов и тренеров знаний о рациональных методах построения спортивной тренировки, основанных на результатах научных исследований, и мировому

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник физической культуры РФ. Автор 238 научных публикаций, в т. ч.: «Онтокинезиология человека», «Спортивный вектор физического воспитания в российской школе», «Очерки по возрастной кинезиологии», «Модернизация физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в общеобразовательной школе» (в соавт.) и др.

прогрессу в развитии техники движений каждого вида спорта наряду с увеличением объема и интенсивности тренировочных нагрузок.

Как показывает практика, победитель — это не всегда рекордсмен, тот, кто должен быть потенциально самым сильным. И на Олимпийских играх, и на других крупнейших мировых соревнованиях выдающийся атлет не всегда в полной мере проявляет свои возможности, и результат оказывается ниже ожидаемого. Это связано с разными факторами — от достижения пика спортивной формы до правильного отбора спортсменом важнейших состязаний. К тому же уникально одаренных спортсменов не так много. Мы видим высокую плотность спортивных результатов, и разница в достиженческих возможностях между атлетами высокого класса весьма относительна. Все это заставляет ученых всего мира размышлять над тем, каким образом следует строить спортивную подготовку и оптимально подводить атлета к его главным стартам.

Развитие различных сфер человеческой деятельности приводит к тому, что, пытаясь понять и обобщить опыт в той или иной сфере, наиболее пытливые исследователи по крупицам собирают и обобщают этот опыт. Такая деятельность является первой ступенью науки и содержит обобщение и анализ. Затем с развитием точных наук и возникновением измерительных приборов появляется возможность использовать физико-математические законы — это следующая ступень развития науки, позволяющая изучить закономерности явления и обосновать его ведущее на сегодняшний день значение в практическом использовании. На данной ступени развития науки исследование происходящих в природе явлений во времени и пространстве происходит по следующей схеме: одно явление — случайность, два подобных явления — совпадение, а три однотипных явления — закономерность, заслуживающая изучения. В результате появляется возможность прогнозировать развитие явления. Изучение закономерностей — это основа для последующего обобщения и разработки законов, определяющих характер и типичные стороны развития тех или иных явлений во времени и пространстве, это еще один уровень прогресса научного знания. В молодой спортивной науке эти уровни представлены не вполне предметно.

Однако было бы неправильно, показывая негативные элементы в развитии науки о спорте, умолчать о действительно прогрессивных, передовых тенденциях, которые продолжали, несмотря на значительные трудности, развиваться рядом отечественных научных школ (В. М. Зациорский, Л. П. Матвеев, И. П. Ратов).

Вместе с тем темпы этих исследований могли бы быть значительно выше, а отдача от них — более эффективной, если бы они получали соответствующую поддержку, прежде всего материально-техническую, организационную, информационную и финансовую.

В связи с этим следует сказать, что мы до сих пор не можем забыть «головокружения от успехов», которых наша спортивная наука достигла в прошлом, когда интенсивно развивалась и обеспечивала весь спортивный мир научными разработками. Сегодня ситуация существенно изменилась. Лавинообразное развитие

спортивной науки стало характерным явлением в таких государствах, как США, Канада, Скандинавские страны, Италия, Франция, Германия, Япония и Китай. Например, количество научных учреждений, занимающихся проблемами физической культуры и спорта, в США значительно больше, чем в нашей стране. Там научно-спортивная периодика издается в гораздо большем объеме. Общий уровень финансирования науки в сфере физической культуры и спорта в США значительно выше, чем в России. Это свидетельствует о приоритетной позиции этой отрасли знания в США и некоторых других развитых странах и одновременно заставляет задуматься о месте спортивной науки в нашем государстве.

По-видимому, настало время для серьезного системного изучения зарубежного опыта организации науки. Оно предполагает более полный учет не только элементов и их связей при организации специфической научной деятельности, но и внешних социальных, экономических, политических и общенаучных факторов, взаимодействующих в данной специализированной инфраструктуре.

На развитие спортивной науки существенное влияние оказывает ряд факторов. Одним из главных является уровень развития фундаментальных направлений в изучении феноменов спортивной культуры. Ибо, как уже неоднократно отмечалось, именно фундаментальная наука выступает в качестве главного генератора новых идей, создает предпосылки для прорыва в области новых технологий, позволяет выйти на значительно более высокие уровни эффективности разных видов человеческой деятельности.

Несмотря на то что спортивная наука в своей основе прикладная, она призвана осуществлять передаточную функцию от чисто фундаментального знания к технологиям физического воспитания, физической подготовки и тренировки, ко всей сфере практики спортивного воспитания. Кроме того, в эпоху тесного взаимодействия человека с новой техникой, во все более усложняющихся условиях его взаимодействий с природой фундаментальное значение приобретают знания о совершенствовании физического и физиологического статуса человека, о новых экологических условиях и приспособлении к ним, в том числе в сфере физической культуры и спорта. Поэтому изучение, например, сущности взаимодействия природного и социального в процессе физического совершенствования человека может иметь важное значение для всей системы знаний о человеке. Хочется надеяться, что если идея создания центра или института системного изучения феномена человека будет реализована, фундаментальные проблемы взаимодействия человека и природы в процессе его физической активности будут учтены при разработке научных программ деятельности этого учреждения.

Другой важный фактор, оказывающий влияние на развитие спортивной науки, — ее гуманистическая направленность, обусловленная мотивацией исследовательской деятельности в нашем обществе. В этом отношении у нас все не так гладко, как этого хотелось бы, и все не так просто, как кажется на первый взгляд.

В рамках этико-гуманистического анализа исследований в сфере спорта центральным, по-видимому, должен стать вопрос о максимуме и оптимуме реализации физического потенциала человека. Важно наметить подходы к разрешению реально существующего противоречия между целями, которые мы ставим при разных формах занятий физическими упражнениями, прежде всего между спортивной и общефизической.

Стремление к достижению максимумов физических и психофизиологических проявлений человека в спорте понятно и оправданно — в этом суть спорта вообще, а не только спорта высших достижений.

В спортивной науке предстоит решить весьма деликатную и противоречивую этическую задачу. С одной стороны, нужно определить принципиальные пути выявления резервных возможностей человека, что требует ясного понимания условий, при которых можно допустить в спортивных или исследовательских целях доведение организма человека и его психики до критического режима функционирования. С другой стороны, важно определить меру и степень необходимости такого «эксперимента» для человечества в целом и для каждого человека в отдельности. Думаю, что простого и однозначного ответа на этот вопрос пока не существует.

Дело в том, что в жизни человеку необходимы не только хорошо сбалансированные оптимумы физических и духовных проявлений, но и способность действовать с высокой степенью мобилизации ресурсов организма в стрессовых ситуациях, «пережить» резкие возмущения (болезнь, травма, аварийные ситуации, стихийные бедствия, социально обусловленные нагрузки на психику, физические перегрузки и т. п.). Вероятность возникновения подобных критических ситуаций не столь мала, чтобы ими можно было пренебречь. Поэтому способность организма к мобилизации в подобных условиях также должна формироваться путем тренировок, как и другие физические, психологические и функциональные нагрузки. Спортивная деятельность способствует такому формированию, опосредованно влияя на создание «запаса» функциональных возможностей организма и отрабатывая в искусственно создаваемых экстремумах реакции на неожиданные, неординарные внешние воздействия, требующие срочной мобилизации функциональных резервов организма.

Поэтому нельзя согласиться с теми, кто считает спортивную подготовку уделом лишь спортсменов, а иногда — только спортсменов высокого класса. Необходимо найти способ разрешения противоречия между необходимостью использования чисто спортивных методов формирования необходимых для любого человека физических, психологических и нравственных норм и отсутствием необходимости делать каждого человека спортсменом (в смысле постановки целей занятий физическими упражнениями). Это противоречие может быть преодолено. В этом смысле представляется принципиально важным определение этико-гуманистической позиции, в основе которой может быть заложен известный принцип «Не навреди!» Если руководствоваться этим принципом, то одним из основных направлений наших исканий должны стать поиск и осмысление путей балансирования внешних воздействий, в том числе организованной физической тренировки, спортивной подготовки и внутреннего состояния организма с учетом срочных и долгосрочных последствий для здоровья человека.

Коренной вопрос развития исследований в области спортивной культуры в настоящее время заключается в выработке принципиальных подходов к теоретическому прогнозированию результатов реализации различных по характеру, интенсивности, объему и соразмерности воздействий на физический потенциал человека. Необходима такая система знаний, которая не только объясняла бы причины эффективности того или иного метода физической подготовки, но и точно указывала бы на степень его адекватности внешним и внутренним условиям формирования и развития физического потенциала конкретного человека в зависимости от подготовки и задач формирования спортивной культуры в целом.

Однако мы осознаем, что только в процессе диалога культур можно построить эффективную спортивную науку, отвечающую современным вызовам.

Литература

1. Бальсевич В. К. Физическая культура для всех и каждого / В. К. Бальсевич. М., 1988.
2. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. И. Лубышева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

Е. В. Брызгалина¹

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Под понятием «культурная идентичность» будем понимать и рациональное осознание, и эмоциональное

¹ Заведующая кафедрой философии образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Индивидуальность: стратегия поиска», «Концепции современного естествознания», «Инновационное образование: вызовы и решения», «Качество образования: система внешнего контроля», «Экологическое образование: общественная безопасность и индивидуальная адаптация», «Современная философия образования: образование как становление индивидуальности», «Идеальный вуз в современной России. Реальность или утопия» и др.

ощущение своей причастности к определенному этносу и типу цивилизации. При этом для индивида важно наличие определенной веры в целостность той картины мира, в рамках которой разворачиваются цивилизационные и этнические процессы. Культурная идентичность служит основанием для объединения людей в группы, и в случае с цивилизационным и этническим измерением эти группы будут различны. Такая идентичность обладает интегративной природой, вбирая в себя широкий спектр знаний и умений, относящихся

к различным сферам деятельности (профессиональной, обыденной, политической, экономической и пр.), и становясь существенным параметром мотивации деятельности в течение всей жизни человека.

Невозможно связать формирование культурной идентичности с каким-то локальным периодом социализации человека и представить ее только как результат включенности человека в формальную систему образования. Но, с одной стороны, образование призвано формировать цивилизационную идентичность, понимание принадлежности индивида к биологическому виду, который занимает особое место в природе и от которого требуется ведение деятельности, не противоречащей глобальным интересам существования в среде. С другой стороны, образование должно обеспечить социализацию новых поколений в условиях определенного социума и формирование человеческого потенциала конкретной экономики. Тем самым образование становится значимым фактором складывания глобальной и национальной культурной идентичности. Но проблема соотношения между глобальным и локальным в целях и результатах образования не проста, она обостряется в связи с затрагивающим практически все страны мира реформированием формального образования, когда ориентация на единое образовательное пространство усиливает установку на усреднение и общность. Сохранение национальной самобытности без «выпадения» из общего пространства, то есть сочетание локальной этнической и глобальной цивилизационной идентичности, — вызов современной системе образования. Формирование идентичности может быть названо ключевой целью образования, а сама идентичность — ключевой компетентностью, достигаемой в результате образования.

Важнейшей задачей развития мировой системы образования становится обеспечение доступности и качества образования для граждан на протяжении всей жизни. Рассмотрим, как связаны система образования в течение жизни и культурная идентичность, какие проблемы в связи с этим возникают.

Прежде всего следует отметить, что в основе концепции образования в течение жизни лежит подход к образованию как способу приращения человеческого капитала. Этот подход базируется на утверждении, что люди руководствуются некими рациональными аргументами, принимая решение о вложении средств в определенные виды деятельности. Суть этих рациональных аргументов — ожидание получения от вложения более высокого уровня доходов и удовлетворения от труда, а также более высокий уровень признания другими людьми непроизводственных видов деятельности. Обретение людьми посредством образования знаний, навыков и умений требует значительных затрат как времени, так и материальных ресурсов, но это увеличивает объем человеческого капитала.

Непрерывное образование во многих странах мира становится элементом системы постоянного обновления знаний и компетенций работников. В настоящее время все развитые государства реализуют программы формирования систем непрерывного образования (обучения на протяжении всей жизни — *Life-long Learning*).

Развитые страны Евросоюза смогли обеспечить массовое участие взрослого населения в программах обучения и тренингах либо устойчивую положительную динамику в этой сфере. Доля экономически активного населения развитых европейских стран, участвующих в непрерывном образовании, достигает 60–70 %.

Быстрый темп и широкий размах изменения ролевых функций человека непрерывно порождают все новые образовательные потребности. Заказ на удовлетворение этих потребностей исходит от работодателя, заинтересованного в работнике, готовом к освоению новых ролей и сфер, но можно констатировать и складывание устойчивого личностного заказа на образование в течение жизни, причем это необязательно профессиональное образование.

Начиная с 1960-х годов резко возросли темпы изменений культуры и общественной жизни. Возникли условия для формирования новой культурной коммуникации (иного типа сообщества людей и понимания проблем): в частности, идеи дисциплины, управления, организации, культ специалиста постепенно стали отходить на второй план. На первый план вышли идеи сосуществования, понимания ценности другой точки зрения, совместного действия, уважения личности и ее прав. Традиционная школа и образование, сформировавшиеся в рамках социальной коммуникации другого типа, перестали удовлетворять буквально всех. Прежние образовательные технологии, сформированные на понимании обучения как трансляции знания, были построены на принципах передачи и воспроизведения учеником готовых образцов деятельности. Такое обучение провоцировало развитие преимущественно репродуктивных способностей (познавательных стереотипов восприятия, памяти, мышления, а также личностных стереотипов социального поведения).

Но социум уже не позволяет эффективно применять однажды усвоенные стереотипы. В ядро культурной идентификации входят представления о принципиальной нестабильности социальной жизни. Это требует от каждого человека личностной заинтересованности в повышении персональной устойчивости в нестабильных условиях за счет постоянного самосовершенствования. Современное нестабильное глобальное общество, отличающееся сложностью и динамизмом, предъявляет высокие требования к субъектам принятия решений, от которых требуется развитый навык рефлексии над условиями и последствиями выбора. Это обстоятельство актуализирует задачу формирования личностной готовности к поведению в нестандартной ситуации поиска решений, к принятию ответственности за все последствия предпринятых шагов в различных сферах деятельности. От системы непрерывного образования требуется формирование установки на рационализацию данного типа поведения.

При всей актуальности непрерывного образования (с экономической и культурологической позиции) развитие системы непрерывного образования тормозится несколькими типами рисков. Финансово-экономические и нормативно-правовые риски — непрозрачность способов финансирования программ непрерывного образования, непринятие или несвоевре-

менное принятие необходимых нормативных актов, направленных на реализацию программ непрерывного образования на государственном и муниципальном уровне, способствующих росту заинтересованности образовательных учреждений и производственных структур в реализации конкретных мероприятий, — могут быть преодолены посредством эффективных управленческих решений. Гораздо сложнее обстоит дело с психологическими и мотивационными рисками. Так, в нашей стране имеется мощное мотивационно-психологическое сопротивление общественности введению структурных элементов непрерывного образования, связанное с недостаточным пониманием целей, задач и результатов функционирования системы непрерывного образования, неготовностью к самообразованию в течение жизни, к использованию современных образовательных технологий.

Следует учитывать долговременный эффект образования, с одной стороны, и временную необратимость образования для конкретного индивида — с другой. Качественное образование означает отражение в нем именно проекта будущей общественной системы, но образование реализуется для конкретного индивида в настоящем. Это следует учесть при разговоре об образовании как факторе формирования идентичности. В общественном сознании отсутствует поддерживаемый обществом проект той общественной системы, на которую образование должно ориентироваться. То есть отсутствует та самая вера в целостность картины мира, в рамках которой разворачиваются цивилизационные и этнические процессы и о которой шла речь как об условии культурной идентификации.

Современная социально-экономическая ситуация связана с расширительной трактовкой рыночных отношений, с оценкой качества образования в понятиях прагматического понимания целей и смыслов образования. Следовательно, такой результат образования, как культурная идентичность, не имеющий прямого рыночного эквивалента, может рассматриваться субъектами, принимающими решения в сфере образования.

Представляется, что формирование идентичности в условиях формального образования требует усилий по направленному созданию особой образовательной среды. Поддержание идентификационных традиций и устойчивое развитие этой целевой установки образования не может быть рассмотрено без ориентации на конкретных людей, вовлеченных в образовательную сферу. Для каждого субъекта образовательного процесса в формировании идентичности на первый план выходит внутренний самоанализ образовательной и воспитательной деятельности. Представляется, что внешняя оценка со стороны других участников образовательного процесса или заказчиков образования (внешний мониторинг) в формировании идентичности не является приоритетной. Причина этого, по моему мнению, кроется в практической невозможности создать систему индикаторов достижения цивилизационной и этнической идентичности в процессе образования. Трудно сформулировать как сами индикаторы, так и средства их диагностики, которые, с одной стороны, отражали бы как цивилизационные, так и этнические параметры (в силу их противоречивой направленности, о чем шла речь выше); с другой стороны, принимались бы всеми или большинством участников образовательного процесса как поле согласия.

Образование как фактор формирования культурной идентичности должно быть рассмотрено не только как ответ на сформулированный внешней социальный заказ к системе образования. Являясь фактором становления индивидуальности, образование — не просто механизм передачи знаний, умений и навыков, а скорее способ развития личности. Личность при этом понимается как субъект свободной творческой деятельности. Образование, рассмотренное сквозь призму идентичности, предполагает отношение человека к собственному развитию как к ценности. В процессе образования на соответствующих возрастных этапах у человека должны формироваться определенные целостные виды деятельности и соответствующие им способности.

М. Н. Ветчинова¹

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Следуя гуманистическим целям образования, современная школа решает задачу формирования личности, главными качествами которой являются осознание себя как представителя определенного этноса, готовность взаимодействовать с другими народами и культурами. Значительное расширение межкультурного взаимодействия, подписание Болонского соглашения,

¹ Профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 89 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий: «Социокультурная ценность иноязычного образования в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века», «Иноязычное образование в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века: проблемы содержания и методов обучения», «Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX — начала XX века: смена парадигм», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра».

а также возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, требуют формирования у молодого поколения высокой общей культуры.

В настоящее время все глубже осознается взаимосвязь образования и культуры, а также тот факт, что культура оказывает существенное влияние на образование, поэтому при определении важных педагогических категорий следует опираться на такое емкое понятие, как «культура».

Академик Д. С. Лихачев писал: «Для существования и развития настоящей, большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда,

владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству»¹.

Именно поэтому современные ученые, например Е. И. Пассов, убеждены, что не знания, умения и навыки должны быть содержанием образования, а именно культура, главной должна быть не знаниецентрическая образовательная парадигма, а культуросообразная. Он отождествляет образование с «лабораторией высокой моды»².

Смещение образовательной парадигмы в сторону культуры повлияло на тот факт, что наряду с общими подходами к содержанию образования появляются авторские концепции, которые выявляют глубокую взаимосвязь культуры и образования. Например, концепция Е. В. Бондаревской обосновывает положение о целесообразности воспитания в контексте культуры. Н. Е. Щуркова рассматривает организацию воспитания как фактор, способствующий вхождению российского общества в мировую культуру. Исследования группы психологов во главе с И. А. Зимней основаны на понимании воспитания как процесса формирования отношения человека к миру.

Следовательно, задача обучения, как и воспитания в целом, — формирование личности путем передачи накопленной культуры. Усвоение культуры предполагает преобразование в сознании личности продуктов общественной духовной деятельности или социального опыта, благодаря чему происходит становление культуры личности.

Н. Б. Крылова полагает, что «культура личности — это мера достигнутого развития человека, его внутреннего богатства, социального потенциала и готовности к разнообразной деятельности по сохранению и расширению мира ценностей. Культура личности есть одновременно и итог, и основание духовного и предметно-практического становления индивида, она — и продукт, и условие деятельности и поведения»³.

В первую очередь постижение социального смысла и мотивов деятельности, поступков людей, нравственных отношений и общечеловеческих ценностей осуществляется в процессе изучения гуманитарных дисциплин. Именно в них заложен нравственный потенциал, а следовательно, в процессе их изучения приходится думать и размышлять о человеке, его поступках. Во время размышлений, поиска своей позиции учащиеся не только используют то, что уже усвоено ими в процессе обучения, но и формируют собственную культуру личности.

Понимание значимости гуманитарного знания издавна было присуще людям. Так, еще в V веке до н. э. Сократ утверждал приоритет исследований «не природы, не космоса, не стихий, а назначения и свойств человека», который должен увидеть, почувствовать себя человеком, сохраняя достижения прошлого, творя настоящее и проектируя будущее.

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 359.

² Пассов Е. И. И не надо догонять Америку // Литературная газета. 2008. № 5. С. 12.

³ Крылова Н. Б. Эстетический потенциал культуры. М., 1990. С. 138.

Л. Вербицкая считает, что «гуманитарное образование — это духовное развитие человека в самом широком смысле. Оно включает очень широкий круг компонентов, обеспечивающий проявление человека во всем многообразии связей и взаимодействий как носителя и создателя культурных ценностей, национальных традиций, общественной идеологии»⁴.

А. С. Запесоцкий делает вывод о том, что гуманитарное образование имеет «уникальные возможности для формирования духовно целостной личности и одновременно воспроизводства культуры народа», и рассматривает гуманитарное образование как «важнейшую предпосылку духовной безопасности общества»⁵.

Таким образом, гуманитарное образование является важнейшим механизмом усвоения культуры, средством трансляции культурных ценностей, норм, идеалов, форм воспроизводства национально-культурного мира, оказывая тем самым большое влияние на культурное обогащение личности.

Кроме того, гуманитарное образование играет важную роль в постижении других культур, понимании другого мировоззрения, иного образа жизни. По оценке Д. С. Лихачева, национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, гибели ее индивидуальности. Он был уверен, что культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур были причинами межэтнических войн и международных конфликтов в XX столетии. Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира великий культуролог считал условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн⁶.

Говоря о взаимодействии культур, исследователи традиционно опираются на принцип диалога культур, который раскрывается М. М. Бахтиным, В. С. Библером, С. Ю. Кургановым и другими учеными. Согласно их концепции любое обучение должно строиться как диалог различных исторически существовавших логик, культур, способов понимания (античной, средневековой, нововременной, современной).

М. М. Бахтин писал: «Личность жива только в своей обращенности к другим, значит, личность есть там, где есть диалог»⁷. Он правомерно считал, что в общении с другими культурами, в ходе диалога возникает особое общение между людьми, в котором участники «нащупывают» собственный взгляд на мир⁸.

Эта мысль очень важна, так как незнание культуры другого народа, его менталитета приводит к межнациональному непониманию и конфронтации. Как отмечал Д. С. Лихачев, каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека своей культурой, поскольку познание своего сопряжено с познанием чужого. Именно такое понимание откры-

⁴ Вербицкая Л. Гуманитарное образование в современной России // Высшее образование России. 1996. № 1. С. 74.

⁵ Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 3.

⁶ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. URL: <http://www.udculture.info>

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 40.

⁸ Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992. Ч. 2. С. 32.

того и толерантного процесса культурной коммуникации позволило Д. С. Лихачеву утверждать, что культура — это универсальный фундамент человеческого существования, главный источник гуманизации человеческой истории.

Вышеприведенные положения, мысли современных ученых предопределили повышение роли гуманитарного образования. Гуманитарные знания становят-

ся все более необходимыми и актуальными в любом виде деятельности и для специалистов всех профилей. Только изучив культуру родной страны, можно постигнуть иные культуры, сформировать потребность к взаимодействию с ними, к продуктивному диалогу, поскольку культурное сотрудничество и сотворчество способствуют обогащению человека новыми знаниями и творческими перспективами.

Е. В. Герцман¹

ОДИН ОПЫТ АНТИЧНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Размышляя об образовании в контексте разнообразных процессов диалога культур и глобализации, следует вспомнить уроки истории и подвижничество тех, кто у разных народов в разные эпохи способствовал развитию образования. В связи с этим мне как историку музыки сфера научных интересов которого сосредоточена на античной и средневековой музыкальной культуре, представляется целесообразным обратиться к деятельности одного древнего эллина — Дамона Афинского — современника философа Платона, педагога, предложившего особую систему воспитания, в которой решающую роль играла музыка. В ее основе лежала идея о том, что умелое и индивидуальное использование музыки может оказать плодотворное влияние на формирование характера человека. Как можно понять из первоисточников, он говорил не столько об обучении музыке (не об игре на инструментах или пении, хотя, возможно, не исключалось и это), сколько о постоянном слуховом приобщении к ней, когда ребенок систематически или достаточно продолжительное время находится в звуковой ауре музыки. Исходя из этого, он пропагандировал активное ее внедрение в воспитание. Конечно, его идея предполагала не простое знакомство детей и подростков с любой музыкой, а только с той, которая была способна, по его мнению, вызвать положительный отклик в душе и тем самым содействовать формированию таких достойных нравственных черт, как добродетель, справедливость, честность, благородство, мужество и даже героизм.

Подобный подход к проблеме основывался на специфических особенностях современной Дамону художественной жизни, когда распространялись многочисленные стили, сформировавшиеся в различных национальных традициях народов, населявших Элладу. Стилевая многоликость постоянно проявлялась и в своеобразии «племенного искусства», и в особенностях его жанров, представляющих культуру каждого региона. Тогда истинно эллинской музыкой считалась *дорийская*. К ней относили музыкальные жанры, распространенные с давних времен в быту жителей Спарты. В сознании древних это был *дорийский стиль*, включавший не только определенные жанры,

но и характерные средства музыкальной выразительности. Хорошо известно, что длительное время эллины весьма негативно относились к *фригийской* музыке, ассоциировавшейся с некогда новым для Пелопоннеса культом бога *Диониса*, пришедшим из Малой Азии. Лишь спустя много времени состоялось постепенное примирение двух контрастных стилей, выразившееся в «акклиматизации» на Пелопоннесе и культа Диониса, и *фригийской* музыки.

Однако все без исключения источники древности, вплоть до самых поздних, свидетельствуют: несмотря на то что Дионис занял свое место на Олимпе и его культ был принят повсеместно, что по Элладе гастролировали многочисленные фригийские *авлеты* и сохранялось понимание и ощущение различий между *дорийским* и *фригийским* музыкальными стилями (они, очевидно, находились на разных «полусах» художественного восприятия), также сохранялось своеобразие *лидийской*, *ионийской* и *эолийской* музыки. Музыкальная культура каждого народа несла отпечаток национальных традиций, особенностей музыкального быта и своеобразия творческого мышления.

Именно эта особенность музыкальной жизни древности была положена Дамонам в основание его теории. Согласно ее положениям при многократном и постоянном слушании, например военных маршей и торжественных гимнов, всегда считавшихся принадлежностью *дорийского стиля*, человек становится мужественным и способным на храбрые поступки. Существовало убеждение: звучание такой музыки и ее эмоциональная направленность организуют волю, дисциплинируют и будоражат дух, что, в свою очередь, влечет к благородным деяниям. А когда тот же самый человек часто слушает разнузданные песни двусмысленного и неприличного содержания, рассматривавшиеся современниками как жанры *фригийского стиля*, то он превращается в некое его отражение, становясь безвольным, склонным лишь к бездумным удовольствиям, и тем самым лишается многих достоинств. Конечно, между этими двумя крайностями существовало достаточно много градаций, представленных другими «племенными стилями». Весь сохранившийся комплекс сведений говорит о многостильности древнеэллинской музыки, где «голос» каждого племени был представлен целой серией хорошо известных современникам признаков.

Критическое осмысление этого разнообразия с точки зрения использования его возможностей для воспи-

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Пифагорейское музыкознание. Начала древнеэллинской науки о музыке», «Античный орган», «Тайны истории древней музыки», «Языческие и христианские музыкальные древности», «Античная музыкальная педагогика» и др.

тания и стало исходной точкой воззрений Дамона. По словам Платона, Дамон утверждал: «Нигде стили музыки не изменяются без [изменения] важнейших государственных обычаев»¹. Это сообщение может служить доказательством того, что Дамон хорошо понимал взаимосвязь между нормами духовной жизни общества и художественной практикой. Действительно, он искренне верил, что без соответствующей музыки не следует рассчитывать на формирование достойного характера. Пересказывая взгляды Платона, *Филодем* свидетельствует: «Когда же кто-то спросил, совершенствует ли музыка [человека] во всех добродетелях или [только] в некоторых, он сказал, что сведущий в музыке Дамон полагает, что почти во всех; ибо он говорит, что «поюшему и играющему на *кифаре* ребенку подобает представлять не только мужество и целомудрие, но и справедливость»².

Весьма наивная мысль, что музыкой можно воспитывать такие качества, как мужество, целомудрие и даже справедливость, для Дамона являлась совершенно очевидной и вполне реальной. Ему даже приписывается создание особого стиля — ослабленно-лидийского: «...говорят, что ослабленно-лидийский [стиль], который противоположен смешанно-лидийскому, почти одинаковому с ионийским, изобретен *Дамоном Афинским*»³. Другими словами, речь идет о музыке, соответствовавшей нормам, сформировавшимся в лидийском и в некоем «смешанно-лидийском» стилях.

Что это означает? Ни для кого не секрет: педагог-теоретик не в состоянии создать ни дорийский, ни лидийский, ни любой другой музыкальный стиль. Это не под силу даже композитору, поскольку такой стиль — продукт всей национальной музыкальной культуры, создающийся в процессе длительной исторической эволюции и постоянно развивающийся. Поэтому, когда обсуждается сообщение о том, что Дамон создал особый музыкальный стиль, речь должна идти не о создании художественного стиля, а совершенно о другом.

В процессе музыкального воспитания, основанного на принципах, пропагандируемых Дамоном, очевидно, был накоплен достаточно обширный опыт по использованию произведений различных стилей. Среди них существовал так называемый *строгий лидийский*, включавший произведения (и вокальные, и инструментальные) только из того репертуара, который квалифицировался исключительно как *лидийский*. Наряду с этим для реализации конкретных педагогических задач Дамон и его последователи вместе с произведениями, относившимися только к лидийскому стилю, могли допускать использование каких-то песнопений или инструментальных пьес из других стилей. Ведь Дамон верил

в способность музыки формировать в человеке «почти все» добродетели. Такие воззрения привели к необходимости использования для культивирования одних сторон личности произведений одного стиля, для развития других — музыку иных стилей (детали содержания этих педагогических приемов, к сожалению, навсегда остались в прошлом).

Такие воспитательные действия предполагали осторожный и во многом дозированный подход к использованию музыкального материала, поскольку требовалось, не нарушая всеобщего влияния какого-то одного стиля (воздействие которого рассматривалось как абсолютно благотворное для конкретной цели), совместить с отдельными положительными чертами другого: чтобы не сформировать излишне жесткий и прямолинейный характер, строгость *дорийского*, возможно, нужно было «разбавить», допустим, лирическими произведениями *лидийского*. В таком случае получался своеобразный комплекс музыкальных произведений, где превалировали *дорийские* образцы с привлечением некоторых произведений *лидийской* музыки. В результате возникал некий смешанно-дорийский стиль. Аналогичным образом *строгий-лидийский* стиль мог быть «разбавлен вливаниями» из ионийской или какой-нибудь иной музыки. Такой комплекс произведений должен был получить наименование *смешанно-лидийского*. В связи с этим обратим внимание на то, что *Климент Александрийский* упоминает не только смешанно-лидийский стиль, но и смешанно-фригийский⁴. Следовательно, такое «смешение» было достаточно распространенным явлением не только в Элладе, но и вообще в Древнем мире.

Псевдо-Плутарх рассказывает, «как поступают спартанцы, а в древности [поступали] мантинейцы и пелленцы. Выбрав какой-то один стиль или совершенно небольшое [число] таких, которые они считали подходящими для исправления нравов, они пользовались этой музыкой»⁵. Существует также убедительное подтверждение тому, что «все древние [музыканты] пользовались [только] некоторыми из всех стилей не из-за неумения, ибо у них причиной такого ограничения не являлось незнание...»⁶ Значит, смысл указанного ограничения основывался на убеждении, что одни музыкальные стили оказывают положительное влияние, а другие — нет.

Все говорит о том, что согласно воззрениям Дамона в музыкальной педагогике не следовало основываться только на традиционных нормах какого-то одного стиля. Очевидно, он активно экспериментировал и стремился к разнообразию музыкально-воспитательного универсума, комбинируя освоение лучших произведений из разных стилей. Такой творческий подход должен был быть основан на искренней вере в плодотворность стилового разнообразия и его благотворное влияние.

Сейчас трудно сказать, как отступления от «однородных» стилей воспринимались в обществе во времена Дамона. Но у того же Псевдо-Плутарха можно прочесть сообщение, свидетельствующее о том, что

¹ *Platonis. Respublica IV 424e // Platonis. Dialogi secundum Thrasylli tetralogias dispositi. Post C. Fr. Hermannum recognovit M. Wohlrab. I–VI. Lipsiae, 1912. Vol. IV. P. 1–318.* Как принято при цитировании античных источников, римскими цифрами указаны крупные разделы (номер книги, части, песни), а арабскими — более мелкие (главы, параграфы, поэтические строки).

² *Philodemi. De musica I XIII 3 // Rispoli G. M. Il primo libro del Peri Mousikhs di Filodemo Napoli, 1968. (Vol. I: Ricerche sui papiri Ercolanesi.)*

³ *Pseudo-Plutarchi. De musica 16 // Plutarque. De la musique. Texte, traduction, com men taire, précédés d'une étude sur l'éducation musicale dans la Grèce antique, par Fr. Lasserre. Olten; Lausanne, 1954. P. 111–132.*

⁴ *Clementis Alexandrini. Stromata I 16 // Patrologia cursus completus. Series graeca / ed. J. P. Migne. P., 1860. T. 8. Col. 789.*

⁵ *Pseudo-Plutarchi. Op. cit. 1142E, § 32.*

⁶ *Ibid. 1137A, § 18.*

далеко не всегда подобные нововведения происходили спокойно: «Говорят, что аргосцы некогда установили наказание за беззаконие в музыке и покарали того, кто первый среди них предпринял попытку использовать более 7 струн [в инструментах], и того, кто предпринял попытку ввести *смешанно-лидийский стиль*»¹. Здесь мы вновь сталкиваемся именно со *смешанно-лидийским* стилем. Нам неизвестно, когда произошло упомянутое Псевдо-Плутархом событие, но его суть совершенно ясна: возможно, какой-то аргосец (не исключено, что музыкант-исполнитель), восхищенный своеобразием лидийской музыки, захотел познакомить с ней своих земляков. Наверное, он понимал, что традиционное восприятие будет противиться «иностранным» и необычным для слуха аргосцев мелодиям. Ведь все новое массой либо воспринимается с трудом, либо просто отвергается. Поэтому было решено совмещать в исполнительском репертуаре тра-

диционное с новым для аргосцев — *лидийским*. Так могло возникнуть репертуарное образование, определенное как *смешанно-лидийский стиль*. Из приведенного сообщения Псевдо-Плутарха ясно, как он был воспринят.

«Созданный» Дамоном *ослабленно-лидийский стиль* — скорее всего один из репертуарных комплексов, сформированных в соответствии с вполне определенной педагогической задачей (конечно, в понимании самого Дамона). В нем должны были быть не только *лидийские*, но и произведения других стилей (*дорийского*, *фригийского* или какого-нибудь другого). Такой репертуар мог получить название *ослабленно-лидийского*, то есть *нестрого-лидийского*.

Концепция Дамона, безусловно, должна быть включена в современный процесс теоретического осмысления многообразного процесса взаимодействия культур в глобальном мире.

Ю. А. Гранин²

РОССИИ НУЖНА ПОЛИТИКА «ОФИЦИАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА»

Сейчас все шире распространяется мысль о необходимости использования политики «официального (государственного) национализма», целью которой должно быть формирование «российской нации». Такая политика формирования национального единства страны не противоречит ее культурному многообразию.

1. В 2010–2011 годах руководители Российской Федерации не раз заявляли о том, что идея российской нации крайне продуктивна. «*Наша задача заключается в том, — заявил президент Медведев, — чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только тогда мы будем крепкими*» (курсив мой. — Ю. Г.)³.

Совершенно верно. Миллионы представителей черной, белой, желтой и красной рас в США и многих странах Европы в первую очередь с гордостью говорят: «мы — американцы» или «мы — французы». А у нас подавляющее большинство населения продолжает идентифицировать себя только или прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов» или, допустим, «чеченцев», и лишь потом — в качестве «граждан Российской Федерации». И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахо-

вана от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над национальным.

2. Но как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе? Разумеется, да. Но сейчас, судя по ряду публикаций и заявлений, складывается ощущение, что плодотворная идея формирования «российской нации», призванная лечь в основу государственной национальной политики, вновь будет законсервирована. Так же как отложено на неопределенный срок концепция национальной политики РФ. Ее, как отметил министр регионального развития В. Ф. Басаргин, «посмотрели, причем со всеми согласовали, и в итоге положили на полку»⁴.

3. Думаю, не случайно в процессе многочисленных согласований ее в очередной раз торпедировали этнократы из так называемых «национальных республик», под давлением которых в свое время были приняты законы «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002), которые *фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны*. Интеллигенты из «титовых» этносов приняли в этом самое живое участие.

4. Воспользовавшись несовершенством законов, они установили собственные «государственные» стандарты для национальной школы и, снизив ее связи с русским языком и русской культурой, выстроили содержание образования на собственной культурной основе. В итоге к настоящему времени в учебный процесс оказались включены 75 языков народов России, из них 30 функционируют (в разном объеме) в качестве

¹ Pseudo-Plutarchi. Op. cit. 1144D, § 37.

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Нации, национализм и федерализм», «Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования», «Глобализация, нации и национализм в истории и современности. Опыт социально-философского исследования» (в соавт.), «Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ»; статей «Станет ли Россия «национальным государством»?», «Человек в поисках идентичности», «Россия нуждается в официальном национализме» и др.

³ Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. Уфа, 11 февраля. 2011 г. URL: www.kremlin.ru

⁴ Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. Москва, 27 декабря. 2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru>

языка обучения. Школы с обучением на родном (нерусском) языке и с родным языком как учебным предметом в 2002/03 учебном году составили 25,6 % всей школьной сети Российской Федерации. В совокупности через них прошли 13,5 % учащихся. В настоящее время этот процент стал значительно повышаться.

5. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономий. Ситуация в республиках Северного Кавказа просто катастрофическая: там русскоязычного населения почти не осталось, зато этнонационализм с примесью феодализма расцвел пышным цветом.

6. В национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших свою карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев Российскому государству, русскому и другим народам. Не случайно в 2008 году в школах Татарии лишь 25 % на вопрос: «В какой стране вы живете?» ответили: «В России». Остальные считают, что живут в Татарстане¹.

7. Благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются прежде всего так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титально-го» («коренного») этноса.

8. Так что этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые — культурные, образовательные и коммуникативные — формы. Ему должна противостоять политика «официального национализма» Российской Федерации, которая помимо полного изъятия из конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, выравнивания уровня и качества жизни народов *должна включить*

культурно-лингвистические меры по формированию «российской нации», восстановить дезинтегрированное коммуникативное и образовательное пространство России.

9. Прежде всего необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Затем надо ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. И, наконец, осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют этнические тенденции и сюжеты.

10. Эти меры являются вынужденными, но совершенно необходимыми. В истории не было устойчивых полиэтнических сообществ людей, связанных только узами общего гражданства. В действительности «нация» — это появившаяся лишь в XVIII–XIX столетиях исторически новая общность людей, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком и общей культурой. Важнейшая роль в формировании большинства наций принадлежала (и принадлежит) государству, которое совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования целенаправленно формирует у людей воображаемый ими образ «Отечества — Нации» («России», «Франции» и т. д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

11. Двигаясь в этом направлении, следует увеличить процент передач и программ на русском языке в республиканском теле- и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиоккомпаниям и печатным СМИ. Такая политика формирования национального единства страны не противоречит ее культурному многообразию. Но она предполагает отказ от мультинационализма. В противном случае нам не удастся воспитать патриотов России.

О. А. Жукова²

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Культурологический подход в современном образовании базируется на классической для философии

¹ Деформация гражданского сознания в Татарстане подрывает безопасность России : интервью Михаила Щеглова // ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/1155436.html>

² Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры», «Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт.), «Курс лекций по философии и истории русской культуры».

культуры и теоретической культурологии трактовке культуры, известной еще с античной эпохи. В европейской философской традиции культура стала пониматься как мир человека, созданный его творческим трудом, который предполагает совокупное нравственное и умственное усилие личности и общества в процессе осознания и достижения смысложизненных целей. В религиозной картине мира, являвшейся основой мощнейших цивилизаций в культурной истории, цели человека и социума могли выходить за пределы его собственной реальности — обладать трансцендентным вектором.

С культурологической точки зрения образование рассматривается в качестве подсистемы культуры, обеспечивающей передачу и освоение духовно-интеллектуального и социального опыта в горизонте личностного смысла человека. Культура и образование выступают одновременно условием и механизмом преемственности исторически возникающих и институализирующихся в социальном бытии разнообразных практик, обеспечивающих как выживание индивида и социума, так и достижения им и обществом трансцендирующих образов и целей, преодолевающих границы культуры и экзистенции человека. Образование в качестве «технологии» передачи и усвоения опыта принимает на себя основные функции культуры по воспроизводству смыслов, ценностей, значений в особом, практически ориентированном формировании человека как духовного и социального существа. С данных теоретико-методологических позиций, на наш взгляд, должно быть определено место и роль гуманитарного образования как условия трансляции и производства метафизических и инструментальных ценностей современного человека и общества. С этой точки зрения сущность культуры и образования может быть определена формулами «производства смысла» и «производства знания» и представлять собой медиатор социальной системы, обеспечивающий продуктивное сосуществование социальных институтов и духовных традиций, являясь одновременно и смыслопорождающей структурой общественного сознания, и социальной технологией ее передачи и наследования.

Культурология как наука и учебная дисциплина составляет важную область философско-культурологических исследований и образовательной практики. Она обеспечивает самостоятельный опыт рефлексии в постижении мирового и отечественного духовно-культурного наследия, «запускает» процесс мыслительного творчества и нравственного самосознания, реализуя диалоговые стратегии в процессе накопления, систематизации и философско-теоретической интерпретации того или иного явления культуры. Философско-культурологический подход позволяет увидеть структурные и содержательные особенности бытия общества и индивида на уровне политических, религиозных, художественных, хозяйственно-экономических и социально-бытовых практик, рассмотреть процесс формирования цивилизаций, сложения и развития духовных традиций, понять особенности национальных культур в многообразии исторических судеб государств, стран и народов, войти в горизонт творческих устремлений выдающихся авторов — гениев культуры.

Участие в глобальном проекте современности ставит перед культурами, понимающими себя как некое историческое целое, вопрос о сохранении своей идентичности — о будущем, то есть о творческом потенциале и пути развития традиций. Эта ситуация составляет актуальный вопрос существования и русской культуры, что нашло отражение в трудах Д. С. Лихачева. Каждая культура дает свой вариант ответа, но все они формулируются в горизонте *новой диалогической цивилизационной парадигмы*, в условиях, когда открытое про-

странство будущего понимается как еще не-ставший мир. Основные проблемы, с которыми сталкивается человек современной культуры, — отношение к прошлому, анализ действий и их последовательность в настоящем, моделирование желаемого образа будущего.

Осознать связь прошлого, настоящего и будущего как жизненный смысл и творческую задачу построения новой культурной реальности невозможно без интеллектуальных усилий вне традиции научного рационального знания. Следовательно, речь должна идти о новой гуманитарной парадигме мышления, актуализирующей обращение к истокам знаний о человеке и культуре, к истокам традиций, которые освящают базисные ценности человеческой жизни. Репрезентантом гуманитарной науки современности является культурологическое мышление, выступающее основой социогуманитарного и философского знания. В этом контексте исследование отечественной и мировой культуры и ее изучение в системе высшей школы, в духе научной традиции Д. С. Лихачева, становится возможным на основе реализуемого синтеза дескриптивной и нормативной установок культурологии.

Очевидно, современные наследники русской культуры поставлены в условия цивилизационного «многоголосия». Сохранение духовных ценностей русской культуры и связанного с ними типа творчества и творческой личности осложнено. Среди фиксируемых и анализируемых культурологией причин: общая универсалистско-унифицирующая тенденция развития цивилизации; автономность веры, которая является актом свободного выбора личности; разрушение механизмов трансляции традиционных ценностей и образа жизни; утрата метафизического «чувства» человеком современной культуры; информационно-технологический принцип организации формы и содержания культуры; «конкуренция» картин мира, ценностей, жизненных укладов, государственно-политических и цивилизационных систем; научный способ открытия истины и связанных с ним процедур верификации, отличный от опыта веры и морально-духовного авторитета гуманитарного наследия культурной истории.

Процесс культурной самоидентификации связан как с осознанием национальных особенностей своей культуры, так и с ощущением (чувствованием) времени-пространства мировой культуры. При этом наблюдается закономерность: когда «включен» механизм культурной памяти, осуществляющий преемственность социального и духовного опыта, то появляется интерес и уважение к культуре другого — *возникает диалогическое пространство культуры* и формируется подлинно культурологическое мышление, стержнем которого является собственная творчески усвоенная традиция.

Возрастающая сложность в организации социокультурной жизни современного человека и общества ставит перед образованием ряд новых задач. Для их реализации необходимы новые подходы, рассчитанные на применение современных интеллектуальных стратегий и тактик деятельности. Они предполагают, что в рамках образовательного процесса будут воспитываться и культивироваться те качества, которые помогут человеку, приобретающему ту или иную

профессию, занять активную позицию субъекта социальных и экономических действий, решая при этом свои духовные и экзистенциальные проблемы. Основанием его действий, своего рода инвариантом деятельности выступает интегральная профессионально-творческая способность человека, которая проявляется как подготовленность к решению определенного класса социально-жизненных и профессиональных задач. Для человека гуманитарной культуры она заключается в ряде характеристик: в индивидуально-личностных (степень аналитичности и критичности мышления, его гибкость и креативность, точность восприятия информации и скорость ее обработки, стратегическое видение проблемы, способность прогнозировать); в социально-психологических (навыки и способности к общению, мотивация к труду, развитость рефлексии); в социокультурных (ценностно-мировоззренческая ориентация, этический критерий деятельности, социальная ответственность, созидательная направленность труда).

Данный набор качеств востребован современным обществом и входит в содержание понятия «профессиональная компетентность». Можно говорить об интегральной модели профессиональной компетенции в ее философском, социокультурном и психолого-педагогическом измерении, поскольку универсализация практик связана не только с новыми коммуникативными технологиями, но также и с усложнением процедур рефлексии в современном информационном пространстве с его открытыми границами и взаимодействующими культурными стилями жизни. Компетентност-

ный подход в российском гуманитарном образовании призван преодолеть разрыв между метафизическими и инструментальными ценностями, с одной стороны, превратить гуманитарное знание в *ценностную основу* общественной практики и духовно-интеллектуальной стратегии личности, с другой — сделать само знание *инструментом развития* общества, его социальной инфраструктуры и институций, вооружив технологиями социализации и межкультурной (межличностной) коммуникации человека.

Для решения этой задачи сам процесс получения знаний должен принять вид особого рода *философско-культурологической рефлексии*, акцентировав заинтересованность в диалоге с носителями знаний и личностного смысла. Также необходимо активизировать самостоятельные формы поиска научной информации с последующим ее сотворческим переосмыслением в рамках организуемых проблемных семинаров, диспутов, круглых столов, различных форм самопроверки и внешнего контроля знаний. Результатом этих образовательных стратегий станет развитие творческого потенциала личности, обладающей значительным интеллектуальным ресурсом и способностью опосредствовать свои знания и коммуникативные (информационные, языковые) умения в исследовательской, педагогической и практико-ориентированной деятельности. В этом случае ожидания общества от работы системы образования в ее фундаментальном человекотворческом и социально-практическом значении в воспроизводстве гуманитарных (духовных) смыслов культуры могут быть оправданы.

Б. Д. Парыгин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Диалог культур позволяет рассматривать данное явление с самых разных сторон, в том числе и в качестве *проблемного поля* образовательного процесса.

Применительно к этому есть основание говорить о трудностях понимания студентами специфики именно диалога, где главное — найти путь достижения взаимопонимания и согласия, в отличие от искусства полемики или технологического обеспечения эффективности «мозговой атаки» (брейншторминг). Здесь главное — доказать свое логическое и интеллектуальное превосходство над партнером-спорщиком.

Печать проблемности в диалоге несет на себе феноменология «психологических барьеров». Последние чаще всего обнаруживаются при попытке совместить аргументированность и убедительность (нередко подменяемую силой эмоциональной экспрессивности суждений) с корректностью манер и тактом в ситуации

вербализированного противостояния партнеров по обсуждаемому ими вопросу.

В связи с этим уже достаточно говорилось о возрастающей актуальности учебно-методического обеспечения психологической готовности к диалогическому общению в рамках как традиционного контакта преподавателя со студентами, так и студентов друг с другом.

Основанием для решения этой задачи была установка на формирование такой коммуникативной культуры как у студентов, так и у преподавателей, которая способствовала бы преодолению психологических барьеров в учебном общении, а тем самым и развитию навыков гражданского самосознания и позиций его участников².

Наряду с методическими составляющими учебного обеспечения психологической готовности к диалогу на уровне микросреды (учебная группа) все большую значимость приобретают *проблемы природы и тенденций* межкультурного диалога на уровне многократно опосредованного социально-статусного контакта в условиях глобализации макросреды.

¹ Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная психология: истоки и перспективы», «Анатомия общения», «Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории», «Социальная психология» и др. Награжден орденом Почета. Почетный профессор СПбГУП.

² См.: Парыгин Б. Д. Преодоление психологических барьеров в учебном общении // Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе : материалы Междунар. науч.-метод. конф., 23 октября 2009 г. СПб., 2009. С. 182–183.

Динамика смещения межкультурных диалогических процессов в область макрокоммуникаций связана с глобализацией, умножением негативных последствий экономического кризиса и могущества средств массовой информации, с тенденциями роста психической напряженности, а соответственно и остроты социальных настроений в социуме.

Глобальные факторы конфликтогенности межкультурного диалога, способные разрушить самые благие намерения их участников (как это обернулось в Западной Европе «крахом мультикультурализма») требуют глубокого осмысления и аргументированной методологической экспертизы научного сообщества.

Уже сейчас это делает необходимой прописку *межкультурного диалога* как одного из актуальнейших явлений *глобальной макросреды*, в *современном проблемном поле учебного процесса*.

В итоге за трудностями реализации коммуникативного потенциала межкультурного диалога стоит социально-психологическая неготовность его участников к адекватному восприятию как его природы, так вместе с тем и тех барьеров, которые блокируют его позитивные возможности. Между тем как первое, так и второе — естественные следствия самого человека в переплете гуманистических и цивилизационных, гуманитарных и техногенных составляющих.

Конечно, был по-своему абсолютно прав Александр Блок, говоривший в 1920-е годы о крушении «гуманизма», признаком которого для него была «свободная личность» и духовно богатая индивидуальность пред-

ставителя «образованного общества средней Европы» с середины XIV до середины XVIII века. Что вслед за потрясенной революционными взрывами Европой и вывело на арену истории нового героя-лидера, готового к жесткой конфронтации с представителями элитарной культуры ушедших времен. Не отсюда ли отчасти тянутся и нити краха несостоявшейся надежды на толерантность, вкуче с осложняющей ее позитивную возможность феноменологией этноконфессиональных различий.

Вместе с реальностью массовой психологии и питающей ее поп-культурой, имеющих такие же гражданские права, как и элитарная культура, вплетается в них и цивилизационная составляющая, ориентированная на свои критерии и ценности. Что и позволило Н. А. Бердяеву еще острее, чем это сделал А. Блок, оценить драматичный по своему характеру разрыв этих культур.

Свой диагноз социокультурной ситуации не как «кризиса гуманизма», а как «кризиса» самого «человека», движимого не ценностями человека, а ценностями «могущества, техники, расы, национальности, государства...», когда «Воля к правде побеждается волей к могуществу», Н. А. Бердяев саму возможность достижения подлинно социокультурного диалога поставил на край, если не за край ее смысловой ценности.

Вместе с тем нельзя абсолютно исключать целесообразность стремления к достижению даже относительного, если не полного взаимопонимания между людьми, или по крайней мере компромисса ради их выживания на общей для них планете Земля.

В. С. Собкин¹

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ МОСКВЫ И РИГИ: К ВОПРОСУ О КРОССКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Статья основана на материалах социологического исследования, проведенного Институтом социологии образования Российской академии образования со-

¹ Директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник общего образования РФ. Автор более 450 научных трудов, в т. ч. ряда монографий, опубликованных в России и за рубежом: «Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе», «Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва–Амстердам», «Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте», «Типы региональных образовательных ситуаций в Российской Федерации», «Подросток: виртуальность и социальная реальность», «Проблемы толерантности в подростковой субкультуре», «Подросток: нормы, риски, девиации», «Социология дошкольного воспитания», «Старшеклассник в мире политики», «Учительство как социально-профессиональная группа: динамика социокультурных трансформаций», «Отношение учителей к Единому государственному экзамену» и др. Председатель Секции по этнопсихологии Российского психологического общества, редактор серии научных сборников «Труды по социологии образования». Награжден медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2008), медалью К. Д. Ушинского (1998), медалью им. Г. И. Челпанова «За вклад в развитие психологической науки» (2007), Золотой медалью РАО «За достижения в науке» (2008). Коллектив научных сотрудников под руководством В. С. Собкина награжден премией Президента РФ в области образования за 2001 год.

вместно с Рижской академией педагогики и управления образованием (RPIVA) в 2010/11 учебном году. Данное исследование является пилотным в задуманном нами большом проекте «Подросток на пространстве бывшего СССР: 20 лет спустя». В исследовании приняли участие 2932 респондента, из которых: 993 учащихся 9-х и 11-х классов московских школ, 975 учащихся 9-х и 12-х классов рижских общеобразовательных школ и 964 учащихся 9-х и 12-х классов школ национальных меньшинств (русскоязычных школ) Риги.

Основной целью статьи является определение специфики ценностных ориентаций в сфере художественной культуры и СМИ у старшеклассников трех интересующих нас подвыборок: москвичей, учащихся общеобразовательных школ Риги (условно в статье эта подвыборка названа «латыши», поскольку преподавание ведется на латышском языке) и учащихся школ национальных меньшинств Риги (условно в статье эта подвыборка названа «русские», так как преподавание в этих школах ведется на русском языке). В ходе анкетирования учащимся московских и рижских школ предлагалось ответить на ряд открытых вопросов, вписав в бланк ответов три своих любимых телеканала, три периодических издания, три литературных произ-

ведения, три кинофильма, три произведения изобразительного искусства и три театральные постановки. При этом они могли выбрать отрицательный вариант ответа («не читаю газет и журналов», «не смотрю телевизор») или просто не ответить на предложенные вопросы.

В анкете подчеркивалось, что респондентов просят указать именно *любимые* художественные произведения в разных видах искусства, а не наиболее известные и знакомые им.

Анализ данных проводился путем составления частотных рейтингов популярности тех или иных телеканалов, газет и журналов, книг и так далее — от самых распространенных вариантов до единичных выборов. Помимо этого, проводился контент-анализ частотных списков по ряду ключевых пунктов: отнесение произведений к соответствующим жанрам, определение их принадлежности к русской, латышской или зарубежной культуре, языковые различия, отнесение произведений к различным временным периодам и т. д.

Телевизионные предпочтения. Просмотр телепередач занимает важное место в досуговых предпочтениях школьников. Так, 22,4 % московских старшеклассников, 16,5 % учащихся рижских общеобразовательных школ и 16,0 % учащихся школ национальных меньшинств Риги среди различных видов занятий в свободное время отдают предпочтение телевидению. При этом во всех трех подвыборках телевидение занимает достаточно высокие позиции в рейтинге источников получения наиболее важной и полезной информации. На это указывают 35,9 % старшеклассников Москвы, 40,7 % русскоязычных школьников Риги и 46,7 % латышских старшеклассников.

В рейтинге предпочтений московских школьников существует явный лидер — телеканал «ТНТ». Значительно уступают ему «СТС» и «Первый канал». Менее трети респондентов указали на телеканал «MTV» и менее одной пятой — на «2×2». Телеканалы «Россия 2» и «Discovery» замыкают группу каналов, набравших более 10 % от числа ответивших на данный вопрос. У старшеклассников из школ национальных меньшинств Риги («русских») наиболее популярны «Первый Балтийский канал» и с небольшим отставанием — канал «3+». Также велика доля «Discovery». Каналы «МузТВ» и «MTV» с большим отставанием замыкают группу наиболее популярных телеканалов среди русскоязычных школьников. У «латышей» же яв-

ным лидером является телеканал «TV3», за ним с большим отставанием следуют в порядке убывания «LNT», «TV6», «MTV», «LMK» и «Discovery».

Более детальный анализ показывает, что московские школьники имеют меньший разброс в ответах о своих телевизионных предпочтениях. Как правило, они ориентируются на центральные и общедоступные дециметровые каналы. Круг телепредпочтений рижских школьников намного шире. Так, если среди наиболее популярных ответов москвичи указали лишь 25 телеканалов, то русскоязычные школьники Риги — 40, а учащиеся общеобразовательных рижских школ — 43. Это может объясняться, с одной стороны, большей распространенностью спутникового телевидения и возможностью непосредственного приема западных телеканалов, а с другой — тем, что в Латвии информационное поле фактически удваивается за счет существования одновременно как русскоязычных, так и латышских телеканалов, во многом дублирующих друг друга.

Характерно, что во всех трех группах респондентов наиболее популярными являются развлекательные, в том числе спортивные и музыкальные, а также научно-популярные телеканалы, тогда как общественно-политические и новостные уходят на второй план. Эта тенденция наиболее заметна среди московских и латышских школьников. По сравнению с ними старшеклассники рижских школ национальных меньшинств более ориентированы на общественные и информационные телеканалы. Этот факт может свидетельствовать о большей значимости общественно-политической проблематики для старшеклассников школ национальных меньшинств Латвии.

Особый интерес представляет сравнение различий в отношении учащихся к российским, латвийским и международным телеканалам. Москвичи в большей степени предпочитают российские (80,5 % от числа ответов), нежели зарубежные (западные) (19,5 %) каналы. Русскоязычные школьники Риги также предпочитают российские телеканалы (41,1 %). Вместе с тем они достаточно активно смотрят передачи зарубежных (32,7 %) и латвийских (26,2 %) телеканалов. «Латыши» же в основном смотрят латвийские телеканалы (67,7 %), в меньшей степени западные (26,5 %), и лишь незначительная часть отмечает российские (5,8 %). Сравнительные данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Обобщенные данные о популярности российских, латвийских и зарубежных телеканалов среди старшеклассников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российские телеканалы	80,5	41,1	5,8
Зарубежные телеканалы	19,5	32,7	26,5
Латвийские телеканалы	—	26,2	67,7

В целом полученные данные позволяют сделать вывод о весьма существенных различиях в телевизионных предпочтениях сравниваемых нами трех групп старшеклассников. Это в свою очередь дает основание говорить и о различиях того информационного контекста,

в котором происходит социализация подростка. Сравнение ответов учащихся общеобразовательных школ и учащихся школ национальных меньшинств Риги показывает, какое принципиальное значение имеет язык: первые ориентированы на латышские телеканалы, вто-

рые — на русскоязычные. Понятно, что разные в языковом плане телеканалы в содержательном отношении также ориентированы на разные контексты.

Предпочтения в области печатных СМИ. Печатные средства массовой информации в заметной степени определяют информационное пространство современного подростка. Как важный момент, определяющий структуру досуга, чтение газет и журналов отмечают 7,9 % московских старшеклассников, 6,9 % русскоязычных рижских школьников и 3,8 % «латышей». Среди источников получения наиболее важной и полезной информации газеты и журналы имеют достаточно высокий рейтинг: их отмечают 25,5 % москвичей, 36,5 % русскоязычных школьников Риги и 46,0 % «латышей».

Наиболее читаемыми среди московских старшеклассников оказались женские журналы (журналы для девочек): «Yes!», «Elle Girl», «Семь дней», «Oops!» и «Cosmopolitan». У учащихся школ национальных меньшинств Риги на первый план выходят газеты с широкой жанровой направленностью, в которых присутствуют в основном новостные, а также общественно-политические и развлекательные материалы: «Вести», «Московский комсомолец — Латвия», «5 минут», «Суббота» и «Час». Заметим, что здесь, так же как и при анализе телевизионных предпочтений, проявля-

ется повышенный интерес учащихся школ национальных меньшинств Риги к общественно-политической проблематике. Среди старшеклассников рижских образовательных школ явный лидер — журнал «Иллюстрированная наука». Вместе с занимающей четвертое место «Иллюстрированной всемирной историей» эти два издания практически полностью заполняют нишу научно-познавательной прессы, так как не имеют серьезных конкурентов на латышском языке. Также в группу лидеров здесь входят женские журналы «Joy», «Cosmopolitan» и газета «День».

Анализ показывает, что среди старшеклассников журналы более популярны, чем газеты. Так, у москвичей на выбор газет приходится около 15 % ответов, у русскоязычных школьников Риги — около 40 %, у «латышей» — около 20 %. Современные школьники в большей степени предпочитают формат глянцевого журнала с большим количеством иллюстраций, чем газеты, где превалирует текстовое наполнение. Добавим, что откровенно «желтая» низкокачественная пресса практически отсутствует в списке наиболее популярных изданий, что говорит о наличии определенных культурных фильтров во всех трех типах подростковых субкультур.

Существуют заметные различия между учащимися Москвы и Риги в предпочтениях российских, латвийских и зарубежных печатных СМИ (см. табл. 2).

Таблица 2

Обобщенные данные о популярности российских, латвийских и международных печатных СМИ среди старшеклассников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российские газеты и журналы	74,7	37,4	18,2
Зарубежные газеты и журналы	25,3	16,7	20,3
Латвийские газеты и журналы	—	45,9	61,5

Характерно, что позиции русскоязычных латвийских изданий более сильные, чем позиции русскоязычного латвийского телевидения. Очевидно, прессе на русском языке существовать и развиваться в Латвии легче, чем русскоязычным телеканалам. Конечно, это может объясняться различными политическими причинами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что учащиеся рижских школ национальных меньшинств в гораздо большей степени ориентированы на чтение российской прессы, чем на просмотр российских телеканалов (45,9 и 26,2 % ответов соответственно). В целом же полученные результаты показывают, что национальные различия в отношении к печатным СМИ среди старшеклассников выражены весьма отчетливо.

Литературные предпочтения. Следует отметить, что «чтение художественных произведений» занимает достаточно высокие позиции в структуре досуга современного подростка. Среди москвичей на это указывают 24,5 %, среди старшеклассников рижских школ национальных меньшинств — 17,7 %, среди учащихся общеобразовательных школ Риги — 16,7 %. Роль книг в качестве источника интересной и полезной информации также велика: среди москвичей это отмечают 70,2 %, среди учащихся школ национальных меньшинств —

49,6 %, среди старшеклассников рижских общеобразовательных школ — 41,2 %.

Особый интерес представляет содержательный анализ предпочтений школьников в области художественной литературы. С этой целью респондентам был предложен открытый вопрос, в котором их просили назвать три любимых литературных произведения. В результате было собрано большое количество ответов, что позволило составить сводный список популярных литературных произведений и авторов в трех группах старшеклассников.

Москвичи в целом показали свое широкое знакомство с русской литературой — от «Слова о полку Игореве» до произведений последних лет. Старшеклассники школ национальных меньшинств также упоминают наиболее значимые произведения классической русской литературы, однако произведения современных российских авторов отмечаются ими крайне редко. Учащиеся рижских общеобразовательных школ проявляют гораздо меньший интерес к русской литературе. Вместе с тем они фиксируют широкий круг произведений, относящихся к родной латышской литературе, упоминая произведения Эвалдса Вилкса, Гунтиса Берелиса, Зента Мауриня и др. Характерно, что в их отве-

тах отсутствует явное лидерство какого-то одного конкретного писателя.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство литературных произведений, отмечаемых в качестве любимых, входит в школьную программу. Например, среди указанных москвичами любимых произведений российских авторов 87,6 % входят в школьную программу по литературе. Зарубежная литература

в меньшей степени изучается в школах, однако и здесь большинство указанных респондентами произведений также входит в программу по литературе. Та же тенденция характерна и для старшекласников Риги.

В табл. 3 приведено распределение ответов московских и рижских школьников относительно предпочтения ими литературных произведений российских, латвийских и зарубежных авторов.

Таблица 3

Обобщенные данные о популярности литературных произведений российских, латвийских и зарубежных авторов среди старшекласников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российские авторы	61,2	56,7	12,5
Зарубежные авторы	38,8	39,0	63,8
Латвийские авторы	—	4,3	23,7

В целом литературные предпочтения москвичей и учащихся школ национальных меньшинств Риги схожи. Однако стоит подчеркнуть, что классическая литература превалирует в графе «Российские авторы» у учащихся рижских школ национальных меньшинств, тогда как у старшекласников московских школ весьма значима доля ответов, фиксирующих интерес к современной российской литературе (более 10 % ответов). Учащиеся общеобразовательных рижских школ в основном ориентированы на произведения зарубежной литературы. Отечественные (латышские) авторы набирают лишь 23,7 % в этой группе респондентов. Это позволяет сделать вывод о явной вестернизации культуры латышских подростков на уровне формирования их литературных интересов. При этом следует подчеркнуть, что русская литература в их читательских предпочтениях занимает незначительное место. Это в свою очередь говорит о том, что новое поколение латышей явно выходит из сферы влияния русской культуры.

Кинопредпочтения. Просмотр кинофильмов занимает важное место в структуре досуга старшекласников трех изучаемых групп. Ходить в кино в свободное от учебы время предпочитают 46,0 % москвичей, 23,3 % учащихся общеобразовательных и 19,1 % учащихся школ национальных меньшинств Риги. Стоит добавить, что популярность этого вида досуга среди школьников явно увеличивается, если учесть ответы о просмотре видео, DVD, телевидения и проведении

времени за компьютером, поскольку это также сопряжено с возможностью просмотра кинофильмов.

Для выявления содержательных особенностей кинопредпочтений респондентам был задан специальный открытый вопрос, в котором их просили указать свои любимые кинофильмы.

Во всех трех группах респондентов лидерами являются новинки кинопроката последних лет. Большая часть из них — это голливудские кинофильмы. Так, в Москве первые пять мест занимают «Гарри Поттер», «Пила», «Титаник», «Сумерки» и «Властелин колец»; среди учащихся рижских школ национальных меньшинств наиболее популярны фильмы «Аватар», «Титаник», «Сумерки», «Властелин колец» и «Ирония судьбы»; среди «латышей» — «Аватар», «Титаник», «Сумерки», «Спешите любить» и «Лимужин цвета белой ночи».

В целом во всех трех группах респондентов преобладают развлекательные кинофильмы: боевики, триллеры, комедии, романтические фильмы и в меньшей степени мюзиклы и мелодрамы. Фильмы других жанров: драмы, политические, артхаусные кинофильмы и так далее — имеют крайне низкую популярность среди подростков.

В соответствии с общей логикой анализа приведем данные о наиболее предпочитаемых московскими и рижскими старшекласниками отечественных и зарубежных кинофильмах (см. табл. 4).

Таблица 4

Обобщенные данные о популярности российских, латвийских и зарубежных кинофильмов среди старшекласников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российские и советские кинофильмы (исключая снятые в СССР на Рижской киностудии)	14,3	21,0	1,9
Зарубежные кинофильмы	83,7	77,3	88,8
Латвийские кинофильмы (включая снятые в СССР на Рижской киностудии)	—	1,7	9,3

Как видно из таблицы, старшекласники всех трех групп отдают предпочтение западным кинофильмам:

83,7 % ответов в Москве, 77,3 % в рижских школах национальных меньшинств и 88,8 % в рижских обще-

образовательных школах. В целом это может свидетельствовать о глобальной вестернизации подростковой субкультуры на пространстве бывшего СССР. Отдельно следует заметить, что подавляющее большинство кинофильмов, отнесенных к зарубежным, произведены в США в последние 20 лет. Иными словами, старшеклассники независимо от своих национальных особенностей ориентированы на культуру современного американского кино. При этом они практически не отмечают в качестве любимых европейские или другие зарубежные кинофильмы. Добавим, что классические произведения киноискусства XX века также непопулярны в подростковой среде. Это позволяет сделать вывод о явной ситуативности кинопредпочтений старшеклассников, их зависимости от политики кинопроката.

Важно также обратить внимание на ответы учащихся школ национальных меньшинств Риги. Здесь доля советской (российской) кинопродукции среди любимых фильмов заметно выше, чем у москвичей, — 21,0 против 14,3 % соответственно. При этом по данному показателю подавляющее количество ответов русскоязычных рижан относится именно к советским кинофильмам, например таким, как классические комедии «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Служебный роман», «Операция «БГ» и другие приключения Шурика» и др. Это свидетельствует о том, что учащиеся школ национальных меньшинств Латвии стремятся сохранить свою национальную идентичность, проявляя повышенный интерес именно к советским кинофильмам. Подобная ориентация на «советское прошлое» является крайне важным моментом для понимания особенностей формирующейся национальной идентичности у русскоязычных подростков, проживающих в странах бывшего СССР. Важно и то, что, по-видимому, этот «контакт с прошлым» реализуется в особом смысловом поле общения со своими родителями, которые оказались отчуждены от современных культурных процессов, происходящих в России, и ориентированы в большей степени на позитивные эмоциональные переживания, связанные с киноискусством советского периода. В то же время современное российское кино присутствует в ответах учащихся школ национальных меньшинств Риги в значительно меньшей степени, чем у московских школьников, так как в Латвии оно на данный момент менее доступно как в широком прокате, так и на телевидении. Здесь ситуация схожа с выбором литературных предпочтений, когда русскоязычные рижские подростки оказываются бо-

лее вовлеченными в классическую русскую культуру, чем в современную.

Характерно, что и учащиеся рижских общеобразовательных школ также не забывают о своем, отечественном кинематографе (почти каждый десятый ответ содержит указание на латышские кинофильмы). При этом в основном упоминается продукция Рижской киностудии еще советского периода (например, «Лимузин цвета белой ночи» и «Проделки сорванца»), что также можно объяснить влиянием родителей.

Таким образом, с одной стороны, полученные данные свидетельствуют о вестернизации подростковой субкультуры, с другой — они достаточно отчетливо выявили особую роль советского киноискусства для национального самоопределения русскоязычного подростка в Латвии.

Предпочтения в области изобразительного искусства. Варианты ответов, имеющих отношение к расширению своего кругозора в сфере изобразительного искусства, занимают места в нижней части рейтинга различных видов проведения досуга. При этом посещение музеев более популярно в Москве, чем в Риге: среди москвичей на него указали 8,2 %, среди старшеклассников школ национальных меньшинств Риги — 4,1 %, среди учащихся общеобразовательных рижских школ — 2,7 %.

Отмечая любимые произведения изобразительного искусства, учащиеся в первую очередь указывали на произведения живописи (более 80 % ответов во всех трех группах респондентов) и в меньшей степени — на скульптуры, статуи, произведения архитектуры. В целом школьники наиболее часто называют всемирно известные произведения изобразительного искусства, при этом как классические, так и современные.

Для московских школьников характерна выраженная ориентация на представителей отечественного реалистического искусства XIX века: Шишкина, Васнецова, Брюллова, Айвазовского, Репина и др. Среди учащихся школ национальных меньшинств в Риге также высока доля упоминаний российских художников. Подростки из общеобразовательных школ Риги чаще указывают на свои национальные произведения. Так, «Монумент свободы» в Риге, символ независимости Латвии, отмечает каждый пятый старшеклассник рижских общеобразовательных школ. При этом произведения русских художников ими практически не упоминаются. Обобщенные данные о популярности произведений российских, латвийских и зарубежных авторов приведены в табл. 5.

Таблица 5

Обобщенные данные о популярности российских, латвийских и зарубежных произведений изобразительного искусства среди старшеклассников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских общеобразовательных школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств
Российские авторы	37,9	5,9	41,3
Зарубежные авторы	62,1	74,2	54,0
Латвийские авторы	—	19,9	4,7

Несмотря на то что при восприятии изобразительного искусства языковые особенности не играют важ-

ной роли, старшеклассники трех анализируемых групп респондентов выражают явно разные художественные

предпочтения. Причем национально-культурные традиции здесь играют весьма значимую роль. Наиболее отчетливо это проявилось в отношении учащихся к произведениям российских авторов: в Москве их выбирают 37,9 % старшеклассников, в рижских школах национальных меньшинств — 41,3 %, а в рижских образовательных школах — лишь 5,9 %.

Театральные предпочтения. Посещение театра является достаточно редким способом проведения досуга у современных подростков. Этот вариант отмечают 8,7 % московских старшеклассников, 3,5 % учащихся рижских школ национальных меньшинств, 8,5 % старшеклассников рижских общеобразовательных школ.

Для выявления особенностей ценностных ориентаций подростков в области театрального искусства респондентам был задан открытый вопрос: их просили назвать три любимые театральные постановки.

Среди ответов московских старшеклассников и учащихся школ национальных меньшинств Риги значимую долю составляют постановки по произведениям, включенным в школьную программу по литературе. Это подтверждает тот факт, что многие школьники ходят в театры только в рамках внеурочных мероприятий, которые предполагают просмотр театральных постановок. Вместе с тем респонденты демонстрируют достаточно широкое разнообразие своих жанровых предпочтений в сфере театрального искусства. Они называют классические и современные спектакли, мюзиклы, оперы, балетные постановки. Среди московских школьников наиболее популярны «Ревизор», «Горе от

ума», «Ромео и Джульетта», «Щелкунчик» и «Красавица и чудовище»; среди учащихся рижских русскоязычных школ — «Щелкунчик», «Ромео и Джульетта», «Ревизор», «Лебединое озеро» и «Женитьба»; среди учащихся рижских общеобразовательных школ — «Дни портных в Силмачах», «Тобаго!», «Латышская любовь», «Щелкунчик» и «Игла».

Респонденты из московских школ и рижских школ национальных меньшинств в целом схожи в своих театральных предпочтениях. Они ориентированы на классические постановки российских авторов и спектакли по произведениям русских писателей, с одной стороны, и современные модные постановки и мюзиклы — с другой. Ученики рижских общеобразовательных школ, практически игнорируя произведения российских авторов, предпочитают классические и современные отечественные и зарубежные постановки. Вестернизация культурных ориентаций подростков в театральном искусстве проявляется во всех трех группах респондентов, однако в меньшей степени, чем в сфере кинопредпочтений. Около половины респондентов во всех трех группах останавливают свой выбор на отечественных спектаклях. При этом ученики школ национальных меньшинств Риги и общеобразовательных рижских школ проявляют противоположные ориентации в своих предпочтениях произведений латвийского и российского театрального искусства. Обобщенные данные о популярности произведений российских, латвийских и зарубежных авторов во всех трех подвыборках приведены в табл. 6.

Таблица 6

Обобщенные данные о популярности российских, латвийских и зарубежных произведений театрального искусства среди старшеклассников Москвы и Риги (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российские авторы	58,6	40,4	13,8
Зарубежные авторы	41,4	55	32,4
Латвийские авторы	—	5	53,8

Среди учащихся московских школ 58,6 % отдают предпочтение театральным постановкам российских авторов, тогда как на долю зарубежных авторов приходится 41,4 %. У учащихся рижских школ национальных меньшинств также велика доля ответов, указывающих на русскую культуру, — 40,4 %, при этом доля произведений зарубежных авторов составляет 55 %, а на латышских авторов приходится не более 5 %. У старшеклассников из рижских общеобразовательных школ наблюдается противоположная ситуация: театральные постановки по произведениям российских авторов отмечают лишь 13,8 %, а по произведениям латышских авторов — 53,8 %. Следует отметить, что среди «латышей» подавляющее число вариантов ответов, касающихся выбора спектаклей российских авторов, составляют балетные постановки («Щелкунчик», «Лебединое озеро» и др.). Пьесы или мюзиклы российских авторов набирают лишь около 2 % ответов.

* * *

Завершая статью, обобщим приведенные в ней результаты опроса старшеклассников Москвы и Риги.

При этом основные различия в их ценностных предпочтениях мы рассмотрим относительно трех параметров: предпочтение русской культуры; предпочтение латышской культуры; предпочтение западной культуры.

1. Предпочтения старшеклассников Москвы и Риги относительно произведений *русской культуры*. Полученные данные показывают, что нынешнее поколение учащихся латвийских общеобразовательных школ в своих ценностных предпочтениях практически не ориентировано на русскую культуру. Пожалуй, можно отметить лишь весьма небольшой, но все же значимый процент выбора российских печатных СМИ, произведений русской художественной литературы и театральных постановок российских авторов. При этом заметим, что значительную часть печатных СМИ представляют те российские периодические издания, которые, как правило, специально переводятся на латышский язык; выбор литературных произведений во многом обусловлен их включением в школьную программу по литературе; среди театральных постановок основную массу составляют классические музыкальные произведения, основанные на музыке российских композиторов.

ров. В целом же вывод очевиден: из круга ценностных предпочтений учащихся общеобразовательных школ Латвии русская культура на сегодняшний день оказалась практически вытеснена.

По сравнению с ними учащиеся рижских школ национальных меньшинств в своих ценностных предпочтениях чаще ориентируются на выбор российских телеканалов, чтение российской прессы и произведений русской художественной литературы, просмотр российских фильмов, спектаклей, произведений изобразительного искусства. Более того, в таких сферах, как кино и изобразительное искусство, ориентация на произведения российских авторов даже более выражена, чем среди москвичей. Подобные факты мы объясняем особым влиянием семейного окружения. Аргументацией для этого является большой процент произведений киноискусства советского периода. Иными словами, позитивные эмоциональные переживания от просмотра этих кинофильмов старшее поколение стремится передать своим детям. Помимо семьи, важным каналом приобщения к русской культуре является и школьное образование, поскольку подавляющая часть выбранных учащимися школ национальных меньшинств литературных произведений включена в школьную программу по литературе. Выбор же современных российских писателей «русскими» подростками Риги составляет редкое исключение. Таким образом, на материале отношения к русской культуре мы фиксируем явную поляризацию ценностных ориентаций учащихся латышских общеобразовательных школ и школ национальных меньшинств.

2. Поскольку среди предпочтений московских старшеклассников латышские СМИ и произведения искусства практически не представлены, то для оценки отношения к *латвийской культуре* имеет смысл сравнить

лишь результаты ответов учащихся общеобразовательных школ и школ национальных меньшинств Риги.

Полученные данные весьма красноречивы. По сути дела, учащиеся школ национальных меньшинств Риги практически не включают в круг своих художественных предпочтений произведения латвийского искусства. В какой-то степени можно говорить лишь об относительно небольшой части «русских» школьников, просматривающих латвийские телеканалы и читающих латвийскую прессу. Однако при этом важно подчеркнуть, что, как правило, это те латвийские СМИ, которые выходят на русском языке. В целом же собственно латышская культура не является зоной контакта учащихся двух разных типов школ.

3. Предпочтения старшеклассников Москвы и Риги относительно произведений *зарубежной культуры*. Приведенные в статье данные показывают, что каналы зарубежного телевидения, зарубежные печатные издания, зарубежная художественная литература, кино, изобразительное искусство и театральные постановки занимают весьма значимое место в ценностных ориентациях подростков Москвы и Риги. Явно выраженные различия между тремя группами респондентов в выборе западных СМИ и произведений искусства практически отсутствуют, что позволяет сделать вывод об общей тенденции вестернизации подростковой субкультуры на пространстве бывшего СССР. Сегодня именно произведения западного искусства оказываются той содержательной зоной, где возможен контакт между разными национальными группами подростков.

Суммарно особенности ориентации учащихся московских и рижских школ на русскую, латышскую и зарубежную художественную культуру приведены в табл. 7.

Таблица 7

Обобщенные данные об ориентации школьников Москвы и Риги на произведения российской, латвийской и зарубежной культуры (%)

	Учащиеся московских школ	Учащиеся рижских школ национальных меньшинств	Учащиеся рижских общеобразовательных школ
Российское культурное поле	55,4	39,6	9,7
Зарубежное культурное поле	44,6	45,8	51,0
Латвийское культурное поле	—	14,6	39,3

Приведенные в таблице данные фиксируют отчетливо выраженную тенденцию вестернизации современной подростковой субкультуры, которая проявляется как среди москвичей, так и среди рижан. В то же время обращает на себя внимание низкая значимость для учащихся школ национальных меньшинств Риги латвийской культуры, а для учащихся рижских общеобразовательных школ — российской. Подобная си-

туация может привести к серьезным национально-культурным конфликтам в будущем. Чтобы их избежать, надо усилить приобщение, с одной стороны, учащихся школ национальных меньшинств к латвийской культуре, а с другой — учащихся общеобразовательных школ Риги к российской. Понятно, что подобная стратегия требует ответственных и взвешенных политических решений.

Н. П. Терентьева¹

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ: АСПЕКТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Проблема диалога культур (при всей глобальности) обращена и к личностным измерениям бытия. На пороге XXI века Ю. М. Лотман написал с тревогой: «Мир, в котором мы живем, все более хочет получить важнейшие ценности по самой дешевой цене. <...> Мы хотим получить истину как можно быстрее, как готовые ботинки, сшитые на “никого”»². Это касается и образовательных, в том числе читательских, установок современных школьников. Включение учащихся в «незавершенный диалог» (М. М. Бахтин) с литературным произведением — это первостепенное условие его понимания и ценностного самоопределения читателей-школьников. Суть диалогической установки, по определению М. М. Бахтина, такова: «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрмить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства»³.

Формы учебного диалога в современной методике обучения литературе разнообразны: «диалог культур» (В. Г. Маранцман, В. А. Доманский, Н. М. Свирина, Г. Л. Ачкасова, С. П. Лавлинский и др.), эмпагический диалог (О. А. Иншакова, Л. А. Крылова) и полилог-исследование (Л. А. Крылова), экзистенциальный диалог (И. В. Сосновская, В. В. Островская).

Чтобы у ученика появилось чувство сопричастности литературному произведению, на уроке необходимы аксиологические образовательные ситуации, реализующие диалогическую природу искусства, его ценностный, воспитательный потенциал. По мысли М. С. Кагана, аксиологическая ситуация — это ситуация актуализации потенциальных ценностей предметов и явлений для субъекта⁴.

Суть аксиологической ситуации в литературном образовании мы определяем так: это спонтанно возникающая или организуемая учителем событийная ситуация смыслопорождения в процессе освоения литературы, сопровождающаяся актуализацией потенциальных ценностей культуры, их оценкой, сознательным выбором учащимися лично значимых ценностей.

Своеобразие аксиологических образовательных ситуаций при изучении литературы в школе состоит в том, что они являются непременным атрибутом самого литературного произведения, ведь литература по

природе своей — это непосредственный «язык ценностей» (М. С. Каган). Литературные аксиологические ситуации, коллизии проживаются, переживаются читателями, вызывая эмоциональный отклик, и становятся источником рождения у них личностных смыслов.

Образовательные ситуации предполагают самостоятельное решение проблем, задач учащимися. Доминантой аксиологических ситуаций является решение задач «на смысл» (А. Н. Леонтьев), «на жизнь» (Д. А. Леонтьев), «на ценность» (В. Е. Клочко).

Задачи «на ценность» образуют психологический и смысловой «каркас» аксиологической ситуации. Мы выделили три вида взаимосвязанных задач на «ценность» при анализе и интерпретации художественного произведения в процессе аксиологической ситуации:

— установочные (перспективные) задачи призваны актуализировать аксиологическую проблему в сознании учащихся, соединяя вечное в искусстве и современный жизненный контекст;

— аналитические, интерпретационные задачи «на смысл», «на ценность» заданы и предъявлены содержанием, коллизиями художественного произведения. Они лежат в плоскости возрастных, поколенческих, социальных интересов современных школьников и предполагают анализ и интерпретацию текста;

— рефлексивные задачи побуждают сопрячь решение интерпретационной задачи «на ценность» с жизненным опытом и позицией ученика. При этом возможно «разворачивание» ситуации «на себя».

Предложенное А. В. Хуторским обоснование цикла и технологии образовательной ситуации с выделением в ней последовательных, взаимосвязанных этапов⁵ может быть перенесено на аксиологическую ситуацию в литературном образовании.

Рассмотрим технологию создания и развития аксиологической ситуации, включающей задачи «на ценность», на примере урока по романтической балладе В. А. Жуковского «Теон и Эсхин», коллизия которой строится на вечном и вместе с тем крайне современном поиске героями «земного блаженства» — выборе между соблазнами потребления и тем, что нетленно.

1. Введение в тему. Актуализация аксиологической ситуации.

Название стихотворения ассоциируется с Античностью, в него вынесены имена героев. Важно понять, почему В. А. Жуковский обращается к античным образам. Может ли диалог поэта-романтика с Античностью быть важен и для нас? (*Установочная аксиологическая задача.*)

2. Уточнение образовательного объекта.

Поэт приглашает читателей к разгадыванию тайны «земного блаженства». Блаженство — добро, высшая степень счастья, высшая степень удовольствия, наслаждение, гармония, удовлетворенность. В словаре

¹ Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, награждена знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». Автор около 150 научных публикаций, в т. ч.: «Россия—Франция: диалог культур в исследованиях учащихся», «Внеклассная работа по литературе. Жизнь и творчество А. С. Пушкина», «Платонов в школе» и др.

² Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2005. С. 298.

³ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/indexa.html>

⁴ Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

⁵ Хуторской А. В. Современная дидактика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М., 2007.

В. И. Даля блаженство соотносится со счастьем, благополучием, благоденствием, высшей степенью духовного наслаждения.

— Что же является блаженством, высшим счастьем для героев стихотворения Жуковского?

(Чтение стихотворения учителем.)

3. Конкретизация задания.

(Аналитическая, интерпретационная задача «на смысл», «на ценность».)

— Кому из героев удалось открыть тайну земного блаженства? В чем оно состоит?

4. Решение ситуации.

(Самостоятельная работа с текстом стихотворения.)

— Выделите в тексте стихотворения бинарные оппозиции — ключевые понятия, цитаты, раскрывающие жизненные позиции Теона и Эсхина. Заполните таблицу.

5. Предъявление решения ситуации.

Приглашение учащихся к диалогу с целью сопоставления своего решения *интерпретационной аксиологической задачи* с интерпретациями участников диалога.

— Как видим, баллада строится на антитезе. Кто из героев постиг тайну «земного блаженства»? В чем оно состоит? Каковы пути, ведущие к «земному блаженству»?

— Есть ли душа у Теона? У Эсхина?

6. Систематизация решения ситуации.

— Почему разочарован Теон и счастлив Эсхин?

Мотив поисков смысла жизни, связанный в балладе с пониманием счастья, «блаженства», задан уже в первой строфе стихотворения. Эсхин в поисках счастья странствовал по свету, познал притягательность всех земных соблазнов («И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот»), но «счастье, как тень, убегало». Это минутные блага, опустошившие душу героя, но не открывшие ему того, что по-настоящему ценно и наделено жизненным смыслом. Итог — разочарование во всем, равнодушие к жизни, охлаждение чувств, скепсис, презрение к жизни. Романтизм выразил разочарование и одновременно порыв к идеалу. Теон открывает счастье дома, «при бреге Алфея». Тайна «земного блаженства» яв-

лена ему как результат «странствий души», внутренних исканий. Для него очевидны «великость творенья» и «нетленные блага». Он верит, что «боги для счастья послали нам жизнь». В стихотворении выражено высокое представление о предназначении человека и его жизненных ценностях.

Жуковскому свойственно религиозно-гуманистическое понимание человека. Он передает все сомнения и ощущения души человека и впервые в русской литературе ставит вопрос о приоритете духовного над материальным. «Стремить» человеческую душу «ко всему возвышенному и необыкновенному» — такое представление о цели поэзии определило ценностные доминанты художественного мира В. А. Жуковского, в основе которого первоосновы бытия — дух и душа.

Работа по заполнению таблицы в процессе самостоятельного анализа стихотворения на данном этапе может быть дополнена составлением кластеров «Формула счастья (по Теону, Эсхину)».

7. Работа с культурно-историческим контекстом.

— Какие литературные герои из ранее изученных произведений вспоминаются вам при чтении баллады Жуковского?

8. Рефлексия.

— Современен ли диалог поэта-романтика с Античностью?

— Какие афористические строки стихотворения вы хотели бы выписать в свой читательский дневник?

Этап личностной рефлексии обуславливает и тему сочинения-эссе «Жизненный выбор: Теон или Эсхин?» Эта тема ставит ученика в ситуацию ценностного выбора.

Смыслоразнозначные аксиологические ситуации могут быть системно, диалогически выстроены на уроках литературы. Ипостаси свободы, лики любви, красоты, коллизии жизненного выбора героев станут импульсом к созданию аксиологических ситуаций при изучении литературы, как и ситуации покаяния, раскаяния, прощения. Участие в аксиологических ситуациях помогает ученикам душевным и духовным трудом обрести собственную истину.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 18
Авксентьев В. А. 370
Акаев А. А. 21
Аксюмов Б. В. 372
Александрова В. Г. 466
Андреева И. Г. 476
Аргановский С. Н. 450
Арутюнян Ю. В. 28
Асадуллин Ф. А. 30
Асоян А. А. 451
Астафьева О. Н. 253
Ашкинази С. М. 478
Багдасарьян Н. Г. 255
Бальсевич В. К. 479
Барышников М. Н. 398
Башмаков Д. В. 401
Бернацкий Г. Г. 402
Бирженок Г. М. 373
Бобров М. М. 32
Богомолов О. Т. 34, 398
Большаков В. П. 282
Бондарев А. В. 340
Бонненберг Х. 39
Борев Ю. Б. 284
Борисенко О. А. 257
Борисов О. С. 287
Брызгалина Е. В. 481
Бусыгин А. Е. 44
Бюль-Бюль оглы П. 370
Вализаде Д. Р. 375
Васильев В. И. 46
Васильев В. Н. 476
Васильев Ю. С. 50
Васильева Л. А. 376
Васильченко В. А. 288
Вашенко А. В. 452
Ветчинова М. Н. 483
Витрук Н. В. 404
Власов Ф. Б. 408
Волков В. С. 377
Вшивцева Л. Н. 289
Вятр Е. Й. 53
Гаджиев Г. А. 55, 398
Гатиллов Г. М. 18, 58, 253
Герра Р. 61
Герцман Е. В. 485
Гидини М. 455
Гилинский Я. И. 410
Гиллеспи Д. 65
Глаголев В. С. 291
Глазьев С. Ю. 68, 370
Глухов В. В. 50
Голик Н. В. 380
Горбатенко В. П. 233
Горшкова В. В. 292
Гранин Д. А. 18
Гранин Ю. Д. 487
Графский В. Г. 381
Григонис Э. П. 412
Громыко А. А. 72
Гусев П. Н. 466
Гусейнов А. А. 74, 282
Данельян А. А. 437
Джагарян А. А. 414
Джоши М. М. 76
Дмитриев А. В. 79
Доманский В. А. 457
Дорская А. А. 415
Дунаев В. Ю. 294
Дуткевич П. 81, 253
Еременко В. И. 296
Ефимова Т. В. 275
Жукова О. А. 488
Запесоцкий А. С. 87, 417
Захаров Н. Л. 383
Зинченко Ю. П. 92
Зубец О. П. 297
Иванова Е. В. 458
Игнатенко В. Н. 466
Иконникова С. Н. 298
Ильина С. В. 301
Ильинский П. О. 94
Исаев К. И. 258
Исаева С. А. 420
Кайсаров Е. А. 302
Калашников А. В. 460
Каримов Р. Р. 384
Касавин И. Т. 98
Касавина Н. А. 304
Касумова Г. К. 305
Катышева Д. Н. 307
Кафанова О. Б. 461
Каширин В. И. 309
Каширина О. В. 468
Кефели И. Ф. 261
Кипнис Н. М. 421
Клеандров М. И. 101
Клейнер Г. Б. 106
Козьякова М. И. 385
Кокомбаев К. С. 258
Колесников В. А. 310
Коломиец Г. Г. 312
Конев В. А. 313
Костина А. В. 263
Круглова Л. К. 315
Куделин А. Б. 109
Кузнецова Т. В. 317
Курганская В. Д. 319
Лавров С. В. 118
Лекторский В. А. 121
Ли Ц. Ц. 253
Липский В. Н. 321
Лиханов А. А. 124
Лыткина Л. В. 469
Майкл, принц Кентский,
Его Королевское Высочес-
тво 126
Макаров В. Л. 129
Мальгина И. В. 322
Мамедов Ф. Т. 324
Мамонтов В. К. 466
Манапова В. Э. 387
Марин А. 264
Марк Х. А. 131
Марков А. П. 133
Мартышин О. В. 423
Маршак А. Л. 326
Магросов В. Л. 136, 476
Межуев В. М. 330
Меньшиков Л. А. 336
Миронов В. В. 139
Митрофанова Э. В. 253
Михайлов Н. Н. 471
Моисеев А. А. 267
Монтес М. Ф. 147
Мосейко А. Н. 337
Мосолова Л. М. 340
Муромцев Г. И. 426
Мьшьякова Н. М. 343
Наумкин В. В. 156
Некипелов А. Д. 18
Немыгина М. В. 428
Неретина С. С. 344
Нечипоренко О. В. 348
Никандров Н. Д. 476
Нысанбаев А. Н. 161
Палагута И. В. 350
Парыгин Б. Д. 490
Перес Браво А. 165
Петренко В. Ф. 167
Пиотровский М. Б. 18
Попов В. В. 272
Попов Д. Г. 389
Попов М. Е. 391
Праздников Г. А. 351
Проданов В. 170
Рар А. 177
Расторгуев В. Н. 229
Резник Г. М. 180
Ржаницына Л. С. 392
Римашевская Н. М. 183
Рогожа М. М. 354
Ромашов Р. А. 430
Садовая Е. С. 395
Садыкова Э. Л. 432
Сафонов А. Л. 188, 370
Сиднева Т. Б. 355
Силантьева М. В. 356
Син Г. 194
Скалон Н. Р. 463
Смирнов А. В. 196
Собкин В. С. 491
Согрин В. В. 472
Соловьева Л. Н. 474
Степин В. С. 201, 282
Стремоухов А. В. 434
Терентьева Н. П. 498
Тер-Минасова С. Г. 203,
450
Титов Б. А. 275
Тишков В. А. 207, 282
Толочко П. П. 213
Тошкова С. 276
Тощенко Ж. Т. 216
Третьяков В. Т. 466
Унгер Ф. 222
Фалалеев А. Г. 478
Фархутдинов И. З. 437
Фатиев Н. И. 224
Фейгин Г. Ф. 439
Флиер А. Я. 358
Фомина М. Н. 362
Хабриева Т. Я. 225
Харитонova Е. В. 442
Хренов Н. А. 363
Чанг С. 228
Чеберко Е. Ф. 444
Черешнев В. А. 229
Честнов И. Л. 446
Чубарьян А. О. 476
Чумаков А. Н. 366
Чуров В. Е. 231, 398
Шадже А. Ю. 368
Шапинская Е. Н. 280
Шемшученко Ю. С. 233,
398
Шмаков М. В. 370
Шмелев Н. П. 237, 398
Шнайдер Э. 241
Шойер М. 243
Шор Ю. М. 245
Шубников Ю. Б. 447
Эндерляйн Э. 246
Яковенко А. В. 248

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

XII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

17–18 мая 2012 года

Том 1. ДОКЛАДЫ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *В. Б. Клоков*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технические редакторы: *Л. В. Климкович, А. Ю. Ванеева*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, О. Л. Говорина, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0672-6

Подписано в печать с оригинала-макета 19.04.12. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 63. Тираж 500 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ЗАПЕСОЦКИЙ А. С.
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ:
Избранные научные труды

В книге опубликованы избранные труды известного российского ученого и организатора науки А. С. Запесоцкого, отражающие широкий спектр интересов автора в области философии и социологии культуры. Издание приурочено к 25-летию его научно-педагогической деятельности в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Работы Александра Запесоцкого объединяет понимание культуры как духовного базиса общенационального бытия, условия нравственной дисциплины и ответственности человека, основы развития всего спектра социальных институтов.

В первом разделе дана характеристика проблем становления современной культурологии. Второй раздел составили работы, в которых раскрывается специфика культурологии в сравнении с предметным полем других наук гуманитарного цикла. В третьей части книги рассматриваются культурно-антропологические основы образовательной деятельности; образование предстает как одна из важнейших подсистем бытия культуры. В четвертом разделе показан характер воздействия СМИ на российскую культуру, дана характеристика роли интеллигенции в духовной жизни страны, исследуются факторы модификации современной молодежной субкультуры и др. Самостоятельный раздел составляют ранние работы автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР: сборник.
Дипломатическая программа Международных Лихачевских
научных чтений. Вып. 2

Во втором выпуске сборника опубликованы лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в 2009–2011 годах в рамках Дипломатической программы Международных Лихачевских научных чтений крупнейшими дипломатами из разных стран. Среди авторов сборника — министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, министр культуры РФ А. А. Авдеев, председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО Э. В. Митрофанова, губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, первый заместитель министра иностранных дел РФ А. И. Денисов, академик РАН, министр иностранных дел РФ (1996–1998) Е. М. Примаков, специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкой, 14 послов иностранных государств, аккредитованных в Российской Федерации.

Лихачевские чтения, проводимые по указу Президента РФ в течение ряда лет в СПбГУП, стали важным гуманитарным форумом мирового уровня. «Сегодня как никогда актуальной становится задача поддержания оптимального баланса между самобытностью культур и цивилизаций и их открытостью к диалогу и взаимообогащению», — отмечает министр иностранных дел РФ С. В. Лавров. Опубликованные в данном издании лекции дипломатов охватывают широкий круг вопросов в сфере политики, культуры, истории разных континентов и регионов — Европы, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки.

**СТЕПИН В. С.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА**

В книге представлена новаторская концепция культуры выдающегося отечественного ученого, академика Российской академии наук В. С. Степина. Культура рассматривается как сложноорганизованная развивающаяся система надбиологических программ человеческой деятельности.

Особое внимание уделено научному поиску ответов на вопросы, являющиеся сегодня значимыми для российского общества: как нам обрести свое новое лицо в конкуренции с Западом; могут ли у нас быть созданы цивилизованный рынок и правовое государство; какова будет судьба уникального российского феномена — интеллигенции; куда идет человечество и что ждет Россию? Автор связывает поиск новых стратегий цивилизационного развития с базисными ценностями культуры.

Книга вышла в издательской серии СПбГУП, включающей сборники научных трудов наших современников — незаурядных представителей отечественного гуманитарного знания. Уровень этих трудов делает их классическими при жизни авторов и исключительно полезными в университетском образовании.

**ГУСЕЙНОВ А. А.
ФИЛОСОФИЯ — МЫСЛЬ И ПОСТУПОК:
статьи, доклады, лекции, интервью**

В книге публикуются избранные статьи и другие работы в малом жанре за последние десять лет известного отечественного философа, академика Российской академии наук А. А. Гусейнова. Это — размышления о назначении философии, об этике, о нравах и нравственности, соотношении морали и политики, о насилии и ненасилии, о жизни в профессии. А. А. Гусейнов исходит из убеждения, что философия не только учит правильно мыслить и достойно жить, самое важное для нее — соединение одного с другим: правильной мысли с достойной жизнью.

Отдельный раздел книги составили лекции и выступления А. А. Гусейнова в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, почетным доктором которого он является. Книга, вышедшая в серии «Почетные доктора Университета», адресована ученым, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

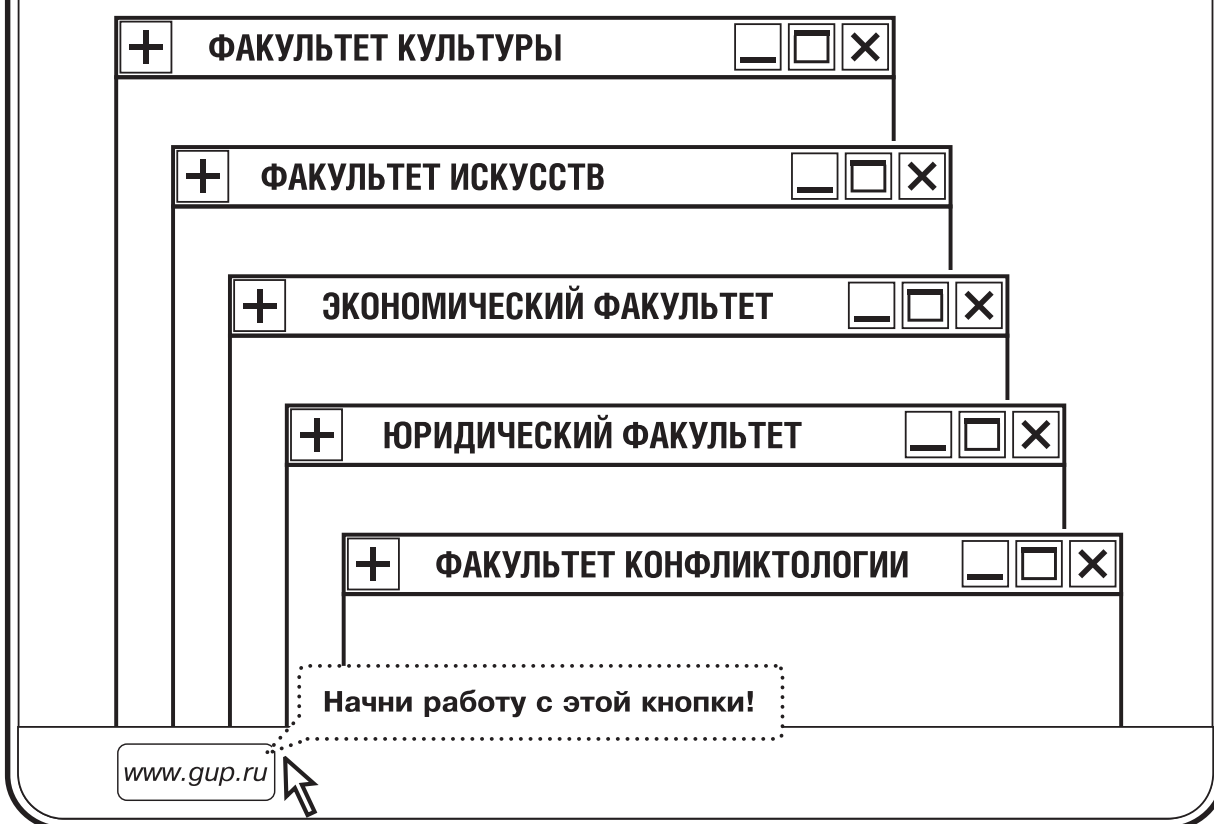
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lhachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы